

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 10

Moscow
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 10

Москва
2014

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
А.В. Энговатова (отв. редактор), В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д.и.н. Л.А. Беляев,
д.и.н. А.Н. Сорокин

Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 10. – М.: Институт археологии РАН, 2014. 576 с., цв. вкл.
ISBN 978-5-94375-161-5

Десятый выпуск сборника «Археология Подмосковья» содержит материалы, обсуждавшиеся на заседании научного семинара Института археологии РАН в феврале 2013 года. В публикуемых статьях, как и всегда, освещаются результаты изучения памятников от эпохи камня до Новейшего времени. Широкий хронологический диапазон исследований стал хорошей традицией. Особое место в юбилейном по счету выпуске занимают публикуемые в приложении методические рекомендации по статистической фиксации керамики, разработанные одним из руководителей Семинара – В.Ю. Ковалем.

Для археологов, историков, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-161-5

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2014
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2014

Содержание

От редакции	9

Памятники эпохи камня, бронзового и раннего железного веков

<i>Сидоров В. В.</i> Основания реконструкции хозяйственных систем поселений поздняковской культуры	11
<i>Ершова Е. Г.</i> Результаты спорово-пыльцевого анализа погребенных почв бронзового века в пойме Москвы-реки (ЗБС-4).....	26
<i>Кренке Н. А.</i> Абашевская находка в долине Москвы-реки	29
<i>Столяров Е. В.</i> Об одном типе треугольных привесок на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы	36
<i>Сыроватко А. С., Трошина А. А., Гольева А. А., Шишков В. А.</i> Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность?	42
<i>Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Сvirкина Н. Г.</i> Раскопки 2012 года в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник?	57
<i>Гольева А. А.</i> Почвенные исследования поселения Сосновка IV (Московская область).....	64

Результаты археологических исследований в Москве и Московской области

<i>Прошкин О. Л.</i> Древнерусские материалы селища Икша-1	75
<i>Пуцко В. Г.</i> Русская металлопластика XIII и XVI веков с селища Икша-1	84
<i>Алексеев А. В.</i> Костяные пластины-вставки с изображениями пророков из раскопок на Звенигородском Городке	89
<i>Дубровин Г. Е., Коваль В. Ю.</i> Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация).....	94
<i>Коваль В. Ю.</i> О местоположении Войницкого мыта.....	111
<i>Вишневский В. И.</i> Селище Сергиев Посад 5. (Раскопки 2010–2011 годов).....	129
<i>Фатьков А. М.</i> Средневековая керамика селища Кулаково-3	156
<i>Баранов Н. А., Супренков А. А.</i> Керамический комплекс селища Немчиново	166
<i>Авдеев А. Г.</i> Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля	177
<i>Русаков П. Е., Андрианов И. М., Коваль В. Ю.</i> Средневековое кладбище Ростиславля Рязанского	179
<i>Медведь А. Н.</i> Ростиславль и окрестности в XVII–XVIII веках.....	199
<i>Столярова Е. К., Панченко К. И.</i> Стекланный сосуд XVII века стиля <i>façon de Venice</i> из Дмитровского кремля	206
<i>Ершов И. Н., Александровский А. Л., Ершова Е. Г., Кренке Н. А., Панин А. В.</i> Пойма реки Истра у Ново-Иерусалимского монастыря: природно-археологический аспект исследования	217
<i>Глазунова О. Н.</i> Материальные свидетельства начала изразцового производства Ново-Иерусалимского монастыря.....	236
<i>Векслер А. Г., Лихтер Ю. А.</i> Об одном виде клейм на стекланных штофах XVIII века	247

Археологические исследования памятников русского Средневековья

<i>Воронцов А. М., Модин Р. Н.</i> Древнерусский горизонт городища Акиньшино	251
<i>Орфинская О. В.</i> Льняное платье X века из погребения Ц-301 могильника Гнёздово	265
<i>Миненко В. В., Яганов А. В.</i> Древнерусское городище Карачев и церковь Михаила Архангела конца XII века. Археологические исследования 2012 года	274
<i>Олейников О. М.</i> Новая находка амулета-змеевика с Распятием в Великом Новгороде.....	290
<i>Зейфер В. А., Мазурок О. И., Рассказова А. В.</i> Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском	304
<i>Кабатов С. А.</i> Разновидности дренажной (водоотводной) системы селища Вёжи.....	322
<i>Борисов А. В.</i> Диагностические слои в заполнении котлованов построек.....	339
<i>Осинов Д. О., Соболев В. Е.</i> Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске.....	345
<i>Энгватова А. В., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е.</i> Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: к вопросу о качестве жизни и питании средневекового городского населения	362

Исследования керамических материалов

<i>Кобозева Е. В.</i> Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затымацком и Загородском посадах	370
<i>Русаков П. Е.</i> Селище Жокино 1. Статистика керамики и хронология комплексов	393
<i>Курмановский В. С.</i> Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): проблемы хронологии и классификации.....	405
<i>Новосёлова Т. Н.</i> Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря.....	419
<i>Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К.</i> Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе.....	426
<i>Самойлович Н. Г., Леонтьев А. Е.</i> Ростовские поливные сосуды XVI века	452
<i>Полюлях А. А.</i> Тарелки завода Гребенщиковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское	460
<i>Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., Фёдоров В. В.</i> Роль эксперимента в реконструкции калужского масляного светильника-плошки	482
<i>Приложение</i>	
<i>Коваль В. Ю.</i> Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации).....	489
Список сокращений	572
Сведения об авторах	573

Contents

From the editor.....	9

Monuments of the Bronze Age, Iron Age and Early Middle Ages

<i>Sidorov V. V.</i> Foundation of the reconstruction of the Bronze Age economic systems	11
<i>Ershova E. G.</i> The results of pollen analysis of buried soils of the Bronze Age in the floodplain of the Moskva River (BSL-4).....	26
<i>Krenke N. A.</i> Abashevo find in Moskva-river valley.....	29
<i>Stolyarov E. V.</i> On a type of triangular pendants / pendant in the territory of forest and steppe zones of Eastern Europe	36
<i>Syrovatko A. S., Troshina A. A., Goleva A. A., Shishkov V. A.</i> Accumulations of “cremated” findings on Shchurovsky burial ground: rite detail or an accident?	42
<i>Potemkina O. Y., Syrovatko A. S., Dobrovolskaya M. V., Svirkina N. G.</i> Excavations of 2012 on Sokolova Pustyn: a new burial or a new burial ground?	57
<i>Gol’eva A. A.</i> Soil researches on settlement Sosnovka IV (Moscow region).....	64

The results of archaeological researches in Moscow and the Moscow region

<i>Proshkin O. L.</i> Old Russian materials from Iksha-1 site	75
<i>Putsko V. G.</i> Russian metal-plastic of the 13 th and the 16 th centuries from Iksha-1 site.....	84
<i>Alekseev A. V.</i> Bone plate-inserts depicting prophets from excavations at the Zvenigorod Township	89
<i>Dubrovin G. E., Koval V. Y.</i> The estate development of the territory of excavation site 1 in Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin	94
<i>Koval V. Y.</i> About the location of Voinitsky myt	111
<i>Vishnevsky V. I.</i> Settlement Sergiev Posad 5 (excavations 2010–2011)	129
<i>Fatkov A. M.</i> Medieval ceramics of Kulakovo-3 settlement	156
<i>Baranov N. A., Suprenkov A. A.</i> Ceramic complex of “Nemchinovo” settlement	166
<i>Avdeev A. G.</i> On an epic parallels to the graffito from Rostislavl	177
<i>Rusakov P. E., Andrianov I. M., Koval V. Y.</i> Medieval cemetery of Rostislavl Ryazanskiy.....	179
<i>Medved A. N.</i> Rostislavl and suburbs in the 17 th – 18 th centuries	199
<i>Stolyarova E. K., Panchenko K. I.</i> Glass vessel of the 17 th century à la façon de Venise from the Dmitrov kremlin	206
<i>Ershov I. N., Aleksandrovsky A. L., Ershova E. G., Krenke N. A., Panin A. V.</i> Istra River floodplain near New Jerusalem Monastery: natural-archeological aspect of the study.....	217
<i>Glazunova O. N.</i> Material evidence of the beginning of the tile production in New Jerusalem Monastery	236
<i>Veksler A. G., Lichter Y. A.</i> One of the marks on the glass square flask of the 18 th century	247

Archaeological researches of the Russian medieval sites and artifacts

<i>Vorontsov A. M., Modin R. N.</i> Old Russian horizon of Akinshino site	251
<i>Orfinskaya O. V.</i> Linen dress of the 10 th century from burial C-301 of burial ground Gnezdovo.....	265
<i>Minenko V. V., Yaganov A. V.</i> Ancient Russian settlement Karachev and Archangel Mikhail Church (end of the 12 th century). Archaeological research in 2012	274
<i>Oleynikov O. M.</i> Finding of a new amulet with Crucifixion in Veliky Novgorod	290
<i>Zeifer V. A., Mazourok O. I., Rasskazova A. V.</i> The medieval necropolis of The Beheading of St. John church in the town of Pereslavl' Zalesky.....	304
<i>Kabatov S. A.</i> Kinds of drainage (waterway) systems at settlement Vyozi	322
<i>Borisov A. V.</i> Chemical and microbiological properties of diagnostic layers in medieval foundation pits.....	339
<i>Osipov D. O., Sobol V. E.</i> Collection of leather shoes from the excavations in Smolensk.....	345
<i>Engovatova A. V., Mednikova M. B., Dobrovolskaya M. V., Shvedchikova T. Y., Reshetova I. K., Vasil'eva E. E.</i> Anthropological materials from St. John Chrysostom Church cemetery in Yaroslavl: about the life style and nutrition of medieval urban inhabitants	362

Archaeological ceramic studies

<i>Kobozeva Ye. V.</i> Tver potter's stamps from the excavations of 2007–2011 (on the materials from Zat'matsky Posad and Zagorodsky Posad)	370
<i>Rusakov P. E.</i> Pottery from excavations on settlement Zhokino 1 in the Ryazan region.....	393
<i>Kurmanovsky V. S.</i> Ceramics of the settlements of Glushytskiy complex (Smolensk region): problems of chronology and classification	405
<i>Novoselova T. N.</i> Ceramic kumgans of the 16 th century at the Trinity-Sergius Monastery.....	419
<i>Veksler A. G., Gusakov M. G., Patrick G. K.</i> Moscow pottery on materials of archaeological excavations on Ilyinka and Old Gostiny Dvor.....	426
<i>N. G. Samoylovich, A. E. Leontiev.</i> Rostov irrigation vessels of the 16 th century	452
<i>Polyulyah A. A.</i> Plates of Grebenshikov factory from the service of Gruzinsky princes from archaeological excavations on a place of former village Vsekhsvyatskoe	460
<i>Fedorova L. I., Tkachenko V. A., Fedorov V. V.</i> Role of the experiment in reconstruction Kaluga oil lamp - bowl	482

Annex

<i>Koval V. Y.</i> The initial statistical description of the mass ceramic materials on the sites of the Middle Ages (the 10 th – 17 th centuries) and the Early Iron Age of the Eastern Europe forest zone. Methodical recommendations.	489
List of abbreviations	572
About authors.....	573

От редакции

Десятый выпуск сборника «Археология Подмосковья» включает материалы докладов, заслушанных на одиннадцатом заседании семинара «Археология Подмосковья», проведенном в Институте археологии РАН в феврале 2013 г.

Семинар проводит свою ежегодную работу вот уже на протяжении 10 лет (первое заседание проходило в декабре 2003 г.). С самого начала публикация материалов семинара стала ежегодной. В результате за 10 лет работы в 10 сборниках были опубликованы 343 научных статьи, что превратило выпуски сборника в настоящую энциклопедию археологических сведений о Подмоскovie. И хотя тематика издания зачастую выходила далеко за географические границы Московской области, она всегда была теснейшим образом связана с теми древностями, которые обнаружены и изучаются археологами этого региона. На страницах сборника опубликованы десятки памятников археологии, исследованные за последние два десятилетия, введены в научный оборот уникальные коллекции древних предметов, систематизирован массовый археологический материал.

Сам семинар «Археология Подмосковья» стал тем важным Событием научной жизни, которое имеет особенное значение не только для Института археологии РАН, в стенах которых проводятся заседания, но и для многих научных организаций Москвы, Московской области и сопредельных регионов, которые проводят науч-

ные изыскания в Центральной зоне Восточной Европы – в Волго-Окском междуречье. На семинаре ежегодно собираются ученые из академических институтов и региональных музеев, образовательных учреждений, некоммерческих автономных археологических организаций, чем достигается координация действий археологического сообщества в рамках Московского региона и его связь с методическим центром страны – Институт археологии РАН.

В предлагаемый вниманию читателей 10-й выпуск сборника вошли статьи, посвященные результатам раскопок последних лет, проводившихся Подмосковой экспедицией отдела охранных раскопок и сектором археологии Москвы Института археологии РАН, Государственным историческим музеем, Археологическим центром Коломны, Сергиево-Посадским музеем-заповедником на территории Московской области. В сборнике вводятся в научный оборот материалы, полученные при исследованиях таких исторических городов, как Москва, Переславль-Залесский, Ростиславль Рязанский, Звенигород, Дмитров и других памятников (Ново-Иерусалимский монастырь, Щуровский могильник, селище Икша). Важным дополнением к ним являются также публикации материалов вновь открытых объектов и находок из раскопок в Ростове Великом, Карачеве, Великом Новгороде, Смоленске, позволяющие лучше понять тот историко-культурный контекст,

в котором происходило развитие Московского региона в различные эпохи.

Большинство представленных в сборнике статей посвящено изучению средневековых древностей. Однако в сферу интересов семинара входят все эпохи, археологически представленные на Русской равнине: каменный век, эпоха бронзы, ранний железный век. Наконец, не меньшее значение мы придаем археологии позднего средневековья и но-

вого времени, материальная культура которых еще только начинает изучаться.

Надеемся, что новый сборник окажется полезным не только для профессиональных археологов и музейных работников, но и для студентов, историков, краеведов, всех тех, кто неравнодушно относится к истории России и стремятся сохранить ее историко-культурное наследие.

Энговатова А. В.

Коваль В. Ю.

Кузина И. Н.

Памятники эпохи камня, бронзового и раннего железного веков

В. В. Сидоров

Основания реконструкции хозяйственных систем поселений поздняяковской культуры¹

Полностью раскопанное поселение поздняяковской культуры Дмитриевская слобода 2 у г. Муром (рис. 1, 1) послужило отправной точкой для выяснения системы хозяйства, оценки относительной значимости разных видов деятельности поздняяковской культуры. Но, кроме того, оказалось необходимым сформулировать методы этой оценки, их точность и достоверность. Круг источников, позволяющих реконструировать систему хозяйства древних обществ, фрагментарен, и сами источники нуждаются в реконструкции и критике. При самом полном исследовании мы можем располагать следующими источниками.

1. Небольшая часть *инструментального набора* при практически полном отсутствии инструментов и их частей из органических материалов.

2. Крайне фрагментарно до нас доходит *металлический инструмент*. При этом наличие или отсутствие каких-то инструментов – это случайность. Значимость факта подобной находки в хозяйственной системе оценивается неоднозначно. Все это – отражение конкретной ситуации, из которой не получают обобщения палеоэкономического характера.

3. При благоприятных обстоятельствах и специальных естественнонаучных исследованиях до нас доходят *экофакты* – остеологические материалы, обугленное зерно.

4. Значительно интегрированное факты, представленные поселениями и стоянками, участками производственной деятельности. Выбор места, характер отложения слоя, технические особенности оборудования поселения и жилища непосредственно связаны с бытом и хозяйством.

5. *Поселенческая стратегия* – выбор структуры угодий, окружающих поселение, но при этом остается гипотетичной хозяйственная связь. Она может быть подтверждена повторяемостью соответствующей группировки угодий вокруг поселений и (или) отражением освоения угодий в составе экофактов. Сами по себе пригодные для хозяйственного освоения угодья – это только возможность, но не доказательство включения их в экосистему человека. К тому же характер угодий во времена функционирования поселения требует палеогеографической реконструкции.

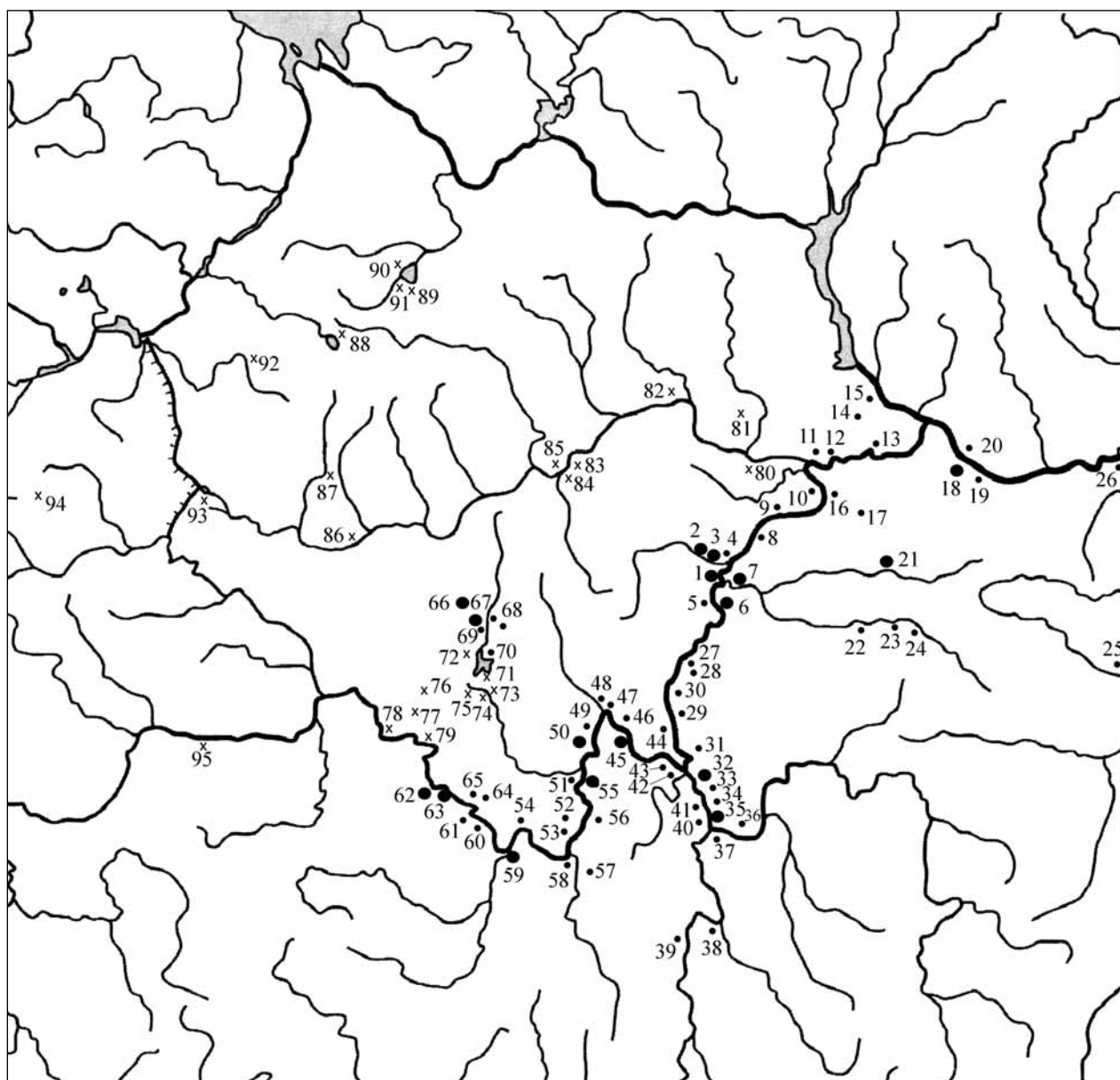
6. Естественнонаучные исследования могут зафиксировать *антропогенные изменения среды*, частые палы, выжигание растительности, появление участков сплошных массивов однородной доместифицированной растительности и сопровождающих их сорняков. Такие изменения фиксируют интенсивность и специфику воздействия на природу хозяйственной деятельности.

7. *Антропология* (когда она есть) открывает возможность истолкования интегрированного воздействия питания, быта, хозяйства и природной среды на отдельного человека, и, возможно, суммирование таких индивидуальных судеб тоже даст интегрированный оценочный источник. Но на практике она имеет дело с единичными случаями, которые принимаются за типичные.

8. Исключительно благоприятные условия могут в некоторых случаях приоткрыть отражение быта, образа жизни в мировоззренческой системе.

9. Еще один источник – *этнографические параллели*. Они позволяют заполнять пробелы в нашей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-01-00358).

Рис. 1. Памятники поздняковской культуры (1–69) и культуры сетчатой керамики с поздняковскими элементами (70–95)

- 1 – Дмитриевская слобода 2 (1 – мог.); 2 – Битюково, кург. (пос. Красный Яр); 3 – Борисоглебские курганы; 4 – Волнино 1–4; 5 – Панфилово; 6 – Малое Окулово, пос. и кург. мог.; 7 – Поздняково; 8 – Ефаново; 9 – Щёлково; 10 – Щербинино, гр.; 11 – Володарка; 12 – Сейма; 13 – Гавриловка; 14 – Боровское; 15 – Балахна; 16 – Домнино; 17 – Комарово; 18 – Безводное; 19 – Шава, гр.; 20 – Жуковка; 21 – Наумовка; 22 – Туманово; 23 – Н. Лазоревка; 24 – Арзамас, гр.; 25 – Черновское; 26 – Сомовка 2, 3; 27 – Ниж. Верея, гр.; 28 – Навашино; 29 – Маяк, Марсево; 30 – Квасьево; 31 – Сенин Пчельник; 32 – Игошино; 33 – Лебяжий Бор; 35 – Торопово; 36 – Ясная Поляна; 37 – Белое, гр.; 38 – Мыс Доброй Надежды; 39 – Липовка; 40 – Кошибеево; 41 – Важное; 42 – Борки; 43 – Нащи; 44 – Темирёво, гр.; 45 – Высокие Поляны; 46 – Лукино; 47 – Новая Деревня; 48 – Подборное; 49 – Земское; 50 – Сынул; 51 – Погост; 52 – Озерки; 53 – Ибердус, гр.; 54 – Лакаш; 55 – Ижевское; 56 – Одоевские Фермы; 57 – Жолобова слобода; 58 – Ерхатур, гр.; 59 – Тырновогр.; 60 – Берёзово, гр.; 61 – Шилово; 62 – Засечье, гр., кург.; 63 – Кораблино; 64 – Карцево; 65 – Фёдоров Бор, гр., мог.; 66 – Логинов Хутор; 67 – Мурмино; 68 – Алеканово; 69 – Воймежная, Карасово 1; 70 – Коренец, гр., кург.; 71 – Тюрвищи; 72 – Погостище; 73 – Шагара, гр.; 74 – Белое оз., гр.; 75 – Беломутово; 76 – Зимницы (Нармус); 77 – Черная Гора, Владычино; 78 – Козыкино; 79 – Лелечи; 80 – Заборье; 81 – Ловецкие Борки; 82 – Большой лес (Белоомут); 83 – Бобылки; 84 – оз. Великое; 85 – Крылово; 86 – Овинищи; 87 – Лопачи; 88 – Щербинино; 89 – Заречье; 90 – Буяны; 91 – Дикариха; 92 – Липовка; 93 – Песошня; 94 – Варос; 95 – Сулать; а – проект автодороги к мосту через р. Ока (2005 г.); б – разметка оси автодороги; в – линии ЛЭП опоры; г – грунтовая дорога; д – постройки; е – границы памятника; ж – траншеи 2006 г.; з – дачные участки; и – раскопы 2008 г.

информации, указывать на то, что мы не можем извлечь из археологических источников. Но они не могут служить основанием реконструкции. Модель палеоэтнографическую мы должны строить сами, и она не обязана совпадать с какой-либо известной.

10. Эксперимент – это *моделирование*. В нем проверяются истолкования наблюдений. Но не стоит забывать, что в его основе – творчество экспериментатора, не воссоздающего, а строящего новый вариант, который местами может совпадать с былой действительностью.

Наиболее интегрированным показателем типа хозяйственной деятельности является поселение. Но мы начнем анализ с традиционных археологических источников – инвентаря поселения. Инвентарь погребальный в данном случае ничем помочь не может, в нем хозяйственная деятельность проявляется косвенно – через отражение в мировоззрении.

Этнография показывает, что весь хозяйственный инвентарь мог быть сделан из органических материалов. Мотыги, копалки, сохи, бороны, цепи, лопаты могли быть целиком деревянными и с ременным креплением, и найти их зачастую шансов нет. Каменные и костяные рабочие части землекопных орудий – копалки, мотыжки, совки – вряд ли связаны с земледелием. Длительное и многократное использование в стандартных условиях вырабатывает устойчивые формы, но именно у этих категорий инвентаря в формах проявляется случайное приспособление к ситуации.

Костяные серпы продолжали использовать на городищах дьяковской и каширской культур до I–II в. н. э. Они делались из ребер² и остистых отростков позвонков лошади (рис. 2, 1, 2). Это самая массовая категория находок на Мутёнковском и Каширском городищах (Сидоров, 2004), многочисленны они на дьяковских ранних памятниках, но исчезают на поздних. Г. Ф. Коробкова экспериментировала с серпами из челюстей (Коробкова, Шаровская, 2001). Немногочисленные памятники эпохи бронзы с хорошо сохранившейся костью не были исследованы трасологически, и сейчас неизвестно, были ли там костяные серпы. Кремневые серпы изредка встречаются на поселениях культуры сетчатой керамики. Их легко определить по характеру износа: обработанные более качественно, сегментовидной асимметричной формы близки к серпам трипольской и бон-

дарихинской культур (Березанская, 1982). Но есть и осколки с подобными следами износа (Липовка 1 на оз. Неро) – они могли быть зубцами досок для резки соломы (рис. 3, 7–9). На памятниках других культур лесной и лесостепной зон серпы не выделены. Можно ожидать использования бронзовых серпов, но крупные изделия на поселениях большая редкость. Только в степях в культурах, где обильны массивные бронзовые изделия, есть серпы сосновомазинского типа.

К орудиям переработки земледельческой продукции относятся зернотерки, песты, терки (рис. 2, 5, 6; рис. 4). Но эта категория тоже не обязательная: не всякая продукция требует размола зерна. Необходимо различать, для чего и как зерно мололи. Растирать в муку можно на жерновах и плоских зернотерках, но их нет на поселениях бронзового века и городищах железного, где выявлено разнообразное зерно. Зерно можно дробить в крупу. Различаются терочники (куранты) двух типов – в виде сегментовидного валика с основной рабочей поверхностью на длинной торцевой стороне (Кузнечики, Михайловское, Троицкое, Огубское). Такие валиковые терочники на городищах появляются в первых веках нашей эры и используются до VII–VIII вв. Выпуклый край служил рукояткой, хорда (рабочий край) сильно залощена, с поперечными штрихами износа. Среди терочников Дмитриевской слободы торцовых продольных два, но у них скруглены концы, так что это в какой-то мере еще пест (рис. 4). Остальные – аморфные необработанные кварцитовые гальки – сработаны как песты с округленными концами, изношенными в разной степени (рис. 2). Плиты невелики, до 17 см диаметром, и стерты плоско без выработки углубления. На городищах они не крупнее.

Подобный набор пестов, терочников и плит встречается на поселениях культур эпохи бронзы, но внимания им уделяется мало. Иногда они трактуются как кузнечные молоты или песты для дробления руды. При одинаковых размерах и формах рабочая поверхность их изношена по-разному, в том числе с локальной блестящей заполировкой. Трактовка этой категории требует разработки критериев трасологических определений.

Некоторые изделия из тонкоструктурного сланца имеют плоско стерты торцы и блестящую заполировку. Они могли применяться для обработки других видов органики, не обязательно зерна. Подобную

² В. А. Городцов их интерпретировал как струги для обработки кожи, так же определил их Н. А. Кренке (2011), но этому противоречит характер износа, способ держания в руке, оставивший заметную залощенность на одном конце. К тому же, как определила А. А. Гольева, поры их оказались заполнены фитолитами злаков.

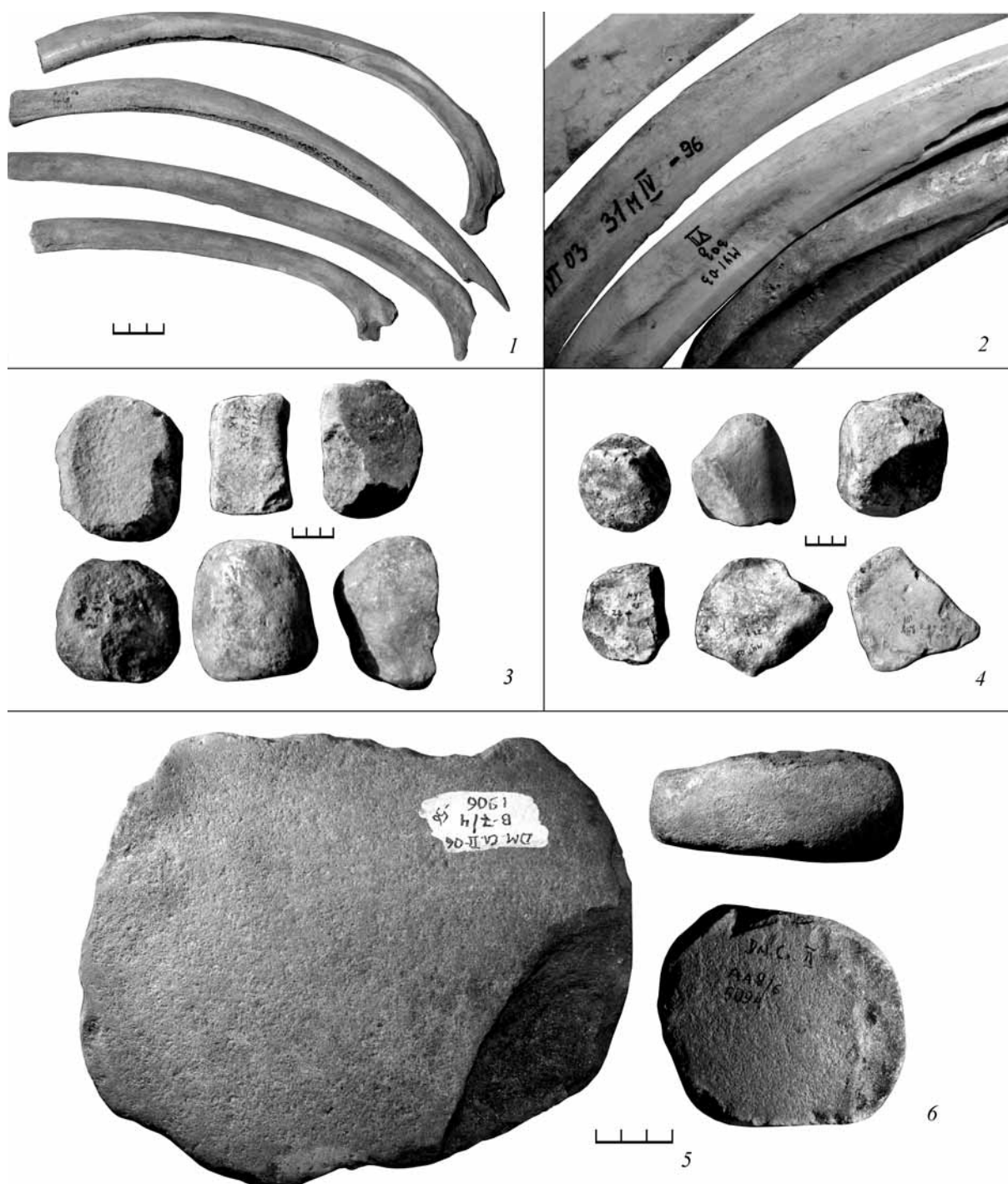

Рис. 2. Серпы из ребер лошади, куранты (Мутёнковское городище), зернотерки (Дмитриевская слобода 2) (см. цв. вкл.)

блестящую заполированную видню на одном из пестов (кремневом) Огубского поселения.

Можем ли мы выделить специализированные емкости для хранения запасов? Если это корзины, пестеры, туеса, бурдюки, мы их не найдем. Теоретически зерновые ямы должны иметь специально обработанные стенки и пол, хотя они и не защи-

щали от мышей. Ни одного случая обмазанных ям я не знаю. Надежнее все-таки хранить зерно над землей, в лабазах, а не в земле: слишком велика в наших условиях влажность. Зерновая яма может быть определена по концентрации фитоцитов (Гольева, 2009). Вот и весь состав источников по земледелию и сельскохозяйственному инвентарю. Основным

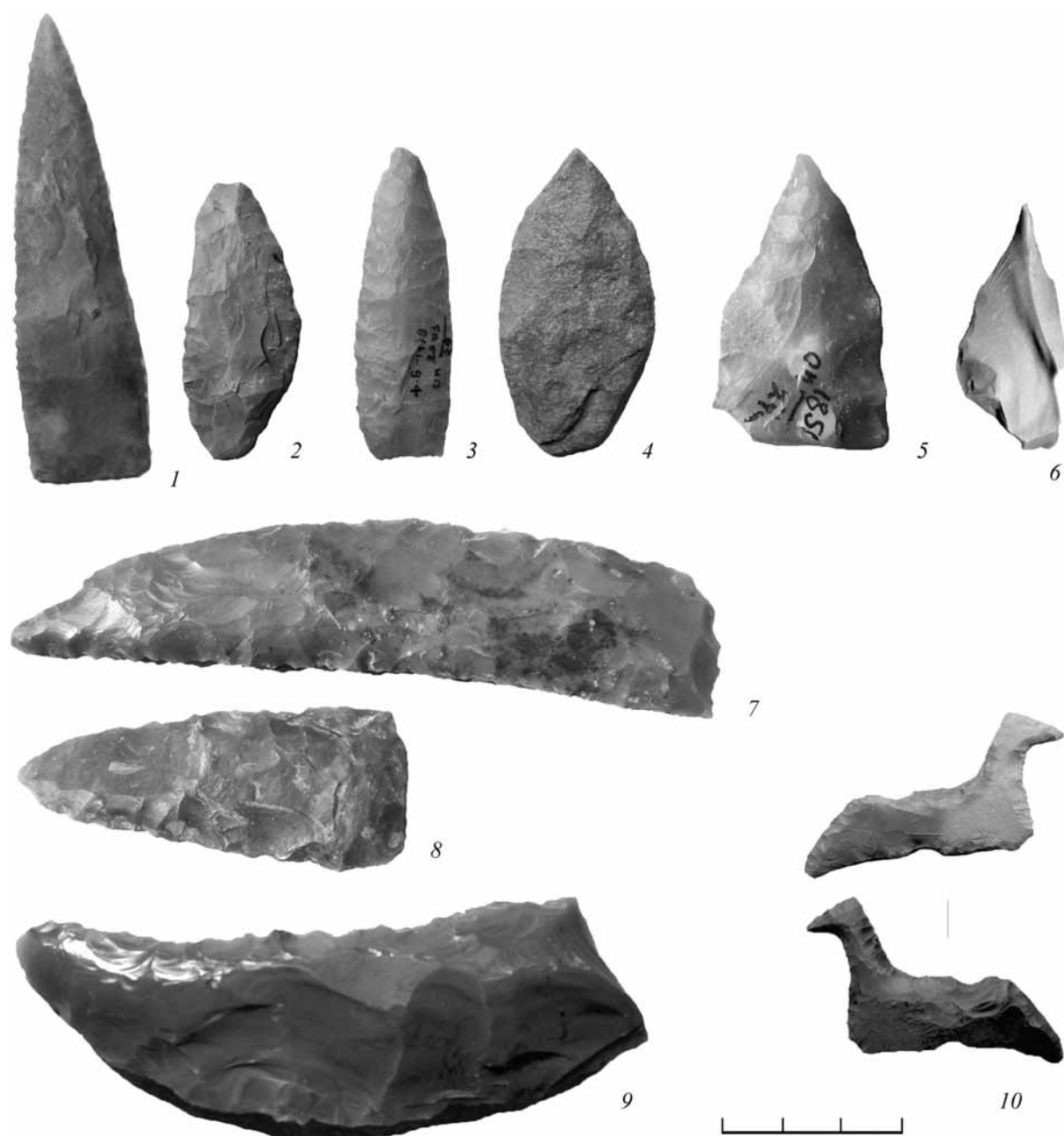

Рис. 3. Наконечники стрел, сверла, серпы (Логинов Хутор, Истра) и фигурка птицы (Дмитриевская слобода 2)

источником, показывающим наличие в культуре земледелия, надо считать карпологический анализ. Дополнительным – находки отпечатков зерен в керамике. Примешивание зерна в глину могло быть не случайным, а иметь сакральное значение.

Скотоводство вырабатывает специализированного инструментария еще меньше, чем земледелие. Основной источник – фаунистические остатки, которые не всегда сохраняются. Есть крупные регионы, полностью лишенные такого источника. И находки должны быть массовыми, единичные

кости – это отражение случайной ситуации. Система скотоводства определяется по составу стада. Состав стада – по массовым остеологическим остаткам, конечно, с учетом характера природной среды. Необходимо заметить, что состав фаунистических остатков в погребальном инвентаре не обязательно соответствует реальному составу стада, здесь мы имеем дело с отражением реальности в мировоззрении, но не с самой реальностью.

Пожалуй, единственным вещевым знаком наличия скотоводства может оказаться появление

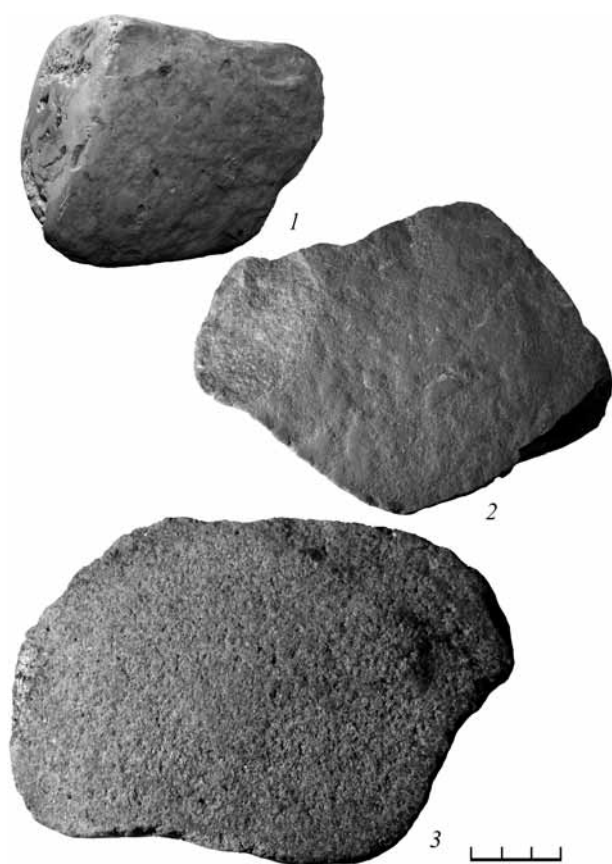

Рис. 4. Пест по мягкому материалу (Огубское), песты и зернотерки (Дмитриевская слобода 2)

пряслиц – в бронзовом веке они становятся постоянной находкой, т. к. появившийся домашний скот стал давать достаточное количество шерсти, и для ее переработки начали формироваться специализированные орудия. Специализированная глиняная посуда для переработки молока появится еще очень не скоро.

Придомное содержание скота может оставить след в виде измененного почвенного слоя – утоптанного, обогащенного навозом. Навоз, даже полностью разложившийся, определяется по микроостаткам (фитолитам и обилию фосфора). Но если существовали участки накопления слоя в прогибах, пласт навоза надежно читается стратиграфически. Так, на городищах с замкнутой оборони-

тельной системой пласты навоза накапливались с внутренней стороны укреплений³.

Существует круг источников, где отразились в интегрированном виде предпочтения человека, связанные с образом жизни, бытом – это само поселение. Выбор мест для поселений теснейшим образом связан с характером системы хозяйства: среда обитания бывает непосредственно встроена в технологические циклы, присущие каждому виду хозяйственной деятельности. Климатический фактор тоже играл определенную роль, но не главную. Вводить сюда еще и потребность в «контроле территории» совершенно излишне. Контролировать было не от кого, ничтожная плотность населения создавала дефицит информации, острую необходимость поиска контакта, а не уклонение от него и не стресс от угрозы конфликта. Родственные связи пронизывали территорию, легко преодолевая не такие уж значительные культурные барьеры. Конкуренции соседних общин быть не могло: община не могла занимать разом несколько экологических ниш, а родственные связи и традиции создавали механизм регулирования отношений гораздо более надежный, чем экономические потребности. В первобытном обществе вопрос об экономике еще не стоит.

Выбор мест для неолитических поселений определялся не рыболовными угодьями. Рыбу не обязательно добывать с порога дома. Но что совершенно необходимо и потому определяет выбор места для поселения – это пригодность берега для лодочной пристани. Лодка ставила жесткие условия: берег должен быть пологим и твердым. Лодку строили на берегу и спускали на воду. Ее приходилось вытаскивать на берег на зимовку и для технического обслуживания – ремонта, смоления. На берегу работали с сетями, тяжелыми и непрочными, для транспортировки которых тоже требовалась лодка. Берег важен для выбирания сети – это и есть тоня; подобные места были вопросом правового регулирования и в Средневековье, и в Новое время. Мест, пригодных для лодочного хозяйства, не так уж много. Их нет на пологих берегах древних озер, формировавшихся вне зоны действия последнего ледника. Неолитические поселения приурочены к тем

³ Городище Настасьино: жилой участок слабо окрашен навозом, но от прохода через укрепления вдоль западного края участок почти не застраивался, и здесь на протяжении веков формировался навозный слой. Мутёнковское городище: застроена середина площадки, а от жилищ до валов – полоса шириной 7–9 м – сплошная толща навоза. Коричневую мягкую толщу пытаются определять как запасы сена, дров, строительных материалов (Кренке, 2011; Сыроватко, 2009), но она сохраняет соответствующий запах, а, по наблюдениям А. А. Гольевой, растительные остатки в ней измельчены: прошли через кишечник. На позднем этапе дьяковской и каширской культур таких навозных разливов на городищах не возникает. Видимо, скот перестали держать на жилой площадке.

местам на озерах, где к воде подходят положительные формы рельефа – острова, подмытые холмы, впадения притоков, несущих минеральные наносы. На реках пригодные участки – мысы, стрелки, по крайней мере, один берег которых будет пологим, а также есть пологие спуски с террас. Зимние поселения с утепленными жилищами тоже недалеко удалены от берега, т.к. лодка необходима при переселении, но тут вступает в действие еще один принцип отбора – для зимовки идеальны сухое, теплое место и дюны.

Относительно первостепенной важности рыболовства для неолитических общин лесной зоны сомнений не возникает. Подтверждается это и составом инвентаря. Во всех регионах лесной зоны в начале неолита произошло полное замещение топоров теслами – орудием, выработанным для долбления лодок. Волосовская каменная техника имеет обширный набор специализированных орудий для обработки дерева, что тоже сопряжено со значением лодки для озерных рыболовов. Такой специализации нет в культурах лесостепи, где сохраняется навык использования топора, а в ряде культур это вообще единственный вид рубящих орудий (во всех культурах шнуровой керамики). Следовательно, долбленки они не строили.

На многослойных поселениях лесной зоны помимо неолитического материала представлены комплексы эпохи бронзы. Можно было бы сделать вывод о том, что тип хозяйства их тот же, что у неолитических рыбаков. Но необходимо обратить внимание на изменения в природе. Уровни озер на протяжении III–II тыс. до н.э. непрерывно повышались (минимальный уровень озер приходится на 3000 г. до н.э.). Это явление стоит связывать не с количеством осадков, которое в зоне избыточного увлажнения не может повысить уровень озер, а с изменением порога стока (Квасов, 1976). Увеличение количества воды ведет к ускорению течения в реках, в результате возрастает врез русел, спускающих озера. Течение очищает их от водной растительности. Не торф на берегах, а песчаные пляжи, обычные на стоянках эпохи бронзы, – показатель трансгрессии, вызванной заболачиванием озер и зарастанием русел при уменьшении количества осадков. То есть поселения этой эпохи окружали не болотистые низины, а подступавшая к жилым площадкам вода. И такие площадки именно в условиях трансгрессии становятся вполне пригодными для стоянок пастухов.

Стоянки фатьяновской культуры открыты Н.А. Кренке в пойме р. Москвы (Кренке и др., 2010), есть они и на Оке (Дракино в устье Протвы). Во всех случаях они приурочены к почвенным горизонтам. Это означает, что во время существования здесь фатьяновских стоянок режим накопления наносов поймы превращался в режим террасы (Кренке и др., 2012). Произошел глубокий врез русел, и паводок перестал заливать недавние поймы. Сами стоянки имели вид пастушеских лагерей, без каких-либо углубленных сооружений.

В речных долинах стоянки эпохи бронзы приурочены к невысоким участкам террас в местах их максимального приближения к руслам или старицам, но при широких луговых поймах. То есть сочетаются самые необходимые условия скотоводческого хозяйства, кормовая база, водопой и сухая площадка для поселения. Первая терраса в приледниковой зоне сформирована в основном совершенно неплодородными песками и в качестве земледельческих угодий не рассматривается. Покровные суглинки, более плодородные, лежат на второй террасе.

В бассейне Оки, на ее лесостепном, а во II тыс. до н.э. практически степном правобережье происходит резкое изменение характера расселения – появляются поселения на высоких участках террас, ориентированные не на старицы, а на ручьи и речки⁴. Поздняяковские поселения (рис. 1) появились в рязанско-муромском Поочье в начале II в. до н.э. (даты с калибровкой – 2050–1750 гг. до н.э.). К ним же Т.Б. Поповой (1970; 1985) отнесены как озерные стоянки с сетчатой керамикой с примесью поздняяковского компонента, так и имевшие совершенно иной характер поселения Поочья. В соответствии с концепцией Т.Б. Поповой, поздняяковская культура – дериват донской срубной культуры, расселившейся по берегам Оки и занявшей Волго-Окское междуречье вплоть до Костромы. При этом никаких контактов с аборигенным населением не возникало: оно куда-то исчезло. Затем поздняяковцев начинает теснить культура сетчатой керамики, пришедшая откуда-то с севера. О.Н. Бадер (1970) и И.Б. Васильев (2011) воспринимали поздняяковскую культуру как ответвление лесостепной срубной культуры Поволжья, в генезисе которой видели абашевский (покровский) пласт. По обеим концепциям, поздняяковская культура не могла быть древнее конца среднего этапа срубной культуры. Анализ

⁴ Тот же характер имеют поселения лесостепной срубной культуры Среднего Поволжья, для которой И.Б. Васильев допускал значимость земледелия.

материалов поселения Дмитриевская слобода 2 и серия из 15 радиоуглеродных дат показали, что поздняя культура в полностью сложившемся виде никак не моложе древнейших срубных памятников и должна иметь иной генезис. Ранний возраст поздней культуры подтверждают даты поселений с сетчатой керамикой. На поселении Пешня 1 на оз. Неро (Александровский и др., 2012) также присутствует поздняя керамика, а сетчатый комплекс с гибридными формами, в которых отразилось смешение поздней и фатьяновидной керамики с сетчатой, моложе дат Дмитриевской Слободы 2 всего на 100 лет.

Древнейшими поздними поселениями Т.Б. Попова считала именно окские, на которых количество сетчатой керамики минимально. Таковы Ибердус III, Малое Окулово, Подборное, Логин Хутор. Т.Б. Попова оперирует комплексами памятников как целостной единицей, не учитывая возможности присутствия на них разнотипного материала. Так, она включает в характеристику раннего этапа круглодонные сосуды, а также сосуды с внутренним ребром в основании венчика, резко выделяющиеся на общем фоне. Они по всем признакам фатьяновидные или сейминские, и в то же время их орнаментация начинает встречаться на собственно поздних сосудах. Поселения датируются по встреченным на них бронзовым предметам. На более поздних (и более северных – в Центральной Мещере) поселениях возрастает количество сетчатых черепков, а на Плещеево (Дикариха) она уже преобладает (Попова, 1985. С. 177). Исчезновение поздней культуры на Оке Т.Б. Попова объясняет той же экспансией культуры сетчатой керамики, выдавившей поздних (Попова, 1985. С. 185). Но поздние признаки в прикаспийской и аким-сергеевской керамике конца бронзового века указывают на ее участие в формировании этих культур.

Однослойное позднее поселение Дмитриевская слобода 2 у г. Муром открыто А.Е. Леонтьевым в 1994 г. и исследовано в 2006–2007 гг. экспедицией О.В. Зеленцовой и отрядами А.И. Королева и Д.А. Мамонтовой практически полностью. Поселение занимало высокий мыс второй террасы, плавно переходящий в плато (рис. 5). Его оконту-

рируют глубоко врезанный овраг с ручьем и склоны террасы. К подножию мыса подходит старица Оки. Никаких признаков хозяйственного освоения берегов нет. В глубине плато, в 170 м от поселения, обнаружен небольшой грунтовый могильник в четыре погребения, синхронный поселению. На площади 1,8 тыс. кв. м исследованы три наземных жилища. Они поставлены веером, верхние по склону концы сближены, нижние – расходятся. Одинаковые следы пожара позволяют считать их одновременными. Одинаково на них сохранились развалы в ямах, нет кухонных куч, перекрывающих какое-либо из жилищ, как это бывает на заброшенных постройках. Есть следы ремонта – дома простояли достаточно долго. Материал долговечный, преобладает дуб (Александровский, 2008).

Насыщенный находками слой отложился не только в жилищах, он обилен в межжилищном пространстве, в хозяйственных ямках. Это признак круглогодичного поселения, т.к. поселения с зимними жилищами насыщены материалом только в пределах построек. На верхнем краю поселения тоже зафиксировано обособленное пятно крупных фрагментов керамики, почти развалов. Хорошая сохранность керамики здесь связана с погребением культурного слоя делювием. Между углубленными жилищами располагались легкие наземные постройки, прослеженные по столбовым ямам.

Дома врезаны в склон ступенчато, уровень пола в разных частях домов различается на 40–50 см. Каркас, несущий стропила, читается по ямам, отличающимся максимальной глубиной (1,0–1,4 м), что может соответствовать большой их высоте. Эта центральная часть в жилищах 1 и 2 составляет 120–150 кв. м (рис. 5). Общая же площадь, перекрытая единой крышей, – 200–240 кв. м. Третье жилище той же конструкции имело площадь 140 кв. м⁵. Внешним стенам и опорам нижних концов стропил соответствуют ряды столбов меньшей высоты. Единственный очаг располагался в центре каждого дома. В полах у очага имеются ямы, в которых устанавливались сосуды. Место для хранения тут самое неподходящее, но это самое теплое место в доме. Сосуды, стоящие в ямах, могли использоваться для такой обработки зерновых, которая не требует кипячения⁶.

⁵ Реконструкция жилищ выполнена А.В. Самсоновой и А.И. Королевым, которым выражаю искреннюю благодарность за возможность ознакомиться с неопубликованной работой.

⁶ Имеется в виду не только брожение и заквашивание теста, но и запаривание зерна или круп для каши. Естественно, при этом никакого нагара в сосуде не возникает. Как и на неолитических сосудах, то, что принимается за нагар, – следы смоления. Для этого в качестве кухонных котлов вполне могут использоваться сосуды отремонтированные, с зашнурованными и просмоленными швами.

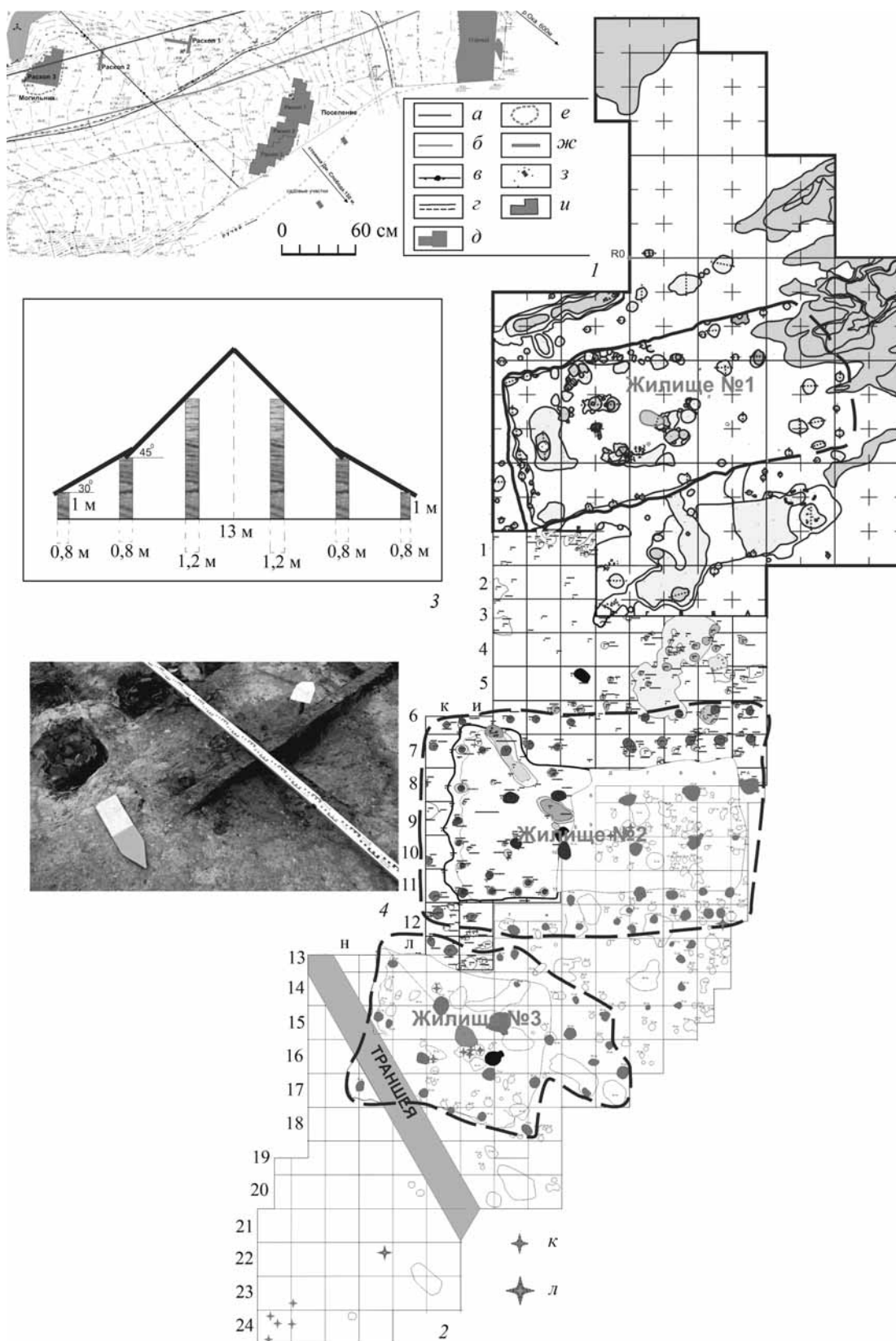

Рис. 5. Поселение Дмитриевская слобода 2 (см. цв. вкл.)

1 – топографический план памятника; 2 – план раскопа; 3 – реконструкция жилища; 4 – очаг и ямы с сосудами (а – проект автодороги к мосту через р. Ока (2005 г.); б – разметка оси автодороги; в – линии ЛЭП опоры; г – грунтовая дорога; д – постройки; е – границы памятника; ж – траншеи 2006 г.; з – дачные участки; и – раскопы 2008 г.; к – развалы сосудов; л – фр-т черенка бронзового ножа и фр-т тигля)

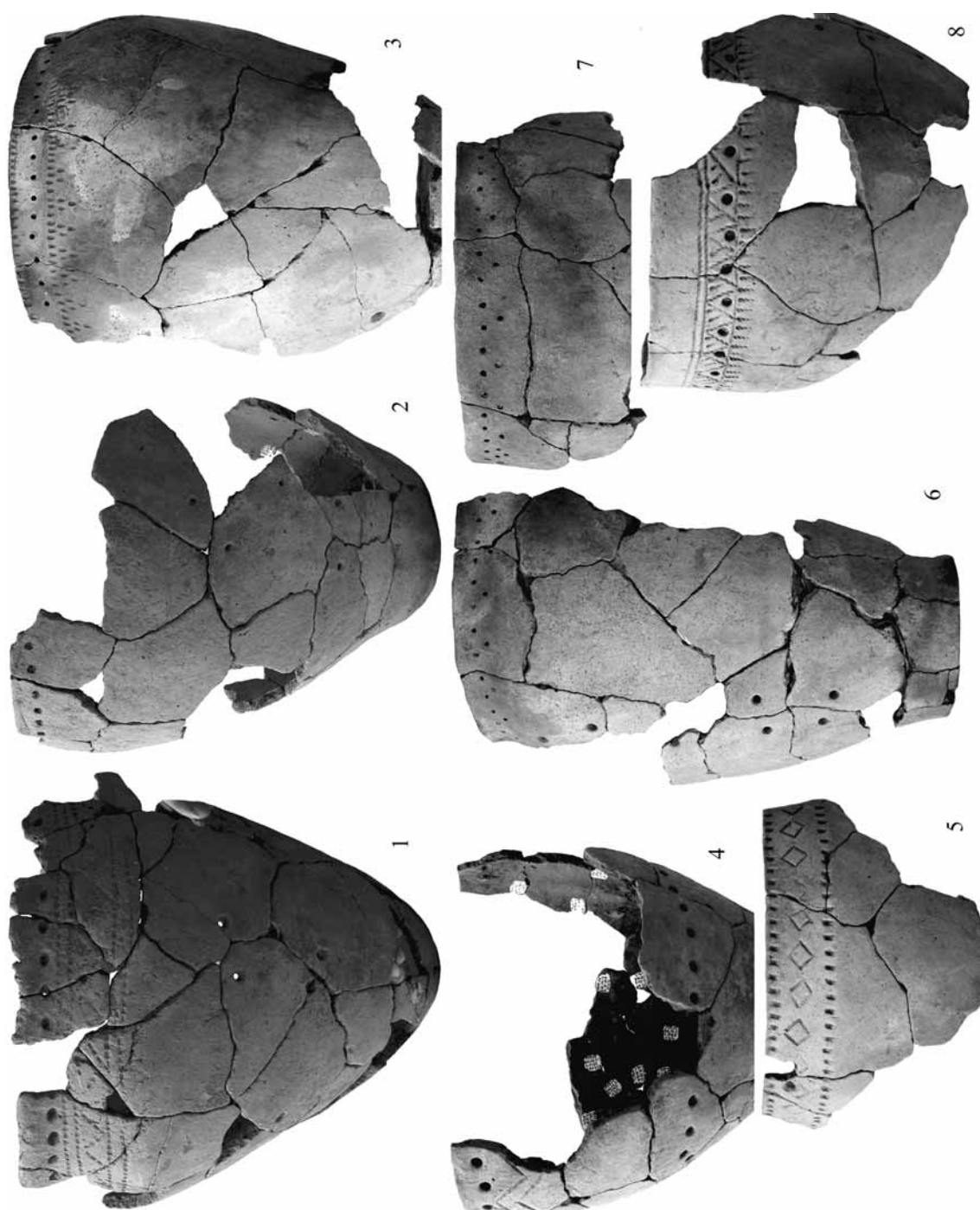

Рис. 6. Дмитриевская слобода 2. Кухонные котлы из жилищ 2 и 3 (см. цв. вкл.)

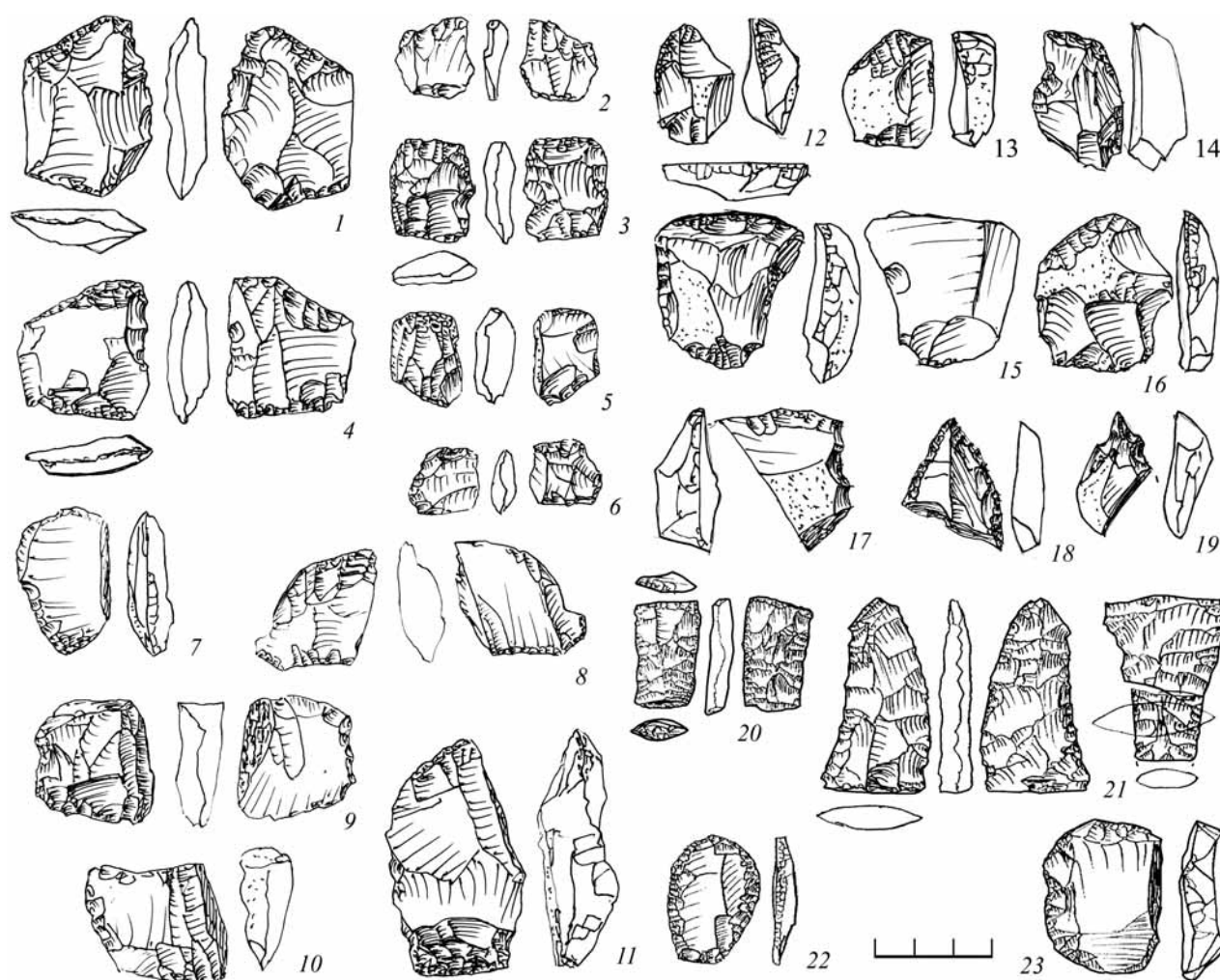

Рис. 7. Дмитриевская слобода 2. Кремневые зубила (долотовидные орудия) и скребки, орудия Колтово 7 – серпы, наконечник дротика, скребки

Размеры жилого пространства больших жилищ достаточны для обитания в нем до 50 человек, исходя из «санитарной нормы» в 2,5–3,0 кв. м на человека. Отсюда численность обитателей поселка – до 150 человек. При этом остается достаточно места для содержания скота в боковых отсеках жилищ.

Конструкция дома с мощными столбами в центральной части позволяет оборудовать под крышей сушила для снопов – необходимую часть земледельческой зерновой технологии. Периферийная часть постройки могла использоваться как хлев, утепляя также жилую часть.

Поздняяковская культурная принадлежность определяется по многочисленным сосудам (рис. 6) – котлам с легким прогибом верха стенок, баночным сосудам, малочисленным пышно орнаментированным сосудам с ребром. Сетчатая керами-

ка отсутствует (найдено три обломка среди 15 000 экз.). Также единично встречена фатьяново-балаоновская керамика.

Каменные орудия есть (рис. 7–9), но их набор функционально крайне ограничен и свидетельствует о преобладании металлического инструмента. Это наконечники стрел (рис. 9, 1–4), которые сохраняют высокое качество обработки, хотя при этом используется и крутая краевая ретушь. Количество их несопоставимо меньше, чем встречается на неолитических стоянках. Здесь найдено только четыре целых и три осколка. Стандартные однотипные скребки с полной ретушью спинки сильно изношены. Они составляют до половины общего их количества, остальные аморфны. Регулярно встречаются долотовидные орудия, которые, скорее всего, применялись как зубила по металлу. Сверла и проколки в основном аморфны. Режущих

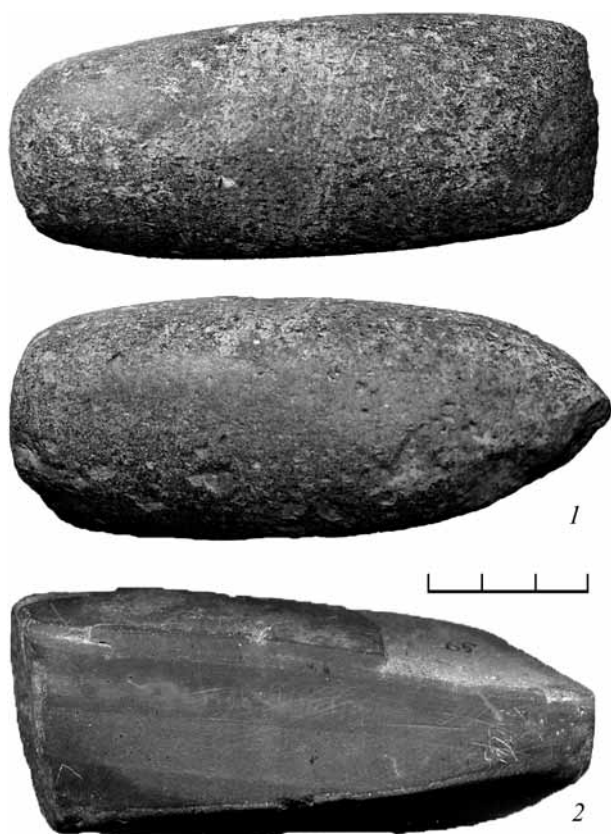

Рис. 8. Дмитриевская слобода 2.
Боевой топор и оселок сланцевый (см. цв. вкл.)

орудий единицы. Оригинален кремневый нож-ложкарь, близкий к волосовским. Шлифованных орудий мало – это массивный клин, который функционально, видимо, был оружием, аналогичным боевым топорам, и шаровидная булава.

Поселение Дмитриевская слобода 2 относится к раннему этапу поздняяковской культуры, до установления тесных контактов с аборигенным населением культуры сетчатой керамики. Но контакты все-таки были: их проявлением могут быть встреченные в кремневом инвентаре единичные волосовские изделия, включая кремневую фигурку птицы; известно, что в культуре сетчатой керамики волосовская каменная техника частично сохраняется.

Радиоуглеродные даты получены по жилищу 3. Все три сходны – 3380 ± 70 ; 3330 ± 100 ; 3280 ± 80 л. н. Даты получены по большому количеству материала, поэтому точность датирования высока. Калиброванные – 1750–1500 гг. до н. э. Даты по керамике несколько древнее, чем даты, полученные

по культурному слою. Большая часть керамики имеет даты 3590 ± 80 , 3610 ± 80 , 3690 ± 60 , 3510 ± 60 , 3570 ± 90 , 3560 ± 80 л. н. Наиболее вероятный интервал калиброванного возраста – 2050–1750 гг. до н. э. Даты в целом соответствуют времени перехода от средней бронзы к поздней.

Топографическая позиция поселения Дмитриевская слобода 2 типична для поздняяковских поселений Оки. Расположение на высоких берегах не связано с проблемами безопасности – никаких следов укреплений тут нет⁷. Озеро не играло роли в выборе места, зато незамерзающий родник у подножия жилой площадки был важен. Располагаясь на краю плато, поселок был связан с полями. Не случайно на этом же месте располагалось раннесредневековое поселение муромы. И такое совпадение стандартно повторяется на других поздняяковских поселениях.

Интересны близкие совпадения с комплексом бронзового века на поселении Колтово 7 под Каширой. Оно располагалось на третьей террасе, в километре от выхода небольшой речки Медведки в пойму Оки, над родником (Сидоров, 1998). Поселение относится к культуре сетчатой керамики с признаками влияния поздняяковской культуры. Единственный дом, врезанный в склон, имел такой же ступенчатый пол, как поздняяковские жилища Дмитриевской слободы, и делился перегородками на отсеки. Каркас его составляли мощные угловые столбы, несущие коньковую балку, т. е. постройка тоже высокая, но конструкция иная. В составе находок есть кремневый серп с двухсторонней ретушью. Такие поселения однослойны, существовали на одном этапе, вероятно, несколько десятков лет и не возобновлялись. Колтово 7 тоже было сожжено. Сжигание, возможно, не случайно, а представляло собой ритуальное действие, семантически связанное с подсечно-огневым земледелием. Поселение занимало участок плато с суглинистыми бурыми почвами, богатыми гумусом, в окружении дубрав. Видимо, на наиболее плодородные почвы дубрав и нацелено было хозяйство. Дубы после палов погибают, и восстановление первичных лесов происходит только через пять-шесть веков – дуб не растет на щелочных почвах со следами золы. После сведения дубрав подсечно-огневым земледелием микрорегион не представлял интереса для хищнического земледелия и забрасывался. Как и Дмитриевская слобода 2,

⁷ Ровик от частокола, исследованный В. П. Челяповым на поселении Лебяжий Бор 6, может быть укреплением – он находится у подножия склона второй террасы.

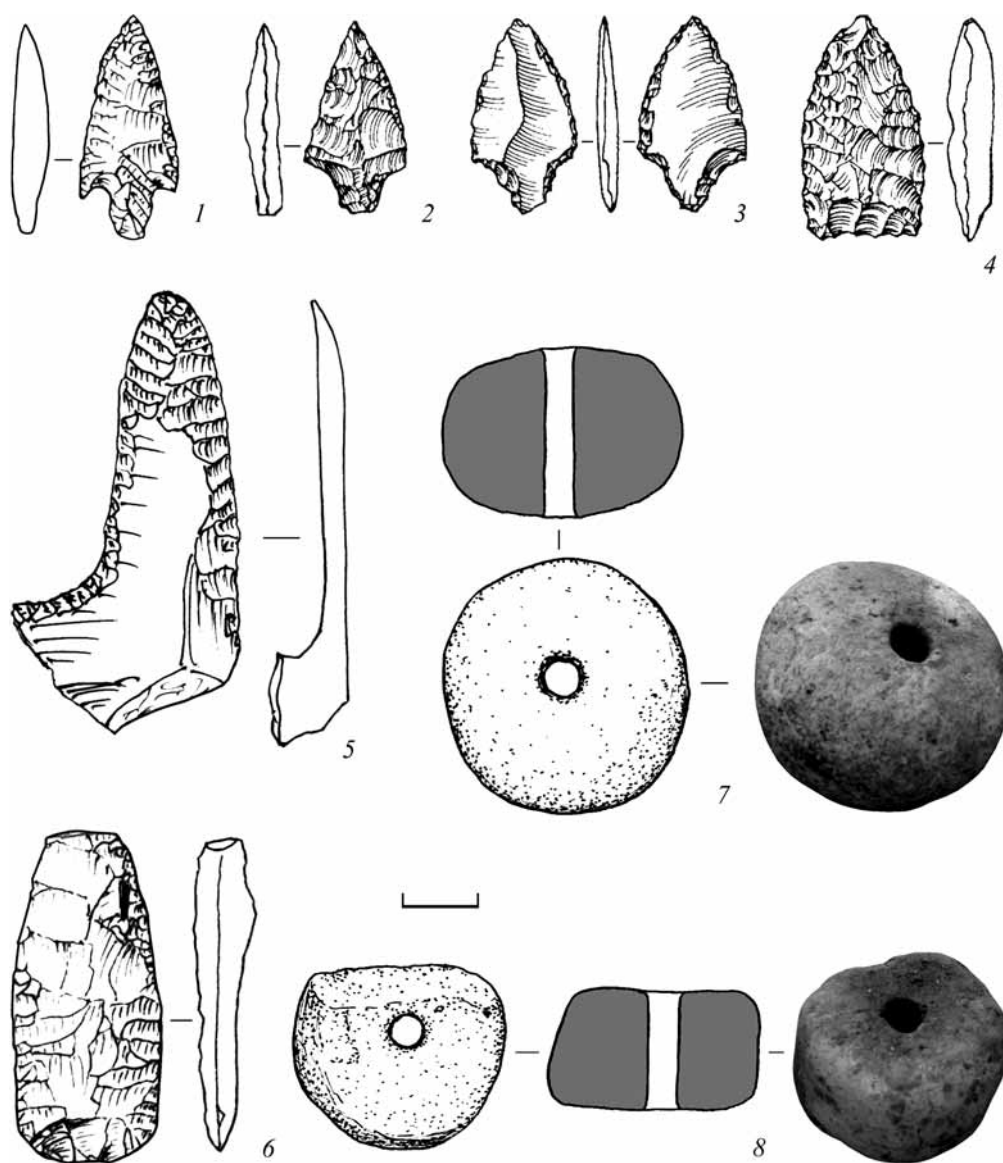

Рис. 9. Дмитриевская слобода 2. Наконечники стрел, ложкарь, стамеска, фигурка, керамические пряслица

Колтово 7 тоже оказалось перекрыто средневековым селом XII–XIII вв.

Итак, в качестве признаков поселений с земледельческой направленностью хозяйства можно рассматривать наличие капитальных построек, круглогодичное их функционирование, расположение на высоких участках террас и склонах при небольших речках и ручьях. Признаком, указывающим на обработку зерна, служат находки пестов-терочников. Придомное скотоводство здесь предполагается – трудно представить земледельческое хозяйство без такого скотоводства. Всеми признаками земледельческих поселений обладают также поселения срубной культуры Среднего Поволжья.

Дмитриевской слободе 2 можно противопоставить поселения скотоводческой ориентации, такие как фатьяновские стоянки и катакомбное поселение Рыкань 3 на р. Усмань, на южном краю лесостепи (Гак, Борисов, 2011). Это одно из немногих катакомбных поселений с чистым слоем, качественно исследованное на большой площади. Оно в десять раз больше по площади, вытянуто по грядобразному «всхолмлению» первой террасы, прорезанному овражком. Культурный слой основательно переработан почвенными процессами и не имеет четко выраженных поверхностей, несмотря на наличие котлованов разновременных плетневых построек, наземных построек,

ям, кострищ, кухонных куч, концентрированных по прогибам (выделяемых фосфатным анализом). Проявляется картина многократно возобновляемого зимнего стойбища из широко разбросанных утепленных, но недолговременных жилищ и сооружений для укрытия скота, а также хранилищ мяса.

Поселения на высоких мысах – не единственный вид поздняяковских памятников. К поздняяковским Т. Б. Попова отнесла все, где встречена соответствующая керамика. А это множество многослойных поселений в озерных системах Волго-Окского междуречья. Но как высчитать на них долю собственно поздняяковского материала, если на одном сосуде сочетаются поздняяковский верх и сетчатое тулово? Процент гибридизации оказывается в зависимости от полноты реконструкции каждого сосуда. Здесь есть типичные поздняяковские формы, но преобладают гибридные. Наличие настоящих поздняяковских сосудов на этих стоянках означает тесные контакты двух разных культур, а не «давление культуры сетчатой керамики» (Попова, 1985. С. 185) на занявших этот край поздняяковцев.

Поздняяковская культура – не первая культура скотоводов в Волго-Окском междуречье. Фатьяновская здесь появляется не позднее XXII в. до н. э., но она никак не повлияла на аборигенов волосовской культуры. Резкие изменения происходят с момента проникновения культуры фатьяноидной керамики – она, в отличие от фатьяновской, взаимодействует с волосовской. Именно после ее распространения начинается деградация каменной техники, появляются новые типы оружия (сейминско-турбинского типа), и на сосудах с фатьяноидными

признаками впервые появляется сетчатая фактура. Именно в этой культуре допустимо предполагать первых скотоводов⁸, действительно освоивших лесную зону. Взаимодействие с ними преобразовало местную волосовскую культуру в сетчатую. Это произошло в самом начале II тыс. до н. э.

Не все сетчатые стоянки совпадают с неолитическими. Некоторые встречаются в местах, не использовавшихся в неолите, но малопригодных для земледелия (на песчаных почвах, в окружении лугов). Типичным поселением такого типа оказалось Щербинино на р. Клязьме (раскопки А. Е. Кравцова, 2012 г.). В этом можно видеть смешение аборигенной и пришлой культур, но более вероятен уклон в сторону пастушеского хозяйства. Культура обладает набором разных тактик хозяйствования и благодаря этому способна адаптироваться к изменениям среды.

Охота и рыболовство на поздняяковских поселениях существенной роли не играли, что резко отличает поздняяковскую от культуры сетчатой керамики. Большинство поздняяковских поселений включает компонент аборигенной керамики, восходящей к волосовской культуре, а со временем на них возрастает количество сетчатой керамики. Перенос поселений на позднем этапе на низкие места, ближе к лугам, отмечаемый О. Н. Бадером, вероятно, отражает усиление скотоводческого аспекта в хозяйственной системе. Но только те из смешанных позняяково-сетчатых групп, которые обосновались на более благоприятных землях, приобретают целостный земледельческий хозяйственно-бытовой комплекс.

Литература

Александровский А. Л., 2008. Исследование возраста и вещественного состава материалов из археологических раскопок на объекте Дмитриевская слобода 2 во Владимирской области // Зеленцова О. В. Отчет о раскопках поселения Дмитриевская слобода II в 2007 г. Владимирская область г. Муром / Архив ИА РАН. Р-1.

Александровский А. Л., Воронин К. В., Долгих А. В., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В., Главатская Е. В., 2012. Радиоуглеродные исследования культурного слоя поселения эпохи бронзы – неолита Песочное-1 на озере Неро // АП. Вып. 8. М.

Бадер О. Н., 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.

Березанская С. С., 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. К.

Васильев И. Б., 2011. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Вып. XV. Самара. (Краеведческие записки).

Воронин К. В., 2011. Комплексы эпохи бронзы поселений Песочное 1 и Дмитриевская Слобода 2 // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV. М.

⁸ Однако на немногочисленных памятниках с фатьяноидной керамикой и с сохранившейся костью (Сулать 1, Воймежная 1) домашних животных не встречено.

Гак Е. И., Борисов А. В., 2011. Поселение катакомбной культуры Рыкань-3, топография, стратиграфия, планиграфия// Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Гольева А. А., 2009. Микробиоморфические исследования культурных слоев древних поселений Центральной России// АП. Вып. 5. М.

Квасов Д. Д., 1976. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.

Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А., 2001. Экспериментальное изучение костяных орудий каменного века// Каменный век европейских равнин. Сергиев Посад.

Кренке Н. А., 2011. Дьяковская культура. М.

Кренке Н. А., Александровский А. Л., Войцук А. А., Ёлкина И. И., Еришов И. Н., Еришова Е. Г., Лазукин А. В., Мазуркевич А. Н., Панин А. В., Кудрявцев А. А., Лавриков М. В., Воронкин В. А., 2012. Исследования 1 Звено-

нигородской неолитической стоянки на Москве-реке// АП. Вып. 8. М.

Кренке Н. А., Лазуткин А. В., Ёлкина И. И., Еришов И. Н., Леонова Е. В., Чернов С. З., 2010. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода// АП. Вып. 6. М.

Попова Т. Б., 1970. Племена поздняяковской культуры// Тр. ГИМ. Вып. 44. М.

Попова Т. Б., 1985. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняяковской культуры на средней Оке// Тр. ГИМ. Вып. 60. М.

Сидоров В. В., 1998. Комплекс эпохи бронзы Колтово 7// ТАС. Вып. 4. Тверь.

Сидоров В. В., 2004. Мутёнковское городище// Археология Подмосковья. М.

Сыроватко А. В., 2009. Юго-восточное Подмосковье в железном веке. К характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.

V. V. Sidorov

Foundation of the reconstruction of the Bronze Age economic systems

Summary

Item implements of settlements of the Bronze Age do not contain items that could determine the predominant type of farming. Tools used in agriculture, were made of organic materials. Settlement and housing in integrated form shows the importance of economic spheres. Long existed a year-round settlement is possible with the agricultural sector. Its production requires technological

cycle, including drying, threshing, storage resources and seeds. This is a reason for choosing a living place, settlement system. Homes were significantly higher. On the north of the Oka river "Pozdniakovo culture" materials found on settlements with predominated netted ceramics at low banks of rivers and lakes with buildings of a much smaller size and duration of existence.

Е. Г. Ершова

Результаты спорово-пыльцевого анализа погребенных почв бронзового века в пойме Москвы-реки (ЗБС-4)

В ходе полевых работ 2011 г. в шурфах ЗБС-4 и ЗБС-5 в пойме Москвы-реки были отобраны колонки образцов для спорово-пыльцевого анализа, который проводился в палинологической лаборатории кафедры геоботаники Биологического факультета МГУ. Образцы были обработаны по стандартной для почвенных отложений методике: сначала 10%-ным раствором HCl, затем 10%-ным раствором KOH, затем тяжелой жидкостью (CdJ+KJ). Для оценки концентрации в образцы добавлялся экзотический маркер (*Lycopodium annotinum*). Анализ велся под световым микроскопом *Levenhuk D870T* при увеличениях 400х и 2000х. Подсчет вели до 200–300 пыльцевых зерен на образце.

В основном образцы из погребенных в аллювии почв оказались очень бедными пылью. В большинстве случаев концентрация не превышала 100 пз/см³. Исключение составили некоторые из образцов шурфа ЗБС-4, расположенного в конусе выноса ручья, где концентрация оказалась значительно выше (до 500 пз/см³). По-видимому, сказалось то, что дневная поверхность здесь периодически оказывалась погребенной под слоями пролювия, и это создавало благоприятные условия для сохранения пыли. Наиболее полные спектры удалось получить для погребенных почв 3 и 3а, относящихся к бронзовому веку, т. е. началу и середине суббореального периода голоцена.

В отличие от почв атлантического времени, в которых доминировала пыльца луговых и степных трав и широколиственных деревьев (*Спиродонова и др.*, 2008; *Кренке и др.*, 2013; *Ершова и др.*, 2013), для пойменных почв суббореального периода оказалось характерно резкое доминирование пыли хвойных (до 95%), в особенности ели (до 70%). Это дало нам основание заключить, что

с начала суббореального периода большая часть поймы Москвы-реки была занята пойменными (или приречными) сложными ельниками.

На фоне этой общей картины в отдельных спектрах выделяются особенности, которые можно связать с хозяйственной деятельностью культур, населявших в разное время долину Москвы-реки. Так, в слое, содержащем находки фатьяновской культуры (поверхность почвы 3, датировка 4040±25), доля пыли деревьев несколько сокращена за счет пыли луговых и рудеральных трав (злаки, маревые, цикориевые, сложноцветные, гвоздичные и др.), а также конопли (рис. 1). Это может быть объяснено частичной вырубкой елового леса под луг и, возможно, поле. О том, что эта рубка была небольшой по площади и вскоре заросла лесом, свидетельствует абсолютное доминирование деревьев (95%), и прежде всего ели, в спектрах, лежащих выше (между почвами 3 и 3а).

К сожалению, образцы из почвы 3а, содержащей находки абашевской культуры (датировки 3630±70, 3650±70), оказались сравнительно бедными пылью. Из-за низкой концентрации удалось получить только один более или менее полноценный спектр, который оказался не похож на другие спектры почвы 3. Доля трав в нем составляет 25% – это преимущественно злаки (18%), а также другие луговые и рудеральные виды (сложноцветные, маревые, цикориевые, зонтичные). Пыльца деревьев составляет всего 75%, ели относительно мало (15%), зато много липы (18%), есть также береза (13%), ольха (6%) и вяз (1%) (рис. 1).

Мы предполагаем, что такие особенности спектра почвы 3а могут быть связаны с деятельностью людей абашевской культуры. Пойменный ельник

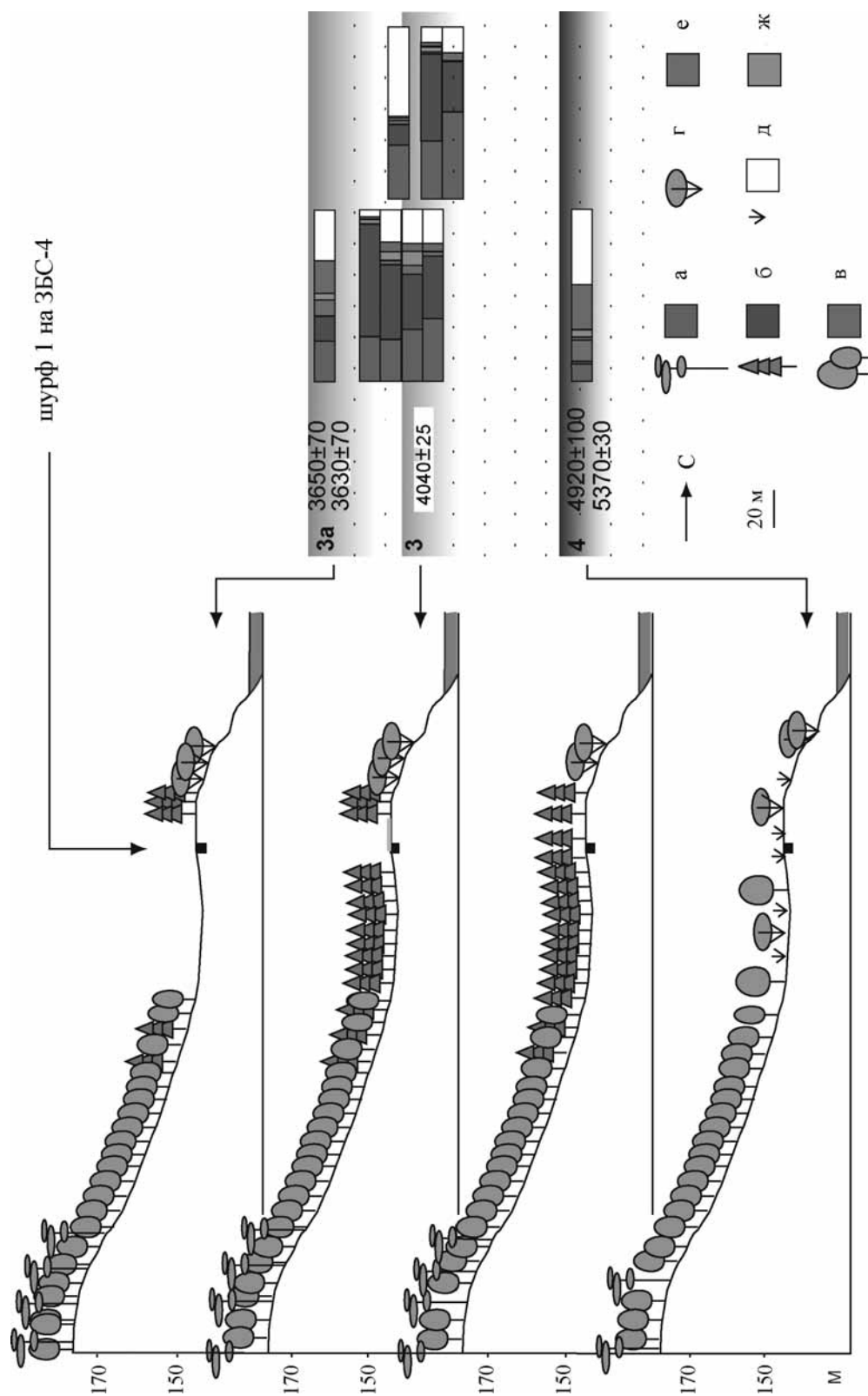

Рис. 1. Схематическая реконструкция изменений растительности в окрестностях объекта ЗБС-4 на основании спорово-пыльцевых данных. Справа показано количественное соотношение основных групп пыльцы

а – сосна; б – ель; в – широколиственные породы; г – кустарники; д – травы; е – береза; ж – ольха

мог быть вырублен на значительной площади, что объясняет резкое сокращение участия пыльцы ели и возрастание доли трав. Обилие пыльцы липы в спектре можно объяснить тем, что граница вырубки доходила до первой надпойменной террасы, где в то время, согласно данным исследований террасных торфяников (Ершова и др., 2013), росли липовые леса. Не исключено, что вырубка могла быть связана с земледелием, так как в образце из почвы 3а встречено несколько пыльцевых зерен злаков, по размеру похожих на культурные. Однако

из-за плохой сохранности точное определение этих пыльцевых зерен оказалось невозможным.

Таким образом, пыльцевые данные для погребенной почвы абашевского времени позволяют предположить, что растительность поймы в это время претерпела заметные трансформации, связанные с хозяйственной деятельностью людей. Однако скудость данных, связанная с общей низкой концентрацией пыльцы и ее плохой сохранностью, делают вышеизложенные заключения сугубо предположительными. Необходимы дальнейшие исследования.

Литература

Ершова Е. Г., Березина Н. А., Карина Е. В., 2013. Растительность долины Москвы-реки в суббореальном периоде (на рубеже неолита и бронзового века) по данным спорово-пыльцевого анализа // АП. Вып. 9. М.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Лазукин А. В., Войцик А. А., Раева В. А., Рожанская И. Н., 2013. Посе-

ленческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки // АП. Вып. 9. М.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008. Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РА-НИС // АП. Вып. 4. М.

E. G. Ershova

The results of pollen analysis of buried soils of the Bronze Age in the floodplain of the Moskva River (BSL-4)

Summary

Pollen analysis of buried soils showed that during the period of existence of Bronze Age cultures in the floodplain of the Moskva River complex spruce forests were common, which were partially cut down for economic needs. In the period of the residence of

people belonging to Abashevo culture, cutting was significantly greater in area than in the earlier eras (Corded ware, Fatyanovo cultures), and reached the first terrace above the floodplain. According to pollen data, there is some presence of farming.

Н. А. Кренке

Абашевская находка в долине Москвы-реки

В 2010 г. Звенигородской экспедицией ИА РАН было начато изучение территории Звенигородской биостанции МГУ им. С.Н. Скадовского, расположенной на правом берегу Москвы-реки возле с. Луцино. В первую очередь исследования были сконцентрированы в пойме Москвы-реки, так как именно пойменный ландшафт подвержен наиболее резким изменениям даже при относительно незначительных колебаниях климата. Пойменные отложения содержат горизонты погребенных почв, сформировавшихся в маловодные периоды, и толщи прослоев аллювия, накопившихся в периоды высоких паводков. Такое строение отложений пойменного аллювия обеспечивает надежную стратиграфическую расчлененность встречаемых в нем археологических находок и делает пойму особенно привлекательной для исследований, нацеленных на изучение детальной хронологии и культурной стратиграфии. В тыловой части поймы находятся конусы выносов из оврагов, которые вносят дополнительную ритмику в строение отложений нижнего уровня речной долины. На «пульсирование» оврагов, видимо, влияла хозяйственная деятельность людей, сведение леса могло провоцировать интенсификацию овражной эрозии.

Исследования в пойме имеют свою специфику. Они трудозатратны, так как необходимо прокапывать слои аллювия мощностью 1–2 м. Поиск ведется почти вслепую из-за того, что вся поверхность покрыта слоем молодого аллювия, сформировавшегося за последние 500 лет. С одной стороны, трудно рассчитывать на обнаружение

значительных археологических комплексов, ибо это дело случая; с другой – река всегда являлась осью притяжения для людей, и число хотя бы кратковременных посещений ее берегов было очень велико. Соответственно, и вероятность обнаружения археологических находок не так уж мала. При этом даже единичные находки могут играть роль стратиграфических маркеров, так как залегают в хорошо стратифицированных отложениях. Для находок эпохи бронзы это особенно ценно, так как даже на подмосковных торфяниковых стоянках горизонты с находками бронзового века, как правило, очень «уплощены», внутренней микростратиграфии не имеют. Во всяком случае, в публикациях отсутствуют такие микростратиграфические данные, которые бы позволяли судить о хронологическом соотношении материалов различных культурных традиций бронзового века. Также исключительно малочисленны примеры применения метода радиоуглеродного датирования для памятников бронзового века в бассейнах Верхней Волги и Оки. Исследования, проведенные на памятниках в озерной Мещере, являются редким исключением (*Каверзнева, Фоломеев, 1998*).

Находкам фатьяновской и абашевской культур, столь значимых для Европейской России, особенно «не повезло». Число имеющихся радиоуглеродных датировок для каждой из них всего лишь в районе десятка (*Черных и др., 2011*)¹. Исследователями подчеркивается плачевность состояния радиоуглеродной хронологии абашевской культуры на фоне радиоуглеродной хронологии

---

¹ Автор выражает особую признательность Л.Б. Орловской и С.В. Кузьминых за ценные консультации и предоставленную информацию о радиоуглеродных датировках Пепкинского кургана.

эпишнуровых культур Балкан, Центральной, Западной и Северной Европы, в круг которых она входит (*Мимоход*, 2013. С. 288).

После этой затянувшейся преамбулы рассмотрим уникальную абашевскую находку, обнаруженную на объекте ЗБС-4.

Историко-географические особенности объекта ЗБС-4 таковы. Пойма правого берега Москвы-реки под Верхними дачами, где расположена биостанция, делает расширение шириной до 100 м. С востока это расширение ограничивает ручей, протекающий по Бардинскому оврагу (дача академика И. П. Бардина находилась на его правом берегу). Судя по картам Генерального межевания, в XVIII в. по этому оврагу проходила граница владений деревни Аникеевой и села Луцино.

Исследования в пойме на левом берегу Бардинского оврага были начаты в 1976 г. В. Ю. Дукельским. На пашне были собраны кремневые отщепы и два нуклеуса. Участок был тогда обозначен как «местонахождение биостанция МГУ» (*Дукельский*, 1977. С. 3). На этом же участке А. К. Станюкович в 1963 г. и позже собирал средневековый подъемный материал, о чем известно из документации отдела археологии Звенигородского краеведческого музея.

В 2011 г. на конусе выноса из Бардинского оврага, на его левом берегу, была заложена серия шурфов (рис. 1). Шурф 1, где обнаружены находки бронзового века, был расширен затем до раскопа площадью 51 кв. м. (*Кренке и др.*, 2013). В этом шурфе в пахотном слое было собрано довольно значительное количество керамики XIII в. и печины, ниже зафиксированы две погребенные почвы. На уровне нижней из этих двух почв (почва 3) найден развал фатьяновского горшка (относительно раннего для этой культуры) и угли, по которым получена датировка 4040 ± 25 лет (UGAMS-10130). Объект был обозначен как ЗБС-4. Погребенная почва 3а залегала на 10–20 см выше почвы 3. На ее поверхности зафиксирован обширный развал обожженных (очажных) камней примерно овальной формы до 6 м в диаметре (рис. 2; 3). Первоначально было высказано предположение, что почва 3а на объекте ЗБС-4 может быть сопоставлена с почвой 2 в толще пойменных отложений, следовательно, начало ее формирования нужно относить к начальному железному веку (*Кренке и др.*, 2013. С. 16). Однако более тщательное изучение стратиграфии ЗБС-4 показало, что такое предположение неверно. Аргументы следующие: 1) погребенная почва 2 в пойме имеет хорошо развитый профиль лесной почвы с подзолом, чего в почве

3а в шурфе 1 на ЗБС-4 не наблюдается; 2) с уровнем почвы 2 в пойме связаны находки древнерусского материала, тогда как на ЗБС-4 древнерусский материал залегает выше. По-видимому, погребенная почва 3а в шурфе 1 на ЗБС-4 – это слабообразованная почва, сформировавшаяся на конусе выноса из оврага в период его временной стабилизации. Полученные в 2013 г. радиоуглеродные датировки дают ответ на вопрос, когда это произошло.

В центре развала обожженных камней наблюдалось пятно концентрации золы и мелких угольков диаметром около 1,5 м (оно начало прослеживаться чуть выше слоя камней). Толщина слоя обожженных камней в этом месте достигала 15–20 см. Можно предполагать, что именно здесь находился центр всего объекта, давшего развал обожженных камней. По углям из центрального углисто-золистого пятна были получены две идентичные радиоуглеродные датировки: 3630 ± 70 (ГИН-14855) и 3650 ± 70 (ГИН-14854). Калиброванные значения этих датировок, определенные по программе *OxCal* (версия 3.10), равняются соответственно 2040–1880 гг. до н. э. (вероятность 55,8%) и 2140–1920 гг. до н. э. (вероятность 68,2%). То есть наиболее вероятное значение этих дат приходится на рубеж III и II тысячелетий до н. э.

В слое развала камней на границе центрального углистого пятна был найден венчик абашевского горшка (рис. 2). Это единственная находка керамики во всем горизонте. Венчик имел дугообразный отгиб наружу, указывающий на колоколовидную форму горшка, что типично для абашевской культуры. В орнаментации венчика можно выделить следующие элементы: 1) ряд вертикальных насечек по внешней кромке; 2) горизонтальные параллельные линии в верхней части венчика; 3) горизонтальные «лесенки» под ними; 4) горизонтальные ряды мелких ямок диаметром 2–3 мм на тулове. Все эти элементы типичны для орнаментации посуды средневожской абашевской культуры (*Большов*, 2003. Рис. 11–13; *Кузьмина*, 1999; *Пряхин, Халиков*, 1987). А. Д. Пряхин приводит весьма обоснованные аргументы для отнесения всей средневожской группы абашевских памятников к позднему этапу этой культуры (*Пряхин*, 1977). Можно отметить, что такой орнаментальный элемент, как «горизонтальные лесенки», встречается именно на средней Волге и Южном Урале, но не в верховьях Дона. Особенно важно, что имеются близкие параллели в посуде Пепкинского кургана, содержавшего коллективное захоронение (*Халиков и др.*, 1966. Табл. 1–3). По типологическим признакам Пепкинский курган исследователи относят к позднему абашеву (*Большов*,

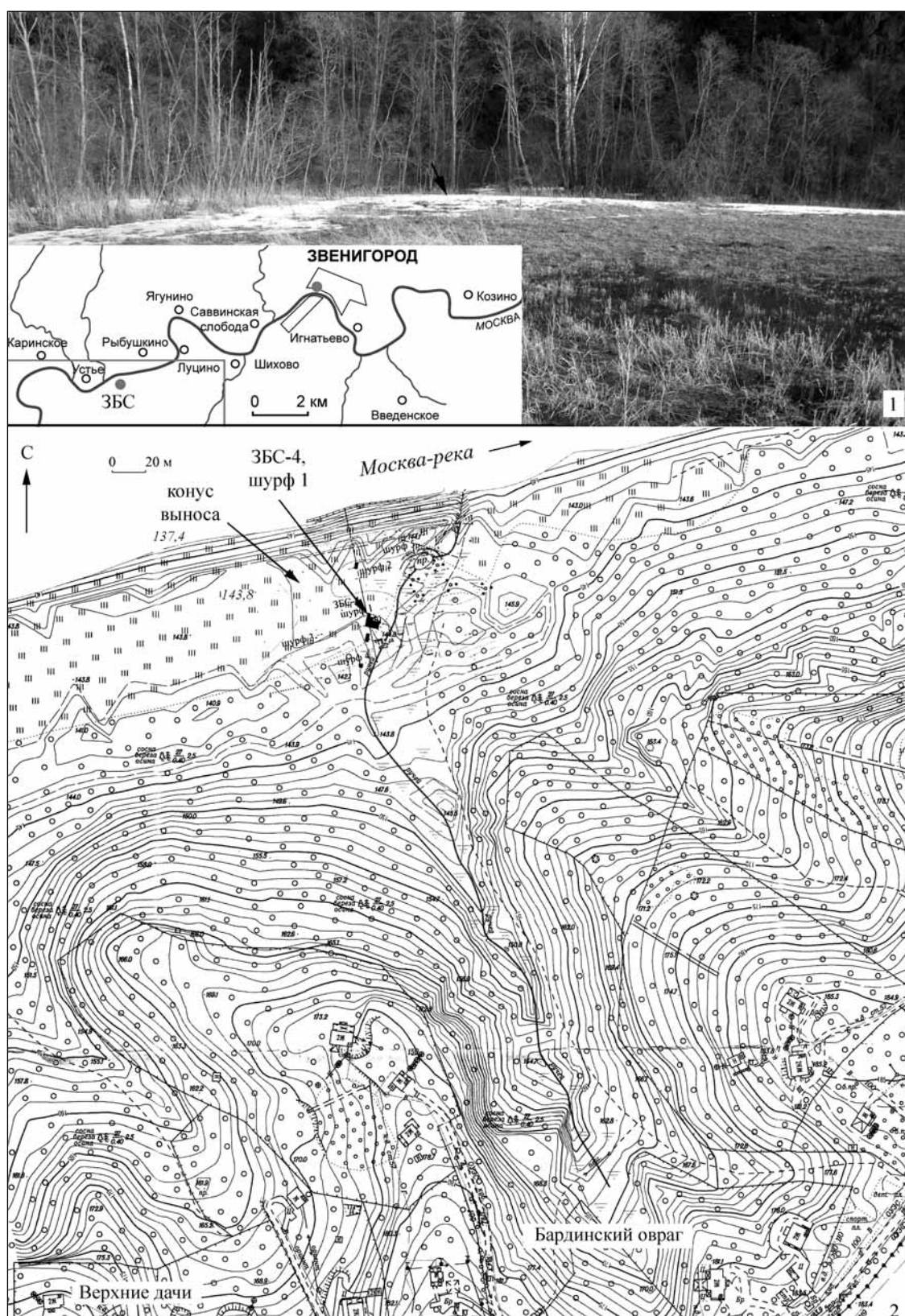

Рис. 1. План Бардинского оврага (Звенигородская биологическая станция, Луцино, Московская обл.) с указанием местоположения шурфов на объекте ЗБС-4 (2) и фото конуса выноса из Бардинского оврага (со стороны реки), стрелкой показано место шурфа 1 (1)

Рис. 3. Скопление обожженных камней на объекте ЗБС-4 (вид с севера), где была найдена абашевская керамика

2003. С. 49). Очень важно, что для этого памятника имеются серийные радиоуглеродные датировки, с которыми можно сравнивать даты ЗБС-4.

Всего для Пепкинского кургана имеются девять датировок (Добровольская, Медникова, 2011; Кузнецов, 2001), полученных в трех лабораториях (Хельсинки, Киев, Мангейм). Крайние значения датировок всей серии – 3597 и 3853 лет. Шесть датировок компактно распределились в интервале 3640–3690 лет от наших дней (некалиброванные даты).

Как видим, полученные на ЗБС-4 датировки идеально соответствуют наиболее надежной серии дат из Пепкинского кургана.

Таким образом, стратиграфические данные по раскопу ЗБС-4 и результаты радиоуглеродного датирования хорошо согласуются друг с другом. Можно с большой долей уверенности говорить, что абашевская находка на ЗБС-4 относится именно к рубежу III и II тысячелетий до н. э.

В бассейне Москвы-реки абашевская находка на ЗБС-4 является первой. Всего же в междуречье Оки и Клязьмы известно еще восемь памятников (Луньков, Энговатова, 2003). Ближайшими являются курган на р. Протве в районе д. Огубь, раскопанный В. А. Городцовым; курганы у д. Орлово на р. Воре, раскопанные Р. Л. Розенфельдом, и курганный могильник Кухмарь на Плещеевом

озере, раскопанный Д. А. Крайновым (1962; Крайнов, Уткин, 1991).

На всех этих памятниках представлены те же самые орнаментальные элементы, что и на горшке с ЗБС-4. Вероятно, эти памятники синхронны и родственны друг другу, их можно обозначить как «западная группа».

Учитывая значительно большую концентрацию абашевских памятников на средней Волге в Марийской и Чувашской республиках, логично было бы предположить, что колонизация шла именно оттуда, вверх по течению рек Клязьма, Ока, Москва-река. Это предположение было ранее высказано С. В. Большовым (2003. С. 53).

Возможно и другое предположение. Если допустить, что абашевская колонизация шла с юга на север, то, возможно, направления маршрутов миграций представляли собой некий «веер», западные лучи которого указывали на Москву – Плещеево озеро, а восточные – на среднюю Волгу. В пользу этого предположения косвенно свидетельствуют материалы наиболее представительного памятника западной группы – Кухмарьского могильника. Д. А. Крайнов и В. А. Уткин отмечают для него наличие ряда уникальных черт, не имеющих аналогов в абашевских памятниках средней Волги (Крайнов, Уткин, 1991. С. 151). Во всяком случае, важно подчеркнуть, что средневожские и москворецкие

находки абсолютно синхронны с точки зрения радиоуглеродного датирования. Возраст этих памятников, как выяснилось при радиоуглеродном датировании, на два-три столетия более древний, чем считалось ранее (Большов, 2003), а именно XXI–XIX вв. до н. э., а не XVII–XVI вв. до н. э.

Абашевские находки западной группы синхронны погребениям шагарского могильника (Каверзнева, Фоломеев, 1998). Таким образом, можно предполагать, что абашевские колонизационные потоки обходили такие густо заселенные места Окско-Клязьминского междуречья как озерная Мещера, оставляя лишь след соприкосновения. В орнаментации керамики шагарской культуры можно усмотреть некоторые параллели с абашевской – «горизонтальные лесенки» (Каверзнева, Фоломеев, 1998. Рис. 5, 4). На стоянке Воймежная был найден абашевский медный топор.

К сожалению, пока трудно предложить какую-либо надежно обоснованную функциональную интерпретацию абашевского комплекса на ЗБС-4. Вообще, надо отметить, что открытые очаги с камнями были неоднократно зафиксированы на территориях абашевских могильников. В том числе они представлены на Кухмарском могильнике. Доказательства того, что мы имеем дело с разрушенной постройкой, лишь косвенные. Очевидно, сама сохранность центрального очажного места была невозможна (?), если его не защищала некая конструкция, следов которой проследить не удалось. Незначительное количество бытового мусора указывает на то, что хозяйственная активность была

здесь спорадической. В почве, подстилающей абашевский горизонт, где был найден горшок фатьяновской культуры, обнаружена пыльца культурного растения – конопля. Имеются свидетельства спорово-пыльцевых анализов о частичном сведении леса в ближайших окрестностях. То есть можно предполагать наличие небольшого поля (Ершова и др., 2013). Допустимо, что в абашевское время, несколько столетий спустя после пребывания здесь людей, оставивших фатьяновский горшок, на данном участке поймы велась какая-то хозяйственная деятельность. Во всяком случае, спорово-пыльцевые анализы² указывают на то, что сведение леса в пойме в «абашевское время» было расширено сравнительно с фатьяновским периодом. Это очень важно, так как дает основания надеяться на новые находки.

Значение абашевских москворецких находок заключается также в том, что они обосновывают верхнюю хронологическую границу фатьяновской культуры в регионе. Исследователи отмечали ряд примеров, обосновывающих «соприкосновение» балановских и абашевских древностей (Большов, 2003. С. 50). В москворецком регионе такие примеры пока неизвестны. Скорее всего, хронологический зазор между поздними фатьяновскими и абашевскими памятниками был небольшим. Вероятно, верхнюю границу фатьяновских древностей надо определять примерно как 3700 радиоуглеродных лет (XXII–XXI вв. до н. э.), что вытекает из результатов датирования собственно фатьяновских памятников и абашевских (Кренке и др., 2013; Черных и др., 2011).

Литература

Большов С. В., 2003. Средневолжская абашевская культура. Йошкар-Ола.

Добровольская М. В., Медникова М. Б., 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46).

Дукельский В. Ю., 1977. Отчет о разведках в Московской области в 1976 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 6364

Ершова Е. Г., Березина Н. А., Карина Е. В., 2013. Растительность долины Москвы-реки в суббореальном периоде (на рубеже неолита и бронзово-

го века) по данным спорово-пыльцевого анализа // АП. Вып. 9. М.

Каверзнева Е. Д., Фоломеев Б. А., 1998. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи неолита – ранней бронзы озерной Мещеры // Тр. ГИМ. Вып. 96. М.

Крайнов Д. А., 1962. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88.

Крайнов Д. А., Уткин А. В., 1991. Курганный могильник Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний неолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. Йошкар-Ола.

² См. статью Е. Г. Ершовой в настоящем сборнике.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Лазукин А. В., Войцик А. А., Раева В. А., Рожанская Н. И., 2013. Поселенческие объекты круга культур шнуровой керамики в долине Москвы-реки//АП. Вып. 9. М.

Кузнецов П. Ф., 2001. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы//Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация (Материалы конференции «К 100-летию периодизации В. А. Городцова бронзового века Восточной Европы»). Самара.

Кузьмина О. В., 1999. Керамика абашевской культуры//Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.

Луньков В. Ю., Энговатова А. В., 2003. Курганый могильник Орлово 1 (Абашевская культура в Волго-Окском междуречье)//Абашевская

культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары.

Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего бронзового века. М.

Пряхин А. Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А. Д., Халиков А. Х., 1987. Абашевская культура//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б., 2011. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э.//Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 2. М.

Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган//Тр. Марийской археологической экспедиции. Том 3. Йошкар-Ола.

N.A. Krenke

Abashevo find in Moskva-river valley

Summary

This article presents new evidence from excavations in the Moskva river valley, where Bronze Age site ZBS-4 have been found under alluvial sediments on the flood plain. The finds were identified to the Abashevo culture. Radiocarbon dates and stratigraphy

demonstrate that this site developed at the turn from the 3rd to 2nd millennium BC. Analysis of pollen identified ancient forest clearance and provided a general picture of the proportion of wild and culture landscapes.

Е.В. Столяров

Об одном типе треугольных привесок на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы

В ходе работ Т.В. Наумовой 1995 г. на поселении Жабынь в Тульской области было найдено бронзовое украшение (рис. 1, 1) – подтреугольная привеска с прорезями, верхний конец которой сужен и загнут в петлю (Наумова, 1995. Л. 21. Рис. 21, 1). Наряду с железным наконечником стрелы украшение стало важным маркером для определения на стоянке-поселении у д. Жабынь культурно-хронологической принадлежности горизонта раннего железного века. Изучение аналогичных изделий показало, что данный тип украшений является достаточно редкой и даже уникальной находкой для территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Определению культурно-хронологической принадлежности подобных изделий и будет посвящена данная работа.

Привеска – универсальное украшение, которое чаще всего входит в состав ожерелий, хотя может прикрепляться и непосредственно к одежде (Щапова и др., 2007. С. 43). Все рассматриваемые в этой статье экземпляры найдены вне контекста, связанного с костюмом, или состава каких-либо украшений.

Известные в настоящее время треугольные привески найдены на широкой территории от верховьев рек Сейма и Оки до р. Днепр. Все находки объединены следующими признаками: 1) форма – треугольная; 2) оформление ушка в виде суженного конца, загнутого в петлю; 3) наличие прорезей в щитке привески. У двух находок этот признак отсутствует (рис. 1, 8, 12). Некоторые привески имеют дополнительное украшение нижней грани щитка в виде эсовидных завитков или четырех округлых выступов. Удалось собрать информацию о 12 подобных предметах, происходящих из восьми пунктов (рис. 2, 2–5, 7–10).

1. Поселение у д. Жабынь (Белевский р-н Тульской обл.; рис. 2, 4). Привеска литая бронзовая найдена в раскопе 2 (кв. 4/III; гл. 0,36 м) (Наумова, 1995. Л. 21). Сохранность изделия позволяет говорить о наличии двух прорезей овальной формы по краям щитка (правый край поврежден), оформленного в виде перевернутой буквы V. Высота привески – 3 см, максимальная ширина – 1,5–1,7 см (рис. 1, 1). Период существования горизонта раннего железного века на стоянке-поселении Жабынь, к которому относится подвеска, может быть определен в рамках VI–III вв. до н.э. Этот горизонт был оставлен носителями традиций текстильной керамики. В керамическом комплексе отмечается постепенное изживание этих традиций в силу влияния керамических традиций скифоидных племен.

2. Городище Кузина Гора (Курчатовский р-н Курской обл.; рис. 2, 3). Привеска литая бронзовая, с четырьмя округлыми выступами на нижней грани щитка. В поле щитка – три прорези овальной формы. Высота – 2,8 см, максимальная ширина – 1,5 см (рис. 1, 2). Найдена в слое, относящемся к лесостепной культуре скифского времени. Датировка слоя на основании всего вещевого комплекса определена А.Е. Алиховой в границах VI–V вв. до н.э. (Алихова, 1962. С. 116).

3. Городище Переверзево I (Золотухинский р-н Курской обл.; рис. 2, 2). Привеска литая бронзовая, изготовленная из плоской пластинки треугольной формы, верхний конец которой сужен и загнут в петлю для подвешивания. На щитке – две вертикальные прорези. Длина – 3 см, ширина щитка внизу – 1,5 см (рис. 1, 3). Обнаружена в раскопе I в 1979 г. (Пузикова, 1997. С. 65. Рис. 24, 19). Результаты спектрального анализа показали, что привеска выполнена из оловянной бронзы. Большинство

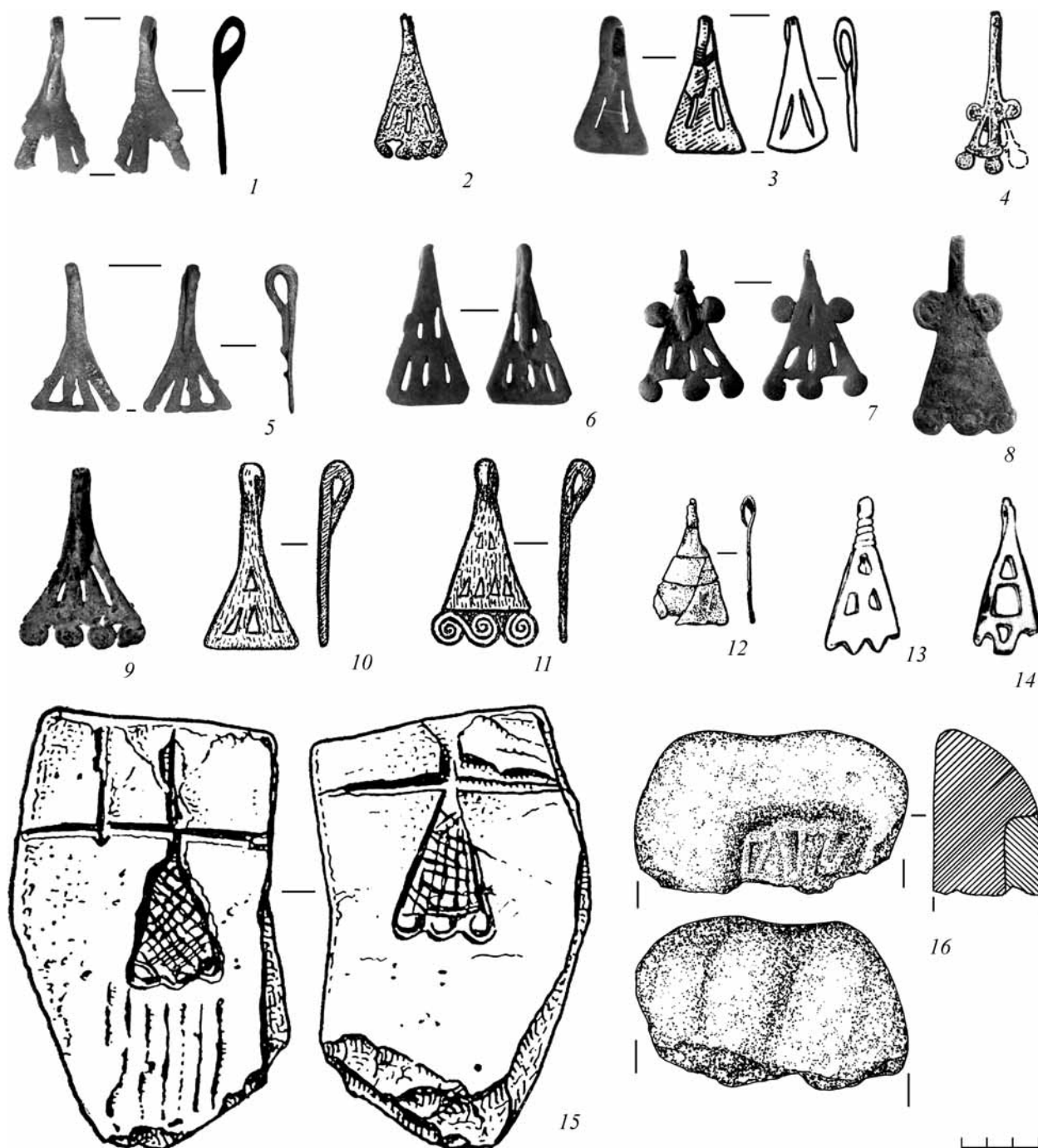

Рис. 1. Треугольные привески с прорезями и литейные формы из находок на археологических памятниках

1 – Жабынь; 2 – Кузина Гора; 3 – Переверзево I; 4 – Марица; 5 – Тураевка 1; 6–8 – Курская область (случайные находки); 9 – Сатинка; 10–11 – Наквасино; 12 – Щербинское; 13–14 – Цинцарайский и Так-Килисинский могильники; 15 – Нартово; 16 – Дуна

изделий из бронзы, найденных на городище (в том числе и привеска), изготовлены из металла (67% сырья), широко представленного на всей территории Восточной Европы и Северного Кавказа (Барцева, 1997. С. 112). Ранние культурные напластования городища, к которым относится привеска,

были оставлены племенами лесостепной скифоидной культуры. Вещевой комплекс позволяет датировать этот период в границах рубежа VII/VI–V вв. до н. э. Сама привеска была отнесена А. Е. Алиховой к VI – рубежу VI/V вв. до н. э. (Пузикова, 1997. С. 66).

4. Городище Марица (Львовский р-н Курской обл.; рис. 2, 9). Привеска бронзовая треугольной формы с двумя ажурными сквозными прорезями, украшена внизу тремя (один не сохранился), а сверху двумя расположенными по сторонам округлыми выступами. Верхний конец пластинки вытянут в полосу и загнут в петлю, которая, в свою очередь, украшена сверху маленькой круглой нашлапкой (рис. 1, 4). Высота привески – 3,2 см, максимальная ширина – около 1,5 см. Найдена в раскопе IV 1975 г. (Пузикова, 1981. С. 81, 82. Рис. 39, 37). Основным период жизни на городище определен А. И. Пузиковой в границах VI–V вв. до н. э. Он связан с заселением в это время территории Курского Посеймья племенами, принадлежавшими к кругу лесостепных культур скифского времени (Пузикова, 1981. С. 100).

5. Городище Тураевка 1 (Коньшевский р-н Курской обл.; рис. 2, 10). Случайная находка привески известна по фотографии А. Г. Шпилева¹. Привеска бронзовая треугольной формы с тремя сквозными прорезями треугольной формы. Верхний конец пластинки вытянут в полосу и загнут в петлю. Высота привески – 3 см, максимальная ширина – 1,7 см (рис. 1, 5). Памятник обследовался Ю. А. Липкиным, А. И. Пузиковой и П. Г. Гайдуковым. Городище датировано ранним железным веком и содержит культурные напластования лесостепной скифоидной культуры (Липкин, 1962. С. 139).

6. Городище Сатинка (Киреевский р-н Тульской обл.; рис. 2, 5). Треугольная привеска с ушком, тремя сквозными прорезями овальной формы, внизу имеет четыре округлых выступа с concentрическими кругами. Высота привески – 3,5 см, максимальная ширина – 2,3 см (рис. 1, 9). Внешним видом она напоминала С. А. Изюмовой привеску в виде лапки водоплавающей птицы, только сильно стилизованную (Изюмова, 1967. С. 128. Рис. 1, 9). Полуколичественный спектральный анализ 59 предметов с городища Сатинка показал, что все изделия изготовлены из оловянистых бронз (Изюмова, 1967. С. 134). Исходное сырье сатинские металлурги получали из района, лежащего к юго-западу от городища, за пределами верхнеокского бассейна. Этим объясняется юго-западное происхождение основных форм бронзовых изделий городища. Исследование привески через бинокулярный микроскоп определило технологию ее изготовления – литье по восковой модели, выполненной в технике «воскового вязания» (Изюмо-

ва, 1967. С. 137). Стил ь ажурного подгорцевско-го литья, сформировавшийся в VI–IV вв. до н. э., стал основой ювелирного ремесла, развившегося на всей рассматриваемой территории (Обломский, Сыроватко, Сапрыкина, 2012. С. 174). Датировка памятника осуществлена по многочисленным изделиям из цветного металла в границах VI–III вв. до н. э. (Изюмова, 1967. С. 128, 139). К какому слою городища относится находка и каков ее культурно-исторический контекст, в настоящее время сказать затруднительно.

7. Городище Накvasино (Дорогобужский р-н Смоленской обл.; рис. 2, 7). С городища происходят две привески (рис. 1, 10–11). Первая – треугольная литая с ушком, тремя сквозными прорезями подтреугольной формы внизу щитка и одной прорезью подтреугольной формы в центре. Высота привески – 3,5 см, максимальная ширина – 1,7 см (рис. 1, 10). Вторая – треугольная литая с ушком, внизу щитка ряд из четырех прорезей подтреугольной формы, сверху – две такие же прорези. Нижняя грань щитка украшена дополнительно эсвидным элементом. Высота – 3,5 см, максимальная ширина – 2 см (рис. 1, 11). Культурные напластования относятся к днепро-двинской культуре в самом широком диапазоне ее существования (Шмидт, 1992. С. 40, 117).

8. Городище Щербинское (Подольский р-н Московской обл.; рис. 2, 8). Привеска треугольной формы, один конец которой вытянут и согнут в петельку. Основание украшено полоской зерни (тип 24 по К. А. Смирнову), прорези отсутствуют (Смирнов, 1974. С. 52. Табл. VI, 17). Высота – 2,5 см, максимальная ширина – 1,5 см (рис. 1, 12). Материальная культура городища оставлена племенами дьяковской культуры, датировка памятника – VII–VI вв. до н. э. – V–VI вв. н. э. К какому слою относится привеска, сказать сложно ввиду значительной его перетолженности (Дубынин, 1974. С. 248–250).

Еще три привески происходят из Курской области. Это случайные находки, известные только по фотографиям. Первая привеска треугольной формы, верхний конец которой сужен и загнут в петлю для подвешивания (рис. 1, 6). Три прорези овальной формы размещены внизу щитка, две аналогичной формы – чуть выше. Ширина – 1,6 см, высота – 3 см. Вторая привеска треугольной формы, верхний конец которой сужен и загнут в петлю для подвешивания (рис. 1, 7). В нижней части щитка – три прорези овальной формы. По нижней

¹ Выражаю глубокую благодарность заведующему научно-экспозиционного отдела Курского государственного областного музея археологии А. Г. Шпилеву за предоставленную информацию о находке.

границы щитка, по углам и в центре, расположены три округлых выступа. В верхней части щитка, по его бокам, расположены аналогичные округлые выступы. Ширина – 2 см, высота – 2,8 см. Ушко частично утрачено. Третья привеска треугольной формы, верхний конец сужен и загнут, видимо, в петлю для подвешивания (рис. 1, 8). Прорези отсутствуют. По нижнему краю щитка, по углам и в центре, расположены три округлых выступа с концентрическими кругами. В верхней части щитка, по его бокам, расположены аналогичные округлые выступы с концентрическими кругами. Ширина – 2 см, высота – 3,8 см.

Кроме находок привесок необходимо указать находки литейных форм для изготовления изделий близких форм.

Первая найдена на городище Нартово (Курский р-н Курской обл.; рис. 2, 1). Литейная форма изготовлена из мергеля и предназначена для отливки ажурной треугольной серьги (?), оканчивающейся тремя шариками (рис. 1, 15). Период существования городища Нартово можно определить в широких пределах VI–III вв. до н.э. Его население принадлежало к кругу скифоидных лесостепных культур (Пузикова, 1978. С. 55. Рис. 3, 18).

Вторая литейная форма происходит с городища Дуна (Суворовский р-н Тульской обл.; рис. 2, 6). Фрагмент керамической формы был найден в раскопе 3 (2011 г.) на склоне городища в переотложенном культурном слое. Форма предназначалась, видимо, для отливки украшения, морфологически близкого привескам (рис. 1, 16). Материалы раннего железного века городища Дуна относятся к верхнеокской культуре, период существования которой определяется в рамках VI–III вв. до н.э. Керамический комплекс городища Дуна интересен тем, что содержит примесь материалов лесостепной скифоидной культуры (Носов, 1974. С. 6).

Для полноты аналогий необходимо отметить, что привески подобного типа происходят из погребений раннего железного века Цинцкарайского и Так-Килисинского могильников в Триалети (рис. 1, 13–14). Они имеют треугольную форму щитка, несколько иначе расположенные прорези других форм. У одной привески ушко литое (рис. 1, 14). Последние датированы Б.А. Куфтиным поздним этапом Ванской эпохи – VII–VI вв. до н.э. (Куфтин, 1941. С. 54. Рис. 51, 3–4).

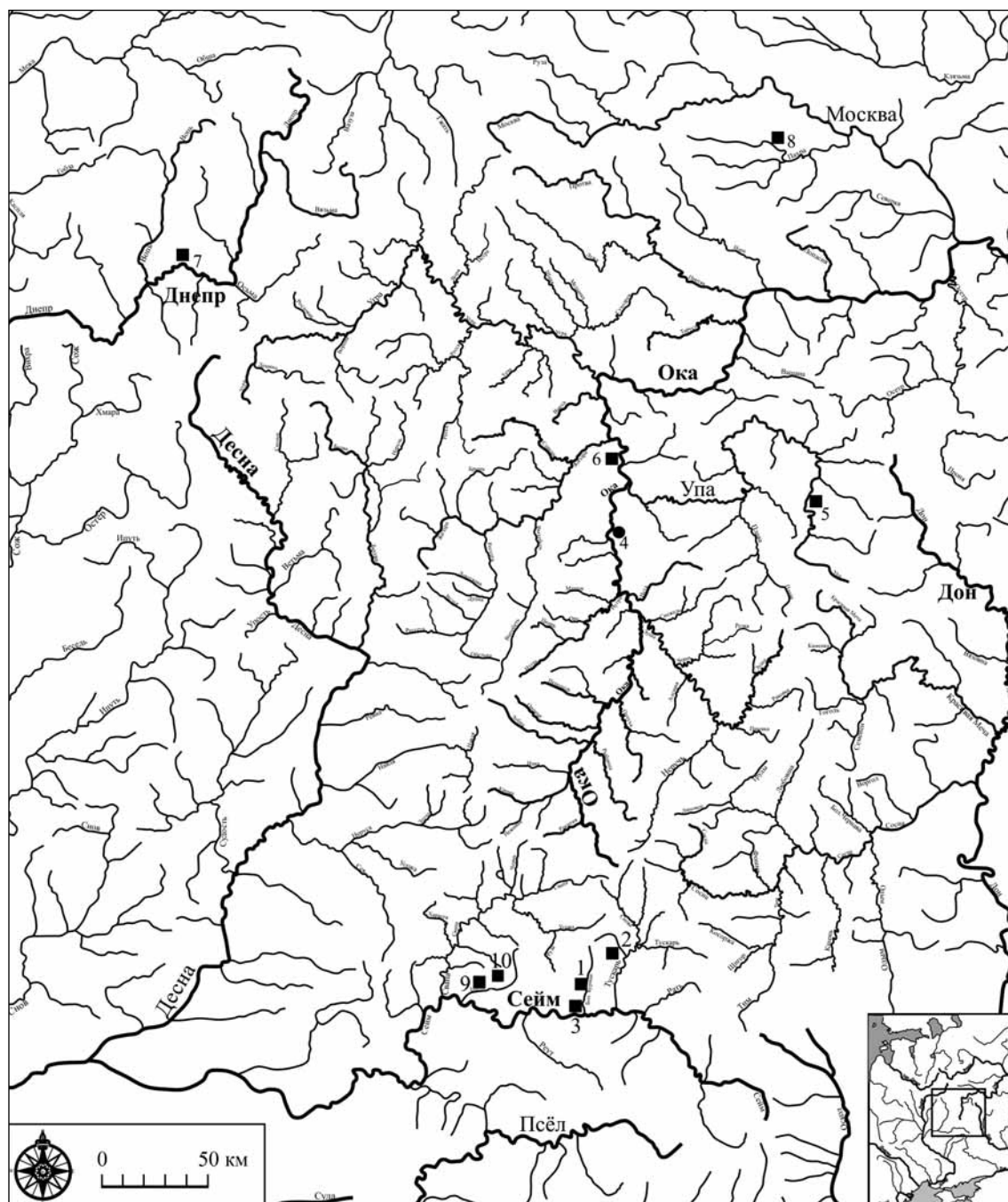
Как было показано выше, все привески связаны с археологическими общностями раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы: днепро-двинской, верхнеокской, дьяковской и скифоидной лесостепной культурами. По мнению

А.И. Пузиковой, исходя из перечня аналогий, привески треугольных форм с прорезями были наиболее характерны для территории Посеймья (Пузикова, 1997. С. 65). Действительно, четыре привески (Кузина Гора, Переверзево I, Марица, Тураевка 1) и одна литейная форма (Нартово), непосредственно связаны с вещевым комплексом лесостепной скифоидной культуры. Три случайные находки происходят из области распространения памятников скифоидной культуры, ее сейминского локального варианта. Две привески (стоянка-поселение Жабынь и городище Сатинка) и одна форма (Дуна) попали на верхнюю Оку, видимо, вследствие культурного влияния лесостепной скифоидной культуры.

Касаясь проблемы происхождения ювелирной традиции, необходимо отметить следующее. Доля импортных вещей на городище Переверзево I составляет около 30%. Ближайшие аналогии сырью, из которого изготовлены импортные вещи, можно указать в источниках из юго-западных областей. Типологические параллели большинства импортных изделий находят среди лесостепных культур Поднепровья, Западной Подолии и Побужья. Данный факт свидетельствует об оживленных торговых связях жителей городища со своими юго-западными лесостепными соседями. Это не противоречит гипотезе о заселении Курского Посеймья в раннем железном веке населением, принадлежавшим к кругу лесостепных культур скифского времени (Барцева, 1997. С. 113).

Для днепро-двинских племен с VI в. до н.э. также отмечаются интенсивные контакты со своими юго-западными соседями. В верховьях р. Днепр появляются разного рода подвески, очень напоминающие подгорцевские (треугольные и гроздевидные), украшенные эсовидными и спиральными завитками. Связи с подгорцевскими племенами могли осуществляться через территорию милоградских племен южной Белоруссии (Шмидт, 1992. С. 107). Предположительно с этими культурными процессами и связано появление в ареале днепро-двинской культуры, на городище Наквасино, двух привесок.

Возможно, для территории верхнего Посеймья и верхнего Поочья, так же как и для верхнего Поднепровья, можно отметить общий регион – источник поступления сырья – Среднее Поднепровье. Считается, что древнейшая металлургия днепро-двинских племен сложилась в основном под воздействием традиций Среднего Поднепровья (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 20). Принимая во внимание определенную зависимость от традиций поставщиков сырья, можно предположить, что из этого же региона были занесены и некоторые

Рис. 2. Памятники, откуда происходят находки привесок (2–5, 7–10) и литейных форм (1, 6) для отливки морфологически близких изделий

1 – Нартово; 2 – Переверзево I; 3 – Кузина Гора; 4 – Жабынь; 5 – Сатинка; 6 – Дуна; 7 – Наквасино; 8 – Щербинское; 9 – Марица; 10 – Тураевка I. (1–3, 5–10 – городища; 4 – поселение)

образцы украшений. По такому же принципу протекал процесс заимствования в самом Среднем Поднепровье, где сырьем местных ювелиров обеспечивал Кавказ (Рассадин, 1991. С. 113). Привески, найденные при раскопках в Триалети, возможно, являются прототипами для форм известных на территории лесных и лесостепных культур.

Учитывая стилистическую близость изученных нами вещей, стратиграфические условия находок и общие наблюдения над хронологией памятников, время бытования треугольных привесок с прорезями может быть осторожно определено в рамках VI–V вв. до н. э.

Литература

- Алихова А. Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья//МИА. № 113.
- Барцева Т. Б., 1997. Цветной металл городища Переверзево (результаты спектрального анализа)// Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.
- Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище// Дьяковская культура. М.
- Изюмова С. А., 1967. О бронзолитейном производстве Сатинского городища//СА. № 1.
- Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.
- Липкин Ю. А., 1962. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье//МИА. № 113.
- Наумова Т. В., 1995. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Ясногорском районах Тульской области в 1995 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 19364.
- Носов Е. Н., 1974. Лепная керамика городища Дуна//КСИА. Вып. 140.
- Обломский А. М., Сыроватко А. С., Сапрыкина И. А., 2012. Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы//КСИА. Вып. 226.
- Пузикова А. И., 1978. Городище у дер. Нартово под Курском//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Пузикова А. И., 1981. Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н. э. М.
- Пузикова А. И., 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.
- Рассадин С. Е., 1991. Украшения подгорцевского стиля//Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.
- Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги)//Дьяковская культура. М.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.–Л.
- Шмидт Е. А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепродвинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.
- Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Сарачева Т. Г., Столярова Е. К., 2007. Морфология украшений. М.: КДУ. (Морфология древностей. Вып. 4).

E. V. Stolyarov

On a type of triangular pendants / pendant in the territory of forest and steppe zones of Eastern Europe

Summary

Triangular pendants with slots are a rare finding on the territory of forest-steppe regions of Eastern Europe. Their appearance on the territory is associated with the

cultural traditions of forest-steppe Scythian culture. The period of existence of pendants with slots can be carefully defined within the 6th – 5th centuries BC.

А. С. Сыроватко, А. А. Трошина, А. А. Гольева, В. А. Шишков

Скопления «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность?

Щуровский могильник под Коломной – сложный памятник, включающий в себя, по сути, два разновременных могильника с кремациями (ранний курганный и поздний грунтовый), возникших на культурных отложениях дяковского и поздне-дяковского времени. Погребальный обряд и отдельные погребения этого памятника неоднократно публиковались (Сыроватко, 2010; Сыроватко, Тодорова, 2009; Сыроватко и др., 2012), но в настоящей работе нам хотелось бы представить несколько объектов, распознанных в ходе раскопок не сразу, да и их роль в погребальном обряде еще предстоит оценить. Речь пойдет о скоплениях обгорелых вещей – бусах, слитках металла, явно прошедших погребальный костер, но располагавшихся вне скоплений костей.

К настоящему времени мы можем выделить минимум четыре таких скопления. Разрозненные находки «погребального круга», как и разрозненные кальцинированные кости, сами по себе часто встречаются в слое грунтового могильника, образуя своеобразный фон памятника. Но все скопления, о которых пойдет речь, объединяет высокая концентрация находок при крайне небольшом количестве костей.

Первое из этих скоплений было зафиксировано в раскопе VI 2011 г. Основная его часть концентрировалась в кв. 65 и соседних с ним (рис. 1, 2). Никаких особенностей вмещающего находки слоя не прослежено, все они залегали в черном песке, самой нижней, надматериковой его прослойке. Обгоревшие находки в целом схожи с погребальным набором грунтовых кремаций, но, хотя отдельные обломки костей и встречались среди находок, в целом это производило впечатление преднамеренно собранных с погребального костра вещей

и ссыпанных отдельно (не «вещи среди костей», а редкие «кости среди вещей»). Общее количество учтенных находок из стекла составляет 69 экз. (рис. 2). Из них 98% приходится на многочастные пронизи (исключения – слиток голубого прозрачного стекла (рис. 2, 3), в котором можно опознать крупную бусину, и желтый прозрачный бисер (рис. 2, 38). Несмотря на воздействие огня почти на все находки из этого скопления, в силу особенностей формы не составляет труда идентифицировать их как пронизи, изготовленные из тянутых трубочек (VIII группа по З. А. Львовой). Они разделены нами на четыре группы:

- однослойные пронизи (встречены только в темно-синем исполнении) – 36% от общего числа стеклянных находок;

- двуслойные пронизи без металлической прокладки с покровным стеклом желтого (28%) либо белого (22%) цвета;

- серебряностеклянные пронизи, т. е. пронизи с металлической прокладкой (серебряной фольгой), покрытые прозрачным покровным стеклом – 9%;

- наконец, редкие на памятнике продольно-полосатые пронизи синего стекла с белыми полосками – 3%, или всего два экземпляра (рис. 2, 25, 42).

Пронизи этого скопления имели от двух до семи частей. Многочастность в сочетании с небольшой глубиной перехватов принято считать диагностирующим признаком для VIII–IX вв. (Львова, 1968). Интересны продольно-полосатые пронизи синего стекла с белыми полосками, обнаруженные на данном памятнике впервые (VIII группа, 2-я подгруппа по З. А. Львовой). Такие бусы имеют многочисленные аналогии в ранних слоях Старой Ладogi, в погребениях IX в. Бирки (Львова, 1968. С. 85–86; Callmer J., 1977. Col. Pl. III),

Дмитровском могильнике (Плетнева, 1989. С. 121, 122), городище Княжая Гора под Демянском (Доброва, Торопов, 2009. С. 277, 281), поселениях Гнёздово (Френкель, 2007. С. 86, 98), Горяне I (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 330–331). Они датируются VIII–IX вв.

Помимо бус в скоплении присутствовали также миниатюрная железная накладка овальной формы с заклепками (рис. 2, 4) и неатрибутированные обломки железных изделий (рис. 2, 5, 43). Особняком стоят многочисленные – всего 32 – обломки изделия из медного сплава (рис. 2, 44). В одном случае обломок предмета вплавился в тело пронизки белого стекла (рис. 2, 6). Вероятнее всего, это обломки двух серег со спиральным окончанием. Опознать их стало возможно только после обнаружения в соседнем погребении целого экземпляра. Дата таких серег довольно широка: включает всю вторую половину I тысячелетия н. э. и начало X в. (Григорьев, 2005. С. 95). Наиболее близкие аналогии происходят из поселений бассейна Верхней Оки – Торхово, Чортово Городище (Григорьев, 2005. С. 95). Не исключено, что такой же или близкого типа предмет был найден В.В. Сидоровым в погребении 8 могильника Лужки «Е» в 1993 г. (Сидоров, 1993. Рис. 94).

Очевидно также, что перед нами необычный набор, одно ожерелье, состоящее почти целиком из пронизок. Несколько находок сосредоточены в кв. 86, 87, 98. Это обломок изделия из медного сплава, капли белого металла (3 шт.), железный шлак (?), и тонкий, четырехгранного сечения, железный гвоздик, вставленный в квадратную железную пластинку. Возможно, часть этих находок могла входить в состав скопления в кв. 65–75, хотя набор вещей этого мини-скопления отличается от основного. Подчеркнем еще раз, что это скопление находок нельзя однозначно увязывать с каким-либо погребением (а вблизи от него их располагались два).

По нашему мнению, наиболее вероятным «претендентом» на это скопление является погребение – скопление костей, располагавшееся в 2 м к югу от него (рис. 1, 3) в центре материковой западины с очень пологими стенками, и хотя от аллювиальных отложений ядро костей было отделено слоем могильника (черного углистого песка), понижение это сохранялось и было заполнено позднее аллювием. В плане скопление имело форму неправильного овала (рис. 3) площадью около 2 кв. м. Мощность линзы костей достигала 15 см, что, по меркам Щуровского могильника, средняя толщина. Стратиграфия этого погребения, таким

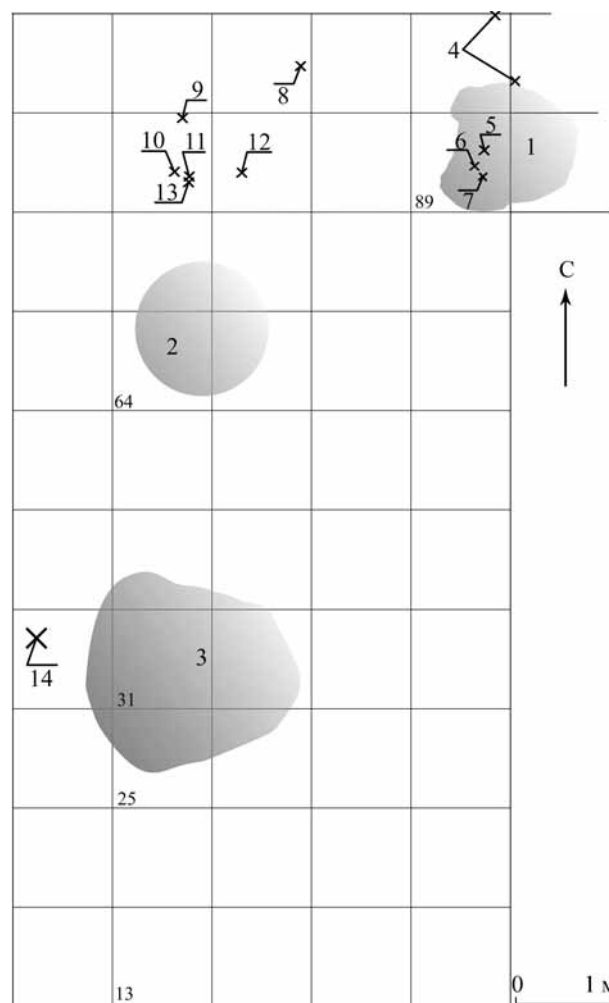

Рис. 1. План-схема расположения объектов на раскопе 6 2011 г.

- 1 – погребение в кв. 89; 2 – скопление находок в кв. 64; 3 – погребение в кв. 25, 31; 4 – наконечники ремня; 5 – пряжка; 6 – бусина; 7 – пластина; 8 – булава с подвижным кольцом; 9 – железный шлак; 10 – капля металла; 11 – капля металла; 12 – гвоздик с пластиной; 13 – фрагмент серги со спиральным окончанием; 14 – сосуд-приставка

образом, не вполне понятна – например, неясно, являлось ли углубление под него искусственным или нет, как долго оно заполнялось и на какой стадии могильника возникло. Но очевидно, что погребение практически не повреждено и дошло до нас в виде, близком к первоначальному. Находки из этого погребения малочисленны и невыразительны, но обнаруживают сходство с вещами из скопления. Такое встречается довольно часто, хотя на памятнике немало и погребений с большим количеством оплавленных вещей. В данном же случае найдены три слитка стекла, обгоревших до того, что цвет стекла не удалось распознать, трехчастная пронизь

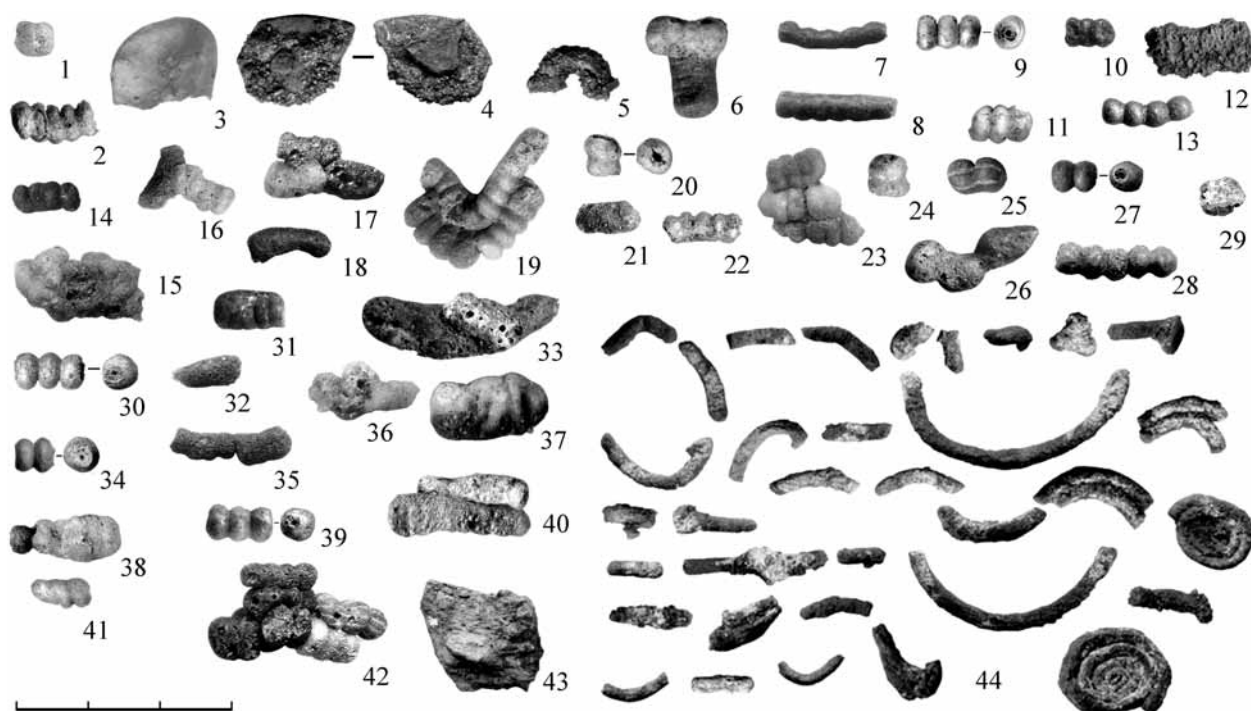

Рис. 2. Состав находок из скопления в р. 6 2011 г. (см. цв. вкл.)

синего стекла, синяя бусина и обломок железного дрота. К западу от самих костей располагался развал сосуда (найден уже при исследовании погребения в 2012 г.). Собрать его удалось не полностью (рис. 4), и осталось неясным, попал ли к костям сосуд изначально в целом виде (погребение и тем более сосуд располагались на краю площадки могильника, и часть обломков вполне могла переместиться вниз по склону). В то же время за все годы раскопок мы неоднократно находили сосу-

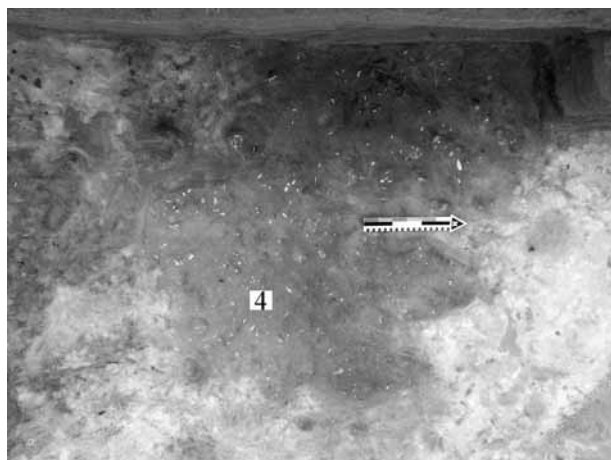

Рис. 3. Погребение в кв. 31, уровень расчистки 4 (см. цв. вкл.)

ды – в развалах или целые – в непосредственной близости от костей. По аналогии с мощинскими мы называем их сосудами-приставками (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012).

Второе скопление находок было прослежено на участке 22 раскопа II также в 2011 г. Оно располагалось примерно в метре от целой серии погребений («скопления скоплений костей»). В данном скоплении обнаружено 19 стеклянных изделий (рис. 5). Половина (10 шт.) – темно-синего прозрачного стекла, четыре – бесцветного прозрачного стекла и одна золотостеклянная пронизь с бесцветным покровным стеклом (рис. 5, 13). Еще одна бусина имеет покровное стекло желтого цвета (рис. 5, 16). Также в скоплении имелись три слитка стекла неопределимой формы (рис. 5, 17, 22). Все бусы изготовлены из тянутой трубочки (VIII группа по З. А. Львовой) и представляют собой многочастные пронизи и бисер. Этот довольно невыразительный набор бусинных находок сложно датировать узко, однако он вполне укладывается в интервал конца VIII – начала X в. Помимо стеклянных находок в скоплении присутствовали четыре капли цветного металла (состав не определен) (рис. 5, 18, 19, 22, 21) и три обломка биконического пряслица, из которых удалось склеить почти целый экземпляр (рис. 5, 23). Однако форма пряслица – биконическая с отверстием большого

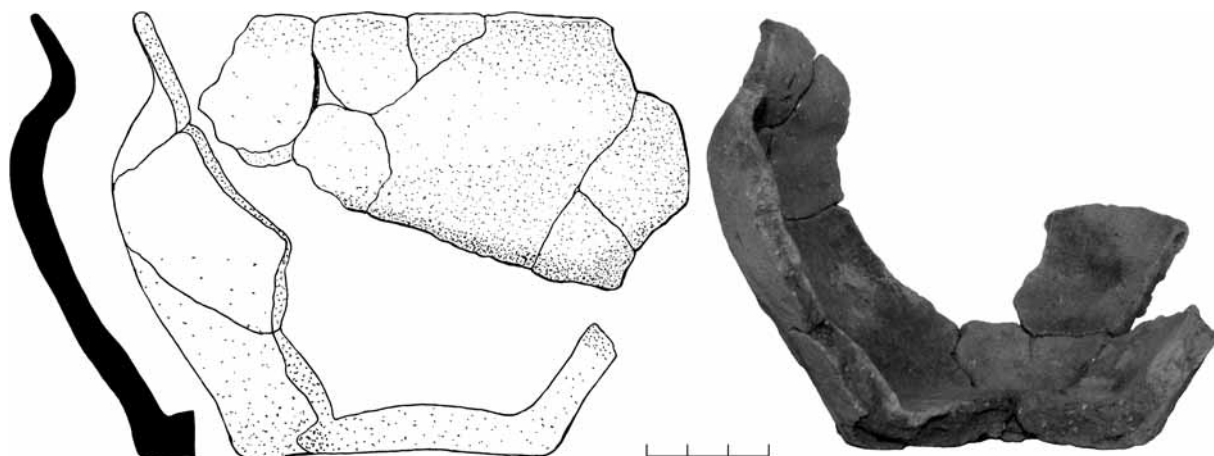

Рис. 4. Сосуд из погребения в кв. 31 р. 6 (см. цв. вкл.)

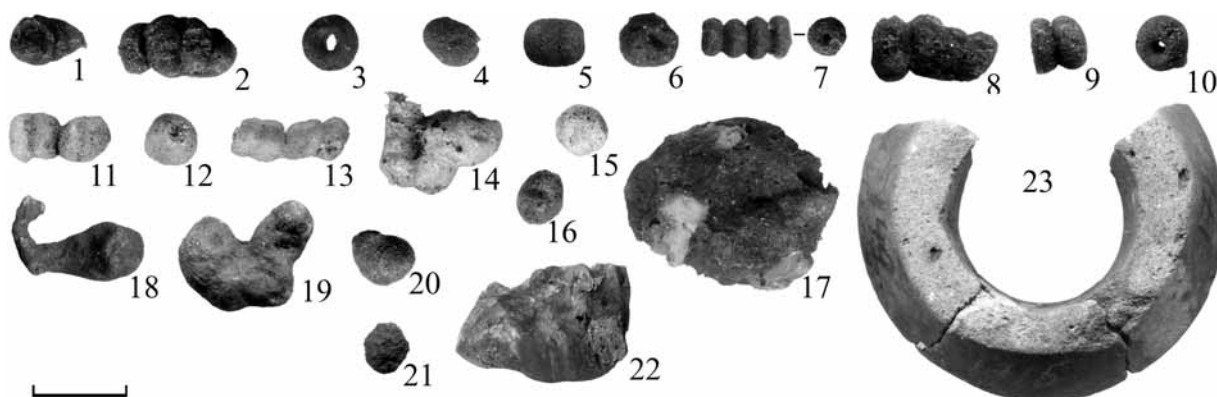

Рис. 5. Состав находок из скопления на уч. 22 р. 2 2011 г. (см. цв. вкл.)

диаметра – указывает скорее на позднедьяковскую эпоху, т. е. на период селища, предшествовавшего могильникам.

Третье скопление было исследовано в 2012 г. Его адрес: квадраты 202–207 участка 4 раскопа VI (рис. 6, 1). Планиграфически оно располагалось примерно в 4 м к северу от обычной грунтовой кремации и в 5 м от кремации в урне. В скоплении можно выделить две большие группы находок: капли металла и бусы (рис. 7). Капель металла в скоплении не менее 53 шт. (рис. 7, 1). Обычной находкой для погребений является обломок тонкой пластины медного сплава – в скоплении их было найдено 15 шт. (рис. 7, 2).

Часть капель металла была исследована методом растровой электронной микроскопии и подвергнута рентгено-спектральному анализу элементного состава. Работа проводилась в ИГ РАН на электронном микроскопе *JEOL 6610 LV*, оснащенный энерго-дисперсионным анализатором *INCA x-act* от *Oxford Instruments*. Подготовка образцов заключалась

в наклеивании их на электропроводный клей и местной зачистке от окисных пленок. К счастью, объекты исследования не являлись ценными индивидуальными находками, что позволило частично разрушить их, сточив толстый слой окисных пленок и обнажив металлическую сердцевину.

В ходе работы получены изображения микрорельефа поверхности пленок и их элементный состав. Исследование зачищенных зон дало представления о структуре и составе сплава.

Два слова о принципе работы приборов. В результате взаимодействия направленного пучка ускоренных электронов сканирующего луча микроскопа с образцом возникают такие физические явления, как упруго отраженные электроны, вторичные электроны, фотолуминесценция и рентгенлуминесценция. Первые используются для получения изображения рельефа поверхности образца, а анализ спектра рентгеновского излучения позволяет качественно и количественно оценить элементный состав объекта попавшего под луч. Возбуждение рентгеновского излучения происходит на поверхности образца, но область генерации излучения затрагивает приповерхностный слой на глубину приблизительно одного микрона. Анализу, безусловно, подвергается только поверхность

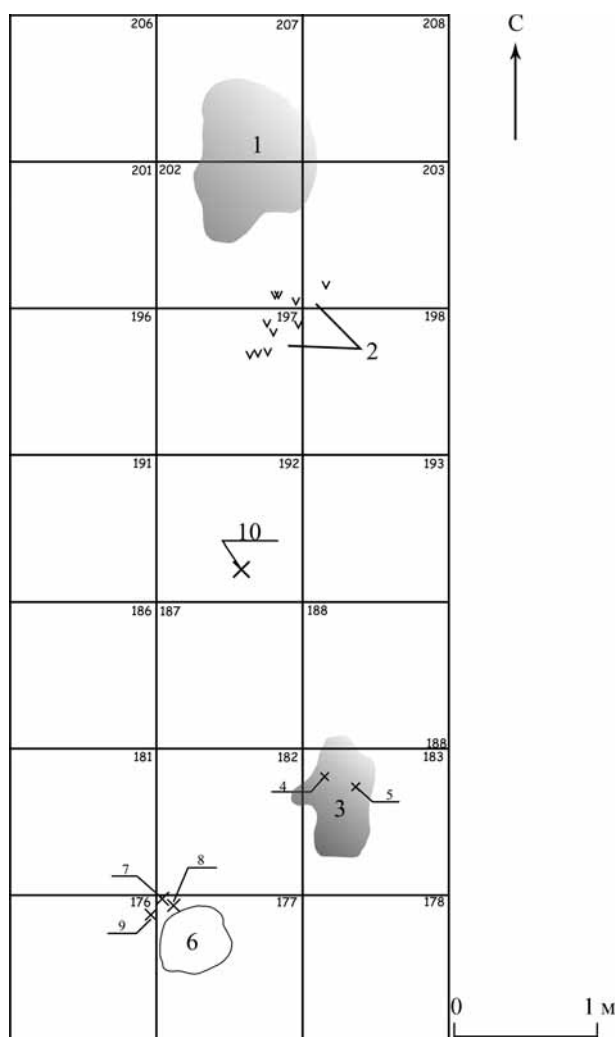

Рис. 6. План-схема объектов на уч. 4 р. 6 2012 г.

1 – скопление находок в кв. 202, 207; 2 – скопление угля; 3 – погребение в кв. 183; 4, 5 – бисер; 6 – урновое погребение; 7 – пронизь стеклянная; 8 – слиток стекла; 9 – пронизь стеклянная; 10 – бубенчик

образца, и его можно считать площадным. Но так как мы имели дело с поперечным срезом однородного металлического объекта, то можно утверждать, что результаты объективно отражают его массовый состав¹.

Из 25 просмотренных образцов большинство (18 шт.) содержало серебро. При этом содержание серебра варьировалось значительно (рис. 8). В большей части образцов (11 из 18, или 61%) серебра было больше меди, в остальных семи образцах (39%) – существенно меньше. Небольшое количество образцов (4 шт.) содержали ртуть без серебра, и три образца не имели в своем составе серебра или ртути² и состояли из меди с некоторой примесью олова (рис. 9–13). По содержанию элементов выявленная неоднородность может быть связана с различными источниками металла, указывать в конечном итоге на торгово-экономические связи людей, погребенных в Щурово.

Изображения крупнокристаллической структуры сплава для материаловедческого анализа были получены элементным картированием (рис. 14; 15). Это не только подтвердило относительную однородность сплава на рассматриваемом участке, но при последующей расшифровке специалистами, может дать дополнительные представления о способе выплавки металла изделия. Просмотренное количество образцов невелико, выводы носят приблизительный характер.

Вернемся теперь к описанию других находок. Отметим, что самая яркая из них, может быть даже за весь сезон, была сделана в кв. 192, в пределах пласта 4. Она находилась между ареалом плотной концентрации находок в скоплении и погребениями. Это крупный линейнопрорезной бубенчик, деформированный в огне (рис. 6, 10; 7, 3а). Внутри него сохранилась костяная кальцинированная бусина в форме неправильного цилиндра (результат деформации в огне?) (рис. 7, 3б). Это первая подобная находка на памятнике. Изготовлен бубенчик методом штамповки двух половинок, соединенных пайкой (?), петля выполнена из плоского дрота и вставлена в отверстие

¹ Результатом энергодисперсионного анализа является определение качественного и количественного элементного состава исследуемого объекта. Первоначально полученный с анализатора спектр дает представление о количестве атомов того или иного элемента. Общее количество атомов принимается за 100%, и каждый элемент из определенных в спектре имеет свой процент присутствия по количеству атомов. Это называется атомным процентом. Атомный процент удобен при реконструкции химических формул веществ.

Весовой процент связан с атомным через относительную атомную массу, т. е. зависит от удельного веса каждого элемента (атома). При анализе металлических сплавов атомный весовой процент сразу указывает на состав, но при анализе смесей сложных соединений требует дополнительной обработки. При описании состава образца традиционно используют весовой процент, поэтому он более удобен для сравнения с результатами, полученными другими методами анализа.

² Наличие ртути в образцах мы объяснить не можем (амальгама от зеркал?), и правильнее было бы оставить этот факт без комментариев. Однако заметим, что в погребении, извлеченном из раскопа монолитом в 2010 г., уже при расчистке его в камеральных условиях была обнаружена жидкая ртуть каплями. Тогда это также вызвало только удивление. Безусловно, в силу нарушения верхнего слоя на вершине могильника в погребение могло попасть все, что угодно, – находим же мы в некоторых осколки снарядов, гильзы и советские монеты. И тем не менее...

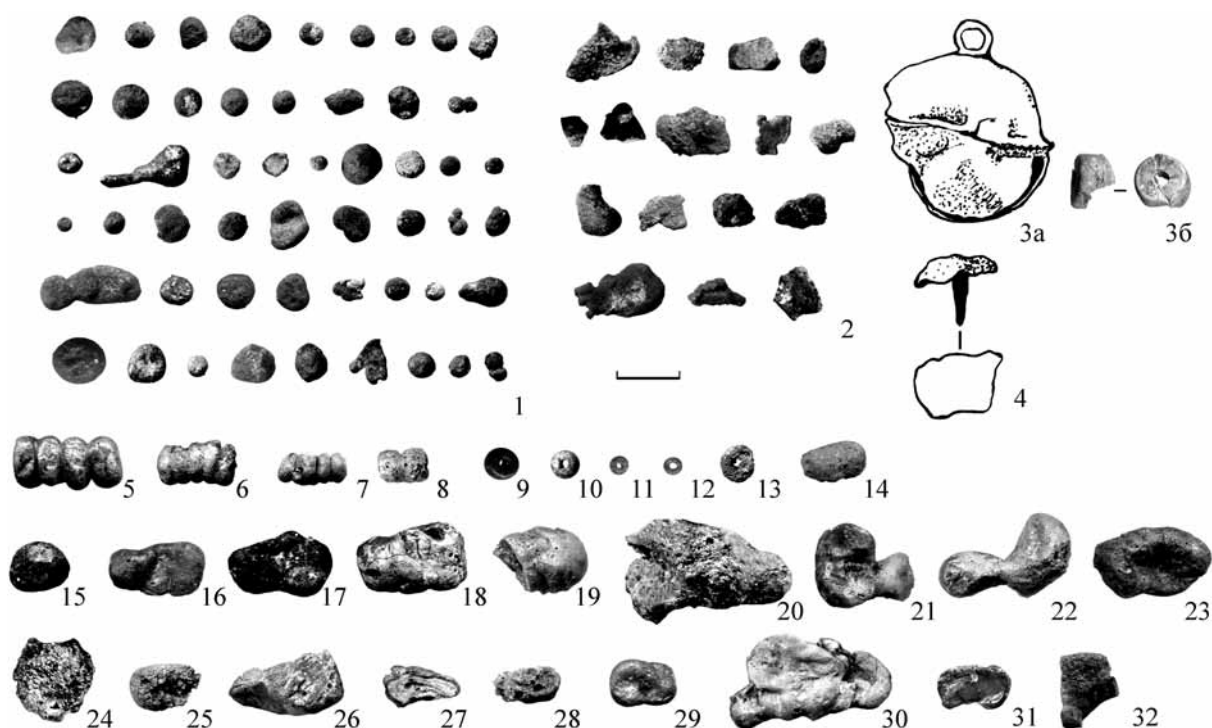

Рис. 7. Состав находок из скопления в кв. 202–207 и прилегающих участков (см. цв. вкл.)

верхней половинки по типу шплинта. Линейно-прорезные бубенчики известны среди салтовских древностей с IX в. (Плетнева, 1967. Рис. 36; 1981. Рис. 37, 18–21; 1996. Рис. 50). По типологии С. А. Плетневой, наш бубенчик относится к типу 3 (Плетнева, 1989). находка бубенчика примечательна одним важным сюжетом: конструкция петли объясняет давнюю загадку памятника – так называемые шплинты, или сигмавидные предметы, в кремациях северной части могильника. После находки почти целого экземпляра стало понятно, что все они, вероятнее всего, ушки от полых пуговиц типа 3 и бубенчиков, аналогичных нашему, также использовавшихся в качестве пуговиц (Плетнева, 1989. С. 107. Рис. 56, 57). Это чрезвычайно важное обстоятельство, оно объясняет не только сами находки, но и указывает на вообще большое количество пуговиц на одежде погребенных и объясняет отчасти малое число литых экземпляров (типа 1, по С. А. Плетневой) в тех же погребениях.

Ранее в могильниках щуровского типа находили колокольчики или половинки бубенчиков. Первым был найден экземпляр в кремации на могильнике Лужки «Е» В. В. Сидоровым в 1993 г. (Сыроватко и др., 2013. С. 55). Автор раскопок трактовал его именно как половинку бубенчика.

От нашего экземпляра он отличается конструкцией петли – это плоское ушко с круглым отверстием, соединение которого с корпусом осталось нами не выяснено (предмет закреплен в музейной витрине). Второй предмет, собственно колокольчик, – из кремации участка 2 раскопа V 2007 г. в Щурово. У этого предмета был железный язычок, прикрепленный к железному ушку, а массивные стенки были скорее литыми.

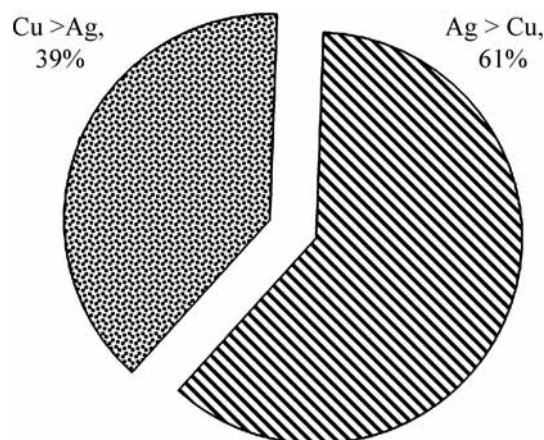
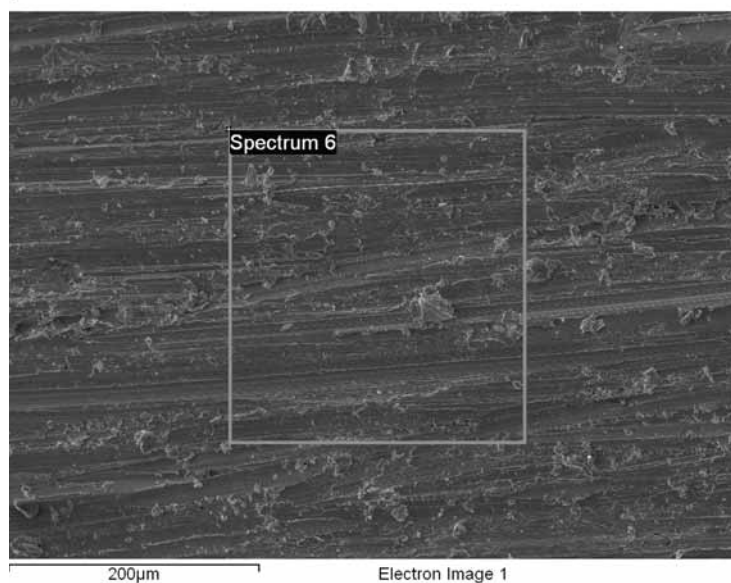
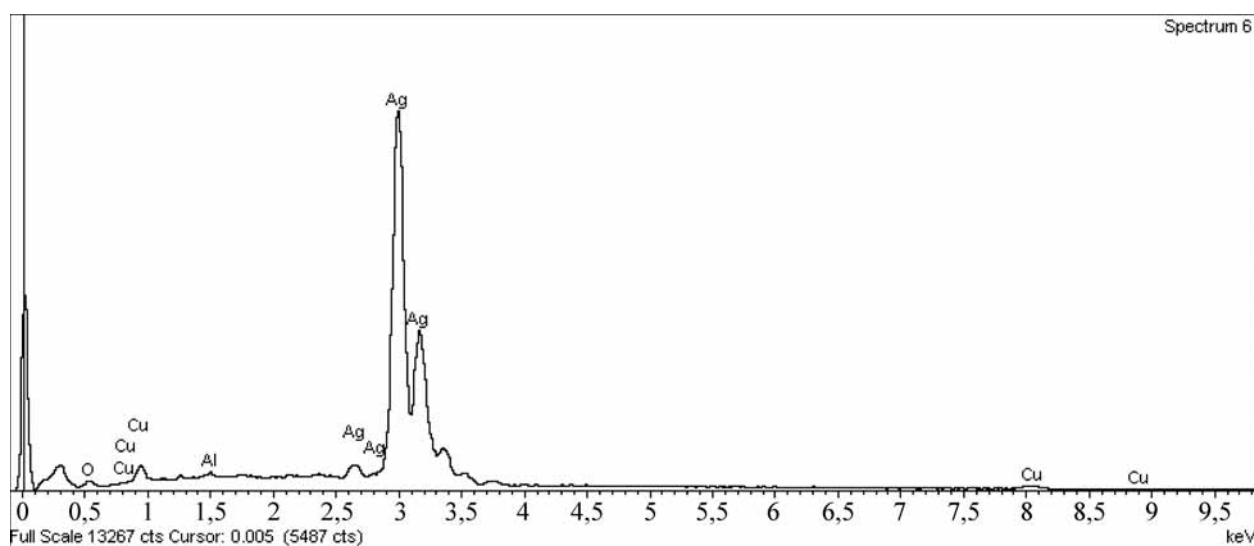

Рис. 8. Распределение образцов в скоплении находок в кв. 202–207 (р. 6) по соотношению серебра и меди

Spectrum processing :
Peak possibly omitted : 10.510 keV

Processing option : All elements analyzed (Normalised)
Number of iterations = 3

Standard :

O SiO₂ 18-май-2011 01:54 PM
Al Al₂O₃ 18-май-2011 02:21 PM
Cu Cu 1-июн-1999 12:00 AM
Ag Ag 1-июн-1999 12:00 AM

Element	Weight%	Atomic%
O K	1.85	10.85
Al K	0.28	0.98
Cu L	5.02	7.42
Ag L	92.84	80.75
Totals	100.00	

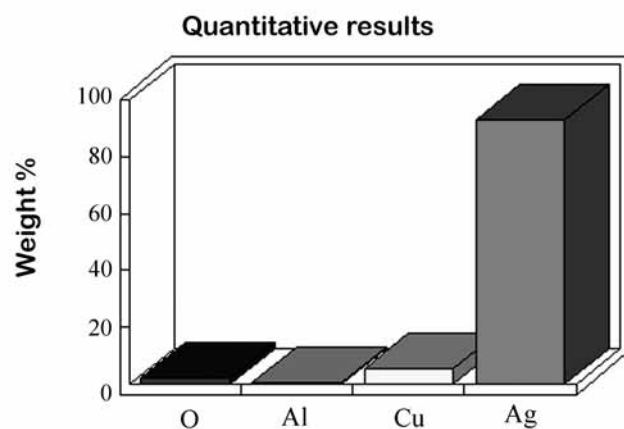
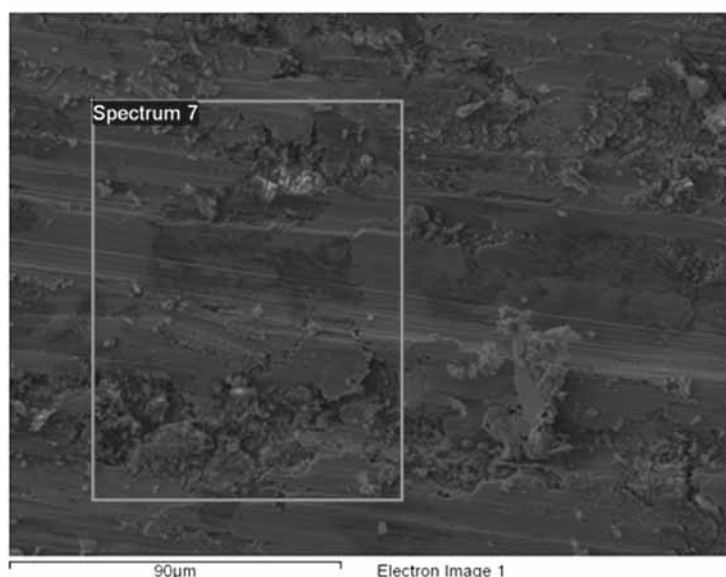
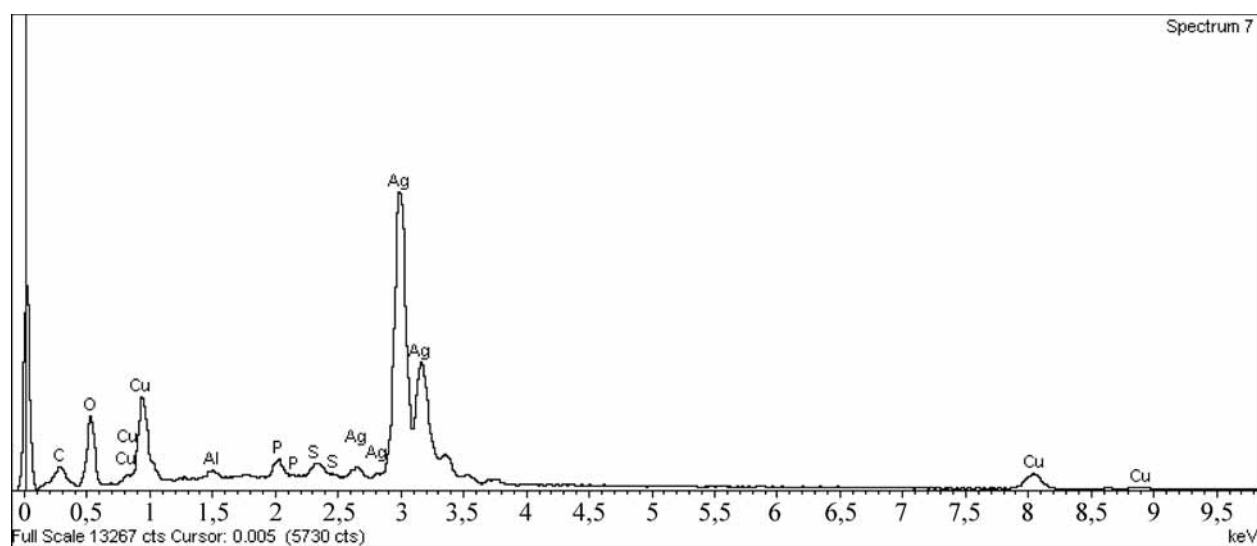

Рис. 9. Содержание химических элементов в образцах металла из скопления находок (р. 6, кв. 202–207, № 199)

Spectrum processing :
Peak possibly omitted : 5.520 keV

Processing option : All elements analyzed (Normalised)
Number of iterations = 3

Standard :

C Carbon 18-май-2011 02:07 PM
O SiO₂ 18-май-2011 01:54 PM
Al Al₂O₃ 18-май-2011 02:21 PM
P GaP 1-июн-1999 12:00 AM
S FeS₂ 18-май-2011 01:31 PM
Cu Cu 1-июн-1999 12:00 AM
Ag Ag 1-июн-1999 12:00 AM

Element	Weight%	Atomic%
C K	1.72	6.92
O K	16.00	48.23
Al K	0.43	0.78
P K	1.30	2.02
S K	0.66	0.99
Cu L	17.10	12.98
Ag L	62.79	28.07
Totals	100.00	

Quantitative results

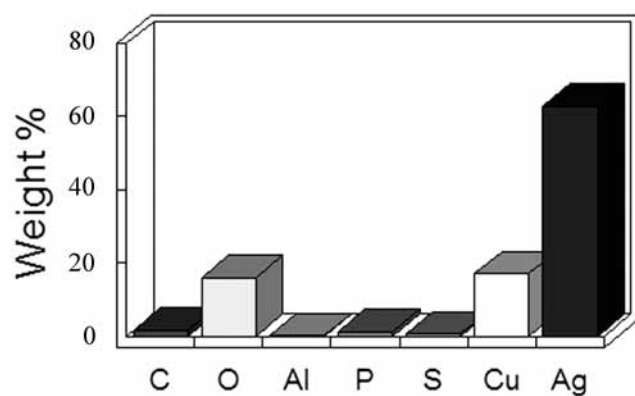
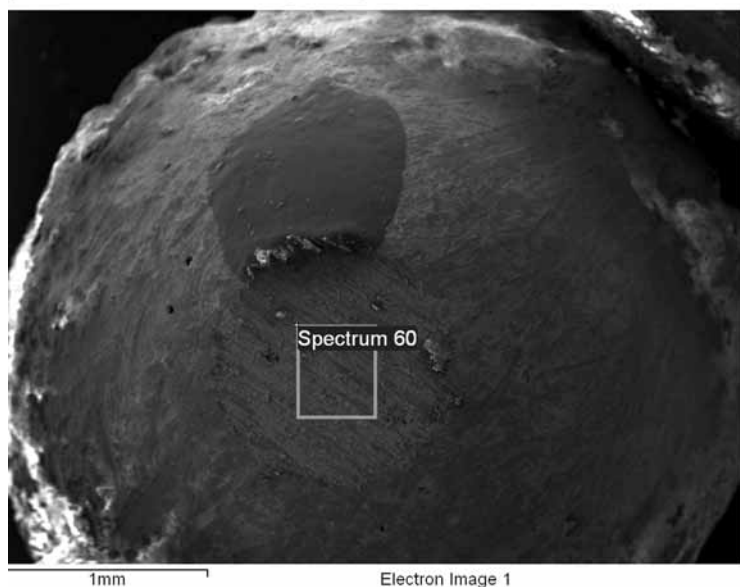
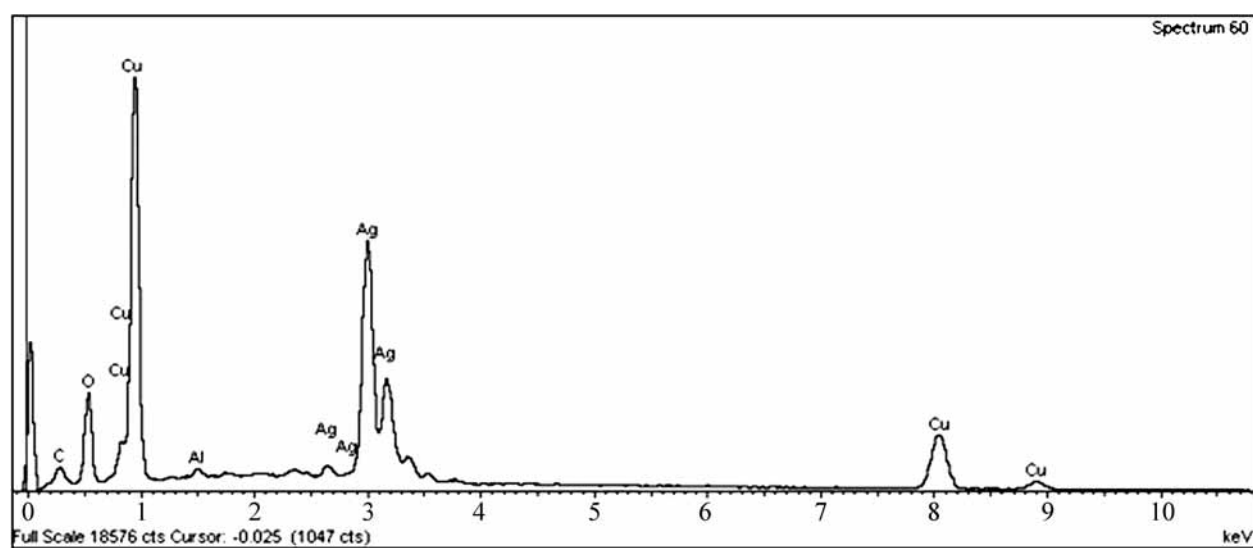

Рис. 10. Содержание химических элементов в образцах металла из скопления находок (р. 6, кв. 202–207, № 116)

Spectrum processing :

Element	Weight%	Atomic%
C K	7.03	21.41
O K	18.32	41.87
Al K	0.23	0.31
Cu L	47.29	27.21
Ag L	27.12	9.19
Totals	100.00	

Quantitative results

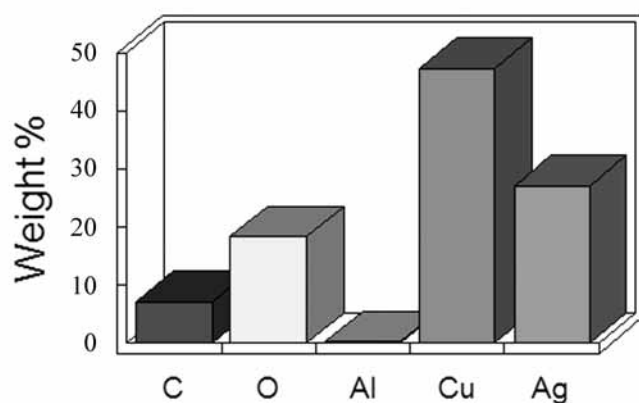

Рис. 11. Содержание химических элементов в образцах металла из скопления находок (р. 6, кв. 202–207, № 153)

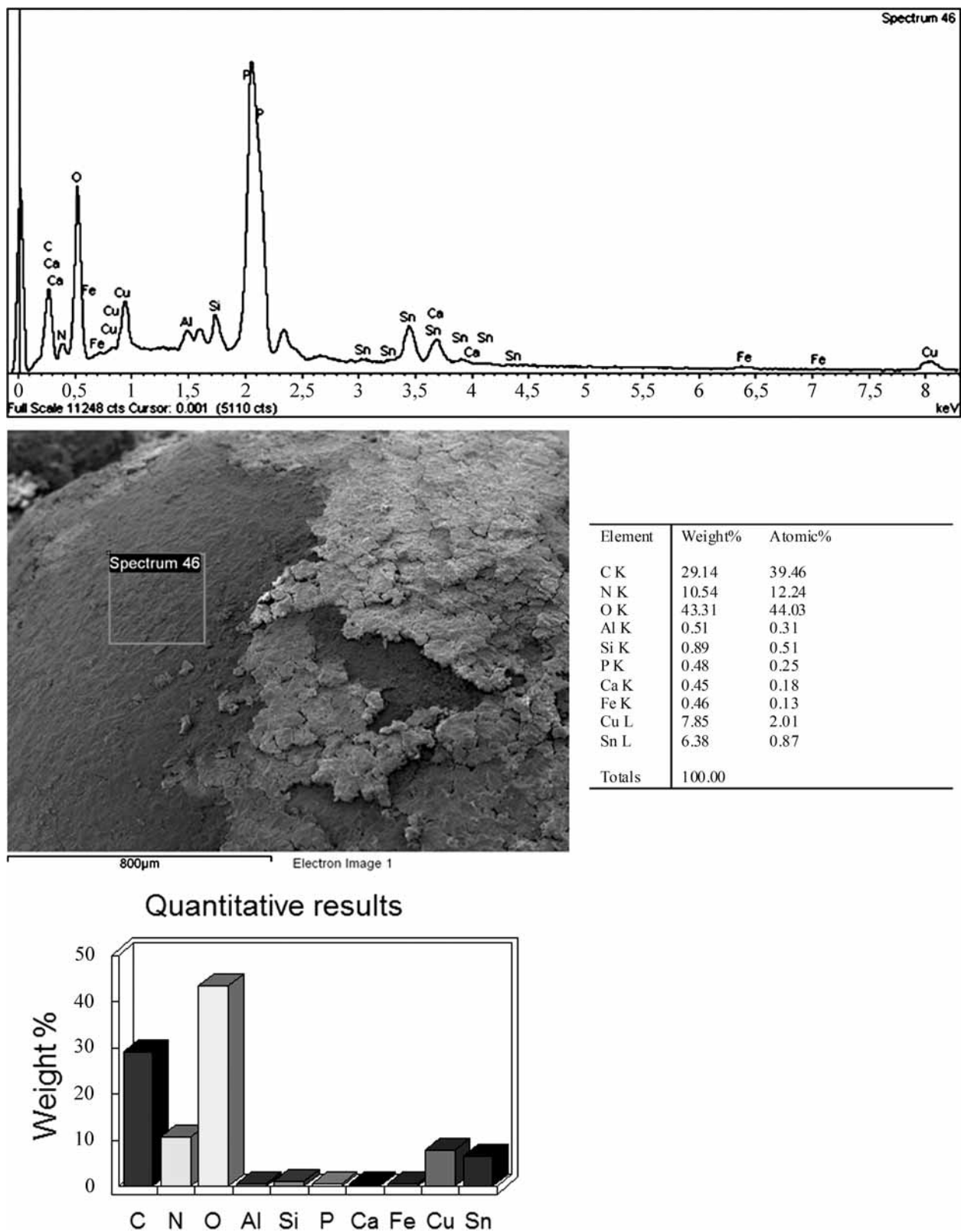
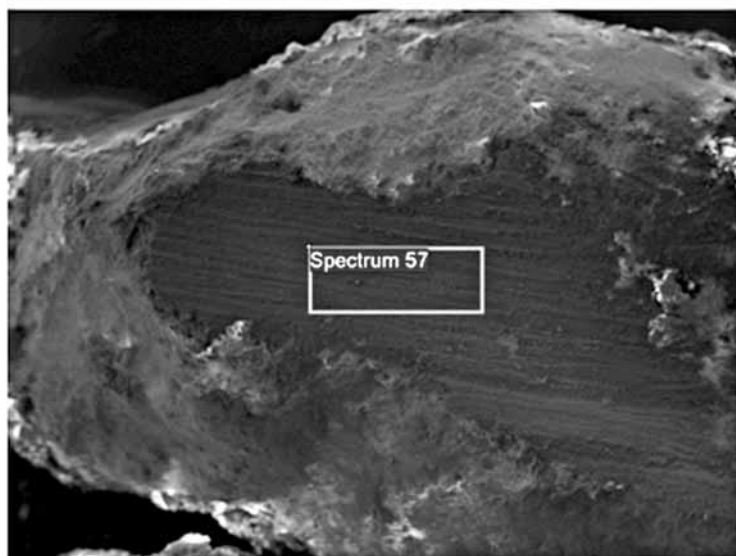
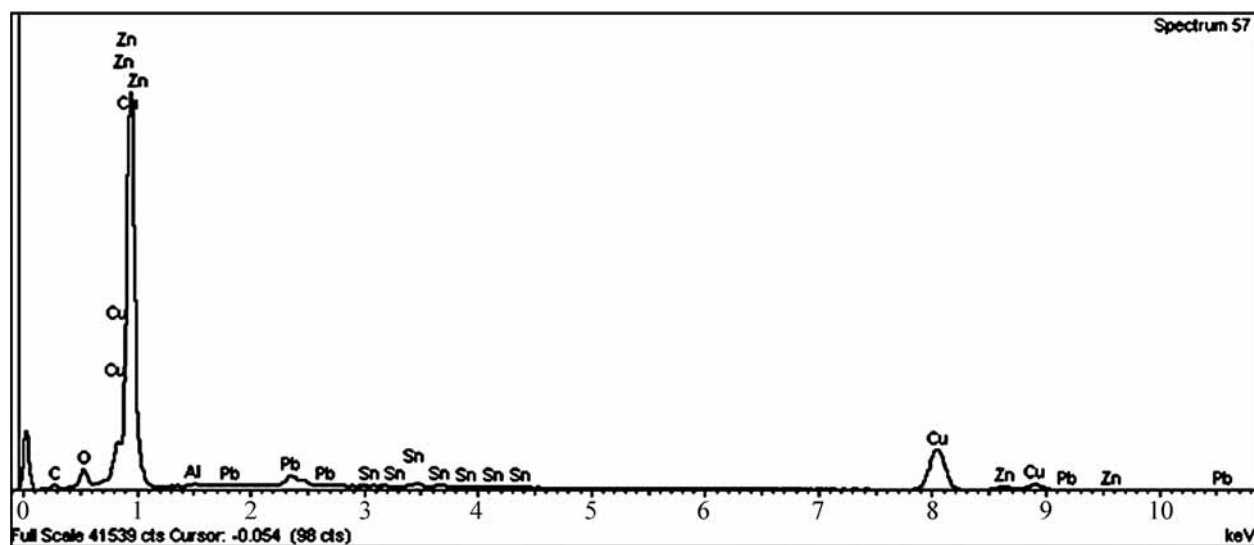

Рис. 12. Содержание химических элементов в образцах металла из скопления находок (р. 6, кв. 202–207)

Element	Weight%	Atomic%
C K	6.78	25.18
O K	5.33	14.86
Al K	0.14	0.23
Cu L	76.56	53.77
Zn L	7.27	4.97
Sn L	0.91	0.34
Pb M	3.02	0.65
Totals	100.00	

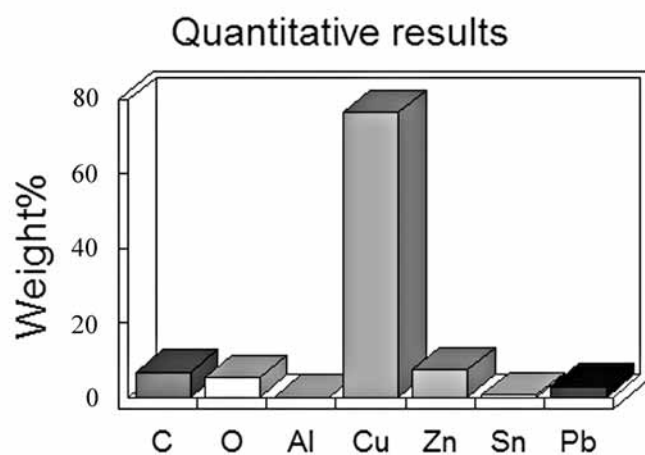

Рис. 13. Содержание химических элементов в образцах металла из скопления находок (р. 6, кв. 202–207, № 97)

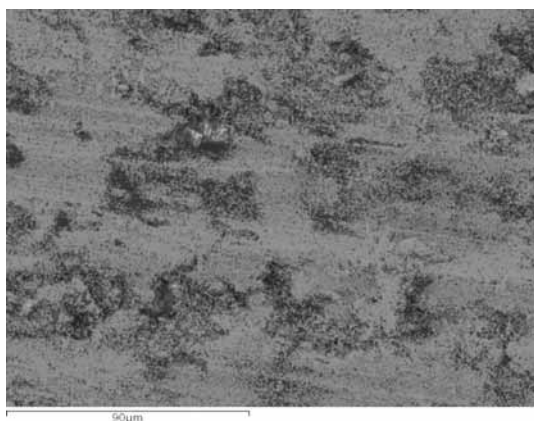

Рис. 14. Картирование образца по содержанию серебра (красный цвет – см. цв. вкл.)

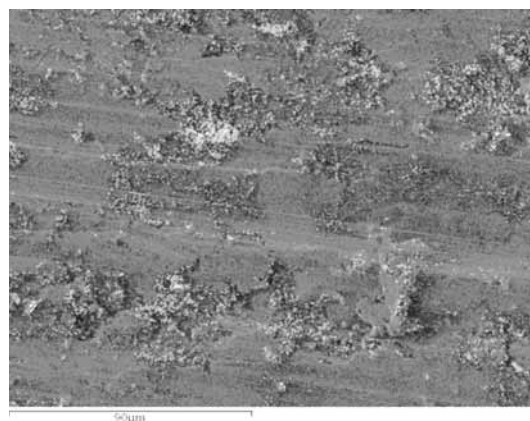

Рис. 15. Распределение в сплаве серебра и меди (см. цв. вкл.)

Скопление включало в себя 34 экземпляра стеклянных находок (рис. 9, 5–32). К сожалению, более половины из них (59%, или 18 шт.) дошли до нас в состоянии слитков стекла, форму которых определить уже невозможно. В основном это слитки желтого стекла (23% от общей суммы), а также голубого, синего, белого, зеленого и красного стекла. Из морфологически определимых бус 20% составляют двухслойные пронизы без металлической прокладки с покровным стеклом желтого (6 экз.) и белого цветов (1 экз.). Интерес представляют четыре экземпляра двухслойных пронизей с металлической прокладкой и голубым прозрачным покровным стеклом (рис. 7, 16, 29). Бусы с таким цветом покрытия впервые встречены на памятнике. Также в этом скоплении находились пять бисерин темно-синего стекла (рис. 7, 9–13). Датировка данного скопления по бусинному материалу затруднена в силу плохой сохранности находок, однако, вероятно, не выходит за рамки VIII–X вв.

Еще одна важная деталь – скопление углей, примыкавшее к находкам, но расположенное южнее (рис. 6, 2). Отдельные пятна угля, выделявшиеся даже в таком насыщенном углем слое, раньше не привлекали особого внимания – похожие, например, окружали урновое погребение 2009 г. (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012. С. 87). В некоторых погребениях угля довольно много, в некоторых его почти нет. Видимо, нельзя исключить, что не только находки, но и угли в ряде случаев могли отделяться от костей.

Последнее скопление находок располагалось в кв. 68 участка 2 раскопа V 2007 г. и включало в себя 21 находку из стекла (рис. 16, 3; 17). Около половины из них изготовлены из стекла желтой гаммы. В массе своей это двухслойные пронизы без

металлической прокладки с желтым прозрачным покровным стеклом (6 экз.) (4-я подгруппа VII группы, по З. А. Львовой) (рис. 17, 9, 10). Одна из бусин, вероятно, была золотостеклянной (рис. 17, 16). Также найдена однослойная пронизь, выполненная из желтого прозрачного стекла (рис. 17, 8). Скопление включало в себя три бисерины: одна зеленого стекла и две – синего (рис. 17, 5, 6, 21). Интересны полихромные бусины – они обнаружены в двух экземплярах: первый являлся осколком мозаичной бусины, представлявшей собой когда-то так называемый арбузик (со светло- и темно-зелеными

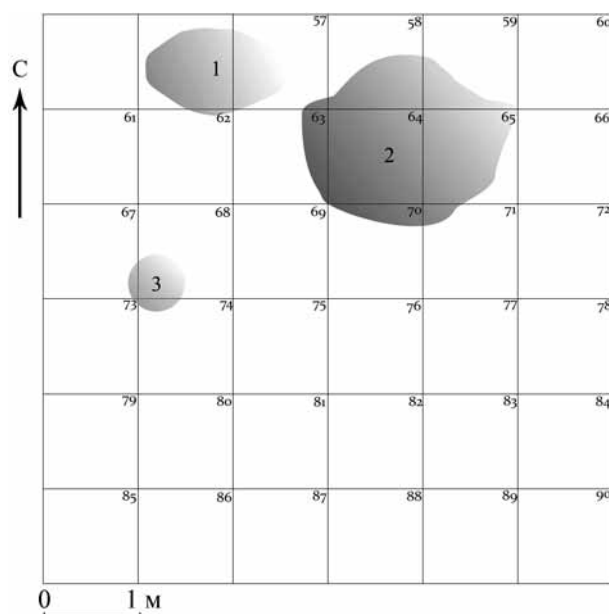

Рис. 16 План-схема объектов на уч. 2 р. 5 2007 г.

1 – погребение в кв. 56; 2 – погребение в кв. 64, 65;
3 – скопление находок

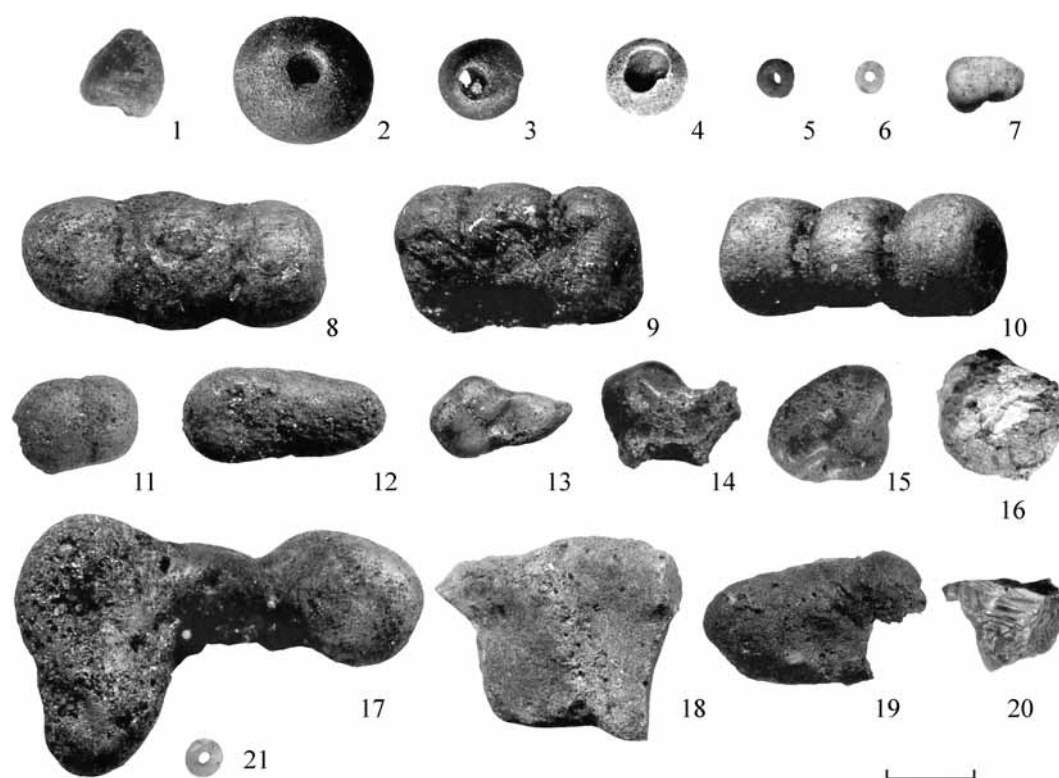

Рис. 17. Состав находок из скопления на уч. 2 р. 5 2007 г. (см. цв. вкл.)

полосками и желтыми глазками в красных ободках; рис. 17, 20). Такие бусы имеют весьма узкую датировку – VIII–IX вв. (I группа, по З. А. Львовой). Вторая полихромная бусина имеет основу темного стекла (из-за повреждения огнем его цвет трудно определить: серое или грязно-голубое) с капельными глазками желтого цвета (рис. 17, 15) (II группа, по З. А. Львовой). Бусы такого типа датируются в основном VIII–IX вв. (Львова, 1968. С. 71; Доброва, Торопов, 2009. С. 281). Это скопление также было вне костей, хотя не менее двух погребений с находками располагались в 2–3 м к востоку и северо-востоку от него. Но и в этом случае находки располагались вне костей, и непонятно, с каким из погребений их следует связывать³.

Как трактовать эти скопления находок? Во-первых, могильник, куда приносились кремации (а насколько удалось понять, все или большая их часть совершались на стороне), имеет общий «фон» в своем слое из отдельных косточек и вещей, и не исключено, что такие группы находок могли образоваться случайно. Этому, однако, про-

тиворечит слишком большое их число в каждом из случаев и почти полное отсутствие среди них костей – их можно просыпать и случайно, но все равно эти предметы были предварительно собраны с погребального костра и сложены отдельно от костей. На то, что горели они все же вместе с костями, косвенно указывает наличие костей среди них, хоть и в минимальном количестве.

Могли ли вещи, отделенные от костей, стать всего лишь результатом очищения самих костей и быть попросту выброшенными? Такой вариант не исключен, хотя в этом случае встает другой вопрос – что мешало их оставить на месте сожжения? Может, очищали именно место? Тогда зачем разделять «очистки» на категории, да еще по сложной схеме?

Могли ли эти вещи быть маркерами кенотафов? Не исключено. Но такая версия не объясняет появление отдельных скоплений угля и вообще насыщенность углем слоя могильника без следов горения – угли от костра, вероятно, также приносили отдельно к месту погребения, а видеть в пятнах

³ В 2013 г. было обнаружено еще два скопления находок, включавших в себя все те же капли металла, бусы и весовую монетную гирьку. В обоих случаях скопления располагались к западу от погребений, в 4–6 м, и количество находок среди костей в погребениях было невелико.

угля кенотафы слишком смело. Кроме того, кремации почти всегда сопровождалась сжиганием животных, и в кенотафах их кости, по логике, должны были бы присутствовать.

Можно ли подобрать аналогии такой операции? Из близлежащих памятников нечто подобное было встречено В.В. Сидоровым на могильнике Лужки «Е» в обоих урновых погребениях (№ 10, 11). Углистый песок в них заполнял нижнюю часть сосудов, выше располагалась небольшая порция костей, поверх них – по три бусины (Сидоров, 2004. С. 48).

Авторы склоняются к тому, что в скоплениях горелых находок следует все же видеть деталь погребального обряда, причем характерную далеко не для всех погребений. Сбор костей, находок и, вероятнее всего, угольков раздельно на погребальном костре являлся непростой задачей, учитывая малый размер вещей, и по каким причинам это делалось в отдельных случаях, остается непонятным. Заметим, что сепарация остатков сожжения могла производиться только на относительно холодном костре. В связи с этим вновь встает вопрос: а существовала ли искусственная остановка горения путем поливания водой? Это очень важ-

ный вопрос, поскольку от этого напрямую зависит сохранность костей и степень их измельченности – в Щуровском могильнике этот показатель один из наихудших.

Факт отделения находок (а иногда, видимо, и угольков) от костей при захоронении позволяет предположить, что не все скопления костей без находок, исследованные на могильнике, в действительности являлись таковыми. Просто в силу разных причин не были найдены соответствующие им скопления вещей⁴. Обилие мелких предметов, сопровождавших покойников (кольчужницы и отдельные кольчужные кольца, бусины, пуговицы), заставляет нас видеть в «бедных» погребениях все тот же результат очищения костей. Особенно это обстоятельство актуально для кремаций в «домиках мертвых», где вещей, кроме оплавленных обломков (к тому же только в одном случае), практически нет. Этот же факт свидетельствует о том, что анализ состава инвентаря в погребениях еще более осложняется. Вещи и кости разрушаются в огне, затем неизбежно теряются при переносе с места сожжения к месту ссыпания, кроме того, потери увеличивает их преднамеренное извлечение.

Литература

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула.

Доброва О. П., Торопов С. Е., 2009. Стекланные бусы городища «Княжая Гора» (Пески-1) под Демянском // АИППЗ. Вып. 54. Псков.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.

Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10. Л.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.

Плетнева С. А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.

Сидоров В. В., 1993. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском районах Московской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 17982.

Сидоров В. В., 2004. Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья. Матер. VI науч. конф. Калуга.

Сыроватко А. С., 2010. Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224.

Сыроватко А. С., Тодорова А. А., 2009. Стекланные бусы погребения Щурово (предварительное исследование) // Вестн. КГПИ. № 2 (8). Коломна.

Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Добровольская М. В., 2012. Урновое погребение Щуровского могильника // АП. Вып. 8. М.

Сыроватко А. С., Трошина А. А., Спиридонова Е. А., 2012. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских

⁴ Еще красноречивее, на наш взгляд, ситуация, когда среди костей просеиванием или промывкой удастся отыскать мельчайшие осколки стекланных бус при отсутствии других артефактов в погребении.

влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула.

Сыроватко А. С., Сидоров В. В., Клещенко Е. А., Трошина А. А., 2013. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями// АП. Вып. 9. М.

Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования поименной части Гнёздовского поселения на основа-

нии анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.)// Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4° № 11. Lund.

A. S. Syrovatko, A. A. Troshina, A. A. Goleva, V. A. Shishkov

**Accumulations of “cremated” findings on Shchurovsky burial ground:
rite detail or an accident?**

Summary

Work is devoted to materials of Shurovsky burial ground; its burials were done according to the rite of cremation in the second half of the 1st Millennium AD. The article analyzes the found clusters of findings

without calcified bones while having clear signs of a fire at the same time. The authors consider such items clusters are a part of the funeral rite.

О.Ю. Потемкина, А.С. Сыроватко, М.В. Добровольская, Н.Г. Свиркина

Раскопки 2012 года в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник?

Соколова Пустынь – поселение эпохи Великого переселения народов, открытое Т.И. Степановой в 1992 г. в ходе обследования территории, прилегающей к стоянке эпохи бронзы «Лесосплав» (Степанова, 1992). В начале нынешнего столетия мониторинг памятника и сбор подъемного материала осуществлялся сотрудниками Ступинского историко-краеведческого музея.

Работы на памятнике начались в 2008 г. Целью раскопок был сбор материала о поселениях позднедьяковского времени на этом участке русла Оки, поскольку в районе устья р. Москвы их практически нет: на левом берегу материал этого времени известен только на Протопоповском городище, а на правом берегу – на Щурово, Усть-Матырке 1 и Ростиславле. Исследование поселения позднедьяковского времени представлялось перспективным еще и потому, что сведений о Щурово и Ростиславле накопилось довольно много, и появился, таким образом, материал для сопоставления.

В 2010 г. на этом памятнике был обнаружен участок, занятый погребениями-кремациями. К настоящему времени открыты два групповых погребения, по сопровождающему инвентарю датированных V–VII вв. н.э. Результаты раскопок опубликованы (Потемкина, 2009; Потемкина и др., 2011а; 2011б; 2014). В 2012 г. были начаты исследования мысовой части селища Соколова Пустынь, давшие неожиданный результат.

Работы на этом участке памятника носили разведочный характер и свелись в итоге к зачистке

старого окопа, идущего вдоль южного края береговой террасы. В результате выяснилось, что культурный слой содержит материал познедьяковской эпохи, т.е. в целом такой же, что и на площадках выше шоссе, на первой и второй террасах, включая могильник 1. Осмотр в 2011 г. свежих противопожарных траншей выявил скопление кальцинированных костей в непосредственной близости от окопа, в выбросе из него. Из этого следовало, что окоп, возможно, повредил какое-то погребение, и расположение костей не в бруствере, обращенном к реке, а в выбросе позади окопа подсказывало, что погребение было либо в центре окопа, либо у его внутреннего (северного) края. Правда, антропологический анализ костей показал, что человеческих среди них не было, но это еще ни о чем не говорило – кальцинированные кости, например, Щуровских погребений нередко не содержат определенных остатков костей человека. В силу названных причин было принято решение зачистить внутренний борт окопа, и все предположения подтвердились – было найдено погребение, означающее, вероятно также, еще один могильник. Зачистка окопа сама по себе выявила интересные объекты и отдельные находки. Так, крупная яма, обнаруженная в обнажении, может оказаться рвом, стратиграфией напоминающим рвы курганов Щуровского могильника. Радиоуглеродная дата¹ (ГИН 148211640±50 л.н.) из заполнения этого рва в целом согласуются с находками из заполнения рва – керамикой мощинского времени². Из других

¹ Авторы выражают признательность Н.Е. Зарецкой (ГИН) и А.А. Гольевой (ИГ РАН), оказавших помощь и поддержку в проведении радиоуглеродного датирования.

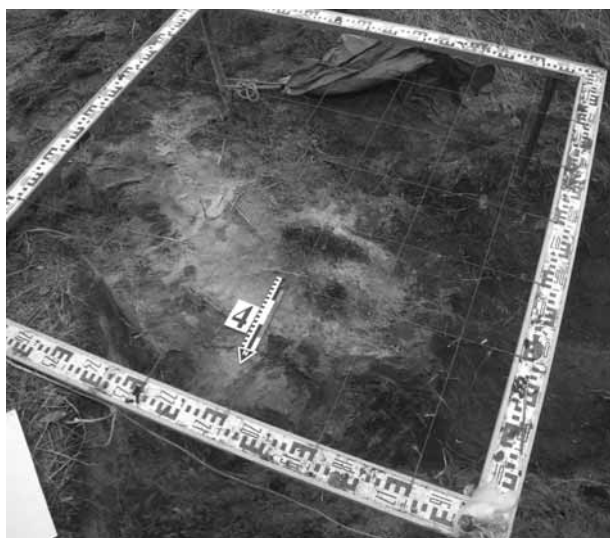

Рис. 1. Общий вид погребения 5 на уровне 4

находок, за пределами рва, следует упомянуть железную стрелу с раздвоенным черешком (с черешком типа «ласточкин хвост»), или типа 5, по К. А. Смирнову (1974. С. 34). В последние десятилетия стрел этого типа, костяных и железных, находят довольно много; из ближайших памятников назовем поселения каширской группы, Ростиславль и Настасьино. Общепринятая дата для этих стрел – IV–III вв. до н. э.

Как мы уже отмечали выше, изначально скопление кальцинированных костей располагалось прямо под дерном и лишь в последние десятилетия было перекрыто выбросом из окопа. При этом часть этого скопления сползла внутрь окопа и, будучи пронизанной корнями травы из дерна, фиксировалась при разборе в нем почти вертикально. В силу того, что, во-первых, работы проходили в крайне неблагоприятных погодных условиях (сильное намокание костей превращает их в кашеобразное состояние, почти неотделимое от вмещающего грунта), а во-вторых, в силу нарушения самого объекта значительная часть

костей была извлечена из оползневых слоев и при просеивании.

На уровне 1³ скопление представляло собой редкие кости на площади чуть больше 0,5 кв. м. На уровне 2 площадь, занятая костями, несколько расширилась, в основном к западу, а плотность скопления возросла. Самым плотным оказался уровень 3. На всех уровнях вмещающим слоем был черный углистый песок, а при расчистке под ним выступал предматерик или даже материк – желтый песок. На северной оконечности скопления попадались тянутые фабричные гвозди, явный результат оползневых процессов по краю окопа. На уровне 4 (рис. 1; 3) кости на материке были уже единичными, основная же их часть расчищена на оползневом склоне окопа. Все индивидуальные находки обнаружены именно на этом, самом нижнем, уровне: капля металла (медный сплав?), неатрибутированное железное изделие и железный нож (рис. 2). Для интерпретации новых материалов важна эта последняя находка.

Форма ножа – с уступами по спинке и лезвию при переходе к черешку – указывает на сравнительно позднее время по сравнению с погребениями ранее исследовавшегося здесь могильника. Датировать такие ножи следует, по нашему мнению, временем не ранее эпохи викингов, т. е. начиная с VIII–IX и позднее⁴. Так как открытое скопление удалено от исследованных ранее более чем на 200 м, расположено в иных топографических условиях и датируется более поздним временем, вполне закономерно сделать вывод, что нами

Рис. 2. Железный нож из погребения 5

² В таблице 2 приведены радиоуглеродные даты ИГ РАН, выполненные по почве из этого же разреза «рва». Эти образцы были отобраны почвоведом А. А. Гольевой в рамках проведения анализа почв. В этих датах помимо несовпадения возраста образцов ГИН 14821 и ИГ РАН 4307 обращает на себя внимание следующая деталь: между образцом 4307, имеющим дату от середины VI до второй половины VII в., и самым верхним образцом 4308 с возрастным интервалом середина IX – конец X в. (обе они вполне вероятны) залегают образцы, имеющие «дьяковский» возраст. Если мы не столкнулись с разного рода ошибками, объяснить это можно только одним: дно «рва» имеет автохтонное заполнение, соответствующее возрасту объекта, а верх его заполнения является сносом раннего слоя при оползании рва.

³ Уровни – условное понятие, означающее уровень графической фиксации погребения в процессе расчистки, или, как мы называли их раньше, «уровни видимой поверхности костей». Кости в скоплении при такой методике расчищаются насколько возможно, затем фиксируются и снимаются, после чего расчищаются следующие, лежащие ниже.

⁴ Радиоуглеродный возраст угля, отобранного среди костей ГИН 14822, определенный в 240 лет (табл. 2), не может быть принят. Причина такого омоложения нам непонятна, но ее можно объяснить повреждением, нанесенным окопом.

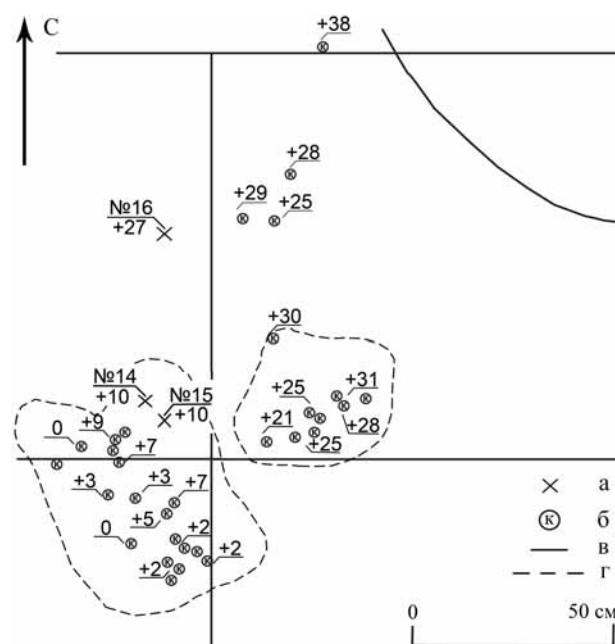
обнаружено не просто еще одно скопление кальцинированных костей, а новый могильник. Этот могильник (могильник 2), вероятно, синхронен Щуровскому грунтовому могильнику и (или) могильнику Лужки «Е».

Для описываемого скопления характерно смешение сожженных костей человека и животного на всех «уровнях». Возможно, это связано с тем, что погребение было потревожено. Фрагменты, которые были определены как принадлежащие человеку, в основной своей массе имеют серый или светло-серый цвет, а некоторые кости животных – коричневый и бурый. На всех уровнях скопления были найдены кости животных со следами разделки (кухонные остатки?): к кремированным костям человека (температура горения около 700°) были добавлены кости животных, подвергнутые термической обработке (при сравнительно низких температурах). Предположительно кости человека принадлежат одному взрослому индивиду, так как нет повторяющихся опознавательных фрагментов. Точный возраст и пол определить не удалось.

Очевидно, что раскопки этого интереснейшего объекта необходимо продолжать, но уже сейчас даже на основании первых материалов можно сделать следующие выводы.

1. Могильник 2 по всем признакам является самостоятельным памятником. Судя по топографии (край первой террасы), сохранности костей, стратиграфии погребения и редким пока находкам, он относится к щуровскому типу. Точная датировка преждевременна, но в целом его возраст укладывается в интервал от конца VIII до X в. Обнаружение этого могильника перевело находки Щурово и Лужков из единичных эпизодов в явление.

2. До сих пор участок Оки между верхнеокскими «курганами с оградками» и славянскими

Рис. 3. Погребение 5 на уровне 4

а – индивидуальные находки (номер полевой описи, нивелировка); б – кальцинированные кости; в – борты окопа времен Великой Отечественной войны; г – граница концентрации кальцинированных костей)

памятниками Рязанщины на археологической карте оставался белым пятном. Не случайно временной период VIII–X вв. в московском регионе назван «темными веками». Теперь это белое пятно постепенно заполняется могильниками с кремациями щуровского типа. Сходство в погребальном обряде у вновь найденных памятников внутри этого белого пятна позволяет поставить вопрос о преемственности могильников с кремациями – от Соколовой Пустыни 1 до Лужков «Е», Щурово и Соколовой Пустыни 2.

Таблица 1. Суммарная характеристика и состав костного материала из погребения 5 могильника 2 Соколова Пустынь.

Шифр	Кол-во	Вес (г)	Цвет	Деформац. трещины	Определения
<i>Уровень 1</i>					
№ 1	1	1,45	светло-коричневый	+	носовая регерогорodka (чел.)
№ 2	1	1,98	светло-серый с голубым отливом	-	фр-т бедренной кости (чел.)
№ 3	1	1,23	светло-коричневый	+	
№ 4	1	4,37	светло-серый	+	фр-т позвонка (чел.)
№ 5 (обл. № 3)	8	7,42	1 светло-серый, 7 светло-коричневых	3+	фр-т бедренной кости (чел.)?

Таблица 1. Суммарная характеристика и состав костного материала из погребения 5 могильника 2 Соколова Пустынь. (Продолжение.)

Шифр	Кол-во	Вес (г)	Цвет	Деформац. трещины	Определения
№ 6 (обл. № 1)	4	0,67	2 светло-серых, 2 светло-коричневых	1+	фр-т трубчатой кости, фр-т позвоночника, фр-т трубчатой кости
№ 7	1	0,21	светло-серый	-	неопределимый
№ 8 (обл. № 6)	43	8,26	9 светло-серых с голубым отливом, 11 темно-коричневых, 9 светло-коричневых, 12 светло-серых	4+	корень зуба (чел.), неопределимые фр-ты
№ 9	1	1,44	светло-коричневый	-	
№ 10	131	47,06	11 темно-коричневых, 69 светло-коричневых, 15 светло-серых с голубым отливом, 36 светло-серых	5+	фр-т челюсти (чел.), фр-т фаланги (чел.), фр-т фаланги (жив.), 2 фр-та позвоночника (чел.), трубчатые кости (чел.), неопредел. фр-ты
№ 11 (обл. № 2)	20	10,52	4 светло-серых, 2 светло-серых с голубым отливом, 14 темно-коричневых	2+	неопредел. фр-ты
№ 12 (обл. № 5)	26	9,37	4 светло-серых, 22 светло-коричневых	2+	неопредел. фр-ты
№ 13 (обл. № 4)	25	10,23	5 светло-серых с голубым отливом, 8 светло-коричневых, 13 темно-коричневых	5+	неопредел. фр-ты
Уровень 2					
№ 1 (обл. № 4)	28	5,61	2 светло-серых с голубым отливом, 3 светло-серых, 5 темно-серых, 18 серых	5+	неопредел. фр-ты
№ 2	118	16,65	26 темно-серых, 16 серо-коричневых, 76 светло-серых	8+	корень зуба (чел.), неопредел. фр-ты
№ 3 (обл. № 5)	19	6,92	3 светло-серых с синим отливом, 3 светло-коричневых, 6 светло-серых, 7 темно-коричневых	-	неопредел. фр-ты
№ 4 (обл. № 12)	2	1,49	2 серых с голубым отливом	-	фр-ты бедренной кости (чел.)
№ 5 (обл. № 6)	3	3,24	бурый	-	фр-ты губчатых и трубчатых костей
№ 6 (обл. № 8)	3	1,01	серый с синим отливом	1+	неопредел. фр-ты
№ 7 (обл. № 3)	5	0,84	1 серый, 1 светло-серый, 3 темно-коричневых	1+	неопредел. фр-ты
№ 8 (обл. № 14)	1	0,71	темно-коричневый	1+	неопредел. фр-т
№ 9 (обл. № 9)	1	0,80	темно-серый	+	неопредел. фр-т
№ 10 (обл. № 11)	1	0,39	светло-серый с голубым отливом	-	неопредел. фр-т
№ 11	9	1,87	бурый	-	фр-ты суставов (жив.)
№ 12 (обл. № 2)	18	4,24	3 светло-серых, 4 светло-серых с синим отливом, 11 темно-серых	4+	неопредел. фр-ты
№ 13 (обл. № 8)	19	3,90	3 темно-серых, 10 светло-серых	6+	неопредел. фр-ты

Таблица 1. Суммарная характеристика и состав костного материала из погребения 5 могильника 2 Соколова Пустынь. (Продолжение.)

Шифр	Кол-во	Вес (г)	Цвет	Деформац. трещины	Определения
<i>Уровень 3</i>					
№ 1 (обл. № 2)	40	25,76	16 темно-серых, 24 светло-коричневых	8+	фр-ты костей со следами разделки (жив.), фр-ты костей животных
№2	1	0,87	светло-серый с голубым отливом	+	фр-т челюсти (чел.)
№ 3 (обл. № 1)	1	0,32	светло-коричневый	-	фр-т черепа (жив.)?
№ 4	2	1,64	светло-коричневый	-	фр-ты трубчатой кости
№ 5	2	0,52	светло-коричневый	-	фр-ты корня зуба (чел.)
№ 6 (обл. №2)	1	0,67	светло-серый	-	фр-т губчатой кости (жив.)
№ 7 (обл. № 1)	95	38,8	15 светло-серых, 3 светло-серых с синим отливом, 42 светло-коричневых	12+	фр-ты ребра (чел.), фр-ты бедренной кости (чел.), фр-ты трубчатых костей (жив.)
№ 8	282	51,49	11 светло-серых с синим отливом, 29 светло-серых, 19 светло-коричневых, 29 темно-коричневых, 194 серых	9+	фр-ты черепа (чел.), фр-ты костей животных, неопредел. фр-ты
<i>Уровень 4</i>					
№ 1 (слой оползня)	4	3,215	2 светло-коричневых, 2 темно-коричневых	-	фо-ты костей животных
№2 (слой «с корнями»)	2	6,461	2 темно-коричневых	2+	фр-ты тазовой кости (чел.)
№ 3 (обл. №2)	1	2,675	светло-коричневый	+	фр-т верхней челюсти (жив.)
№ 4 (обл. № 1)	3	2,687	темно-серый	2+	фр-т коленной чашечки
№ 5	2	1,775	1 темно-коричневый, 1 светло-коричневый	+	фр-ты глазницы (чел.)
№ 6 (обл. № 3)	1	0,463	светло-коричневый	+	фр-т черепа (жив.)
№ 7 (обл. № 2)	4	4,720	3 светло-коричневых, 1 темно-коричневый	2+	фр-т суставной части кости (жив.), со следами разделки; фр-т черепа (?), фр-т глазницы (?)
№ 8 (обл. № 3)	9	3,243	4 светло-серых, 5 светло-коричневых	3+	фр-т позвоночника (жив.), неопредел. фр-ты
№ 9 (просеив. из оползня)	63	22,400	14 темно-серых, 13 светло-коричневых, 13 светло-серых с голубым отливом, 17 серых, 6 светло-серых с синим отливом	7+	неопредел. фр-ты
№ 10 (обл. № 11)	59	24,179	11 темно-коричневых, 23 светло-коричневых, 1 темно-серый, 12 светло-серых с голубым отливом, 6 светло-серых с синим отливом, 6 светло-серых	3+	фр-т позвоночника (жив.)?, фр-ты ребер, неопредел. фр-ты

Таблица 1. Суммарная характеристика и состав костного материала из погребения 5 могильника 2 Соколова Пустынь. (Окончание.)

Шифр	Кол-во	Вес (г)	Цвет	Деформац. трещины	Определения
№ 11	62	31,515	11 светло-коричневых, 9 серых, 2 светло-серых с синим отливом, 11 темно-коричневых, 29 коричневых	7+	фр-т черепа, фр-ты ребер, неопредел. фр-ты
№ 12 (обл. № 2)	72	43,524	21 серый с голубым отливом, 3 серых, 10 светло-коричневых, 13 темно-серых, 32 темно-коричневых	8+	неопредел. фр-ты
№ 13	145	49,771	24 светло-серых, 10 светло-серых с синим отливом, 43 серых, 14 темно-коричневых, 29 светло-коричневых, 25 темно-серых	7+	фр-т ребра, неопредел. фр-ты
<i>Уровень 5</i>					
Обрушение	341	183,080	1 бурый, 17 темно-серых, 26 темно-коричневых, 18 светло-серых с синим отливом, 34 светло-серых, 246 серых	30+	2 фр-та позвоночника (жив.), фр-ты плюсневых костей (чел.), фр-ты костей животных, фр-ты костей животных со следами обработки, неопредел. фр-ты
	405	81,935	75 светло-коричневых, 128 светло-серых, 11 светло-серых с синим отливом, 49 темно-серых, 142 темно-коричневых	20+	неопредел. фр-ты

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного анализа образцов из Соколовой пустыни.

№ образца, лаборатор.	Описание образца	Материал	Радиоуглеродный возраст, л.н., BP	Интервал калибров. возраста на 1σ: Cal BP – лет назад (кроме дат ГИН), начало – конец, вероятность
4305, ИГ РАН	Образец 1. Соколова Пустынь, р. 3, окоп, 64–74 см	ГК	2340±70	2184–2193, 0,024; 2206–2231, 0,077; 2306–2487, 0,877; 2645–2652, 0,021
4306, ИГ РАН	Образец 2. Соколова Пустынь, р. 3, окоп, 95–101 см	ГК	2050±70	1932–2070, 0,809; 2077–2113, 0,191
4307, ИГ РАН	Образец 3. Соколова Пустынь, р. 3, окоп, 110 см	ГК	1410±60	1284–1365, 1,000
4308, ИГ РАН	Образец 4. Соколова Пустынь, р. 3, окоп, 35–45 см	ГК	1130±70	962–1091, 0,844; 1107–1135, 0,132; 1162–1167, 0,024
4309, ИГ РАН	Образец 5. Соколова Пустынь, р. 3, окоп, 110–120 см	ГК	2260±40	2181–2238, 0,569; 2304–2304, 0,431
14821, ГИН	Соколова Пустынь, р. 3, уч. 1, дно окопа	Углистый песок	1640±50	343–438 AD, 0,736922; 487–531 AD, 0,263078
14822, ГИН	Соколова Пустынь, р. 3, уч. 1, погреб. 5	Углистый песок	240±110	–

Литература

Потемкина О. Ю., 2009. История и первые итоги изучения селища Соколова Пустынь в Ступинском районе // Сборник материалов Второй региональной научно-практической конференции. Ступино.

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., 2011а. Могильник Соколова Пустынь – к вопросу о погребальном обряде у позднелазовского населения // Сборник материалов IV региональной научно-практической конференции. Ступино.

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Мальцева Е. А., 2011б. Могильник Соколова Пустынь – к вопросу о погребальном обряде у позднелазовского

населения // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; В. Новгород.

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., 2014. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднелазовского времени // КСИА. Вып. 230. (В печати.)

Смирнов К. А., 1974. Лазовская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Лазовская культура. М.

Степанова Т. И., 1992. Отчет о раскопках стоянки эпохи бронзы и раннего железного века у д. Соколова-Пустынь Ступинского района Московской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 17101, № 17102.

O. Y. Potemkina, A. S. Syrovatko, M. V. Dobrovolskaya, N. G. Svirkina

Excavations of 2012 on Sokolova Pustyn: a new burial or a new burial ground?

Summary

The article presents materials from a new burial made by a cremation rite at burial ground Sokolova Pustyn. Based on the characteristics of topography and imple-

ments of the new object the authors conclude about its belonging to a new burial ground (Sokolova Pustyn 2) and date it as the last quarter of the 1 Millennium BC.

А. А. Гольева

Почвенные исследования поселения Сосновка IV (Московская область)

Селище Сосновка IV расположено в Озерском районе Московской области. Археологические работы на селище много лет ведутся В. Ю. Ковалем (2004. С. 154–166). Почвенные исследования на селище Сосновка IV были начаты в 2005 г. Полученные первые результаты (Гольева, 2007. С. 122, 123) оказались интересными и определили направление дальнейших, более детальных исследований. В данной статье представлены результаты комплексной работы на участках раскопов 2011 г., где были вскрыты два временных среза (раннего железного века и раннего средневековья), а также фоновой современной почвы (рис. 1). В итоге мы имеем хронологический ряд из разновозрастных почв: современная (фоновая) предположительно функционировала без стадии обживания в прошлом, т.е. процессов формирования культурного слоя (КС) не было; почва, где образование КС прекратилось, вероятно, в раннем железном веке, и почва, где процессы почвообразования в толще культурного слоя начались в Средневековье. Длительностью почвообразования в первом случае можно считать голоцен, во втором – около 1500 лет, в третьем – не менее 500 лет, но не более 800.

Задачи исследования включали в себя характеристику природной среды доантропогенного и антропогенного периодов освоения территории; определение степени и характера антропогенеза ландшафта в различные эпохи; сравнение скоростей преобразования разновозрастных культурных слоев почвенными процессами после прекращения жизнедеятельности на селище; реконструкцию возможного содержимого сосуда, найденного

при раскопках, а также определение характера заполнения хозяйственных ям.

Объектами исследования в 2011 г. являлись средневековый культурный слой (раскоп I, участок «И», северная стенка квадрата 76), культурный слой РЖВ (раскоп IV, участок «Г», западная стенка кв. 14), фоновый почвенный разрез, ямы 111 и 119 на раскопе IV (участок «Г»), а также сосуд с полевым номером 286 (раскоп I, участок «И»). Образцы в ямах отбирались сплошной колонкой от материка (первые образцы) до современной поверхности (последние образцы), и поэтому в таблицах¹ приведены в виде последовательной колонки цифр.

Собранные образцы изучались комплексно, с использованием морфологических, физико-химических и микробиоморфных методов. В первой части статьи приводятся результаты и выводы по почвам и раскопам, во второй – по сосуду и ямам.

Исследование почв и культурных слоев.

Морфологическое описание разрезов

Раскоп I, участок «И», кв. 76, северная стенка

Исследовался культурный слой раннего средневековья.

0–3 см – современная рыхлая дернина темно-серого цвета, обилие корней. Переход к следующему горизонту ровный, хорошо заметный по плотности и увеличению минеральной массы.

3–13 см – современный гумусовый горизонт, светло-серого цвета, рыхлый.

13–21 см – цвет неоднородный, чередование бурых и темно-серых пятен. Генезис слоя неявный.

¹ Таблицы приведены в конце статьи.

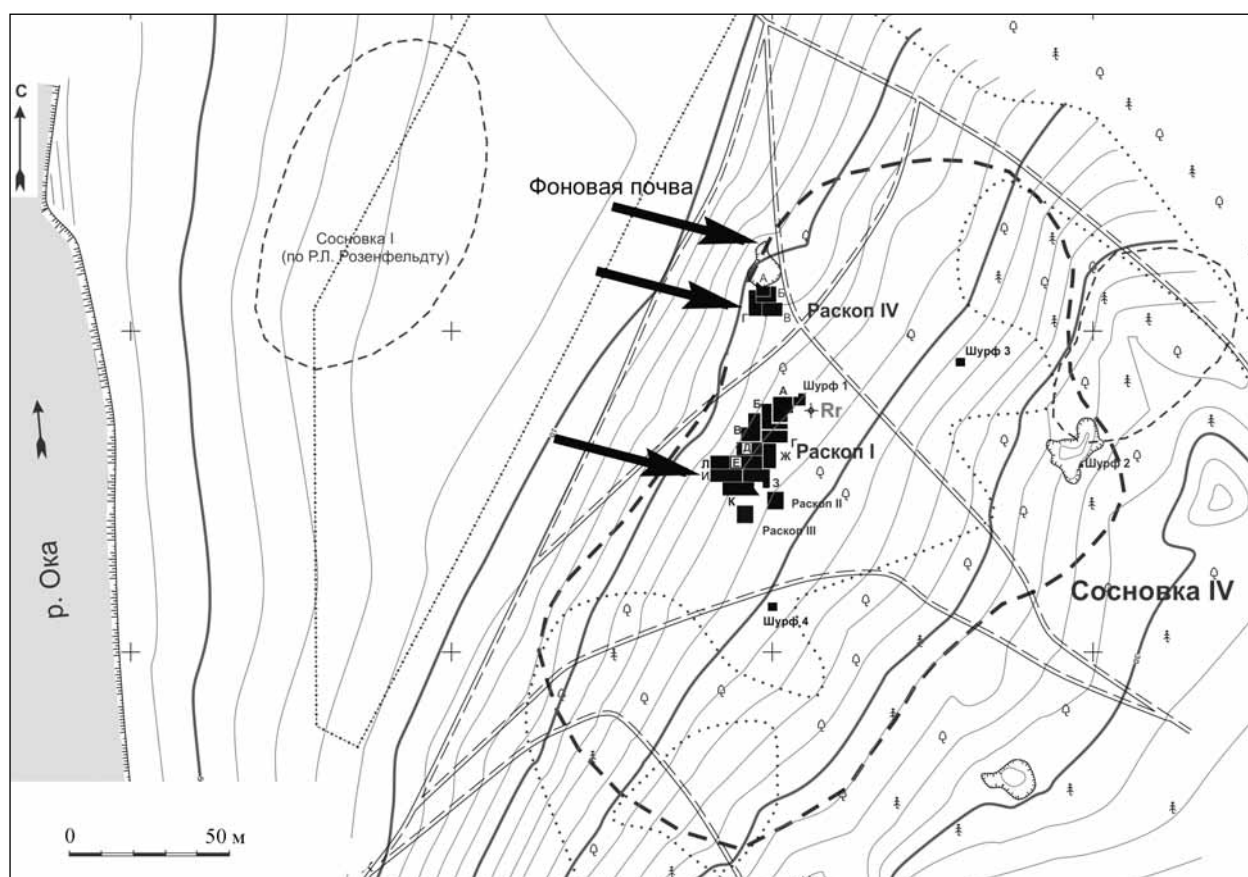

Рис. 1. План селища Сосновка IV и места отбора фоновых почв

Возможно, это средневековый культурный слой, проработанный процессами почвообразования.

21–22 см – прослойка белого цвета – линия из обломков известняка. Прослойка четко маркирует уровень древней поверхности, отделяя более ранний культурный слой от позднего.

22–34 см – культурный слой, содержащий в своем составе мелкие фрагменты костей и обломки известняка, что определило неоднородную пеструю окраску слоя. Наибольшее количество включений отмечается в нижней части слоя, на глубине 28–34 см. Нижняя граница неровная, клиновидная, определяется по ослаблению однородной темной окраски слоя.

34–42 см – цвет неоднородный, наблюдается вертикальное чередование темно- и светло-серых клиньев. Наиболее вероятно, что имело место наложение двух процессов: раннего, с формированием слоя из светло-серого материала, и более позднего, для которого характерен темно-серый цвет отложений. Нижняя граница постепенная, диффузная, определяется по исчезновению темных тонов и появлению бурых оттенков.

42–50 см – цвет слоя в общем светло-серый. Местами в слое встречаются бурые включения в виде мелких округлых комочков. Нижняя граница неявно линейная, заметная по усилению бурой окраски.

50–56 см – светло-бурый почвенный минеральный горизонт с остаточными признаками исходного подзола. Это переходный горизонт от подзолистого к иллювиальному. Переход к нижележащему горизонту диффузный, постепенный, определяется по уменьшению серых тонов.

56–74 см – однородный светло-бурый слой. Это типичный иллювиальный почвенный горизонт. Переход к нижележащему горизонту постепенный, диффузный, определяется по увеличению ярко-бурой окраски горизонта.

74–80 см – уплотненный интенсивно-бурый горизонт. Это типичный ожелезненный горизонт песчаных подзолов.

В целом вся толща отчетливо делится на два блока: нижний – остаточный почвенный и верхний – антропогенный. Границу между этими блоками можно провести по линии 50 см. Все, что

выше, – это серия разновозрастных культурных слоев или наложение культурного слоя (культурных слоев) на раннюю распашку.

Раскоп IV, участок «Г», кв. 14, западная стенка

Исследовался культурный слой дьяковского времени.

0–3 см – рыхлая темно-серая дернина, обилие корней.

3–13 см – цвет слоя серовато-бурый, слой рыхлый, окраска однородная. Это нанос или поздний (средневековый) огородный горизонт. Нижняя граница ровная, резкая, линейная, хорошо заметная по цвету.

13–26 см – темно-серый, практически черный культурный слой. Окраска неравномерная, выделяются пятна различной интенсивности темных тонов. Много корней. Нижняя граница неровная, поскольку интенсивно пронизана червоходами.

26–34 см – светло-серый слой с буроватыми оттенками. Наиболее вероятно, это нижняя часть культурного слоя, начальный этап освоения территории. Нижняя граница постепенная, слабо диффузная, заметная по цвету – усиление бурых тонов при исчезновении серых.

34–55 см – минеральный почвенный горизонт бурого цвета с редкими мелкими охристыми почвенными конкрециями. Это типичный почвенный горизонт без признаков антропогенного воздействия.

Разрез, как и в предыдущем случае, делится на два блока: исходный почвенный, начиная с глубины 34 см, и антропогенно преобразованный – с поверхности до 34 см. Исходной почвой, скорее всего, был железистый подзол, от которого сохранилась лишь нижняя часть профиля. Первоначальной (исходной) растительностью был хвойный, скорее всего, сосновый лес.

Фоновая почва

В качестве фоновой был выбран разрез, заложенный в 15 м от раскопа IV. Основным критерием являлось отсутствие в толще каких-либо артефактов. Вся территория памятника и вокруг него была распахана в Новое и Новейшее время. В верхней части профиля хорошо виден пахотный горизонт (вероятно, XX в.) однородного темно-серого цвета с линейной нижней границей. Распашка уничтожила верхнюю часть почвы, т. е. подзолистый горизонт.

Но поскольку под пахотным горизонтом располагается слой серого, а не белесого или бурого тонов, то наиболее вероятным является предполо-

жение, что участок распахивался неоднократно и под современной пашней залегает более ранняя. То есть подзолистый горизонт как таковой был уничтожен давно, и выбор участка в качестве фоновой довольно условный.

Результаты физико-химических анализов

Согласно результатам *гранулометрического анализа* фоновой почвы, селище Сосновка вместе с фоновой почвой расположено на песчаном массиве, где абсолютно преобладает крупно- и среднепесчаная фракция (табл. 1). И если верхнюю часть профиля можно определить как песок, стабилизированный за счет обилия корней и связанных с ними органо-минеральных комплексов, то вся нижележащая толща является песком рыхлым.

Полученные данные важны для понимания скоростей и интенсивности почвенных процессов: в рыхлых породах преобразование профилей происходит быстрее, чем в более плотных. Соответственно, можно ожидать различий в степени сохранности признаков в разновозрастных культурных слоях. А однотипность исходной породы при одинаковом геоморфологическом залегании объектов исследования позволяет считать полученные различия достоверными.

Кислотность почвенных растворов фоновой почвы и из раскопа IV (культурный слой дьяковского времени) практически полностью совпадает (табл. 2). Более того, почва раскопа IV более кислая по сравнению с фоновой. В ней четко выражен оподзоливающий тренд в верхней части профиля (3–8 см). А почва из раскопа I, кв. 76 (средневековый культурный слой) – нейтральная в верхней части и щелочная в нижней. Очевидно, это связано с присутствием карбонатной (известковой) крошки в средней части горизонта. Интересно, что слабощелочные значения есть даже в самом верхнем горизонте – дернине. Это обусловлено тем, что корни растений поглощают растворенные карбонаты, которые затем возвращаются в виде опада, подщелачивая поверхность. То есть наличие карбонатного материала в средней части профиля влияет на химические свойства не только нижележащих слоев, но всего профиля, включая самый верх.

Это предположение подтверждается данными по содержанию и распределению *углерода карбонатов*. Хорошо фиксируется слой, обогащенный карбонатами (22–34 см). Ниже и выше их значение постепенно уменьшается, но непосредственно в подстилке наблюдается увеличение количества карбонатов.

Содержание *органического углерода*, как и валового фосфора, в пахотной современной почве мало, что, вероятно, связано с агрогенной историей участка. В почве, развитой по культурному слою дьяковского времени, максимум органического вещества отмечается в верхней толще (предположительно огородном горизонте) с достаточно резким уменьшением с глубиной. Это нормально для почв нашей природной зоны. В почве, сформированной по средневековому культурному слою, распределение органического углерода иное. Здесь максимум органического углерода наблюдается на глубине 22–34 см, т.е. именно в том слое, где отмечено наибольшее количество карбонатов. Это совпадение не случайно, так как карбонаты образуют высокоустойчивые органо-минеральные комплексы.

Содержание *валового фосфора* в почвах, сформированных по древним культурным слоям, сходно с таковым для органического углерода. Поскольку почвообразующая порода – это песок рыхлый, то фосфора в целом мало, за нормальные природные величины можно принять 0,04% – то, что есть в поверхностном слое фоновой почвы.

Почва на раскопе IV (дьяковский КС) содержит немного фосфора в культурном слое. Возможно, в раннем железном веке на данном месте не было жилища или загона для скота, но не исключено, что за прошедшие минимум полторы тысячи лет фосфор был потреблен корнями растений. Особенно этот процесс мог иметь место в период функционирования огорода, поскольку огородный горизонт обогащен фосфором.

Почва на раскопе I (средневековый КС) содержит много фосфора в самом верхнем слое дернины и на глубине 22–34 см, т.е. именно там, где отмечается максимум карбонатов и органического углерода. Эта закономерность не случайна, поскольку в присутствии карбонатов кальция фосфор образует нерастворимые органо-минеральные соединения. Наши исследования убедительно показывают, что даже спустя 900 лет (возможно, и более) в условиях промывного водного режима и легких песчаных пород органо-минеральные соединения фосфора не вымылись из толщи КС. Процесс разрушения (растворения) этих соединений незначителен.

Для иллюстрации последнего вывода было дополнительно сделано определение *подвижного фосфора* в толще 0–34 см раскопа I. Результаты показали, что наиболее подвижен современный биогенный фосфор, попавший в почву вместе с опадом, т.е. прошедший цикл биологического круговорота. Это горизонт подстилки (0–3 см).

Минеральный же фосфор (толща 22–34 см) намного устойчивее, его растворимость крайне мала. Иными словами, растворение органо-минеральных соединений фосфора идет, но в очень незначительных объемах.

В связи с разной кислотностью-щелочностью в близкорасположенных разрезах, наличием карбонатов в одном из них интересно распределение *различных форм железа*, определяемых методами Мера-Джексона и Тамма. Накопление обеих форм четко выражено в кислых культурных слоях и достаточно ровное, без аккумулятивных пиков в щелочной почве. Данный пример наглядно показывает взаимосвязь между почвенной кислотностью и осаждением железа в разных формах и соединениях из почвенных растворов.

Таким образом, хотя участки расположены неподалеку друг от друга, их химические свойства существенно различаются. Безусловно, это связано со спецификой антропогенного прошлого каждого из них, т.е. особенность многих свойств современных почв является отражением их антропогенного прошлого.

Характеристика микробиоморфных фракций

Для более полной характеристики образцов, определения их генезиса был проведен микробиоморфный анализ. Результаты анализа представлены в таблицах 3 и 4.

В фоновой почве наблюдается аккумуляция фитоцитов в слое на глубине 13–21 см. Это может быть связано с распахкой и формированием плужной подошвы в нижней части пахотного горизонта. В пользу этого предположения свидетельствует наличие фитоцитов культурных злаков в обоих верхних горизонтах.

В почве, сформированной на культурном слое РЖВ (раскоп IV, кв. 14), выделяются несколько максимумов фитоцитов, что, скорее всего, отражает этапы интенсификации обживания участка. Можно предположить, что раскоп содержит два культурных слоя: более ранний (глубина 22–32 см) и более поздний (глубина 13–17 см). Интересно, что в более раннем КС встречаются фитоциты культурных злаков и сорной флоры. Возможно, ранний КС, в свою очередь, создавался на еще более ранней пашне.

Почва, сформированная на средневековом культурном слое, в верхней части содержит среднее количество фитоцитов. Наибольшее количество этих частиц обнаружено в нижней части профиля, что абсолютно нехарактерно для почв, но типично для культурных слоев. В разрезе выделялись

два разновозрастных КС. Данные микробиоморфного анализа также позволяют разделить всю толщу на два слоя: верхний (13–42 см) и нижний (42–54 см). Эти слои создавались в периоды разной интенсивности обживания участка.

На раннем этапе интенсивность антропогенеза была выше по сравнению с более поздним этапом. В верхней толще регулярно встречаются фитолиты культурных злаков. Возможно, в тот период участок использовался, например, как хозяйственный двор. В нижней толще культурный злак встречен в самом нижнем слое (49–54 см). Этот слой отличается более светлой окраской по сравнению с вышележащим, но имеет серые оттенки. Серый цвет горизонта в совокупности с фитолитом культурных злаков позволяет предположить, что данный участок, как и предыдущий, распахивался до начала формирования культурных слоев. Иными словами, вся территория первоначально распахивалась под зерновые культуры, и лишь потом на этом месте стали жить люди, начал формироваться культурный слой.

Исследование заполнения ям

В образцах из ям определялось содержание органического углерода, валового фосфора и кислотность почвенных растворов, проведен микробиоморфный анализ. Результаты исследования представлены в таблицах 2–4.

Яма III

Вся толща имеет нейтральную реакцию почвенных растворов (рН около 7). Органического углерода немного, но его распределение имеет зигзагообразный характер (чередование максимумов и минимумов), что типично для хозяйственных ям и отражает этапы поступления в яму органики. Валового фосфора мало. Это типично для песчаных почв. Выделяется образец 6 – там фосфора больше, чем в самом верхнем образце 8. Очевидно, в период формирования этого слоя в яму интенсивно добавлялась животная органика.

Фитолитов много вплоть до образца 4. Более того, этот образец содержит максимальное количество фитолитов. В составе фитолитного комплекса есть культурные злаки, тростник. Подобное сочетание часто встречается в культурных слоях и заполнениях ям. Оно отражает генезис слоя. То есть здесь была солома культурных злаков и тростник.

Таким образом, можно говорить, что на начальных этапах заполнения ямы преобладала растительная масса, включая солому культурных зла-

ков и тростник, на заключительных этапах к этим остаткам добавляется животная органика (возможно, в виде шерсти, кожи, шкур и т. п.).

Яма 119

Кислотность почвенных растворов такая же, как в яме 111, сходно и количество органического углерода. Некоторым отличием является более ровный характер распределения органики по профилю, здесь фиксируется только один максимум в образце 5. Валового фосфора меньше. Можно отметить образцы 4 и 5, в них фосфора больше всего.

Фитолитов много, но также меньше, чем в яме 111. Максимум фитолитов отмечен в слое 5. Качественный состав фитолитного комплекса сходен: также есть фитолиты культурных злаков и тростника. Некоторым отличием является большая доля в образцах из этой ямы фитолитов хвойных и относительно большое количество фрагментарных частиц, возможно, часть из них являются неизвестными формами фитолитов.

В целом можно считать, что эта яма, как и предыдущая, заполнялась в основном растительной массой, включая солому культурных злаков и тростник. Животная органика также присутствовала, но в малых объемах и локально (слои 4 и 5). Единственным значимым отличием является высокая доля хвойных и молодых растений, в которых процесс формирования фитолитов еще не завершился, а также, возможно, каких-то растений, фитолиты которых неизвестны. Возможно, это пропашные культуры (овощи).

Анализ содержимого сосуда

Исследовалось заполнение сосуда № 286. Для сравнительного анализа были взяты грунты как со дна сосуда (на определение, чем он был заполнен), так и рядом с ним (фон). В образцах определялось содержание валового фосфора (наличие животной органики) и состав микробиоморфной фракции (наличие растительной массы, ее состав). Результаты исследования представлены в таблицах 2–4.

Оба образца содержат много фосфора, однако его количество лишь немного превышает то, что зафиксировано в окружающем культурном слое. Это значит, что животная органика присутствовала и в сосуде, и рядом с ним. К сожалению, анализ только фиксирует присутствие данного типа органических веществ, но не позволяет определять их тип. Можно предположить, что рядом с сосудом было что-то типа войлочной подстилки

(кожа или шкура), а в сосуде было что-то мясное или молочное. Фитолитов в обоих образцах много, но в сосуде существенно больше. Это делает возможным более определенно считать, что в сосуде (и/или на нем) было также что-то растительное. Но при различии в количестве качественное распределение форм практически одинаковое: в обоих образцах есть фитолиты соломы культурных злаков, тростника и даже игл хвойных. Маловероятно, что подобный состав частей растений входил в пищевой рацион. Видимо, сосуд был заполнен тем же культурным слоем, в котором он залегал, однако нельзя исключать, что в нем сохранялись *остатки* пищи.

Заключение

Специфика хозяйствования в прошлом оказывает существенное воздействие на химические свойства современных почв. Даже на рыхлых субстратах, где все скорости почвенных процессов велики, за прошедшие сотни лет (не менее 900) в условиях гумидного климата не произошло перестройки профиля по подзолистому типу. Особенно это очевидно для участка, где люди в прошлом использовали известняк для каких-то своих бытовых целей. Привнесенные карбонаты включились в общий биологический цикл углерода, что привело к подщелачиванию не только нижней части профиля, но и верхней, где известняка исходно не было никогда. То есть гумидный климат нашей природной зоны ведет к растворению известняка, переводу его в почвенные растворы и этим способствует окарбонатченности (а заодно и подщелачиванию) самых верхних горизонтов почвы.

Привнос известняка в прошлом кардинальным образом изменил тренды содержания и распределения основных почвенных элементов в современной почве: органического углерода и валового фосфора. Иными словами, однократное использование в прошлом обломков известняка для каких-то своих бытовых целей привело к полной перестройке типа почвообразования на локальном участке. Здесь даже спустя сотни лет наблюдаются щелочные значения pH, высокие значения карбонатов, органического вещества и валового фосфора, что резко отличает данный локальный участок от остальных, где известковая крошка в прошлом не использовалась людьми.

Образовавшиеся органо-минеральные комплексы чрезвычайно устойчивы, растворимость их мала даже на рыхлых песчаных породах в условиях промывного водного режима.

В то же время наблюдается значимое различие свойств почв, сформированных на древнейших культурных слоях (раскоп IV) по сравнению с почвами, сформированными на более поздних культурных напластованиях (раскоп I). В более старых почвах большинство параметров стало близко или сравнялось с показателями фоновых почв, в то время как в более молодых почвах эти параметры еще далеки от нормы. При этом надо учитывать, что на раскопе IV культурный слой РЖВ залегал непосредственно под дерном, т. е. на протяжении длительного времени (какого именно, установить невозможно, но оно явно превышало 100–200 лет, а могло достигать и 900–1000 лет) этот слой подвергался непосредственному природному воздействию. В отличие от него, культурный слой средневековой эпохи на раскопе I был перекрыт преобразованным в современную почву делювием мощностью 10–20 см, который предохранял его от прямого воздействия окружающей среды.

Результаты работы позволяют предположить, что самым первым типом антропогенного воздействия на ландшафт была распашка под зерновые культуры. Заселение участка с формированием культурных слоев шло по пашне, возможно, молодой залежи.

Исследованные ямы заполнялись растительной и животной органикой в различных объемах и разной последовательности. Состав заполнения в целом сходен, но есть небольшие отличия, выраженные в присутствии фитолитов хвойных, а также не полностью окремненных (молодые растения) или неизвестных частиц в яме 119, чего нет в яме 111.

Несколько выявленные различия принципиальны для характеристики ям, трудно судить на основе малой выборки. Возможно, будущие исследования, накопление сравнительного материала позволят найти какой-либо значимый критерий.

В целом работы на селище Сосновка IV позволили получить интересные данные, которые будут учитываться при работе на других сходных объектах, а также на этом селище в дальнейшем.

Таблица 1. Гранулометрический состав образцов фонового разреза.

Глубина, см	Содержание фракции, % (размер частиц, мм)							Название фракции
	1,00–0,25	0,250–0,050	0,05–0,01	0,010–0,005	0,005–0,001	< 0,001	< 0,01	
	Песок		Пыль			Ил	Физич. глина	
0–12	85,82	5,34	2,71	0,91	1,82	3,40	6,13	Песок связный
13–21	89,91	4,16	1,19	0,72	1,08	2,94	4,74	Песок рыхлый
21–31	89,82	5,70	1,04	0,60	0,64	2,20	3,44	
31–41	91,91	4,47	0,58	0,78	0,22	2,04	3,04	
41–51	94,57	1,71	0,46	0,86	0,30	2,10	3,26	

Таблица 2. Химические свойства образцов селища Сосновка.

Образец, глубина, см, горизонт	pH, водн.	C _{орг.} , % (по Тюрину)	P ₂ O ₅ %, Вал.	P ₂ O ₅ %, подв.	Fe ₂ O ₃ , Тамма	Fe ₂ O ₃ , Мера-Джексона	CO ₂ карб., %
<i>Фон</i>							
0–12 Апах.	5,95	0,56	0,04	Неопр.	0,086	0,390	Неопр.
13–21 А1 (КС?)	5,90	0,11	0,01	Неопр.	0,029	0,290	Неопр.
21–31 А2	6,05	0,10	0,01	Неопр.	0,220	0,270	Неопр.
31–41 А2В	6,05	0,06	0,01	Неопр.	0,270	0,255	Неопр.
41–51 В	6,25	0,06	0,03	Неопр.	0,410	0,066	Неопр.
<i>Сосновка IV, р. IV (Г), кв. 14, западная стенка</i>							
0–3 огород	5,80	2,48	0,08	Неопр.	0,090	0,252	Неопр.
3–8 огород	5,30	2,07	0,09	Неопр.	0,095	0,246	Неопр.
8–13 огород	5,60	0,81	0,06	Неопр.	0,068	0,255	Неопр.
13–17 КС	5,55	0,67	0,04	Неопр.	0,233	0,582	Неопр.
17–22 КС	5,60	0,62	0,04	Неопр.	0,077	0,552	Неопр.
22–27 КС	5,80	0,22	0,02	Неопр.	0,054	0,324	Неопр.
27–32 КС+А2	6,25	0,13	0,01	Неопр.	0,038	0,243	Неопр.
32–37 В	6,05	0,09	0,01	Неопр.	0,095	0,117	Неопр.
37–42 В	6,30	0,08	0,01	Неопр.	0,104	0,117	Неопр.
42–47 В	5,95	0,07	0,02	Неопр.	0,110	0,216	Неопр.
47–52 Вfe	6,00	0,09	0,02	Неопр.	0,120	0,189	Неопр.
<i>Сосновка IV, р. I (И), кв. 76, северная стенка</i>							
0–3 А0	7,80	1,85	0,24	0,027	0,149	0,414	0,41
3–13 А1	7,00	1,91	0,10	0,017	0,137	0,456	0,04
13–20 КС (?)	7,50	1,61	0,17	0,006	0,153	0,360	0,05
20–22 погр. пов-ть	8,50	2,18	0,34	0,009	0,153	0,450	0,50
22–28 КС1	8,80	2,32	0,49	0,014	0,101	0,474	0,96
28–34 КС1	8,90	1,81	0,33	0,011	0,144	0,396	1,40
34–42 КС1+КС2	9,10	0,81	0,17	Неопр.	0,072	0,360	0,38
42–49 КС2 (?)	9,25	0,21	0,04	Неопр.	0,053	0,159	0,01
49–54 ВА2	8,90	0,11	0,02	Неопр.	0,068	0,144	0
54–64 В	9,00	0,10	0,02	Неопр.	0,038	0,096	0,03
64–74 В	9,00	0,12	0,02	Неопр.	0,047	0,093	0
74–80 Вfe	8,50	0,14	0,09	Неопр.	0,236	0,330	0,03

Таблица 2. Химические свойства образцов селища Сосновка. (Окончание.)

Образец, глубина, см, горизонт	pH, водн.	C _{орг.} % (по Тюрину)	P ₂ O ₅ %, Вал.	P ₂ O ₅ %, подв.	Fe ₂ O ₃ , Тамма	Fe ₂ O ₃ , Мера- Джексона	CO ₂ карб., %
<i>Сосновка IV (Г), яма III</i>							
8	7,20	1,17	0,13	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
7	6,55	0,75	0,06	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
6	7,30	0,87	0,15	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
5	7,15	0,50	0,04	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
4	7,25	0,25	0,02	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
3	7,45	0,46	0,01	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
2	8,00	0,11	0,01	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
1	7,65	0,10	0,01	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
<i>Сосновка IV (Г), яма II</i>							
7	6,10	0,39	0,04	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
6	6,30	0,76	0,04	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
5	7,30	0,82	0,06	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
4	7,60	0,64	0,07	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
3	7,75	0,20	0,02	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
2	7,85	0,11	0,02	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
1	7,70	0,11	0,02	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
<i>Сосновка IV, р. I (II), сосуд № 286</i>							
Грунт из сосуда	Неопр.	Неопр.	0,64	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.
Грунт рядом с сосудом	Неопр.	Неопр.	0,53	Неопр.	Неопр.	Неопр.	Неопр.

Таблица 3. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф.

Раскоп, № ямы	Детрит	Аморф. орг.	Спикулы губок	Фитолиты	Кутик. слепки	Пыльца	Другие частицы
<i>Фон</i>							
0–12 Апах.	+++	+++	–	++	–	++	Корни, микроорганизмы, гифы
13–21 А1 (КС?)	+++	+++	–	+++	–	ед.	Корни, гифы
21–31 А2	++	++	ед.	+	–	–	
31–41 А2В	ед.	+	–	+	–	–	–
41–51 В	–	–	–	–	–	–	–
<i>Сосновка IV, р. 4 (Г), кв. 14, западная стенка</i>							
0–3 огород	+++	+++	–	+	+	++	Обилие корней, гифы
3–13 огород	+++	+++	–	+	–	+	
13–17 КС	+++	+++	–	+++	–	ед.	
17–22 КС	+++	+++	–	++	–	–	Копролиты, корни
22–27 КС	+++	+++	+	+++	–	–	
27–32 КС+А2	++	++	–	+++	–	–	–
32–37 В	+	+	–	+	–	–	–
<i>Сосновка IV, р. I (II), кв. 76, северная стенка</i>							
0–3 А0	+++	+++	–	++	+	ед.	Корни, гифы
3–13 А1	+++	+++	–	+	–	ед.	

Таблица 3. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф. (Окончание.)

Раскоп, № ямы	Детрит	Аморф. орг.	Спикулы губок	Фитолиты	Кутик. слепки	Пыльца	Другие частицы
13–20 КС (?)	++	+++	–	+	–	+	Обилие корней
20–22 погр. поверхность	++	++	–	+	–		–
22–28 КС1	+++	+++	ед.	++	–	ед.	Корни, гифы
28–34 КС 1	+++	+	–	++	–	–	–
34–42 КС1+КС2	+++	+++	–	++		ед.	Обилие корней
42–49 КС2 (?)	+++	+++	–	+++	+	–	–
49–54 ВА2	+	++	ед.	+++	–	ед.	–
<i>Сосновка IV (Г), яма 111</i>							
8	+++	+++	–	+++	–	–	–
7	+++	+++	–	+++	–	–	–
6	+++	+++	ед.	+++	–	–	–
5	+++	++	–	+++	+	–	–
4	+++	+++	–	+++	–	–	Корни, гифы
3	+++	+++	–	+	–	–	
2	+++	+++	–	+	–	–	Обилие корней
1	+	++	–	+	–	–	–
<i>Сосновка IV (Г), яма 119</i>							
7	++	++	–	+++	+	–	–
6	+++	+++	–	+++	+	–	Гифы грибов
5	+++	+++	–	+++	–	–	
4	+++	+++	–	+++	–	–	–
3	++	++	–	+++	–	–	–
2	+	++	–	+	–	–	–
1	+	+	–	ед.	–	–	–
<i>Сосновка IV, р. 1 (И), сосуд № 286</i>							
Грунт из сосуда	+++	+++	–	+++	+	–	Раковинная амеба, гифы
Грунт рядом с сосудом	+++	++	ед.	+++	ед.	ед.	Корни, гифы, обломок диатомовой водоросли

Примечание. «+++» – много; «++» – средне; «+» – мало; «ед.» – единично; «–» – отсутствуют.

Таблица 4. Распределение отдельных групп фитолитов (%).

Раскоп, № ямы	Всего (шт./%)	Спикулы (шт./%)	Фитолиты (шт./%)	Растительные ценозы									
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Фон													
0–12 Апах.	65/100	–	65/100	53	23	8	9	2	2	–	–	3	–
13–21А1(КС?)	102/100	–	102/100	57	17	15	7	–	4	–	–	–	–
21–31 А2	42/100	1/2	42/100	55	20	20	5	–	–	–	–	–	–
31–41 А2В	23/100	–	23/100	48	35	13	4	–	–	–	–	–	–
Сосновка IV, р. 4 (Г), кв. 14, западная стенка													
0–3 огород	39/100	–	39/100	33	33	10	19	–	–	–	–	5	–
3–13 огород	11/100	–	11/100	64	–	9	18	–	–	–	–	9	–
13–17 КС	148/100	–	148/100	40	18	13	18	4	1	–	–	6	–
17–22 КС	50/100	–	50/100	42	24	14	16	2	–	–	2	–	–

Таблица 4. Распределение отдельных групп фитоцитов (%). (Окончание.)

Раскоп, № ямы	Всего (шт./%)	Спикулы (шт./%)	Фитоциты (шт./%)	Растительные ценозы									
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
22–27 КС	144/100	–	144/100	51	18	10	8	1	6	1	4	1	–
27–32 КС+А2	163/100	–	163/100	49	12	15	12	1	4	–	–	6	1
32–37 В	38/100	–	38/100	45	24	13	13	–	5	–	–	–	–
<i>Сосновка IV, р. I (II), кв. 76, северная стенка</i>													
0–3 А0	94/100	–	94/100	47	16	10	7	2	3	–	–	15	–
3–13А1	15/100	–	15/100	60	33	7	–	–	–	–	–	–	–
13–20 КС(?)	28/100	–	28/100	71	22	7	–	–	–	–	–	–	–
20–22 погр. поверхность	43/100	–	43/100	33	2	2	9	–	–	–	–	54	–
22–28 КС1	69/100	1/1	68/99	65	12	9	6	3	1	–	–	4	–
28–34 КС1	74/100	–	74/100	46	20	4	15	–	7	–	–	8	–
34–42 КС1+КС2	72/100	–	72/100	50	23	10	4	–	4	–	–	6	3
42–49 КС2 (?)	156/100	–	156/100	46	19	16	14	–	–	–	–	5	–
49–54 ВА2	152/100	–	152/100	46	13	18	16	1	1	–	–	5	–
<i>Сосновка IV (Г), яма III</i>													
8	268/100	–	268/100	46	8	7	10	1	–	–	–	28	–
7	280/100	–	280/100	49	9	6	8	5	–	–	1	30	–
6	271/100	1/*	270/100	54	8	7	7	4	5	–	5	10	–
5	240/100	–	240/100	37	21	7	15	5	3	–	5	6	–
4	417/100	–	417/100	35	24	9	12	3	2	–	3	12	1
3	41/100	–	41/100	29	29	22	13	–	–	–	2	5	–
2	19/100	–	19/100	47	26	5	11	–	11	–	–	–	–
1	15/100	–	15/100	53	27	7	–	–	–	–	–	13	–
<i>Сосновка IV (Г), яма II9</i>													
7	182/100	–	182/100	31	16	5	4	7	1	–	–	16	20
6	182/100	–	182/100	37	20	4	4	8	3	–	–	10	14
5	237/100	–	237/100	46	10	11	6	4	–	–	2	9	12
4	165/100	–	165/100	48	10	12	5	4	–	–	4	11	6
3	106/100	–	106/100	36	22	7	10	10	9	–	2	4	–
2	16/100	–	16/100	58	30	6	–	6	–	–	–	–	–
1	1/100	–	1/100	–	–	–	–	–	–	–	–	100	–
<i>Сосновка IV, р. I (II), сосуд № 286</i>													
Грунт из сосуда	468/100	–	468/100	39	26	3	15	1	3	1	1	8	3
Грунт рядом с сосудом	241/100	2/1, диат. – 1/*	238/99	47	14	6	5	2	3	1	6	16	–

Примечания. Растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – хвойные; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки (сухих мест обитания); 6 – культурные злаки; 7 – сорная флора; 8 – тростник; 9 – мхи; 10 – неизвестные формы, а также обломки и не полностью сформировавшиеся частицы. «*» – частицы, общее количество которых менее процента.

Литература

Гольева А. А., 2007. Естественно-научные исследования археологических памятников Подмосковья. // АП. Вып. 3. М.

Коваль В. Ю., 2004. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // РА. № 1.

A.A. Gol'eva

Soil researches on settlement Sosnovka IV (Moscow region)

Summary

Research of soils formed on cultural layers of different ages (medieval and early Iron Age) showed that the degree of conversion of the cultural layer to the zonal soil depends not only on the duration of the process of soil formation, but also on the nature of human

economic activities. So if people in the past used limestone, then hundreds of years after their departure in conditions of damp climate carbonate leaching from the soil doesn't happen.

Результаты археологических исследований в Москве и Московской области

О. Л. Прошкин

Древнерусские материалы селища Икша-1

Селище Икша-1 расположено в Дмитровском районе Московской области, в 0,38 км к северо-западу от п. Икша, в 0,5 км к северо-востоку от поселкового кладбища. Находится на водораздельной возвышенности в верховьях небольших левобережных притоков р. Икша (ныне – канал им. Москвы). Площадка памятника практически ровная, имеет хорошо выраженный уклон к северу и юго-западу (в сторону верховьев оврагов). Перепад высот между верхней частью площадки селища над уровнем краев составляет 1,5–2,0 м (абсолютные отметки по Балтийской системе высот – 218–220 м). Юго-восточная часть селища разрушена песчаным карьером. Культурный слой сильно переотложен в результате распашки и представляет собой серый, темно-серый и серо-коричневый суглинок толщиной до 30 см. Размеры сохранившейся части селища составляют около 90×60 м (рис. 1). Селище впервые было открыто и обследовано археологической экспедицией ИА РАН под руководством А. Е. Кравцова в 2009 г. (*Энговатова и др.*, 2009). В 2011 г. обследование селища Икша-1 проводила экспедиция ИА РАН под руководством О. Л. Прошкина (*Коваль, Прошкин, Миненко*, 2011). В 2012 г. под руководством О. Л. Прошкина и В. Ю. Ковалёва (*Прошкин*, 2013) на селище были проведены археологические исследования на площади 5445 кв. м. Из них 3442 кв. м было вскрыто археологическими раскопками и на 2003 кв. м. проведен надзор в ходе подготовки строительства ЦКАД. Полученные материалы характеризуют данный памятник как древнерусское и поздне-средневековое сельское поселение. С поздне-

средневековым периодом связано основное число остатков жилых и хозяйственных построек в виде ям (погребов, подполий, хозяйственных), а также различных находок предметов быта (железные ножи, ключи, замки, удила и т. п.), украшений (серьга из белого металла, перстни, накладки, подвеска из цветного металла), христианского культа (медные нательный и наперсные кресты), а также серебряные монеты копейки, медная монета пуло, фрагменты стеклянных сосудов, круговая керамика.

С древнерусским периодом на поселении связаны остатки ряда построек в виде хозяйственных и иных ям, а также различные находки из культурного слоя и остатков построек (заполнения ям) (рис. 1). Вполне возможно, что часть находок из слоя, судя по их местонахождению, также могла происходить из ям. По своему функциональному назначению все находки древнерусского периода делятся на три основные группы: предметы христианского культа, украшения, предметы быта.

Находки из культурного слоя

К предметам христианского культа следует отнести две уникальные в своем роде находки – часть бронзовой иконки и бронзовый накладной крест¹. Украшения представлены фрагментом браслета, обломком и двумя целыми перстнями из цветного металла. Браслет относится к достаточно редкому для сельских поселений типу – плетенный из тонких проволочек на основании в виде железного округлого в поперечном сечении прута (участок 34, № 273 – рис. 2, 1). По типологии В. П. Левашевой, это плетеный браслет на каркасе.

¹ Предметам культовой металлопластики с селища Икша-1 посвящена публикация В. Г. Пуцко в этом сборнике.

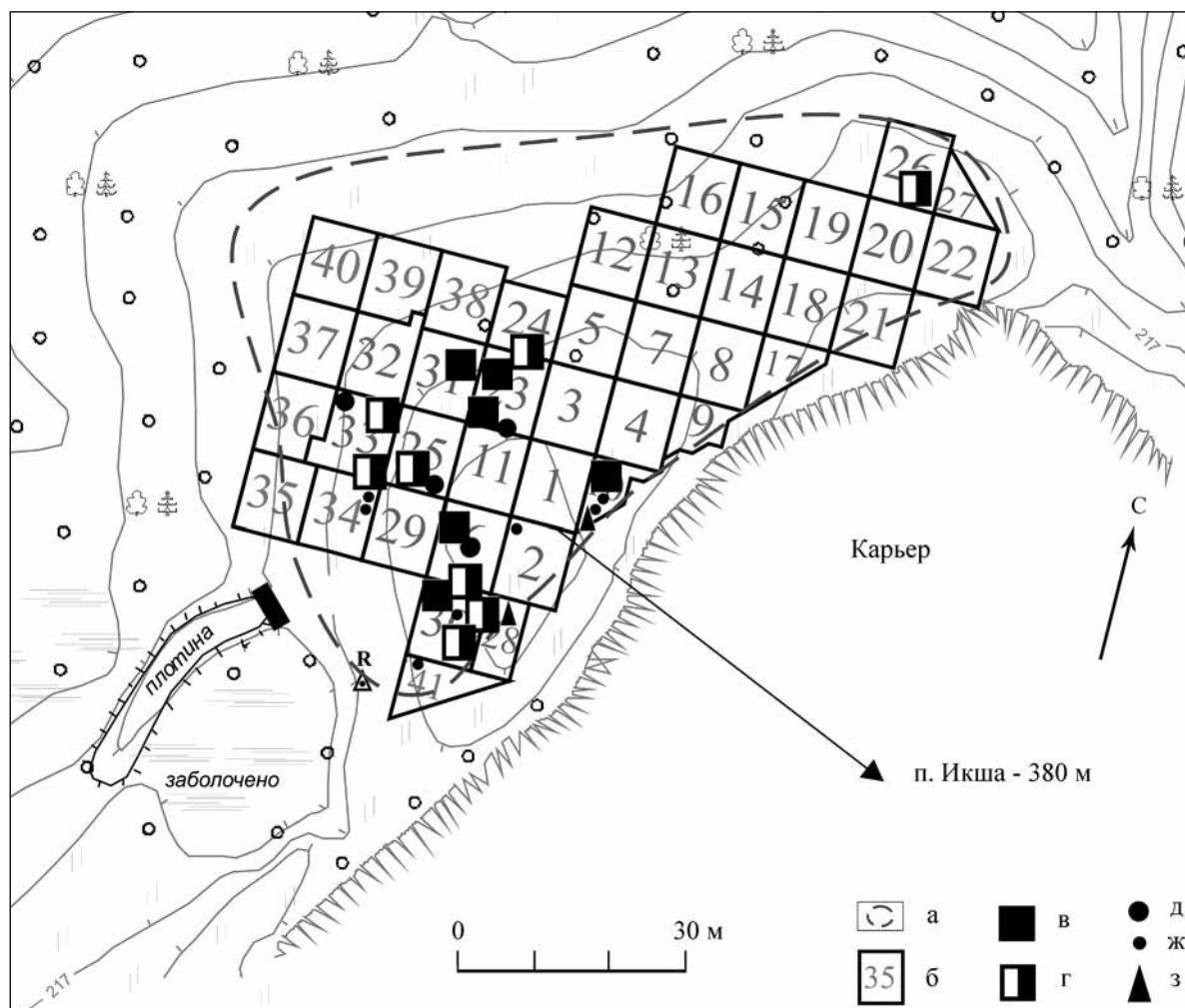

Рис. 1. Селище Икша-1. Топоплан

1 – граница сохранившейся части памятника; 2 – участки археологического исследования (раскопки, надзор); 3 – ямы хозяйственного назначения первой группы; 4 – ямы хозяйственного назначения второй группы; 5 – ямы столбовые второй группы; 6 – древнерусские находки из слоя; 7 – находки древнерусской культовой металлопластики

Обычно такие браслеты имеют раскованные в пластину концы и, по ее мнению, бытовали в древней Руси в XII–XIII вв. (Левашева, 1967. С. 229. Рис. 29, 8). Фрагменты подобных изделий происходят с детинца древнерусского Серенска, у них схожий прием плетения, и в поперечном сечении они также имеют форму розетки (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 232–233. Рис. 112, 9, 14). Целый такой браслет найден на селище Крутогорье (бассейн р. Воронеж), которое Н.А. Тропин по комплексу находок и стратиграфическим данным датирует достаточно узким хронологическим периодом – концом XII – второй половиной XIII в. (Тропин, 2004. С. 49–50. Рис. 83, 11).

Целый пластинчатый перстень (участок 2, № 10) относится к широкосрединным незамкнутым (рис. 2, 2). Орнаментирован, вероятно,

зубчатым колесиком – прямая линия в центре и зигзагообразные по краям. Другой, также пластинчатый, перстень представлен обломком решетчатого подзорчатого, орнаментированного косой штриховкой (участок 41, № 255 – рис. 2, 3). Такие перстни известны на многих древнерусских поселениях и в курганных могильниках (Седова, 1981. С. 129 и др.). Фигурносрединный замкнутый перстень имеет овальный щиток (участок 34, № 59 – рис. 2, 4). Находки таких перстней происходят из разных частей Древней Руси, а по мнению Н.Г. Недошивиной, они наиболее характерны для владимирских и костромских курганов (Недошивина, 1967. С. 262, 273, 274).

К третьей группе находок из культурного слоя следует отнести четыре железных черешковых ножа с клиновидным поперечным сечением

лезвия и прямой спинкой, с ярко выраженными уступами при переходе от черенка к лезвию (участок 10, № 36, 37; участок 30, № 151; участок 21, № 274 – рис. 2, 5, 6, 7, 8). Наиболее ранним является нож № 36 – по ряду аналогий он может относиться к XI–XII или XII–XIII вв. Например, такие ножи найдены на селище Жданово 1 (р. Пахра), датированном в пределах XI в., в слоях этого же времени в Новгороде, в более позднем контексте в Смоленске (Гоняный, 1999. Рис. 6, 2, 4; Колчин, 1959. Рис. 41; Пронин, Соболев, Гусаков, 2011. Илл. 109, 5 и др.). Остальные три ножа характерны для всего древнерусского времени и встречаются в погребениях и на поселениях до XIV в. включительно (Равдина, 1988. С. 119. Табл. 10, 17; Чернов, 1992. Рис. 2В, 1 и др.).

Находки из ям

Древнерусские находки из заполнений ям представлены только двумя группами – украшениями и предметами быта. В числе украшений – обломки браслетов и целый экземпляр, перстень и отдельные фрагменты этих украшений, выполненных из цветного металла. Предметы быта – железные ножи и конские удила. К последней группе также следует отнести многочисленные обломки круговой посуды.

Из числа украшений рассматриваемого периода большой интерес представляет проволочный сложновитой (2×3) браслет (яма 47, № 21 – рис. 3, 1). Оба конца браслета оформлены в виде двойной петли и двух обрубленных проволочек, слегка сплюснены. В.П. Левашева отмечала их частые находки на многих древнерусских памятниках (Левашова, 1967. С. 222–224). Из учтенных М.В. Седовой двух находок в Новгороде одна происходит из слоя первой половины XII в., а другая – конца XIV в. (Седова, 1981. С. 97). По мнению И.Е. Зайцевой, основное число таких браслетов датируется в пределах второй половины XII–XIII в., а отдельные находки «заходят» и в первую половину XIV в.²

Обломок плетеного браслета на каркасе, аналогичного найденному в слое (№ 273), происходит из заполнения ямы № 91 (№ 143). Не исключено, что обе находки являются частями одного изделия (рис. 4, 2).

К числу нередко встречающихся на селищах находок относятся три фрагмента стеклянных гладких браслетов, круглых в поперечном сечении (яма № 26, № 74; яма № 64, № 60; яма № 83,

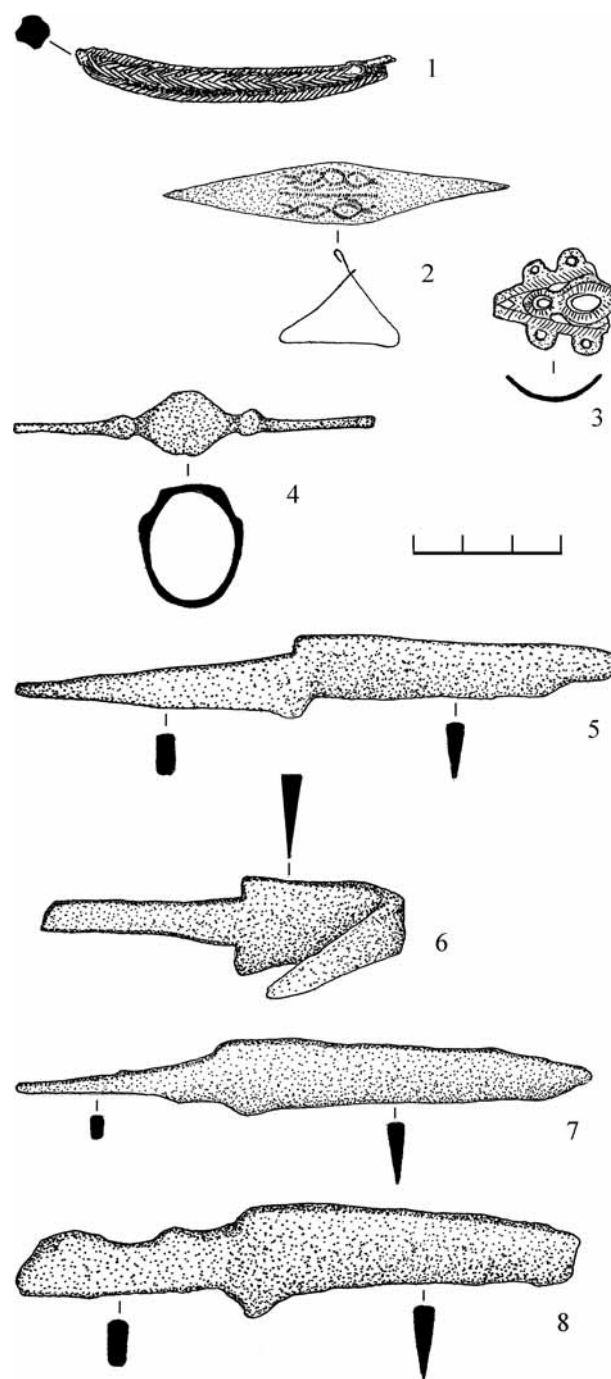

Рис. 2. Селище Икша-1. Находки из культурного слоя
1 – обломок браслета; 2–4 – перстни; 5–8 – ножи

№ 210 – рис. 5, 7; 4, 1; 6, 2). Все они из непрозрачного стекла черного цвета. По убедительному мнению А.В. Мастыковой, они характерны для XII–XIII вв., а наибольшее их распространение приходится на XIII в. (Мастыкова, 2005.

² Устная консультация к. и. н. И. Е. Зайцевой (ИА РАН).

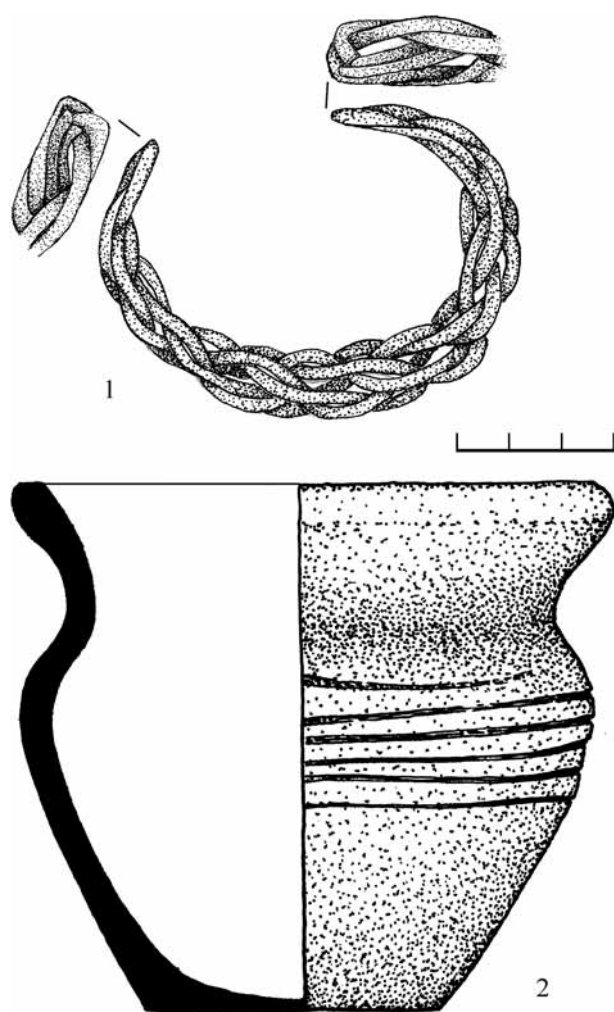

Рис. 3. Селище Икша-1. Комплекс ямы 47

1 – браслет; 2 – круговой сосуд

С. 166–167). Именно к этому времени и относятся их находки на сельских поселениях бассейна верхней Оки (Спасское, Гать 1, Исканское и др.) (фонды КОКМ, коллекции Нв № 4541, Кл № 11425; фонды ОКМ, коллекция № 24225 и др.).

Перстни из заполнения ям представлены теми же типами, что и найденные в слое. Два из них тонкопластинчатые, широкосрединные с незамкнутыми концами. Целый экземпляр (яма 92, № 211) имеет геометрический орнамент, выполненный, вероятно, зубчатым колесиком (рис. 6, 3). Фрагмент такого же перстня (яма 36, № 63) имеет чеканный орнамент в виде зигзагообразных перевивающихся линий (рис. 6, 4). Эти украшения широко бытовали в Древней Руси, а наибольшее их распространение приходится на территорию вятичей (Недошивина, 1967. С. 261; Седова, 1981. С. 129–130).

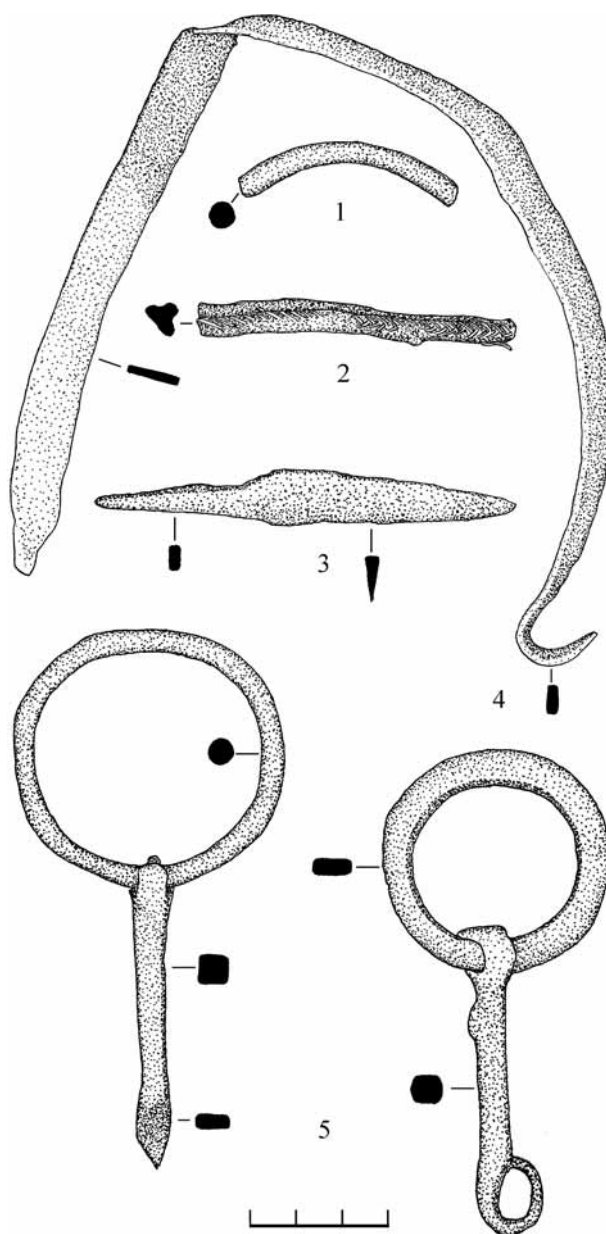

Рис. 4. Селище Икша-1. Находки из ям 26 (1) и 91 (2–5)

1, 2 – обломки браслетов; 3 – нож;
4 – дужка ведерная; 5 – удила

К числу характерных вятичских же украшений относятся два решетчатых перстня. Оба двузигзаговые, разомкнутые и отличаются лишь формой отверстий: на целом перстне округлые и треугольные (яма 38, № 65 – рис. 7, 1), а на фрагменте – только округлые (яма 17, № 125 – рис. 6, 1). Подобные вещи в большом числе встречены на поселениях и в курганных могильниках вятичей XII–XIII вв. (Никольская, 1981. Рис. 27, 15; 84, 3 и др.).

Из предметов быта следует отметить находки двух ножей, аналогичных найденным

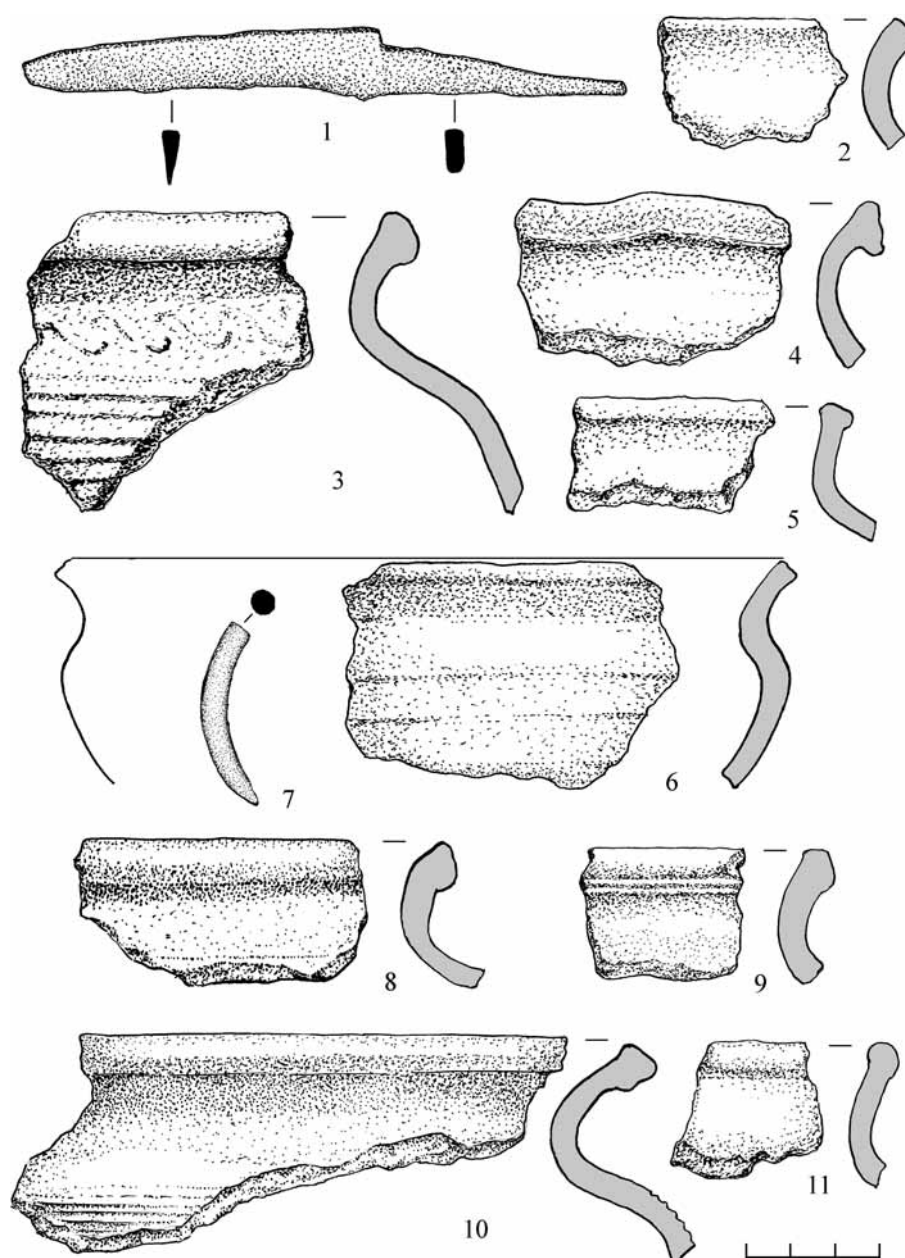

Рис. 5. Селище Икша-1. Материалы из ям 61 (1–6) и 83 (7–11)

1 – нож; 2–6, 8–11 – фр-ты круговых сосудов; 7 – обломок браслета

в слое (яма 61, № 82; яма 80, № 188 – рис. 5, 1; 8, 1). Вероятно, с данной группой находок следует связать и единственный на селище наконечник стрелы (яма 106, № 265). По типологии А. Ф. Медведева данный наконечник относится к типу 93 – бронебойный, шиловидный квадратного сечения, без упора (рис. 8, 4). Это широко распространенный тип наконечников стрел в X–XIV вв. в Восточной Европе (Медведев, 1966. С. 84). Конские кольчатые удила из ямы 91 относятся к типу IV данных изде-

лий по А. Н. Кирпичникову (рис. 4, 5), которые использовались на протяжении длительного времени – с IX–X до XV в. (Медведев, 1959. Рис. 22, 5; Кирпичников, 1973. С. 16–17).

Большинство древнерусских находок из заполнения ям сопровождалось находками синхронной по времени круговой посуды. Несколько находок происходили из ям позднесредневекового периода, куда они попали, вероятнее всего случайно, например, при их засыпке культурным слоем поселения. Об этом свидетельствуют стратиграфические

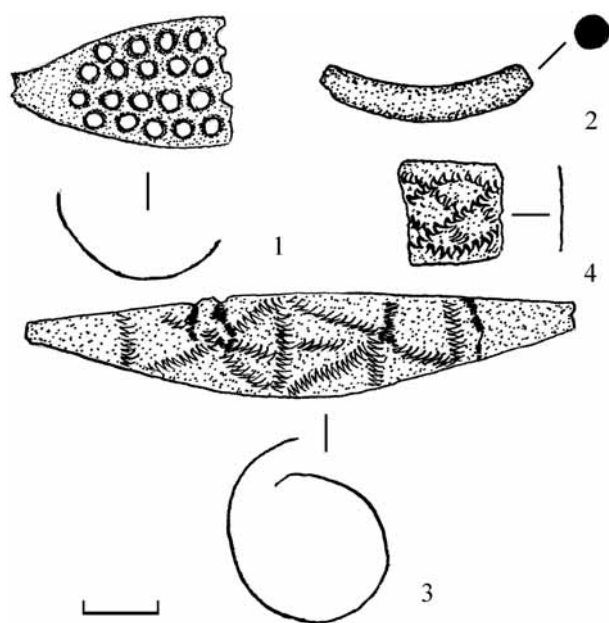

Рис. 6. Селище Икша-1. Находки из ям 17 (1), (2), 92 (3), 63 (4)
1, 3, 4 – обломки перстней; 2 – фр-т браслета

наблюдения. Керамическая коллекция из раскопок селища обрабатывалась В.Ю. Ковалем по специально разработанной программе статистической фиксации керамики, апробированной на ряде подмосковных поселений (Мякинино 1, Настасьино и др.) (Коваль, 2004; 2009 и др.). В топографическом отношении керамика, как и индивидуальные находки, делится на две основные группы: из культурного слоя и из ям.

Из культурного слоя происходит около 650 фрагментов круговых сосудов, из которых 44%, по наблюдениям В.Ю. Коваля, принадлежит к числу древнерусских и периоду XIII–XIV вв. Керамический материал из ям более многочислен и характеризуется разнообразием встреченных типов керамики. Все комплексы по наличию в них керамического материала и рассмотренных выше находок четко делятся на четыре группы (рис. 1).

К первой группе относятся ямы, содержавшие только древнерусские материалы (6 ям – № 38, 47, 61, 65, 83, 108). Из ямы 38 происходит кера-

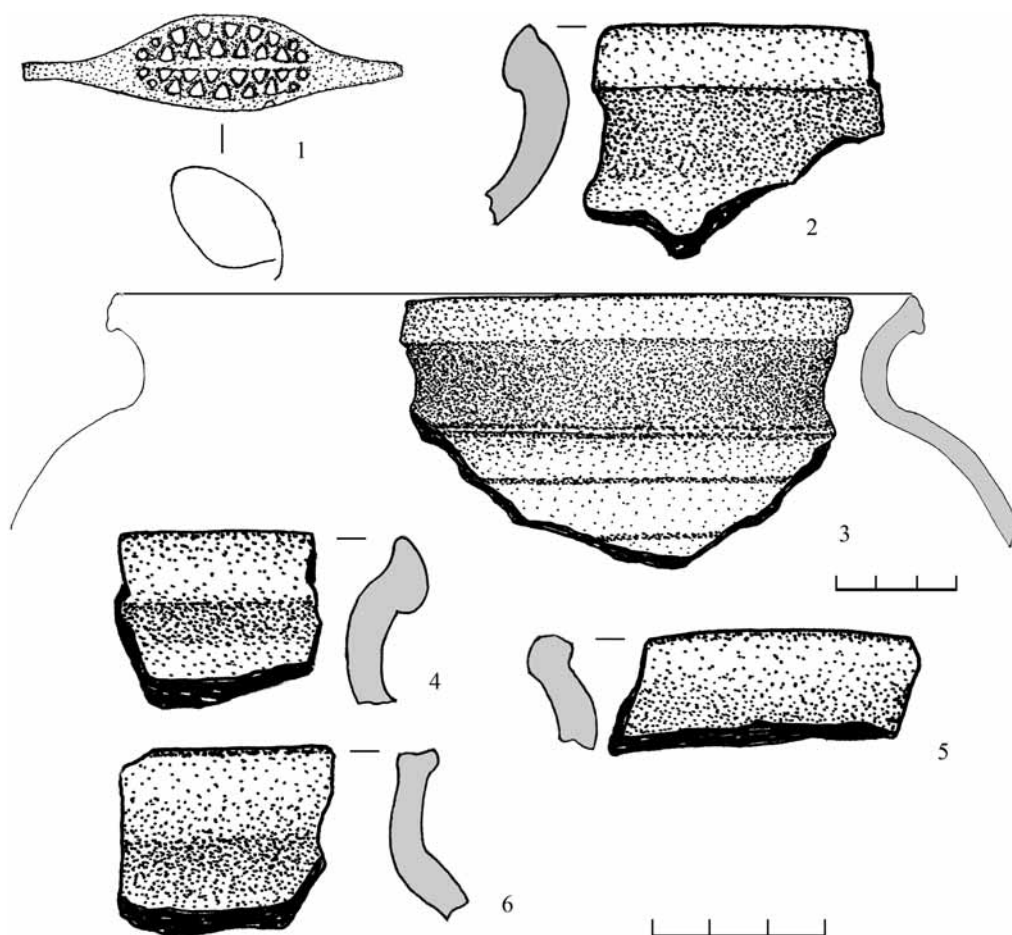

Рис. 7. Селище Икша-1. Комплекс ямы 38
1 – перстень; 2–6 – фрагменты круговых сосудов

мика типа 3а³ (с венчиками типов 1 и 8а) и решетчатый двузигзаговый перстень (№ 65) (рис. 7, 1–6), из ямы 47 – керамика типов 3а (с венчиками типов 5, 7, 8а) и 5 (донце типа 4, венчик типа 7) с находкой сложновитого браслета 2×3 (№ 21) (рис. 3, 1, 2), из ямы 61 – керамика типов 3а (донца типа 4, венчик типа 8а) и 5, а также нож (№ 82) (рис. 5, 1–6), из ям 65 и 108 – только керамический материал типов 3а (венчики типов 7, 8), 3б и 5 (донца типа 4, венчики типа 8а), а из ямы 83 – керамика типов 2 (донце типа 4) и 3а (венчик типа 8а) с фрагментом стеклянного браслета (№ 210) (рис. 5, 7–11). По своему функциональному назначению все вышеуказанные комплексы являются хозяйственными ямами и датируются в пределах XIII столетия.

Вторую группу составляет большинство ям рассматриваемого периода, имеющих достаточно широкую датировку (XIII–XIV вв.), как правило, из-за малочисленности комплексов, состоящих из трех-шести обломков круговых сосудов (12 ям – № 37, 62, 68, 76а, 80, 81, 89, 98, 101, 104, 106, 109). Ямы 37, 62, 68, 80, 81, 89, 101, 104 являются также малочисленными керамическими комплексами (от двух до шести фрагментов из ямы) типов 1, 3а (в том числе венчики типов 6, 8) и 5. В яме 80 с керамикой находился нож (№ 188) (рис. 8, 1–3). Более многочисленными комплексами (от 21 до 30 обломков) являются ямы 98, 106 и 109, откуда происходит керамика типов 2 (венчик типа 6, донце типа 5), 3а (венчик типа 8а, донце типа 5), 5 (венчики типов 6–8). В яме 106 найден бронебойный наконечник стрелы типа 93 (№ 265) (рис. 8, 4–10). Пять из этих ям определяются в качестве хозяйственных, четыре – столбовые, а остальные неустановленного назначения.

Третья группа – ямы с древнерусскими находками, но формирование керамического комплекса которых произошло не ранее XIV в. (5 ям – № 17, 26, 64, 91, 92). Наиболее ранними из них являются ямы 26 и 91 с керамикой типов 1 (венчик типа 12), 3а (венчики типов 6–9, донца типов 4, 5), 4 (донце типа 4) и 5 (венчик типа 6). Из ямы 26 происходит фрагмент стеклянного браслета (№ 74 – рис. 4, 1), что никак не противоречит указанной выше датировке этих комплексов. По убедительному мнению ряда исследователей, некоторые типы стеклянных браслетов использовались и изготавливались до XIV в. включительно (Смоленск, Свислочь

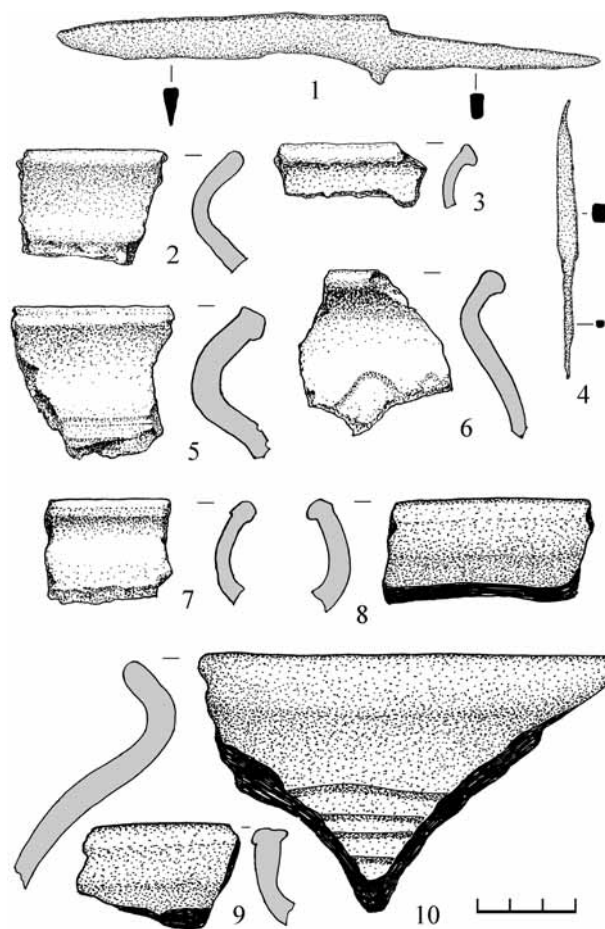

Рис. 8. Селище Икша-1. Материалы из ям 80 (1–3), 98 (5–7), 106 (4), 109 (8–10)
1 – нож; 2, 3, 5–10 – обломки круговых сосудов;
4 – наконечник стрелы

и др.) (Скрипченко, 1987. С. 780–71; Мастыкова, 2005. С. 167). В заполнении ямы 91 вместе с круговой керамикой находились: фрагмент плетеного браслета (№ 143), удила (№ 135), ведерная дужка (№ 203) и нож (№ 204) (рис. 4, 2–5). Ямы 17, 64 и 92, откуда происходят находки фрагмента решетчатого перстня (№ 125 – рис. 6, 1), фрагмента стеклянного браслета (№ 60 – рис. 6, 2), а также пластинчатого перстня (№ 211 – рис. 6, 3), по керамическому материалу и ряду индивидуальных находок датируются XVI–XVII вв. и связаны уже с поздним периодом функционирования поселения. По стратиграфическим наблюдениям, древнерусские находки могли попасть в позднесредневековые хозяйственные ямы после их использования при засыпке культурным слоем.

³ Типы керамики и ее датировка приведены в соответствии с опубликованной типологией к. и. н. В. Ю. Коваля (2004).

И наконец, четвертая группа, куда следует отнести только одну яму 36 (столбовая), датировка которой по найденному в ней материалу сильно затруднена. Из заполнения ямы происходит один фрагмент керамики типа 3а и фрагмент пластинчатого перстня (№ 63 – рис. 6, 4). Расположение рядом с ямой 38 всего лишь предполагает ее связь с данной хозяйственной постройкой древнерусского времени.

В топографическом плане следует отметить явную концентрацию древнерусских находок из слоя и ям в центральной и южной частях поселения. Большая часть находок происходит с южной, склоновой части. Вероятно, эта часть памятника наиболее ранняя, даже при условии того, что частично она уничтожена карьером (рис. 1).

На данном этапе исследования древнерусский, или ранний, период функционирования поселения следует отнести к XIII столетию. Видимо, поселение возникло еще в домонгольский период (рубеж XII–XIII вв.) и продолжало существовать в XIV в., скорее всего, в его первой половине.

Каков был его социальный статус в древнерусский период, сказать сложно. Состав находок ставит его в ряд обычных сельских поселений. Неясно пока, какое отношение к нему имеют редкие для селищ находки предметов христианского культа киевской ювелирной школы.

В ближайших окрестностях Икши также известен ряд древнерусских памятников: селища Шуколово, Парамоново, курганные могильники Голявино, Парамоново и др. В курганных могильниках у с. Парамоново обнаружены погребения по обряду труположения, содержавшие женские украшения, характерные для кривичей – браслетообразные височные кольца и др. (АКР, 1995. С. 38). Находки решетчатых перстней на селище Икша-1 предполагает присутствие вятичского населения, проникавшего в XIII в. в северные районы бассейна Москвы-реки, ранее населенные кривичами (курганные могильники Глебозово, Ковригино, Шустино и др.) (АКР, 1995. С. 32, с. 36, с. 45–46 и др.).

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 2. М., 1995.
- Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Л. (САИ. Вып. Е1–36).
- Коваль В. Ю., 2004. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).
- Коваль В. Ю., 2009. Хронологическая стратификация памятника методами керамологии (на примере селища Мякинино-1) // АП. Т. 2. М.
- Коваль В. Ю., Прошкин О. Л., Миненко В. В., 2011. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ по теме: «Археологические исследования селища Назарово-2 (Пушкинский район МО) и селища Икша-1 (Дмитровский район МО) на территории строительства Центральной кольцевой автомобильной дороги Московской области (с последующей эксплуатацией на платной основе). Пусковой комплекс № 3». 2011 г. / Архив ИА РАН.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Мастыкова А. В., 2005. Стекланные изделия из раскопок в Козельске // Древний Козельск и его округа. М.
- Левашева В. П., 1967. Браслеты // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36.
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. М.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г., 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.
- Прошкин О. Л., 2013. Отчет об археологических исследованиях на селище Икша-1 (Дмитровский район Московской области), на селище Десна-3 (г. Москва) и на городище «Чертово Городище» (Козельский район Калужской области) в 2012 г. / Архив ИА РАН.
- Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) М.
- Скрипченко Т. С., 1987. Обмен и местное производство в средневековых городах Белоруссии (по ма-

териалам стеклянных браслетов)//Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М.

Тропин Н. А., 2004. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.

Чернов С. З., 1992. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII – XV в. из раскопок в районе древнего Радонежа//Древнерусская керамика. М.

Энговатова А. В., Кравцов А. Е., Коваль В. Ю., Супренков А. А., Алексеев А. В., 2009. Отчет об археологических разведках в Одинцовском, Истринском, Солнечногорском, Дмитровском, Пушкинском, Ногинском, Щелковском, Павлово-Посадском, Раменском районах Московской области по трассе проектируемой Центральной кольцевой автомобильной дороги (ЦКАД) в 2009 году/Архив ИА РАН.

O. L. Proshkin

Old Russian materials from Iksha-1 site

Summary

The publication discusses findings from the era of ancient Russia on Iksha-1 site in Moscow suburbs found in the cultural layer and in the remains of buildings. According to their purpose of use they include objects of Christian cult, jewelry, household items,

ceramics. By analogy of some jewelry and ceramics the early stage of settlement dates back to the 13th century and reflects the final period of mastering the Moscow River basin by vyatichi.

В. Г. Пуцко

Русская металлопластика XIII и XVI веков с селища Икша-1

При проведении археологических работ в 2012 г. на селище Икша-1 в Дмитровском районе Московской области найдено несколько предметов личного благочестия. Некоторые из них оказываются чрезвычайно редкими для региона, удаленного от места их производства. Речь идет об образцах киевской металлопластики XIII в.

Один из них представляет обнаруженный в культурном слое на участке 28 обломок круглой бронзовой иконки размерами 4,9×3,2 см при толщине 0,2–0,5 см, составляющий немного более половины изделия (№ 85; рис. 1). Иконка имела вид медальона с полуфигурой Христа Пантократора, держащего благословляющую правую руку перед грудью, как бы в ораторском жесте. Изображение отличается несколько удлинненными пропорциями, широкоплечее, с маленькой головой, окруженной крестчатым нимбом, и, напротив, заметно увеличенной в размерах кистью правой руки. Узкое рельефное обрамление как бы имитирует жемчужную обнизь. К счастью, известен целый экземпляр идентичного изделия, с ушком, размерами 6,0×5,0 см, найденный в Житомирской области на Украине (*Нечитайло*, 2001. С. 90. Кат. № 630 – рис. 2). Благодаря этому можно реконструировать несохранившуюся часть изображения икшанской находки. В качестве сравнительно редко встречающейся особенности надо отметить, что Христос здесь представлен не с кодексом, а со свитком в левой руке. Развитая иконография и тенденция к «романской» массивности не оставляют сомнений относительно изготовления бронзовой рельефной иконки в начале XIII в., вероятнее всего, в Киеве. Дело в том, что характер рельефа, манера трактовки деталей заметно сближают данное изделие с продукцией киевского мастера архаизирующего стиля, успешно работавшего с различ-

ным материалом и в разной технике (*Пуцко*, 1998а. С. 222–229; 1998б. С. 317–319. Табл. VIII–XII). Его индивидуальные приемы наиболее отчетливо проявляются в трактовке головы, в характерной передаче складок одежд. При некотором общем сходстве они существенно отличаются от пластической характеристики белокаменных рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, сооруженного в 1230–1234 гг. (*Вагнер*, 1964; 1966; *Пуцко*, 2010. С. 405–410). Яркая индивидуальность ремесленника свидетельствует о его несомненной связи со значительным художественным центром византийского культурного ареала.

Киевский художественный импорт в Северо-Восточной Руси представлен преимущественно бронзовыми крестами-энколпионами XII–XIII вв. (*Пуцко*, 2003. С. 47–49). Другие изделия встречаются значительно реже. Тем существеннее отметить среди рассматриваемых находок (участок 10, слой 1, № 22) небольшой, размерами 7,2×3,7 см при толщине 0,1–0,3 см, бронзовый накладной крест с Распятием (рис. 3). Он шестиконечный, с верхней перекладиной, почти в три раза длиннее основной; подножие округленной формы, и поэтому вряд ли его надо трактовать как нижнюю перекладину; ниже вертикальная мачта плавно переходит в каплевидное окончание, характерное для рукояти. Крест с рельефным изображением распятого Христа, с немного склоненной к правому плечу головой, окруженной нимбом, едва прогнутыми в локтях руками, стройными торсом и ногами, с обычным препоясанием. Несколько сглаженный, как бы заплывший характер рельефа делает вероятным предположение, что крест отлит в глиняной форме, в которой отсиснуто готовое изделие, и за теки металла справа выше головы Христа можно объяснить как один из признаков ремесленного

Рис. 1. Фрагмент бронзовой иконки Христа Пантократора с селища Икша-1 (см. цв. вкл.)

Рис. 2. Бронзовая иконка Христа Пантократора, найденная в Житомирской области (по: Нечитайло, 2001)

Рис. 3. Накладной крест с Распятием с селища Икша-1 (см. цв. вкл.)

производства. На оборотной стороне изделия расположены четыре штифта, предназначенные для крепления креста на сравнительно тонкой твердой основе, скорее всего на коже, покрывавшей доску книжного переплета. Подобные изделия, представленные экземплярами менее удовлетворительной сохранности, известны по давним находкам в Среднем Поднепровье, в пределах Черкасской области (Ханенко, 1899. № 54, 116; Нечитайло, 2001. № 468, 469). Эти примеры позволяют говорить о некоторой вариативности изделий в пределах стабильной общей типологии (рис. 4). Здесь налицо те же самые иконографические и стилистические признаки, которые отличают киевскую металлопластику XIII в. (Ханенко, 1900. № 222, 235/236, 232/233, 260, 265/266).

Икшанская находка принадлежит к числу наборной декорации наперстного Евангелия, представленной сравнительно немногими археологическими находками XII–XIII вв. (Стерлигова, 2004. С. 269–271). Оформление оклада древнерусской литургической книги прослеживается с трудом, отчасти по сохранившимся матрицам и единичным накладкам. Поэтому появление этой скромной отливки трудно не оценить по достоинству.

Остальные обнаруженные на селище образцы медного литья относятся к более позднему времени. Среди них деформированный в пожаре односторонний наперсный крест с прямыми концами и килевидным нижним (участок 31, яма 85, № 225 – рис. 5). С лицевой стороны видны рельефные изображения Распятия с предстоящими и двумя фигурами апостолов, Троицей вверху и тремя святителями внизу, размерами 9,3×5,1 см при толщине 0,2 см, по иконографии и стилю подобные известным в деревянной резьбе XVI в. (Плешанова, 1989. С. 232–235). Один из деревянных образцов, по-видимому, и послужил моделью для литых крестов, известных в большом количестве, притом в нескольких вариантах (Ханенко, 1900. № 293, 294). Существует более близкий аналог, но отличающийся размерами и индивидуальной манерой исполнения (Станюкович, Осипов, Соловьев, 2003. С. 80–81. № 4). Все эти изделия относятся к продукции московских ремесленников либо к их провинциальным подражаниям, как правило, со снижением качества рельефных изображений.

На селище были также обнаружены два меднолитых нательных креста, один из них с утраченным нижним концом (рис. 6; 7). Первый, размерами 3,3×2,5 см при толщине 0,1 см, с обломанным

Рис. 4. Фрагментарно сохранившиеся накладные кресты из Среднего Поднепровья (по: Ханенко, 1899; Нечитайло, 2001)

Рис. 5. Меднолитый наперсный крест с селища Икша-1

Рис. 6. Меднолитой нательный крест с селища Икша-1

ушком, найден в яме 52 (№ 67) – четырехконечный, с прямоугольными лопастями. На лицевой стороне помещено рельефное изображение восьмиконечного креста с главой Адама в пещере, с квадратными клеймами на верхней и боковых оконечностях. На обороте – рельефные текстовые композиции, выполненные вязью, характерной для второй половины XVI в. Датировка этого типа простых четырехконечных крестов оказывается неоднозначной после находки одного из образцов в Твери, среди остатков ювелирной мастерской второй половины XV в. (Олейников, 1996. С. 150. Рис. 3). Однако в каждом отдельном случае необходимо учитывать пропорции изделия, иконографию и условия находки. Устойчивость типологии, думается, не дает оснований датировать столь ранним временем и фрагментарно сохранившийся нательный крест с этого же селища (размеры 2,6×3,1 см, № 8), найденный как подъемный материал. На его лицевой стороне голгофский крест

Рис. 7. Меднолитой нательный крест с селища Икша-1

с венком в средокрестии, а на оборотной – шрифтовые композиции вязью. Принадлежность обеих находок ко второй половине XVI в. представляется наиболее вероятной.

Надо подчеркнуть, что определение обнаруженных образцов металлопластики проведено с учетом тех данных, которые позволяют извлечь анализ данного материала, в целом довольно ограниченного. При этом приходится говорить о редких моделях раннего времени, с которым в значительной мере связано само становление древнерусской металлопластики. Случайное или закономерное соединение на территории одного селища изделий начала XIII в. и второй половины XVI в. – вопрос, относящийся к сфере интерпретации археологического материала. В любом случае введение нового материала в научный оборот дает возможность внести необходимые коррективы в общую характеристику древнерусской металлопластики, давно нуждающуюся в них.

Литература

Вагнер Г. К., 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, г. Юрьев-Польский. М.

Вагнер Г. К., 1966. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М.

Нечитайло В. В., 2001. Каталог христианских нагрудных изделий искусства периода Киевской Руси (X – первая половина XIII ст.). Киев.

Олейников О. М., 1996. Бронзолитейная мастерская на территории Затымского посада Твери // Тверская старина. № 14–15.

Плешанова И. И., 1989. Работы кирилловских резчиков в собрании Государственного Русского

музея // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. М.

Пуцко В. Г., 1998а. Архаїзуючий стиль у київському художньому ремеслі XIII ст. // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ.

Пуцко В., 1998б. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. V. LIX. Prague.

Пуцко В. Г., 2003. Киевские кресты-энколпионы XII–XIII веков в Северо-Восточной Руси // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Брянск.

Пуцко В. Г., 2010. Святые целители в каменной пластике Владимиро-Суздальской Руси (иконографические и стилистические параллели) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.

Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М., 2003. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М.

Стерлигова И. А., 2004. О лицевых окладах древнерусских напрестольных Евангелий XII – первой половины XIV в. // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб.

Ханенко Б. И. и В. Н., 1899. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев.

Ханенко Б. И. и В. Н., 1900. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев.

V. G. Putsko

Russian metal-plastic of the 13th and the 16th centuries from Iksha-1 site

Summary

Consideration findings of religious objects allowed the author to establish the dating of some of them within the end of the pre-Mongol era. Particularly interesting

among them is an icon depicting Christ Pantocrator and a cross, intended to decorate the liturgical books. Other findings relate to the late medieval era.

А. В. Алексеев

Костяные пластины-вставки с изображениями пророков из раскопок на Звенигородском Городке

К чрезвычайно интересным находкам у стен Успенского собора в Звенигородском кремле следует отнести две миниатюрные костяные накладки с изображениями фигур ветхозаветных пророков (рис. 1). Обнаружены они были в разные годы и в разных местах – одна из пластин происходит из раскопа 2010 г., заложенного у южной стены Георгиевского придела, вторая была найдена в раскопе 2011 г., разбитом у западного крыльца собора (раскопки автора). Размеры накладки № 1: высота 27 мм, ширина 24 мм, толщина пластины 4 мм; накладки № 2: высота 29 мм, ширина 23 мм, толщина 4 мм. Фигуры святых поясные, с развернутыми свитками своих пророчеств в руках, даны в трехчетвертном повороте¹. Резьба выполнена талантливым мастером, достигшим уровня высочайшего профессионализма. Это был виртуозный резчик, добившийся точности рисунка силуэтов изображений и тщательности исполнения мельчайших деталей. Фигурам присущи четкость и выразительность форм, стройность пропорций, искусная моделировка складок одежд, ювелирная проработка черт правильных благообразных ликов. Заметно стремление мастера к индивидуальной трактовке и передаче образов пророков – разные прически, бороды, выражения лиц.

Данных для надежной атрибуции звенигородских накладок у нас пока нет, но уже ясно, что перед нами отнюдь не образцы массового ремесла одного из провинциальных центров. Стилистические особенности и неоспоримые художественные достоинства резьбы вызывают определенные ассоциации

с лучшими памятниками мелкой пластики работы мастеров Московской земли конца XV – первой половины XVI в. Все говорит о том, что неизвестный нам автор, создавший эти чудом сохранившиеся в культурном слое и счастливо найденные в полной сохранности тонкие хрупкие костяные пластинки, близок традиции, восходящей к искусству резьбы знаменитого Амвросия. Он прекрасно знал высокий иконописный стиль художников XV столетия, являлся искусным мастером изящного выразительного рисунка, рассчитанного на достаточно образованного и искушенного зрителя.

Назначение накладок остается пока неизвестным, но мы склоняемся к мысли о том, что они размещались на церковном запрестольном кресте. Известно, что большие деревянные выносные или запрестольные кресты в XV–XVI веках нередко украшались многочисленными костяными пластинами-вставками, представленными скульптурными резными миниатюрами. Таков, например, большой кипарисовый запрестольный крест из Успенского собора Троицкого монастыря с 28 костяными резными пластинами-вкладышами, на которых изображены сцены праздников, Троица, усекновение главы Иоанна Предтечи, явление Богородицы Сергию, Деисус, Знамение, Спас Нерукотворный, Распятие и фигуры избранных святых. Характер композиций и приемы резьбы свидетельствуют об участии в работе над этим крестом, по крайней мере двух мастеров, одним из которых, вероятно, был сам Амвросий (*Флоренский, Олсуфьев, 1927. С. 16–18, 42–44*).

---

¹ Обращает на себя внимание отсутствие нимбов вокруг голов пророков. Скорее всего, они были накладными из тонких металлических пластин.

Рис. 1. Костяные вставки с изображениями фигур ветхозаветных пророков, найденные при раскопках в Звенигородском кремле. Кон. XV – 1-я пол. XVI в. (см. цв. вкл.)

Еще один хорошо известный специалистам по мелкой пластике крупный запрестольный крест, хранящийся в настоящее время в Вологодском музее-заповеднике, имеет название Киликийский (рис. 2). В отдельных ковчезцах-углублениях этого восьмиконечного деревянного креста помещено 84 вставки из белой кости с резными изображениями праздников и святых. Эти вставки выполнены в разное время. Некоторые из них не соответствуют размерам углублений. Вероятно, подлинные первоначальные пластинки со временем были утрачены и заменены новыми.

По легенде, крест был принесен в Вологду из Переславля основателем Спасо-Прилуцкого монастыря преподобным Димитрием, сподвижником Сергия Радонежского. Название креста связывалось с древней Киликией (Малая Азия), откуда его могли доставить в Москву приезжавшие из Греции монахи. Однако исследование резных изображений на кресте привело искусствоведов к выводу, что стиль, в котором выполнен памятник, относится к первой трети или половине XVI в., и реликвия, возможно,

является копией легендарного креста. Часть резных фигур Киликийского креста выполнена под влиянием школы Дионисия – это «Распятие с предстоящими», «Предста Царица», «Спас Нерукотворный», «Борис и Глеб», «Константин и Елена», «Апостол Павел» и др. (Лазарев, 1955. С. 538–540).

Учитывая, что иконография памятников мелкой пластики XV–XVI вв. заимствована с хорошо разработанных образцов в иконописи и резные миниатюры этого времени во многом следуют композиционным схемам иконостасов монастырских храмов, можно попытаться найти место звенигородским пророкам на несохранившемся древнем выносном кресте из церкви Успения на Городке. Не исключено, что в оформлении оборотной стороны этого креста нашла повторение композиция рублевского пророческого яруса иконостаса Троицкого собора – костяные вставки с изображениями пророков равномерно располагались по боковым ветвям креста²; в средокрестии размещалась резная иконная пластина – поясная «Богоматерь Знамение» (рис. 3). Но фигурки библейских пророков

² Судя по нижнему краю фигур пророков, резные миниатюры были вставлены в круглые ячейки-ковчезцы диаметром ок. 32–34 мм.

Рис. 2. Киликийский крест из Спасо-Прилуцкого монастыря. Фрагмент. Из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника («Великий князь и государь...», 2013. С. 87. Кат. № 22)

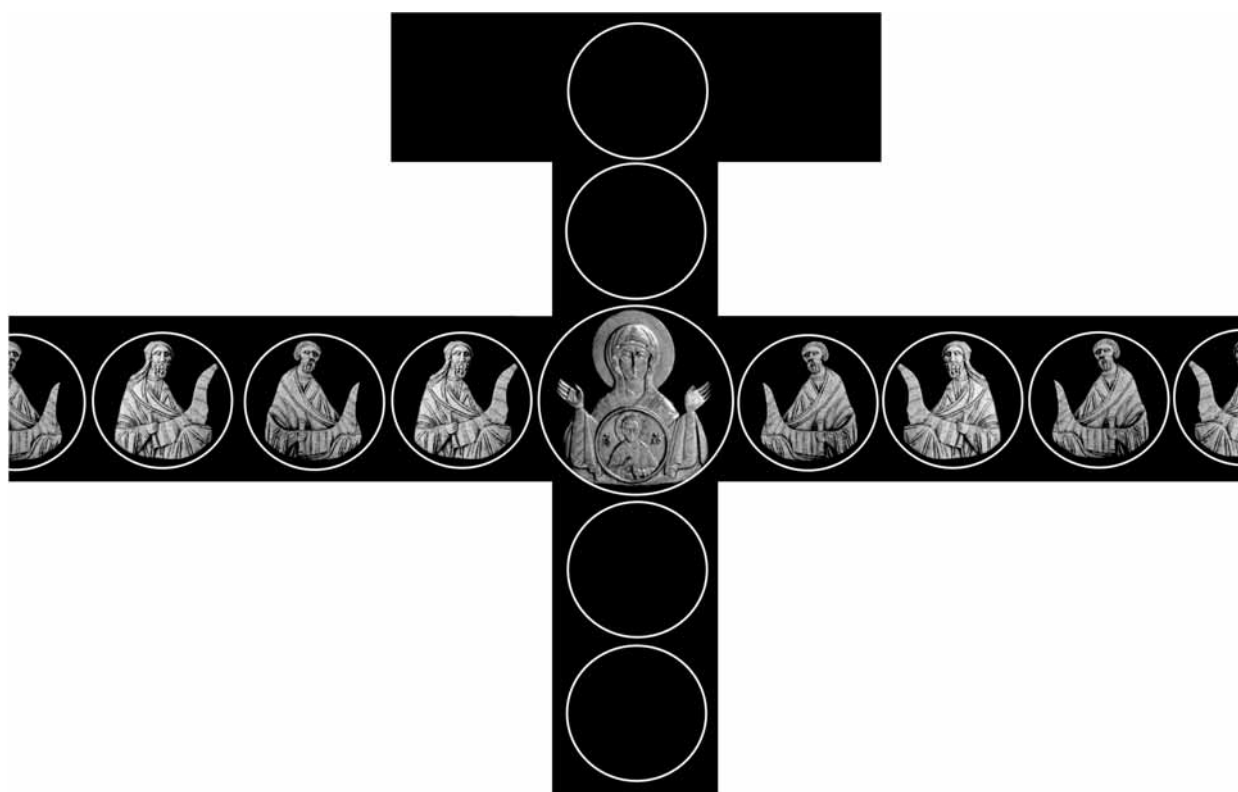

Рис. 3. Вариант иконографической схемы на оборотной стороне запрестольного креста из звенигородского Успенского собора. Компьютерная реконструкция автора

Рис. 4. Створка пангии из Софии Новгородской. Вологда, середина XVI в. Из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (по: *Вздорнов*, 1981. С. 68. Илл. 49)

могли бы принадлежать и к распространенной иконографической композиции «Похвала Богоматери». В мелкой пластике известна замечательная резная икона-складень в сканной оправе, происходящая из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (*Николаева*, 1971. С. 58–59. Табл. 28). На ее лицевой стороне изображена сцена «Похвалы Богоматери», где сидящую на троне Богородицу и фигуру Христа Эммануила окружают двенадцать пророков, которые держат свитки с текстами своих пророчеств и атрибуты, символически указывающие на Богоматерь: «врата затворенные», «руно», «гору нерукосечную», «лествицу» и т.д. В основу подобных композиций был положен текст «Канона пророкам», приписываемого святому Герману

Константинопольскому (VIII в.). Но едва ли даже на большом запрестольном кресте можно было разместить иллюстрацию гимна, посвященного прославлению Девы Марии и таинству воплощения Христова, и приспособить сложную многосоставную композицию «Похвала Богоматери» к поверхности креста. Это можно было сделать лишь на площади иконного ковчега. Поэтому первый вариант реконструкции иконографической схемы на оборотной стороне древнего звенигородского креста более предпочтителен.

Наконец, поиск стилевых и типологических аналогий звенигородским вставкам неизбежно приводит нас к еще одному созвучному памятнику – створке резной костяной пангии середины XVI в.,

происходящей из Софии Новгородской (рис. 4). В центре створки помещена Троица Ветхозаветная в окружении 12 поясных фигур библейских пророков. Изображения пророков даны в трехчетвертном повороте к центру и заключены в медальоны. Трактовка изображений пророков на этой панегии весьма близка резным пластинкам с Городка (пропорции фигур, позы, типы ликов, разделка волос и складок одежд, однообразие свитков). Эти явные технико-стилистические совпадения указывают не только на единство эпохи, но и на один район происхождения этих образцов высокого искусства. Вероятнее

всего, и панегия из Софии Новгородской, и накладки из Звенигорода были созданы в косторезной мастерской одного из северных монастырей (Спасо-Каменный, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий?), где крепко держались и развивались древние художественные традиции и существовала тесная связь со столичным регионом.

Таким образом, найденные при раскопках на Городке костяные пластины-вставки с изображениями пророков являются драгоценными произведениями высочайшего художественного уровня лучших мастеров мелкой пластики макариевского времени.

Литература

Вздорнов Г. И., 1981. Троица Андрея Рублева. Антология. М.

Лазарев В. Н., 1955. Дионисий и его школа // История русского искусства. Т. III. М.

Николаева Т. В., 1971. Произведения Русского прикладного искусства с надписями XV – первой

четверти XVI в. // САИ. Вып. Е 1–49. М.

Флоренский П. А., Олсуфьев Ю. А., 1927. Амвросий – троцкий резчик XV века. Сергиев.

Великий князь и государь всея Руси Иван III. Каталог выставки. М., 2013.

A. V. Alekseev

Bone plate-inserts depicting prophets from excavations at the Zvenigorod Township

Summary

The article is devoted to bone carved overlays depicting figures of prophets, found during excavations at the walls of the Assumption Cathedral in Zvenigorod Kremlin. Based on the technical and stylistic

features of the carving, the author tries to determine the place of production figures (north of Moscow land) and their dates end of the 15th century – the first half of the 16th century.

Г. Е. Дубровин, В. Ю. Коваль

Усадебная застройка раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля (предварительная публикация)*

Археологические исследования в Тайницком саду Московского Кремля осуществлялись в рамках совместного проекта ФГУ «Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль» и Института археологии РАН в мае – сентябре 2007 г.¹ В ходе раскопок были пройдены два раскопа, причем только на раскопе 1 благодаря его значительной площади (513 кв. м) удалось изучить древнюю усадебную застройку². Раскоп 1 размещался на Подоле (рис. 1), как издавна называлась низменная, набережная часть кремлевской местности. Эта территория отличалась крайней сложностью рельефа, что было обусловлено наличием здесь стариц Москвы-реки (Панова, 2011. Рис. 12).

Данные по материку раскопа (к сожалению, по техническим причинам изученного не полностью) позволяют разделить исследованную территорию на три палеорельефные зоны (рис. 2)³.

1. «Овраг» – низменность в северо-западной части раскопа (вероятно, одна из так называемых стариц Москвы-реки) между «горбом» (см. ниже) и Кремлевским холмом.

2. «Горб» – возвышенность (материковый останец), пересекающая территорию раскопа в направлении северо-восток – юго-запад.

3. Юго-восточный склон «горба».

Эти особенности палеорельефа обусловили основные характеристики планиграфии данного участка, ставшего частью Кремля как такового лишь после строительства каменных стен в 1367–1368 гг. Еще три фактора оказали влияние на планировку исследованной на раскопе территории: во-первых, паводки в результате весенних разливов Москвы-реки, вероятно, особенно чувствительные до строительства каменных стен 1367–1368 гг.; во-вторых, церковь свв. Константина и Елены, располагавшаяся к северо-востоку от раскопа и известная по письменным источникам с 1470 г. (ПСРЛ, 2004. С. 284, 395); в-третьих, башня с проездными воротами в кремлевской стене, находившаяся поблизости от упомянутой церкви и получившая после ее возведения название Константино-Еленинской (этот фактор действовал опосредованно). И церковь, и проездная башня требовали обустройства каких-то подъездных путей, что и нашло свое отражение в материалах раскопа.

В результате полевых исследований и анализа полученных археологических материалов было изучено около 150 наземных и впускных сооружений второй половины XIII – начала XVII в., располагавшихся

---

* Исследование выполнено в рамках проекта «Подол Московского Кремля по материалам археологических исследований», поддержанного РГНФ (грант 14-01-00062).

¹ Раскопки выполнялись по открытым листам Д. О. Осипова, Т. Д. Пановой и В. Ю. Ковалья. Подготовительные работы (снятие балластных отложений) и частичная разборка культурного слоя проводились под руководством научного сотрудника Музеев Кремля Д. О. Осипова. Основной цикл раскопочных работ выполнялся сотрудниками Института археологии РАН под руководством Н. А. Макарова, Л. А. Беляева и А. В. Энговатовой. Раскопом 1 руководили В. Ю. Коваль и О. М. Олейников, раскопом 2 – Н. А. Кренке и О. М. Олейников.

² Предлагаемая работа во многом является результатом коллективного труда. Поэтому благодарим Д. О. Осипова за предоставление всех доступных на сегодняшний день материалов полевых исследований и отчетной документации, Т. Д. Панову за помощь в анализе палеорельефа участка и консультации по письменным источникам. Активное участие в разработке ярусологии на начальном этапе приняли Е. П. Зоц (Захарова) и М. А. Трунова при поддержке Д. Ю. Бадеева, М. Ю. Меньшикова и С. И. Милованова, (руководивших участками раскопа 1). Авторы выражают им сердечную благодарность.

³ Рисунки 2–34 помещены после текста, в конце статьи.

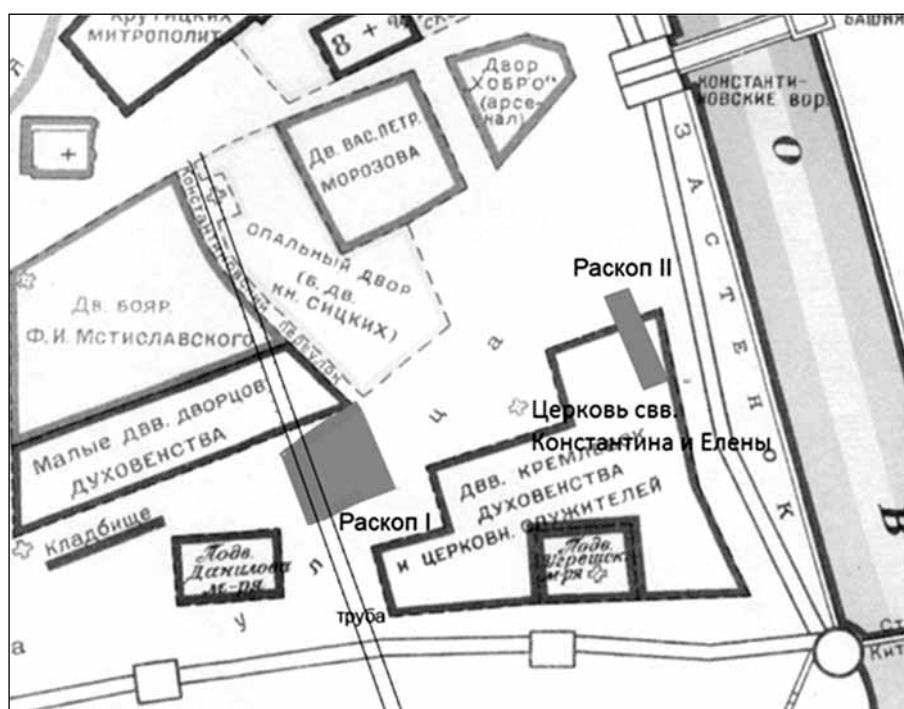

Рис. 1. Приблизительное размещение раскопов 1 и 2 в Тайницком саду Московского Кремля на реконструктивном плане 1605 г. (по: Голубцов, 1951).

на шести усадьбах⁴. Кроме того, прослежены трассы дороги/улицы, проходившей по «горбу» в направлении церкви свв. Константина и Елены и одноименных ворот Кремля, а также дороги/переулка, ведущего в сторону Кремлевского холма. Разработана локальная (поусадебная) ярусология, а также предложена модель общей для всей территории застройки, развивающейся по времени. Она включает в себя 30 строительных горизонтов (общих ярусов)⁵.

Прежде чем приступить к описанию развития усадебной застройки во времени, необходимо коснуться некоторых методологических особенностей ярусологии раскопа 1, обусловленных спецификой данного объекта.

1. Хронология, лежащая в основе ярусологии раскопа, в нашем случае опиралась в первую очередь на данные по датировке построек и культурного слоя, основанные на анализе керамического материала и датирующих индивидуальных находок. Данные дендрохронологии здесь практически не использовались ввиду того, что дендрохронологическая шкала московского региона находится пока еще только на стадии разработки и есть все

основания полагать, что полученные на раскопе материалы, а также взятые дендрохронологические образцы дадут дополнительную информацию для формирования этой шкалы.

2. Стратиграфическая взаимная привязка сооружений здесь также имела свою специфику ввиду, во-первых, сложного палеорельефа с большими перепадами высот и, во-вторых, из-за большого количества впускных сооружений. Стратиграфическая увязка последних, в случае утраты конструктивных элементов их верхних ярусов (перекрытий и т.д.), основывалась или на данных по верхним отметкам впускных котлованов, или же на сравнительных данных по высоте аналогичных построек. При этом априори предполагалось, что верхние отметки впускных сооружений были близки к уровню дневной поверхности времени их возведения.

3. Задача разработки единой ярусологии для всего раскопа была сопряжена со многими трудностями, и в первую очередь опять-таки со сложным палеорельефом при сравнительно большой площади. Поэтому было решено применить уже неоднократно апробированную (в частности, в Новгороде)

⁴ В некоторых случаях – условных (см. ниже).

⁵ Столь дробное разделение выявленных построек может быть скорректировано в дальнейшем с учетом данных дендрохронологии и по результатам углубленного изучения археологического материала, происходившего из рассмотренных построек. В частности, возможно укрупнение ярусов и сокращение их числа. – Прим. ред.

методику локальных ярусных шкал. Обычно такие шкалы разрабатываются для отдельных усадеб, что, например, для того же Новгорода с устойчивыми усадебными границами, существующими практически неизменно на протяжении сотен лет, как правило, не представляет больших трудностей.

Однако в нашем случае уже предварительный анализ полевой документации показал очень высокую степень планировочной динамики исследованного участка кремлевского Подола. И тем не менее удалось выделить несколько условно стабильных участков с относительно устойчивой схемой застройки на протяжении больших или меньших промежутков времени (рис. 3):

А. Дорога/улица на «горбе»: верхняя часть материкового останца («горба»), где практически отсутствовали сооружения, а наблюдались лишь периодически возобновляемые вымостки, в том числе типа уличных мостовых.

Б. Дорога/переулок, ведущая в сторону Кремлевского холма. По крайней мере, на протяжении второй половины XIII – начала XV в. здесь также наблюдалась свободная от застройки не очень устойчивая трасса, к концу XIV в. также получившая замощение уличного типа.

В. Усадьбы. Анализ планиграфии частокольных оград и хронологических цепочек однотипных построек позволил выделить шесть условных усадебных территорий. Условными они могут считаться потому, что среди них нет таких, о которых можно было бы уверенно сказать, что они существовали в своих границах в течение достаточно длительного срока.

Вероятно, лучше всего было бы проанализировать в этом аспекте наиболее «спокойные» по ранней стратиграфии усадьбы «оврага» (А, Б и В), но многочисленные перекопы, связанные с поздними впускными сооружениями не позволяют оценить планировку усадеб А и Б после начала XV в. Относительно устойчиво существует с начала XV в. усадьба В, но более ранняя ее история остается неясной, так как ее застройка тогда, по-видимому, сосредотачивалась к северо-западу от территории раскопа.

С усадьбами юго-восточного склона «горба» ситуация не намного лучше. Здесь, пожалуй, наиболее устойчивыми в середине XV – первой половине XVI в. выглядят усадьбы Г и Д. Усадьба Е явно меняла своих хозяев и планировку. По крайней мере, об этом свидетельствует ее запустение на протяжении второй половины XV – первой четверти XVI в. А в первой половине XV в. она вообще могла составлять единое целое с усадьбой Д.

Однако, несмотря на всю условность наших усадеб как устойчивых территориально-застроенных комплексов, их площади периодов очевидной стабильности были взяты в качестве территориальных единиц («условных усадеб») для локальных ярусных шкал. Это в конечном итоге, нисколько не искажая общей картины, привело к положительным результатам, т. е. разработке локальной поусадебной ярусологии, а затем и общих горизонтов застройки для всей площади раскопа.

Единая ярусная шкала была выбрана для усадеб северо-западной части раскопа, находившихся в «овраге» к северо-западу от «горба» (усадьбы А, Б, В и, соответственно, ярусы с общим индексом АБВ). Рассмотрение этих усадеб в совокупности стало возможным вследствие сравнительно плавного и однородного (без резких перепадов в направлении северо-восток – юго-запад) палеорельефа в этой части раскопа. Территория усадеб «оврага» постепенно расширялась в юго-восточном направлении по мере накопления культурного слоя. При этом данные усадьбы медленно, но верно захватывали юго-западный склон «горба», откуда уровень культурного слоя не сравнялся с верхними точками этой возвышенности. В эту же ярусную шкалу были включены дорожные, а в более поздний период и уличные вымостки трассы, проходившей по «горбу». Это было связано с тем, что связь застройки усадеб «оврага» с этой трассой являлась стратиграфически более определенной, нежели увязка дорожных/уличных настилов с сооружениями юго-восточного склона «горба», где наблюдались довольно резкие перепады высот и к тому же сама застройка отличалась более дискретным характером. Что же касается усадеб юго-восточного склона, то каждая из них имела самостоятельную локальную ярусную шкалу (усадьбы Г, Д, Е и, соответственно, ярусы с индексами Г, Д и Е).

После разработки локальной ярусологии последовал этап взаимной увязки локальных шкал, которая и была представлена в виде уже упоминавшихся выше 30 общих ярусов или горизонтов, отражающих историю исследованного на раскопе участка кремлевского Подола на протяжении второй половины XIII – рубежа XVI–XVII вв.

В течение второй половины XIII – конца XIV в. (*горизонты 1–10*; рис. 4–14) вся застройка сосредотачивается в северо-западной части исследованной территории, т. е. в так называемом овраге, где располагались усадьбы А, Б и В. Появление ранней застройки именно в низменности, прикрытой со стороны реки возвышенностью, можно предположительно объяснить, с одной стороны, проблемой безопасности, так как постройки

здесь были укрыты (спрятаны) и их не было видно с речного берега, а с другой стороны, не исключено, что «горб», имевший большую протяженность, в какой-то степени спасал территорию «оврага» от разливов реки во время половодья.

Из этого следуют несколько выводов.

Вывод первый. Можно полагать, что переулоч в «овраге», ведущий в сторону Кремлевского холма (юго-восток – северо-запад), мог наметиться (пока еще в виде дороги) уже на начальной стадии освоения этого участка⁶, когда в *горизонте 1* (вторая половина – конец XIII в.; рис. 4) был прослежен частокот Т1–79 на северо-восточной границе усадьбы А.

Позднее (*горизонты 2–3*; рис. 5–6), до рубежа XIII–XIV вв. предполагаемая трасса переулка остается незастроенной, а на территории усадьбы А появляется цепочка сменявших друг друга на одном и том же месте наземных жилых построек Т1–70→Т1–71→Т1–65→Т1–45 (*горизонты 3–8* рубежа XIII–XIV – первой половины XIV в.; рис. 6–12)⁷, что говорит об относительной устойчивости планировки в этой части «оврага».

Однако сам переулок, в пользу существования которого косвенно свидетельствуют остатки гати на его предполагаемой трассе в *горизонте 3* (рис. 6) и незастроенность этой трассы на протяжении вышеуказанного промежутка времени, явно проявляется только в *горизонтах 8–9* (первая половина – середина XIV в.; рис. 12–13), когда оформляются застроечные комплексы усадьбы Б⁸ в виде жилых наземных срубов (Т1–46, Т1–37/120⁹) и комбинированной юго-западной ограды этой усадьбы (Т1–38а) с калиткой (Т1–135) и разборными воротами заплотного типа¹⁰, выходящими как раз на трассу предполагаемого переулка. Аналогичные калитки прослеживаются здесь и позднее, вплоть до начала XV в. (*горизонты 10–11*; рис. 14–15) – Т1–42 и Т1–43, а поперечная вымостка из бревен, уложенных на две продольные лаги (Т1–139), на трассе переулка фиксируется в *горизонте 10* (вторая половина – конец XIV в.;

рис. 14). Не исключено, что определенный импульс к обустройству этого участка Подола был дан строительством каменных кремлевских стен в 1367–1368 гг. (ПСРЛ, 1910. С. 114), расширением защищенной ими площади и, соответственно, включением исследованной на раскопе местности в территорию Кремля.

В более поздний период ввиду многочисленных перекопов переулок прослежен не был.

Вывод второй. О существовании в это время (*горизонты 1–10* – вторая половина XIII – конец XIV в.) дороги на «горбе» можно только строить предположения. По крайней мере, тогда, равно как и позднее, никакой застройки в верхней части «горба» не обнаружено. Юго-восточные же границы усадеб «оврага» по мере нарастания культурного слоя постепенно сдвигались в юго-восточном направлении, приближаясь к пока еще гипотетической трассе дороги и постепенно занимая северо-западный склон оврага, причем, похоже, частокоты ближе к концу XIV в. уже начинают отрезать под усадебные территории и участки самого склона, поднимаясь на него.

Третий вывод. Лучшей степенью сохранности отличается застройка находившейся в северо-восточной части «оврага» усадьбы В. Первое сооружение на этой усадьбе появляется в *горизонте 6* (первая половина XIV в.; рис. 10). Это жилой сруб с печью (Т1–126), стоявший поблизости от юго-восточной границы усадьбы, обозначенной частокотом. Однако всю вторую половину XIV в. больше никаких построек на исследованной части усадьбы В не наблюдается (возможно, произошла перепланировка и сооружения здесь переместились к северо-западу).

Начиная с рубежа XIV–XV вв. (*горизонт 11*; рис. 15) постройки появляются и на юго-восточном склоне «горба»: здесь на территории (пока еще условной) усадьбы Е довольно близко от верхней части «горба» возводится впускное сооружение Т1–117а¹¹.

Показательно, что одновременно с этим возобновляется застройка и на находившемся напротив (через «горб») исследованном участке усадьбы В.

⁶ Не исключено, что эта дорога (переулок) была началом подъема на Кремлевский холм. Недаром С. П. Бартенев приблизительно на месте ее трассы помещал гипотетический «ров Калиты» (Бартенев, 1910), т. е., по-видимому, здесь на склоне холма была балка (лог) или промоина, что делало подъем на холм относительно пологим.

⁷ Все постройки этого времени – наземные. Жилые срубы строились с завалинами и печами (прослежены столбовые опечки). Рубка – в обло (чашка снизу).

⁸ Застройка усадьбы Б начинается прослеживаться с *горизонта 5* (первая половина XIV в.; рис. 8).

⁹ Этот сруб погибает в крупном пожаре середины XIV в. (*горизонт 9*; рис. 13), после чего из-за многочисленных перекопов вплоть до *горизонта 13* (первая половина XV в.; рис. 17) никаких следов застройки этой усадьбы не прослеживается.

¹⁰ «Завора», «воротня» или «воротница» (Сыщиков, 2006. С. 171).

¹¹ Именно в этой постройке была найдена уникальная берестяная грамота № 3.

Эта усадьба предстает перед нами разделенной поперечным частоколом Т1–113а (юго-восток – северо-запад) на две (под)усадьбы В1 (северо-восточная) и В2 (юго-западная), причем на усадьбе В1 возводится впускное сооружение Т1–127¹² – первое из цепочки такого рода построек (Т1–127→Т1–124→?→Т1–47), сменявших здесь друг друга на протяжении рубежа XIV–XV – начала XVI в. (*горизонты 11–20*; рис. 15–24). На той же (под)усадьбе В1, в ограде на ее юго-восточной границе, была зафиксирована калитка (Т1–114), через которую обитатели усадьбы могли выходить на дорогу, проходившую по «горбу». По-видимому, усадьба В в это время сменила владельцев, о чем свидетельствует изменение ее планировочной структуры.

В *горизонте 13* (первая половина XV в.; рис. 17) усадьбы В1 и В2 объединяются, причем впускное сооружение Т1–127 в цепочке в ее северо-восточной части заменяется на новую аналогичную постройку Т1–124. Одновременно с этим появляется наземная постройка Т1–115 у границы усадьбы В с усадьбой Б (А+Б?)¹³.

Тогда же перестраивается впускное сооружение Т1–117а на усадьбе Е (Т1–117), и к нему на (условной) усадебной территории добавляется не совсем понятная наземная постройка Т1–130. Эти сооружения простояли здесь до *горизонта 16* (рис. 20) и, видимо, погибли в пожаре середины XV в.

Еще одна впускная постройка Т1–87 появляется в *горизонте 13* на усадьбе А (А+Б?) (рис. 17). Судя по планировочной схеме этого горизонта, трасса дороги на «горбе» не была прямой, а в своей юго-западной части делала поворот сначала на юг, а затем на юго-запад, по-видимому, следуя гребню «горба».

В *горизонте 14* (первая половина XV в.; рис. 18) на усадьбе А (А+Б?) около дороги на «горбе» формируется комплекс из впускной (Т1–29) и наземной (Т1–141) построек. На усадьбе В у границы с усадьбой Б (А+Б?) строится комплекс сооружений

Т1–96, а впускная постройка Т1–124, сооруженная еще в *горизонте 13*, продолжает функционировать. На усадьбе Е сохраняется застройка *горизонта 13* (см. выше), а на усадьбе Д появляется первое сооружение – впускной сруб Т1–32. В этом горизонте межусадебные частоколы не прослежены.

В *горизонте 15* (первая половина – середины XV в.; рис. 19) застройка на усадьбах в основном сохраняется в прежнем виде. Лишь на усадьбе В перестраивается комплекс Т1–96, в цепочке впускных построек на той же усадьбе появляется сооружение Т1–112, а на усадьбе Б (А+Б?), точнее, на ее границе с усадьбой В, возводится наземная постройка Т1–89. В это же время отмечено первое замощение (поперечное) на дороге, проходившей по «горбу».

Следует отметить, что в *горизонтах 14–15* появляются впускные срубы (Т1–29 и Т1–112), стены которых были рублены в обло с чашкой сверху. Столь раннее (первая половина – середина XV в.) появление этого строительного приема (он традиционно датируется временем не ранее XVI в.) отмечено впервые¹⁴.

В *горизонте 16* (середина XV в.; рис. 20) общая планировка усадеб в основном сохраняется. Этот период отмечен возобновлением частоколов, отделявших усадьбы «оврага» от трассы дороги, а на самой дорожной трассе появляется продольное замощение (Т1–133, Т1–134). В этом же горизонте начинается застройка усадьбы Г. Здесь, в ее северо-западной части, возводится впускная постройка Т1–85б – первое сооружение из цепочки аналогичных построек (Т1–58б→Т1–58а→Т1–58→Т1–34), сменявших на этом месте друг друга на протяжении середины – конца XV в. (*горизонты 16–19* – рис. 20–23). Одновременно с этим появляется и частокол между усадьбами Г и Д. На усадьбе В к комплексу Т1–96 прибавляется наземный сруб с крыльцом Т1–84.

Вся эта застройка гибнет в очень сильном пожаре середины XV в., причем в сооружении

¹² Постройки Т1–127 и Т1–117а, возведенные практически одновременно, дают возможность говорить о том, что первые впускные сооружения появляются на исследованном участке Подола на рубеже XIV–XV – начале XV в. Указанные постройки сооружаются довольно близко к вершине возвышенности «горба» – на наиболее выгодных с точки зрения гидрологии местах (т. е. там, где посуше).

¹³ Возможно, в это время усадьбы А и Б составляли единое целое, в пользу чего свидетельствуют некоторые косвенные признаки, но их явно недостаточно. Также неизвестно, когда произошло изменение трассы переулка, ведущего в сторону Кремлевского холма и зафиксированного в более ранних горизонтах.

¹⁴ Более раннее появление такой схемы врубки именно во впускных сооружениях можно объяснить тем, что заглубленные срубы находились в худших по сравнению с наземными гидрологических условиях и были в большей степени подвержены гниению, чему отчасти препятствовал новый способ врубки. Однако, что характерно, кроме двух указанных построек (с разных усадеб, да и по прочим параметрам не очень-то схожих между собой), на территории раскопа врубка с чашкой сверху ни у одного из более поздних сооружений не была зафиксирована – здесь продолжал господствовать архаичный способ рубки с чашкой снизу.

Т1–32 с усадьбы Д обнаружены останки погибших при пожаре людей.

После этого пожара (*горизонт 17* – середина – вторая половина XV в.; рис. 21) из застройки усадеб «оврага» прослежена только вымостка Т1–9 на усадьбе Б (А+Б?). Трасса дороги на «горбе» хорошо читается по линиям частоколов с двух ее сторон. На усадьбе Г впускным сооружением Т1–58а возобновляется цепочка заглубленных построек в ее северо-западной части, а на усадьбе Д появляется новая впускная постройка Т1–30 каркасно-столбовой конструкции. На усадьбе Е постройке этого времени не прослежено.

В *горизонте 18* (вторая половина – конец XV в.; рис. 22) на усадьбах «оврага» появляются новые сооружения: дворовая печь Т1–11 и наземный сруб Т1–68 на усадьбе А (А+Б?), а также хозяйственная постройка с двойными стенами (Т1–41) на усадьбе В. На усадьбе Г цепочка впускных сооружений продолжается срубом Т1–58. На усадьбе Д к впускной постройке Т1–30 добавляется еще одно каркасно-столбовое впускное сооружение Т1–35, а около них прослежена гать Т1–122. Усадьба Е по-прежнему пустует, хотя на ее северо-западной границе имеется частокольная ограда.

В *горизонте 19* (вторая половина – конец XV в.; рис. 23) застройка усадьбы В не претерпевает изменений. На усадьбе Б (А+Б?) в ее северо-восточной части появляются две впускные постройки Т1–8 и Т1–22. Цепочка впускных сооружений на усадьбе Г продолжается срубом Т1–34, а на усадьбе Д из прежней застройки остается только сооружение Т1–35. Усадьба Е пустует по-прежнему. Трасса дороги на «горбе» читается по частоколам на двух ее сторонах.

В *горизонте 20* (конец XV – начало XVI в.; рис. 24) происходит спрямление и упорядочение дорожной, точнее уже уличной, трассы. Эта трасса теперь частично проходит по бывшей территории усадеб А+Б и после спрямления имеет направление северо-восток – юго-запад. На ней появляется традиционная уличная вымостка в виде поперечных плах (бревен?), уложенных на две продольные лаги (сооружения Т1–59, Т1–59а). С двух сторон новой трассы с небольшим расширением площади устанавливаются частоколы. Можно считать это централизованной государственной акцией, по-видимому, связанной или с перестройкой/возобновлением церкви свв. Константина и Елены, сгоревшей в пожаре 1470 г. (ПСРЛ, 2004. С. 284, 395), или с возведением на старом месте в 1490 г. новой Константино-Еленинской проездной башни Кремля (ПСРЛ, 2005. С. 355), или и с тем, и с другим. Ведь именно к этим объектам, судя по всему, вела вышеуказанная дорога/улица.

На усадьбе Б (А+Б?) сохраняется впускное сооружение Т1–22 и при этом возводится частокол на границе с усадьбой В. На усадьбе В все еще стоит сооружение Т1–41 и возобновляется цепочка впускных построек в ее северо-восточной части возведением сруба Т1–47. На усадьбах Г, Д и Е никакой застройки не прослеживается.

Настоящий строительный бум начинается на усадьбах юго-восточного склона «горба» в *горизонте 21* (первая четверть XVI в.; рис. 25). Здесь устраиваются межусадебные границы посредством возведения частоколов между усадьбами Г и Д, а также Д и Е. На усадьбе Г строится очень крупное впускное сооружение Т1–28, причем ориентировка его соответствует новой уличной трассе, определившейся в *горизонте 20* (рис. 24). На усадьбе Д появляется наземный, по-видимому, жилой сруб Т1–20/110, а на усадьбе Е возводятся две большие впускные постройки Т1–102 и Т1–108а. Рядом с ними зафиксирован ряд столбов (Т1–145), вероятно, являющихся остатками какого-то несохранившегося сооружения.

Никаких заметных следов застройки усадеб «оврага» для этого времени не прослеживается. Можно лишь отметить появление наземного сруба Т1–67 на усадьбе Б (А+Б?), северо-восточная стена которого вместе с частоколом образовывала границу между усадьбами Б (А+Б?) и В.

В *горизонте 22* (первая половина (первая четверть?) XVI в.; рис. 26) по-прежнему не наблюдается каких-либо заметных следов застройки усадеб «оврага». Одновременно с этим северо-восточный склон «горба» изобилует постройками. На усадьбе Г в это время все остается без изменений (т. е. сохраняется застройка *горизонта 21*). На усадьбе Д, северо-восточная и юго-западная границы которой по-прежнему обозначены частоколами, наземный сруб Т1–20/110 в ее юго-восточной части также продолжает существовать, строится сруб с печью (Т1–10/92/) и подполлом (Т1–10а/92а/).

На усадьбе Е наблюдается довольно плотная, в основном наземная застройка. Здесь возводится мощный двухъярусный (?) комплекс Т1–73/73а, рядом зафиксированы остатки наземной постройки Т1–100, которая также могла быть конструктивно связана с указанным комплексом. Кроме того, на этой усадьбе прослежены остатки дворовой печи Т1–130, а также небольшого погребка Т1–128.

Вся застройка северо-восточного склона «горба» погибает в крупном пожаре первой половины (первой четверти?) XVI в.

После пожара в *горизонте 23* (первая половина XVI в.; рис. 27) наблюдается запустение всей территории раскопа. Лишь на усадьбе Г на месте

существовавшей ранее цепочки впускных сооружений в ее северо-западной части строится новая впускная постройка Т1–23, имеющая, однако, уже иную ориентацию в соответствии с новой уличной трассой, спрямленной в *горизонте 20* (конец XV–XVI в.; рис. 24). Зафиксирован и частокол, отделяющий эту усадьбу от усадьбы Д. А на территории усадьбы Е прослежены остатки довольно крупного настила Т1–76/86, на котором обнаружены скопления горелого зерна.

В *горизонте 24* (вторая половина XVI в.; рис. 28) на усадьбе В на традиционном месте у границы с усадьбой Б (А+Б?) возводится большой наземный сруб Т1–51. На усадьбе Г никакой застройки не прослеживается. На усадьбе Д зафиксированы остатки двух довольно невыразительных сооружений (Т1–106 и Т1–107), по-видимому, настилов. А вот на усадьбе Е, в ее северо-западной части, поблизости от уличной трассы строятся две довольно крупные впускные постройки Т1–74 и Т1–80.

Горизонт 25 (последняя четверть XVI в.; рис. 29) характеризуется второй радикальной перепланировкой уличной трассы. Она снова спрямляется, а с двух сторон ее мостовые (Т1–49, Т1–143, а, б) ограничиваются однотипными оградами заплотного типа (Т1–39, а, б). Безусловно, здесь представлена государственная акция, затронувшая интересы владельцев окружающих усадеб. В это время на усадьбе А (А+Б?) возводится впускное сооружение Т1–27, а между усадьбами Г и Д строится частокол.

Еще одна государственная акция нашла свое отражение в *горизонте 26* (последняя четверть XVI в.; рис. 30). Тогда через территории усадеб А+Б и Д, а также уличную трассу была проложена дренажная труба Т1–26, шедшая с Кремлевского холма к реке. Ни одной постройки, синхронной прокладке этой трубы, на территории раскопа не прослежено. Следует отметить, что на территории усадьбы А+Б трасса дренажной трубы точно совпала с трассой переулка, ведущего в сторону Кремлевского холма и прослеженного здесь в *горизонтах I (?) – II* (вторая половина XIII – начало XV в.; рис. 4–15). Сопоставление этого факта с реконструктивным планом Кремля в конце царствования Бориса Годунова, составленным И. А. Голубцовым на основании кремлевских планов 1597 и 1600–1605 гг. («Кремленград») и плана С. П. Бартенева (Голубцов, 1952) (рис. 1), да и с самими планами конца XVI – начала XVII в., позволяет предположить следующее.

На указанных планах показан так называемый Константино-Еленинский переулок, шедший с Кремлевского холма к церкви свв. Константина и Елены. В верхней своей (северо-западной) части этот переулок имеет направление северо-запад – юго-восток, а затем поворачивает в направлении восток – юго-восток, т.е. непосредственно к указанной церкви. На плане И. А. Голубцова обозначена трасса дренажной трубы («Трубы»), которая, спускаясь с Кремлевского холма, вначале идет прямо по трассе переулочка, а затем, в отличие от поворачивающего к церкви переулочка, продолжает идти все в том же неизменно прямом направлении (северо-запад – юго-восток), пересекая территории частных усадеб вплоть до кремлевской стены (рис. 1). Если предположить, что на раскопе была обнаружена *та самая дренажная труба, которая известна по письменным источникам* и представлена на планах С. П. Бартенева и И. А. Голубцова, а переулок, также исследованный на раскопе, тождественен раннему Константино-Еленинскому переулочку (очевидно, носившему тогда другое название), то получается, что, по крайней мере, во второй половине XIII – начале XV в. этот переулок имел более спрямленную трассу СЗ – ЮВ без заметного поворота на ЮВ. Затем, когда была построена церковь свв. Константина и Елены, переулок в своей юго-восточной части изменил трассу и повернул непосредственно к церкви. Таким образом, можно предположить, что впервые церковь свв. Константина и Елены на Подоле была построена между началом XV в. (последняя фиксация старой трассы переулочка¹⁵) и 1470 г. (первое упоминание церкви).

Когда же в конце XVI в. прокладывали дренажную трубу («Трубу»), то вначале с холма она шла по той части переулочка, трасса которой не менялась и соответствовала изначальной. Далее труба, не делая поворотов, пошла уже не по новой трассе переулочка, а через частные усадьбы примерно по линии его старой трассы, которая, как уже говорилось, на раннем этапе была относительно прямой. Все это отразилось на материалах раскопа, где дренажная труба была обнаружена лежащей непосредственно на мостовой переулочка, датируемой началом XV в.

Вероятно, после прокладки трубы произошла кардинальная перепланировка местности, исследованной на раскопе (*горизонт 27* последней четверти XVI в.; рис. 31). В результате по территории бывших (?) усадеб Г и Д в направлении юго-запад – северо-восток прошла продольная вымостка

¹⁵ Это вовсе не означает, что переулок сразу после этого был перепланирован. Просто из-за перекопов его трасса больше на раскопе не наблюдалась.

Т1–19, ограниченная с северо-запада частоколом. Не исключено, что здесь представлен временный (?) перенос в северо-западном направлении (или расширение трассы?) еще одной улицы, ранее проходившей юго-восточнее территории раскопа¹⁶.

Следующий *горизонт* 28 (последняя четверть XVI в.; рис. 32) отмечен всего одной постройкой – большой выгребной ямой (?) Т1–97 на бывшей (?) усадьбе Д.

Немного позднее (*горизонт* 29 – конец XVI в.; рис. 33) на той же бывшей (?) усадьбе Д появляется наземный сруб с полом Т1–144, около которого наблюдались остатки дворовых вымосток. К этому же времени относятся остатки замощения (Т1–6/ба) на уличной трассе, а также очень крупная впускная постройка с дренажами (Т1–21 и Т1–21а, Т1–40) на бывшей (?) усадьбе Б (А+Б?). Эта постройка, по-видимому, являла собой подземную часть развитого по вертикали сооружения теремного или башенного типа, стоявшего на усадьбе человека, безусловно, высокого социального и имущественного статуса. Сопоставление местоположения этого сооружения

с планами конца XVI – начала XVII в. и реконструктивным планом И. А. Голубцова (рис. 1) позволяет предположительно считать владельцем этой усадьбы князя Ф. И. Мстиславского – видного деятеля Смутного времени.

Еще одна кардинальная перепланировка исследованной на раскопе местности нашла свое отражение в *горизонте* 30 (конец XVI – начало XVII в.; рис. 34). В это время трасса улицы, проходившей по уже сравнивавшемуся с окружающей местностью «горбу», переносится в северо-западном направлении. Не исключено, что этот перенос, являвшийся, безусловно, государственной акцией, мог быть связан с перестройкой стоявшей к северо-востоку от территории раскопа церковью свв. Константина и Елены и связанной с этой перестройкой перепланировкой церковной территории и расширением (?) примыкавшего к ней кладбища.

Одновременно с переносом улицы на территории бывших усадеб Г, Д и Е появляются частоколы Т1–50, а, б, в, г, свидетельствующие о совершенно новой схеме застроечной планировки этой части кремлевского Подола.

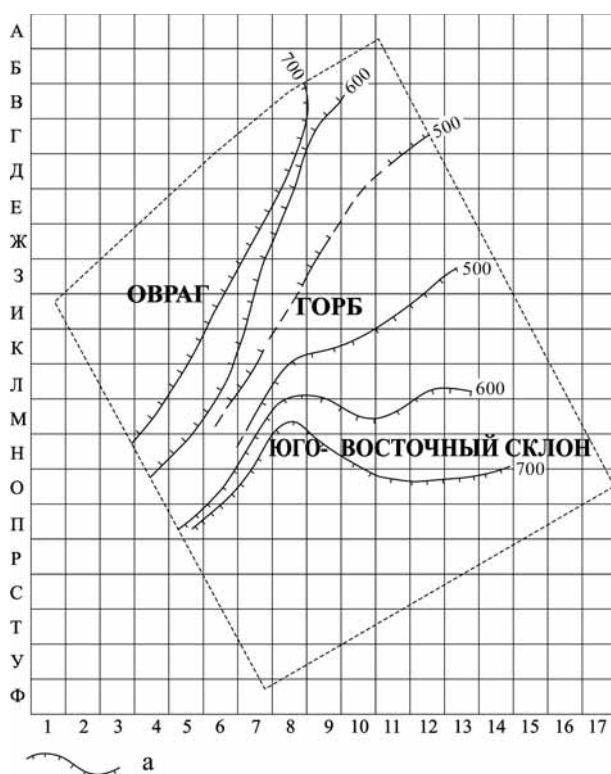

Рис. 2. Упрощенная схема материка и палеорельефные зоны
а – изобаты

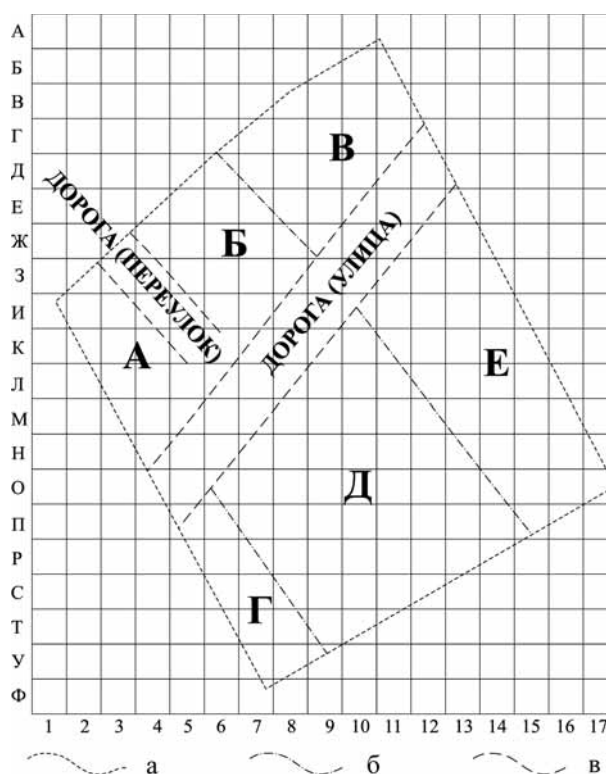

Рис. 3. Усадьбы и дороги (улица и переулок)
а – граница раскопа; б – границы усадеб;
в – трассы улицы и переулка

¹⁶ Эта улица, шедшая вдоль кремлевской стены, хорошо читается на планах конца XVI – начала XVII в.

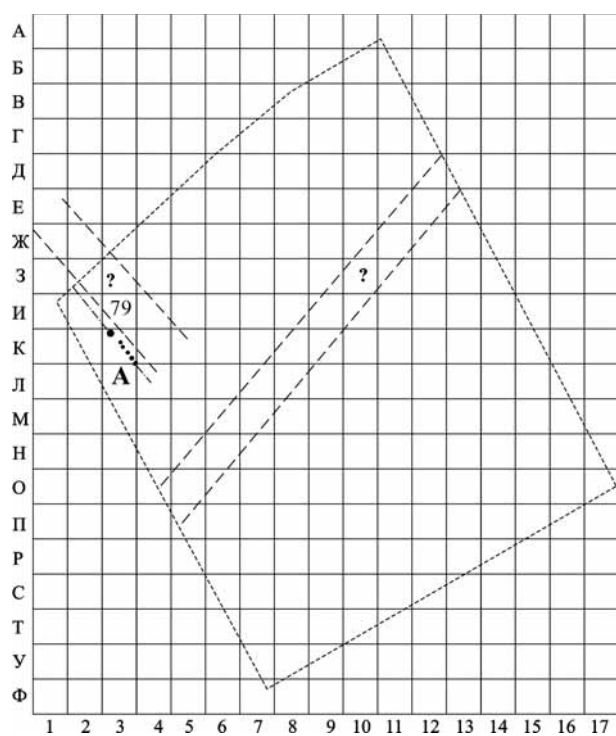

Рис. 4. Горизонт 1. Ярус АБВ1.
2-я пол. – кон. XIII в.

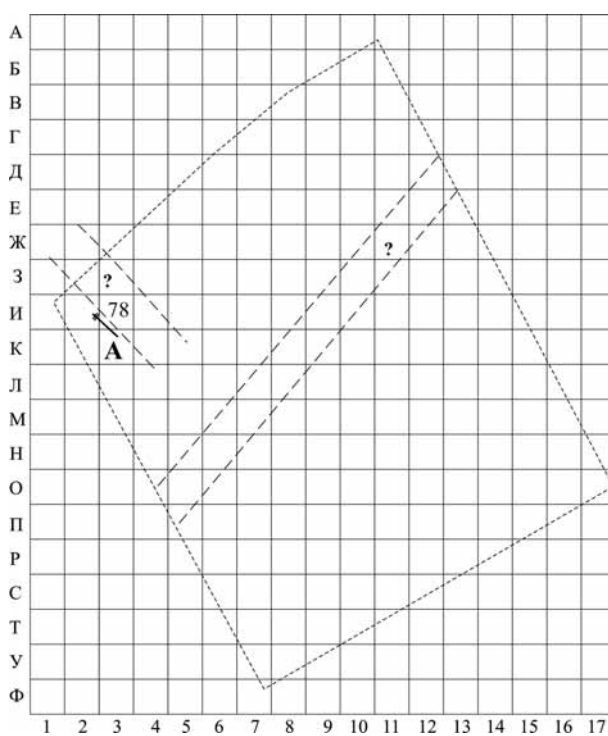

Рис. 5. Горизонт 2. Ярус АБВ2.
Кон. XIII в.

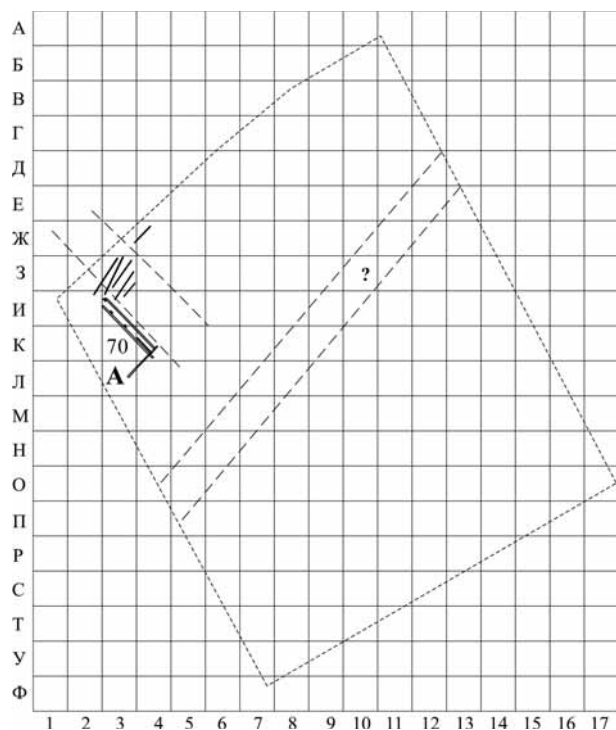

Рис. 6. Горизонт 3. Ярус АБВ3.
Кон. XIII – руб. XIII/XIV вв.

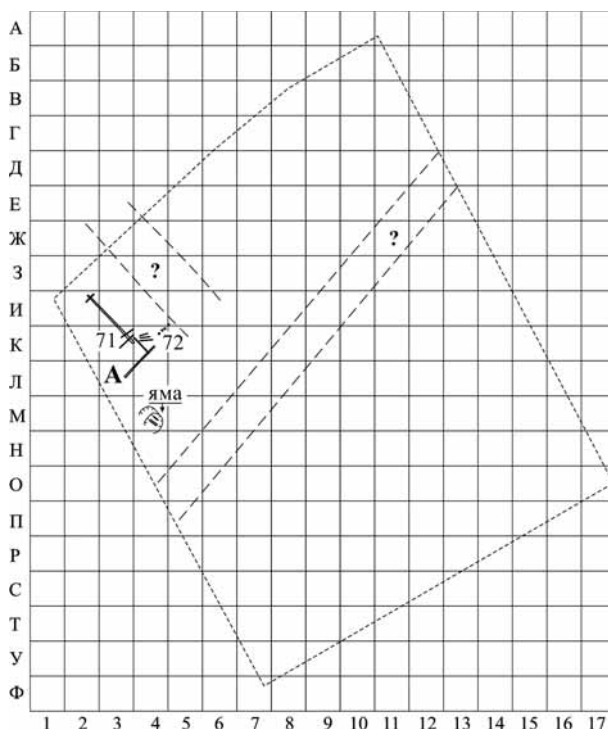

Рис. 7. Горизонт 4. Ярус АБВ4.
Руб. XIII/XIV вв.

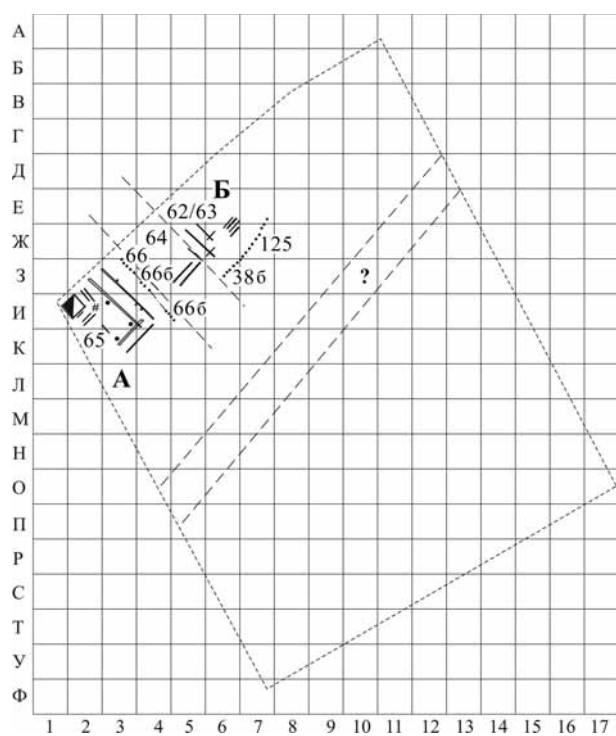

Рис. 8. Горизонт 5. Ярус АБВ5.
1-я пол. XIV в.

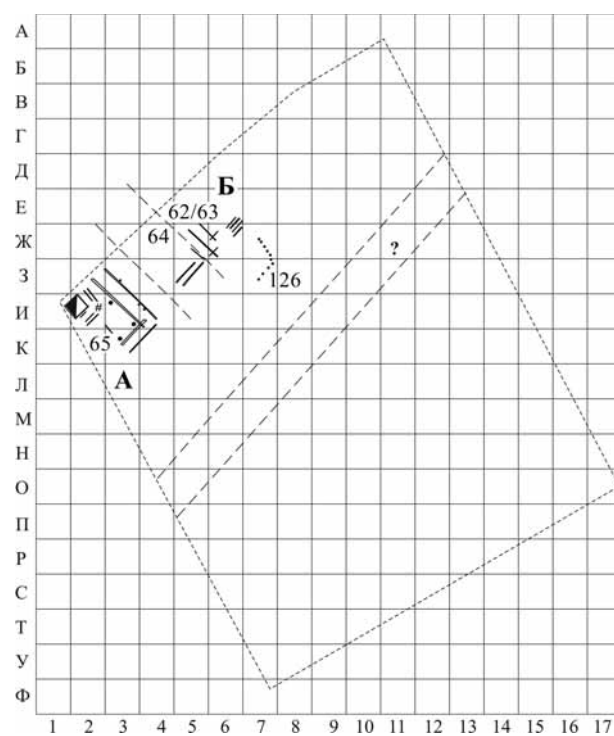

Рис. 9. Горизонт 5а. Ярус АБВ5а.
1-я пол. XIV в.

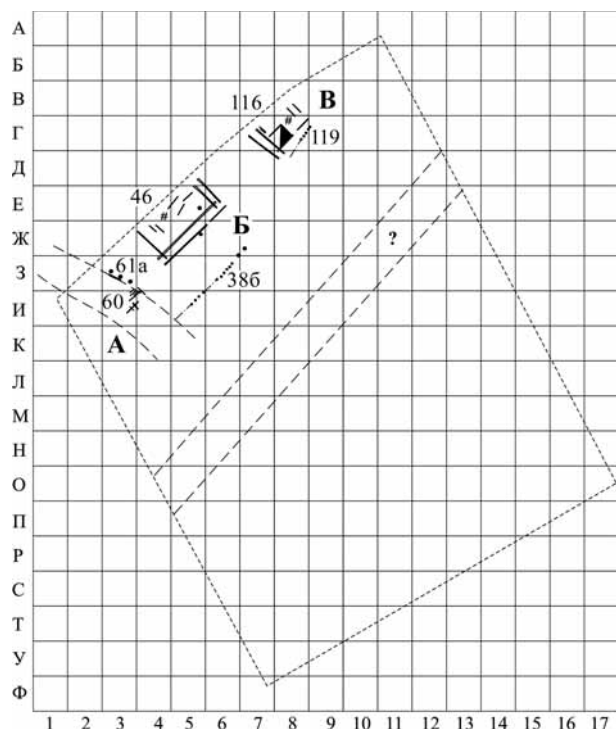

Рис. 10. Горизонт 6. Ярус АБВ6.
1-я пол. XIV в.

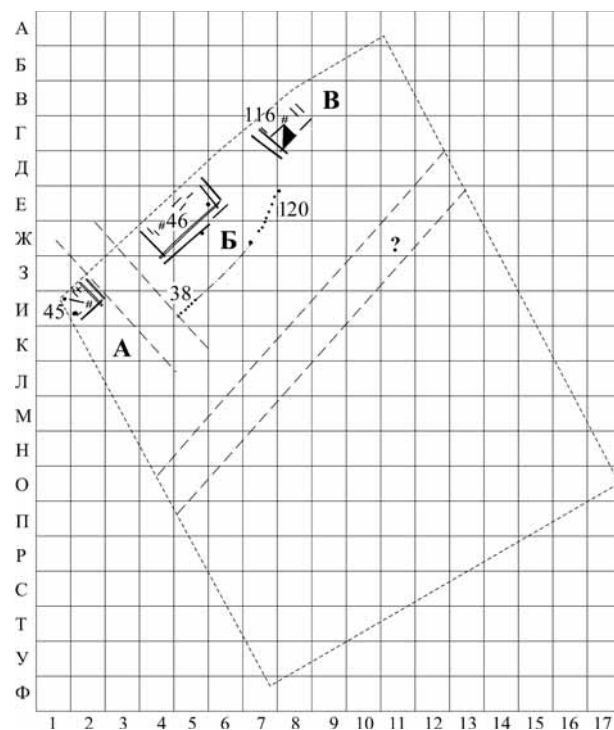

Рис. 11. Горизонт 7. Ярус АБВ7.
1-я пол. XIV в.

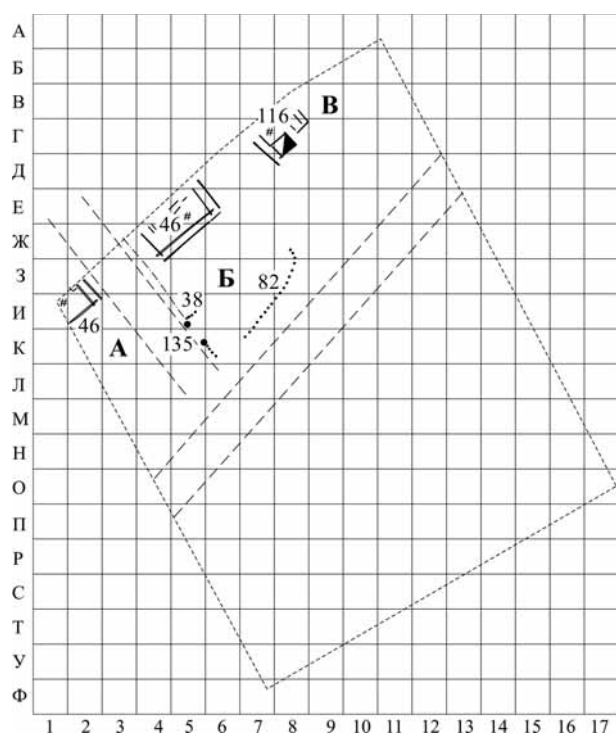

Рис. 12. Горизонт 8. Ярус АБВ8.
1-я пол. XIV в.

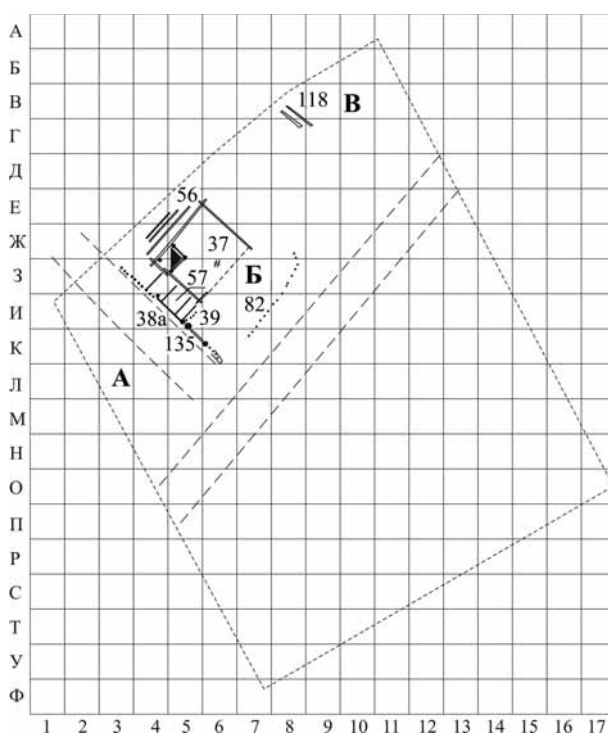

Рис. 13. Горизонт 9. Ярус АБВ9.
Сред. XIV в.

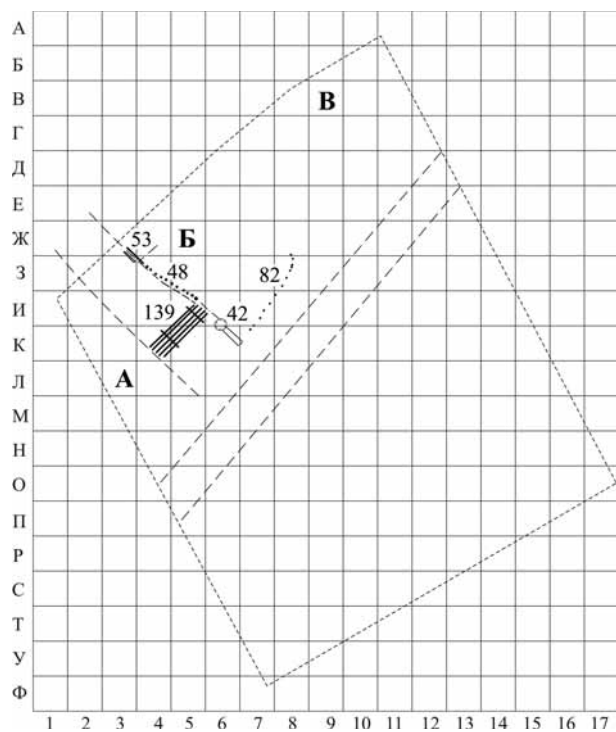

Рис. 14. Горизонт 10. Ярус АБВ10.
2-я пол. – кон. XIV в.

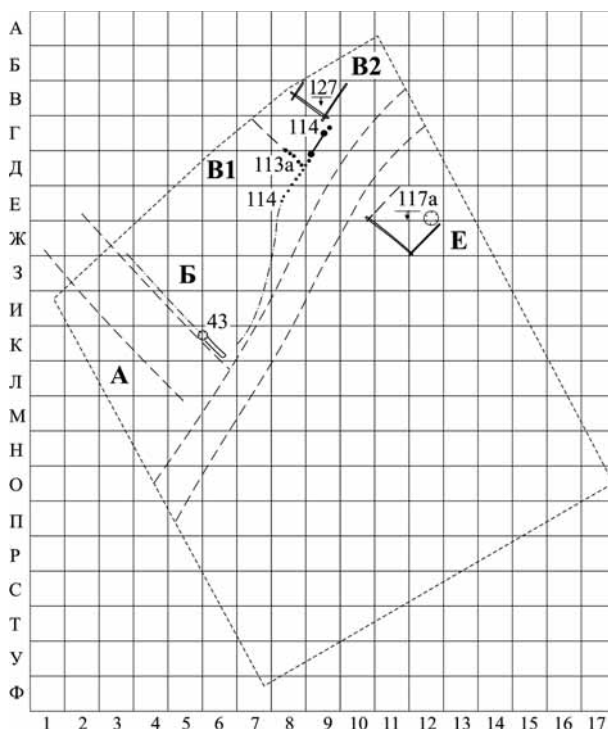

Рис. 15. Горизонт 11. Ярусы АБВ11/Е1.
Нач. XV (руб. XIV/XV – нач. XV в.?)

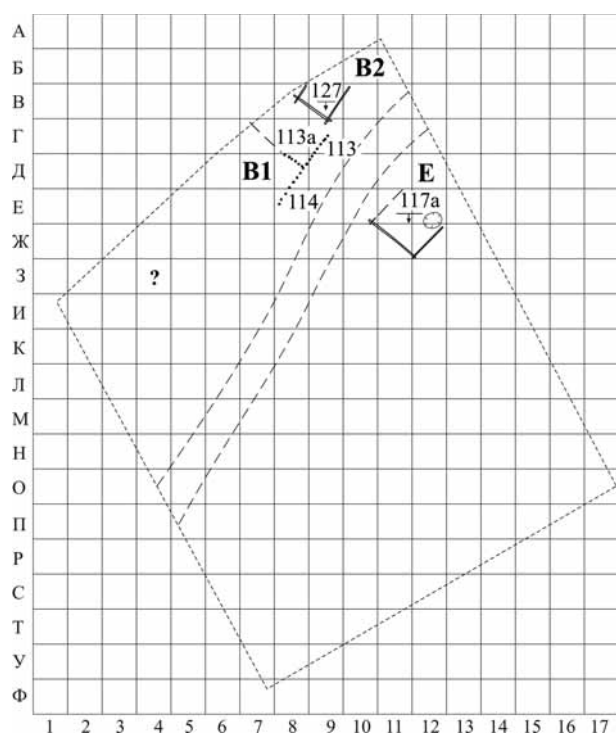

Рис. 16. Горизонт 12. Ярусы АБВ12/Е1.
Нач. XV в.

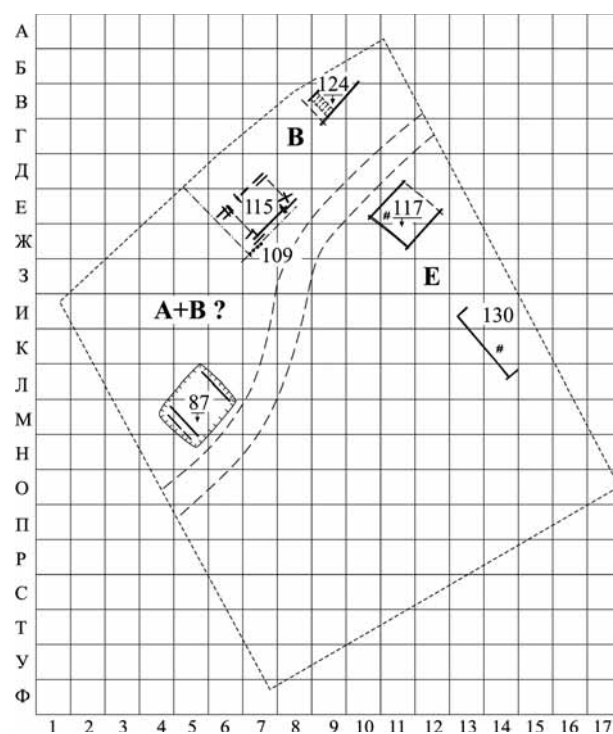

Рис. 17. Горизонт 13. Ярусы АБВ13/Е2.
1-я пол. XV в.

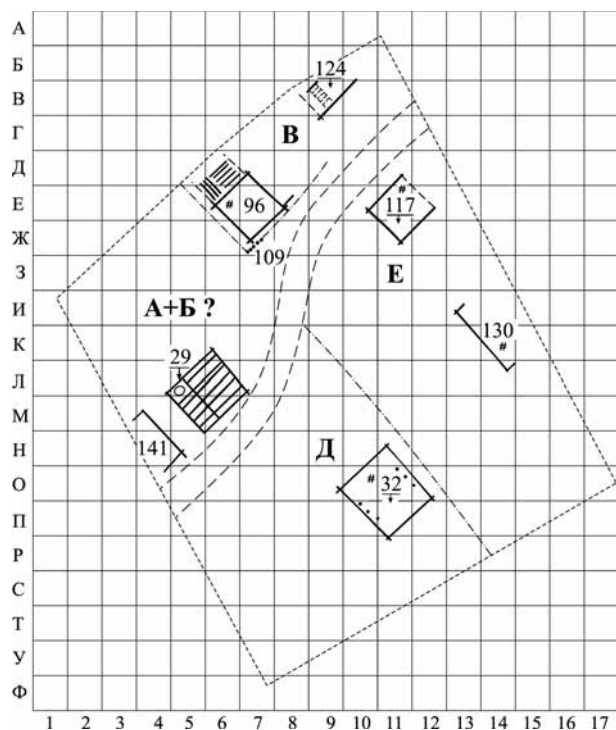

Рис. 18. Горизонт 14. Ярусы АБВ14/Д1/Е2.
1-я пол. XV в.

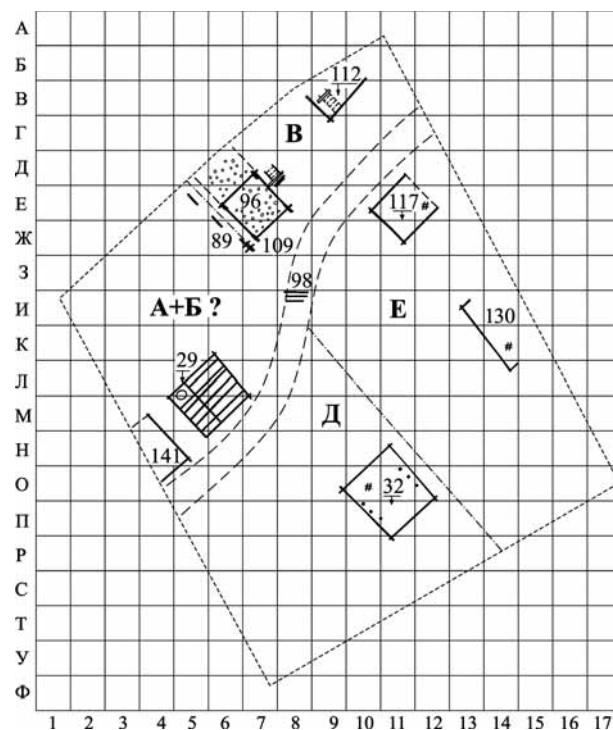

Рис. 19. Горизонт 15. Ярусы АБВ15/Д1/Е2.
1-я пол. – сер. XV в.

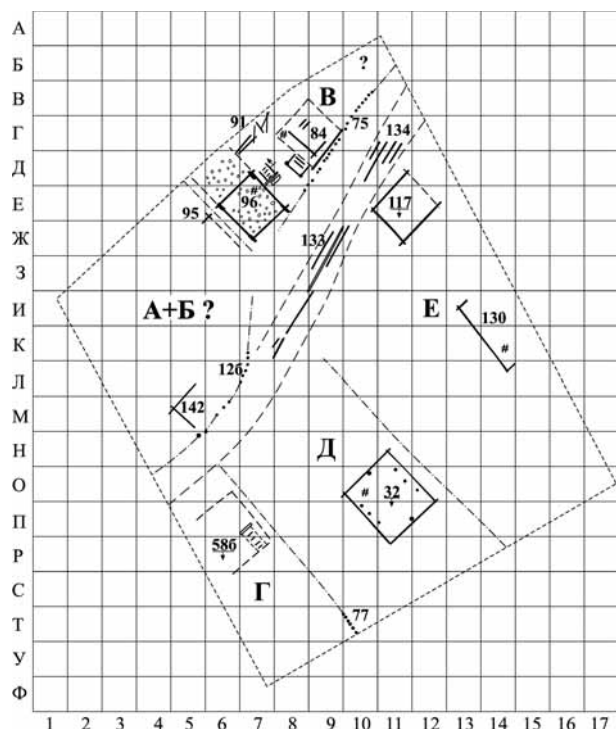

Рис. 20. Горизонт 16. Ярусы АБВ16/Г1/Д2/Е2.
Сер. XV в.

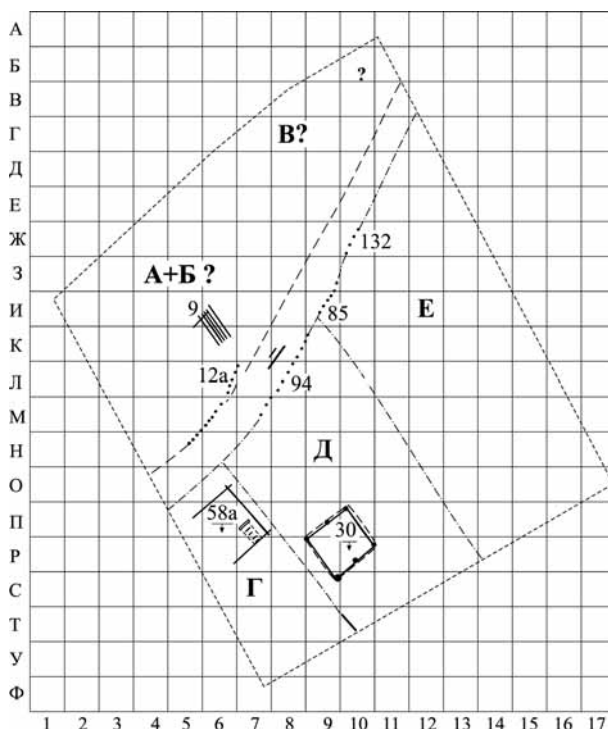

Рис. 21. Горизонт 17. Ярусы АБВ17/Г2/Д3/Е3.
Сер. – 2-я пол. XV в.

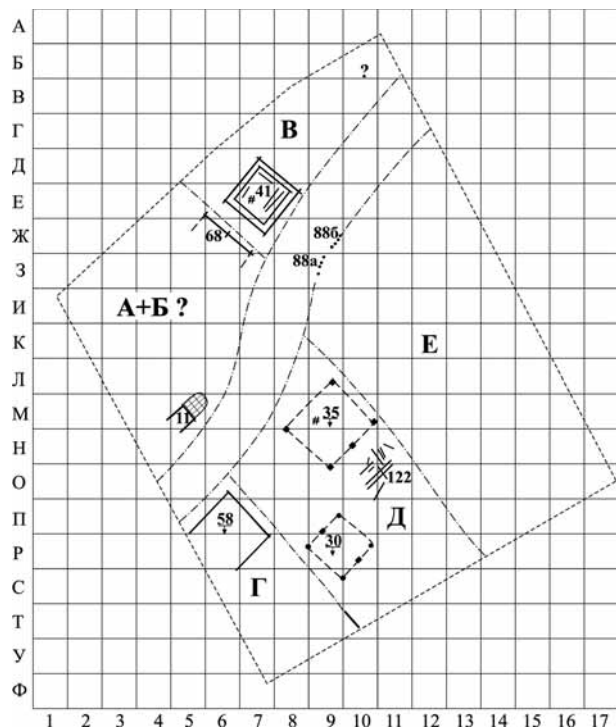

Рис. 22. Горизонт 18. Ярусы АБВ18/Г3/Д4/Е4.
2-я пол. – кон. XV в.

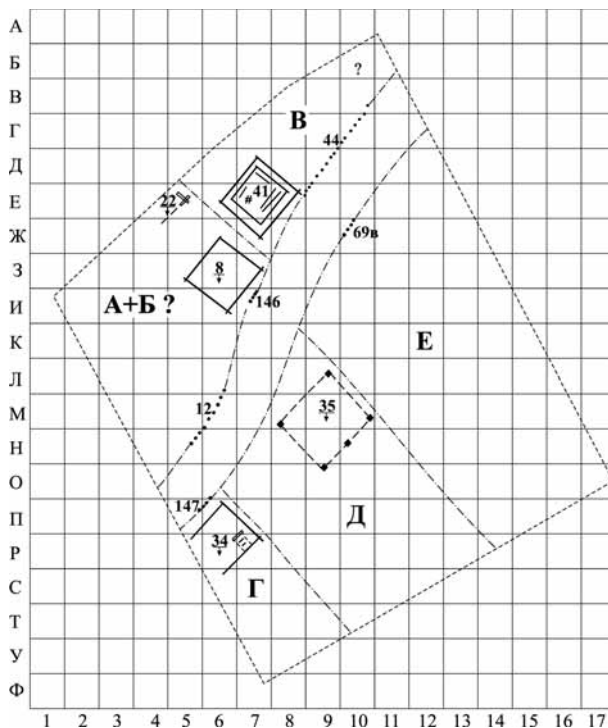

Рис. 23. Горизонт 19. Ярусы АБВ19/Г4/Д5/Е5.
2-я пол. – кон. XV в.

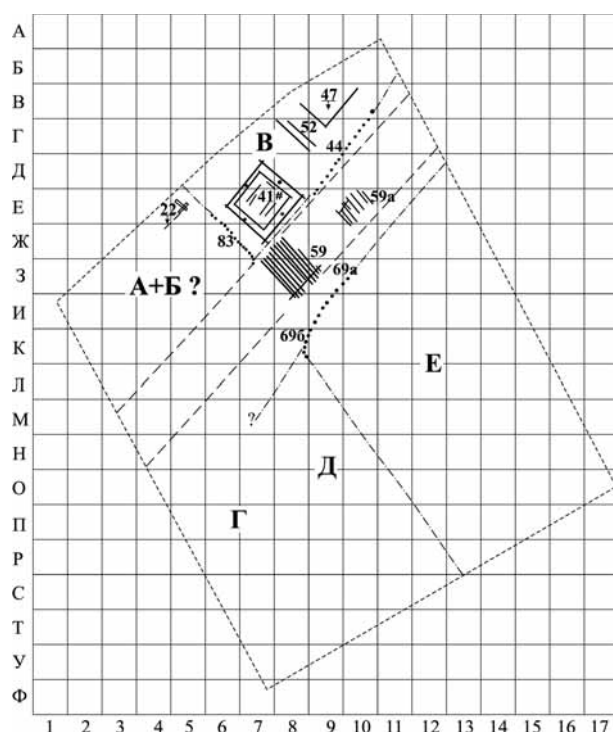

Рис. 24. Горизонт 20. Ярусы АБВ20/Е6.
Кон. XV – нач. XVI в.

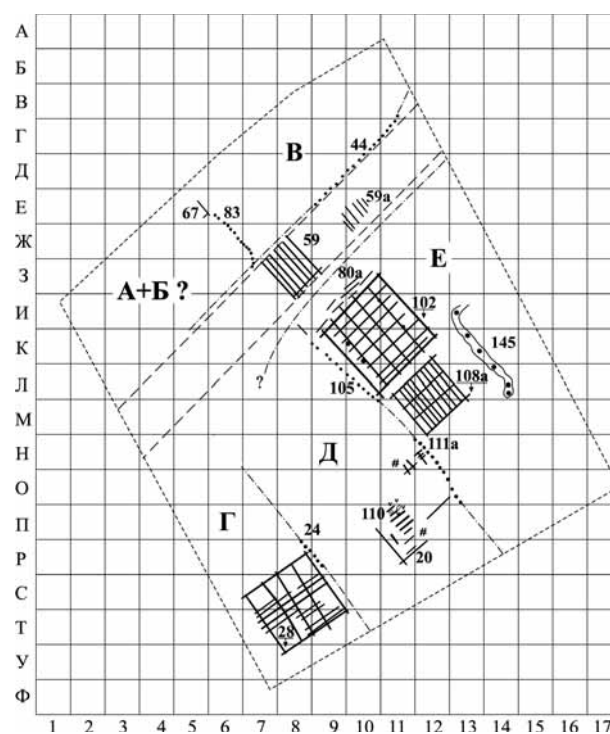

Рис. 25. Горизонт 21. Ярусы АБВ20а/Г5/Д6/Е7.
1-я четв. XVI в.

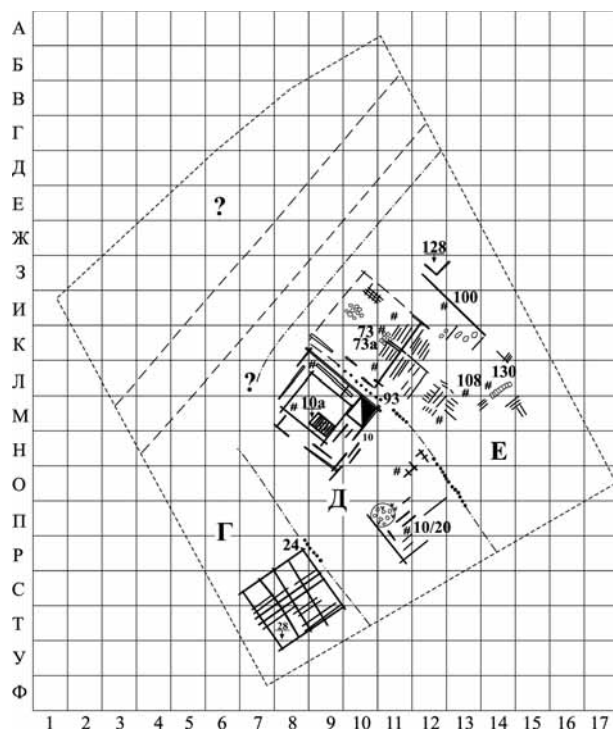

Рис. 26. Горизонт 22. Ярусы Г5/Д7/Е8.
1-я пол. (1-я четв.) XVI в.

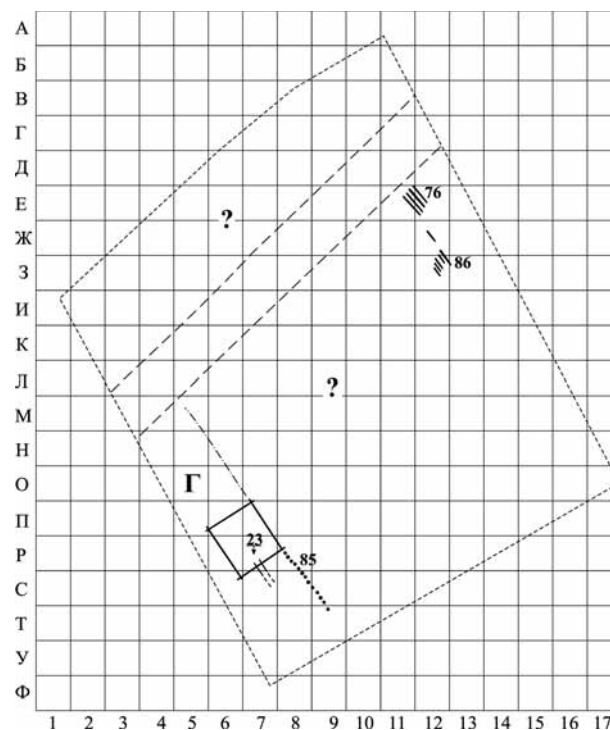

Рис. 27. Горизонт 23. Ярусы Г6/Д8/Е9.
1-я пол. XVI в.

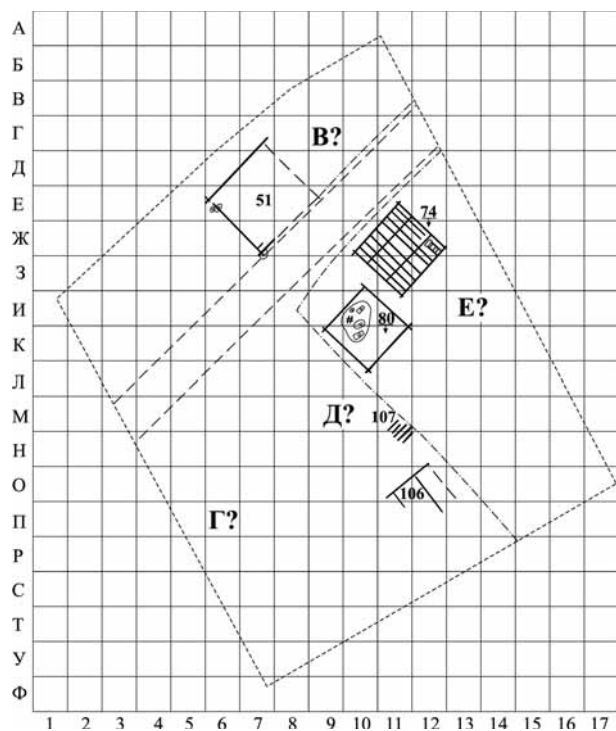

Рис. 28. Горизонт 24. Ярусы АБВ21/Д9/Е10.
2-я пол. XVI в.

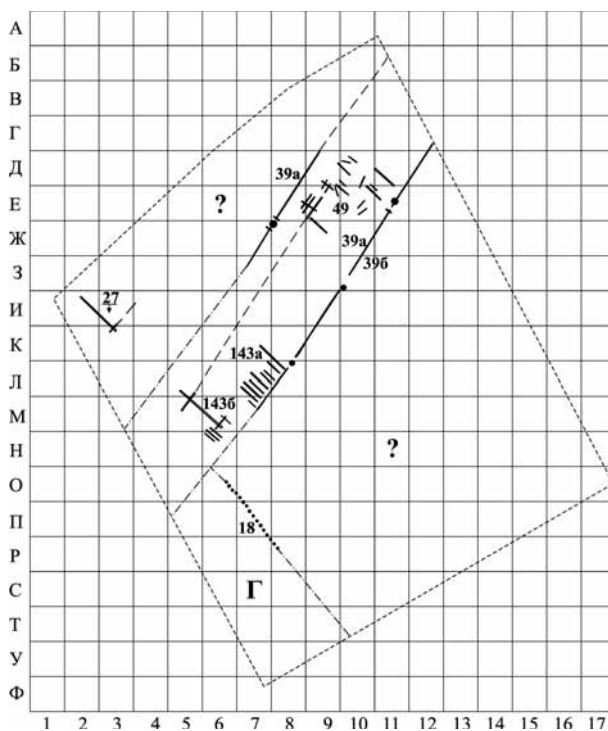

Рис. 29. Горизонт 25. Ярусы АБВ22/Г7/Д10/Е11.
2-я пол. (последняя четв.?) XVI в.

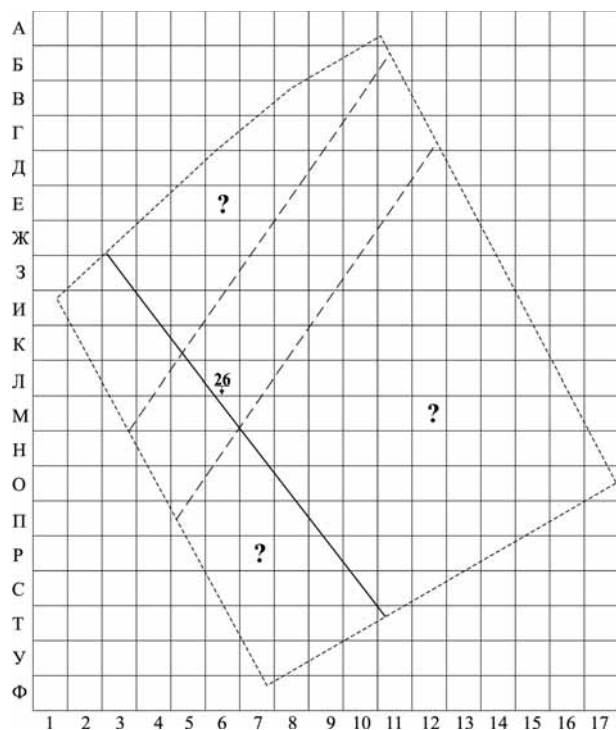

Рис. 30. Горизонт 26. Ярусы АБВ23/Г8/Д11/Е12.
2-я пол. (последняя четв.?) XVI в.

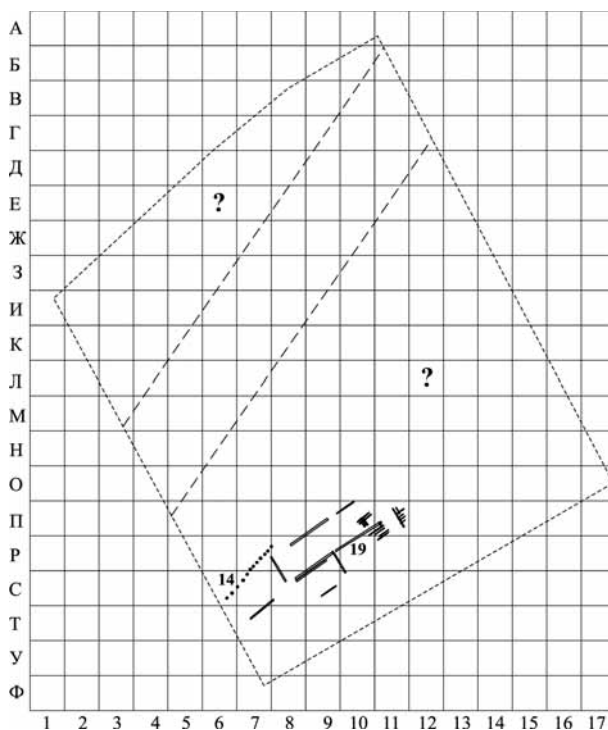

Рис. 31. Горизонт 27. Ярусы Г9/Д12.
2-я пол. (последняя четв.?) XVI в.

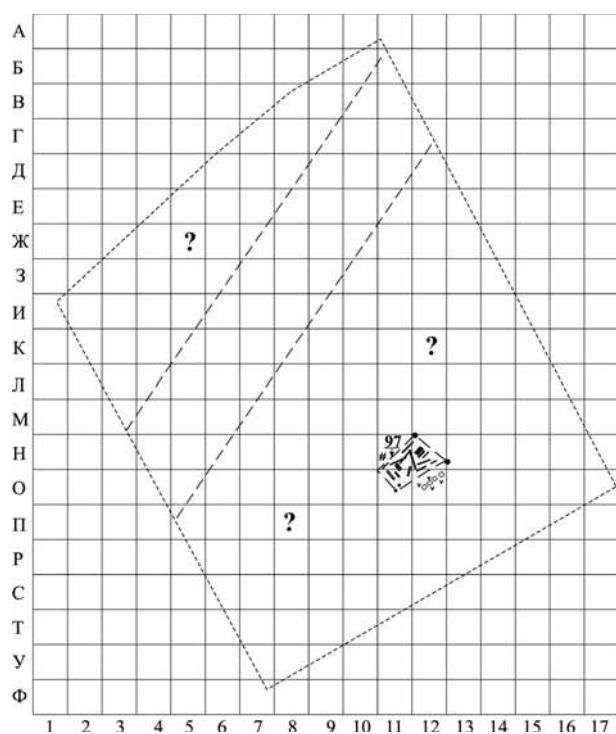

Рис. 32. Горизонт 28. Ярус Д13.
2-я пол. (последняя четв.?) XVI в.

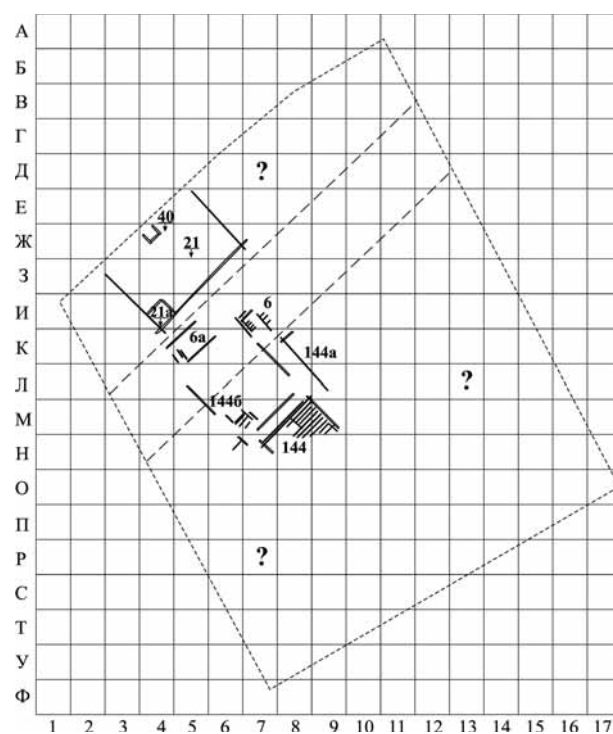

Рис. 33. Горизонт 29. Ярусы АБВ24/Д14.
Кон. XVI в.(?).

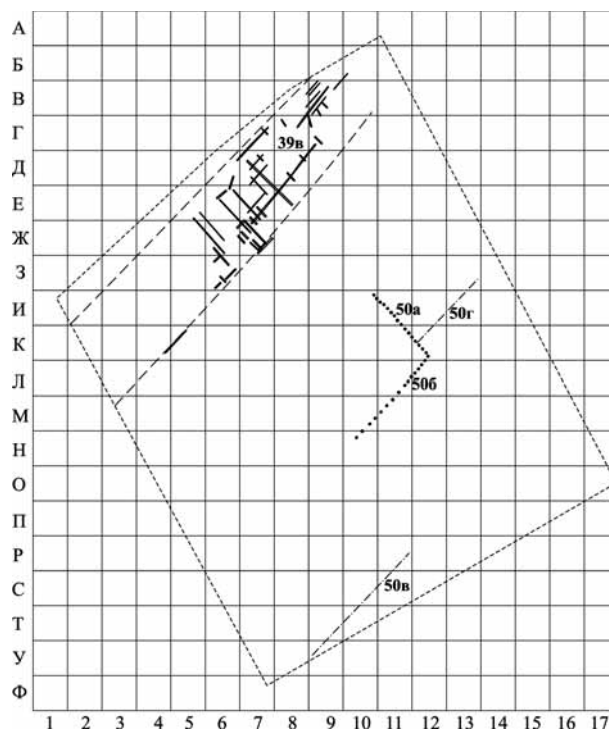

Рис. 34. Горизонт 30. Ярусы АБВ25/Г10/Д15/Е13.
Кон. XVI – нач. XVII в.

Литература

Бартенев С. П., 1910. Кремль московский. Историческая схема // Электронный ресурс: <http://www.retromap.ru/mapster>. Сайт: Retromap (Старые карты городов России).

Голубцов И. А., 1952. Кремль в конце царствования Бориса Годунова к 1605 году. Схематический план // История Москвы. Т. I. Приложение. М.–Л.

Панова Т. Д., 2011. Раскопки 1959–1960 гг. в Московском Кремле. Открытия, сделанные спустя пол-

века // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2. Псков.

ПСРЛ, 1910. Т. XXIII. Еромолинская летопись. М.

ПСРЛ, 2004. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.

ПСРЛ, 2005. Т. XX. Львовская летопись. М.

Сыщиков А. Д., 2006. Лексика крестьянского деревянного строительства. Материалы к словарю. СПб.

G. E. Dubrovin, V. Y. Koval

The estate development of the territory of excavation site 1 in Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin

Summary

The article is devoted to the analysis of building development of the territory Excavation site 1 in Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin from the second half of the 13th to the early 17th centuries. In this place it was studied 6 medieval estates, as well as the street and the lane. The last two had directions to the Church of saints Constantine and Helena (and the Constantine and Helena gates of the Kremlin), as well as the Kremlin Hill respectively. As a result of the use of local estates

construction levels scales with a further comparison between the overall, development of the investigated territory is presented in the form of the 30 construction horizons. Simultaneously, an attempt was made to correlate some replanning of estates and rerouting of the transport routes (street and lane) with individual historical events, known from written sources or hypothetical too (the rebuilding of the Church of saints Constantine and Helena, construction of the Kremlin walls etc.).

В. Ю. Коваль

О местоположении Войницкого мыта

В средневековой Руси мытом назывался учрежденный государством пункт сбора торговых пошлин за проезд и провоз товаров. В письменных источниках¹ мыты упоминаются обычно в городах (назовем хотя бы Дубенский, Старицкий, Переяславль-Рязанский мыты), причем при въезде в них как на сухопутных дорогах, так и на речных путях. Однако мыты устраивались и в стороне от городов – в важных пунктах на границах владений княжеств либо у волоков. К числу последних относится предполагаемый (исходя из сохранившегося географического названия) мыт на месте села Мытищи в верховьях р. Яузы, в начале волока на Клязьму.

Однако имеются еще более загадочные по своему расположению мыты, в частности, Войницкий, который впервые упоминается в договорной грамоте (докончании) великого князя Московского Ивана III со своим братом удельным князем волоцким Борисом Василевичем, составленной 13 февраля 1473 г., где было записано буквально следующее: «А чем, брате, тебя благословил отец мой... да Волоком с волостями и с *мытом Воиническим* (курсив мой. – В. К.), что у Спаса на Выходне, Рузою с волостями по своей духовной грамоте...» (ДДГ. С. 226. № 69). Здесь не только впервые назван доселе неизвестный по письменным документам мыт Воинический, но и точно указано место его размещения – «у Спаса на Выходне». Из текста докончания следует, что мыт был передан князю Борису по завещанию его отца, великого князя Московского Василия II. Однако в известной духовной грамоте Василия II, да-

тированной 1461–1462 гг. (но не позднее 5 марта 1462 г., дня его кончины), такой мыт не упоминается, хотя среди наследства, оставляемого Борису, перечислены «Волок с волостями, и с путми, и с селы, *и со всеми пошлинами*, да Рузу с волостями, и с путми, и с селы, *и с пошлинами*» (курсив мой. – В. К.) (ДДГ. С. 195. № 61). Можно, конечно, предполагать, что Воинический мыт входил в число тех «[всех] пошлин», которые тянули к Волоку или Рузе, однако обычно в актовых документах мыты указывались отдельно от «пошлин», а это позволяет допускать и иной вариант пожалования, когда Воинический мыт стал дополнением к наделению по духовной грамоте. Но, как бы там ни было, очевидно, что Иван III признавал данное владение как отчину своего брата.

В следующий раз этот мыт упоминается в духовной грамоте Бориса Васильевича, составленной 14 октября 1477 г., в такой формулировке: «Да благословляю сына своего Федора отчиною, чем я благословил отец мой князь великой Василий Васильевич, Волоком с волостями и с путми и с селы и со всеми пошлинами и с мытом Воиническим, что у Спаса на Выходне» (ДДГ. С. 250. № 71). Здесь мы видим несколько иное написание названия мыта – Воиницкий – и новый вариант в перечислении пожалований Василия II: если в его духовной это «все пошлины», а в докончании 1473 г. один только Воинический мыт без «всех пошлин», то здесь мыт добавляется ко «всем пошлинам». Кроме того, поскольку Руза «с волостями» была завещана младшему сыну Бориса Ивану, очевидно, что Воиницкий мыт не тянул к Рузе.

¹ Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность д.и.н. В. А. Кучкину (ИРИ РАН) за критические замечания в адрес данной работы и чрезвычайно полезные консультации.

Отличие духовной грамоты Бориса Васильевича от духовной его отца в части перечисления передаваемых по наследству владений снова наводит на мысль, что Войницкий мыт был передан Борису отцом уже после написания его духовной, как отдельное пожалование. Если же это так, то мыт мог быть вовсе не связан с Волоком Ламским (как первоначальным пожалованием), а был передан Борису как дополнительный источник денежного дохода, вероятно, весьма существенного по размерам.

Новое упоминание Войницкого мыта мы видим в черновом списке договорной грамоты (докончания) великого князя Московского Ивана III с Борисом Васильевичем, составленном 2 февраля 1481 г. Здесь среди пожалований Борису со стороны их отца, Василия II, упоминаются только Руза с волостями, «Волок с волостми и с мытом Войничским» (ДДГ. С. 269. № 73), а «все пошлины» снова (как и в докончании 1473 г.) исчезают. Интересно, что в беловых списках докончания не упоминаются уже не только «пошлины», но и Войничский мыт (ДДГ. С. 272, 274). Но если «все пошлины» могли ассоциироваться с владением Волоком и его волостями, то исчезновения из белого списка грамоты мыта могло означать либо попытку изъять его из владений удельного князя, либо ошибку переписчика. Последнее наименее вероятно при том особом внимании, которое проявлялось при составлении договоров, однако ошибку нельзя исключать полностью, поскольку в духовной грамоте Федора Борисовича (старшего сына Бориса Васильевича, ставшего волоцким князем в 1494 г., после смерти отца), написанной в 1506 г., Войницкий мыт снова упоминался как волоцкое владение, которое Федор Борисович хотел завещать сыну, если тот у него родится (ДДГ. С. 408. № 98). Следовательно, либо рассматриваемый мыт не уходил из рук волоцких князей, либо, если состоялось его изъятие великим князем по договору 1481 г., до 1494 г. (когда Борис Васильевич умер) он был снова возвращен ему и передан далее по наследству.

Упоминание Войницкого мыта в 1506 г. стало последним. Таким образом, он фигурировал в письменных источниках всего 33 года – с 1473 по 1506 г. В более поздних документах сведений о Войницком мыте нет, не сохранилось это наименование и в каких-либо современных топонимах.

Относительно того, где мог размещаться Войницкий мыт, имеются две гипотезы. Первая была высказана И. Е. Забелиным, помещавшим его в соответствии с указанием вышеперечисленных

источников где-то рядом с монастырем Спаса на Выходе (Забелин, 1905. С. 16). Правда, сами эти источники И. Е. Забелин не упомянул, но, судя по всему, был хорошо знаком с ними (впервые они были опубликованы еще в 1813 г. в Собрании государственных грамот и договоров). С локализацией, предложенной Забелиным, категорически не соглашался С. Б. Веселовский, локализовавший Войницкий мыт в селе Спасском Волоколамского уезда, причем он был убежден, что этот мыт находился непосредственно на территории волости Войнич, а И. Е. Забелина упрекал в некорректном «передвижении» сей волости из-под Волоколамска к Москве (Веселовский, 1969. С. 280). Однако для такого упрека не было оснований, поскольку И. Е. Забелин писал о месте размещения мыта, а не волости, предполагая, что мыт принадлежал «городу Волоку Ламскому, тамошней (курсив мой. – В. К.) волости Войнич» (Забелин, 1905. С. 16). То есть он считал, что волость Войнич располагалась где-то там, вблизи Волока, а Войницкий мыт был отнесен на удаленное расстояние от нее. В то же время, в письменных источниках нет никаких данных о размещении мыта в селе Спасском (современное село Спасс к югу от Волоколамска – рис. 1), которое к тому же, как будет показано ниже, ни имело никакого отношения к волости Войнич. Никак не могло быть связано это село и с существовавшей в нем Спасской церковью, со Выходной (Сходней), так что И. Е. Забелин был совершенно прав, помещая Войницкий мыт вблизи устья этой речки, независимо от правильности его представлений о ее использовании для торгового судоходства и наличии по ней пути на Клязьму.

Упоминания Войницкого мыта во владении удельных волоцких князей во второй половине XV в. показалось И. Е. Забелину достаточным, чтобы сделать ретроспекцию существования этого пункта сбора пошлин в более ранние эпохи, а вслед за тем и далекоидущий вывод о древнейших (т. е. уходящих гораздо раньше XV в.) связях «Москворецкой Выходы с торговою Новгородскою дорогою Ламскаго Волока» (Забелин, 1905. С. 16), выходящей на Клязьму, а оттуда на Оку и Волгу. Никаких доказательств этой версии знатком московских древностей представлено не было, а единственная ссылка в тексте касалась составленной в 1390 г. договорной грамоты великого князя Московского Василия Дмитриевича со своим двоюродным дядей, удельным князем боровским и серпуховским Владимиром Андреевичем Храбрым. Согласно этому документу, великий

князь передавал ему во владение Ржеву и «Волок с волостями, а волости Издетемле да Воиничи» (СГГД. С. 63. № 55; ДДГ. С. 37. № 13). Явное сходство названий волости Войнич (в конце XIV в.) и Воиницкого мыта (во второй половине XV в.) виделось И. Е. Забелину не случайным, но в чем конкретно могла состоять связь между двумя этими владениями, показано им не было. Однако авторитет первого историка Москвы столь велик, что его идея продолжает жить до сих пор, и в некоторых современных работах связь Войницкого мыта с волоцкой волостью Войнич констатируется уже без каких-либо доказательств (Чернов, 1998. С. 47).

Рассмотренные источники ставят сразу несколько взаимосвязанных проблем:

– Имеются ли в источниках данные о существовании какой-либо связи между волостью Войнич и Войницким мытом, помимо очевидного сходства их названий?

– Где конкретно размещались «Спас на Выходе» и помещаемый источниками рядом с ним Войницкий мыт?

– Действительно ли Войницкий мыт маркирует новгородские владения в ближайшей округе древней Москвы и как они там могли появиться?

Рассмотрение этих вопросов будем проводить именно в той последовательности, как они перечислены. Поэтому прежде всего следует сказать, что ни в одном из рассмотренных источников Войницкий мыт прямо ничем не связан с волостью Войнич, упоминавшейся в числе владений волоцких князей вплоть до 1506 г. и сохранявшейся как административная единица до XVII в. Как теперь установлено, волость Войнич размещалась в долине реки Маглуши (притока р. Малой Истры), к северо-западу от г. Истры (Лелецкий, 2001. С. 10–17)². От местности на берегах р. Москвы, где предполагается Войницкий мыт, эта территория отдалена по прямой на 40 км, а по речным дорогам – на 60 км. Правда, расстояние от Войничей до Волоколамска еще больше – около 60 км по прямой (рис. 1). Не вполне понятно, когда эта удаленная от Волока волость попала ему в подчинение, но, поскольку она фигурировала в договоре 1390 г., очевидно, что к этому времени такое подчинение уже состоялось. В. А. Кучкин предполагает, что Войнич могли входить в великокняжескую часть волоцких земель (Кучкин, 2005. С. 52), но эти владения также

формировались продолжительное время – на протяжении XIII–XIV вв., так что история подчинения данной волости Волоку остается неясной. Впоследствии волость Войнич сохранялась в составе волоцких земель и в 1492 г. (когда она принадлежала Борису Васильевичу), согласно жалованной грамоте митрополита Зосимы, административно входила именно в Волоцкий уезд. Имеются еще два свидетельства 1512 г., подтверждающие такое же подчинение волости, однако в 1530-х годах она уже относилась к Рузскому уезду (Лелецкий, 2001. С. 14). Подчинение Рузе в данном случае не имеет большого значения, поскольку зафиксировано для того времени, когда Волок уже навсегда потерял свой особый статус, а его земли были полностью включены в великокняжеские и могли передаваться в другие уезды. Для определения подчиненности Войничей в более раннее время важно, что Руза и тянувшие к ней волости в 1494 г. были выделены Борисом Васильевичем из состава волоцких земель младшему сыну Ивану³, а тот перед своей смертью в 1503 г. отдал их по духовной грамоте великому князю Ивану III. Но раз тремя годами позже (в 1506 г.) Федор Борисович распоряжался в своей собственной духовной грамоте волостью Войнич, то, значит, она не входила в состав тянувших к Рузе земель и оставалась в его владении.

Однако то, что и Войнич, и Войницкий мыт тянули к Волоколамску, еще не доказывает, что между ними могла быть какая-то экономическая или глубокая историческая связь. Во всяком случае, даже в тех документах, где упоминаются оба эти владения, они никогда не стоят рядом или в каком бы то ни было положении соподчинения. Напротив, духовная грамота Федора Борисовича 1506 г. показывает совершенно иное: согласно ей, Войницкий мыт должен был достаться сыну князя Федора, если таковой у него родится, а вот волость Войнич предназначалась его возможной будущей дочери (ДДГ. С. 408. № 98). Вероятно, в 1506 г., когда составлялась эта духовная грамота, Федор Борисович имел основания опасаться смерти (например, серьезно болел), в то время как его жена, вероятно, ожидала ребенка. Поскольку не было известно, кто именно родится и даже сколько детей, один или два, могут появиться на свет, волоцкий князь пытался предусмотреть в своем завещании все возможные варианты. Поэтому разделение волости Войнич

² По мнению С. З. Чернова, волость Войнич размещалась к юго-западу от Волока (Чернов, 1994. С. 51), однако эта локализация подвергнута критике (Лелецкий, 2001. С. 13), с которой трудно не согласиться. Сомнительно было бы предполагать и существование в непосредственной близости друг от друга двух волостей с одинаковыми названиями.

³ Тем самым было образовано Рузское княжество, просуществовавшее с 1494 по 1503 г.

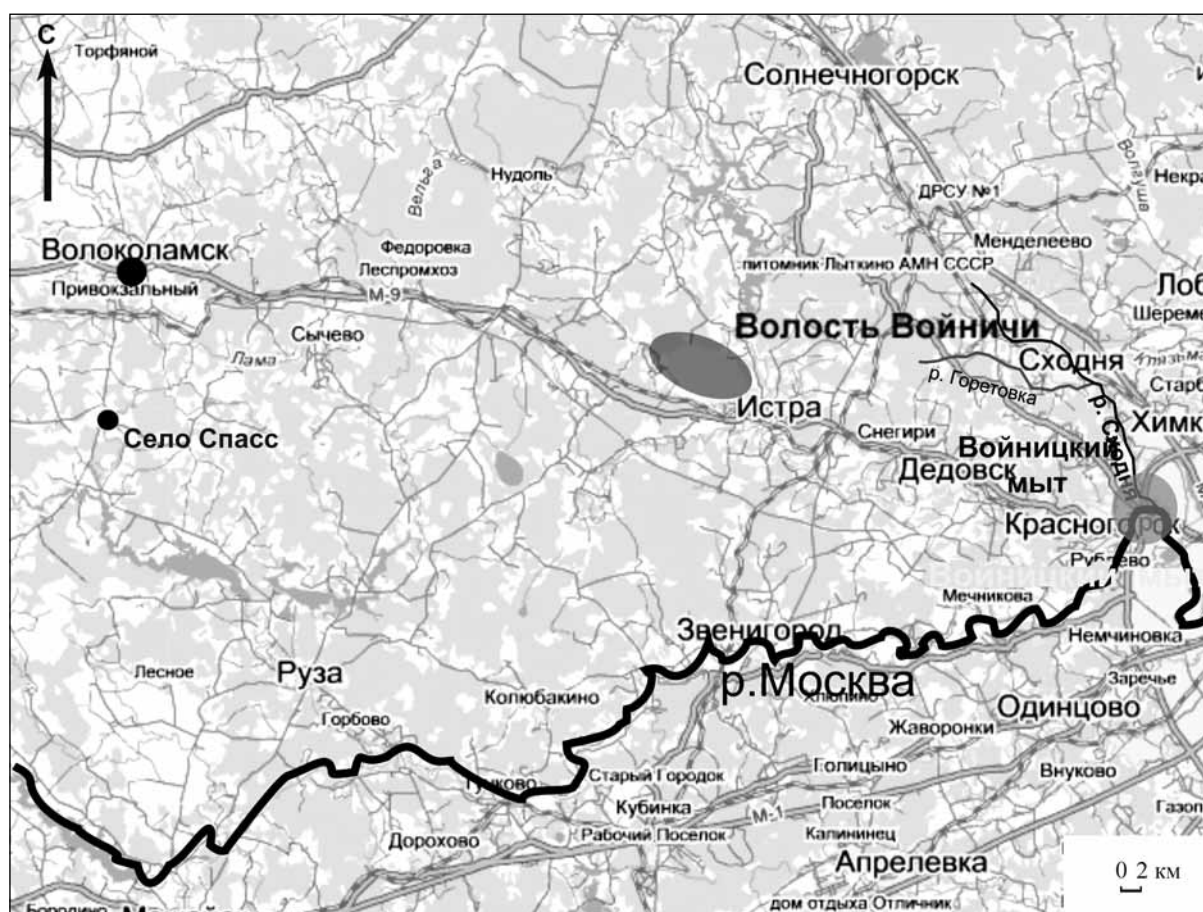

Рис. 1. Карта северо-западного Подмосквья с размещением пунктов, упоминаемых в статье

и Войницкого мыта между предполагаемыми наследниками лишний раз свидетельствует об отсутствии какой-либо ясно осознаваемой или сохраняемой связи между этими владениями.

В заключение этой части исследования следует обратить внимание на то, что в волости Войнич к середине XVI в. отсутствовал соименный населенный пункт – ее центром был «Погост на цареве и великого князя земле на речке на Мологощи, а на погосте церковь Рождество Христово» («Рузский уезд...», 1997. С. 166; *Лелецкий*, 2001. С. 15). Однако как назывался этот Рождественский погост в более раннее время, неизвестно. Нельзя исключать, что именно Войнич, отчего получила название и вся волость. Неизвестно, когда именно этот населенный пункт утратил свое древнее название, но это могло произойти только после исчезновения здесь светского населения.

Возвращаясь к договорной грамоте 1390 г. о передаче Волока и волости Войнич Владимиру Андреевичу, теперь можно однозначно утверждать, что, поскольку Войницкий мыт и волость Войнич не были связаны между собой в более позднее время, а в самой рассматриваемой грамоте мыт не упоминался вовсе, она никак не может свидетельствовать о возможности существования Войницкого мыта уже в то время, а значит, и служить основанием для любых предположений относительно чьих бы то ни было владений в районе устья р. Вскосни (Сходни). Как было показано В. А. Кучкиным, в ходе наделения Владимира Андреевича Волоком в руки удельного серпуховского князя попали, вероятно, только сам этот город, три примыкавших к нему городских стана и две наиболее удаленные от Волока волости – Издетемле на западе и Войнич на востоке (*Кучкин*, 2009. С. 52)⁴.

⁴ К тому же Волок и его волости недолго оставались во владении Владимира Андреевича – уже через 10 с небольшим лет, в 1402–1404 гг., Волок и Ржева были уступлены великому князю по докончанию, а взамен получены Городец, Углич с волостями и иные владения (*Кучкин*, 2009. С. 390–404). Таким образом, волоцкие владения, какими бы они ни были, ушли из рук великого князя в 1390 г. ненадолго.

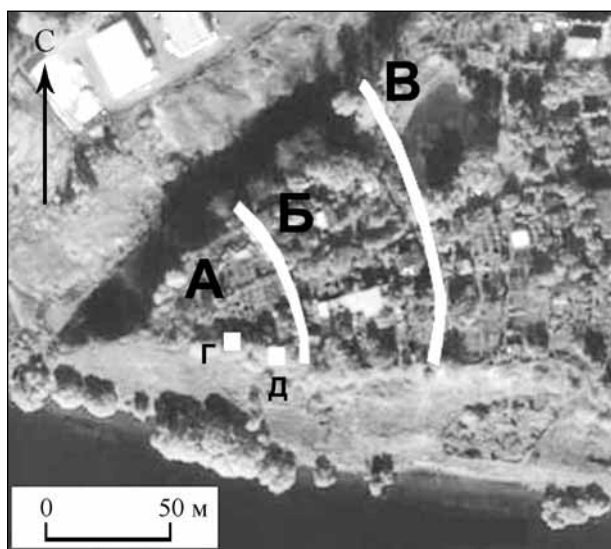
Рис. 2. Карта Ф. Ф. Шуберта 1848 г. с указанием местоположения Спасского монастыря и окрестных поселений

Совершенно очевидно, что из волоцких великокняжеских земель в удельное владение была выделена лишь некоторая часть. Делать отсюда какие-либо выводы о такой же передаче прав на иные владения и пошлыны нет ни малейших оснований.

Итак, Войницкий мыт, территориально сильно удаленный от волости Войнич, не имел к ней прямого отношения, однако мысль И. Е. Забелина о его связи с волоцкими (и шире – новгородскими) владениями представляется все же допустимой. Эту идею развил С. З. Чернов, объясняющий владение Волока Новгородом и новгородское присутствие в долине р. Москвы тем, что до 1130-х годов эти земли еще не подчинялись ростово-суздальским князьям и осваивались новгородцами (Чернов, 2003. С. 18; Чернов, Волков, 2009. С. 549, 571). Действительно, такое развитие событий представляется вполне вероятным, поэтому не может вызывать отторжения и мысль о возможности появления опорного пункта новгородцев (или волочан) близ устья Всадни уже в ту далекую эпоху. Однако является ли «новгородский» вариант появления предшественника Войницкого мыта тремя столетиями ранее его первого письменного упоминания единственно возможным? Мы еще вернемся к этому вопросу, но сначала необходимо установить то конкретное место, где мог размещаться Войницкий мыт, по крайней мере, во второй половине XV и начале XVI в., т. е. в тот период, когда он упоминается источниками.

Монастырь Спаса на Всадне является единственной надежной топографической привязкой для локализации Войницкого мыта. Это хорошо известный всем историкам Москвы Спасо-Преображенский монастырь, основанный боярским родом Квашниных на территории своей вотчины, на высоком левом берегу р. Москвы, в 2 км к западу от устья р. Сходни⁵, благополучно просуществовавший до XIX в. (рис. 2). Спасский монастырь впервые упоминается в одинаковых записях, сохранившихся в нескольких летописях (Симеоновской, Новгородской IV, Рогожском летописце) под 6898 (1390) г.: «Тое же весны в великое говение преставися раб божий Иван Родионович... и положен бысть у святого Спаса в монастыри, иже на Всадне» (ПСРЛ, 1913. С. 140; 1922. Стб. 158; 1925. С. 488). Иван Родионович Квашня – один из первых и самых знаменитых представителей рода Квашниных, виднейший боярин великого князя Дмитрия Донского, герой Куликовской битвы (Карамзин, 1993. С. 315. Прим. 254; Юшко, 2002. С. 149). По общему мнению историков, Спасский монастырь был основан Иваном Родионовичем, являлся частновладельческим и оставался родовой усыпальницей Квашниных на протяжении XV–XVI вв., пока не был передан Троице-Сергиеву монастырю по данной грамоте княгини Телятевской в 1570 г. (Веселовский, 1969. С. 281).

⁵ Указание на размещение Спасского монастыря «на Всадне» не должно порождать сомнений: хотя он и стоял на берегу р. Москвы, но устье р. Всадни (совр. Сходня) размещалось рядом, а русло этой реки проходило почти параллельно течению Москвы-реки в 1,5 км от монастыря, т. е. он стоял практически на «полуострове», омываемом Москвой и Всадней.

Рис. 3. Городище Спас-Тушино-1 и Спасский монастырь. Космоснимок

- А – площадка городища раннего железного века;
 Б – предполагаемая линия валов городища; В – линия
 каменной ограды Спасского монастыря в XVI в.;
 Г – местоположение Спасо-Преображенского собора;
 Д – местоположение храма Андрея Стратилата

За исключением первого летописного сообщения о монастыре под 1390 г.⁶, имеются также документальные свидетельства второй половины XVI в. (недатированная писцовая книга земель Троице-Сергиева монастыря и писцовая книга поместных и вотчинных земель в Московском уезде 1584–1586 гг.), из которых видно, что в монастыре в это время существовали две каменные церкви – Спасо-Преображенский собор и храм Андрея Стратилата (Баталов, 1995. С. 141–145). Первый не пережил XVII в. (причем не сохранилось ни его изображений, ни планов), а второй был разобран к 1890 г. (рис. 3; 4). Следы фундаментов обоих храмов и разрушаемые оползнями погребения монастырского кладбища археологически зафиксированы в ходе исследований в 1950–1970-х г. в береговом обрыве непосредственно на площадке Первого Спас-Тушинского городища дьяковской эпохи, проводившихся А. А. Юшко (2002. С. 154–156) и С. З. Черновым (2005. С. 447–451), которыми сделан подробный

историографический обзор письменных источников, архитектурных и археологических исследований, посвященных этому памятнику. Согласно их исследованиям, монастырь занимал площадку Первого Спас-Тушинского городища (около 3 тысяч кв. м), относившегося к эпохе раннего железного века и составлявшего около трети всей территории монастыря. Общая площадь монастыря достигала 8700 кв. м, располагаясь между двумя оврагами и прудом, на краю высокого коренного берега р. Москвы (рис. 3). Керамический материал с территории монастыря датирован XIV–XVII вв. К востоку от него в XVII–XVIII вв. располагалось примонастырское село, наследником которого стало село Спас-Тушино (XIX–XX вв.), его остатки сохранились до наших дней.

Относительно конкретного местоположения Войницкого мыта до сих пор имелась только одна гипотеза, высказанная С. З. Черновым, о его локализации на территории Первого Спас-Тушинского городища (Чернов, 1994. С. 65, 66; 1998. С. 47, 48; 2003. С. 18; 2005. С. 46, 47, 447). Аргументация при этом представлена не была, за исключением утверждения, что «поселение (видимо, укрепленное), возникшее здесь на месте дьяковского городища, датируется XII в.» (Чернов, 2003. С. 18, 19). Из этого выводился следующий тезис о том, что Войницкий мыт располагался на поселении, являвшемся центром целого района в устье р. Сходни, а недавно прозвучала мысль о Войницком мыте как центре Горетова стана⁷. Попытаемся лучше разобраться в этом сложном вопросе.

Прежде всего следует пояснить, что Войницкий мыт не являлся населенным пунктом, хотя он мог размещаться на территории какого-то поселения. Предположение о размещении древнерусского поселения с мытом на Первом Спас-Тушинском городище исходило, очевидно, из того, что пункт сбора пошлин логично было поставить в стратегически выгодном, господствующем над рекой месте, тем более что вал старого дьяковского городища годился в качестве основы для нового укрепления. Эти соображения особенно хорошо соответствуют ситуации XII в., когда внедрение любой администрации могло происходить в земле вятичей силовыми методами. Однако если на время отвлечься от во-

⁶ Наиболее близким по времени создания источником, отметившим это событие, был Рогожский летописец, доводивший изложение событий до 1412 г. и сохранившийся в списке первой половины XV в.

⁷ Доклад С. З. Чернова «Московские князья и материальное обеспечение элитных слоев общества в первой половине – середине XIV века» на второй международной научной конференции «Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй» (24–26. 06. 2009 г.). Интернет-ресурс: www.kreml.ru/ru/science/conferences/2009/power/thesis/Chernov/

Рис. 4. Храм Андрея Стратилата. Рисунок Д. П. Сухова. 1889 г.

проса о раннем возникновении мыта и обратиться к реалиям второй половины XV в., то окажется, что мыт должен был бы размещаться *на территории, занятой* (по меньшей мере с конца XIV в.) Спасским монастырем со всеми его постройками: собором, службами, домами причта. Понятно, что на этой крайне ограниченной территории (напомним, всего 8,7 тысяч кв. м, т.е. на участке размерами меньше 100×100 м) для размещения административно-фискального пункта, да еще и поселения, просто не остается свободного места.

Можно посмотреть на эту проблему и с иной точки зрения: что если некое поселение с административными функциями, на котором впоследствии был организован мыт, изначально (с XII в.) размещалось на территории Первого Спас-Тушинского городища, а Спасский монастырь, возникший лишь в конце XIV в., как бы внедрился на его площадку? Но такое предположение недопустимо уже хотя бы потому, что поселение с управленческими и фискальными функциями (не говорим уже о центре стана!) являлось важным опорным пунктом великокняжеской администрации, а монастырь находился на земле вотчины Квашниных. Один и тот же участок земли не мог одновременно находиться и в княжеском, и в частном владении. Тем более на нем не могли размещаться поселение

административного ранга и частновладельческий монастырь. Правда, можно предположить, что монастырь первоначально возник *рядом* с этим административным (укрепленным?) пунктом и занял его территорию только *после* того, как он перестал существовать, например, уже в XVI в. Однако в этом случае следует допустить, что первоначальный, еще деревянный, Спасо-Преображенский собор и весь Спасский монастырь размещались в XIV в. не на месте позднейшего каменного собора (внутри городища), а где-то за его пределами, и при строительстве нового каменного собора в первой половине XVI в. (Баталов, 1995. С. 143) его престол был перенесен на новое место. Но известно, что на Руси всегда старались возобновлять храмы на их первоначальном месте и перенос престолов производился лишь в исключительных случаях. Обычно такие случаи оставляют память как в источниках, так и в топонимике (например, монастырь мог получить эпитет «новый»), чего в данном случае не наблюдается. Какой же случай мог вызвать перенос собора, в котором (или у которого) покоился основатель рода Квашниных Иван Родионович и, вероятно, все его дети и внуки, останки которых тоже пришлось бы тогда переносить на новое место? Вряд ли это была эрозия берега, заставившая разобрать в 1890 г. храм Андрея

Стратилата, поскольку если бы она началась уже в то давнее время, новые места для храмов выбирали бы не у самого берегового обрыва, а где-нибудь подальше от опасного края. Вряд ли также причиной переноса собора могло быть банальное желание захватить «освободившееся» место на возвышенности: древние традиции значили для монастырской жизни гораздо больше. Другие же причины для переноса храма и всего монастыря подыскать трудно. В целом любые мысли о переносе храмов Спасо-Преображенского монастыря в XVI в. кажутся надуманными, чтобы обсуждать их всерьез.

Мало того, если поселение с мытом (и тем более центр Горетова стана) размещалось на месте Первого Спас-Тушинского городища, надо допустить, что Иван Калита или Дмитрий Донской сознательно передали в руки своих бояр все земли, окружающие этот важный административно-фискальный пункт, оставив для него только крошечный кусочек земли на древнем городище. Тем самым великий князь обрекал бы этот административный пункт на массу проблем, прежде всего из-за отсутствия у него земли для ведения сельского хозяйства, без чего не могло быть обеспечено автономное снабжение продуктами питания, дровами для отопления, подъездными путями и т.п. Даже если допустить, что непосредственно к западу и югу от этого места лежали уже великокняжеские земли (от них городище было отделено глубоким оврагом и р. Москвой), примыкание к нему владений Квашниных создавало искусственные трудности в жизни этого предполагаемого поселения. Что могло помешать великому князю оставить за собой все побережье р. Москвы, если здесь размещался важный административный пункт? Не похоже, что подобная неадекватность была свойственна московским князьям XIV в.

Остается рассмотреть еще одну, последнюю, умозрительную гипотезу о передаче великим князем поселения с мытом (или без мыта) на площадке Первого Спас-Тушинского городища своему вассалу одновременно с передачей вотчины на Восток. Поскольку трудно допустить, что Войницкий мыт был основан в XIV–XV вв. на землях Квашниных и лишь впоследствии стал великокняжеским и передан в волоцкий удел, остается думать, что он уже давно существовал здесь ранее и был передан еще в XIV в. великим князем либо прямо в ведение Квашниным, либо Спасо-Преображенскому монастырю. Однако сама мысль о подобном наделении вассала (или частновладельческого монастыря) государственными доходами,

являющимися исключительной собственностью княжеской администрации, кажется более чем сомнительной, тем более что источники не дают примеров подобных наделений. Конечно, мыт мог быть дан в кормление, но не более чем одному конкретному лицу за особые заслуги и вряд ли более чем на срок его жизни, а впоследствии должен был быть возвращен князю. Но по письменным источникам не известно ни одного подобного случая, так что рассматривать данное предположение всерьез вряд ли возможно. Получается, что все попытки примирить размещение поселения (или даже просто мыта без поселения) на земле, отданной Квашниным, встречаются с таким количеством противоречий и допущений, граничащих с натяжками, что преодолевается критический предел доверия к таким построениям.

Мысль о размещении центра Горетова стана на поселении с Войницким мытом исходит также из интересной гипотезы о разделении земель этого стана на две половины, которые вначале принадлежали Москве и Новгороду, а после передачи новгородской половины Квашниным великокняжеские и владельческие земли сходились к точке размещения центра стана, т.е. к Первому Спас-Тушинскому городищу (Чернов, 2005. С. 342). Но сама эта гипотеза зиждется фактически только на одном-единственном допущении, что земли Квашниных принадлежали прежде Новгороду. Если же допустить иное – выделение вотчины Квашниных из собственно великокняжеских земель, то и оснований для последующих выводов не останется. Взвядский погост на Новгородчине, приводимый С.З. Черновым в качестве аналогии, находился в совладении Новгорода и великих владимирских князей в XIII–XV вв., т.е. относится к иному юридическому случаю – совладению двух разных суверенных государств. В Подмоскovie же имело бы место совладение суверена и вассала, а древнее совладение Москвы и Новгорода лишь предполагается, поскольку не подтверждено никакими источниками.

Итак, предположение о размещении Войницкого мыта на Первом Спас-Тушинском городище доказательно объяснить по имеющимся источникам не удается. Однако, может быть, имеются надежные археологические свидетельства такой локализации, перевешивающие все представленные рассуждения? Нет, не имеется и таких. Полномасштабных археологических раскопок ни на этом городище, ни на примыкающей к нему территории никогда не проводилось. Небольшие раскопки (28 кв. м) проводил тут только в 1959 г. краевед В.В. Косинский, исследовав-

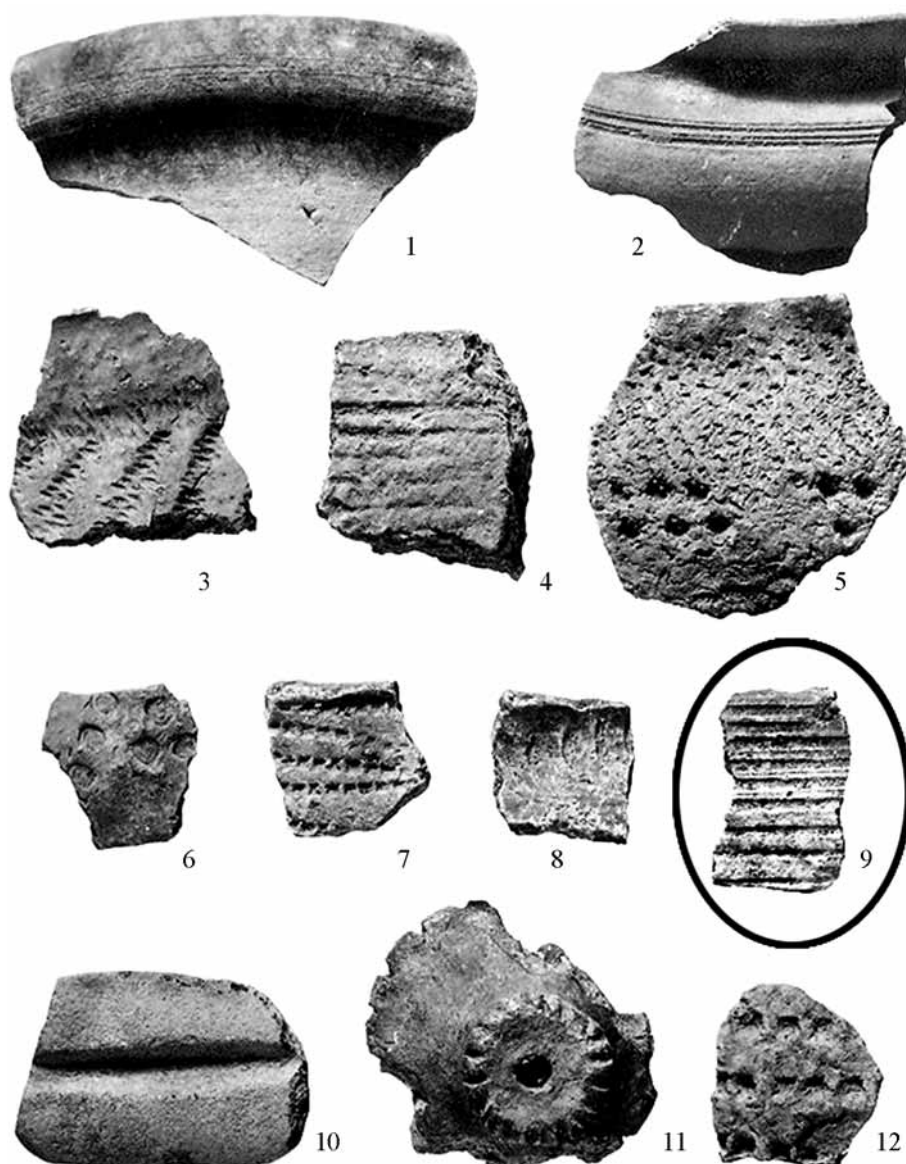

Рис. 5. Находки с площадки городища Спас-Тушино-1 (по: Косинский, 1959)

ший разрушавшийся береговой обрыв. Остальные археологи, от О.Н. Бадера в 1933 г. до С.З. Чернова и Н.А. Кренке в 1991 г. (Бадер, 1947. С. 117–119; Чернов, 2005. С. 445), ограничивались осмотром его площадки, сбором подъемного материала и иногда – зачистками обнажений. Причем все исследователи констатировали преобладание на площадке лепной керамики раннего железного века (рис. 5) и присутствие лишь относительно небольшого количества материалов эпохи Средневековья, причем самая ранняя керамика датирована А.А. Юшко не ра-

нее XIV в. (Юшко, 1979. С. 4; 2002. С. 155). Такая датировка, равно как и отсутствие большого количества бытовой керамики, вполне соотносятся с монастырем, основанным именно в это время, да и всем монастырским бытом. Правда, С.З. Чернов справедливо указал на один (!) обломок курганной керамики среди материалов раскопок В.В. Косинского (1959. Табл. 1. № 9; Чернов, 2005. С. 446). Однако одинокий обломок (рис. 5) никак не может свидетельствовать в пользу существования на этом месте значительно-го поселения⁸. Для поселения административного

⁸ Разумеется, в таблицы отчета попал не весь собранный на памятнике керамический материал, однако симптоматично, что к домонгольскому периоду относился лишь мелкий обломок стенки горшка, а не какие-то иные, более крупные образцы. Видимо, эта находка действительно репрезентативна и свидетельствует о единичности там подобной керамики.

ранга, тем более существовавшего с XII в., такая скудость материалов выглядит совершенно необъяснимой. На основании имеющихся материалов можно с большой осторожностью предполагать размещение только малодворного поселения.

Поскольку и археологические данные никак не свидетельствуют в пользу размещения на Первом Спас-Тушинском городище значительного поселения, существовавшего с XII в., остается отказаться от самой этой гипотезы, что позволяет сразу снять все недоуменные вопросы, возникавшие раньше. Если здесь не размещалось никакого административно-фискального пункта, то ничто не мешало московским князьям передать земли на левом берегу р. Москвы Квашниным, а последним – организовать на возвышенном участке этого побережья (на месте давно заброшенного дьяковского городища) частновладельческий монастырь.

Но где же тогда размещался Войницкий мыт «у Спаса на Востокне»? На левобережье Москвы-реки в радиусе 5 км от Спасо-Преображенского монастыря не известно никаких крупных сельских поселений, которые могли бы претендовать на роль административного пункта. Здесь известны только небольшие по площади селища и село Тушино, которое совершенно не исследовано археологически, а его название указывает скорее на XV в. как время его основания, поскольку прямо связано с прозвищем младшего сына Ивана Квашни Василия Туши. Правда, крупным поселением еще в домонгольскую пору могло быть само село Спас – на это указывают солидные размеры Спас-Тушинского курганного могильника. Однако это село не исследовано археологически и практически уничтожено современным строительством, неизвестно даже, где именно находилось его древнейшее ядро. Предположительно оно размещалось на сниженном участке берега р. Москвы, к востоку от монастыря. Но поскольку на территории, вошедшей в вотчину Квашниных, княжеский административный (или фискальный) пункт размещаться не мог, и это поселение не может рассматриваться как возможное место расположения Войницкого мыта.

Поэтому для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо рассмотреть памятники археологии в ближайших окрестностях монастыря, но размещающиеся на противоположном, правом, берегу реки. И обращение к этим памятникам немедленно позволяет отыскать место, удовлетворяющее всем требованиям искомого пункта. Это Мякининский комплекс памятников, включающий два крупных селища и курганный могильник, находящиеся строго напротив Спас-

ского монастыря (рис. 6). Все эти памятники были исследованы на широкой площади в 1994–2006 гг. и изучены практически полностью (раскопки проводились ЦАИ г. Москвы во главе с А. Г. Векслером и Подмосковной экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой).

Из двух упомянутых селищ одно (Мякинино-2) датировалось концом XII–XVI в. и размещалось всего в 500 м по прямой от монастыря, а другое (Мякинино-1), в 2 км от монастыря, возникло в середине XII в. и просуществовало до конца XV в. Мякининское 1 селище занимало не менее выгодную позицию для контроля за руслом Москвы-реки, чем Спас-Тушинское городище, – оно лежало на краю высокого коренного берега, откуда долина реки просматривается на несколько километров вверх и вниз по течению. На селище вскрыта площадь более 10 000 кв. м (Энговатова, Коваль, 2007; 2008), т. е. вся сохранившаяся площадка памятника, однако общая площадь этого поселения (с учетом поврежденных строительством участков и естественной эрозии берегового обрыва) могла достигать 40 000 кв. м. Сельские поселения такой большой площади вообще редки в Московечье, а Мякинино-1 не имеет себе равных на протяжении по меньшей мере 10 км в долине Москвы-реки, что уже само по себе свидетельствует о его особом статусе. На него указывают и другие признаки: остатки частокольных оград по контуру зоны застройки, а также вещи высокого социального и имущественного статуса (византийская каменная иконка, амулет-змеевик, крест-энколпион – рис. 7, 1–3) и обломки византийской амфоры (единственная находка на сельских поселениях Подмосковья) XII – середины XIII в., обломки дорогих золотоордынских глазурованных чаш и бронзового перстня с тамгой Джучидов XIV в. (рис. 7, 4), фрагмент уникального поливного сосуда с рельефными сюжетными изображениями (Коваль, 2008. Рис. 1–4) и железные оковы XV в. (рис. 7, 6). Все это свидетельствует о проживании на этом поселении весьма состоятельных лиц высокого социального статуса, которые могли выполнять административные функции. Находка железных оков для сельского поселения совершенно уникальна – она указывает на возможное содержание под стражей неких арестантов, что подразумевает реальное функционирование властных структур. Проживание именно на этом поселении уже в домонгольскую эпоху лиц высокого ранга подтверждается обнаруженным на примыкающем к селищу курганном могильнике захоронением мужчины с наборным поясом, украшенным литыми рельефными накладками из цвет-

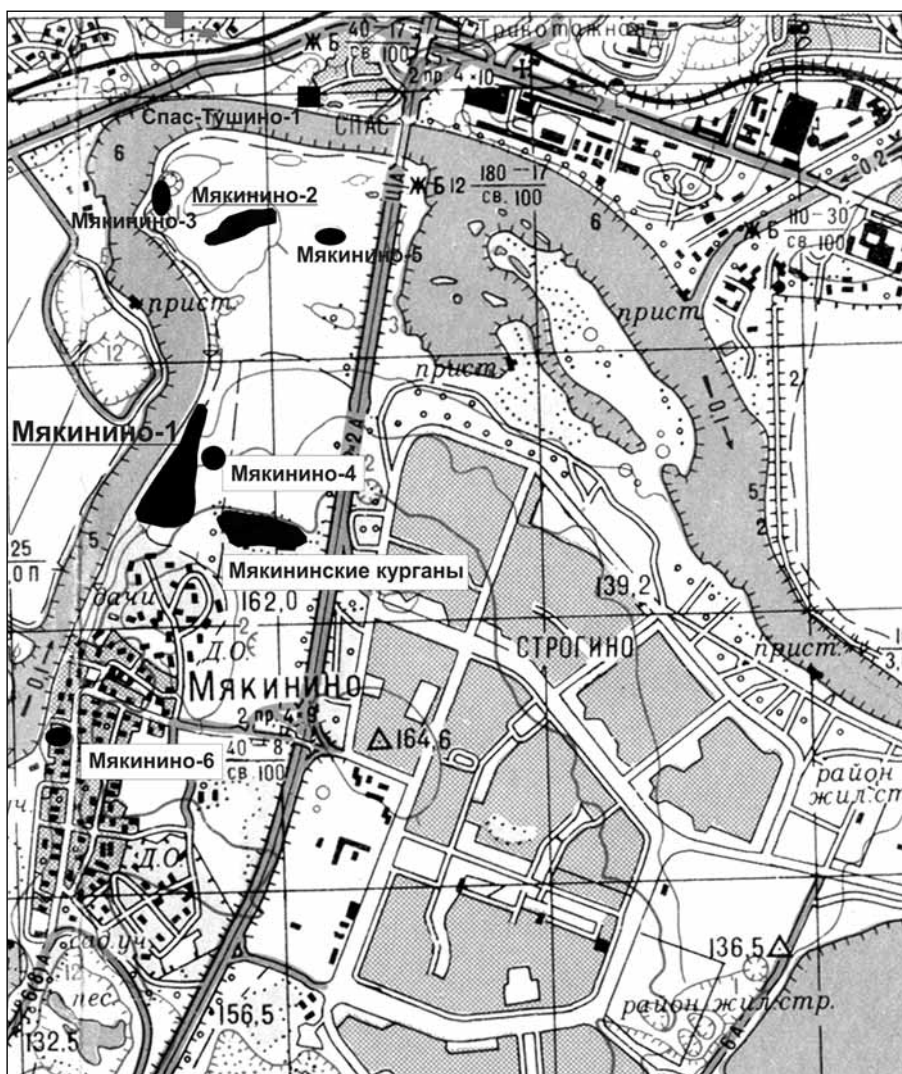

Рис. 6. Размещение памятников Мякининского археологического комплекса

ного металла (рис. 7, 5). Такие пояса были знаком принадлежности к военно-аристократической элите домонгольской эпохи и встречаются исключительно редко (для XII в. их известно всего несколько штук). В то же время здесь найдено всего две монеты XIV–XV вв., а это наводит на мысль, что в золотоордынскую эпоху данное поселение было уже мало втянуто в товарно-денежные отношения.

Селище Мякинино-2 было исследовано также на площади около 10 000 кв. м, причем была изучена почти вся его территория (общая площадь поселения вряд ли превышала 12–14 тысяч кв. м даже в период максимального расширения в XV–XVI вв.). В отличие от предыдущего памятника, оно размещалось на высокой пойме, в 100–200 м от берега р. Москвы. Это поселение возникло несколько позже – в конце XII в., но просуществовало дольше

первого – до начала XVII в. Для XIII в. здесь не обнаружено дорогих или статусных предметов, как на Мякинино-1, однако более поздний период (конец XIV–XVI в.) характеризуется многочисленными находками (более 50) монет этого периода, а также таких статусных вещей, как стеклянная гемма (Векслер, Лихтер, 2006. С. 113), которая могла использоваться как личная печать для скрепления документов (рис. 7, 7). Кроме того, здесь встречены разнообразные украшения (включая позолоченные) (рис. 7, 8), золотоордынская кашинная керамика, накладки от конской упряжи, другие предметы воинского снаряжения, наперсные кресты и энколпион (рис. 7, 9), московская поливная посуда. Такое исключительное богатство инвентаря свидетельствует о высоком имущественном и социальном статусе проживавших здесь людей.

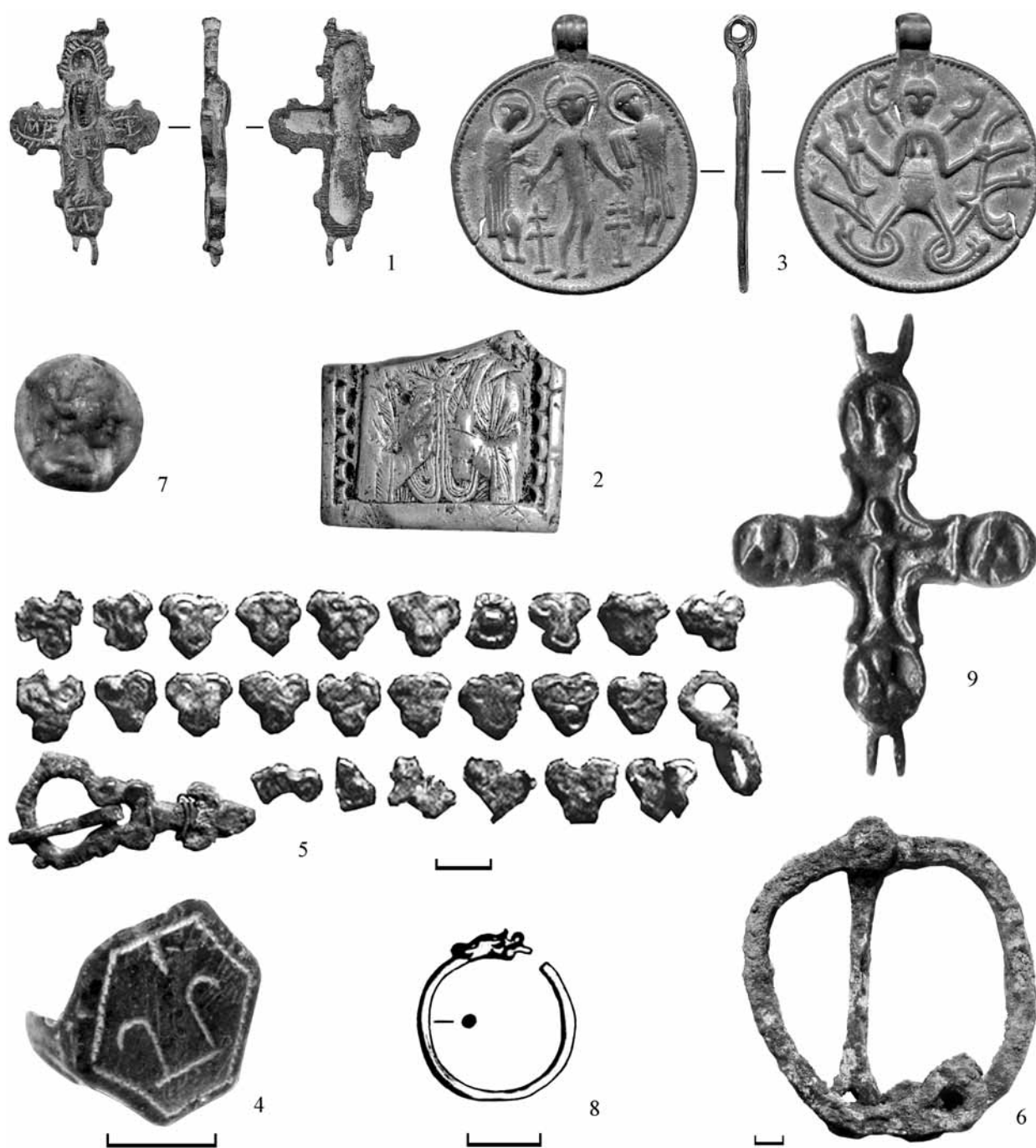

Рис. 7. Некоторые статусные находки с селищ Мякинино-1 (1–4, 6), Мякининского курганного могильника (5) и селища Мякинино-2 (7–9)

1, 9 – кресты-энколпионы; 2 – иконка; 3 – змеевик; 4 – перстень-печатка; 5 – поясной набор; 6 – оковы; 7 – гемма; 8 – височное кольцо (1, 3, 4, 5, 9 – медный сплав; 2 – стеатит; 6 – железо; 7 – стекло; 8 – цветной металл, позолота)

Проведение раскопок на иных крупных средневековых сельских поселениях в Москворечье показало, что, хотя по уровню экономического и социального развития они были близки друг другу, на них не встречаются предметы дальнего импорта и даже по количеству находок статусных вещей

среднего ранга (перстней с печатками, наперсных крестов и т.п.) они сильно уступали Мякининскому второму селищу для периода XV–XVI вв. В более же ранние периоды Мякининский комплекс не имеет себе равных в москворецкой долине от Звенигорода до Москвы.

Итак, Мякининские селища как по своему расположению (близ монастыря Спаса на Восточной), так и по явным свидетельствам присутствия на них властных структур в лице военно-служилой аристократии, в наибольшей степени соответствуют размещению Войницкого мыта. Впервые такая интерпретация была предложена А.В. Энговатовой в отчете о разведках, проведенных на Мякининской пойме в 2001 г., по отношению к селищу Мякинино-2 (Энговатова, 2001. С. 15). Последовавшие затем раскопки селища Мякинино-1 дают возможность скорректировать этот тезис. Если говорить о второй половине XV в., т.е. том времени, когда Войницкий мыт был зафиксирован письменными источниками, то в случае размещения этого фискального пункта на действующем поселении, единственным возможным местом для его локализации является селище Мякинино-2. Однако оба поселения данного комплекса, несомненно, связаны друг с другом, причем не только территориально. Это видно по тому, что по мере затухания жизни на одном из них (Мякинино-1) в XV в. происходило расширение застройки и интенсификация жизни на другом (Мякинино-2). В то же время даже в период сокращения интенсивности жизни на Мякинино-1 там находились представители власти, выполнявшие карательные функции, о чем свидетельствует находка оков XV века. А в XIV в. оба поселения были примерно равны по своему статусу (на обоих встречена импортная поливная керамика, дорогие импортные вещи).

Возможно, на начальном (домонгольском) этапе селище Мякинино-1 представляло собой крупное поселение, в котором размещалась администрация некоего территориального образования, в состав которого входило и близлежащее рядовое сельскохозяйственное поселение (возникшее в конце XII в.), остатками которого являлось селище Мякинино-2. В XIV в. оба селища динамично развивались, но к XV в. более древнее поселение оказалось полностью отстранено от экономической жизни, тогда как пойменное поселение, напротив, было втянуто в товарно-денежные отношения. В этой связи трудно представить, что Войницкий мыт, переданный волоцкому князю Василием II, был вновь учрежденной структурой, скорее он действительно имел длительную предысторию.

Имеются ли аналогии Мякининскому комплексу как контрольному и фискальному пункту, если говорить о раннем периоде его существования? Да, причем даже территориально весьма близкие. Речь идет о селище Болшево 3, исследованном С.З. Черновым на Клязьме. Это довольно круп-

ное (площадью около 1 га) неукрепленное поселение возникло, вероятно, еще в X в., а в XI–XII вв., судя по статусным вещам из культурных отложений, могло служить опорным пунктом, осуществлявшим контроль за волоком с Яузы на Клязьму и за всем клязьминским отрезком речного пути, ведущего с Москвы-реки на Оку и Волгу (Чернов, Волков, 2009. С. 571, 572). Судя по местоположению, основать такой пункт могла администрация Ростово-Суздальского княжества. В XII–XIII вв. это поселение, видимо, прекратило существование, но рядом с ним появилось новое (Болшево 2), существовавшее в XIV–XVI вв. (Чернов, Волков, 2009. Рис. 2), которое, к сожалению, археологически не изучалось и в значительной степени уже уничтожено. Тем не менее близость между двумя Болшевскими (XII–XVI вв.) и двумя Мякининскими селищами (XII–XVI вв.) прослеживается очень хорошо как по взаиморасположению, так и по хронологии. Наконец, нельзя не отметить того, что если Болшевские селища замыкали все пути, ведущие с Москвы-реки на Клязьму (по Сходне и Яузе), то Мякининские точно так же замыкали эти пути на р. Москве. Иначе говоря, эти два поселенческих комплекса полностью контролировали с двух противоположных сторон водно-волоковый путь с Москвы-реки на Клязьму и обратно.

Остается ответить на вопрос, почему Войницкий мыт назван именно так, если он не был прямо связан с волостью Войнич. Здесь возможны два варианта ответа. Первый позволяет допускать косвенную связь мыта с волостью, в том случае, если образование населенных пунктов (селищ Мякинино-1 и Мякинино-2) было связано с деятельностью выходцев из этой волости еще в XII в. Второй вариант предполагает независимое появление этого топонима, особенно если допускать основание названных поселений администрацией Ростово-Суздальского княжества. Это вариант представляется более реальным, если учитывать указанную выше возможную связь между утверждением власти этого княжества на берегах Клязьмы и Москвы в XII в., на что недвусмысленно намекает сходство между Мякининскими и Болшевскими селищами. Источники не оставили данных для того, чтобы даже предполагать, как называлось поселение на месте нынешнего Болшева в древности, но зато вполне допустимо, что наиболее древнее поселение у дер. Мякинино (Мякинино-1) могло носить имя Войнич. Это имя и могло сохраниться в названии Войницкого мыта, т.е. мыта в Войничих.

Теперь мы вплотную подошли к вопросу о самой возможности и конкретном месте размещения предполагаемых волоцких владений на берегах р. Москвы в непосредственной близости от Москвы XII в. По мнению С.З. Чернова, волоцкие владения здесь были весьма обширны, но этот вывод исходит из доверия сведениям родовой легенды Квашниных, согласно которой Родион Нестерович управлял московской половиной Волока и изгнал оттуда новгородского наместника, тем самым приведя весь Волок в московское подчинение. Якобы именно за этот поступок земли на Всадне, «на 15 верст», были пожалованы ему великим князем Московским Иваном Даниловичем. Отсюда делался вывод, что «Родион Нестерович в период великого княжения Ивана Калиты получил в кормление великокняжеские владения в Волоке, включавшие уже тогда... мыт на Всадне вместе с относившимися к последнему землями, на части которых к 1380-м гг. сложилась вотчина Ивана Родионовича» (Чернов, 2005. С. 48)⁹. Если земли Квашниных составляли только часть гипотетических волоцких владений, то каковы же были их общие размеры и где они находились? Исследователь не дал ответа на этот вопрос, но указал направление поиска – левобережье р. Москвы вдоль ее притока Сходни. Тем самым обширную территорию в междуречье рек Москвы, Сходни и Хинки (Химки) предлагается рассматривать как волоцкое (а значит, и новгородское) земельное владение, существовавшее де-юре еще в начале XIV в. и ретроспективно в XII–XIII вв.

Надо сказать, что такая гипотеза, при всей ее внешней стройности, все же не обеспечена надежными источниками и базируется на целой цепочке допущений и легендарных сведениях, следуя в канве догадки И.Е. Забелина о принадлежности Войницкого мыта волости Войнич (Чернов, 1998. С. 301). Но выше было показано, что связь между этими двумя образованиями не прослеживается ни в чем, кроме названия. По крайней мере, археологических свидетельств включения бассейна Сходни в орбиту влияния Новгорода и Волока неизвестно. Материалы курганных могильников, известных на территории предполагаемого новгородского (волоцкого) анклава (Митинские, Спас-Тушинские курганы и др.), однозначно

свидетельствуют о проживании здесь вятичского населения, ничем не выделяющегося по сравнению с другими курганными захоронениями подмосковных вятичей, и не отмечают заметного присутствия представителей каких-то иных племен, которое следовало бы ожидать в случае распространения сюда власти Новгорода и кривичского Волока. Единственным основанием гипотезы о таком проникновении до сих пор остается допущение того, что Квашнины только потому и получили свои земли на Сходне, что ранее эти земли были новгородскими (волоцкими).

Совершенно иная картина открылась в результате изучения Мякининского курганного могильника, размещавшегося в 200 м от селища Мякинино-1 и, несомненно, являвшегося кладбищем этого крупного домонгольского поселения. Мякининская курганная группа является единственным в московско-звенигородской части долины Москвы-реки могильником, в котором практически не встречены захоронения вятичей, составлявших основную массу населения в данном регионе (рис. 8). Семилопастные височные кольца вятичей были обнаружены только в одном из 19 исследованных здесь женских захоронений с височными кольцами. При этом во всех окрестных курганах (в том числе в Спас-Тушинских, непосредственно примыкающих к Спасскому монастырю) абсолютно преобладали именно вятичские погребения. Это означает, что Мякининские курганы принадлежали населению, резко отличавшемуся от окружающего вятичского.

Кем же были насельники Мякинино-1? Судя по височным кольцам, среди них значительна была доля верхневолжских кривичей – браслетообразные височные кольца были найдены в 5 женских захоронениях (в одном случае – совместно с овальнощитковым кольцом), а перстнеобразные – в 13 погребениях (из них в трех, кроме того, были встречены многобусинные кольца и в одном – трехбусинное ажурное). Таким образом, по крайней мере среди погребенных женщин кривичский верхневолжский компонент был представлен значительно более заметно, нежели вятичский, однако подавляющее большинство женщин носили перстнеобразные кольца, более характерные для горожанок или южнорусского населения. Но как бы ни интерпретировать

⁹ Гипотеза о наделении вотчиной Родиона Нестеровича за службу в Волоке как будто противоречит свидетельству Новгородской IV летописи, сообщающей о пожаловании ему земель на Всадне «на приезд» (ПСРЛ, 1925. С. 478), т. е. до начала всякой службы великому князю. Однако контекст летописной записи не вполне ясен и позволяет толковать ее и в смысле «приезда» из Волока после завершения там службы князю.

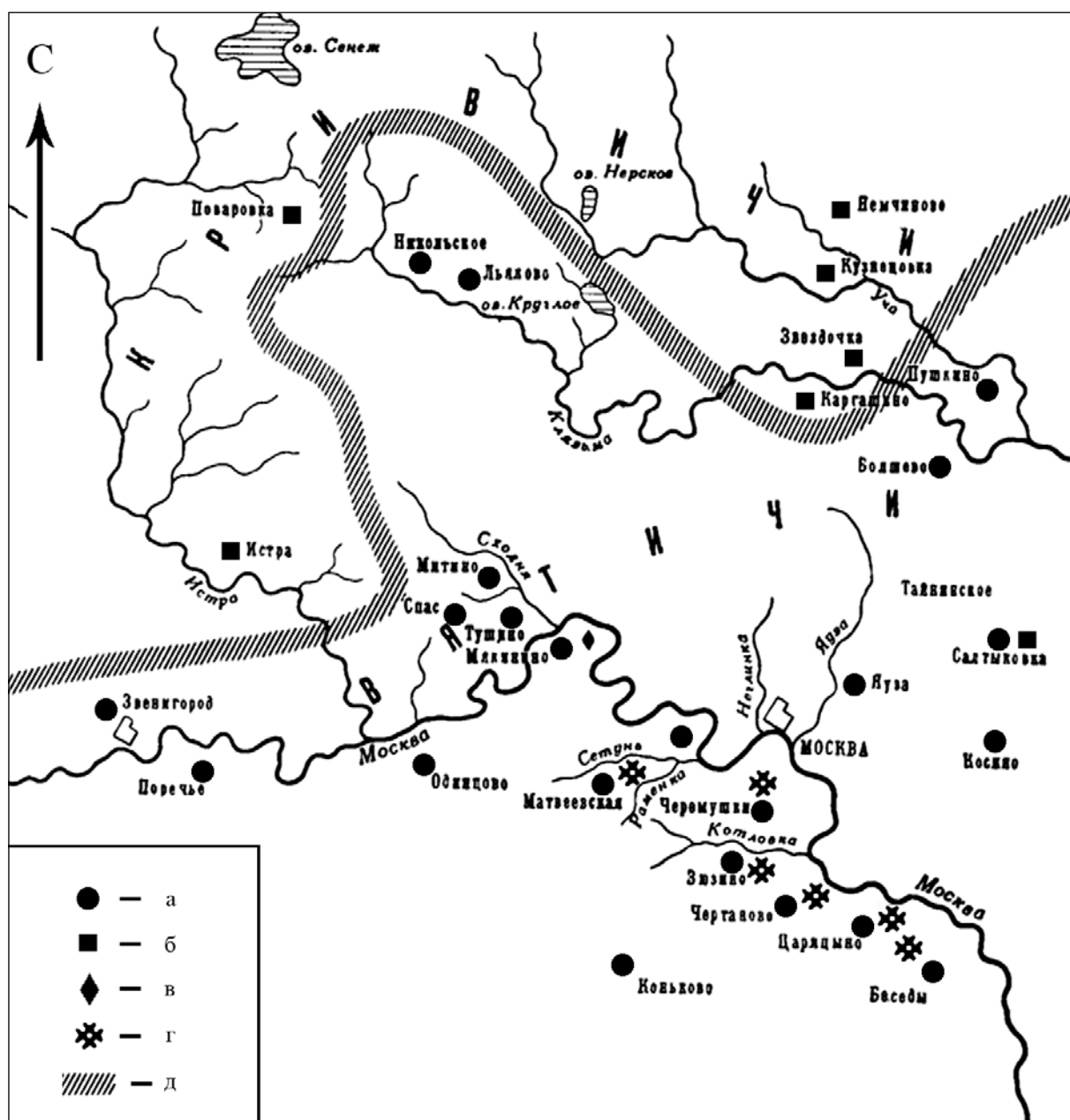

Рис. 8. Схема расселения вятичей и кривичей в Северо-Западном Подмоскowie по М. Г. Рабиновичу (1961. Рис. 26)

происхождение этого населения, оно в любом случае резко отличалось от окружающего его массива вятичей и было явно смешанным, включающим представителей разных племенных образований и горожан. Вероятно, столь же смешанной по своему происхождению была и мужская половина здешнего населения.

Итак, Мякининские курганы оставлены людьми, прибывшими на берега Москвы-реки из разных мест, в том числе в какой-то части – из Верхневолжья. Такой состав населения как нельзя

более соответствует поселению, размещенному в гуще вятичского населения и имевшему связи с иными районами. На это же указывает и то, что в погребальном обряде насельников древнего Мякина с самого начала их появления в Москворечье очевидно сильное влияние христианства – речь идет о подкурганных могильных ямах значительной (не менее метра) глубины и отсутствии обычая помещать в могилы заупокойную пищу в горшках, столь характерного для москворецких вятичей.

Самые ранние материалы с селища Мякинино-1 и наиболее древние курганы Мякининского могильника могут быть датированы серединой (возможно, второй четвертью) XII в. Следовательно, прибыть сюда на поселение эти люди могли уже в начале XII в. При этом никаких следов более раннего славянского населения на данном участке москворецкого побережья не выявлено. Ближайшие раннеславянские поселения XI в. размещались примерно в 10 км выше по течению Москвы-реки, а также в окрестностях Звенигорода. Значит, первопоселенцы Мякинина прибыли на незаселенный участок, освоение которого шло практически параллельно с расширением зоны расселения вятичей, происходившей в основном на противоположном берегу реки и в иных районах правобережья. Относительно немногочисленное население древнего Мякинина жило обособленно от соседей, находилось под сильным влиянием еще довольно экзотического для этой территории христианства и включало прослойку военно-служилого сословия. Все перечисленные признаки можно считать достаточными для предположения о том, что поселение Мякинино-1 могло быть основано с целью контроля за торговым путем, проходившим по р. Москве. Точно квалифицировать тип этого поселения затруднительно: возможно, здесь был размещен небольшой воинский контингент (около 10 человек, если исходить из размеров селища, включавшего не более 10 дворов), задачей которого было обеспечение безопасности движения торговых караванов по Москве-реке, предоставление им ночлега, снабжение водой и продовольствием (на берегу реки под поселением находился родник). Не случайным в связи с этим представляется и наличие у этого поселения постоянно поновлявшихся частокольных оград по его периметру. Выполнение этих функций в то же время вполне могло сочетаться с торговлей, занятиями земледелием и домашним ремеслом (железоделательным, ювелирным и др.).

Однако можно ли рассматривать Волок и Новгород как единственных возможных основателей здешнего поселения? Нет. Совершенно очевидно, что с такой же точно (и даже большей) долей вероятности этот опорный пункт мог быть организован в первой половине XII в. Ростово-Суздальской администрацией, осуществлявшей «окняжение» долины р. Москвы. Ведь Ростово-Суздальское княжество включало в себя и обширные районы Верхневолжья, которые как раз могли стать одним из источников населения, переведенного сюда для

службы князю. Выше уже упоминалось Болшевское поселение, контролировавшее верхнее течение Клязьмы и волок на Язу по крайней мере с первой половины XII в. (а может быть, и раньше). Совершенно очевидно, что следующим шагом по освоению долины Москвы-реки должно было стать овладение Москвой (1140-е) и проникновение вверх по реке. Поэтому нельзя исключать и того варианта, что Войнич (?), были основаны именно администрацией князя Юрия Владимировича в те же 1130–1140-е годы.

Разумеется, жизнеобеспечение новообразованного поселения требовало подчинения ему сельскохозяйственной округи, в которую, несомненно, входила пойма в излучине р. Москвы к югу от устья Сходни, а также коренной берег реки и залесенная и частью распаханная равнина южнее этой поймы. Сложнее сказать, как далеко вверх и вниз по реке распространялись владения этого поселения, но вряд ли они простирались далее чем на три-пять километров. Таким образом, земельные владения предполагаемых Войничей могли составлять от 3 до 10 кв. км. Волостью такое небольшое владение назвать трудно. В скором времени после появления этого пункта, в конце XII в., неподалеку в пойме возникло еще одно сельское поселение (Мякинино-2), где проживали уже не только пришельцы, но селились также вятичи из округи (судя по находкам вятичских височных колец). В XIII–XIV вв. на поселении, давно использовавшемся для охраны торговли, вполне мог быть организован мыт (не исключено даже, что взимание пошлин проводилось тут и раньше). Поскольку же пойменное поселение (Мякинино-2) было более просторным и удобным для стоянки торговых караванов, то более древнее поселение (Войнич?) продолжало использоваться как административный пункт для какой-то территории в правобережном Москворечье.

Итак, предположения о размещении Войничского мыта на месте Первого Спас-Тушинского городища и Спасо-Преображенского монастыря XIV–XIX вв. не имеют под собой ровно никаких оснований, точно так же нет достаточных оснований считать, что на левобережье р. Москвы в XII–XIV вв. могли располагаться обширные земельные владения Новгорода или Волока Ламского (хотя нет и оснований категорически отвергать такую возможность). Единственным местом, которое по всем своим признакам (наличие невятичского, в том числе верхневолжского по своему происхождению, населения, следы

присутствия воинов и аристократии) выделялось из среды вятичских поселений микрорегиона уже в XII в., является селище Мякинино-1. Именно здесь можно предполагать размещение населенного пункта, призванного обеспечить контроль княжеской администрации за торговым движением по р. Москве. Это поселение вполне могло носить название Войнич, отразившее присутствие на нем воинов великого князя. Здесь же (а впоследствии на соседнем селище Мякинино-2) мог размещаться Войницкий мыт, известный по письменным источникам второй половины XV – начала XVI в. Но эти поселения вряд ли были центром Горетова стана, находившегося на левобережье Москвы-реки.

Древнейшее поселение (Мякинино-1), возникшее в первой половине – середине XII в., прекратило свое существование в конце XV в., видимо, в связи с переходом его жителей на более

успешное в экономическом плане пойменное поселение (Мякинино-2). История Войницкого мыта могла закончиться в последней трети XVI в., на что указывает отсутствие в культурных отложениях селища Мякинино-2 монет, датируемых позже 1560-х годов. Этот признак может свидетельствовать о ликвидации мыта и превращении поселения в чисто аграрное. Финал его пришелся, вероятно, на 1608–1610 гг., поскольку именно в этот период на противоположном левом берегу р. Москвы возник Тушинский лагерь Лжедмитрия II. Во всяком случае, никаких более поздних материалов здесь не обнаружено.

Проведенное исследование вопроса о размещении Войницкого мыта – яркий образец роста значения археологических источников. Они способны внести существенные коррективы в данные скудных письменных источников, касающихся истории средневековой Руси.

Литература

- Бадер О. Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. № 7. М.; Л.
- Баталов А. Л., 1995. К истории Спас-Тушинского монастыря на реке Сходне. Церковь Андрея Стратилата конца XVI века // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2006. Находки стеклянных изделий на селище Мякинино-2 // АП. Вып. 3. М.
- Веселовский С. Б., 1969. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.
- ДДГ. М.; Л., 1950.
- Забелин И. Е., 1905. История города Москвы. М.
- Карамзин Н. М., 1993. История государства Российского. Т. V. М.
- Коваль В. Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // АП. Вып. 4. М.
- Косинский В. В., 1959. Отчет о полевых исследованиях на территории Красногорского района Московской области в 1959 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1935.
- Кучкин В. А., 2005. Договор 1390 г. Великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // ИЗ. № 8 (126).
- Кучкин В. А., 2009. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и средневековая Русь. М.
- Лелецкий В. В., 2001. Волость Воиничи по писцовой книге 1567–69 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3.
- ПСРЛ, 1913. Симеоновская летопись. Т. XVIII. СПб.
- ПСРЛ, 1922. Рогожский летописец. Т. 15. Вып. 1. Пг.
- ПСРЛ, 1925. Новгородская IV летопись. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Л.
- Рабинович М. Г., 1961. О древней Москве. М.
- Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. М., 1997.
- СГГД. М., 1913.
- Чернов С. З., 1994. Волок Ламский в XIV – начале XVI в.: административно-территориальное устройство и структуры землевладения. М. (Архив русской истории. Вып. 4).
- Чернов С. З., 1998. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М. (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 1).
- Чернов С. З., 2003. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения Московской земли в первой половине XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (13).
- Чернов С. З., 2005. Домен московских великих князей в городских станах 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 2. М.
- Чернов С. З., Волков И. В., 2009. Болшево 3 и особенности древнерусской колонизации севера

Московского края в XI в. // Великий Новгород и Средневековая Русь. М.

Энговатова А. В., 2001. Отчет об охранно-археологических разведках на территории строительства торгово-выставочного комплекса «Крокус-Сити» в Красногорском районе Московской области в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 26501.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП Вып. 3. М.

Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2008. Мякининское 1 селище в поселенческой структуре Северо-Западного Подмосковья // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.

Юшко А. А., 1979. Отчет о работе в Москве и Московской области в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8639.

Юшко А. А., 2002. Феодалное землевладение Московской земли XIV века. М.

V. Y. Koval

About the location of Voinitsky myt

Summary

The article suggests localization of a known from written sources of the 15th – 16th centuries collection point of fees for transit and transportation of the goods “Voinitsky myt” on a place of sites “Myakinino-1” and “Myakinino-2” on the banks of the river Moscow, on

the northwestern outskirts of the modern Moscow city. We also consider the possibility of existence of this administrative and fiscal point at an earlier times (the 12th – 14th centuries).

В. И. Вишневский

Селище Сергиев Посад 5. (Раскопки 2010–2011 годов)

Подмосковной экспедицией ИА РАН совместно с экспедицией Сергиево-Посадского музея-заповедника в 2010–2011 гг. были проведены раскопки на селище Сергиев Посад 5 у слияния рек Карбуги и Кончуры в зоне строительства жилищного комплекса на юго-восточной окраине города (рис. 1; 2).

Место землеотвода в северной его части известно как пустошь Крючкова, бывшая деревня, находившаяся на речке Кончуре. «Крючкова деревня [1503/04–1540-е] троицкая деревня села Глинкова в Радонеже» (АСЭИ. С. 567); «в Радонеже и в Корзене невесты монастырские земли: Троице Сергиева монастыря деревня Крючкова на речке Кончуре» («Писцовые книги...», 1872. С. 244). «Можно думать, что нынешнее монастырское Крючково, находящееся на здешней стороне Вифанского пруда, между двумя его заливами, данное монастырю в 1850 г., представляет собой место бывшей деревни Крючково» (Голубинский, 1909. С. 349). В 1860 г. пустошь Крючково – «лаврский участок, на который перенесен Лаврский кирпичный завод и огороды, но кирпич для Лавры делается и частными заводами» (РГАДА.Ф. 1204. Оп. 1. № 275 (1). Л. 25). В 1925 г. упоминается дача Крючково – 54 десятины (Шафранов, 1925. С. 61), в 1928 г. – урочище Крючково, расположенное в конце ул. Комсомольской (Вифанской), по обе стороны реки Кончуры, 60 десятин (ЦГАМО.Ф. 662. Оп. 2. Д. 122. Л. 234).

Первые археологические исследования в этом районе г. Сергиева Посада проводились С.З. Черновым в 1992 г. Выявленное им селище на ул. Вифа-

ньевской было связано с остатками деревни Крючковой и датировано сначала второй половиной XV – концом XVI в. или первой половиной XVII в. (Чернов, 1992. Л. 9, 10. Рис. 20–26), позднее – XIV–XVII вв. (Чернов, 1994). В Археологической карте России оно отмечено как селище Сергиев Посад-5 (АКР, 1996. С. 121). Проведенная в 2005 г. В.В. Щербаковым шурфовка и сбор подъемного материала в центральной и северной частях участка строительства показали, что размеры поселения составляют 160×80 м (12 тыс. кв. м), часть территории входила в зоны хозяйственного освоения, связанные с селищем Сергиев Посад 5. Выраженного культурного слоя там не выявлено (Щербаков, 2005. Л. 10. Илл. 40–46).

Общая площадь раскопок 2010–2011 гг. на селище составила 4720 кв. м (рис. 2; 3)¹. В результате раскопок из слоя был получен материал XIV–XIX вв. Большая часть находок относится, вероятно, к располагавшимся здесь лаврским складам и конюшням XIX – начала XX в.: бронзовые накладки конской упряжи, подковы, свинцовые товарные пломбы, патроны, пуговицы, медные деньги. Среди 170 индивидуальных находок 35 средневековых вещей. В 39 заглубленных в материк ямах получен датирующий материал, относящийся главным образом к XVI–XVII вв. Всего был обнаружен 81 заглубленный в материк объект – остатки построек, хозяйственные ямы, канавки и борозды от плуга² (табл. 1; рис. 3).

Назначение и датировка многих объектов остались неопределенными. На раскопе 2 отмечены

¹ Раскоп 1 – 1000 кв. м; раскоп 2 – 1580 кв. м; раскоп 3 – 1140 кв. м; раскоп 4 – 1000 кв. м.

² Приношу благодарность С.В. Шполянскому за консультации по вопросам интерпретации ям.

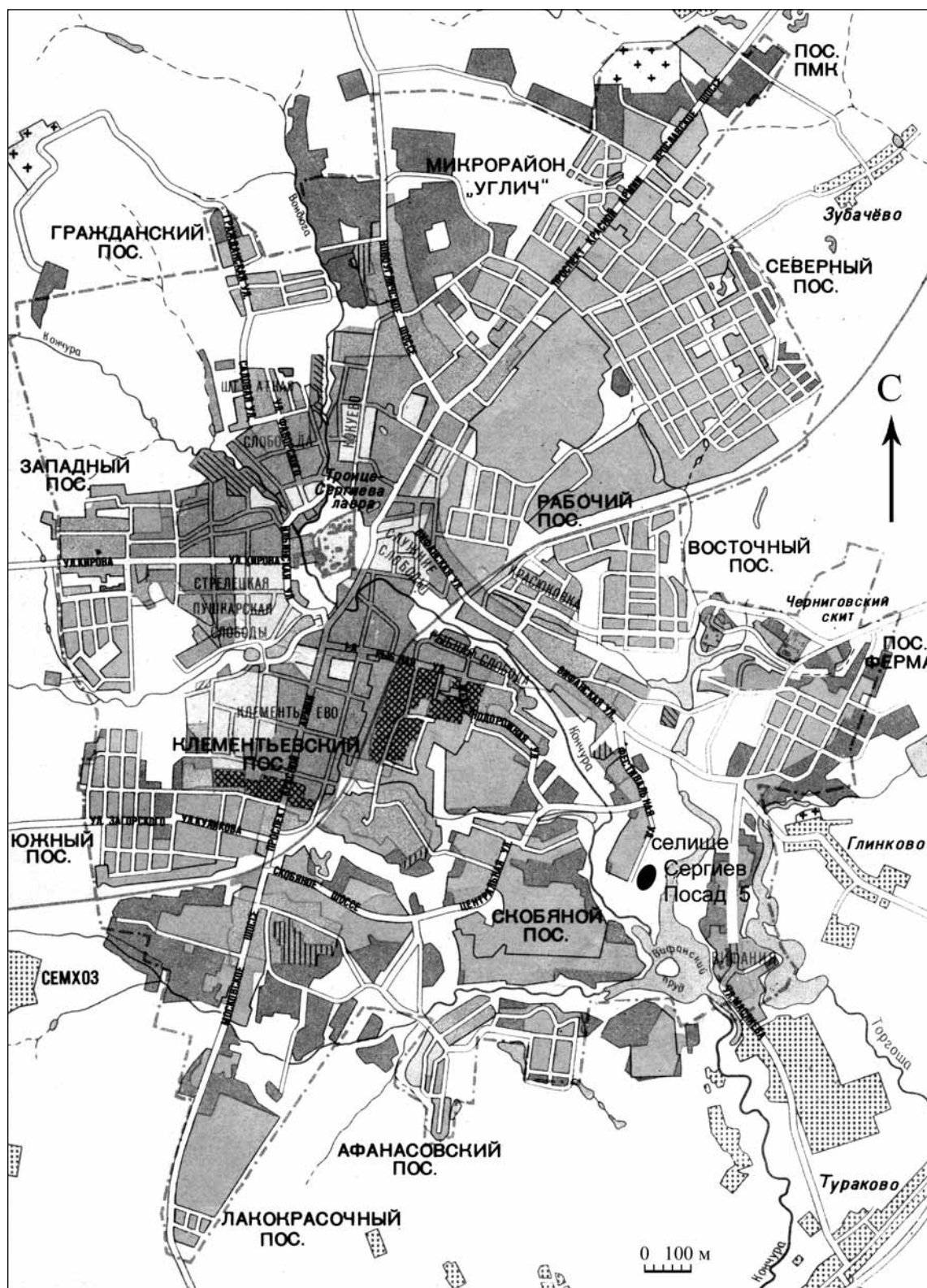

Рис. 1. Селище Сергиев Посад 5 на плане города (отмечено черным овалом)

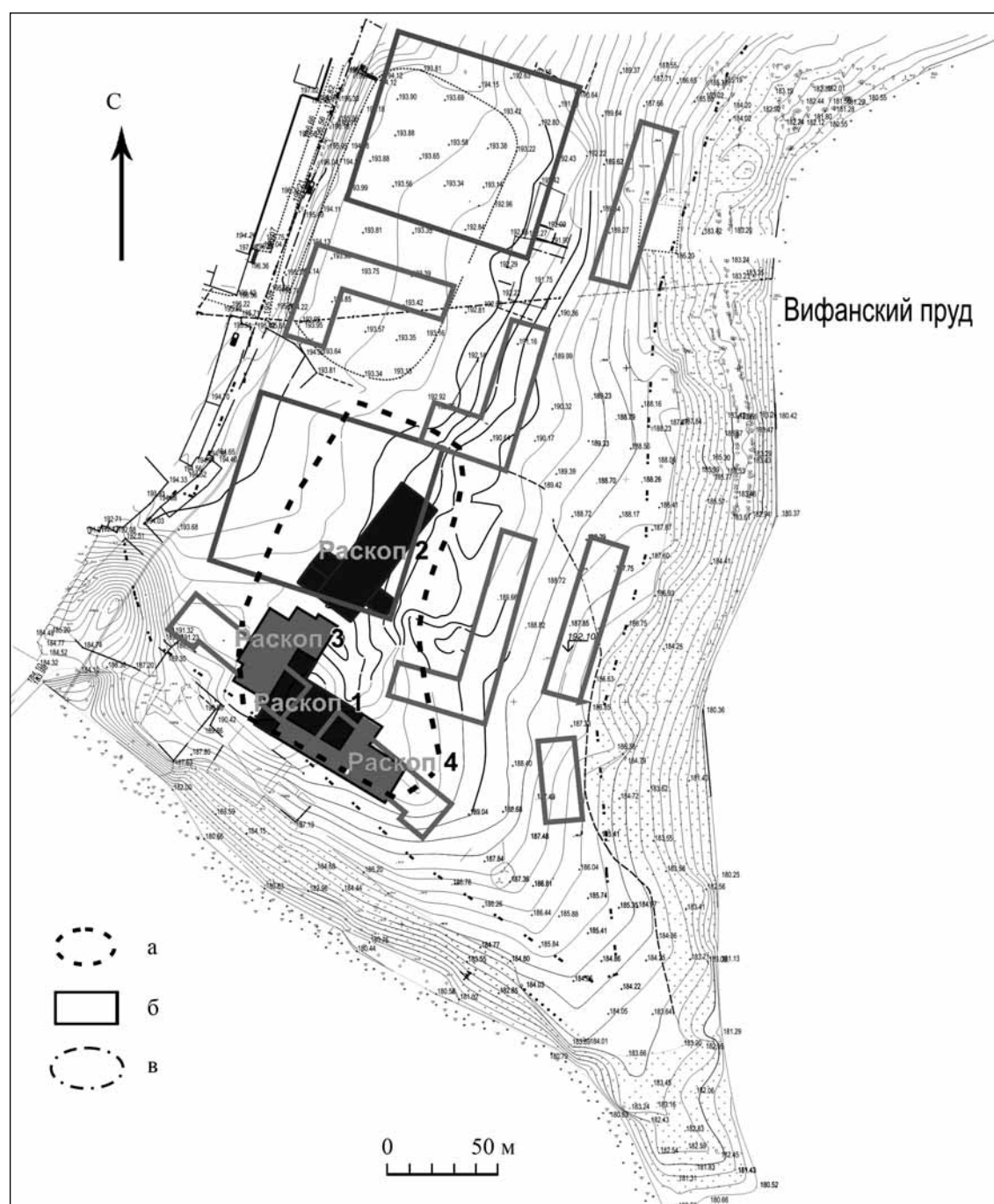

Рис. 2. Раскопки на плане селища Сергиев Посад 5

а – граница селища; б – контуры будущих строений; в – граница участка землеотвода

две ямы сложных форм. Яма № 5 – змеевидная, узкая канава, завершенная небольшим расширением – ямой, возможно, была дренажом. Яма № 9 – П-образная неправильная канава – могла быть следом заглубленной срубной постройки. Часть ям позднего происхождения – XIX–XX вв. (рис. 3). На раскопе 4 в материке зафиксированы девять продолговатых параллельных канавок шириной

около 20 см и глубиной 8–10 см. Судя по ширине и заполнению, это следы борозд от плужной распахки конца XIX–XX вв.

Культурный слой селища – коричневый суглинок, сильно перепаханный и окультуренный (на территории прежде располагались коллективные сады), мощностью от 0,1–0,2 м до 0,6–0,7 м, в котором собрано 3114 фрагментов круговой

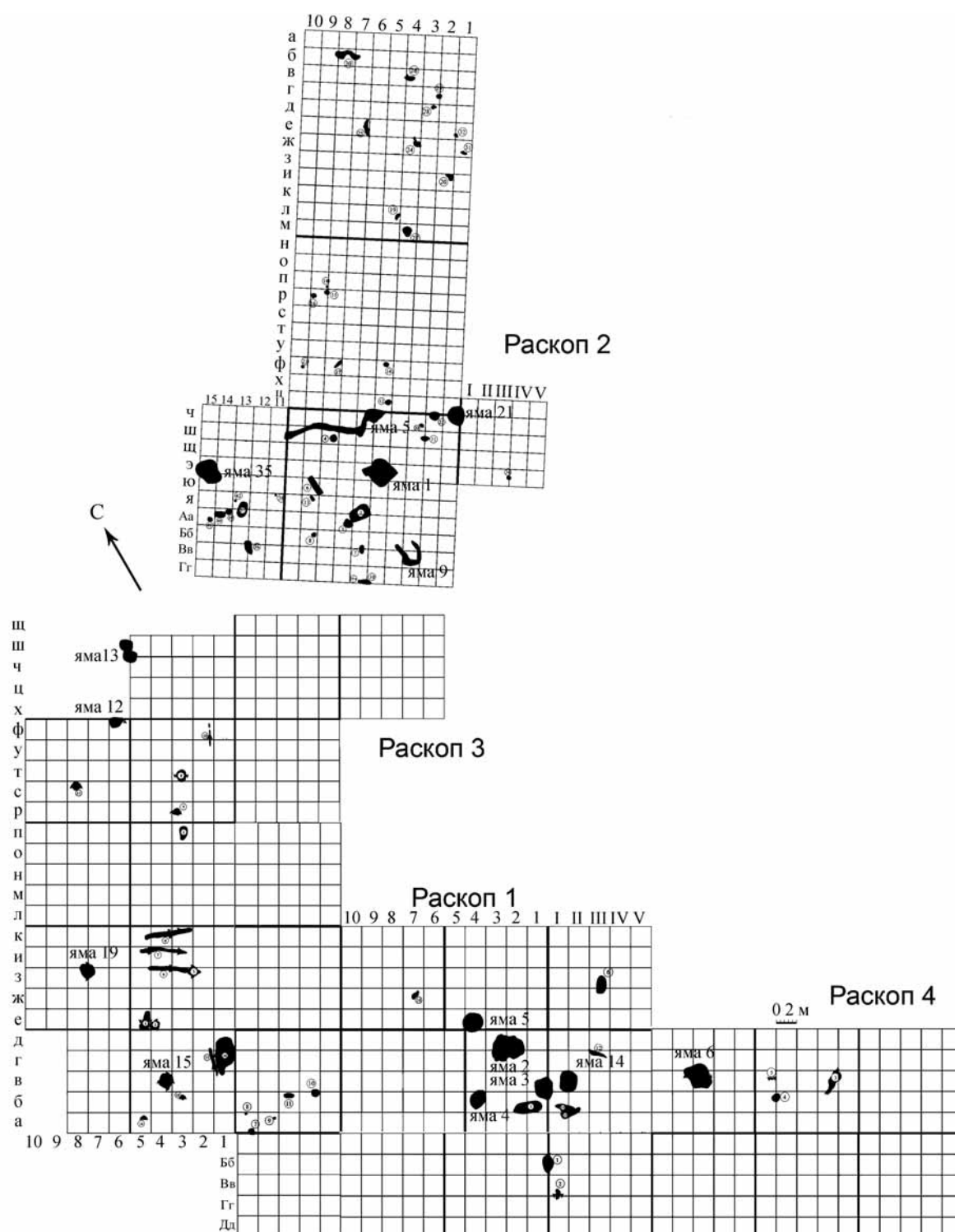

Рис. 3. Селище Сергиев Посад 5. Ситуационный план ям

Таблица 1. Количественное распределение ям по предполагаемому назначению.

Раскоп	Общее кол-во ям	Ямы				
		подпечные	погребя	хозяйственные	столовые	неизвестного назначения
1	16	5	–	–	2	9
2	42	2	1	2	13	22
3	19	3	1	–	1	14
4	6	1	–	–	–	5
Всего	81	11	2	12	16	40

Таблица 2. Датированные ямы.

Даты, вв.	Раскоп 1	Раскоп 2	Раскоп 3	Раскоп 4	Всего
XIII–XV	2	–	–	–	2
XIV–XV	–	–	4	–	4
XV–XVI	–	–	3	–	3
XVI	1	2	1	–	4
XVI–XVII	1	6	4	1	12
XVII	2	4	–	–	6
XVII–XVIII	–	–	1	–	1
XIX–XX	–	1	6	–	7
Всего ям	6	13	19	1	39

Таблица 3. Керамика из датированных ям.

Керамика	Раскоп 1, ямы даты					Раскоп 2, ямы, даты			Раскоп 3, ямы, даты				Раскоп 4, ямы, даты
	2	3	4	5	14	1	21	35	12	13	15	19	6
	XIII–XV	XIII–XV	XV–XVII	XVII	XVII	XV–XVI	XVI	XV–XVII	XVI	XVI–XVII	XV–XVI	XVI–XVII	XVI–XVII
КГК с дрсвой	15	24	6	–	–	18	2	11	1	–	1	3	18
КГК с песком	5	–	16	27	72	62	29	137	30	10	43	152	123
КГК ангобир. с песком	–	–	–	–	–	–	–	29	–	–	–	–	29
КГК без примесей	–	–	2	–	5	15	10	–	2	–	–	–	25
КЛК без примесей	–	–	–	–	–	2	1	–	–	–	–	–	2
БГК с дрсвой	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
БГК с песком	1	–	2	–	2	231	147	116	48	37	–	–	14
БГК без примесей	–	–	1	12	17	9	11	26	–	1	–	–	8
Мореная без примесей	1	–	–	13	8	2	13	4	2	–	–	–	4
ЧЛК без примесей	–	–	–	–	–	7	3	35	–	–	–	–	8
Фарфор	–	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	4
Майолика	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	2
БГК с коричн. поливой	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	2
БГК с зеленой поливой	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
БГК с желтой поливой	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Всего обломков	22	24	27	52	104	347	225	342	83	48	44	155	204

керамики: красноглиняной (КГК) с примесью песка (35%), белоглиняной (БГК) с примесью песка (10%), белоглиняной без примесей (7%), мореной и чернолощеной (ЧЛК) (23%), красноглиняной поливной (17%) и фарфора (8%). В заполнениях ям собрано 1777 обломков – 36% всего комплекса.

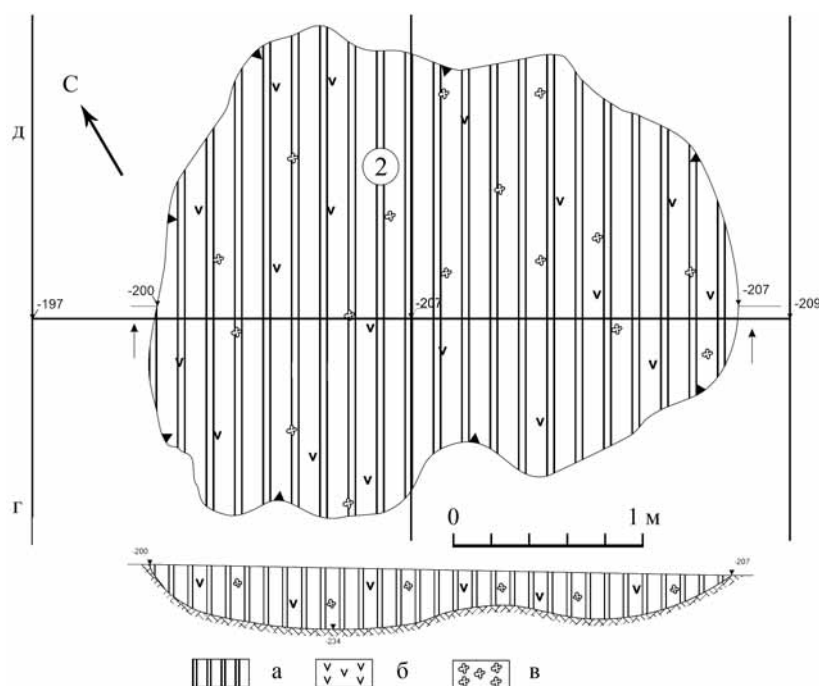
Остатки построек

В раскопе 1 было обнаружено 16 ям, врезанных в материк. 10 ям не содержали датирующего материала. В пяти (№ 2, 3, 4, 5, 14) обнаружены остатки печей.

В заполнении ямы № 2 подовальной формы (размеры 3,15×2,50 м, глубина 0,3 м – рис. 4) собрано 22 обломка керамики, среди которой преобладала красноглиняная с примесью крупной дресвы (15 экз.), в том числе венчик сильнопрофилированного горшка XIII в. с разреженным линейным орнаментом на шейке и плечике, аналогичного керамике ямы 27 селища Назарово 2, датированной серединой – второй половиной XIII в. (Кренке, 2012. Илл. 436). Встрече-

ны также фрагменты красноглиняной керамики с примесью песка (5), белоглиняной керамики с примесью песка (1), мореной керамики (1) (рис. 5, 2–4; табл. 3). Найдены два зуба мелкого рогатого скота и семь кусков печины. Датировка – XIII–XV вв.

В яме № 3 подовальной формы (размеры 2,24×1,70 м, глубина 0,75 м – рис. 6) заполнение состояло из коричневого суглинка и светло-коричневого суглинка с обломками печины и керамики – исключительно красноглиняной с примесью крупного песка и дресвы, датируемой XII–XIII вв. (табл. 3), в том числе с линейным, тычковым и волнистым орнаментами (рис. 7, 2–8). Венчик сильнопрофилированного горшка XIII в. с волнистым и тычковым орнаментами на шейке и плечике аналогичен керамике ямы 27 селища Назарово 2, датированной серединой – второй половиной XIII в. (Кренке, 2012. Илл. 438). В нижних слоях у дна зафиксировано несколько крупных камней. В яме найдена железная сапожная подковка полулунной формы (рис. 7, 1) первого типа по Б.А. Колчину (1959. С. 108–111), датируемого с XV в.³. Датировка ямы – XIII–XV вв.

Рис. 4. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 2. План
а – коричневый суглинок; б – уголь; в – печина (мелкие куски)

³ Подковка могла попасть в комплекс случайно (например, по кротовине), поскольку в основном такие вещи получили распространение в XVII в.

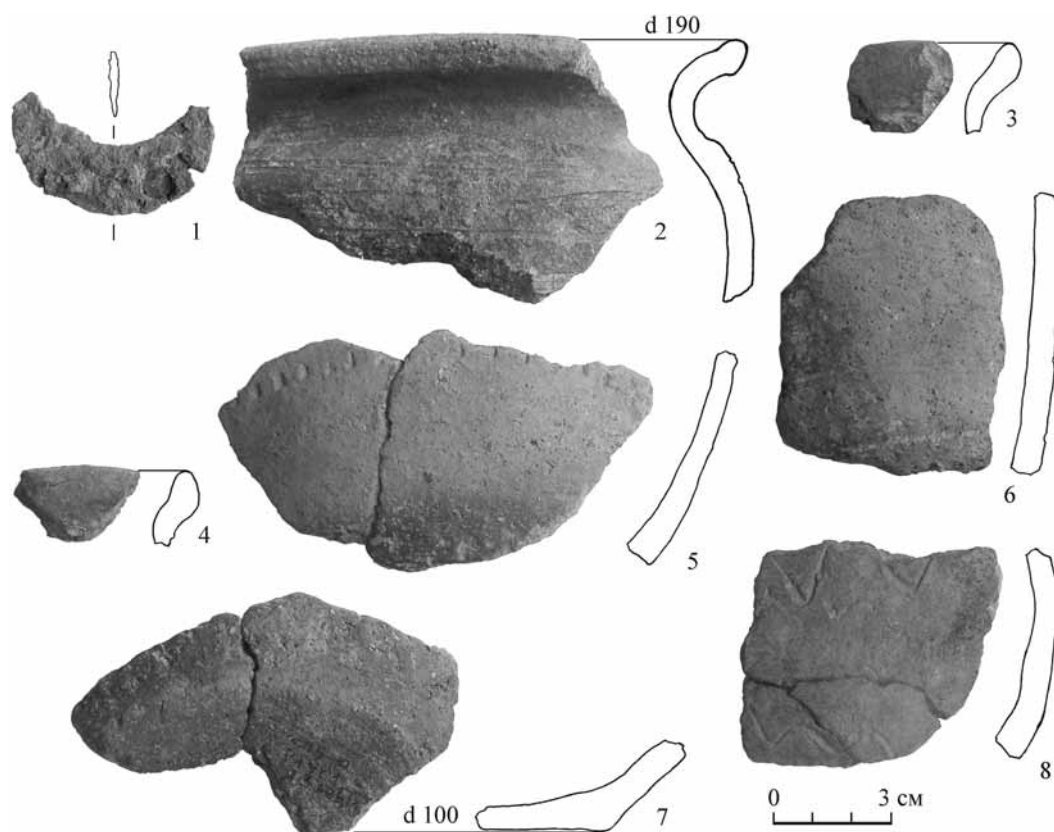

Рис. 7. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 3. Находки (см. цв. вкл.)

1 – подкова сапожная железная; 2–8 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью дресвы

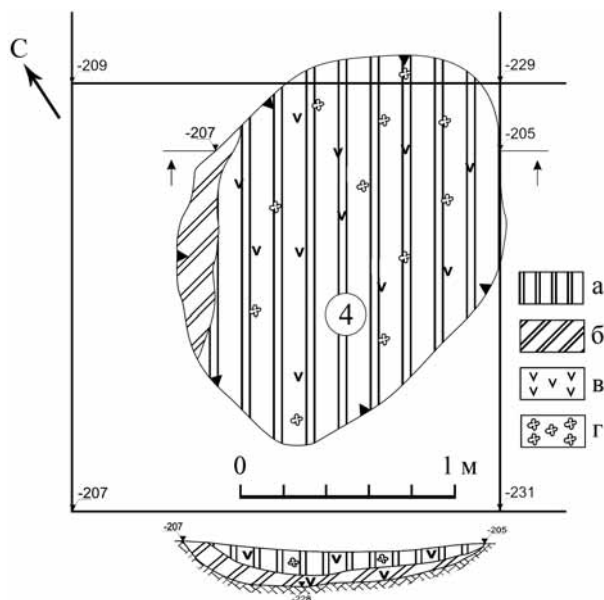

Рис. 8. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 4. План

а – коричневый суглинок; б – светло-коричневый суглинок; в – уголь; г – печина (мелкие куски)

Яма № 4 – овальной формы (размеры 1,54×2,00 м, глубина 0,15–0,2 м – рис. 8). В заполнении собраны обломки красноглиняной грубой и гладкой, а также белоглиняной грубой и гладкой керамики (табл. 3). Среди красноглиняных сосудов XVI в. одна целая форма – горшок из глины с незначительной примесью мелкого песка и вертикально поставленным венчиком, имеющим слабый наклон внутрь. Выделен перегиб к плечикам, от которых полушарообразное тулово сужается к неширокому донцу (рис. 9, 2). Подобные сосуды встречены в яме № 7 селища у часовни великомученика Никиты (близ усадьбы Мураново) XVI в. (Чернов, 1991б. С. 53, 191. Табл. 128). Найден железный черешковый нож (рис. 9, 1). Датировка ямы – XVI в.

Яма № 5 – округлая (диаметр 1,80×1,94 м, глубина 0,25–0,32 м). На глубине 8–10 см от поверхности материка в разрезе зафиксированы прослойки оранжевой обожженной глины и угля (рис. 10). Собраны фрагменты красноглиняной, белоглиняной и мореной керамики (табл. 3), в том числе венчики белоглиняного сосуда без примесей в тесте с линейным многорядным орнаментом

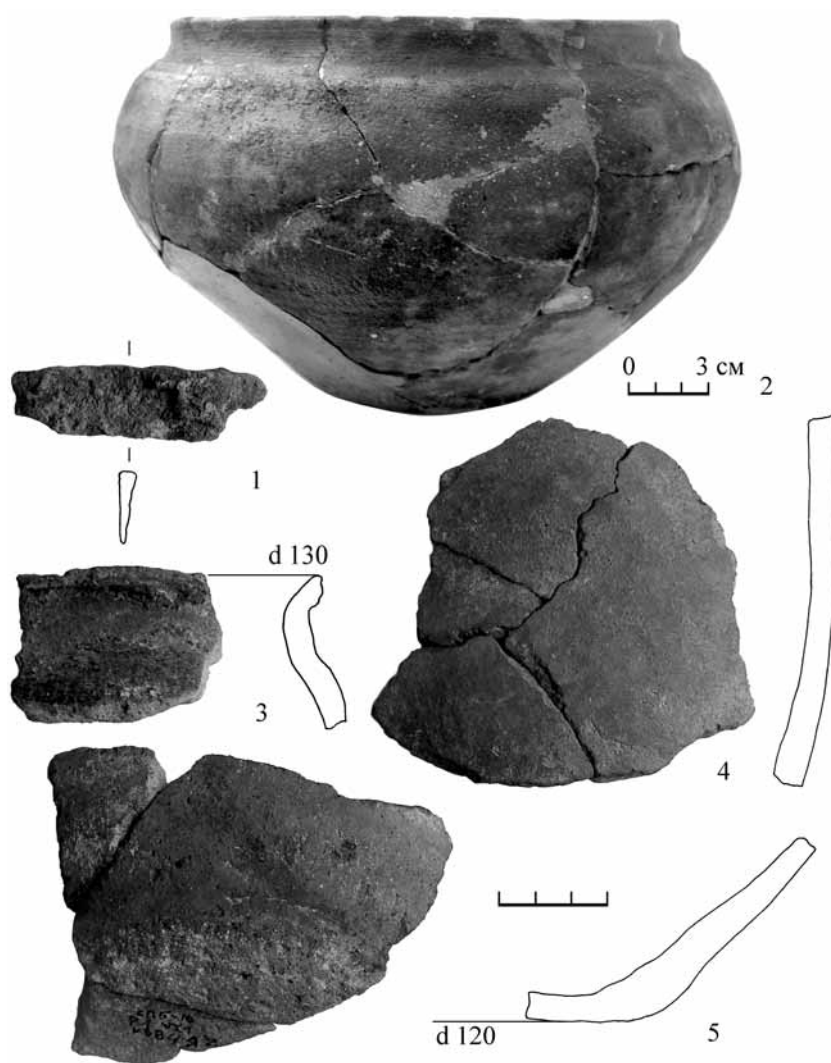

Рис. 9. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 4. Яма 3. Находки

1 – нож железный; 2 – красноглиняный сосуд с примесью песка;
3–5 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью песка

(МБК-2) конца XVI – середины XVII в. (рис. 11, 4) (Коваль, 2001. С. 106; Кренке, 2009. С. 472, 475. Рис. 226, 229). Обнаружены два железных предмета (рис. 11, 1, 2) и обломок кирпича из плотной красной глины с примесью песка, с поперечным сечением 8×12 см (рис. 11, 3). Датировка комплекса – XVII в.

Яма № 14 – подовальной формы (размеры 2,10×1,64 м, глубина 0,32 м – рис. 12). В заполнении встречены обломки красноглиняной керамики с примесью песка черного и красного цвета, белоглиняной с примесью песка (МБК-1) и без примесей с плотным многоярдым линейным орнаментом по шейке венчика (МБК-2) (рис. 13, 7), мореной и чернолощеной (табл. 3), два железных подковных гвоздя с сегментовидной формы шляп-

ками (рис. 13, 1, 2), свернутая пополам бронзовая пластинка (рис. 13, 3), а также отщеп серого кремня. Датировка – XVII в.

В раскопе 2 обнаружены 42 ямы, врезанные в материк, но только четыре из них содержали остатки печей и датирующий материал.

Яма № 1 – квадратная (размеры 2,84×2,78 м, глубина 0,85 м), с небольшим выступом-прямоком с северо-западного угла (рис. 14), шириной 0,9 м и длиной 0,6 м. Разрезы показали, что заполнение – коричневый суглинок с обломками печины, углями, железными шлаками и фрагментами керамики в нижней части, в центре ямы, содержит углестую прослойку толщиной от 0,08 до 0,15 м, подстилаемую прослойкой обожженного оранжевого суглинка мощностью 0,05–0,1 м. При этом слой

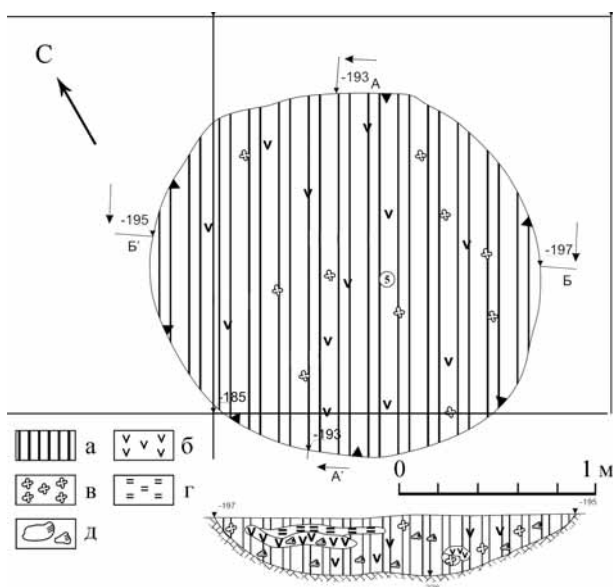

Рис. 10. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 5. План

а – серый суглинок; б – уголь; в – печина (мелкие куски); г – глина; д – камни

желтого суглинка с включениями редких угольков и кусочков печины выстилал дно и стенки ямы: у дна толщиной 0,05–0,30 м, у северной стенки – 0,40–0,45 м, у южной – 0,10–0,18 м. В северо-западной части ямы на глубине 30 см от дневной поверхности зафиксированы остатки обгоревших деревянных плах длиной 0,12 м и шириной 0,06 м – часть деревянной конструкции. По-видимому, яма представляет остатки подпола с обрушившимися внутрь сгоревшими конструкциями, при этом слой желтого суглинка имеет скорее «покровное» происхождение (Грибов, 2012. С. 156, 157), т. е. стены погребов постепенно оплывали и яма затекала. Затем сгорела постройка над ним, в конце его заполнения попадают развалы белоглиняных с примесью песка горшков XVI в. (МБК-1) (рис. 15, 6–7), они зафиксированы на глубине 30–40 см от дневной поверхности. Почти такой же подпол с материалом XIII–XV вв. был зафиксирован нами на селище Муханово-1 в верховьях р. Дубна (Воскресенская пустынь): квадратный (2,2×2,1 м, глубиной от дневной поверхности 2 м), с прямком-входом

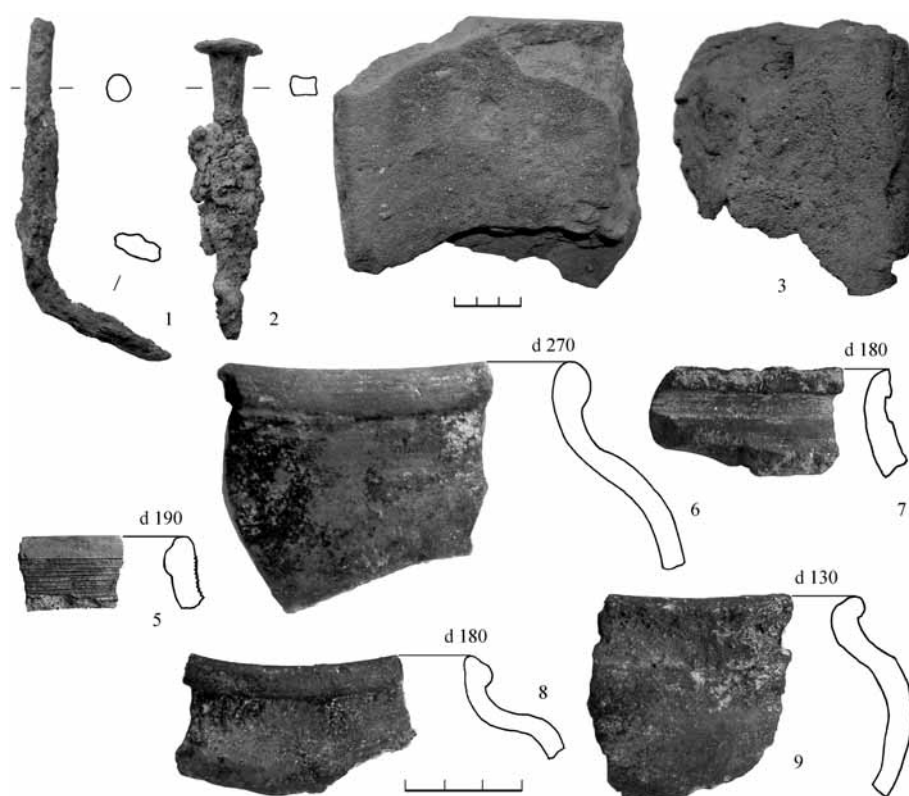

Рис. 11. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 5. Находки

1 – предмет железный; 2 – гвоздь железный; 3 – кирпич красноглиняный; 4 – фрагмент белоглиняного сосуда без примесей (МБК-2); 5–8 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью песка

шириной 0,9 м и длиной 0,6 м, располагавшимся не на углу, а по центру одной из сторон (Вишневский, 2006. С. 16–28. Рис. 6–9). В заполнении также собраны крупные куски печины, два отщеп серого кремня, два куса железной крицы, зуб лошади. Среди находок: втулка железная, предмет железный, гвоздь железный кованый (рис. 15, 1–3), донце сосуда с клеймом – «колесо с 8 спицами» (рис. 15, 4), фрагмент красноглиняной сковороды с примесью песка в тесте (рис. 15, 5). Среди керамики в заполнении преобладает белоглиняная с примесью песка XVI в. (МБК-1) (66,6%) – горшки и миски, донца на подсыпке дресвы (рис. 16). Присутствуют также красноглиняная с примесью дресвы (5,2%), красноглиняная с примесью песка (17,8%), в том числе с волнистым орнаментом по шейке, мореная, чернолощенная, белоглиняная без примесей (табл. 3). Яма, вероятно, является остатками подпола XVI в., скорее его второй половины, поскольку в ней преобладает белоглиняная грубая керамика (Кренке, 2009. С. 68).

Яма № 21 – овальная (2,30×1,98 м, глубина 0,6–0,75 м – рис. 17), имела в заполнении слой

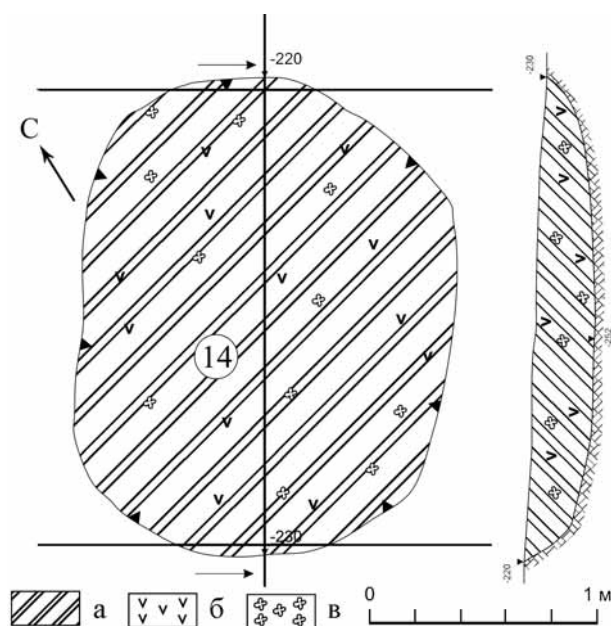

Рис. 12. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 14. План
а – светло-коричневый суглинок; б – уголь;
в – печина (мелкие куски)

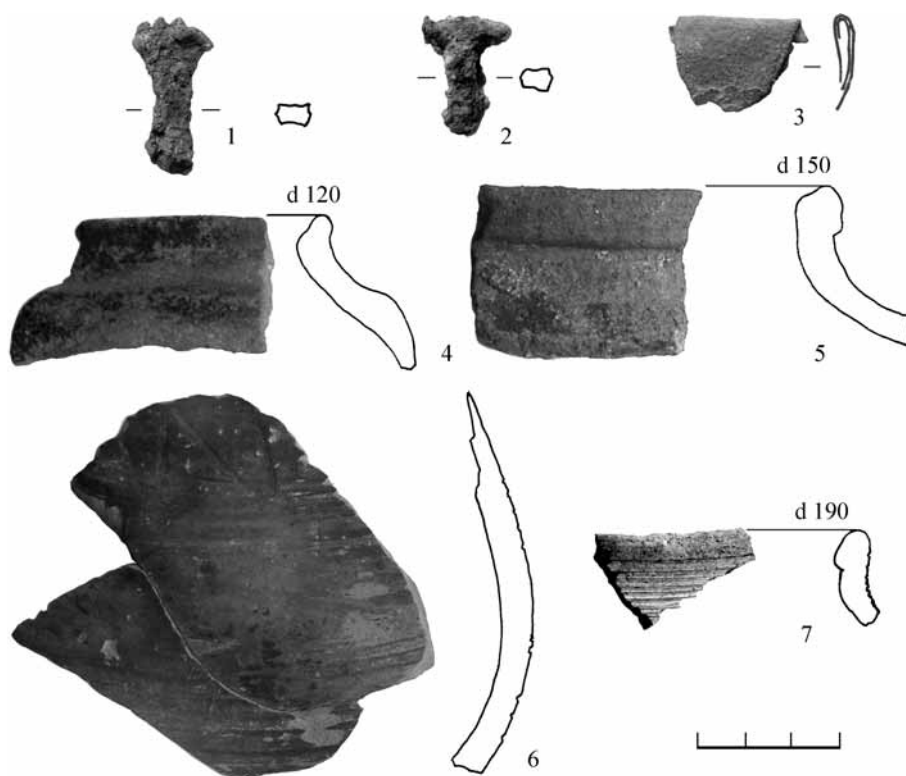

Рис. 13. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 1. Яма 14. Находки

1–2 – гвозди подковные железные; 3 – пластина бронзовая; 4–5 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью песка;
6 – фрагмент чернолощеного сосуда; 7 – фрагмент белоглиняного сосуда без примесей (МБК-2)

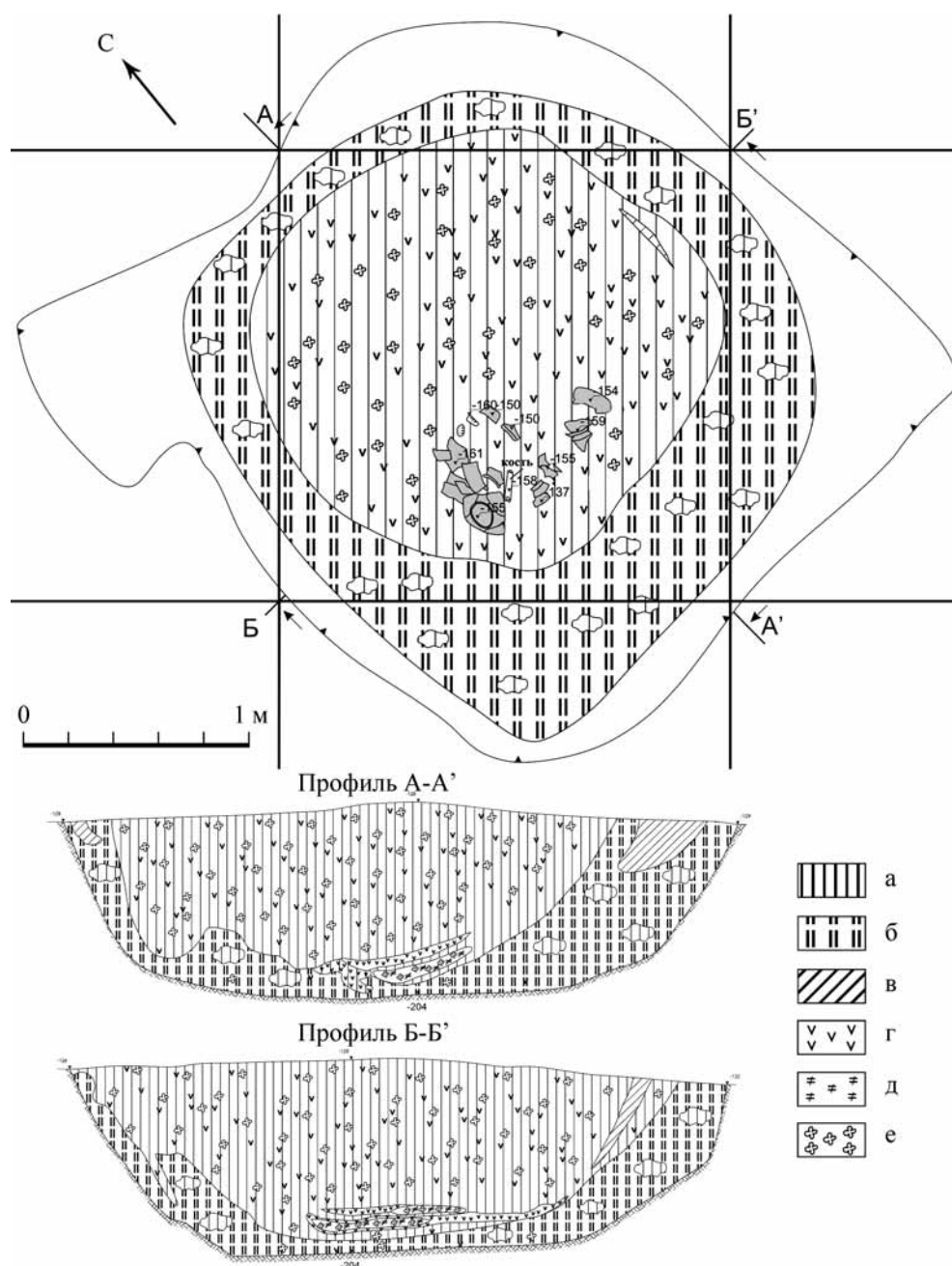

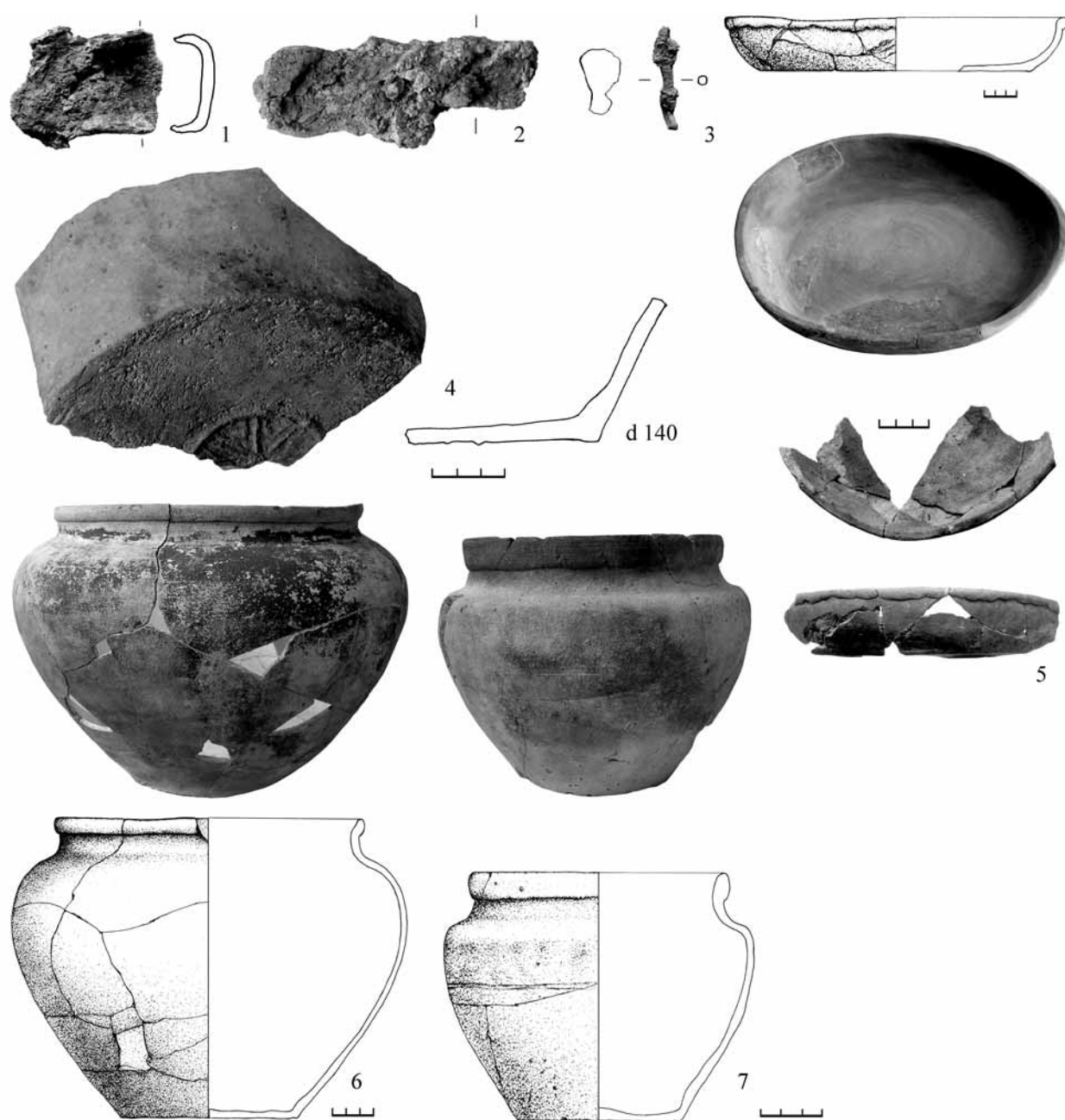
Рис. 14. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 1. План

а – серый суглинок; б – желтый суглинок; в – светло-серый суглинок;
г – уголь; д – обожженная глина; е – печина (мелкие куски)

с остатками печи, к которому найдены три крупных обломка железных криц, 58 крупных кусков печины, три кости. Среди находок: железные предметы (рис. 18, 1–4), каменный оселок с одной зашлифованной боковой гранью и одной стороной, в середине которой проточен желоб шириной 0,5–1,0 см и длиной 7 см. Собрано 225 обломков керамики (табл. 3), среди которых преобладает белоглиняная с примесью песка XVI в.

(65%), в том числе горшки с волнистым орнаментом (рис. 18, 6) второй половины XVI в. (Коваль, 2001. С. 99. Рис. 1, 3), сходные с материалом постройки 2 селища Михайловское-2 (Чернов, 1991б. С. 186. Табл. 123); фрагменты белоглиняных грубых мисок (рис. 18, 8) (интересно, что из двух частей склеенного фрагмента миски одна прокопчена до черноты, другая – нет); фрагменты красноглиняных кувшинов с белым

Рис. 15. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 1. Находки

1 – муфта железная; 2 – предмет железный; 3 – гвоздь железный; 4 – фрагмент донца с клеймом красноглиняного сосуда с примесью песка; 5 – фрагмент и реконструкция сковороды красноглиняной с примесью песка; 6, 7 – сосуды белоглиняные с примесью песка (МБК-1)

ангобом (рис. 19, 9–10), красноглиняных горшков с примесью песка (11,6%), в том числе сосуды (рис. 18, 11–12), сходные с материалом ямы 7 селища у часовни великомученика Никиты (близ усадьбы Мураново) XVI в. (Чернов С. З., 1991б. С. 191. Табл. 128); чернолощенная (4%) и мореная (5,7%) керамика. Датировка комплекса – XVI в.

Яма № 35 – подпрямоугольная (размеры 3,15×2,52 м, глубина 1,06 м), имела в заполнении прослойки V-образной формы, повторяющие профиль ямы (признаки преимущественного покровного заполнения). Была зафиксирована следующая стратиграфия (рис. 19), описываемая сверху вниз: коричневый суглинок с включениями кусков пачины, мелких камней и углей мощностью

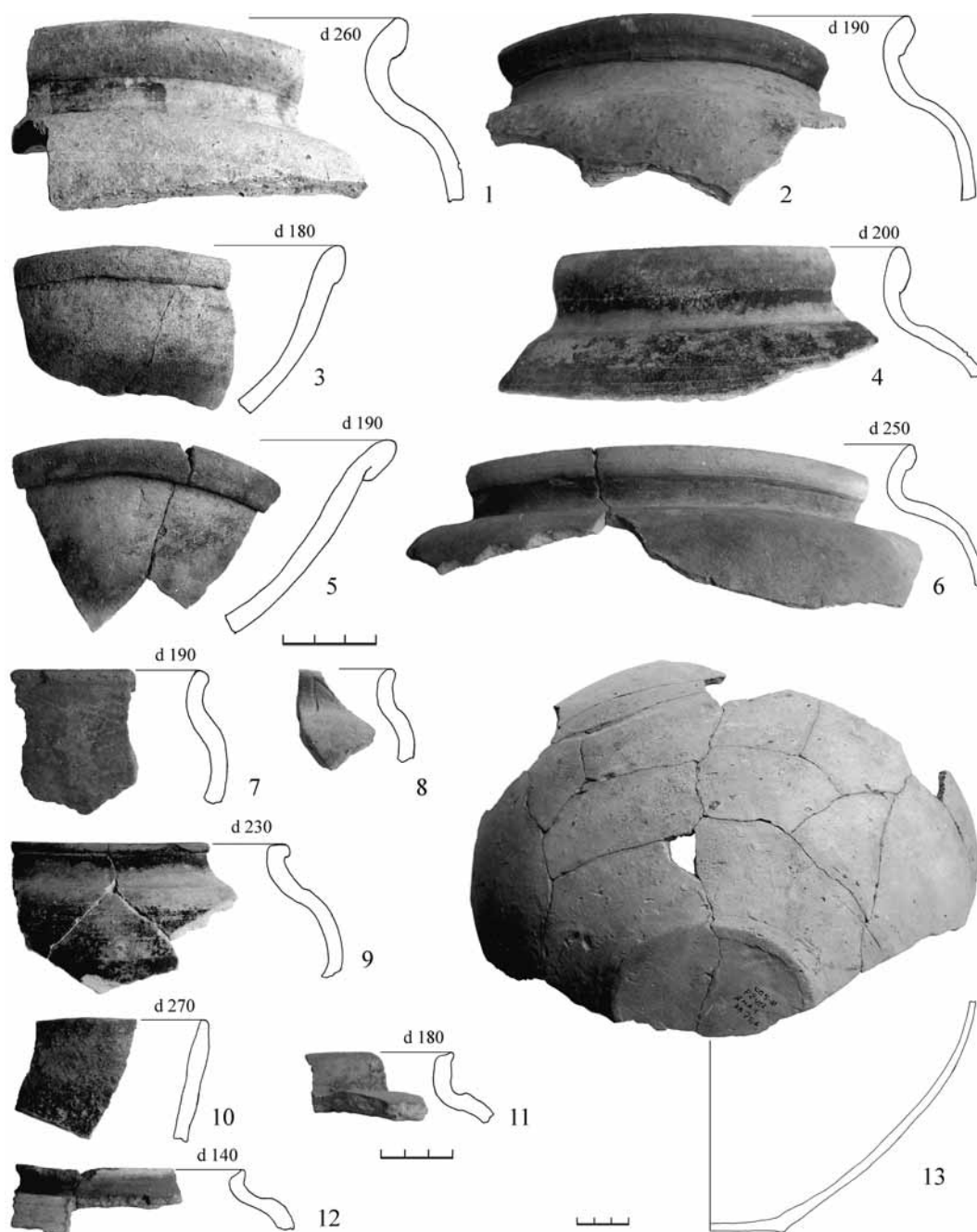

Рис. 16. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 1. Фрагменты сосудов (см. цв. вкл.)

1, 2, 4, 6 – белоглиняных корчаг с примесью песка (МБК-1); 3, 5 – белоглиняных мисок с примесью песка (МБК-1); 7–8 – красноглиняных с примесью песка и дровя и волнистым орнаментом по шейке; 9–13 – красноглиняных сосудов с примесью песка

от 5 см у краев до 56 см в середине ямы; углистый слой толщиной 5 см у краев и 20 см в центре ямы; коричневый суглинок с углями, с мелкими камнями и кусками печиной толщиной 10–15 см; углистая V-образная линза в самом центре ямы длиной один метр и толщиной 5–6 см (глубина 0,9 м от уровня материка); серо-коричневый суглинок

с включениями глины, мелкими камнями сечением 15–20 см.

Среди находок – серебряная монета Михаила Федоровича (сверху ямы) (рис. 20, 4); каменный оселок с узким желобом по одной грани (шириной 2–5 мм), вероятно, следом шила (рис. 20, 5); фрагмент красноглиняной дудочки с белым

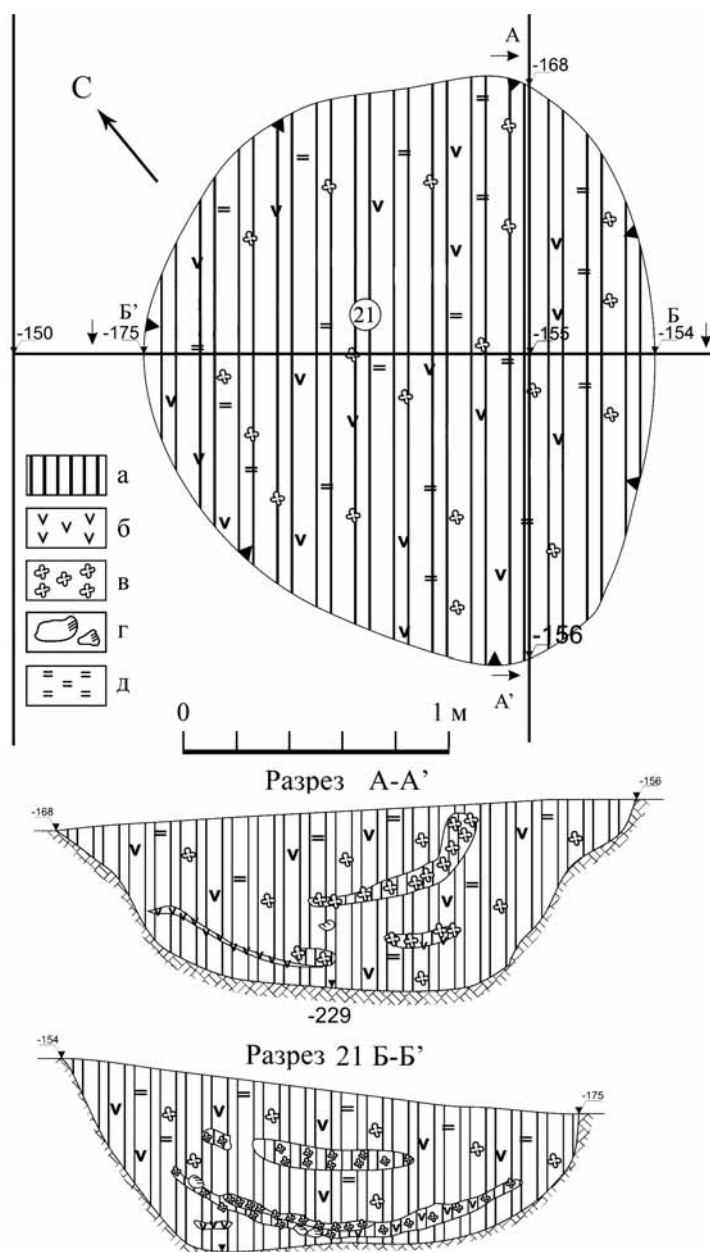

Рис. 17. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 21. План

а – серый суглинок; б – уголь; в – печина (мелкие куски); г – камни; д – обожженная глина

ангобом и росписью красным ангобом, который можно датировать XV в. (рис. 20, 7) (Розенфельдт, 1968. С. 25; Кренке, 2012. С. 61, 62). Найдены два обломка красноглиняной лотковой черепицы (рис. 20, б), такая черепица датируется началом XVI в. – 70-ми годами XVII в. (Хворостова, 2002. С. 209, 211. Табл. 6, 3–6). Восстановлены два кувшина. Белоглиняный, с примесью песка, с шаровидным туловом (рис. 20, 2) – аналоги которому известны в Гжельской волости с XVI в. (Полюях, 2005. С. 250–254; Богомолов и др., 2013.

С. 213–215), и белоглиняный с примесью песка и с росписью красным ангобом (рис. 20, 1). Аналоги последнему встречены в яме 2 в Историческом проезде (начало XVI в.) (Чернов, 1991б. С. 50, 150. Табл. 87) и в погребке 2 Романова двора (вторая половина XVI в.) (Кренке, 2009. С. 134. Рис. 228). Горшок красноглиняный с примесью песка в тесте, с прямым, чуть отогнутым наружу венчиком и коническим туловом (рис. 20, 3), аналогичный керамике XVI в. ямы 2 в Историческом проезде и селища у часовни великомученика Никиты (близ

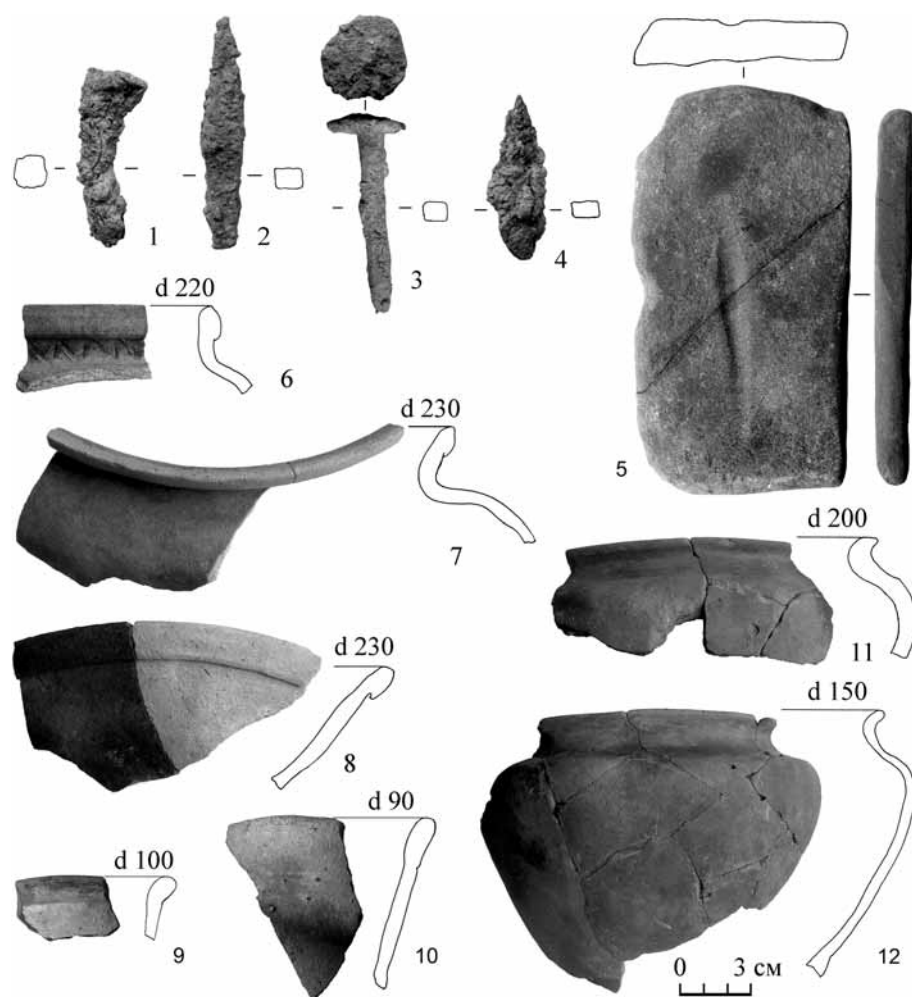

Рис. 18. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 21. Находки

1–4 – железные предметы; 5 – оселок каменный; 6–7 – фрагменты белоглиняных сосудов с примесью песка (МБК-1); 8 – фрагмент миски белоглиняной с примесью песка; 9–10 – фрагменты красноглиняных кувшинов с белым ангобом; 11–12 – фрагменты красноглиняных сосудов с примесью песка

усадыбы Мураново) (Чернов, 1991б. С. 50). В заполнении собрано 342 обломка керамики, среди которой выделяется белоглиняная с примесью песка (34%), в том числе горшок с волнистым орнаментом (рис. 21, 1) (МБК-1, второй половины XVI в.; Коваль, 2001. С. 99. Рис. 1, 3), сходный с формами селища Михайловское-2 (Чернов, 1991б. С. 51. Табл. 123, 7), белоглиняные кувшины (рис. 21, 2, 3), миски. Отмечены обломки белоглиняного кувшина с примесью дресвы в тесте, с тычковым орнаментом и граффити (рис. 21, 4–6). Красноглиняная керамика с примесью песка (36%), в том числе фрагмент с волнистым орнаментом (рис. 21, 6), сходный с материалами постройки 2 селища Михайловское-2, датированным первой половиной XV в (Чернов, 1991а. С. 30, 174. Табл. 71). Присутствовали также обломки красноглиняной

керамики с примесью дресвы (3,2%), в том числе носик ручейника, красноглиняной с примесью песка черного цвета (3,5%), красноглиняной с примесью песка красного цвета, красноглиняной ангобированной керамики с примесью песка красного цвета (рис. 21, 9, 11) (7,9%), мореной (4 фр.), чернолощеной (9,6%), белоглиняной без примесей (7,6%), красноглиняной с примесью песка с пятнами белого ангоба XV – начала XVI в. (рис. 21, 10). Датировка комплекса – конец XV–XVI в.

В раскопе 3 обнаружены 19 ям, врезанных в материк. Три из них – с остатками печей, одна – погребная (№ 15), одна – столбовая (№ 8), одна – борозда плуга (№ 10), одна – борозда или колея (№ 17). Другие 12 неясного происхождения, некоторые, возможно, являются поздними перекопами (№ 9, 16, 18).

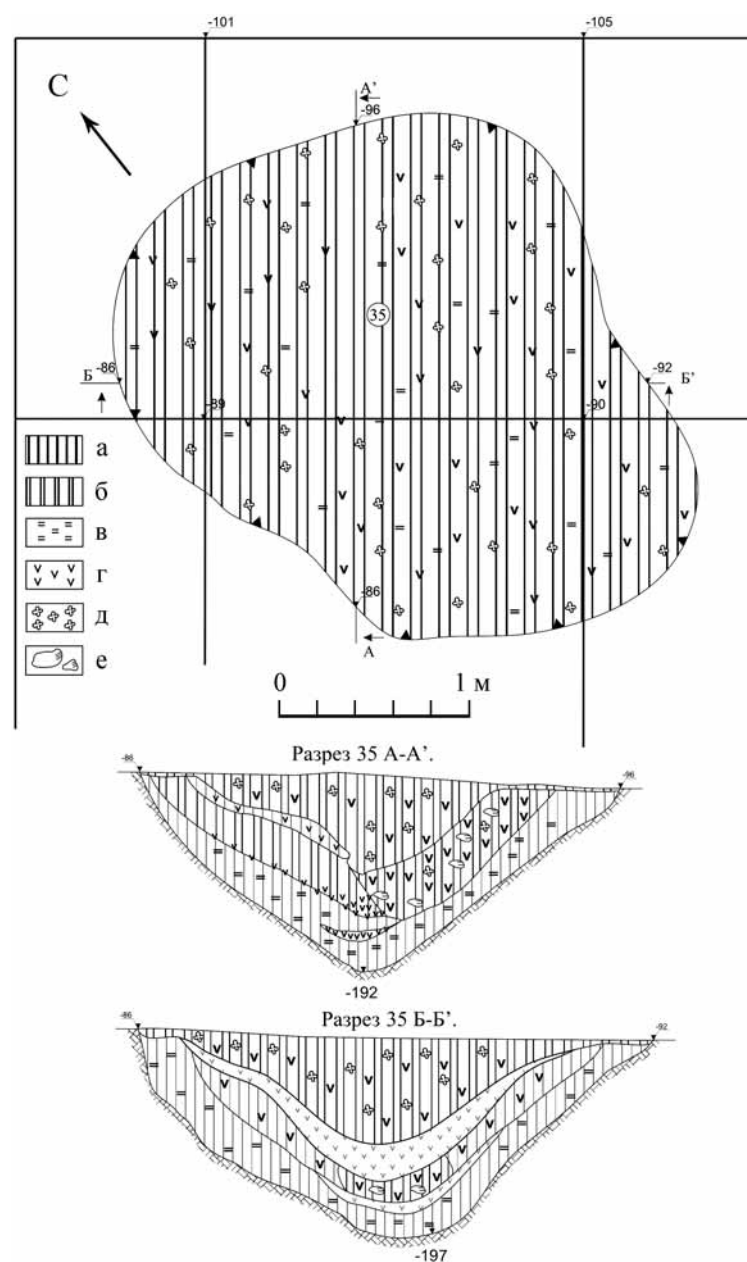

Рис. 19. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 35. План

a – серый суглинок; *б* – коричневый суглинок; *в* – глина; *г* – уголь; *д* – печина (мелкие куски); *е* – камни

Яма № 12 неправильной формы (размеры 1,0×1,4 м, глубина 0,2 м – рис. 22). В заполнении камни, фрагменты пещины, угли, преобладают мелкие фрагменты белоглиняной керамики с примесью песка (МБК-1) (рис. 22, 1–4) (58%) и красноглиняной керамики с примесью песка в тесте (27%) (табл. 3), в том числе венчики типов 6 и 4 по В. Ю. Ковалю (1997. С. 210; 2004. С. 23). Найдены кованый железный гвоздь и отщеп серого кремня. В разрезе ямы на глубине 0,08–0,10 м от дневной поверхности зафиксирована прослойка

обожженного суглинка толщиной 3–4 см и длиной 25 см (остатки печи?), на глубине 0,18–0,20 м от дневной поверхности – углистая прослойка толщиной 2–3 см и длиной 25 см. Датировка комплекса – XVI в.

Яма № 13 неправильной восьмеркообразной формы (размеры 2,6×1,3 м, глубина – 0,37 м – рис. 23). В заполнении – куски пещины, угли, камней и немногочисленные (48 шт.) мелкие обломки (табл. 3) белоглиняной керамики с примесью песка в тесте (МБК-1) (рис. 23, 1–3) (77%),

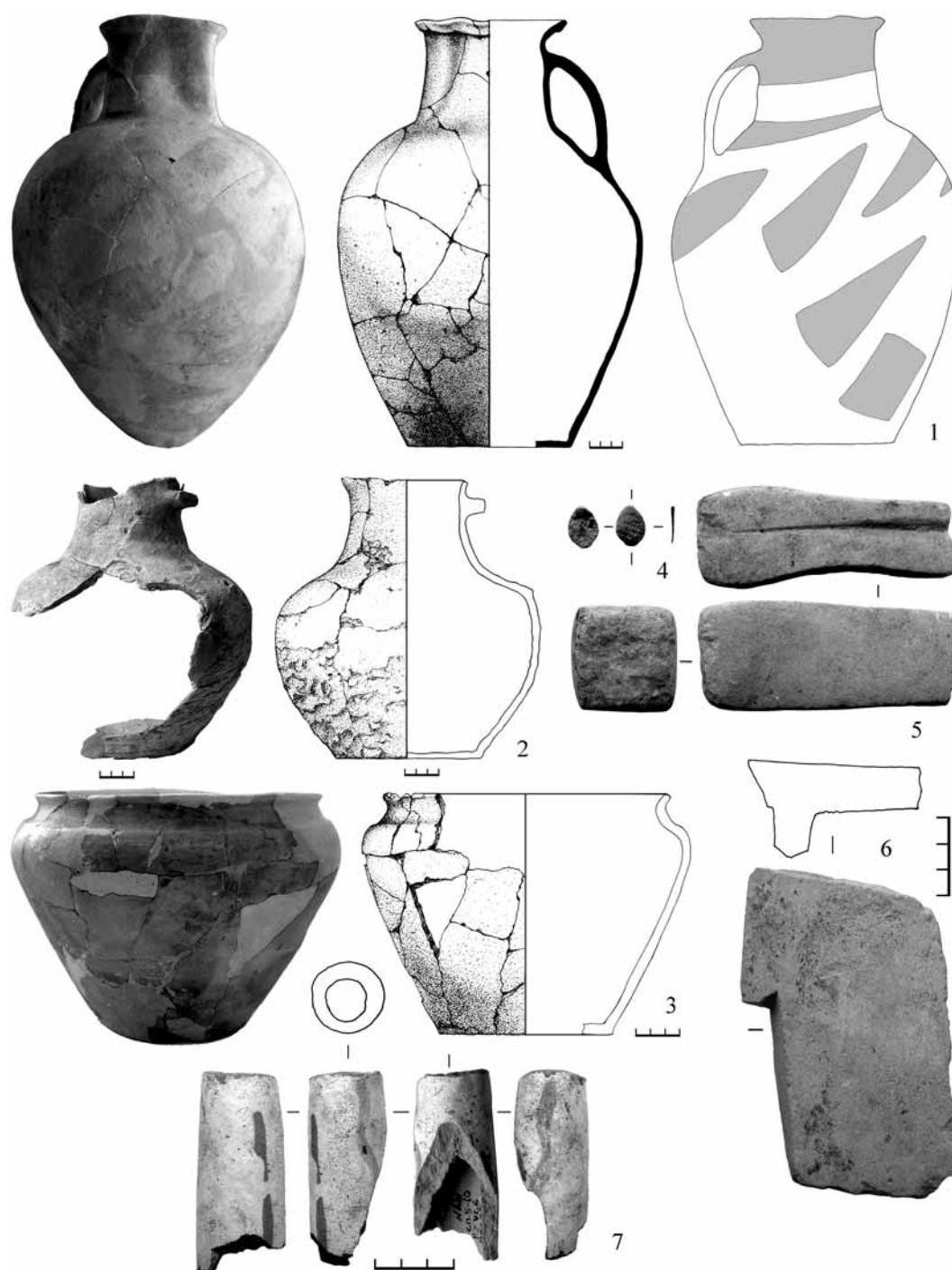

Рис. 20. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 35. Находки (см. цв. вкл.)

1 – белоглиняный ангобированный кувшин с примесью песка; 2 – белоглиняный кувшин с примесью песка; 3 – красноглиняный сосуд с примесью песка; 4 – монета копейка Михаила Федоровича; 5 – оселок каменный; 6 – фрагмент красноглиняной лотковой черепицы; 7 – фрагмент красноглиняной дудочки с белым ангобом и красной росписью

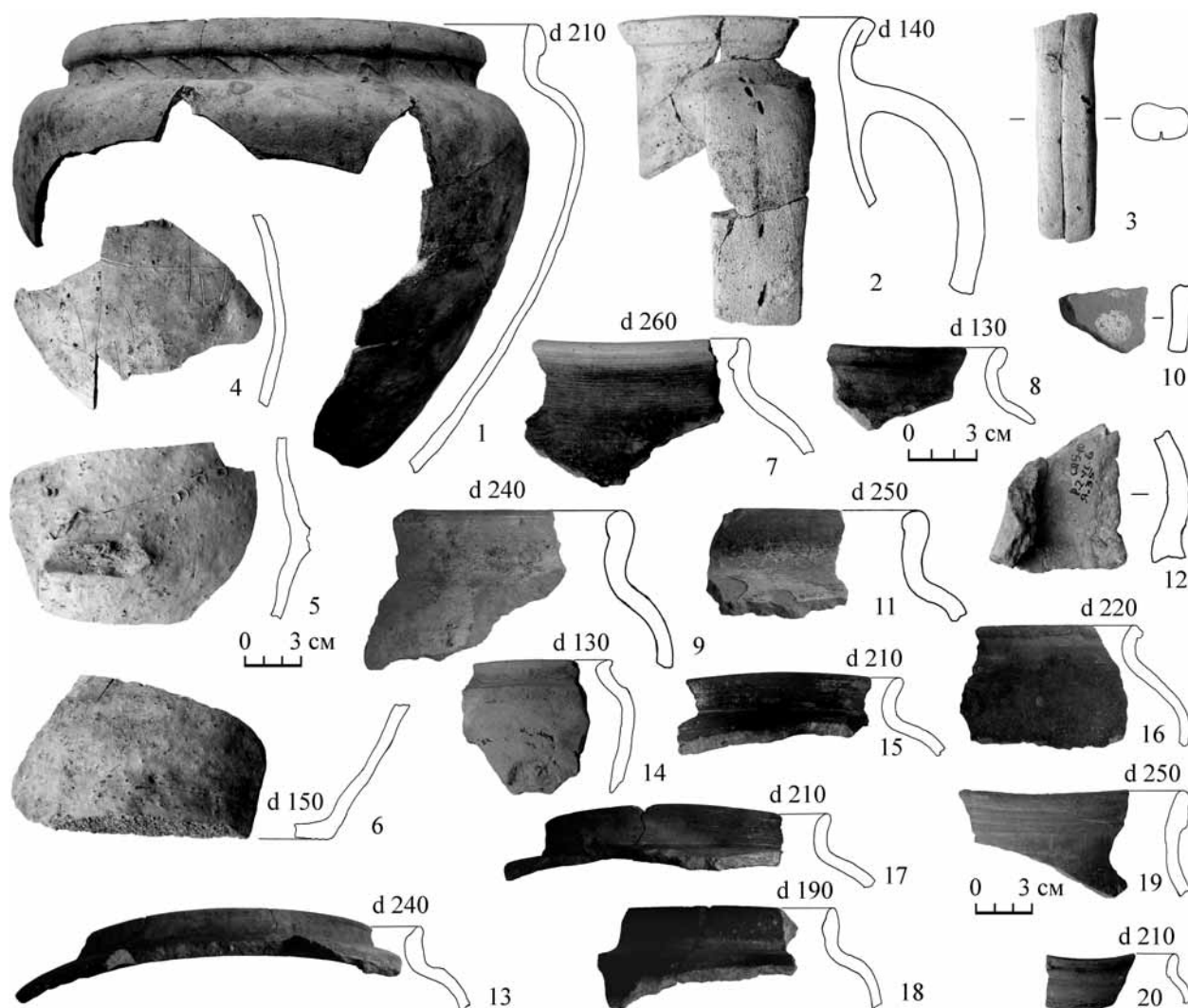

Рис. 21. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 2. Яма 35. Фрагменты сосудов

1–6, 8 – белоглиняных с примесью крупного песка и дресвы (МБК-1); 7 – белоглиняного без примесей (МБК-2);
9–12 – красноглиняного ангобированного с примесью песка; 13–18 – красноглиняных с примесью песка;
19–20 – мореного без примесей

а также обломки красноглиняной керамики с примесью песка (23%), в том числе с венчиками типа 4 по В.Ю. Ковалю (1997. С. 210; 2004. С. 23), и фрагмент белоглиняной керамики без примесей в формовочной массе. Стенки обеих частей ямы № 13, покрыты прокаленной оранжевой глиной толщиной 5 см, поверх которой залегал слой угля толщиной 8 см. На глубине 0,3 м от уровня материка обнаружена прослойка углей толщиной 6–10 см, кусок трубчатой кости животного. Яма состоит из двух сомкнутых округлых углублений, каждое диаметром 1,3 м, между ними – «перешеек» высотой 10 см. Яма может быть сопоставлена с остатками летней печи (с припечной ямой), стоявшей вне построек. Датировка – XVI – начало XVII в.

Яма № 15 – прямоугольной формы (размеры 1,4×1,2 м, глубина 0,3 м – рис. 24). Дно плоское ровное, в ее южном углу на 0,16 м заглублена подквадратная яма размером 0,78×0,8 м, а в южном углу этой внутренней ямы размещалась подовальная яма размером 0,44×0,32 м и глубиной 6 см. В заполнении – рыхлый коричневый суглинок с кусками печины (6 шт.), углей, колотых камней, обломками красноглиняной керамики, главным образом с примесью песка и дресвы в тесте, в том числе венчики типа 6 с волнистым орнаментом (рис. 24, 1–3), аналогичные формам из ямы 2 селища Михайловское-2 XV в. (Чернов, 1991. С. 30. Табл. 71). Яма, возможно, являлась небольшим погребом. Датировка – XIV–XV вв.

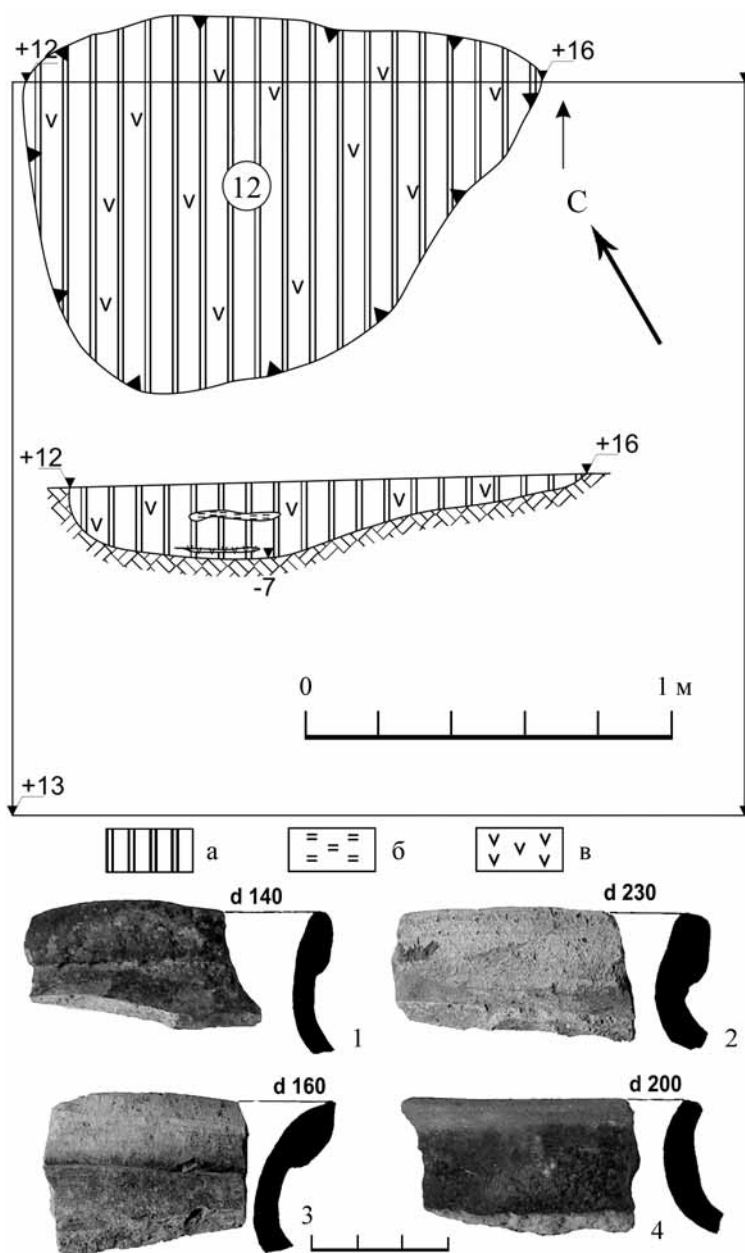

Рис. 22. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 3. Яма. 12. План
1–4 – фрагменты белоглиняной керамики с примесью песка (МБК-1);
а – коричневый суглинок; б – глина; в – уголь

Яма № 19 – округлой формы (размеры 1,5×1,3 м, глубина 0,38 м – рис. 25). В однородном заполнении – скопление обломков красноглиняной керамики с примесью песка в тесте (табл. 3), в том числе горшков с заостренным краем и валиком с внутренней стороны и волнистым орнаментом по венчику, аналогичным материалу из ямы 2 селища Михайловское-2 начала XV в. (рис. 26, 1–6) (Чернов, 1991а. С. 30. Табл. 71). К этому же типу керамики принадлежал развал горшка с клеймом

на днище (рис. 26, 9–11). Горшок имел резко выделенное ребро на переходе от плечика к изогнутому и отогнутому наружу венчику, с заостренным чистовым краем, типа 6 по В. Ю. Ковалю (1997. С. 210; 2004. С. 23), он аналогичен красноглиняным сосудам из ямы 7 на селище у часовни великомученика Никиты (близ усадьбы Мураново), датируемым концом XV – XVI в. (Чернов, 1991а). Яма включала остатки печи и может быть датирована XV–XVI вв.

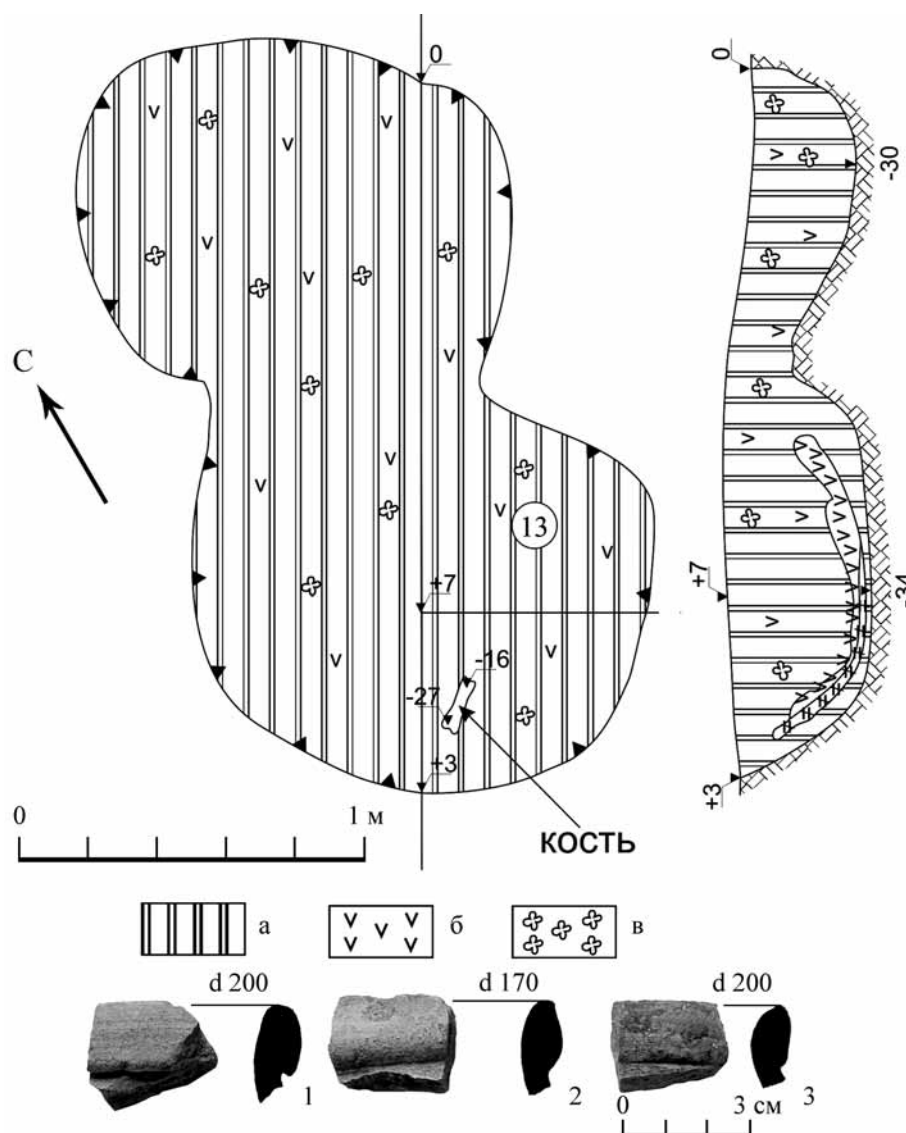

Рис. 23. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 3. Яма. 13. План

1–3 – фрагменты белоглиняной керамики с примесью песка (МБК-1);
 а – коричневый суглинок; б – уголь; в – печина (мелкие куски)

Четыре ямы-канавки (№ 1, 2, 4, 7) датируются XIV–XV вв. В их заполнении – красноглиняная керамика с примесью дресвы и песка в тесте (в том числе два венчика типа 5, один из них с волнистым орнаментом).

В раскопе 4 зафиксирована яма № 6 подпрямоугольной формы (размеры 2,6×1,0 м, глубина 0,2 м – рис. 27). В заполнении – 57 кусков печины, скопления колотых камней, зубы свиньи, 204 фрагмента керамики. В северо-западном углу – скопление обломков толстостенных белоглиняных сосудов из формовочной массы без видимых примесей. В комплексе (табл. 3) преобладает красноглиняная керамика с примесью дресвы (8,8%) и песка

(59,6%) в тесте, незначительное количество белоглиняной керамики с примесью песка (6,8%), мореной и мореной с лощением (1,9 и 3,9%). Немного больше – белоглиняной без примесей в тесте (13,2% – рис. 28, 10, 11). Один фрагмент – красноглиняный без примесей в тесте, с белым ангобом и линейным орнаментом-«гребенкой», аналогичным декору МБК-2 (рис. 28, 8). Интересен красноглиняный горшок с примесью песка в тесте, с резко выделенным переходом от плечика к вертикально поставленному венчику, черновой край которого заворачивался наружу, с заостренным чистовым краем (рис. 28, 1) типа 4 по В.Ю. Ковалю (1997. С. 210; 2004. С. 23). Найдены четыре железных

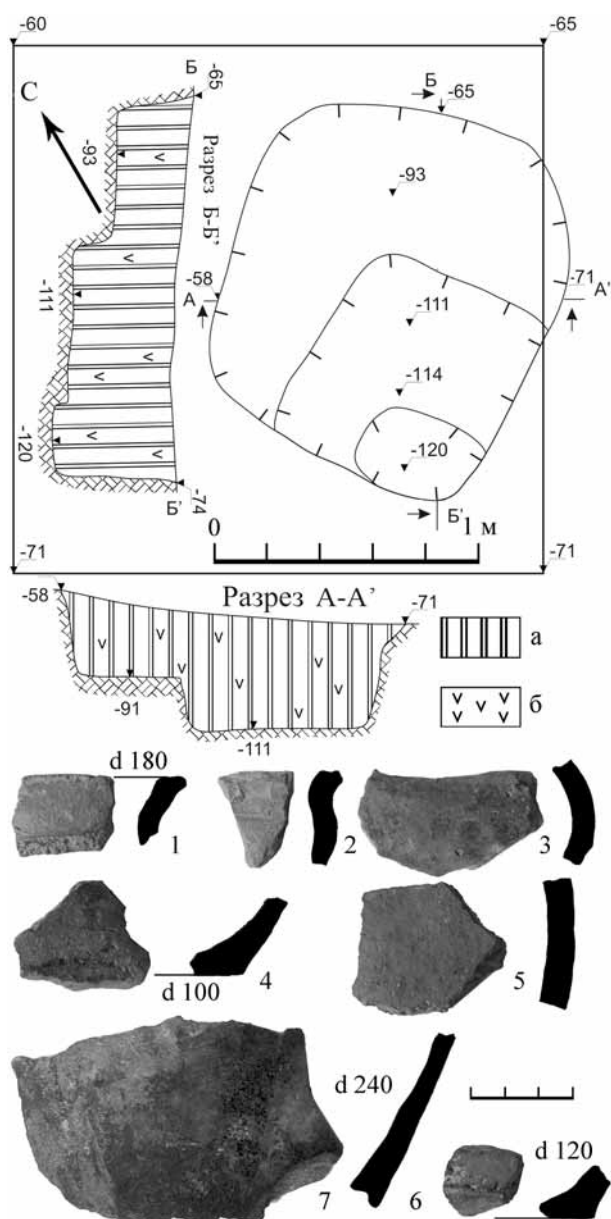

Рис. 24. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 3. Яма. 15 План
1–7 – фрагменты красноглиняной керамики с примесью
песка; а – коричневый суглинок; б – уголь

гвоздя. Яма содержала остатки печи, может быть датирована XVI–XVII вв.

Кроме заглубленных объектов в распаханном слое селища найдены средневековые предметы: в раскопе 1 – железный светец XV–XVI вв. (рис. 29, 1) и нателный бронзовый крест с криво-видными концами (рис. 29, 2), датируемый началом XIV – началом XV в. (Седова, 1981. С. 51, 54. Рис. 16, 8); в раскопе 3 – красноглиняное с примесью песка в тесте цилиндрическое рыболовное грузило (рис. 29, 3), цилиндрический замок типа

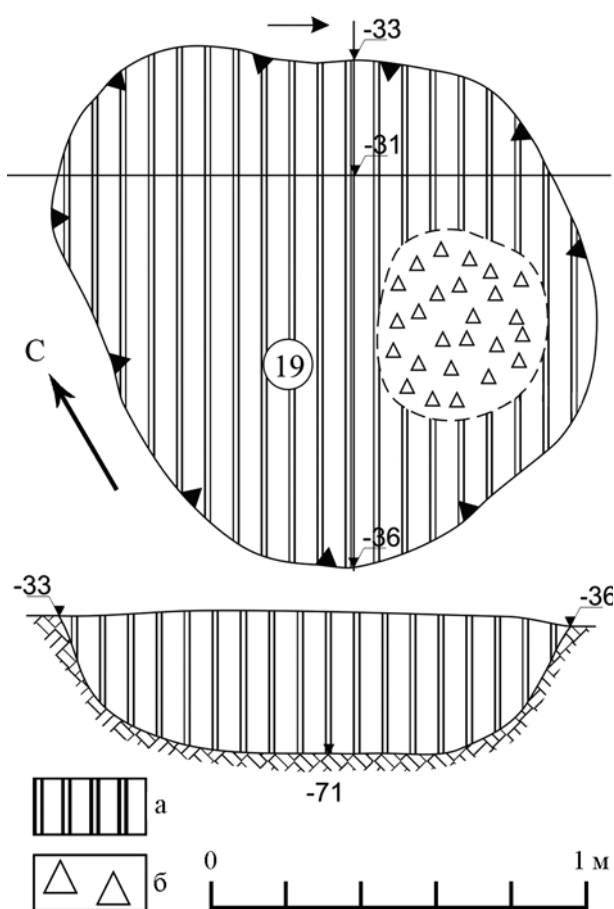

Рис. 25. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 3. Яма. 19. План
а – коричневый суглинок; б – скопление фрагментов
керамики

Е по Б. А. Колчину (рис. 29, 8), датируемый второй половиной XIII – XVI в. (Колчин, 1959. С. 84, 87; Кудрявцев, 2012. С. 121), шаровидная бронзовая пуговица, датируемая серединой – второй половиной XVII в. (рис. 29, 4; Энгватова, Зеленцова, 2005. С. 82–85); в раскопе 4 – серебряная монета-копейка Ивана IV (рис. 29, 10), свинцовая шаровидная пуля (рис. 29, 6) с коническим литником без дальнейшей обработки – группа 1, вариант 1 конца XV – XVII вв. (Двуреченский, 2005. С. 265–266).

Таким образом, наши раскопки позволяют сделать вывод о том, что основание поселения на стрелке рек Кончуры и Карбуги относится к периоду XIII–XIV вв. В результате раскопок исследованы остатки культурного слоя, сильно перемешанного распашкой и огородами XX в., а также полностью изучены 58 заглубленных в материк ям, 32 из которых содержали датирующий материал. Из этих 32 ям два комплекса датиро-

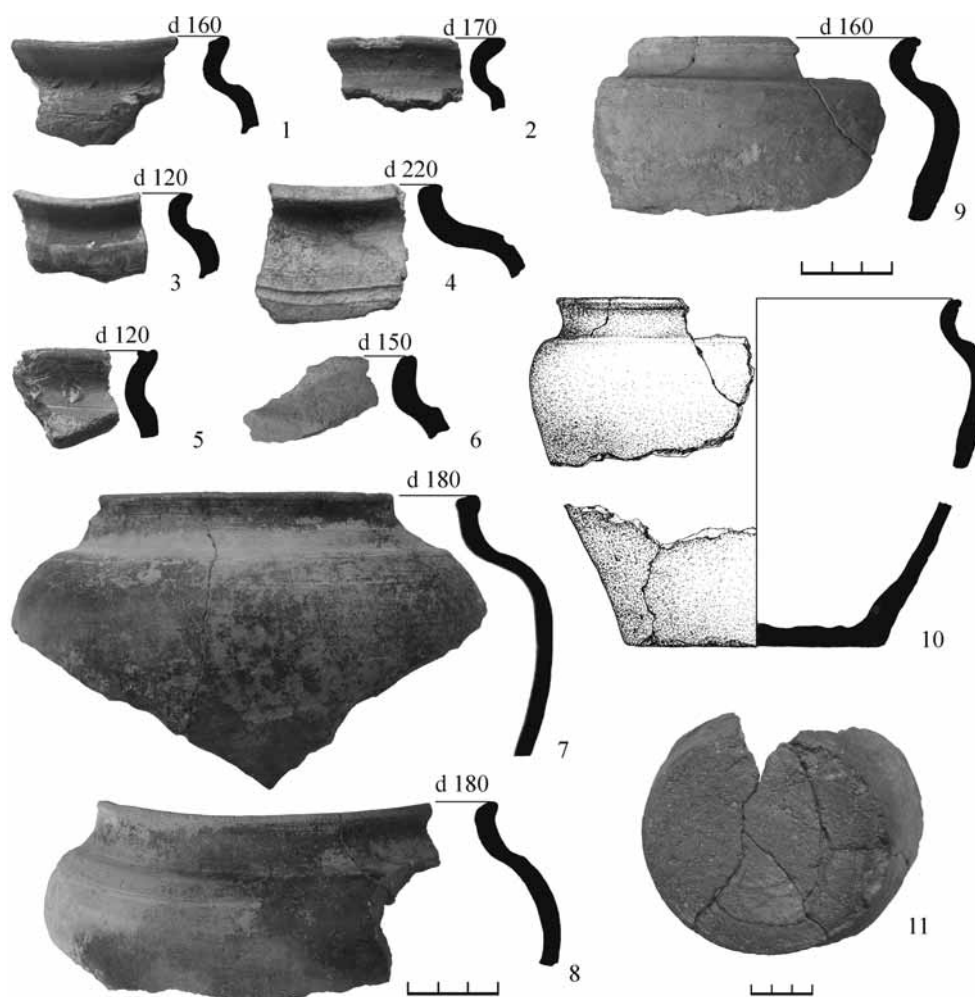

Рис. 26. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 3. Яма. 19. Фрагменты сосудов (см. цв. вкл.)

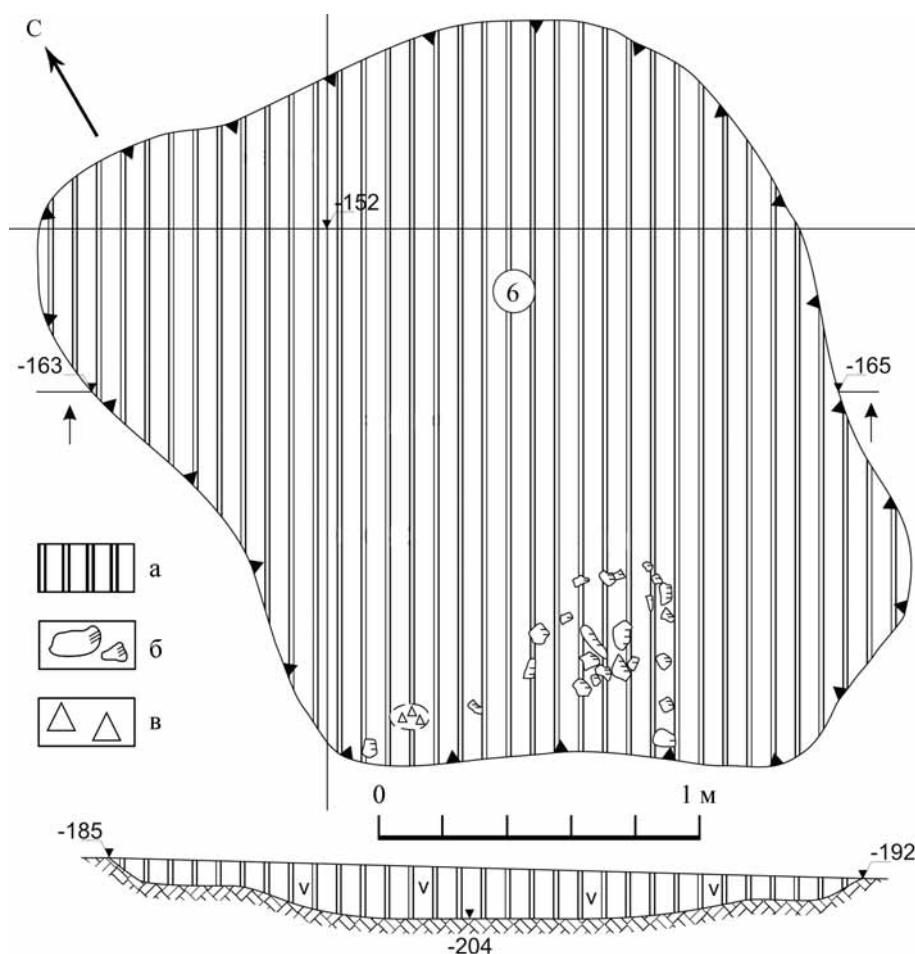
1–5 – красноглиняных с примесью дровсы; 6–11 – красноглиняных с примесью песка;
9–11 – фрагменты красноглиняного сосуда с клеймом

вались XIII–XIV вв., а остальные принадлежали позднесредневековой эпохе: один погреб и четыре канавки – XV в., прочие – XVI–XVII вв. Две подпечные ямы (№ 2 и 3), содержавшие керамику, близкую к курганным формам, могут быть датированы XIII в. По-видимому, деревня этого времени располагалась на склоне, ближе к стрелке. Вполне возможно, что поселение возникает вскоре после монгольского нашествия 1238 г. После этого в течение столетия активной жизни на поселении не было. В дальнейшем, в XIV–XVII вв., поселение занимало большую площадь и располагалось также на вершине мыса. Материал XIV в. представлен единичными находками (крест-тельник), керамика XIV–XV вв. отмечена в четырех ямах-канавках (рис. 29, 2), а также в нескольких подпечных ямах, где в заполнении преобладает материал XVI–XVII вв. (например, в яме № 35 найден

фрагмент дудочки с росписью по белому ангобу). К XVI–XVII вв. относится 21 постройка, в том числе с подземными частями – подпечными ямами и подпольями (ямы № 2–5 раскопа 1 и ямы № 2, 21, 35 раскопа 2). Из этих комплексов происходит красноглиняная керамика, характерная для московского гончарного производства этого времени.

На большей части раскопанной площади концентрация ям незначительна, свободное пространство между ними достигает от 10 до 30 м. На 17 участках из 47 (площадью по 100 кв. м каждый) ямы вообще отсутствовали. Ямы, содержащие датирующий материал, располагались только на 14 участках. Наибольшая концентрация ям отмечается в южной и центральной частях раскопа 1 (раскоп 1 и раскоп 2 – рис. 3).

Выявление планировочной структуры поселения в полном объеме не представляется возможным.

Рис. 27. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 4. Яма. 6. План
 а – коричневый суглинок; б – камни; в – скопление фрагментов керамики

За время существования деревни на исследованном участке существовало не более трех-четырех усадеб (табл. 1; 2). Вероятно, это были редкие отдельные постройки, которые размещались вдоль береговой линии в направлении ССЗ – ЮЮВ. Большая часть площадки могла использоваться под пашню и огороды. Ямы № 1, 21 и 35 раскопа 2 можно рассматривать как остатки отапливаемых построек, вытянувшихся в линию с северо-востока на юго-запад.

Вещи, происходящие из заполнения ям, относятся в основном к эпохе позднего Средневековья. Орудия труда найдены в небольшом количестве (пешня, ножи, оселки). Обращает на себя внимание полное отсутствие украшений и лишь один крест-тельник. Наиболее поздние датирующие вещи – монета-копейка Михаила Федоровича

и фрагменты лотковой черепицы. Однако монета найдена сверху ямы, а красноглиняная черепица имеет широкую датировку – от начала XVI в. до 70-х годов XVII в. (Хворостова, 2002. С. 211).

На памятнике исследован керамический комплекс, насчитывающий 4891 фрагмент керамики и включающий красноглиняную и белоглиняную керамику как с примесью песка и дресвы в тесте, так и без видимых примесей, а также ангобированную, чернолощеную и мореную посуду. Интересен разнообразный набор форм: корчаги, горшки, миски, сковороды, кувшины. Все это, а также находка фрагментов черепицы позволяет связать селище с одной из деревень XVI–XVII вв. Троице-Сергиева монастыря; вероятно, это могла быть деревня Крючково, упоминаемая в документах с начала XVI по первую четверть XVII в.

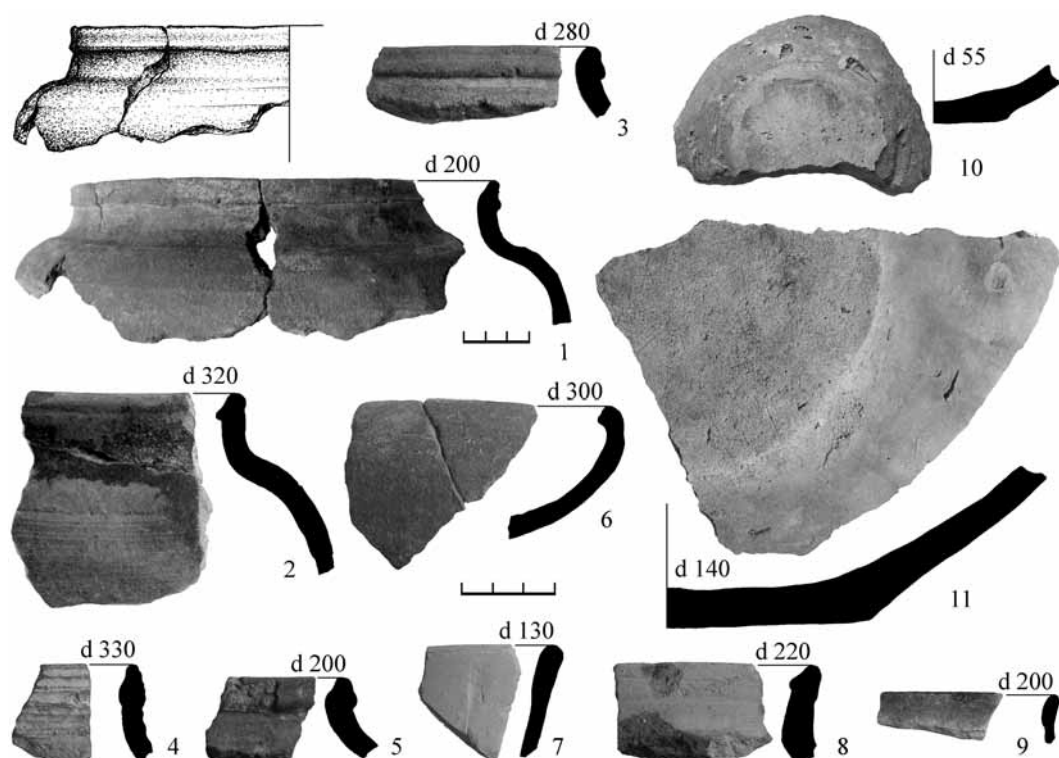

Рис. 28. Селище Сергиев Посад 5. Раскоп 4. Яма. 6. Фрагменты сосудов

1–4, 6, 8, 9 – красноглиняных с примесью песка; 5 – красноглиняного ангобированного с примесью песка;
7 – красноглиняного без примесей; 10–11 – белоглиняных без примесей (МБК-2)

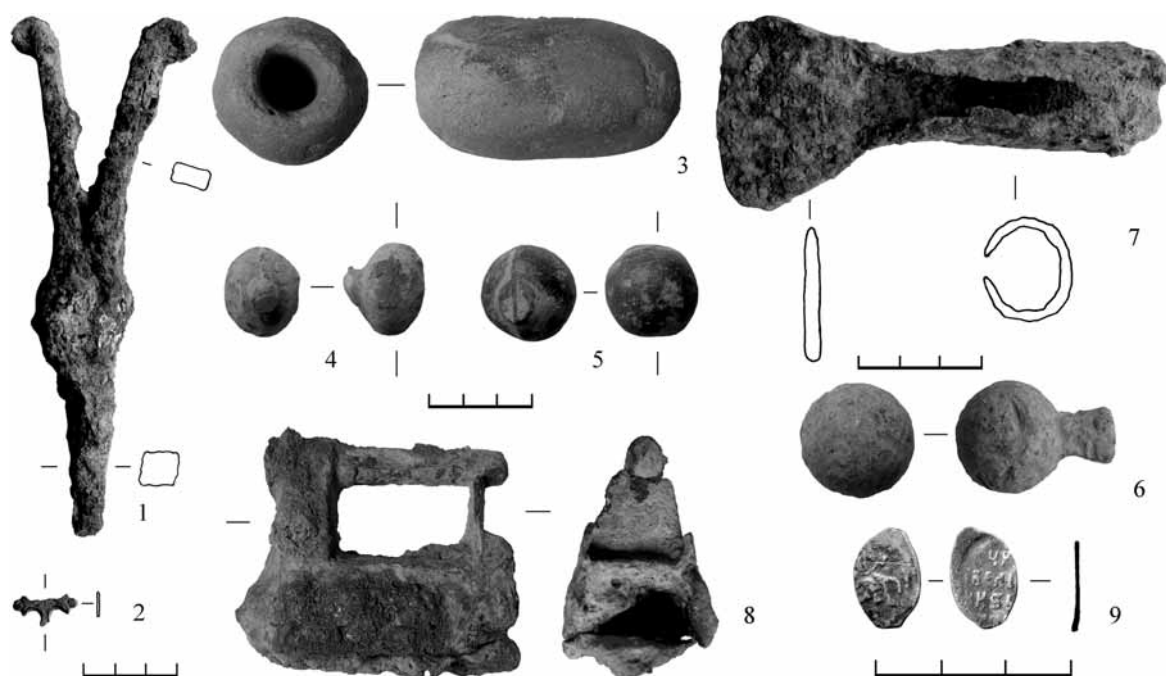

Рис. 29. Селище Сергиев Посад 5. Находки из распаханного слоя

1 – свечек; 2 – крест нателный; 3 – грузило рыболовное с примесью песка; 4 – пуговица; 5–6 – пули; 7 – пешня;
8 – замок типа Е; 9 – копейка Ивана IV. 1, 7, 8 – железо; 2, 4 – бронза; 3 – керамика; 5–6 – свинец; 9 – серебро

Литература

- АКР. Московская область. Ч. 3. М., 1996.
- АСЭИ. Т. 1. М.–Л., 1952.
- Богомолов В. В., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2013. Позднесредневековый комплекс из раскопок на поселении Кулаково 3 Раменского района Московской области//АП. Вып. 9. М.
- Вишневский В. И., 2006. Археологическое исследование монастыря Воскресенская пустынь в верховьях р. Дубна//Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2005 года. М.
- Голубинский Е. Е., 1909. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М.
- Грибов Н. Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация//АП. Вып. 8. М.
- Двуреченский О. В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV–начала XVIII века//АП. Вып. 2. М.
- Коваль В. Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии//ТТЗ. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве//РА. № 1.
- Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии//Археология Подмоскovie. М.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого//МИА. № 65.
- Кренке Н. А., 2009. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.
- Кренке Н. А., 2012. Отчет о раскопках селища XIII–XIV вв. Назарово-2 в Пушкинском районе Московской области в 2012 году/Архив ИА РАН; Архив СПГИХМЗ. № НА-2044–2.
- Кудрявцев А. А., 2012. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа)//РА. № 4.
- Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отд. 1/под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1872.
- Полюях А. А., 2005. Гончарный горн у села Бахтеево в Раменском районе Московской области//АП. Вып. 2. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Хворостова Е. Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область)//ТТЗ. Вып. 4. Тверь.
- Чернов С. З., 1991а. К хронологии московской керамики конца XIII – середины XV вв.//МК. М.
- Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв.//МК. М.
- Чернов С. З., 1992. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических разведках в Сергиево-Посадском районе Московской области в 1992 году/Архив ИА РАН. Р-1 № 17313.
- Чернов С. З., 1994. Отчет об археологических разведках на территории Сергиево-Посадского и Пушкинского районов Московской области в 1994 году/Архив ИА РАН. Р-1. № 19703.
- Шафранов Н. Т., 1925. К истории Сергиевского края//Сергиевский уезд. Сергиев.
- Шполянский С. В., 2008. Конструкции подпольев средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации)//АВСЗ. Вып. 2.
- Щербаков В. В., 2005. Отчет об археологических разведках в Сергиево-Посадском районе Московской области в 2005 г./Архив ИА РАН; Архив СПГИХМЗ. № НА-1727.
- Энговатова А. В., Зеленцова О. В., 2005. Исследования участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой Лавры//АП. Вып. 2. М.

V.I. Vishnevsky

Settlement Sergiev Posad 5 (excavations 2010–2011)

Summary

The article presents the materials of first large-scale excavation (4720 sq. m.) in the city of Sergiev Posad in 2010–2011 – the research of medieval settlement Sergiev Posad 5, which could be the remains of the village Kryuchkovo, mentioned in documents from the beginning of the first quarter of the 16th to

17th centuries. Most of the pottery and items from the remains of the buildings belong to the 15th – 17th centuries. 2 pits with pottery of 13th century were found. This is evidence of the development of this territory before the foundation of the Trinity-Sergius Monastery.

А. М. Фатьков

Средневековая керамика селища Кулаково-3

В октябре – ноябре 2010 г. ГИМ, Институт археологии РАН и ЦАИ «Куликово поле» совместно проводили охранные археологические исследования на вновь выявленном объекте археологического наследия – селище Кулаково-3 в Раменском районе Московской области¹. Селище расположено на невысоком всхолмлении в пойме р. Москва, в 0,3 км к западу от села Кулаково, на правом берегу безымянного ручья – правого притока р. Москва (рис. 1). По результатам предварительной археологической разведки памятник был датирован эпохой бронзы и концом XIII – серединой XVII в. Поскольку часть памятника должна была быть разрушена при строительстве автомобильной дороги, на данном участке заложили раскоп площадью 3750 кв. м (Емельянов, 2011).

На большей части раскопа фиксировался только один – пахотный – слой турбированной темной серо-бурой супеси, иногда с включениями материкового песка. Мощность этого слоя увеличивалась с юга на север (в сторону ручья) от 4 до 45 см. В ходе проведенных работ было выявлено и изучено 352 объекта, включавших условно-закрытые комплексы керамики и индивидуальных находок (рис. 2). Двести пятьдесят объектов вообще не содержали археологического материала. Пятьдесят комплексов включали единичные обломки стенок круговых красноглиняных и белоглиняных сосудов (от одного до 10 экз.). Столь небольшое количество керамического материала при отсутствии датирующих вещевых находок не позволяло четко датировать объекты.

Сорок комплексов содержали от 17 до 30 фрагментов круговой керамики, а 12 – более 100 таких находок. Даже эти комплексы точно датировать по имеющимся в них индивидуальным находкам очень сложно ввиду широкой датировки вещей. Поэтому основным датирующим материалом могла служить только керамика. Всего на раскопе было найдено более 3230 обломков круговых керамических сосудов.

Хронологически наиболее ранней группой круговой посуды, фрагменты которой были найдены в раскопе, является красноглиняная керамика, иногда называемая в научной литературе для Москвы и Подмосковья постдревнерусской. Ее морфология и орнаментация хорошо описаны, датируется она серединой XIII – концом XIV в. (Чернов, 1991. С. 20–30). Такая керамика из материалов описываемого раскопа была сделана из формовочных масс с добавками дресвы и песка (рис. 3). Другая часть обломков красноглиняной посуды, найденной в раскопе, схожа с керамикой Москвы XIV – середины XV в. Она изготовлена из формовочных масс с добавками либо только песка, либо песка и дресвы (рис. 4; 5). Встречена и московская красноглиняная (так называемая гладкая) посуда XVI в. (Чернов, 1991. С. 50, 52, 53; Бойцов, 1991. С. 35–39), содержащая в формовочных массах песок (рис. 5). Таким образом, наряду с явным московским импортом встречены изделия, изготовленные в той же гончарной традиции, что и они, но, вероятно, не в Москве, а в одном из близлежащих районов Москворечья.

---

¹ Пользуюсь случаем, выражаю искреннюю благодарность А. В. Емельянову, руководившему работами, за предоставленную возможность изучить ранее не публиковавшийся материал. Благодарю также руководство ИА РАН и ГИМ (в лице А. В. Энговатовой и М. И. Гоняного) и ряд коллег (А. В. Шекова, В. В. Миненко, Н. А. Баранова, О. А. Брусенцова) за помощь в работе.

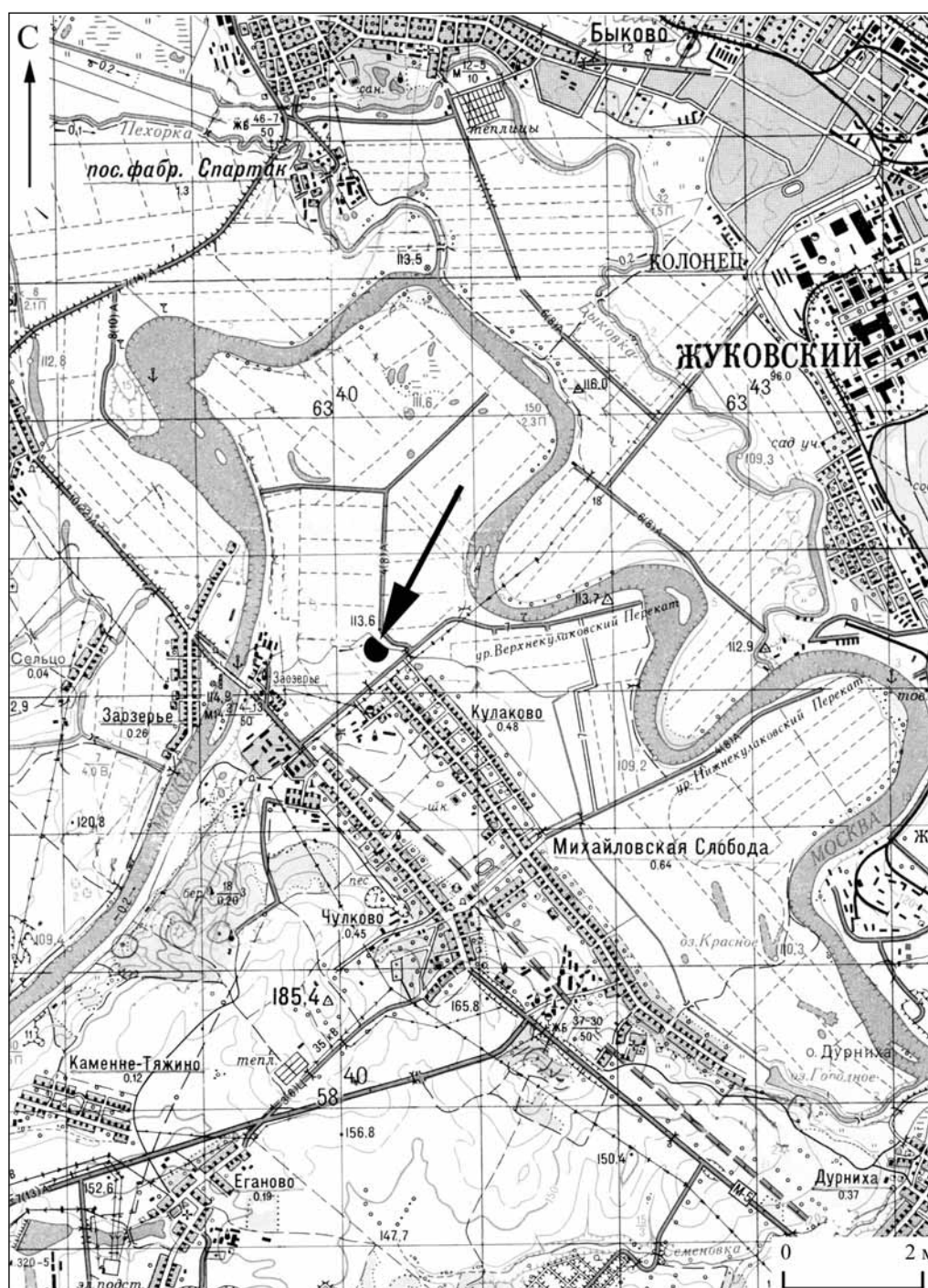
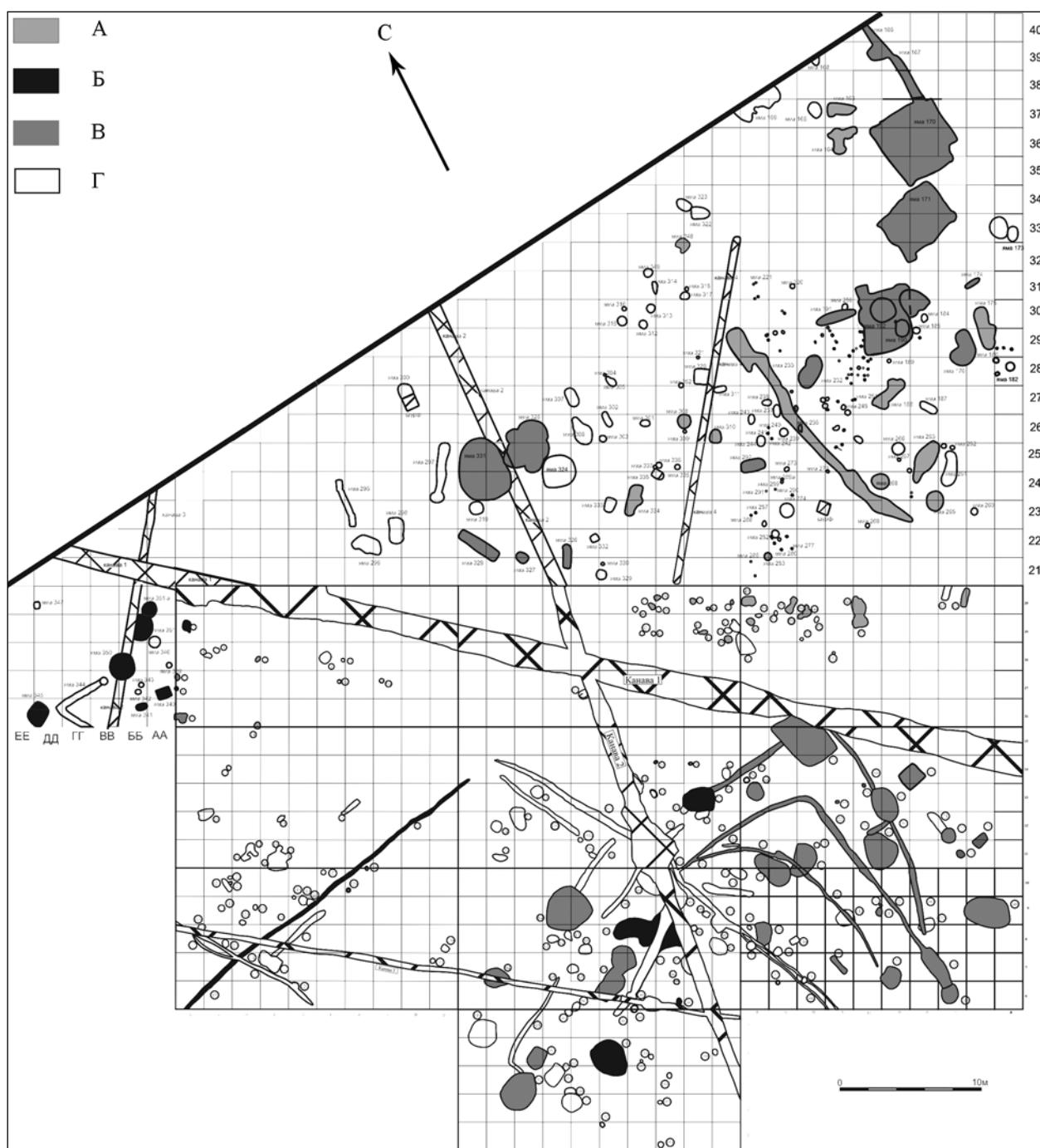

Рис. 1. Московская область, Раменский район. Ситуационный план-схема местоположения селища 3 у деревни Кулаково. Стрелкой указано место расположения селища

Среди белоглиняной посуды с присутствием в формовочных массах песка (в ряде случаев – песка и дресвы) морфологически хорошо выделяется группа керамики, получившая для Москвы и Подмосковья в научной литературе наименование белоглиняной грубой керамики или МБК-1 (рис. 6; 7), происхождение которой

связывается с гжельским регионом. Ее появление относится исследователями ко второй половине XV в. (Чернов, 1991. С. 50–52) либо к рубежу XV–XVI вв. (Коваль, 2001 С. 99, 100). Другая часть фрагментов принадлежала белоглиняной посуде, изготовленной из формовочных масс без видимых примесей, которую называют белогли-

Рис. 2. Селище Кулаково-3. Сводный план раскопа 1. Хронология комплексов

А – ямы бронзового века; Б – ямы XIII – кон. XIV в.; В – ямы кон. XIV – кон. XV в.; Г – ямы нач. XVI – сер. XVII в.; Д – ямы без определенной датировки; Е – ямы без археологического материала

няной гладкой керамикой, МБК-2 или керамикой коломенского типа (рис. 8; 9) (Чернов, 1991. С. 54; Коваль, 2001. С. 103–108). Морфология верхних частей горшков этой группы, найденных в раскопе, характер орнамента позволяют датировать их XVI – началом XVII в. (Коваль, 2001. С. 106).

Гораздо реже встречалась чернолощенная посуда, изготовленная из ожелезненных глин (судя по серым изломам) путем восстановительного обжига (Чернов, 1991. С. 50, 51, 53). Чернолощенная керамика, по мнению исследователей, появляется в Москве в конце XV в. (Чернов, 1991. С. 50, 51; Бойцов, 1991. С. 38, 39). Все найденные в раскопе

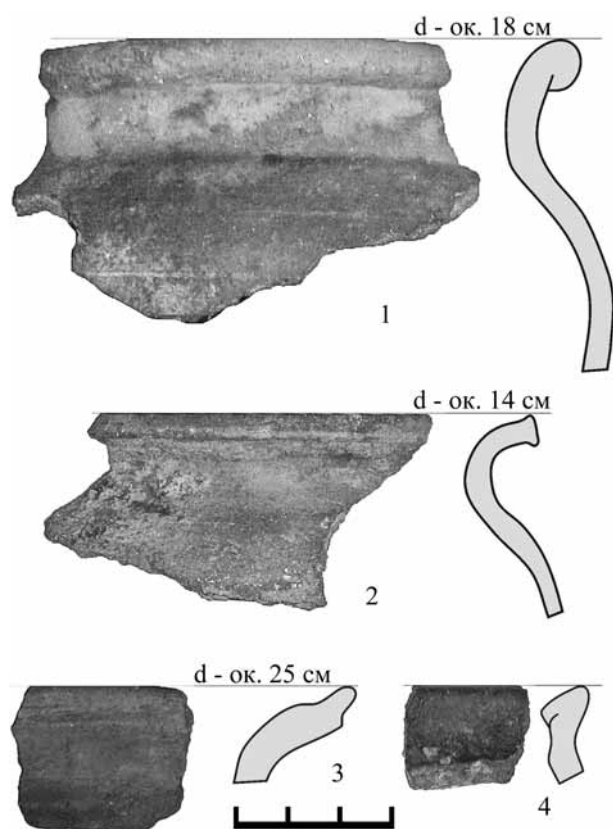

Рис. 3. Московская область, Раменский район. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком и дрсвой в формовочных массах
1–2 – яма 351а; 3–4 – яма 351

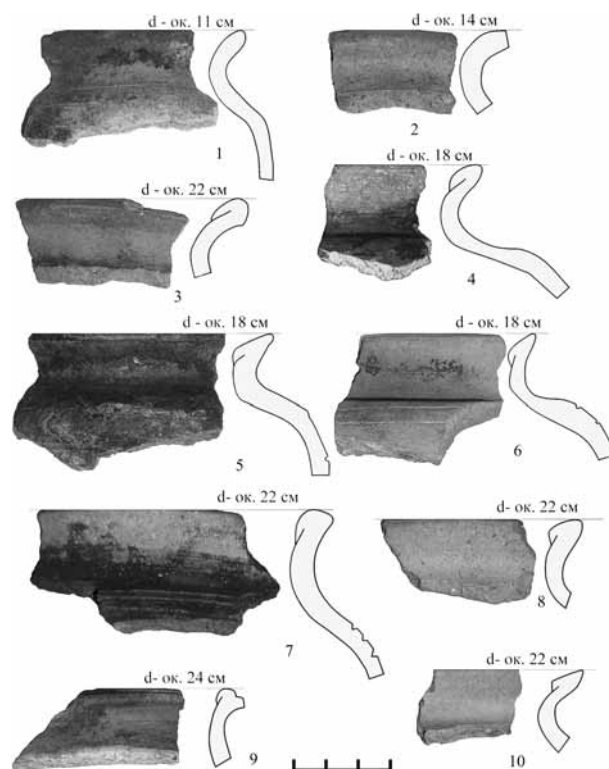

Рис. 4. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком в формовочных массах из ямы 351 (см. цв. вкл.)

чернолощенные фрагменты имели сплошное лощение (рис. 10), что было характерно для XVI в. («Археология...», 2009. С. 136).

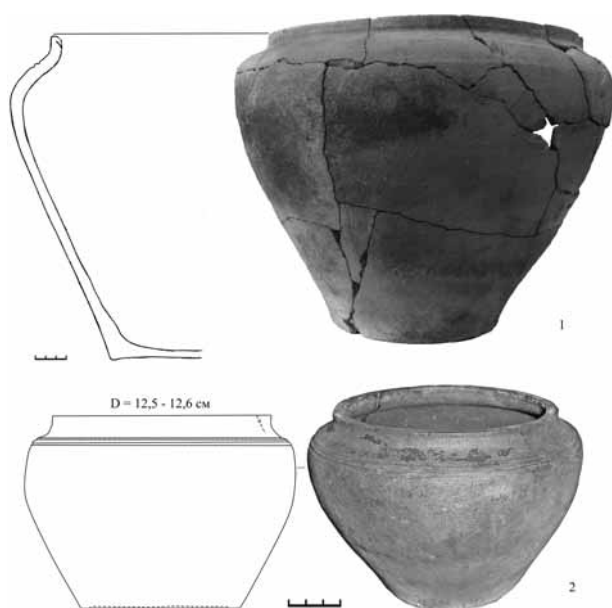
За основу изучения керамики селища Кулаково-3 была взята методика статистической обработки, предложенная В. Ю. Ковалем (2004). Она предполагает анализ каждого фрагмента комплекса по признакам технологии, морфологии и декора, исходя из характеристик керамики в соответствии с разработками А. А. Бобринского (1978). Прежде всего, таким способом обрабатывались материалы из 12 комплексов, содержавших более 100 обломков керамики. В результате можно дать общую характеристику этих комплексов и высказать предположения об их датировке.

Яма 351 содержала находки 112 обломков круговой керамической посуды, среди которой абсолютно преобладала красноглиняная керамика. При этом большую ее часть (89 экз. или 79%) составляла керамика с песком в тесте, изготовленная в стиле московской красноглиняной посуды XV – начала XVI в. (Бойцов, 1991. С. 40, 41). Венчики (14 экз.) слабо

отогнуты наружу, их черновой край либо завернут внутрь сосуда, либо без следов заворота (рис. 4). Меньшая часть красноглиняной керамики (14 экз.) относилась к группе изделий с песком и дресвой в тесте (13%), т.е. явно датируется более ранним временем. Венчики (4 экз.) сильно отогнуты наружу и находят аналогии в московской серой (постдревнерусской) посуде середины XIII – XIV вв. (Бойцов, 1991. С. 37) (рис. 3, 3, 4).

Восемь обломков керамики (7%) принадлежали белоглиняной грубой керамике (МБК-1) и один фрагмент – белоглиняной гладкой керамике (МБК-2). Ввиду того, что данный объект частично разрушен поздним перекопом, вероятно, вся белоглиняная керамика попала в яму 351 случайно, и поэтому данный материал не может влиять на датировку комплекса.

Учитывая абсолютное доминирование в яме 351 красноглиняной керамики, наиболее вероятно, что ее керамический комплекс следует датировать XV в. При этом меньшая часть керамики явно относится к более раннему времени – середине XIII – XIV в.

Рис. 5. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком в формовочных массах (см. цв. вкл.)

1 – яма 74; 2 – яма 190

Скорее всего, это связано с тем, что яма 351 частично перекрывает яму 351а, содержащую материал этого времени (рис. 3, 1, 2).

В остальных 11 комплексах доминировала белоглиняная керамика (МБК-1 и МБК-2).

Яма 65 содержала 100 обломков круговой керамики. Наибольшее количество (78 экз.) принадлежало белоглиняным грубым (МБК-1) сосудам с примесью песка в тесте (или песка и дресвы). Венчики горшков (7 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. Еще 12 образцов относятся к белоглиняным горшкам без примесей в тесте (МБК-2). Красноглиняная керамика из ямы 65 представлена 10 экземплярами сосудов с примесью песка в тесте.

Яма 67 включала 334 обломка круговой керамики. Подавляющее большинство керамики (74% – 244 экз.) принадлежало белоглиняным сосудам с примесью в тесте песка (или песка и дресвы) (МБК-1). Венчики горшков (13 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. 10 обломков принадлежало кувшинам и два – крышкам от горшков.

Второе место по количеству фрагментов принадлежит группе белоглиняной гладкой керамики (МБК-2) – 65 экз. (20%). Венчики горшков (13 экз.) вертикальной постановки, с небольшим наплывом с внутренней стороны. Орнамент из тонко прорисованных линий располагается на их внешней

стороне. К этой же группе относилась крышка сосуда с диаметром 30 см.

Девятнадцать обломков керамики (6%) принадлежали красноглиняным сосудам с примесью песка в тесте. Один венчик горшка слабо отогнут наружу с заворотом чернового края внутрь. Необходимо отметить стенку сосуда, внешняя поверхность которого была покрыта белым ангобом с росписью по нему красной краской. Вероятно, это часть кувшина или кумгана московского производства XVI в.

Яма 68 содержала 227 обломков круговой керамики. Наиболее многочисленной была группа белоглиняной керамики с примесью в тесте песка (или песка и дресвы) (МБК-1) – 89% (202 экз.). Венчики горшков (14 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. В эту же группу входят, как минимум, шесть фрагментов кувшинов.

Вторую по численности группу (17 экз., или 8%) составляла белоглиняная гладкая керамика (МБК-2) с венчиками (2 экз.) того же типа, что и в яме 67. Пять обломков керамики (2%) принадлежали красноглиняным сосудам с примесью песка в тесте, три (1%) – красноглиняным сосудам с примесью мелкой и средней дресвы в тесте.

Яма 74 включала 255 обломков круговой керамики. Подавляющее большинство керамики (90% – 230 экз.) принадлежало белоглиняным сосудам с примесью песка (или песка и дресвы) в тесте (МБК-1). Венчики горшков (9 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу (рис. 6, 1–4). Найдены также восемь фрагментов кувшинов и обломок крышки от горшка. Один из кувшинов имел ручку, оформленную вертикальными разрезами и рядом глубоких ямок овальной формы, предназначенных для ускорения высыхания сосуда после формовки.

Группа белоглиняной керамики без видимых примесей в тесте (МБК-2) представлена находками 16 экз. (6%). Стенки сосудов в двух случаях были покрыты линейным орнаментом. Красноглиняным сосудам с примесью песка в тесте принадлежали 11 обломков (4%). Их венчики слабо отогнуты наружу, черновой край либо завернут вовнутрь сосуда (рис. 5, 1), либо не имеет следов деформаций. По плечикам в ряде случаев был нанесен линейный орнамент.

Необходимо отметить находку стенки красноглиняного сосуда с примесью мелкого песка в тесте, внешняя поверхность которого была покрыта сплошным белым ангобом с росписью по нему красной краской.

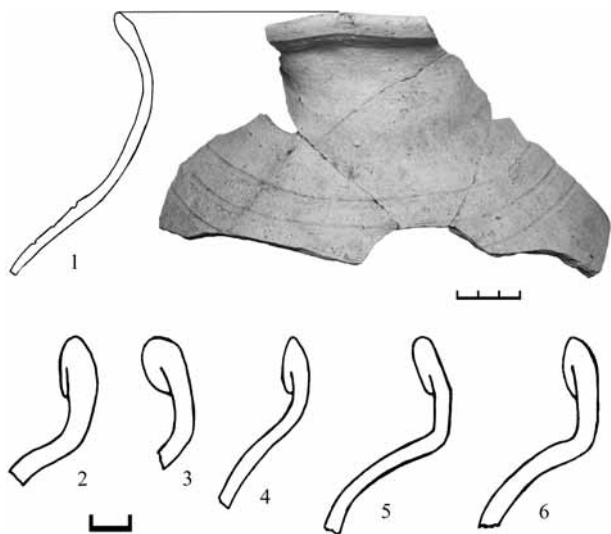

Рис. 6. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой белоглиняной посуды с песком в формовочных массах (МБК-1 гжельского типа)

1–4 – яма 74; 5–6 – яма 109

Яма 143 содержала 100 обломков круговых сосудов, 64 из них принадлежали белоглиняным сосудам с примесью песка (или песка и дресвы) в тесте (МБК-1). Один венчик вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. К группе белоглиняной гладкой керамики (МБК-2) относятся 11 обломков. Венчики (2 экз.) вертикальной постановки, с небольшим наплывом с внутренней стороны. Красноглиняная керамика представлена 25 обломками сосудов с примесью песка в тесте.

Таким образом, вышеописанные комплексы содержат 6–11% белоглиняной гладкой керамики (МБК-2) и 64–90% белоглиняной грубой (МБК-1). Подобное соотношение, где доминирует гжельская белоглиняная посуда, характерно для керамических комплексов из Москвы и Подмоскovie второй половины XVI в., в том числе для позднесредневековых комплексов Романова двора («Археология...», 2009. С 67–69), что позволяет датировать эти комплексы второй половиной XVI в.

Следующие комплексы отличаются несколько иной структурой групп керамики.

Яма 22 включала 216 обломков круговых сосудов. Наибольшее количество керамики (146 экз., или 68%) принадлежало белоглиняной посуде с примесью песка (или песка и дресвы) в тесте (МБК-1). Венчики (13 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. К этой же группе керамики относятся находки трех кувшинов гжельского производства и фрагмент крышки.

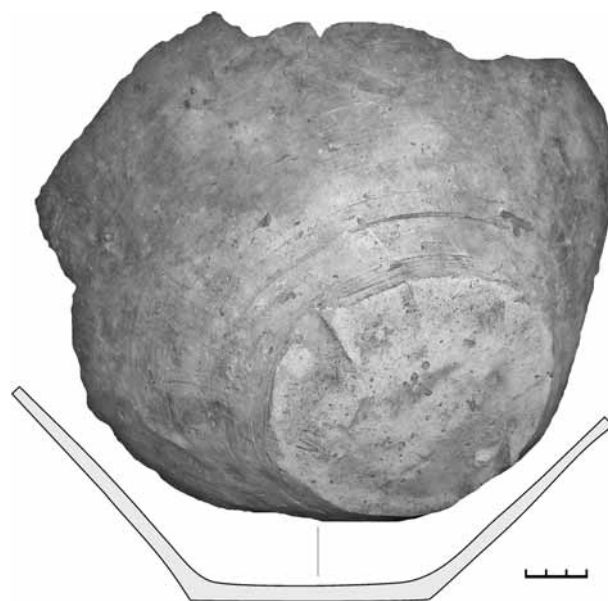

Рис. 7. Селище Кулаково-3. Донце белоглиняного сосуда с песком в формовочных массах (МБК-1 гжельского типа) (см. цв. вкл)

Пятьдесят одним фрагментом (24%) представлены белоглиняные горшки без видимых примесей в тесте (МБК-2). Венчики (4 экз.) вертикальной постановки, с небольшим наплывом с внутренней стороны и многорядным тонко прочерченным линейным орнаментом по внешней стороне.

Небольшое количество обломков (17 экз., или 8%) принадлежало красноглиняным сосудам с примесью песка в формовочной массе. Два венчика слабо отогнутые наружу, черновой край одного завернут внутрь сосуда, второй венчик без следов деформаций края.

Необходимо отметить единичную находку обломка чернолощеной кубышки без видимых примесей в тесте.

Яма 69 включала 193 обломков круговой керамики. Подавляющее большинство (77,5% – 150 экз.) принадлежало белоглиняным сосудам с примесью песка (или песка и дресвы) в тесте (МБК-1). Венчики горшков (5 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. Стенки сосудов по плечикам украшены линейным, волнистым и ямочным орнаментом. В эту же группу входят обломки от четырех кувшинов и трех крышек. Один из кувшинов имел ручку, оформленную вертикальными надрезами и рядом глубоких ямок овальной формы.

Группа белоглиняной керамики без видимых примесей в формовочной массе (МБК-2) представлена 44 экз. (22%). Венчики (5 экз.) вертикальной

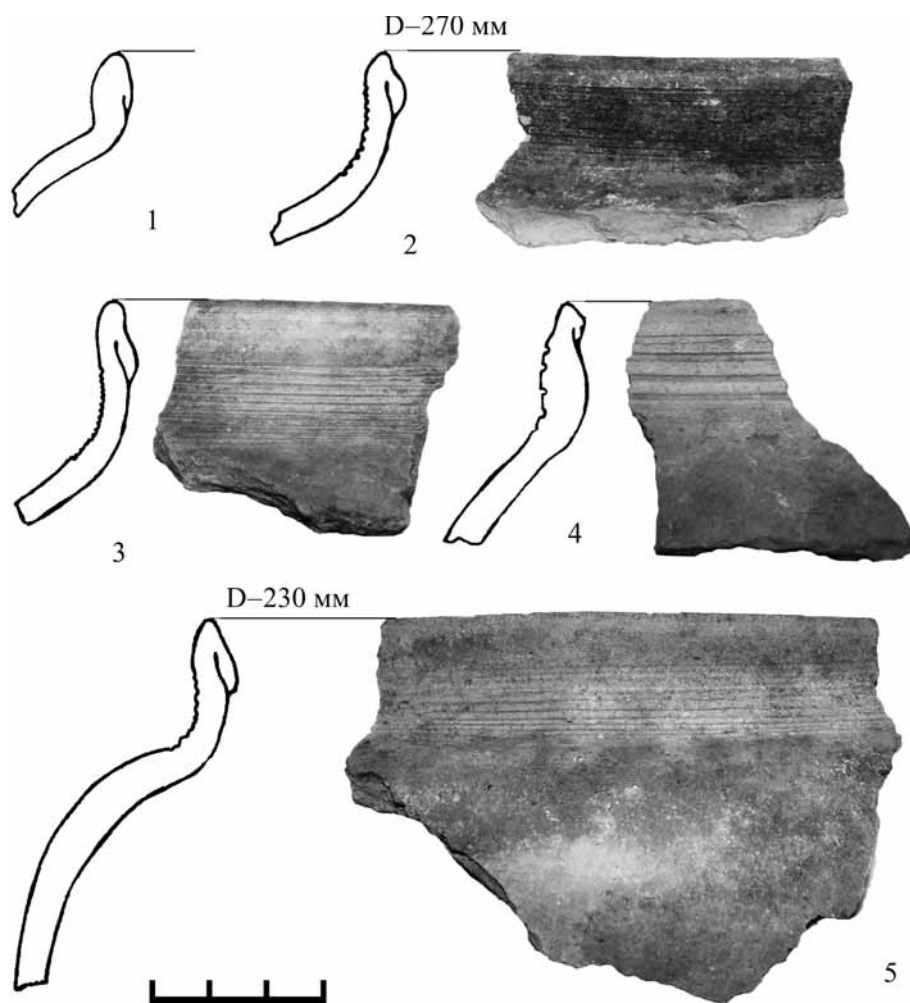

Рис. 8. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой белоглиняной посуды без визуально заметных примесей из ямы 69 (МБК-2 коломенского типа)

постановки, с небольшим наплывом с внутренней стороны и линейным орнаментом по внешней (рис. 8). Красноглиняному сосуду с примесью песка в тесте принадлежал только один венчик.

Яма 133. В ней найдено 312 обломков круговых сосудов. Из них 178 (57%) принадлежат белоглиняным сосудам с примесью песка в тесте (МБК-1). Венчики (8 экз.) вертикальной постановки, черновой край завернут наружу. Белоглиняной керамике без видимых примесей в тесте (МБК-2) принадлежали 53 обломка (20%), в том числе 13 венчиков горшков типичной для данной группы формы.

Довольно большую долю (23% – 73 экз.) составляла чернолощенная посуда, изготовленная из ожелезненных глин (судя по серым изломам) путем восстановительного обжига (в том числе шесть донце на песчаной подсыпке). Здесь же было найдено шесть обломков сосудов (в том чис-

ле донце на песчаной подсыпке), изготовленных из слабоожелезненных сортов глины с примесью слюды с тесте.

Таким образом, комплексы ям 22, 69 и 133 содержали 19–24% белоглиняной керамики коломенского типа (МБК-2) и 58–76% гжельской белоглиняной посуды (МБК-1). Подобное соотношение указанных групп керамической посуды, с доминированием гжельской посуды (58–76%), характерно для керамических комплексов из Москвы и Подмосковья второй половины XVI в., в том числе для позднесредневековых комплексов Романова двора («Археология...», 2009. С. 67–69). В то же время более высокая доля керамики коломенского типа (до четверти керамического набора) позволяет датировать эти ямы концом XVI в.

Третью серию составили комплексы, состав керамики которых заметно отличается от двух предыдущих.

Яма 109. Керамический материал из этого комплекса отличается большим разнообразием типов посуды. Всего было найдено 488 обломков круговой керамики и один фрагмент лепного льяловского сосуда. Наиболее многочисленной (54% – 263 экз.) оказалась группа белоглиняной керамики без видимых примесей в тесте (МБК-2). Венчики горшков (44 экз.) имеют близкую профилировку: вертикальную постановку, с небольшим наплывом с внутренней стороны и линейным орнаментом на внешней (рис. 9).

Второе место занимает белоглиняная керамика с примесью песка (или песка и дресвы) в тесте (МБК-1) – 180 экз. (37%). Венчики горшков (14 экз.) вертикальной постановки, «черновой» край завернут наружу. Стенки орнаментированы линейным и волнистым орнаментом. В эту же группу входят обломки девяти кувшинов и двух крышек.

Заметную долю (6% – 29 экз.) составляла чернolощеная посуда, изготовленная из ожелезненных глин. Поверхность сосудов имеет сплошное лощение, верхняя треть тулова покрыта линейным рифлением. Найденные фрагменты принадлежат как минимум четырем кувшинам и одной кубышке (рис. 10, 2).

Необходимо отметить находку 13 обломков (3%) стенок красноглиняных сосудов с примесью мелкого песка в тесте, внешняя поверхность которых покрыта сплошным белым ангобом с росписью по нему красной краской (московское производство XVI в.).

Яма 170 содержала 123 обломка круговых керамических сосудов. Из них 63 экз. (51%) относятся к белоглиняной посуде без видимых примесей в формовочной массе (МБК-2). Здесь же найдено 44 обломка (36%) белоглиняной керамики гжельского производства (МБК-1) (рис. 7). Небольшое количество фрагментов (13 экз. или 11%) принадлежало красноглиняным сосудам с примесью песка в тесте. Чернolощенной посуде, изготовленной из ожелезненных глин, принадлежали три экземпляра (2%) (рис. 10, 1).

Яма 325 включала 129 обломков керамики, причем не менее 115 из них (89%), вероятнее всего, принадлежали развалу белоглиняного кувшина из теста без видимых примесей (МБК-2). Венчик кувшина (диаметр около 12 см) был оформлен заворотом чернового края наружу и горизонтально обточен сверху. На шейке кувшина, орнаментированной горизонтальными линиями, слив оформлен в виде желобка. Тулово в верхней части орнаментировано одиночной волнистой линией и расположенной под ней прямой горизонтальной линией. Кувшин имел ручку подпрямоугольного сечения. Вероятно,

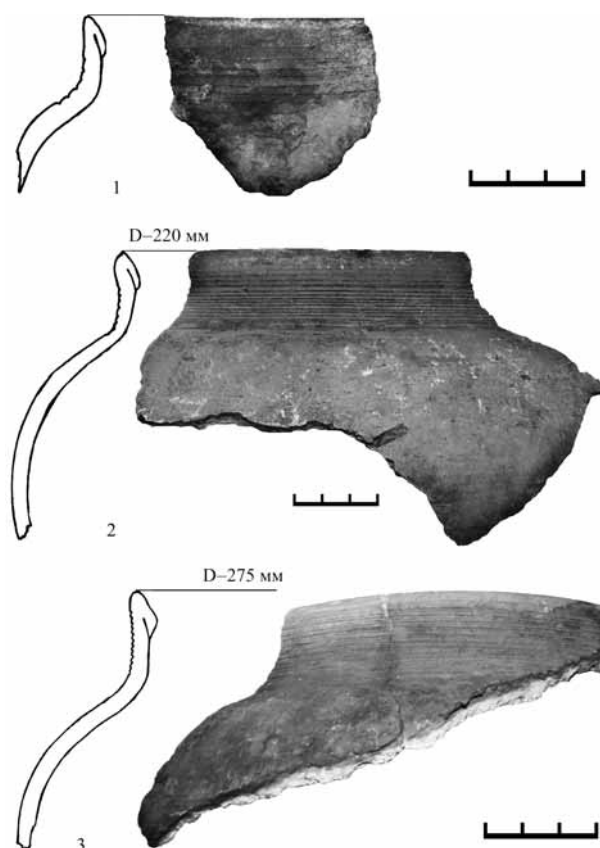

Рис. 9. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой белоглиняной посуды без визуально заметных примесей из ямы 109 (МБК-2 коломенского типа) (см. цв. вкл.)

этому кувшину принадлежал и обломок тщательно заглаженного снизу днища диаметром 22 см.

Небольшое количество обломков (6 экз., или 5%) принадлежало белоглиняной гжельской посуде (МБК-1). Один из них орнаментирован по плечу штрихами, имитирующими веревочное плетение в виде «канатика», что характерно для гжельских кувшинов XVI–XVII вв. (Полюях, 2005. С. 251, 252). Всего восемь обломков (11%) относились к красноглиняным сосудам с примесью песка в формовочной массе.

Таким образом, вышеописанные комплексы ям 109, 170, 325 содержали 53–89% белоглиняной керамики коломенского типа (МБК-2) и 5–37% белоглиняной гжельской керамики (МБК-1). Подобное соотношение указанных групп керамической посуды, где доминирует коломенская белоглиняная посуда при наличии 2–6% чернolощенной керамики, может быть датировано началом или первой половиной XVII в.

Девять комплексов (ямы 6, 21, 88, 107, 111, 149, 340, 345) содержали от 16 до 70 обломков круговой керамики. Во всех этих ямах более 60% находок принадлежало к красноглиняной керамике

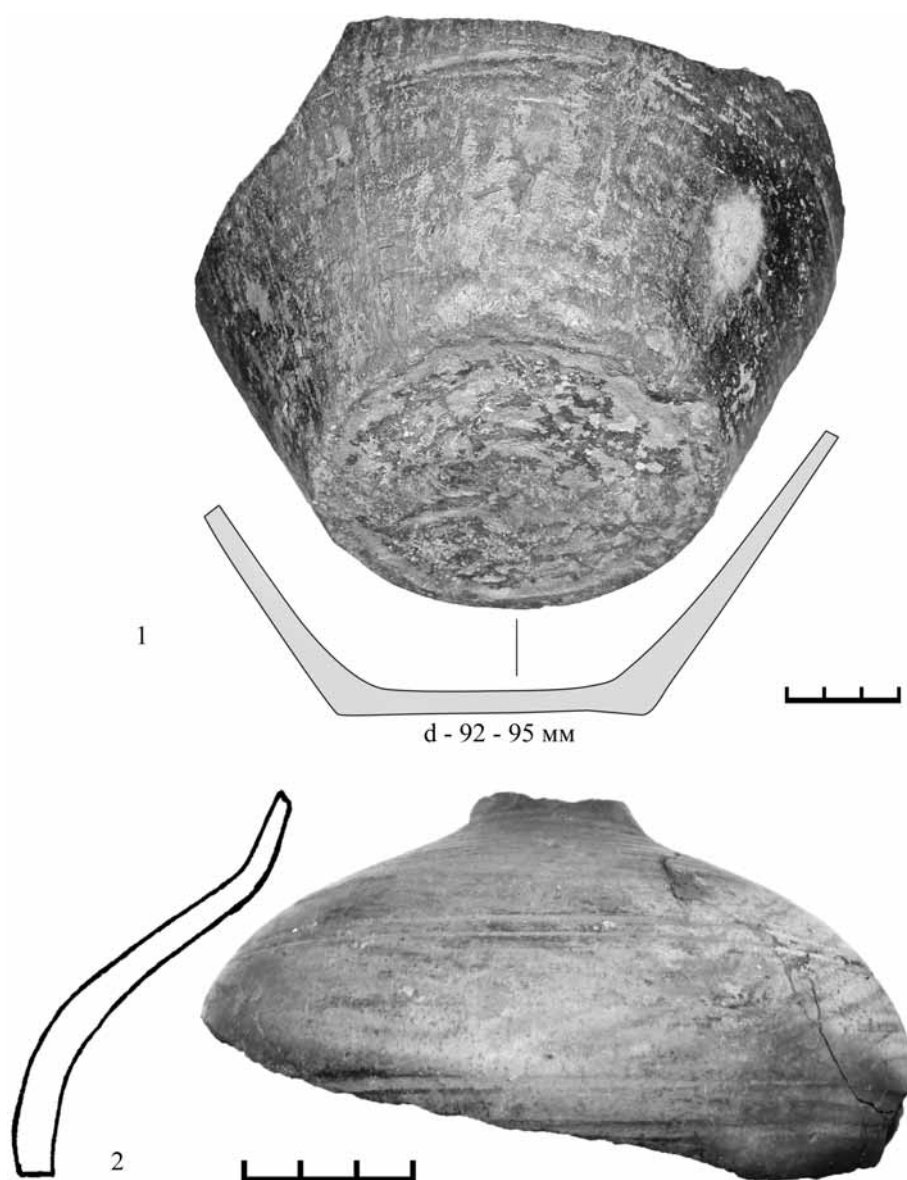

Рис. 10. Селище Кулаково-3. Фрагменты круговой чернolощенной посуды
1 – яма 170; 2 – яма 109

с примесью песка в формовочных массах. Венчики, слабо отогнутые наружу, черновой край которых либо завернут внутрь сосуда, либо без следов деформаций. Белоглиняная керамика из этих комплексов относится к продукции Гжели (МБК-1), причем ее доля в перечисленных ямах не превышает 40%. По совокупности признаков керамическая коллекция из этих ям может быть датирована концом XV – первой половиной XVI в. («Археология...», 2009. С 65, 66).

Керамические комплексы из 31 ямы (№ 64, 66, 70, 77, 80, 84, 87, 94, 110, 136, 141, 145, 150, 152, 166, 167, 170а, 171, 174, 176, 190–192, 232,

233, 292, 326, 327, 328, 331, 340) содержали от 17 до 30 обломков круговой керамики. Во всех этих ямах более половины находок принадлежало гжельской белоглиняной керамике, включая части кувшинов. В качестве единичных находок в заполнении ям встречена белоглиняная керамика коломенского типа и небольшое количество красноглиняной керамики с примесью песка в формовочных массах. Эти комплексы с определенной долей условности можно датировать второй половиной XVI в., хотя для части из них вполне возможна и более поздняя дата – в пределах первой половины XVII в.

На основании анализа керамического материала селища Кулаково-3 можно сделать следующие выводы:

- подтверждена предварительная датировка, данная памятнику, а также выявлены основные периоды существования селища;
- получена характеристика керамики населенного пункта, находящегося на берегу р. Москвы между Москвой, Коломной и Гжелью;

– подражания гжельской и коломенской посуде здесь не обнаружены, следовательно, потребности местного населения удовлетворялись за счет импорта керамики непосредственно из названных производственных центров;

– отчетливо прослеживается постепенное распространение коломенской посуды и вытеснение ею гжельской в первой половине XVII в.

Литература

Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12).

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Бойцов И. А., 1991. Московская красноглинная керамика XIV начала XVI вв. и возникновение гончарной слободы в Москве//МК. М.

Емельянов А. В., 2011. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных на селище Кулаково 3 в Раменском

районе Московской области в 2010 г./Архив ИА РАН.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве//РА. № 1.

Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии//Археология Подмосковья. М.

Полюях А. А., 2005. Гончарный горн у с. Бахтеево в Раменском районе Московской области//АП. Вып. 2. М.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв.//МК. М.

A. M. Fatkov

Medieval ceramics of Kulakovo-3 settlement

Summary

The article discusses the ceramic materials from the settlement in the south-eastern part of Moscow suburbs, consisted of Gzhel white clay ceramics (pottery district in the Moscow suburbs), and Kolomna white clay and Moscow red clay ceramics. As the result the

dating of the monument was confirmed (the 15th – 17th centuries), it is established that the settlement needs in dishes were covered by imports from neighboring regions near Moscow.

Н.А. Баранов, А.А. Супренков

Керамический комплекс селища Немчиново

В 2012 г. отдел охранных раскопок Института археологии РАН проводил спасательные археологические работы на территории памятника культурного наследия селища Немчиново в Одинцовском районе Московской области. Впервые селище было обнаружено и обследовано в декабре 2011 г. сотрудником разведочного отряда Подмосковной экспедиции ИА РАН А.В. Алексеевым. Памятник занимает возвышенный правый берег р. Сетунь (правый приток р. Москва), в 200 м на юго-восток от одноименной деревни (рис. 1). В ходе разведки А.В. Алексееву установить точные размеры селища не удалось, так как к тому времени часть селища была разрушена при расчистки лесного и почвенного покровов во время строительства линии электропередачи (ЛЭП). Значительная часть площадки памятника была скрыта тяжелой землеройной техникой, либо занята отвалами перемещенного грунта. Культурный слой в непо потревоженном виде сохранился на участке, расположенном к северу от охранной зоны ЛЭП и имевшем размеры около 2475 кв. м. Для уточнения времени бытования селища Немчиново А.В. Алексеев заложил четыре рекогносцировочных шурфа. Собранный керамический материал (35 обломков) позволил исследователю предварительно датировать памятник XII–XIV вв. (Алексеев, 2011).

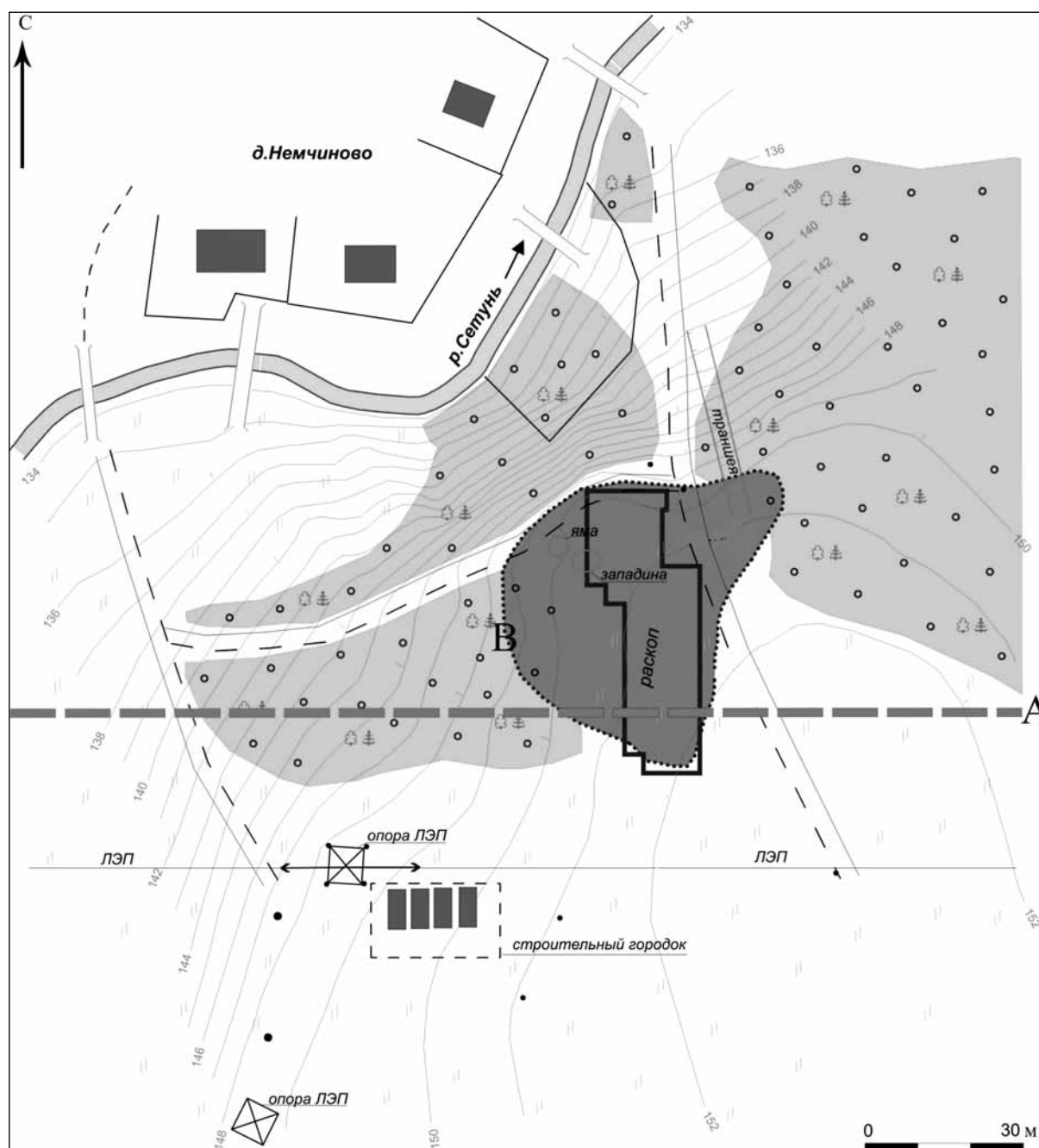
В полевом сезоне 2012 г. вскрытая площадь на территории селища Немчиново составила 996 кв. м. Было обнаружено и изучено семь углубленных в материк объектов, собрана коллекция вещевого материала, в том числе 1021 фрагмент керамических сосудов. Почти половина коллекции керамики (508 экз.) происходила из условно-закрытых комплексов – объектов, углубленных в материк. Большая часть этих объектов была представлена сооружениями хозяйственного назначения, исходя

из формы и характера заполнения (объекты № 1–3, 5–7). Только объект № 4 с большей долей вероятности может быть интерпретирован как подпол (погреб) жилой постройки. В отличие от всех остальных объектов, имевших подовальную или близкую к ней форму, объект № 4 был подпрямоугольным в плане. К сожалению, он вошел в раскоп не полностью и был изучен только наполовину (рис. 2).

Индивидуальные находки из объектов и культурного слоя памятника представлены в основном хозяйственным инвентарем с довольно широкой датировкой: железные ножи, иглы, рыболовные крючки, пробои, а также множество предметов из железа и цветного металла, не поддающиеся точной атрибуции (рис. 3, 2–7). Единственной хорошо датирующейся находкой можно считать литой нательный крест, обнаруженный в объекте № 5. Он имел ромбическое средокрестие без изображения и шарообразные завершения ветвей. Основная масса подобных крестов датируется XII–XIII вв. (Голубева, 1973. С. 144. Рис. 50, 1; Николаева, Недошивина, 1997. С. 349, Табл. 103. Рис. 24). Они известны в Плесе, Белоозере, Новгороде, Старой Рязани, а так же на подмосковных селищах Настасьино, Щапово 4 и Степаново 2 (Сарачева, 2009. С. 210. Рис. 2, 11; 13, 1).

Керамический материал на селище Немчиново представлен обломками круговой керамики из красножгущихся (оже лезненных) глин, исключая весьма незначительное количество измельченных обломков сосудов из беложгущихся (неоже лезненных) глин, найденных в верхних слоях памятника.

По морфологии верхних частей сосудов с селища Немчиново можно сказать, что в подавляющем большинстве это горшки (Бобринский, 1988. С. 6, 7), единственным исключением является ручка от красноглиняной сковороды (рис. 4, 3).

Рис. 1. Московская область, Одинцовский район. Селище Немчиново.
Топографический план 2012 г. с указанием места расположения раскопа
 А – границы охранной зоны ЛЭП; В – уточненные границы селища Немчиново

Помимо естественной примеси пылевидного песка в керамических изделиях зафиксирован средний и крупный песок (с зернами до 2 мм), средняя и крупная дресва (до 2 мм) и органические примеси, фиксируемые в виде пустот и угольков на изломах и поверхностях черепков. Дресва и песок

не являлись преобладающей примесью, хотя насыщенность ими в разных черепках варьировалась от включений, заметных только на изломах, до довольно больших концентраций, заметных также и на внешней поверхности керамических обломков. Помимо вышеперечисленных примесей

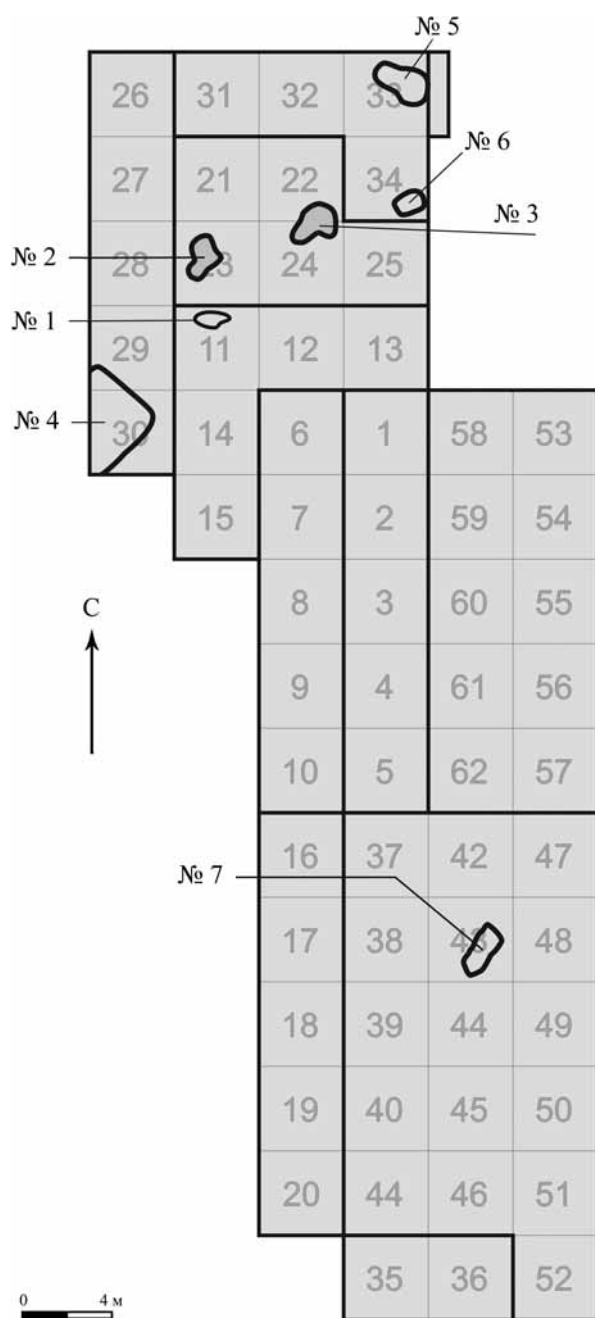

Рис. 2. Раскоп 2012 г. План материка с выявленными в нем объектами

на поверхности черепков отмечены редкие включения слюды, которые с большой долей вероятности можно отнести к естественной примеси.

Характер обжига – окислительный неполный (полный встречается крайне редко). Иногда фиксировался восстановительный обжиг, но это, вероятнее всего, связано с вторичной термической обработкой керамики.

Поверхность черепков шероховатая, в некоторых случаях бугристая, довольно грубая. Из-

ломы черепков встречены как однослойные, так и двух-трехслойные. Цвет поверхности варьируется от красновато-бурого до розового. Подобный набор технологических признаков характерен для керамики Москвы и всей долины Москвы-реки на протяжении XII–XIV вв. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 164).

Подавляющее большинство черепков орнаментировано разреженными линиями, прочерченными по поверхности свежесформованного сосуда и идущими по плечу и тулову горшка (156 экз., 82%) (рис. 5, 1; рис. 6, 3–5; рис. 4, 1, 2, 4–7), реже встречается волнистый орнамент (12 обломков, 6%) (рис. 6, 6; рис. 7, 1, 4; рис. 8, 6; рис. 9, 1). К единичным случаям можно отнести комбинации из линий и волн (3 экз., чуть больше процента). Интересно, что встречены и отпечатки зубчатого штампа (19 шт., 9%) (рис. 7, 3, 7; рис. 8, 2–4), имеющие прямоугольную и треугольную формы, а также в некоторых случаях скошенную овальную форму, внешне сходную с «тычками» палочки по поверхности сосуда. Подобная орнаментация встречается в Москве и Подмосковье довольно редко, и точные временные рамки ее существования не определены. Такие типы орнамента обнаружены на памятнике Заозерье-2 (неподалеку от впадения Пахры в Москву-реку), а также при раскопках Романова двора («Археология...», 2009. С. 49. Рис. 176, 11). Единственным памятником, где встречено довольно значительное количество горшков с орнаментацией штампом, было селище Дьяково-пойма, датированное XI – первой половиной XII в. (Кренке, 1992. С. 12. Рис. 6). Но стоит отметить, что подобный орнамент в Верхневолжском регионе и на Северо-Востоке Руси использовали вплоть до конца XIII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 165, 166).

В большинстве случаев подсыпка на донцах сосудов не фиксировалась вовсе, лишь в единичных случаях удалось проследить наличие песчаной подсыпки. При этом известно, что для данного периода времени в Подмосковье характерны зольные подсыпки, доминирующие над всеми остальными (Коваль, 2004. С. 33. Табл. 2).

Все верхние части красноглиняных сосудов из условно-закрытых комплексов селища Немчиново можно разделить на четыре основные группы.

Группа 1. Венчики, изогнутые в наружную сторону, край которых оформлен в виде ярко выраженного валика круглого сечения, с внутренней стороны которого неизбежно в процессе формовки образовывался уступ, называемый обычно уступом под крышку» или, что вернее, ложным уступом под крышку. Венчики

такой профилировки характерны для керамики подмосковных курганов (керамика курганного типа), составляя общерусский тип домонгольской эпохи (XII – первая треть XIII в.), хотя в переотложенном состоянии они встречаются и в более поздних комплексах (вторая половина XIII – XIV вв.) – тип 8 по В.Ю. Ковалю¹.

Горшки с описанной профилировкой венчиков были выделены Т.В. Равдиной в вариант 1 курганной керамики (Равдина, 1991. С. 13). Схожие по профилировке венчики встречены при раскопках Романова двора, проводившихся под руководством Н.А. Кренке (датированы исследователем в пределах первой половины XII–XIII вв.) («Археология...», 2009. С. 50. Рис. 176, 1, 16–17, 21, 28–32, 38–40). Подобная керамика была также встречена при раскопках собора Богоявленского монастыря позади Торговых рядов Китай-города (Беляев, 1991. Табл. 21, 50, 124, 338, 601; 23, 129, 339) и в Историческом проезде, в заполнении хозяйственной ямы № 8 (Чернов, 1991. Табл. 27, 2571, 2572, 2574; 30, 981, 982; 32, 584, 705 и др.) (рис. 10, 3; рис. 4, 7–8; рис. 9, 5, 8).

Группа 2. Изогнутые в наружную сторону (резко профилированные) венчики, черновой край которых завернут внутрь сосуда и деформирован в уплощенный валик. В результате чистовой край имел обычно подовальное сечение, иногда он подвергался огранке срезами. Венчики этого типа характерны для керамики Москвы XIII–XIV вв. – тип 7.

Данный тип венчика весьма широко распространен по всей территории древней Руси. Подобная керамическая традиция встречена в Москве при раскопках Богоявленского монастыря и Исторического проезда (Беляев, 1991. С. 17. Табл. 25, 413, 520, 519, 525, 600 и др.; Чернов, 1991. С. 24. Табл. 32, 734, 737, 779, 881, 941, 944, 946;). Также они известны в Старой Рязани и Поднепровье (Коваль, 2004. С. 23–24) (рис. 4, 8; рис. 11, 4; рис. 9, 10–11).

Группа 3. Изогнутые и отогнутые наружу венчики, край которых завернут внутрь сосуда и ему придана форма валика подтреугольного сечения, хотя встречаются венчики, у которых валик выражен слабо или полностью заглажен – тип 5. Такие венчики были присущи ранним (XIV–XV вв.) разновидностям московской красноглиняной керамики (Бойцов, 1991. С. 35, 36). Но стоит отметить, что подобная форма венчика часто попадает среди более ранних форм курганной керамики (Беляев, 1991. С. 17. Табл. 25, 70, 84, 599). Аналогии им встречены при раскопках

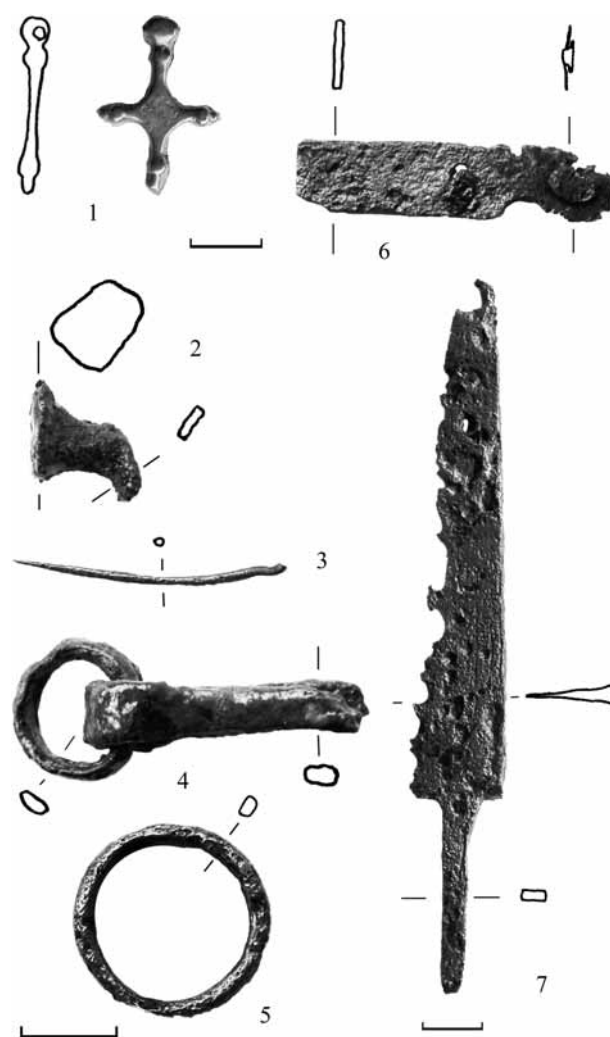

Рис. 3. Индивидуальные находки с селища Немчиново

1 – крест нателный цветного металла; 2 – предмет железный; 3 – игла железная; 4 – предмет железный; 5 – кольцо железное; 6, 7 – нож железный

курганных групп Пузиково (левый берег р. Рогожки – приток р. Рожай), Белятино (курган 41) и Царицыно (местность Дубики, курган 2). Венчики такой формы были выделены Т.В. Равдиной как вариант 3 (Равдина, 1991. С. 13. Табл. 15, 3; 16, 1, 3). Также подобный тип верхних частей горшков широко представлен на средневековом поселении Настасьино (Коваль, 2004. С. 23. Рис. 50, 2–4, 6–7, 13–14; 51, 2; 53, 5; 55, 14) (рис. 4, 4; рис. 9, 3, 9; рис. 11, 1–3, 5–6, 8, 10).

Группа 4. Изогнутые и отогнутые наружу венчики без следов заворота чернового края, т.е. со скругленным, заостренным или срезанным

¹ Здесь и далее номера типов будут указываться по типологии В.Ю. Ковалю (2004).

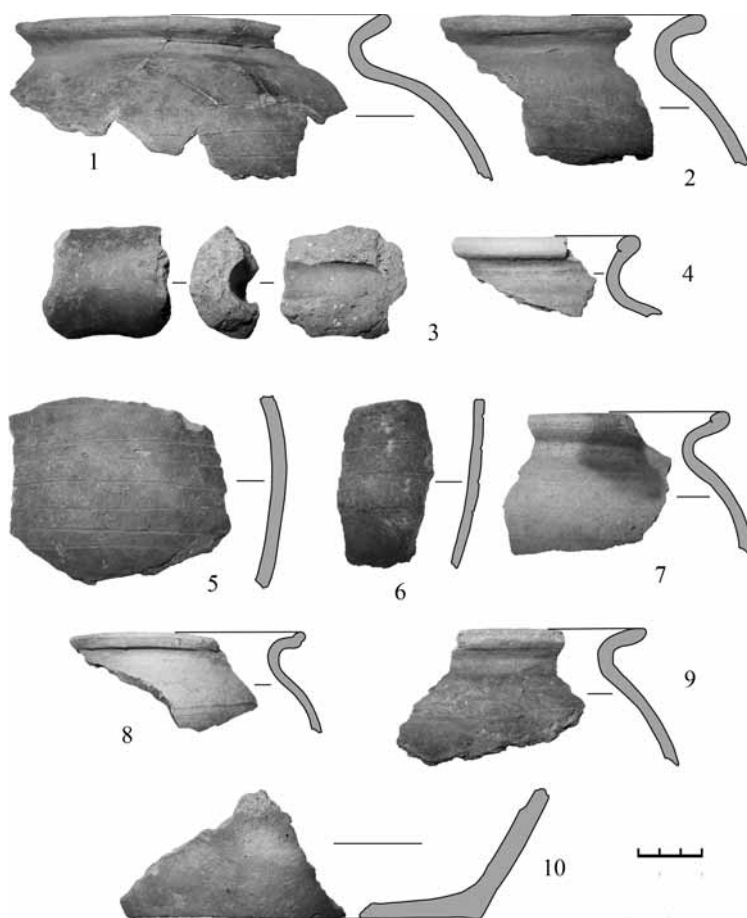

Рис. 4. Объект 4. Керамический материал из заполнения (см. цв. вкл.)

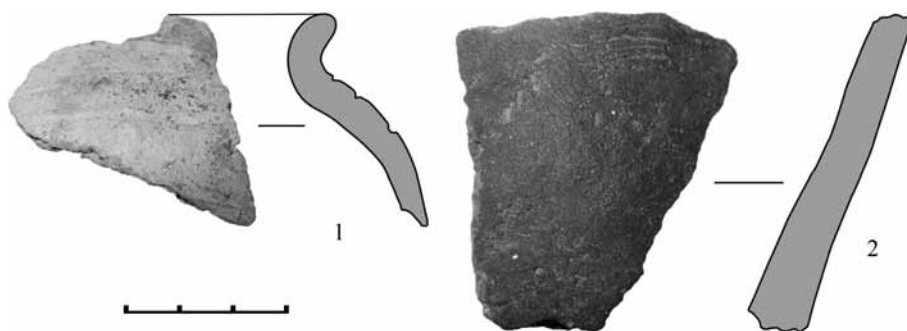

Рис. 5. Объект 1. Керамический материал из заполнения (см. цв. вкл.)

чистовым краем, существовавшие во все хронологические периоды, но особенно широкое распространение получившие в XIV–XV вв., – тип 6.

В большом количестве венчики группы 4 представлены на средневековом поселении Настасьино (Коваль, 2004. Рис. 48, 1, 4; 50, 1–4; 51, 4, 6, 7; 55, 16) (рис. 4, 1–2, 9; рис. 5, 1; рис. 6, 1–2; рис. 7, 1–2, 6; рис. 8, 1, 6; рис. 9, 1, 2, 4; рис. 10, 1; рис. 11, 9).

Помимо вышеперечисленных групп из верхних слоев памятника происходят также два обломка верхних частей подшарообразных горшков, наклоненные внутрь сосуда, с устьем в виде валика или слегка отогнутым наружу. Подобная профилировка венчиков (тип 10) появляется в Москве и Подмосковье в XVI в. Ввиду их незначительного количества в качестве датировочного материала эти находки не учитывались.

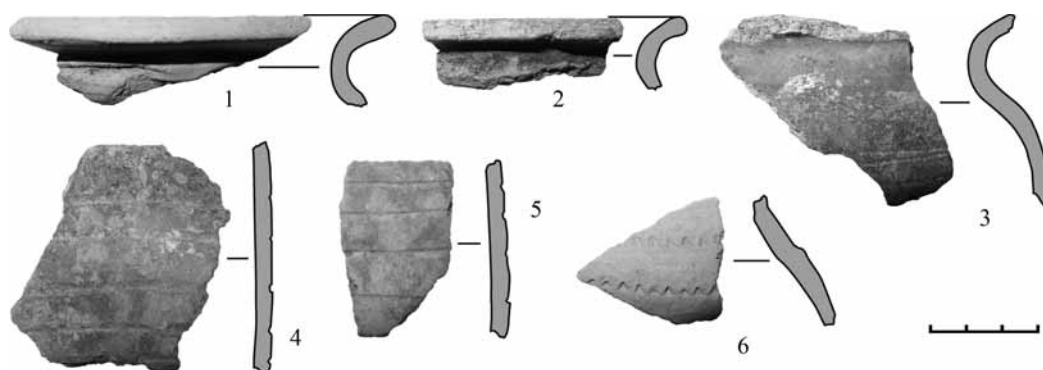

Рис. 6. Объект 2. Керамический материал из заполнения (см. цв. вкл.)

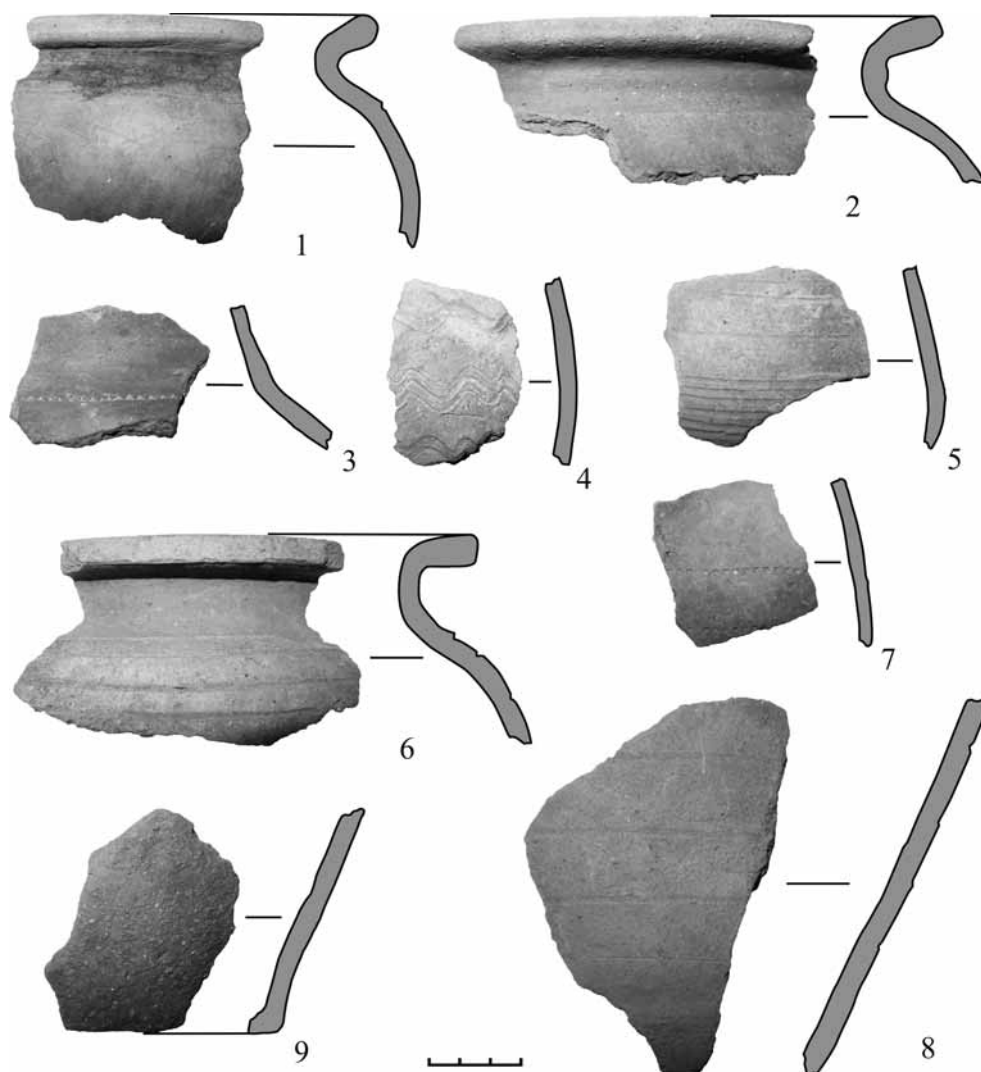

Рис. 7. Объект 5. Керамический материал из заполнения (см. цв. вкл.)

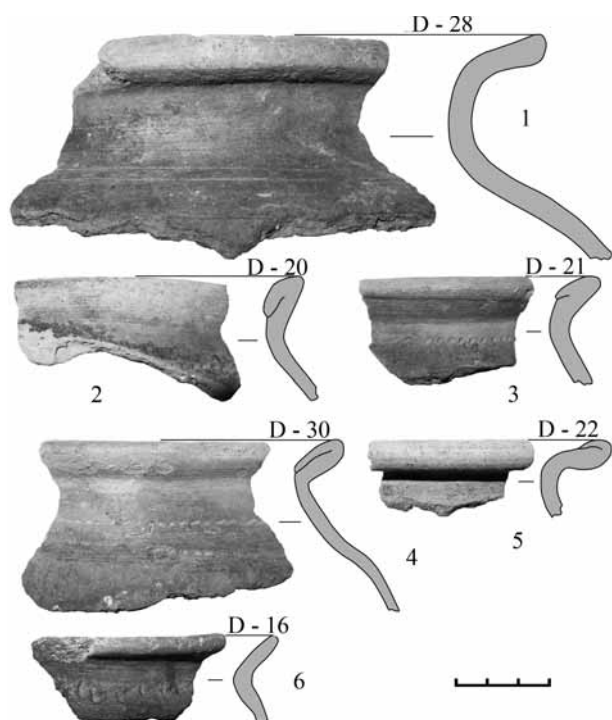

Рис. 8. Пахотный слой.
Керамический материал

Керамический материал объекта № 2 представлен 53 обломками (рис. 6), из которых пять венчиков относились к нашей группе 4, а два – к группе 3 (типы 6 и 5 по В. Ю. Ковалю). Разреженной линией орнаментированы 18 черепков. Единичными обломками представлены стенки сосудов с линейным орнаментом (с плотным размещением линий), волнистым, нанесенным палочкой, и зубчатым штампом. В отличие от других объектов, здесь не встречено керамического материала, явно относящегося к домонгольскому времени. Датировать объект по керамическому материалу можно серединой-концом XIV в.

Ввиду схожести керамического материала из объектов № 3, 4 и 5 он был рассмотрен суммарно (рис. 4; 7; 10). Общее количество собранных здесь черепков составляет 412 шт. Преобладающими по численности венчиков являются группа 4 (26 экз.) и группа 2 (20 экз.). Менее всего в этих ямах представлены группы 1 (9 шт.) и группа 3 (1 шт.). Самым многочисленным видом декора на стенках сосудов оказался разреженный линейный орнамент – 99 обломков. Также из заполнения этих ям происходят фрагменты сосудов с волнистым орнаментом (8 шт.). Интересно, что здесь же обнаружены 14 обломков сосудов с орнаментацией зубчатым штампом. Исходя из преобладания

поздних групп венчиков, можно говорить, что время бытования перечисленных объектов с большей долей вероятности относится к XIII–XIV вв.

В объекте № 6 было обнаружено 59 обломков керамики. Но в отличие от предыдущих объектов преобладающим типом венчиков здесь является группа 1–8 экз. Затем следуют группа 3 (5 экз.) и группа 2 (2 экз.). Как и в предыдущих объектах, наибольшее количество фрагментов керамики орнаментировано разреженным линейным орнаментом, и лишь на единичных черепках отмечен волнистый орнамент и зубчатый штамп. Вероятное время бытования объекта № 6 – XIII–XIV вв.

Объекты № 1 и № 7 содержали незначительное количество керамического материала (меньше 10 обломков), что не позволяет датировать их надежно, но ввиду схожести с материалом из других объектов, они также могут быть отнесены к XIII–XIV вв. (рис. 1; 12).

К сожалению, количество керамики, собранной в исследованных объектах, слишком невелико, чтобы получить статистически достоверные выводы о хронологии рассмотренных комплексов. В то же время присутствие крупных обломков керамики и венчиков характерной профилировки, свойственной сосудам домонгольской эпохи, позволяет с определенной долей осторожности предполагать датировку объектов № 2, 3 и 4 (рис. 4; 6; 10) в пределах XIII в. В отличие от них объект № 5 включал обломки горшков с более плавной профилировкой, а также крупные обломки с волнистым орнаментом, нанесенным палочкой или гребенкой (рис. 7), что дает возможность датировать его более поздним временем (в пределах XIV в.).

Керамический материал, собранный из культурного слоя селища, тождественен керамике, найденной в ямах (объектах). Однако стоит отметить, что если в ямах преобладающим типом венчиков была группа 4 (40% от общего количества верхних частей сосудов из условно-закрытых комплексов), то в слое доминировала группа 3 (55% от общего числа венчиков). Количество находок венчиков групп 1 и 2 невелико и составляет 3–4% (рис. 13, А). Самым распространенным видом декора сосудов является разреженный линейный – 85% от общего количества орнаментированных стенок. Остальные виды орнамента представлены незначительным числом находок (рис. 13, Б).

Обобщив всю информацию о керамике селища Немчиново, можно сказать, что период использования большей части выявленных объектов с территории памятника приходится на XIII–XIV вв. Это подтверждает его ранее

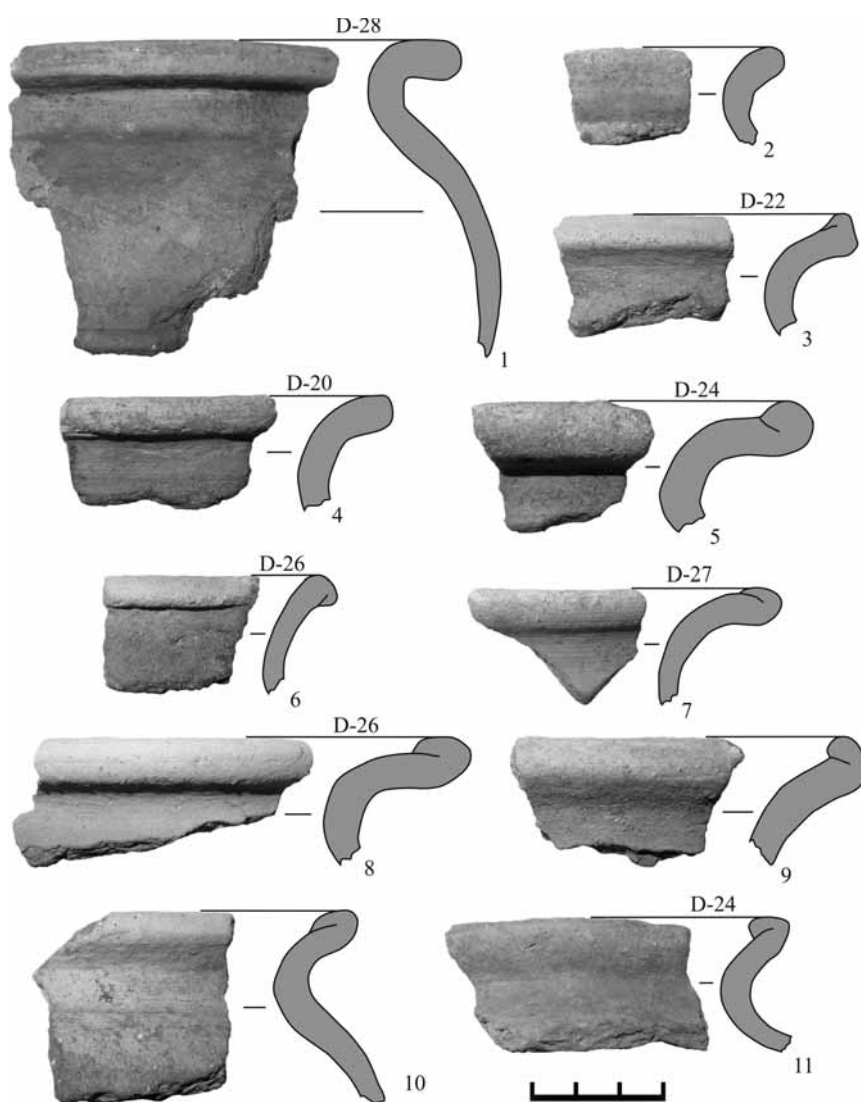

Рис. 9. Пахотный слой. Керамический материал

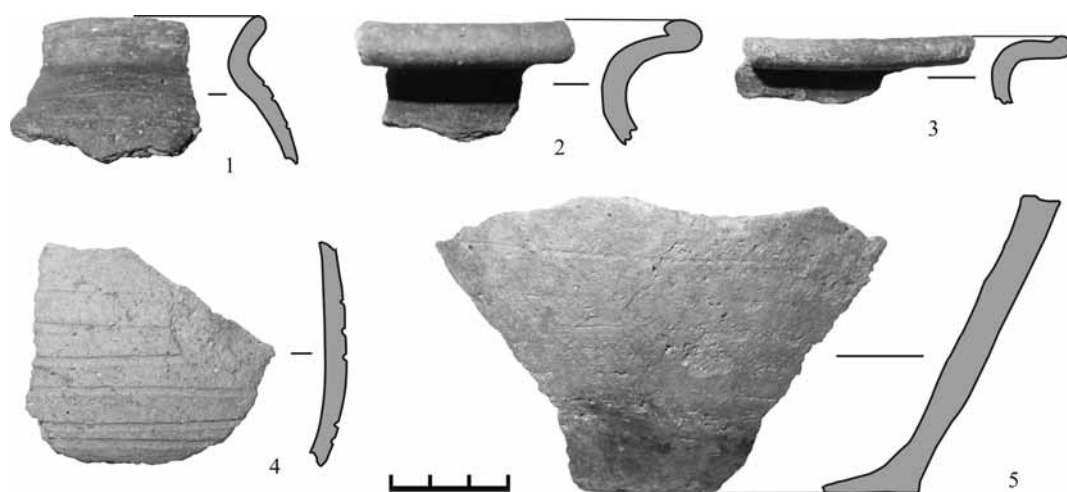

Рис. 10. Объект 3. Керамический материал из заполнения (см. цв. вкл.)

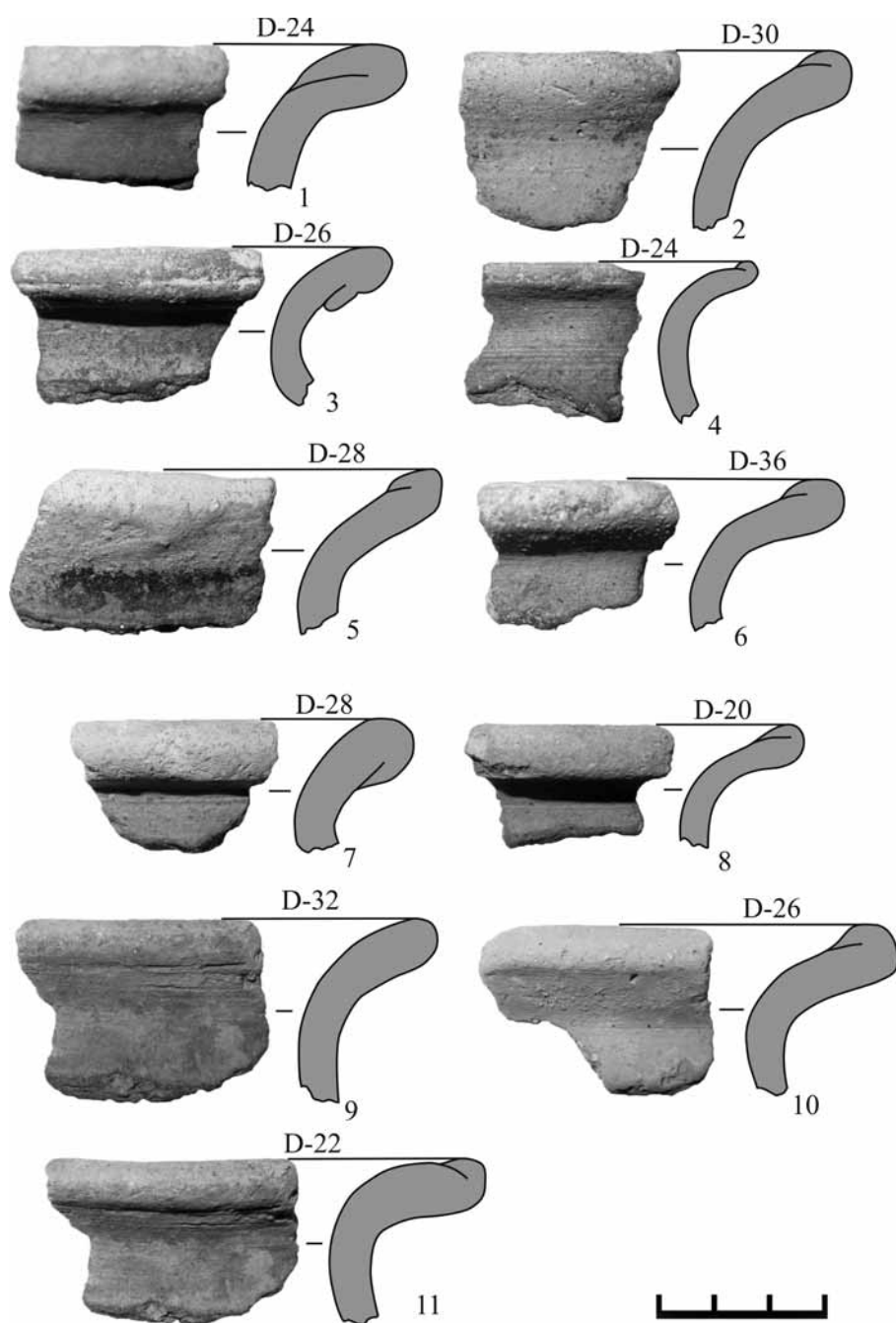

Рис. 11. Пахотный слой. Керамический материал (см. цв. вкл.)

Рис. 12. Объект 7. Керамический материал из заполнения

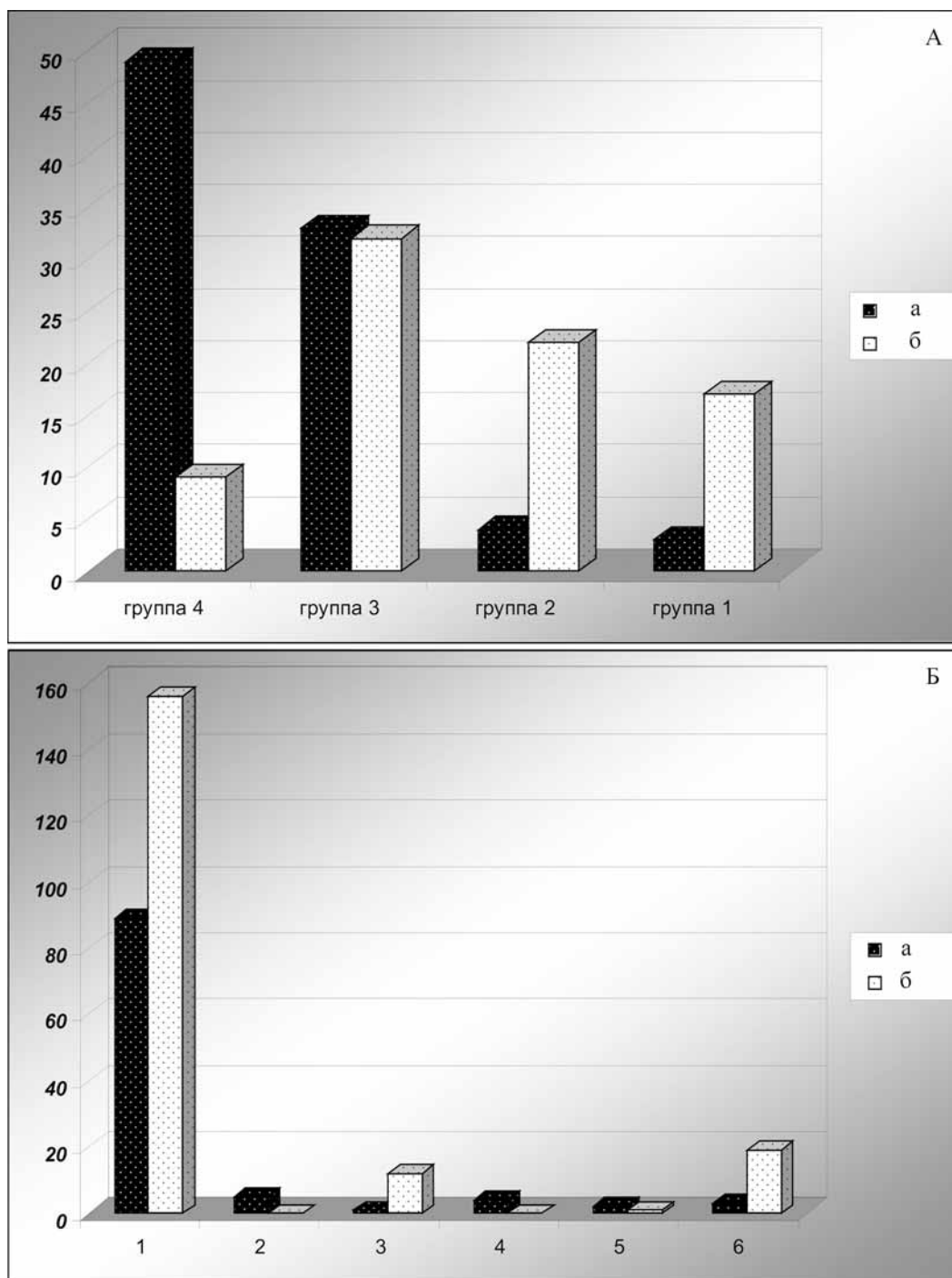

Рис. 13. Соотношение групп венчиков и орнаментов

а – из объектов; б – из пахотного слоя; А – группы венчиков; Б – орнаментированная керамика (1 – разреженная линия; 2 – частая линия; 3 – волна, нанесенная палочкой; 4 – волна, нанесенная гребенкой; 5 – комбинированный орнамент из волны и линии; 6 – зубчатый штамп)

установленную датировку, но вероятность существования памятника в более раннее время полностью исключить нельзя. Присутствие в слое и комплексах венчиков архаичной профилировки (группа 1) позволяет предполагать существова-

ние селища уже в первой половине XIII в. Керамика этого селища очевидно близка московской посуде, т. е. относится к той же гончарной традиции, что развивалась в Москве и ее окрестностях с XII по XVI в.

Литература

- Алексеев А. В., 2011. Отчет о проведении научно-исследовательских работ (архивные изыскания, разведки) в составе инженерного проекта реконструкции участка КВЛ 500 кВ Западная – Очаково, сооружение участков КВЛ 220 кВ Очаково – Красногорская, КВЛ 220 кВ ТЭС Лыково – Очаково, КВЛ 220 кВ Очаково – Подушкино, КВЛ 220 кВ Очаково – Нововнуково и КВЛ 110 кВ Очаково – Одинцово I и II цепь с отп., Московская область, Одинцовский район/Архив ИА РАН.
- Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12).
- Беляев Л. А., 1991. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря//МК. М.
- Бобринский А. А., 1988. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды//Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV–XV вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве//МК. М.
- Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии//Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Коваль В. Ю., 2004. Исследование керамического материала//Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).
- Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке)//АП. Вып. 2. М.
- Кренке Н. А., 1992. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII веков в Коломенском//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. М.
- Николаева Т. В., Недошивина Н. Г., 1997. Предметы христианского культа//Древняя Русь. Быт и культура. М.
- Равдина Т. В. 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья//МК. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Сарачева Т. Г., 2009. Ювелирные изделия и предметы христианского культа из раскопок средневекового селища Степаново 2 в Подмосковье//АП. Вып. 5. М.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в.//МК. М.
- Энговатова А. В. и др., 2004 г. Средневековое поселение Настасьино//Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2. М.

N.A. Baranov, A.A. Suprenkov

Ceramic complex of “Nemchinovo” settlement

Summary

As a result of security excavations on the settlement in the vicinity of Moscow part of his platform was researched. Unfortunately, there were few ancient

ceramic objects. However, statistical analysis of this material has allowed to date it for about the 13th – 14th centuries.

А. Г. Авдеев

Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля

В 2013 г. было опубликовано граффито на венчике кружального горшка, сделанное по сырой глине, из раскопок древнерусского города Ростиславля Рязанского (*Коваль, Медынцева, Еремеев, 2013. С. 134–145*). Издатели датируют его по сопутствующему археологическому материалу первой половиной XIII в. Надпись сохранилась не полностью, имеющийся фрагмент читается так:

(Ä)ÄËÚ ÄÎ ÐÎ Î Î ÕÚ ÐÐËÐ Ä ÊÒ (Î)
ÄÎ ÇÎ Û Ä ÄÄ (I)

Это дало возможность исследователям трактовать граффито как дарственную надпись неизвестного человеку по имени Юрий, которая одновременно содержит заклятие от вора.

Прямых аналогий в древнерусской эпиграфике данному граффито пока не существует. Однако прямая параллель ему присутствует в былине о Дунае, где описана надпись на богатырской чаре («Архангельские былины», 2003. С. 104. № 321, стк. 395–402):

Да на боцьки стоит цяроцька серебряна,
Не велика, не мала – да полтара ведра;
А на цяроцьки страстемі было потписано,
Со великими югрозами подрезано:
«Ишо хто же эту цяроцьку примёт единой рукой,
Ише хто эту цяроцьку выпьёт к единому духу –
Да тому человеку да живому не быть,
Живому-то не быть и проць не уехати».

В иных вариантах былины встречаются и краткие изводы этой надписи, не меняющие суть ее содержания («Свод...», 2011. С. 342. № 57, стк. 37–38):

Ишша кто эта выпьёт цяру зелена вина, –
Не бывать этому дак живому здёсе.

Суть надписи, таким образом, составляет запрет владельца на питье из его пиршественной чаши и угрозу смертью его нарушителю. Р.С. Липец (1969. С. 69, 70), впервые обратившая внимание на странный вариант эпической надписи, в качестве аналогий привела граффито XI в. на корчаге, найденной в Киеве: «[áëääî ääò]Í ÄØÄ Î ÊÎ Í Ä ÊÎ Ð×ÄÄÄ ÑË["]» (*Медынцева, 2000. С. 36–40, № 4*)¹. Второй эпиграфической аналогией исследовательница считает надпись на заздравной чаре черниговского князя Владимира Давыдовича (1139–1151 гг.): «Ä ÑÄ ÛÄÐÄ ÊÎ × ÄÎ ÊÎ ÄËÎ ÊÐÎ ÄÄ ÄÄÄÛÄÄ ÄÛÄ ÊÒÎ ÊÛ Í ÄÄ Î Û ÕÎ Î Ó Í Ä ÇÄÎ ÐÎ ÄÜÄ Ä ÕÄÄË × ÄÎ ÄÄ [Ë] ÑÄÎ ÄÄÎ WÑÎ Í ÄÄÐ × ÄÄËËËÎ ÄÎ ÊÎ × » (*Рыбаков, 1964. С. 28. № 24*). Р.С. Липец отметила благопожелательный характер обеих надписей, отметив, что в Древней Руси, судя по цитируемой надписи на чаре, могли быть надписи и противоположного содержания. Опубликованное граффито из Ростиславля показывает, что надписи-заклятия также входили в эпиграфический репертуар Древней Руси, об этом свидетельствуют и цитируемые былины.

Конечно, былины, как любой памятник эпоса, являются своеобразным историческим источником. Как отмечал Б.Н. Путилов, фольклор не просто воспроизводит действительность: в процессе трансформации повседневной реальности он «приносит немало фантастического, нереального, обогащает образы и картины вымыслом. Фольклору

¹ Нужно сказать, что автор данной статьи не совсем согласен с реконструкцией цитируемого текста, но это тема для отдельного исследования.

меньше всего свойственна документальность и строгость в обращении с «источниками»» (Путилов, 2003. С. 135). При этом, что немаловажно, по мнению исследователя, бытовой фон былин, а особенно предметный мир, подвижен: сохраняя реалии прежних эпох, певцы вносят собственные, соответствующие их представлениям об эпическом быте и личному опыту (Путилов, 1988. С. 123). Тем не менее в качестве примера можно привести «кубок Нестора», упоминаемый в «Илиаде» как предмет, принадлежащий эпическому герою и обладающий индивидуальной формой, украшениями и объемом (Нот., II, XI, 632–637). Существование реальных прототипов этого предмета во времена Троянской войны доказала золотая ваза, найденная Г. Шлиманом в Микенах, более или менее (с поправкой на присущую эпосу гиперболизацию) соответствующая гомеровскому описанию. На заре письменной истории греки уже считали «кубок Нестора» символом эпической роскоши: в древнейшей древнегреческой стихотворной надписи-граффито на стенке глиняного кубка

середины VIII в. до Р.Х., обнаруженного в окрестностях Питекусы на острове Искья, последний противопоставлялся ему скромностью (Meiggs, Lewis, 1989. P. 1. № 1; Чистякова, 1975. С. 28–40; Зайцев, 1987. С. 59–65; Powell, 1991. P. 163). Точно так же и в рассматриваемом случае цитируемые выше былинные надписи являются реальной параллелью к граффито на венчике горшка из Ростиславля Рязанского.

Еще одну параллель данному граффито дает надпись на дне берестяного лукошка из Новгорода, датированная первой четвертью XII в. (берестяная грамота № 957, раскопки 2006 г.), которая содержит название предмета, имя его владельца (Войбуды), проклятье тому, кто $\theta\epsilon\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\alpha\theta\upsilon$ (значение глагола неясно; В.Л. Янин предлагает трактовать его как «уко́лдует») этот предмет, а также имя автора надписи (Шевко) (Янин, 2013. С. 308–309). В совокупности запретительные надписи на бытовых предметах XII в., имеющие аналогии в былинных артефактах, позволяют еще раз поставить вопрос об историчности некоторых реалий, встречающихся в русском эпосе.

Литература

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. III. Мезень. СПб., 2003.

Зайцев А. И., 1987. Лексико-стилистические особенности надписи на «кубке Нестора» из Питекусы // *Philologia classica*. Вып. 3. Л.

Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев А. А. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. 2013. № 3.

Липец Р. С., 1969. Эпос и Древняя Русь. М.

Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века). М.

Путилов Б. Н., 1988. Героический эпос и действительность. Л.

Путилов Б. Н., 2003. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.

Свод русского фольклора. Былины. Т. 6: Былины Кулая. СПб., 2011.

Рыбаков Б. А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М. (САИ. Вып. Е1–44).

Чистякова Н. А., 1975. Древнейшая греческая эпиграмма (надпись Нестора из Питекусы) // ВДИ. № 4.

Янин В. Л., 2013. Я послал тебе бересту... Изд. 4-е. М.

Meiggs R., Lewis D., 1989. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. Oxford.

Powell B. B., 1991. Homer and the origin of the Greek alphabet. Oxford.

A. G. Avdeev

On an epic parallels to the graffito from Rostislavl

Summary

One of the parallels to the graffito on the aureole of circular pot of the first half of the 13th century from excavations of Rostislavl Ryazanskiy, which is treated as an inscription containing spell from a thief, are

the inscriptions on the banquet bowls in the epics of the Danube, as well as the inscription on the bottom of a birch bark basket from Novgorod (first quarter of the 12th century) (Charter № 957).

П. Е. Русаков, И. М. Андрианов, В. Ю. Коваль

Средневековое кладбище Ростиславля Рязанского

Практически в каждом русском средневековом городе имелся один или нескольких христианских храмов, вокруг которых часто формировались кладбища. Уже в самом начале археологического изучения городища Ростиславль в Озерском районе Московской области, являющегося остатками летописного Ростиславля Рязанского, в отвалах грабительских ям был зафиксирован антропологический материал. Ростиславль Рязанский, согласно Никоновской летописи, был основан в 1153 г. и прекратил существование в XVII в. (Коваль, 2004). Поскольку никаких сведений о кладбищах Нового времени здесь не имелось, были все основания связывать эти находки со средневековым некрополем. Начиная с 1994 г. Ростиславльская археологическая экспедиция работала над локализацией этого кладбища, выяснением его хронологии, для чего был развернут раскоп II. Все итоги этих исследований невозможно уместить в рамки одной статьи, поэтому публиковать результаты исследований мы предполагаем частями. В данной статье будут представлены самые общие сведения об исследованных объектах и погребениях.

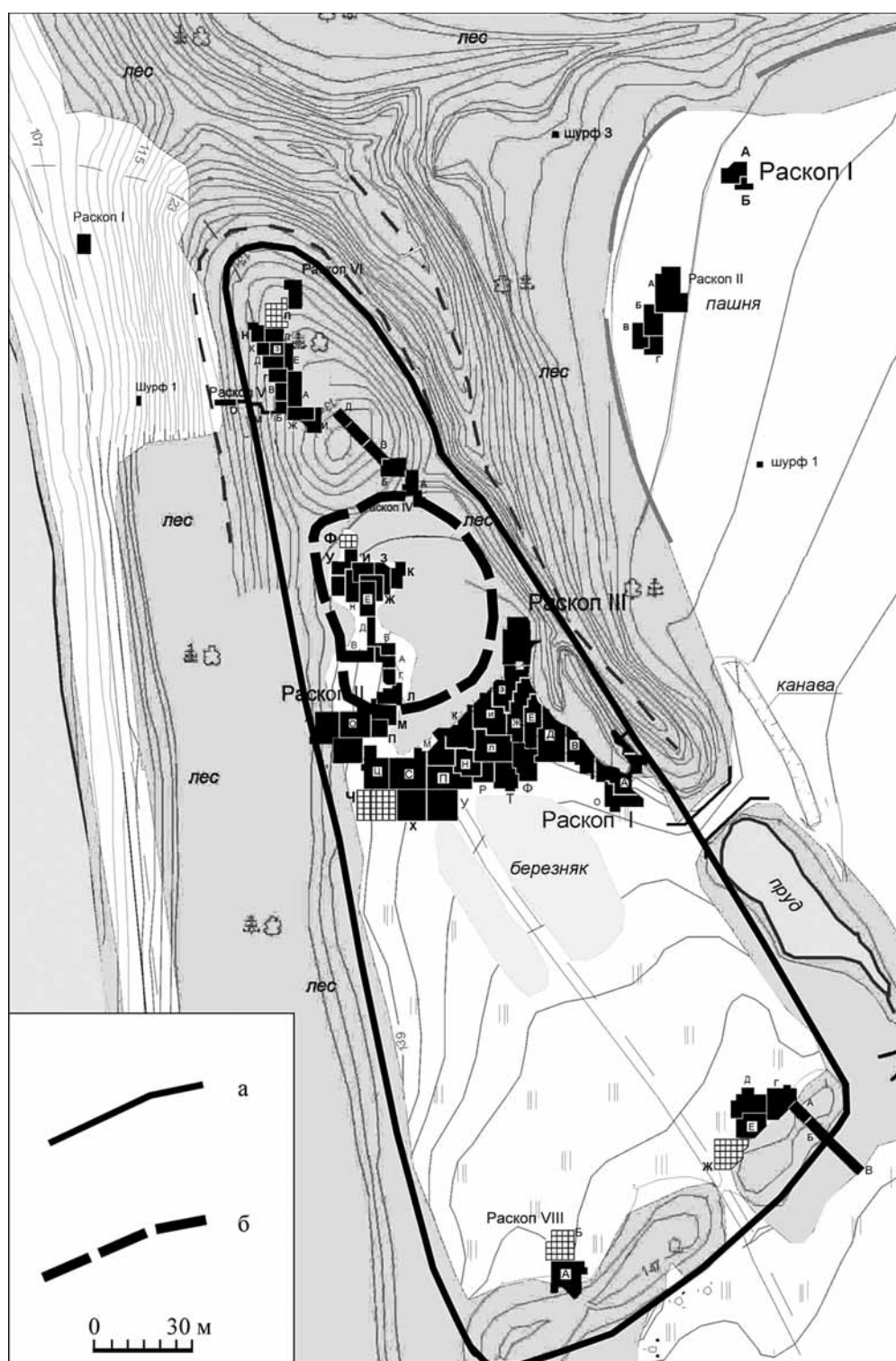
Раскоп II расположен в северной части городища, и к началу 2013 г. его площадь достигла 492 кв. м (рис. 1). На его территории встречены материалы эпохи камня, бронзы, раннего железного века и Средневековья. Он условно делится на южную и северную части, обладающие разной стратиграфией и разной степенью концентрации погребений. На территории городища выявлено 293 христианских погребения (не считая скоплений костей в перекопах и отдельно лежавших черепов),

из них 226 были расчищены и зафиксированы, а остальные уходили в борта раскопа и по этой причине не могли быть исследованы полностью. Все расчищенные погребения прошли антропологические определения, выполненные кандидатом исторических наук Д. В. Пежемским в Музее и НИИ антропологии МГУ, где и хранятся все костные остатки из раскопок Ростиславля¹. Почти все исследованные погребения происходят из раскопа II, но три из них были обнаружены в раскопе IV, на периферии могильника. Кроме того, в раскопах I и V были встречены три отдельно лежавших человеческих черепа, явно перемещенных туда с территории некрополя. Большая часть из исследованных погребений безынвентарна, однако в нескольких из них все же был обнаружен сопроводительный инвентарь, в том числе датирующий (см. ниже).

Границы кладбища определяются с разной степенью достоверности. Наиболее объективные данные имеются по его южной границе, поскольку она была выявлена в южной части раскопа II (на участке М); южнее ни одного погребения обнаружено не было. Западная его граница, очевидно, проходила по крутому западному склону мыса, на котором расположено городище (раскопками 1996 г. было подтверждено наличие погребений у самого склона). К северу от раскопа II располагались вал, возведенный еще в раннем железном веке, и средневековый ров, засыпанный в XV в. Севернее рва и вала (в раскопе V) кладбище не зафиксировано, здесь обнаружен лишь один перезахороненный в Новейшее время череп без нижней челюсти.

---

¹ Исключение составляют восемь погребений из раскопок 1994–1996 гг., половозрастные определения которых проводились В. Ю. Ковалем, а антропологический материал был перезахоронен на площади раскопов.

Рис. 1. План городища Ростиславль и некрополь на его территории

а – контуры площадки городища; б – контуры территории некрополя

Таким образом, северная граница кладбища могла проходить у подножия этого вала. У восточного склона мыса, в раскопе IV, исследованы еще три погребения – следовательно, некрополь должен

был занимать все пространство между двумя противоположными склонами. В раскопах I и III, находящихся к югу и юго-востоку от раскопа II, никаких погребений уже не было выявлено, но между

раскопами I и II в отвалах грабительских ям зафиксированы человеческие кости, что свидетельствует о распространении кладбища и в эту сторону (рис. 1).

Общая площадь, занятая некрополем (свыше 10% территории городища), слишком велика для детинца средневекового города общей площадью 2,5 га, однако кладбище не было столь обширным изначально, а расширялось постепенно, достигнув своей максимальной площади уже после того, как город перестал существовать. В южной части раскопа II могилы соседствуют с остатками построек XIII–XV вв. или перекрывают их. Это значит, что в период активной жизни города кладбище имело размеры намного скромнее. На территории, занятой кладбищем, погребения размещались неравномерно. На сводном плане всех погребений раскопа II видно, что к северу их плотность становится существенно выше (рис. 2), и, кроме того, погребения тут располагались в несколько (до 6) ярусов, что увеличивает фактическую плотность захоронений в несколько раз. В южной же части раскопа могилы размещаются разреженно, и лишь в отдельных случаях прослежено два яруса погребений. При этом в центре северной части раскопа, т.е. там, где плотность погребений максимальная, имеется подпрямоугольная площадка, на которой погребения совершены разреженно и только в один ярус. Многоярусные погребения четко оконтуривают эту площадку, вытянутую по линии ВСВ – ЗЮЗ, что дает возможность предполагать расположение в этом месте христианского храма, вокруг которого и совершалась основная масса захоронений (рис. 1; 2). К сожалению, средневековые кладбища в «малых городах» Руси практически не исследованы, а раскопанные кладбища вокруг церквей в крупных городах не опубликованы (например, в Москве в 1998–1999 гг. была полностью раскопана церковь св. Троицы в Полях вместе с окружавшим ее кладбищем). Однако очень близкую ситуацию можно наблюдать на исследованном О.Н. Заидовым широкой площадью (1912 кв. м) кладбище конца XII–XIV вв. у дер. Исаковские Выселки в Тульской области (Гоняный, 2005. Рис. 23). В центре этого некрополя была выявлена пустая площадка поперечником 12 м, окруженная плотно расположенными могилами (часто в несколько ярусов), которая рассматривается исследователями в качестве места расположения церкви или часовни (Гоняный, 2005. С. 124, 128). Правда, на Исаковских Выселках внутри «церковного места» не зафиксировано ни одного погребения, но надо учитывать менее

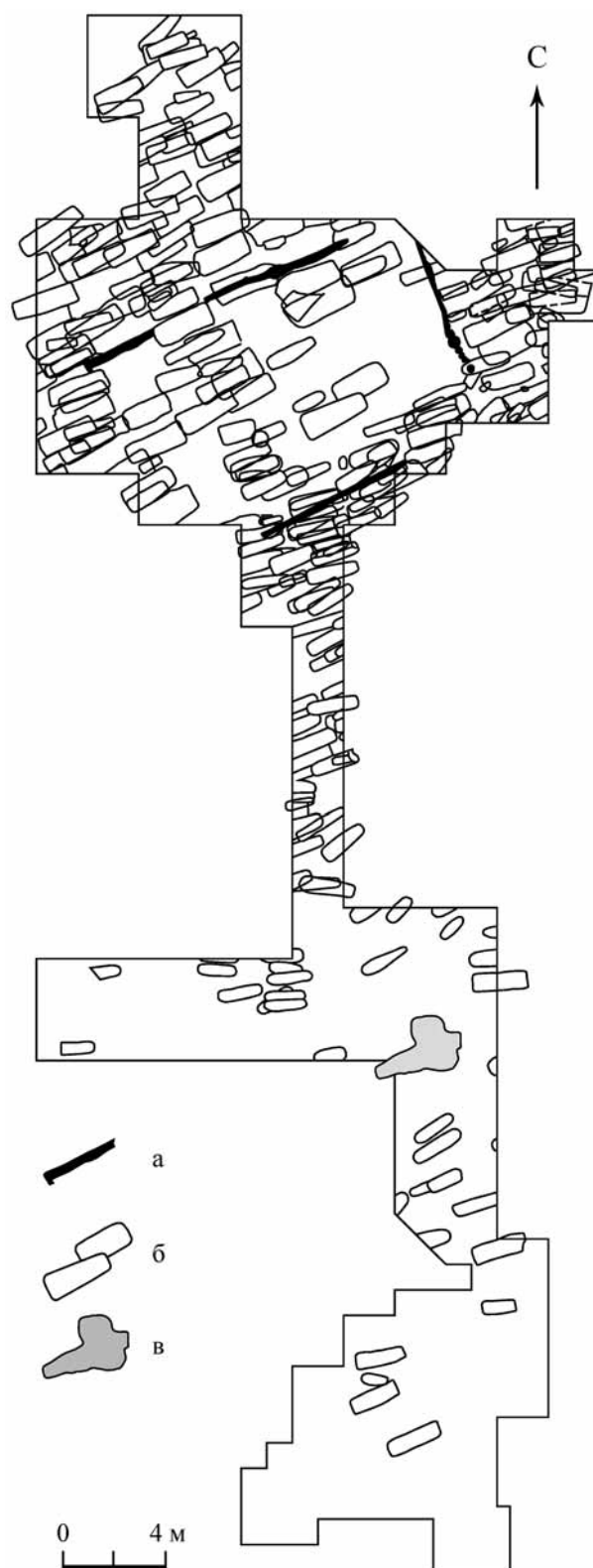

Рис. 2. Сводный план погребений раскопа II

а – сооружения 12, 23 и 24; б – погребения;
в – грабительская яма

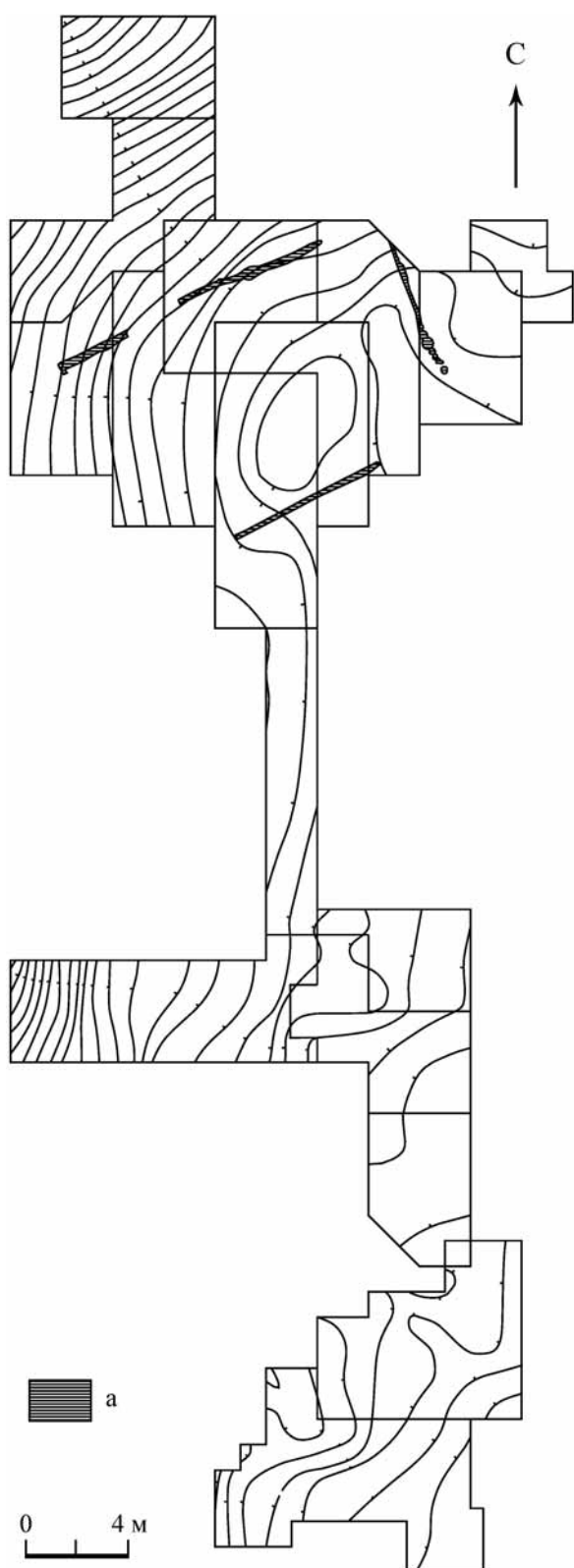

Рис. 3. План современной дневной поверхности на раскопе II (а – сооружения 12, 23 и 24). (Сечение горизонталей через 10 см)

продолжительную историю этого кладбища (всего 200 лет) и несравнимо более низкий статус поселения, среди жителей которого, видимо, не было лиц, достойных захоронения внутри храма. Ростиславль был городом, где, несомненно, проживали представители аристократии или церковные иерархи, которые и могли претендовать на погребение внутри церкви.

В связи с высказанной гипотезой о месте размещения христианского храма рассмотрим подробнее северную часть раскопа II. Современный рельеф в северной части городища относительно плоский, без резких перепадов, имеющий слабый уклон к северу. Однако в том месте, где расположен раскоп II, на северном и западном краях его площадки, рельеф меняется: на западе начинается склон к берегу Оки, а на севере – понижение в направлении засыпанного средневекового рва. В центре северной части раскопа выделяется небольшой возвышенный участок, точно совпадающий с местом размещения предполагаемого храма (рис. 3). Такая возвышенность образовалась из-за того, что именно в этом месте размещалась древняя насыпь (см. ниже описание сооружения 13).

Рельеф материка в этой части раскопа проследить сложнее, поскольку он сильно поврежден могильными ямами. Но по тем его частям, которые сохранились нетронутыми, он может быть реконструирован (рис. 4). В месте предполагаемого храма поверхность материка относительно ровная,

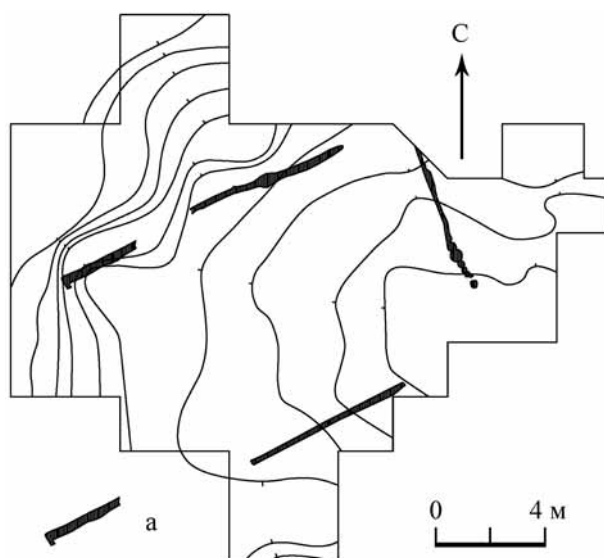

Рис. 4. Реконструированная поверхность материка в северной части раскопа II (а – сооружения 12, 23 и 24). (Сечение горизонталей через 10 см)

с небольшим уклоном к западу, но к западу и северо-западу уклон становился весьма ощутимым, что вызвано близостью к западному склону мыса. За пределами этого участка поверхность материка имела незначительный уклон к югу и северо-востоку.

Место предполагаемого храма отличают не только особенности рельефа и планиграфия погребений. Именно в этом месте зафиксирована лучше всего сохранившаяся многослойная стратиграфия культурных напластований на раскопе (рис. 5), что произошло прежде всего благодаря небольшому количеству могильных перекопов. Поэтому только здесь хорошо сохранились слои, сформировавшиеся в догородскую эпоху. Так, в подзолистом горизонте обнаружены культурные остатки стоянки эпохи финального палеолита, исследованные А.В. Трусовым (2011. С. 200–2002). Выше погребенной почвы сохранился культурный слой насыщенного черного цвета, мощностью до 35 см, содержащий лепную керамику эпохи поздней бронзы (Коваль, 2010) и раннего железного века, а также славянские материалы X в. (слой 3 по полевой стратиграфии). Очень важно отметить, что ни одного обломка круговой керамики этот слой не содержал. На всей остальной площади северной части раскопа II фиксировались только два слоя – слой могильного перекопа (слой 2) и залегающий непосредственно под дерном слой 1, состоявший из аморфного темно-серого суглинка толщиной до 20 см, в котором погребения отсутствовали². Слой 1 представлял собой, вероятно, результат почвообразовательных процессов и перемещения грунтов в Новое и Новейшее время в результате эрозионных процессов и человеческой деятельности.

Слой 3 был перекрыт и законсервирован сооружением 13, которое представляло собой насыпь из плотно утрамбованного желтого материкового суглинка³. Средняя мощность этого слоя – 20 см, но в местах, где он перекрывал западины от более ранних ям, его толщина доходила до 40 см. Заполняя западины на поверхности слоя 3, сооружение 13 нивелировало поверхность, создавая ровную почти горизонтальную площадку. Объем грунта в этом слое материкового суглинка был столь велик, что,

учитывая отсутствие в ближайшем окружении заглубленных в материк ям от построек, его нельзя рассматривать как выброс из них (но не исключено, что этот суглинок происходил из ложа рва, размещавшегося к северу отсюда). Сооружение 13 локализовалось только в месте предполагаемого храма, нигде за его пределами никаких прослоек желтого суглинка, которые можно было бы связывать с ним или иными материковыми выбросами, не прослежено (рис. 6). Погребений, предшествовавших сооружению 13, не обнаружено, но зато имеется несколько погребений, прорезавших его. Отсутствие в слоях под сооружением 13 круговой керамики свидетельствует о том, что эта насыпь из материкового суглинка возникла еще до отложения средневекового культурного слоя в Ростиславле, т. е., скорее всего, сразу после основания города. Весьма вероятно, что эта обширная насыпь предназначалась для нивелирования неровности рельефа и создания прочной горизонтальной площадки, которая вполне могла служить основанием для крупной деревянной постройки, какой мог быть сруб деревянного храма.

Сооружение 13 было связано с серией сооружений иного рода, окаймлявших место предполагаемого храма (это сооружения 12, 23 и 24)⁴. Их остатки представляли собой частокольные канавки шириной 20–25 см, врезанные в материк на 10–20 см, с плоским дном и сохранившимися на нем следами от круглых столбов с плоскими основаниями. Таким образом, они ничем не отличались от тех канав от частоколов, которые разграничивали дворы и улицы. Канавки были заполнены черным суглинком, по цвету близким «догородскому» слою 3, но в заполнении каждой из них были встречены единичные обломки круговой керамики. Грунт из заполнения канавок говорит о том, что частокол возник в то время, когда никакого другого слоя, кроме слоя 3, на данном участке еще не отложилось, но круговая керамика в их заполнении позволяет связать их появление с первыми десятилетиями существования города. Канавки от частоколов окаймляют место предполагаемого храма с северо-запада, северо-востока и юго-востока. С юго-западной стороны, где поверхность имела заметный уклон в сторону берегового склона, также когда-то

² В тех случаях, когда погребения обнаруживались непосредственно под дерном, можно говорить об отсутствии или незначительной толщине слоя 1, поскольку все погребения кладбища связаны только со слоем 2.

³ Номер сооружения соответствует полевой нумерации, зафиксированной в отчетах о раскопках Ростиславля.

⁴ Фактически речь идет об одном сооружении, раскрывавшемся по частям в разные годы. Поэтому вначале каждой новой канавке присваивался очередной номер. Только после сведения их на едином плане стало ясно, что это одна и та же канавка, очерчивавшая прямоугольную площадку.

могла существовать такая же канавка, но она была, вероятно, полностью разрушена могильными перекопами. Надо специально подчеркнуть, что сооружение 13 полностью помещалось внутри площадки, окаймляемой описанными здесь канавками. Максимальные размеры этой площадки – 13,5×9,0 м (около 120 кв. м), т.е. она практически не отличалась от габаритов «церковного места» на кладбище в Исаковских Выселках. Ориентировка длинных сторон площадки (по трассам канавок – 243–244°) соответствует одному из наиболее распространенных видов ориентировки погребений (с азимутами 240–245°) (см. ниже).

Размеры сооружения 13 были несколько меньше, чем прямоугольник, очерченный частокольными канавками, однако надо иметь в виду, что все края этого сооружения прорезаны могилами, а своим северо-восточным краем оно непосредственно соприкасалось с линией частокольной канавки. Следовательно, и нивелирующая насыпь из материкового суглинка (сооружение 13), и частокольная канавка, ограничивающая прямоугольник, сориентированный по линии ЗЮЗ – ВСВ, могли быть возведены одновременно (либо с небольшим временным разрывом) в первые десятилетия после основания Ростиславля. Поскольку первоначальная высота частокола неизвестна, невозможно установить, служил ли он оградой храмовой постройки или принадлежал к конструкции платформы из утрамбованного суглинка, служившей основанием этого культового сооружения. Однако второй вариант очевидно предпочтительнее, поскольку не известно ни одного случая (ни по археологическим материалам, ни из этнографии), чтобы культовая постройка была окружена частоколом буквально по своему периметру, закрывая ее едва не со всех сторон.

Вопрос о времени бытования раннего кладбища и динамике его расширения весьма сложен. Частично на него помогает ответить схема расположения средневековых ям на территории раскопа II (рис. 6). На схеме видно, что в северной части раскопа полностью отсутствуют врезанные в материк ямы от построек, хотя, как известно, в Ростиславле концентрация ям была высокой, что отражает плотность застройки города и хозяйственного освоения территории усадеб (Коваль, 2005. С. 262–284). Исключением является лишь небольшая яма 286, расположенная вблизи места предполагаемого храма. Она содержала всего семь обломков керамики, датируемых первой половиной XIII в., и сохранилась в незначительной степени из-за повреждений могильными перекопами. Первые ямы домонгольской поры,

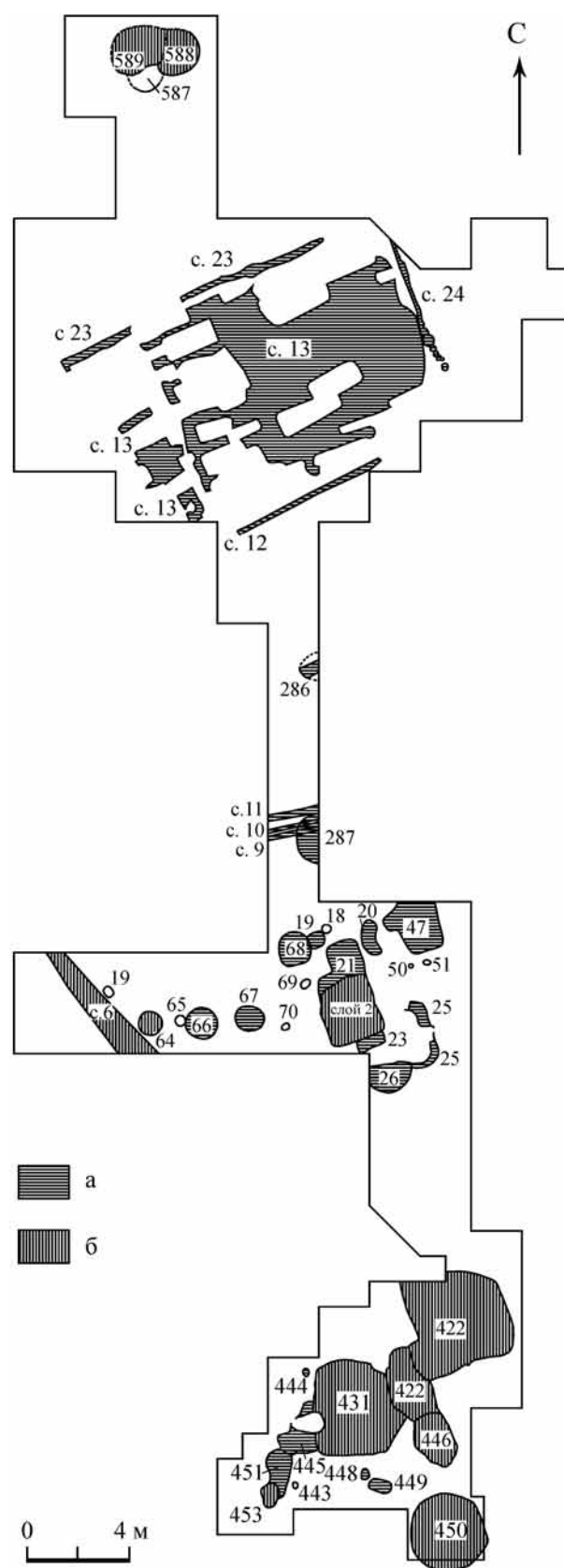

Рис. 6. Хозяйственные ямы и сооружения раскопа II
а – XII – 1-я пол. XIII в.; б – 2-я пол. XIII – XVI в.

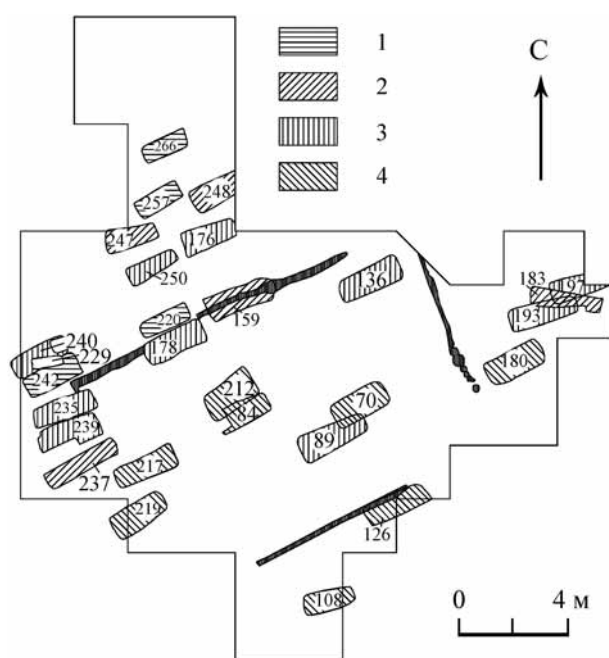

Рис. 7. Сводный план расположения ранних погребений

- 1 – погребения с домонгольским инвентарем (группа 1);
 2 – погребения в ямах с поперечными канавками (группа 2);
 3 – другие инвентарные погребения (группа 3);
 4 – погребения в широких могильных ямах (группа 4)

маркирующие древнюю застройку, обнаружены только в 10 м южнее места храма, где, кстати, выявлены три параллельные частокольные канавы от постоянно возобновлявшейся ограды (сооружения 9, 10, 11). Следовательно, вокруг храма размещалась обширная незастроенная площадка, часть которой, к югу от него, могла служить в том числе и центральной городской площадью.

Само по себе незастроенное пространство вокруг церкви еще не означает обязательного существования на этом месте синхронного ей кладбища. Но среди массы исследованных погребений есть и такие, в которых обнаружен, несомненно, домонгольский инвентарь, а также имеющие иные признаки, позволяющие рассматривать их как возникшие в самый ранний период существования некрополя. Речь идет о четырех группах захоронений (рис. 7; 8).

К первой группе относятся пять погребений с ранним инвентарем: погребения 220, 229, 242, 257, 266, принадлежавшие взрослым женщинам⁵ и одному ребенку (рис. 9). В одном случае (п. 257) датиро-

ующим признаком является ожерелье из стеклянных бус с кривовидной подвеской и нательным крестиком (рис. 9; 10, 1). В другом случае (п. 242) это накладки-дробницы, нашитые на воротник (рис. 9; 10, 3, 4), имеющие домонгольские аналогии (Сабурова, 1997. Табл. 74, 24; Никитина, 2012. Рис. 53, 9). В трех погребениях обнаружены остатки золототканых шелковых лент от ворота (п. 220, 229) (рис. 10, 2) и налобного погребального венчика (п. 242) (рис. 10, 5), которые, по мнению И.И. Ёлкиной⁶, могут датироваться домонгольской эпохой. Наконец, в одном погребении (п. 266) встречен решетчатый трехзигзаговый перстень (на пальце руки) и шарообразная бусина из горного хрусталя. Все погребения этой группы расположены за пределами места предполагаемого храма, к северо-западу и западу от него (рис. 8, 1). То есть они расположены на довольно крутом склоне, малопригодном для размещения там каких-либо построек.

Ко второй группе отнесены погребения, совершенные в могильных ямах, на дне которых (в изголовье и в изножье) проходят поперечные канавки глубиной 5–8 см (рис. 11; 12; 13). Заполнение канавок не отличалось от заполнения могильных ям, а длина соответствовала ширине могилы. В ряде могил канавки встречены по одной – только в изголовье или только в изножье. От размеров и пропорций могильных ям или пола погребенных наличие канавок не зависело. Подобные могилы известны на ряде курганных могильников в Московской области (например, Новоселки-2 и Мякинино), но сама традиция была распространена очень широко. Подобные могилы с поперечными канавками на дне встречены в грунтовом могильнике домонгольской эпохи на окраине Переяславля Русского, где они связываются исследователями с особой конструкцией гробовища, имевшего снизу две поперечные перекладины. Кроме того, в современной погребальной практике Переяславля сохранилась традиция вырезания таких канавок на дне могил для беспрепятственного вытягивания веревок, на которых опускают гроб (*Товкайло и др.*, 2012. С. 216. Рис. 3, 4). В Ростиславле выявлено 10 таких погребений (п. 89, 136, 176, 178, 193, 197, 235, 239, 240, 250). Помимо территории к западу и северо-западу от места предполагаемого храма подобные могилы встречены к востоку от него и непосредственно на его территории (рис. 8, 3). Три таких погребения прорезали частокольные канавки,

⁵ Согласно антропологическому определению, погребение 242 могло принадлежать мужчине в возрасте 20–23 лет, однако вещевой материал (украшения ворота и налобный венчик) заставляет думать, что здесь все же была захоронена женщина.

⁶ Благодарим к. и. н. И. И. Ёлкину (ИА РАН) за консультацию и проведенную реставрацию обнаруженных древних тканей.

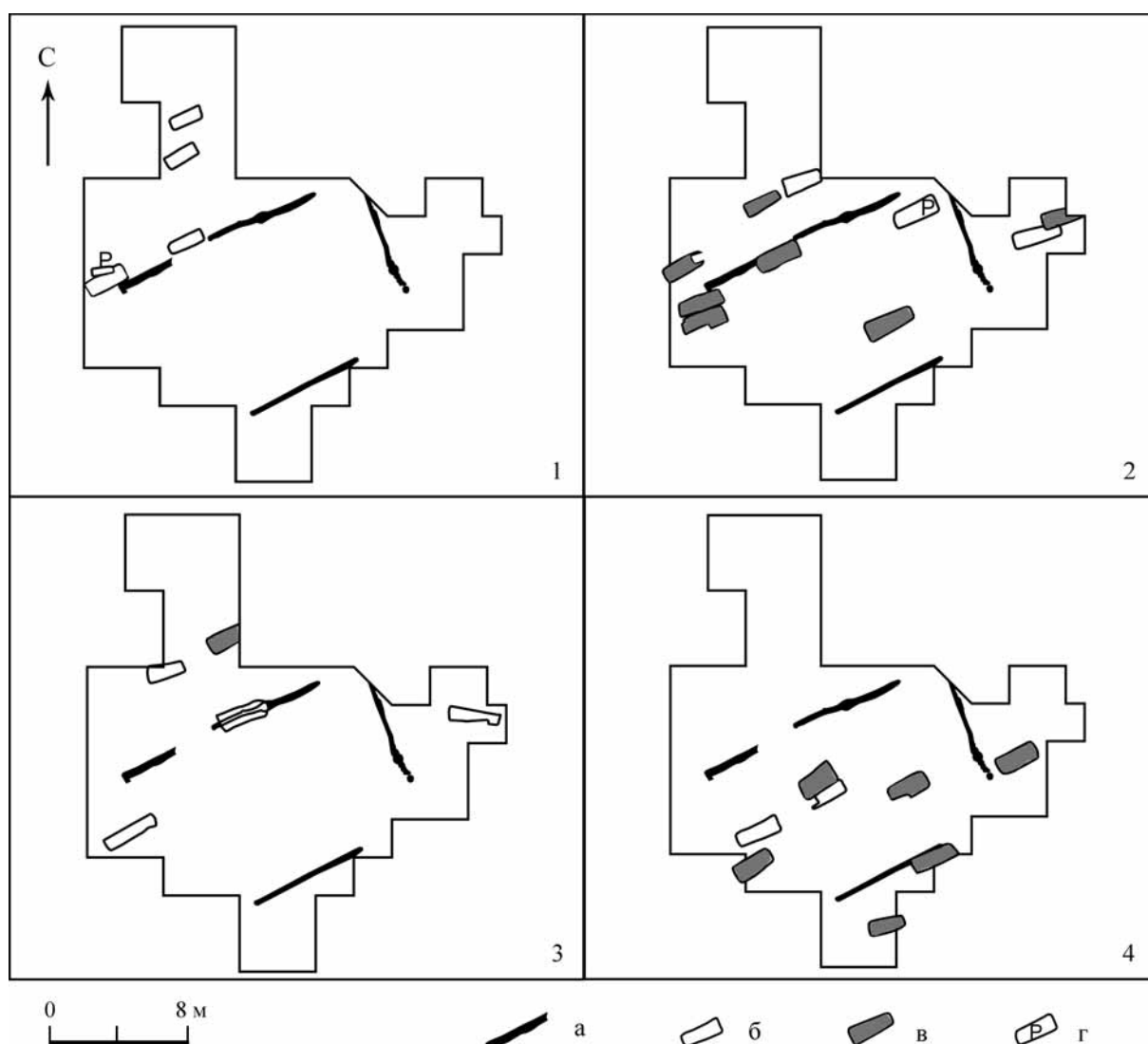

Рис. 8. Планы расположения ранних погребений

1 – погребения группы 1; 2 – погребения группы 2; 3 – погребения группы 3; 4 – погребения группы 4;
а – сооружения 12, 23 и 24; б – женские погребения, в – мужские погребения, г – захоронения детей

ограничивающие место предполагаемого храма, а погребение 89 размещалось почти в центре «церковного места». Важно заметить, что одно из погребений этой группы (п. 240) было перекрыто погребением первой группы (п. 229, см. выше), а это ставит его в ряд с наиболее ранними захоронениями некрополя. Заполнение многих могильных ям второй группы состояло преимущественно из материкового желтого суглинка, значит, в момент совершения этих захоронений ни культурный слой, ни могильные перекопы в храме и вокруг него еще не появились – это дополнительный аргумент в пользу раннего происхождения данных погребений. Таким образом, погребения второй группы также относились к раннему периоду существования некрополя, причем часть из них (если

не вообще все) относились к домонгольской эпохе. Их присутствие на территории предполагаемого храма может быть связано с высоким статусом погребенных. Так, могильная яма погребения 136 по размерам соответствовала захоронениям взрослых индивидов, однако она содержала лишь череп ребенка (без нижней челюсти), причем размещено погребение было в одной из самых престижных частей храма – в алтаре, внутри него, или рядом с алтарем, за его стеной (в зависимости от того, каково было архитектурное решение церкви). Интересно также, что среди 10 погребений этой группы семь принадлежали взрослым мужчинам.

Третью группу составляли пять захоронений с инвентарем, датировка которого не столь

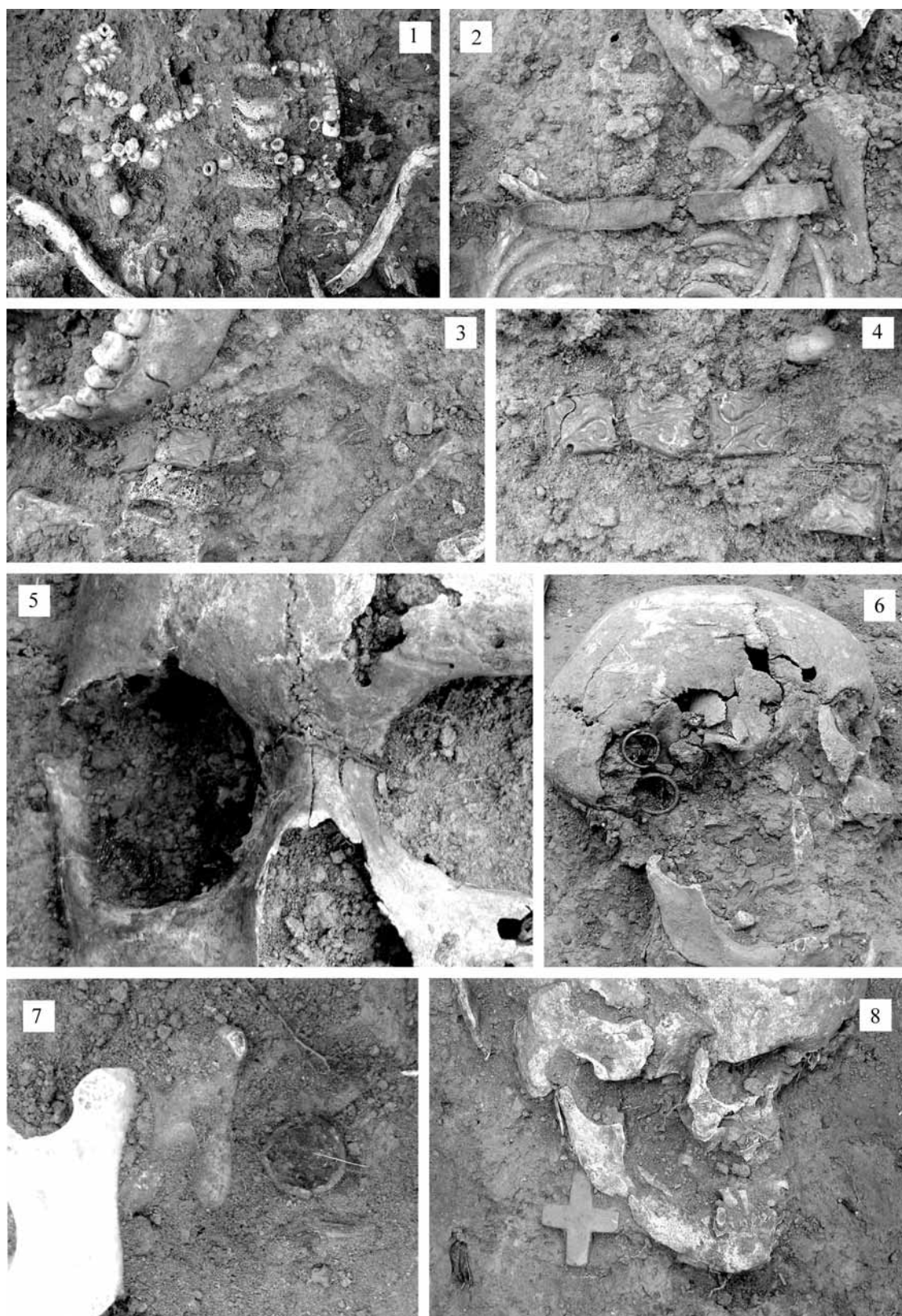

Рис. 10. Инвентарь некоторых погребений некрополя Ростиславля (см. цв. вкл.)

1 – погр. 257; 2 – погр. 229; 3 – погр. 242; 4 – погр. 242; 5 – погр. 242; 6 – погр. 247; 7 – погр. 237; 8 – погр. 248

однозначна, как в группе 1, – это погребения 159, 183, 237, 247, 248 (рис. 12; 14). Четыре погребения этой группы принадлежали женщинам, а одно (п. 248) не имело четкого полового определения, но судя по находке в нем сланцевого наперсного (?) креста (рис. 10, 8), скорее принадлежало мужчине. В трех захоронениях (п. 159, 237, 247) в области только одного из висков были обнаружены проволочные кольца из медных сплавов (рис. 10, 6, 7), которые не были парными и заметно отличались от перстнеобразных височных колец домонгольской эпохи по размерам и толщине проволоки. При этом в одном случае их встречено сразу три экземпляра на виске погребенной (п. 247). В одном погребении (183) были встречены обломки бронзового украшения неясного типа, от которого под шейными позвонками сохранились только обломки сферического изделия, шарик (возможно, это остатки бубенчика?), квадратная пластинка и проволочные колечки диаметром менее сантиметра. Вероятно, такие украшения могли использоваться не столько в домонгольскую эпоху, сколько в период после ее завершения (во второй половине XIII – начале XIV в.), причем некоторые из них служили в качестве серег. Хотя погребения третьей группы встречены только вблизи места предполагаемого храма, т.е. там же, где и погребения двух первых групп (рис. 8, 2), их стратиграфия иногда указывает на относительно более поздние даты. Так, погребение 183 перекрывало более ранние погребения группы 2 (п. 193 и 197) и имело ориентировку вида 4 (см. ниже), максимально приближенную линии восток – запад. Это роднит его с близлежащими погребениями 144, 194 и 198 с аналогичной ориентировкой. Такая ориентировка вблизи храма возможна лишь в трех случаях: когда храм на короткое время перестраивали с другой ориентировкой, а потом снова вернули к прежнему расположению; когда рядом располагался другой пространственный ориентир, «сбивавший» копателей могил; и когда какое-то время храм отсутствовал. Причем его возможное отсутствие должно было быть достаточно продолжительным, чтобы расположенные рядом могилы сровнялись с землей и перестали диктовать ориентировку при совершении новых погребений. В то же время все остальные погребения этой группы не имели заметных отличий по ориентировке и в целом находились в той же стратиграфической позиции, что и рассмотренные выше.

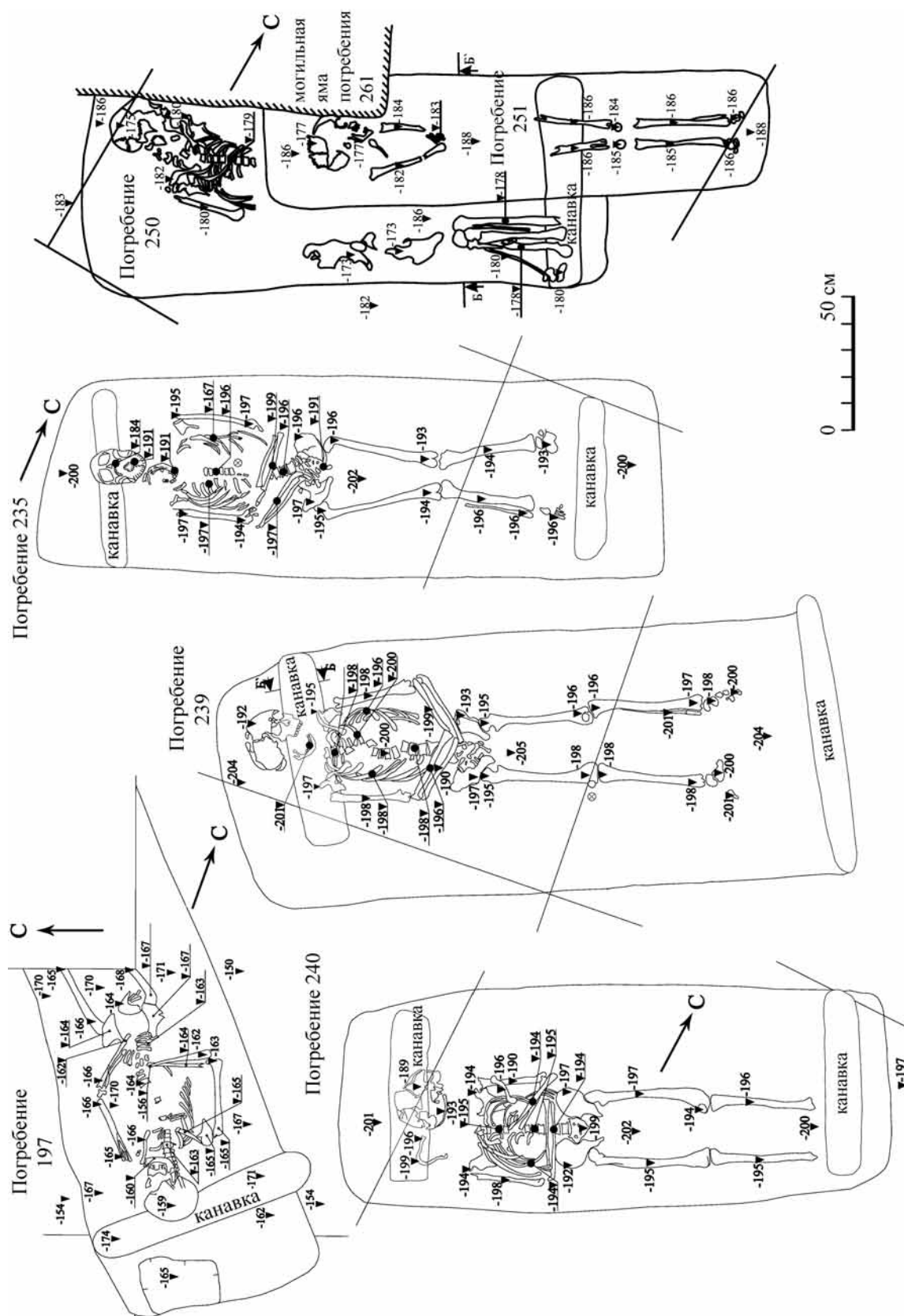
К четвертой группе относятся восемь погребений в так называемых широких могильных ямах – п. 70, 84, 108, 126, 180, 212, 217, 219

(рис. 15; 16). Длина таких ям превосходила их ширину не более чем в 2,5 раза. Расположены они в основном непосредственно на территории храма (5 из 8 могил), а также к востоку, югу и юго-востоку от него, вплотную к нему (рис. 8, 4). Одно из этих погребений (п. 70) прорезало более раннее погребение группы 2 (п. 89). Еще в одном случае погребению этой группы предшествовали два других, не вскрывавшихся погребения, поэтому об их хронологических признаках судить затруднительно. Размещение на площади храма заставляет видеть в этих погребениях захоронения лиц высокого статуса, возможно, связанных с церковной иерархией (например, священнослужителей). В то же время среди этих восьми погребений два принадлежали женщинам, причем одно из них (п. 84), несомненно, располагалось внутри храма. Более того, ряд погребений, относившихся к разным выделенным группам, составляли очевидные компактные скопления, в которых можно видеть захоронения ближайших родственников. Для примера приведем погребения 212 (мужчина 25–35 лет) и 84 (женщина того же возраста) в центре храма и погребения 242 (женщина 20–23 лет), 240 (мужчина старше 55 лет) и 229 (ребенок 6–7 лет) у северо-западного угла храмовой площадки. Продолжением ряда последних к юго-востоку были погребения 235, 239 и 237 (рис. 7). Вероятно, продолжения этих рядов (не попавшие в представленную выборку, но хорошо различимые на рис. 1) можно также рассматривать как относительно синхронные, т.е. относящиеся к раннему периоду.

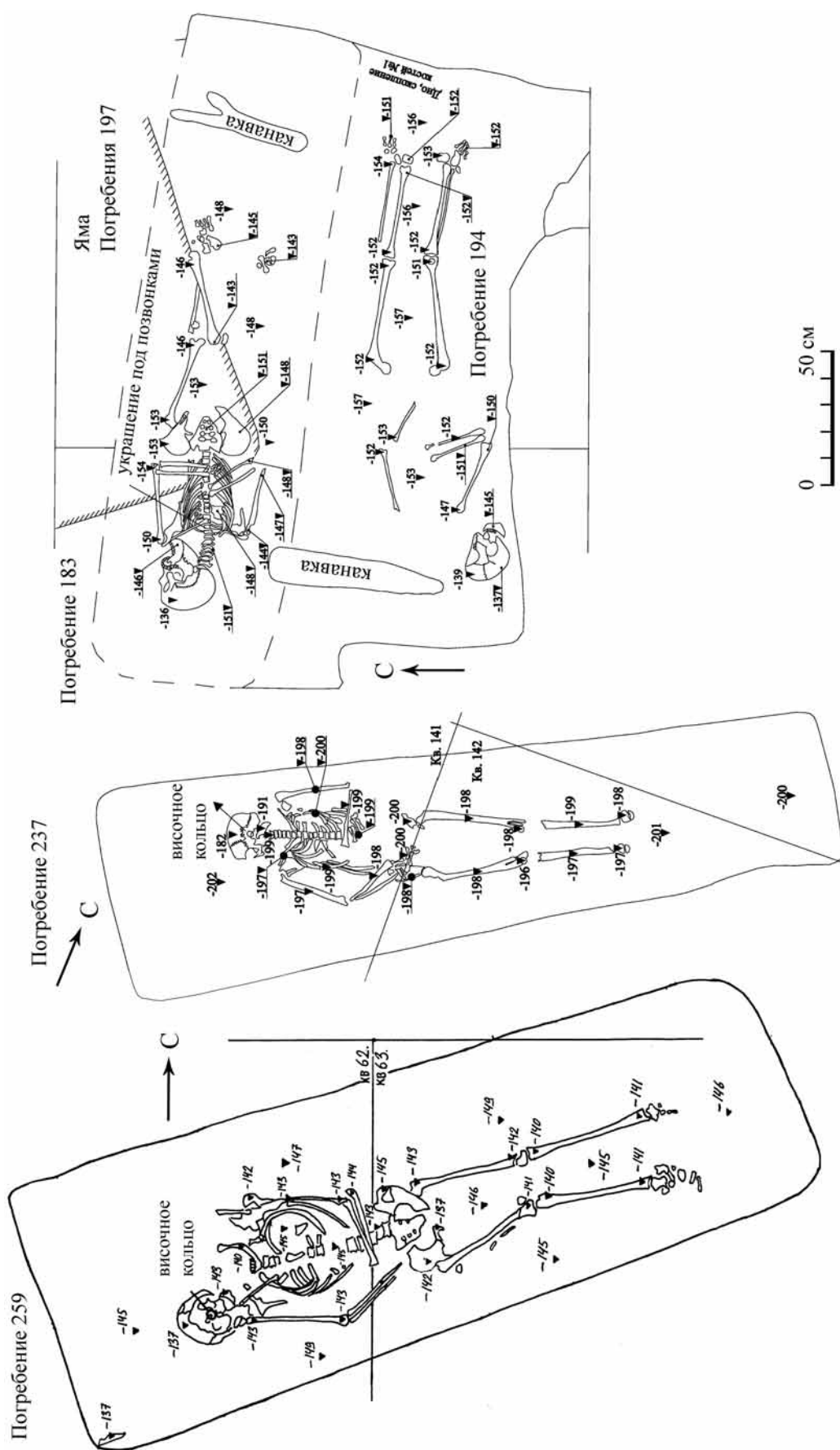
Все эти четыре группы погребений встречены только вблизи места предполагаемого храма либо на его территории. За исключением группы 4, они присутствуют либо в «заалтарной» части, либо к северу и западу от храма, на склоне, где сам рельеф местности не допускает плотной городской застройки. Планиграфически погребения всех групп, кроме четвертой, формируют структуру из нескольких рядов раннего могильника, возникшего вскоре после появления в этом месте культового сооружения. Четвертая группа погребений, очевидно, обладала особым статусом, поскольку большинство из захоронений было совершено внутри храма.

Гораздо сложнее датировать и структурировать в хронологически различающиеся «пласты» массу других безынвентарных погребений. При этом очевидно, что погребения, разреженно расположенные в южной части раскопа II, относятся к самому позднему этапу существования могильника, когда постройки XIII–XV вв. были здесь уже давно засыпаны и не возобновлялись. По мере того, как

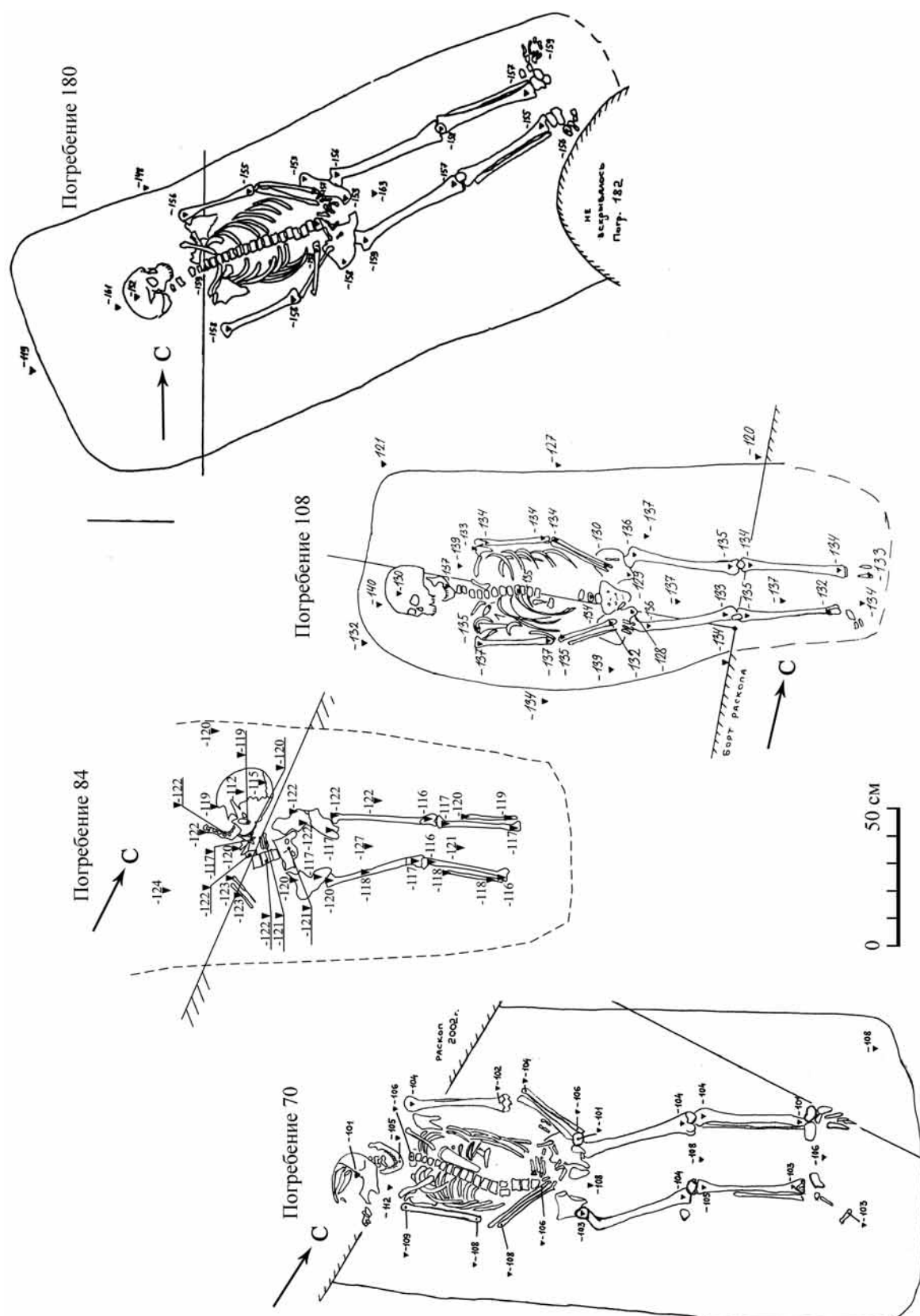

Рис. 13. Чертежи погребений с поперечными канавками

Рис. 14. Чертежи погребений с прочим инвентарем (группа 3)

Рис. 15. Чертежи погребений в широких могильных ямах

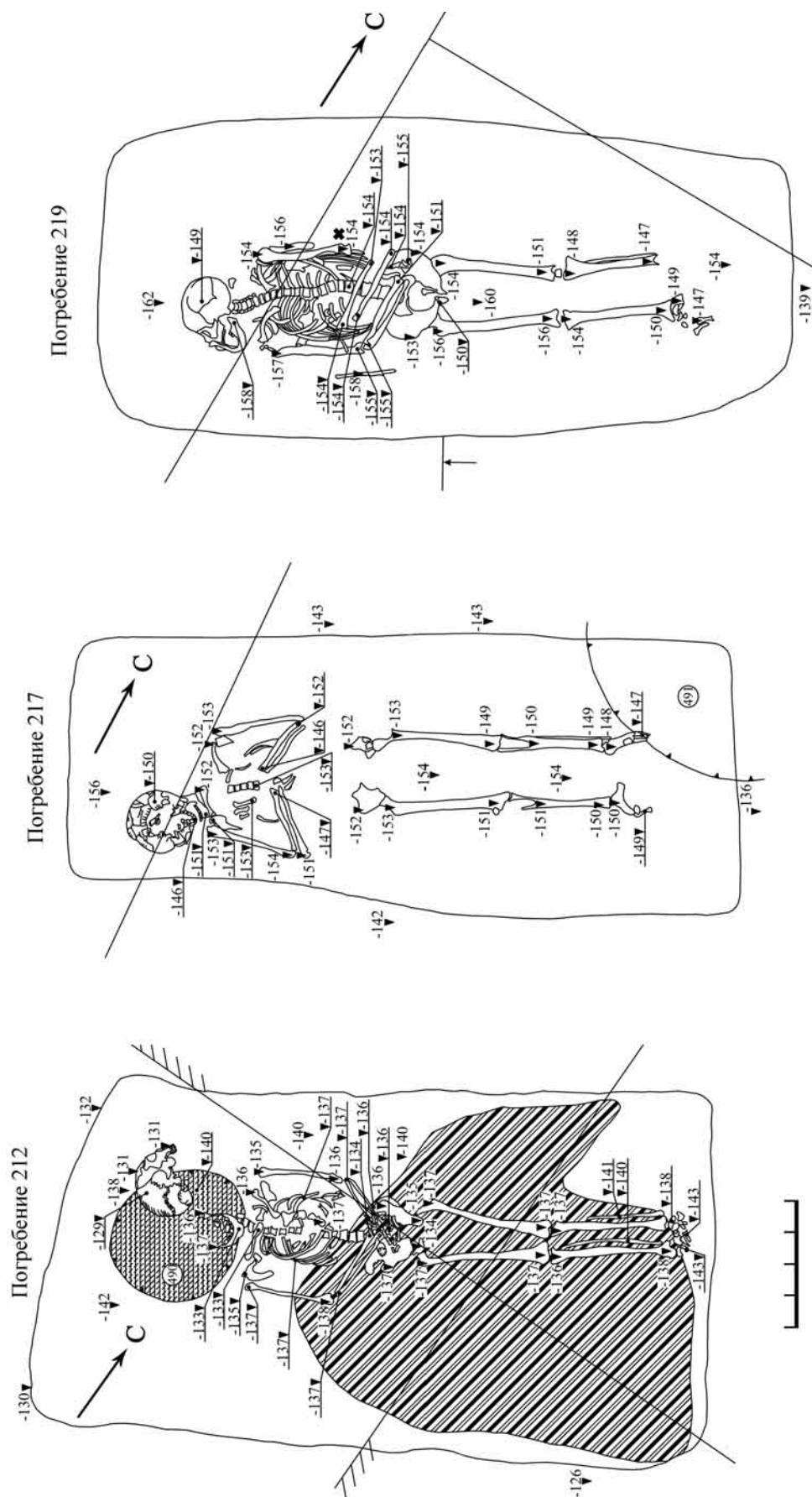

Рис. 16. Чертежи погребений в широких могильных ямах

плотность застройки города сокращалась, кладбище постепенно разрослось до своих максимальных размеров (к XVII в.).

Для проведения дальнейших исследований большое значение будет иметь анализ ориентировки погребений. В тех случаях, когда удавалось проследить контуры могильной ямы⁷, часто оказывалось, что лежащий в погребении костяк не точно соответствует ее ориентировке. В остальных случаях об ориентировке могилы можно было судить только по расположению сохранившихся частей костяков. Разумеется, это серьезно снижает достоверность выводов об ориентировке могил, но о ней можно судить, опираясь на массовые статистические показатели, вычисленные по зафиксированным скелетным остаткам.

Во всем массиве погребений удастся выделить четыре основных вида пространственной ориентировки.

1. Азимут 230–235° (юго-западная ориентировка) – 33 погребения.

2. Азимут 240–245° (ориентировка на ЗЮЗ первого варианта) – 78.

3. Азимут 250–260° (ориентировка на ЗЮЗ второго варианта) – 80.

4. Азимут 265–280° (западная ориентировка) – 19 погребений.

Этим видам соответствует подавляющее большинство всех исследованных погребений некрополя. Кроме того, выделен один промежуточный вариант, который на территории некрополя присутствует локально и встречен только у восьми погребений (вариант 2а с азимутами в интервале от 245 до 250 градусов). Не вписываются в эти варианты еще восемь погребений с ориентировкой на ЮЮЗ (от 210 до 225 градусов), причем пять из них расположены близко друг к другу.

В пространственной ориентировке погребений хорошо заметна общая закономерность: чем южнее расположен участок раскопа по отношению к предполагаемому местоположению храма, тем разнообразнее их ориентировка. Напротив, по мере приближения к этому месту она становится более единообразной и по азимутам соответствует почти исключительно вариантам 2 и 3. Это единообразие пространственной ориентировки означает, что при выкапывании новых могильных ям рядом располагались хорошо заметные ориентиры в виде старых могил или архитектурного сооружения.

В настоящий момент история храма и примыкавшего к нему кладбища Ростиславля Рязанского видится так. В середине XII в. (1153 г.) основывается город Ростиславль. В северной части города, на самом возвышенном месте, перед рвом и валом мысового укрепления, частоколами ограничивается площадка размером 9,0×13,5 м, внутри которой делается подсыпка из желтого материкового суглинка, консервирующего все более ранние напластования. Изначальная мощность этой подсыпки неизвестна, но вряд ли она была существенно больше, чем та, что сохранилась до наших дней. На этой искусственно созданной платформе было построено деревянное культовое сооружение, от которого не осталось почти никаких следов. Можно только утверждать, что оно было выстроено без использования камня. Сразу или почти сразу после появления культового сооружения вокруг него начало формироваться престижное кладбище, число захоронений на котором было ограничено.

Строго говоря, нет даже прямых доказательств тому, что это был именно храм, а не часовня. Очевидные планиграфические отличия храма от часовни заключаются в размерах площади этих сооружений и наличии апсиды у храма. Однако само место размещения престижного некрополя в центре города, в конце его единственной (?) улицы заставляет думать, что в этом ключевом месте мог размещаться именно храм, без которого город христианской эпохи просто немыслим. К сожалению, неизвестно, как выглядели деревянные храмы XII в. Все образцы прекрасного деревянного зодчества, которыми мы в данный момент располагаем, построены в северных областях страны и относятся не ранее чем к XV в. Следовательно, они демонстрируют нам зодчество, приспособленное к климатическим условиям Русского Севера и отвечающее традициям более позднего времени. Вероятно, домонгольский храм на территории Ростиславля гораздо теснее должен был быть связан с южными архитектурными традициями. За всю историю города, насчитывающую около пяти столетий, это культовое сооружение несколько раз могло перестраиваться, вероятно, частично смещаясь относительно места своей предыдущей дислокации. В какие-то периоды оно могло вообще временно отсутствовать, например, после пожара или разорения города. Но тесная взаимосвязь храма и кладбища не допускала застройки этого места

⁷ Подавляющее число могил не достигало своим дном материкового суглинка, а располагалось в более ранних могильных перекопах, поэтому их контуры не могли быть достоверно зафиксированы в однородном гумусированном грунте.

постройками другого назначения, так что возобновление церкви происходило, видимо, довольно быстро.

В первое столетие своего существования прицерковное кладбище занимало наименее удобные для застройки участки местности вокруг храма, а его граница отстояла от стен храма на 4–8 м. Тогда же, вероятно, появились и первые погребения внутри храма. Среди ранних погребений крайне редки случаи, когда одна могила прорезала другую. Но именно это произошло на территории внутри культового сооружения. Такое было бы трудно представить снаружи среди хронологически близких погребений, поскольку какое-то время там сохранялись могильные холмики или надгробия, маркирующие места захоронений. А внутри деревянного культового сооружения, где какие-либо надгробия маловероятны, повреждение более ранней могилы при

рытье поздней вполне возможно. Планиграфическая структура из нескольких рядов могил начала формироваться на самом раннем этапе существования некрополя. Эти ряды угадываются на сводном плане всех погребений. Постепенно могил на ограниченной территории вокруг культового сооружения становилось все больше. Последующие могилы все чаще задевали более ранние. А с исчезновением окружающей застройки, в XV в., кладбище захватило значительно большее пространство. На удалении от культового сооружения погребения стали совершаться с меньшей плотностью и большим разнообразием пространственной ориентировки. Точное время, когда культовое сооружение перестало существовать, методами археологии установить не удалось, но, возможно, его удастся определить, используя письменные и картографические источники⁸.

Литература

Гоняный М. И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV вв.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М. (Тр. ГИМ. Вып. 150).

Коваль В. Ю., 2004. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосквья. М.

Коваль В. Ю., 2005. Планировка средневекового Ростиславля // Великое княжество Рязанское. М.

Коваль В. Ю., 2010. Поселение примокшанской культуры на городище Ростиславль // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань.

Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань.

Сабурова М. А., 1997. Реконструкция древнерусской одежды // Древняя Русь. Быт и культура. М.

Товкайло Н. Т., Бузян Г. Н., Тетеря Д. А., Юрченко А. В., 2012. Грунтовый могильник на окраине Переяславля Русского // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань.

Трусов А. В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.

P. E. Rusakov, I. M. Andrianov, V. Y. Koval

Medieval cemetery of Rostislavl Ryazanskiy

Summary

Excavations studied cemetery mid-12th – 17th centuries, in the center there is a ground with several burials, surrounded by closely located graves in several layers, which marks the location of the city's main

Orthodox church. Stratigraphy data allows us to date the appearance of the temple in the middle of the 12th century. For a close time can be also dated some burials with supplies (beads, ring, gate jewelry).

⁸ См. статью А. Н. Медведя, опубликованную в этом же сборнике.

А.Н. Медведь

Ростиславль и окрестности в XVII–XVIII веках

История Ростиславля Рязанского в XVII в. пока не становилась объектом специального исследования. Тем не менее изучение полной истории города невозможно без рассмотрения его «последних» дней. Архивные материалы показали, что Ростиславль как город упоминается вплоть до 1651 г. – именно этим годом датируется его последнее появление в записях так называемых боярских и городских книг (Медведь, 2004). Ныне формируется корпус источников более позднего времени, который постепенно дополняется археологическими находками.

Во второй половине XVII в. город Ростиславль уже не упоминается в письменных источниках¹ и о его состоянии в это время мы можем только догадываться. Возможно, Ростиславль пострадал во время эпидемии чумы 1654–1655 гг. По крайней мере, он оказался в зоне эпидемии, охватившей также Коломну и Зарайск. Известно, что в Зарайском уезде только в декабре 1654 г. умерло 1430 человек («Дополнения ...», 1848. С. 519), а об огромных масштабах коломенской эпидемии мы знаем из воспоминаний Павла Алеппского – участника посольства антиохийского патриарха.

После долгого перерыва с топонимом Ростиславль мы встречаемся в окладных книгах, где учитывались налоги с церковей. В одной из таких книг за 1676 г. упоминается Успенская церковь на «погосте в Ростиславле» («Книги окладные», 2004.

С. 118). Из текста окладной книги выясняется, что в приход Успенской церкви входило четыре боярских двора, семьдесят крестьянских и двадцать бобыльских дворов. И это не считая двух дворов церковных дьячков и двора попа Симеона (который, кстати, окормлял и приход в с. Рядинки, где церковь св. Николая сгорела). Велик соблазн «соединить» приходы погоста в Ростиславле и с. Рядинки и тем самым объяснить довольно большое число дворов в первом из них (более 90). Однако, очевидно, эти приходы учитывались в 1670-е годы отдельно – с села Рядинки был взят отдельный церковный налог, меньший, чем с Ростиславльско-го погоста (рубль восемь алтын одна денга против двух рублей девятнадцати алтын четырех денег). Итак, скорее всего, приходы Успенской церкви и церкви св. Николая были разными. Впрочем, наличие такого количества дворов в приходе церкви погоста в Ростиславле отнюдь не означает, что их обитатели проживали на территории городища или посадов – возможно, среди прихожан Успенского храма были жители других сел и деревень².

Археологические комплексы XVII в. на площадке городища пока не выявлены, однако в одном из погребений ростиславльского некрополя обнаружен крест из медного сплава, который можно отнести к XVI–XVII вв., причем XVII в. выглядит предпочтительнее (Коваль, 2007. С. 50, 51, 119).

¹ Строго говоря, последнее из известных нам упоминаний Ростиславля относится к 1670 – 1680-м годам. Оно встречается в «Росписи государства Московского градом» – перечне русских городов, составленном неким частным лицом. Этот перечень частично повторяет список городов, указанных в «Книге Большому чертежу», и не учитывает изменения, произошедшие во второй половине XVII в. («Списки ...», 1974).

² Для сравнения приведем здесь цифры, относящиеся уже ко второй половине XIX в. В это время ростиславльский приход продолжал функционировать. Так же, как и в конце XVII в., в него входило две церкви (Успенская на погосте и Никольская в Полуриядинках), а приход составлял 885 душ мужского пола. При этом оговаривалось, что эти люди проживали в двух селах и четырех деревнях в пределах шести верст. Возможно, примерно такая ситуация была и отражена в Окладных книгах 1676 г.

Рис. 1. Сосновская пустынь и окрестности на плане XVIII в. из фондов Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» (см. цв. вкл.)

Возможно, часть погребений некрополя также относится к этому времени, однако точно утверждать мы этого не можем, так как в подавляющем большинстве случаев отсутствует погребальный инвентарь и какие-либо датирующие находки. Так или иначе, с конца XVII в. Ростиславль не упоминается в письменных источниках, за одним исключением – карты XVIII в. (рис. 1), хранящейся в фондах Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим».

Карта состоит из четырех примерно равных бумажных фрагментов (32×40, 20×32, 15×40, 18×32, 17×32 см), наклеенных в более позднее время на картон. Надписи и часть изображений нанесены галловыми чернилами, изображения раскрашены соковыми красками. Само изображение оценено

первым исследователем карты В. С. Кусовым как аккуратное (Кусов, 2007. С. 428). На карте имеются серьезные утраты – всего сохранилось около трех четвертей от начального ее объема. Выполненная в древнерусской манере, эта карта ориентирована с запада на восток, в ее центре изображена Сосновская пустынь (в XVII–XVIII вв. – владение Ново-Иерусалимского монастыря). Почерк – скоропись конца XVII – начала XVIII в. с начертанием, характерным для XVII в., но с четким разделением букв друг от друга. При этом остаются выносные буквы, характерные для скорописи XVII в. История составления карты неизвестна, однако можно предположить, что она являлась приложением к межевой книге 1714 г., составленной межевщиком Иваном Костиным³. В связи с этим представляет

³ Данные этого межевания широко использовал историк И. Добролюбов, создавший многотомный труд по истории церквей Рязанской епархии.

интерес автор карты. Очевидно, что он не являлся межевщиком «нового поколения» – например, выпускником Навигацкой школы. На это указывают несколько факторов: датировка карты (о ней ниже), особенности оформления – использование буквенных обозначений для чисел – и общий стиль карты, выдержанный в манере XVII в., когда местность изображалась в условной перспективе, как бы с высоты птичьего полета. В то время существовала практика копирования планов межевания для передачи их владельцам отмежеванных земель – именно так дошедшая до нас копия и могла попасть в Ново-Иерусалимский монастырь.

Описание карты приводится в книге В. С. Кусова, изданной в 2007 г., однако впервые сообщение о ней появилось в журнале «Природа» еще в 1980-м (Кусов, 1980). Особенно интересно первое упоминание в картографическом источнике слова «инструмент» (в тексте надписи на карте: «инструмент») (Кусов, 2007. С. 71) как свидетельство, что данная карта создавалась с использованием неких специальных инструментов, а не только при помощи традиционных веревок и цепей. Впрочем, на этот счет есть некоторое возражение – дело в том, что само слово «инструмент» встречается в русских источниках конца XVII – начала XVIII в. и означает некое «орудие, снасть» («Словарь...», 1979. С. 246). Не мог ли межевщик, создававший карту, просто использовать это слово для обозначения своего оборудования, которое могло быть и вполне традиционным?

Данное В. С. Кусовым описание карты является, скорее, общим и нуждается в дополнении. Прежде всего, необходимо остановиться на датировке карты. В учетной карточке музея она датирована первой четвертью XVIII в. В основном такая датировка базируется на филигрании «герб Амстердама», имеющейся на бумаге, на которую нанесена карта. Также косвенно на время создания карты (первые десятилетия XVIII в.) может указывать и наличие буквенных числовых обозначений вместо арабских цифр.

Однако есть возможность уточнить эту датировку, опираясь на несколько деталей. Прежде всего, это надпись, нанесенная в левом нижнем углу. Судя по фрагменту рисунка, здесь было изображено какое-то поселение. Очевидно, это село Горы. Надпись имеет значительные утраты, однако вполне прочитываются слова «государынею благо-

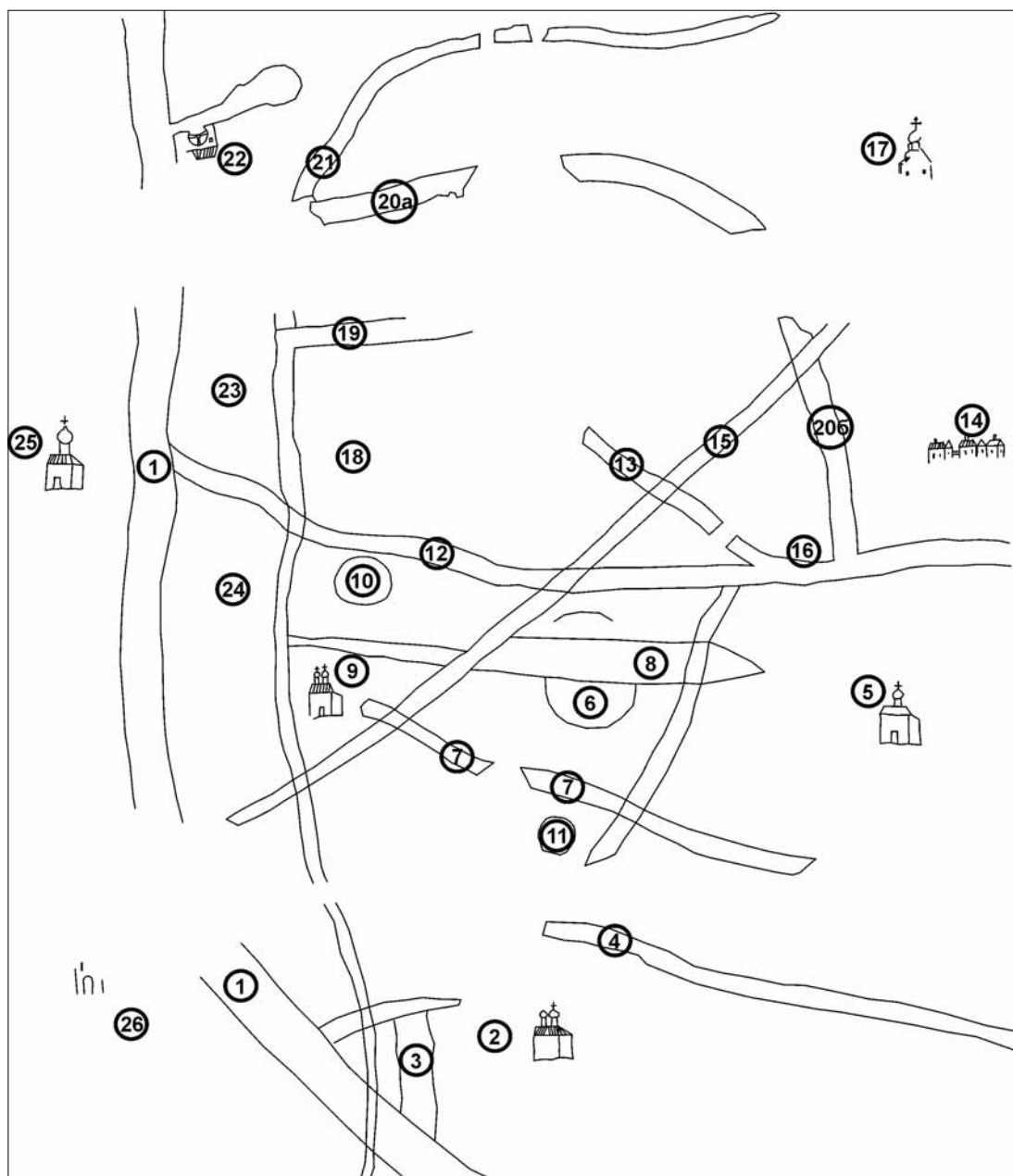
верною царицею и в[еликою] княгинею Екатериною Алексеевною». Подобная титулатура Екатерины I относится к периоду с 1711 г. (времени замужества Екатерины I) и до 1721 г. (т. е. до провозглашения России империей). В 1721 г. Екатерина стала именоваться государыней императрицей. Итак, очевидно, что данная карта создавалась не ранее 1711 г. и не позднее 1721 г. В этой же надписи в левом нижнем углу карты встречаются слова «Олексею Семеновичу». Эта надпись подтверждает предположение о том, что здесь изображено село Горы, так как в 1689 г. это село было передано во владение сподвижнику Петра I Алексею Семеновичу Шеину. Шеин умер в 1700 г. Некоторое время Горы оставались во владении его семьи, однако в 1719 г. были переданы в Дворцовый приказ. Позже село перешло во владение представителей семьи Екатерины Алексеевны (известно, что в 1720-е годы владельцем села стал отец императрицы Карл Скавронский). Возможно, в надписи кратко рассказывалась история владельцев этого села.

Также на карте несколько раз упоминается крупный землевладелец, сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, известный не только как государственный деятель, но и как один из самых наглых и бессовестных коррупционеров в истории России. О степени его деяний свидетельствует тот факт, что Петр I, обычно спокойно относившийся к воровству среди своих приближенных, решил казнить Гагарина (правда, после отказа последнего признать свою вину – в этом случае Петр предполагал отменить смертную казнь). Одним из судебных решений после казни князя была конфискация всех деревень Гагарина, т. е. официально его имущество было конфисковано в марте 1721 г. На нашей карте деревня Сenniцы отмечена как еще принадлежащая князю, что подтверждает время создания карты до 1721 г.

Очевидно, что все эти факты говорят о создании карты в период между 1711 и 1721 гг. и подтверждают возможность ее появления в ходе межевания, проводившегося в 1714 г.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных объектов на карте (рис. 2). Прежде всего это Ростиславль. Было бы логично обнаружить на карте «погост Ростиславль», однако такой топоним здесь не наблюдается – вместо этого изображена церковь с подписью «Село Ростисловль»⁴ и отдельно обозначена полоса с надписью «Городище». Название

⁴ Заметим, что у В. С. Кусова в описании карты указывается «город Ростисловль», тогда как на самой карте совершенно четко зафиксировано «Село Ростисловль».

Рис. 2. Прорисовка плана Сосновской пустыни и окрестностей. Цифрами в кружках обозначены надписи XVIII в.

1 – «Река Ока»; 2 – «Село Ростисловль»; 3 – «Городище»; 4 – «[До]рога Веневская»; 5 – «Село Ряденки»; 6 – «...по обе стороны врага Корчеватого»; 7 – «Дорога из Сосновской [п]усты[ни] в село Ряденки»; 8 – «Враг Корчеватой»; 9 – «Сосновская пустыня»; 10 – «Пустошь Дретан»; 11 – «Пустошь...»; 12 – «От Оки реки межа Костюрина Колодескую дорогою до монастырской межи что в Черной Грязи мерою 2029 сажень»; 13 – «...Матвееву просеку до дороги»; 14 – «Деревня Климовская розных помещиков»; 15 – «Просек по иструменту от дороги Колодешкой к сел[у?]...»; 16 – «ске 50 000(?)»; 17 – «Село Сенницы князя и ...Петр[ови]ча Гагарина»; 18 – «Отводы князя Матвея Петровича Гагарина»; 19 – «От Оки реки в ное пр[осек?]... трументу к селу...»; 20а – «...ден Сосновской пустыня крст[ян?]... [Ч]ерной Грязи мер... дела...»; 20б – «...Черной Грязи дороги колодеской 1280 сажень»; 21 – «Снниц»; 22 – «[М]елница княжа»; 23 – «Спорные сенные [покосы?] по Оке реке меж... в длину 300 са[же]н а п[оперек?]... а в ином(?) месте ???месте побиты до см[ерти?] восемь? человек крст[ян]»; 24 – «Вверх по Оке реке сенные покосы Сосновской пустыни»; 25 – «Село Белы Колодези коломенского архиерея»; 26 – «...Олексеем Семеновичем... гдрнею блгверною прицею и в[еликою] кнгинею Екатериною Алексеевною»

«Село Ростисловль» следует признать уникальным, так как в известных на сегодня источниках такой топоним не встречается ни разу. Необычен и рисунок, обозначающий село: на его месте видна лишь церковь. Изображения деревень и сел на картах XVII в., как и на исследуемой карте, при всей их схематичности, не были лишены некоторой информативности, и населенные пункты чаще всего обозначались рисунками домов. В случае с селом Ростиславлем показана лишь церковь. Означает ли это, что на самом деле в первой четверти XVIII в. под «селом Ростисловль» понимался погост либо церковное место? Данные шурфовки, проводившейся в окрестностях погоста в 2012 г., показали, что вокруг него была довольно обширная жилая зона. Возможно, именно она и обозначалась как «Село Ростисловль».

Обращает на себя внимание рисунок ростиславльской церкви – она двуглавая, входные ворота на ней не показаны, зато в левой части рисунка находится деталь, напоминающая контрфорс. Но в действительности это вряд ли контрфорс, поскольку здание церкви тогда было деревянным. Возможно, перед нами – изображение либо входа в церковь, либо (что при всей кажущейся фантастичности, может быть, не лишено смысла) лестница на строительные леса, которые могли находиться на фасаде здания (либо вести на ее кровлю). Также любопытно, что крест изображен только на одной главе церкви; возможно, это означает, что на карте нарисована церковь в момент окончания строительства, когда она уже была освящена и на ней воздвигли один крест. Второй был поставлен уже после завершения стройки.

Полоса с надписью «Городище» может обозначать его вал – наиболее выраженную в рельефе деталь этого места. Если это так, то «Село Ростисловль» находится за пределами городища, примерно на месте современных остатков погоста. Отметим, что никаких жилых построек на городище карта не фиксирует, что свидетельствует об отсутствии в 1710-е годы жизни на месте древнего города.

Темно-коричневые полосы на карте, видимо, обозначают овраги. Такая полоса встречается рядом с изображением вала городища и очевидно обозначает существующий ныне овраг, который, собственно, и формирует площадку городища. На карте также отмечена дорога, пересекающая городище и уходящая в Оку. Скорее всего, это древний ростиславский брод, продолжавший функционировать в 1710-е годы и в более позднее время.

Также необходимо обратить внимание на поселения, прилегающие к Ростиславлю. Прежде

всего, это нынешнее село Сосновка. На его месте изображена церковь и подпись «Сосновская пустынь». На подписях к дорогам нигде не упоминается село Сосновка, но везде только Сосновская пустынь. Если обратиться к более ранней истории этого места, выяснится, что почти на всем протяжении XVII в. здесь располагалась только Сосновская пустынь. Однако село на месте пустыни (или совсем рядом) здесь также было, но существовало оно в более ранний период. По крайней мере, в писцовых книгах 1590-х годов упоминается слободка Сосновского монастыря, «что было село Сосновка» («Писцовые книги...», 1898. С. 196). Шурфовка, проводившаяся Ростиславльской археологической экспедицией в с. Сосновка, выявила следы поселения XVI в. (Коваль, 2005. С. 129–139). Основные работы проводились между бывшим зданием администрации села и церковью. Там же обнаружены следы кладбища, однако установить, к какому периоду и к какому некрополю (сельскому или монастырскому) относились обнаруженные в результате раскопок костяки, не удалось.

Есть сведения, что пустынь сгорела в 1679 г. (1678?), а в 1680 г. она перешла в ведение Ново-Иерусалимского монастыря (Добролюбов, 1884. С. 195). Именно эту ситуацию зафиксировала карта первой четверти XVIII в. Церковь Сосновской пустыни двуглавая, однако не совсем понятно, из каких материалов она создана. Исходя из особенностей изображения церквей на этой карте, следует сделать вывод, что она каменная, так как деревянные церкви отмечались чертежником нанесением горизонтальных линий на стенах. Но никаких упоминаний о каменной церкви в Сосновке в первой половине XVIII в. не существует. Единственная сосновская церковь, относящаяся к этому веку, деревянная (ныне находится в руинах).

После секуляризации земель Ново-Иерусалимского монастыря в XVIII в. Сосновская пустынь прекращает свое существование, однако жизнь на этом месте продолжается – возрождается село Сосновка (оно отмечено на карте генерального межевания 1790 г.), существующее до сих пор.

На исследуемой карте изображено село Белые Колодези, отмеченное как принадлежащее колomensкому архиерею. Известно, что в конце XVI в. в селе было два храма – Успенская и Ильинская церкви («Писцовые книги...», 1872. С. 385). Судьба Ильинской церкви после XVI в. неизвестна, по крайней мере в документах середины XVIII в. упоминается только Успенская церковь. В работах современных авторов указывается, что с XVI и вплоть до середины XVIII в. нет никаких

сведений об Успенской церкви⁵. Это означает, что рассматриваемая карта является новым источником по истории Успенской церкви до времени ее перестройки в 1764 г. Облик храма на рисунке обычен – одна глава и апсида (или апсиды). Картограф специально подчеркнул, что апсида деревянная, проведя несколько линий, обозначающих бревна.

Кстати, о точности изображения чертежником церковных зданий свидетельствует рисунок церкви в селе Сенницы. Чертежник довольно точно нарисовал каменную церковь-колокольню, существующую до сих пор. К сожалению, большая часть изображения села Сенницы оказалась в зоне утрат.

На карте имеется также изображение села Рядинки (ныне село Полулядины): несколько домов и деревянная одноглавая церковь. В этот период часть села Рядинки принадлежала тому же Ново-Иерусалимскому монастырю (*Добролюбов*, 1884. С. 198). Отмечена и деревня Климовская (ныне Климово). Особо оговорено, что деревня принадлежит разным помещикам.

Карта фиксирует некоторые события местной жизни. Например на правом берегу Оки, напротив села Белые Колодези нанесена надпись «Спорные санные [покосы?] по Оке реке меж... в длину 300 са[же]н а п[оперек?]... а в ином (?) месте???? месте побиты до см[ерти?] восемь? человек крст [ян]». Скорее всего, здесь кратко рассказана история спорных земель, в драке за которые были убиты какие-то люди; подобные споры хозяйствующих субъектов были нередкими и в XVII, и в XVIII вв.

Выше по течению Оки, на ее правом берегу, отмечена «мельница княжа». Очевидно, эта мельница принадлежала М. П. Гагарину. Интересно, что здесь показана мельничная система, традиционная для России: отвод воды от Оки, пруд, куда попада-

ла вода из реки, и здание мельницы с колесом, расположенное на берегу водоотвода.

Любопытно изображение растительности на карте. Обычно межевщики старались довольно точно отражать характер растительности, так как это влияло на стоимость земли и ее качество (напомним, что в XVII в. было принято деление земли на «добрую», «среднюю» и «худую»). На данной карте леса изображены в ее центральной части, тогда как на периферии чертежа лесов почти нет. Добавим к этому, что деревья, изображенные на карте, сплошь лиственные, хвойных почти не наблюдается. Можно предположить, что это отражение реальной экологической ситуации. Кроме того, нельзя не заметить и очевидные пустоты на берегу Оки (там находились луга), а также на участке между дорогами в Черную Грязь (что это за топоним и с чем его можно связать на данный момент, у нас нет предположений) и в Рядинки. Здесь также располагались две пустоши (пустошь Дретан и пустошь по обе стороны оврага Корчеватый)⁶. Видимо, эти земли действительно пустовали, так как никаких обозначений пашни здесь не наблюдается. Возможно, это произошло оттого, что Корчеватый овраг фактически перерезал поле на окраине Сосновской пустыни. Кстати, этимология слова «Корчеватый» наводит на мысль о лесе, находившемся на этом месте в более раннее время и сведенном, очевидно, под пашню.

Итак, рассмотренная нами карта является хорошим визуальным дополнением для письменных документов (как опубликованных, так и пока неопубликованных), показывающих жизнь части Зарайского уезда в начале XVIII в., и позволяет увидеть облик этой земли так, как видели его ровно триста лет назад.

Литература

Добролюбов И. В., 1884. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных. Т. I. Зарайск.

Дополнения к Актам историческим. Т. 3. СПб., 1848.

Книги окладные. Рязань, 2004.

Коваль В. Ю., 2004. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья. М.

⁵ По крайней мере, так пишет А. Тарасов в обстоятельной статье «К истории Успенской церкви села Белые Колодези» (<http://www.pravoslavie.ru/put/4417.htm>).

⁶ Следует заметить, что на карте, опубликованной В. С. Кусовым в 1980 г., отмечена пустошь Корчеватая. При снятии копии в 2010 г. обнаружилось, что на карте этой надписи уже нет – очевидно, она погибла в процессе хранения карты в фондах музея.

Коваль В. Ю., 2005. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2005 году / Архив ИА РАН.

Коваль В. Ю., 2007. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2007 году / Архив ИА РАН.

Кусов В. С., 1980. Был ли русский чертёж картой? // Природа. № 8.

Кусов В. С., 2007. Московское государство XVI – начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М.

Медведь А. Н., 2004. Новые данные о Ростиславле Рязанском в XVII в. // Археология Подмосковья. М.

Писцовые книги Московского государства Ч. 1: Писцовые книги XVI в. Отд. 1. СПб., 1872.

Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1898.

Словарь русского языка. Вып. 6. М., 1979.

Списки городов, посадов и укрепленных монастырей в России во второй половине XVII в. // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974.

A. N. Medved

Rostislavl and suburbs in the 17th – 18th centuries

Summary

The article is dedicated to the research of the area map of Rostislavl settlement (Ozersky district, Moscow region). Date of map creation is clarified, situation around the former city Rostislavl is analyzed.

It is noted that the card is in addition to boundary documents of the 18th century and can serve as an independent source for the history of villages of this micro-region.

Е. К. Столярова, К. И. Панченко

Стеклянный сосуд XVII века стиля *façon de Venice* из Дмитровского кремля

В 2002 г. во время охранных археологических работ на территории кремля г. Дмитрова, проводившихся Подмосковной экспедицией ИА РАН (руководитель – А. В. Энговатова), было найдено семь стеклянных фрагментов, принадлежащих одному сосуду¹. Шесть из них являлись частями тулова, на одном из которых имелся грубо прикрепленный вгорячую небольшой граненый отросток, в поперечном сечении имеющий форму неправильного прямоугольника. Седьмой представлял собой фрагмент дна с кольцевидным рифленным поддоном и частью тулова (рис. 1а; 1б см. цв. вкл.).

Осколки сосуда были обнаружены в яме 3 на раскопе 17, который располагался у восточного края Дмитровского городища (кремля) к северо-востоку от здания Дворянского собрания (рис. 2). Яма 3 прослеживалась в профиле с отметки -235 см (уровень горизонта III). В плане следы этого объекта не были выявлены и фиксировались только как скопление битого кирпича, костей животных и артефактов. Это скопление являлось верхним горизонтом заполнения ямы. На уровне материка яма приобрела более четкие границы, окончательно оформившиеся после ее выборки (рис. 3). Яма 3 являлась подпольем несохранившейся наземной постройки, имела почти прямоугольные очертания в плане и уходила в восточный борт раскопа. Ее стенки были ориентированы по сторонам света. Полностью в раскопе зафиксирована только ее западная стенка длиной 4,5 м, к которой в центральной части примыкала яма 4.

Заполнение ямы 3 почти однородно и состояло из серой супеси, содержащей битый кирпич, небольшие камни, включения угольков (рис. 4). В восточ-

ной половине ямы отмечены прослойки светло-серой супеси с песком и угольками. Несмотря на отсутствие четкой визуальной границы между верхним и нижним заполнением ямы, она выявлялась по характеру залегания артефактов и бытового мусора. Верхний горизонт заполнения ямы отличался прежде всего повышенной концентрацией битого кирпича и наличием костей животных, в нижней части кости животных не отмечены.

Верхний горизонт по залеганию индивидуальных находок и керамики прослеживался не глубже отметок -250 см в центре ямы и -240 см у ее краев. В верхнем горизонте ямы найдены (рис. 3; 4) скоба железная (№ 117), бусина стеклянная (№ 119), два стеклянных браслета (№ 120, 140), сковорода железная (№ 125), монета серебряная Ивана IV (№ 129), пробой железный (№ 134), подковка железная сапожная (№ 136), топор железный (№ 153) и осколки описываемого стеклянного сосуда (№ 139). В целом набор вещей и керамики из верхнего горизонта разновременный и датируется в пределах XIII – конца XVI в. В керамическом комплексе доминируют сосуды XVI в. Отложения, перекрывающие заполнение ямы 3, относятся к периоду XVIII – начала XIX в. Таким образом, формирование верхнего горизонта ямы происходило, скорее всего, не позднее начала XVII в. (см. ниже) из грунта более ранних слоев.

Между верхним и нижним горизонтом слабо прослеживался слой (от -251 см до -277 см), не содержащий никаких артефактов за исключением мелких обломков кирпича и единичных, очень маленьких обломков керамики XV–XVI вв.

¹ Благодарим автора раскопок А. В. Энговатovu за возможность публикации материала.

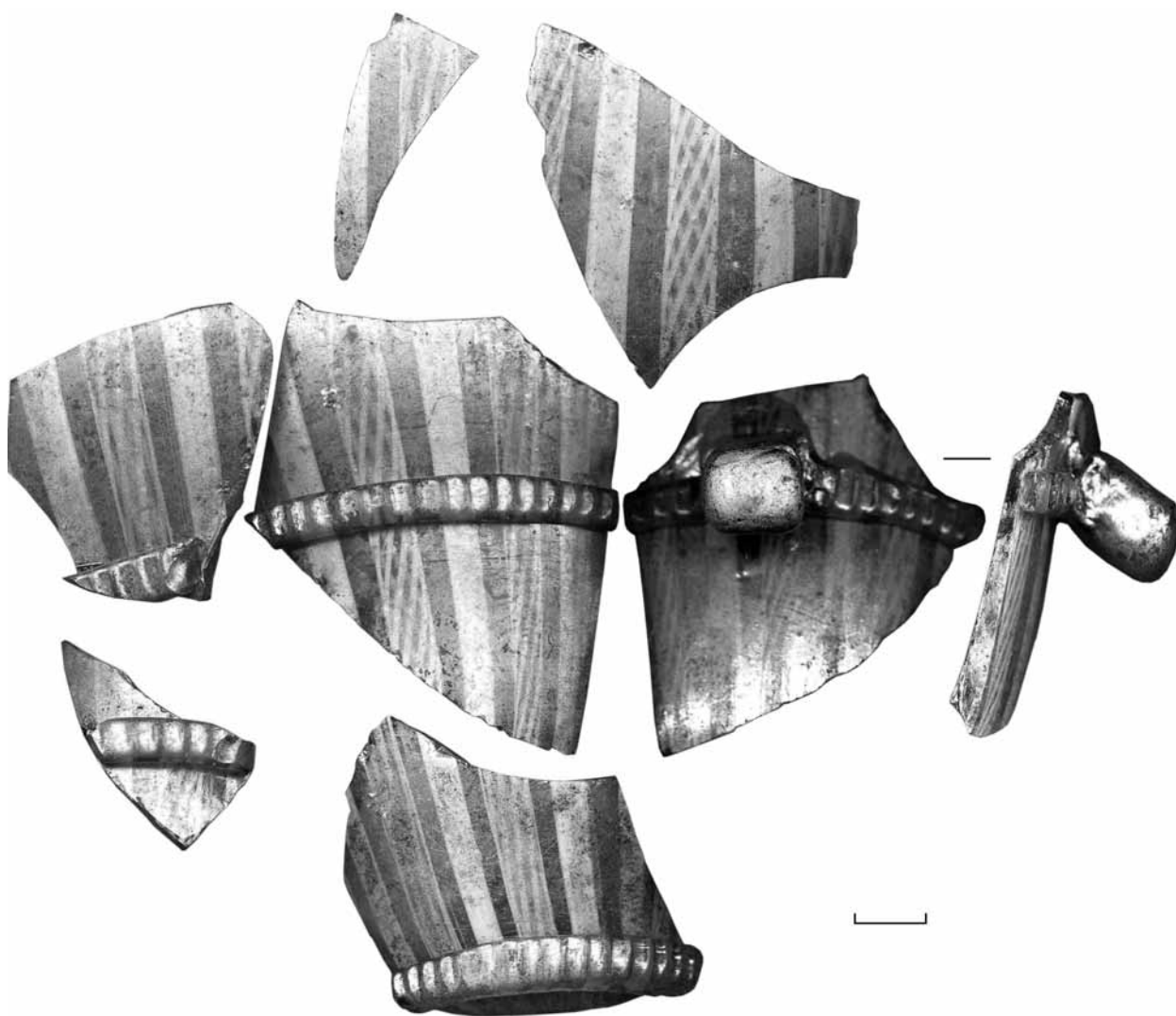

Рис. 1а. Фрагменты стеклянного сосуда из кремля г. Дмитрова (р. 17, я. 3, кв. К9, гл. -248, Г-III, № 139). Фото С.Д. Захарова. (См. цв. вкл.: рис. 1б)

Нижний горизонт заполнения ямы залегал на глубине от -278 см до -294 см (уровень дна ямы). Его отличительной особенностью было большое количество индивидуальных находок и керамики, датируемых в узких рамках середины XVI – начала XVII в. В нижнем горизонте найдены (рис. 3; 4) две серебряные монеты – солид Сигизмунда III, 1607 г., монетный двор Риги (№ 148), и копейка Ивана IV (№ 156, выброс), а также семь железных предметов: ручка (№ 144), штырь с крюком (№ 145), кольцо (№ 149), нож (№ 150), подковка сапожная (№ 151), пряжка (№ 152), скребница (№ 163).

В целом время возникновения постройки, связанной с ямой 3, с большой долей вероятности можно датировать не ранее второй полови-

ны XVI в., поскольку до середины XVI в. на этом участке кремля существовал могильник (Энговатова, Гончарова, 2002. С. 204). Находка солида Сигизмунда III в заполнении ямы 3, а также отсутствие слоя XVII в. в этой части кремля г. Дмитрова позволяет отнести дату разрушения постройки к Смутному времени.

Вернемся к фрагментам стеклянного сосуда. Первоначально предполагалось, что они были частью конического стакана на рифленом поддоне (Столярова, 2003. С. 62, 63). В Музее стекла в Льеже хранится похожий, правда, цилиндрический стакан XVII в. с ребристым поддоном и декоративными налепами в средней части тулова.

Однако тщательное изучение найденных фрагментов, их формы, кривизны, размеров, а именно

Таблица 1. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стекла сосуда из Дмитровского кремля.

Шифр лаборат.	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂
754–51	осн.	12	5,0	11	1,4	0,6	0,09	0,3	0,03

толщины стенок, выявили противоречия выдвинутой версии. В частности, угол соединения дна и тулова говорит о чересчур большой открытости сосуда. Дно было выпуклым, на таком дне стакан не мог бы устойчиво стоять. Помимо этого кривизна одного из осколков, по толщине отнесенного к верхней части изделия, указывала на его принадлежность какому-то закрытому или полужакрытому сосуду, но никак не стакану. Непонятным было и назначение граненого отростка, прикрепленного к тулову, поскольку сосуда в форме стаканов не имели подобных элементов.

Таким образом, первоначальная версия была отвергнута, а изучение музейных собраний и публикаций стеклянных сосудов XVI–XVIII вв. привело нас к выводу, что сосуд, частью которого являлись фрагменты из Дмитровского кремля, имел форму бочонка, опирающегося на четыре ножки, одна из которых в виде упомянутого отростка и была зафиксирована (рис. 5–8).

Сосуд был изготовлен при помощи выдувания из прозрачного стекла с сине-зеленым оттенком и декорирован в технике венецианской филигранны – в виде чередующих белых сплошных и сетчатых полос. На первый взгляд кажется, что они нанесены с помощью росписи. На самом деле это стеклянные ленты, находящиеся внутри прозрачной стекломассы. Кратко суть этой техники заключается в следующем: на выдутую стеклянную заготовку-баночку накладывали предварительно изготовленные из непрозрачного стекла палочки, цвет которых – белый, красно-коричневый, желтый, сине-фиолетовый – контрастировал с бесцветным фоном самого сосуда (Лихтер, 2000. С. 191). Палочки могли быть сплошными, но зачастую их усложняли и делали сетчатыми. Баночка подвергалась обкатке до полного вдавливания палочек в стенки заготовки, в результате чего круглые палочки превращались в ленты. Затем на баночку набирали дополнительную порцию стекла такого же цвета и прозрачности, и декор оказывался между двумя слоями стекла. Изделия в подобной технике, главным образом сосуда, изготавливались

в Венеции в период с XVI по XVIII в. Кроме того, ее использовали итальянские мастера, работающие в Европе в венецианском стиле – стиле *façon de Venise*.

Помимо венецианской филигранны сосуд украшен ребристыми накладными лентами из такого же стекла, как и сам сосуд. Углубления на них нанесены с помощью прессования колесиком. Из такой же ребристой ленты выполнен поддон. Подобный декор в виде параллельных поясков, опоясывающих в нескольких местах тулово бочонка и его донца в виде поддонов, исследователи трактуют как имитацию обручей деревянных бочек, которым подражали стеклоделы, воплощая в стекле известные ранее формы (Ашарина, 1998. С. 39).

Анализ химического состава стекла сосуда показал, что оно относится к классу Na-Ca-Si и сварено на золе наземных частей растения пустынной зоны – галофита солероса (*Salicornia herbacea*) (табл. 1²). В качестве источника щелочноземельного сырья использованы доломитовые известняки. Легкоплавкие фракции соединены друг с другом по норме 1,5. На корреляционном поле результат анализа дмитровского сосуда оказывается среди других известных нам венецианских стекол XVI–XVII вв. (рис. 9). Этот факт вкупе с технологией, казалось бы, указывает на венецианское происхождение исследуемого сосуда.

Но есть особенности, которые ставят под сомнение принадлежность данного сосуда к произведениям венецианских мастеров. Это касается формы сосуда в виде бочонка и накладного декора в виде ребристых лент, которые не характерны ни для Венеции, ни для Италии в целом, но которые часто встречаются в стеклоделии Центральной и Северной Европы.

В Европе сосуда подобной формы известны начиная уже с римского периода. Самый ранний из известных нам стеклянных бочонков находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке и датирован концом II – началом III в. н. э. Исследователи относят его к римской школе, существовавшей

² Анализ выполнен А. Н. Егорьевым в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

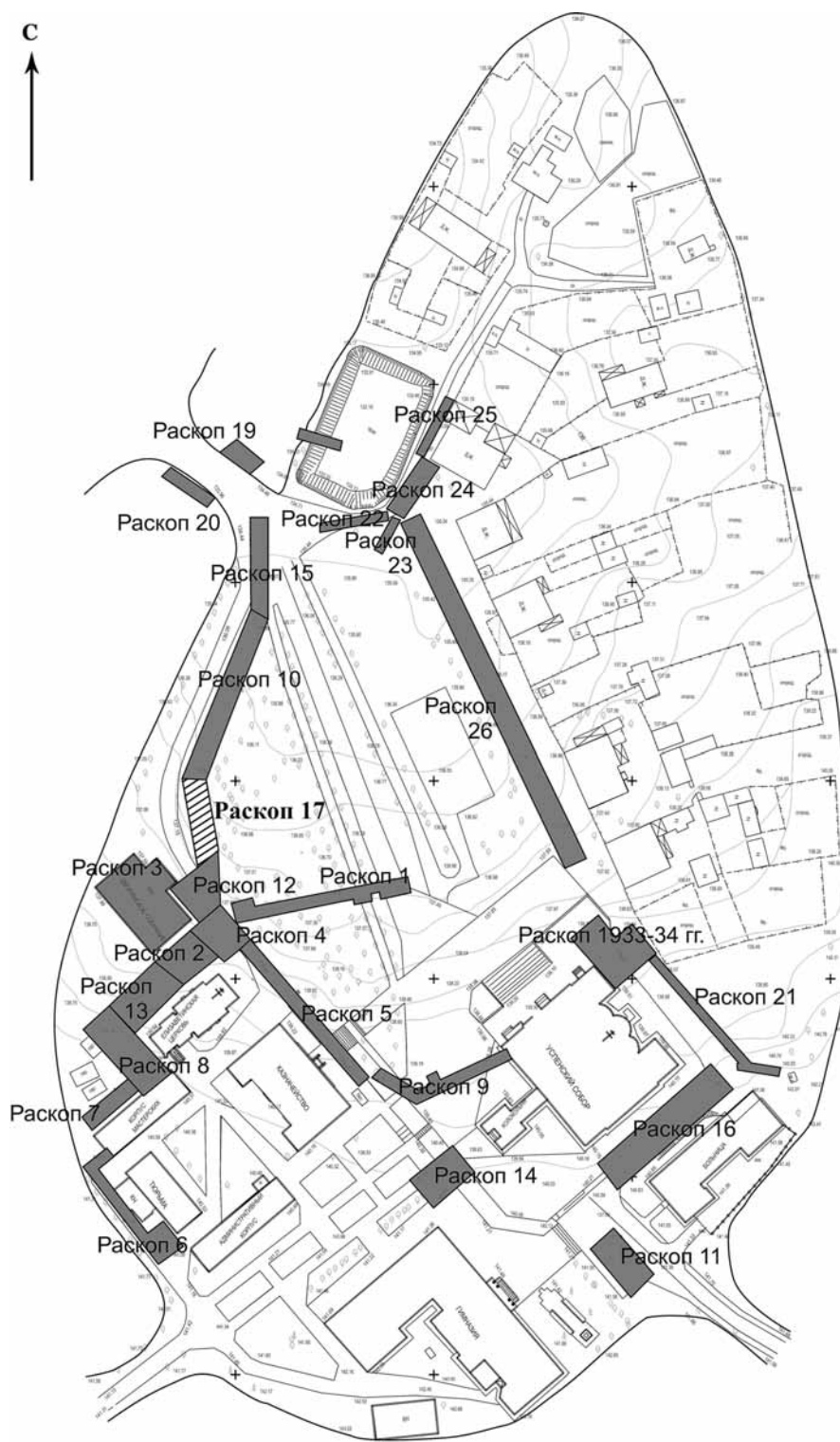

Рис. 2. Археологические раскопы на плане кремля г. Дмитрова

на территории европейских провинций. Предположительно он был сделан в мастерской Кельна, где обнаружен еще один подобный сосуд. Так же, как и наш сосуд, он декорирован накладными

украшениями. Однако, в отличие от дмитровского бочонка, они имеют вид тонких нитей, выполненных из сине-фиолетового стекла, контрастирующих с бесцветной основой сосуда, и не имеют рифления.

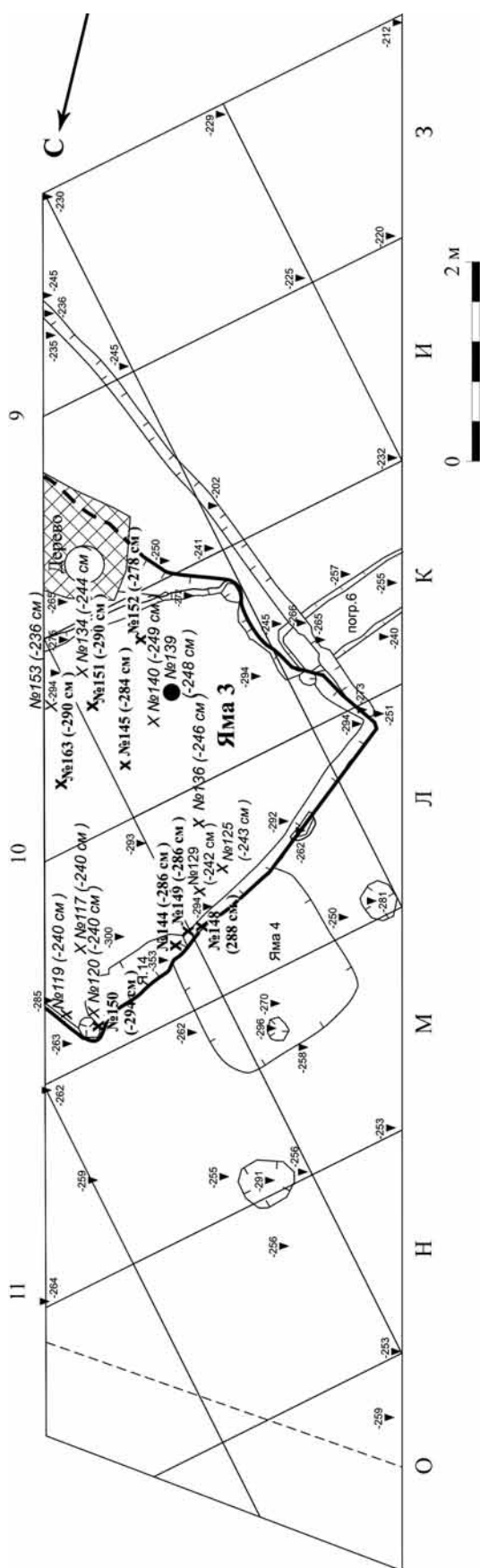

Рис. 3. Планиграфия индивидуальных находок в яме 3

х – находки из нижнего горизонта; х – находки из верхнего горизонта; № 139 – фрагменты стеклянного сосуда (отмечен точкой)

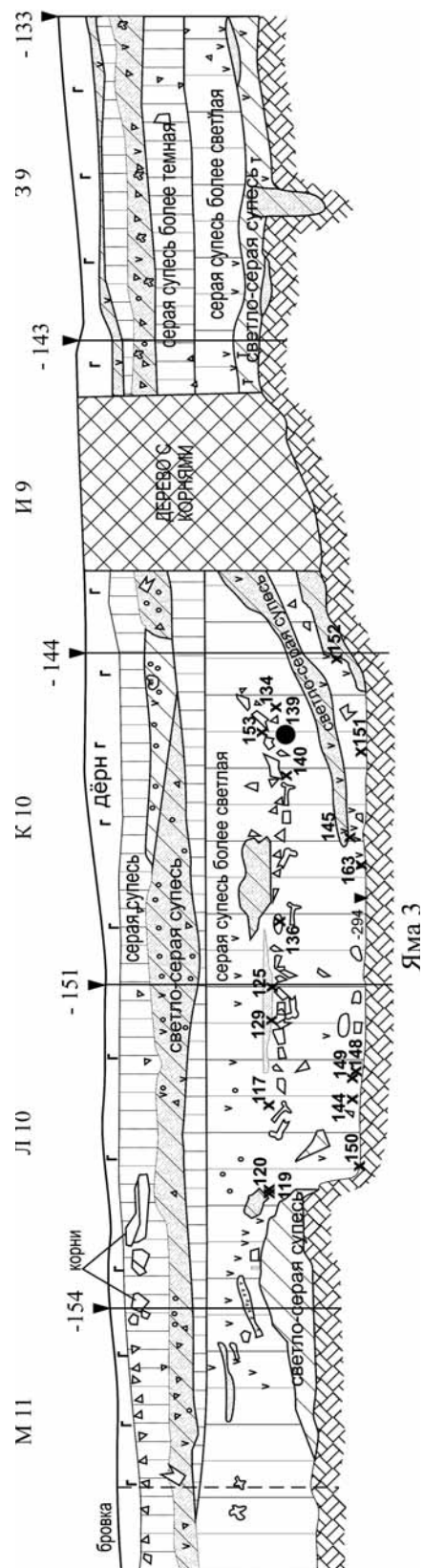

Рис. 4. Вертикальная проекция индивидуальных находок из ямы 3 в восточном профиле раскопа 17

х – находки; № 139 – фрагменты стеклянного сосуда (отмечен точкой)

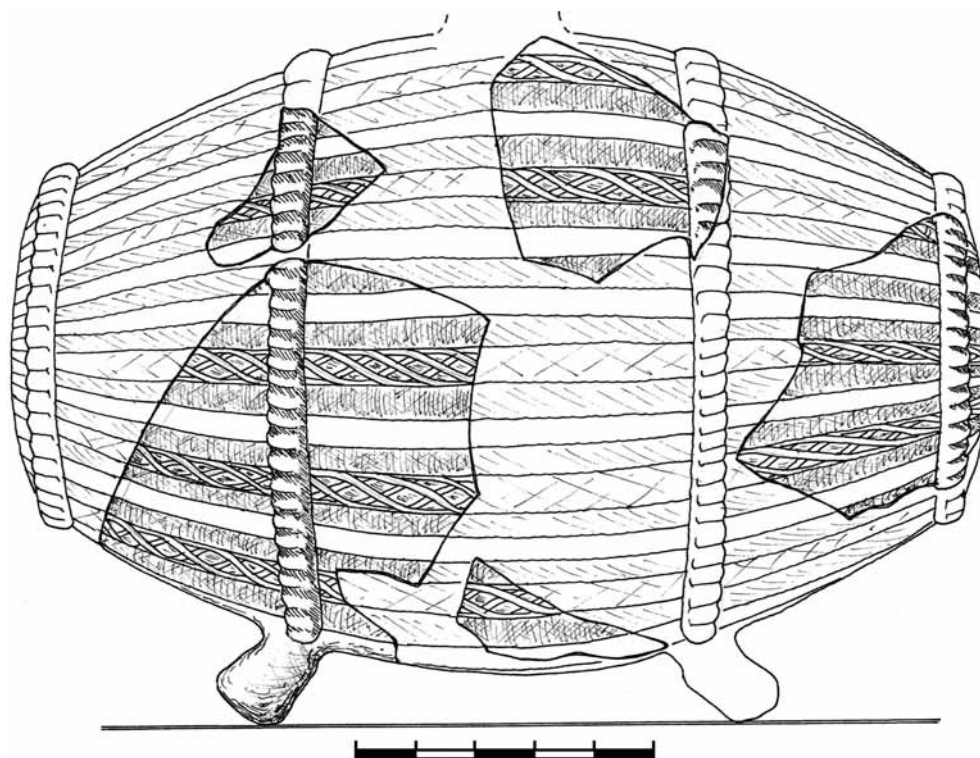

Рис. 5. Стеклянный сосуд из кремля г. Дмитрова (графическая реконструкция). Рисунок Р. С. Казанцева

На территории Европы в римское время известны и накладные ребристые пояски. Тогда это были змеевидные стеклянные нити, наложенные на поверхность посуды: стаканов, бутылей, сосудов фигурных форм (Charleston, 1990. Р. 48–49; «Five Thousand...», 2004. Fig. 104, 106). Считается, что все они были продукцией рейнских мастерских. Затем линии стали постепенно утолщаться, рифление могло наноситься от руки. Например, такой декор украшает так называемые *claw beakers* (сосуды с когтями), которые производили на Рейне во второй половине I тыс. н.э. (Mariacher, 1970. III. 44).

К эпохе позднего Средневековья относятся фрагменты бочонка, найденного при раскопках больницы в Гейдельберге в комплексе, датированном до 1500 г. и представлявшем собой выгребную яму («Vor dem grossen Brand...», 1992. Р. 97. Abb. 121). Сосуд изготовлен из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком, его опоясывают грубо выполненные ленты, цвет которых совпадает с цветом самого сосуда. На них есть рифление, нанесенное, по-видимому, от руки. Такие же накладные рифленные ленты очерчивают оба донца сосуда.

В это же время ленты со штампованными ребрами украшали и другие формы посуды, например, высокие стаканы с раздутой верхней частью тулова,

предназначенные для питья пива, так называемые *club beakers* (сосуды в форме палицы). Производили их, по мнению Х. Седлачковой, в конце XV–XVI в. в Северной Германии («Археология Романова двора...», 2009. С. 143). Так же украшали цилиндрические и конические кубки, производившиеся в XVI–XVII вв. в Германии и Нидерландах. Ленты накладывали на тулово сосуда по спирали или

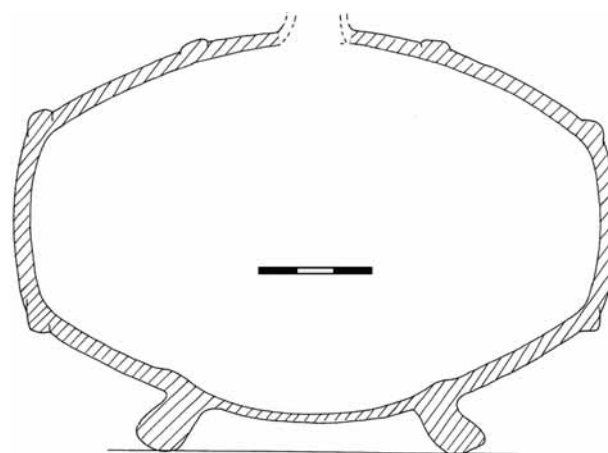

Рис. 6. Профиль стеклянного сосуда из кремля г. Дмитрова (графическая реконструкция). Рисунок Р. С. Казанцева

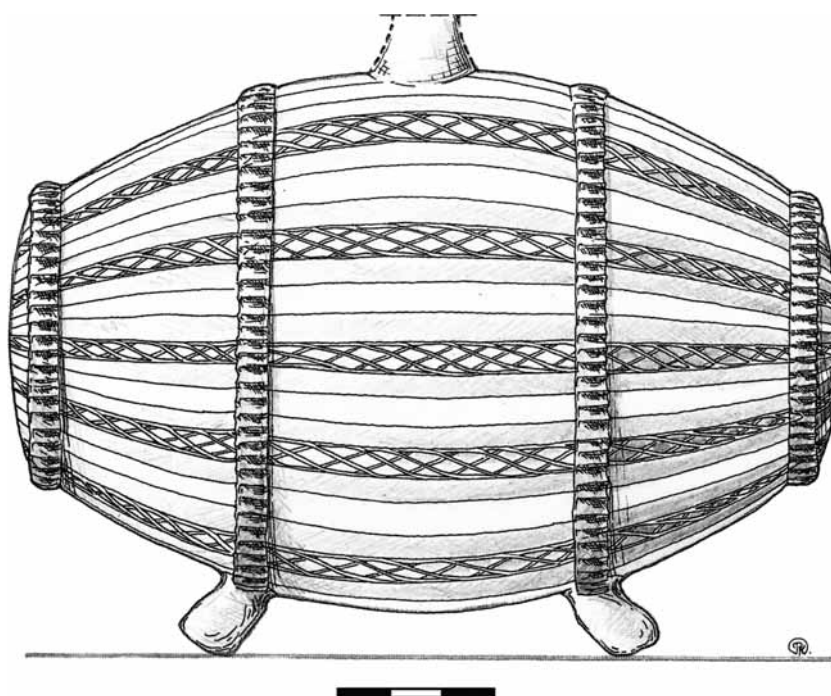

Рис. 7. Стекланный сосуд из кремля г. Дмитрова. Вид спереди (графическая реконструкция). Рисунок Р.С. Казанцева

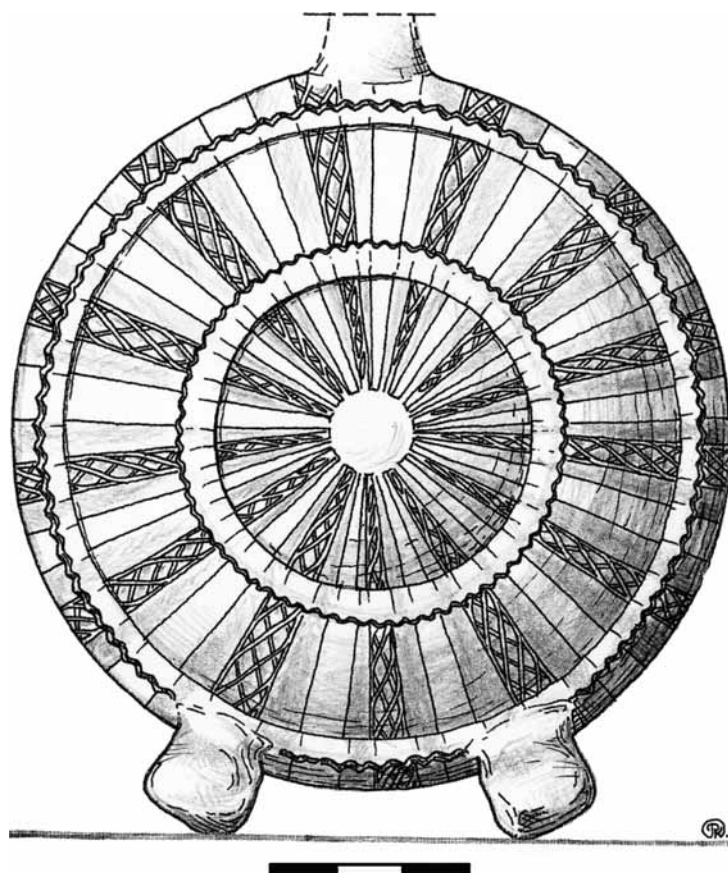

Рис. 8. Стекланный сосуд из кремля г. Дмитрова. Вид сбоку (графическая реконструкция). Рисунок Р.С. Казанцева

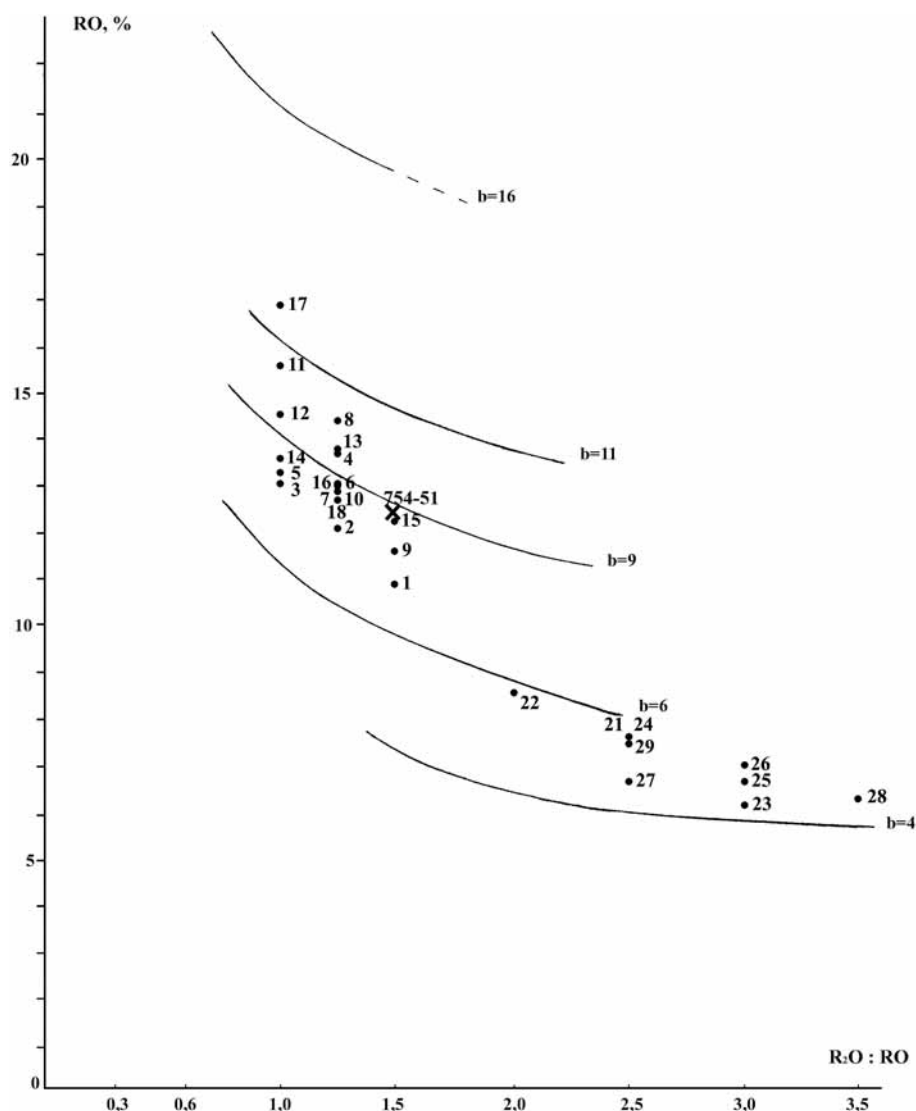

Рис. 9. Химический состав стекла сосуда из кремля г. Дмитрова (ан. 754–51 – отмечен крестиком) и венецианских стекол XVI–XVII вв. (по: Щапова Ю.Л. Из истории венецианского стеклоделия (археологический и производственно-технологический комментарий к сообщениям некоторых венецианских документов). Рукопись. Табл. 1)³

отдельными кольцами (Charleston, 1990. Р. 88–89; «Five Thousand...», 2004. Р. 171, 177. Ill. 219, 227). Кольца нужны были для отмеривания наливавшейся в сосуд жидкости, как правило, пива, поэтому они получили название *passglas* – мерный стакан («Археология Романова двора...», 2009. С. 143).

В XVII–XVIII вв. бочонки становятся одной из популярнейших форм европейской посуды. Их выполняли не только из стекла, но и из каменной массы («Немецкая керамика», 1984. № 50). Стекланные бочонки в это время производили и в России.

В конце XVII в. они были среди продукции Измайловского завода (Ашарина, 1998. С. 38. Глава 3. № 17), а в XVIII в. бочонки изготавливали на частных фабриках (Долгих, 1985. С. 206, 207. № 58–62). Помимо лент их украшают рифлеными же налестками круглой формы, расположенными по центру тулова, а некоторые расписывают полихромной эмалью. Ставят бочонки не только на четыре ножки, как у дмитровского сосуда, но и на прямоугольные или круглые подставки. Появление таких сосудов в России связано с приглашением мастеров из Западной

³ Пользуясь случаем, сердечно благодарим Ю.Л. Щапову за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Европы, называвшихся в России «виницейцами» (Долгих, 1985. С. 8). Некоторые из них были выходцами из Балтийского региона (Ашарина, 1998. С. 16), из Голландии или других северных областей Европы. Возможно, что к изготовлению стекла привлекались и мастера с Украины.

Таким образом, можно утверждать, что в сосуде из Дмитрова соединились две традиции изготовления стеклянных предметов: венецианская технология варки стекла и декорирования изделий филигранью и традиционная для центрального и северо-европейского стекольного производства форма сосудов с популярным способом их украшения накладными ребристыми поясками-бордюрами. Такое сочетание в это время было возможно в европейских мастерских, производивших изделия в венецианском стиле – *à la façon de Venise*. Первые такие мастерские возникли в Европе в первой половине XVI в. В частности, в 1534 г. была основана мастерская в городе Халль-ин-Тироле, находящемся недалеко от Инсбрука (Австрия). Работали там итальянские мастера из Венеции и Альтаре (Лигурия) (Polak, 1975. Р. 71). Позднее были основаны мастерские в самом Инсбруке и в Вене (1553), Мюнхене (1584), Касселе (1583), Праге, Стокгольме, Антверпене (1558), Льеже (1638), Неве, Орлеане, Копенгагене и Лондоне (1549) (Polak, 1975. Р. 71–75). В них итальянские мастера работали постоянно или периодически, на условиях сезонной работы (Polak, 1975. Р. 70). Они привозили с собой необходимые им сырьевые материалы и производили чисто венецианскую продукцию, такую как кубки, чаши, высокие флейты на сложных ножках (Charleston, 1990. Р. 96–99). Именно поэтому ее практически невозможно отличить от предметов, выполненных в самой Венеции.

Однако часть вещей отражала местный характер и приобретала смешанные черты. Например, традиционно немецкие формы: большие кубки (*Humpen*) и шуточные сосуды сложных форм (*Scherzgläser*) в виде шляп, туфель и прочего украшали венецианской росписью, гравировкой или филигранью (Polak, 1975. Р. 72). К таким сосудам сложных форм принадлежат и стеклянные бочонки. Помимо дмитровского нам известно еще несколько сосудов, в которых проявились европейские и венецианские традиции. Это бочонки XVII в. из Музея изобразительных искусств в Дюссельдорфе, происходящий из французского региона Овернь (рис. 10). Сосуд украшен рифлеными поясками и бугристыми накладками круглой формы. К чертам, характеризующим венецианскую школу, по нашему мнению, можно отнести

накладные нити, превращенные с помощью расчесывания в фестоны. Предметы, декорированные фестонами, правда, белого цвета, расположенными по спирали, хорошо известны среди венецианских изделий конца XVI–XVII в. (Dorigato, 2006. Р. 38–39, 48–49. No 31, 40). Еще один пример из Музея стекла в Корнинге также относится к французским мастерским XVII в. Он, как и предыдущий, украшен круглыми бугристыми накладками, а венецианские черты проявляются в беспорядочно расположенных разноцветных пятнах разных форм. Такие же пятна встречаются на сосудах XVII в., выполненных в Венеции (Dorigato, 2006. Р. 47–48. No 39). Довольно близкую аналогию нашему сосуду представляет еще один французский образец начала XVIII в. с рифлеными поддонами, декорированный венецианской филигранью белого, желтого и красно-коричневого цветов.

Однако постепенно итальянские мастера, особенно те, кто работал в европейских мастерских постоянно, переходил на местное сырье – золу, содержащую окись калия. Именно из такого стекла изготовлены одни из наиболее популярных сосудов этого стиля в России XVII в. – граненые бутылки (штофы), украшенные филигранью из белого или цветного стекла (Векслер, Лухтер, 1997. С. 56; 2001. С. 368).

Где же был изготовлен сосуд, оказавшийся в начале XVII в. в Дмитрове? Мы склоняемся к версии о его нидерландском происхождении. На это, как нам кажется, указывает скромное, но контрастное сочетание белого цвета декора и бесцветной основы сосуда, что довольно часто встречается среди нидерландской продукции XVII в. В отличие от нее, французские изделия отличаются полихромией, а среди предметов стиля *façon de Venise* из немецкоязычных стран бочонки нам неизвестны. Исходя из датировки дмитровского сосуда по археологическому контексту, можно предполагать его изготовление во второй половине XVI столетия, не позднее рубежа XVI–XVII вв. В это время на территории Нидерландов известна мастерская в Антверпене, возникшая в 1558 г. и существовавшая вплоть до конца XVII в. (Polak, 1975. Р. 74, 75). С 1581 г. производство стекла началось в Мидделбурге, а с 1597 г. – в Амстердаме.

Осталось прояснить вопрос, для чего использовался данный сосуд. Можно выделить две версии, существующие в литературе. В рамках одной из них высказывается предположение о декоративности таких форм в связи с их необычностью. Другая считает несомненным его использование в качестве тарного сосуда, то есть емкости

Рис. 10. Стекланный бочонок. Франция, XVII в. (по: *Ricke*, 1989. Abb. 119). (См. цв. вкл.)

для хранения. Что же могло храниться в таком бочонке? Необычность его формы позволяет предположить хранение необычной продукции, то есть непищевой. Считается, что в эпоху Средневековья сосуды сложных форм в виде реальных или фантастических животных, предметов, архитектурных сооружений и прочего служили для хранения алхимических веществ. Возможно, в них могли хранить лекарственные вещества или яды – на это косвенно указывает сосуд с филигранью в виде василиска из Музея стекла в Корнинге. Василиск, как считалось, обладал ядовитыми клыками, когтями и дыханием и, кроме того, подобно медузе Горгоне, был способен убить одним лишь своим взглядом. Эту версию также поддерживает находка бочонка на территории больницы в Гейдельберге. По мнению авторов публикации, этот сосуд представлял собой ценную собственность пациента больницы («Vor dem grossen Brand...», 1992. Р. 97).

В XIX веке, по мнению украинских исследователей, сосуды сложных форм, в том числе и бо-

чонки, использовали для хранения технических веществ и различных химикатов, в том числе смазочного масла для швейных машинок, спиртовых лаков, олифы, красок. Например, жидкость для смягчения кожи хранилась в сосуде в виде башмака, а бочонок использовался для содержания чернил (*Тараненко*, 2010. Рис. 8, 9).

Каким путем рассмотренный нами бочонок оказался в Дмитрове в начале XVII в.? Вероятно, можно отказаться от версии его поступления в результате торговли. Скорее всего, он попал в Дмитров в ходе событий Смутного времени и, по-видимому, был связан с польско-литовскими войсками, находившимися на территории кремля г. Дмитрова. По документальным источникам известно, что 6 февраля 1610 г. после неудачной осады Троицкого монастыря Я.П. Сапега со своими отрядами отступил к Дмитрову, и вследствие атаки Скопина-Шуйского на дмитровский посад ему с остатками войска пришлось затвориться в кремле. 23 февраля того же года в Дмитров прибыла Марина Мнишек, но пробыла там недолго, так как

Скопин-Шуйский начал осаду кремля. Я. П. Сапеге, не имеющему никакой поддержки, ничего не оставалось, как удалиться. Перед уходом он разбил орудия и поджег кремль («Дневник событий...», 1872. С. 164–166). О присутствии западных интервентов в той же части кремля, где был

обнаружен стеклянный бочонок, свидетельствует помимо солида Сигизмунда III литовский полугрош 1565 г., найденный в том же раскопе 17 рядом с ямой 3, а также вещи из близлежащих раскопов, в частности католический бронзовый образок (раскоп 4) и печать польского шляхтича (раскоп 1).

Литература

Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М., 2009. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX века. М.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 1997. Поздне-средневековое стекло из раскопок последних лет в Москве // Славянский средневековый город. Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.

Долгих Е. В., 1985. Русское стекло XVIII века. Собрание Государственного музея керамики и «Усадьба Кусково XVIII века». М.

Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем истории ложного Дмитрия // РИБ. Т. I. СПб., 1872.

Лихтер Ю. А., 2000. Технология изготовления позднесредневековой стеклянной посуды // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Ч. 3. Материалы научно-практического семинара «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья». М. (Тр. МИГМ. Вып. 10).

Немецкая керамика. Л., 1984.

Столярова Е. К., 2003. Предметы из стекла из раскопок Дмитровского кремля 2002 года // Энгватова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23327.

Тараненко С., 2010. Скліяна тара як датуючий матеріал в археологічних комплексах XVIII – початку XX ст. // Болховітіновський щорічник 2009. Київ.

Энгватова А. В., Гончарова Н. Н., 2002. Предварительные результаты исследования средневекового могильника на территории кремля г. Дмитрова // Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 1. М.

Dorigato A., 2006. The Glass Museum. Venice.

Five Thousand Years of Glass. Philadelphia, 2004.

Mariacher G., 1970. Glass from Antiquity to the Renaissance. L.; NY; Sydney; Toronto.

Charleston R. J., 1990. Masterpieces of Glass. A World History from the Corning Museum of Glass. NY.

Polak A., 1975. Glass: its tradition and its makers. NY.

Ricke H., 1989. Die Glassammlung des Kunstmuseums Duesseldorf mit Sammlung Hentrich. Duesseldorf.

Vor dem grossen Brand: Archäologie zu Füssen des Heidelberger Schlosses. Stuttgart, 1992.

Е. К. Stolyarova, К. И. Panchenko

Glass vessel of the 17th century à la façon de Venise from the Dmitrov kremlin

Summary

The paper deals with the study of glass fragments with Venetian filigree which were probably parts of the vessel in the form of barrel with four legs. The fragments were discovered in 2002 in the kremlin of Dmitrov (Moscow region) in the excavation area 17 in pit 3 in the layer dated to the early 17th century by the researchers of the Rescue Excavations Department of

the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Venetian filigree and chemical composition of this glass point to the Venetian origin of this piece. But barrel form and decoration of ribbed bands suggest its production in European glassworkshops possibly in the Low Countries, that produced glassware in Venetian style (à la façon de Venise).

**И. Н. Ершов, А. Л. Александровский, Е. Г. Ершова,
Н. А. Кренке, А. В. Панин**

Пойма реки Истра у Ново-Иерусалимского монастыря: природно-археологический аспект исследования

В состав природно-археологического комплекса монастырской поймы р. Истра включаются все структурные образования и объекты как природного, так и антропогенного генезиса, исследованные в ходе работ Ново-Иерусалимской археологической экспедиции Института археологии РАН в 2009–2013 гг. в долине р. Истра и прилегающей к этой долине части территории коренного берега в пределах зоны хозяйствования Воскресенского монастыря (рис. 1). Необходимость объединения всех исследованных объектов в единый комплекс обусловлена объективными причинами, среди которых важнейшей является глубокое взаимопроникновение этих объектов, их нерасторжимое единство в пространственно-временном континууме. В чем прежде всего проявляется и чем обусловлено это единство?

Вектор антропогенного воздействия на исследуемой территории в течение нескольких веков строительства и функционирования монастырского хозяйства был сознательно направлен на глубокое преобразование природных элементов ландшафта (изменение русла реки), сооружение искусственных элементов ландшафта (каналы и пруды), интенсивное использование и эксплуатацию имевшихся элементов ландшафта для создания разнообразных инженерных сооружений (водяные мельницы, купели), наконец, на включение отдельных элементов ландшафта в систему религиозно-идеологических программ в рамках создания Нового Иерусалима и «Русской Палестины».

Немалое антропогенное воздействие на ландшафт этой территории, как показали исследования, оказали и далекие предшественники монастырских трудников. Холм Воскресенского монастыря был обитаем частично или постоянно уже начиная с бронзового века (*Ершов, Зеленцова, 2014. В печати*). Особенное интенсивное антропогенное

воздействие на территорию холма и прилегающей к нему территории было оказано, очевидно, в раннем железном веке – вплоть до времени появления здесь первых славянских поселенцев. Многочисленные следы этого воздействия – интенсивные процессы оползания и эрозии по склонам – отмечены практически на всем пространстве холма и окружающей его поймы (рис. 2).

Не менее важна обратная активная роль самого ландшафта и природных процессов, протекавших в пойме и по склонам долины, на ход строительства монастыря и течение его истории. По крутым склонам шли интенсивные процессы эрозии, до сих пор оказывающие негативное воздействие на архитектурные сооружения монастыря. Из-под холма издавна били многочисленные родники, размывавшие берег и оказывавшие не всегда благоприятное воздействие на водный режим пойменной части. Река с течением времени резко меняла свой водный режим (особенно в эпоху так называемого малого ледникового периода XIV–конца XVIII в.), размывая большие участки поймы в одних местах и нанося огромные массы осадочного материала в другие, разрушая или сильно повреждая искусственные инженерные сооружения. Не менее важно понять, как формировались отложения монастырского холма и поймы в их взаимодействии до того, как стало проявляться антропогенное воздействие на них – это позволит определить ту исходную точку, с которой начал проявлять себя природно-археологический комплекс монастырской поймы.

Таким образом, выделение Ново-Иерусалимского природно-археологического комплекса поймы р. Истра (в пределах зоны хозяйственного освоения возрождаемого монастыря) как единого целого вполне обоснованно; по этой причине исследование предыстории эпохи антропогенного влияния

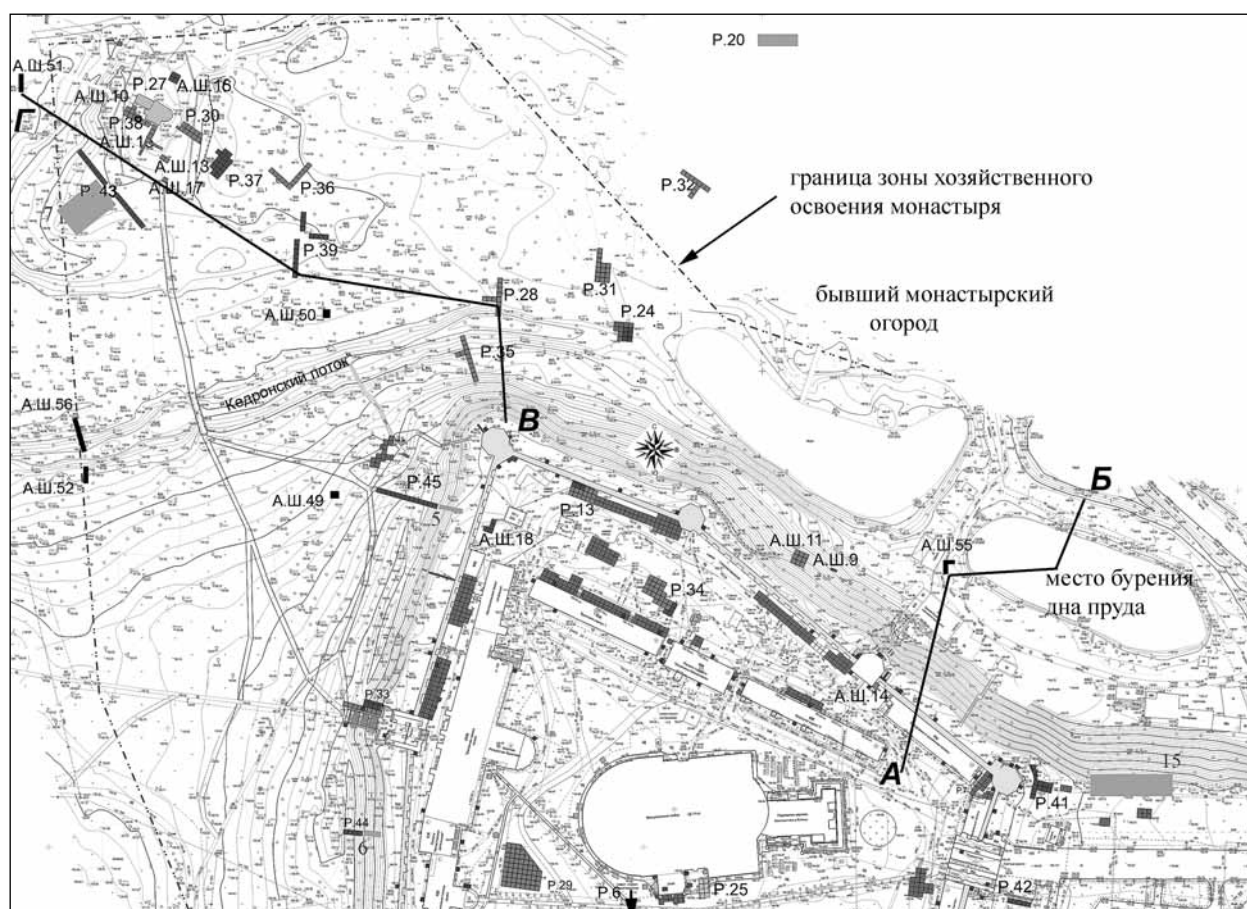

Рис. 1. Расположение объектов исследования в монастырской пойме р. Истра (раскопы и шурфы), а также линии условных разрезов (А–Б, В–Г). Схема

должно иметь, соответственно, такую же комплексную археолого-естественнонаучную направленность. Все археологические раскопки, предпринятые нами в эти годы, сопровождались привлечением специалистов естественных наук. Это кроме авторов работы специалисты в области почвоведения, палинологии и геоморфологии, дендрохронолог О.В. Соломина (ИГ РАН), а также их помощники. В поле отбирались многочисленные образцы почв и грунтов для радиоуглеродного, палеопочвенного и споро-пыльцевого анализов; с археологической древесины отбирались спилы на дендрохронологическое датирование (изучено несколько десятков спилов). Получено около 30 радиоуглеродных дат, проведено четыре анализа грунтов на пыльцевое содержание; произведен анализ почв и отложений по стратиграфическим колонкам в шести разрезах археологических раскопов и шурфов.

Территория бассейна р. Истра близ монастыря была издавна (в течение большей части послеледникового времени) весьма благоприятна для хозяйственного освоения. Здесь сливались несколько рек

(Истра, Малая Истра, Песочня, Маглуша), в древности являвшихся важнейшими транспортными артериями микрорегиона, а сочетание разнообразных ландшафтов (пойма с луговым разнотравьем, склоны коренных берегов и водоразделы с богатыми лесными угодьями и достаточно плодородными почвами, озерно-болотные ландшафты) создавало хорошую основу для ведения многопрофильного хозяйства. Как часть южного склона Клиско-Дмитровской гряды, район близок по характеру ландшафтов к Химкинскому ландшафтному району, подробно описанному в литературе (Низовцев, 2004. С. 43–44).

История формирования монастырского холма

Остановимся вначале подробнее на почвенно-геоморфологических особенностях отложений монастырского холма. Толща отложений холма в его верхней части несет на себе разнообразные культурные артефакты монастырского периода, а также периода существования музея. Этот культурный слой имеет различную толщину в центре холма и по его

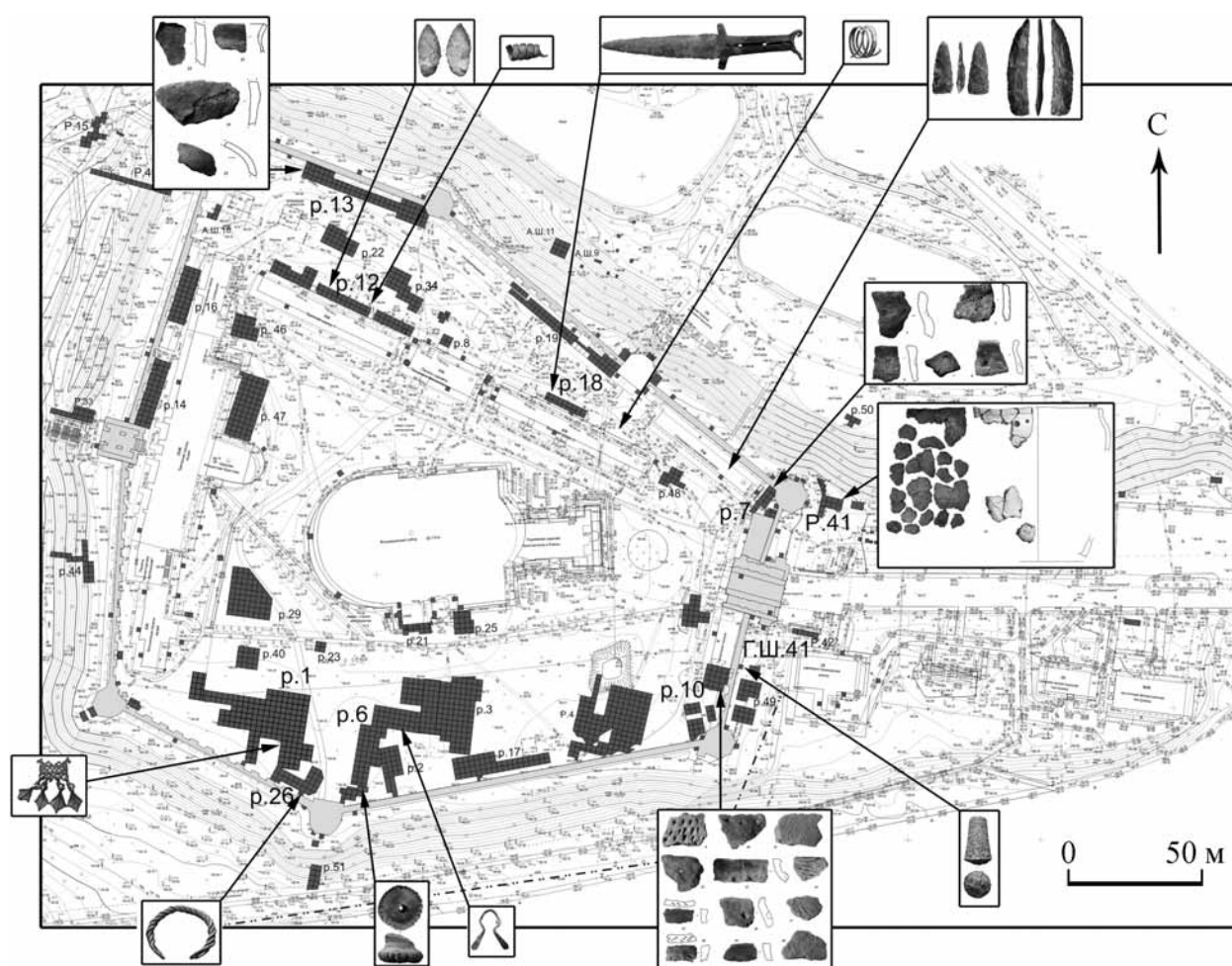

Рис. 2. Локализация археологических находок домонастырского периода по раскопам и шурфам 2009–2013 гг.

краям – вокруг Воскресенского собора толщина минимальна, 20–30 см, по краям ранее покато́го холма в западинах и оврагах его толщина может достигать 7–8 м. По этой причине современная поверхность внутри монастырской стены стала достаточно ровной по всей площади. Ниже культурных отложений идет (там, где она сохранилась) погребенная почва лесного типа со слабовыраженным горизонтом оподзоливания, далее – покровный бурый трещиноватый суглинок солифлюкционного генезиса. Ниже идут отложения разнообразных песков флювиогляциального и аллювиального генезиса.

Приведем данные по определению возрастов этих песчаных отложений монастырского холма, составляющих верхнюю фацию его геологических отложений (вплоть до уровня кровли днепровской морены). На вершине холма под слоем техногенного грунта мощностью порядка одного метра залегает перигляциально-водно-ледниковый комплекс отложений – насыщенные обломочным материалом солифлюкционные суглинки до глубины

1,1 м (от естественной поверхности), перекрывающие песчано-щебнистую толщу флювиогляциальных отложений. С глубины 2,0–2,5 м (контакт расчистками не вскрыт) залегают хорошо сортированные желто-коричневые среднезернистые пески аллювиального генезиса. Их общая мощность неизвестна. Залегают они, очевидно, на морене днепровского возраста, вскрытой траншеями у подножья монастырского холма (рис. 3).

Образцы песка на OCL-датировку были отобраны в 2011 г. А.В. Паниным на вершине монастырского холма в раскопе № 6, к югу от Воскресенского собора, в восточной стенке колоколотейной ямы, в самой нижней части песков под ходом топочной камеры, примерно на глубине 2,55 м и 4 м от современной поверхности (рис. 3, I). Естественная поверхность раскопа (кровля современной почвы, погребенной под техногенным грунтом) находится на отметке 166–166.20 по БСв. Отметки абсолютных высот места отбора – 163.65 и 160.50 по БСв. Образец

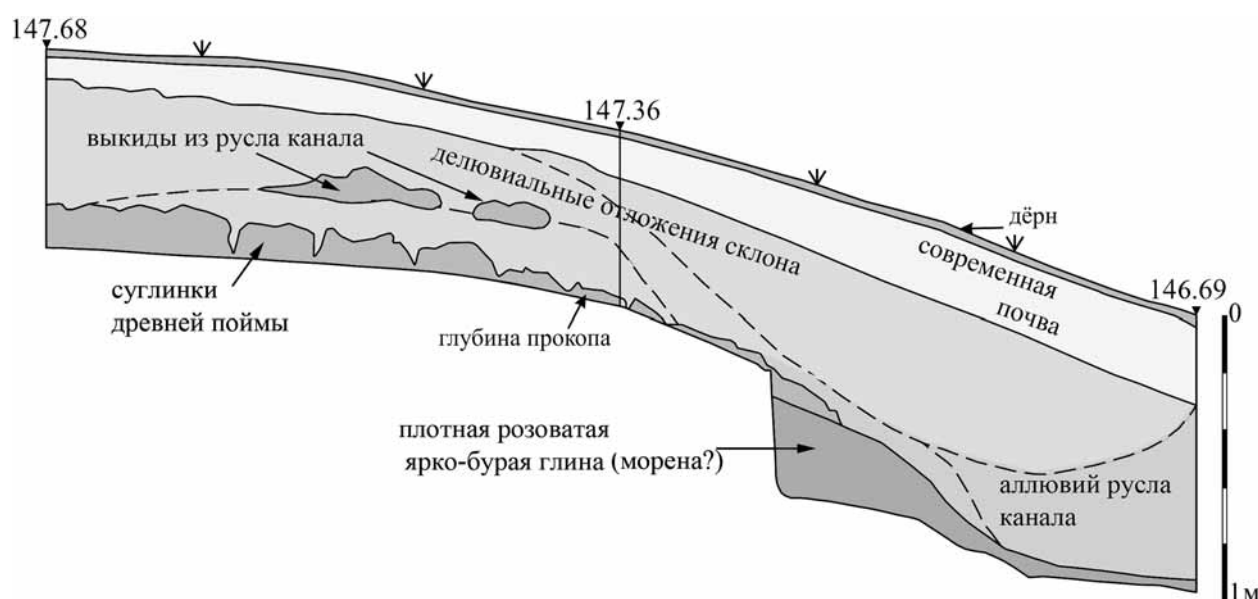

Рис. 4. Шурф № 52. Профиль юго-западной стенки

из флювиогляциальных песков в верхней части разреза дал дату $162,7 \pm 6,6$ тыс. л. н. (GdTL-1473), а нижний образец из аллювиальных песков — 227 ± 16 тыс. л. н. (GdTL-1472)¹.

Полученные данные дают первую для Западного Подмосковья абсолютную дату времени деградации московского оледенения: 163 ± 7 тыс. л. н., т.е. это примерно середина морской изотопной стадии 6 (сокр. МИС-6). Ранее хронология московского оледенения в Подмосковье имела лишь относительную возрастную привязку: образование московской морены относилось к концу среднего неоплейстоцена на основании находок *Mammuthus Primigenius* в раннемосковских озерно-ледниковых отложениях в карьере одинцовского кирпичного завода (Меннер, 1930), а сверху ограничивалось озерно-болотными осадками микулинского времени. Теперь ясно, что между освобождением территории от ледника и наступлением микулинского межледниковья (Терминация II, 130 тыс. л. н.) прошло порядка 30 тысяч лет. Подстилающие аллювиальные пески датированы первой половиной МИС-7.

Итак, основной вывод из геоморфологических исследований верхней фации отложений монастырского холма (после эпохи днепровского оледенения) следует полагать таким: холм в его современном виде (имеются в виду его отложения естественного

происхождения) является результатом совместной деятельности двух стадий покровного оледенения и реки (пра-Истры). Моренные отложения не заканчиваются внутри монастырской ограды, они прослежены и далее к западу вплоть до так называемого пожарного пруда (на полпути от музея деревянного зодчества к ветряной мельнице) в виде понижающегося шлейфа гряды, сложенного из крупнозернистого песка с галькой («хрящеватый песок», как он определяется в документах монастырской переписки XVIII столетия); в основании отложений шурфа № 52, расположенного на краю моренной гряды, вероятно, нами была зафиксирована кровля той же днепровской морены — ярко-бурая розоватая плотная глина (рис. 4).

В коллекции домонастырских древностей, обнаруженных в ходе работ экспедиции ИА РАН в толще и основании культурных напластований монастырского холма (рис. 2), выделяются две группы находок:

а) уникальные единичные вещи, происходящие, возможно, не из поселений, а из могильников (бронзовые украшения финно-угорского круга древностей) или попавшие на холм при неизвестных нам обстоятельствах (бронзовый кинжал, кремневые ножи);

б) массовые находки рядового археологического материала из культурного слоя раннедьяковского

¹ Определение абсолютного возраста песков проводилось оптико-люминесцентным методом (ОСЛ) в Лаборатории люминесцентного датирования Института физики Силезского технологического университета (Гливице, Польша).

городища и из переотложенных слоев монастырского периода (керамика ранне- и позднелазовского времени). Первая группа свидетельствует о периодическом посещении холма древними обитателями ближней округи, вторая – о постоянном проживании людей на площадке холма и в его ближайших окрестностях в пойме, о плотном хозяйственном освоении территории и начале активного антропогенного воздействия на ландшафт.

Это антропогенное воздействие было особенно ощутимым в восточной части холма, где, вероятно, возникли первые искусственные сооружения раннелазовского поселения (ров и, возможно, земляной вал), видоизменившие ландшафт холма; также, видимо, на этой территории городища и поблизости от него был полностью сведен лес (в том числе и по склонам холма), что крайне негативно могло сказаться на интенсификации процессов оврагообразования по северному склону холма. Эти процессы усугублялись и тем обстоятельством, что именно в тот период, как было установлено, река вплотную подошла к подножию северного склона холма и стала интенсивно размывать его. Все события были взаимосвязаны – люди обосновались на площадке холма в позднелазовый период лишь потому, что река в то время удобно протекала под самым берегом, образуя естественную защиту; тут же из обрывов и по оврагам били незамерзающие источники; но присутствие людей привело к активизации эрозионных процессов северного склона и заполнению русла реки склоновым материалом, что со временем могло привести к отходу русла от подножия холма и в конечном счете к прекращению жизни на городище.

История поймы в голоцене

Как формировалась сама пойма р. Истра в пределах монастырского землепользования, начиная с раннеголоценового времени и вплоть до современности, удалось в общих чертах установить в ходе работ, длившихся в монастырской пойме несколько лет, с 2011 по 2013 г. Было заложено 10 раскопов (раскопы № 15, 20, 24, 28, 31–32, 35–37, 43) и девять археологических шурфов № 49–57 (рис. 1). Общая площадь раскопов и шурфов в монастырской пойме по состоянию на осень 2013 г. составила 931 кв.м. В части раскопов и шурфов исследованы берега и русло так называ-

емого Кедронского потока и монастырских прудов (раскопы № 24, 28, 35 и шурфы № 52, 55, 56), другая часть шурфов и раскопов была заложена с целью изучения строения поймы (шурфы № 50, 51, 54, 57, раскопы № 36–37, 39). Раскоп № 15 исследовал остатки так называемой Силоамской купели (деревянной часовни 1845 г. под северо-западной Иноплеменничей башней), возведенной над одним из источников, бьющих из-под монастырского холма. В раскопе № 20 (на южном берегу реки в 20 м к западу от моста дороги Истра – Бужарово) открыты остатки водяной мельницы 1805 г. постройки. Раскоп № 43 выявил на «острове» Богоявленской пустыни культурный слой времени строительства Пустыни и остатки дороги, а также сваи деревянного моста XVII в. на дороге от Пустыни к монастырю. Повсюду кроме собственно археологических задач решались и проблемы геоморфологии, палеопочвоведения, палинологии.

Выявление признаков доголоценового генезиса древней поймы реки. Шурф № 56

Любопытная картина отложений древней поймы была зафиксирована в разрезе траншеи (шурф № 56), заложённой поперек русла «Кедронского потока» в 20 м к западу от кирпичного мостика, ведущего от монастыря к Богоявленской пустыни (рис. 1; 5). «Кедронский поток» – часть сложной гидротехнической системы, традиционно соотносимой с деятельностью патриарха Никона и его преемников второй половины XVII в. Время создания канала пока не удастся сузить до какого-то короткого отрезка; исходя как из данных письменных источников, так и археологических данных, приходится датировать его предположительно последней четвертью XVII в.² На своем протяжении русло канала прорезает разные геоморфологические структуры: северный отрезок идет по краю древней поймы, прорезая суглинистые отложения, включающие пачку погребенных почв; западный отрезок пересекает остаточноморенную песчано-гравийную гряду, тянущуюся от монастырского холма к западу; южный отрезок проходит частью по песчанисто-суглинистой подошве монастырского холма, частью – по суглинкам поймы реки.

В шурфе № 56 под правым северным бортом канала, у его придонной части, выявлены

² Это сложное гидротехническое сооружение, скорее всего, было ископано в 1680-х – середине 1690-х годов, что косвенно подтверждает план окрестностей монастыря, созданный в 1698 г. (рис. 3, а), на котором канал уже обозначен. Есть, конечно, не совсем надежное свидетельство Н. Витсена (1996. С. 177) о существовании канала уже при патриархе Никоне, но на чертеже 1670-х годов канала нет.

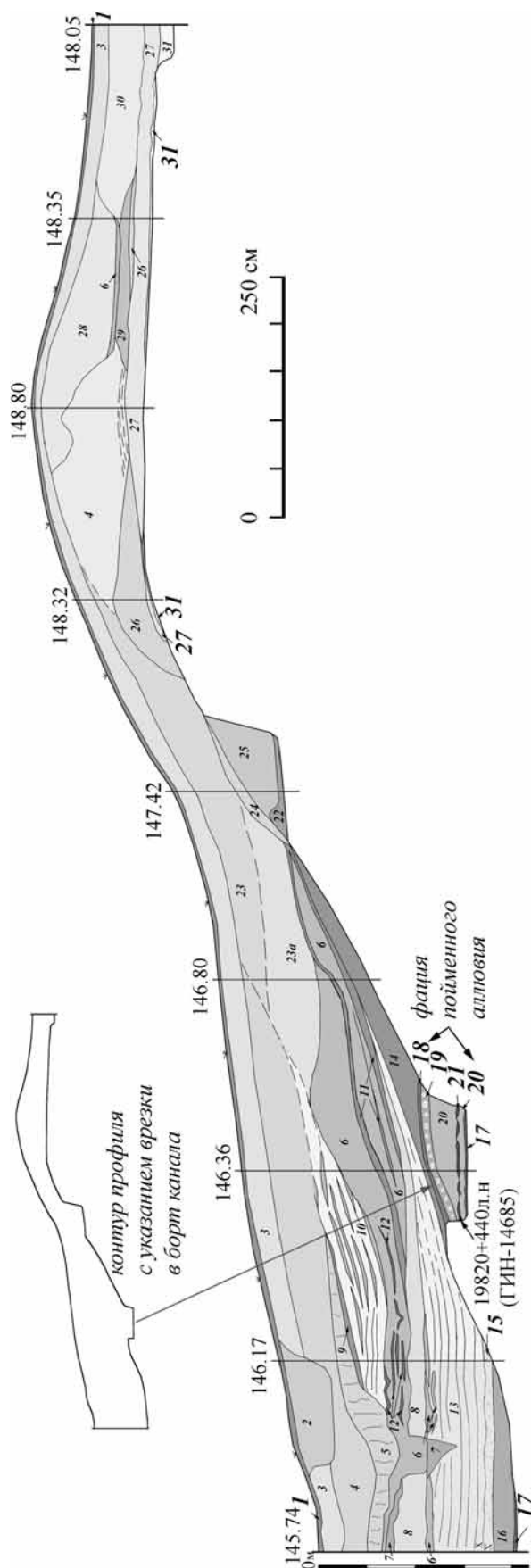

Рис. 5. Шурф № 56. Профиль западной стенки

21 – рыхлый темно-бурый суглинок с органическими макроостатками (оторфованный); 27 – легкий опесчаненный серый суглинок (погребенная почва XVII в.); х – места находок керамики конца XVII – XVIII в.

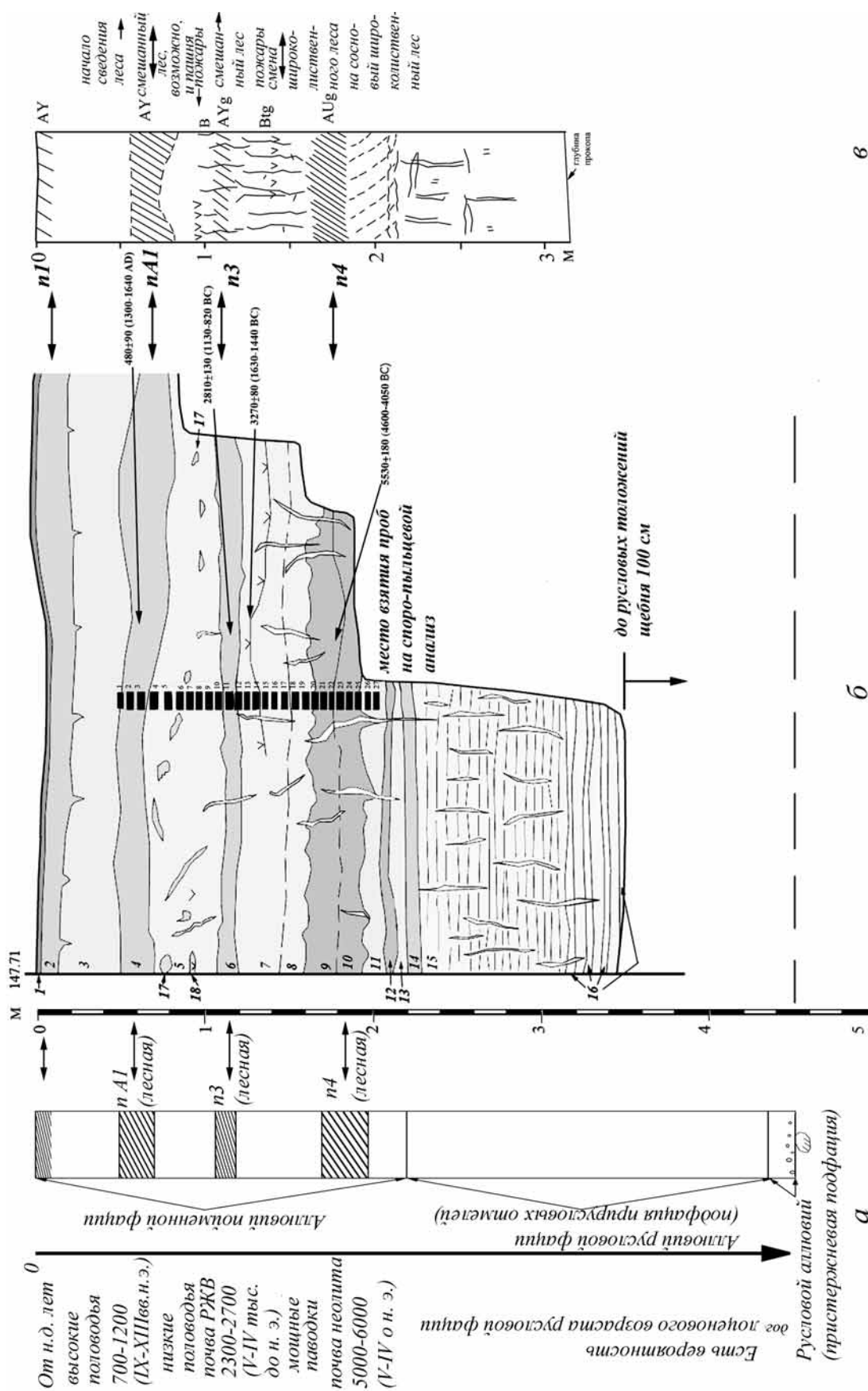

Рис. 6а. Шурф № 51

а – стратиграфия (по А.В. Панину); б – профиль юго-западной стенки с указанием мест отбора образцов и дат
погребенных почв; в – стратиграфия (по А.Л. Александровскому)

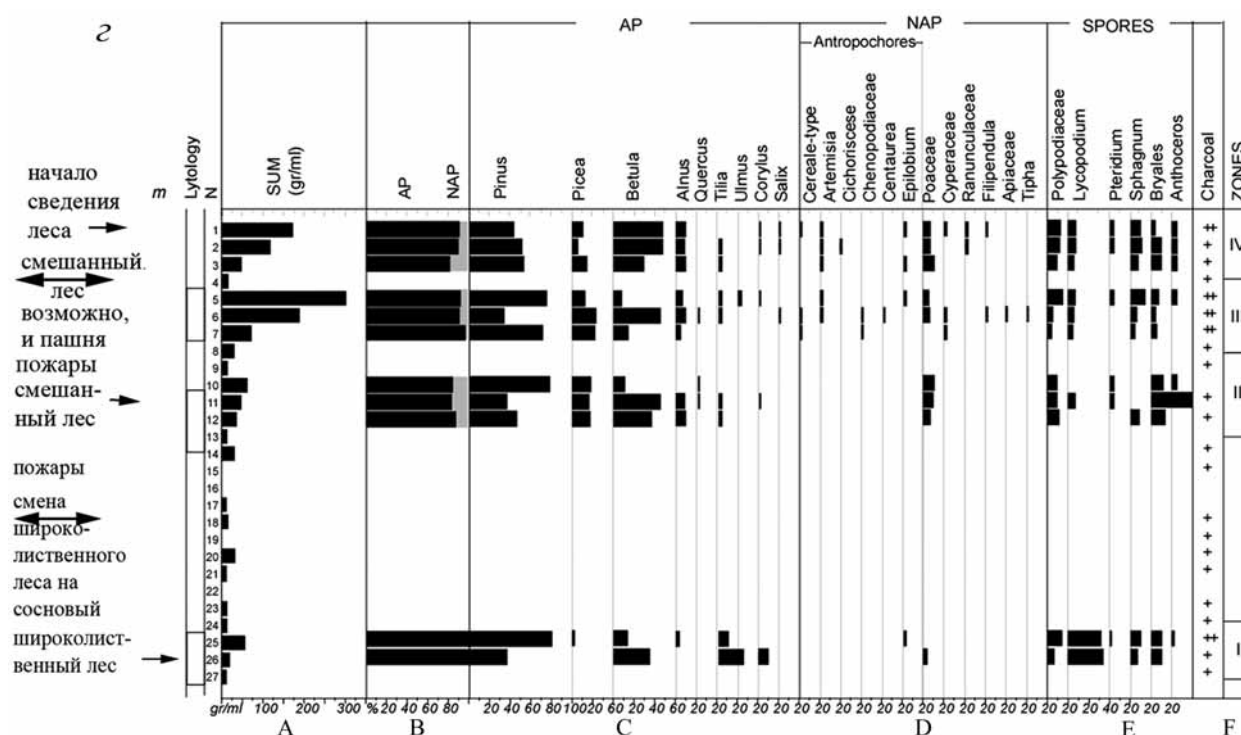

Рис. 66. Шурф № 51

2 – палинологическая таблица отложений шурфа (по Е. Г. Ершовой; латинскими буквами под диаграммой обозначены: А – концентрация пыльцы и спор в образцах; В – соотношение пыльцы деревьев (AP) и трав (NAP); D – участие трав в % от суммы деревьев и трав; E – участие споровых в % от общей суммы)

отложения пойменной и русловой фации речного аллювия в виде слоистых опесчаненных суглинков и нижележащих прослоев влажного светлого песка, перемежающихся прослоями оторфованного суглинка с гумусом и еще глубже – прослойками серого песка с водой. Образец суглинка с органическими макроостатками, который представляет фацию прирусловых отмелей или низкой поймы, дал довольно неожиданную древнюю дату: 19820 ± 440 л.н. (ГИН-14685). Это означает, что начало формирования древнейших участков современной поймы можно относить не просто к доголоценовому времени, а ко времени последнего ледникового максимума. Уровень руслового щебня древнего русла реки в шурфе № 56 не был нами достигнут, что говорит, возможно, о его отсутствии в этой части поймы, являющейся собственно ее тыловой частью и примыкающей с севера к отложениям моренной гряды. Во всяком случае, отложения оторфованного суглинка под бортом «Кедронского потока» говорят о вероятном наличии здесь древнего водоема озерно-старичного типа;

эти отложения были, очевидно, в голоценовое время перекрыты отложениями пойменной фации аллювия голоценового возраста.

Опорный разрез голоценовых погребенных почв монастырской поймы. Шурф № 51 и раскоп № 36

Разрезы шурфа № 51, расположенного в 30 м к западу от Скита и в 20 м к югу от кромки берега реки, на участке слегка приподнятой поймы, можно полагать опорными для поймы Истры (рис. 2). Здесь в толще пойменного аллювия были зафиксированы три классические для Подмоскovie погребенные почвы, предварительно соотнесенные нами с эпохами от Средневековья до атлантического климатического оптимума – так называемые почвы *A1*, *3* и *4*³.

Эти почвы являются аналогами погребенных почв долины Москвы-реки, уже зафиксированных в разрезах на поселении РАНИС-пойма, на Звенигородской стоянке и в разрезах поймы на территории Звенигородской биостанции МГУ. Комплексные археолого-естественнонаучные работы под

³ Определение А.Л. Александровского.

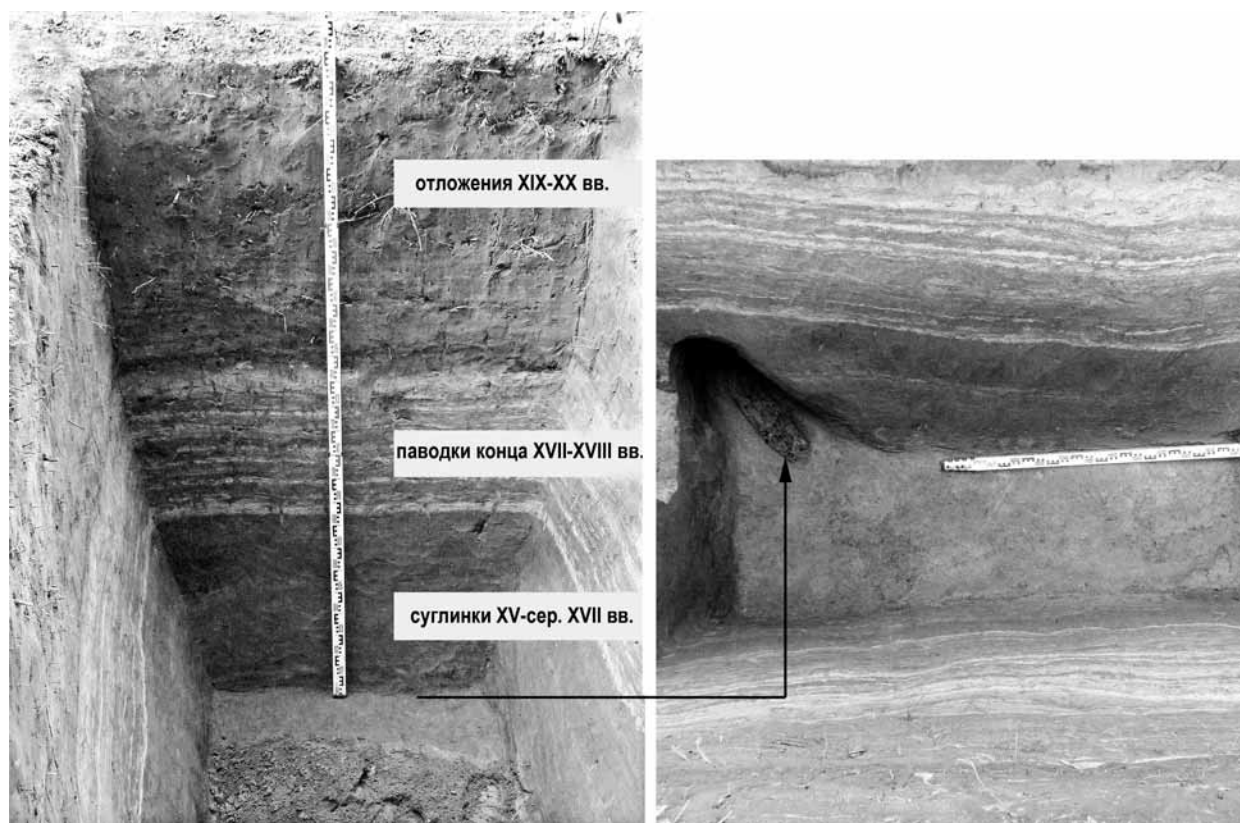

Рис. 7. Раскоп № 36. Справа – профиль западной стенки кв. 12; слева – кв. 8, пл. 11, гл. –305 от современной поверхности. Сгоревшая плаха, с которой было получено три даты по ^{14}C . Вид с юга

руководством Н. А. Кренке и с участием остальных авторов данной работы были проведены на этих памятниках в период с 2005 по 2013 г.⁴

Погребенная почва A1 шурфа № 51 предварительно соотносится со временем Средневековья (XIII–XVI вв.). По образцу из этой почвы получена радиоуглеродная дата (Ki-17136): 480 ± 90 л. н. (1σ 1390–1520 AD; 2σ 1300–1640 AD)⁵. Необходимо указать, что эта дата достаточно близка к датам ^{14}C , полученным чуть позже в раскопе № 36 по образцу угольной плахи (рис. 8) из основания толщи темно-бурых суглинков, заполнявших древние русла реки к востоку от Пустыни. С другой стороны, кровля этих суглинков явилась уже дневной поверхностью для строительства Пустыни (1657–1662 гг.). Соответственно, промежуток времени от момента начала отложения этих суглинков до даты строительства Пустыни был не столь уж велик – не более 150–200 лет. Это свидетельствует о том, что в XV – начале XVII в. на поверхности древней

поймы (как в случае шурфа № 51) происходила кратковременная стабилизация и появились условия для формирования этой средневековой почвы. В период до строительства Пустыни эта почва, как показал споро-пыльцевой анализ отложений русла «рва» (речной протоки-старицы) вокруг Бого-явленской пустыни, стала подвергаться распашке под посевы ржи.

По всей длине раскопа № 36 на глубинах от 230 до 270 см от поверхности был выявлен верх пачки мощных суглинковых отложений общей толщиной до 150 см. Поверхность темно-бурых суглинков субгоризонтальна и слабо падает с запада на восток. По поверхности и в слоистом русловом песке чуть выше толщи суглинка обнаружены кирпичные фрагменты размером 5–20 мм, кирпичная крошка и многочисленные угольки, что позволяет соотнести данную поверхность с первоначальным периодом истории монастыря (строительство скита в 1657–1658 гг.). Верхняя часть темно-бурых

⁴ Об этом см.: Кренке и др., 2008; Панин, 2008; Александровский, 2008; Спиридонова, Алешиинская, Кочанова, 2008; Кренке и др., 2012; также: Кренке, 2007).

⁵ Большая часть радиоуглеродных анализов была сделана в Киевской радиолaborатории, остальные – в лабораториях ГИН и ЛОИА.

суглинков с углями является, по всей видимости, слабовыраженной почвой с ровной четкой подошвой. В основании толщи этих суглинков на глубине 285–300 см выявлено много углей и целая горелая плаха (рис. 7). Получены три даты в независимых друг от друга лабораториях: дата Киевской лаборатории – 210 ± 60 л. н. (Ki-17791) – после корреляции указывает на XVI – начало XVII в.; другая дата, полученная в Москве, кажется более надежной, так как взята от крупного куска угля, – 330 ± 30 л. н. (ГИН-14688а), после корреляции указывает на XV – начало XVII в. н. э.; третья дата получена в Санкт-Петербурге: 300 ± 50 л. н. ЛУ-7128, при калькуляции дает возраст 390 ± 60 л. н., т. е. примерно между 1500–1600 гг. Таким образом, толща суглинков начала откладываться примерно в раннемосковское время (XV в.) и прекратила свое существование в качестве дневной поверхности спустя непродолжительное время после строительства Богоявленской пустыни и наступления периода максимальных паводков, будучи прикрыта сверху мощными аллювиальными слоистыми песчано-суглинистыми отложениями толщиной до 80 см. Следовательно, живое действующее русло реки в этом месте и вокруг Пустыни бытовало в период между концом бронзового – началом железного века и вплоть до XVI в., т. е. практически на протяжении более чем двух тысяч лет.

Нижележащая почва 3 в шурфе № 51 соотносится с эпохой конца бронзового века – началом раннего железного века (третья четверть II – первая половина I тыс. до н. э.). Радиоуглеродная дата образца этой почвы (Ki-17137): 2810 ± 130 л. н. (1σ 1130–820 BC; 2σ 1400–750 BC). Диапазон датировки почвы 3 близок (своим верхним пределом) к археологической датировке культурного слоя раннедьяковского поселения VIII–IV вв., выявленного на монастырском холме под восточной стеной монастырской ограды. Подобная синхронизация позволяет выдвинуть предположение, что в раннем железном веке в пойме реки существовали приемлемые условия для выпаса скота и сенокоса.

В отложениях шурфа убедительных археологических артефактов не выявлено, тем не менее на одном горизонте (в толще бурого суглинка между почвами 4 и 3, на глубине 125–130 см от современной поверхности) была выявлена группа горелых дубовых плашек⁶ и два кремневых осколка в некотором отдалении от них. Плашки лежали горизонтально, частично налагаясь друг на друга.

Уровень залегания плашек и кремней стратиграфически соответствует эпохе средней бронзы, что подтверждается и серией дат по ^{14}C . Радиоуглеродные даты, полученные из отдельных плашек дуба и от собранного по поверхности угля в толще бурого суглинка под почвой 3 дали схожие результаты. Плашка 1 (Ki-17138) – 3080 ± 90 л. н. (1σ 1440–1210 BC; 2σ 1530–1040 BC). Плашка 2 (Ki-17147) – 3290 ± 130 л. н. (1σ 1700–1420 BC; 2σ 1950–1250 BC). Уголь из скопления в юго-западном углу (Ki-17139) – 2230 ± 220 л. н. (1σ 550 BC–50 AD; 2σ 900 BC–300 AD). Уголь, собранный в области плашек и к югу от них, показал: (Ki-17140) – 3270 ± 80 л. н. (1σ 1630–1440 BC; 2σ 1740–1390 BC). Одна дата выбивается из общего ряда, что можно отнести на счет не лучшей чистоты образца. Остальные даты схожи и указывают в целом на середину – третью четверть II тысячелетия до н. э., т. е. на постфатьяновское время, эпоху средней бронзы. Возможно, что в этот период данный участок поймы подвергался определенному антропогенному воздействию.

Нижележащая почва 4 шурфа № 51 соотносится с неолитической эпохой климатического оптимума (V–IV тыс. до н. э.). Радиоуглеродная дата по образцу гумуса из почвы 4 (Ki-17417) – 5530 ± 180 л. н. (1σ 4600–4050 BC; 2σ 4800–3950 BC), что указывает на вторую половину V – начало IV тысячелетия до н. э., т. е. на археологическую эпоху расцвета льяловской неолитической культуры Подмосквы.

В разрезах шурфа были также отобраны образцы для проведения споро-пыльцевого анализа. Общая предварительная итоговая схема изменения геоморфологии, почвенного и растительного покрова поймы, а также характера потенциального антропогенного воздействия на пойму Истры в прошлом выглядит, по мнению почвоведов, палинологов и геоморфологов, следующим образом (рис. 6).

1. Наиболее древними в разрезе шурфа являются отложения нижней русловой фации аллювия – слоистые суглинки и пески, покоящиеся на русловой гальке и булыжниках размытой морены. Отметки глубин в БСВ русловой гальки в шурфе № 51–143.20 (для сравнения: в шурфе № 54 – чуть ниже 143.30, в шурфе № 56 чуть ниже 143.00, в раскопе № 20 – около 143.00, в раскопе № 39 – около 142.80). Факт довольно высоко-го расположения погребенной русловой гальки

⁶ Определение породы сделано А.Л. Александровским.

Рис. 8. Шурф № 50. Профиль западной стенки. Вид с востока

в шурфах (по сравнению с уровнем современного дна реки в пределах 142.00) может говорить о довольно ранней дате нижней русловой фации отложений. Мнения почвоведов и геоморфологов по поводу датирования этой пачки отложений здесь несколько расходятся; по предположению А. В. Панина, нельзя исключать и того, что эта часть отложений может относиться не только к среднему и раннему голоцену, но и к еще более раннему, доголоценовому времени. Пыльцы в отложениях этой пачки мало.

2. Следующей по времени является пачка отложений атлантического периода. Это горизонт мощной лесной *почвы* 4 с четкой границей по низу и размытым верхом, что говорит, по мнению А. Л. Александровского, о постепенном накоплении последующего аллювия при наличии высоких паводков. Возможно, это свидетельствует о спокойном течении реки в более широком, чем сейчас, русле. Растительность этого периода, по данным споро-пыльцевого анализа, была представлена в основном широколиственным лесом (липа, береза, дуб, орешник), постепенно заменявшимся смешанным лесом (с присутствием сосны).

3. Далее выше по разрезу следует горизонт слабо выраженной, сильно деградированной лесной *почвы* 3. Пыльца этого горизонта отражает присутствие пойменных хвойно-широколиственных лесов с участием ольшаников и влажных травяно-моховых лугов. Присутствие множества микроскопических углей свидетельствует о возможных неоднократных лесных пожарах. По мнению А. В. Панина, после погребения *почвы* 3 наблюдались достаточно низкие паводки.

4. Над *почвой* 3 располагается мощный горизонт лесной *почвы* 1а с хорошо выраженным переходным к иллювиальному горизонтом в нижележащем аллювии, что свидетельствует, по мнению А. Л. Александровского, о заключительной стадии почвообразования эпохи Средневековья как луговой стадии ввиду сведения лесов в пойме и по берегам реки. Присутствие в пыльце значительного количества пыльцы злаковых и пашенных сорняков говорит о вероятном присутствии пашни. Датировка этой почвы ограничивается второй четвертью II тысячелетия н. э., т. е. Средневековьем. Эти новации можно связывать, скорее всего, со средневековым русским населением домонастырского периода.

5. После завершения формирования *почвы Ia* наступил период мощных паводков, который предположительно связывается со временем Малого ледникового периода (XVI–XVIII вв.). Эти предположения надежно коррелируются уже с письменными свидетельствами о наличии мощных паводков в ранний период существования монастыря (конец XVII – первая половина XVIII в.). Очевидно, пойма в этот период могла использоваться под пашню лишь эпизодически. Постоянная пашня на пойме возобновилась лишь в конце XVIII – начале XIX столетия.

Определение границ древней поймы.

Выявление древнейших погребенных почв в пойме.

Шурф № 50, раскопы № 35, 39

После того, как в шурфе № 51 был выявлен участок древней поймы реки с погребенными почвами, встал вопрос об определении границ между ней и поймой более молодой, без погребенных почв.

Археологический шурф № 50 был заложен в 25 м к северо-западу от современного источника («Силоамская купель»), на противоположном от него берегу «Кедронского потока», в 3 м к северо-западу от кромки северного берега канала (рис. 1). Данный участок представляет собой плоскую поверхность поймы у подножия монастырского холма. Дневная поверхность шурфа имела отметки в БСВ близ 148.30. Это практически максимальный уровень для поверхности поймы реки по всей территории монастырского землеотвода. После снятия дерна в шурфе (рис. 8) был выявлен слой современной почвы со следами жизнедеятельности монастырского периода и музейного времени (XVIII–XX вв.). Переход к нижележащему горизонту светло-серой оподзоленной супеси с прожилками ожелезнения плавный. Далее был прослежен горизонт серой супеси с вкраплениями бурой супеси мощностью от 7 до 20 см; низ горизонта плавный без перепадов. Очевидно, это горизонт погребенной почвы средневекового типа, аналогичный *почве A1* в опорном разрезе шурфа № 51. Следов антропогенного воздействия в этой почве не зафиксировано. Еще глубже был прокопан зондаж в южной половине шурфа, где выявлен мощный горизонт плотного бурого суглинка с прожилками светло-серой супеси (подзола). Далее шурф не углублялся, но очевидно, что ниже должны были пойти погребенные почвы. Исследование шурфа № 50 показало, что на данном участке наблюдаются отложения присклоновой (тыловой) части поймы р. Истра с нормальным чередованием

отложений в виде супесей и суглинков с погребенными почвами. Таким образом, вся юго-западная пойма, лежащая к юго-западу от линии, идущей примерно от Иноплеменничей башни в направлении несколько южнее Богоявленской пустыни, является древней поймой с сохранившимися погребенными почвами.

Археологический шурф № 52 был заложен на южном берегу «Кедронского потока», в 25 м к западу от кирпичного моста, переброшенного через канал и ведущего из монастыря к Богоявленской пустыни (рис. 1). На этом участке канала его южный берег имеет малозаметный эскарповидный уступ от склона монастырского холма к северу, к руслу канала. Этот уступ является, вероятно, искусственным, сделанным в ходе строительных работ на канале, поэтому участок берега здесь довольно ровный и имеет лишь слабое падение к северо-западу. Дневная поверхность шурфа находится на отметках между 147.65 и 146.69. Таким образом, падение поверхности к северо-западу в русло канала составило чуть более метра на длине шурфа 4 м.

Под слоем дерна в шурфе (рис. 4) идет слой современной почвы лесного типа. По низу супеси наблюдается легкое осветление (подзол). Этот слой плавно переходит в слой светло-бурой супеси в южной части шурфа; далее вниз по склону в русло он своей полостью приподымается кверху в месте перелома рельефа и затем круто западает вниз, замещаясь там на светло-серую супесь подзолистого вида в верхней половине и на светло-бежевый песок в нижней части. Светло-бурая супесь в месте падения рельефа западает под эти слои и тонким слоем, выклиниваясь, сползает по поверхности материковой плотной ярко-бурой розоватой глины с полигональной структурой растрескивания. Однако в верхней южной части эта супесь, являющаяся, очевидно, выкидом из русловой части бывшей здесь поймы, включает в себя отдельные линзы ярко-бурого суглинка, также выброшенного сюда снизу, из русла канала. Под этой супесью-выкидом идет горизонт сходной светло-бурой супеси, но естественного залегания с характерным неровным зигзагообразным нижним краем – следами оподзоливания нижележащего горизонта серо-бурого пятнистого опесчаненного суглинка. Это не что иное, как низ почвенного профиля, сверху срезанного при выкапывании канала. Исследование шурфа № 52 показало, что русло канала было врезано в толщу древней поймы вплоть до кровли размытой морены.

В раскопах № 28, 35, 39, заложенных непосредственно под склоном монастырского холма у угловой северо-западной Иноплеменничей башни, под слоями монастырского периода находятся речные отложения руслового характера, примыкающие к пойменным отложениям с чередованием таких же погребенных почв, какие наблюдались нами в шурфе № 51. Серия дат по образцам из этих почв позволила установить весьма важные для понимания истории поймы моменты. Оказалось, что наиболее древней почвой в пойменной колонке реки является не почва 4 (атлантического периода), а редко встречающаяся в практике археологических работ в Подмоскovie почва 6 (раннеголоценового возраста) (рис. 3, II; рис. 9). В более близком к подножию холма раскопе № 35 эта почва показала возраст 9520 ± 210 л. н. (Ki-17789) и 8620 ± 90 л. н. (Ki-17790); в раскопе № 39 эта же почва дала возраст чуть более молодой: 8710 ± 260 л. н. (Ki-17795) и 8040 ± 230 л. н. (Ki-17794), что вполне объяснимо более поздним началом формирования этих отложений по мере удаления от холма к руслу реки, вероятно, сдвигавшегося к северу постепенно в течение многих столетий. Почва 4 в раскопе № 39 показала возраст 4850 ± 260 л. н. (Ki-17793), а почва 3— 3330 ± 140 (Ki-17792), что практически совпадает по своим значениям с датами по почве 3 из шурфа № 51. Весьма важными для выявления времени функционирования в этом месте русла реки являются наблюдавшиеся в разрезах упомянутых раскопов следы древнего размыва погребенных почв и обрушений участков берега русловыми водами (рис. 9). Русло размывало все погребенные почвы (почвы 6, 4 и 3), следовательно, оно функционировало здесь уже после формирования почвы 3, т. е. примерно с эпохи раннего железного века.

Древнейшие следы антропогенного воздействия на отложения поймы. Шурф № 55

Пойма реки Истра в границах современного монастырского землеотвода последние три столетия использовалась в основном под сенокосы и огороды, а в Новое время и под пашню. Следы глубокой распашки были зафиксированы в верхней части шурфов № 54 и 57 на участках молодой поймы. В XVIII в. и позже, судя по монастырской описи 1763 года и другим последующим описям, небольшой участок, прилегающий с севера к крайнему западному пруду, использовался под огород (это был

один из трех огородов монастыря, два другие, побольше, располагались к востоку от современного шоссе). Такое расположение огородных участков, очевидно, сохранялось вплоть до закрытия монастыря и даже до 1941 г. Старовозделанная огородная земля вплоть до середины прошлого столетия была весьма ценным сельскохозяйственным объектом, которым все рачительные хозяева дорожили и никогда не пытались перепрофилировать под зерновые или иные культуры⁷. В 2011 г. в раскопе № 13 в монастыре (на месте оранжереи XIX в. — рис. 2) в поздних отложениях собрана небольшая коллекция позднедьяковской лепной керамики. Очевидно, эта керамика не имеет отношения к ранним культурным отложениям монастырского холма, а была принесена в оранжерею вместе с плодородной землей с огородов. Следовательно, велики шансы обнаружить позднедьяковское поселение на территории какого-то монастырского огорода в пойме реки. О наличии благоприятных возможностей для проживания на пойме свидетельствует погребенная почва этого времени в тыловой части поймы, на месте примыкания ее к подножию холма в районе башни Варуха, в шурфе № 55 (рис. 10).

Здесь, под присклоновой засыпкой гумусированной супеси с кирпичным боем и фрагментами известкового раствора, а также смытой чуть ранее буроватой супеси, вскрыта пачка отложений пойменного аллювия мощностью до 150 см. Аллювий в верхней части однороден, а ниже появляется расслаивание — легкий суглинок перемежается прослоями светлого песка, падающими наклонно от холма к руслу старицы (ныне берег пруда). В основании пачки появляются включения мелкого гравия, еще ниже — оглиненный песок с гравием, местами насыщенный мелким углем. Интересно, что эта пачка аллювиальных отложений покоится на кровле, несколько перемытой в своей верхней части морены. Эта морена, глина табачного цвета с неокатанными довольно крупными обломками кремневого известняка и единичными гранитными гальками, может быть идентифицирована как днепровская, которая, очевидно, лежит в основании отложений монастырского холма. Между верхним аллювием и мореной в восточной половине разреза расположен сползающий с кровли морены слой серого суглинка делювиального происхождения, образовавшийся после подрезки склона холма руслом реки. Время формирования делювия

⁷ «Земля не вся одинакового качества, земля огородная и конопляники лучше всех: ибо навозится чаще других», утверждал в конце XVIII столетия А. Н. Радищев, когда описывал свое имение (см. *Радищев*, 1941. Т. 2. С. 174).

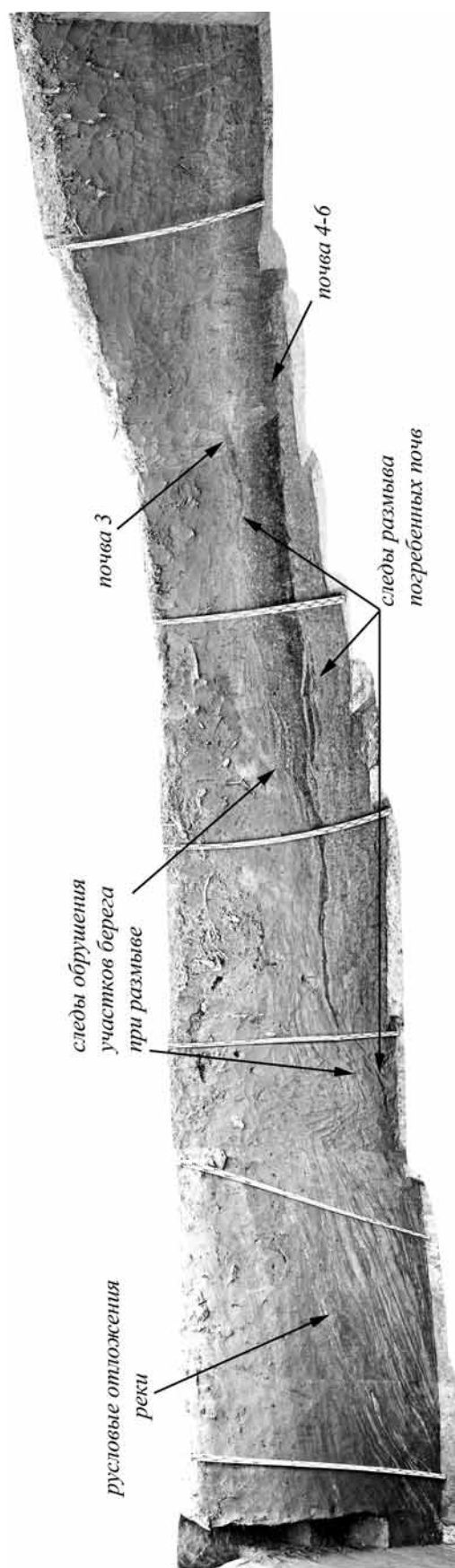

Рис. 9. Раскоп № 39, кв. 1–12. Профиль восточной стенки раскопа. Вид с запада

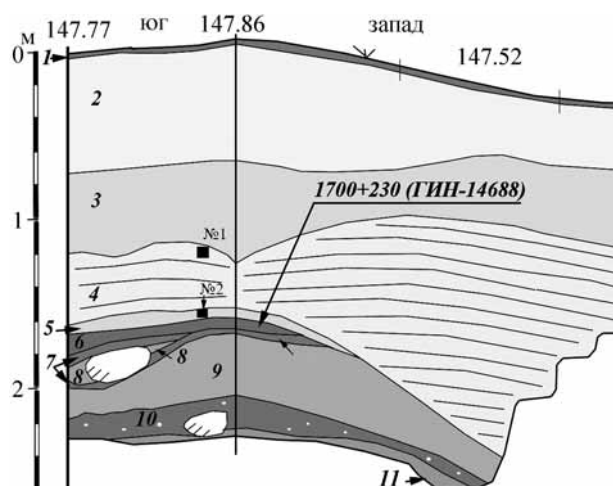

Рис. 10. Шурф № 55, кв. 1–2. Профиль южной и западной стенок квадратов

1 – дерн; 2 – современная почва; 3 – светло-бурая супесь (делювий); 4 – слоистая бурая супесь с прослойками светлого песка (аллювий); 5 – светло-желтый песок; 6 – темно-желтый песок с мелким гравием; 7 – темно-серый суглинок (делювий); 8 – желтый песок; 9 – бурый песок с гравием; 10 – бурая глина с известковыми шариками-журавчиками; 11 – бурая глина с гравием и валунами (морена). № 1 и 2 – образцы песка на OCL-анализ

дает нижнюю (молодую) оценку времени формирования палеорула реки. Из этого слоя был взят образец на радиоуглеродное датирование, показавший дату 1700 ± 230 л. н. (ГИН-14688), что с учетом корреляции указывает на первые века нашей эры, т. е. в археологическом смысле на позднедьяковский период, а в палеопочвенном – на почву 2. Серый суглинок наклонно падает от холма к руслу реки и далее утоньшается и исчезает. Очевидно, он был размыв впоследствии русловыми потоками. Таким образом, ясно, что у подножия монастырского холма русло реки проходило, по крайней мере, уже с эпохи раннего железа.

Уточнить время отмирания этого древнего русла реки и перехода ее в современное русло позволили результаты бурения дна среднего из прудов, расположенного под северо-восточной Дамасской башней (рис. 1). Со дна пруда из нижней части илистых отложений старичной фации аллювия в сумме мощностью 80 см были отобраны образцы ила, давшие радиоуглеродный возраст по общей органике 920 ± 40 л. н. (ГИН-14924)⁸, что

соответствует при учете корреляции древнерусскому времени (XI–XII вв.). Таким образом, можно окончательно констатировать, что русло реки располагалось в данном месте начиная не позднее позднедьяковского времени и заканчивая Средневековьем (с первых веков н. э. и вплоть до XII в.). Общепринятое мнение, что этот участок русла перестал функционировать только в XVII столетии именно в результате отвода русла к северу в связи со строительством так называемого перекопа патриарха Никона, следует отныне считать малодостоверным. Русло реки функционировало у подножия холма вплоть до завершения древнерусского периода; затем оно в результате спрямления, вероятно, под воздействием мощного паводка, перескочило к северу, в его современное положение. Возможно, что следами блуждания реки в последние столетия являются участки древних погребенных русел, выявленных нами в раскопах № 20 и 31–32 в 60 и 200 м к северу от холма (рис. 1) и идущих в направлении на северо-запад от него.

Определение границы древней поймы к северу от реки. Раскоп № 20

Новые результаты были зафиксированы в разрезе северной стенки раскопа № 20⁹. В северо-восточном углу раскопа был заложен контрольный зондаж от самой высокой точки прибрежного насыпного вала мельничной плотины и вплоть до древних русловых отложений (рис. 11). Общая глубина разреза достигла 490 см. Отложения этого разреза делятся на четыре условные фации.

1. Верхняя пачка мощностью 135–145 см относится к периоду от современности до строительства и функционирования мельницы с плотиной (1805 г.). Это разного рода супеси с прослоями песка и гумуса. Низ пачки отложений маркируется слабовыраженным гумусовым горизонтом погребенной почвы с развитым подзолистым подгоризонтом, что говорит, видимо, о лесном типе этой почвы. Вероятно, верх гумусового горизонта почвы был срезан при строительстве мельницы.

2. Под слоем погребенной почвы идут отложения более раннего времени. Характерно, что слои и прослойки этой второй и последующих нижних пачек отложений имеют наклонный

⁸ Устное сообщение Н.Е. Зарецкой (ГИН РАН).

⁹ Здесь исследовались остатки водяной нижебойной («пошвенной») мельницы 1805 г. постройки. Такие сооружения были довольно типовыми на протяжении столетий и простыми по своим техническим параметрам – имелась плотина с лотками для прохода воды, вращавшая своим течением водяные колеса, от которых посредством передаточных механизмов в здании мельницы на берегу приводились в движение жернова или иные механизмы.

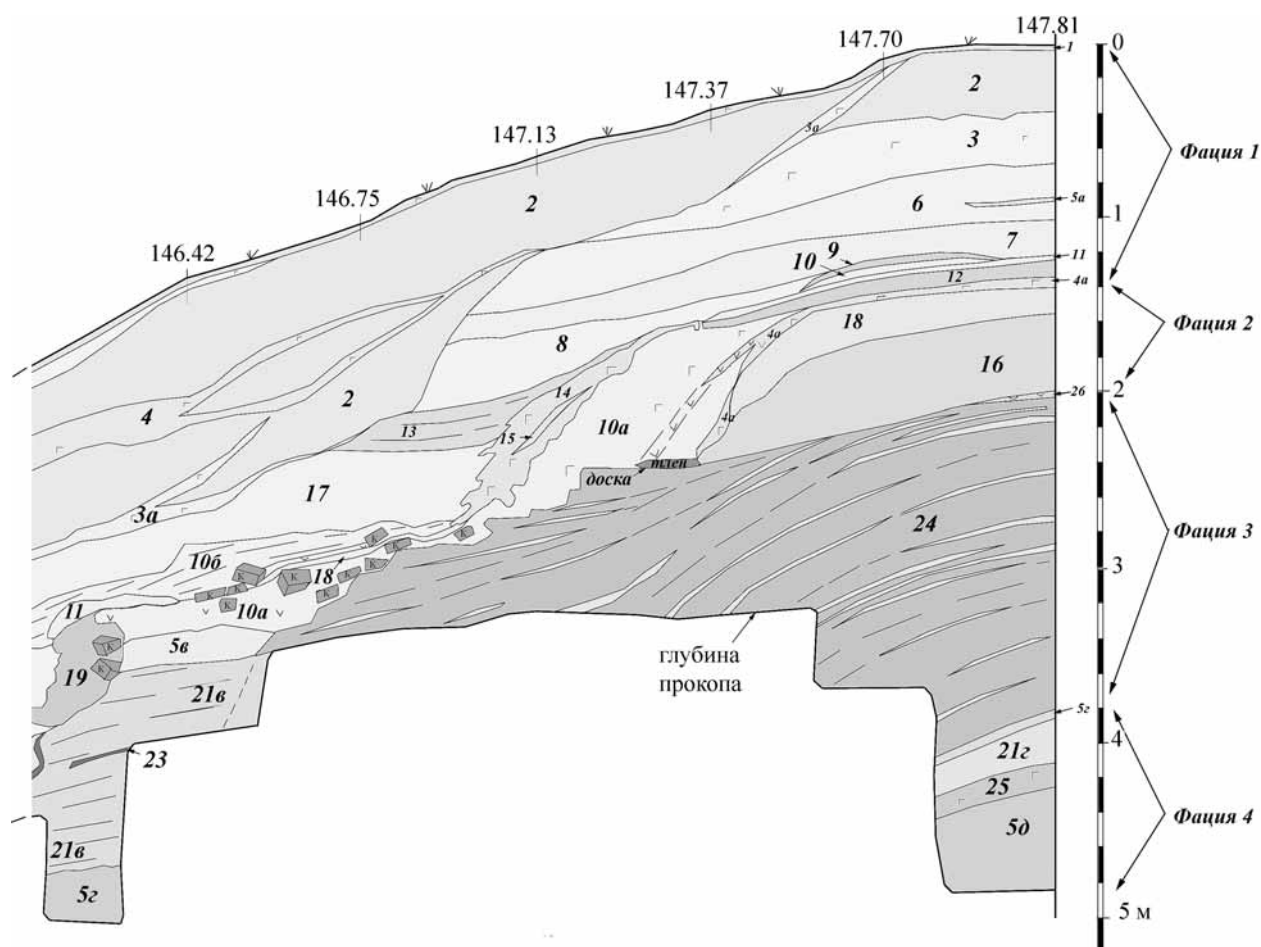

Рис. 11. Раскоп № 20, кв. 18–19. Профиль северной стенки квадратов
 фация 1 – отложения XIX–XXI вв.; фация 2 – покровные суглинки поймы;
 фация 3 – пойменный аллювий; фация 4 – русловый аллювий

характер – с востока на запад, в то время как при нормальном характере отложений близ берега Истры они должны были бы падать с юга на север, к современному краю берега. Данное наблюдение говорит о том, что здесь находился край берега некоего неизвестного нам старого русла реки, по ложу которого впоследствии был частично проведен водоподводящий к мельнице канал начала XIX в. Относится ли это погребенное русло ко времени сооружения никоновского «перекопа», мы не можем ответить утвердительно ввиду отсутствия надежных археологических реперов (в указанном гумусовом горизонте и в нижележащем суглинке были зафиксированы лишь угольки и углистые пятна). Линии береговых кромок этого погребенного русла и водоподводящего канала расходятся в разные стороны на отдалении 15 м к югу от современного берега реки: канал в направлении монастыря отклоняется на юг-юго-запад, а погребенное русло – к югу-юго-востоку. Никаких

определенных следов «перекопа» патриарха Никона, т. е. искусственного русла Истры, на участке раскопа проследить не удалось.

3. Третья пачка отложений разреза (пойменный аллювий) расположена на отметках от 200 до 380 см от поверхности. Она сформирована слоями плотных бурых суглинков ореховатой структуры с полигональным растрескиванием по поверхности и легкой оподзоленностью по трещинам; суглинки перемежаются прослоями песка. По мнению А. Л. Александровского, это, вероятно, следы древнего почвообразования, но протекавшего на значительной глубине – дневная поверхность в то время была выше, поэтому у этих суглинков и нет подзолистого горизонта.

Таким образом, можно предполагать, что данный участок берега реки, протекавшей здесь в древности в направлении с юга-юго-востока на север-северо-запад, являлся участком высокой поймы с растительностью лесного типа. Этот берег

в древности был краем обширного плавного понижения рельефа, идущего с севера, от современного села Никулино, к реке, подступавшей тогда вплотную к монастырскому берегу в районе Дамасской и Ефремовой башен. Выявленное погребенное русло, очевидно, более древнее, нежели русло реки, зафиксированное на чертеже окрестностей монастыря конца XVII в.

4. Четвертая, нижняя пачка отложений разреза расположена на отметках 380–490 см от поверхности и является русловой фацией аллювия. Это желтые крупнозернистые пески, насыщенные водой и перемежающиеся слоями сизого песка и гумусированного (оторфованного) влажного суглинка, под которым идет слой желтого песка с водой, ветками и мелкой галькой. Ниже, на дне разреза, находится слой руслового щебня дна реки.

Можно констатировать, что в районе раскопа № 20 в древности проходило ныне погребенное русло реки (с юго-востока на северо-запад); древние отложения берега реки в то время испытывали периодические процессы почвообразования, но погребенные почвы здесь так и не сформировались в силу мощных паводков, периодически затоплявших пойму. Нынешнее положение русла реки по этой причине выглядит здесь не совсем

естественным, но никаких следов искусственного канала («перекопа») пока не обнаружено.

Выводы

Итак, в результате проведения комплексных археолого-естественнонаучных исследований были достигнуты существенные подвижки в понимании истории формирования поймы р. Истра и монастырского холма, выявлено существование в пойме участков с древними погребенными почвами и участков сравнительно молодого аллювия, лишённого каких-либо признаков почвообразования. Также были предварительно намечены линии расположения нескольких погребенных русел реки. Была в первом приближении реконструирована картина геоморфологических климатических и гидрологических изменений в течение голоцена и даже отчасти доголоценового периода. Получена серия радиоуглеродных и OSL-дат, открывающих новые возможности для сопоставлений и реконструкции палеоклиматических и геоморфологических процессов в долинах крупнейших притоков Москвы-реки. Детально прослежены следы начала и возрастания антропогенного воздействия на ландшафты монастырского холма и монастырской поймы Истры.

Литература

Александровский А. Л., 2008. Погребенные почвы в разрезе поймы р. Москвы у поселка РАНИС// АП. Вып. 4. М.

Витсен Н., 1996. Путешествие в Московию. СПб.

Ершов И. Н., Зеленцова О. В., 2014. Древнейшие находки в Воскресенском монастыре по материалам исследований 2009–2013 гг. В печати.

Кренке Н. А., 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью//РА. № 1.

Кренке Н. А., Лазукин А. В., Алексеев А. В., Ершов И. Н., Кравцов А. Е., Леонова Е. В., 2008. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма//АП. Вып. 4. М.

Кренке Н. А., Александровский А. Л., Войцик А. А., Елкина И. И., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Лазукин А. В., Мазуркевич А. Н., Панин А. В., Кудрявцев А. А., Лавриков М. В., Воронкин В. А., 2012. Новые

исследования 1-й Звенигородской стоянки на Москве-реке//АП. Вып. 8. М.

Меннер В. В., 1930. Описание остатков млекопитающих из межморенных суглинков Одинцова//Тр. общества изучения Московской области. Вып. 4. М.

Низовцев В. А., 2004. Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы//Культура средневековой Москвы. Т. 1. М.

Панин А. В., 2008. Предварительные данные по истории формирования поймы Москвы-реки в районе Успенского – РАНИС//АП. Вып. 4. М.

Радищев А. Н., 1941. Описание моего имения//Полное собрание сочинений. Т. 2. М.–Л.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008. Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС//АП. Вып. 4. М.

I. N. Ershov, A. L. Aleksandrovsky, E. G. Ershova, N. A. Krenke, A. V. Panin

**Istra River floodplain near New Jerusalem Monastery:
natural-archeological aspect of the study**

Summary

Complex archaeological and natural science research in the floodplain of Istra river near New Jerusalem Monastery gave significant progress in understanding the history of the formation of the

floodplain and the monastery hill. The picture of geomorphological, climatic and hydrological changes during the Holocene and pre-Holocene period were reconstructed.

О.Н. Глазунова

Материальные свидетельства начала изразцового производства Ново-Иерусалимского монастыря

Новый Иерусалим считается центром изразцового производства, источником того, что в мировой практике называется «феноменом русского изразца» и связано с именем патриарха Никона. Именно благодаря ему изразцовое искусство на русской земле стало феноменом. До этого времени известны лишь отдельные попытки украсить храмы многоцветными изразцами. Так, в первой половине XVII в. была украшена церковь Троицы в Никитниках, изразцы для которой изготовили приглашенные специально для этого белорусские мастера. Кутеинские старцы, по-видимому, способствовали разноцветью убранства Иверского Валдайского монастыря. Дальнейшего развития эти попытки не имели. Да и сами по себе они представляли собой лишь исполненную в полихромном варианте традицию украшения стен цветными вставками¹. Есть множество примеров использования подобным образом муравленых изразцов, а еще ранее – керамических плит (*Хворостова, Шейченко*, 2010. С. 180–200; *Баранова*, 2011, 2013; *Маслих*, 1976; 1983; *Розенфельдт*, 1962). В XVI в. зарубежные мастера выполнили знаменитые изразцовые иконы Борисоглебского собора в Старице (*Кавельмахер, Чернышев*, 2008; *Жизневский*, 1888). Но это, пожалуй, совсем другая история.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что, приступая к строительству Ново-Иерусалимского монастыря, патриарх Никон оказался на *terra incognita*. Он и сам, видимо, не очень четко представлял себе, что именно хочет получить в результате, а главное, как это следует делать.

Собрав на территории стройки всех мастеров-изразечников, каких смог найти в то время, патриарх поставил перед ними задачу в самом общем виде. В ранних слоях монастыря обнаруживается археологическое подтверждение этому: свидетельство начального этапа развития изразцового производства, своеобразная материализация процесса поисков подходящего решения.

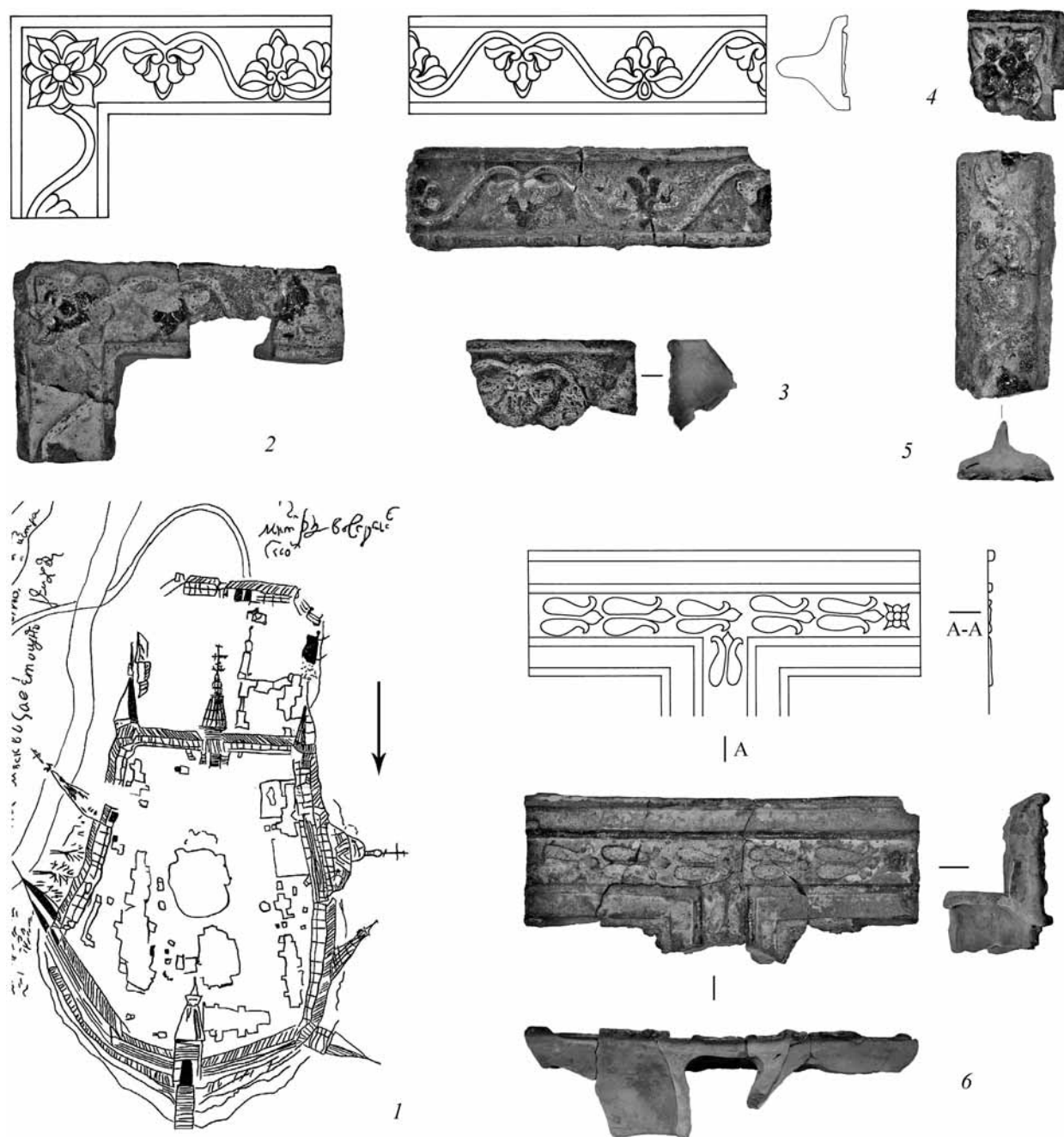
В данной статье будут представлены материалы раскопок Ново-Иерусалимской экспедиции, работающей на территории монастыря с 2009 г. по настоящее время под руководством Л. А. Беляева. В основном это те изразцы, которые украшали самые первые строения монастыря, по большей части не сохранившиеся.

Обратимся к остаткам деревянной Трехсвятительской церкви, поставленной Никоном на южной стене монастыря и, по-видимому, погибшей в пожаре. Церковь упоминается в переписной книге Московского уезда 1678 г. (*Леонид (Кавелин)*, 1867, С. 147) и изображена на первом плане монастыря с окрестностями конца XVII в. (РГАДА, ф.1209, Вотчинная записка, 19192) (рис. 1, 1) От нее мало что сохранилось. И в числе немногочисленных остатков – горелые изразцовые рамки: углы и прямые стороны рамок. По форме это изразцовые перемычки – румпа расположена по всей длине пластины посередине и представляет собой узкую полосу (рис. 1, 2–5)². Ширина рамок – 6,0 см. Рисунок – растительный узор с узкой рельефной полосой по краю, т.е. фактически это узкорамочный изразец. Изразцы полихромные. К сожалению, так

¹ Можно упомянуть еще церковь Николая Чудотворца на Берсеневке, украшенную полихромными печными изразцами.

² Прорисовки изразцов к этой статье выполнены С. В. Борзовой и М. И. Ходченковым (ИА РАН); рисунки реконструкций процесса производства – М. И. Ходченковым.

Рис. 1. Изразцовый декор церкви Трех Святителей

1 – церковь Трех Святителей на плане монастыря XVII в. (Вотчинная записка. РГАДА. Ф. 1209. № 19192);
2, 4 – угловые элементы рамок; 3, 5 – длинные стороны рамок; 6 – Т-образный элемент

как все они горелые, точно воспроизвести расколеску деталей довольно затруднительно.

Особо отметим, что такой же (до мельчайших деталей) узор повторен в рамке белокаменного надгробия третьего настоятеля монастыря — о. Акакия (и тоже раскрашен в разные цвета). То есть мы видим перед собой прямое доказательство использования одного и того же исходного

рисунка как резчиками белого камня, так и резчиками изразцовых досок (рис. 2).

Помимо углов и прямых полос в развале были найдены Т-образные элементы соединения двух соприкасающихся рамок. Румпа у этих изразцов коробчатая. Ширина рамки составляет 11,5 см, из которых 6,0 см посередине – это собственно рисунок с узкой рельефной полоской по краям,

Рис. 2. Аналогичные элементы в каменной резьбе и на изразцах (см. цв. вкл.)

1 – фотография надгробной плиты архимандрита Акакия и прорисовки узора изразцовых рамок; 2 – фотографии изразцов; 3 – фотографии элементов резной рамки надгробия со следами покраски

а по сторонам одинаковые дополнительные «пустые» незаполненные каемки также с узкой рельефной полосой по краям. Узор рисунка растительный, но иной – стилизованные цветочные бутоны (рис. 1, б).

Можно предположить, что это были изразцовые рамки, своеобразный керамический киот для икон Трех святителей, прообраз будущих иконостасов Воскресенского собора. В дальнейшем на протяжении второй половины XVII в. этот прием будет широко использоваться как никоновскими

изразечниками, так и более поздней московской мастерской братьев Старцевых, но уже в совершенно барочной форме (Баранова, 2011. С. 263; Баранова, 2013. С. 110; «Новый Иерусалим», 2010). Здесь же мы видим первую попытку подобного использования керамики. Самые простые формы, безыскусные, но очень изящные узоры и фактически еще печные изразцы как по размеру, так и по технике исполнения, хотя уже и непривычной конструкции. Два варианта исполнения – более широкий с корбчатой румпой и более узкий с румпой,

Рис. 3. Надкладная часовня

1 – фундаменты часовни; 2 – сохранившийся *in situ* изразец входного портала

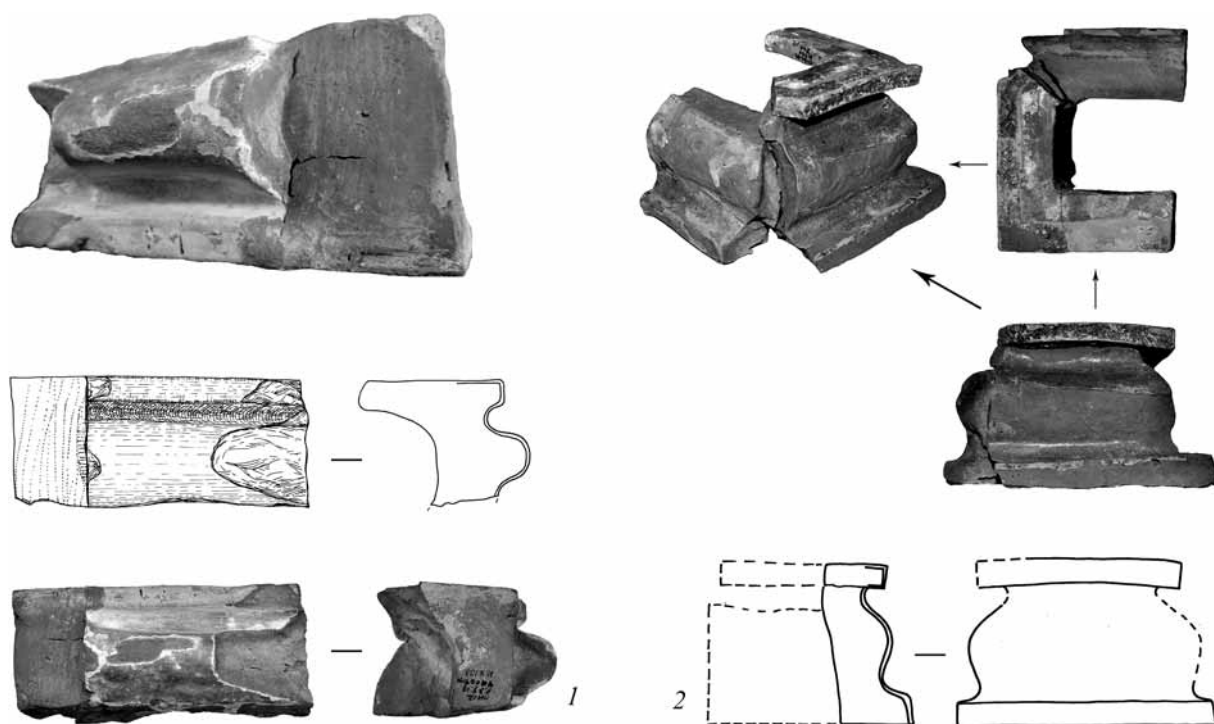

Рис. 4. Элементы изразцового декора надкладной часовни (см. цв. вкл.)

1 – валик; 2 – основание столба

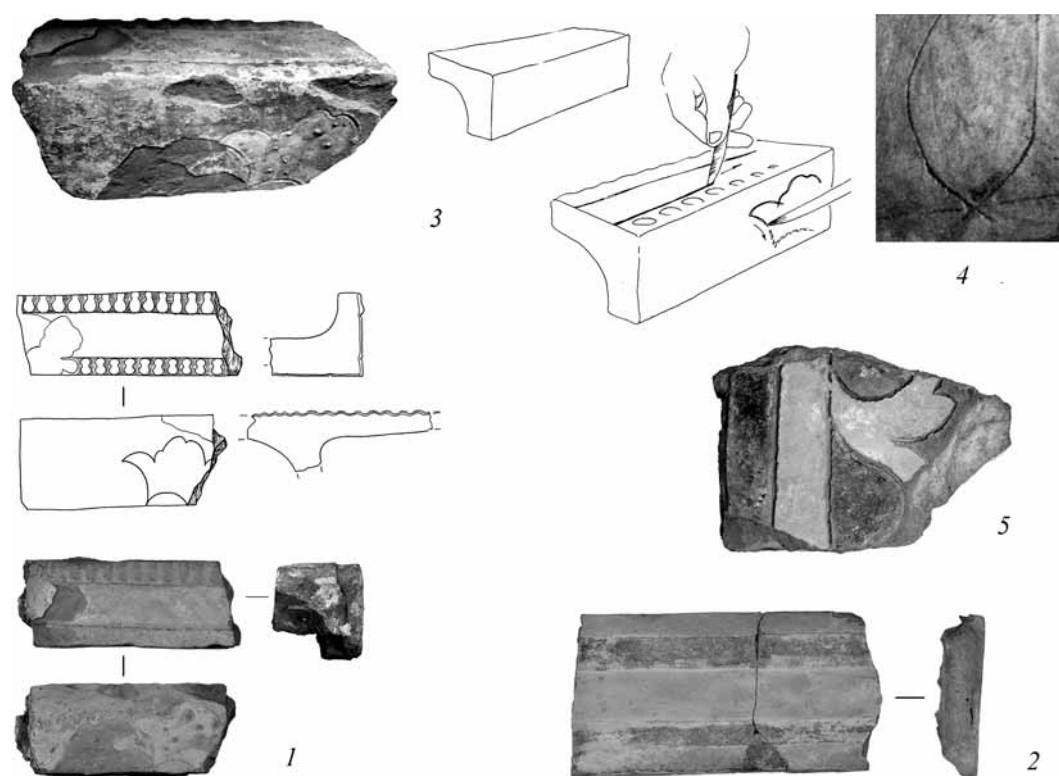

Рис. 5. Изразцы декора надкладной часовни, выполненные с использованием «силезской» методики (см. цв. вкл.)

1, 2 – изразцы часовни; 3 – схема нанесения узора; 4 – фрагмент фрески, выполненной в той же методике (фреска Успенской церкви Свяжска); 5 – фрагмент буквы изразцовой надписи Воскресенского собора

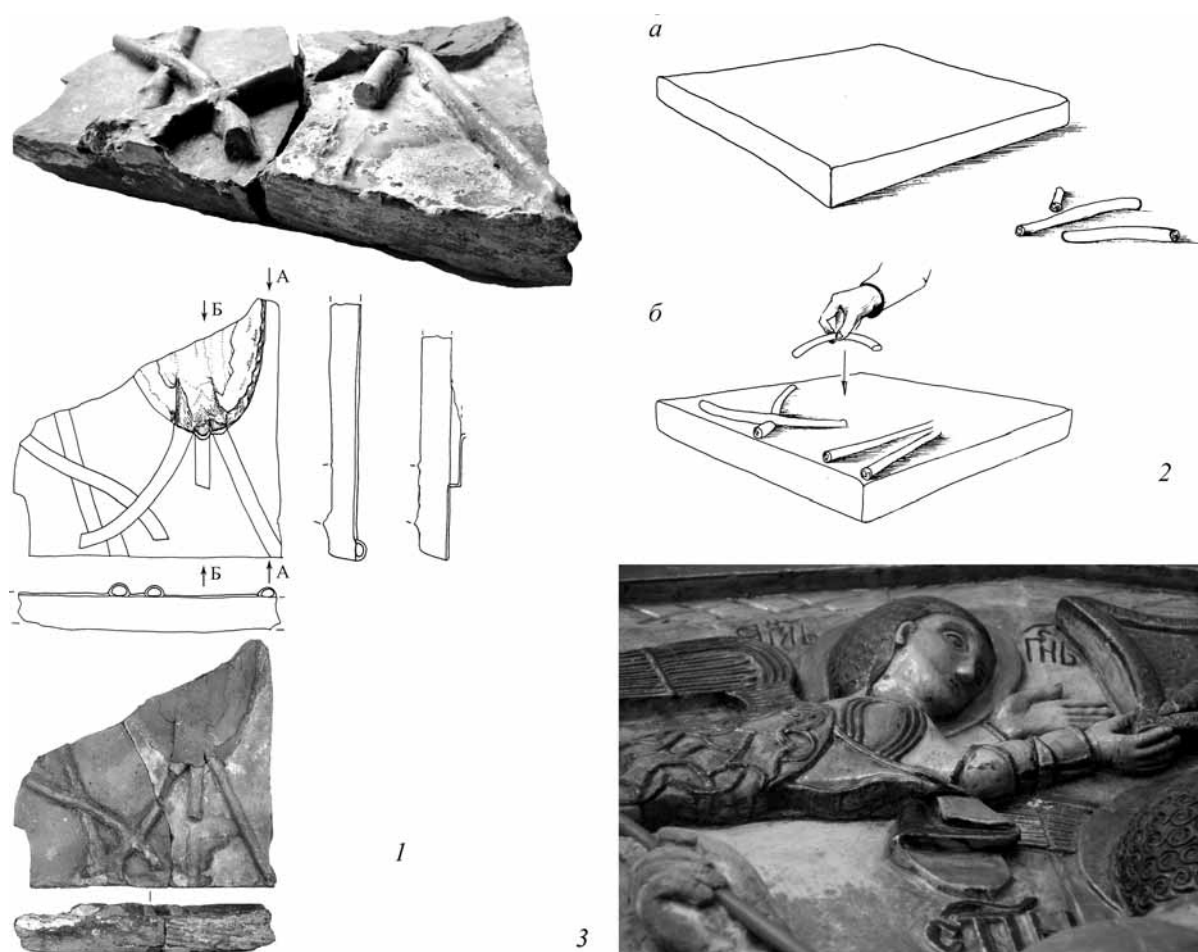
повторяющей румпу перемычки, – демонстрируют разные подходы к способу крепления изразцовых деталей. Можно предположить, что иконы, для обрамления которых использованы керамические рамки, стояли в разных частях церкви. Возможно, одни были частью иконостаса, а другие вынесены на внешнюю стену.

Второе украшенное изразцами строение – водосвятная часовня «Колодец ангела», упоминаемая в церковной описи 1669 г. как «колодез», на котором «сделана палатка камена» (Леонид (Кавелин), 1867. С. 152). Небольшое изящное строение было подмыто подземными водами, фактически сложилось пополам и было разобрано до уровня нижних рядов кладки цоколя (затем поверх него выстроили дворец, под фундаментом которого ушла южная стена часовни) (рис. 3, 1). *In situ* сохранились лишь нижние изразцы входного портала (рис. 3, 2). В заполнении часовни изразцов было немного – отдельные обломки, что неудивительно, учитывая общую аккуратность разборки. Однако даже то, что было брошено на месте как негодное, открывает целую страницу истории изразцового дела. Сразу скажем о тесте. Тесто архитектурных израз-

цов часовни «Колодец ангела» довольно плотное и содержит гораздо меньшее количество примесей, нежели тесто архитектурных изразцов собора, т. е. ближе по составу к тесту печных изразцов. Цвета полив более светлые: вместо глубокого темного оттенка кобальта, создающего основу тона изразцового декора Воскресенского собора, здесь использован светло-синий, почти голубой цвет. Значительно светлее выглядит и желтая полива.

Весь сохранившийся комплекс изразцов надкладной часовни можно разделить на несколько типов.

Первый тип только внешне выглядит как изразцы. На деле это лекальные (профильные) кирпичи сложной формы, покрытые разноцветными поливами. К ним относится уже упоминавшийся изразец основания портала и валик с полочками, обрезанный по краю валика уже после формовки, – по-видимому, для подгонки к другим изразцам в композиции (рис. 4, 1). Наличие его позволяет предположить подгонку по месту (как часто делают при облицовке изразцами печей, но крайне редко при изготовлении архитектурного декора). В дальнейшем этот прием – глазуровка лекальных кирпичей – будет

Рис. 6. Изразцы декора надкладной часовни, выполненные скульптурным методом (см. цв. вкл.)

1 – изразцы часовни; 2 – схема исполнения рисунка; 3 – фрагмент изразцовой иконы Старицкого собора с аналогичными элементами декора (икона св. Георгия в настоящее время находится в Успенском соборе г. Дмитрова. Фото А.В. Яганова)

широко использоваться при строительстве Воскресенского собора, где только половина всех изразцовых валиков действительно изразцовая, а половина (а может быть, и больше, тут подсчет вести весьма сложно) – все те же лекальные кирпичи.

Второй тип – фигурное основание колонки или столба (рис. 4, 2). Здесь мы видим, как искомая трехмерная форма создается из нескольких изогнутых пластин, соединенных, слепленных вместе вручную. Сверху на них положена еще одна плоская пластина-полочка, служащая основанием для следующей детали.

Третий тип – пластины, где для разделения участков, покрытых поливами разных цветов, использована «силезская» методика глубокого прочерчивания краев участков (рис. 5, 3, 4). Найдена плоская пластина с параллельными линиями узоров и угловой изразец, на котором в силезской методике выполнен довольно сложный узор (ко-

рона?) (рис. 5, 1, 2). Этот метод в дальнейшем использоваться почти уже не будет – только для части изразцовых надписей собора (рис. 5, 5).

Четвертый тип наиболее интересный. Найдены два фрагмента, склеившихся в результате в один, где поверх плоской изразцовой пластины наклеплены перекрещивающиеся круглые полоски, на которых есть следы от наклепленной поверх их кончиков детали (рис. 6, 1, 2). Такая методика исполнения рисунка была применена при изготовлении икон Борисоглебского собора в Старице (рис. 6, 3). Известно, что при строительстве Ново-Иерусалимского монастыря использовался привезенный отсюда материал. В частности, при раскопках Ново-Иерусалимской экспедиции найден фрагмент белокаменного портала старицкого собора и отдельные обломки изразцовых деталей. Возможно, и в данном случае мы имеем дело с попыткой подражания манере исполнения керамических икон XVI в.

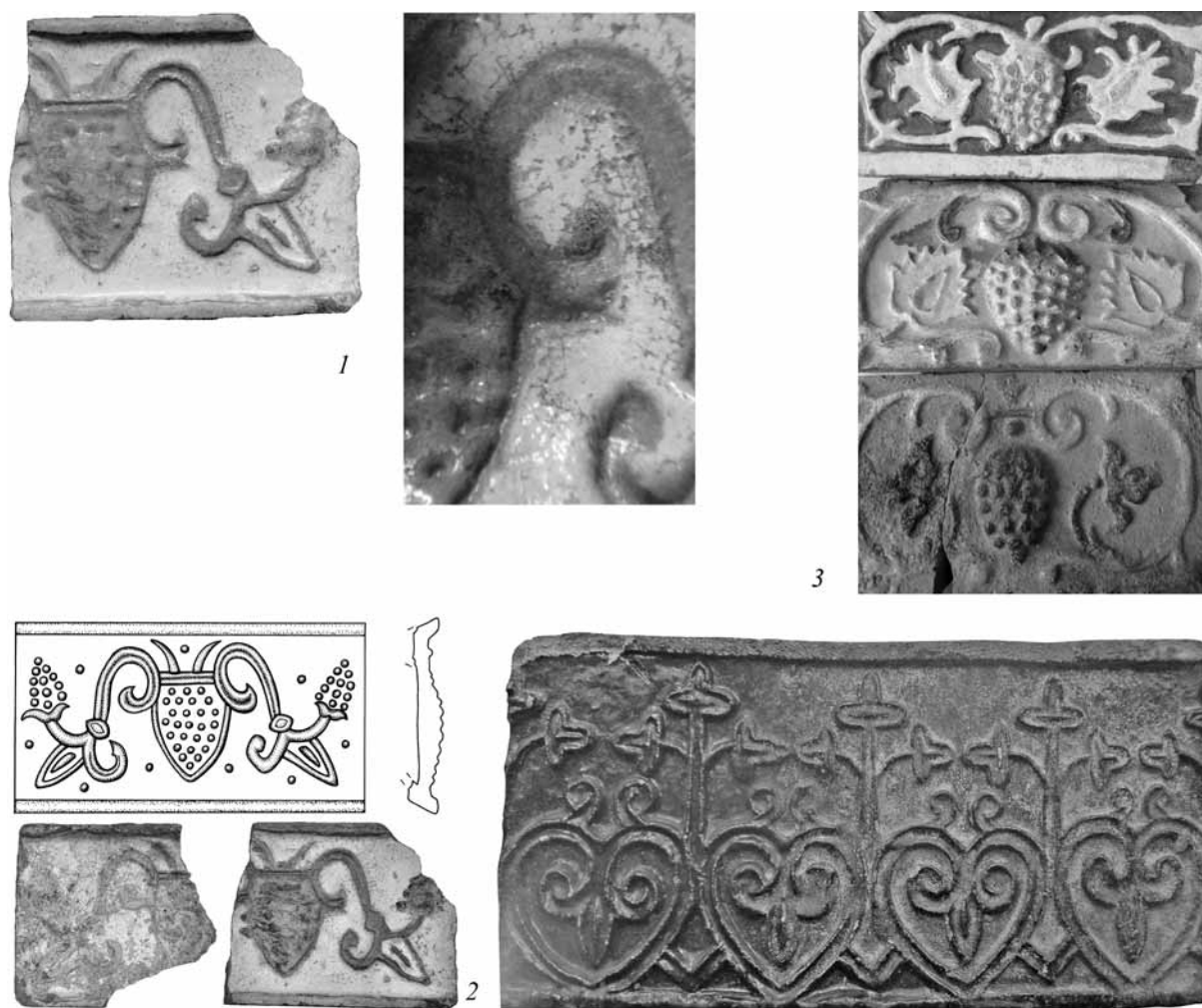

Рис. 7. Декоративный фриз надкладной часовни (см. цв. вкл.)

1 – изразцы надкладной часовни, выполненные методом «клуазоне»; 2 – керамическая плита из московской Гончарной слободы (по: Баранова, 2011. С. 47); 3 – печные поясковые изразцы с аналогичным рисунком

Пятый тип – изразцовая плитка (без румпы). Это поясковые изразцы, очень похожие на печные (рис. 7, 1, 3). По-видимому, из них был составлен фриз интерьерного убранства часовни. В данном случае для разделения цветов применен метод «клуазоне» в его самой простой ранней форме. Края разноцветных участков высоко подняты, своим рельефом разделяя поливы. Манера исполнения рисунка, отдельные его элементы и сами высокие прямые перегородки напоминают поливные изразцовые плитки, найденные в московской гончарной слободе (рис. 7, 2) (Дзвонковский, 1993. С. 197; Баранова, 2013. С. 47). Метод «клуазоне» использовался при изготовлении изразцового декора Нового Иерусалима очень широко. Однако это уже совершенно иная ступень мастерства: слегка приподнятые края, разновысокость рельефа несравни-

мы по сложности и продуманности замысла и исполнения с найденным нами простеньким фризом.

Таким образом, в декоре часовни «Колодец ангела» был использован даже не один, а несколько различных способов изготовления полихромных изразцов, т.е. поиск подходящей методики шел в разных направлениях и довольно успешно. Однако то, что подошло для украшения небольшого строения, вряд ли могло быть успешно применено при строительстве огромного собора.

Вернемся к церкви Троицы в Никитниках. В качестве цветных вставок там взяты обычные печные изразцы с весьма распространенным в то время на территории княжества Литовского растительным узором (рис. 8, 2). Подобные изразцы есть и в археологической коллекции Ново-Иерусалимской экспедиции (рис. 8, 1). Рисунок несколько

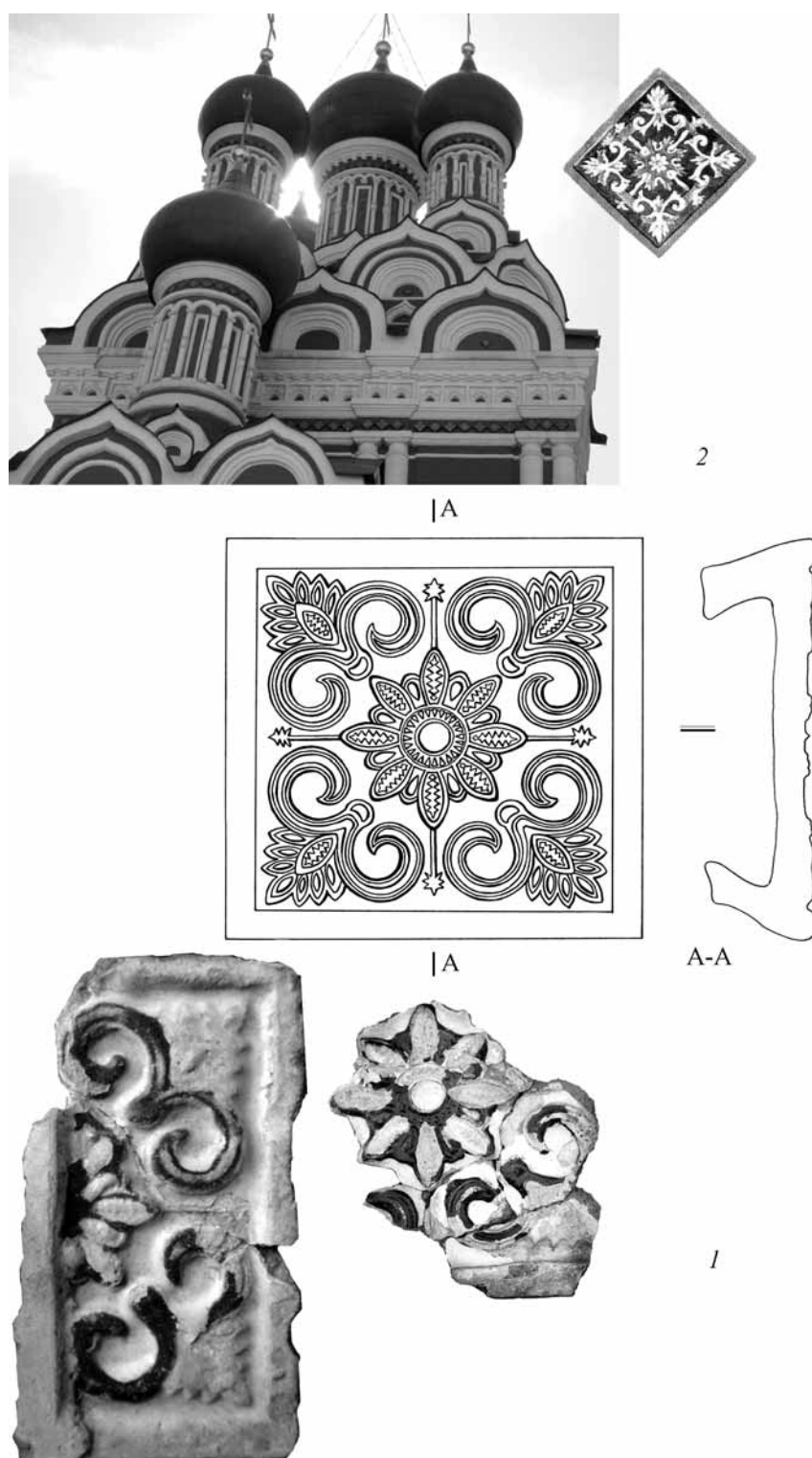
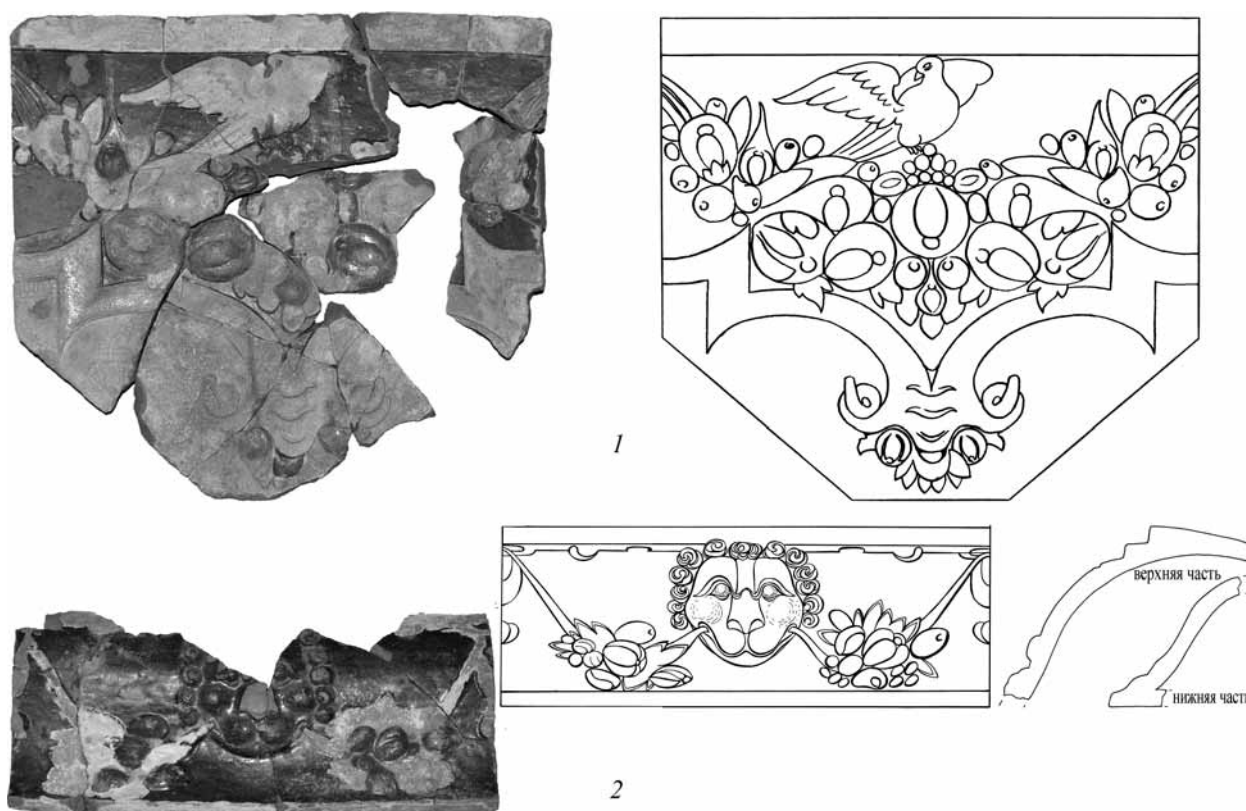

Рис. 8. Новоиерусалимские аналогии декора церкви Троицы в Никитниках

1 – изразцы из раскопок в Ново-Иерусалимском монастыре;
2 – изразцы церкви Троицы в Никитниках (по: Баранова, 2006. С. 103)

Рис. 9. Неизвестные архитектурные изразцы Ново-Иерусалимского монастыря (см. цв. вкл.)

1 – подзор с голубем; 2 – сложнопрофилированный карниз с изображением льва, держащего в пасти гирлянду фруктов

отличается в деталях, при сравнении он выглядит так, словно его пытались воспроизвести по памяти. Однако нет никаких сомнений, что мотив тот же. Ни один из найденных экземпляров не использовался в кладке. По-видимому, от этой идеи отказались, едва получив первые экспериментальные образцы.

С. И. Баранова обратила внимание, что изразцы, которыми украшен столб Голгофы, фактически являются печными. (Баранова, 2002. С. 230). При их складывании образуется ковровый узор из равноконечных крестов и восьмилучевых звезд. Из-за предпочтения вкусов заказчика этот рисунок стал чрезвычайно популярным в церковной и монастырской практике и использовался в равной степени как в архитектуре, так и в качестве основного рисунка печных зеркал. В декоре же Нового Иерусалима он более нигде не встречается.

На этом мы закончим перечень примеров первых экспериментов по изготовлению архитектурных изразцов в Ново-Иерусалимском монастыре. Возможно, что этот список далеко не полный, но это все данные, которыми располагает археология на сегодняшний день. В целом можно сказать,

что поиски новых методов изготовления двигались по трем направлениям: во-первых, это ставшая традиционной попытка приспособить для архитектурных нужд обычные печные изразцы, может быть, только несколько большего размера; во-вторых, использование в том же качестве сложно-профилированных кирпичей и, в-третьих, изготовление рельефного рисунка скульптурным методом – фактически ручная лепка изображения. Ни один из этих методов, кроме разве что отдельных примеров использования лекальных кирпичей, в дальнейшем не применялся. Массовое производство изразцов было организовано Петром Заборским по совершенно иному принципу. От раннего этапа монастырского строительства остались лишь археологические свидетельства – материальные следы поисков путей приспособления керамических изделий к украшению архитектурных сооружений.

Есть еще одна интереснейшая тема, материал для которой может предоставить археология. Это незавершенные замыслы, невоплощенные идеи, т.е. те изразцы, которые были изготовлены, но по каким-то причинам не попали в конечный вариант и поставлены в соборе не были. Сейчас

мы можем только строить более или менее достоверные гипотезы об их предполагаемом месте в декоре. Причем помимо одиночных фрагментов, происхождение которых может быть спорно, материалы археологических раскопок предоставляют нам две довольно крупные серии подготовленных, но не установленных в соборе изразцов. Основными источниками неизвестных прежде изразцов служат, во-первых, раскопанные на протяжении нескольких сезонов развалины сооружения в юго-восточной части монастыря, где хранились изразцы, подготовленные к установке, и, во-вторых, развалы керамического брака, сброшенные в монастырский ров также в юго-восточной части территории.

Наиболее крупных по количеству зафиксировано две серии.

Во-первых, это подзор с голубем (рис. 9, 1). Не касаясь семантики изображения³, опишем сам изразец. Это крупный подзор сложной формы с прямоугольной верхней половиной и трапециевидной, сужающейся книзу нижней частью, выполненный монолитным изразцом (в отличие, например, от подзора фриза «Павлинье око», составленного из трех отдельных изразцов) шириной в самой широкой верхней части 47,0 см и высотой 44,0 см. На льющемся с обеих сторон обильном потоке цветов и фруктов сидит, расправив крылья, голубь. Мотив фруктовой гирлянды в декоре Воскресенского собора повторяется неоднократно (это и просто фриз с гирляндой фруктов, и «рог изобилия», и портал с тем же рисунком, и фоновые фризовые изразцы с гирляндой и кистью и т.д.). Од-

нако не известно ни одного изображения голубя. Нигде не используется и форма подзора. Найдено как минимум четыре готовых подзора и пять заготовок. В пару к подзору идет узкий вертикальный изразец, длина стороны которого как раз совпадает с прямой верхней частью подзора. Этот изразец также в соборе не встречается, хотя есть один экземпляр со следами установки.

Второй комплект изразцов, по-видимому, готовился для интерьера. Это карниз сложной формы с изображением морды льва, держащего в зубах все ту же фруктовую гирлянду (рис. 9, 2). Изображение довольно мелкое. Найдено два готовых изразца и некоторое количество (более шести) заготовок.

Помимо серий есть единичные ранее неизвестные экземпляры: это изразец с изображением рака, колонка с написанной датой (1691 г. в переводе на современное летоисчисление), изображения ангелов, фрагменты керамических икон и некоторые другие.

Изучение неизвестных ранее изразцов может дать ключ к пониманию первоначального замысла Никона. Ведь достраивался монастырь уже после его опалы и смерти – без него. Очевидно, что не все замыслы патриарха получили воплощение: некоторые были искажены, иные вовсе забыты. Однако, как это ни удивительно, они не пропали вовсе, а сохранились в монастырской земле до нашего времени и снова увидели свет в результате проведенных археологических исследований. Возможно, часть из них получит новое воплощение в процессе реставрации монастыря.

Литература

Баранова С. И., 2002. «Разсадник изразцового дела». К вопросу о новоиерусалимских аналогиях в московском изразцовом декоре // Никоновские чтения. М.

Баранова С. И., 2011. Русский изразец. М.

Баранова С. И., 2013. Московский архитектурный изразец XVII в. М.

Гришин В. П., 2002. История изучения и реставрации изразцового убранства Воскресенского со-

бора Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения. М.

Дзванковский С. Л., 1993. Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI века // КМИ. Вып. 5. Ч. 2. М.

Жизневский С. К., 1888. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г. Тверь.

Зеленская Г. М., 2002. Святыни Нового Иерусалима. М.

³ Об этом см.: Зеленская, 2002.

Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б., 2002. Древний Борисоглебский собор в Старице. М.

Леонид (Кавелин), архимандрит, 1867. Историческое описание Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. М.

Леонид (Кавелин), архимандрит, 1876. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1656 по 1759 г. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М.

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.

Новый Иерусалим: Альбом-антология. М., 2010.

Розенфельдт Р. Л., 1962. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме // СА. № 3.

Хворостова Е. Л., Шейченко Е. Н., 2010. Рельефные поливные одноцветные (муравленные) фасадные изразцы XVII века // ТТЗ. Вып. 6. Тверь.

O. N. Glazunova

Material evidence of the beginning of the tile production in New Jerusalem Monastery

Summary

The article tells about the beginning of manufacturing tiles in New Jerusalem Monastery and about the ways of formation an architectural tile production.

Three main areas of the early stage of this production were identified: based on the stove tiles, glaze of circle brick and sculptural technique.

А. Г. Векслер, Ю. А. Лихтер

Об одном виде клейм на стеклянных штофах XVIII века

В позднесредневековых слоях Москвы и других русских городов нередко встречаются стеклянные штофы, на плечиках которых расположены клейма (рис. 1, 1). Они представляют собой стеклянные округлые пластины с бортиком, в центре которых размещается изображение. Диаметр клейма колеблется от 2,5 до 3,5 см, толщина – от 0,2 до 0,3 см. Пластины выполнены из того же стекла, что и сами штофы. Цвет стекла – различные оттенки зеленого цвета. Делались они следующим образом: при изготовлении штофа на его плечико накладывали стеклянную каплю, которую затем отпрессовывали специальным штампом. На примере находок из раскопок Археологической службы г. Москвы рассмотрим несколько сюжетов, связанных с клеймами XVIII в.

Клейма на большинстве штофов имеют два варианта надписей – либо «LONDON» (рис. 2), либо «DANZIG» (рис. 3). Над надписью располагается корона. Под надписью «LONDON» иногда буквы М*М. В клеймах с надписью «DANZIG» под ней – изображение шестиконечной звезды. Лишь однажды нам встретилось клеймо с надписью «DEMENKI» (рис. 1, 2). Помимо материалов Археологической службы г. Москвы аналогичное клеймо известно среди находок Института археологии РАН на Романовом дворе (Смирнова, 2009. С. 147). Кроме того, Е. П. Смирнова приводит изображение штофа с аналогичной надписью из собрания ГИМ (Смирнова, 2009. С. 147). Интересно, что сам сосуд украшен росписью в народном стиле. За пределами Москвы нам известны находки клейм «LONDON» в Липецке (Лихтер, 2010. Рис. 2, 4) и Казани (Кайсин, в печати. Тип 8).

По стратиграфии, все описываемые клейма относятся к слоям XVIII в. Сложнее определить место производства. На первый взгляд все кажется

ясным: названия городов на клеймах должны отражать место производства штофов. Однако более внимательный взгляд показывает, что эти надписи нанесены с ошибками – вместо «LONDON» пишут «LONDO» (рис. 2, 2) или «ONDO» (рис. 2, 1, 3), «DANZIG» пишут еще более неграмотно (рис. 3, 1). Особенно интересно одно клеймо: при создании штампа выгравировали «ONDO», но затем спохватились и между короной и текстом поместили горизонтально букву «L» (рис. 2, 1). На клейме из Липецка буква «L» помещена выше прочих. Очевидно, эти клейма наносили там, где мастера не знали правильного написания названий городов.

В связи с этим интересны соображения Н. А. Ашариной: «Некоторые ориентиры в этом вопросе дают находки школьников во главе с Н. Н. Акимовым на месте бывшего завода Г. Г. Бибикова в с. Пустошь Шатурского района Московской области. Среди найденных ими на месте завода фрагментов особое место занимали лепные клейма с самыми различными оттисками, которые практически не повторялись. Исключения составляли клейма с надписью “London”. Подобное клеймо, неоднократно встречаемое на штофах из разных музейных собраний, побуждало их хранителей, а также Б. А. Шелковникова видеть в них изделия английского происхождения. Данная находка окончательно убедила в том, что, во-первых, штофы с подобными оттисками – отечественного производства, а во-вторых, сами клейма на штофах не являются маркой производителя стеклянных изделий» (Ашарина, 1990. С. 55). Н. А. Ашарина не указывает времени работы этого завода, но известно, что частные стекольные мануфактуры, за исключением Духанинского завода Юлия Койета, появляются в России не ранее XVIII в.

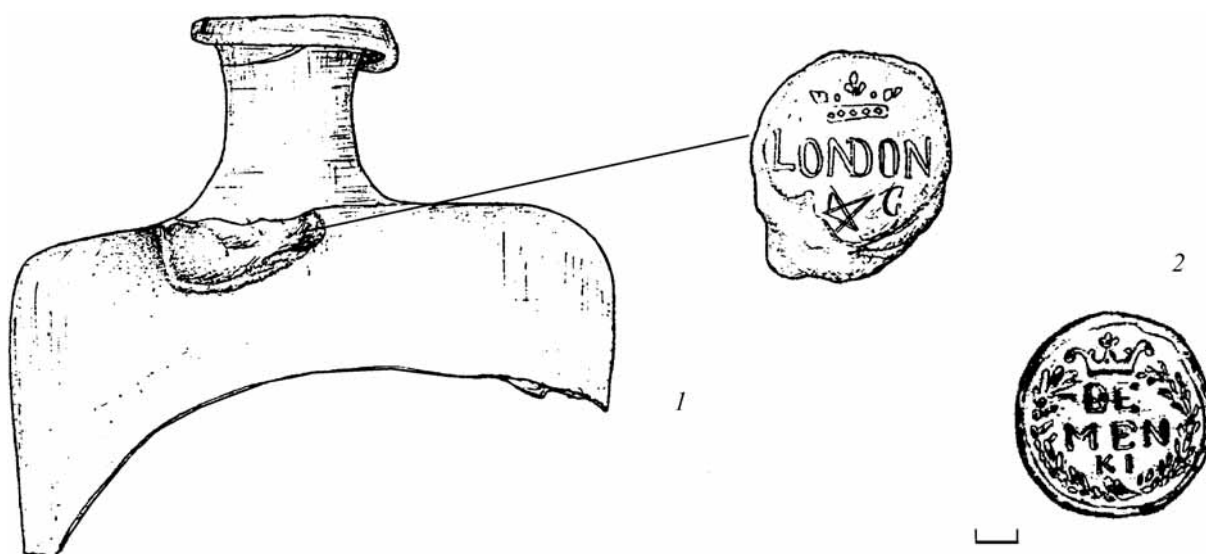

Рис. 1. Примеры стеклянных клейм

- 1 – верхняя часть штофа с клеймом (Москва, Голицынский пер., 13, 1997 г. раскоп 1, № 11);
2 – клеймо с надписью «DE MENKI» (Москва, Гагаринский пер., 5–7, 1999 г., № 11)

Рис. 2. Клейма с надписью «LONDON» из Москвы (работы Археологической службы г. Москвы)

- 1 – Сеченовский пер., 3. 1998 г., шурф 1, № 30; 2 – Манежная пл. 1993 г., раскоп 8, № 91;
3 – Манежная пл., 1993 г., раскоп 8, № 98

Рис. 3. Клейма с надписью «DANZIG» из Москвы (работы Археологической службы г. Москвы)

- 1 – Манежная пл., 1993 г., раскоп 8, № 54; 2 – Манежная пл., 1995 г., Моисеевский монастырь, № 69

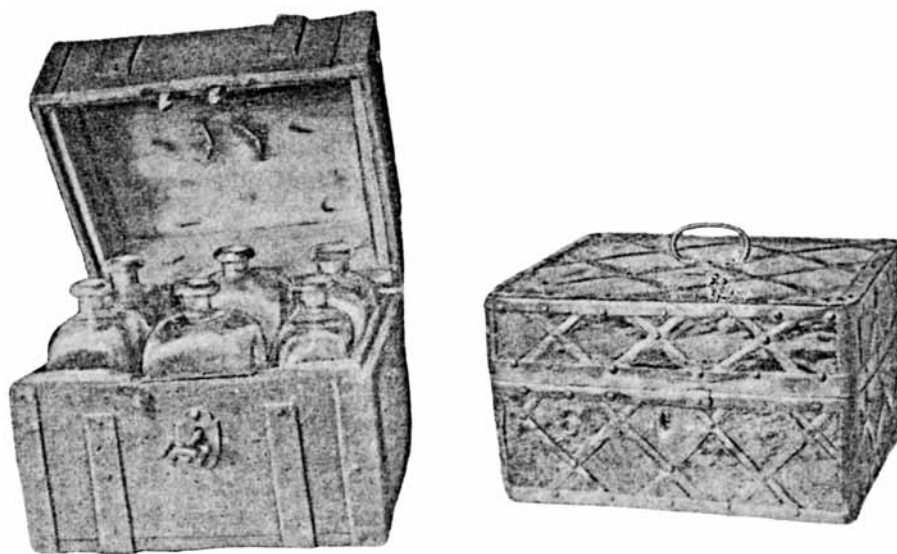

Рис. 4. Деревянная шкатулка со вставленными штофами (по: Рожанківський, 1959. Рис. 36)

Учитывая вышесказанное, можно предполагать, что первоначально штофы с подобными клеймами были импортом, однако в дальнейшем по неясным причинам в России возникло производство штофов с клеймами-подражаниями. По-видимому, все клейма с ошибками можно рассматривать как российское производство XVIII в.

Возникает также вопрос о назначении описываемых штофов. В XVIII в. для перевозки жидкостей использовались преимущественно бочки. Бутыли для транспортировки вин появились не раньше конца XVII в., и разливали в них лучшие виноградные вина (McNulty, 1972. Р. 146). Все они имели округлое тулово, и эволюция их формы рассмотрена детально Р. Макналти (McNulty, 1972). По мнению того же автора, в XVII в. бутылки использовались не для транспортировки вина, а для подачи на стол вина из бочек, хранящихся в погребе (McNulty, 1972. Р. 146). Для сервировки стола предназначались и нарядные расписные штофы. Вероятно, что часть крепких спиртных напитков – разнообразные наливки и настойки – привозили в стеклянной таре. Для этого служили, в частности, штофы со свинцовым горлом и закручивающейся крышкой, а также штофы со стеклянной нитью (упором), навитой на горло с отступом от края. Упор не давал стекать сургучу, которым запечатывали штоф поверх пробки.

В. Н. Захаров детально проанализировал документы архангельской таможни и составил список товаров, привозившихся в Россию западноевропейскими купцами в начале XVIII в. Там значатся как виноградные вина, так и крепкие спиртные на-

питки – водка венгерская, водка коричневая, водка «мунгальская». В то же время среди посуды и утвари автор выделяет сулейки (бутылки), которые привозили сами по себе, без содержимого (Захаров, 1996. С. 327).

Вероятно, для подачи на стол использовался штоф из собрания ГИМ. Однако это единственный известный нам случай, когда на штоф с клеймом нанесли роспись. Возможно, штоф был расписан позднее, не там, где он был произведен, а там, где использовался. В целом штофы с рассматриваемыми нами клеймами никак не могут быть названы нарядными. Они сделаны из грубого толстого стекла различных оттенков зеленого цвета, что свидетельствует об отсутствии очистки сырья для производства стекла от окислов железа.

Скорее всего, штофы с указанными клеймами использовались для водки. С другой стороны, в русских кабаках водку продавали либо бочками (на вынос), либо распивочно (чарками). Лишь с середины 80-х годов XIX в. водку начинают фасовать в бутылки (Похлёбкин, 1991. С. 196). Однако штофы могли использоваться при перевозке водки для личных нужд. Как пишет В. Ф. Рожанковский, у украинской казацкой верхушки в XVIII в. были популярны дорожные деревянные шкатулки для перевозки плоских стеклянных бутылей (Рожанківський, 1959. С. 98, 99. Рис. 36 – рис. 4). Правда, на штофах, приведенных в работе В. Ф. Рожанковского, нет клейм, и форма у них не совсем такая, как у штофов с клеймами. Вероятно, такого рода клейма более характерны для России.

Интересные данные о производстве водки в России приводит В. В. Похлёбкин. В 1716 г. указом Петра I дворянам было разрешено заниматься винокурением при условии уплаты пошлины. В 1765 г. введена свобода винокурения для дворян без всякого налогообложения и при одновременном существовании казенных винокурен (*Похлёбкин*, 1991. С. 242, 243).

Можно высказать предположение, что как в России, так и на Украине (тогдашней Малороссии) штофы из простого стекла были связаны с помещичьим винокурением, а не с казенным. В связи с этим хотелось бы отметить следующее. На Украине на помещичьих винокурнях работали еврей-арендаторы. Казалось бы, их след можно увидеть в клеймах с надписью «DANZIG» и изображением шестиконечной звезды – щита Давида (рис. 3), став-

шим сейчас одним из символов еврейского народа. Однако, как уже говорилось, эти клейма связаны скорее с Россией, чем Украиной. Кроме того, исследователи еврейской символики отмечают, что на иудейской культовой утвари античности и Средневековья щит Давида, так же как и щит Соломона (пятиконечная звезда), не употреблялся. Лишь с XIX в. щит Давида становится для иудеев наряду с семисвечником (менорой) обычным национальным и религиозным символом (*Krueger*, 1966. Р. 111). Следовательно, у нас нет оснований связывать эти клейма с евреями, не говоря уж о том, что они связаны скорее с Россией, чем с Украиной.

В целом можно заметить, что исследование археологических находок из поздних слоев дает нам возможность уточнить наши представления о культуре и экономике России.

Литература

Ашарина Н. А., 1990. Стекланный фольклор XVIII века // Памятники русской народной культуры XVIII–XIX вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 75).

Захаров В. Н., 1996. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.

Лихтер Ю. А., 2010. Позднесредневековые стеклянные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // АП. Вып. 6. М.

Кайсин А. О., в печати. Бутылочное стекло Нового времени с раскопок Казанского Кремля // Стекло Восточной Европы. М.

Похлёбкин В. В., 1991. История водки. М.

Рожанківський В. Ф., 1959. Українське художнє скло. К.

Смирнова Е. П., 2009. Изделия из стекла XVII–XIX веков // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.

Krueger R., 1966. Die Kunst der Synagoge. Leipzig.

McNulty R. H., 1972. European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth centuries: a neglected area of study // Annales du 5 congrès international d'Etude Historique du verre. Liege.

A. G. Veksler, Y. A. Lichter

One of the marks on the glass square flask of the 18th century

Summary

In the article it is told about the glass stamps with inscriptions “LONDON” (Fig. 2) and “DANZIG” (Fig. 3), known in the layers of the 18th century in Moscow and other Russian cities. The authors

suggest that square flasks were used for vodka, but were not intended for sale in the state-owned taverns. Rather, square flasks could be used for transportation vodka for personal needs.

Археологические исследования памятников русского Средневековья

А. М. Воронцов, Р. Н. Модин

Древнерусский горизонт городища Акинъшино

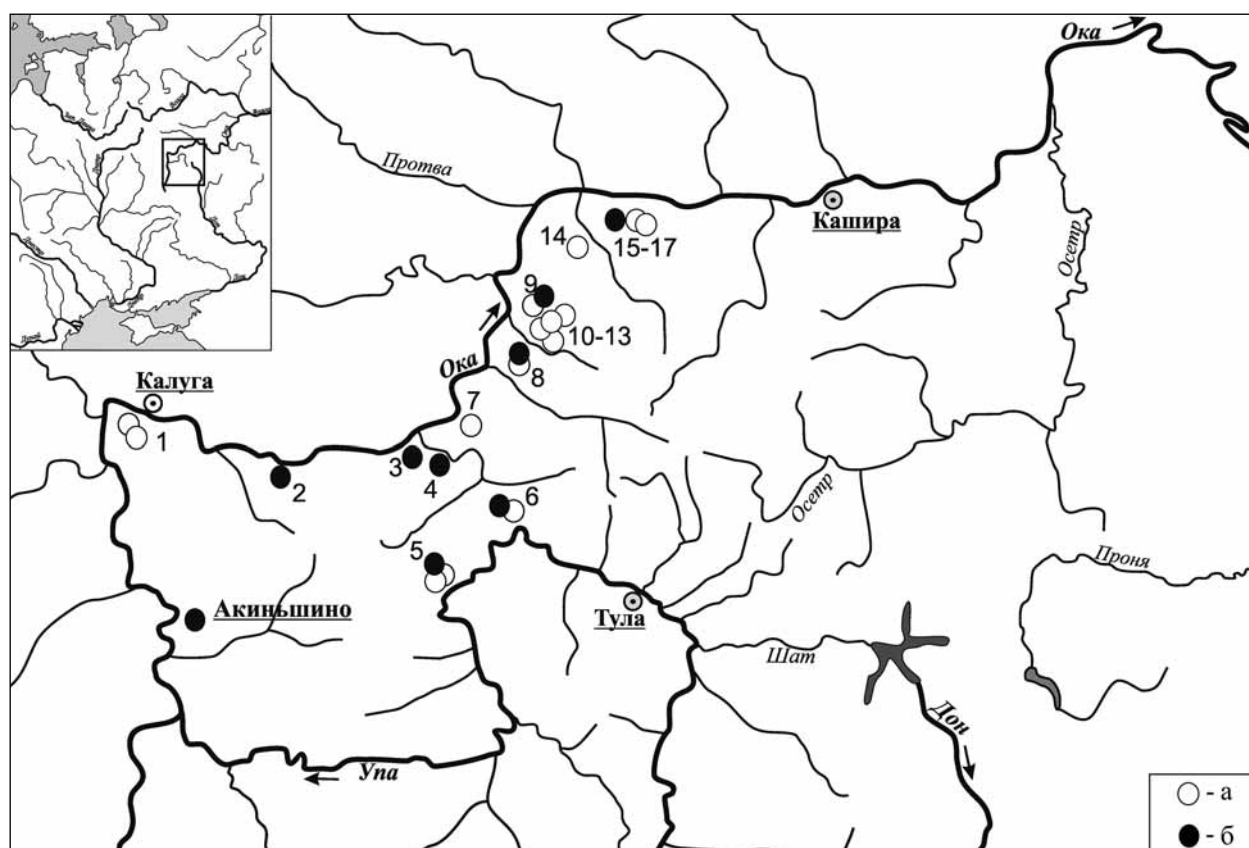
Одной из тенденций в славяно-русской археологии является увеличение числа исследований, посвященных локальным регионам. Одним из таких микрорегионов, находящимся в летописной земле вятичей, является правобережье Верхней Оки ниже устья р. Упы. До последнего времени изучению древнерусских поселений конца X – первой половины XII в. этого региона уделялось недостаточное внимание. Число известных памятников этого периода было невелико (*Никольская*, 1981. С. 58, 67, 73. Рис. 1а, 22, 24, 26; *Прошкин*, 2001. С. 269, 287. Рис. 7, 19), а их исследование ограничивалось в основном шурфовкой и сбором подъемного материала, раскопки же проводились крайне редко (*Фролов, Хайбулин*, 1980). В последние два десятилетия ситуация меняется, и связано это с работами археологической экспедиции Музея-заповедника «Куликово поле». Результатом ее работ явилось открытие большого числа археологических памятников, в том числе древнерусского времени (АКР, 1999; 2002; *Воронцов*, 2001; 2008; *Иванов*, 2004; *Шеков*, 1996) (рис. 1). На некоторых памятниках проведены раскопки: городище Тимофеевка (*Григорьев, Шеков*, 1998; *Григорьев*, 2005б), городище Картавцево (*Воронцов, Григорьев*, 2005), городище Велегож (работы Е. В. Столярова 2012 г.), селище Щукино (работы А. В. Григорьева и А. М. Колоколова 2009 г.)¹. Частично итоги этих исследований были подведены в работе Григорьева А. В. «Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э.» (2005б), где в числе прочих были рассмотрены славянские поселения XI – начала XII в.

бассейна р. Упы. Поселения же, расположенные на более мелких правых притоках Верхней Оки (Свободь, Крушма, Вашана, Скнижка, Скнига), остались за рамками этого исследования. Между тем количество выявленных здесь памятников конца X – первой половины XII в. увеличивается с каждым полевым сезоном. Полученные материалы позволяют более полно проследить динамику развития материальной культуры региона в древнерусское время. В связи с этим актуальной становится задача введения в научный оборот новых археологических материалов, полученных при полевых исследованиях в последние годы.

Настоящая работа посвящена публикации материалов древнерусского времени с городища Акинъшино, из раскопок 2009 и 2010 гг. археологической экспедицией Государственного музея-заповедника «Куликово поле». Основная часть исследованных этими работами объектов и находок относится к мощинской культуре и датируется IV–VII вв. (*Воронцов*, 2011).

Впервые Акинъшинское городище, находящееся «в Калужской губернии Лихвинского уезда Нелюбовской волости, в 5-ти верстах от с. Доброго на р. Оке», было исследовано в 1903 г. Ю. Г. Гендуне (1903). Исследовательница заложила 13 траншей разного размера и конфигурации, большая часть из которых (10) находилась на валу городища. Одна из траншей располагалась в мысовой части площадки памятника (№ 12) и еще одна – за пределами памятника на мысовом склоне (№ 13) (рис. 2). Было дано подробное описание памятника, снят его глазомерный план с нанесением раскопанных

¹ Неопубликованные материалы с селища Щукино любезно предоставлены авторами раскопок А. В. Григорьевым и А. М. Колоколовым; с городища Велегож – Е. В. Столяровым.

Рис. 1. Древнерусские поселения кон. X – 1-й пол. XII в. на правобережье Верхней Оки

а – селища; б – городища. 1 – Желохово; 2 – Брагино; 3 – Картавецво; 4 – Сенево; 5 – Тимофеевка; 6 – Кетри; 7 – Щукино; 8 – Велегож; 9 – Наспиши; 10, 11 – усадьба Поленово 1, 2; 12, 13 – Темьянь 1, 2; 14 – Яковлево; 15 – Подмоклово; 16 – Леоново; 17 – Колтово (1, 2, 15–17 – по: Никольская, 1981; 3, 5, 6, 7 – известные ранее памятники, датировка которых уточнена исследованиями в 1990-е – нач. XXI в.; 8–14 – памятники, выявленные в 1990-е – нач. XXI в.)

участков, кратко описана стратиграфия и основные находки из раскопок. К отчету приложены коллекционная опись находок с городища, фотографии некоторых из них и образцов керамики (Генду-не, 1903. Л. 61–65, 71, 82–85). Материалы этих раскопок, в том числе гончарная керамика древнерусского времени, были впоследствии опубликованы Т. Н. Никольской (1959. С. 114–117). Само городище до последнего времени больше не исследовалось, даже не значилось в списках выявленных памятников и не входило в издаваемые своды.

Городище Акиньино было заново открыто в 2008 г. отрядом Тульской археологической экспедиции под руководством А. Н. Наумова. В ходе разведочных работ в привальной части площадки городища был заложен шурф 1×1 м и снят инструментальный топографический план. На площадке и валу городища зафиксированы западины на местах раскопок Ю. Г. Гендуны, а также современная грабительская траншея шириной 0,7 м, прорезавшая вал со стороны площадки на 11 м (рис. 2).

Городище находится в 1,7 км к северо-востоку от д. Покровское Суворовского района Тульской области; в 1,2 км к югу от д. Акиньино Перемышльского района Калужской области. Расположено на левом коренном берегу р. Свободь (правый приток р. Ока) на мысу, образованном слиянием от-вершка с безымянным оврагом, под дну которого протекает ручей (левый приток р. Свободь) (рис. 1; 2). Высота площадки мыса, на котором расположено городище, над уровнем воды в ручье – 20–28 м. Поверхность слабо задернована, покрыта смешан-ным лесом.

Площадка городища имеет подтреугольную форму; по линии 3–В вытянута на 95 м, по линии С–Ю на 60 м. С напольной восточной стороны городище защищено валом серповидной формы, высотой в центральной части до 9 м и шириной до 20 м. Первоначально вал имел длину до 60 м. По описанию Ю. Г. Гендуны, в середине XIX в. местные крестьяне срезали северный конец вала на ширину до 3 м для удобства вывоза с площадки

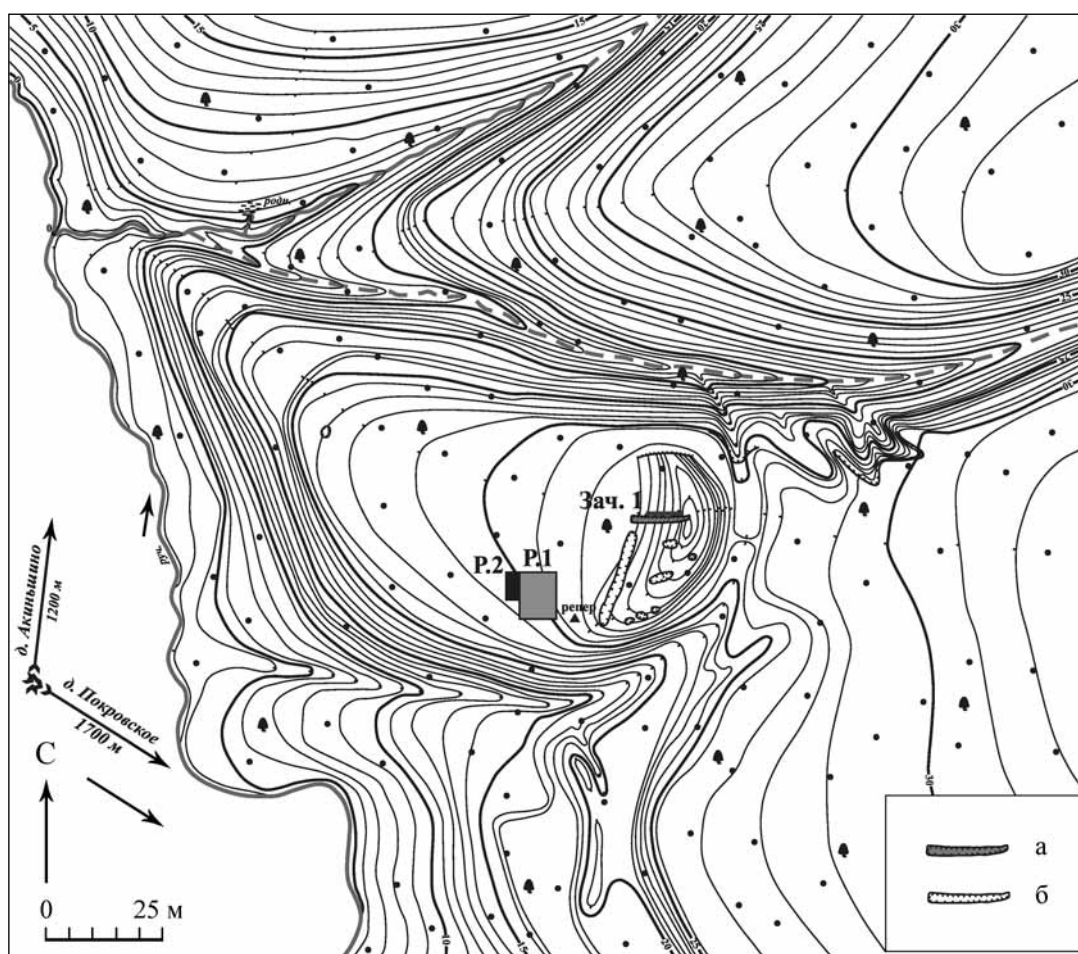

Рис. 2. Городище Акиньино (Тульская обл., Суворовский р-н). Топографический план

городища срубленного леса (Гендуке, 1903. С. 12). Перед валом располагается ров глубиной до 3 м и шириной в центральной части до 12 м. Мысовая, западная часть площадки городища отрезана от остальной части мыса эскарпом высотой до 2,5 м. Обращает на себя внимание, что и ниже по склону мыс имеет еще три подобные террасы. Северный и южный склоны городища отвесные, особенно крутой северный склон.

В 2009–2010 гг. двумя раскопами общей площадью 98 кв. м (80 и 18 кв. м соответственно) исследован культурный слой в южной части городища, в непосредственной близости от вала (рис. 2; 3). Последний был исследован зачисткой грабительской траншеи. Следов древнерусских укреплений не выявлено. При поверхностных сборах на нижних частях склонов площадки городища и в отвале грабительской траншеи собран представительный подъемный материал.

Культурный слой мощностью до 1,3–1,4 м состоит из почвенного горизонта темно-серой гуму-

сированной супеси мощностью до 0,5 м и подстилающей ее бурой супеси мощностью до 0,9 м. Последняя, зафиксированная в южной части раскопа 1 и в раскопе 2, разделена прослойками прокала, золы и углей на два горизонта. Наибольшая мощность культурного слоя наблюдается в южной части раскопа 1. Верхний почвенный горизонт сильно поврежден корнями деревьев и многочисленными землероями, поэтому объекты древнерусского времени прослежены по скоплениям керамики и индивидуальных находок. Подобные скопления зафиксированы в северо-западной и юго-западной части раскопа 1, а также в юго-западном углу раскопа 2 (рис. 3). На всей остальной площади раскопов находки древнерусского времени распределены равномерно.

К древнерусскому времени относится комплекс объектов, исследованных в восточной части раскопа 1 (2009 г.). Эти объекты, получившие полевое наименование «скопление 3», «постройка 3а» и «яма 3», судя по всему, являются

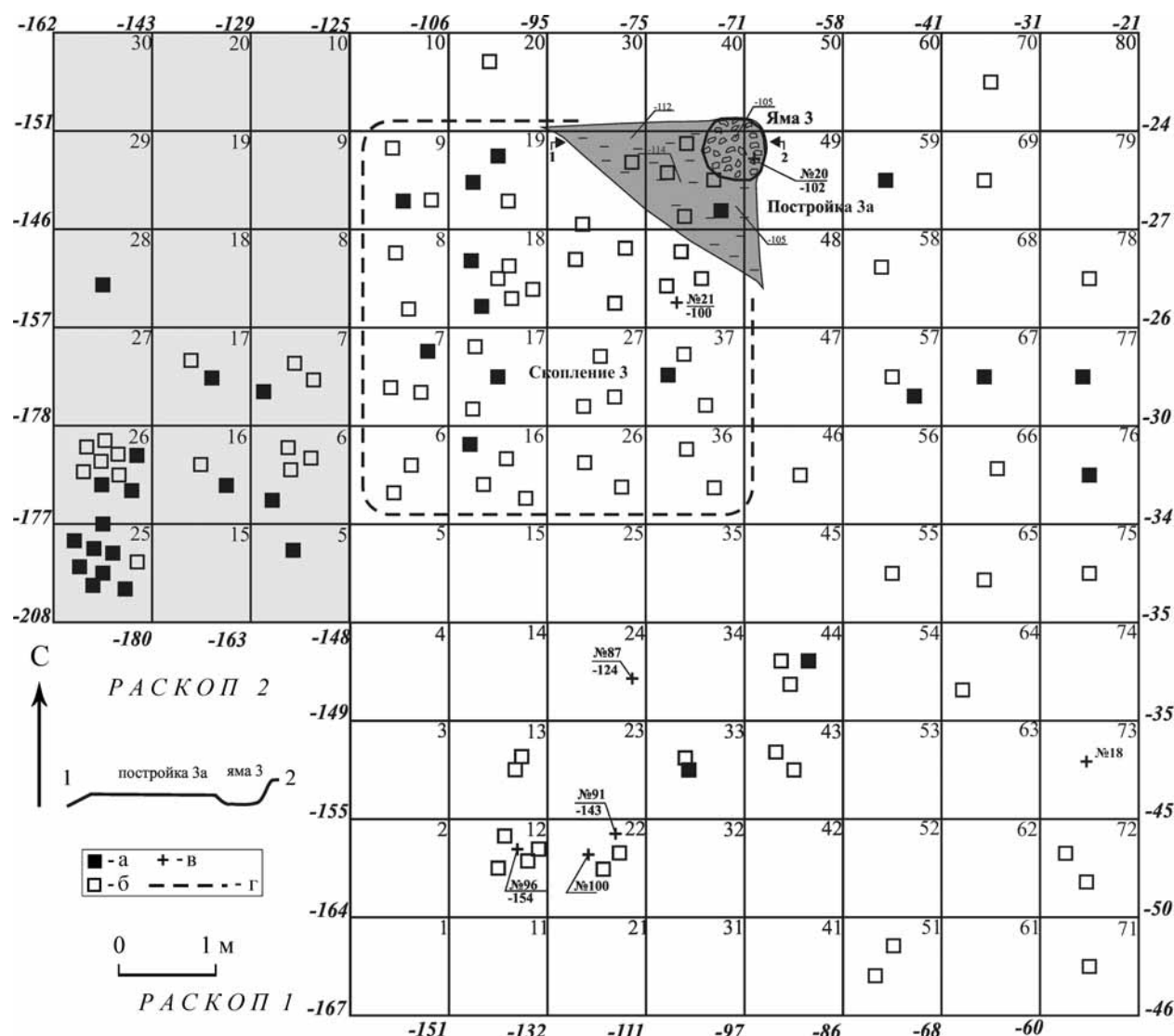

Рис. 3. Тульская область. Городище Акиньино.
Сводная схема раскопов с объектами и находками древнерусского времени

а – фр-т лепной керамики; б – фр-т круговой керамики; в – индивидуальные находки древнерусского времени (номера соответствуют полевой описи); г – скопление круговой и лепной славянской керамики (границы условные).
№ 18 – фр-т дирхема; № 20 – бубенчик; № 21 – браслет с зооморфным окончанием; № 87 – гвоздь подковный;
№ 91 – фр-т хрустальной бусины; № 96 – наконечник стрелы; № 100 – фр-т хрустальной бусины

остатками наземной постройки с заглубленной частью (рис. 3). Скопление 3 зафиксировано на глубине 20 см от дневной поверхности как пятно прямоугольной формы размерами примерно 4×4 м, ориентированное по сторонам света. Из скопления происходят 35 обломков гончарных и девяти лепных керамических сосудов (рис. 4–6), а также фрагмент браслета из цветного металла с зооморфным окончанием в виде головы животного (рис. 7, 1). Подобные браслеты, относящиеся к типу дротовых звериноголовых, были распространены на древнерусских памятниках в XI–XII вв. (Левашева, 1967. С. 215, 216).

Северо-восточный угол сооружения (постройка 3а) размерами 2,2×1,7 м был заглублен в материк на 14–25 см. Здесь же зафиксировано заглубленное в дно на 9 см скопление камней (яма 3) диаметром 60 см. В углубленной части постройки найдено пять обломков гончарных и один фрагмент лепного керамических сосудов, а также оплавленный бронзовый бубенчик, вероятно, грушевидной формы. Нижняя часть бубенчика орнаментирована косой нарезкой. В петлю была продета бронзовая цепочка, от которой сохранилось одно звено (рис. 7, 2). Подобные бубенчики встречаются на древнерусских памятниках

во второй половине X – середине XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136; Седова, 1981. С. 156). Акинъшинский бубенчик отличаются большие размеры, что нехарактерно для этих изделий. Его поперечный диаметр чуть меньше 4 см, высота около 3,5 см.

Керамический комплекс древнерусского времени из раскопок 2009 и 2010 гг. представлен 154 обломками керамических сосудов. Большинство (112 фрагментов, в том числе шесть венчиков) относится к гончарной керамике (рис. 5; 6; 8). Остальные, в том числе 13 венчиков, – части лепных сосудов роменской культуры (рис. 4; 9; 10). Основная часть керамического материала древнерусского времени происходит из постройки – 58 обломков гончарной и 33 лепной керамики. Гончарная керамика представляет собой обломки сосудов, изготовленных из красно- и беложгущейся глины с примесью дресвы и песка, с многоярдым линейным и волнистым орнаментом, иногда их сочетанием. По формам венчиков она может быть датирована XI–XII вв. Похожая керамика датируется в Поднепровье второй половиной X–XI в. (Петрашенко, 1992. С. 13, 18. Рис. 5; Сарачев, 1997. С. 275, 284. Рис. 2; 3). Лепная керамика представлена фрагментами слабопрофилированных толстостенных сосудов с примесью дресвы (рис. 4; 9; 10). Венчики слабоотогнутые наружу, орнаментированные косой нарезкой и зашипами по верхнему краю. Изредка орнаментом украшены плечики сосудов. Подобная керамика характерна для славянских памятников роменской культуры.

Сочетание лепной и гончарной керамики в культурном слое характерно для памятников XI в. бассейна Оки (Григорьев, 2005б. С. 128–132). Так, на поселении Жданово I, датированном автором раскопок серединой – второй половиной XI в., соотношение лепной и круговой керамики составляло 48,4 и 51,6% соответственно (Гоняный, 1999. С. 134, 144). Сочетание лепной и круговой керамики в разных пропорциях отмечено на селище Заозерье 2 (Тавлицева, 1996. С. 45–52), Новое Съяново 3 (Шполянский, 1999. С. 142–153), Покров 5 (Юшко, 1998. С. 327–334), селище Кривское 3 (Лопатина, 2005. С. 46), раскопанном в 2012 г. городище Велегож (Столяров, 2013).

Индивидуальные находки древнерусского времени представлены прежде всего украшениями из цветного металла, а также отдельными элементами поясного набора и предметами вооружения. Большинство из них получено при поверхностных сборах. Помимо вещей из постройки в раскопе найдены железный наконечник стрелы, фрагмент

круглой бронзовой подвески, обломок хрустальной бусины, железный подковный гвоздь, а также фрагмент арабского дирхема. Наконечник стрелы, согласно классификации А.Ф. Медведева, относится к типу 83 – бронебойные с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой (рис. 7, 3). Подобные стрелы были широко распространены на древнерусских памятниках в XI в. (Медведев, 1966. С. 81). Подвеска с орнаментом в виде кружков вдоль края и сходящихся к центру треугольников (рис. 7, 5) находит аналогии в Новгороде, где подобные изделия встречены в слое второй половины X – середины XI в. (Седова, 1981. С. 37. Рис. 12, 1; 14, 15). На территории окского бассейна подобная подвеска встречена в разрушенном могильнике Хотяжи под Звенигородом, время возникновения которого определено автором раскопок концом X – первой половиной XI в. (Алексеев, 2004. С. 182, 186. Рис. 5, 7). Близкие к ним подвески найдены в Курской области. По мнению А.Г. Шпилева, они относятся к кругу «скандинавских древностей» и являются подражанием скандинавским щитообразным привескам, время бытования которых определяется с конца IX до середины XI в. (Шпилев, 2009. С. 240, 249. Рис. 4, 4, 5).

Височные кольца представлены обломками шести изделий (рис. 7, 6–11). Один обломок относится к височному кольцу так называемого деснинского типа или типа «сельцо» (рис. 7, 6). Эти кольца имеют весьма узкую датировку, не выходящую за пределы XI в. Одни авторы определяют время их бытования серединой – третьей четвертью XI в. (Равдина, 1975а. С. 223; Недошивина, 1980. С. 109), другие указывают несколько более широкую дату – вторая – четвертая четверти XI в. (Григорьев, 2005а. С. 22). На древнерусских памятниках окского бассейна кольца деснинского типа являются одним из наиболее часто встречающихся видом украшений. Помимо Акинъшино они найдены на селище Новое Съяново 3 (Шполянский, 1999. С. 148. Рис. 3), поселении Заозерье 2 (Тавлицева, 1996. С. 58. Рис. 7), поселении Жданово I (Гоняный, 1999. С. 139. Рис. 7), городище Таруса, селище Романовка, городище Лысая Гора (Фролов, Прошкин, 2011. С. 38. Рис. 10. Цв. ил. 7), могильнике и селище Хотяжи 2 (Алексеев, 2004. С. 178. Рис. 2, 7), селище Кривское 3 (Лопатина, 2005. С. 45. Рис. 4) и др.

Еще одно височное кольцо (рис. 7, 11) может быть отнесено к группе V семилучевых височных колец по систематизации Е.А. Шинакова, датирующихся XI–XII вв. (Шинаков, 1980. С. 121–123.

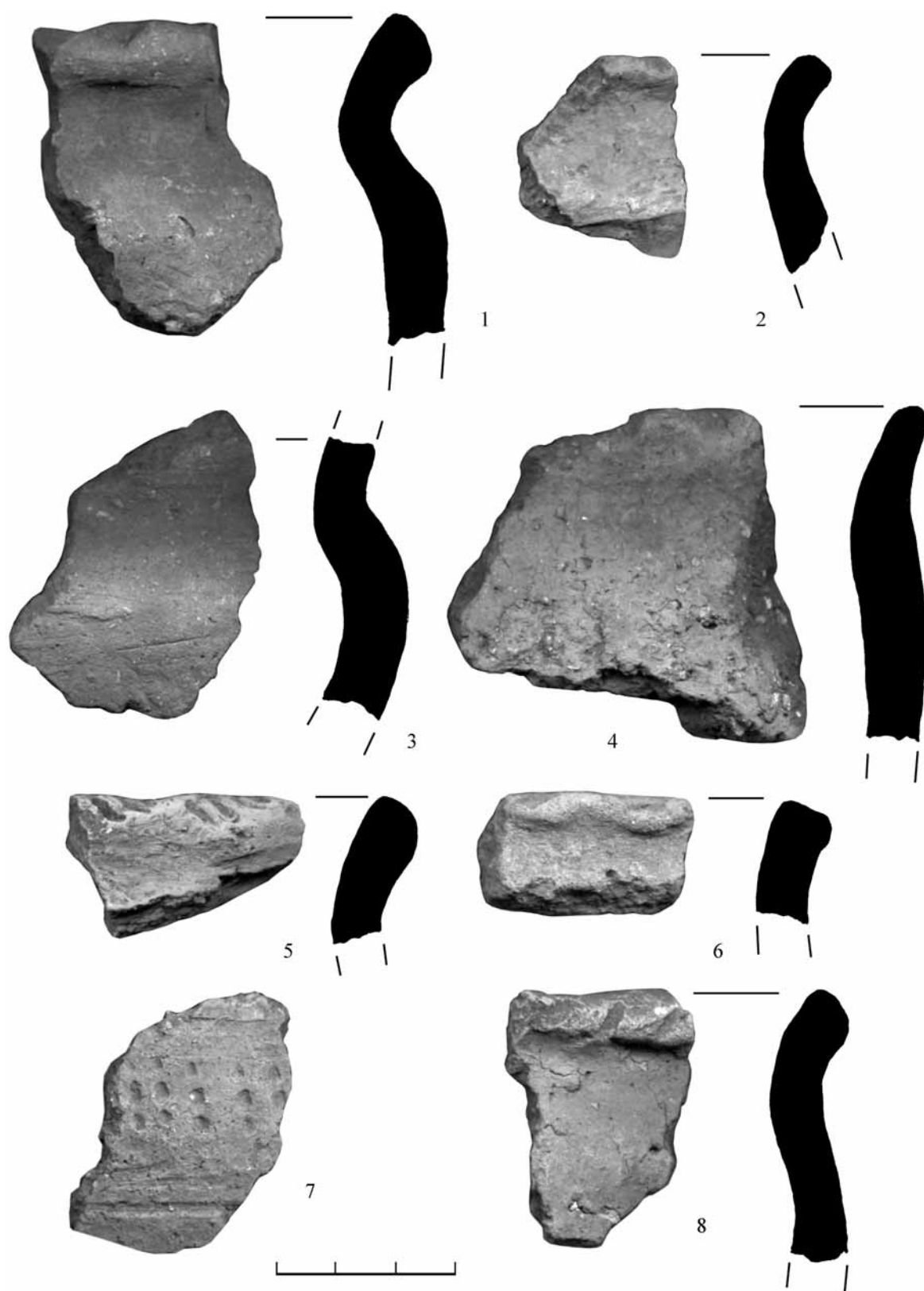

Рис. 4. Городище Акинъшино. Раскоп 1. Скопление 3. Фрагменты лепных керамических сосудов

Рис. 2). Находки такого типа колец на территории бассейна Оки очень редки, ближайшая происходит из Саввинской курганный группы близ Звенигорода (Шинаков, 1980. С. 125. Рис. 3).

Оставшиеся четыре кольца относятся к типу простых семилопастных (Арциховский, 1930. С. 49–55; Равдина, 1968). Одно из них по типологии Т.В. Равдиной может быть отнесено к ранним семилопастным (рис. 7, 9), которые датируются концом XI – рубежом XI–XII вв. (Равдина, 1968. С. 139), другие два фрагмента (рис. 7, 7, 8) относятся к тому типу, который датируется широко, в пределах XII – первой половины XIII в. (Равдина, 1968. С. 140; 1975. С. 6). Оба они имеют колечко у основания дужки, у одного лопасти утрачены, у другого имеют секировидную форму. От четвертого кольца сохранился только щиток, а дужка и лопасти утрачены (рис. 7, 10). Судя по орнаменту, оно относится к ранним семилопастным (Равдина, 1968. С. 138, 139). Аналогии семилопастным височным кольцам на территории Верхнего Поочья и Подмосковья весьма многочисленны. По мнению А.В. Арциховского, они являются одной из отличительных черт материальной культуры вятичей (Арциховский, 1930. С. 47). Эта точка зрения не вызывает возражений у исследователей вплоть до настоящего времени (Равдина, 1975б; Никольская, 1981. С. 107–111; Юшко, 1991. С. 163). К вятичским украшениям некоторые исследователи относят и височные кольца деснинского типа (Григорьев, 2005а. С. 24; Шинаков, Грачев, 2012. С. 64). По другому же мнению, такие кольца являются характерными для территорий, заселенных радимичами (Соловьева, 1978. С. 171–173; Недошивина, 1980. С. 107–111; Гоняный, 1999. С. 143). Первая точка зрения представляется нам более убедительной. В ее пользу говорит происхождение подавляющего большинства находок колец деснинского типа именно с территории Верхнего Поочья и Подмосковья.

Перстни представлены также изделиями нескольких типов. Наиболее многочисленная группа – решетчатые перстни. Всего найдено пять экземпляров: два целых и три фрагментированных (рис. 7, 12–16). Типология решетчатых перстней была подробно разработана А.В. Арциховским (1930. С. 73–78). Согласно ей, все перстни с городища Акиньишино относятся к разным типам: типу I однозигзаговых (рис. 7, 12), типу II двузигзаговых (рис. 7, 14), типу IV двухпунктирных (рис. 7, 13), типу V трехпунктирных (рис. 7, 16), типу VI четырехпунктирных (рис. 7, 15). Время появления этого вида украшений исследователями определяется

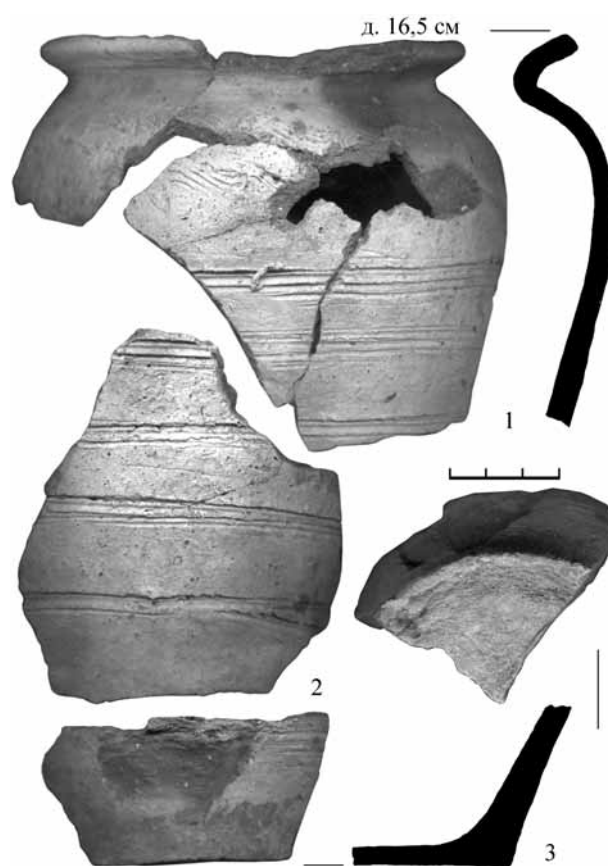

Рис. 5. Городище Акиньишино. Раскоп 1. Скопление 3. Фрагменты гончарных керамических сосудов

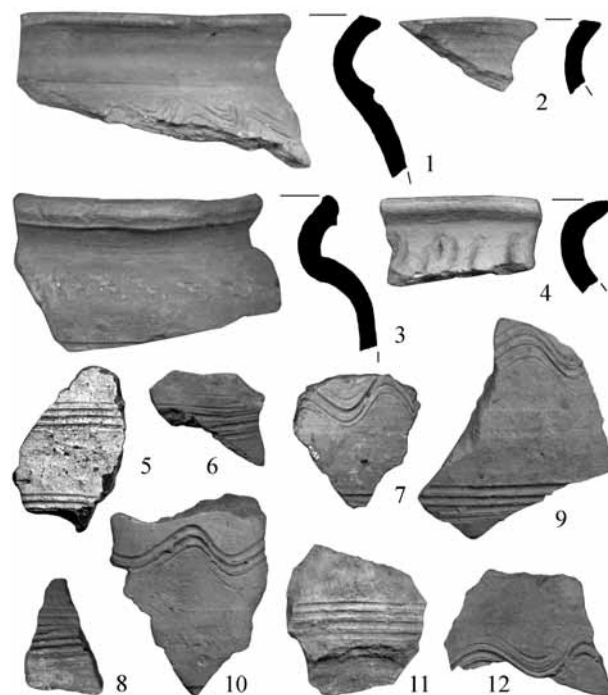

Рис. 6. Городище Акиньишино. Раскоп 1. Скопление 3, постройка 3а. Фрагменты гончарных керамических сосудов

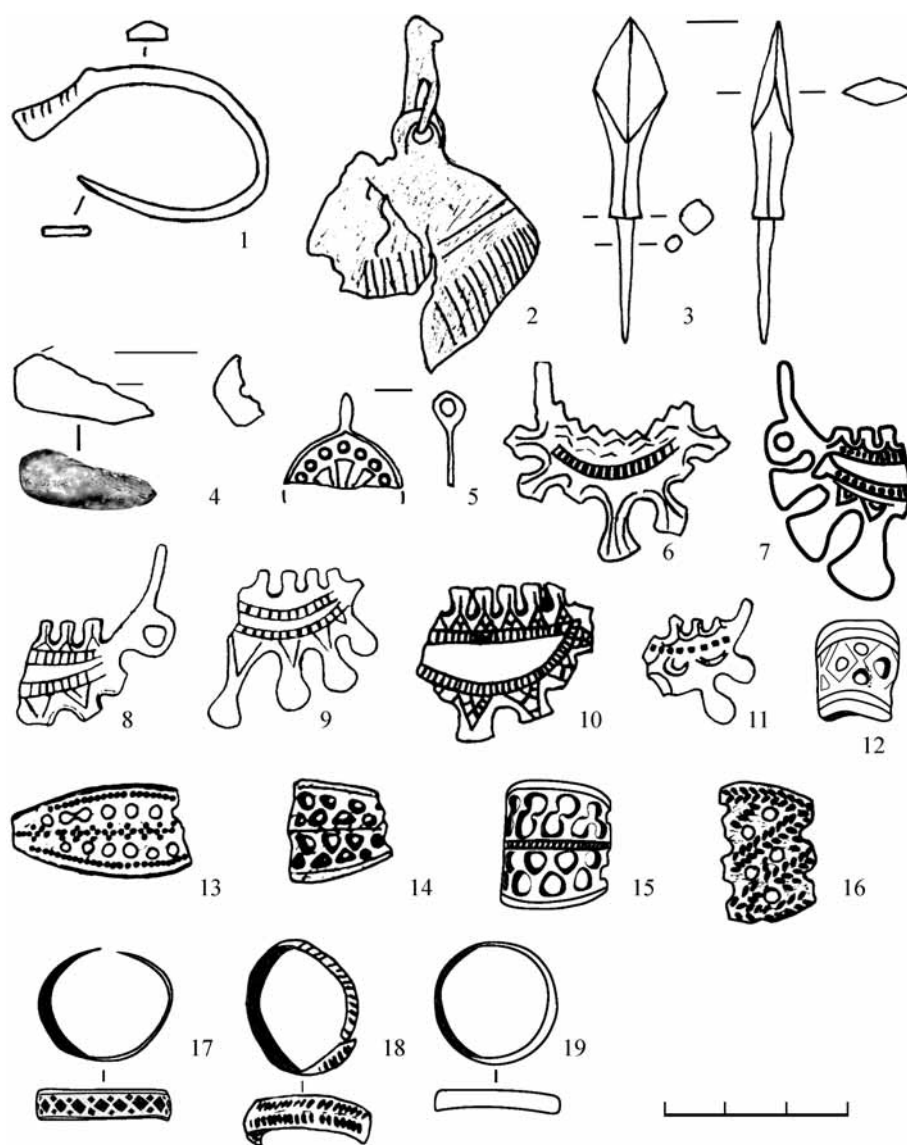

Рис. 7. Городище Акиньшино

1–5 – находки из раскопа 1; 6–19 – подъемный материал. 1 – скопление 3; 2 – постройка 3а.
1, 2, 5–19 – бронза; 3 – железо; 4 – хрусталь

по-разному. Т. В. Равдина указывает на дату не ранее XII в. (Равдина, 19756. С. 11), Н. Г. Недошивина определяет время появления решетчатых перстней концом XI в. (Недошивина, 1967. С. 260). На древнерусских памятниках эти перстни продолжают встречаться до XIII в. В Новгороде решетчатый перстень встречен в слое 60–70-х годов XII в. (Седова, 1981. С. 130). На территории верхнеокского бассейна решетчатые перстни являются одним из наиболее часто встречающихся видов находок в курганных могильниках, на поселениях же их находят гораздо реже. Среди ближайших к городищу Акиньшино поселений, где встречены эти изделия, можно назвать городища Картавцево (Воронцов,

Григорьев, 2005. С. 91. Рис. 3), Велегож (Столяров, 2013) и др.

Вторая группа перстней с городища Акиньшино представлена тремя узкопластинчатыми перстнями (рис. 7, 17–19). Один из них замкнутый неорнаментированный (рис. 7, 19), два других – разомкнутые с орнаментом в виде так называемой косицы (рис. 7, 18) и геометрическим орнаментом в виде чередующихся ромбов вдоль центральной оси и кружков вдоль краев (рис. 7, 17). На территории окского бассейна аналогии перстню с орнаментом в виде косицы происходят с селища Кривское 3 на р. Протве, а также расположенных на р. Пахре селища Новое Съяново 3 и поселения Жданово 1.

Селище Кривское 3 датировано XI–XII вв. (Лопатина, 2005. С. 45, 47. Рис. 4); Новое Съяново 3 – второй третью XI – первой половиной XII в. (Шполянский, 1999. С. 150. Рис. 3, 14); Жданово 1 – серединой – второй половиной XI в. (Гоняный, 1999. С. 144. Рис. 7, 6, 7). С поселения Жданово 1 также происходит подобный акиньшинскому перстень с геометрическим орнаментом (Гоняный, 1999. С. 139. Рис. 7, 8). По типологии Т.Г. Сарачевой, разработанной для перстней Днепроовского левобережья, замкнутый неорнаментированный перстень относится к типу 1, разомкнутые орнаментированные с геометрическим орнаментом и орнаментом в виде косицы к типу 1а (Сарачева, 1994. С. 87). По мнению исследовательницы, такие перстни появляются в первой половине X в. (тип 1) и середине – второй половине X в. (тип 1а), а в XI–XII вв. являются массовыми (Сарачева, 1994. С. 93–95. Рис. 7). По мнению И.Е. Зайцевой, узкопластинчатые перстни с геометрическим орнаментом и орнаментом в виде косицы являются хроноиндикатором XI в. (Зайцева, 2008. С. 120).

Также изделиями нескольких типов представлены различные привески. Кроме упомянутого выше бубенчика, найденного в постройке, в отвале грабительской траншеи найден один целый и два обломка этих изделий (рис. 11, 3–5). Целый бубенчик относится к типу грушевидных с щелевидной прорезью, с косыми насечками в нижней части (рис. 11, 3). Еще один фрагмент, судя по всему, относится к типу грушевидных неорнаментированных с крестовидной прорезью (рис. 11, 4). Типологическую принадлежность третьего обломка установить сложно, скорее всего, он также относится к одной из разновидностей грушевидных бубенчиков (рис. 11, 5). Грушевидные бубенчики были широко распространены на древнерусских памятниках и датируются исследователями в пределах второй половины X – середины XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136; Седова, 1981. С. 156). Подобные изделия часто встречаются на территории Верхнего Поочья и Подмосковья. Они найдены на селище Бенницы (Успенская, 1964. С. 224. Рис. 4), селище Кривское 3 (Лопатина, 2005. С. 45. Рис. 4), городище Картавцево (Воронцов, Григорьев, 2005. С. 91. Рис. 3), селище Щукино, городище Велегож (Столяров, 2013), городище Таруса (Фролов, Прошкин, 2011. С. 40. Рис. 11), селище Новое Съяново 3 (Шполянский, 1999. С. 148. Рис. 3), поселении Жданово I (Гоняный, 1999. С. 139. Рис. 7), селище Заозерье 2 (Тавлицева, 1996. С. 58. Рис. 7) и др.

Одной из наиболее интересных находок является обломок бронзовой подвески (рис. 11, 1), похо-

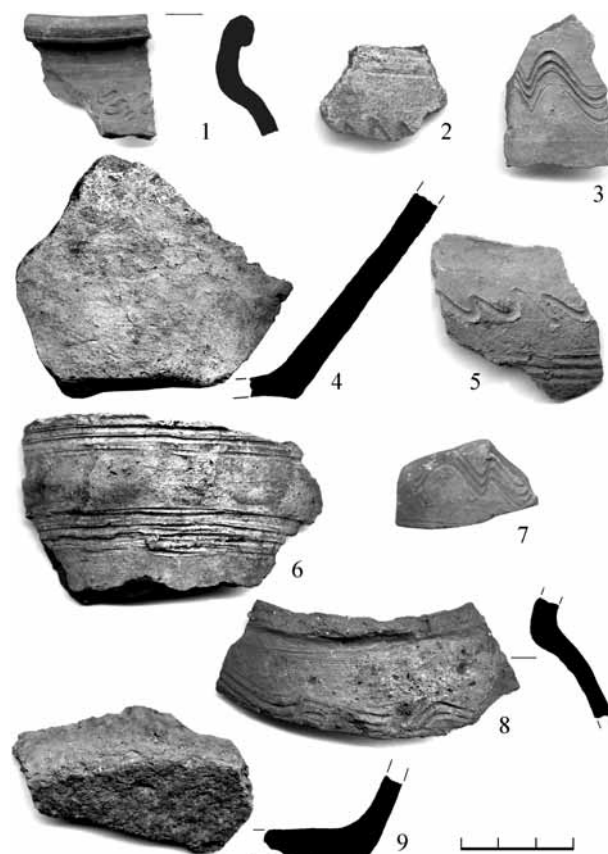

Рис. 8. Городище Акиньино. Раскопы 1, 2. Фрагменты гончарных керамических сосудов

жей на скандинавские изделия, выполненные в стилях Борре и Еллинг и распространенных в Скандинавии во второй половине IX – X в. (Лебедев, 1985. С. 128–129). Подобные изделия, выполненные из драгоценных металлов и являющиеся, судя по всему, скандинавскими импортами, известны на таких древнерусских памятниках, как Гнёздово, Шестовицы, Рюриково городище. Однако подражания этим изделиям, выполненные из бронзы или биллона, встречаются и в более позднее время, вплоть до первой половины XII в. (Модин, 2013. С. 131. Рис. 2; Шпилев, 2009. С. 248, 250. Рис. 3, 10; 5, 5). В окском бассейне близкие по стилю предметы найдены в могильнике у д. Хотяжи под Звенигородом (Алексеев, 2004. С. 182. Рис. 5, 13), поселении 1 у д. Уткино (Смирнова, 1989), в районе д. Шатуны на р. Угра (Булычев, 1913. С. 31. Табл. I, 8).

Обломком представлена широкогорлая лунница с ложнозерненным орнаментом, изготовленная из металла белого цвета (рис. 11, 9). Один «рог» лунницы утрачен, а второй загнут назад. Подобные изделия встречаются на древнерусских памятниках в конце X – первой половине XII в. (Успенская, 1967. С. 102, 103).

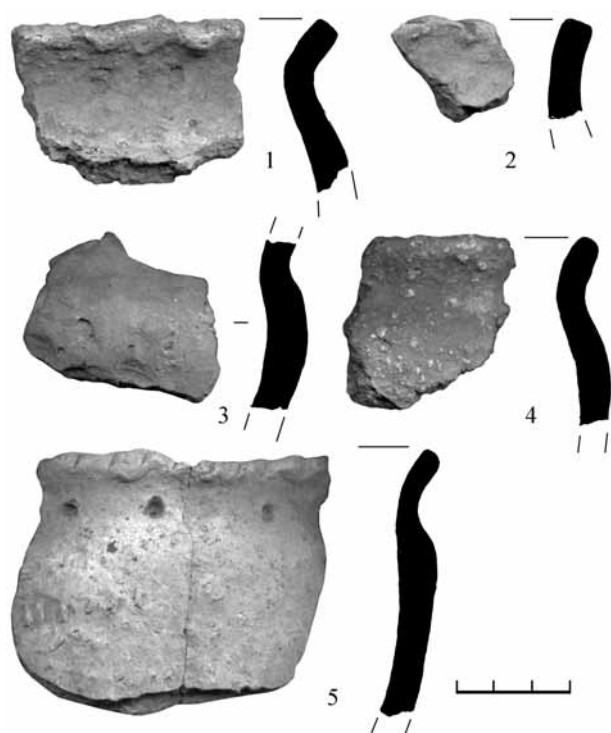

Рис. 9. Городище Акинъшино. Раскоп 1.
Фрагменты лепных керамических сосудов

Еще один предмет из найденных на городище является, судя по всему, частью шумящей зооморфной подвески (рис. 11, 2) – характерного украшения финно-угорских племен. Привески в виде «бутылочки», подобные акиньшинской, встречаются на изделиях с памятников финно-угорских племен, имеющих широкий хронологический диапазон («Финно-угры...», 1987. С. 281, 282, 287, 299. Табл. XXXIII, XXXIV, XXXIX, LI). На древнерусских памятниках подобные привески характерны для подвесок владимирского типа, распространенных во второй половине X – начале XII в. (Рябинин, 1981. С. 35, 112, 114. Табл. XV, XVII).

Помимо браслета с зооморфным окончанием, найденным в постройке, среди подъемного материала встречены еще два подобных изделия. Оба они имеют окончание в виде стилизованной головы зверя. Один из них представлен обломком причем, так же, как и браслет из постройки, он относится к типу дровяных звериноголовых (рис. 11, 7). Второй браслет сохранился полностью (рис. 11, 8) и может быть отнесен к типу пластинчатых звериноголовых подтипа г по классификации В.П. Левашевой (1967. С. 240, 241). Подобные браслеты неоднократно встречались в курганах Верхнего Поочья и Подмосковья и датируются XI – началом XII в. (Левашева, 1967. С. 242).

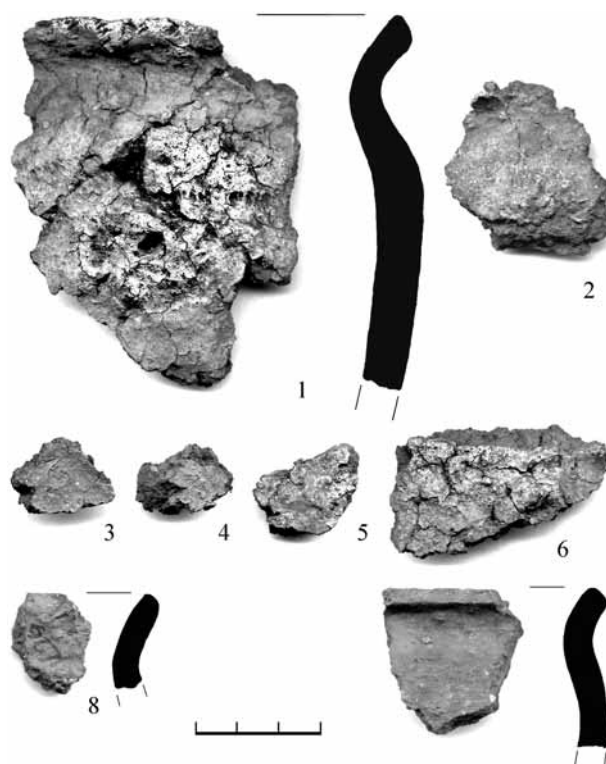

Рис. 10. Городище Акинъшино. Раскопы 1, 2.
Фрагменты лепных керамических сосудов

Обломок двускатнопластинчатой гривны с циркульным орнаментом вдоль краев представляет собой среднюю часть изделия, концы которого обломаны (рис. 11, 12). Подобные вещи наиболее широко распространены на древнерусских памятниках в XII в., однако встречаются и в более раннее время (Фехнер, 1967. С. 64–66).

К предметам культа относится обломок амулета в виде бронзового миниатюрного топорика (рис. 11, 10), найденный на южном склоне городища. Подобные амулеты были широко распространены на древнерусских памятниках в XI – первой половине XII в. (Успенская, 1967. С. 98; Седова, 1981. С. 26; Макаров, 1992. С. 41–44). По мнению Н.А. Макарова, появление и распространение в XI в. этого вида амулетов связано с пережитками языческих верований в дружинной среде (Макаров, 1992. С. 51). Ближайшие находки амулетов-топорики происходят с территории Заокского района Тульской области на р. Скнижка (Григорьев, 2005б. С. 106. Рис. 44, 13, 14) и территории Подмосковья – Митяевских курганов, раскопанных А.В. Арциховским в 1927 г. (Макаров, 1992. С. 47, 55. Рис. 6), и селища Новое Съяново 3 (Шполянский, 1999. С. 148, 149. Рис. 3, 20).

Элементом поясного набора является фрагмент лировидной пряжки (рис. 11, 11). Такие пряжки

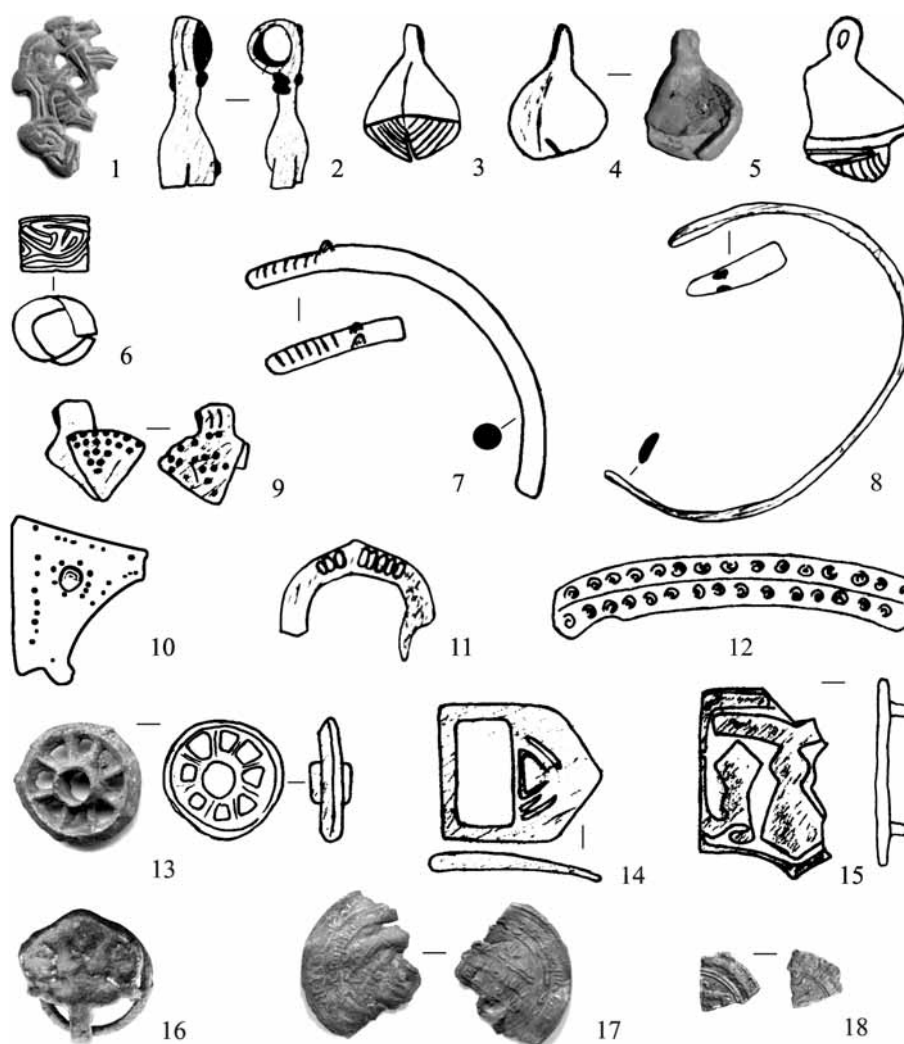

Рис. 11. Городище Акиньино.

1–16, 18 – подъемный материал. 1–8; 10–12; 14, 15 – бронза; 9, 16 – белый металл; 13 – свинцово-оловянистый сплав; 17, 18 – серебро. 17 – раскоп 1

широко распространены на древнерусских памятниках и сопредельных территориях. В Новгороде находки этого типа пряжек встречаются в слоях конца XI – конца XII в. (Седова, 1981. С. 144, 145. Рис. 56, 5). Ближайшая аналогия с территории Верхнего Поочья происходит с селища Щукино (работы А.В. Григорьева и А.М. Колоколова 2009 г.). По классификации Т.В. Равдиной, для вятичской территории подобные изделия относятся к типу 2 лировидных пряжек и датируются концом XI – первой половиной XII в. (Равдина, 1975б. С. 13).

Несколько находок, вероятно, связанных со славянским населением, относится к более раннему

времени, чем основной комплекс древнерусских материалов. Они представлены тремя ремennыми бляшками (рис. 11, 14–16), круглой бляшкой в виде «колесика» (рис. 11, 13), а также двумя фрагментами арабских дирхемов (рис. 11, 17, 18). Первый из них – подражание Саманидам, с именем халифа ал-Муктафи би-ллаха (902–908 гг.), «аш-Шаш», найден в юго-восточной части раскопа 1 и датируется первой четвертью X в. Второй фрагмент дирхема – Саманиды, Исма‘ил ибн Ахмад или Наср ибн Ахмад, конец IX – первая четверть X в., – найден на северном склоне площадки городища*. Пятиугольная ремennая бляшка с орнаментом в виде так называемого

* Определения дирхемов сделаны научным сотрудником отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Вячеславом Сергеевичем Кулешовым, которому авторы выражают благодарность за оказанную помощь.

древа жизни по центру и полупальметтами по краям (рис. 11, 15), согласно типологии В.В. Мурашевой, относится к классу XII виду 1В древнерусских ременных бляшек (Мурашева, 2000. С. 37, 38. Рис. 45). Аналогичные бляшки происходят из могильника Вакино в Прикамье, имеющем неясную датировку в широких хронологических пределах V–IX вв. (Голдина, 1985. С. 196), а также из Скандинавии (Мурашева, 2000. С. 37, 38. Рис. 45, 2). Вторая ременная бляшка также имеет пятиугольную форму с прямоугольным отверстием (рис. 11, 14). Подобная бляшка встречена в могильнике Мыдлань-Шай в Прикамье, датирующемся VIII – серединой IX в. (Генинг, 1979. С. 102. Рис. X, 29). Аналогичная по форме бляшка происходит из погребения 954 могильника Бирка в Швеции, датированном ок. 900 г. (Мурашева, 2000. С. 51. Рис. 73, 3). Третья бляшка, сердцевидной формы с растительным орнаментом и кольцом диаметром 1,6 см, изготовлена из металла белого цвета (рис. 11, 16). Подобные бляшки типичны для памятников салтово-маяцкой культуры, они встречаются в погребениях конца VIII – начала X в. (Плетнева, 1989. С. 161. Рис. 85; Флеров, 1993. С. 137, 139. Рис. 60, 62). За пределами салтово-маяцкой культуры эти бляшки встречаются гораздо реже. Они найдены на территории Прикамья в Больше-Тиганском

могильнике, датированном концом VIII – первой половиной IX в. (Халикова, 1976. С. 178. Рис. 11, 3, 8). На территории Верхнего Поочья подобные бляшки известны на городище IX – начала X в. Чертово Городище (Прошкин, 2011. С. 71. Рис. 35, 1, 2; 36, 1). Редкой находкой для территории верхнеокского бассейна является бляшка-«колесико» из свинцово-оловянистого сплава (рис. 11, 13). По мнению О. А. Щегловой, подобные нашивные бляшки входят в набор наиболее характерных свинцово-оловянистых украшений северного региона VIII–X вв. (Щеглова, 2002. С. 142, 145. Рис. 4, 20–26). На территории Верхнего Поочья известно несколько случайных находок таких «колесиков», хранящихся в Калужском областном краеведческом музее. Два подобных изделия найдены на селище Козлово 2 (Прошкин, 2011. С. 90. Цв. рис. 58).

Таким образом, полученный вещевой материал позволяет датировать древнерусский горизонт городища Акиньюшино в широких хронологических пределах, концом X – началом XIII в. Как на городище попали несколько более ранних вещей IX – начала X в., по имеющимся данным судить затруднительно. Не исключено, что на территории городища или поблизости от него существовало более раннее славянское поселение.

Литература

Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья. М.

АКР. Тульская область. Ч. 1. М., 1999.

АКР. Тульская область. Ч. 2. М., 2002.

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.

Булычев Н. И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры // Записки Московского Археологического института. М.

Воронцов А. М., 2001. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2000 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 24216.

Воронцов А. М., 2008. Отчет об археологических исследованиях в Щекинском, Плавском, Чернском и Заокском районах Тульской области в 2007 г. / Архив ИА РАН.

Воронцов А. М., 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.

Воронцов А. М., Григорьев А. В., 2005. Древнерусский слой городища Картавцево // Куликово Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.

Гендуне Ю. Г., 1903. Отчет в императорскую археологическую комиссию о раскопках, произведенных в 1903 г. / Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.

Генинг В. Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158.

Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Гоняный М. И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.

Григорьев А. В., 2005а. Об этнической принадлежности височных колец «Деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга.

Григорьев А. В., 2005б. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.

Григорьев А. В., Шеков А. В., 1998. Городище X–XI вв. в бассейне р. Упы // Археология Юго-Востока Руси. Елец.

Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра//Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.

Иванов Н. В., 2004. Отчет об археологических исследованиях на городище у с. Лобынское Ленинского района Тульской области и в Заокском районе Тульской области в 2003 г./Архив ИА РАН.

Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.

Левашева В. П., 1967. Браслеты//Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Лопатина О. А., 2005. Новые данные о раскопках селища Кривское 3//Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга.

Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики//РА. № 2.

Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Привески-бубенчики//Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы. Самострел) VIII–XIV вв. М. (САИ. Вып. Е 1–36).

Модин Р. Н., 2013. Находки подвесок «гнездового типа» в бассейне Верхней Оки//РА. № 3.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.

Недошивина Н. Г., 1967. Перстни//Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Недошивина Н. Г., 1980. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец//Тр. ГИМ. Вып. 51. М.

Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н. э. М.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.

Петрашенко В. А., 1992. Керамика IX–XII вв. Среднего Поднепровья//Древнерусская керамика. М.

Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.

Прошкин О. Л., 2001. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. Дисс. ... к.и.н./Архив ИА РАН. Ф.1. Р-2. № 2667.

Прошкин О. Л., 2011. Чертово городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга.

Прошкин О. Л., 2013. Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Поочья//АП. Вып. 9. М.

Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец//Славяне и Русь. М.

Равдина Т. В., 1975а. Древнейшие семилопастные височные кольца//СА. № 3.

Равдина Т. В., 1975б. Хронология «вятичских» древностей. Автореф. дисс. ... к.и.н. М.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений Подмосквья//МК. М.

Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. М. (САИ. Вып. Е 1–60).

Сарачев И. Г., 1997. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья (по материалам Новгород-Северского Подесенья)//Древности Евразии. М.

Сарачева Т. Г., 1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII в.)//История и эволюция древних вещей. М.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Смирнова М. Е., 1989. Отчет о работе Тульского отряда ДЭ ИА РАН СССР на селище Уткино Киреевского района Тульской области в 1989 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 13613.

Соловьева Г. Ф., 1978. Семилучевые височные кольца//Древняя Русь и славяне. М.

Столяров Е. В., 2013. Отчет об археологических исследованиях в Заокском и Кимовском районах Тульской области в 2012 г./Архив ИА РАН.

Тавлицева Е. Ю., 1996. Результаты раскопок селища Заозерье 2 1993–1995 гг./Археологические памятники Москвы и Подмосквья. М. (Тр. МИГМ. Вып. 9).

Успенская А. В., 1964. Древнерусское поселение Бенницы//Ежегодник Государственного Исторического музея. 1962 г. М.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески//Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Фехнер М. В., 1967. Шейные гривны//Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 43).

Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987. (Археология СССР).

Флеров В. С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград.

Фролов А. С., Прошкин О. Л., 2011. Таруса в X–XV вв. (по данным археологии). Калуга.

Фролов А. С., Хайбулин Р. Ф., 1980. Раскопки и разведки на Верхней Оке//АО 1979 г. М.

Халикова Е. А., 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2.

Шинаков Е. А., 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3.

Щеглова О. А., 2002. Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Шеков А. В., 1996. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 20271.

Шинаков Е. А., Грачев С. Ю., 2012. О южной границе вятичей в Подесенье // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Мате-

риалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга.

Шпилев А. Г., 2009. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск.

Шполянский С. В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Тр. ГИМ. Вып. 103. М.

Юшко А. А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.

Юшко А. А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

A. M. Vorontsov, R. N. Modin

Old Russian horizon of Akinshino site

Summary

The article is concerned with the materials of ancient times from research on the site Akinshino in 2009–2010. During excavations the remains of building of this period were studied, representative materials

were collected. Most of the remains belong to the end of the 10th – early 13th centuries, some of them to the end of the 9th – early 10th centuries.

О. В. Орфинская

Льняное платье X века из погребения Ц-301 могильника Гнёздово

Текстильный материал из камерного погребения Ц-301 могильника Гнёздово уже не раз привлекал к себе внимание (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 190–205; Фехнер, 1999. С. 8–10; Пушкина, Орфинская, 2011. С. 92–99; Orfinskaya, Pushkina, 2011. P. 35–51; Орфинская, 2012. С. 94). И этот интерес вполне обоснован: уникальный текстильный комплекс содержал изделия из шелковых, льняных и шерстяных тканей. Конечно, основное внимание в публикациях было уделено парчовому красному платью с драконами, а вот фрагменты льняного платья оставались в тени.

До начала нашего исследования все текстильные фрагменты комплекса из кургана Ц-301 были промыты и частично расправлены реставратором А. К. Ёлкиной¹. Это, с одной стороны, облегчило работу (чистый материал), с другой – усложнило, так как некоторые детали уже невозможно было уточнить.

На первом этапе исследования все обрывки льняных тканей были разделены на три группы. Основанием для такого деления послужили характеристики тканей – плотность и цвет. По плотности ткани разделились на «тонкие», с более высокой плотностью, и «толстые», с низкой плотностью. По цвету – на окрашенные в синий цвет и неокрашенные.

В первую группу включены фрагменты льняной «тонкой» ткани синего цвета (рис. 1). В этой группе отдельные детали имеют подогнутый край, направленный поперек нитей основы. Часть дета-

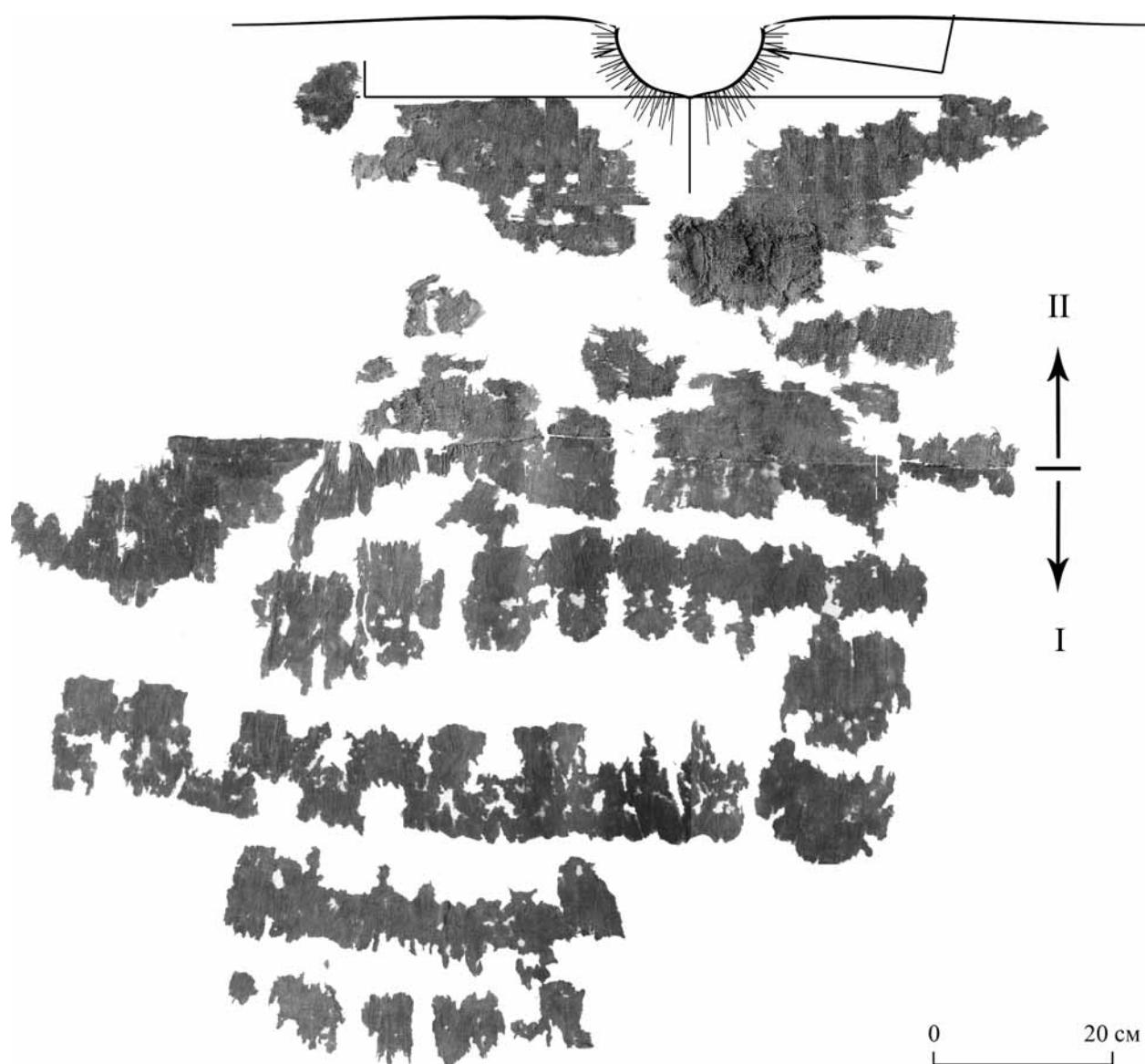
лей с подогнутым краем собраны в мелкие складки, сложенные глубиной около 0,5 см и укрепленные на четыре нити (рис. 2). Несколько фрагментов имеют швы, где две ткани по сторонам с кромками соединены между собой. При этом сначала края с кромками были подогнуты, а затем по сгибу сшиты. Именно эти фрагменты позволяют утверждать, что ширина ткани была не менее 50 см.

В результате микроскопических исследований ткани и волокон можно сделать заключение, что данное полотно окрашивалось в виде нитей или, что более вероятно, в уже готовой ткани. Исследования красителей этой ткани проводились методами спектрофотометрии и жидкостной хроматографии в Новосибирском институте органической химии им. Н. Н. Ворожцова РАН. В результате этих работ в образцах был идентифицирован индиго (индигодин). Его пик в хроматограмме довольно интенсивный, при этом полностью отсутствует индирубин, что свидетельствует о том, что окраску производили, скорее всего, индигоносным растением вайдой².

Ко второй группе относятся фрагменты «толстой» неокрашенной льняной ткани. Два фрагмента имеют подгиб по одной стороне и следы нерегулярных складок. На основе одного из этих двух фрагментов (рис. 3) можно реконструировать форму выреза горловины. Это прямая линия длиной около 40 см, край ткани подогнут, подшит и собран относительно крупными складками. Перпендикулярно подогнутому краю проходил шов,

¹ Ёлкина А. К. – реставратор текстиля, работала в ГНИИР (Москва). Сейчас материал находится в основном фонде ГИМ, в отделе археологии. Все фрагменты льняного платья из Гнёздово были окончательно отреставрированы группой реставраторов под руководством Н. П. Сеницыной (ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря).

² Вайда красильная (лат. *Isatis tinctoria*) – растение семейства капустные, вид рода вайда. Растение широко культивировалось в Европе ради получения синей краски (<http://ru.wikipedia.org>).

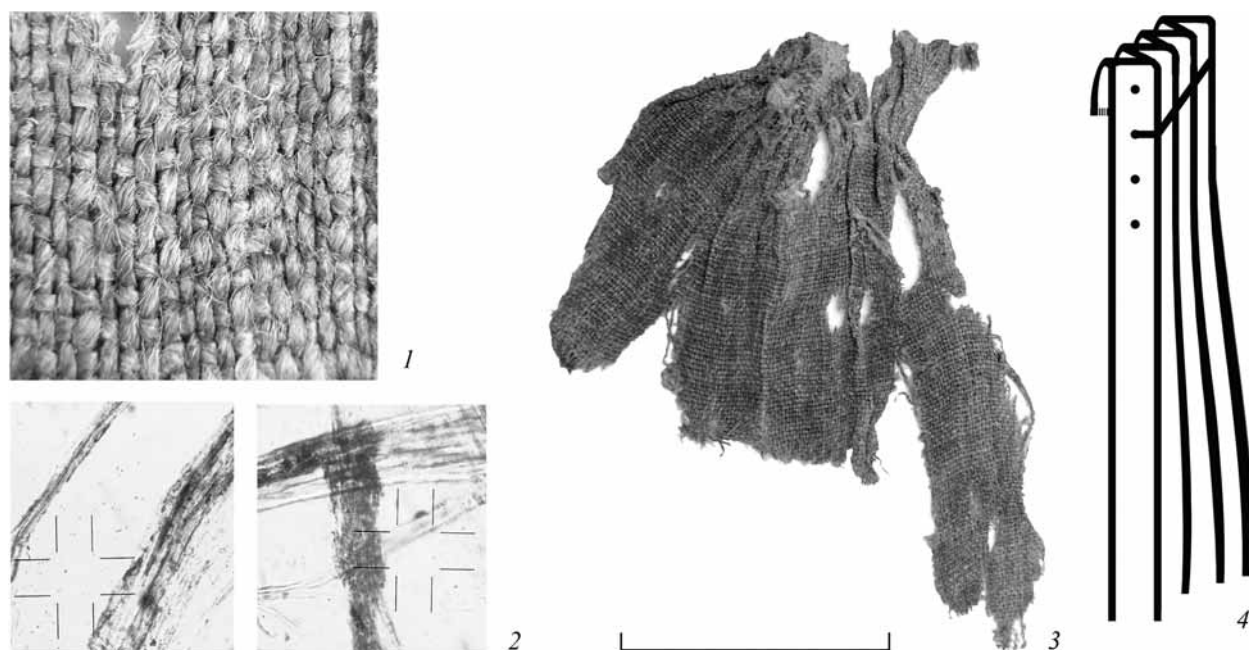

Рис. 1. Фрагменты льняного платья (разложены изнаночной стороной вверх)

I – фрагменты первой группы; II – фрагменты второй группы

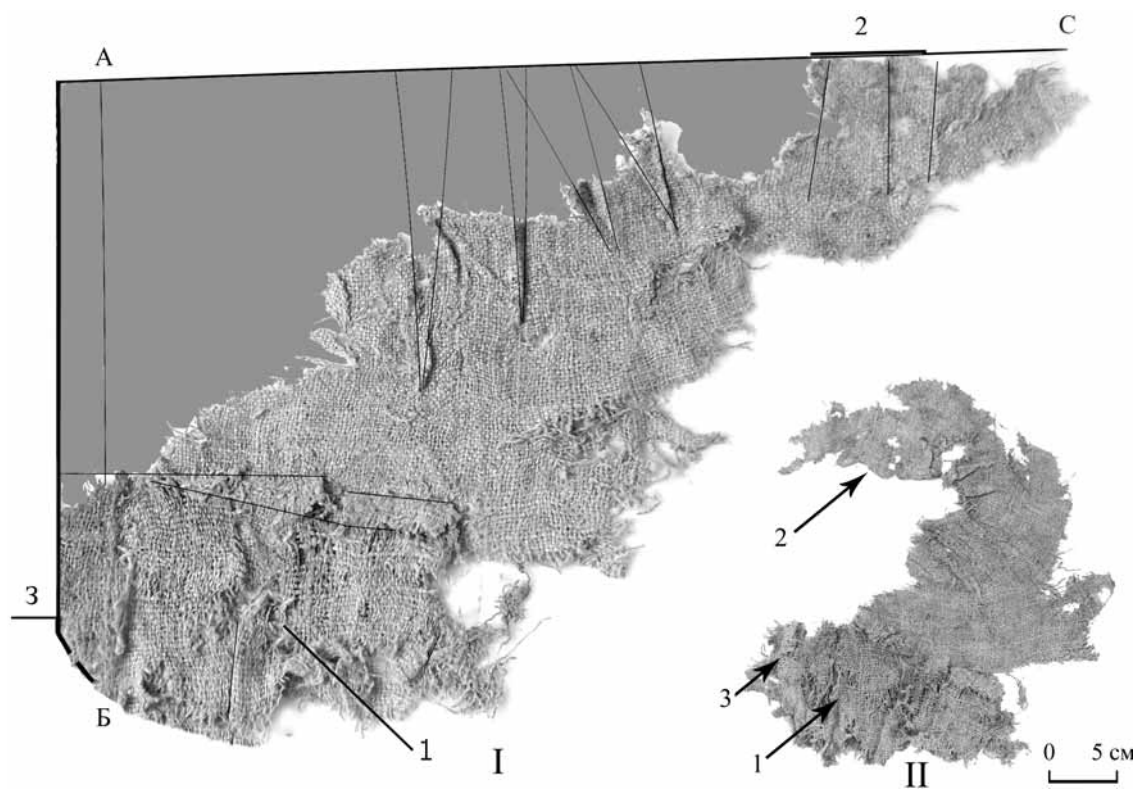
который укреплял планку вертикального разреза, проходящего от горловины вниз на 15 см. Нижнее завершение планки было закругленным. Чтобы понять конструкцию этой детали, были сшиты экспериментальные образцы, на основе которых и был сделан вывод о системе оформления вертикального разреза. Шов, укреплявший планку, проходил по ткани, на которую уже была пришита заплатка. Заплаткой мы назвали второй слой ткани размером 10×20 см, пришитый к основной ткани. Обрезанные края не обработаны, т.е. срезы ткани оставлены открытыми. Планка и заплатка позволяют определить изнаночную сторону изделия. Если принять за изнаночную

сторону ту, где находятся открытые срезы ткани, то мы получаем, что верхний край фрагмента имеет подшитый край, загнутый на лицевую сторону. Это возможно в том случае, если этот край был закрыт некой отделкой. И такая ткань нашлась: небольшие обрывки, а точнее, отдельные нити синего цвета были зацеплены за край. Можно предположить, что вырез горловины был оформлен льняной тканью синего цвета. К этой группе относится небольшой обрывок, имеющий шов, соединяющий между собой две одинаковые «толстые» ткани. Система соединения: края срезы, подогнуты и прошиты встык. Направление нитей основы не определяется, поэтому можно

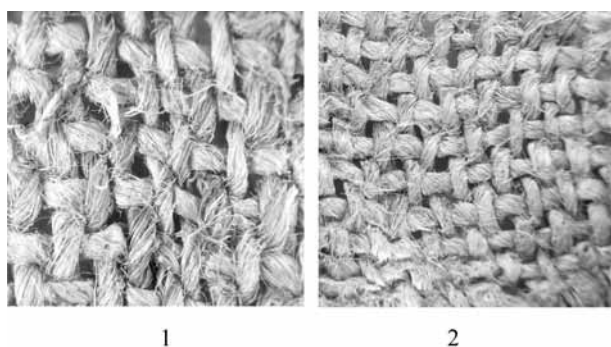
Рис. 2. Фрагмент ткани первой группы (см. цв. вкл.)

1 – микрофотография льняной синей ткани (сторона квадрата 1 см); 2 – микрофотография льняных волокон, окрашенных в синий цвет. На фотографиях видно, что краситель неравномерно распределен на поверхности волокон; 3 – фрагмент ткани с мелкими складками; 4 – схема закрепления мелких складок на четыре нити: три нити проходят насквозь, а вторая сверху нить укрепляет складки по внешней стороне изделия

Рис. 3. Фрагмент ткани второй группы (см. цв. вкл.)

I – фрагмент расправлен по нитям основы и утка; II – фрагмент ткани до того, как был расправлен.
1 – заплатка; 2 – подшитый край; 3 – шов, укрепляющий планку. А–Б – 15 см; А–С – 35 см

Рис. 4. Микрофотографии неокрашенных тканей

1 – ткань второй группы; 2 – ткань третьей группы.
Сторона квадратов – 1 см

предположить, что это фрагменты бокового шва стана или, что кажется более вероятным, часть полика – плечевой вставки.

Среди всех фрагментов есть три, где соединены ткани из двух групп вместе: неокрашенный и окрашенный лен. На них четко видно, что синяя ткань подшита к светлой. На отдельных участках синяя ткань собрана складками, а на отдельных – нет. Следовательно, складки располагались неравномерно по линии соединения двух тканей. Соединительный шов выполнен очень грубо. Система соединения та же, что и в других случаях: края ткани подогнуты и сшиты встык. Срезы неровные, края оставлены открытыми.

К третьей группе относятся фрагменты, близкие по плотности к синей ткани, но без окраски (рис. 4). На нескольких из них видно, что ткань была срезана под углом относительно нитей основы (рис. 5). Вероятно, это части синей ткани, но полностью потерявшие свою окраску. Нельзя исключить, что ткани этой группы никогда и не были окрашенными.

До начала перехода к рассуждениям о реконструкции платья надо принять утверждение, что все льняные фрагменты тканей относятся к одному изделию. Так, нет сомнений, что «толстая» и «тонкая» ткани были сшиты между собой. А вот ткань третьей группы нигде не соединяется ни с первой, ни со второй. Следовательно, это могло быть совершенно отдельное изделие. Однако мы как предположение рассматриваем все льняные ткани в качестве фрагментов одного изделия, и это изделие – платье (рубаха), что также в данном случае принимается за аксиому.

Существуют две базовые системы кроя архаичных рубах. Это туникообразная рубаша и рубаша с поликами. В первом варианте ткацкий кусок перегибается пополам по линии плеч и вырезается округлый вырез горловины. Во втором – отдельные ткацкие куски соединяются плечевыми вставками – поликами. Вырез, таким образом, строится из прямых срезов передней и задней частей стана и поликов. Так как наш фрагмент стана со складками по вырезу горловины имеет расстояние от центрального разреза до обрыва почти 40 см по прямой, то, следовательно, за базовую выкройку нашей рубахи мы должны принять раскрой рубахи с поликами. Чтобы проверить правильность наших предположений такая рубаша была выкроена и сшита. Затем она была распорота и обрезана до состояния археологических фрагментов. Противоречий с артефактами не возникло. Поэтому можно предположить, что льняное платье из кургана Ц-301 имело выкройку, основанную базовой поликовой формой (рис. 6).

Очень интересным является наличие отрезной юбки с мелкими складками. Аналогичная система закрепления складок фиксируется в материале XIII в. (Сабурова, 1987. С. 102; 1998. С. 290–296; Орфинская, Михайлов, 2013. С. 78). М. В. Горелик считает, что «одеяние с отрезным сборчатým подолом»³ спорадически появляется в среде пастушеских народов Евразии, с начала н. э. стабильно бытует в Центральной Азии, откуда к середине I тыс. гуннами и огузами, исчезнув на родине, переносится в Европу, где получает широчайшее распространение в качестве престижной одежды верхов общества» (Горелик, 2010. С. 87). У меня пока нет своего мнения по поводу развития отрезной со складками формы одежды.

В камерном погребении № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове (Орфинская, Зубкова, 2008. С. 56–75; Зубкова, Орфинская, 2009. С. 294–309) были обнаружены фрагменты льняного синего платья. По многочисленным сильно разрушенным остаткам синей ткани невозможно определить общую систему кроя, но один фрагмент сохранился хорошо. Это обрывок ткани в районе ворота, который находился на внутренней стороне фибулы (рис. 7). Фрагмент, собранный по краю в мелкие складки, в развернутом виде имеет длину около 20 см по прямой

³ К сожалению, в работе складки не разделяются по системе их крепления; естественно, по изображениям это сделать невозможно.

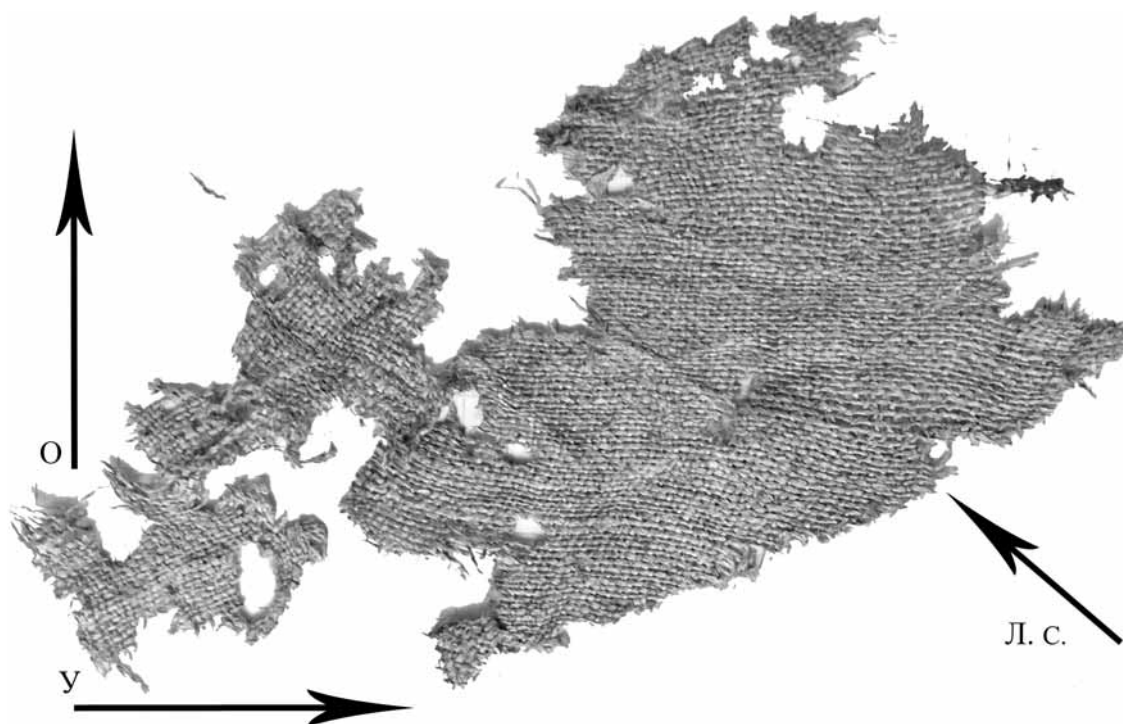

Рис. 5. Фрагмент ткани третьей группы (О, У – направление нитей основы и утка; Л. с. – линия среза)

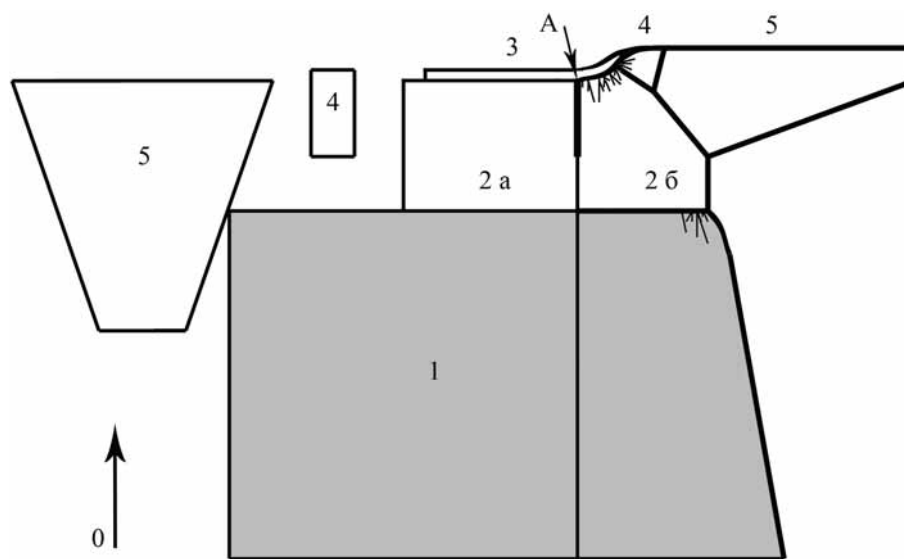

Рис. 6. Вариант реконструкции выкройки платья из кургана Ц-301 Гнёздово

1 – полотно юбки (4 детали); 2а, 2б – детали верхней передней части стана (2а – деталь имеет планку (А) и заплатку); 3 – одна или две детали спинки; 4 – полики (две детали); 5 – два рукава. О – направление нитей основы

линии в направлении нитей утка. Следовательно, линия горловины была прямая, а это значит, что платье имело ту же базовую выкройку, что и платье из Гнёздово. Система формирования складок

по вырезу горловины соответствует системе складок на юбке платья из Ц-301. Сравнивая между собой эти два платья, можно отметить как их сходство, так и различия (табл. 1).

Таблица 1. Два льняных платья X в.: из Пскова (СтВз-IV, погребение № 3) и Гнёздова (курган Ц-301).

Характеристики	Платье из Пскова	Платье из Гнёздова
Ткань	Льняное полотно	Два типа льняного полотна: «тонкое» и «толстое»
Средняя плотность ткани	18/14 н/см (крутка нитей основы/утка Z/Z)	«Тонкое» – 18/12 н/см (Z/Z); «толстое» – 8/8 н/см (Z/Z)
Окраска в синий цвет	Окраска в форме ткани	«Тонкое» – в ткани; «толстое» – окраска отсутствует
Оформление выреза горловины	Мелкие складки и шнур, подшитый встык. Фиксируется центральный разрез (кромка). Ворот завязывался шнуром	Крупные складки. Центральный разрез оформлен планкой, кромки не зафиксированы
Ширина ткацкого куска	Вероятно, 40–50 см (по центру стана проходит шов, соединяющий два полотна)	«Тонкая» – не менее 50 см; «толстая» – если разрез был по центру ткацкого куска, то ширина полотна была не менее 80 см
Длина по рукавам	Наличие манжет указывает на длинный рукав	Возможно, длинный
Длина изделия	Нет данных	Нет данных
Силуэт	Нет данных	Отрезное (возможно, ниже или выше линии талии), с расширяющейся за счет складок юбкой
Наличие шелковой отделки	Шелковые манжеты и, возможно, полоса отделки по подолу	Отдельно среди фрагментов тканей обнаружены фрагменты от шелковой полосы отделки
Качество пошива	Хорошее ⁴ (по вороту)	Хорошее (юбка), среднее (вырез горловины) и плохое (соединение юбки и лифа)
Наличие следов ремонта	Нет данных	Возможно, была пришита заплатка

Общим для этих платьев является датировка (X в.) и место обнаружения – камерные погребения. Оба платья находились в берестяных кузовках или туесках, т. е. являлись дарами. Ткани синего цвета имеют близкие характеристики. Однако платье из Пскова было сшито целиком из синей ткани, а гнёздовское – только наполовину. Верхняя часть платья из «толстой» ткани имеет заплатку, грубые швы и необработанные края срезов (возможно, верхняя часть была с подкладкой) – все это может указывать на переделку платья из кургана Ц-301. Возможно, при перешивании синюю юбку от качественного платья объединили с менее качественным верхом. Можно предположить, что данное платье носилось с некоей верхней одеждой, которая закрывала спину и грудь и открывала часть юбки и рукава.

Как вписывается полученная информация в существующую картину наших представлений

о женской одежде X в.? К сожалению, придется признать, что никак, т. к. изобразительные и письменные источники на период IX–X вв.⁵ отсутствуют. Находки нетекстильных материалов позволяют выполнить реконструкцию отдельных элементов костюма. Иногда аксессуары, например, пуговицы, пряжки, детали отделки по разрезам и пр., помогают предположить некоторые особенности одежды или способа ее ношения. Однако по ним чаще всего невозможно сделать выводы о крое. Немногочисленные находки текстиля IX–X вв. позволяют определить набор тканей, бытовавший на определенных территориях, что может свидетельствовать об уровне развития текстильных технологий в данном месте или о торговых связях. Однако, чтобы представить крой изделия, необходимо иметь достаточно большие или ключевые фрагменты от этих изделий, что встречается крайне редко.

⁴ Характеристика качества пошива условна, в данном случае она определялась визуально: учитывались равномерность стежков и обработка срезов.

⁵ Мы не берем скандинавские саги, т. к. имеющаяся в них информация не раскрывает системы кроя одежды и не позволяет однозначно выделить временной период.

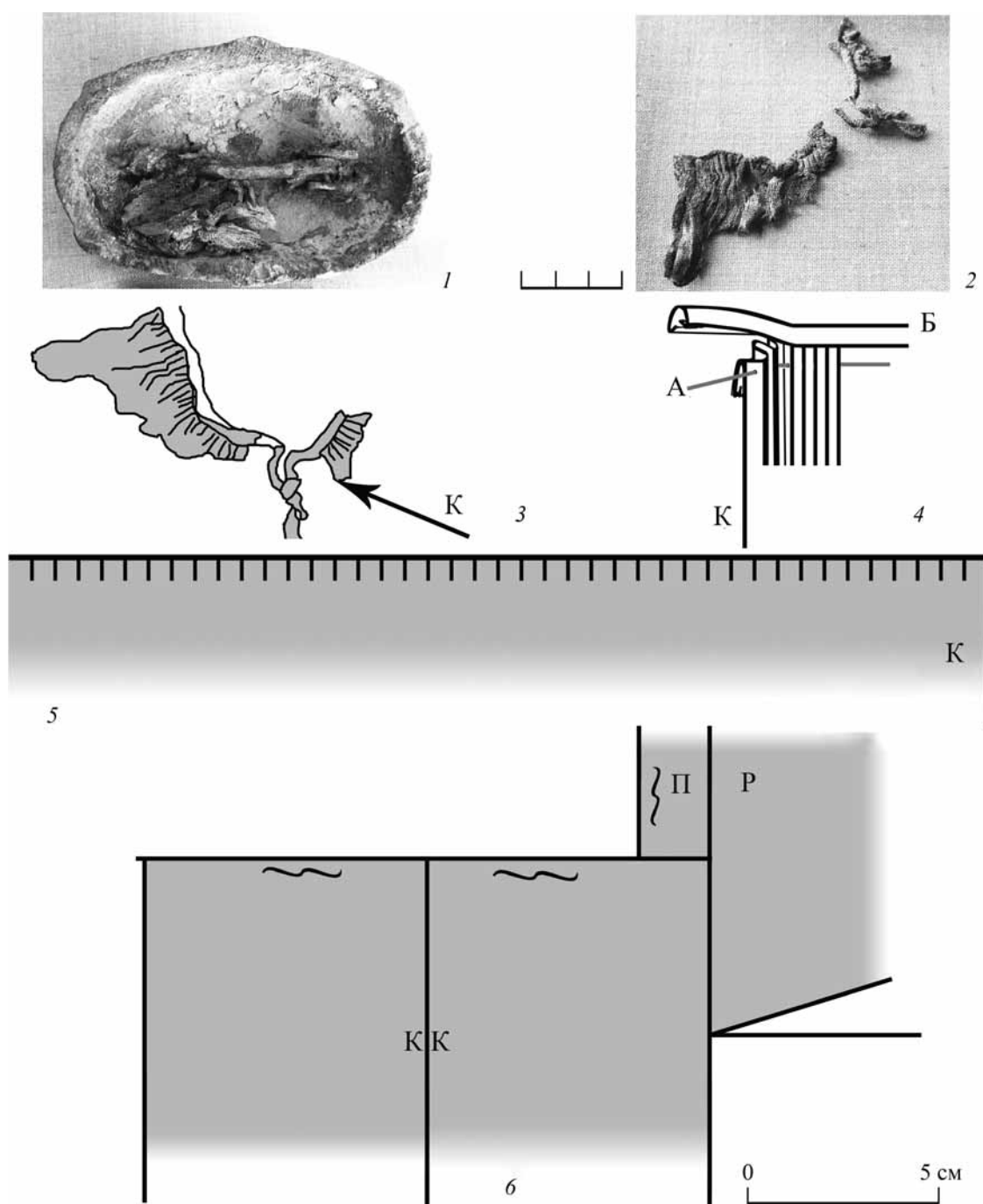

Рис. 7. Фрагмент льняного платья из камерного погребения в Пскове

1 – внутренняя сторона фибулы с остатками текстиля; 2 – фрагмент ворота платья после реставрации (реставратор Е. С. Зубкова); 3 – прорисовка фрагмента; 4 – схема обработки выреза горловины. Ткань вырезана по прямой линии.

Край подогнут и собран мелкими складочками. По краю пришит рулик из той же ткани, переходящий в завязки; 5 – схема расправленного фрагмента. Расчетная длина 25 см; 6 – вариант реконструкции кроя. Кромка ткани указывает, что было сшито два полотна со швом по центру. Такой вариант возможен только при наличии плечевой вставки – полика.

А – нить, на которую собраны складки; Б – рулик; К – боковая кромка ткацкого куска; Р – рукав

Полученная информация натолкнула на размышления о зависимости формы одежды от уровня развития текстильного производства. Например, тип ткацкого станка определяет длину полотна, что напрямую связано с формой одежды (шили из того, что производили). На вертикальном ткацком станке в своей первоначальной форме получалось только короткое полотно, следовательно, одежда должна была строиться из коротких кусков. Горизонтальный ткацкий станок позволял вырабатывать полотно длинное, следовательно, и одежда шилась из длинного ткацкого куска. Для рубахи с поликами требуется ткань, по длине равная длине изделия или его половине, как в случае с отрезной юбкой; для туникообразной рубахи – равная двум длинам изделия. Следующий шаг размышлений приводит к предположению, что смена ткацкого станка должна приводить и к смене формы одежды. Тем более

что исторически каждая базовая выкройка связана с определенным сырьем и типом ткацкого станка. С вертикальным станком в Древней Греции связано появление хитона и его дальнейшее развитие в поликовую форму, а с горизонтальным в Древнем Египте – появление туникообразной рубахи (Орфинская, 2012. С. 76–93).

Находки фрагментов двух льняных платьев из погребений X в. Пскова и Гнёздовского могильника дали возможность реконструировать вырезы горловин и предположить, что платья относятся к одежде с поликами. Однако в результате проведенной работы наряду с получением конкретных данных появились новые вопросы. Если находки льняных платьев происходят из скандинавских погребений, то насколько они отражают общую картину древнерусской одежды? Возникло много других вопросов, ответов на которые пока нет.

Литература

Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.

Горелик М. В., 2010. История одного евразийского одеяния (тезисы) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М.

Зубкова Е. С., Орфинская О. В., 2009. Опыт исследования и реконструкции текстиля из раскопок погребений в Пскове // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М.

Зубкова Е. А., Орфинская О. В., 2011. Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. // Археологические вести. Вып. 16. СПб.

Пушкина Т. А., Орфинская О. В., 2011. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнездове // АИППЗ. М.; Псков.

Орфинская О. В., 2012. Комплект женской одежды // Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.

Орфинская О. В., 2012. Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. СПб.

Орфинская О. В., Зубкова Е. С., 2008. Предварительные итоги исследования текстиля из погребения № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове // АИППЗ. Материалы LIII заседания. Псков.

Орфинская О. В., Михайлов К. А., 2013. Древнерусское «платье» из Изяславля // РА. № 4.

Сабурова М. А., 1987. Древнерусский костюм // Древняя Русь: быт и культура. М. (Археология СССР).

Сабурова М. А., 1998. Ткани XII – начала XIII в. из Суздаля // Культура славян и Русь. М.

Фехнер М. В., 1999. Ткани из Гнёздова // Тр. ГИМ. Вып. 111. М.

Zubkova E., Orfinskaya O., Mihailov K., 2010. Studies of the Textiles from the 2006 Excavation in Pskov // North European Symposium from Archaeological. Textiles Oxford. (Ancient Textiles series. Vol. 5).

Orfinskaya O., Pushkina T., 2011. 10th century AD textiles from female burial W-301 at Gnëzdovo, Russia // Archaeological Textiles Newsletter. Vol. 53. Copenhagen.

O.V. Orfinskaya

Linen dress of the 10th century from burial C-301 of burial ground Gnezdovo

Summary

The article suggests a variant of the pattern of women's dress of the 10th century, built on the basis of a research of fragments of linen cloth found in the burial C-301 of burial ground Gnezdovo. Fragments

of female linen dress from the burial in Pskov confirm the possibility of existence in the 10th century of woman's dress, which was built on the basis of the pattern shirt with shoulder inserts.

В. В. Миненко, А. В. Яганов

Древнерусское городище Карачев и церковь Михаила Архангела конца XII века. Археологические исследования 2012 года

Памятник «Карачевская крепость XII–XVII вв.»¹ находится в юго-западной части города Карачева Брянской области, на правом высоком берегу р. Снежеть (рис. 1). Овальное в плане городище вытянуто с юго-востока на северо-запад, выходя западной и южной частью на высокий берег реки. Напольная северная и северо-восточная стороны городища фиксируются по валам, от которых сохранились небольшие фрагменты восточного и северного участков и заплывшее углубление, указывающее на остатки рва. Большая часть территории памятника застроена одноэтажными частными домами с приусадебными участками, в северо-западной части площадки городища расположен каменный собор Михаила Архангела, построенный в начале XVIII в. и перестроенный в середине XIX в., с небольшой площадью к югу от здания (АКР, 1993. С. 102) (рис. 1–4).

Карачевская крепость была впервые обследована сотрудниками ИА АН СССР в 1964–1967 гг. (Никольская, 1972. С. 4). В 1967 г. С. С. Ширинский провел зачистку края оврага на западном склоне городища. На участке длиной 1,5 м зафиксирована мощность культурных отложений около 2,2 м, проведен сбор подъемного материала и снят схематический план городища с целью «выяснения его сохранности для дальнейших раскопок» (Никольская, 1967. С. 1). На глубине 1,30–1,45 м от дневной поверхности, под толщей напластований с находками круговой керамики XIV–XVIII вв. (включая слой битого кирпича времени возведения собора – начала XVIII в.), был обнаружен еще один слой битого

кирпича и глины (мощностью до 10 см). Под ним на глубину 0,65 м зафиксирован «слой серовато-черной супеси, содержащий обломок стеклянного браслета и керамику исключительно XII–XIII вв.» (Никольская, 1967. С. 8). Этот второй слой кирпича (вероятно, плинфы XII в.) в то время не получил своего объяснения и остался без внимания на долгие годы.

Повторно городище было обследовано в 1974 г. А. С. Смирновым (1974), а в 1988 г. осмотрено сотрудником БГОКМ Г. П. Поляковым (1996. С. 6). Разведки сотрудников БГОКМ Е. А. Чеплян-ской и Н. Е. Ющенко были проведены в 1998 г. близ городища по обоим берегам Снежети. В результате было обнаружено и обследовано пять селищ X–XIII и XIV–XVII вв. (Карачев 2, 3, 4 и Затинная 1 и 2), которые, по мнению исследователей, могут являться частью посада древнерусского Карачева (Чеплянская, 1998. С. 6–10).

В июне 2012 г. Институтом археологии РАН в Карачев направлена комиссия отдела охранных раскопок для осмотра и фиксации разрушений памятника археологии, вызванных строительной деятельностью церковной общины собора Михаила Архангела². В южной стенке траншеи, вырытой вдоль южной стены трапезной собора, был выявлен крупный массив кладки из плинфы, а также мощные развалы этого строительного материала и куски кладочного раствора, покоящиеся на слое темной серо-коричневой супеси. Массив кирпичной кладки при ближайшем рассмотрении оказался упавшим на юг фрагментом стены каменного сооружения.

¹ В археологических отчетах и научной литературе именуется как «Городище Карачев» и «Татарский Вал».

² Комиссию со стороны ИА РАН представляли В. В. Зайцев и А. В. Яганов.

Рис. 1. Карачевская крепость XII–XVII вв. и селища древнерусского времени на территории города Карачев Брянской области (на врезке треугольником обозначен город Карачев, квадратом – Брянск)

- 1 – Карачевская крепость XII–XVII вв. (городище Карачев, Татарский Вал); 2 – селище Карачев 2 (X–XIII вв.); 3 – селище Карачев 3 (X–XIII, XIV–XVII вв.); 4 – селище Карачев 4 (X–XIII вв.); 5 – селище Затинная 1 (XII–XIII вв.); 6 – селище Затинная 2 (XI–XIII вв.)

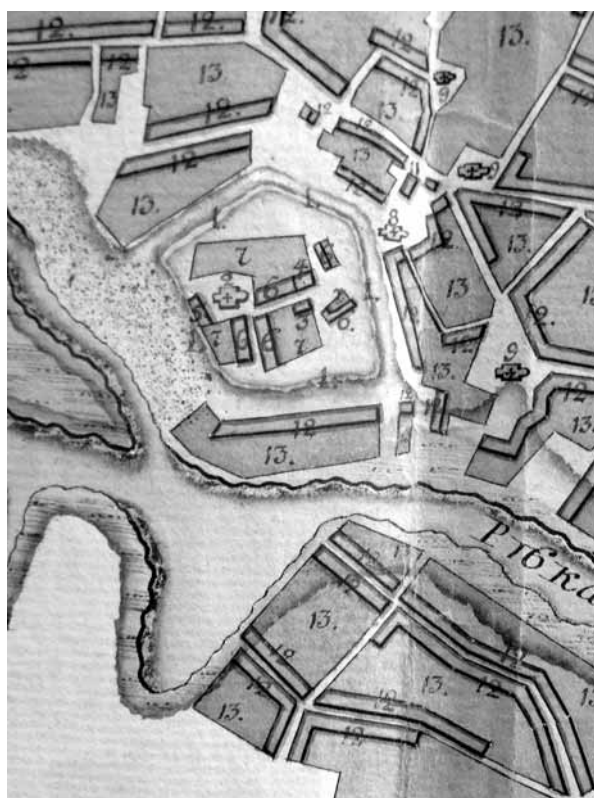

Рис. 2. План города Карачева с поселенными при нем слободами. 1770-е.
Фрагмент. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 227/4047

1 – крепость, «наподобие земляного вала»; 2 – «соборная церковь каменная»; деревянные строения: 3 – «воеводская канцелярия в коей ныне уездной и нижней земской суды»; 4 – уездное казначейство; 5 – духовное правление; 6 – «строения живущих разных чинов людей»; 7 – сады и огороды. В предместье города: 8 – каменные приходские церкви; 9 – деревянные приходские церкви; 10 – каменная часовня; 11 – «строение деревянное Городского магистрата»; 12 – «строения в слободах деревянные живущих разных чинов людей»; 13 – сады и огороды

В результате обследования появились основания считать, что на месте существующего собора Михаила Архангела находилось каменное (по-видимому, церковное) здание домонгольского времени. Было принято решение о начале археологических раскопок на площади объекта культурного наследия, для которой существовала угроза разрушения в ходе проводимых строительных работ. В задачи исследований входило выявление границ распространения развалов кирпичных кладок домонгольского периода и, если представится возможность, определение габаритов, особенностей планировочной структуры бытовавшего здесь каменного здания.

Исторических сведений о закладке, строительстве и освящении каменного церковного здания в Карачеве нет ни в главном источнике по истории Северской земли – Ипатьевской летописи, ни в других более поздних компилятивных сводах. Это не кажется странным, учитывая значительные масштабы каменного строительства XI – начале XIII в.

в Западной и Юго-Западной Руси. Даже та часть остатков каменных сооружений, которую выявили и зафиксировали археологи в XIX–XX вв., подчас не поддается атрибуции из-за недостаточной сохранности письменных источников. Возможно, информация об этих событиях не была известна летописцу или казалась ему незначительной; не исключена, хотя и не слишком очевидна, политическая подоплека подобного умолчания. Несмотря на малочисленность источников, на основании содержащихся в них косвенных данных все же можно высказать некоторые соображения о датировке вновь выявленного карачевского храма.

Карачев находился в восточной части Черниговской земли, с конца XI в. оформившейся как Новгород-Северская территория или Новгород-Северский удел (Зайцев, 1975. С. 78). Город (или центр волости) находился на северо-востоке Новгород-Северского княжества, на границе с землей вятичей («Лесной землей») – труднопроходимым лесным массивом в междуречье Десны и Оки

Рис. 3. Вид площади города Карачева с северной стороны. 2-я пол. XVIII в. Фрагмент (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, № 233/4053)

(Поляков, 1996. С. 7). Масштабы освоения этих земель в домонгольское время неизвестны, хотя по письменным источникам в северной части земли вятичей (или вблизи ее пределов) уже находились такие города или волостные центры, как Козельск, Серпейск, Мосальск, Воротынский.

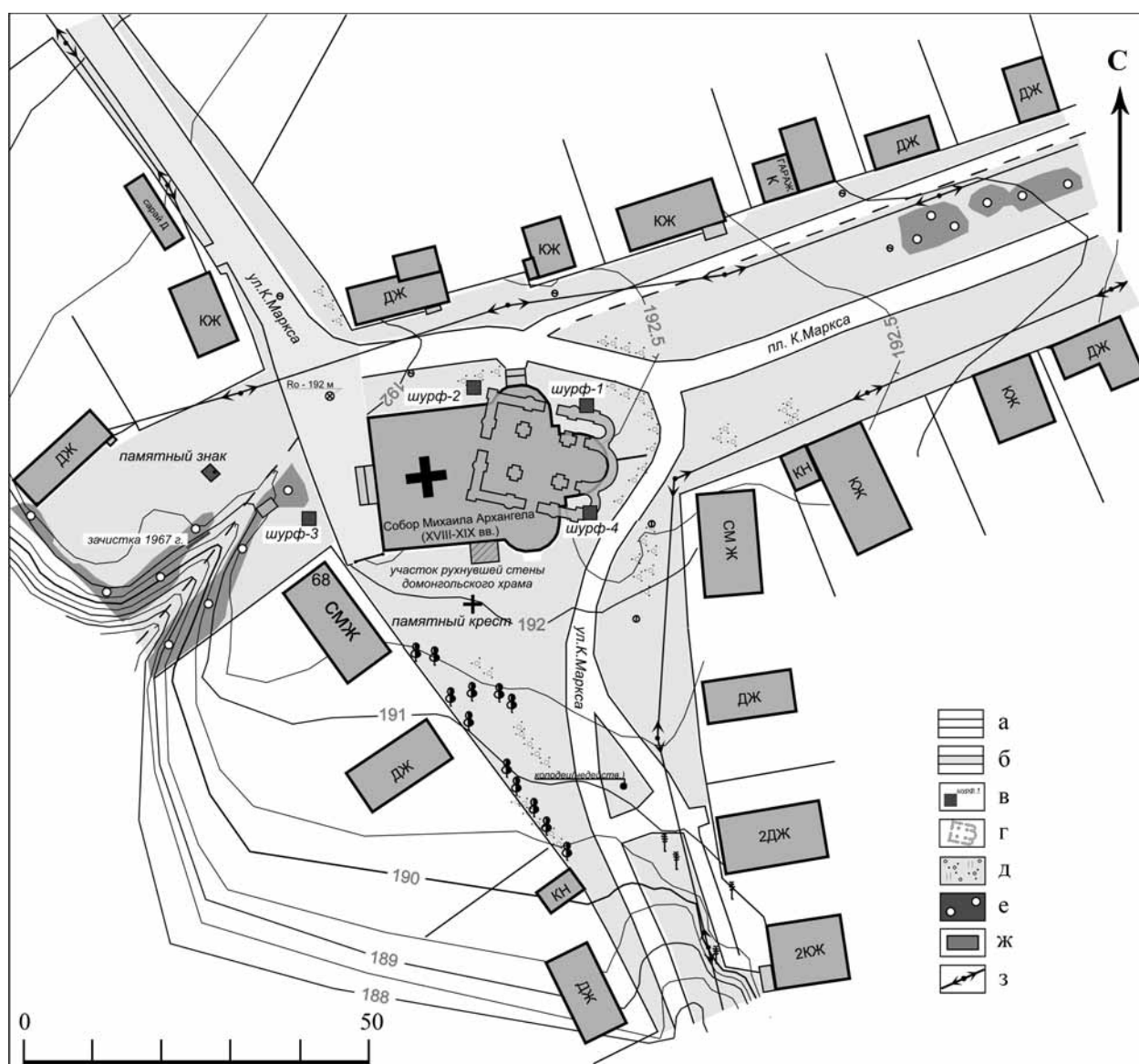
Упоминание Карачева в письменных источниках связано с одной из многочисленных усабиц Южной Руси. После вокняжения в Киеве Изяслава Мстиславича, в конце 1146 – начале 1147 г. великий князь предпринял поход вместе с черниговскими князьями Владимиром и Изяславом Давидовичами и Мстиславом Изяславичем против Игоря и Святослава Ольговичей с целью овладеть северскими землями. Захватив к концу декабря 1146 г. города Новгород-Северский и Путивль, они вынудили Святослава перебраться в Карачев, откуда ему удобно было сообщаться с союзником – суздальским князем Юрием Долгоруким (ПСРЛ, 1908. С. 330–339).

Зимой 1147 г. Святослав Ольгович вынужден был бежать на север: через землю вятичей в Козельск. Великий князь Изяслав и Давидовичи разделили вотчины Игоря и Святослава, причем Карачев достался соблюдавшему в этой между-

усабице нейтралитет племяннику последнего Святославу Всеволодичу: «князь Святослав, сын Всеволода Ольговича, оста во граде Карачеве» (ПСРЛ, 1862. С. 171; Поляков, 1996. С. 5). После вокняжения Юрия Долгорукого в Киеве в 1155 г. Святослав Ольгович отбирает на себя Карачев у племянника «занеже бе его отступил» (ПСРЛ, 1908. С. 479) и владеет городом, видимо, до своей смерти в 1165 г.

В дальнейшем обеими частями Черниговской земли и Карачевом распоряжался Святослав Всеволодович. Уже будучи великим князем, он не раз сюда приезжал, например, в 1185 и 1194 гг. (ПСРЛ, 1908. С. 637; 679). Смерть Святослава Всеволодовича в 1194 г. также связана с этим городом – он заболел по дороге из Карачева в Киев.

Вероятно, до начала XIII в. – Карачев был не полноценным удельным центром в составе Новгород-Северского княжества, а особым городом или, как предполагает Г.П. Поляков, княжеским замком (Поляков, 1996. С. 6). Объяснялось это, скорее всего, его местоположением, поскольку Карачев находился в относительно спокойном и максимально отдаленном от крупнейших княжеств месте. Его важное значение для

Рис. 4. Участок проведения археологических исследований на территории, прилегающей к собору Михаила Архангела в Карачевской крепости XII–XVII вв.

а – грунтовая дорога; б – асфальтированная дорога; в – шурфы с указанием номеров; г – реконструкция плана домонгольского храма; д – кустарник; е – деревья; ж – здания, сооружения; з – ЛЭП. Система координат – условная. Система высот – Балтийская. Горизонтали проведены через 0,5 м

новгород-северских князей, всячески старавшихся закрепить город за собой, вероятно, и определило появление здесь каменного храма Михаила Архангела. Его строительство связано, по мнению Г.П. Полякова, со Святославом Всеволодичем, христианское имя которого было Михаил (Поляков, 1996. С. 7)³. Хотя никаких летописных сведений, подтверждающих этот факт, не находится,

известно, что в 1174 г. Святослав заложил в Чернигове на княжьем дворе каменную церковь Михаила (ПСРЛ, 1908. С. 571), посвящение которой, наверное, надлежит связывать с именем ктитора. Если считать инициатором строительства каменной Михайловской церкви в Карачеве князя Святослава, можно предполагать ее появление до 1194 г. – времени смерти князя.

³ Г.П. Поляков предполагал, что этот храм мог быть каменным.

Неясно, когда же в Карачеве появился свой княжеский стол. Собственно информация о карачевских князьях, отсутствующая весь XIII в., появляется только под (6818) 1310 г.: «Того же лета князь Василей Брянский ходи с Татары к Карачеву, и уби князя Святослава Мстиславича Карачевскаго» (ПСРЛ, 1885. С. 178).

В середине XV в. Карачевом распоряжаются великие литовские князья, жалующие здесь земли своим подданным. Одним из этих лиц был Семен Иванович – сын можайского князя Ивана Андреевича, бежавшего в 1454 г. в Литву от преследования Василия II. Великий князь Александр Казимирович пожаловал его в 1496 г. Черниговом, Стародубом, Гомелем и Карачевом («Акты...», 1846. № 139. С. 163, 164), а в марте 1499 г. подтвердил его право на эти «замки», причем «Карачов и Хотимль» указаны как волости («Подтверждение...», 1910. № 203. Стлб. 744–746).

В 1500 г. князья Семен Иванович Стародубский и Василий Иванович Шемячич (внук князя Дмитрия Шемяки), которому принадлежали Новгород-Северский, Рыльск и Радогощь, перешли на службу к великому князю Ивану III. Официальной причиной их разрыва с великим князем Александром Казимировичем стало принуждение к принятию католичества («Акты...», 1846. № 180. С. 207, 208). После перехода на московскую службу Иван III оставил за князьями уделы, пожалованные им еще в Литве. Семен Стародубский скончался около 1502 г. (Зимин, 1988. С. 137), его земли наследовал сын Василий Семенович, а после его смерти между 1515 и 1518 гг. (Зимин, 1988. С. 138) их вотчиной распоряжается великий князь.

В актах XVI в. Карачев упоминается довольно часто, но никакой информации о топографии города и его каменном храме не содержится. Наибольший интерес к Карачеву проявляется в источниках первой половины XVII в. – Смутного времени и последующих русско-польских войн, особенно в 1607–1608 и 1614–1615 гг. В 1615 г. Карачев сожжен А. Лисовским, и к началу новой русско-польской войны крепость, по-видимому, еще не была восстановлена, поэтому в октябре 1618 г. «бояре приговорили из Карачева [гарнизону] быть в Болхове, а Карачев разорить» («Книги разрядные...», 1853. Стлб. 538). И только в 1621 г. «в Карачеве велено острог ставить, а в Карачеве быть Петру Матвееву сыну Безобразову» («Книги разрядные...», 1853. Стлб. 760); город был вновь заселен стародубскими выходцами.

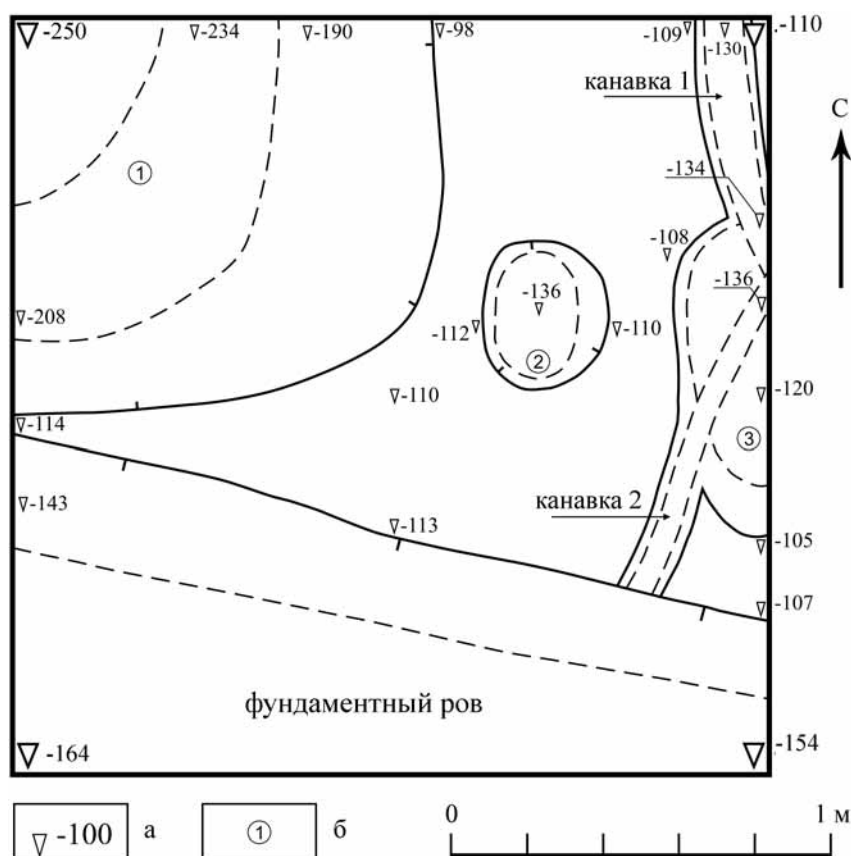
В связи с восстановлением города после разорения в документах упоминается соборная цер-

ковь Михаила Архангела (в одном из документов посвящение церкви трактуется как «Собор Архистратига Михаила»). Карачевскому воеводе Ю. Богданову царской грамотой 1625 г. предписывалось «будеть саборная церковь Архистратига Михайла ветха и поделать той церкви и впредь служить в ней немоч, велеть сметить какову мерою в Карачеве соборную церковь деревянную новую устроить» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 325. Л. 379).

В 1627 г. была составлена смета и краткая роспись Архангельской церкви, где мы находим любопытные сведения: «Церковь была каменна, розволялась давно (курсив наш. – Авт.). А в прошлом во 135-м году, в розоренья, свезена церковь с пустого розоренова места древена клетцки, ветха, стены исшетались, поделать той церкви и впредь служить в ней немочно» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 325. Л. 381). Следовательно, еще в 1627 г. на городище сохранялись руины каменной церкви, которые уже невозможно было использовать, или казна не располагала необходимыми средствами для ее восстановления. Это подтверждает документ 1631 г., где сказано, что деревянная «саборная церковь *середь каменные церкви поставлена меж стен* (курсив наш. – Авт.)» (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. № 51. Л. 474). Постановка деревянной (или даже каменной) церкви в руинах древнего храма практиковалась не так уж редко. Например, по свидетельству польского источника 1585 г., в Трубчевске «на месте каменной церкви, от которой еще видны некоторые части, стоит теперь деревянная» (Мартин Груневег, 2013. С. 187). Позже, в XVII в., факты подобного использования остатков древних каменных церквей известны в Киеве, Чернигове и Остре.

Перевезенная в Карачев в 1626/27 г. ветхая деревянная церковь представляла собой «столп в шесть стен, а со олтарем в девять стен ж» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 325. Л. 381), то есть с шестигранной храмовой частью и прямоугольным алтарем. Судя по смете, необходимо было построить новую паперть, отремонтировать алтарь и пол, перекрыть кровлю.

По сведениям Писцовой и межевой книги по г. Карачеву 1684 г. церковный участок собора Михаила Архангела с кладбищем имел размеры 10×8 сажений (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9184. Л. 4 об.). В дальнейшем никаких упоминаний о существовании в Карачеве остатков древнего каменного храма в письменных источниках нет, а речь идет о сменившей его деревянной церкви

Рис. 5. Шурф 1. План по матерiku
а – нивелировочная отметка; б – номер ямы

и построенном в 1701–1705 гг. каменном храме Михаила Архангела⁴.

Археологические раскопки на территории Карачевского городища проводились в сентябре 2012 г. В процессе работ была исследована площадь 16 кв. м (четыре шурфа размером 2×2 м). В шурфах 1 и 2, заложенных к северу и северо-востоку от собора, прослежена в целом однотипная стратиграфия культурных напластований, достигавшая мощности (без учета ям и сооружений) 80–105 см.

В шурфе 1 (рис. 5; 6) под слоем дерна отмечена гумусированная коричневая супесь, насыщенная крупным и мелким боем плинфы, кусками кладочного раствора мощностью 45–80 см. Ниже шел слой серой супеси с тленом, углем и печиной, мощностью 6–30 см. Под ним фиксировался слой бело-желтого песка с включениями светло-серой

супеси и углей толщиной 5–25 см. Он залегал на бело-желтом ожелезненном материковом песке.

В профиле восточной стенки шурфа прослежено заполнение ямы 3, которая была впущена в материк с поверхности предматерикового слоя и перерезала более ранние частокольные канавки. В верхней части ямы зафиксирован развал печи в виде мощного слоя красновато-рыжей обожженной глины (печиной) толщиной 10–28 см. Основное заполнение ямы состояло из слоя серой супеси с включениями угольков, печины (рис. 6) и содержало обломки круговой посуды XII – начала XIII в.

В южной части шурфа 1 была зафиксирована трасса внешней стенки выбранного фундаментного рва каменного здания, ориентированного осью с СЗ на ЮВ и уходившего в восточный и западный борты. Участок рва (2,0×0,1–0,4 м) засыпан битой плинфой, счистками кладочного раствора

⁴ Сохранился субподряд от 4 апреля 1701 г., составленный между ярославским каменщиком Григорием Алексеевым Белым и крестьянином «Московского уезду Воскресенского монастыря, что на реке Истре, подмонастерныя вотчины села Вознесенского» Иваном Матвеевым Варнасом «в городе Карачеве построить каменную соборную церковь во имя Архангела Михаила» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1029). Эта церковь была освящена летом 1705 г. (Холмогоров, 2010. С. 379).

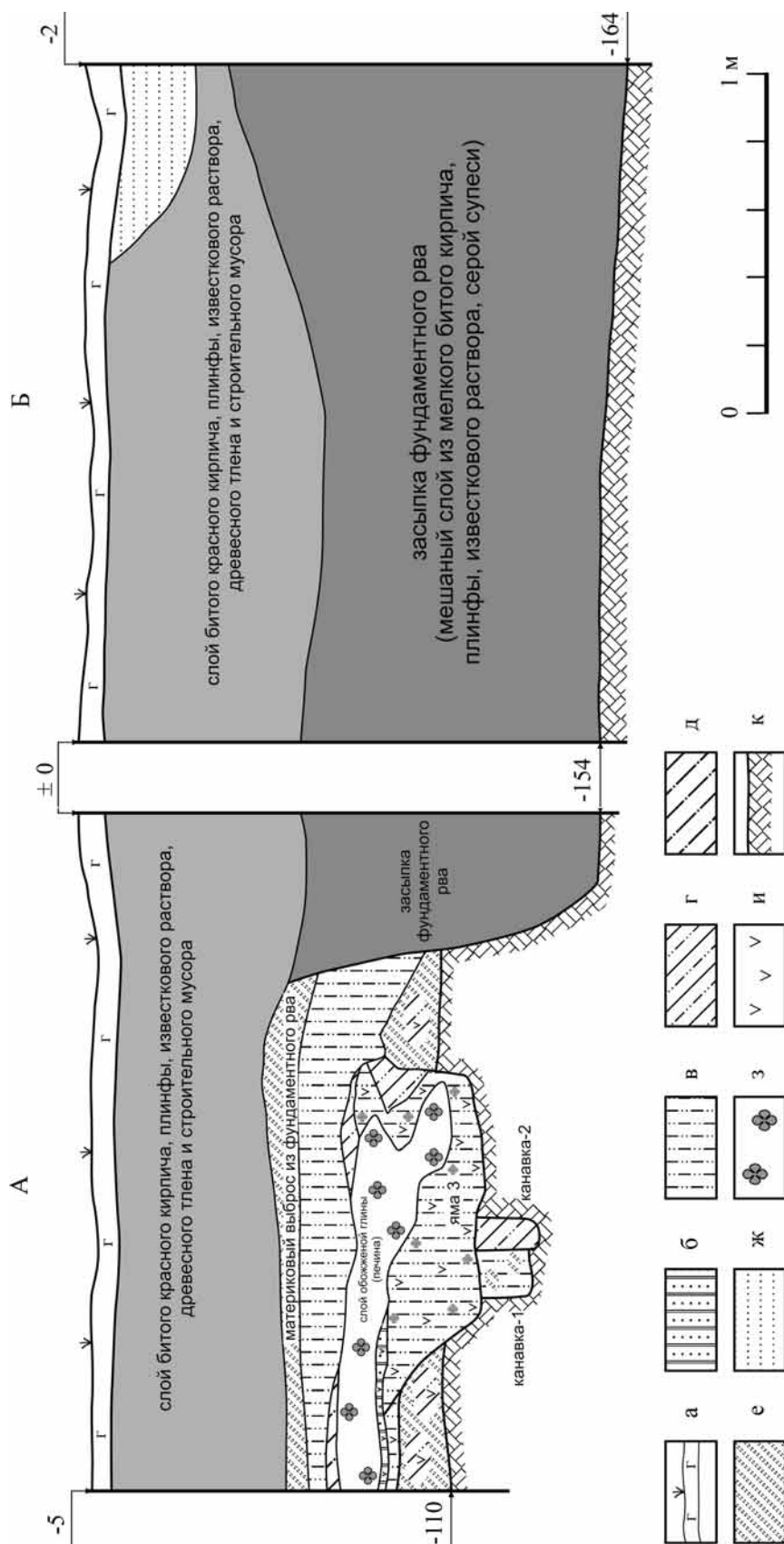

Рис. 6. Шурф 1. Профили восточного и южного бортов

а – дерн; б – темно-серая супесь; в – серая супесь; г – светло-серая супесь; д – серо-желтая супесь; е – бело-желтый песок; ж – желтый песок; з – печина; и – угли; к – материк (желто-белый песок)

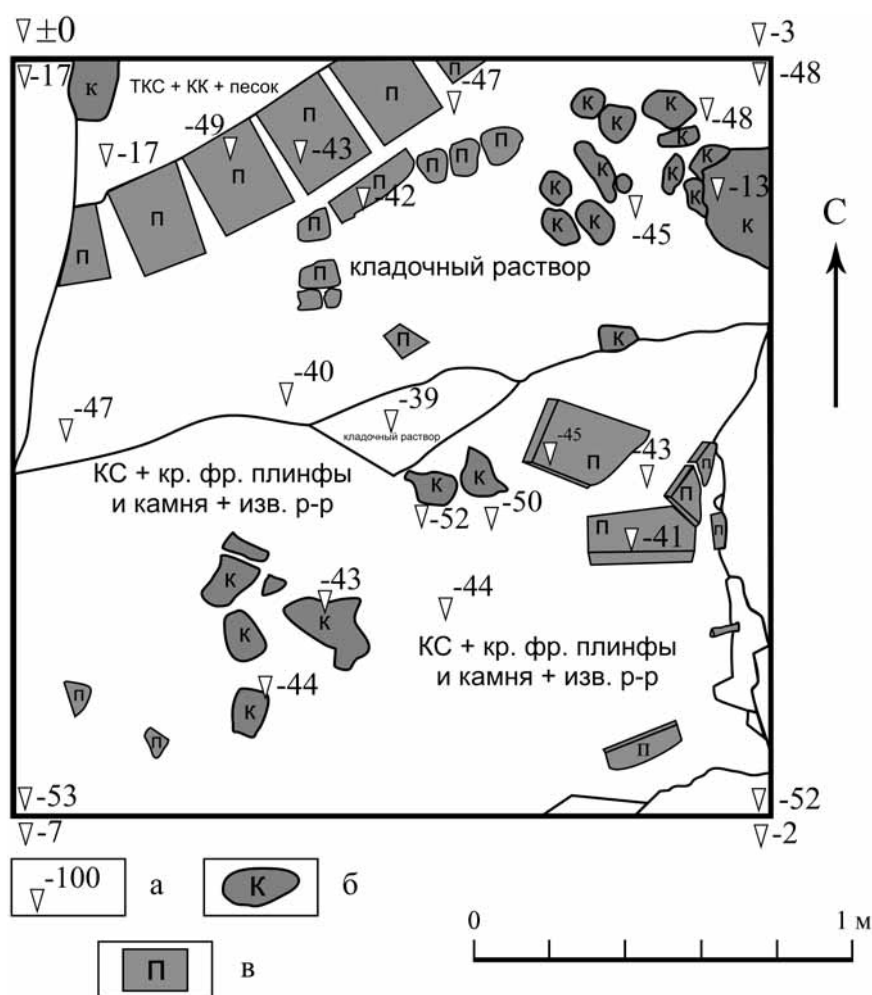

Рис. 7. План шурфа 4 на уровне расчистки и фиксации фрагмента стены церкви из плинфы
а – нивелировочная отметка; б – камень; в – плинфа

и серой супесью. Прослеженная в шурфе отметка дна рва – минус 164 см. Раскопанный участок в плане имел подтрапециевидную форму; северная стенка рва наклонная, дно неровное.

В шурфе 2 прослежено грунтовое безынвентарное погребение в узкой могильной яме размером 196×30–36 см, ориентированной по линии ЗСЗ – ВЮВ. Заполнение – светло-серая супесь с включениями бело-желтого песка и угля. Стенки ямы отвесные. Костяк ориентирован головой на ЗСЗ, лежал на спине, ноги выпрямлены, руки скрещены в области живота, правая поверх левой. Череп немного повернут лицевой частью влево, затылочной частью вниз. Скелет, вероятно, принадлежал мужчине, умершему в возрасте 30–40 лет.

Стратиграфия культурных напластований шурфа 3, заложенного к западу от собора, достигала мощности 160–162 см. Зафиксированы чередующиеся слои гумусированной коричневой супеси

с боем плинфы, темной серо-коричневой супеси, насыщенной тленом, углем и кирпичным боем, слой темно-серой супеси с включениями угля, слой серой супеси, насыщенной тленом, углем и пачиной. На поверхности материка, практически на всей площади шурфа были выявлены границы ям, которые основной своей частью выходили за его пределы. Одна из ям, вероятно, является остатками жилой постройки с печью XII–XIII вв.

Шурф 4, заложенный к юго-востоку от собора, выявил под неглубокой позднейшей засыпью большой фрагмент стеновой кладки из плинфы на прочном известковом растворе с забутовкой внутренней части обломками плинфы, колотым известняком и средних размеров валунами (рис. 7). Показательно, что из целой плинфы выполнена только верста внутренней лицевой поверхности стены полуциркульного очертания, за ней кладка имеет полубутовый характер.

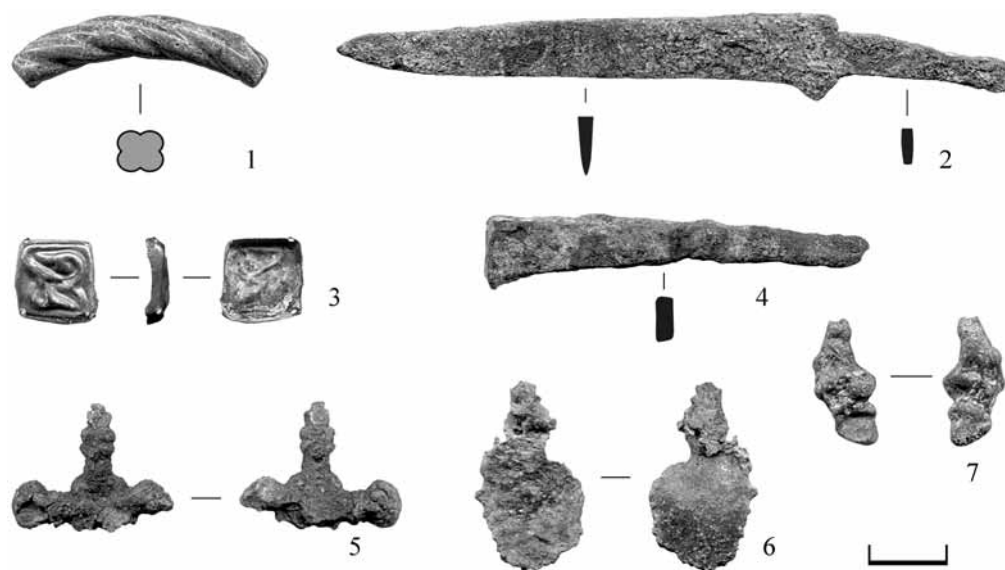

Рис. 8. Рисунки индивидуальных находок из шурфов № 1 и 3

№ 1 – браслет стеклянный крученный (фр-т) – шурф 3, пл. 2, гл. -38; № 2 – нож железный – шурф 3, пл. 2, гл. -45; № 3 – бляшка нашивная цветного металла – шурф 1, гл. -143 (засыпка фундаментного рва); № 4 – черешок ножа железного (фр-т) – шурф 3, пл. 6, гл. -103; № 5 – крест нательный цветного металла (фр-т) – подъемный материал; № 6 – оплав свинцовый (фр-т свинцовой кровли церкви?) – шурф 2, пл. 5, гл. -99; № 7 – оплав свинцовый (фр-т свинцовой кровли церкви?) – шурф 2, пл. 5, гл. -97

Граница сохранившейся стеновой кладки проходит с востока на запад ближе к центральной оси шурфа. Вся его южную часть занимает яма, заполненная мешаной темной серо-коричневой супесью, содержащей крупные обломки плинфы, камень из забутовки и многочисленные куски кладочного раствора. Заполнение ямы относится к двум разновременным стадиям разборки сохранившихся в земле остатков каменного здания, вероятно, в пределах рубежа XVII–XVIII и XIX вв. Среди находок лишь несколько мелких обломков керамики, очевидно, попавших сюда вместе с перемещенным грунтом.

Собрана коллекция находок XII–XX вв., представляющих собой предметы быта и повседневного труда, ремесленный инвентарь, отходы железоделательного производства, украшения, нумизматический материал. Из датирующих находок древнерусского периода можно отметить фрагмент стеклянного крученого браслета из шурфа 3 (рис. 8, 1) из прозрачного стекла бирюзового цвета, с патинированной поверхностью. Внутренний диаметр обруча – 6 см, в сечении – четырехлепестковая розетка размером 0,5×0,6 см. Крученые стеклянные браслеты бытуют на всей территории Древней Руси (преимущественное распространение получили в городской среде) в основном с XII по XIII в., а максимальное их распространение приходится на XIII в. (Мастыкова, 2005. С. 166).

Из шурфа 1 происходит нашивная бляшка цветного металла (засыпка фундаментного рва) (рис. 8, 3). Это штампованная пластина с выпуклым растительным орнаментом на лицевой стороне. Она имеет подквадратную форму со сторонами 1×1 см и толщину 0,3 см. По углам – четыре округлых отверстия для крепления с помощью нитей к тканевой основе. Подобные бляшки крепились на воротнике или головном уборе – очелье и получили распространение на территории Древней Руси в XII–XIII вв. Они часто встречаются в погребениях городских некрополей древнерусского времени (Орфинская и др., 2010. С. 134–137).

В шурфе 3 найден нож железный черешковый (рис. 8, 2). Общая длина 9 см, длина клинка 6,6 см, длина черешка 2,4 см, толщина спинки 0,30–0,35 см. Спинка прямая, плавно опускается к острию, переход к лезвию с двумя четко выраженными уступами. По этому признаку относится к группе ножей для работы по дереву. Подобный тип является вторым по численности (после универсальных хозяйственных, столово-кухонных ножей) среди этих изделий и широко бытовал на территории Древней Руси с XI по XIV в. (Захаров, 2004. С. 201, 202; Двуреченский, 2004. С. 41).

Ко времени существования древнерусского каменного храма, вероятно, относятся находки мелких капель свинцовых оплавов в шурфе 2 (рис. 8,

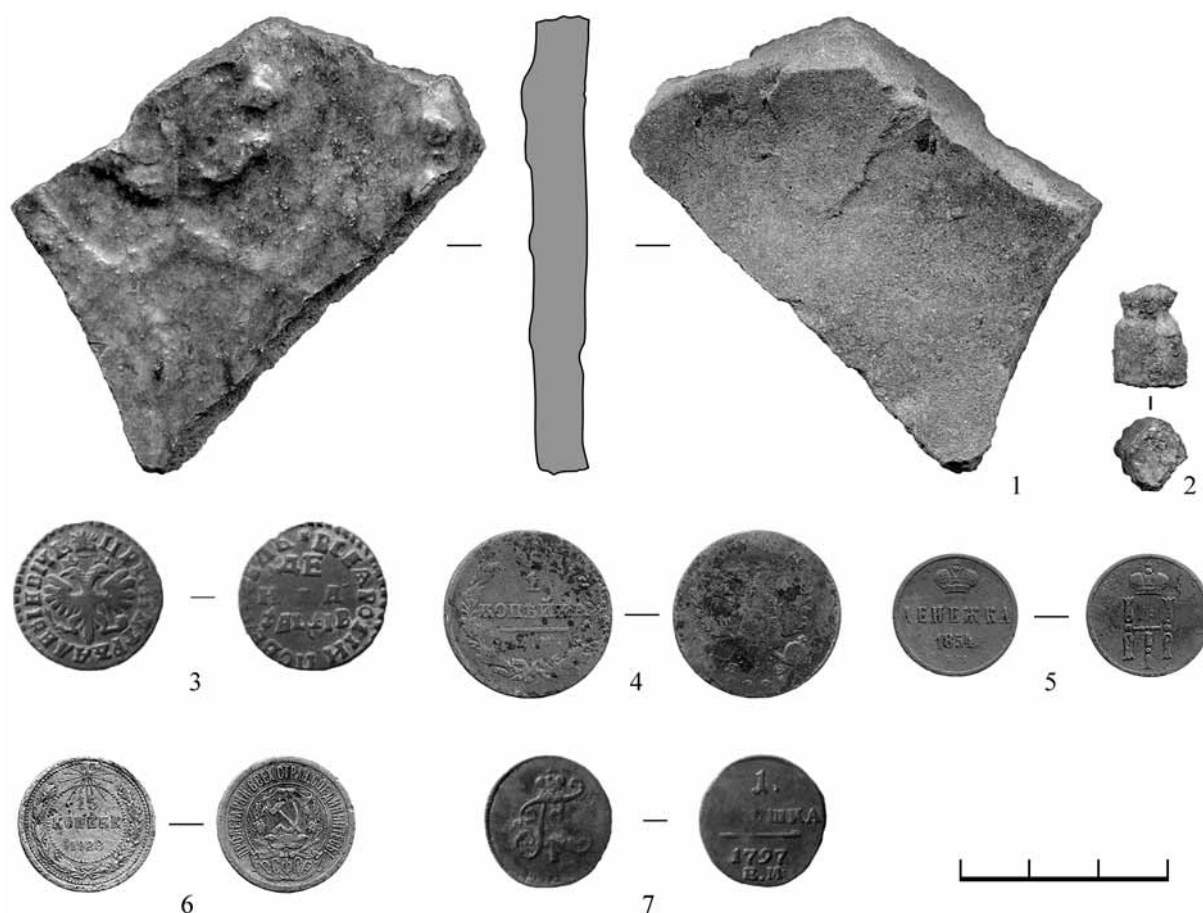

Рис. 9. Рисунки индивидуальных находок из шурфов № 1 и 3

№ 1 – лицевая пластина рельефного муравленого печного изразца (фр-т) – шурф-3, пл. 3, гл. -57;
 № 2 – пуля свинцовая – шурф 3, пл. 4, гл. -73; № 3 – монета медная денга 1712 г. – шурф 3, пл. 3, гл. -56;
 № 4 – монета медная 1 копейка 1821 г. – шурф 3, пл. 3, гл. -47; № 5 – монета медная денежка 1854 года – шурф 3,
 пл. 3, гл. -52; № 6 – монета серебряная 15 копеек 1923 г. – шурф 3, пл. 3, гл. -41; № 7 – монета медная полушка
 1797 г. – шурф 3, пл. 4, гл. -81

6–7), которые могли образоваться при расплавлении свинцовой кровли в результате пожара.

К находкам позднего Средневековья и Нового времени относятся обломок лицевой пластины муравленого рельефного печного изразца с растительным орнаментом XVII – середины XVIII в. (рис. 9, 1) и свинцовая пуля (рис. 9, 2) шестигранной формы в сечении (размеры 1,0×0,9 см, высота с литником 1,3 см, вес 5,83 г). Такие пули могли использоваться в мелкокалиберных ружьях и пищалях (Двуреченский, 2004. С. 267). Наиболее вероятная датировка – вторая половина XVII – начало XVIII в.

Небольшая коллекция нумизматических находок представлена монетами позднего времени от денги Петра I 1712 г. до 15 копеек 1923 г.

Керамический комплекс разбит на три хронологические группы: 1 – XII–XIII вв. (838 экз.); 2 – XIV–XVI вв. (236 экз.); 3 – XVII–XIX вв.

(92 экз.). В первую группу входит керамика из ожелезненных глин (красноглиняная) с примесью дресвы (курганного типа) (10 экз. – 1,2%); керамика из ожелезненных глин (красноглиняная ранняя) с примесью песка (780 экз. – 92,9%); керамика из неожелезненных глин (белоглиняная ранняя) (50 экз. – 5,9%) (рис. 10, 1–12). Вторая группа включает керамику из ожелезненных глин (красноглиняная) (208 экз. – 78,2%) и из неожелезненных глин (белоглиняная) (58 экз. – 21,8%) (рис. 11, 1–6). В третьей группе – керамика из ожелезненных глин (красноглиняная поздняя) (65 экз. – 58%); керамика из неожелезненных глин (белоглиняная поздняя) (17 экз. – 15,2%); чернолощенная и мореная (27 экз. – 24,1%); поливная (3 экз. – 2,7%) (рис. 11, 7–8).

Обработано около 200 фрагментов плинфы, как извлеченных при незаконных строительных работах, так и происходящих из шурфов. Наибольшее

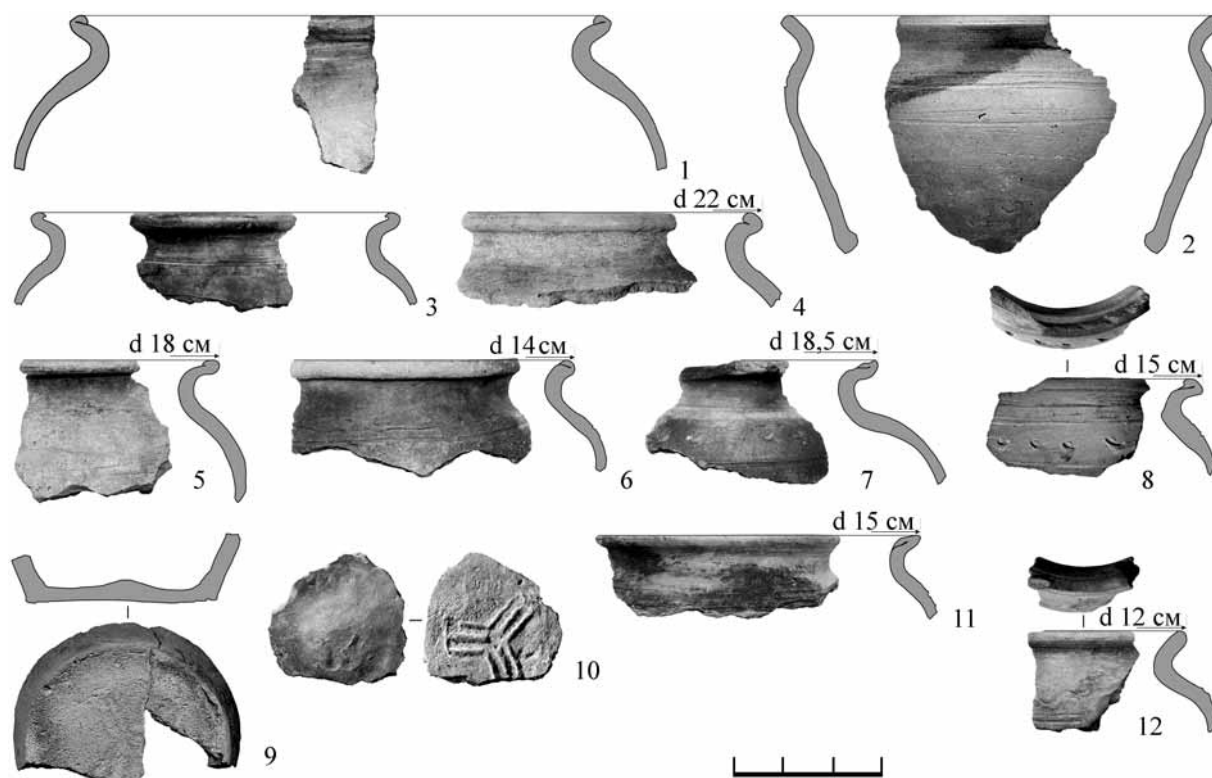

Рис. 10. Фрагменты круговой керамической посуды XII–XIII вв. (см. цв. вкл.)

№ 1–8, 11–12 – фрагменты венчиков горшков; № 9–10 – фрагменты донца круговых сосудов с клеймом (№ 1, 7 – шурф 1; № 3–4, 8 – шурф 2; № 2, 5–6, 9–12 – шурф 3)

количество кирпичей были использованы в кладке стен и имеют следы кладочного раствора, но некоторое количество отложилось в виде брака на строительной площадке при возведении здания. В основном это обломки плинфы, среди которых большинство – четверть или меньше половины изделия. Целых экземпляров немного; они находились в составе кладки упавшей стены и в шурфе 4. Несколько целых или составленных из фрагментов форм осмотрены в коллекциях краеведа С. А. Базанова и Карачевского краеведческого музея.

Плинфа разделяется на два типоразмера: основной (25–26,5×18,5–19,5×4–4,5 см), а также уменьшенный формат (23×17×4,5 см). Обжиг изделий равномерный, черепок красно-коричневого или светло-коричневого цвета; тесто хорошо промешано, без посторонних включений. Характерной особенностью формовки (или результатом обжига) является заметная выпуклость верхней постели, тогда как нижняя постель ровная; разница толщин в середине и по краям плинф иногда достигает сантиметра. Среди плинф имеется несколько фрагментов лекальных, но определить их полный профиль не представляется возможным. В основном это куски валов, четвер-

ных валов, трапеций, обломок с отформованным острым углом.

Музейная коллекция содержит не только несколько целых форм рядовых прямоугольных плинф, но и фрагменты с выпуклыми знаками на торцах, характерными для каменного строительства южнорусских и западнорусских княжеств (рис. 12). Плинф со знаками немного (2–3), и лишь по одной можно судить, что знак выполнен на ложке.

Кладочный раствор довольно прочный, по результатам визуального осмотра, он состоит из извести розоватого оттенка с наполнителями из измельченного известняка крупной фракции и цемьянки (кирпичной крошки; до сантиметра). Толщина горизонтальных швов в кладке, прослеженная в упавшем фрагменте стены, достигает 4,0–4,5 см, в некоторых местах до 6,5 см.

Находки керамических плиток пола в Карачеве единичны. По результатам раскопок зафиксировано всего четыре обломка. Еще один был найден на территории домовладения к северу от собора Михаила Архангела краеведом С. А. Базановым. Фиксируется по большей части только один габаритный размер – толщина (от 2,3 до 3,0 см). У плитки, найденной

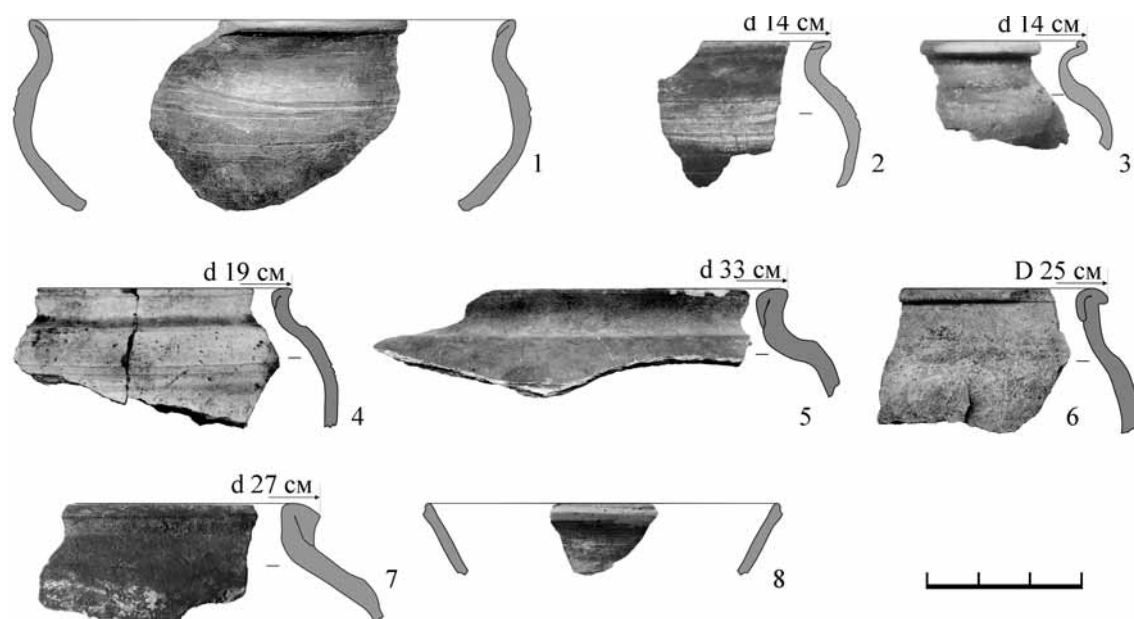

Рис. 11. Фрагменты круговой керамической посуды XIV–XVI вв. и XVII–XVIII в. (см. цв. вкл)

№ 1–6 – фрагменты керамических сосудов XIV–XVI вв.; № 7–8 – фрагменты керамических сосудов XVII–XVIII вв. (№ 7 – шурф 1; № 5 – шурф 2; № 1–4, 6, 8 – шурф 3)

С. А. Базановым, можно определить ширину (14,5 см). Все сохранившиеся углы плиток прямые; по-видимому, они имели самую распространенную квадратную форму. Боковые грани вертикальные, без скосов. Фигурных плиток пола при исследованиях не обнаружено. Лицевые поверхности покрыты слоем светло-зеленой или желтой поливы; на одном из кусков имеются зеленые и коричневые крапины, нанесенные по желтому фону. Затеки поливы фиксируются на торцах плиток и на тыльной стороне. На четырех экземплярах заметны следы выхоженности – результат длительной эксплуатации пола. Одна плитка не имеет поливы; по-видимому, после обжига она была разбита.

По особенностям обжига плитки можно разделить на две группы. В обеих использовано керамическое тесто, идентичное плинфяному, без добавок в виде песка или дресвы. Но если изделия первой группы обожжены равномерно, то во второй черепок на изломе имеет сероватую сердцевину (недожог), что свидетельствует о недостаточной температуре при обжиге.

Основываясь на данных письменных источников (первое летописное упоминание Карачева относится к зиме 1146/47 г., где он фигурирует как уже существующее поселение *Карачев*), с большой долей осторожности можно предположить, что его возникновение как городского

центра приходится на начало – первую половину XII в. Этому не противоречат и археологические материалы – каких-либо находок или археологических объектов ранее XII в. на исследованном участке не найдено (хотя не исключена возможность обнаружения остатков поселения более раннего времени в прибрежной части городища). К сожалению, небольшая площадь исследований и малое количество находок этого времени пока не позволяют установить более узкую дату.

К наиболее раннему (домонгольскому) периоду жизни на этой территории городища относятся слой серой супеси (толщиной 10–30 см) с включениями пещины и угольков и археологические объекты в материке – остатки жилых построек, хозяйственные ямы, канавки от частокольной ограды. Это свидетельствует о возведении каменного храма на участке сложившейся жилой усадебной застройки. Бытовые материалы древнерусского времени представлены в основном обломками круговой керамики, а также фрагментом стеклянного браслета, нашивной бляшкой, железными ножами и их обломками.

Культурный слой XIV–XVI вв. на раскопанных участках четко не выражен, находки этого времени встречены как в верхних, так и в предматериковых пластах (основная часть – в слоях коричневой и серо-коричневой супеси, в шурфе

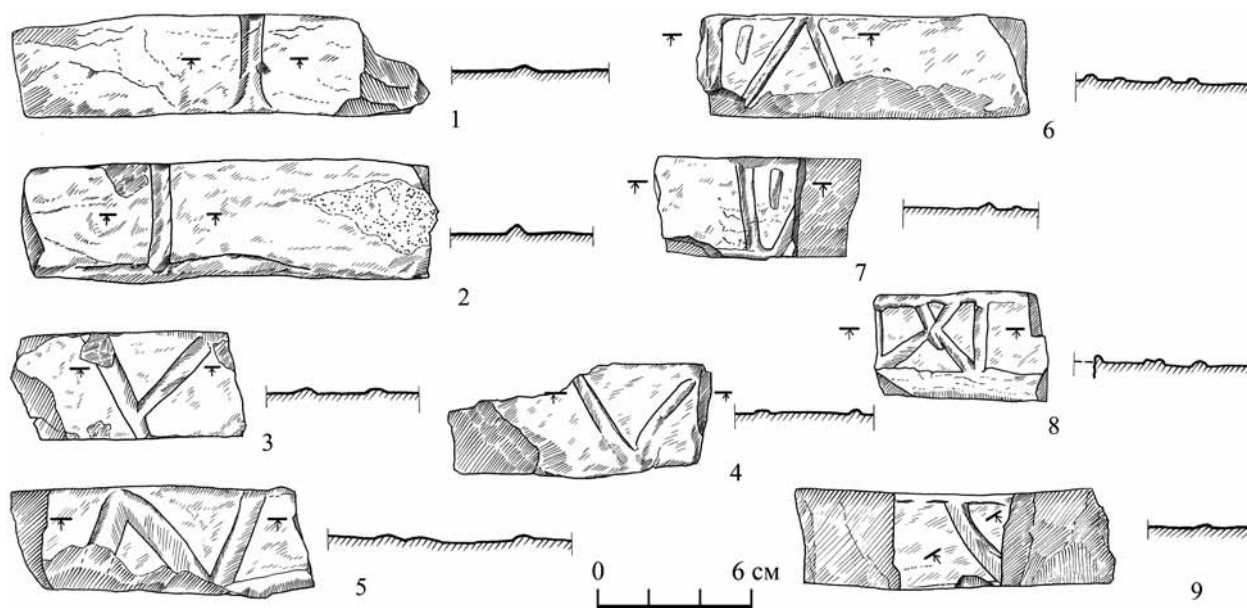

Рис. 12. Прорисовки знаков на торцевой части плинф (XII в.)

1 отделеных от древнерусского слоя стерильной прослойкой выброса материкового песка из фундаментного рва церкви). Объекты этого времени на прилегающих к храму участках не обнаружены, видимо, площадь вокруг церкви всегда была свободна от застройки.

Археологический материал XVII–XX вв. залегал под дерном в слое темной серо-коричневой супеси с тленом, углем, кирпичным боем, обломками плинфы и кладочного раствора. Насыщенность слоя углем позволяет предположить разрушение постройки (возможно, деревянного храма XVI в.) в пожаре, связанном с событиями Смутного времени начала XVII в. И в дальнейшем разрушившийся каменный храм заменяли деревянные церкви. Наиболее ранняя из них, известная по письменным источникам, построена в 20-х годах XVII в. Затем, в 1701 г., на этом месте возводится дошедшее до нашего времени с перестройками здание собора Михаила Архангела.

Собранная коллекция археологических находок, включающая фрагменты круговой керамики, плинфы и индивидуальных находок, позволила получить новые данные об освоении и хозяйственном использовании данного участка территории Карачевской крепости в XII–XX вв. Выявлены остатки существовавшего здесь церковного каменного сооружения домонгольского времени, изучены культурные напластования к западу, северу и юго-востоку от собора Михаила Архангела.

В принципе решена задача локализации памятника. При изучении территории, прилегающей к собору Михаила Архангела, во всех шурфах встречены строительные материалы церкви домонгольской эпохи, представленные в виде прослоек битой плинфы и кладочного раствора. Эти прослойки, расположенные в верхней зоне шурфов, связаны с окончательным разрушением древнего здания и планировкой территории перед закладкой в 1701 г. нового собора. Наименее явственны они в шурфе 3, где перемешаны поздними срезами и перекопами. Наоборот, в других шурфах они достаточно мощны, особенно к северо-востоку и юго-востоку от собора XVIII–XIX вв., где наблюдается наивысшая точка существующего рельефа местности.

Наиболее успешны были шурфы 1 и 4: в первом выявлена внешняя граница фундаментного рва северной стены домонгольского здания, а во втором – стеновая кладка из плинфы с забутовкой известняком и валунами. Кладка относится, по видимому, к южной либо центральной алтарной апсиде. Эти две находки в совокупности дают представление о местоположении домонгольского здания. Часть его северной и южной стен, а также восточная стена с апсидами находятся за пределами собора Михаила Архангела середины XVIII–XIX в. Западная стена, видимо, полностью попала в пределы трапезной собора 1840-х годов; также не вполне ясна трассировка южной

стены и наличие у домонгольского храма папертей или притворов.

Исходя из результатов исследований, можно с определенной долей уверенности говорить, что большая часть площади древнего храма находится внутри стен собора Михаила Архангела начала XVIII–XIX в. Для более детального определения границ древнего сооружения необходимо дополнительное обследование территории к югу, северу и востоку от существующего собора. При проведении реставрационных работ в интерьере собора Михаила Архангела (при замене полов, прокладке коммуникаций) проведение археологических раскопок обязательно.

Полученные в ходе исследований материалы древнерусского времени, перекрытые культурными напластованиями последующих эпох, подтверждают мнение, что здесь удовлетворительно сохранился культурный слой и археологические объекты в материке. В связи с этим необходимо продолжить археологическое изучение Карачевского городища (в том числе сохранившихся участков городских укреплений) и остатков каменного церковного здания древнерусского времени.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1846.

АКР, 1993. Брянская область. М.

Литература

Двуреченский О. В., 2004. Изделия из черного металла//Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ ИА РАН. Т. 2).

Зайцев А. К., 1975. Черниговское княжество//Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белозеро. М.

Зимин А. А., 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.

Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1853.

Мартин Груневег (отец Венцеслав), духовник Марины Мнишек, 2013. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. М.

Мастыкова А. В., 2005. Стекланные изделия из раскопок в г. Козельске//Древний Козельск и его округа. М. (Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 4).

Никольская Т. Н., 1967. Отчет о разведках и раскопках в Орловской области летом 1967 года/Архив ИА РАН. Р-1. № 3638.

Никольская Т. Н., 1972. О летописных городах в Земле вятичей//КСИА. Вып. 129. М.

Орфинская О. В., Энговатова А. В., Голиков В. П., 2010. Исследования и реконструкции деталей костюма из погребений домонгольского

времени из некрополей Дмитровского кремля//АП. Вып. 6. М.

Подтверждение князю Семену Ивановичу Можайскому на замки Стародуб, Гомель и Чернигов и на волости Карачов и Хотимль, 1910//Русская историческая библиотека. Т. 27. СПб.

ПСРЛ, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.

ПСРЛ, 1862. Т. 9. Никоновская летопись. СПб.

ПСРЛ, 1885. Т. 10. Никоновская летопись. СПб.

Поляков Г. П., 1996. Домонгольский Карачев (по письменным источникам и данным археологии)//Страницы истории Карачева. Брянск.

Смирнов А. С., 1974. Отчет о разведках Деснинского Левобережного отряда в 1974 году/Архив ИА РАН. Р-1. № 5291.

Холмогоров Г. И., 2010. Материалы для истории церквей Брянского края. Севская, Брянская, Карачевская и Трубчевская десятины. 7136 (1628) – 1746 гг. Брянск.

Чеплянская Е. А., 1998. Отчет об археологических разведках на территории Карачевского района Брянской области в 1998 году/Архив ИА РАН. Р-1. № 21871.

V. V. Minenko, A. V. Yaganov

**Ancient Russian settlement Karachev and Archangel Mikhail Church
(end of the 12th century). Archaeological research in 2012**

Summary

The main task of excavations of Karachev settlement (the 12th – 17th centuries) was localization of identified during construction works remains of stone temple (end of 12th c.). These studies established the

beginning of deposition of the cultural layer in the first half of the 12th century, location of pre-Mongol period church, built of plinths was defined.

О. М. Олейников

Новая находка амулета-змеевика с Распятием в Великом Новгороде

Находки амулетов-змеевиков при археологических работах в древнерусских городах, прежде всего в Новгороде, представляют особый интерес. Археологический контекст дает возможность более точно датировать определенные типы змеевиков и прояснять некоторые аспекты семантики и предназначения подобных амулетов.

В 2012 г. на Лукинском 2 раскопе в слое начала XII в. (ярус 17, усадьба В) был обнаружен замечательный памятник медного художественного литья – амулет-змеевик с изображением Распятия с предстоящими на одной стороне и змеевидной композицией – на другой (Гайдуков, 2013).

Исследуемая территория расположена в юго-восточной части Плотницкого конца Великого Новгорода, в 20 м к северу от бывшей церкви Святого Луки, на Лубянице улице, в 800 м к востоку от р. Волхов (рис. 1). Общая площадь раскопа – 635 кв. м.

История изучения амулетов-змеевиков, включающая происхождение, назначение, иконографию и основные типы, насчитывает почти два века. С 1821 г., когда под Черниговом был обнаружен золотой змеевик – знаменитая черниговская гривна (Анастасевич, 1821. С. 425–442; Берлинский, 1822. С. 116–119), постоянно накапливался новый материал, ставший основой большого числа специальных публикаций. Благодаря усилиям ряда ученых были описаны и датированы основные типы змеевиков, раскрыта их историческая подоснова, смысловое и символическое значение, изучены закликательные формулы, иконография христианских изображений, исследованы византийские прототипы (Ставровский, 1836; Прозоровский, 1877; Соколов, 1889, 1895; Срезневский, 1882; Толстой, 1888; Петров, 1898; Щепкин,

1898; Орлов, 1926; Вагнер, 1961; Седова, 1966; Рындина, 1972; Бланков, 1973; Николаева, Чернецов, 1991 и др.).

Термином «змеевик» обозначают двустороннюю нагрудную подвеску-амулет с христианским каноническим изображением на одной стороне и змеевидной композицией на другой. Символическое значение амулета – подавление магических сил зла, способных нарушить гармонию между человеком и окружающим миром. Предохранительная сила змеевиков заключалась в том, что они могли употребляться в качестве целебных амулетов (Соколов, 1889. С. 340; Николаева, Чернецов, 1991. С. 16).

Вера в предохранительную и целительную силу амулетов появилась вместе с первобытной магией и фетишизмом. Считалось, что магическая энергия амулетов имеет божественное происхождение, что боги способны вмешиваться в земную жизнь именно через амулеты. Эти верования в большой степени были связаны с религиозными представлениями древних цивилизаций; древние религии включали в себя магию как органичную составляющую (О'Коннелл, Эйри, 2007. С. 24).

Змеевики относятся к группе амулетов, которые не прячут, а носят открыто. Можно предположить, что люди бессознательно выставляли напоказ свои амулеты не из-за тщеславия, а из-за неосознаваемого страха, из-за желания уйти от реальной или мнимой угрозы. Ощущая предполагаемую беду, человек искал защиту и демонстрировал всем свои амулеты. Владелец амулета стремился, чтобы враг понял, что ему придется иметь дело с хорошей обороной, которую ему не преодолеть. Отсюда вполне логично предположить,

Рис. 1. Опорный историко-археологический план Великого Новгорода с указанием местоположения археологических исследований. Стрелкой показано место обнаружения нового амулета-змеевика с изображением Распятия

а – древние улицы; б – современные улицы; в – археологические раскопы

что лицевой¹ была сторона с устрашающим змеиным изображением.

Несмотря на то что амулеты призваны защищать, оберегать своего владельца, оберегами они не являются. Принципиальная разница между оберегами и амулетами в том, что оберег нужно создать само-

стоятельно, заложить в него свою энергию, только тогда он станет настоящим магическим инструментом. Амулеты же черпают свои силы из камней или металлов, которые использовались при их создании. Владелец никак не влияет на его силу, он лишь принимает и ощущает на себе его защиту.

¹ Определения «лицевая» и «оборотная» стороны условны: значения «главная» и «второстепенная» в них не вкладываются. В научной литературе за лицевую принята сторона, несущая христианское изображение (Николаева, Чернецов, 1991. С. 20; Покровская, Тянина, 2009. С. 445).

Рис. 2. Амулет-змеевик с Распятием бронзовый (Лук-2/-2-229). Фото О. М. Олейникова

Стержнем средневекового сознания было религиозное мировоззрение, в котором все природные явления, законы общества, поведение человека обосновывались сверхъестественными силами. Эти силы полностью господствовали над материальным миром и были способны изменять ход естественных событий (Найдыш, 2004. С. 146).

Амулеты-змеевики использовались повсеместно и были весьма разнообразны в зависимости от культурных традиций народов и уровня достатка заказчика. Известны змеевики, вырезанные из природного каменного материала (яшмы, оникса, песчаника) и отлитые из различных металлов и их сплавов (Николаева, Чернецов, 1991. С. 32, 34; Седова, 1981. С. 68; Коваль, 2007. С. 54; Олейников, 2013. С. 103).

Змеевик Лукинского 2 раскопа представляет собой круглую литую подвеску диаметром 36,5 мм и толщиной 3,0 мм, вес до реставрации 17,98 г. Ушко для привешивания цилиндрическое; внешний диаметр 7,0 мм, внутренний – 4,5 мм. Лицевая и оборотная стороны амулета окантованы рельефным ободком, имитирующим жемчужную обнизь (рис. 2).

Обнаруженный змеевик замечателен изображениями Распятия и змеевидной композиции. Среди 13 типов змеевиков, выделенных Т. В. Николаевой, только два типа связаны с христологическим циклом: тип 6 – с изображением сюжета Крещения (XIII–XV вв.) и тип 13 – змеевики с Распятием, датируемые первой половиной XII–XV в. (Николаева, Чернецов, 1991. С. 31, 71, 81, 82. Табл. XIII, 1–4; XVIII). Находки змеевиков с изображением Распятия – центрального сюжета христологического цикла – представлены единичными экземплярами.

Все многообразие иконографии сцены Распятия можно условно разделить на строгий (однофигурный) тип Распятия с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом (рис. 3; 4) и развитый (многофигурный) тип, в композицию которого входят два разбойника, распятые вместе с Иисусом Христом, сотник Лонгин, группы жен, отроков, а также воины, делящие между собой одежды Христа, и др. (рис. 5).

В научной литературе описаны четыре датированные находки с изображением простого (однофигурного) Распятия с ангелами.

Один амулет обнаружен в 1883 г. Г. О. Шмидтом в Гдовском уезде Петербургской губернии среди курганных русских предметов второй половины XIII в. (Толстой, 1888. С. 383; Седова, 1966. С. 243; Николаева, Чернецов, 1991. С. 81). Три змеевика обнаружены в Новгороде на усадьбах Неревского и Людина конца. Новгородские змеевики изготовлены из разных сплавов, но были, вероятно, отлиты в одной форме. Первый амулет серебряный, обнаружен на Неревском раскопе в слоях первой половины XII в., топографический анализ позволяет отнести время его бытования к XI в. (Седова, 1966. С. 243–244; Николаева, Чернецов, 1991. С. 81; Покровская, Тянина, 2009. С. 434, 436). Два других змеевика – бронзовый и свинцово-оловянистый – обнаружены на Троицком XIII раскопе в слое второй половины XII в. (Янин и др., 2004. С. 8, 9; Покровская, Тянина, 2009. С. 434, 440).

Амулеты-змеевики с изображением Распятия с предстоящими известны также в единичных экземплярах и представлены двумя разновидностями: змеевик-иконка с прямыми нижними углами и закругленным верхом и змеевик традиционной круглой формы.

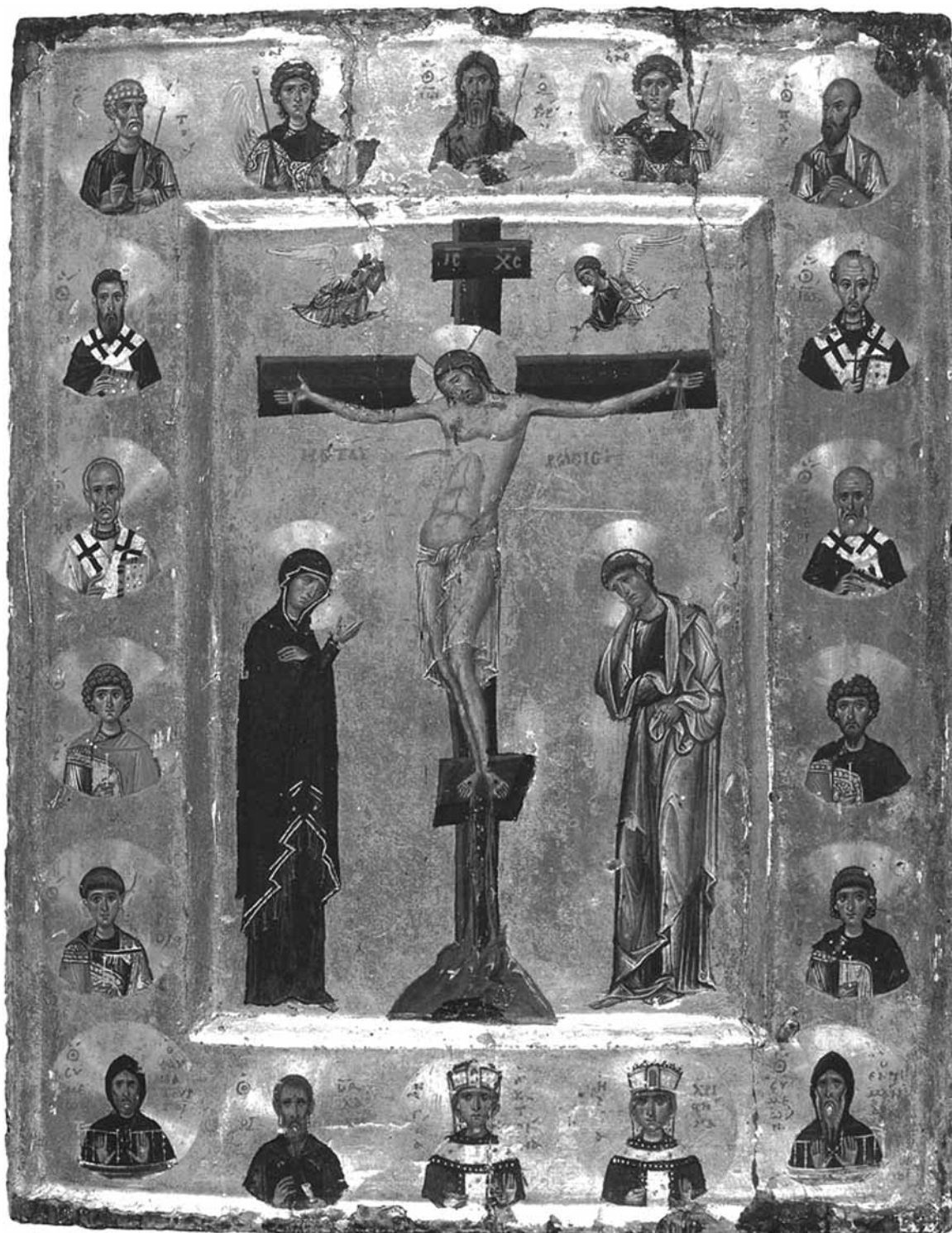

Рис. 3. Икона Распятие со святыми на полях. XI–XII вв. (см. цв. вкл.)

К змеевикам-иконкам относится медный экземпляр Государственного Русского музея и иконка-змеевик, хранившаяся в собрании Ростовского музея церковных древностей. По форме, стилю изображения и иконографии Распятия они датируются XV–XVIII вв.

(Николаева, Чернецов, 1991. С. 81, 82. Табл. XVIII, 3). На змеевиках-иконках Распятие изображено на семиконечном кресте на Голгофе с головой Адама. На верхней перекладине буквы IC XC под титлами. Тело Христа с сильным изгибом. Фигуры предстоя-

Рис. 4. Распятие. Мозаика. Византия, кон. XI в. (см. цв. вкл.)

щих столпообразные, детали изображений проработаны плохо. На оборотной стороне иконок изображен киотчатый змеевик – внутри киота помещен круг со змеиной композицией, сверху над кругом – маленькая фигурка Федора Тирона в роли змееборца.

Змеевик круглой формы обнаружен в 2000 г. в Старой Руссе на Борисоглебском раскопе в слоях первой половины XII в. г. (Торопова и др., 2001. С. 18. Рис. 2, 4). По особенностям изображения сюжета Распятия и варианту змеевидной композиции змеевик, обнаруженный на Лукинском 2 раскопе, аналогичен борисоглебскому. На лицевой стороне обоих змеевиков изображена женская голова с отходящими от нее 12 змеями. В Средние века персонажи с чертами человека и змеи, несомненно, рассматривались как представители темных, демонических сил. Голова с волосами-змеями должна была умерщвлять всех врагов ее владельца. Такое сочетание вредоносных и охранительных функций полностью перешло от классического образа горгоны Медузы (Николаева, Чернецов, 1991. С. 36, 42). Змеевидная композиция весьма интересна. Извивающиеся, но не перекрещивающиеся между собой тела 12 змей образуют крестообразную симметричную композицию, не имеющую аналогов на других змеевиках. В целом змеевидная композиция выделяется симметрией, гармонией плавных линий и объемной, скульптурной трактовкой образа. Эти черты были характерны для византийских прототипов (Николаева, Чернецов, 1991. С. 35).

На оборотной стороне лукинского амулета – Распятие на семиконечном кресте, с предстоящими.

Христос изображен препоясанным, со склоненной к правому плечу головой. Тело Христа слегка изогнуто, руки имеют небольшой изгиб в локтях, ноги вытянуты прямо, носки – врозь. Предстоящие изображены в рост, в традиционной иконографии, на основании Евангелия от Иоанна: слева от Христа – скорбящая фигура Богородицы, справа – апостола Иоанна. В создании литургического образа важную роль играют скорбные жесты. Богородица левую руку прижимает к груди, правую протягивает в жесте моления, прося Испытателя о милосердии. Апостол Иоанн правой рукой, как бы в жесте отчаяния, дотрагивается до щеки, левой – напряженно сжимает край плаща.

Обратим внимание и на то, как на иконе «Распятие» изображали реакцию природы. Основу для этого иконописцы находили, бесспорно, в текстах Писания. Как известно, евангелисты повествуют о тьме, разразившейся с шестого до девятого часа (Мф. 27: 45; Мк. 15: 33; Лк. 23: 44–45). Образы Солнца и Луны уже с VI века входят в обиход церковного искусства в виде круглых ликів. На змеевиках Лукинского 2 и Борисоглебского раскопов над перекладинами креста в виде круглых выпуклых точек также переданы стилизованные изображения солнца и луны.

Иконография Распятия на змеевиках Лукинского 2 раскопа Великого Новгорода и Борисоглебского раскопа Старой Руссы находится в прямой зависимости от иконографии крестов. Изображение Христа препоясанным в сцене Распятия находит аналогии на лицевой створке византийского меднолитого креста X–XI вв. из коллекции

Б.И. и В.Н. Ханенко (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 47. Кат. I.1/17. Табл. 5; Пескова, Строкова, 2012. С. 142*); на двух лицевых створках неизвестного происхождения из коллекций музеев Рима и Афин и на двух оборотных створках из музеев Афин (*Пескова, Строкова, 2012. С. 143*). Лицевые створки Б. Питаракис датирует X–XI вв. и предположительно связывает их изготовление с Константинополем (*Pitarakis, 2006. Р. 194, 195*).

Среди крестов IX–X вв. нет ни одного, где был Христос в сцене Распятия был изображен препоясанным. Изображение на нательных и процессионных (литургических) крестах Христа в сцене Распятия препоясанным становится широко распространенным в XI в. Изготовление новой модели, по мнению А.А. Песковой и Л.В. Строковой, могло состояться только в одном из крупных центров культовой пластики, прежде всего в Константинополе. (*Пескова, Строкова, 2012. С. 43, 143*). Подобное изображение Распятия встречается не только на крестах-реликвариях середины XI – середины XII в., но и на иконах, мозаике и фресках, начиная со второй половины XI в. (*Пескова, 2006. С. 131*).

Древнейшая схема так называемого сирийского типа представляет собой краткий извод: однофигурное Распятие, по сторонам Богоматерь и Иоанн Богослов с Евангелием в руке. Ладонь правой руки он обычно прижимает к щеке. На этой основе сложилась классическая византийская схема, известная по мозаикам Хозиос Лукас в Фокиде (начало XI в.), Неа Мони на Хиосе (1042–1056 гг.), Дафнии (вторая половина XI в.), Софии Киевской и другим, которые могут смело рассматриваться, по словам В.Н. Лазарева, как наиболее зрелые решения византийской монументальной живописи (*Бобров, 1995. С. 59; Лазарев, 1986. С. 64*).

Распятия этого греческого иконографического типа получили повсеместное распространение на православном Востоке. Христос изображается на кресте уже умершим: голова Его поникла к правому плечу, глаза закрыты. Иногда черты лица отражают некоторое страдание, но, как правило, довольно сдержанное. Момент умирания на кресте, отображенный в иконографии этого типа, подтверждает для верующих истину о Христе – Человеке, умершем за нас самой настоящей, мученической и реальной смертью.

В то же время тело Христа изображается не испытывающим страданий, продолжая тем самым иконографию *Christus Triumphans*. Христос непри-

Рис. 5. Распятие. Церковь Санта Мария Антика. Рим, сер. VIII в. (см. цв. вкл.)

нужденно стоит на подножии креста, слегка изогнувшись в вольной позе, словно вовлекаясь в беседу с Богородицей и Иоанном Богословом, изображавшимися по сторонам распятия. Поза Христа подчеркивала Его Божественность, неподверженность сакрального Начала страданию и смерти. Таким образом, эта иконография пыталась органично соединить и воплотить представления о нераздельной и неслиянной Богочеловеческой природе Иисуса Христа.

В нашем случае на змеевике изображен строгий (однофигурный) тип – Распятие с Богоматерью и Иоанном по сторонам креста.

На лукинском змеевике, как и на всех известных змеевиках с Распятием, отсутствуют *hystera-formулы* – надписи, содержащие разнообразные заклинания, нередко называющие имя хозяина змеевика. Возможно, безымянные змеевики создавались не под заказ, а предназначались для продажи или передачи другому лицу.

Исследование химического состава змеевика (Лук-2/-2–229²) проведено в Институте геологии рудных месторождений, петрографии,

² Шифр находки означает: раскоп / -участок -номер полевой описи.

Таблица 1. Химический состав сплава змеевика.

Номер анализа	Cu	Sn	Fe	Sb	Pb
1	94,7	5,2	–	–	–
2	70,7	29,2	–	–	–
3	66,3	29,2	–	–	4,4
4	85,0	14,9	–	–	–
5	50,7	43,0	1,8	–	2,9
6	66,3	33,6	–	–	–
7	58,2	34,8	–	6,2	–
8	88,6	11,0	–	–	–
9	57,3	42,1	–	–	–

минералогии и геохимии (ИГЕМ РАН) на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащённом энергодисперсионным рентгеновским спектрометром Energy-450, и на рентгеновском микроанализаторе JXA-8100 фирмы JEOL³. Приборы JSM-5610LV и JXA-8100 позволяют провести элементный анализ без повреждения объекта исследования. Выбор неразрушающих методов исследования змеевика был определен необходимостью полного сохранения редкой находки.

Исследовались как лицевая, так и оборотная стороны змеевика. Были получены спектры химического состава (табл. 1) и электронно-микроскопические изображения поверхности во вторичных электронах (SE) и обратно-рассеянных электронах (BSE). Изображения во вторичных электронах дают топографический контраст исследуемой поверхности (рис. 6, 1). Сканирующие изображения в режиме обратно-рассеянных электронов дают композиционный контраст (рис. 6, 2–6). Это означает, что образец, имеющий области, различающиеся по атомному составу, имеет контрастные изображения: фаза, содержащая тяжелые элементы, будет более светлой по сравнению с фазой, сложенной более легкими элементами. Светлые области представляют собой оловянистую бронзу с примесью свинца или сурьмы. Более темные области соответствуют оловянистой бронзе. Полученные результаты показывают, что основу сплава составляют медь (66–85%) и олово (11–34%). В качестве примесей присутствуют сурьма (около 6%), свинец (3–4%) и железо (около 2%).

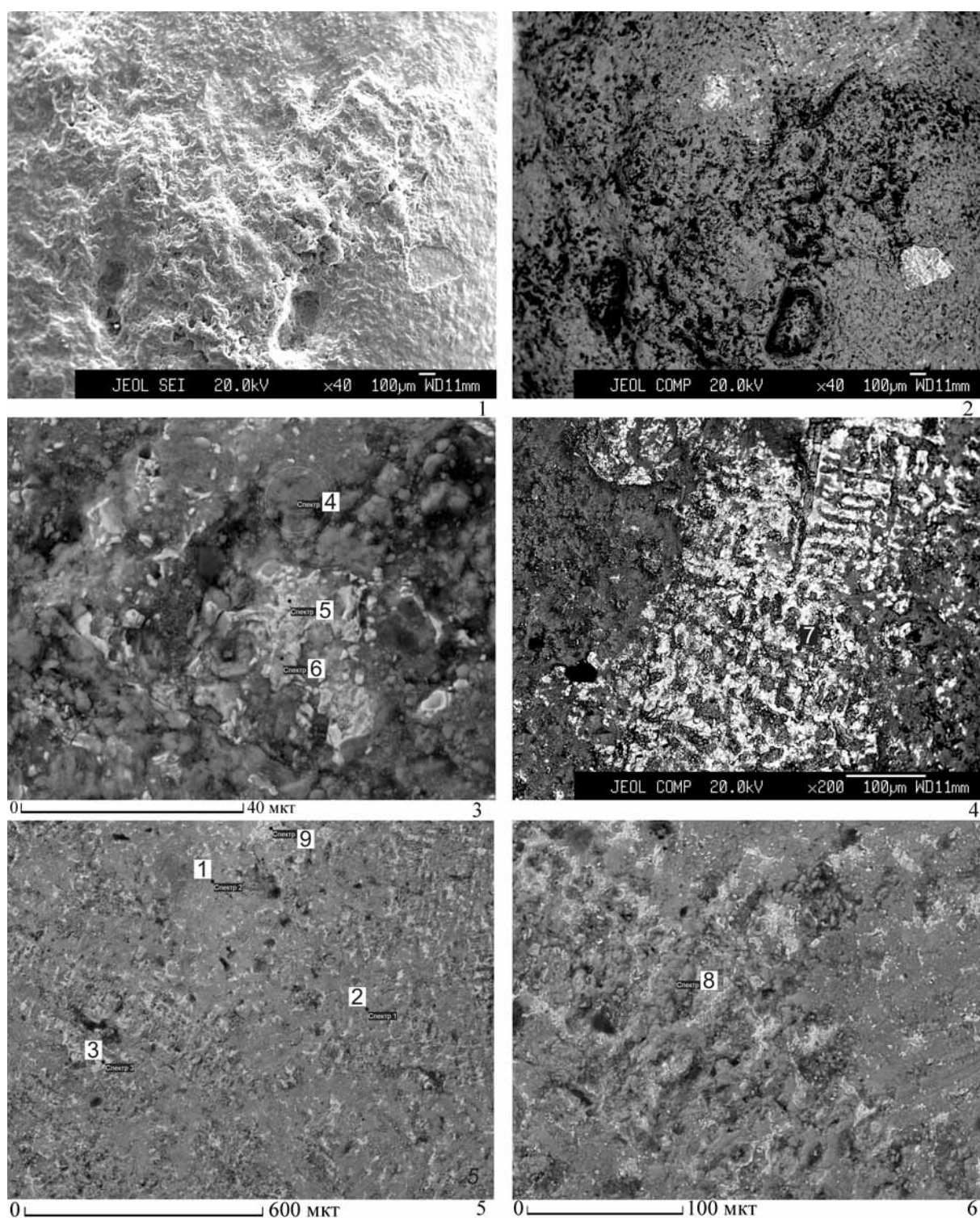
Сплав на основе меди с легирующим компонентом оловом в эпоху Средневековья был распространен достаточно широко (Нидерле, 2000. С. 366; Коновалов, 1969. С. 210; 2008. С. 19; Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, С. 136–142). Присадка олова

к меди увеличивает текучесть сплава в процессе отливки, определенные концентрации олова в разной степени снижают температуру плавления сплава. Кроме того, сплав меди и олова более твердый, чем чистая медь (Левченко, 2006. С. 10). Границей между естественным и искусственным введением олова принята концентрация 1% (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000. С. 128, 359). Содержание олова в сплаве змеевика колеблется от 5 до 43%. Разброс концентраций объясняется тем, что олово могли присаживать к меди в виде металла и в виде его природной двуокиси – касситерита (SnO_2), широко распространенного в природе.

Выплавка олова из касситерита с древесным углем довольно проста (температура плавления олова – 273°C), выплавленное олово может быть добавлено к выплавленной меди для получения бронзы. Другой вариант возможного получения бронзы – совместная плавка медных руд, предварительно смешанных с касситеритом. Таким путем можно получать сплавы с различным содержанием олова (касситерит содержит около 80% олова). Следует заметить, что восстановление олова происходит в шихте с медной рудой и древесным углем и, таким образом, одновременная присадка олова – процесс более простой, чем изолированное восстановление олова с последующей его присадкой к меди. Однако следует учитывать, что совместная выплавка меди и олова в больших масштабах требовала доставки оловянных руд к местам, где находились источники меди (Селимханов, 1980. С. 57–58). Использование в качестве сырьевого материала медных слитков исключается. Слитки практически никогда не легировались ни оловом, ни любым другим элементом. Легирующая примесь добавлялась только во время специализированной плавки перед непосредственной отливкой изделия (Черных, 1966. С. 144).

Исследования И. Г. Равич по установлению зависимости свойств сплавов от содержаний в них элементов показало, что бронзы, содержащие 20% олова и выше, чрезвычайно хрупкие и не обрабатываются холодной ковкой (Равич, 1983. С. 140). Бесспорно, что при изготовлении определенной категории вещей учитывались свойства сплава. Добавляя легирующие компоненты, литейщики стремились улучшить литейные качества и механические свойства сплава. Однако изготовление украшений или амулетов, в отличие от орудий труда и оружия, не требовало постоянного поиска новых сплавов с более высокими рабочими качествами.

³ Аналитики – кандидат геолого-минералогических наук Н. В. Трубкин и И. Г. Грибоедова.

Рис. 6. Электронно-микроскопические изображения змеевика. Цифрами обозначены номера анализов

1 – топографический контраст поверхности змеевика в режиме вторичных электронов (SE); 2–6 – композиционный контраст сплава змеевика в режиме обратно-рассеянных электронов (BSE). Темные области образованы медью и оловом (ан. 1, 2, 4, 6, 8, 9), светлые области – медью и оловом с примесью свинца (ан. 3, 5) и сурьмы (ан. 7)

Рис. 7. Железная шляпа над полиметаллическим месторождением Александра Македонского. Иран, провинция Зенджан. Фото А. Б. Макеева, 2013 г. (см. цв. вкл.)

Сложившиеся на определенных территориях типы сплавов употреблялись ювелирами в течение длительного времени (Барцева, Черных, 1968. С. 96).

Весьма интересно присутствие в сплаве примесей свинца и сурьмы. В древней металлургии свинец и сурьма использовались в основном для легирования меди вместо дорогого олова. Иногда свинец приплавляли к меди вместе с оловом. Приплав мог осуществляться либо непосредственным внесением металлического свинца в расплавленную медь, либо совместной восстановительной плавкой медных и свинцовых руд. Выплавка медно-свинцовых сплавов требовала высокого мастерства плавильщиков из-за ликвации (расслоения) металлов в процессе плавки вследствие большой разницы в удельных весах. При этом наличие в меди других металлов-примесей облегчало выплавку. Кроме того, повышенные содержания свинца и сурьмы могут объясняться химическим составом медных

руд, использованных древними плавильщиками (например, буланжерит ($Pb_5 Sb_4 S_{11}$) или станнин ($Cu_2 FeSnS_4$), который содержит в качестве примесей до 2% свинца и до 3% сурьмы).

Химическим составом руд можно объяснить и присутствие железа. Железо не могло добавляться в медь в чистом виде, так как высокая температура плавления ($1535^\circ C$) не позволила бы ему расплавиться в жидкой меди с более низкой температурой ($1084^\circ C$). Железо, безусловно, попадало в медь при использовании руд, богатых этим элементом (Черных, 1966. С. 145). Рудными минералами могли быть халькопирит – $CuFeS_2$, борнит – $Cu_5 FeS_4$, станнин – $Cu_2 FeSnS_4$ и др.

Химический и фазовый составы сплава дают основание говорить, что змеевик могли изготовить из продукта плавки медной руды. Такими рудами были зоны вторичного сульфидного обогащения медных месторождений, получаемые открытой добычей⁴.

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность профессору, доктору геолого-минералогических наук А. Б. Макееву за предоставленные фотоматериалы и консультацию.

Рис. 8. Бурые шлейфы оксидов железа, образующиеся при выветривании железной шляпы, резко выделяются среди риолитовых вулканических тел. Иран, провинция Зенджан.
Фото А. Б. Макеева, 2013 г. (см. цв. вкл.)

Разработка сульфидных зон медных месторождений началась в позднебронзовую эпоху (Черных, 1966. С. 143). С глубокой древности внимание человека привлекали ярко окрашенные минералы. В близповерхностных зонах окисления большинства медно-сульфидных месторождений широко распространены именно такие минералы: индигово-синий ковеллин (CuS), розовато-бронзовый или медно-красный борнит (Cu_5FeS_4), серый с металлическим блеском халькозин (Cu_2S). Эти минералы развиваются по латунно-желтому халькопириту (CuFeS_2), который по цвету напоминает золото (Бетехтин, 1950. С. 129, 291–292).

Визуально зоны вторичного сульфидного обогащения резко выделяются на фоне вмещающих пород особым геохимическим образованием, получившим название железной шляпы (рис. 7–10). Железная шляпа – остаточное образование, возникающее в поверхностных частях рудных, главным образом сульфидных, месторождений меди и других металлов в результате химического выветривания и окисления первичных минералов рудного тела. Состоит железная шляпа из окислов и гидроокислов железа (гетит, гидрогетит, гидрогематит, турьит и др.), вследствие чего имеет обычно темно- и светло-красную, охристую и буровато-

красную окраску. Образование железной шляпы связано с окисляющим действием поверхностных вод и сопровождается вторичным обогащением рудных месторождений. В процессе выветривания сульфиды меди, серебра, цинка и других металлов окисляются в легкорастворимые сульфаты, выщелачиваются и переносятся в более глубокие части рудного тела. В то же время железо сернистых соединений – пирита, халькопирита и др. сульфидов – частично выносятся в виде растворимой соли (сульфата закиси железа), а большая его часть, подвергаясь окислению и гидратации, остается на месте в виде гидратов окиси железа (бурых железняков). Эти вторичные бурые железняки, возникая за счет преобразования первичных пиритовых и других руд, содержащих сульфиды железа, и образуют железную шляпу у поверхности земли. По сравнению с первичными сульфидными рудами железная шляпа в верхней части более богата железом, а в нижней – золотом. Резко выделяясь на фоне вмещающих пород, железная шляпа издревле служила важным признаком при поисках сульфидных рудных месторождений и характеристике скрытых на глубине первичных руд (БСЭ, 1952. С. 615).

Рис. 9. Полости (указаны стрелками) в породах железной шляпы возникли после извлечения древними рудокопами каолиновой породы, насыщенной медью, серебром, свинцом. Иран, провинция Зенджан. Фото А. Б. Макеева, 2013 г.

Выбор в качестве сырья природных материалов представляется обдуманным шагом. Изготавливалось не простое украшение, а амулет, несущий магическую силу. Считалось, что магическая энергия амулетов имеет божественное происхождение, а камни в сознании средневекового человека были созданием высшей божественной силы и, соответственно, носителями необычайных свойств (*Тресидер*, 1999. С. 220).

Несомненно, змеевик был создан благодаря высокой технической культуре опытного и образованного литейщика, знакомого с античным наследием Византии. Отливку могли сделать где угодно, в том числе и на территории, располагающей собственными рудными источниками. Выделение изделий местных мастеров требует для сравнения надежной базы археологических источников. В частности, наличие местного производства в определенной культурно-исторической

области должно подтверждаться и типологическим своеобразием ее продукции (*Рындина*, 1963. С. 32). Случайный характер единичных амулетов-змеевиков с изображением Распятия с предстоящими и крестовидной змеевидной композицией не позволяет уверенно говорить о новгородской специфике.

Ближневосточные мастера, пользуясь общим набором приемов и бесконечно варьируя их, сохраняли при этом общую стилистику (*Пескова, Строчкова*, 2012. С. 38). Поэтому нельзя исключить возможность работы в новгородской мастерской византийского ремесленника. Возможно, создание модели змеевика с препоясанным Христом в сцене Распятия было определено специальным заказом с учетом новейших требований. Такой заказ мог быть ограниченным, рассчитанным на узкий круг представителей социальной или церковной элиты.

Рис. 10. Металлы, пропитывающие каолиновую породу, извлекали тут же в металлургических печах или кострах. Иран, провинция Зенджан. Фото А. Б. Макеева, 2013 г.

Возможно, появление амулетов-змеевиков с изображением описанного иконографического типа Распятия связано с возрождением деятельности культовых центров и монастырей мелькитов – православных сирийцев (Залеская, 1988. С. 98). Местом изготовления змеевика с раскопа Лукинского 2 могла быть Анатолия, располагающая медными месторождениями и занимающая очень выгодное географическое положение. Нельзя исключать и Северную Сирию, близкую к запасам полиметаллических руд, известных на обширной территории от Киликии до Евфрата. Здесь также могли работать мастерские

по изготовлению реликвий, в том числе и для удовлетворения запросов паломников, посещающих Святую землю (Pitarakis, 2006. Р. 170, 171).

При отсутствии прямых археологических подтверждений об изготовлении змеевика можно говорить гипотетически. Мы склоняемся к принадлежности змеевика ближневосточному кругу византийской культовой пластики. В Великий Новгород он мог быть завезен в качестве паломнической реликвии. Судя по особенностям иконографии и степени сохранности, время его изготовления – вторая половина XI в.

Литература

Анастасевич В. Г., 1821. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. Ч. VIII. № 18–20. СПб.

Барцева Т. Б., Черных Е. Н., 1968. О спектрально-аналитическом исследовании металла черняховской культуры // СА. № 2.

Берлинский М. Ф., 1822. Объяснение изображений на медали, найденной подле Чернигова в 1821 г. // Тр. Вольного общества любителей российской словесности. Ч. XVII. СПб.

Бетехтин А. Г., 1950. Минералогия. М.

Бланков Ж. А., 1973. О двоеверии и амулетах-змеевиках // Византия, южные славяне и древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура. М.

Бобров Ю. Г., 1995. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб.

БСЭ. Т. 15. М., 1952.

Вагнер Г. К., 1961. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. Вып. 85.

Гайдуков П. Г., 2013. Отчет о проведении археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу: г. Великий Новгород, ул. Пушкинская, д. 10 в квартале 41 в 2012 г. / Архив ИА РАН.

Горная энциклопедия. М., 1987.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2000. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г. Н. Бочарова. М.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

Залеская В. Н., 1988. О связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л.

Коваль Ю. В., 2007. О древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. Вып. 221.

Колчин Б. А., 1975. Проблемы изучения технологии древнейших производств // Очерки технологии древнейших производств. М.

Коновалов А. А., 1969. Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода // СА. № 3.

Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.

Лазарев В. Н., 1986. История византийской живописи. Т. 1. М.

Левченков С. И., 2006. Краткий очерк истории химии. Ростов-на-Дону.

Найдыш В. М., 2004. Концепции современного естествознания. М.

Нидерле Л., 2000. Славянские древности. М.

Николаева Т. В., Чернецов А. В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

О'Коннелл М., Эйри Р., 2007. Знаки и символы. М.

Олейников О. М., 2013. Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде // АП. Вып. 9. М.

Орлов А. С., 1926. Амулеты – «змеевики» Исторического музея // Отчет ГИМ за 1916–1925 гг. М.

Переседов И. Г., 2004. Об амулетах-змеевиках и их связи с нательными крестами и иными предметами церковной культуры // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.

Пескова А. А., 2006. Истоки иконографии энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб.

Пескова А. А., Строкова Л. В., 2012. Христианские древности Византии в «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб. – Киев.

Петров Н. И., 1898. О некоторых змеевиках, энколпионах и образках, найденных в Киевской губернии и вообще на юге России // Археологические известия и заметки. Т. VI. № 5/6. М.

Покровская Л. В., Тянина Е. А., 2009. Амулеты-змеевики средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Исследования и материалы. М.

Прозоровский Д. И., 1877. О древних медальонах, называемых «змеевиками» // Христианские древности. Кн. 1. СПб.

Равич И. Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. № 8 (38). М.

Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров // МИА. № 117.

Рындина Н. В., 1969. Раннетрипольская обработка меди // СА. № 3.

Рындина Н. В., 1972. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.

Седова М. В., 1966. Новгородские амулеты-змеевики // Культура древней Руси. М.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Селимханов И. Р., 1980. Металлы и сплавы древности // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. Всеобщая история химии. М.

Соколов М. И., 1889. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. № 6. СПб.

Соколов М. И., 1895. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности. Тр. славянской комиссии Московского археологического общества. Т. I. М.

Срезневский И. И., 1882. Древние памятники русского письма и языка, X–XIV вв. СПб.

Ставровский И., 1836. Объяснение черниговской медали по двум надписям, вновь найденным в Готе, и по другим известным до сего времени и относящимся к тому же роду: Сочинение ординарного профессора Дерптского университета Крузе // ЖМНП. № 1–3. СПб.

Толстой И. И., 1888. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. Т. III. СПб.

Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е., 2001. Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // ННЗ. Вып. 15. Великий Новгород.

Тресидер Дж., 1999. Словарь символов. М.

Черных Е. Н., 1966. К химической характеристике металла Ингульского клада // СА. № 1.

Шмидт Г. Р., 1890. Курганы Петербургской губернии // Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 19. Вып. 3.

Щепкин В. Н., 1898. Серебряный змеевик, найденный в Рязанской губернии // Археологические известия и заметки. Т. VI. М.

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., 2004. Исследования в Людином конце Новгорода в 2003 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // ННЗ. Вып. 18. Великий Новгород.

Pitarakis B., 2006. Les croix – reliquaires pestorales byzantines en bronze / Paris // Bibliothèque des cahiers archéologiques. 16. Paris.

O. M. Oleynikov

Finding of a new amulet with Crucifixion in Veliky Novgorod

Summary

The subject of research in this article was an amulet found in dated layers of Veliky Novgorod. Amulet has a unique image of the Crucifixion and the coil composition.

The chemical composition of the amulet gives ground to say, that while the production alloy bloom was used – a product of primary melting of copper ore.

В. А. Зейфер, О. И. Мазурок, А. В. Рассказова

Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском

Весной 2012 г. в ходе охранных раскопок, проводившихся Переславль-Залесской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством Б. Е. Янишевского, на территории города в районе ул. Кузнецова, 9 (рис. 1) исследовался земельный участок общей площадью 800 кв. м. Мощность культурного слоя (серая и черная супесь) составляла 100 см (без учета ям). Культурный слой, отложившийся на территории раскопа, датируется XVI–XX вв., датировка выполнена по керамическому материалу.

В раскопе (участки 1 и 2 и граница между ними) выявлено сооружение, которое может быть интерпретировано как остатки церкви. Известно, что на пересечении современных улиц Кузнецова и Комсомольской располагалась церковь в память Усекновения главы Иоанна Предтечи. Месторасположение храма отмечено на картах города XVIII и XIX вв. Церковь стояла в глубине посада по ходу улицы Володимировки, идущей от Князь-Владимирской церкви на городском торге к Борисоглебскому монастырю, «что на горе». Направление улицы совпадало с началом дороги на Кашин (*Мазур, 2012. С. 22*).

В письменных источниках деревянная Усекновенская церковь впервые упоминается в 1628 г. В писцовых книгах указано, что в 1653 г. за Усекновенской церковью было записано: «двор попов, дячков, просвирниц, на церковной земле 3 двора посадских, 8 бобыльских» (*Добронравов, 1895. С. 71–72*). В 1724 г. церковь сгорела. В том же году прихожанами было отправлено прошение в священный Синод о постройке нового храма. В Троицкой (Никитского монастыря) слободе была куплена старая деревянная церковь, перенесена на место сгоревшей и освящена в 1725 г. В 1730 г. рядом с деревянной церковью началось строительство каменного храма, строительство которого

окончательно завершили в 1735 г. Старую деревянную церковь при этом упразднили и разобрали.

На месте сгоревшего храма, в границах участков 1 и 2 раскопа, найдено незначительное количество оплавков из меди и белого металла, треугольные моренные половые плитки, несколько медных нательных крестов и мелкие разменные монеты XVI и XVIII вв. Предметы церковной утвари обнаружены не были.

Храм существовал на протяжении нескольких лет после революции (обозначен на карте Переславля 1928 г.), но в начале 1930-х годов, согласно плану картоиздательства СССР, был снесен. Остатки его фундамента выявлены наблюдениями траншеи теплотрассы, проходящей в 20 м к северо-востоку от северной границы раскопа по ул. Кузнецова.

Еще одно сооружение, обнаруженное в центре участка 8, может быть интерпретировано как дом причта. В нем найдены три крестика-тельника XV–XVI вв. и более 40 тверских и новгородских пул XV–XVI вв. Всего на раскопе найдено 326 монет, преимущественно медных, XV–XVI и XVIII вв. Среди медных монет XV–XVI вв. – пула тверские, московские, новгородские, ярославские, переславские, а также золотоордынские серебряные монеты.

Вдоль восточной границы участков 2, 4 и 6 (рис. 2) было выявлено 57 белокаменных плит, целых и фрагментов, конца XV – XVI в. (уровень плит от -120 см до -170 см от условного нуля) и погребения. Надгробия располагались в три ряда, протянувшиеся с севера на юг (рис. 3). Между некоторыми плитами лежали камни-валуны, в том числе со следами подтески. Вероятно, это также надгробия, что свидетельствует о социальной стратификации горожан. Погребения располагались почти вплотную друг к другу, и границы могильных ям определялись

Рис. 1. Раскоп на ул. Кузнецова, 9. Ситуационный план

только по тлену от гробов. Некоторые могильные ямы были перерезаны более ранними могилами. Часть захоронений располагалась в два-три ряда по глубине. Удалось проследить южную и западную границы кладбища, за западной границей которого и располагалась Усекновенская церковь.

Соотнести погребения с конкретными плитами невозможно. Плиты в большинстве своем были сдвинуты со своих первоначальных мест. Возможно, это связано с перестройкой храма или регламентацией устройства приходских кладбищ. Синодальные указы 1722–1723 гг. предписывали вынос кладбищ за черту города, ликвидацию старых надгробных плит и использование их на строительные нужды (Ермонская, Нетунахина, Попова, 1978. С. 51). В связи со страшной эпидемией чумы указом Сената от 24 декабря 1771 г. запрещалось «хоронить умерших в городах при церквях» и предписывалось «отводить для этого особые кладбища за городом на выгонных землях с построением при кладбищах особых церквей» (Алексеев, 2013. С. 5).

В самом Переславле проблема устройства кладбищ решалась в том числе в ходе перепланировки города 1788–1792 гг. Так, в предписании генерал-губернатора Заборовского от 16 августа 1792 г. особо подчеркивалось, что на прежних кладбищах, вступивших в черту города, запрещено погребать умерших (Шадунц, 2007. С. 16, 17). Таким образом, некрополь был потревожен, возможно, в XVIII в.

Антропологический материал, представленный к изучению, составили останки разновозрастных индивидов с разной степенью сохранности костной ткани. Общая численность исследованных индивидов – 111 человек. Была проведена графическая реконструкция внешнего облика индивидов 4 и 41. Автор реконструкции – А. В. Рассказова (рис. 4; 5).

Пол и возраст взрослых индивидов определялся на основании комплекса признаков на краниальной и посткраниальной частях скелета. Учитывалось состояние зубной системы, степень срастания черепных швов (Алексеев, Дебец, 1964. С. 37. Рис. 11), синостозирования эпифизов длинных костей скелета

Рис. 2. Раскоп на ул. Кузнецова, 9. Уч. 4. Зачистка на уровне -140. Вид с СВ

и состояние суставных поверхностей. Для определения возраста у детей использовались данные о развитии зубной системы (от развития закладок коронок до закрытия корня зуба) (Ubelaker, 1978; “Skeletal database...”, 1991) и прирастания эпифизов длинных костей (Алексеев, 1966. С. 39. Рис. 7).

Для определения наличия маркеров кумулятивного и эпизодического стресса в данном исследовании использовались признаки из программы А. П. Бужиловой (1995. С. 14–27).

Результаты демографического исследования

Из общего числа исследованных погребений удалось определить 43 (40%) индивида мужского пола, 22 – женского (20%) и 43 ребенка моложе 15 лет (40%), у трех взрослых определение пола было затруднено из-за плохой сохранности материала (рис. 6).

Средняя продолжительность жизни в группе, без учета детской смертности, была достаточно высокой – 40,9 лет. Анализ показал, что присутствуют небольшие гендерные различия в продолжительности жизни. Средний возраст женщин на момент смерти приходится на 41,3 года, а средний возраст мужчин составляет 40,8 лет.

С 20 до 29 лет показатели мужской и женской смертности почти не различаются, в возрастном периоде 30–39 лет отмечается заметное повышение мужской смертности, затем показатели смертности у женщин начинают преобладать над таковыми у мужчин, за исключением интервала 45–49 лет, где эти показатели практически равны (рис. 7).

В представленной серии среди взрослых наибольшее число индивидов приходится на возраст старше 50 лет, 38,4% мужчин и 40,9% женщин. Общий процент индивидов старше 50 лет составляет 23,2%.

Процент детской смертности от общего числа индивидов – 39,1%. Внутри детской выборки доля умерших в младенческом возрасте составляет 18,6%.

Сравнительная демографическая характеристика

На фоне синхронных групп привлеченных для сравнения: Москва Зачатьевский монастырь XVI–XVIII вв. (неопубликованные данные А. В. Рассказовой), Вильнюс XV–XVII вв., Алитус XV–XVII вв., Слабожево XIV–XVI вв. (Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003. С. 35, 36. Табл. 10), – изученная группа демонстрирует

высокие показатели детской смертности и большой процент индивидов старше 50 лет (рис. 8).

При сравнении среднего возраста смерти с синхронными сериями отмечается несколько более высокая продолжительность жизни в изученной группе (рис. 9).

Полученная демографическая характеристика прежде всего указывает на высокую продолжительность жизни исследуемой группы населения при достаточно высокой детской смертности в сравнении с синхронными группами.

Для уточнения причин высокой детской смертности был проведен анализ маркеров физиологического стресса.

Оценка последствий физиологического стресса

Для реконструкции уровня жизни изученного населения использовались показатели стресса, к которым относится *Cribra orbitalia* – порочический гипертостоз, локализующийся на внутренней поверхности орбит и диагностирующийся как признак анемии, пищевого стресса или паразитарных заболеваний; эмалевая гипоплазия (неравномерное развитие толщины эмали зуба) – признак, указывающий на нарушение процессов роста и развития в детском возрасте. Также анализ включал оценку развития зубного камня, случаев кариеса, его осложнений, в виде одонтогенного остеомиелита и прижизненной потери зубов с облитерацией альвеол.

В исследованной группе зафиксировано 15 взрослых индивидов с признаками кариеса, что составило 24,9% от взрослой выборки; 21 случай (39,6%) одонтогенного остеомиелита; 39 случаев (67,2%) прижизненной утраты зубов; у 22 (43,1%) индивидов отмечен зубной камень, у 24 (61,5%) – эмалевая гипоплазия и один случай (1,8%) *Cribra orbitalia*.

В детской группе отмечен самый высокий процент эмалевой гипоплазии – 87%, зубной камень оказался у трех индивидов (13%), один случай одонтогенного остеомиелита (4,3%), четыре случая кариеса (17,4%). *Cribra orbitalia* отмечена в 12 случаях (34,3%).

В результате сравнения частоты встречаемости маркеров стресса у мужчин и женщин можно отметить сильное преобладание встречаемости эмалевой гипоплазии и зубного камня у мужчин. Кроме того, у мужской части населения несколько преобладает частота встречаемости одонтогенного остеомиелита (рис. 10).

Преобладание эмалевой гипоплазии у мужчин, возможно, является отражением разных условий

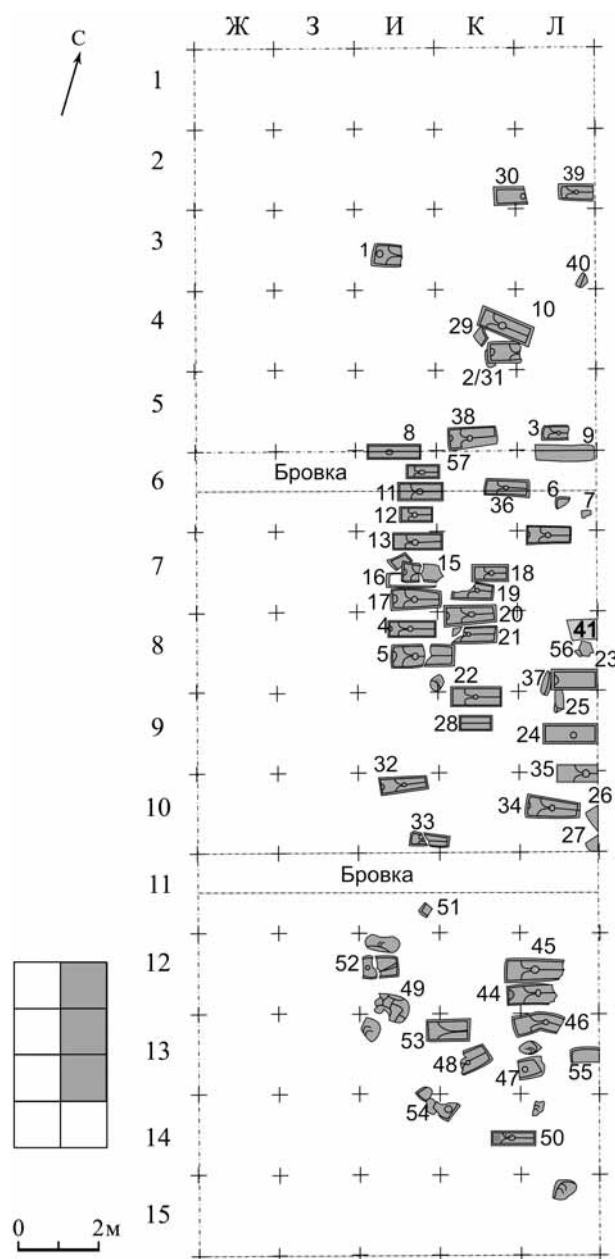

Рис. 3. Раскоп на ул. Кузнецова 9. Участки 2, 4, 6. План-схема расположения белокаменных надгробий № 1–57

для роста и развития мальчиков и девочек (более стрессогенные для мальчиков).

Высокие показатели кариеса в женской группе могут свидетельствовать о более однообразной углеводной диете, а также о некоей разбалансировке иммунной и обменной системы у женщин, так как известно, что кариес может отражать нарушения такого рода (Бужилова, 1995. С. 21).

Полученная характеристика в целом отражает особенности группы, которая не пережи-

Рис. 4. Графическая реконструкция внешнего облика индивида № 4. Автор А. В. Рассказова

Рис. 5. Графическая реконструкция внешнего облика индивида № 41. Автор А. В. Рассказова

вала каких-либо резких стрессовых ситуаций (длительное голодание, последствия эпидемий и др.). Но на фоне высокой продолжительности жизни и большом проценте индивидов старше 50 лет изученная группа демонстрирует высокие показатели детской смертности. Эти данные свидетельствуют о неблагоприятных условиях роста и развития детей, о чем также говорят высокие показатели эмалевой гипоплазии.

Надгробные плиты конца XV–XVI века

Все белокаменные плиты, обнаруженные в ходе раскопок, относятся к московскому типу надгробий (Беляев, 1996. С. 126–128). Для плит характерна антропоморфная композиция, состоящая из бордюра по краям, двух клейм и трех тяг, расходящихся от центральной розетки к изножью и к боковым сторонам. У всех плит, кроме двух,

бордюры и тяги состоят из рядов мелких треугольников. На одной из плит эти элементы изображены жгутовым орнаментом. Еще одна плита, сохранившаяся в виде многочисленных фрагментов, помимо жгута имеет ряды каннелюр. На ряде плит зафиксированы дополнительные элементы орнамента. Лишь одна из целых плит имеет надпись-эпитафию и дату – 7045 (1537) г.

Комплекс плит датирован концом XV – XVI в. При анализе учитывались датирующие элементы орнамента: наличие или отсутствие, а также особенности исполнения внутренней рамки геометрического орнамента; форма клейма (круг или полукруг) в изголовье, наличие или отсутствие заполнения в его центральной части; наличие дополнительных элементов орнамента – «облачков», «спрямленных дуг» и пр.; декоративная насыщенность орнамента (Беляев, 1996. С. 143–145, 129–138). Например, плиты с выраженной рамкой относят к периоду не ранее 1490-х годов. Набираемая сначала из тех же мелких треугольников, что и внешний бордюр, рамка с 1530-х годов все чаще формируется более крупным треугольниками и более глубокой врезкой (Ермонская, Нетунахина, Попова, 1978. С. 35; Беляев, 1996. С. 143, 144). Декоративная лента из «косынок» – четкий признак середины XVI в. (Беляев, 1996. С. 144). Датировка

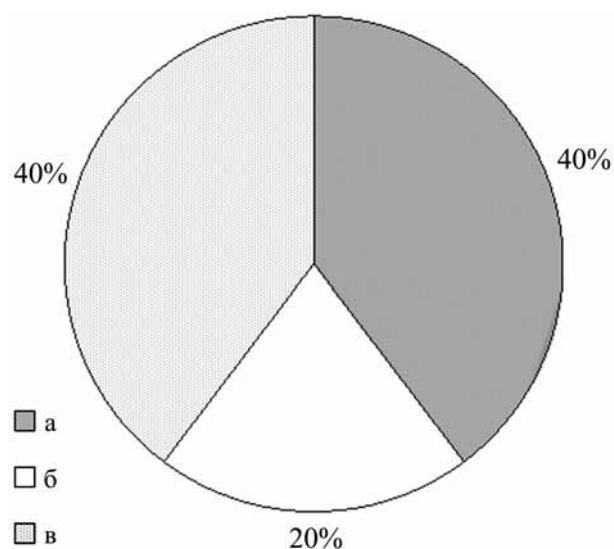

Рис. 6. Результаты демографического исследования некрополя церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском. Половозрастной состав

а – мужчины; б – женщины; в – дети

такого элемента, как верхнее клеймо с пустым центром, – XV – первая четверть XVI в. (Беляев, 1996. С. 144; Вишневский, 2013. С. 131). С конца XV в. в центральной части клейма распространяется заполнение в форме многолучевой розетки (Беляев, 1996. С. 145).

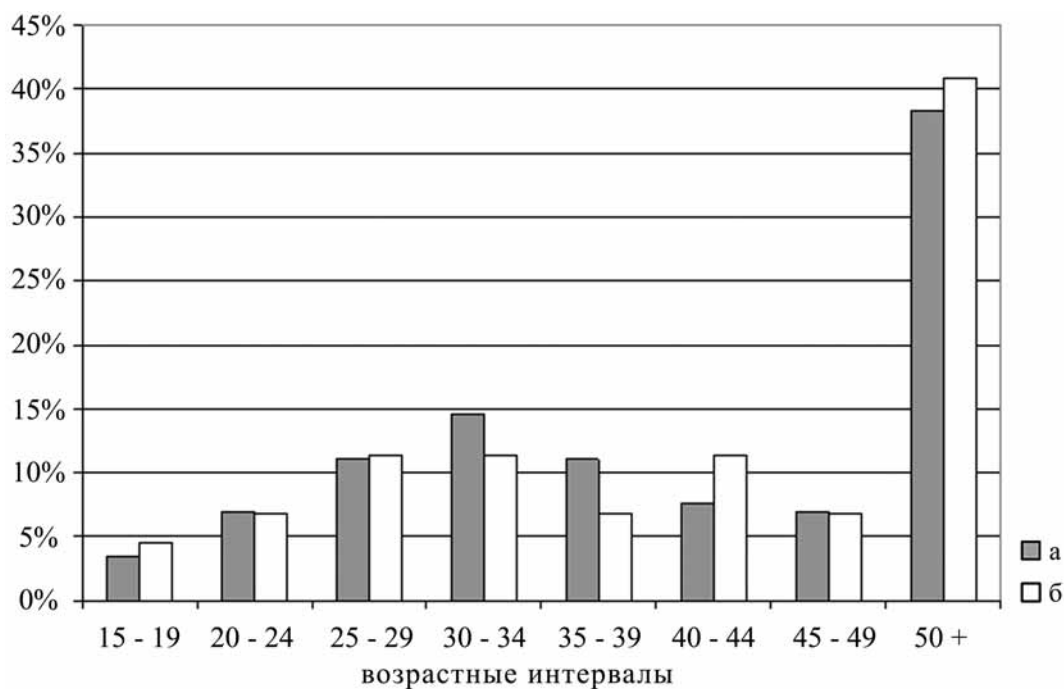

Рис. 7. Распределение мужчин и женщин по возрастным интервалам

а – мужчины; б – женщины

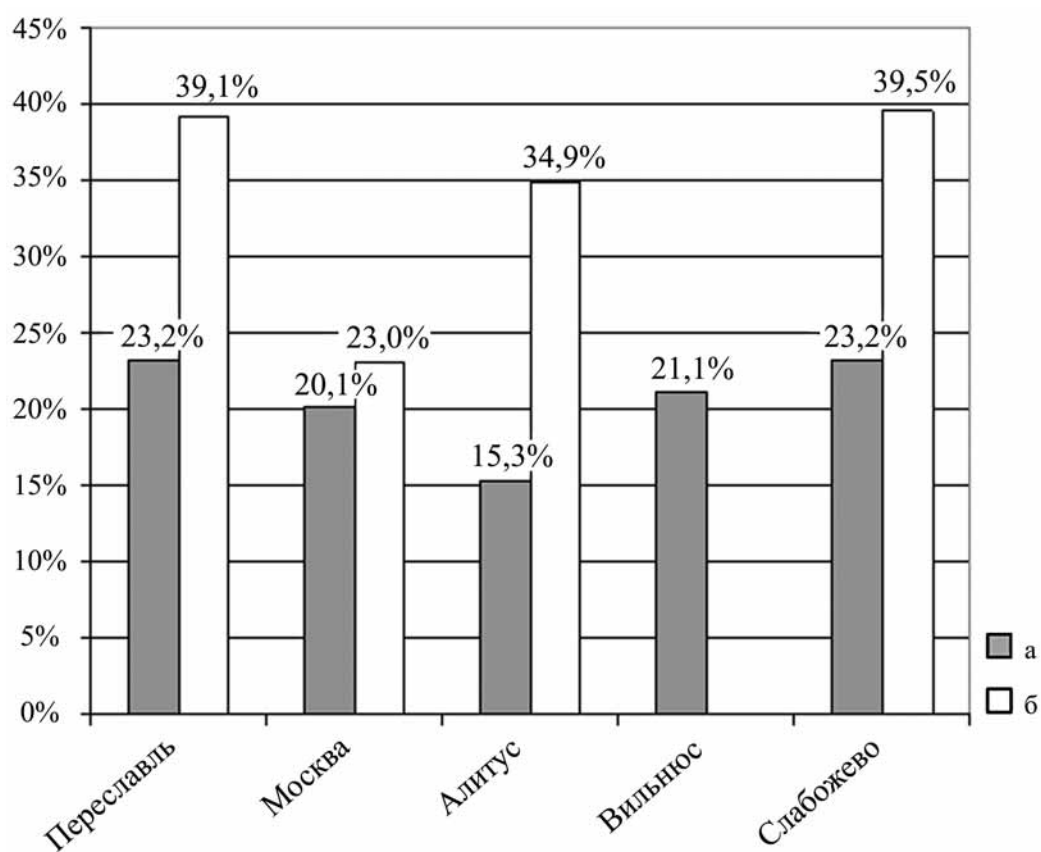

Рис. 8. Показатель детской смертности и процент индивидов старше 50 лет в синхронных сериях
а – процент индивидов старше 50 лет; б – процент детской смертности

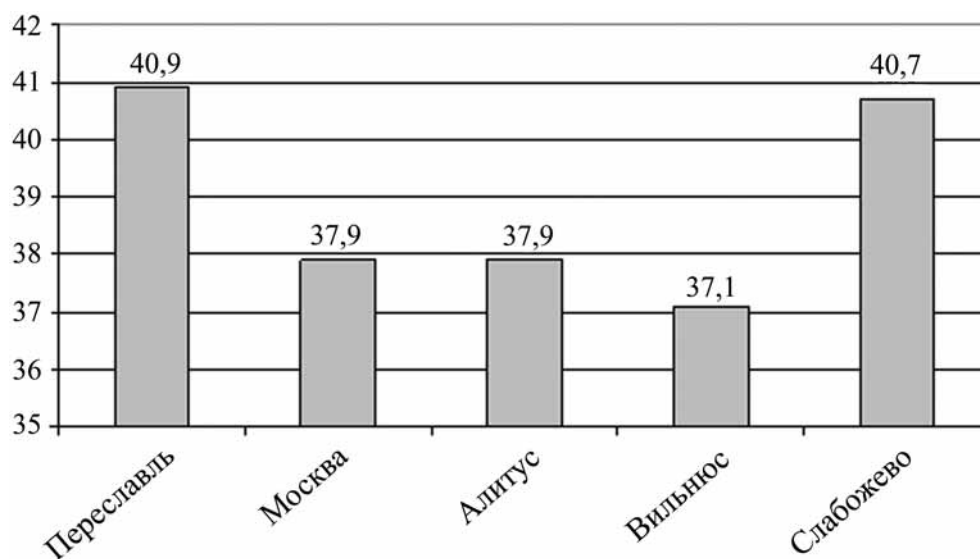

Рис. 9. Средний возраст умерших в синхронных сериях

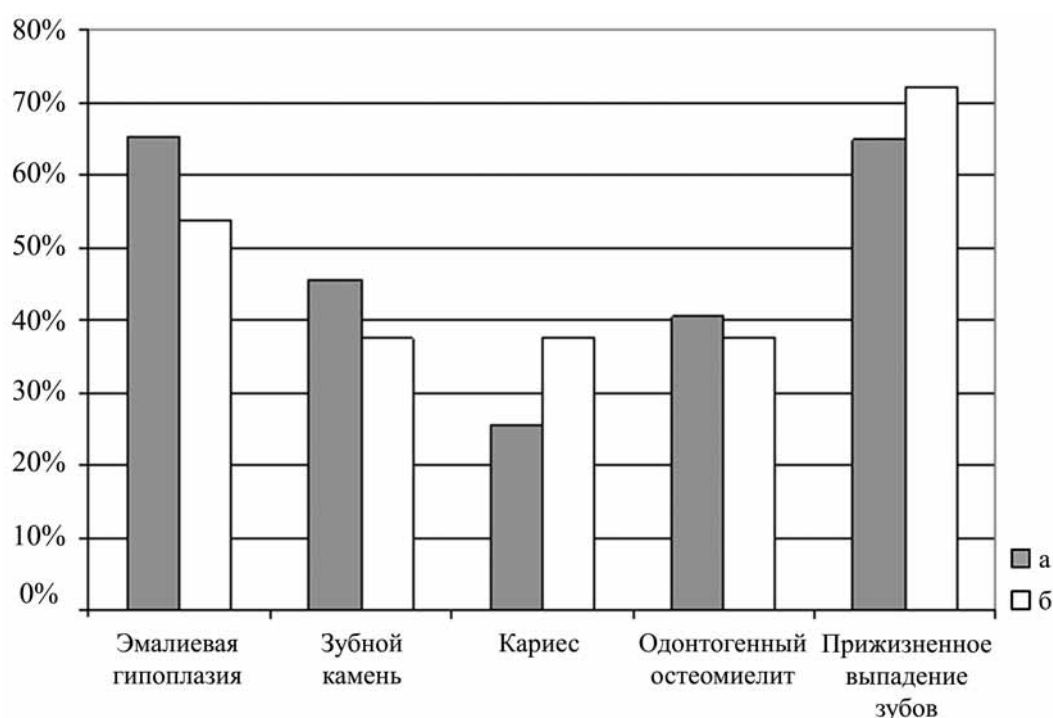

Рис. 10. Распределение маркеров стресса в мужской и женской выборках

а – мужчины; б – женщины

Таким образом, коллекция белокаменных надгробий, полученных в ходе раскопок в Переславле, обладает замечательной особенностью: будучи обнаруженной в пределах одного некрополя, она представляет различие орнаментики намогильных плит в XVI столетии. Однако формат статьи не позволяет сделать полный обзор коллекции: в каталоге приводится описание ряда плит (20 из 57) с выраженными индивидуальными особенностями в украшении лицевой поверхности. Каталогизация коллекции является предметом дальнейшей работы по изучению и публикации памятников.

Рисунки плит выполнены В. А. Зейфером.

Каталог

Плита № 1. Белокаменное надгробие, фрагмент. Первая половина XVI в. (рис. 11, 1). Размер: [66]×50,0×9,8 см. Расколота на две части. Лицевая сторона украшена треугольным орнаментом: рамка вдоль края и полукруглые боковые тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами. Вверху круглое клеймо, заполненное восемью крупными веерообразно расположенными треугольниками вершинами к центру-точке и обведенное дугой из двух рядов треугольников, противопоставленных друг другу. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двух рядов треугольни-

ков, противопоставленных вершинами. Боковые грани без орнамента.

Плита № 4. Белокаменная плита трапециевидной формы. Середина XVI в. (рис. 11, 2). Размер: 119,0×49,0×6,3 см. Расколота на три части. Лицевая сторона украшена треугольным орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо, заполненное четырьмя крупными веерообразно расположенными треугольниками вершинами к центру-точке и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное восемью крупными веерообразно расположенными треугольниками вершинами к центру и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Плита № 5. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Первая четверть XVI в. (рис. 11, 3). Размер: 150×57×10 см. Расколота на две части, с утратой. У изголовья незначительные сколы. Лицевая сторона украшена треугольным орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников,

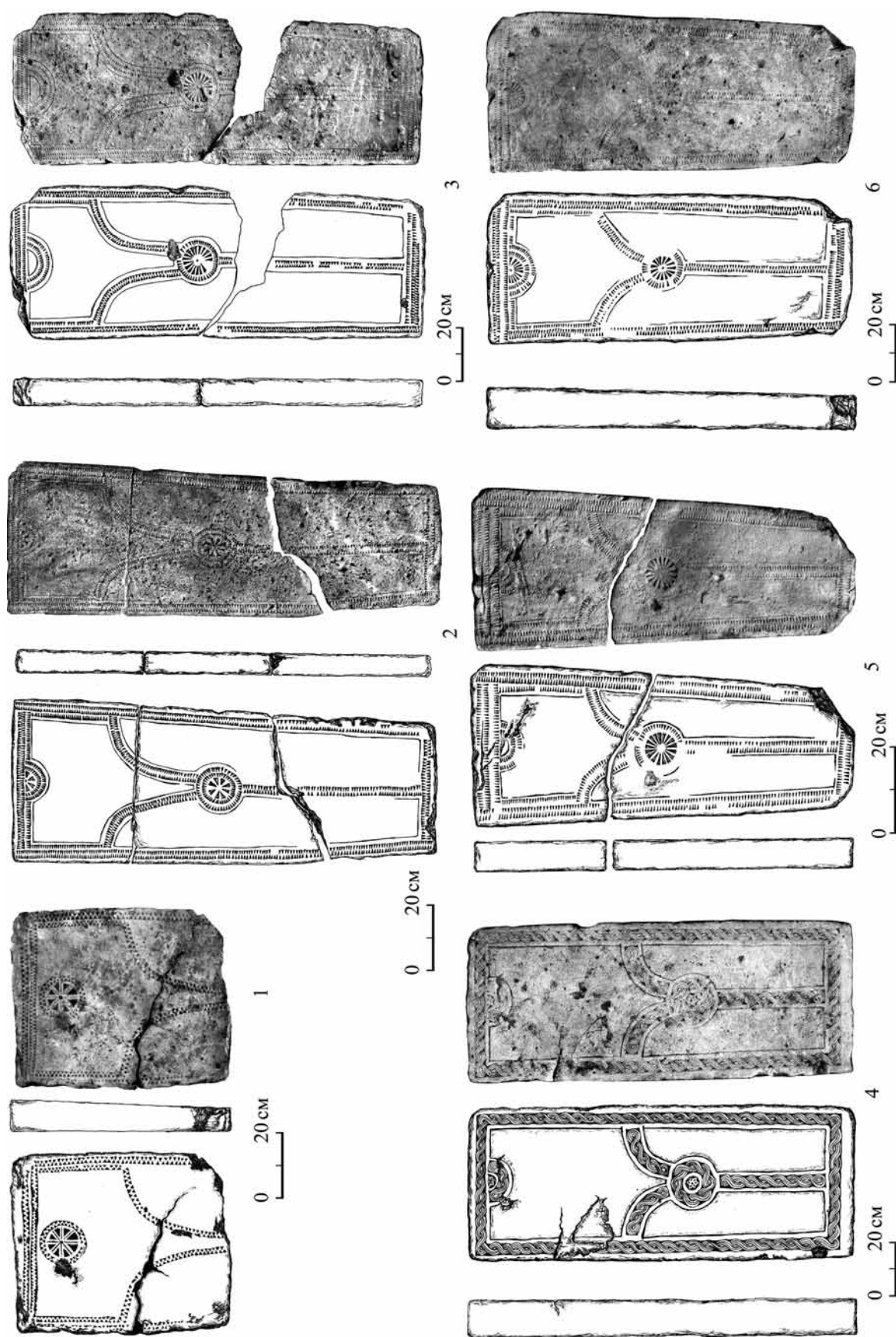

Рис. 11. Белокаменные надгробия XVI в.

1 – плита № 1; 2 – плита № 4; 3 – плита № 5; 4 – плита № 10; 5 – плита № 12; 6 – плита № 13

противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо с гладким «пустым» центром, обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное треугольниками-лучами вершинами к центру и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены глубокой графьей. Боковые грани без орнамента.

Плита № 10. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Вторая половина XVI в. (рис. 11, 4). Размер: 136,7×57,0×14,5 см. Незначительные сколы на лицевой поверхности. Лицевая сторона украшена жгутовым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги – трехрядная плетенка-жгут; вверху полукруглое клеймо – четыре витка жгута и половинка звезды с плоской поверхностью. В центре круглое клеймо – круг из восьми витков жгута, а в центре шестиконечная звезда с точкой посередине. Внутренние контуры орнамента очерчены глубокой графьей. Боковые грани без орнамента.

Плита № 11. Белокаменная плита трапециевидной формы расколота на четыре крупных фрагмента, верхняя часть изголовья утрачена. Первая половина – середина XVI в. (рис. 12). Размер: [170]×54×11 см. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края из двух рядов треугольников, обращенных вершинами внутрь. Изголовье (до полукруглых тяг) имеет дополнительную внутреннюю рамку из ряда треугольников, обращенных вершинами наружу. Полукруглые тяги из двух рядов треугольников соединяют боковые края обрамления с круглым клеймом. Обрамление центрального клейма – два ряда мелких треугольников вершинами к центру, заполнение – розетка. Особенностью композиции являются два клейма поменьше, находящиеся под полукруглыми тягами и соединенные с центральным клеймом лентами из двух рядов треугольников вершинами внутрь. Обрамление клейм – два ряда мелких треугольников вершинами к центру, заполнение – розетка (восемь лепестков). Сохранились лента и клеймо справа; детали орнамента слева, а также центральное клеймо значительно повреждены. Внутренние контуры орнамента плиты очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

В коллекции Рязанского музея сохраняется плита 1538/39 г., на которой центральное клеймо окружено тремя клеймами поменьше, но без лент (Ермонская, Нетунахина, Попова, 1978. С. 35, 36).

Возможно, повторение кругов-розеток вокруг центрального клейма следует трактовать как движение светила или как изображение дополнительных элементов убора, прежде всего круглых пряжек, которые встречаются в костюме средневековых горожан (Беляев, 1996. С. 134).

Плита № 12. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Первая четверть XVI в. (рис. 11, 5). Размер: 85×37×7 см. Расколота на две части. У изножья сколы. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо с гладким пустым центром, обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное семнадцатью треугольниками-лучами вершинами к центру и обведенное дугой из ряда треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

Плита № 13. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Первая половина XVI в. (рис. 11, 6). Размер: 113,0×47,5×14,0 см. У изголовья и изножья незначительные сколы. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо, заполненное в центре одиннадцатью треугольниками-лучами вершинами к центру-точке и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное четырнадцатью треугольниками-лучами вершинами к центру-точке и обведенное дугой из ряда треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников. Полоса подобного орнамента проведена вдоль нижнего края плиты, внутри обрамления. Внутренние контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

Плита № 17. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Начало XVI в. (рис. 13, 1). Размер: 125,0×51,7×8,3 см. Расколота на две части. Сколы на лицевой поверхности. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо, заполненное в центре шестью крупными треугольниками вершинами внутрь (между треугольниками

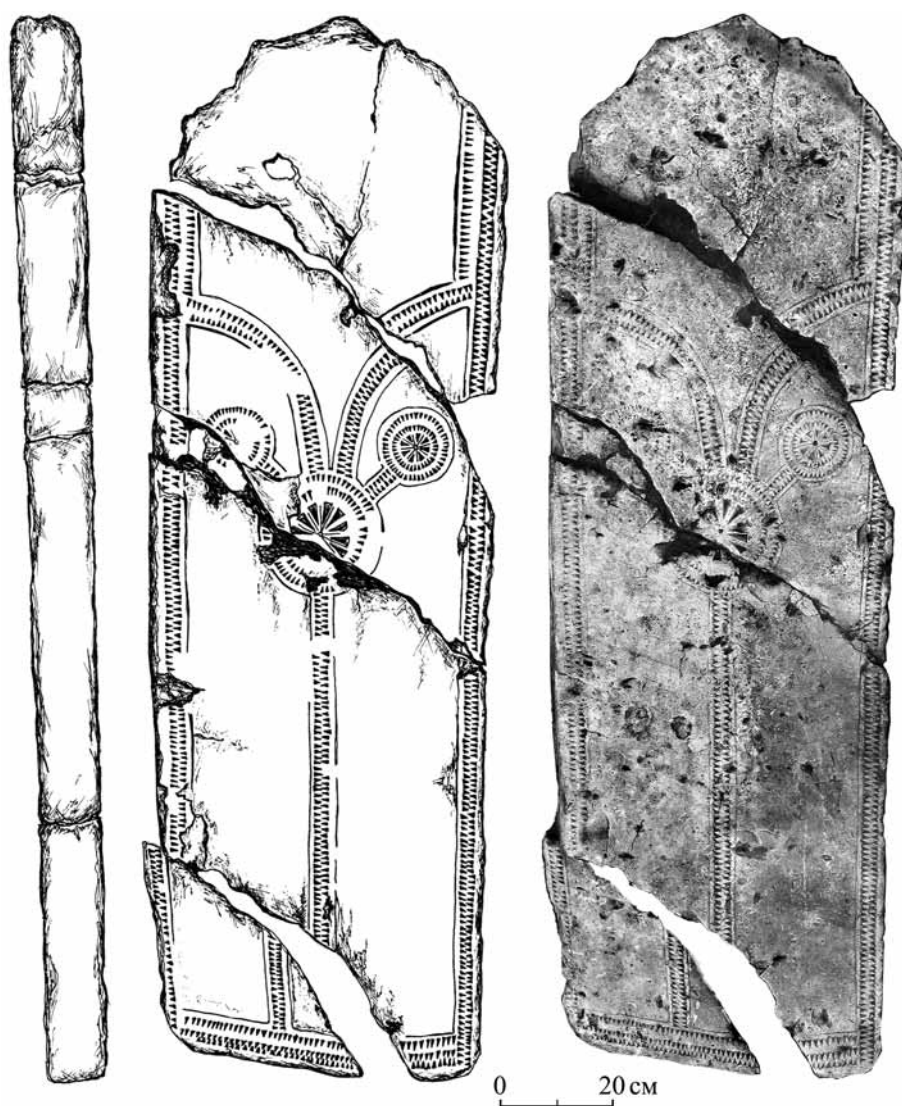

Рис. 12. Белокаменное надгробие №11. 1-я пол. – сер. XVI в.

прочерчены аккуратные тонкие линии) и обведенное дугой из ряда треугольников вершинами внутрь; между розеткой и дугой – врезная линия. В центре круглое клеймо, заполненное восемью крупными веерообразно расположенными треугольниками вершинами к центру-точке и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

Плита № 20. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Середина XVI в. (рис. 13, 2). Размер: 116,0×52,0×10,7 см. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги

из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо, заполненное в центре десятью крупными треугольниками вершинами внутрь и обведенное дугой из ряда треугольников вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное пятнадцатью глубокими треугольниками-лучами вершинами к центру-точке и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда крупных треугольников, расположенных «косынкой», с графьей по обе стороны. Полоса подобного орнамента проведена вдоль нижнего края плиты, внутри обрамления. Внутренние контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

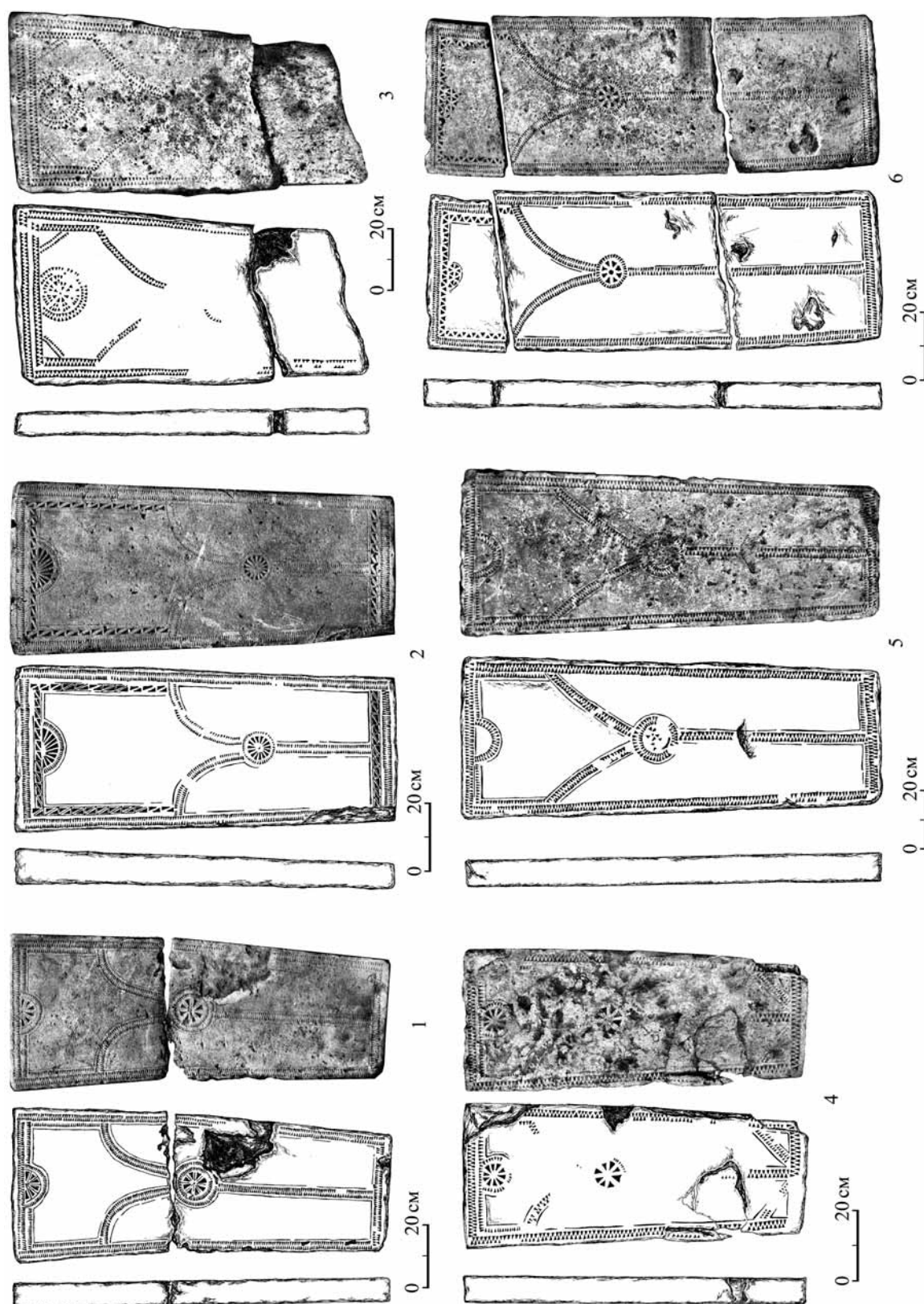

Рис. 13. Белокаменные надгробия XVI в.

1 – плита № 17; 2 – плита № 20; 3 – плита № 32; 4 – плита № 24; 5 – плита № 34; 6 – плита № 35

Плита № 24. Белокаменное надгробие трапециевидной формы, XVI в. (рис. 13, 3). Размер: [115,4]×55,2×7,7 см. Расколото на две части. Изножия нет. Лицевая плоскость сильно потерта, орнамент местами утрачен. Рамка вдоль края и боковые полукруглые тяги изображены двумя рядами треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху клеймо, близкое по форме к кругу, с тремя рядами треугольников, обращенными к центру-точке и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами друг к другу. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двух рядов треугольников, образующих «змейку». Особенность декора плиты – «облачка»-дуги из двух рядов треугольников в верхних углах изголовья. Боковые грани без орнамента.

Плита № 32. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Вторая половина XVI в. (рис. 13, 4). Размер: 100,0×44,7×7,5 см. Лицевая плоскость сильно потерта, в сколах, орнамент местами утрачен. Рамка вдоль края. Боковые полукруглые и нижняя прямая тяги изображены двумя рядами треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху клеймо, близкое по форме к кругу, с розеткой из десяти крупных треугольников вершинами к центру, обведенное дугой из ряда треугольников вершинами внутрь. В центре круглое клеймо с розеткой из восьми крупных треугольников вершинами к центру, дуга-обводка из ряда мелких треугольников сохранилась фрагментарно. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников вершинами внутрь. Особенность декора плиты – две прямые ленты, симметрично отсекающие нижние углы в изножии. Изображены двумя рядами треугольников, обращенных вершинами к нижнему краю плиты. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Плита № 34. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Первая четверть XVI в. (рис. 13, 5). Размер: 141×55×11 см. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые и нижняя тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо с гладким пустым центром, обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами друг к другу. В центре круглое клеймо, обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами друг к другу; центральное заполнение из мелких треугольников сохранилось фрагментарно. Особенность декора плиты – практически прямые, а не полукруглые боковые тяги. Изголовье плиты (до боковых тяг)

имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников вершинами наружу, а вверху, слева от полукруглого клейма – внутрь. Полоса подобного орнамента проведена вдоль нижнего края плиты, внутри обрамления. Внутренние контуры орнамента (кроме рамок вдоль края от боковых тяг и до изножия) очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Плита № 35. Белокаменное надгробие первой трети XVI в. (рис. 13, 6). Размер: 143,5×55,0×8,0 см. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо с равносторонними треугольниками, образующими ряд розеток. В центре круглое клеймо с восемью крупными треугольниками, обращенными вершинами к центру-точке, обведенное дугой из двух рядов мелких треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до боковых тяг) имеет внутреннюю рамку из двух рядов крупных равносторонних треугольников (примерно, 1×1 см), расположенных в шахматном порядке, вершинами друг к другу. Внутренние контуры орнамента частично очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Плита № 39. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Вторая половина XVI в. (рис. 14, 1). Размер: 83×43×8 см. У изголовья и изножия незначительные сколы. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу; вверху полукруглое клеймо, заполненное в центре «косынками» и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами друг к другу. В центре круглое клеймо, заполненное восемью крупными треугольниками, разделенными врезными линиями, и обведенное дугой из двух рядов треугольников вершинами друг к другу. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из двух рядов треугольников. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Особенность декора плиты – ленты из глубоко прочерченных неровных линий, идущих симметрично от верхнего полукруглого клейма к боковым тягам и от нижней части прямой тяги к рамке внешнего обрамления нижнего края плиты. В изголовье количество линий в ленте – восемь, в изножье – четыре. Боковые грани без орнамента.

Плита № 44. Белокаменное надгробие конца XV – начала XVI в. (рис. 14, 2). Размер: 106×49×9 см. Нет изножья. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль

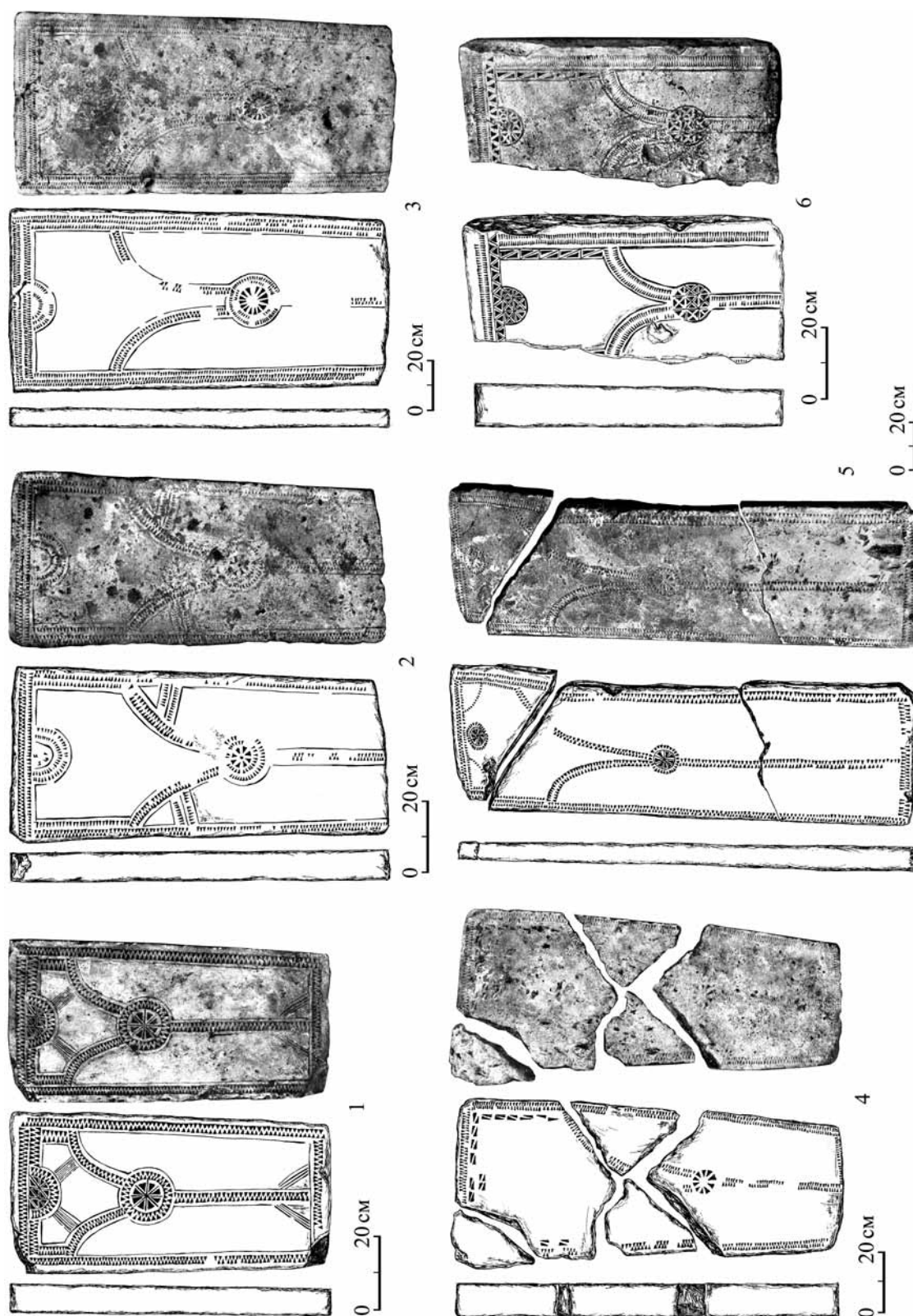

Рис. 14. Блокаменные надгробия конца XV – XVI в.

1 – плита № 39; 2 – плита № 44; 3 – плита № 45; 4 – плита № 53; 5 – плита № 46; 6 – плита № 55

края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо, обведенное дугой из двух рядов треугольников, обращенных вершинами к центру; внутреннее заполнение из мелких треугольников сохранилось фрагментарно. В центре круглое клеймо, заполненное восемью крупными веерообразно расположенными треугольниками, обращенными вершинами к центру-точке, и обведенное лентой из двух рядов мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Изголовье плиты (до боковых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников вершинами наружу. Особенность декора плиты – две прямые ленты, отсекающие углы под боковыми полукруглыми тягами. Ленты изображены двумя рядами треугольников, расположенных вершинами друг от друга и разделенных врезной линией. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Плита № 45. Белокаменное надгробие первой четверти XVI в. (рис. 14, 3). Размер: [122]×59×8 см. Нет изножья. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо с гладким пустым центром, обведенное дугой из трех рядов треугольников, обращенных вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное четырнадцатью крупными веерообразно расположенными треугольниками и обведенное лентой из двух рядов мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Особенность декора плиты – внутренняя рамка из ряда треугольников, опускающаяся ниже боковых тяг к изножью. Верхняя часть внутренней рамки образована двойным рядом треугольников вершинами друг к другу. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Плита № 46. Белокаменное надгробие трапециевидной формы. Середина XVI в. (рис. 14, 4). Размер: 132×50×12 см. Расколото на пять частей. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Клейма вверху нет. В центре круглое клеймо с десятью крупными треугольниками вершинами

внутрь. Изголовье плиты (до боковых тяг) имеет внутреннюю рамку, образованную рядом крупных прямоугольных треугольников, сложенных попарно гипотенузами. Боковые грани без орнамента.

Плита № 50. Белокаменное надгробие трапециевидной формы, расколото на две части (рис. 15). Размер: 114,0×49,5×9,6 см. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху полукруглое клеймо с гладким пустым центром, обведенное дугой из двух рядов треугольников, обращенных вершинами внутрь. В центре круглое клеймо, заполненное в центре восемью крупными веерообразно расположенными треугольниками и обведенное лентой из ряда мелких треугольников, расположенных вершинами внутрь. Изголовье (до полукруглых тяг) имеет дополнительную внутреннюю рамку из ряда треугольников, обращенных вершинами наружу. Внутренние контуры орнамента очерчены графией. Боковые грани без орнамента.

Надпись резана в шесть неровных строк, занимает все пространство изголовья и продолжается под правой полукруглой тягой. Надпись имеет целый ряд особенностей. Строки строго не параллельны, выполнены без разметки; высота строк неустойчивая. Надпись выполнена полуставом, с применением лигатур и выносных букв. Буквы прорезаны небрежно, разных размеров. Три строки под полукруглой тягой почти стерты, надпись нечитаемая.

1. Лѣта 7045 (1537) го прѣставил р(а)ба Б(о)жиа
Ере
2. [м]ѣи м(еся)ца Маиа 2... (?) на па
3. м[ять] пр(е)п(о)добна
4. ...
5. ... ѣр (?)
6. ... пн... (?)¹

Очевидно, надпись была выполнена непрофессиональным резчиком. Возможно, что плита с изначально отсутствовавшей надписью была использована вторично либо заготовлена впрок, так как основное поле изголовья (до начала полукруглых тяг), в которое врезана надпись, небольшое.

Плита № 53. Белокаменное надгробие конца XV – начала XVI в. (рис. 14, 5). Размер: 157×51×10 см. Расколото на три части. Лицевая

¹ Орфография сохранена. Титла не воспроизводятся, буквы, пропущенные в сокращенных словах, даются в круглых скобках, выносные подчеркнуты. Утраты даются в квадратных скобках.

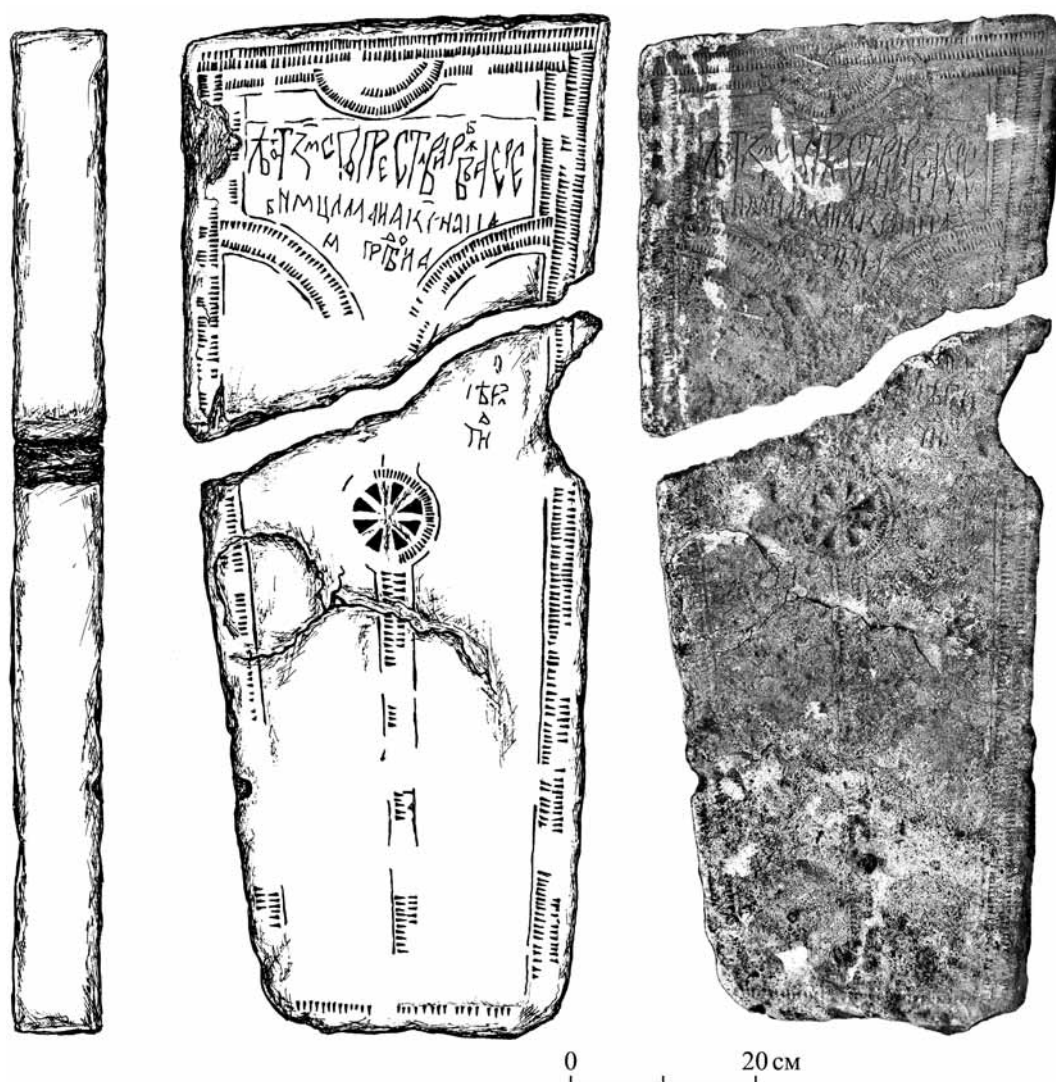

Рис. 15. Белокаменное надгробие № 50 1537 г.

сторона украшена треугольчатым орнаментом: рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Вверху круглое клеймо с восемью треугольниками, обращенными вершинами к центру и разделенными между собой врезными линиями, обведенное дугой из ряда мелких треугольников вершинами внутрь. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку из ряда треугольников, вершинами внутрь. Особенность декора плиты – «облачка» дуги из ряда треугольников в верхних углах изголовья. Боковые грани без орнамента.

Плита № 55. Белокаменное надгробие трапезиевидной формы, фрагмент. Середина XVI в. (рис. 14, б). Размер: [75,5]х [29,5]х12,0 см. Лицевая сторона украшена треугольчатым орнаментом:

рамка вдоль края, боковые полукруглые и нижняя прямая тяги из двух рядов треугольников, противопоставленных вершинами друг другу. Полукруглое клеймо вверху и круглое клеймо в центре разделены на ячейки, в каждую из которых врезаны четыре треугольника, образуя четырехконечный крест. Изголовье плиты (до полукруглых тяг) имеет внутреннюю рамку: справа – ряд крупных треугольников, расположенных «косынкой», с графьей по обе стороны; вверху – ряд крупных равносторонних треугольников, расположенных в шахматном порядке, пространство между треугольниками подчеркнуто врезной линией. Внутренние контуры орнамента очерчены графьей. Боковые грани без орнамента.

Следует заметить, что для современного Переславля-Залесского это первый случай обнаружения в одном месте целого комплекса надгробных

плит конца XV–XVI вв. и зафиксированных там погребений. До этого момента общая численность переславской коллекции средневековых белокаменных надгробий составляла порядка 50 единиц целых и фрагментов (Вишневский, 2011. С. 27). Часть коллекции, хранящаяся в Переславском музее-заповеднике, представлена поступлениями 1920-х годов из некрополей переславских монастырей и случайными находками 1980-х годов. Часть коллекции, находящаяся на территории действующих монастырей, представлена плитами и фрагментами, обнаруженными в ходе ремонтно-

реставрационных работ 1990–2000-х годов. Большинство памятников, находящихся на территории музея, опубликованы Л. Б. Сукиной и Н. В. Левицкой (Левицкая, Сукина, 1989; 1997; Сукина, 1991; Сукина, Левицкая, 1990; 1991). Ряд памятников Свято-Троицкого Данилова монастыря опубликован В. И. Вишневским (2011).

Обнаруженный комплекс дополняет общие сведения о средневековом надгробии как типичном памятнике художественной резьбы по камню и привносит новые сведения об истории города Переславль-Залесский.

Литература

Алексеев А. В., 2013. Звенигородский некрополь. Исторические кладбища города и округа. Звенигород.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеев В. П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.

Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В., 2003. Влахи: Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.

Бужилова А. П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М.

Бужилова А. П., 2005. Homo Sapiens: история болезни. М.

Вишневский В. И., 2011. Особенности орнамента и каллиграфии надгробий средневековых некрополей Переславля-Залесского // Художественное наследие Владимирского края. Вып. III. Александров.

Вишневский В. И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // АП. Вып. 9. М.

Добронравов В. Г., 1895. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. II. Владимир.

Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф., 1978. Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI – начала XX в. М.

Левицкая Н. В., Сукина Л. Б., 1989. Надгробные плиты из собрания Переславского музея // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. II. Иваново.

Левицкая Н. В., Сукина Л. Б., 1997. Надгробные плиты некрополя Горицкого монастыря в Переславле-Залесском в XVI–XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. М.

Мазур Л. Д., 2012. Переславль-Залесский в XVII столетии: опыт историко-градостроительного анализа (с приложением переписной книги 1677 года Степана Тимофеевича Салтыкова и подьячего Якима Шарапова). М.

Сукина Л. Б., 1991. Фрагменты надгробных плит XV–XVI вв. из собрания Переславского музея // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород.

Сукина Л. Б., Левицкая Н. В., 1990. О датировке крышки саркофага переславского удельного князя Ивана Дмитриевича // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. III. Иваново.

Сукина Л. Б., Левицкая Н. В., 1991. К проблеме изучения надгробных плит XIV–XVII вв. на примере собрания Переславль-Залесского музея-заповедника // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: материалы 2 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород.

Шадунц Е. К., 2007. Перепланировка г. Переславля-Залесского в 1788–1792 гг. (по материалам Государственных архивов Владимирской и Ярославской областей) // Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). Т. 2. Владимир.

Skeletal database committee recommendations. Detroit, 1991.

Ubelaker D. H., 1978. Human Skeletal remains. Exavations, Analysis, Interpretation. Chicago.

V.A. Zeifer, O.I. Mazourok, A.V. Rasskazova

**The medieval necropolis of The Beheading of St. John church
in the town of Pereslavl' Zalesky**

Summary

The article describes 800 square meter excavation made in 2012 at 9 Kouznetsova St, Pereslavl' Zalesky, Yaroslavl' Region, Russia. The excavation demonstrated 100 m occupation layer that had been formed in the 16th – 20th centuries with a massive graveyard with 57 white stone tombs. 326 coins were found. The archaeologists exposed two foundations of the buildings presumably belonging to the church

burnt in 1724 and the house of clergy. The skeleton remains belonging to 111 deceased have been searched. The average life time of adults has been calculated as 41.3 years (women) and 40.8 years (men) with infant mortality of 39.1%. Some of the preserved bone tissues were searched to evaluate the level of physiological stress. The appearances of 2 persons have been reconstructed.

С. А. Кабатов

Разновидности дренажной (водоотводной) системы селища Вёжи

Селище Вёжи, открытое в 1996 г., располагается в 15 км к северо-северо-западу от г. Костромы и в 1,2 км к западу от д. Спас, на дюнном всхолмлении поймы р. Костромы, именуемой иначе костромской низиной. Последняя прорезалась реками Соть, Касть и др. и была насыщена рядом озёр (рис. 1). Развитая речная система приводила к затоплению всей поймы в весеннее половодье и после его схода, обеспечивая сильный подпор воды.

Культурный слой селища характеризуется наличием обилия щепы и органики, что приводило к насыщенности культурного слоя влагой. Все это заставило вёжское население искать эффективные способы борьбы с грунтовыми водами уже вскоре после основания самого селища. И эти способы были найдены. Способы и приемы борьбы с влагой были различными. Например, погреб опускали в землю, со всех сторон обмазывая глиной. Бани, реке мельницы, выносились за пределы жилой зоны и ставились на высокие столбы.

Археологические исследования селища Вёжи выявили несколько фрагментов водоотводной дренажной системы. Для Костромского Поволжья золотоордынского и более позднего времени подобное отмечается впервые. Характер культурного слоя и общие приемы домостроительства позволяют в качестве аналога обратиться к водоотводным сооружениям Новгорода Великого (Медведев, 1956. С. 208–227). Основное назначение подобных систем – отводить грунтовые воды от различных построек, чтобы предохранять их, а также все в них находившееся, от порчи и разрушения. Такие водоотводы применялись и для осушения помещений для скота, в таких случаях водоотводы представляли собой системы канализации, где принцип сооружений тот же, что и система для отвода грунтовых вод из-под срубов (Медведев, 1956. С. 208–209).

Любая водоотводная (дренажная) система древнего Новгорода начинается под различными деревянными, реже – каменными, сооружениями общественного или хозяйственного назначения и кончается у реки, куда отводятся грунтовые или сточные воды из-под построек. Водоотводная система состоит из следующих основных частей: 1) водосборов (бочек) под постройками; 2) выводных или отводных труб, отходящих под уклоном от водосборов; 3) основной водоотводной магистрали, к которой обычно подключались отводные трубы из-под нескольких сооружений.

Типичная схема последовательных звеньев водоотводной системы, в целом, такова: водосбор – отводная труба – магистральная труба до реки (Медведев, 1956. С. 210). Более сложная система включает в себя дополнительный элемент – соединительный колодец, в который и врубается отводная труба (Медведев, 1956. С. 211). По новгородским аналогиям известно два вида дренажных систем: деревянные трубы и крытые желоба (Медведев, 1956. С. 209).

Сопоставление данных, полученных нами в результате археологического исследования селища Вёжи (раскопы I, II), с новгородскими материалами выявляет следующую картину. Дренажная система селища Вёжи представлена и водоотводными трубами, и желобом. Последний, в отличие от новгородских аналогий, не имел какого-либо покрытия.

Наиболее раннее водоотводное сооружение относится к ярусу 9 (рис. 2) и представлено желобом (Алексеев, 2001. С. 75–78), зафиксированным на протяжении 462 см (кв. Г, Д – 8, 9). Это была система из двух основных бревен (рис. 3; 4), обложенных несколькими обрубками бревен и плахами, покрытыми сверху цельными листами бересты

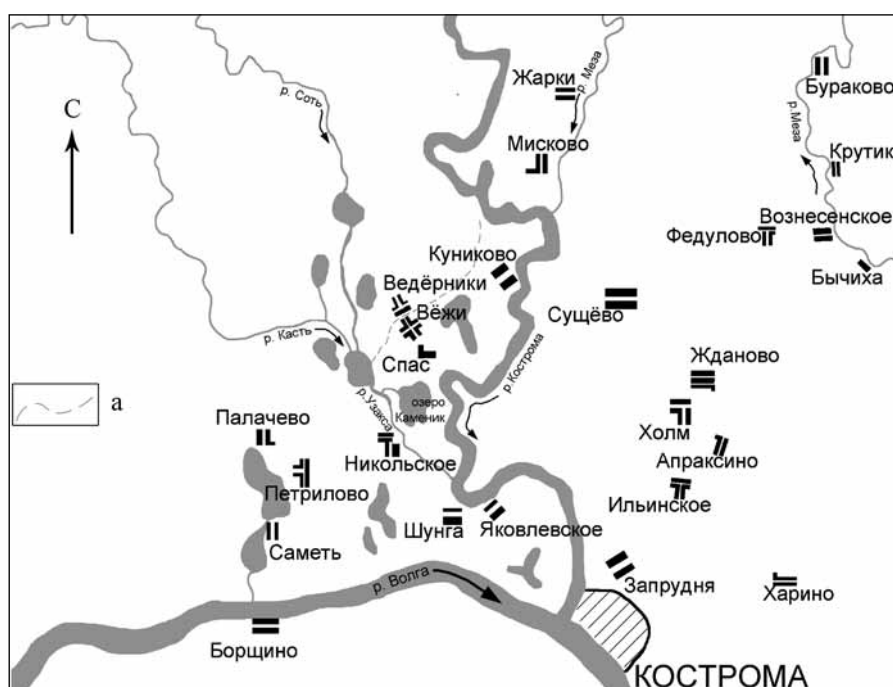

Рис. 1. Костромская низина до затопления (по материалам дореволюционных карт)
а – реконструкция русла р. Идоломки

(рис. 5, а). В сечении стыковка бревен имеет вид желоба (рис. 5, б). Северо-западное бревно (диаметр 19 см) покоится на вертикальном столбе диаметром до 60 см (рис. 5) и далее уже не имеет опоры (рис. 2), следовательно, логично предположить, что полная длина этого бревна составляла не менее 6 м. Уклон составлял 1 см. Второе бревно, юго-восточное (диаметр 17 см), опирается на перпендикулярную горизонтальную плаху, которая в свою очередь покоится на горизонтально положенных, параллельных бревну обрубках (рис. 5).

Обилие органики в слоях выше и ниже уровня стока (рис. 6) позволяет предположительно определить его назначение как хозяйственное. Подобные водоотводные стоки из построек для скота известны по новгородским аналогиям. Такие желоба не подключались к магистральным трубам, а грунтовые и сточные воды поступали из них в глубокие поглотительные колодцы, из которых, как правило, вода уходила в грунт (Медведев, 1956. С. 211). Специфика грунта поверхности яруса 9 на уровне зачистки в конце водоотвода позволяет предположить наличие такого поглотительного колодца и в нашем случае (в новгородских колодцах срубы не упоминаются, что соотносимо с рассматриваемым случаем). Время использования данного водоотвода по керамическому комплексу, датирующему ярус 9, относится к концу XVI – началу XVII в.

Подобный водоотводный желоб выявлен и на раскопе II (объект 29а) в кв. Д/Е-12/13. Это дренажный водоотводный лоток (рис. 7), вероятно связанный с объектом № 29 (постройка 23), ориентированный по линии ЮЮЗ – ССВ (Кабатов, 2009. С. 31–32). Лоток состоит из двух параллельных бревен диаметром 18 и 25 см, по краям и между ними находятся жердины, образуя два самостоятельных лотка. Сверху лоток накрыт большими листами бересты внахлест по уровню уклона (в ЮЮЗ сторону), перепад отметок 27 см. Составной лоток является магистральным отводом, на который подавалась вода с других лотков. Таковыми являются две продольные и выдолбленные в форме лотка половинки бревен, фиксирующиеся в месте стыковки магистрального лотка со стенкой раскопа и одна составная труба (из двух выдолбленных продольных половинок бревен). Видимо, в этом месте находился магистральный дренажный узел, соединявший несколько автономных водоотводных элементов. Обилие органики в слоях выше и ниже уровня стока (рис. 8) позволяет, как и в предыдущем случае, определить его назначение как хозяйственное. Вполне вероятно, что в конце водоотвода также существовал и поглотительный колодец. Время использования данного водоотвода – не ранее конца XVI – XVII в.

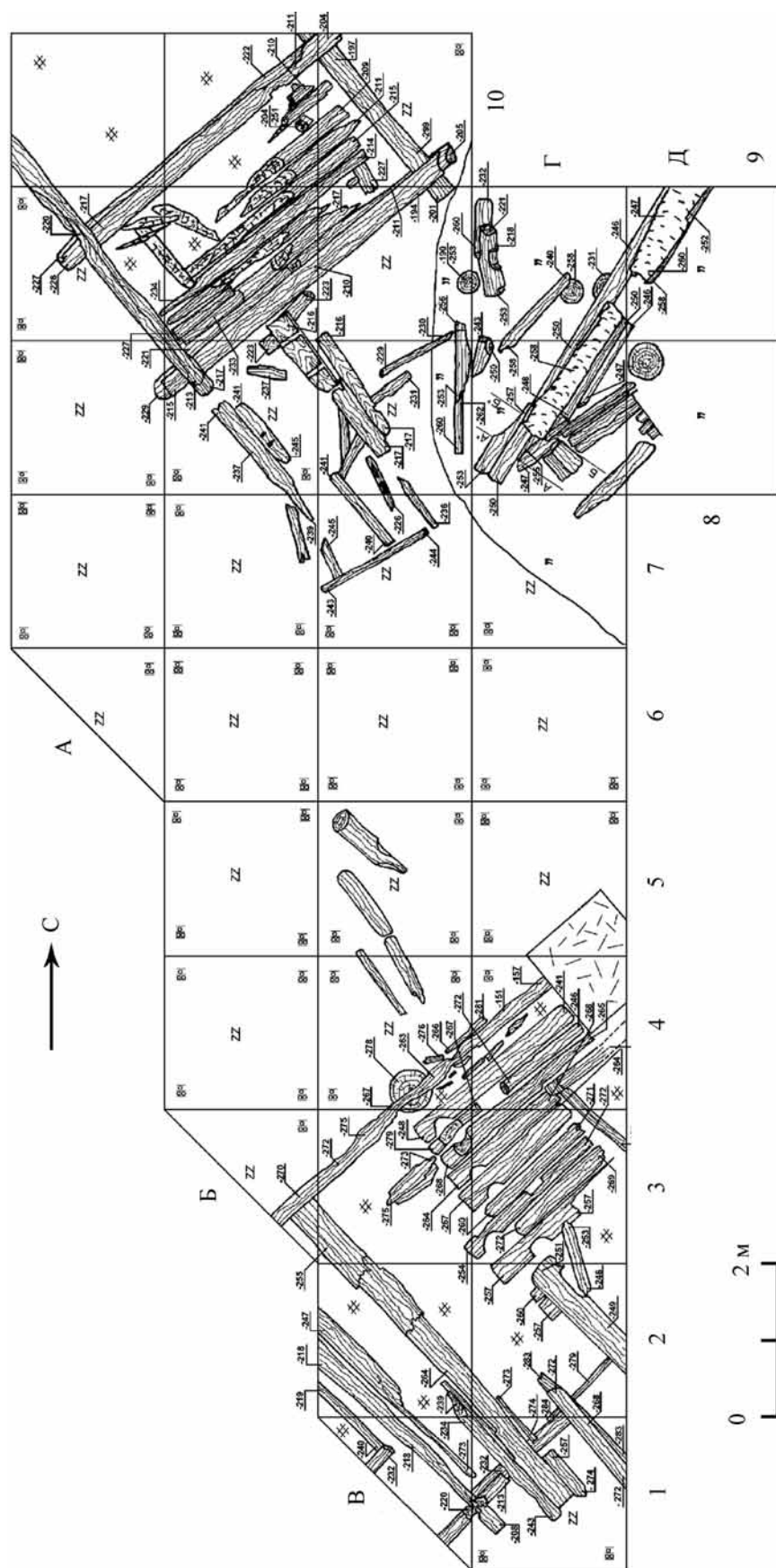

Рис. 2. Раскоп I, ярус 9. Дренажный желоб (кв. Г/Д-8/9)

Рис. 3. Раскоп I, ярус 8. Фото дренажного желоба (кв. Г/Д-8/9). Вид с запада

Рис. 4. Раскоп I, ярус 8. Фото дренажного желоба (кв. Г/Д-8/9). Вид с востока

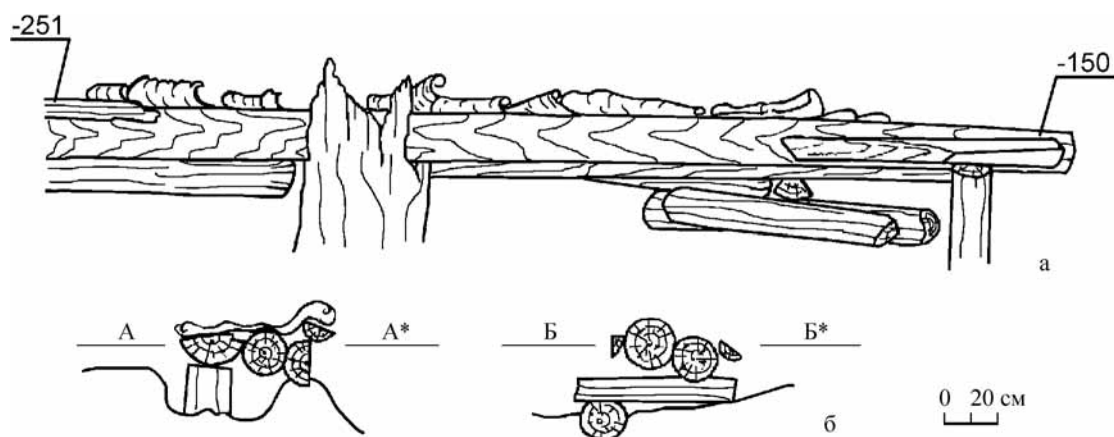

Рис. 5. Раскоп I, ярус 8. Дренажный желоб (кв. Г/Д-8/9)
а – вид сбоку (с ЮВ); б – сечение

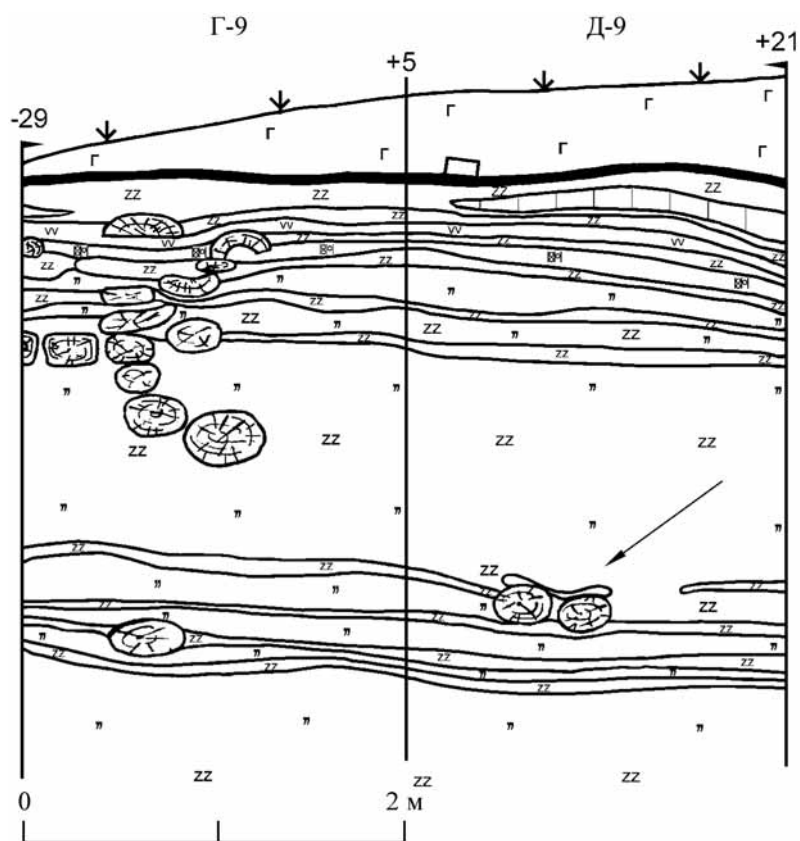

Рис. 6. Раскоп I. Сечение дренажного желоба (кв. Г/Д-8/9) в профиле северной стенки (указано стрелкой)

Следующим свидетельством наличия водоотводной системы яруса 8 (раскоп I) является отводная дренажная труба диаметром 12 см, фиксирующаяся в кв. Г-4 (начало) и уходящая в стенку раскопа в кв. Б-3 (Алексеев, 2001. С. 59–75) (рис. 9). Начало трубы уничтожено строитель-

ством позднего колодца для питьевой воды яруса 1, прорезающего также северный угол постройки 12а. Уклон при длине зафиксированного звена 208 см составляет 1 см. Труба покоилась на пне диаметром до 28 см и имела прямой соединительный шов (бревно распиливалось вдоль

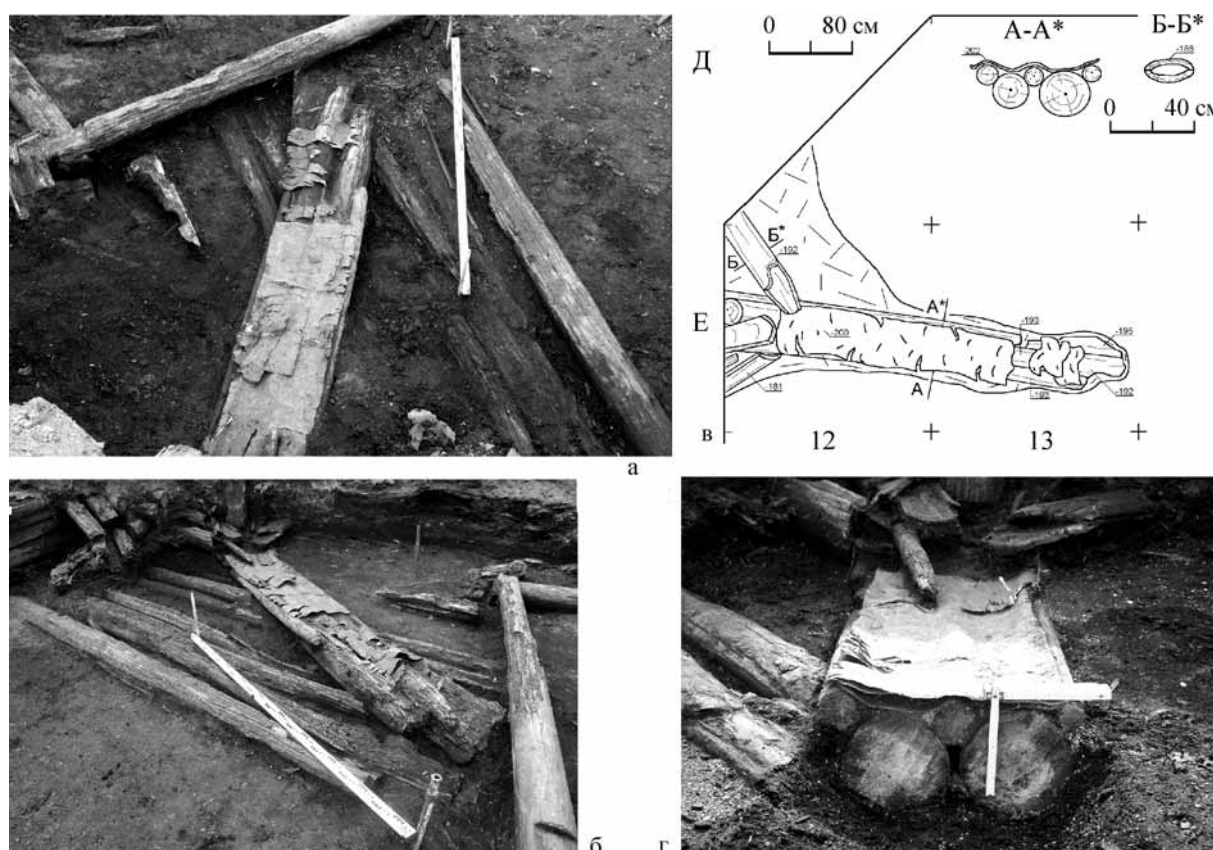

Рис. 7. Раскоп II, ярус 4 (кв. Д/Е-12/13), объект № 29а (дренажный желоб)

а – вид с юга; б – вид с ССВ; в – план и сечения по линиям А-А*, Б-Б*; г – фото сечения по линии А-А* (вид с ССВ)

на протяжении всей длины на две половины, которые затем выдалбливались внутри). Толщина стенок трубы – в среднем 3 см. Оборачивание берестой для предотвращения попадания мусора или земли внутрь не зафиксировано. Отсутствует и обкладка каким-либо строительным мусором вдоль бревна по линии шва во избежание сдвига половин. Отводная труба соотносится по времени с постройкой 12а (южная часть раскопа), предположительно жилого характера. Интересно, что верхний уровень нижних венцов постройки фактически одинаков с верхним уровнем дренажного бревна. Подобное может говорить о том, что данный водоотводный элемент либо укладывался на уровень дневной поверхности яруса 8, слегка присыпаясь землей, либо опускался ниже, но в таком случае нижние венцы постройки 12а должны были несколько присыпаться землей. Время бытования постройки 12а, определенное по керамическому комплексу и находке железного ключа типа Д (Колчин, 1959. С. 87), относит данное звено дренажной системы к первой половине XVII в.

Водоотводная система яруса 8 (рис. 10) является наиболее информативной. Здесь фиксируются две водоотводные трубы (в силу ограниченной площади раскопа I не представляется возможным точно определить их роль в общей системе водоотвода), вероятнее всего, это магистральные трубы. Северная труба ремонтировалась в период формирования яруса 6 (Алексеев, 2001. С. 52–56), о чем свидетельствуют разрушения постройки 13 (яруса 7), построек 14 и 15 (яруса 8) по ходу следования ямы под отводную трубу, а постройка 12 (6-й ярус) в месте прохождения бревна не тронута (рис. 11). Ширина ямы колеблется от 37 до 46 см (рис. 12). Северная труба проходит точно под углом сруба яруса 6 на глубине 110 см от нижнего уровня первого венца его юго-восточной стенки (рис. 13).

Северная труба (диаметр в комлевой части до 24 см) выходит из северной стенки кв. В-10 и проходит строго в южном направлении на 584 см. Соединительный шов прямой. Бревно со всех сторон обложено обрубками жердей, бревен и прочим, преимущественно мелким строительным мусором. При первом взгляде складывается впечатление, что

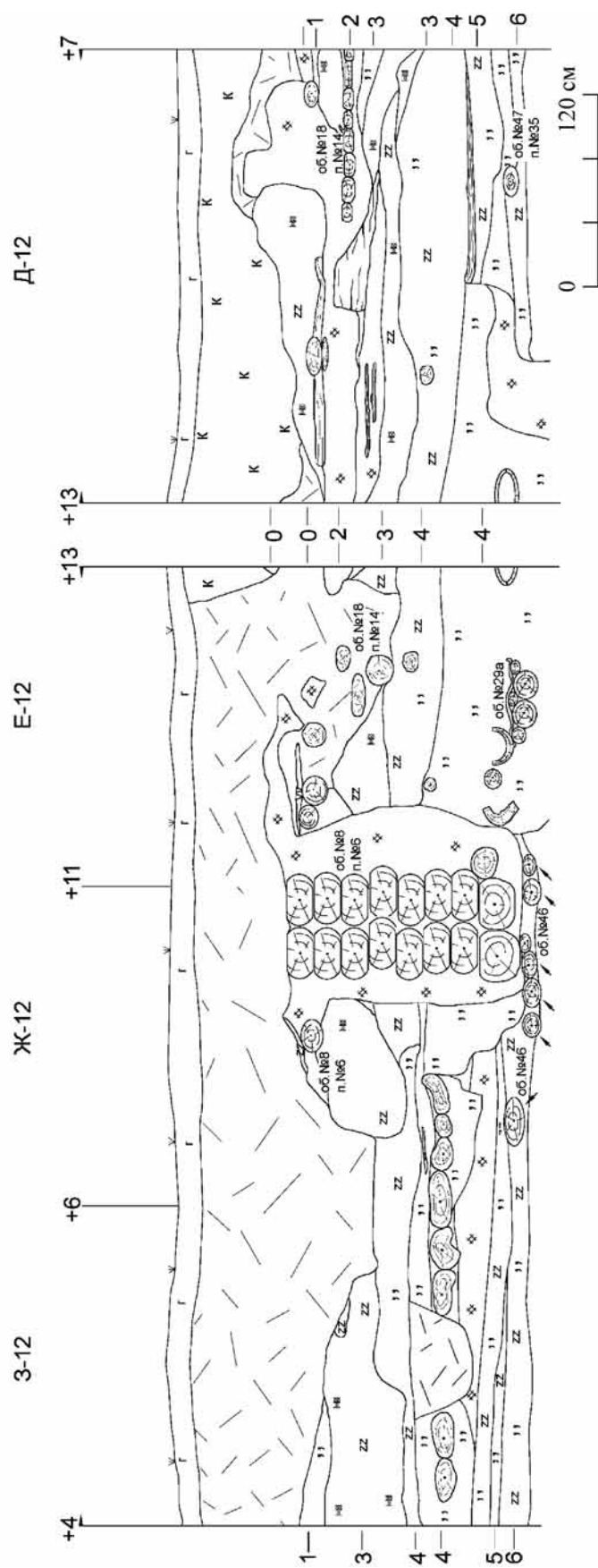

Рис. 8. Раскоп II. Сечение дренажного желоба (кв. Д/Е-12/13) в профиле южной стенки

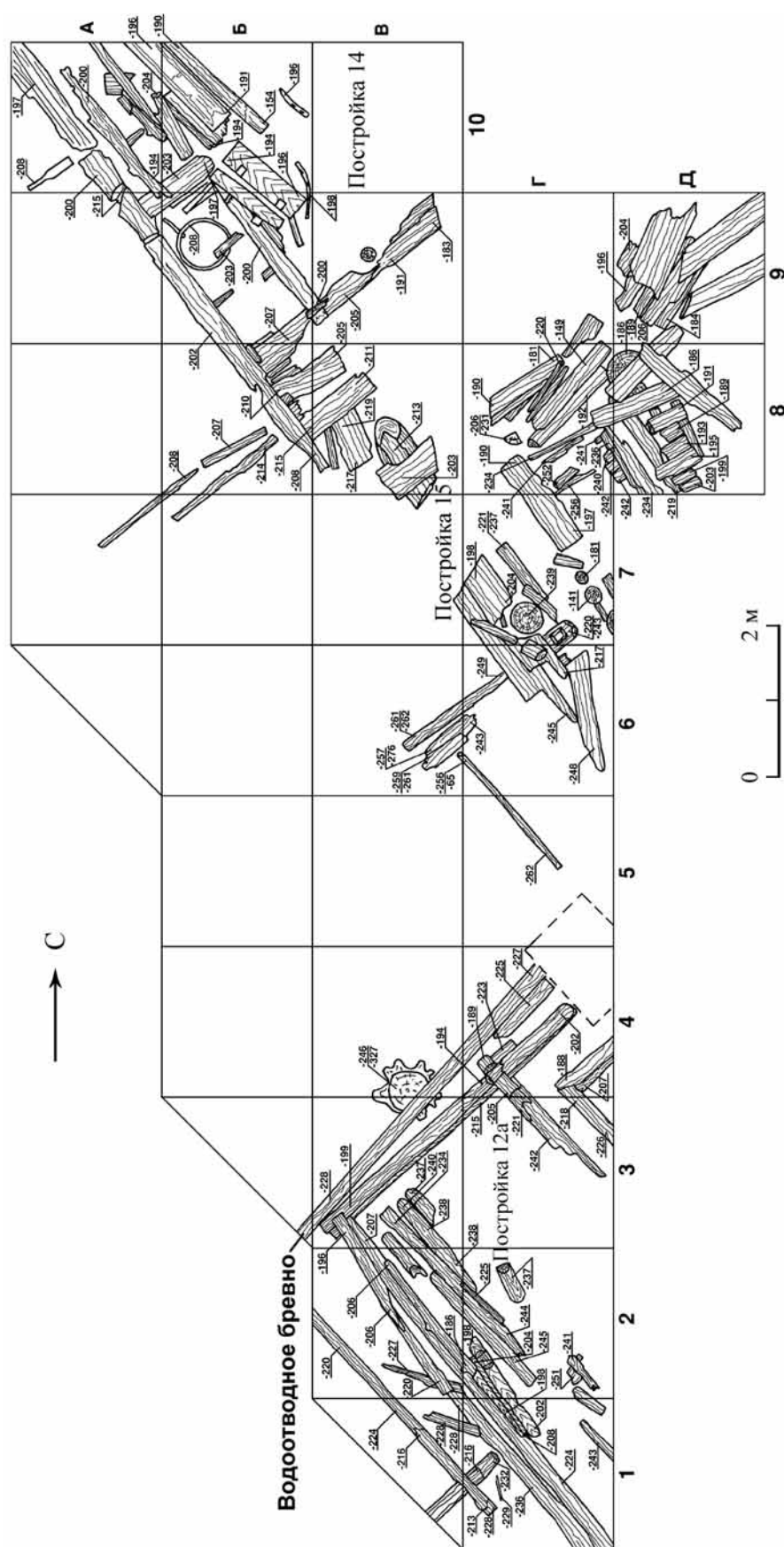

Рис. 9. Раскоп I. Фрагмент водоотводного бревна (кв. Г/Б-4/3)

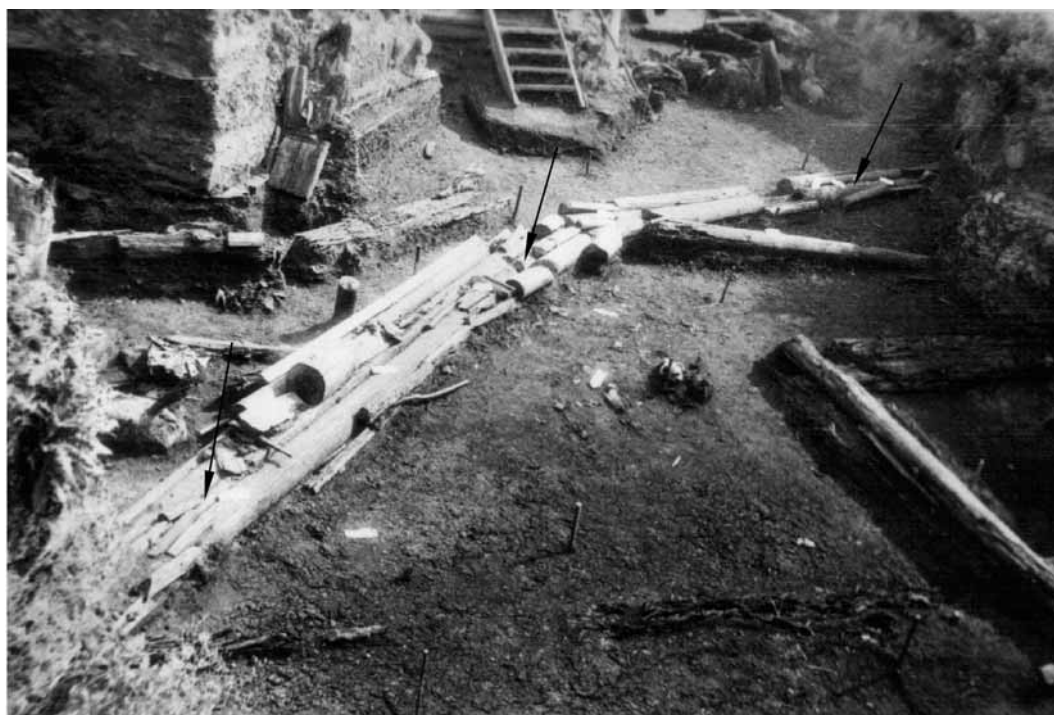

Рис. 10. Раскоп I, ярус 10. Фото дренажных магистральных труб ярусов 8 и 6 (кв. Г/Б–3/10). Вид с севера

это хаотично накиданный мусор, однако все это предохраняло половинки бревна от сдвигов. Подобную задачу выполняли и две стяжки (рис. 13) – первая в 268 см от стенки раскопа, вторая через 336 см от нее. Стяжка здесь представляла собой наложение на бревно по всей окружности небольших палочек (наподобие медицинских шин при переломах), стянутых лыком.

К первому дренажному звену примыкает второе, уходящее в западную стенку кв. Б-4. Вид стыка, исходя из существующих новгородских аналогий, тяготеет к смешанному. В данном случае фиксируется и втульчатый шип (характерная особенность первого типа соединения) на конце первого бревна (длина 15 см, ширина 18 см), и соединение под углом. Колено – особенность второго типа (рис. 13). Тонкий конец первого бревна, слегка затесанный сверху, вставлен в растесанный комлевый канал второй трубы под углом 150 градусов. В связи с этим считаем возможным выделение третьего, смешанного, коленчато-втульчатого типа стыковки водоотводных труб. Другой, возможно местной, особенностью соединения дренажных звеньев является полное отсутствие какого-либо изоляционного материала (бересты) в месте стыка. Второе звено водоотвода, как и первое, имело прямой соединительный шов двух половинок. Диаметр трубы в начале стыка – 23 см, в конце – 20 см. Толщина стенок на протяжении

всей длины в среднем равняется 2,5–3,0 см. Вторая водоотводная труба, как и первая, на протяжении всей своей длины, во избежание сдвига половинок, обложена строительным мусором. Правда, здесь обкладка состояла из крупных половинок бревен (до метра длиной) и плах. Кроме того, здесь отсутствуют стяжки. На протяжении всей длины второго водоотводного бревна отсутствует какая-либо изоляция, применяемая в ранних новгородских аналогиях для предохранения от попадания мусора и земли в дренажную систему. Указанные отличия наводят на мысль о разновременности этих труб. Вероятнее всего, второе водоотводное бревно старше первого (северного), которое было заменено в период формирования яруса 6 вместо старой, скорее всего, сгнившей трубы. Разновременность отмечается и в определенной разнице строения половинок, и в степени сохранности обоих бревен. Кроме того, стратиграфия не фиксирует для первого бревна каких-либо поздних вмешательств на данном участке в слой яруса 6 (рис. 14).

Уклон всей описанной дренажной системы составляет 17 см (при общей длине труб 912 см). Комлевые концы обеих труб направлены к истоку. Подобная закономерность прослежена на всех известных водоотводных трубах древнего Новгорода (Медведев, 1956. С. 217). Водоотводные трубы залегают на глубине порядка 100 см относительно дневной

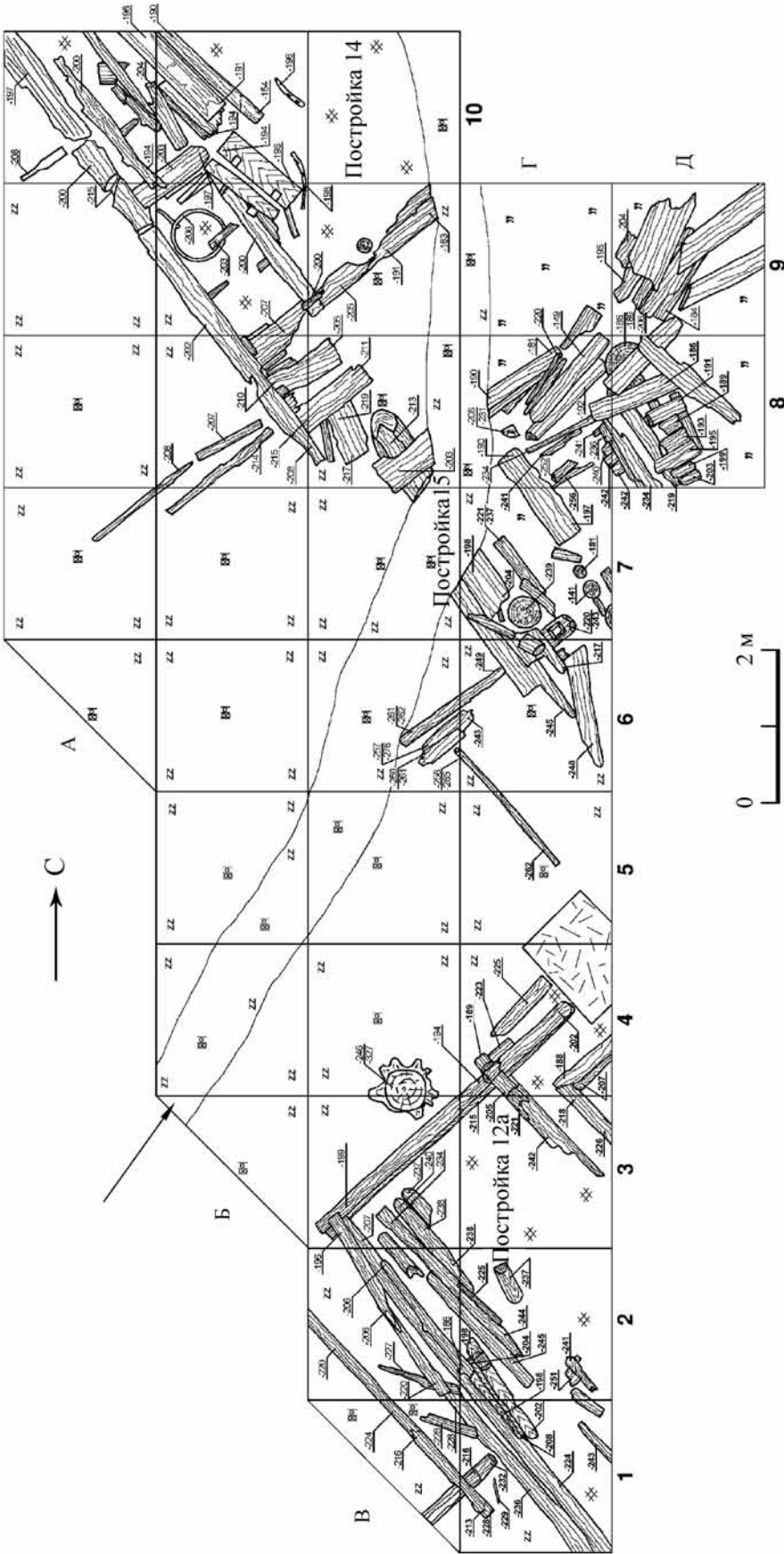

Рис. 11. Раскоп I, ярус 8. Траншея дренажных магистральных труб ярусов 8 и 6 (кв. Г/Б-3/10) (указана стрелкой)

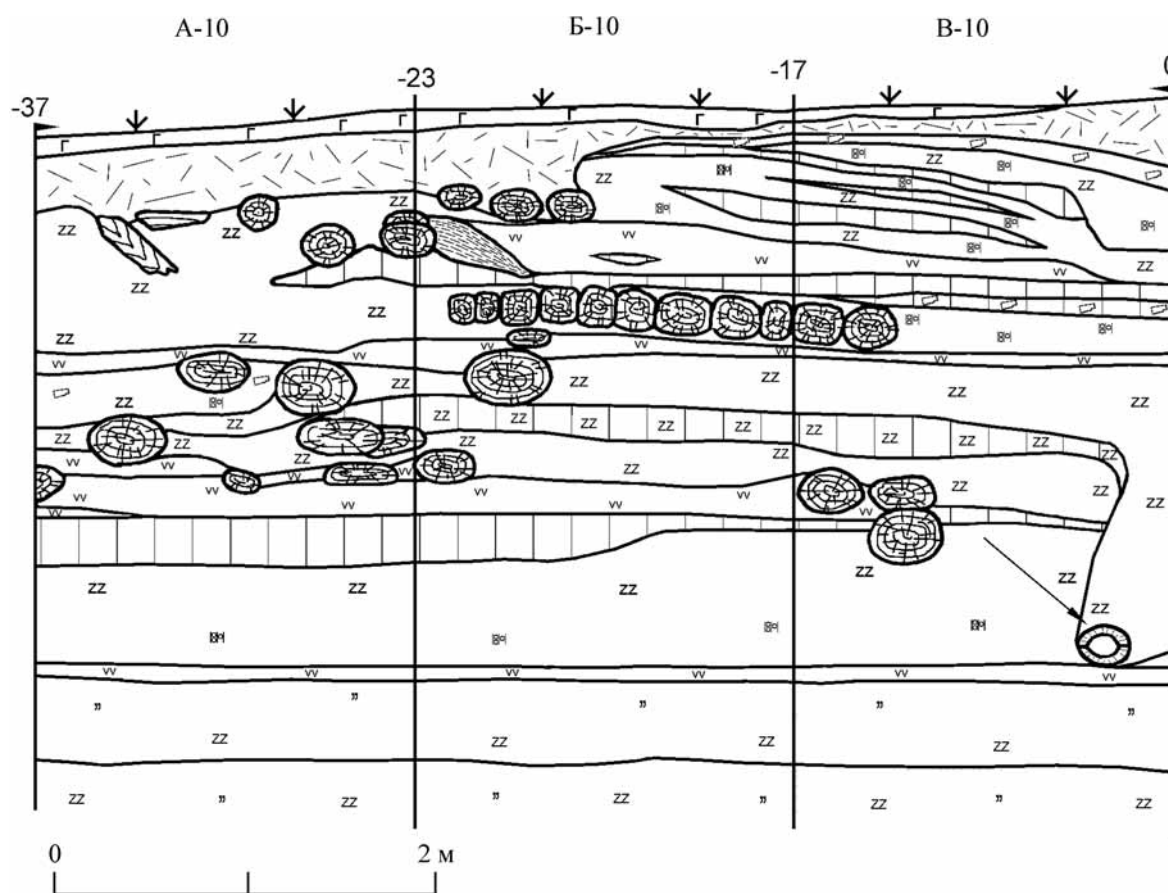

Рис. 12. Раскоп I. Сечение северной магистральной трубы в профиле северной стенки

поверхности времени бытования яруса 8 (рис. 14). Согласно датировке ярусов, появление магистральных труб относится к первой половине XVII в., ремонт северной трубы – ко второй половине XVII в.

С ярусом 5 по времени соотносится один фрагмент водоотводной трубы (диаметр 17 см), выходящий из стенки раскопа в кв. Г-1 (Алексеев, 2001. С. 50, 51). Бревно фиксируется на протяжении 80 см по линии СЗ – ЮВ. Водоотвод в истоковой части был разрезан юго-западной стенкой постройки 8 четвертого яруса (рис. 15). Труба имеет прямой соединительный шов. Какой-либо обкладки, стяжек, изоляционных материалов, предохраняющих водоотвод от сдвига половинок и попадания мусора и земли внутрь, не зафиксировано. Бревно залегало на глубине от 40 до 30 см от уровня дневной поверхности времени бытования яруса 5 (рис. 16). Уклон фиксируемого фрагмента водоотвода – 8 см в юго-восточном направлении. Соотносимость данной водоотводной системы с постройками 9 и 10 позволяет датировать время его появления первой половиной XVIII в.

С четвертым ярусом связан фрагмент водоотводной трубы диаметром 22 см, лежавшей на бревнах постройки 9 пятого яруса (рис. 17) (Кабатов, 1999. С. 53–62). Судя по всему, при прокладке дренажа было принято решение не углубляться ниже. Водоотвод фиксируется точно под постройкой 7, в районе ее хозяйственной пристройки. Труба располагается в кв. В-9/10, Б-10 и ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Бревно было распилено вдоль (по типу прямого соединения), а внутренность половинок удалена. Уклон дренажа к ЮВ составляет 7 см при длине трубы 362 см. Какая-либо обкладка, предохраняющая половинки бревна от сдвигов, и изоляция отсутствуют. Водоотвод был опущен неглубоко относительно дневной поверхности времени бытования яруса 4. Глубина залегания дренажа от уровня верхней отметки наката постройки 7 – всего 10 см. Время прокладки исследуемого звена водоотводной системы соотносится с постройкой 7: середина – вторая половина XVIII в.

Фрагмент дренажа восьмого яруса, вероятно, относится к водоотводной трубе предположительно

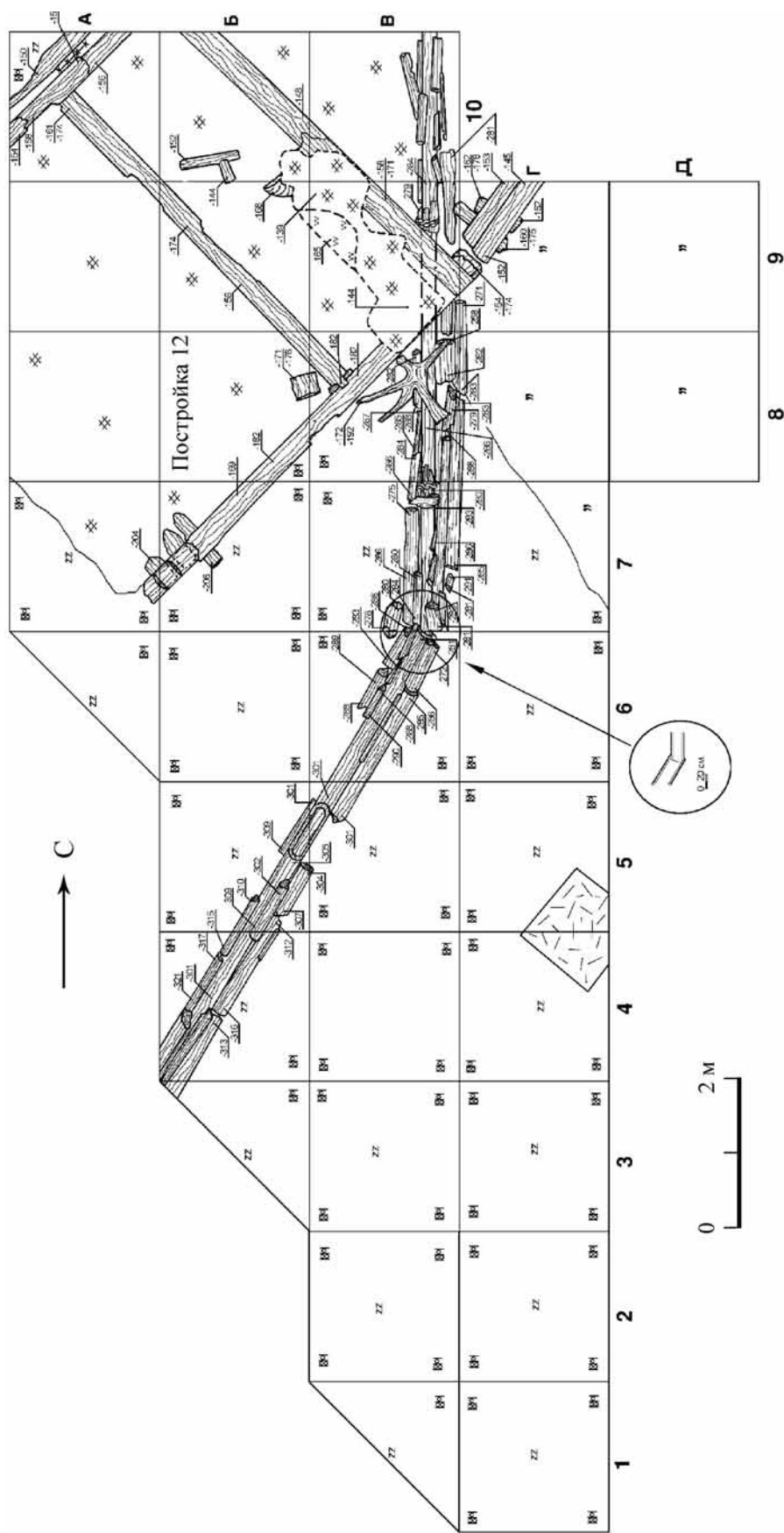

Рис. 13. Раскоп I, ярус 10. Дренажные магистральные трубы ярусов 8 и 6 (кв. Г/Б-3/10), постройка 12 яруса 6

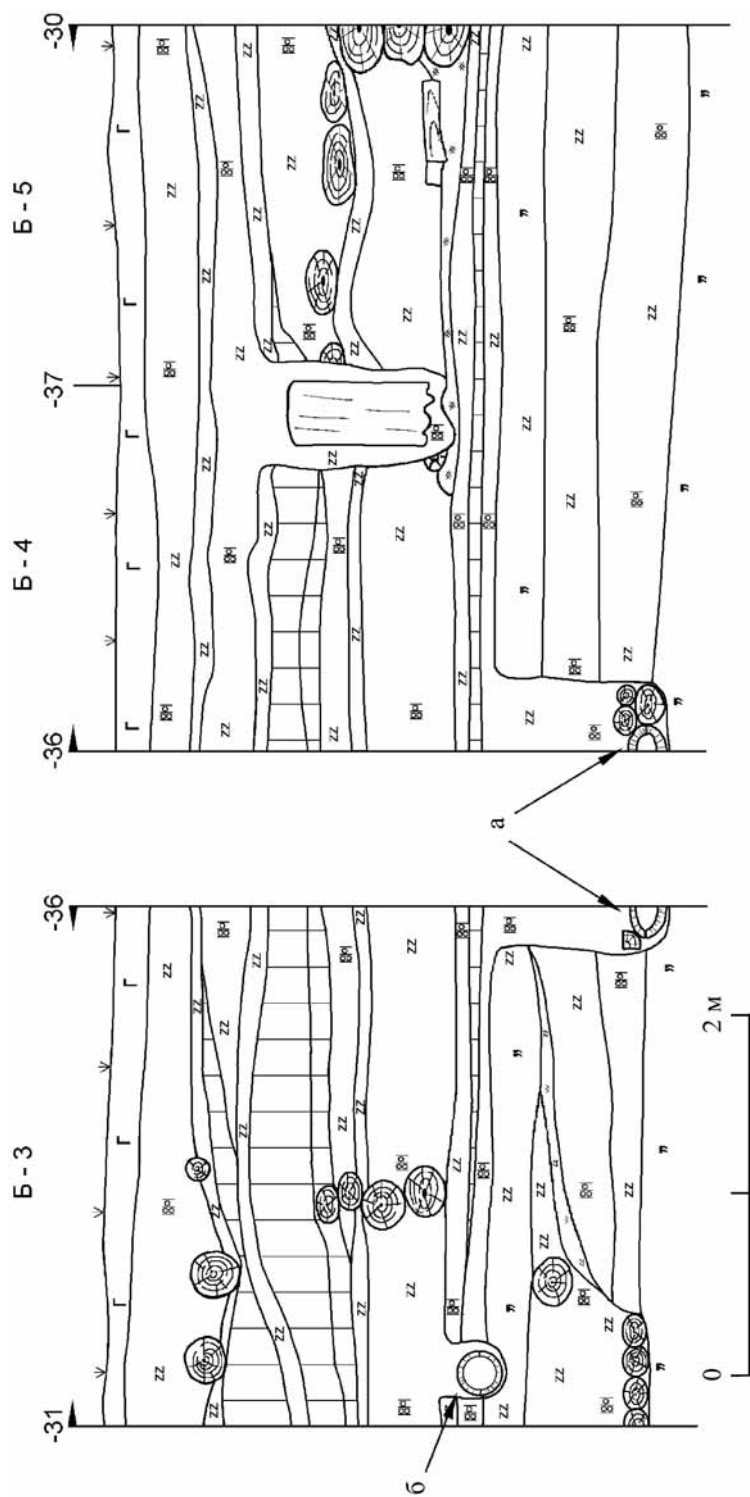
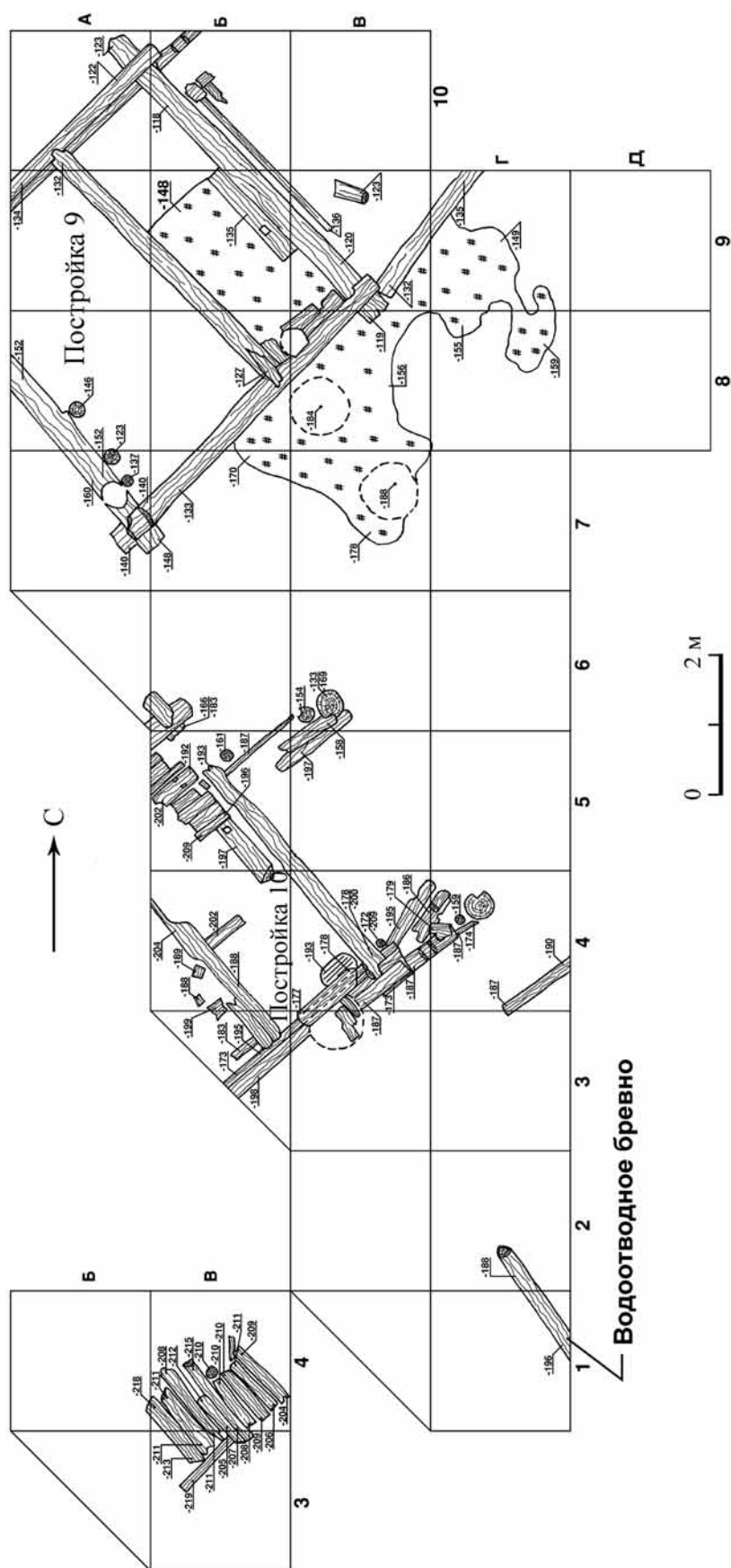

Рис. 14. Раскоп I. Сечение дренажных труб в профиле ЮЗ и западной стенок
 а – северная магистральная труба яруса 8; б – водоотводная труба яруса 5

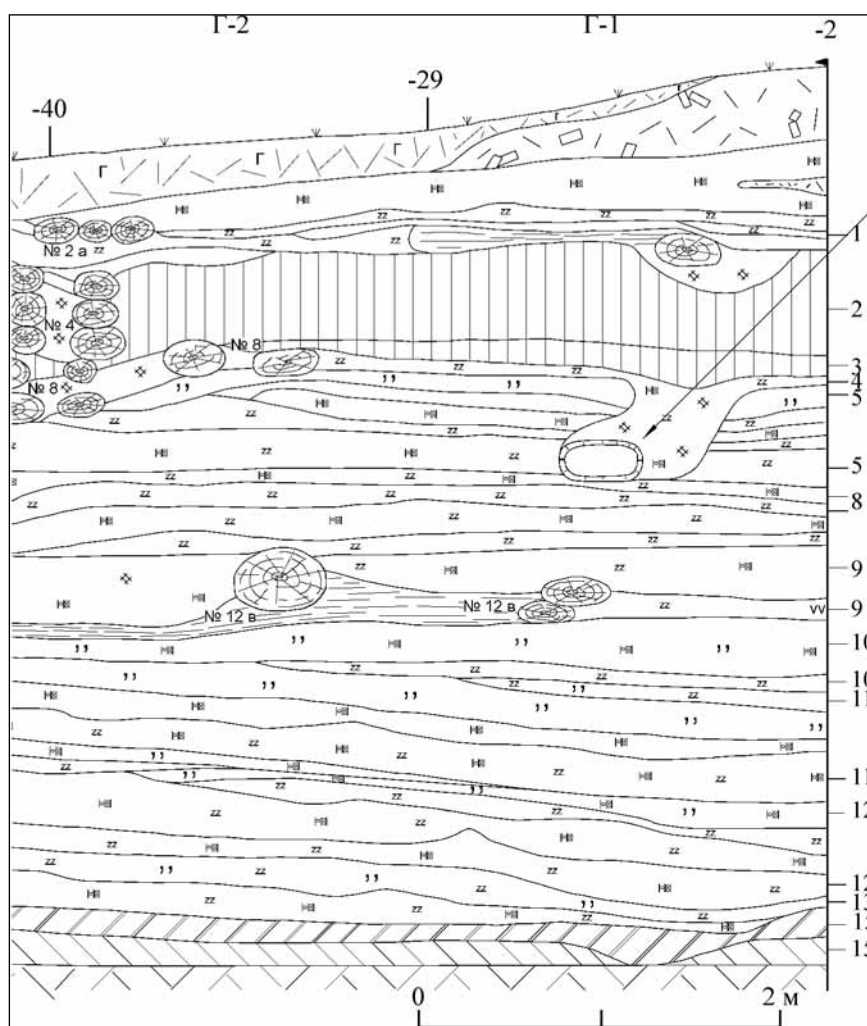

Рис. 16. Раскоп I, ярус 5. Сечение дренажного водоотводного бревна (кв. Г-1/2) в профиле восточной стенки

из жилой постройки. В пользу последнего говорит и небольшая глубина залегания относительно дневной поверхности времени прокладки трубы. Начало дренажа в силу ограниченности площади раскопа не фиксируется, и о нем мы можем судить только по новгородским аналогиям, характеру заполнения данного строительного горизонта и особенностям строительства построек. Так же использовались, вероятнее всего, и водоотводные системы ярусов 5 и 4.

Глубина залегания относительно уровня дневной поверхности момента прокладки и характер водоотводной системы яруса 8 позволяет более или менее точно определить ее функциональное назначение. Во-первых, фиксируемое соединение двух звеньев и обкладка, предохраняющая половинки полых труб от сдвигов (чего не прослежено в других случаях), говорит о том, что это

может быть основная водоотводная магистраль. Во-вторых, необычно большая глубина залегания системы (110 см) может объясняться ее назначением – обслуживать погреба или ледники. Такая картина наблюдалась при прокладке новгородских водоотводных магистралей (Медведев, 1956. С. 224).

Все зафиксированные водоотводные элементы проявляют определенную последовательность в направлении уклона – в южную сторону. Это указание на уклон дневной поверхности того времени, так как дренажи всегда выводились с наклоном либо к реке, либо к оврагу, низине. Подобная картина, на наш взгляд, позволяет более или менее точно восстановить характер высот времени прокладки водоотводов. Южная направленность уклонов указывает на наличие более высоких отметок территории, находящейся севернее раскопов I и II.

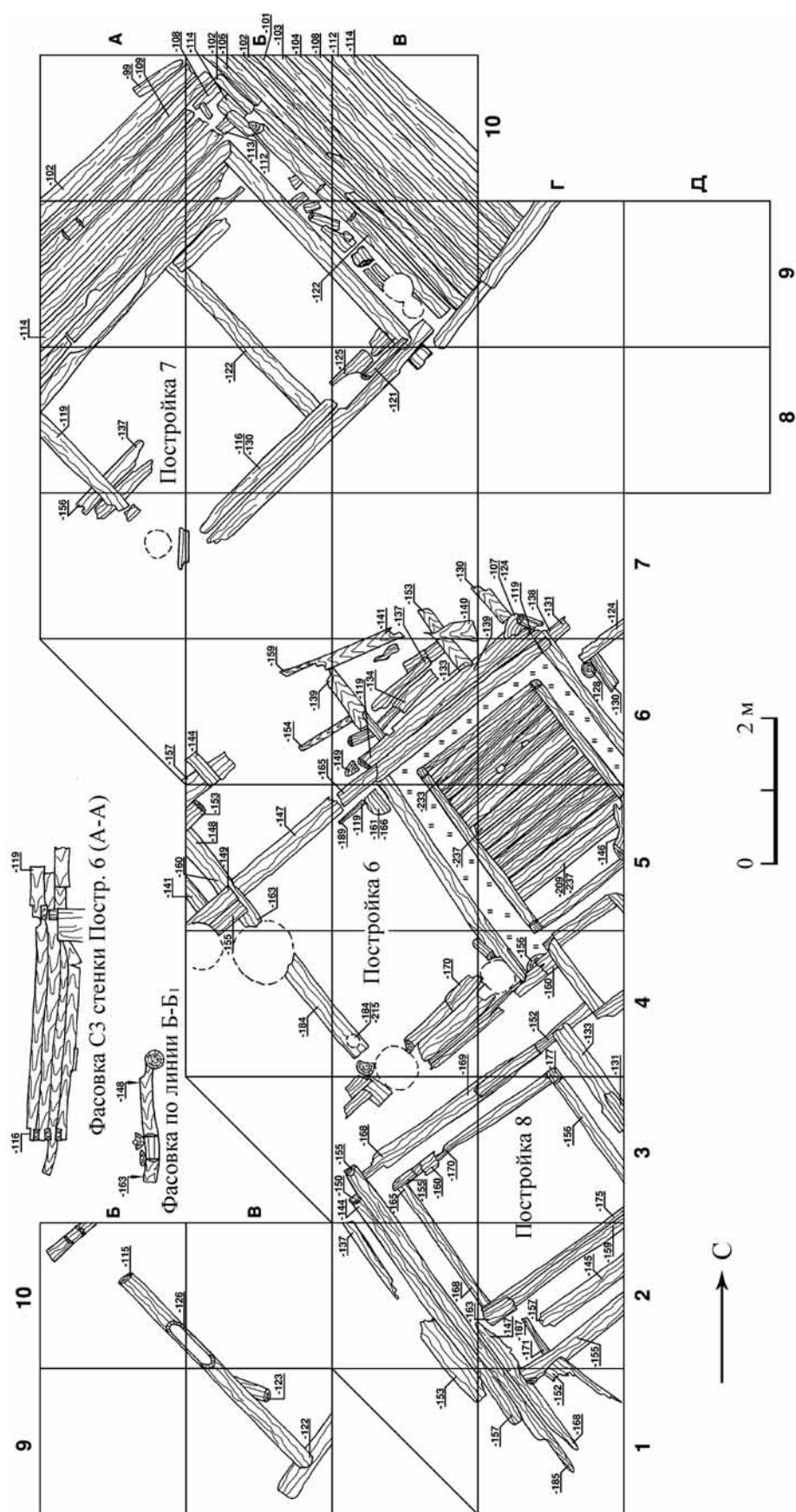

Рис. 17. Раскоп I, ярус 4. Фрагмент дренажного водоотводного бревна (кв. В/Б-9/10)

Отсутствие изоляционного материала на всех водоотводах можно объяснить упрощением прокладки дренажной системы (Алексеев, Кабатов, 2001. С. 137–149), что, по новгородским аналогиям, наблюдается с конца XVII – начала XVIII в. С этого времени берестой начинают обертываться лишь швы на стыках отдельных звеньев (отрезков трубы) и швы в местах присоединения к магистрали отводных труб, соединявших водосборы под постройками с магистральной трубой (Медведев, 1956. С. 222).

Вполне возможно, что дренажную систему не обворачивали берестой, чтобы позволить допуск в трубы сточных вод с прилегающей территории через соединительные швы. В пользу этого свидетельствует уровень дневной поверхности времени прокладки дренажа. Дневная поверхность здесь всегда имеет уклон к водоотводу с двух сторон (рис. 6; 7), что позволяло воде стекать в незабутованную яму для прокладки водоотвода.

Литература

Алексеев С. И., 2001. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 2001 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 26114.

Алексеев С. И., Кабатов С. А., 2001. Водоотводная (дренажная) система селища Вёжи//Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома.

Медведев А. Ф., 1956. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого//МИА. № 65.

Кабатов С. А., 1999. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи Костромского района Костромской области в 1999 г./Архив ИА РАН. Р-1. № 25194.

Кабатов С. А., 2009. Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г./Архив ИА РАН.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. № 65.

S. A. Kabatov

Kinds of drainage (waterway) systems at settlement Vyozi

Summary

Ancient settlement Vyozi was located on the sand-dune hilly terrain of the Kostroma river overflow land, referred to as Kostroma lowland. The latter was erupted by rivers Sot, Kast and others and was imbued with a number of lakes. The differentiated river system led to the whole overflow land swamping during spring flood, and after its vanishing it provided strong damming. Cultural layer of the settlement is characterized by the abundance of wood chips and organic matter which led to occupational level imbibition. Means and methods of protection from water used by the population were

different. This made the people who lived in Vyozi to search for efficient ways of protection against groundwaters soon after the settlement had been founded. And these ways were found.

Archeological researches at settlement Vyozi revealed several fragments of waterway drainage system. For Kostroma Volga region of the Golden Horde and later period has been noticed for the first time and so far knows no equals. In total taking into account Novgorod counterparts it was possible to reveal two types of: wood pipes and covered troughs.

А. В. Борисов

Диагностические слои в заполнении котлованов построек

Формирование заполнения котлована заглубленной в грунт постройки происходит в результате сложного комплекса процессов антропогенной и естественной природы, что обуславливает известное многообразие вариантов заполнения. В каждом конкретном случае в заполнении котлована обнаруживаются слои, не встречающиеся на других объектах. Определенные сложности вызывает и сам процесс выявления и фиксации слоев. В результате возникает ситуация, при которой исследователь, не имея надежной методологической основы, либо устраняется от реконструкции и интерпретации процесса заполнения котлованов, либо делает это произвольно, основываясь на собственном опыте, а чаще на интуиции. Подобные реконструкции зачастую оказываются недостаточно убедительными и вызывают обоснованную критику (Коваль, 2007. С. 65), аргументированно ответить на которую невозможно на современном этапе развития исследований. Поэтому, несмотря на очевидный интерес к данной проблематике, исследователи не берутся за интерпретацию особенностей заполнения котлованов.

В такой ситуации практически не реализуется огромный информационный потенциал котлованов как одного из немногих археологических объектов, не нарушенных поздней антропогенной деятельностью и природными процессами. Известны лишь отдельные работы, в которых предпринимаются попытки поиска убедительных и однозначных маркеров того или иного сценария заполнения котлована (Грибов, 2012. С 155–165). Следует отметить перспективность такого подхода к вопросу, когда из всего многообразия слоев и прослоек в заполнении котлована вычлениваются некие «характерные структуры», которые могут присутствовать в целом ряде объектов, давая определенные осно-

вания говорить о процессе формирования заполнения в целом.

В настоящей работе предлагается еще более дробный подход и выделение не сочетаний нескольких слоев, а отдельных слоев, для которых вводится название «*диагностические*». Этим термином предлагается называть те слои в заполнении, которые периодически встречаются в различных котлованах и характеризуются сходными морфологическими параметрами, сходными химическими и микробиологическими свойствами, образовавшиеся из одного и того же материала в результате сходных процессов. Зная свойства таких слоев, можно проводить ретроспективный анализ в направлении: свойства и форма слоя – механизм его формирования – исходный материал – участие этого материала в функционировании постройки – детали и назначение постройки. Иными словами, каждый диагностический слой несет в себе информацию о постройке, записанную в виде определенных морфологических характеристик, а также химических и микробиологических свойств.

Среди всего многообразия слоев и прослоек в средневековых котлованах представляется оправданным выделять две группы диагностических слоев: материковые и антропогенно-материковые. Материковые слои состоят исключительно из материала почвенного или материкового происхождения и являются результатом действия природных процессов (Борисов, 2010а. С. 125–135; 2010б. С. 99–106), в то время как в формировании антропогенно-материковых слоев участвует материал собственно постройки (стен, пола, кровли и т. д.) с определенной долей почвенно-грунтового материала. Рассмотрим возможные варианты диагностических слоев в пределах каждой группы.

*Антропогенно-материковые
диагностические слои*

Приступая к рассмотрению антропогенно-материковых слоев, следует отметить, что в котлованах построек, как правило, выделяются два хронологических пласта. Первый пласт связан с функционированием и разрушением подземной и наземной частей постройки, второй пласт отражает ситуацию в последующий период – очередной этап селитебного использования данного участка или запустение. В случае запустения территории на месте котлована образуется западина, и в ней формируется мощный гумусированный намывной слой, перекрывающий первый хронологический пласт. Если же поселение продолжало существовать после того, как постройка разрушилась, на месте прежней постройки может возникнуть новая, либо в западине на месте котлована начнет скапливаться бытовой мусор, и параллельно будет идти почвообразование. Как правило, установить границу между двумя хронологическими пластами несложно. Ниже речь пойдет только о слоях первого хронологического этапа.

Натопт на дне (бытовой) имеет следующие признаки:

- довольно мощный (несколько сантиметров), в отдельных случаях до 10 см и более (Борисов, 2010а. С. 125–135; 2010б. С. 99–106), имеющий одинаковую или близкую мощность на всем протяжении;
- залегает, как правило, непосредственно на материковом дне котлована;
- более темный, плотный, отличный по гранулометрическому составу от остального заполнения котлована (более суглинистый на супесчаных грунтах или более легкий на грунтах тяжелого гранулометрического состава);
- богат органикой (содержание органического углерода до 10–15%), в некоторых случаях с выраженными коричневыми тонами в окраске от полуразложившейся органической массы;
- с максимально высокими показателями микробиологической активности;
- в некоторых случаях с повышенными значениями уреазной и кератинолитической активности;
- обогащен подвижными фосфатами, с повышенным содержанием таких микроэлементов, как P, S, Fe, Hg, Zn;
- часто наблюдаются включения мелких углей;
- может содержать керамику и развалы сосудов, бытовой мусор, крупные камни, органический тлен;

– зачастую имеет характерную микрослоистость с чередованием светлых и темных прослоев, характеризующихся различным содержанием органики и минеральной массы (Борисов, 2010а. Рис. 6, слой 7).

Наличие бытового натопта свидетельствует о регулярном хозяйственном использовании заглубленной части постройки, вовлечении этой части сооружения в повседневный хозяйственный цикл. Предполагаемое использование связано с хранением продуктов. При высокой уреазной и кератинолитической активности возможно временное содержание скота. Наблюдается в котлованах глубиной от одного метра.

Натопт на дне (технический) по своим характеристикам:

- более тонкий (в среднем 1–2 см);
- имеет одинаковую или близкую мощность на всем протяжении;
- залегает непосредственно на материковом дне котлована;
- более темный, отличный по гранулометрическому составу от остального заполнения котлована;
- незначительно обогащен органикой (содержание органического углерода на уровне фоновых значений);
- показатели микробиологической активности на уровне фона;
- содержание фосфатов на уровне фона;
- содержание микроэлементов на уровне фона; в отдельных случаях возможно резкое увеличение содержания техногенных микроэлементов, таких как Sn, Pb, Cu, Zn, Hg;
- возможно включение углей, иногда в значительных количествах;
- практически не содержит керамику и бытовой мусор;
- могут присутствовать камни, часто крупные, в отдельных случаях формирующие развалы;
- иногда встречаются большие массивы жирной глины;
- органический тлен, как правило, не фиксируется;
- микрослоистость может присутствовать, но прослои при этом имеют близкое содержание органической и минеральной составляющей, а чередование более светлых и темных прослоев имеет литогенный характер и связано с режимом естественного осадконакопления (Борисов, 2010а. Рис. 8, слой 2).

Наличие технического натопта свидетельствует об эпизодическом использовании заглубленной части постройки в технических целях. Предпола-

гаемое использование связано с хранением неорганических материалов, обслуживанием отопительного сооружения периодического использования и т. д. Наблюдается в котлованах глубиной от одного метра.

Натопт на дне слабо выраженный – очень тонкий, часто полностью отсутствует или встречается фрагментарно. Малая мощность не позволяет провести отбор образцов на химические и микробиологические анализы; без керамики, бытового мусора, камней.

Как правило, отмечается в котлованах глубиной не более 0,5–0,7 м, часто 0,2–0,3 м. Наличие слабо выраженного натопта указывает на полную закрытость котлована и отсутствие какого-либо хозяйственного или технического использования заглубленной части постройки. В этом случае предполагаемое назначение изолированной заглубленной части постройки связано с техническими тепло- и теплоизоляционными функциями.

Пол котлована – деревянный настил на дне котлована, выполненный из досок или плах. Доски могут укладываться непосредственно на дно котлована или материковую подсыпку, устраиваемую для выравнивания дна, либо настил устраивается на лагах. Определение деревянного пола не вызывает затруднений, так как этот слой сохраняется довольно хорошо практически во всех случаях. Если на дне котлована был устроен деревянный пол, то, как правило, на его поверхности не откладывается бытового мусора, соответственно, невозможно оценить его химические, физические и микробиологические свойства.

Перекрытие однослойное – слой маркируется большим содержанием органики разной степени разложения: белесый при полном разложении древесины, бурый – при частичном разложении, черно-бурый с остатками древесины – при слабом разложении. Мощность от 1–2 до 10–15 см. Чаще всего имеет форму вогнутой линзы, при этом мощность максимальна в центральной части котлована и уменьшается к бортам. Может не образовывать сплошного слоя, а встречаться в виде нескольких фрагментов с наклоном к центру котлована (Борисов, 2010а. Рис. 7, слой 4).

Слой перекрытия отделяет подземную часть постройки от наземной и может использоваться в качестве пола последней. Выполнялся из деревянных плах или толстых досок. Теплоизолирующие характеристики достигаются в результате увеличения толщины досок. В некоторых постройках полностью или частично отсутствует по причине разбора на стройматериалы по завершении использования постройки.

Перекрытие двухслойное также маркируется большим содержанием органики разной степени разложения, поверх которой залегает темный органоминеральный слой мощностью от 3–5 до 10–20 см или слой однородной глины. Форма и места обнаружения в котловане аналогичны описанным выше. Органоминеральный слой в слое перекрытия отличается по гранулометрическому составу от остального заполнения котлована (более суглинистый или более легкий); содержание органического углерода высокое, до 10–15%; с высокими показателями микробиологической активности; характеризуется максимально высоким содержанием фосфатов. Часто хорошо заметно обогащение слоя такими микроэлементами, как P, S, Fe, Hg, Zn, Fe, Mg и др. В слое обильно встречаются очень мелкие угли, кости, мелкие фрагменты керамики, бытовой мусор; часто встречаются крупные камни. Очень плотный, спрессованный. Отличается высокими значениями микробной биомассы и уреазной активности (Борисов, 2010а. Рис. 1, слой 4).

Часто поверх слоя древесного тлена вместо темного органоминерального гумусированного материала залегает слой однородного тяжелого суглинка или глины, которыми был обмазан слой перекрытия. В этом случае в слое практически не содержится керамики и бытового мусора.

При двухслойном перекрытии его деревянную основу составляет необработанный лес – кругляк диаметром до 15 см или более тонкие жерди. Такое перекрытие также отделяет подземную часть постройки от наземной и может использоваться в качестве пола внутреннего пространства помещения. Будучи более дешевым по сравнению с простым перекрытием, чаще остается нетронутым и не разбирается на стройматериалы. В меньшей степени подвержено горению и остается даже после пожара.

Слой разрушения наземной части постройки представляет собой органический тлен с незначительной долей минеральной составляющей и состоит из продуктов медленного разрушения наземной части постройки. Встречается редко, так как для его сохранения в профиле требуются весьма специфические условия. Как правило, материал этого слоя оказывается в средней части западины, образующейся при разрушении постройки, и теряет свою природу в результате прокрашивания гумусом и проработки почвообразованием. При благоприятных условиях для сохранности представляет собой крупную линзу бурого органического тлена с многочисленными включениями камней,

обожженной глины, керамики, бытового мусора и т. д. Обогащен P, S, Fe, Hg, Zn, Fe, Mg (Борисов, 2010а. Рис. 5, слой 3).

Остатки опалубки выделены в отдельный слой условно, так как не образуют собственно слоя как протяженного массива с превышением горизонтальных размеров над вертикальными. Выделение остатков опалубки продиктовано исключительной важностью этого конструктивного элемента в связи с его влиянием на характер залегания слоев материкового грунта в заполнении котлована (Борисов, 2010а. Рис. 3, 5, слой 5).

Крупные массивы обожженной глины – чрезвычайно важный и наиболее сложный диагностический слой. Можно выделить по меньшей мере три источника происхождения этого материала в котловане постройки:

1) отопительное сооружение малого объема (до нескольких сотен литров) (Борисов, 2010а. Рис. 2, слой 3);

2) отопительное сооружение большого объема (до кубометра и более); 3) обожженный глинистый материал обмазки стен, потолка, пола и т. д.

В интерпретации природы диагностического слоя обожженной глины чрезвычайно важными становятся результаты естественнонаучного изучения всех слоев котлована. В первую очередь здесь наряду с археологическими материальными остатками немаловажную роль может играть химический состав слоя, соответствующего полу постройки. Длительное проживание человека всегда приводит к значительному возрастанию содержания микроэлементов в грунте, в первую очередь фосфора и серы, а также необратимым изменениям микробиологических параметров почвы. Сопоставление этих данных с объемом и положением массива печины позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать назначение постройки в целом.

Слой пожара – продукты полного или частичного пирогенного преобразования органических и минеральных элементов постройки. Представляет собой слой углей различной мощности с включениями прокаленной почвы, глины, камней и др. Наблюдаются два случая обнаружения слоя пожара. Если во время пожара перекрытие сгорело, слой пожара располагается непосредственно на дне котлована. Если же сгорела только наземная часть постройки, а перекрытие сохранилось и существовало еще некоторое время, пока шло заполнение котлована в результате естественных природных процессов, слой пожара может располагаться на любой высоте от уровня дна котлована,

но всегда выше слоя перекрытия. Отличается минимальными показателями биологической активности, заметно обогащен P, S, Fe, Hg, Zn, Fe, Mg.

Слой сгоревшего зерна в колосьях образуется при сгорании овин, где находились на просушке снопы хлеба. В постройках иного назначения, как правило, не обнаруживается.

Материковые диагностические слои

В образовании материковых диагностических слоев участвует лишь почвенно-грунтовой материал. Для всех материковых слоев характерно низкое содержание фосфатов, органического углерода, микроэлементов (на уровне значений современной почвы или ниже); низкие значения или практически полное отсутствие микробиологической активности. Информационный потенциал материковых слоев связан с самим фактом их обнаружения в котловане, формой и мощностью. Именно эти показатели дают весьма ценные сведения о процессе и условиях заполнения котлована грунтом, что, в свою очередь, позволяет реконструировать весь период от момента прекращения использования сооружения.

Слой обрушения образуется при возникновении линий напряжения и последующего смещения и отрыва крупного массива грунта. При обрушении на дне ямы оказываются крупные массивы грунта из средней и верхней части профиля стенки. Характерной чертой слоя обрушения является наличие фрагментов грунта естественного сложения. Обрушению в большей мере подвержены суглинистые связные грунты. Присутствие в котловане слоя обрушения может свидетельствовать об отсутствии опалубки или о ее быстром разрушении (Борисов, 2010а. Рис. 2, слой 15).

Слой осыпания образуется при расположении линий напряжения близко к поверхности стенки. В слое осыпания уже не сохраняется исходная структура грунта, и в ряде случаев бывает хорошо заметна характерная слоистость, причина которой заключается в различной интенсивности осыпания в разные периоды. Слои бывают разделены тонкими слабо выраженными прослойками более темного цвета (Борисов, 2010а. Рис. 3, слой 4). Это пылеватые отложения, формирование которых происходит в периоды, когда грунт не осыпается. Интенсивность осыпания максимальна в слабо связных грунтах легкого гранулометрического состава.

Слой деформации формируется в том случае, если опалубка достаточно мощная, а сам котлован довольно быстро заполнился материалом, плотность которого меньше плотности материка, или

грунтом с высоким содержанием органики. При минерализации органики и уменьшении порового пространства грунта внутри котлована наблюдается процесс изменения исходного положения стенок. Под давлением материкового грунта наблюдается смещение стенки внутрь котлована. Этот процесс затрагивает в первую очередь верхнюю часть стенки и может продолжаться длительное время, пока плотность грунта внутри котлована и плотность материкового грунта не придут в равновесие (Борисов, 2010а. Рис. 1, слой 6).

Суффозионный слой – под этим термином применительно к заполнению котлована понимается результат перемещения глубинных массивов грунта в переувлажненном состоянии. В самом общем плане этот слой можно охарактеризовать как результат глубинного течения грунта в состоянии полной влагоемкости под давлением вышележащего слоя и механических нагрузок на него. В таком состоянии грунт проникает в котлован сквозь трещины и щели, всегда образующиеся в укрепленных стенках. Стекая на дно котлована, грунт формирует горизонтальные слои и линзообразные массивы. Далее грунт расслаивается, крупные фракции оседают, а илистые частицы остаются во взвеси. По мере высыхания грунта вдоль верхней границы слоя образуется тонкая прослойка илистого грунта, часто более темного цвета. В котлованах такого рода слои наблюдаются в первую очередь в нижней и средней частях (Борисов, 2010а. Рис. 2, слои 4, 5, 6). Суффозия протекает в грунтах различного гранулометрического состава, но максимальна в легких песках и супесях. Характерный признак суффозионного слоя – горизонтальная или близкая к горизонтальной верхняя поверхность.

Солифлюкционный слой формируется при медленном сползании грунтовых масс вниз по склону. Интенсивность солифлюкционных процессов наибольшая в грунтах тяжелого гранулометрического состава (глины и тяжелые суглинки). Солифлюкционные процессы особенно активны при оттаивании почвы, когда верхний оттаявший слой скользит по нижележащему мерзлomu слою. В котлованах это проявляется в виде выпячива-

ния и сползания верхней части стенки внутрь котлована (Борисов, 2010а. Рис. 3, слой 8; 7, слой 9). Материал солифлюкционной природы, как правило, бывает гумусированным, так как в его происхождении участвуют гумусовые горизонты почвы и предматериковые слои, в той или иной мере прокрашенные гумусом.

Намытый слой – этим термином предлагается называть результат перемещения грунтового материала с поверхностным стоком на участках с любым уклоном местности. В результате весь материал намытого слоя оказывается однородным, темным, прокрашенным гумусом (Борисов, 2010а. Рис. 8, слой 1).

Засыпной слой. Под этим термином предлагается понимать все случаи целенаправленного искусственного засыпания котлована почвенно-грунтовым материалом или бытовыми и производственными отходами, мусором, навозом и т.д. Ввиду большого разнообразия возможных источников материала и одновременного участия в засыпании материалов различной природы более дробная классификация не представляется возможной. В случае засыпания котлована мусором и отходами реконструкция природы засыпного слоя не вызывает трудностей. Отличительной чертой такого засыпного слоя является его выраженная неоднородность и присутствие фрагментов грунта с различными морфологическими характеристиками. Среди наиболее близких аналогов засыпного слоя можно назвать заполнение старых раскопов.

Это основные диагностические слои, обычно фиксируемые в заполнении котлованов построек. Различные причины и сценарии разрушения и археологизации постройки с заглубленной частью приводят к формированию различных наборов диагностических горизонтов. Дальнейшие исследования в этом направлении дадут возможность разработать методический подход, позволяющий по наличию определенного набора диагностических горизонтов реконструировать особенности архитектуры, назначения и функционирования постройки; ее исходные размеры, причины разрушения и процесс археологизации.

Литература

Борисов А. В., 2010а. Природные процессы, участвующие в заполнении котлованов построек // РА. № 2.

Борисов А. В., 2010б. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвоведов) // АП. Вып. 6. М.

Грибов Н. Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. Вып. 8. М.

Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М.

A. V. Borisov

**Chemical and microbiological properties
of diagnostic layers in medieval foundation pits**

Summary

The concept of diagnostically significant layers which may be regularly observed in content of foundation pit has been suggested. The quantitative features of morphologically significant layers have been

established and the connection between forms of diagnostic layers and destination of building, as well as their size and the reasons of destroying have been proposed.

Д. О. Осипов, В. Е. Соболев

Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске

Кожаная обувь из раскопок в Смоленске долгое время не привлекала внимания исследователей, несмотря на длительную историю раскопок в этом городе. Наиболее информативной следует назвать статью М. Ю. Полонской, написанную по материалам раскопок 1950–1970-х годов, где впервые в отечественной практике фиксировался весь объем находок, включая многочисленные обрезки от раскроя (Полонская, 1991. С. 105–124). Концентрация таких находок наряду с привлечением письменных источников позволила автору выделить целый квартал городской застройки, где располагались кожевенные мастерские – центры развитого специализированного производства (Полонская, 1991. С. 119–123). Кожаная обувь из погребений, зафиксированных Смоленским отрядом отдела охранных раскопок ИА РАН в 2008–2009 гг. на территории Пятницкого конца, была опубликована Д. Г. Балыбиным (2011. С. 192–207), однако слабое знание автором публикации предмета исследования, существенно снижает ценность этой работы.

В 2011–2012 гг. Смоленский отряд продолжил работы на территории Пятницкого конца (Пронин, 2013). Раскоп 3 площадью 280 кв. м был заложен на склоне второй надпойменной террасы левого берега Днепра по адресу Студенческая улица, дом 6 (рис. 1).

Характеристика коллекции. Расположение раскопа в прибрежной части города, с повышенной влажностью культурного слоя, способствовало хорошей сохранности органики, что позволило собрать репрезентативную коллекцию «археологической кожи», насчитывающую 376 предметов, не считая обрезков от раскроя, количество которых составляет еще около 300 единиц. Подавляющую часть собранного материала (94,2%) составляют

обувные детали, кроме них в коллекции присутствуют обрывки ремней, рукавицы, фрагменты конской упряжи, ножны и другие изделия. Ценность коллекции повышает наличие редких для русских городов моделей позднесредневековых европейских туфель, а также не встречавшиеся ранее типы обувных клеев, зафиксированных на обуви второй половины XVII столетия, когда Смоленск входил в состав Речи Посполитой. Несомненный интерес представляет комплекс погребальной обуви, включающий 43 пары туфель, скроенных по одному образцу.

Визуальное исследование поверхности мерей кожаных изделий позволяет заключить, что для их изготовления преимущественно использовалась кожа крупного рогатого скота. Однако как среди погребальной обуви, так и находок, относящихся к древнерусскому времени, присутствуют предметы, изготовленные из кожи мелкого рогатого скота. Благодаря естественным консервантам отдельные обувные детали сохранили красный цвет, что подтверждает свидетельства иностранных визитеров о распространенности обуви красного цвета (Герберштейн, 1988. С. 117). Следует отметить, что находки цветной кожи достаточно редки, поскольку после долгого пребывания в грунте растительные красители выцветают, и кожа чаще всего приобретает одинаковый темно-коричневый цвет.

Изделия из кожи, зафиксированные в четырехметровой толще культурных напластований, датируются началом XII – серединой XVIII в., но материал XIV–XV вв. в коллекции практически отсутствует, что, возможно, связано с запустением этого участка городской территории. Исходя из вышеизложенного, представленный нами материал целесообразно сгруппировать по трем хронологическим периодам:

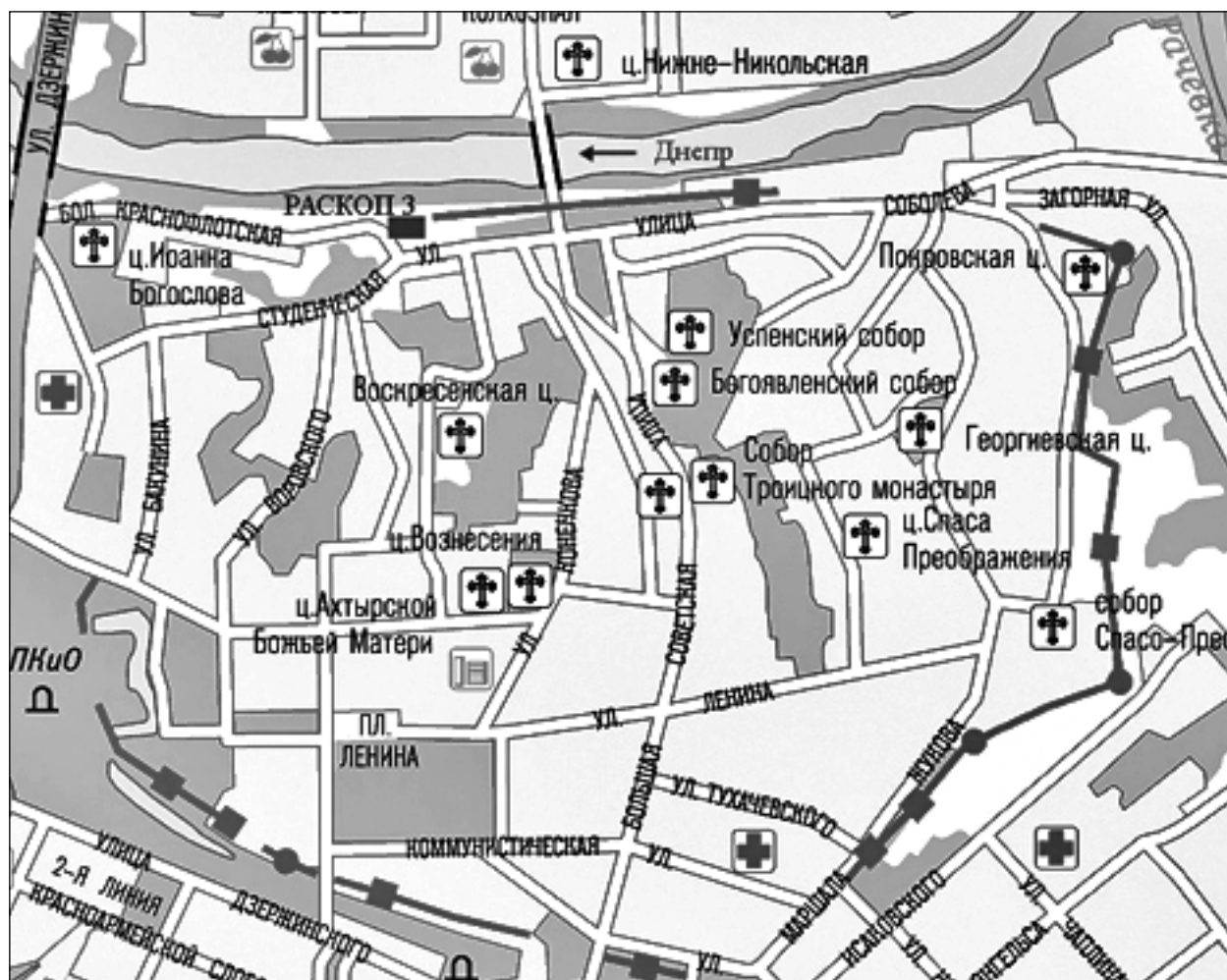

Рис. 1. Местоположение раскопа 3 на карте Смоленска

1. Древнерусский (рубеж XI–XII в. – XIII в.).
2. Позднесредневековый (вторая половина XVI – первая половина XVII в.).
3. Новое время (первая половина XVIII в.).

Относительно малочисленные скопления производственных отходов в виде обрывков и обрезков от раскроя кожи отмечены лишь в напластованиях древнерусского времени, что указывает на отсутствие сапожных мастерских на исследованном участке в позднесредневековый период и Новое время.

Обувь древнерусского времени

В напластованиях древнерусского культурного слоя зафиксировано всего 49 обувных деталей, представляющих практически все бытовавшие в то время типы обуви.

Поршень. Простота изготовления и удобство носки способствовали широкому распространению поршней у разных народов. В Польше

они назывались *chodaki*, у латышей – *kurpe* (Вахрос, 1959. С. 215), в Дагестане – *дирихи* (Булатова и др., 2001. С. 91). Археологически подобная обувь известна с эпохи бронзы (Hald, 1972). В древнерусских письменных источниках слово «поршень» впервые встречается в Лаврентьевском списке Повести временных лет под 1074 г.: «Егда же приспеаше зима и мрази лютыи, стояше въ порышньхъ въ черевяхъ протоптанныхъ». В той же статье упомянут «прабошьнь», который в Радзивилловском списке переводится как «въ утлыхъ ботехъ» (ПСРЛ, 1989. С. 80). Этимология этого слова неопределенна. И. С. Вахрос производит его от прилагательного «прабось» и глагола «прабосити» в значении «износить обувь до ветхости» (Вахрос, 1959. С. 153, 154). И. И. Срезневский по летописным статьям выводит значение единственного числа «прабошьнь» (протоптанный) в существительное – наименование вида обуви (Срезневский, 1912. С. 1557).

В нашей коллекции присутствует четыре простых¹ цельнокроенных поршня различной степени сохранности, выкроенных из прямоугольной заготовки, по верхнему краю которой проходит линия прорезей для продевания ременной оборы. Полностью сохранился всего один экземпляр, принадлежавший, судя по размеру (27 см), взрослому мужчине.

Туфли. В древнерусское время подобная обувь именовалась «плесницами» (от «плюсна», «плесна» – стопа). Под туфлями современные обувщики-технологи понимают обувь с разрезным верхом, закрывающим стопу не выше лодыжки, и крепившуюся к ноге при помощи ремешков (Зыбин, 1978. С. 12). В нашей коллекции присутствует 27 деталей мягких туфель, принадлежащих к моделям с асимметричным одночастным кроем верха, как бы обернутым вокруг стопы и сшитым с ее внутренней стороны таким образом, что задний торец соединен с выделенным полутрезом передней части. У некоторых моделей при раскрое верха использовалась небольшая дотачка. Носочная часть верха имеет округлый или слабо заостренный носок. У одной модели в носочной части имеется неглубокий вырез, куда вшивался заостренный носок подошвы (рис. 2, 4).

Линию прорезей для крепления ременной оборы, с помощью которой туфля крепилась к ноге, закрывают отложные берцы с кожаной обшивкой. Однослойные мягкие подошвы овальной формы, толщиной не более 2 мм, скреплялись с верхом тачным или выворотным швом. У туфли, найденной в заполнении ямы № 8, датированной рубежом XII–XIII в., подошва состоит из трех частей (рис. 2, 5), что указывает на следы профессионального ремонта, выполненного с заменой изношенных участков подошвы.

Большая часть найденных в раскопе туфель орнаментирована, что согласуется с наблюдениями М. Ю. Полонской, анализировавшей обувь из раскопок 1951–1976 гг. (Полонская, 1991. С. 109). Основными приемами декорирования служат расшивка, продержжка или их сочетание. Расшивка цветными нитями, судя по местоположению проколов, покрывала в основном носочную часть туфли, реже заходя на боковины. Продержжка – продергивание шнура через ряды параллельных прорезей – располагалась только по оси носка (рис. 2, 2, 4, 5, 6).

В России для описания орнамента кожаной обуви используют различные подходы, которые

можно характеризовать как более или менее удачные. Обилие вариантов орнамента, образованного различными рисунками и их комбинациями, множится за счет вариаций исполнения, каждая из которых имеет неповторимые отличия в деталях, поскольку мастера не имели точных трафаретов и не придерживались точного копирования (Курбатов, 2006а. С. 46). Для описания и систематизации орнамента смоленской обуви целесообразно различать две группы признаков: технологических и морфологических, как это сделано в упомянутой выше работе М. Ю. Полонской. Таким образом, в первую группу попадают туфли, орнаментированные продержжкой, которая присутствует как в качестве единственного способа, так и в сочетании с расшивкой. Этот вид декора широко распространен на обуви всех древнерусских памятниках домонгольского времени: в Торжке, Полоцке, Москве и др. (Кузовкина, 1993. С. 156. Рис. 5; Курбатов, 1999. С. 107. Рис. 15; Осипов, 2006. С. 65; и др.). Продержжка чаще всего образует две параллельные прямые линии, концы которых изредка симметрично закругляются наружу. Туфли, декорированные с использованием продержжки, составляют всего четыре единицы. Малочисленность такого способа объясняется его непрактичностью, способствующей быстрому износу и повышенной влагопроницаемости обуви.

Вторую группу, более многочисленную и разнообразную, составляют различные варианты расшивки, среди которых встречаются дорожка, розетки, треугольники, а также их комбинации (рис. 2, 6). К самым простым вариантам относится дорожка, ширина которой зависит от количества рядов. Более сложные варианты расшивной дорожки сочетаются с волнообразными завитками и ромбами. Со временем узоры, выполненные шерстяными и шелковыми нитями, усложняются, орнамент переходит на боковины, занимая всю площадь верха.

По мнению А. К. Амброза, основу орнамента составлял магический знак, который в процессе разложения превратился просто в украшение. На этой стадии в силу вступали законы творчества, существенно искажавшие изначальный вид знака (Амброз, 1965. С. 20). Художественный, образный язык орнамента многообразен. Помимо декоративного значения он выполнял задачу социальной половозрастной отметки, этнической

¹ Существуют еще так называемые ажурные поршни, являвшиеся праздничным вариантом.

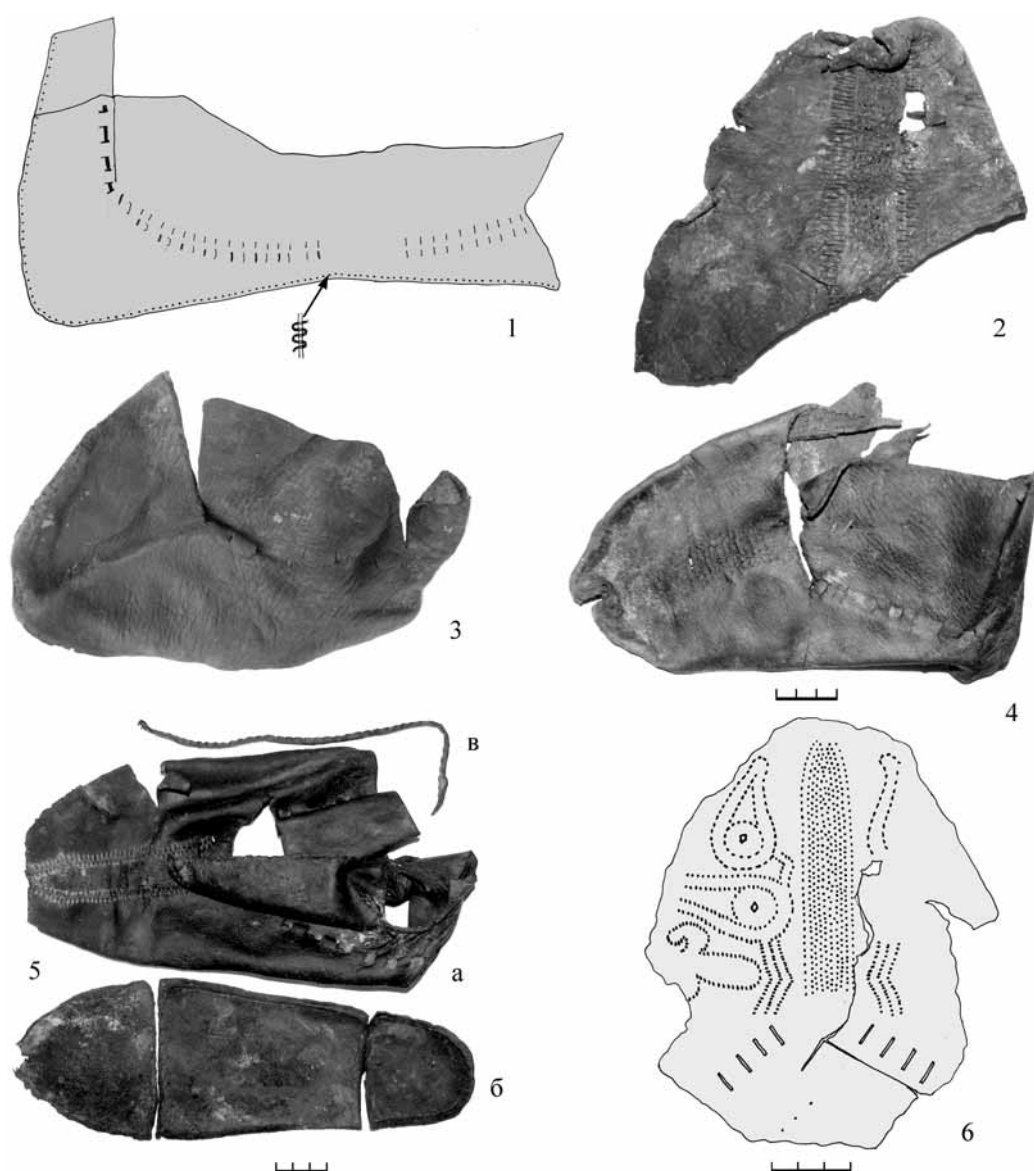

Рис. 2. Обувь древнерусского времени

1 – туфля. Крой верха; 2 – туфли, фрагмент верха, орнаментированный расшивкой и продержкой по оси носка;
3 – верх туфли без орнамента; 4 – верх туфли с вогнутым носком, орнаментированный расшивкой;
5 – туфли, набор деталей: а) верх, б) подошва, в) обшивка; 6 – обрывок верха, орнаментированный расшивкой

принадлежности и пр. (Маслова, 1978. С. 152). Геометрические знаки, игравшие важную роль в композиции, также несли определенную смысловую нагрузку. В частности, ромбические фигуры в древности являлись символом плодородия (Амброз, 1965. С. 20). Круги и розетки, известные еще с бронзового века, наряду со звездами и свастикой, по мнению В.П. Даркевича, употреблялись как солярные знаки (Даркевич, 1960. С. 56–59).

По форме кроя и способам декорирования все найденные нами туфли конструктивно близки

моделям из западно-русских (Лысенко, 1985. С. 288–296) и северо-восточных земель (Курбатов, 2004. С. 44, 45; Осипов, 2006. С. 41, 42).

Высокая обувь. К этому типу обуви принадлежат два полусапога, один из которых имеет полный набор деталей, а другой – только верх. В средневековых письменных источниках термин «полусапожки» отсутствует. Впервые он был использован С. А. Изюмовой для описания моделей, конструктивно близких сапогам, бытовавшим в XI – первой половине XIV в. (Изюмова, 1959. С. 205).

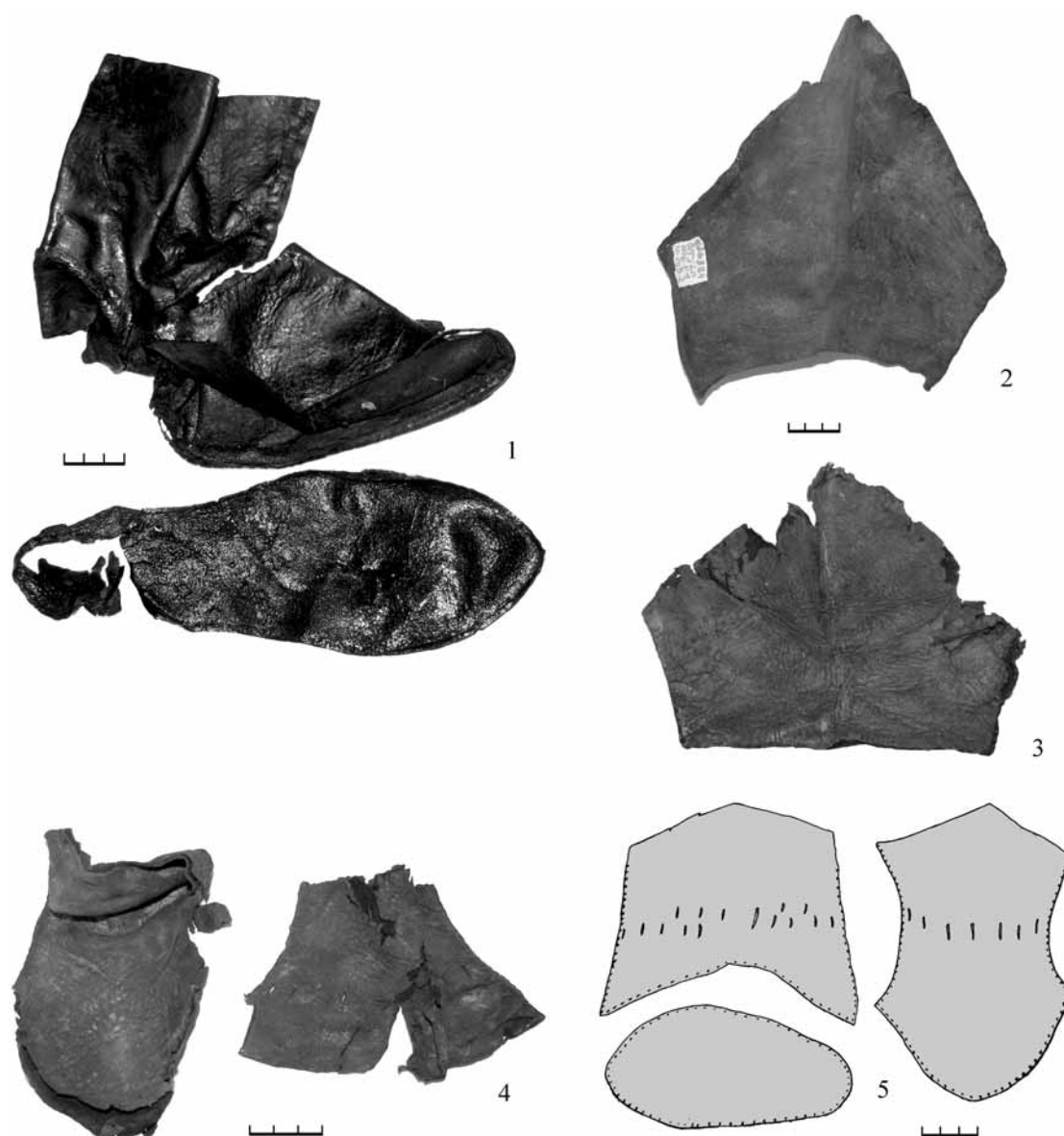

Рис. 3. Обувь древнерусского времени

1 – полусапожки с цельнокроеным верхом; 2, 3 – головки сапожные; 4 – полусапог (двухдетальный верх с вытяжной головкой и задником); 5 – крой полусапог (Вел. Новгород. Троицкий раскоп. XIII в.)

Первая полупара состоит из цельнокроеного верха и мягкой однослойной подошвы, длина которой составляет 26 см (рис. 3, 1). Специфика этой модели заключается в расположении прорезей для крепления, образующих вертикальную линию на передней части голенища. Вторая полупара представлена двусоставным вытяжным верхом, у которого головка составляет одно целое с передней частью голенища, а задник, соответственно, кроился в одну деталь с задней частью голенища (рис. 3, 4).

Кроме Великого Новгорода аналогичные модели распространены в западнорусских городах:

Пскове, Полоцке, Минске (Оятева, 1962. С. 83–86; Штыхов, 1975. С. 79; Загоруйский, 1982. С. 267, 268. Рис. 170, 2), а также в археологических коллекциях Балтийского побережья Польши (Колобжег), где подобная обувь зафиксирована в напластованиях того же периода («Archeologia średniowiecznego Kołobrzegu», 2010. S. 15. Tab. 2, 8).

К сапогам с высокими голенищами относятся две головки, имеющие характерную для сапог древнерусского времени форму: заостренный носок, прямой обрез верха и короткие скошенные крылья (боковины). Эти детали, не имеющие

поднаряда, принадлежат к типу мягкой конструкции (рис. 3, 2, 3). К ним же могут относиться два обрывка подошв со следами тачного шва, обнаруженные в древнерусском слое. Других деталей, принадлежащих к высокой обуви, в коллекции не зафиксировано.

Малочисленность сапожных деталей древнерусского времени вполне закономерна, поскольку упоминание сапог в летописях и текстах берестяных грамот в связи с верховой ездой свидетельствует о принадлежности высокой обуви людям с высоким социальным статусом и материальной обеспеченностью. Что же касается таких деталей, как сапожные голенища, то они встречаются крайне редко, поскольку эта самая крупная и наименее изнашиваемая часть обуви, как правило, выпарывалась для вторичного использования (Осипов, 2006. С. 48).

Позднесредневековая обувь

Обувь низкой конструкции. В позднесредневековых напластованиях раскопа на ул. Студенческой преобладают низкие формы обуви, в основном туфли, что более характерно для Западной Европы, чем для России. Среди туфель выделяются различные фасоны, в основном рантовой конструкции.

1. В слое первой половины XVII в. зафиксированы детали симметричного двусоставного верха туфли с узким скругленным вырезом по обеим сторонам стопы. С подошвой верх крепился с помощью ранта. Со стороны мерей поверхность кожи покрыта диагональным линованием «в сеточку» (рис. 4, 3). Судя по известным аналогиям, туфлям такого фасона соответствуют присутствующие здесь жесткие прямые подошвы с невысоким наборным или внутренним каблуком. Вариантами этого же типа туфель следует считать детали составного верха, имевшего накладной носок (рис. 4, 2).

Аналогичная обувь была распространена в Англии и государствах Скандии, где имела широкое употребление во всех социальных слоях общества (Grew, Neergaard, 1988. Р. 41, 42; Waateringe, 1975. Р. 43, 49, 50). Примечательно, что на территории современной России подобные туфли зафиксированы в напластованиях Ивангородской крепости, переданной по Столбовскому договору во владение Шведскому государству (Курбатов, 1995. С. 203. Рис. 10)

2. Второй фасон представлен туфлями рантовой конструкции с округлым носком, хорошо развитым язычком, со следами крепления пряжки или банта (рис. 5, 1). Кроме головки детали верха

представлены двумя берцами симметричного кроя с черезподъемными ремешками (рис. 5, 2). Жесткая прямая подошва поставлена на невысокий наборный каблук. Дополнительные детали составляют подносок, стелька и рант. Судя по размерам, туфли такого фасона могли принадлежать мужчинам. Полный набор деталей описываемой туфли зафиксирован на усадьбе, населенной, по мнению руководителя раскопок, поляками.

Разновидностью подобных туфель являются модели с округлым носком и сильно развитым язычком, но не имеющих черезподъемных ремешков (рис. 6, 2). Аналогичная обувь зафиксирована в одновременных напластованиях Великого посада г. Полоцка (Дук, Соловьев, 2004. Рис. 6, 3), а также в западнорусских землях (Собаль, Тарасов, 1985. С. 34, 35) и в городах польского поморья (Wywrot-Wyskowska, 2008. S. 184. Tab. XIX, 2, 3; Jankimowicz, Rodzik. 2009. S. 153. Rys 2).

3. Единственная головка туфли с разрезным верхом, обнаруженная в напластованиях 30–40-х гг. XVII в., принадлежит к достаточно распространенным в этот период башмакам, крепившимся к ноге с помощью шнурков (рис. 4, 5). Обувь такого фасона бытовала на территории современной Беларуси, в частности в Полоцке (Дук, Соловьев, 2004. Рис. 7, 2, 4).

4. Наибольшее количество найденных на раскопе обувных деталей составляют туфли, характерным отличием которых являются глубокие вырезы на подъеме стопы и узкий длинный язычок. Кроме головки верх составляют симметричные берцы с развитыми черезподъемными ремешками, орнаментированные рядами сквозных отверстий и зубчатым краем. Низ туфель состоит из жесткой подошвы с крокулем, а также деревянного обтяжного каблука, укрепленного снизу железной подковкой (рис. 4, 1). Подошва, имеющая стельку, соединена с верхом с помощью ранта. Судя по размерам подошв, все описанные выше туфли принадлежали женщинам. На одной из таких подошв сохранилось клеймо в виде тисненых поперечных полос (рис. 8, 3). Низкие берцы в сочетании с глубокими вырезами на подъеме, а также наличие многочисленных декоративных отверстий указывают на принадлежность туфель к так называемой внутрипокойной (домашней) обуви (рис. 7, 1).

Судя по количеству обувных деталей, принадлежащих именно этой модели, такая обувь была достаточно широко распространена в Смоленске, что подтверждается материалами раскопок на ул. Соболева, опубликованных М. Ю. Полонской. Там

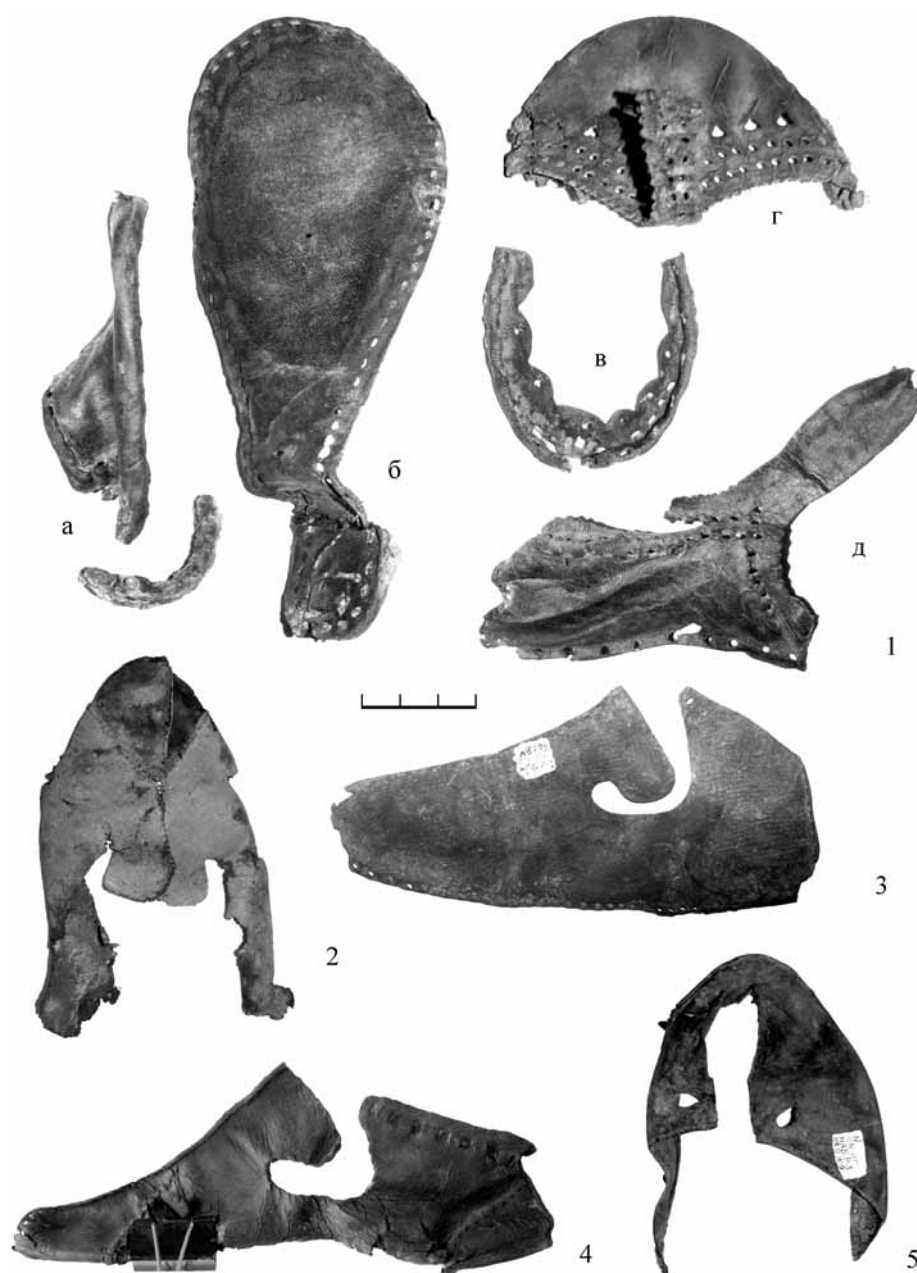

Рис. 4. Позднесредневековая обувь

1 – туфля. Набор деталей: а) обтяжка каблука, б) подошва с кроколем, в) пяточный рант, г) верх (носочная часть), д) боковина с черзподъемным ремешком; 2 – верх туфли; 3 – деталь верха туфли; 5 – туфли, носочная часть

в слое XVI в. были зафиксированы аналогичные берцы с декоративными отверстиями и зубчатым краем (Полонская, 1991. С. 117. Рис. 3, 11, 12).

Близкие по типу кроя туфли с перфорированным краем также известны по раскопкам в Таллине на ул. Роозикрантси (Курбатов, 2006б. С. 264–272).

Высокая обувь. Наряду с башмаками и туфлями в позднесредневековом слое зафиксированы

детали сапог с прямым или скошенным голенищем (рис. 7, 3), которые представлены двумя схемами конструирования. К первой принадлежат модели с креплением верха к подошве с помощью потайного шва, когда нить проходит в толще кожаного листа, не выходя на плантарную часть подошвы.

Вторая схема изготовления сапог представлена рантовыми конструкциями, где основными

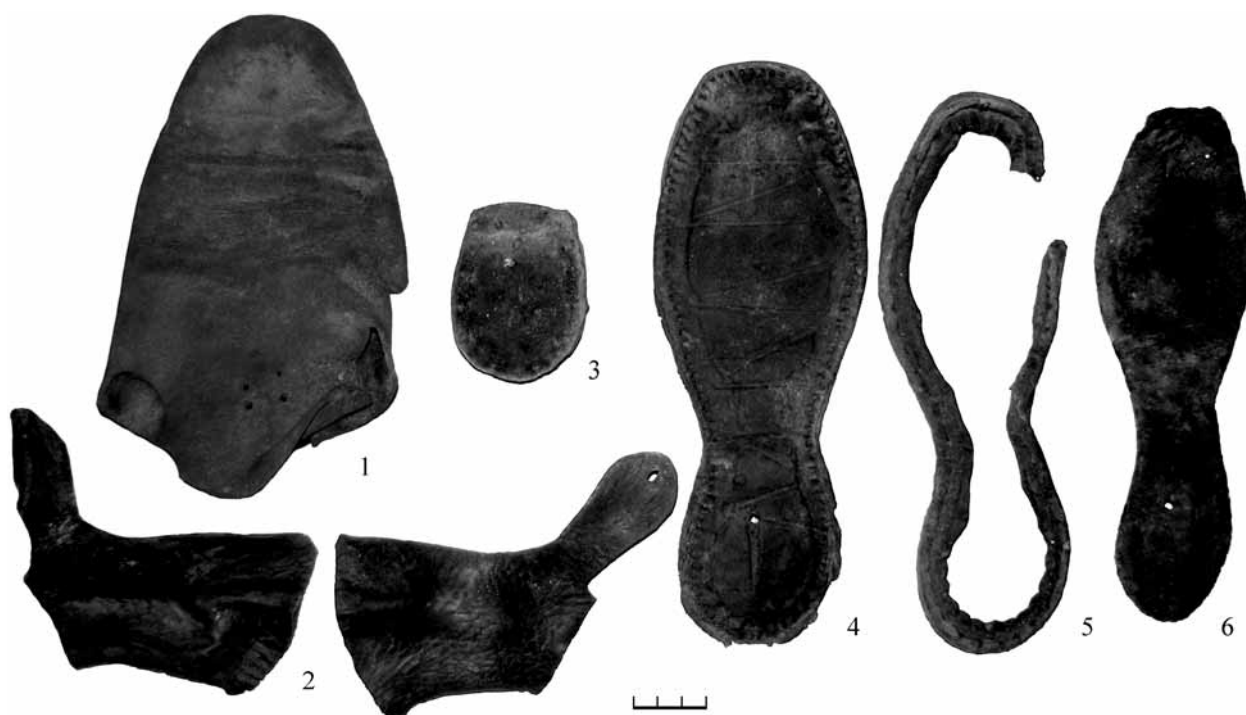

Рис. 5. Позднесредневековая обувь

1 – головка туфли; 2 – берцы; 3 – подпяточная подкладка; 4 – подошва туфли; 5 – рант; 6 – стелька

элементами соединения являются стелька² и рант. Сапоги такой конструкции изготовлены более современным способом с использованием затяжных обувных колодок.

Декоративное оформление сапог

В Смоленске, как и в других древнерусских городах, для украшения позднесредневековых сапог использовались следующие приемы:

- поперечное тиснение на подъеме головки. Помимо орнаментального этот прием имел еще и функциональное назначение, поскольку поперечное линование на подъеме препятствовало образованию грубых складок, которые могли натирать ногу при ходьбе (Осипов, 2006. С. 37);

- опушка по верхней части голенища, следы которой маркирует фестонная деформация верхнего обреза, и декоративный шов;

- красный окрас кожи, сохранившийся на нескольких фрагментах голенищ.

Обувные подковки

Для укрепления пяточной части активно использовались металлические обувные подковки

(рис. 9). В деловой письменности эпохи Московского централизованного государства они именовались «подножными скобами» («Книги приходно-расходные...», 1657. Л. 21, 57 об.). Следует отметить, что обычай подбивать каблуки железными гвоздями и подковками является отличительной чертой русской обувной моды XVI–XVII вв. Это удивляло оказывавшихся в России европейцев, непременно отмечавших интересную деталь в своих записках (Герберштейн, 1988. С. 117; Барберини, 1842. С. 14–16; Горсей, 1990. С. 255, 256). Наряду с подковками подошвы укреплялись железными гвоздями, как в сочетании с подковками, так и без них (рис. 9, 1, 4, 7).

Обувь первой половины XVIII в.

В слоях первой половины – середины XVIII в. зафиксировано небольшое количество обувных деталей, принадлежащих тупоносой обуви низкой конструкции, в набор которой входят деревянные обтяжные каблуки, а также кожаные стельки с лубяными вставками. Подобные находки свидетельствуют о широком распространении затяжной технологии, приводящей к увеличению числа кон-

² Имеется в виду не вкладная стелька, существовавшая ранее, а конструктивный элемент, соединявший подошву и верх.

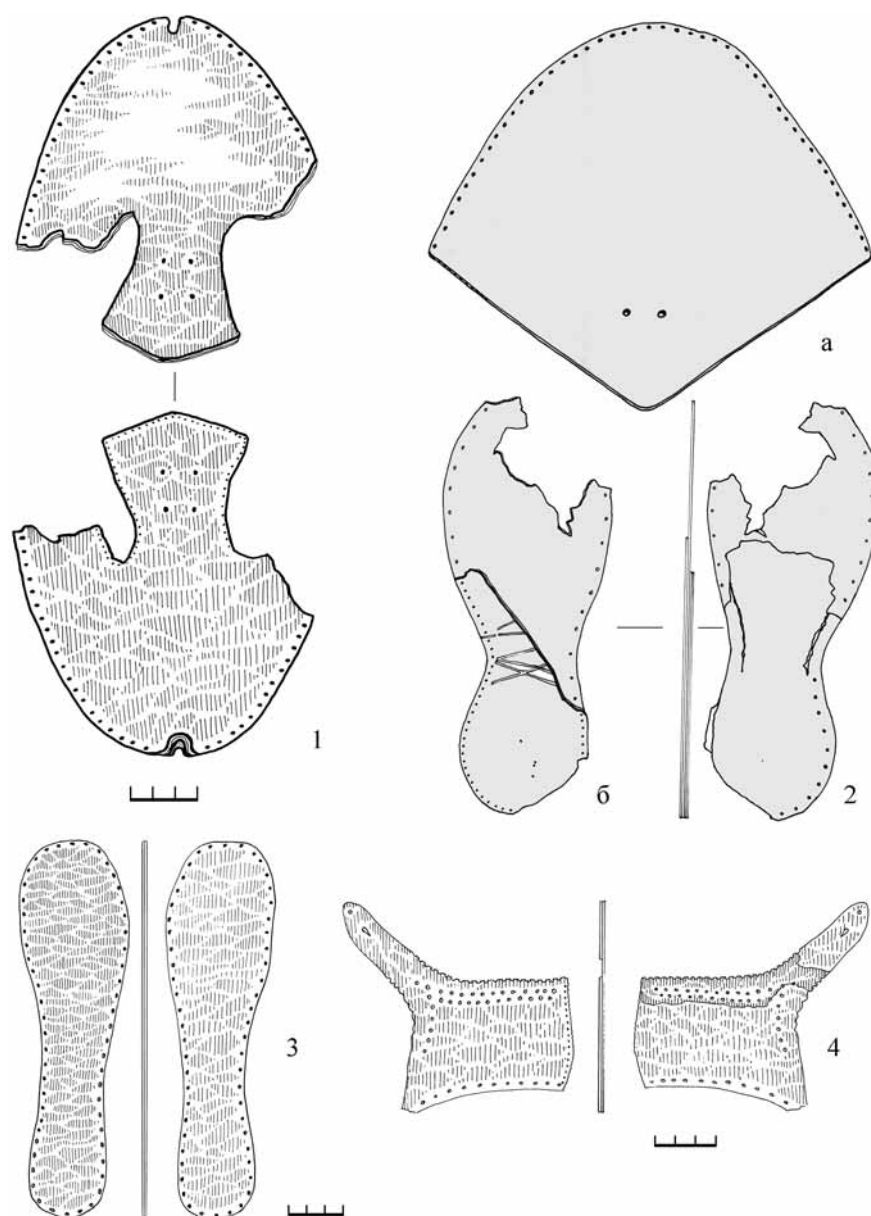

Рис. 6. Позднесредневековая обувь

1 – головка туфли; 2 – детали туфли: а) головка, б) подошва; 3 – стельки; 4 – подошва туфли;
5 – берцы, туфли с черзподъемными ремешками

структивных элементов, таких как стелька, геле-нок, штаферка, супинатор (Осипов, 2006. С. 29).

Клейма

Обувные клейма, впервые зафиксированные в археологических материалах Москвы (Осипов, 2003. С. 26–28), известны в коллекциях Пскова, Старой Ладogi, Выборга, Твери (Визгалов и др., 2011. С. 52). В России клейма, служившие знаками мастеров, выделявших свою продукцию, появляются в первой половине XVII в., одновременно со странами Западной Европы (Swann, 2001. Р. 120, 121).

Материалы из раскопок на Студенческой набережной пополняют уже существующую коллекцию российских клейм новыми, ранее неизвестными типами. К ним принадлежит подошва с заостренным носком, в носочной части которой нанесено клеймо в виде латинской буквы Z (рис. 8, 4). Второе, неизвестное ранее клеймо нанесено на подошву рантовой конструкции. Оно представляет собой симметричный рисунок в виде продольной линии, на концах которой прочерчены по три поперечных (рис. 8, 5). Третий тип клейма, также расположенного в геленочной части подошвы, имеет вид квадратной сетки (рис. 8, 6).

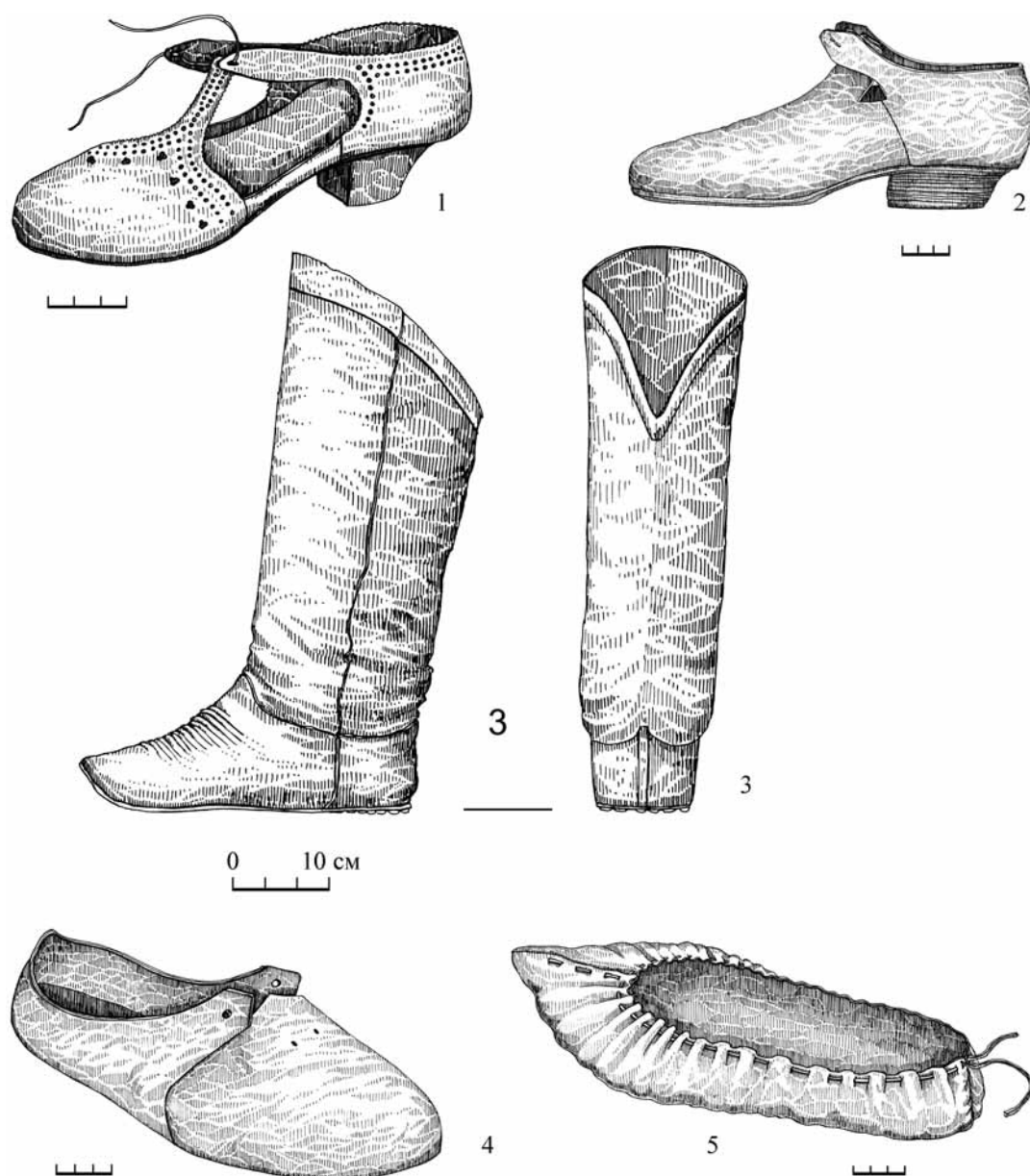
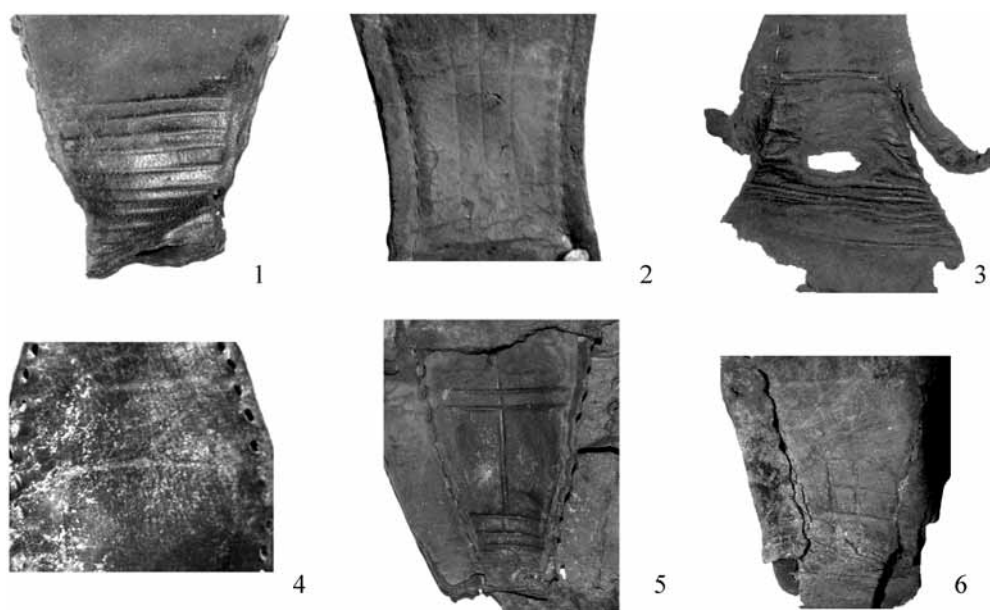

Рис. 7. Реконструкция обувных моделей

1 – туфля летняя с чрезподъемными ремешками; 2 – туфля с развитым язычком и чрезподъемными ремешками; 3 – сапоги из погребения первой половины XVI в.; 4 – туфля с зубчатым обрезом верхнего края и чрезподъемными ремешками; 5 – поршень

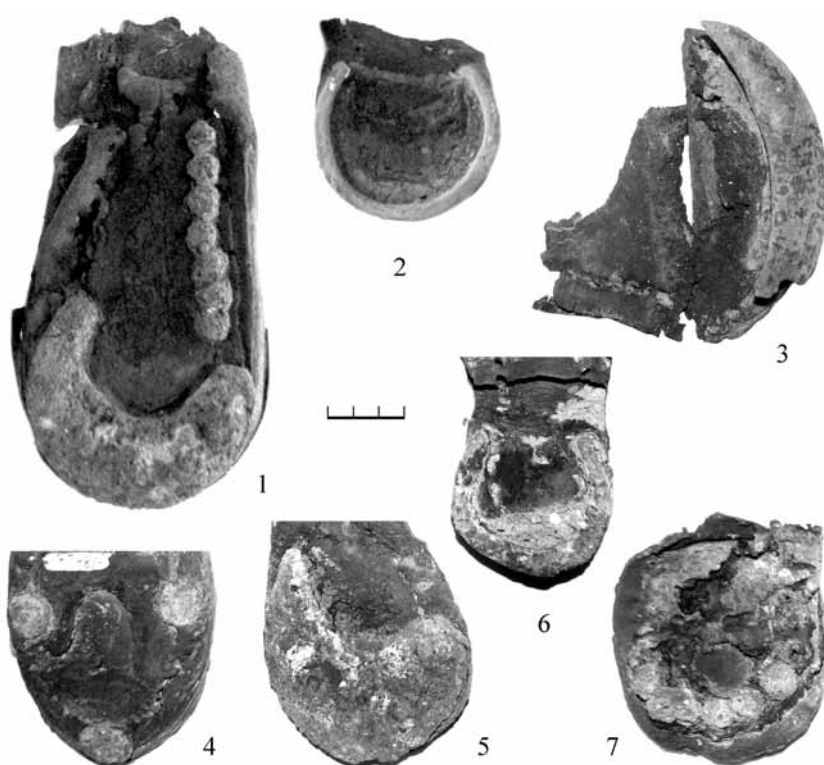
Еще несколько подошв отмечены уже известными ранее типами клейм в виде продольных и поперечных полос (рис. 8, 1–3). Все клейма прочерчены острым нагретым предметом (шилом?). Относительно небольшое количество подошв данной коллекции помечено различными типами клейм, среди которых встречаются три новых. На наш взгляд, такое разнообразие косвенно указывает на активную работу профильных мануфактур, помечавших свою продукцию клеймами.

Известно, что после вхождения Смоленска в состав Великого княжества Литовского город получает Магдебургское право, подразумевающее в числе прочего существование цехов (Мурзакевич, 1903. С. 147). Являясь профессиональными объединениями экономического характера, цеха играли важную роль в развитии товарного производства. Они занимались организацией производства, сбытом ремесленной продукции, а также охраной экономических интересов самих ремесленников (Харитонович, 1999. С. 118–124).

Рис. 8. Обувные клейма

1, 3 – клейма в виде поперечных полос; 2 – клеймо в виде продольных полос; 4 – клеймо в виде буквы Z; 5 – клеймо в виде комбинации продольных и поперечных полос; 6 – клеймо в виде сетки с квадратными ячейками

Рис. 9. Укрепление подошв

1, 3, 5 – подковки, крепившиеся на подошву с помощью шипов и гвоздей; 2 – подковка, крепившаяся с помощью шипов; 4, 7 – подошвы, подбитые сапожными гвоздями

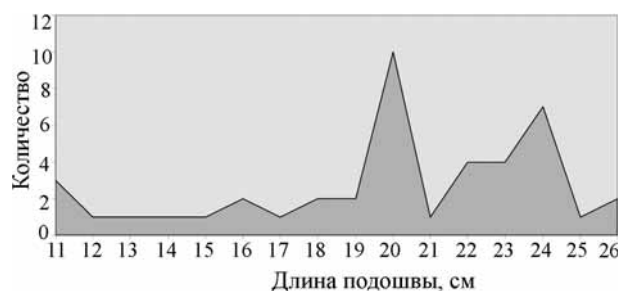

Рис. 10. Распределение размеров погребальной обуви

Погребальная обувь

В площадь раскопа попадает участок городского кладбища, обнаруженного на территории Пятницкого конца при раскопках 2008–2009 гг. (Пронин и др., 2011. С. 78–84). В площадь раскопа 3 попали 69 погребений в деревянных колодах, впущенных из слоя второй половины XVI в. Кожаная обувь зафиксирована в 45 захоронениях, что составляет 65,2% от их общего числа. За исключением одной пары сапог, описанной ниже, вся сохранившаяся в погребениях

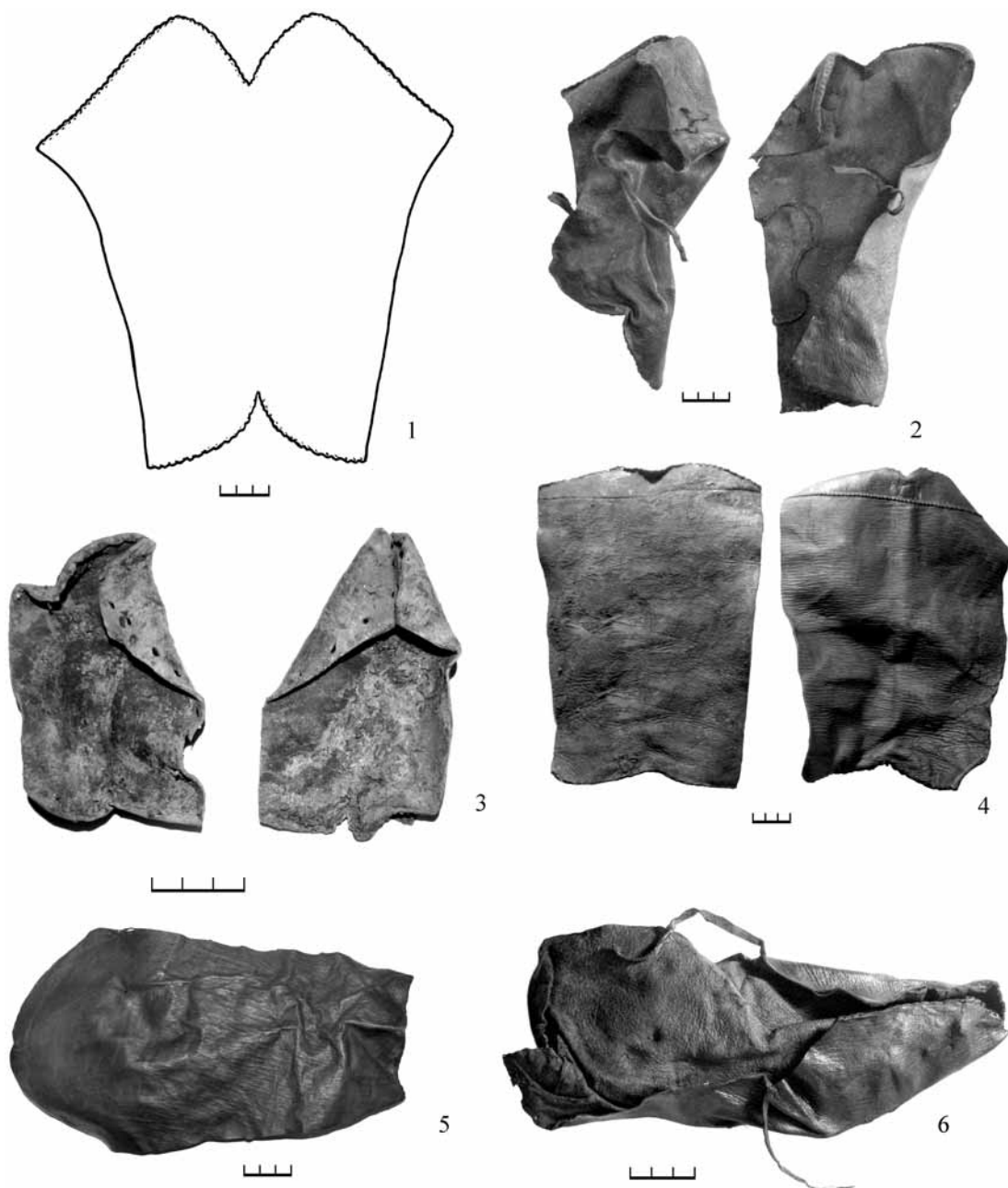
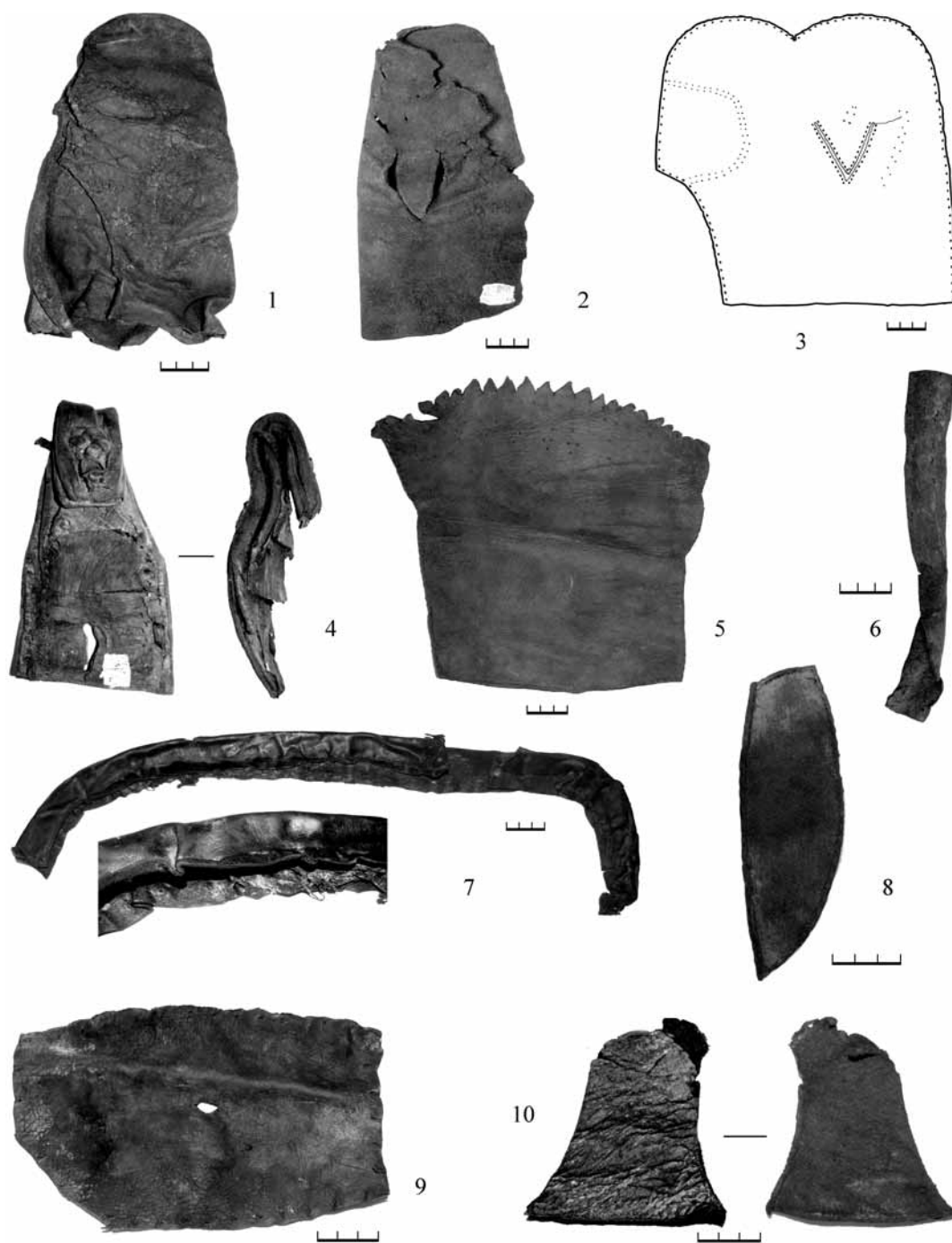

Рис. 11. Погребальная обувь

1 — туфли из погребения № 51. Рисунок края; 2 — туфли с сохранившимися завязками. Погребение № 42; 3 — туфли детские. Погребение № 9; 4, 5 — туфли из погребений № 30, 35, изготовленные из сапожных голенищ; 6 — туфли с сохранившимися завязками. Погребение № 59

Рис. 12. Изделия из кожи

1–3 – рукавицы; 4 – деталь конской упряжи; 5 – деталь неизвестного назначения;
6, 7 – кожаные обшивки; 8 – боковина сумки; 9, 10 – накладки

обувь представлена однотипными погребальными туфлями различного размера, основная часть которых принадлежит детской, подростковой и женской обуви (см. гистограмму на рис. 10).

Все погребальные туфли выкроены из одного куска тонкой кожи, сшитой по оси носка и пятки

переметочным швом (рис. 11). Пять пар туфель изготовлены из вторично использованных голенищ, на что указывают следы декоративных швов и обшивки (рис. 11, 4, 5).

Девять туфель имеют символические завязки – тонкий короткий шнурок, снятый с части

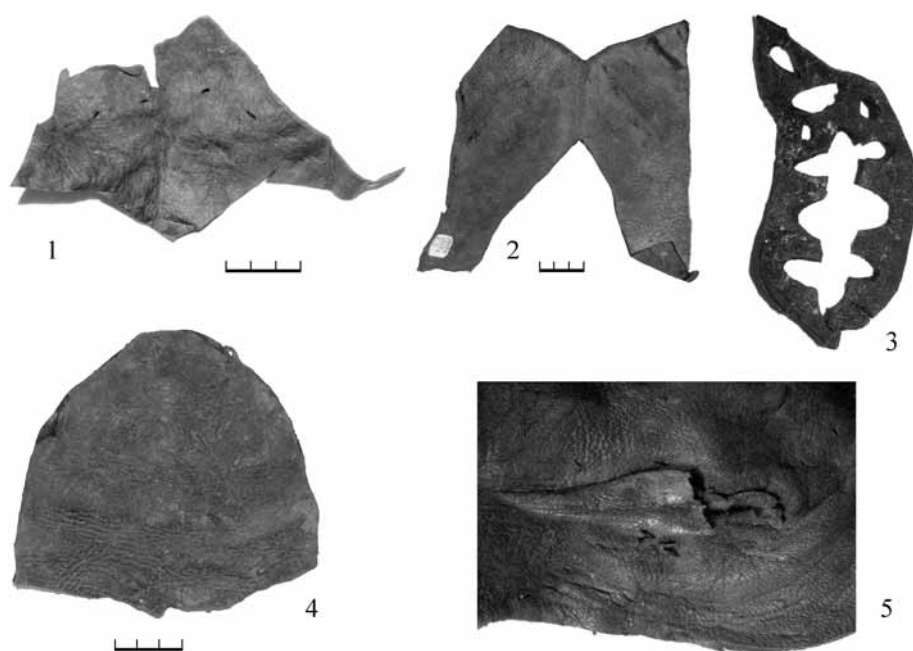

Рис. 13. Детали вторичного использования

верхней кромки (рис. 11, 2). На коже одной пары туфель, выкроенных из вторично использованной передней половины голенища, также сохранились следы красного цвета. Обувь аналогичного кроя, сшитая специально для покойников, зафиксирована при исследовании некрополей и городских кладбищ в Великом Новгороде, Москве, Суздале, Твери, Пскове, Ярославле и других русских городах (Лежеский, 1998. С. 138–153; Олейников, 1998; Ершова, 1987; Осипов, 2006. С. 80–85; 2009).

Вероятно, конструкция погребальной обуви отражала определенные представления о зеркальности потустороннего мира, поэтому туфли изготавливались из тонкой кожи, не имели креплений³ и сшивались на живую нитку. Косвенно потусторонность загробного мира подтверждают неправильные «бабы» узлы, сохранившиеся на завязках отдельных туфель. Однако поиски корней древних верований из области мифологии или иных устных традиций в данной статье не затрагиваются. Данная коллекция подтверждает высказывавшиеся ранее предположения о бытовании специальной, сшитой для умершего обуви в период с рубежа XV до начала XVII в., что маркирует распространение определенной погребальной традиции (Осипов, 2013. С. 140–151).

Лишь один из погребенных был обут в сапоги, сохранившие полный набор деталей, включающий

однослойную подошву, скреплявшуюся с верхом с помощью потайного шва, внутренний каблук, головку и двухчастное голенище со следами обшивки верха (рис. 7, 3). На плантарной части подошвы, подбитой железными гвоздиками, сохранилось клеймо в виде трех продольных полос. К дополнительным деталям принадлежит составной поднаряд и внутренние детали задника, не имевшего отдельно выкроенной задинки. Судя по сохранившемуся местами бордовому оттенку кожи, эти сапоги были сшиты из кожи, окрашенной в красный цвет – наиболее распространенный у русских, что отмечает посол герцога Фридриха Сигизмунд Герберштейн: «...сапоги они носят красные...» (Герберштейн, 1988. С. 117).

Изделия из кожи

Кроме погребальных туфель и деталей бытовой обуви в коллекции присутствует восемнадцать различных кожаных изделий, составляющих 4,7% от общей численности находок, не считая обрезков от раскроя.

К самым древним из них принадлежит кожаная обшивка циновки (рис. 12, 7), обнаруженной у основания лестничного спуска в подклет рубежа XII–XIII вв. Циновка, сплетенная из растительных волокон, была обшита по краю сложенной пополам лентой. Неровная строчка, форма и вза-

³ Завязки из тонкого кожаного шнура, снятого с верхней кромки, также не рассчитаны на ношение туфель.

иморасположение шовных отверстий указывают на домашнее изготовление самого раннего на сегодняшний день лестничного коврика.

Определенный интерес представляет обнаруженный в заполнении колодца начала XVII в. трапезиевидный кусок достаточно толстой (2,5 мм) и мягкой кожи с дугообразным зубчатым верхом (рис. 12, 5). В верхней части прослежен ряд сквозных отверстий, маркирующих следы крепления декоративных накладок. По трем сторонам, за исключением зубчатого верха, проходит точной шов. Поскольку найденный в колодце предмет является лишь частью какого-то изделия, определить его функциональное назначение затруднительно.

Наиболее распространенной группой являются собранные в напластованиях первой половины XVII столетия рукавицы-голицы, насчитывающие девять экземпляров, большая часть которых сохранилась фрагментарно (рис. 12, 1–3). Эта категория находок, как и в настоящее время, использовалась для защиты рук от воздействия низких температур, а также во время работы. «Галицы делали с точи, штобы мазулей не натярьеть, и руки не надрыгать» («Псковский областной словарь», 1986. С. 49). Три целые рукавицы, судя по форме края, принадлежат ко второму варианту, представляющему собой одну деталь трапезиевидной формы со скругленными концами, в середине которой делался вырез для большого пальца. Рукавицы этого типа широко распространены не только в Смоленске, но и в других древнерусских, восточноевропейских и заполярных городах на протяжении всего Средневековья и в более позднее время (Оятева, 1962. С. 91, 92. Рис. 10, 1; Штыхов, 1975. С. 80. Рис. 38; Курбатов, Овсянников, 1999. С. 268. Рис. 16, 17).

Из позднесредневекового горизонта происходят обрывки деталей конской упряжи, а также фрагмент ножен, скрепленных выворотным швом, проходящим по внутренней стороне чехла.

Производственные отходы

Относительно небольшое количество производственных отходов в виде обрывков кожи и обрезков от ее раскроя в количестве 300 единиц зафиксировано лишь в напластованиях древнерусского времени. Анализ их состава указывает на то, что в XII в. на усадьбе в течение короткого времени работала профессиональная мастерская, занимавшаяся пошивом и ремонтом обуви. Следов кожевенного производства, несмотря на упоминание кожевников, работавших на территории Пятницкой сотни, в Смоленской крестоприводной книге 1578 г. (Разрядный приказ. Ф. 210. Оп. 21. № 1905) не обнаружено.

К производственным отходам следует отнести небольшое количество вторично использованных деталей (рис. 13), среди которых присутствует негатив от раскроя, в виде небольшого куса кожи с вырезанными в нем отверстиями различной формы, обнаруженный в слое первой половины XVII в. (рис. 13, 3). Необычная форма находки и небрежность края свидетельствует в пользу того, что подобный артефакт – дело рук обычного человека, забавлявшегося вырезанием на обрывке кожи.

Заключение

Коллекция «археологической кожи» из раскопок на Студенческой набережной демонстрирует процесс развития смоленского кожевенно-сапожного ремесла, а также иллюстрирует изменение традиций, проявившихся в материальной культуре в один из переломных моментов в истории Русского государства. Очевидно, что доминирование низкой обуви, а также сосуществование различных технических приемов обусловлено сильным влиянием Великого княжества Литовского. Еще в 1449 г. между великим князем Литовским Казимиром и великим князем Московским Василием Тёмным был заключен договор, по которому Москва отказывалась на вечные годы от Смоленска и Смоленской земли (ДДГ, 1950. С. 160).

Полученное городом по указу короля Сигизмунда III Магдебургское право способствовало развитию цеховых организаций, которое в данном случае маркирует коллекция обувных клейм. Найденные клейма включают новые, неизвестные ранее, типы, которые в российских городах распространяются на полстолетия позже. У моделей первой половины XVII в. мы наблюдаем разделение на мужские и женские фасоны, а также появление специальной домашней обуви, что нехарактерно для Московской Руси.

В то же время следует отметить, что процесс обмена культурными традициями был обоюдным. В частности, русское влияние проявилось в более длительном сохранении на территории Речи Посполитой (в сравнении со странами Западной Европы) сапог в качестве городской уличной обуви (Wiklak, 1969. S. 159, 160).

Все перечисленные выше наблюдения существенно отличают данный материал от традиционных коллекций русских городов (Твери, Москвы, Владимира, Великого Новгорода и др.), что связано с уникальной исторической судьбой Смоленска – одного из крупнейших ремесленных и торговых центров русского государства.

Литература

- Амброс А. К., 1965. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // СА. № 4.
- Балыбин Д. Г., 2011. Кожаная обувь XV–XVII вв. из погребений Пятницкого конца Смоленска // Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.
- Барберини Р., 1842. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сын отечества. № 6–7.
- Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А., 2001. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушкино.
- Вахрос И. С., 1959. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В., 2011. Мангазея (кожаные изделия 2001–2007 гг.). Екатеринбург.
- Герберштейн Сигизмунд, 1888. Записки о Московии. М.
- Горсей Дж., 1990. Записки о России. XVI – начало XVI в. М.
- Даркевич В. П., 1960. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. № 4.
- Дук Д., Соловьев А., 2004. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада 2000–2002 гг.) // ГАЗ. Минск.
- ДДГ. М.; Л., 1950.
- Ершова Т. Е., 1987. Скудельница Средневекового Пскова // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков.
- Загорюльский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
- Зыбин Ю. П., 1978. История развития конструкций обуви. М.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65.
- Книги приходно-расходные Александра Свирского монастыря, 1657 // Архив СПбИИ РАН. Ф. 21. Оп. 57.
- Кузовкина С. И., 1993. Кожаная обувь из раскопок древнего Торжка (1984–1985 гг.) // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.
- Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости. // РА. № 2.
- Курбатов А. В., 1999. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.
- Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). Тверь.
- Курбатов А. В., 2006а. Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VIII–XI вв. (по материалам кожевенного ремесла) // Ладога и Ладожская земля в эпоху раннего средневековья. СПб.
- Курбатов А. В., 2006б. Региональные черты в бытовой материальной культуре (на примере кожаных находок из раскопок в Таллине) // Археологические вести. № 13.
- Курбатов А. В., Овсянников О. В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // Археологические вести. № 6.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск.
- Маслова Г. С., 1978. Орнамент русской народной вышивки. М.
- Мурзакевич Н. А., 1903. История города Смоленска. Смоленск.
- Олейников О. М., 1998. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции Тверского государственного объединенного музея на улице Советская, при ее реконструкции на территории Кремля и б. Загородского посада Твери в 1998 г. / Архив ИА РАН. Р- I. № 21811.
- Осипов Д. О., 2003. Информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 2.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований Института археологии РАН. Т. 7. М.
- Осипов Д. О., 2009. Коллекция кожаной обуви и изделий из кожи // Энговатова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. Т. 9. Приложение 3 / Архив ИА РАН.
- Осипов Д. О., 2013. Обувь из погребений и погребальная обувь // АП. Вып. 9. М.
- Оятева Е. И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Пежемский Д. В., 1998. Погребения Троицкого XI раскопа // ННЗ. Новгород.
- ПСРЛ. Т. 38. М., 1989.
- Полонская М. Ю., 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М.
- Пронин Г. Н., 2013. Отчет об охранных раскопках 2010–2012 гг. проведенных в связи с реконструкцией набережной Днепра на ул. Студенческая набережная д. 6. в Смоленске / Архив ИА РАН.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г., 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.

- Псковский областной словарь. Вып. 7. СПб., 1986.
- Собаль В., Тарасов С., 1985. Абутак сяредне-вяковага Мінска//Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 4. Мінск.
- Срезневский И. И., 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб.
- Харитонович Д. Э., 1999. Ремесло. Цехи и мифы// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М.
- Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. Минск.
- Archeologia średniowiecznego Kołobrzegu. T. V. Kołobrzeg, 2010.
- Grew F., Neergaard M. de, 1988. Shoes and patten//Medieval finds from excavations in London. Vol. 2. L.
- Jankimowicz B., Rodzik I., 2009. Konserwacja i rekonstrukcja zabudkow skorzanych//Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin.
- Hald M., 1972. Primitive shoes. Copenhagen.
- Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.
- Waateringe Groenman, van, 1975. Shuch mode in spaten Mittelalter. Fund und Abbildungen//Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. № 3.
- Wiklak H., 1969. Polskie obuwie wczesnosredniowykopalisk//Materiały wczesnosrednioweczne. V.6. Wrocław.
- Wywrot-Wyskowska B. 2008. Skórnictwo w lokacyjnym kołobrzegu. XIII–XV wiek. Szczecin.

D. O. Osipov, V. E. Sobol

Collection of leather shoes from the excavations in Smolensk

Summary

The article deals with leather goods collected during excavations of the Institute of Archaeology RAS expedition and dated from the 11th to 18th centuries. The greatest interest is the special “morgue” shoes from

burials of the second half of the 16th century, as well as shoe models of the first half of the 17th century which are similar to shoes in Poland and Belarus. There is the masters stigma on shoes sole of those times.

**А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, М. В. Добровольская,
Т. Ю. Шведчикова, И. К. Решетова, Е. Е. Васильева**

Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: к вопросу о качестве жизни и питании средневекового городского населения¹

Введение

Масштабные археологические исследования Ярославля открыли новую страницу в истории древнего русского города периода монгольского нашествия, выявив факты полного уничтожения города в 1238 г. (Энговатова и др., 2009. С. 68). Не менее важным может стать изучение материалов, относящихся к более поздним периодам, в том числе и к Смутному времени, в событиях которого Ярославль сыграл большую роль.

В 2007–2010 годах экспедиция Института археологии РАН (работы А. В. Энговатовой) производила исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста на территории центральной части г. Ярославля (Энговатова, 2013. С. 40) (рис. 1). Храм известен в письменных документах с 1646 г.², но, судя по археологическим данным, деревянная церковь «внутри кремля, близ Архиерейского дома, к стороне реки Волги» (Лествицын, 1874. С. 304) существовала и в более раннее время – в XVI в.

В ходе археологических работ выявлен фундаментный ров северо-западной стенки каменной церкви Иоанна Златоуста конца XVII в. (1690 г.), а также свайное поле фундамента колокольни при ней. Таким образом, было локализовано точное местоположение храма. Остатков более ранней деревянной церкви не обнаружено. Возможно, их разобрали при строительстве нового каменного храма.

На исследованной части кладбища было зафиксировано около 250 погребений. Следует отметить достаточно высокую их плотность, что может свидетельствовать о сравнительно небольшом размере участка, отведенного под кладбище.

Большая плотность захоронений не позволила выявить контуры отдельных могильных ям. Однако благодаря влажности слоя хорошо сохранились деревянные гробы и их фрагменты. Обнаружены как долбленные, так и составные деревянные гробы. Степень сохранности большей части позволила достоверно реконструировать форму, способ сложения (для составных гробов), а также зафиксировать виды и подвиды внутри каждого типа гробов. Благодаря типологии удалось более узко датировать зафиксированные археологическими методами ярусы кладбища.

В результате исследований выделено три основных хронологических яруса погребений: ярус 1 – XVIII–XIX вв., ярус 2 – XVII в., ярус 3 – XVI в. (рис. 2). Разделение выполнено с учетом стратиграфии и планиграфии захоронений, наличия погребального инвентаря и его датировки, а также с учетом данных об использовании отдельных форм долбленных гробов в относительно короткий период времени (колоды ладьевидной формы датируются второй половиной XVI в.; Панова, 2004. С. 72–73).

Основанием для отнесения времени начала функционирования кладбища к XVI в. послужили

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13–06–12030 офи_м) и РГНФ (проект № 12–31–01042).

² Из Переписной книги Ярославля 1646 г.: «Церков Ивана Златоустаго; поп Исак вдовой – живет в своем дворе» («Ярославские писцовые...», 1913. Стлб. 91).

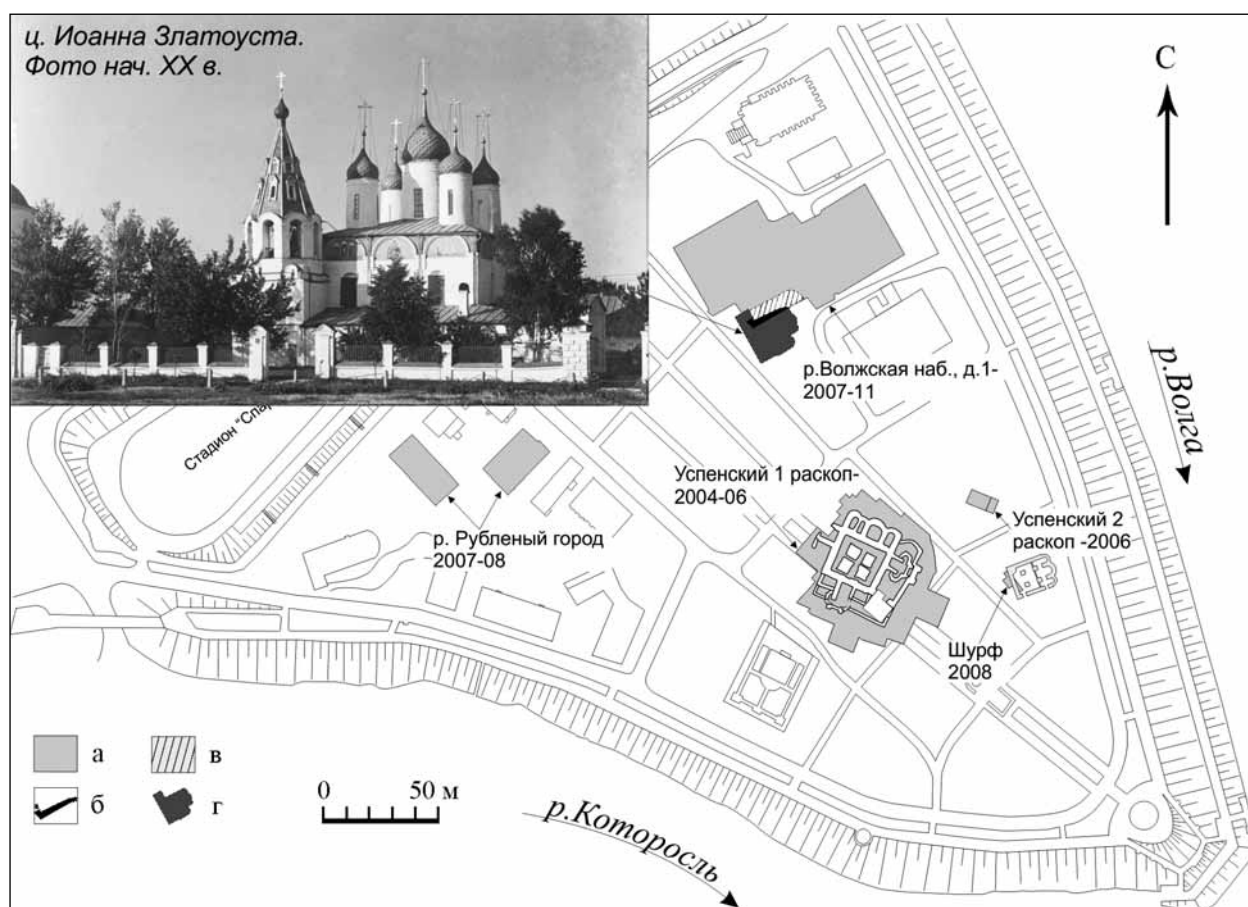

Рис. 1. План Стрелки г. Ярославля с местом кладбища при церкви Иоанна Златоуста

а – раскопы ИА РАН 2004–2011 гг.; б – исследованная часть фундамента церкви; в – исследованная часть кладбища; г – реконструируемое местоположение каменной церкви Иоанна Златоуста 1690 г.

не только находки характерной ритуальной кожаной обуви этого периода (Осипов, 2006. С. 82, 84), но и наличие непосредственно под комплексом захоронений не потревоженных кладбищенским перекопом культурных слоев XI–XIV вв.

Судя по стратиграфии, планиграфии, керамике из засыпки могил и керамике, происходящей из слоя под комплексом захоронений, кладбище наиболее активно использовалось с начала XVI до XVII в. Погребения XVIII и XIX вв. относительно немногочисленны и хорошо выделяются по археологическим критериям. Инвентарь в них представлен типологически датирующими нательными крестами.

Кладбище при церкви Иоанна Златоуста прекращает свое функционирование после Указа Екатерины II от 7 февраля 1772 г., вводящего запрет на захоронение горожан в церковных оградах. Однако в указе делалось исключение для духовенства и благотворителей, сделавших наиболее крупные вклады в храмы, что объясняет наличие здесь отдельных захоронений конца XVIII – XIX в.

Стоит отметить, что после перепланировки города в XVIII в. уменьшается количество прихожан. В 1781 г. при церкви Иоанна Златоуста насчитывалось «приходских дворов 12-ть; в них жителей мужеска пола 57, женска – 65; обоего пола 122 души» (Лествицын, 1874. С. 304). Можно предположить, что в XVI–XVII вв. приход был более многочисленным.

Как уже говорилось, раскопками экспедиции ИА РАН была исследована только часть некрополя. Ориентировочное число всех захороненных на нем минимум в четыре раза больше. Однако уже полученный и доступный для изучения антропологический материал из 250 погребений вполне представительен для обоснованных выводов.

Анализ антропологической коллекции позволяет сделать некоторые выводы о структуре населения, проследить динамику смертности, оценить состояние здоровья жителей Ярославля, получить данные об особенностях питания.

В конечном итоге, изучая палеоантропологический источник, мы сможем понять, к каким

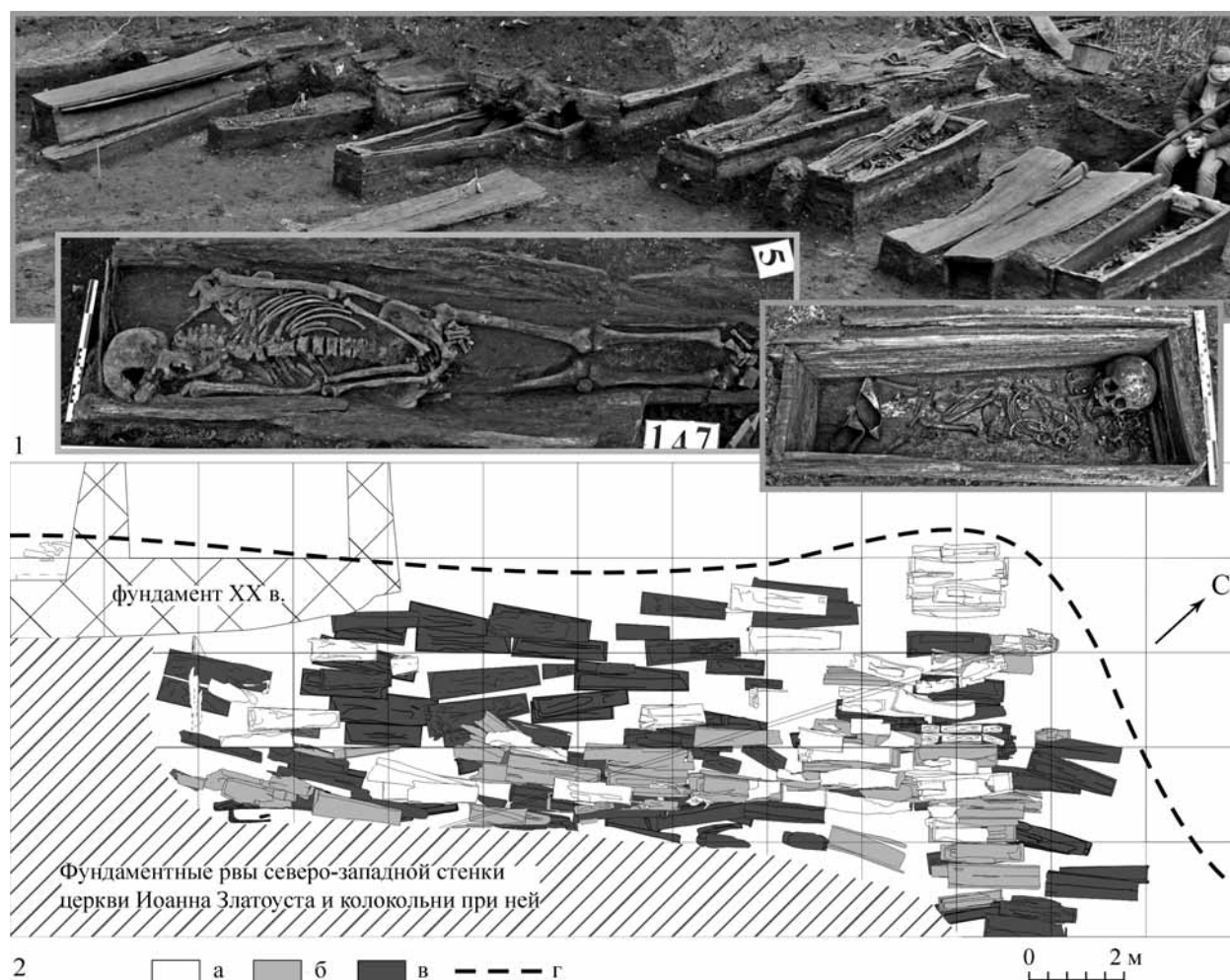

Рис. 2. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле

1 – фото; 2 – схема кладбища; а – ярус 1 (XVIII–XIX вв.), б – ярус 2 (XVII в.), в – ярус 3 (XVI в.), г – граница кладбища

последствиям для обычных людей приводила нестабильность общественной жизни, сопряженная с подготовкой к войне и участием в вооруженных конфликтах.

Демографические особенности группы

Суммарная численность выборки XVI–XVII вв. составила 198 индивидуумов разного пола и возраста (Медникова и др., в печати). По материалам раскопок 2009–2010 гг. была проведена более детальная дифференциация материалов XVI и XVII вв. (соответственно, 78 и 51 человек). В качестве контрольной использована выборка хорошо датированных погребений XVIII в. (29 человек). Поздние и датированные широким диапазоном погребения в диахронный анализ не включались. В объединенной выборке из погребений XVI–XVII вв. (N=198) средний возраст смерти взрослого населения составил 33,4 года (у мужчин и женщин, соответ-

ственно, 35,4 и 31,2). Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения составила всего 18,4 года (20,4 у мужчин и 16,2 у женщин). Основной пик смертности падает на возрастную группу 0–4 года, среди взрослых – 30–34 года (причем это характерно и для мужчин, и для женщин).

При детальном рассмотрении показателей смертности выявляются различия между выборками XVI, XVII и XVIII вв. В первой сравнительно низки показатели детской смертности, но выделяется пик смертности в интервале 15–24 года. В выборке XVII в. самая высокая смертность маленьких детей и два пика смертности у взрослых в 30–34 и 40–44 года, нет людей старше 50 лет. Выборка XVIII в. занимает промежуточное положение – в ней довольно высока смертность детей от рождения до 4 лет, единственный пик смертности взрослых – в 20–24 года, самый высокий процент лиц старше 50 лет.

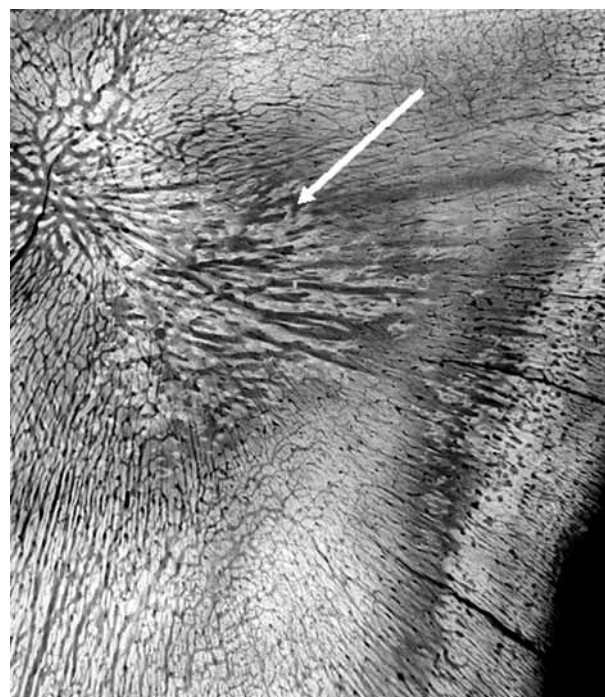

Интерпретируя эти результаты, мы можем предположить, что тенденции XVI и XVIII вв. более типичны для нормальной популяционной структуры. Пик юношеской смертности у населения XVI в. можно ассоциировать с практикой ранних браков, когда девочек отдавали замуж в двенадцать лет (Пушкарева, 1997), и осложнений при родах. Впрочем, при ближайшем рассмотрении смертность юношей в 15–19 лет превышает смертность девушек ($dx = 18,2$ и $15,1$), соответственно, следует говорить об общей уязвимости этой возрастной категории в указанный период.

Сопоставление основных палеодемографических показателей свидетельствует, что средний возраст смерти мужчин остается стабильным на протяжении двух веков. Средний возраст смерти женщин в выборке XVII в. даже незначительно увеличивается. Резкое отличие между выборками достигается благодаря высокому проценту детской смертности в XVII в., причем значительное число детей умирали в возрасте до одного года. Ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных в XVII в. заметно ниже, чем столетием раньше. Наоборот, для тех, кто достиг пятнадцати лет, этот показатель больше, чем в XVI в. В выборке XVII в. больше размер семьи с учетом детей, но падает процент населения старше 15 лет и процент активного населения. И, наконец, в Ярославле XVI в. численно преобладали женщины, а в XVII столетии мужчин в два раза больше женщин. (Для сравнения, в выборке XVIII в. число женщин увеличивается, но процентное соотношение полов остается в пользу мужчин).

Состояние здоровья взрослого населения Ярославля в XVI–XVII вв.

Палеопатологический анализ совокупной группы взрослого населения Ярославля XVI–XVII вв. показал, что чаще встречались различные зубные патологии (10%) и травмы (8,5%). Также было отмечено присутствие периостальных реакций на длинных костях скелета (3,9%), остеофитозных разрастаний (3,9%). При сравнении диахронной встречаемости патологических проявлений в женской и мужской выборках мы можем выявить следующие тенденции: с 2,9% в XVI в. до 11,1% в XVII в. возрастает количество травм среди женщин и с отсутствия до 22,7% среди мужчин; встречаемость патологий зубочелюстного аппарата (эмалевой гипоплазии, кариеса, абсцесса и прижизненной утраты зубов) меняется с 14,7 до 18,1% у женщин и с 4,5 до 11,5% у мужчин. Количество периоститов снижается с 5,9 до 4,5% у женщин,

Рис. 3. Менингеальная реакция со стороны эндокрана на теменной кости ребенка 4–6 месяцев. Стрелкой показаны следствия обширных гематом

но они появляются в XVII в. у 11,1% мужчин. Увеличение периостальных реакций может служить косвенным доказательством присутствия трепонематозных инфекций и их стремительного распространения в городской среде начиная с XVI в.

Самый яркий случай трепонематоза можно проиллюстрировать на примере женщины возраста 30–40 лет из погребения № 127. Скелет представлен костями практически всех отделов скелета. На лобной кости были зафиксированы изменения костной структуры, которые представляли собой округлые гуммозные образования с резко очерченными фестончатыми краями, этому сопутствовало значительное утолщение свода черепа. На самой обширной и, судя по всему, первой образовавшейся гумме процесс распространился не только на наружную пластинку и диплоэ, но также затронул и внутреннюю пластинку. Сквозные отверстия достигают 4 мм в диаметре. Сифилитические периостальные реакции также можно отметить и на большеберцовых костях индивида. Они располагаются на латеральной части верхней трети диафиза правой большеберцовой кости и фронтальной части нижней трети диафиза левой. По совокупности признаков и характеру образования деструктивных поражений костной ткани можно с большой долей уверенности диагностировать третичный

Таблица 1. Результаты изотопного анализа содержания азота и углерода в образцах из погребений XVI–XVII вв. кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле.

№ п/п	Раскоп	Объект	Пол/возраст	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰
1	Волжская наб., д. 1 – 2009	п. 12, яр. 1	Мужчина, 35–44 лет	12,0	-19,9
2	Волжская наб., д. 1 – 2009	п. 17, яр. 2	Мужчина, 40 лет	12,3	-20,2
3	Волжская наб., д. 1 – 2009	п. 32, яр. 2	Мужчина, 25–34 лет	12,5	-20,4
4	Волжская наб., д. 1 – 2009	п. 33, яр. 2	Мужчина, 50+ лет	12,8	-20,7
5	Волжская наб., д. 1 – 2010	п. 91	Ребенок, 3 года	11,5	-23,3
6	Волжская наб., д. 1 – 2010	п. 120	Ребенок, 4–5 лет	12,0	-21,3
7	Волжская наб., д. 1 – 2010	п. 99, инд. 5	Младенец	12,3	-19,7
8	Волжская наб., д. 1 – 2008	п. 14, яр. 1	Младенец, 6 мес.	12,6	-20,1
9	Волжская наб., д. 1 – 2009	п. 119	Младенец	12,6	-19,8
10	Волжская наб., д. 1 – 2010	п. 99, инд. 2	Младенец, 1 год	12,8	-19,6
11	Волжская наб., д. 1 – 2010	п. 99, инд. 3	Младенец, 6 мес.	14,2	-19,6

сифилис. В исследуемой выборке это наиболее яркий пример проявления инфекции. Другие, менее иллюстративные случаи характеризуются достаточно обширными периостальными реакциями на длинных костях скелетов. Изменения на костях скелета при заболевании проявляются примерно в 25% случаев, что позволяет нам приблизительно оценить масштабы эпидемии, весьма типичной для распространения заболевания в эту эпоху.

Состояние здоровья детей Ярославля в XVI–XVII вв.

Суммарное число детских останков, вскрытых в процессе раскопок 2007, 2009 и 2010 гг., – 90. Из них 20 не имеют точной датировки. Для того чтобы проследить диахронную динамику частоты встречаемости патологических проявлений, в дальнейшем мы опирались на материалы из погребений, датированных более узким интервалом (20 индивидуумов XVI в., 19 индивидуумов XVII в., 9 – XVIII в.).

Уже первое знакомство с коллекцией позволило выявить пять детских скелетов с очевидными патологическими изменениями на костях черепа и скелета в виде субпериостальных реакций, пороза и локальных гемаррагий (Медникова и др., 2013). В рамках дифференциальной диагностики эти признаки были соотнесены нами с недостаточностью витамина С, точнее, с младенческим проявлением цинги, известным в научной литературе под названием болезни Моллера-Барлоу.

Обследовав всю коллекцию, мы констатируем постоянное присутствие манифестаций этого за-

болевания в ярославской детской выборке (рис. 3) (Медникова и др., в печати). В XVI в. болезнь Моллера-Барлоу демонстрируют 68,8%, а с учетом отдельных более слабых проявлений частота встречаемости авитаминоза С доходит до 87,5%. В XVII в. ярко выраженные признаки цинги демонстрируют останки 59,1% детей и 72,7%, если включать не столь достоверные случаи. В XVIII в. число цинготных проявлений достигает 66,7%.

Кроме того, при обследовании выборки XVII в. были зафиксированы отчетливые патологические проявления, по всей видимости, имевшие другую этиологию, а именно случаи врожденной бактериальной инфекции (трепанематоза), передававшегося на внутриутробной стадии развития от зараженных родителей.

Данные изотопного анализа: к вопросу о пищевых традициях населения Ярославля

Нами были проведены определения соотношения изотопов углерода $^{13}/^{12}\text{C}$ и азота $^{15}/^{14}\text{N}$ с целью выяснения влияния авитаминоза на изотопный состав основных структурных белков кости (Энговатова и др., 2013б. С. 41). Для этого были отобраны образцы костной ткани индивидуумов из погребений XVI–XVII вв., в том числе младенцев с внешними признаками болезни Моллера-Барлоу (недостаток витамина С) (табл. 1; рис. 4). В целом полученные показатели указывают на сбалансированное соотношение углеводов и белков местного происхождения в рационе взрослого населения Ярославля в XVII в., а в рационе детей выявлена явная витаминная недостаточность. Результаты же изотопных

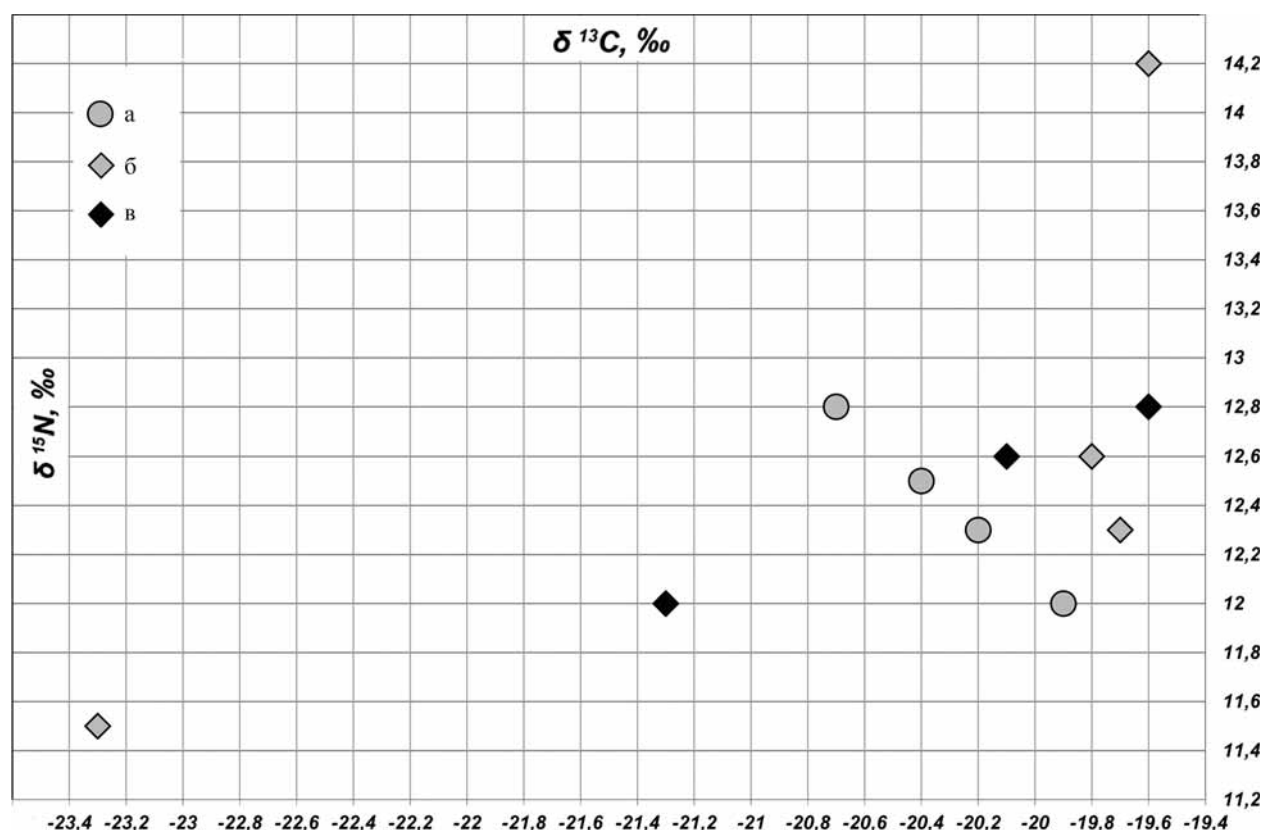

Рис. 4. График соотношения δ изотопов углерода и азота в образцах из погребений XVI–XVII вв. кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле
а – взрослые; б – дети; в – дети с отмеченными признаками болезни Моллера-Барлоу

исследований, проведенных ранее для останков жителей города домонгольского периода, позволили предположить достаточно высокую удельную долю мясной пищи в их рационе (Энговатова и др., 2011. С. 412; Энговатова и др., 2012. С. 307; Энговатова и др., 2013а. С. 109; Engovatova et al., 2011. Р. 17; Engovatova et al., 2013. Р. 356). При этом доля белковой пищи в рационе детей была несколько выше, чем у взрослого населения. Таким образом, взрослое население центральной части города в XVII в. получало несколько меньше белковой пищи, чем в XIII в. Дети же, в отличие от XIII в., страдали от недостатка витамина С.

Как известно, дети до одного года вскармливаются молоком, т.е. получают высокобелковую пищу. В соответствии с закономерностями изотопного фракционирования индивидуумы с высокобелковой диетой характеризуются повышенными показателями дельта азота. Однако изученные нами образцы костной ткани младенцев с симптомами витаминной недостаточности показали пониженные значения, сопоставимые с параметрами у взрослых. Наиболее низкое значение азота

определено для ребенка трех лет с проявлениями авитаминоза С. Итак, нами впервые выявлены изотопные маркеры нарушения полноценного усвоения белковой пищи.

Заключение

Вплоть до XIX в. считалось, что цинга, в основе которой лежит недостаток витамина С, является инфекцией; а заразная контагиозная болезнь сыпной тиф происходит от голода и плохого питания. Еще Н.М. Карамзин (1831. С. 130) о цинге в Троице-Сергиевой лавре писал так: «...Ею заразились беднейшие и заразили других». Возвращаясь к полученным нами данным о чрезвычайно высокой смертности ярославских детей от болезни Моллера-Барлоу, мы видим наиболее близкую по масштабам аналогию в трагедии группы Воезеро из Вологодской области, относимой к домонгольскому периоду. А.П. Бужилова объясняла возникновение цинги на северных территориях обычаем употреблять в пищу перемороженное зерно (Бужилова, 2005. С. 224). Похолодание климата, достигшее пика в XVII в., как можно судить по результатам

нашей работы, вызвало эпидемию цинги у детей и взрослых намного южнее. Ситуация в Ярославле в Смутное время осложнялась присутствием в городе ополчения, расквартированного в посадских домах. Цинга – болезнь римских легионеров и крестоносцев (Козак, 2010. С. 147–150) – проявлялась в нестабильной, конфликтной ситуации, часто со-

впадая с похолоданием климата. Высокая детская, и прежде всего грудничковая, смертность в Ярославле в XVI–XVII вв. могла быть вызвана не только продолжительными периодами голодания, кстати, зафиксированными по письменным источникам, но и отсутствием в рационе питания взрослых свежих фруктов и овощей, содержавших витамин С.

Литература

Бужилова А. П., 2005. Homo sapiens. История болезни. М.

Козак О. Д., 2010. Кияни князей добі. Київ.

Карамзин Н. М., 1831. История государства Российского. Т. 10. СПб.

Лествицын В. И., 1874. Церкви города Ярославля в 1781 году // ЯЕВ. № 38.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е. Эпидемиология войны и смуты: антропологический и письменный источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА, в печати.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е., 2013. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII в. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // КСИА, № 228.

Осипов Д. О., 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7).

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.

Пушкарёва Н. Л., 1997. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X–XIX вв.). М.

Энговатова А. В., 2013. Ярославль в XVII в. (по данным археологических исследований 2004–2013 гг.) // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII / Тез. докл. науч. конфер. 20–22 ноября 2013 г. М.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2012. Возможности использования изотопного метода для реконструкции системы питания средневекового городского населения на примере Ярославля // АП. Вып. 8. М.

Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., Лохова О. В., Бурова Н. Д., 2011. Изотопные иссле-

дования костных образцов из средневекового Ярославля // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013а. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА, № 228.

Энговатова А. В., Добровольская М. В., Медникова М. Б., Решетова И. К., 2013б. Пищевые традиции средневекового русского населения и эпидемия детской цинги в Ярославле в XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII / Тез. докл. науч. конфер. 20–22 ноября 2013 г. М.

Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджеева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., 2009. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2.

Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века // ТЯГУАК. Кн. VI. Вып. 3–4. Ярославль, 1913.

Engovatova A., Bogomolov E., Dobrovolskaya M., Zaitseva G., 2013. The first results of the analysis of the strontium isotopes content in human bone remains from medieval burials in the city of Yaroslavl (Central Russia) // 7th International Symposium. Abstracts. Gent. <http://www.radiocarbon2013.ugent.be/>

Engovatova A., Zaitseva G., Burova N., Antipina E., Dobrovolskaya M., 2011. Isotope studies of bone samples from the excavations in medieval Yaroslavl // 17th Annual Meeting of the EAA. Abstracts. Oslo.

Engovatova A., Zaitseva G., Dobrovolskaya M., Bogomolov E., 2013 Preliminary results of the isotope analysis of bone remains of the pre-Mongolian urban and rural population of Medieval Central Russia // 19th Annual Meeting of the EAA. Abstracts. Pilsen.

**A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, M. V. Dobrovolskaya,
T. Y. Shvedchikova, I. K. Reshetova, E. E. Vasil'eva**

**Anthropological materials from St. John Chrysostom Church cemetery in Yaroslavl:
about the life style and nutrition of medieval urban inhabitants**

Summary

St. John Chrysostom Church cemetery was excavated in 2007–2010 in borders of the rescue excavations of the Institute of Archaeology RAS. 259 burials were recorded in the cemetery. Cemetery most actively used since the beginning of the 16th to 17th cc. according the stratigraphy, planigraphy and ceramics.

Paleopathological study of the anthropological material revealed the high frequency of the infant scurvy – Moller-Barlow disease (about 70%). Isotopic analysis confirms the sick children protein deficiency. These results show a wide distribution of child scurvy caused by a lack of fresh fruit and vegetables in the diet of citizens.

Исследования керамических материалов

Е. В. Кобозева

Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затьмацком и Загородском посадах

Клейма на донцах гончарных сосудов – яркий материал, не остающийся без внимания исследователей. К настоящему времени известны публикации, в которых значительное место уделено некоторым типам тверских клейм, но, как правило, в контексте решения иных проблем (Жилина, 1996; Белецкий, 2001). Чаще авторы ограничиваются стремлением показать наличие клейм, вводя в научный оборот тот или иной массив керамического материала из раскопок Твери.

В настоящей статье публикуются новые материалы, полученные в результате исследований экспедиции Тверского государственного объединенного музея на территории бывших Затьмацкого (Кобозев, 2008; 2009; 2010) и Загородского (Кобозева, 2011; 2012) посадов Твери (рис. 1; табл. 1). Несмотря на обширный круг проблем, волнующих исследователей клейм, первоочередными, несомненно, являются две: систематизация и хронология. На решение этих задач и была нацелена проделанная работа. Поскольку привлекались материалы раскопок, находившихся на разных посадах города, то помимо прочего возникла необходимость проведения их сравнительного анализа.

При обработке керамических коллекций раскопок 2007–2011 гг. были выявлены 494 отпечатка на донцах гончарных сосудов (табл. 1), которые могли быть интерпретированы как клеймо или его часть. В это число входит все, что несет какую-либо информацию о клеймах: от мелких обломков до полных керамических форм. Выяснилось, что наибольшее количество донцев с клеймами приходится на Затьмацкий раскоп № 85: здесь их почти в три раза больше, чем на раскопе № 154, и в четыре – чем на раскопе № 146. Этот факт легкообъясним: из рассматриваемых трех только Затьмац-

кий раскоп № 85 приходился на район с плотной средневековой застройкой. Загородский раскоп № 146, где зафиксировано наименьшее количество клейм, охватывал неудобную для строительства территорию – край первой надпойменной террасы, береговой склон и Волжскую пойму. На раскопе № 154 площадь средневековой застройки также была невелика (она сосредоточена в средней части раскопа): северную часть занимало средневековое кладбище, а в южной строительство велось в XVIII–XIX вв.

Донца с клеймами составляют незначительную часть общего числа днищ – около 6,3% на Затьмацком раскопе, и еще меньше – на обоих Загородских: примерно одинаково – около 2,3% на каждом (табл. 1).

Клейменные днища принадлежали в основном посуде из красножгущихся глин – 83–88%; менее 10% относилось к сосудам, изготовленным из светложгущихся глин (табл. 2). Исходное сырье не определено из-за особенностей обжига или использования сосудов менее чем для 10% донцев. Интересно наличие в исследуемом материале единичных фрагментов лощеной посуды. Они найдены как на Затьмачье, так и на Загородье (табл. 2). Клейменная краснолощенная и чернолощенная посуда известна в московской керамике (Розенфельдт, 1968. С. 12–18, 24, 48).

Следует подчеркнуть, что уровень информативности полученного материала оказался слишком неравноценным. Он зависит от целого ряда обстоятельств, таких как качество матрицы, применение подсыпок, характер и длительность использования сосуда, степень фрагментированности донца и т.д. Нередко даже полностью уцелевшее донце с клеймом оказывалось бесполезным для

Таблица 1. Распределение исследуемого материала по раскопам.

Район, раскоп, современный адрес	Год	Площадь раскопа (кв. м)	Донца с клеймами (экз.)	Всего донцев (экз.)	Донца с клеймами (%)
Затымацкий посад, р. № 85 и траншеи коммуникаций (ул. С. Перовской, 9)	2007-2009	≈ 1700	311	4906	≈ 6,3
Загородский посад, р. № 146 (ул. Рыбачья, наб. Ст. Разина, Смоленский пер.)	2010	≈ 1128	76	3334	≈ 2,3
Загородский посад, р. № 146 (ул. Советская, 51)	2011	≈ 1103	107	4590	≈ 2,3

Таблица 2. Распределение исследуемого материала по сырью. Клейма на лощеной посуде.

№ раскопа	Из красножгущихся глин			Из светложгущихся глин		Не установлено (чер.-сер.)	
	кол-во	%	кол-во лощ.	кол-во	%	кол-во	%
85	273	≈ 88,0	2 ч/лощ, 2 кр/лощ?	19	≈ 6,0	19	≈ 6,0
146	66	≈ 87,0	нет	7	≈ 9,0	3	≈ 4,0
154	89	≈ 83,1	1 ч/лощ	8	≈ 7,5	10	≈ 9,4

следующего этапа работы, не говоря уже о фрагментах. Поэтому выборка для дальнейшей систематизации материала составила примерно треть образцов от всех учтенных в ходе статистической обработки массового материала (176 из 494). Это сохранившиеся полностью и читаемые экземпляры,

а также достоверно или с большой долей вероятности реконструируемые фрагменты.

Здесь необходимо оговориться, что далее коллекции указанных раскопов Загородского посада будут рассматриваться как единое целое (для сравнения с материалами раскопа № 85 Затымацкого

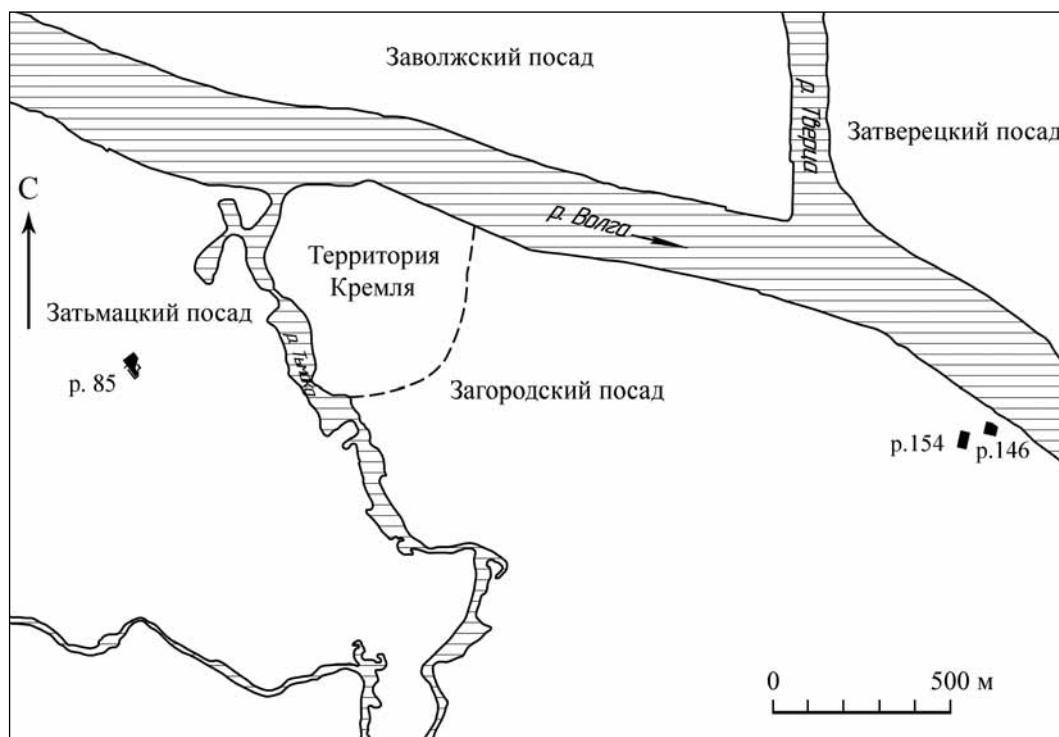

Рис. 1. План расположения раскопов

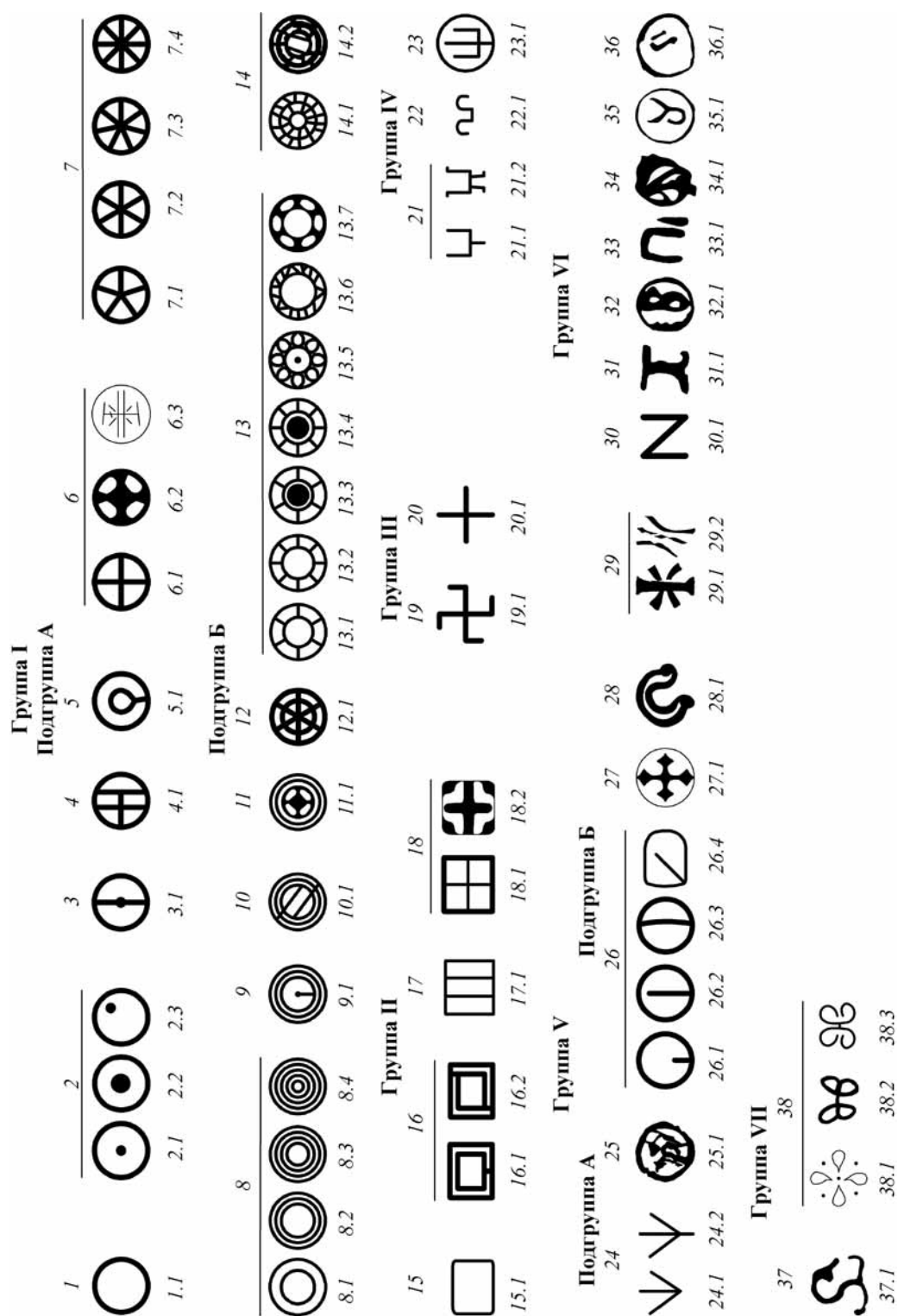

Рис. 2. Классификация клейм

посада). Это оправдано тем, что раскопки на Загородском посаде располагались в непосредственной близости один от другого, и полученный на них материал во многом сходен.

До настоящего времени не выработана какая-либо общепринятая схема классификации гончарных клейм. Каждый исследователь вносит что-то свое в систему классификации, опираясь на опыт предшественников. И это естественно, поскольку «...нет единственной, раз навсегда данной типологии археологических объектов, пригодной для всех исследовательских задач. Типология не самоцель, а средство, метод изучения археологических объектов и комплексов. Поэтому она не может не меняться в зависимости от задач, стоящих перед исследователем» (Мартынов, Шер, 2002. С. 149).

В.Ю. Коваль предложил деление гончарных клейм на пять групп в зависимости от изображения на оттиске: геометрические, предметные, силуэтные, геральдические, буквенные (Коваль, 2002). Эту схему поддержала Е.К. Кадиева, выделив четыре группы оттисков, т.е. все перечисленные, исключая силуэтные (Кадиева, 2007б). Принцип Е.К. Кадиевой использовала для классификации Н.А. Князева (2007): клейма были распределены по пяти группам, однако в отдельную группу попали клейма с рисунком розетки. О.И. Хижняков, в свою очередь, отказался от выделения слишком громоздкой и «всеобъемлющей» группы под названием «геометрические» клейма. Обилием и разнообразием новгородского материала, по-видимому, была продиктована необходимость вместо одной группы геометрических клейм выделить семь самостоятельных, в основе которых была та или иная геометрическая фигура. В отдельные группы попали кресты и свастики. Остальные группы (буквенные, геральдические и предметные), кроме силуэтных, также присутствуют в данной классификации, хотя сами эти термины автор не использовал (Хижняков, 2002).

В процессе работы с тверскими клеймами сложилась схема классификации, представленная на рисунке 2. В ее основе – изображение на оттиске, рисунок клейма. Принцип образования групп следующий: в названии группы указан тот графический элемент, который является несущим, – без него данное изображение либо перестает существовать, либо приобретает другое значение. Таким образом, клейма распределены по семи группам, внутри некоторых групп выделяются подгруппы:

– группа I – клейма, в основе которых окружность (подгруппа А – клейма с одиночной окружностью;

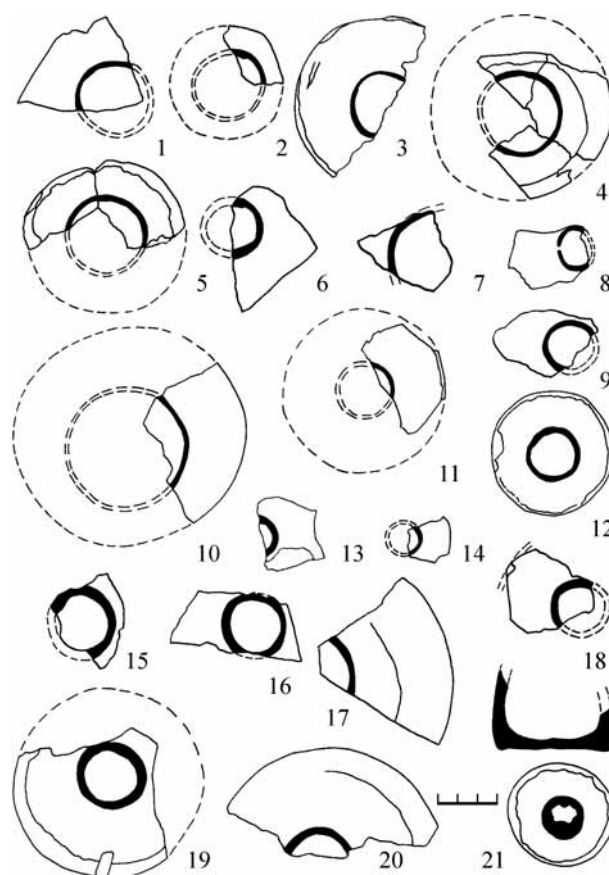

Рис. 3. Клейма группы I (тип 1)

1 – № 392_07; 2 – № 279_09; 3 – № 1372_11; 4 – № 238, 265, 268_09; 5 – № 266_09; 6 – № 267_09; 7 – № 7_10; 8 – № 432_07; 9 – № 206_10; 10 – № 248_09; 11 – № 214_08; 12 – № 245_08; 13 – № 401_11; 14 – № 201_09; 15 – № 125_08; 16 – № 319_07; 17 – № 25_11; 18 – № 832_10; 19 – № 212_07; 20 – № 1456_11; 21 – № 823_10

ностью; подгруппа Б – клейма с концентрическими окружностями);

– группа II – клейма, в основе которых прямоугольник;

– группа III – клейма, в основе которых крест или крестообразное изображение;

– группа IV – клейма с изображениями двузубцев, трезубцев (и их модификации);

– группа V – силуэтные (подгруппа А – силуэтные зооморфные; подгруппа Б – силуэтные предметные);

– группа VI – клейма с изображениями букв и знаков, напоминающих буквы;

– группа VII – клейма, состоящие из элементов растительного декора.

Выявлено около четырех десятков типов, некоторые из них имеют несколько вариантов.

Группы I–III были сформированы с учетом опыта О.И. Хижнякова. Но невозможно с ним

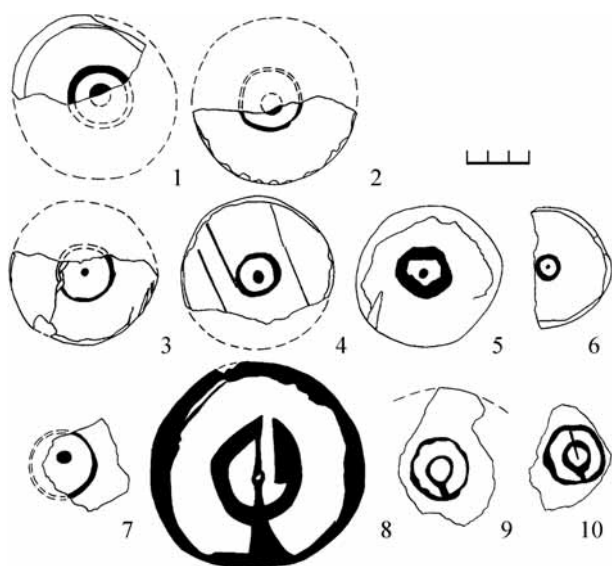

Рис. 4. Клейма группы I (типы 2, 3, 5)

1 – № 302_07; 2 – № 119_07; 3 – № 1087_08;
4 – № 202_07; 5 – № 666_08; 6 – № 1386_11;
7 – № 1075_08; 8 – № 1176_08; 9 – № 755_11;
10 – № 1457_11

согласиться в следующем: в классификации новгородских клейм оттиски с одиночной окружностью и концентрическими окружностями относятся к одному типу, различаясь на вариативном уровне, т.е. количество окружностей в данном случае не столь важно. Думается, что это не так. Для человеческого восприятия всегда принципиально, сколько элементов визуально фиксируется: один или несколько (два и более). Исходя из этого принципа внутри первой группы различаются подгруппа А (клейма с одиночной окружностью) и подгруппа Б (концентрические окружности). Вслед за В. Ю. Ковалем в отдельную группу были выделены силуэтные клейма. Эту группу он делит на две подгруппы: антропоморфные и зооморфные (Коваль, 2002), при этом самостоятельной группой остаются предметные клейма. Однако сам термин «силуэт»¹ подразумевает включение в данную группу так называемых предметных клейм, что, собственно, и было сделано в предлагаемой классификации. Таким образом, в группе V появилось разделение на подгруппы: А (силуэтные зооморфные) и Б (силуэтные предметные). В самостоятельную группу были отнесены клейма с рисунками в виде элементов растительного де-

кора, куда вошли в том числе и розетки (что ранее сделала Н. А. Князева). Остается добавить, что при выделении типов и вариантов были использованы разработки и отчасти терминология Е. К. Кадиевой (2007а; 2007б).

Отправной точкой для датирования клейм, естественно, являются археологические комплексы и слои, где они были найдены. Важно, что некоторые из комплексов имеют радиоуглеродные даты. В ряде случаев для датировки использовался метод прямых аналогий. Учитывались и технологические особенности керамики, в частности, подсыпки на днище сосудов.

Группа I, подгруппа А

Tun 1 – одиночная окружность (41 экз.) (рис. 3)². Примерно половина клейм данного типа поставлены на днища с зольными подсыпками, в четверти случаях подсыпка не фиксировалась (гладкие), еще в четверти оказалась песчаная подсыпка. Донца с песчаной подсыпкой появляются в комплексах XIV–XV вв. (1 – некалиброванный песок), зафиксированы в материалах XV–XVI вв. и в поздних слоях (для них использовался мелкий песок, только один раз зафиксирован песок с дрсевой в комплексе XV–XVI вв.). Оттиски с одиночной окружностью встречаются в комплексах широкого хронологического диапазона – от домонгольского периода до XVI – начала XVII в. Самое позднее клеймо этого типа датировано первой половиной XVIII в. (рис. 3, 21).

Клейма с одиночной окружностью, как правило, относят к древностям домонгольского круга. Наиболее поздние на Северо-Востоке Руси датируются серединой XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 175), в Новгороде – XIV в. (Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3). В Дмитрове подобные клейма были распространены с середины XII до XV–XVI вв. (Панченко, 2007. С. 200–202. Табл. 2).

Tun 2 – одиночная окружность с точкой внутри (7 экз. – рис. 4, 1–7). Клейма этого типа зафиксированы в слоях и комплексах XIV–XV вв. – вариант 2 с крупной точкой (рис. 4, 1, 2), а также в комплексах XV–XVI вв. – вариант 1 с мелкой точкой (рис. 4, 3–6) и вариант 3 с точкой, смещенной от центра (рис. 4, 7). Внутри данного типа преобладают донца с песчаной подсыпкой (4 экз.), два – с зольной, одно – гладкое.

¹ От фр. *silhouette* – очертание предмета, подобие его тени; плоскостное однотонное изображение фигур и предметов.

² Необходимо объяснить шифр клейма в подрисовочных подписях. Например, на рисунке 3 под цифрой 1 размещено клеймо № 392_07. № 392 – номер находки по описи индивидуальных находок в отчете, 07 – год раскопок.

В отличие от других памятников, в Твери клейма в виде окружности с точкой происходят из довольно поздних комплексов. В Новгороде окружность с точкой отсутствует вообще, на Северо-Востоке Руси верхнюю границу распространения данного типа определяют находки середины – второй половины XIII в. из Ярославля и Владимира (Кадиева, 2007б. С. 175). В Дмитрове аналогичные клейма происходят из комплексов, датируемых до XIV в. (Панченко, 2007. С. 200–202. Табл. 2). Подобные оттиски известны на городище Слободка, но четкой даты они не имеют (Никольская, 1987. С. 171. Рис. 81, 3, 10).

Тип 3 – одиночная окружность с линией внутри (1 экз. – рис. 4, 8). Обычно сюда относят окружности с радиусом, диаметром или отрезком. В тверской коллекции к данному типу отнесен поздний оттиск с диаметром и точкой в центре. Массивное гладкое позднее донце связано с комплексом конца XV–XVI в. Аналогии клейму не найдены.

Тип 4 – одиночная окружность с параллельными и пересекающимися линиями внутри (10 экз. – рис. 5). Происходят из слоев и комплексов XIV–XV (4 экз.) и XV–XVI вв. (5 экз.), один – из позднего слоя. Преобладают гладкие донца, в двух случаях, возможно, была зольная подсыпка; два – на подсыпке мелкого песка. Удалось восстановить форму одного из горшков из комплекса XV–XVI вв., но клеймо на нем нечеткое (рис. 5, 10). Один фрагмент, судя по тесту, принадлежал краснолощеному сосуду (рис. 5, 6).

Пока внутри типа 4 четко выделяется вариант 1 (2 экз. – рис. 5, 1, 2), по-видимому, наиболее ранний: обе находки происходят из комплексов XIV–XV вв. Варианту 1 близко еще одно клеймо (рис. 5, 3) из постройки рубежа XIV–XV вв.

Окружности с параллельными и пересекающимися линиями не характерны для северо-восточных районов Руси, но известны в новгородских древностях X–XII вв. (Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3). Можно отметить сходство новгородских клейм с оттиском варианта 1, но о полном совпадении говорить не приходится.

Тип 5 – одиночная окружность с петлей внутри (2 экз. – рис. 4, 9, 10). Два донца гладкие, возможно, с небольшой зольной подсыпкой в центре, к сожалению, не имеют четкой археологической даты. Близкий рисунок, но в двойной окружности, находим в керамике Смоленска XII–XIII вв. (Каменецкая, 1976. С. 55. Рис 5, 4). Пока можно говорить о широкой дате тверских оттисков этого типа – от середины XII до XIV в.

Тип 6 – одиночная окружность с вписанным крестом или крестообразным изображением

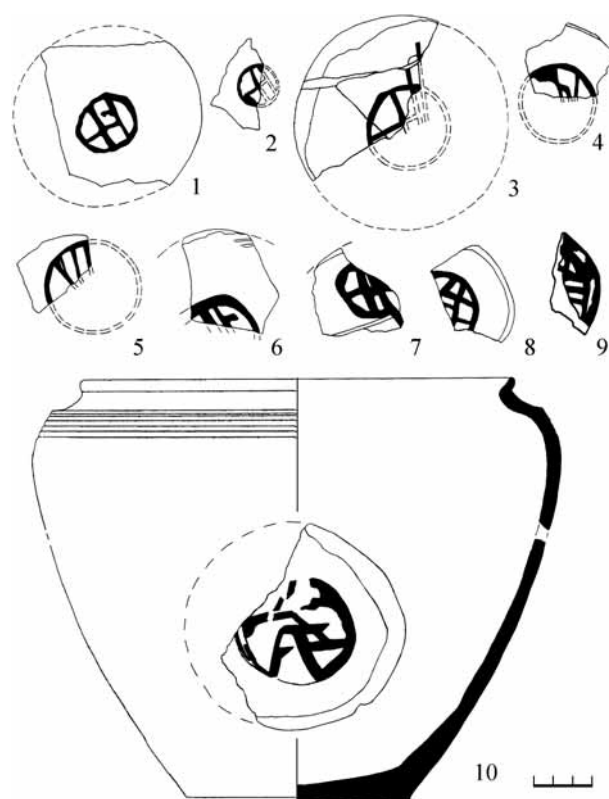

Рис. 5. Клейма группы I (тип 4)

1 – № 1149_08; 2 – № 518_07; 3 – № 1263_08;
4 – № 269_09; 5 – № 495_07; 6 – № 478_07; 7 – № 154_08;
8 – № 154_11; 9 – № 448_10; 10 – № 273_09

(20 экз. – рис. 6–7). Внутри типа 6 различаются три варианта.

Вариант 1 (17 экз. – рис. 6, 1–7; 7, 1–7) – в окружность вписан четырехконечный крест, образованный пересекающимися под прямым углом линиями. Девять оттисков происходят из комплексов XV–XVI вв. (рис. 6, 1–7), из них три принадлежат одной постройке (Затямацкий посад, раскоп № 85, материковая яма № 30 – рис. 6, 1–3); 8 экз. найдены в слоях и комплексах XVIII–XIX вв. (рис. 7, 1–7). Среди них есть полные формы сосудов: миниатюрный горшочек (рис. 6, 4), восстановленный из развала горшок второй половины XVIII – первой половины XIX в. (рис. 7, 7), поздняя миска со сливом (рис. 7, 6). Клейма этого варианта ставились преимущественно на песчаной подсыпке (11 экз., из них 5 – на подсыпке мелкого песка, 3 – на подсыпке песка с дресвой; остальные 6 – гладкие, из них одно, возможно, с зольной подсыпкой в центре).

Клейма с изображением креста, вписанного в окружность, на Северо-Востоке Руси датируются второй половиной XI – XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 177), в Новгороде – X–XIV вв. (Хижняков, 2002.

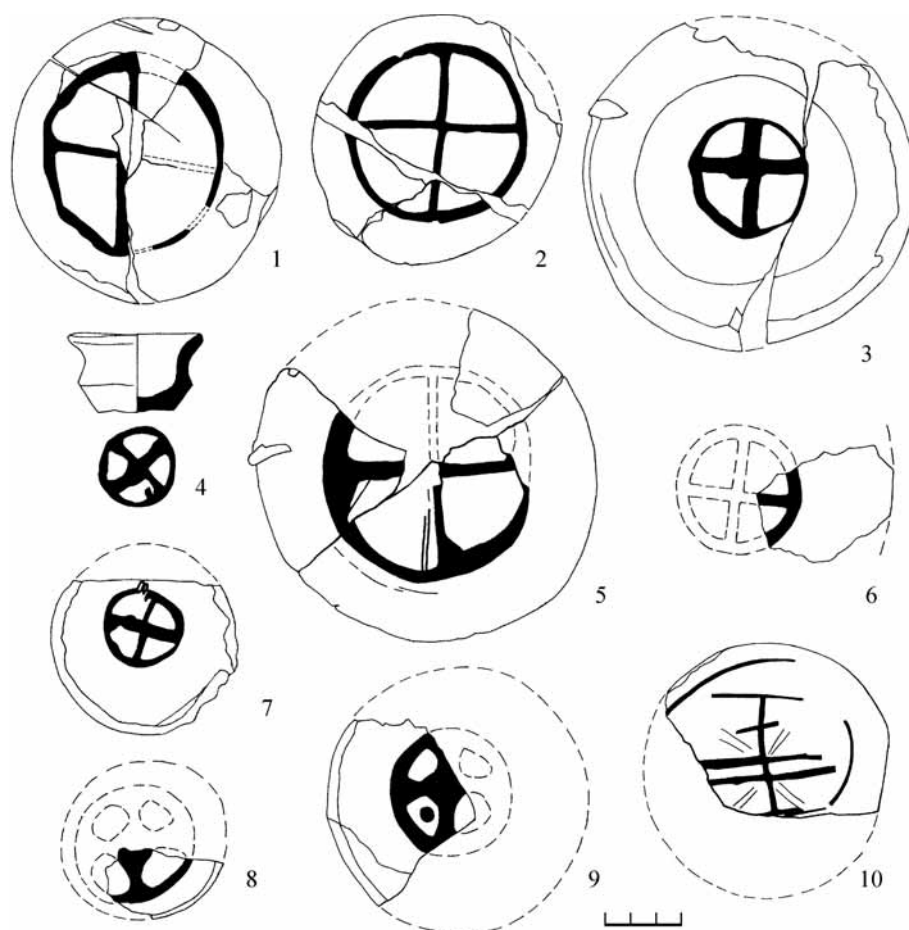

Рис. 6. Клейма группы I (тип 6 из комплексов XV–XVI вв., Затымацкий посад)

1 – № 475_07; 2 – № 474_07; 3 – № 473_07; 4 – № 146_09; 5 – № 1062_08; 6 – № 472_08;
7 – № 244_08; 8 – № 1206_08; 9 – № 633_08; 10 – № 315_07

С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3), известны в Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 214. Рис. 133). В Дмитрове встречены в комплексах XV–XVI вв. и XVIII–XIX вв. (Панченко, 2007. С. 202. Табл. 2), в Коломне – среди материалов первой половины – середины XVI в. (Сыроватко, Черкасов, 2010. С. 95, 101. Рис. 2, 12). Аналогичные клейма известны в археологических материалах Тобольского острога, основанного в 1587 г. (Балюнов, 2010. С. 76. Рис. 1, 2, 5–6).

Вариант 2 (2 экз. – рис. 6, 8, 9) – рисунок напоминает круг с четырьмя прорезями, образующими крестообразное изображение. Происходят из комплексов XV и XV–XVI вв., подсыпки на донцах не зафиксированы. Сходные оттиски, но более раннего времени (до XIV–XV вв.), встречены среди клейм городища Слободка (Никольская, 1987. С. 171. Рис. 81, 3–5).

Вариант 3 представлен фрагментом, судя по тесту, краснолощеного сосуда (рис. 6, 10). Он

найден в яме XV–XVI вв. Донце гладкое, на оттиске – не очень четкое, смещенное к краю дна, сложное крестообразное изображение из тонких линий. Аналогов ему найти не удалось. Хотя рисунок креста отдаленно напоминает «крест из линий с перечеркнутыми концами» на дне поливной чашки из Херсона, но, как в Херсоне, так и на Руси (Новгород, Саркел), подобного типа керамика датируется гораздо более ранним временем – от второй половины IX до начала XI в. (Макарова, 1967. С. 63, 81. Табл. II, 4).

Таким образом, тверские клейма типа 6 являются поздними, они связаны с комплексами XV–XVI и XVIII–XIX вв.

Тип 7 – одиночная окружность с радиусами (11 экз. – рис. 8). Варианты различаются по количеству радиусов.

Вариант 1 – окружность с пятью радиусами (1 экз. – рис. 8, 1). Происходит из верхней части заполнения комплекса второй полови-

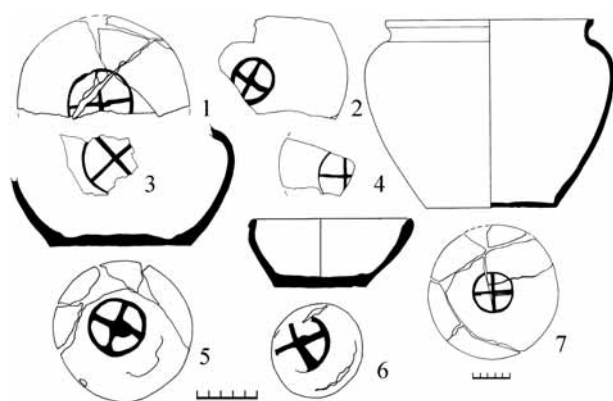

Рис. 7. Клейма группы I (тип 6 из комплексов XVIII–XIX вв., Загородский посад)

1 – № 1483_11; 2 – № 347_11; 3 – № 1441_11;
4 – № 1123_11; 5 – № 798_10; 6 – № 1000_10;
7 – № 525_11

ны XIII–XIV – начала XV в. Поставлено на зольной подсыпке. Аналогичные клейма известны в материалах Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 214. Рис. 133). Подобного типа клеймо из Новгорода датируется XIV в. (Хижняков, 2002. С. 138. Рис. 1. С. 142. Табл. 1. С. 146. Табл. 3).

Вариант 2 – окружность с шестью радиусами (2 экз. – рис. 8, 2, 3). Днища гладкие, четкой даты не имеют. Аналогичные клейма на Северо-Востоке Руси и в Новгороде датируются в пределах X–XIII вв. (Кадиева, 2007б. С. 176–177; Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3). Более поздние оттиски известны на Верхней Оке на городище Любутск XIV–XV вв. (Болдин, 2012. С. 86. Рис. 47, 4). В материалах Вологды они датируются от XIII–XIV до XV–XVI вв. (Васильева, 2007. С. 56. Рис. 2, 3; 3), в Дмитрове – XV–XVI вв. (Панченко, 2007. С. 202. Табл. 2).

Вариант 3 – окружность с семью радиусами (3 экз. – рис. 8, 4–6). Происходят из комплексов XV–XVI вв., один экземпляр – из позднего слоя. Два – на подсыпке мелкого песка, один – возможно, на зольной подсыпке. Подобного типа клейма известны в материалах Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 214. Рис. 132).

Вариант 4 – окружность с восемью радиусами (5 экз. – рис. 8, 7–11). Происходят из комплексов XV–XVI вв. (4 экз.) и из позднего слоя (1 экз.). Изготовлены преимущественно на песчаной подсыпке (в одном случае, возможно, песок с дресвой). Аналогичные клейма на Северо-Востоке Руси, в Новгороде, в Старой Рязани датируются в пределах X–XIII вв. (Кадиева, 2007б. С. 176–177; Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 214. Рис. 133). В Дмитрове подобные клейма максимально представ-

лены в комплексах XV–XVI вв. (Панченко, 2007. С. 202. Табл. 2). Аналогичные отпечатки известны в материалах Тобольского острога, основанного, как уже говорилось, в 1587 г. (Балюнов, 2010. С. 76. Рис. 1, 9).

Таким образом, наиболее ранним из оттисков типа 7 следует считать вариант 1 – окружность с пятью радиусами (ориентировочно XIV в.). Варианты 2 и 3 с учетом аналогий, вероятно, имеют широкую дату (от домонгольского периода до XVI в.). Пока уверенно можно говорить лишь о том, что значительная часть клейм типа 7 связана с комплексами XV–XVI вв. Наиболее поздним представляется клеймо варианта 4 – с восемью радиусами (рис. 8, 11), которое по ряду технологических признаков может датироваться и более поздним временем, вплоть до XVIII–XIX вв.

Группа I, подгруппа Б

Тип 8 – окружности концентрические (11 экз. – рис. 9, 1–11). Варианты различаются по количеству окружностей (от двух до пяти).

Вариант 1 – с двумя концентрическими окружностями (6 экз. – рис. 9, 1–4). Только два клейма можно связать с ранними комплексами (второй половины XII–XIV в.), остальные происходят из поздних слоев и ям. Половина клейм – со следами зольной подсыпки, другая половина – глад-

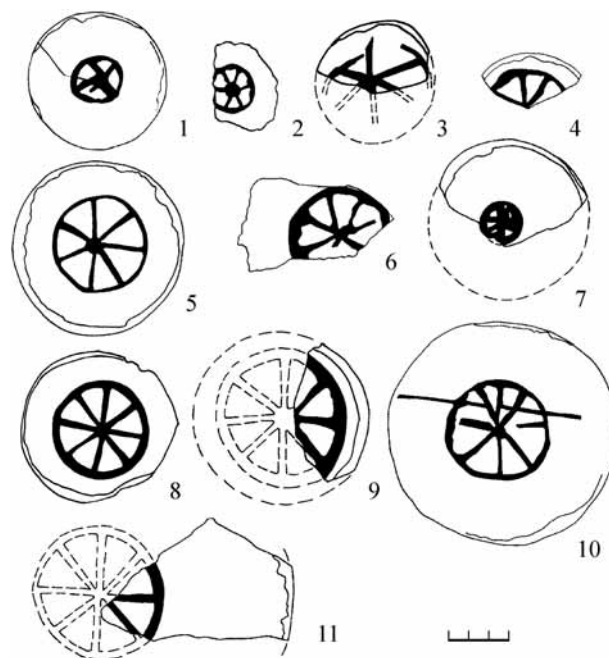

Рис. 8. Клейма группы I (тип 7)

1 – № 582_11; 2 – № 714_11; 3 – № 448_07; 4 – № 317_11;
5 – № 363_07; 6 – № 764_11; 7 – № 1199_08; 8 – № 90_10;
9 – № 1105_11; 10 – 661_08; 11 – 15_08

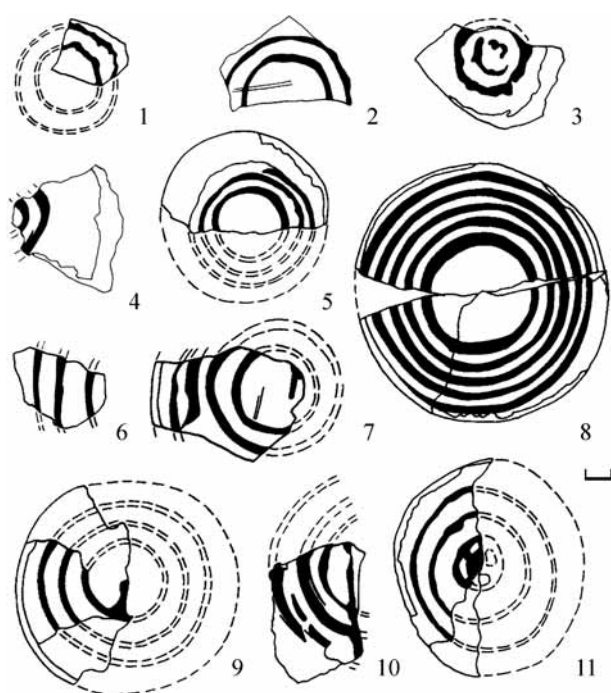

Рис. 9. Клейма группы I (типы 8, 9, 10, 11)

1 – № 176_08; 2 – № 1468_11; 3 – № 1088_08;
4 – № 1123_08; 5 – № 395_07; 6 – № 480_07; 7 – № 36_07;
8 – № 127, 128_07; 9 – № 321_07; 10 – № 487_07;
11 – № 484_07

кие. На памятниках Северо-Восточной Руси подобные оттиски известны в материалах второй половины XI – конца XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 176), в Новгороде в слоях X–XIV вв. (Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3). На Верхней и Средней Оке они известны в материалах Козельска и на городище Серенск (Болдин, 2012. С. 67. Рис. 33, 3–4. С. 101. Рис. 63, 2). На селище Казинка в Верхнем Подонье эти клейма датируются XII–XIV вв. (Тропин, 1996. С. 120–121. Рис. 3, 6). Беспрецедентное количество клейм с изображением двух концентрических окружностей (62 экз.) обнаружено на поселении Монастырщина-5 в Подонье в комплексе первой половины XIII в. (Гоняный и др., 1993. С. 155–157. Рис. 6, 12). В Дмитрове аналогичные клейма найдены в комплексах домонгольского периода и середины XIII – XIV в. (Панченко, 2007. С. 202. Табл. 2). Известны подобные оттиски на городище Слободка (Никольская, 1987. С. 171. Рис. 81, 12, 16).

Вариант 2 – с тремя концентрическими окружностями (3 экз. – рис. 9, 5, 6). Связаны с разновременными комплексами и слоями и четкой археологической даты не имеют. Один оттиск (на зольной подсыпке) происходит из комплекса, датированного не позднее XV в.; второй – из позднего слоя (подсыпка не зафиксирована); третий,

отличающийся подсыпкой песка или песка с дресвой, – из ямы XV–XVI вв. Клейма с тремя концентрическими окружностями на памятниках Северо-Восточной Руси найдены в слоях конца XII – первой половины XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 176), в Новгороде они датируются XI–XIV вв. (Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3), в Дмитрове найдены в комплексах середины XII–XIV в. (Панченко, 2007. С. 201. Табл. 2).

Вариант 3 – с четырьмя концентрическими окружностями (1 экз. – рис. 9, 7). Клеймо на зольной подсыпке найдено в поздней столбовой яме. Аналогичный отпечаток второй половины XIII – XIV в. известен на селище Каменное в Верхнем Подонье (Тропин, 1996. С. 120–121. Рис. 3, 11).

Вариант 4 – с пятью концентрическими окружностями (1 экз. – рис. 9, 8). Клеймо из домонгольского комплекса, сильно изношенное, вероятно, на зольной подсыпке. Аналоги не найдены.

Предварительно тверские клейма с концентрическими окружностями можно датировать в пределах середины XII – XIV в. Варианты 1 и 2, вероятно, встречаются и позднее (до XV–XVI вв.).

Тип 9 – окружности концентрические с линией в центре (1 экз. – рис. 9, 9). Представлен единственным вариантом – три концентрические окружности с радиусом в центре. Клеймо на зольной подсыпке. Происходит из комплекса XIII – начала XIV в. Полных аналогов ему не найдено, но одиночная окружность с радиусом и точкой в центре – отпечаток, известный в материалах поселений Северо-Восточной Руси конца XII – первой половины XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 173, 176. Рис. 1, 17–18).

Тип 10 – окружности концентрические, пересеченные линией (1 экз. – рис. 9, 10). Представлен фрагментом клейма в виде трех концентрических окружностей, пересеченных прямой линией, смещенной от центра. Клеймо найдено в переотложенном состоянии в позднем слое. Подсыпка не зафиксирована. Два сходных клейма из Твери опубликованы Н. В. Жилиной: на донце горшка с кладом 1903 г., датированным 1238 г., и на донце XIII в. из раскопок в кремле 1979–1984 гг. Тип 2, к которому относится горшок с кладом, появляется в слое 5 раскопа № 3 в Тверском кремле (начальная дата слоя 5 и строительного яруса 2 – 20-е годы XIII в.) (Жилина, 1996. С. 177, 179. Рис. 2). Опираясь на эти сведения, можно полагать, что наиболее вероятная дата найденного на Затьмачье клейма – XIII в.

Тип 11 – окружности концентрические с вписанным крестом в центре (1 экз. – рис. 9, 11). Представлен единственным вариантом в виде двух концентрических окружностей; в центральной – изображение,

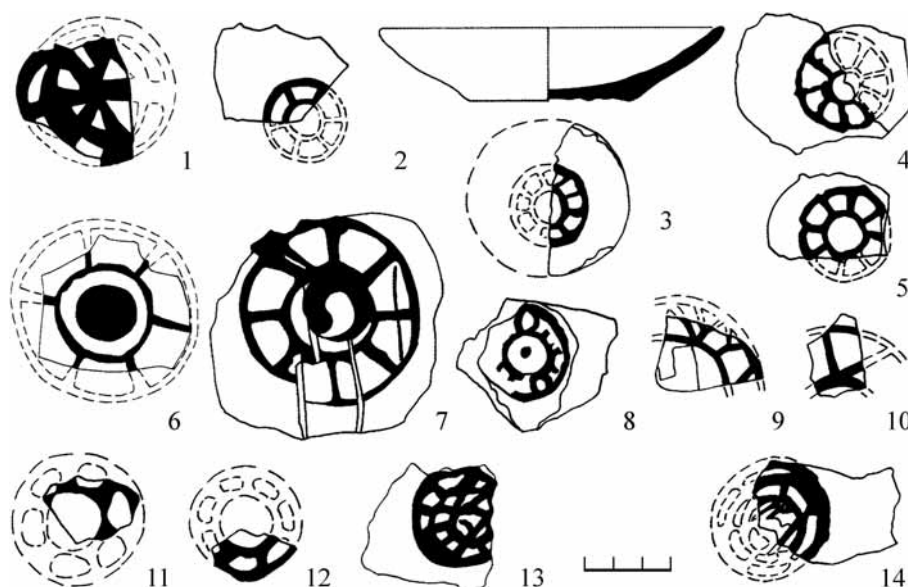

Рис. 10. Клейма группы I (типы 12, 13, 14)

1 – № 1053_08; 2 – № 426_07; 3 – № 229_08; 4 – № 104_07; 5 – № 515_07; 6 – № 1038_08; 7 – № 34_09; 8 – № 178_08; 9 – № 40_07; 10 – № 981_08; 11 – № 509_07; 12 – № 1201_08; 13 – № 120_11; 14 – № 411_08

напоминающее крестопорезную привеску (круг с прорезями). Клеймо на зольной подсыпке. Происходит из комплекса XIII – начала XIV в. Аналогии известны в Новгороде – тип 8.3, датированный X–XIII вв. (Хижняков, 2002. С. 138, 146. Рис. 1. Табл. 3). На памятниках Северо-Восточной Руси крест в трех окружностях известен лишь на городище Семьинском в слое конца XII – начала XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 177–178).

Тип 12 – окружности концентрические с радиусами (1 экз. – рис. 10, 1). Представлен единственным вариантом в виде двух концентрических окружностей с шестью радиусами. Это позднее клеймо из комплекса XV–XVI вв. (на подсыпке песка или песка с дресвой).

Тип 13 – окружности концентрические с одним рядом перемычек (12 экз. – рис. 10, 2–12). Выделено семь вариантов, отличающихся количеством и формой перемычек, наличием выпуклости в центре. Половина клейм этого типа поставлены на зольной подсыпке, три – гладкие, два – на подсыпке мелкого песка (варианты 4 и 7), для одного подсыпка не определена.

Вариант 1 (рис. 10, 2) – две концентрические окружности с шестью радиальными перемычками (1 экз.). Клеймо из предматерикового слоя, датированного не позднее XIII – начала XIV в.

Вариант 2 (рис. 10, 3–5) – две концентрические окружности с восемью-девятью радиальными перемычками (3 экз.). Одно происходит из домон-

гольского комплекса (рис. 10, 5), другое – из предматерикового слоя XIII – начала XIV в. (рис. 10, 4), еще один оттиск четкой даты не имеет, но по стратиграфическим наблюдениям может относиться к периоду до XIV в. (рис. 10, 3).

Аналоги вариантам 1 и 2 известны в Твери на раскопе № 3 Затымацкого посада в постройке второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв. (Кобозева, Сафарова (Дашикова), 1996. С. 222. Табл. 15, 18). В Новгороде подобное клеймо с шестью перемычками найдено на Неревском раскопе и датируется XI в., а клейма с восемью перемычками – XI–XIII вв. (Хижняков, 2002. С. 138, 142, 146. Рис. 1. Табл. 1, 3). На памятниках Северо-Восточной Руси такие клейма найдены в слоях и комплексах второй половины XII – начала XIV в. (Кадиева, 2007б. С. 177).

Вариант 3 (рис. 10, 6) – две концентрические окружности с шестью радиальными перемычками. От варианта 1 отличается выпуклостью в центре (1 экз.). Происходит из комплекса XIV в.

Вариант 4 (рис. 10, 7) – две концентрические окружности с восемью радиальными перемычками. От варианта 2 отличается выпуклостью в центре (1 экз.). Четкой археологической даты не имеет, найдено в верхней части заполнения ямы домонгольского периода. Отличается подсыпкой мелкого слюдянистого песка.

Вариант 5 (рис. 10, 8) – две концентрические окружности, соединенные округлыми перемычками, в центре – точка (1 экз.). Найдено в позднем слое.

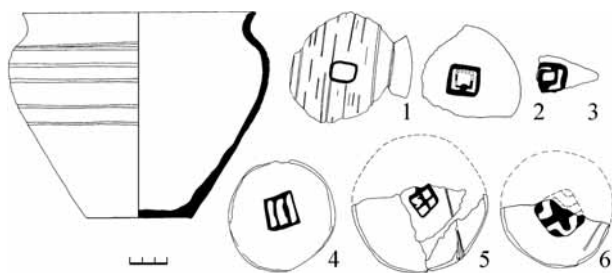

Рис. 11. Клейма группы II (типы 15, 16, 17, 18)

1 – № 111_11; 2 – № 1440_11; 3 – № 1139_08;
4 – № 435_11; 5 – № 1037_08; 6 – № 325_07

Вариант 6 (рис. 10, 9, 10) – две concentric окружности, соединенные разветвляющимися перемычками (3 экз.). Одно клеймо связано с верхней частью заполнения ямы домонгольского периода, два найдены в слое XV–XVI вв. Все днища сформованы на зольной подсыпке. Аналогии находятся в материалах поселений Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIV в. (Кадиева, 2007б. С. 175, 177. Рис. 2, 10).

Вариант 7 (рис. 10, 11, 12) – две concentric окружности с перемычками, образованными округло-продолговатыми прорезями (2 экз.). Одно происходит из комплекса XIII – начала XIV в. (рис. 10, 11) и одно – из комплекса XV–XVI вв. (на подсыпке мелкого песка) (рис. 10, 12).

По-видимому, большую часть оттисков типа 13 следует относить ко второй половине XII – началу XIV в.

Tun 14 – concentric окружности с несколькими рядами перемычек (2 экз. – рис. 10, 13, 14). Различаются два варианта.

Вариант 1 (рис. 10, 13) – в виде трех окружностей с двумя рядами прямых перемычек. Клеймо четкой даты не имеет (на зольной подсыпке?). Близкие оттиски находим в материалах Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIV в. (Кадиева, 2007б. С. 175, 177. Рис. 2, 9). Одно клеймо – в материалах XIII в. Неревского раскопа Новгорода (Хижняков, 2002. С. 138, 142, 146. Рис. 1. Табл. 1, 3), а также Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 214. Рис. 133). Опираясь на аналогии, можно предположить датировку этого варианта в пределах середины XII – начала XIV в.

Вариант 2 (рис. 10, 14) – в виде трех окружностей с несколькими рядами перемычек, образованными округло-продолговатыми прорезями (круг с прорезями). Четкой археологической даты не имеет. Оттиск найден в верхней части заполнения ямы XIV–XV вв. Поставлен на под-

сыпке песка или песка с дрсевой, что, возможно, указывает на его более позднюю дату (вплоть до XV–XVI вв.).

Группа II

Tun 15 – прямоугольник (1 экз. – рис. 11, 1). Представлен единственным вариантом – прямоугольник со скругленными углами. Найден в позднем мешаном слое, подсыпка не зафиксирована. В Новгороде клейма подобного типа датируются X–XIII вв. (Хижняков, 2002. С. 138, 143, 147. Рис. 1. Табл. 1, 3). Тверской оттиск, вероятно, относится к периоду от середины XII до XV в.

Tun 16 – прямоугольники, вписанные один в другой (2 экз. – рис. 11, 2, 3). Различаются два варианта.

Вариант 1 (рис. 11, 2) – с одной перемычкой между прямоугольниками. Донце гладкое, с отдельными зернами крупной дресвы на поверхности.

Вариант 2 (рис. 11, 3) – с двумя перемычками между прямоугольниками. Клеймо на песчаной подсыпке.

Оттиск в виде вписанных прямоугольников найден на Неревском раскопе в Новгороде и датирован XII в. (Хижняков, 2002. С. 138, 142, 147. Рис. 1. Табл. 1, 3). Тверские клейма данного типа связаны с более поздними комплексами и предварительно отнесены к XV в. Найдены на обоих посадах.

Tun 17 – прямоугольник с линиями внутри (1 экз. – рис. 11, 4). Представлен единственным вариантом: прямоугольник разделен двумя параллельными линиями. Клеймо (на зольной подсыпке) зафиксировано на донце целого горшка из постройки конца XIII – первой трети XIV в. Аналогичное клеймо известно в материалах поселений Северо-Восточной Руси, где датируется второй половиной XII–XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 175, 182. Рис. 3, 24).

Tun 18 – прямоугольник с вписанным крестом (2 экз. – рис. 11, 5, 6). Различаются два варианта.

Вариант 1 (рис. 11, 5) – с четырехконечным крестом из прямых линий. Клеймо на зольной подсыпке. Связано с комплексом XIV в. Подобного типа квадратное клеймо в материалах поселений Северо-Восточной Руси датируется в пределах второй половины XII–XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 175, 182. Рис. 3, 25).

Вариант 2 (рис. 11, 6) – с четырехконечным широколопастным крестом и дополнительным декором (окончания двух лопастей скруглены, как и углы прямоугольника, в них – дополнительные выпуклости). Клеймо на дне плошки, изготовленной из придонной части разбитого горшка (край

выровнен и обточен). Найдено в частокольной канавке XV–XVI вв. Зафиксирована подсыпка песка (или песка с дресвой), что вполне соответствует датировке комплекса, в котором сделана находка (несмотря на вторичное использование сосуда). Аналогии не найдены.

Группа III

Тип 19 – свастика (1 экз. – рис. 12, 1). Представлен вариантом, где знак повернут против часовой стрелки, концы отогнуты под прямым углом. Донце гладкое. Связано с комплексом середины – второй половины XIII в. (Загородский посад). В Новгороде подобные клейма датируются X–XII вв. (Хижняков, 2002. С. 139, 144, 147. Рис. 2. Табл. 1, 3). На поселениях Северо-Восточной Руси встречены в материалах второй половины XI – конца XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 181). Аналогичное клеймо из Москвы (раскопки в Историческом проезде) найдено в постройке с дендродатой 1248 г. и датируется серединой – второй половиной XIII в. (Чернов, 1991. С. 22–23, 92. Табл. 29).

Тип 20 – четырехконечный крест (3 экз. – рис. 12, 2–4). Представлен единственным вариантом – крест из прямых линий. Один оттиск (на зольной подсыпке) связан с комплексом XIV в. (рис. 12, 2), другой (на подсыпке песка или песка с дресвой) следует относить к комплексу второй половины – конца XVI в. (рис. 12, 3). Третий – на донце кубышки из светложгущейся глины XVIII – первой половины XIX в. (рис. 12, 4).

Клейма в виде простого четырехконечного креста в Новгороде и на Северо-Востоке Руси датируются в пределах от X–XI до XIII в. (Хижняков, 2002. С. 139, 144, 147. Рис. 2. Табл. 1, 3; Кадиева, 2007б. С. 175, 177. Рис. 3, 2, 4–5). Клеймо подобного типа известно в Дмитрове, где датируется XV–XVI вв. (Панченко, 2007. С. 202. Табл. 2).

Группа IV

Тип 21 – двузубец (3 экз. – рис. 13, 1–3). Различаются два варианта.

Вариант 1 (рис. 13, 1, 2) – двузубец прямоугольных очертаний с вертикальными зубцами и вертикальной ножкой (2 экз.). Оба экземпляра найдены в границах одной ямы домонгольского периода, но в верхней части ее заполнения. Донца гладкие, с небольшой зольной подсыпкой в центре.

Придонная часть горшка с аналогичным двузубцем найдена на раскопе № 11 в Тверском кремле в срубе с дендродатами 1330–1360 гг. (строительный горизонт 6). Этот вариант двузубца детально исследован С.В. Белецким (2001. С. 199–200.

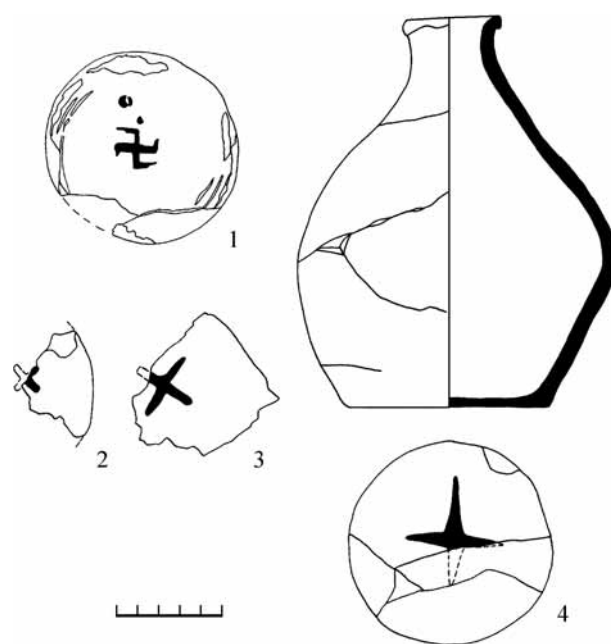

Рис. 12. Клейма группы III (типы 19, 20)

1 – № 1476_11; 2 – № 1021_08;
3 – № 1033_08; 4 – № 171_11

Рис. 7). Он указывает аналогии на гончарных клеймах XII–XIII вв. из Киева, Дорогобужа, Вышгорода, Изяславля, городища Осовик (летописный Заруб), на пломбах из Дрогичина и Ладоги, плинфе из храма на Протоке в Смоленске (конца XII – начала XIII в.), обращается к золотоордынским монетам (на них тамга в виде простого двузубца чеканилась в XV в), в итоге считая двузубец одним из «общерусских знаков» XII–XIII вв., принадлежавших великим князьям. Подобного типа клеймо из Ярополча Залесского (Пирогово городище) датируется XII – серединой XIII в. (Кадиева, 2007а. С. 131; 2007б. С. 182–183. Рис. 6, 1). Так что дата двузубцев, найденных на Затымачье, скорее всего, не выходит за пределы XII–XIII вв., вероятнее, середины XII – первой половины XIII в.

Пытаясь установить владельца тверского знака, С.В. Белецкий делает заключение, что «двузубцы в XII–XIII вв. были отличительным признаком потомков Владимира Мономаха, так что владелец знака в тверском гончарном клейме наверняка принадлежал к Мономашичам» (Белецкий, 2001. С. 200). Е.К. Кадиева, изучая геральдические клейма Северо-Восточной Руси, пришла к выводу, что подобные знаки точно не атрибутируются и к началу XIII в. гончары «просто копировали княжеские знаки с различных документов, не учитывая их родовую принадлежность» (Кадиева, 2007б. С. 185–186).

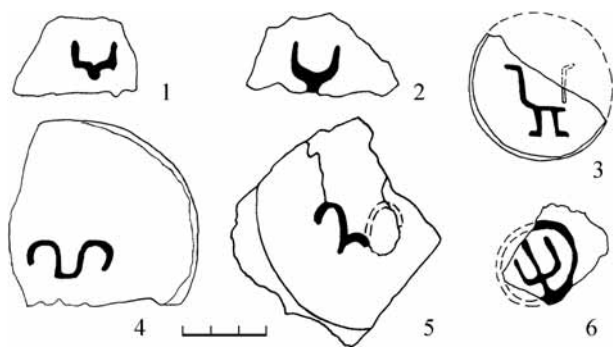

Рис. 13. Клейма группы IV (типы 21, 22, 23)

1 – № 192_09; 2 – № 190_09; 3 – № 315_08; 4 – № 1406_11;
5 – № 856_10; 6 – № 330_07

Вариант 2 (рис. 13, 3) представлен единственным оттиском, верхняя часть которого выполнена в виде двузубца прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами, а нижняя часть оформлена в виде двух ножек, концы которых также отогнуты наружу. Тверское клеймо выполнено аккуратно и четко на гладком донце сосуда из беложгущейся глины, но найдено в поздней фундаментной траншее.

Оформление верхней части двузубца позволяет соотносить тверской оттиск с клеймами из Владимира (где подобный тип был широко распространен), Ярополча Залесского и Суздаль из словес конца XII – первой половины XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 182–183). Что касается оформления нижней части в виде раздвоенного основания, то оно перекликается с находками из Новгорода. Среди гончарных клейм это тип 101, который, к сожалению, не датирован (Хижняков, 2002. С. 139. Рис. 2). Среди других находок – княжеский знак на одном из деревянных цилиндров, служивших одновременно замками и пломбами для сохранения ценностей (Янин, 1982. С. 140. Рис. 1). Двузубец, имеющий раздвоенный отрог снизу, В.Л. Янин считает тамгой князя Мстислава Изяславича (1057–1067 гг.) (Янин, 1982. С. 149–151).

Таким образом, идентичные варианту 2 оттиски пока неизвестны. Его датировка, надо полагать, не выходит за пределы второй половины XII – начала XIV в.

Тип 22 возможно, сопоставим с типом «птичка» по классификации Е.К. Кадиевой (2007б. С. 183–184. Рис. 6, 25). Представлен единственным вариантом (2 экз. – рис. 13, 4, 5), напоминающим двузубец прямоугольных очертаний,

но зубцы заканчиваются полукружьями. Одна находка связана с комплексом XIV в. (гладкое), другое – с комплексом второй половины XIV – рубежа XIV–XV вв. (подсыпка не определена). Аналогичное клеймо происходит из Новгорода, где датируется XIV в. (Хижняков, 2002. С. 139, 141, 144, 147. Рис. 2. Табл. 1, 3). На Северо-Востоке Руси клейма в виде «птички» в целом датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 184).

Наиболее вероятная дата клейм типа 22 – XIV в. Оба оттиска происходят с раскопок Загородского посада.

Тип 23 – трезубец (1 экз. – рис. 13, 6). Представлен единственным вариантом – трезубец прямоугольных очертаний, заключенный в окружность. Происходит из комплекса XIII – начала XIV в. (подсыпка зольная?). Сходно с двумя новгородскими клеймами типа 104.1, где не исключено, трезубец также был в окружности, что еще более их сближает. Однако новгородские клейма датированы X в. (Хижняков, 2002. С. 139, 144, 147. Рис. 2. Табл. 1, 3). Более близки хронологически тверскому оттиску клейма из Ростова – второй половины XII в., Владимира – второй половины XII – начала XIII в., Пирова селища и Усть-Шексны – второй половины XII – середины XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 184).

Группа V, подгруппа А

Тип 24 – изображения в виде отпечатка птичьей лапки (17 экз. – рис. 14). Большинство рисунков выполнено в схематичной манере, но некоторые (рис. 14, 9–11) передают даже анатомические особенности отпечатка птичьей лапки на грунте или на снегу (Ошмарин, Пикунов, 1990. С. 114, 117. Рис. 57, 60)³. Почти половина донцев – гладкие, по четыре экземпляра – на зольной подсыпке и на подсыпке мелкого песка, два – песка и дресвы. Условно все изображения разделены на два варианта: вариант 1 – без ножки (6 экз.), вариант 2 – с ножкой-основанием (11 экз.).

Наиболее ранние происходят из слоя XIV в. (рис. 14, 1), из постройки рубежа XIV–XV – начала XV в. (рис. 14, 3) и из комплекса XIV–XV вв. (рис. 14, 2). Остальные клейма (14 экз.) найдены в комплексах XV–XVI вв. и поздних слоях, один оттиск относится к комплексу второй половины XVI в. (рис. 14, 11). Пять клейм с птичьей лапкой обнаружены в одной яме (Затьмацкий посад,

³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность доктору биологических наук В.И. Николаеву за оказанную помощь.

раскоп № 85, материковая яма 176). Интересно, что среди них нет двух одинаковых (рис. 14, 4–6, 9, 10).

Отгиски с птичьей лапкой нечасто, но уже встречались в Твери. Опубликовано подобное клеймо из постройки XIV – рубежа XIV–XV вв. на Затямацком посаде Твери (Краснофлотская наб., раскоп 1989 г.) (Попова, Синева, 1993. С. 144. Рис. 1, 2).

Таким образом, на основании имеющихся материалов можно сделать предварительный вывод, что в Твери клеймо с рисунком отпечатка птичьей лапки появляется в XIV в. и используется вплоть до XVII в. Особенно популярно оно на Затямацке. Однако к XVI–XVII вв. птичья лапка на клеймах превращается в «лапу», о чем свидетельствуют наиболее поздние отгиски данного типа (рис. 14, 12–14).

Датировка сходных знаков в Новгороде укладывается в X–XIV вв. (Хижняков, 2002. С. 139–141, 144, 147. Рис. 2. Табл. 1, 3). На Северо-Востоке Руси они датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в. (Кадиева, 2007б. С. 184–185), на памятниках Верхнего Подонья – второй половиной XIII–XIV в. (Тропин, 1996. С. 120–121. Рис. 3, 19). В. Ю. Коваль связывает появление подобного изображения на клеймах Ростиславля Рязанского в XIV в. с притоком населения из Верхнего и Среднего Подонья в золотоордынскую эпоху, указывая аналогии «птичьей лапке» кроме этого региона еще на Северском Донце и в русских кварталах золотоордынских городов (Коваль, 2002. С. 133).

Заметим, что единого мнения об этих изображениях не существует. Е. К. Кадиева «птичью лапку» считает специфической формой геральдических клейм – стилизованным трезубцем (Кадиева, 2007б. С. 184–185). В. Ю. Коваль относит «птичью лапку» к самостоятельной группе силуэтных зооморфных изображений (Коваль, 2002. С. 128–129). О. И. Хижняков объединяет их с трезубцами (Хижняков, 2002. С. 139–140. Рис. 2).

Здесь уместно вспомнить, что рассматриваемый знак использовался очень широко и не только гончарами. К примеру, в Новгороде он широко применялся для меток на рыболовных принадлежностях (Маракулин, 2009. С. 394). Известно, что в XVI–XVII вв. и позже подобные клейма (иногда в окружности) ставились на охотничьем оружии (арбалеты и огнестрельное оружие). Считается, что традиция ставить такое клеймо исходит от соколиной охоты, где лапа хищной птицы играла главную роль: след сокола обеспечивал удачу.

Тип 25 – изображение фигурки животного (1 экз.) (рис. 15, 1). Представлен единственным

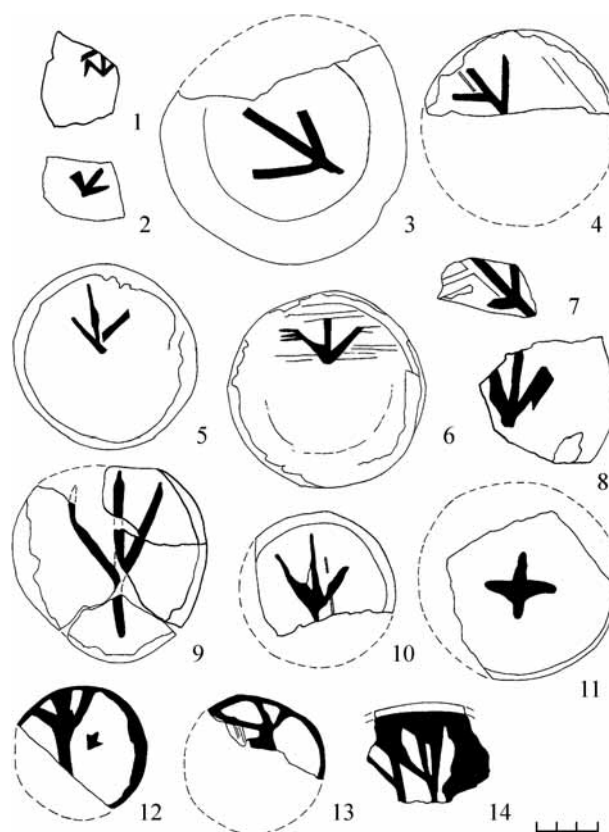

Рис. 14. Клейма группы V (тип 24)

1 – № 1001_10; 2 – № 260_09; 3 – № 1104_08;
4 – № 665_08; 5 – № 590_08; 6 – № 634_08; 7 – № 64_07;
8 – № 303_10; 9 – № 1076_08; 10 – № 341_08;
11 – № 191_09; 12 – 1233_08; 13 – № 1050_08; 14 – 1213_08

вариантом – силуэт четвероногого животного вписан в окружность. По размерам и сюжету клеймо напоминает круглые штампы на поливных сосудах. В выпуклую окружность (с внутренним диаметром 4,5 см и внешним 5,5 см) вписано изображение четвероногого зверя влево с длинным, поднятым вверх и изогнутым к спине хвостом с пышным треугольным окончанием. Нельзя исключить, что сюжет мог быть позаимствован из символики тверских монет. К сожалению, клеймо нечеткое, выполнено на песчаной подсыпке. Связано с комплексом конца XV – XVI в.

Группа V, подгруппа Б

Тип 26 – клейма, имитирующие пряжки (4 экз. – рис. 15, 2–5). Все донца данного типа – на зольной подсыпке. Различаются четыре варианта.

Варианты 1–3 (рис. 15, 2–4) напоминают круглые пряжки с язычком, в частности, вариант 3 – кольцевидную фибулу. Время распространения кольцевидных фибул (по Новгороду) – середина XII – конец XIV в. (Седова, 1981. С. 87, 89.

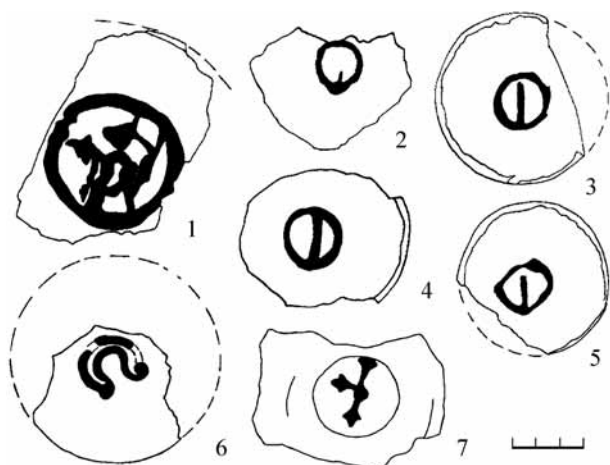

Рис. 15. Клейма группы V (типы 25–28)

1 – № 993_08; 2 – № 433_07; 3 – № 1466_11; 4 – № 930_10;
5 – № 1022_08; 6 – № 1122_08; 7 – № 453_07

Рис. 31, 8,9). Клеймо варианта 1 происходит из слоя XV–XVI вв., но следы зольной подсыпки указывают на его более раннюю дату. Клеймо варианта 2 – из ямы второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв.; клеймо варианта 3 – из слоя XIV в. Оттиски, подобные варианту 3, известны на памятниках Верхней Оки (Серенск и Козельск), но, к сожалению, не датированы (Болдин, 2012. С. 67, 101. Рис. 33, 7, 63, 1). Опубликовано несколько подобных оттисков, найденных на городище Слободка (Никольская, 1987. С. 171. Рис. 81, 17, 18, 23). Датировка их не уточнена.

Вариант 4 напоминает поясную пряжку с язычком (рис. 15, 5), имеющую с одной стороны подпрямоугольные очертания, с другой – округлые, язычок расположен по диагонали. Клеймо на зольной подсыпке, связано с комплексом XIV в.

Таким образом, можно предположить, что верхняя дата бытования оттисков данного типа не выходит за пределы XIV в.

Tun 27 – изображение креста-тельника (1 экз. – рис. 15, 7). Клеймо выполнено на зольной подсыпке, найдено в слое, перекрывавшем домонгольскую яму. На оттиске узнаваем реально существовавший тип крестов-тельников с трехлепестковыми криновидными окончаниями. Он довольно широко распространен и известен с домонгольского времени до XIV–XV вв. (Макаров, Захаров, 2003. С. 139. Рис. 7, 5; Энговатова, Коваль, 2007. С. 76. Рис. 6, 9; Седова, 1981. С. 51, 54. Рис. 16, 8, 13; Чернов, 2004. С. 267, 284. Рис. 1, 25, 1; Богомолов и др., 2012. С. 372, 376. Рис. 2, 2). Учитывая совпадение размеров крестика на клейме (2,5 x 3,5 см) и размеров новгородских крестов, указанных

М. В. Седовой, можно предположительно отнести клеймо данного типа к XIV–XV вв.

Tun 28 – изображение подковы (или подковообразного предмета) – один экземпляр (рис. 15, 6). Связан с комплексом XVI в. (дно гладкое). Аналогии не найдены.

Группа VI

Tun 29 – буква «Ж» (4 экз. – рис. 16, 1–4). Все клейма этого типа найдены на Затымачье. Различаются два варианта по начертанию буквы.

Вариант 1 (2 экз.) – с книжным написанием буквы (рис. 16, 1, 2). Оба донца гладкие, подсыпки не зафиксированы. По-видимому, из-за сильной вогнутости донцев не пропечатаны окончания линий, отходящих от осевой. На одном клейме около осевой линии поставлена точка. Клеймо с точкой происходит из комплекса второй половины XII – первой половины XIII в., второе найдено в заполнении ямы XV–XVI вв., куда попало, скорее всего, из разрушенного раннего комплекса. Аналогии варианту 1 не найдены, но палеографические данные подтверждают раннюю археологическую дату (Черепнин, 1956. С. 154, 155).

Вариант 2 (2 экз.) – с раздельным начертанием, когда буква состоит из трех, не соединяющихся друг с другом частей (рис. 16, 3, 4). Клейма на зольной подсыпке. Одно связано с постройкой XIV в., второе найдено на контакте с предматериковым слоем и может датироваться в пределах второй половины XII–XIV в. Датировку варианта 2 позволяют уточнить палеографические данные. По мнению Т. В. Рождественской, подобное написание буквы характерно для надписей и берестяных грамот второй половины XIII – первой половины XIV в. (Рождественская, 2001. С. 211). Аналогичное начертание мы видим в азбуке, процарапанной на каменном топоре из раскопа № 11 в Тверском кремле, который происходит из строительного горизонта 6, датированного 1333–1364 гг. (Рождественская, 2001. С. 214).

Tun 30 – буква «Н» (1 экз. – рис. 16, 5). Небольшой по размеру (в отличие от предыдущих) знак расположен строго в центре дна, при изготовлении использована зольная подсыпка. Четкой археологической даты не имеет. Происходит с Затымачья.

Подобное написание буквы находим на обугленной берестяной оплетке горшка из ямы рубежа XIV–XV – первой половины XV в. раскопа № 85 на Затымачье (Кобозев, 2009. Т. 3. С. 37. № 813), а также на предметах с надписями из раскопа № 11 в Тверском кремле: на кресте-энколпоне XII – первой половины XIII в., на золотом

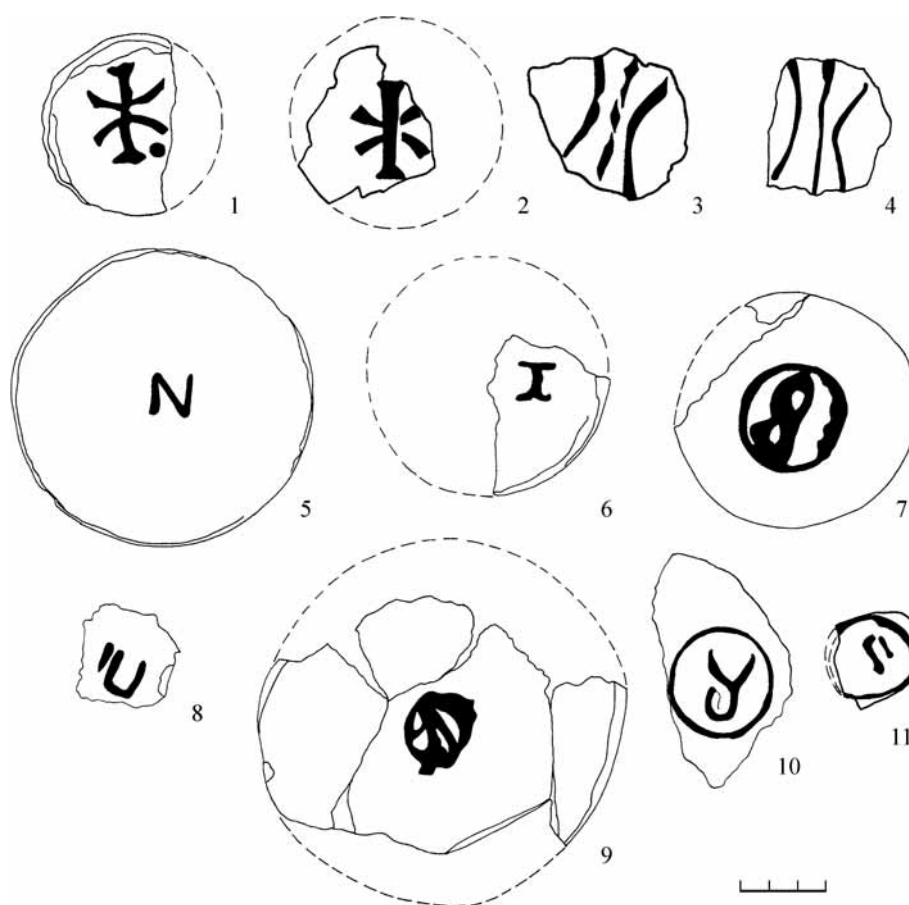

Рис. 16. Клейма группы VI (типы 30–36)

1 – № 418_08; 2 – № 667_08; 3 – № 545_07; 4 – № 1035_08; 5 – № 241_07; 6 – № 1251_08;
7 – № 1004_11; 8 – № 1272_11; 9 – № 272_08; 10 – № 90_11; 11 – № 427_07

кресте-энколпионе XIV в., на фрагментах гончарного сосуда XIV в. (*Рождественская*, 2001. С. 210–211. С. 213. Рис. 1).

Аналогичное клеймо известно среди находок на Пировом селище, где датируется XII – началом XIII в. Граффити с подобными знаками обнаружены на стенках сосудов первой трети XIII в. из Владимира (*Кадиева*, 2007а. С. 135. Рис. 2, 28; 2007б. С. 186. Рис. 7, 28). В Новгороде подобные клейма датируются XI–XIII вв. (*Хижняков*, 2002. С. 139, 147. Рис. 2. Табл. 3). Вообще, в Новгороде такие знаки очень популярны, часто встречаются на рыболовных принадлежностях (поплавках, грузилах) и «на других предметах из бересты, дерева, глины, железа» (*Маракулин*, 2009. С. 393).

Вероятно, клеймо данного типа следует относить к периоду от середины XII до первой половины XV в.

Тип 31 – буква «Т» (рис. 16, 6). Единственный экземпляр найден на Затъмачье, происходит из столбовой ямы XV в., прорезавшей предмате-

риковые отложения. Донце со следами зольной подсыпки, знак смещен к краю, заметно раздвоенное основание буквы. Подобный символ имеется на горшке из постройки 30-х годов XIII в. раскопа № 9 в Тверском кремле: он также смещен от центра дна к краю, однако вместе с ним на донце размещен еще так называемый угол (*Кобозева*, 1997. С. 117. Рис. 7). В Новгороде клейма в виде буквы Т датируются XII в. (*Хижняков*, 2002. С. 139, 147. Рис. 2. Табл. 3).

Предварительно данный знак датирован широко – серединой XII – первой половиной XV в. Учитывая аналогии, можно полагать, что в дальнейшем его датировка будет уточнена.

Тип 32 – в виде буквы «В» (1 экз. – рис. 16, 7). Найден на Загородском посаде. Знак вписан в окружность и, возможно, выполнен в зеркальном отражении. Клеймо на зольной подсыпке. Происходит из позднего слоя. В Новгороде подобный оттиск не имеет четкой даты (*Хижняков*, 2002. С. 139, 147. Рис. 2. Табл. 3). Предварительно

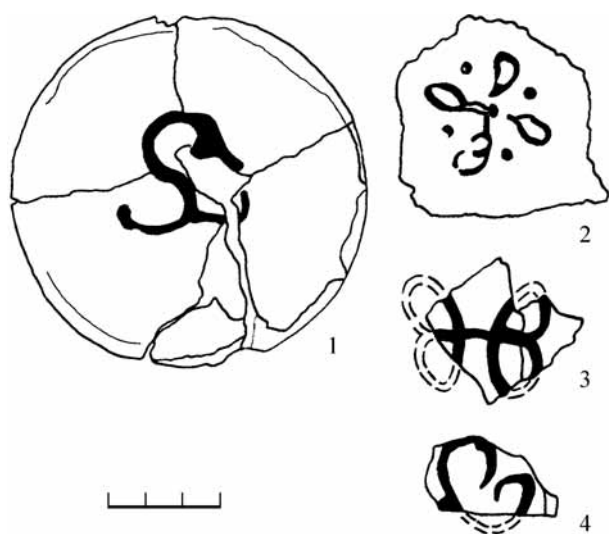

Рис. 17. Клейма группы VII (типы 37, 38)

1 – № 1089_08; 2 – № 515_08; 3 – № 907_10; 4 – № 234_09

клеймо данного типа отнесено к периоду от середины XII до первой половины XV в.

Тип 33 – в виде буквы «П» (1 экз. – рис. 16, 8). Найден на Загородском посаде. Происходит из комплекса второй половины XIV – рубежа XIV–XV вв. Подсыпка не определена. Аналогии не найдены.

Тип 34 – знак, напоминающий букву «А» (1 экз. – рис. 16, 9). Вписан в окружность, возможно, выполнен в зеркальном отражении. Дно гладкое. Происходит из комплекса конца XIV–XV в. на Затьмачье. Аналогии не найдены.

Тип 35 – знак, напоминающий букву «У» (1 экз. – рис. 16, 10). Найден на Загородском посаде. Клеймо на зольной подсыпке, из-за этого нечеткое. Происходит из позднего слоя. Такое написание буквы не характерно для Средневековья. Аналогии оттиску не найдены. Вероятно, клеймо данного

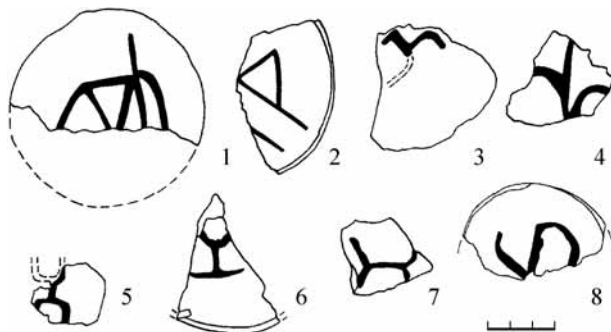

Рис. 18. Клейма, не вошедшие в какую-либо группу

1 – № 678_08; 2 – № 728_10; 3 – № 396_07; 4 – № 412_08;
5 – № 1016_08; 6 – № 210_08; 7 – № 541_07;
8 – № 1479_11

типа следует предварительно датировать в пределах от середины XII до первой половины XV в.

Тип 36 – знак, который можно определить как букву «Л» или «П» (1 экз. – рис. 16, 11). Происходит с Затьмацкого посада. Донце гладкое, найдено на контакте с предматериком, может датироваться в пределах второй половины XII – XIV в. Аналогии оттиску не найдены.

Группа VII

Тип 37 – фрагмент растительного выюнка (1 экз. – рис. 17, 1). На донце горшка (со следами зольной подсыпки в центре) перенесен широко распространенный в средневековой орнаментике элемент. Четкой археологической даты не имеет: вероятно, донце попало в позднюю яму с керамикой XII–XIV вв. Сходный знак имеется на клейме из Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 215. Рис. 134).

Тип 38 – розетка, орнаментальный мотив в виде стилизованного распустившегося цветка (3 экз. – рис. 17, 2–4). Представлен тремя вариантами.

Вариант 1 (рис. 17, 2) – крестообразная розетка с точками между лепестками. Происходит из позднего слоя. Гладкое, возможно, с небольшой зольной подсыпкой. Напоминает оттиски из Суздаля (второй половины XI – середины XIII в.) и Владимира (начала XIII в.) (Кадиева, 2007б. С. 178–179. Рис. 4, 17). Вероятно, датировка клейма не выходит за пределы второй половины XII – первой половины XV в.

Вариант 2 (рис. 17, 3) и вариант 3 (рис. 17, 4). Донца гладкие (в одном случае, возможно, была зольная подсыпка), оба происходят из поздних слоев, четкой археологической даты не имеют. Оттиски напоминают «розетку с расходящимися линиями» (Кадиева, 2007б. С. 178). От домонгольских розеток Суздаля, Владимира и Ярополча Залесского отличны, во-первых, перемычкой в центре, соединяющей части розетки, во-вторых, окончаниями линий (у варианта 2 окружности смыкаются, у варианта 3 линии на концах закругляются, не образуя окружности).

Часть клейм не вошли ни в одну из описанных выше групп. Они представлены на рисунке 18.

Все изложенные выше наблюдения по хронологии типов и вариантов клейм отражены в таблице 3. На сегодняшний день для многих изображений предложены широкие даты, будущие исследования и новые находки позволят их уточнить.

Клейма на донцах гончарных сосудов наносились в Твери с XII по XIX в. Наибольшее разнообразие типов (около двух десятков) приходится

Тип. Вариант	2-я пол. - кон. XII - нач. XIII в.										XIII в.										2-я пол. - кон. XIII - нач. XIV в.										XIV в.										2-я пол. - кон. XIV - нач. XV в.										XV в.										кон. XV - XVI в.										XVI в.										2-я пол. - кон. XVI - нач. XVII в.										1-я пол. - сер. XVIII в.										2-я пол.- кон. XVIII - 1-я пол. XIX в.									
1																																																																																																														
2.1																																																																																																														
2.2																																																																																																														
2.3																																																																																																														
3.1																																																																																																														
4																																																																																																														
4.1																																																																																																														
5.1																																																																																																														
6.1																																																																																																														
6.2																																																																																																														
6.3																																																																																																														
7.1																																																																																																														
7.2																																																																																																														
7.3																																																																																																														
7.4																																																																																																														
8.1																																																																																																														
8.2																																																																																																														
8.3																																																																																																														
8.4																																																																																																														
9.1																																																																																																														
10.1																																																																																																														
11.1																																																																																																														
12.1																																																																																																														
13.1																																																																																																														
13.2																																																																																																														
13.3																																																																																																														
13.4																																																																																																														
13.5																																																																																																														
13.6																																																																																																														
13.7																																																																																																														
14.1																																																																																																														
14.2																																																																																																														
15.1																																																																																																														

Тип. Вариант	2-я пол. - кон. XII - нач. XIII в.										XIII в.										2-я пол. - кон. XIII - нач. XIV в.										XIV в.										2-я пол. - кон. XIV - нач. XV в.										XV в.										кон. XV - XVI в.										XVI в.										2-я пол. - кон. XVI - нач. XVII в.										1-я пол. - сер. XVIII в.										2-я пол. - кон. XVIII - 1-я пол. XIX в.										Без даты									
16.1																																																																																																																								
16.2																																																																																																																								
17.1																																																																																																																								
18.1																																																																																																																								
18.2																																																																																																																								
19.1																																																																																																																								
20.1																																																																																																																								
21.1																																																																																																																								
21.2																																																																																																																								
22.1																																																																																																																								
23.1																																																																																																																								
24.1																																																																																																																								
24.2																																																																																																																								
25.1																																																																																																																								
26.1																																																																																																																								
26.2																																																																																																																								
26.3																																																																																																																								
26.4																																																																																																																								
27.1																																																																																																																								
28.1																																																																																																																								
29.1																																																																																																																								
29.2																																																																																																																								
30.1																																																																																																																								
31.1																																																																																																																								
32.1																																																																																																																								
33.1																																																																																																																								
34.1																																																																																																																								
35.1																																																																																																																								
36.1																																																																																																																								
37.1																																																																																																																								
38.1																																																																																																																								
38.2																																																																																																																								
38.3																																																																																																																								

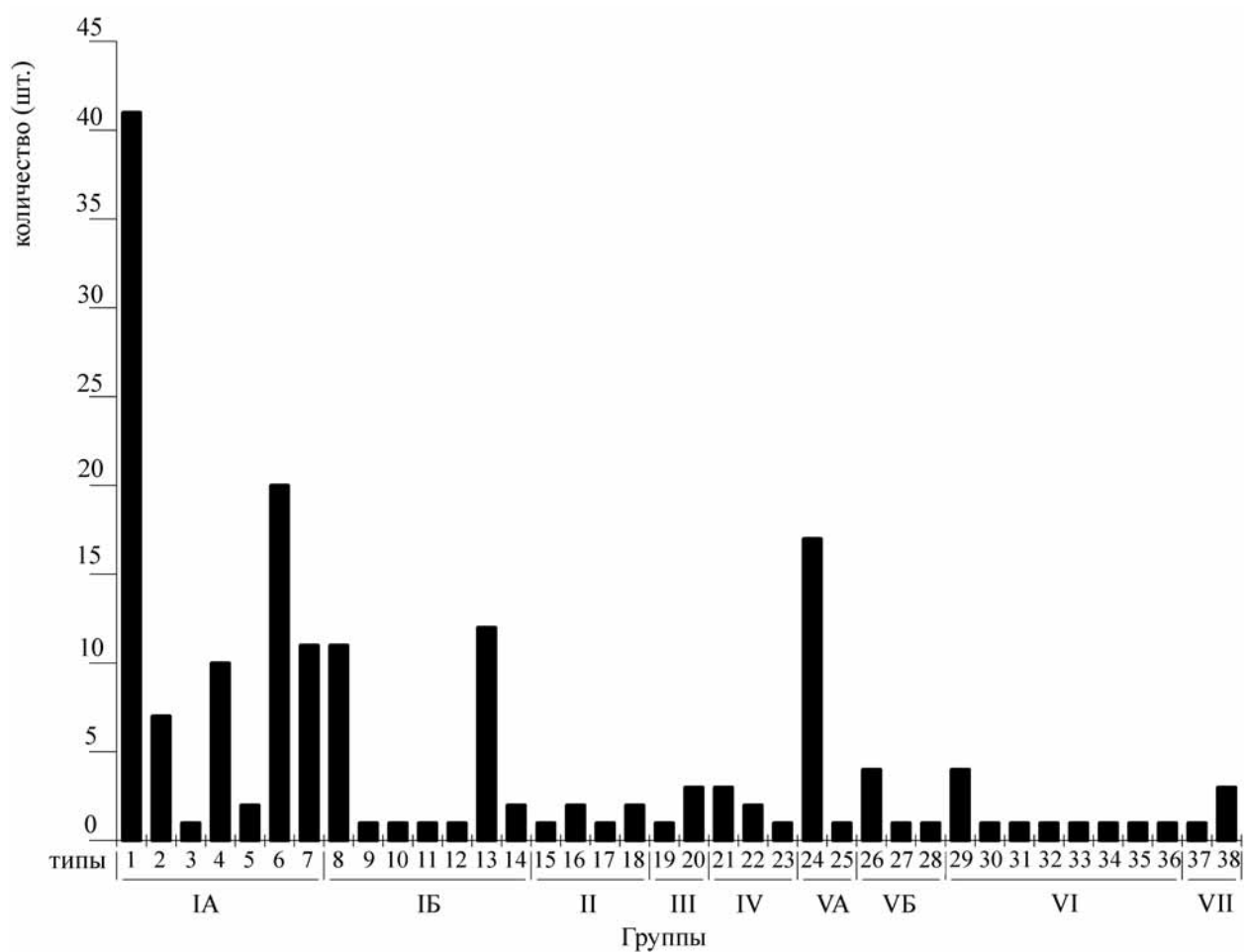

Рис. 19. Количественное распределение клеев по типам

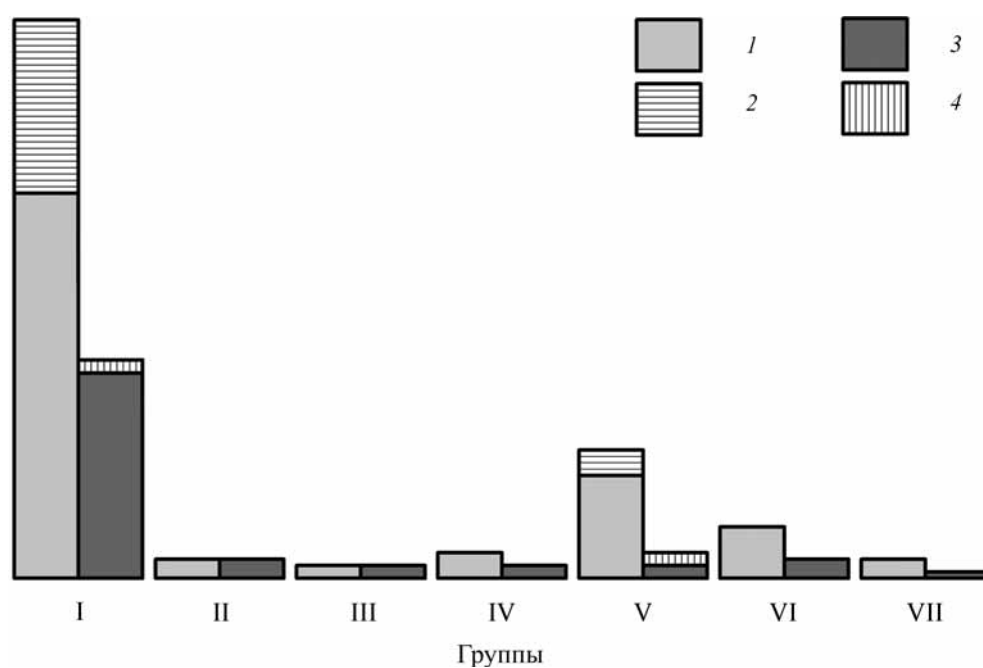

Рис. 20. Состав коллекций раскопов Затымацкого и Загородского посадов

1, 2 – Затымацкий посад; 3, 4 – Загородский посад. Сплошной заливкой обозначена подгруппа А, штриховками – подгруппа Б

на XIII–XIV вв. Со второй половины XIV – начала XV в. их количество идет на убыль. Традиция клеймения практически сходит на нет во второй половине XVI – начале XVII в. Это, по всей вероятности, связано с резким сокращением населения Твери после «государева погрома» и событий Смутного времени. Для этого периода зафиксированы четыре типа оттисков. Сосуды с клеймами пользовались спросом и в XVIII – первой половине XIX в. В это время сохраняются оттиски четырех типов, причем явно доминирует окружность с вписанным крестом. Отметим, что все поздние клейма являются продолжением традиций предыдущих веков, среди них нет новых типов.

Несколько преждевременным представляется выделять на данном этапе типы клейм, характерные только для Твери. Во-первых, надо понимать, что привлеченный материал – это лишь небольшая часть накопленного за 30 лет раскопок (с начала 1980-х годов). Во-вторых, круг аналогий тверского материала очень обширен и недостаточно изучен.

Если рассматривать количественную составляющую типов (рис. 19), то следует сказать, что в исследуемом материале наибольшим числом представлены (по убывающей): тип 1 (одиночная окружность), тип 6 (окружность с вписанным крестом), тип 24 (птичья лапка), тип 13 (концентрические окружности с перемычками), тип 7 (окружность с радиусами), тип 8 (концентрические окружности). Все они хорошо известны по материалам других памятников. Количество оттисков остальных типов варьируется в пределах десятка и зачастую представлено единичными экземплярами. Интересно, что в тверском материале относительно много буквенных изображений – 11 (за пять лет раскопок на двух посадах). Сравним: О.И. Хижняковым опубликовано 18 клейм с буквенными знаками. Они получены за 55 лет раскопок в Новгороде (1932–1987 гг.). Е.К. Кадиевой опубликовано семь клейм, происходящих с памятников центральных районов Северо-Восточной Руси: Суздаль, Пирогово селище, селище Весь, Усть-Шексна (Хижняков, 2002. С. 141; Кадиева, 2007б. С. 186).

Сравнительный анализ состава коллекций Затямачья и Загородья (рис. 20), позволяет сделать следующие выводы. Все семь групп клейм так или иначе представлены как на Затямачье, так и на Загородских раскопках, т.е. в целом коллекции гончарных клейм этих раскопок по составу сходны. По-видимому, это объясняется тем, что значительная часть исследуемого материала

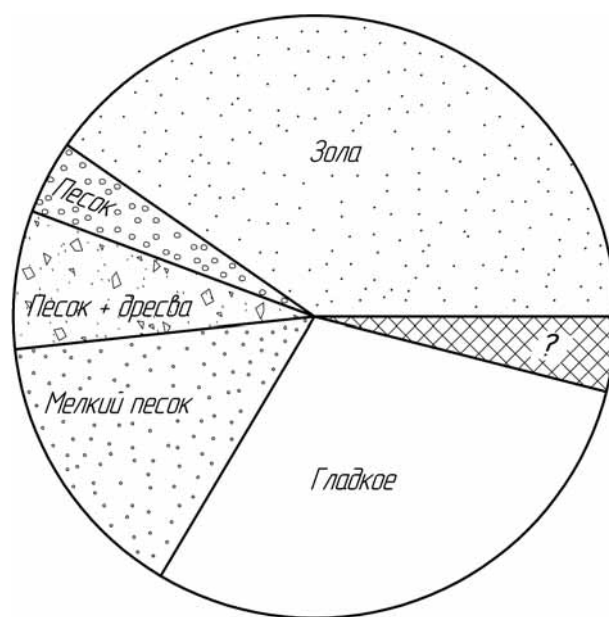

Рис. 21. Подсыпки на донцах с клеймами

находится в одинаковом хронологическом диапазоне от середины XII до XVII в. Однако на Загородских раскопках № 146 и № 154 коллекция клейм дополнена поздними образцами из комплексов XVIII–XIX вв., отсутствующими на Затямацком раскопе № 85. Обращает на себя внимание незначительное количество в материалах раскопок Загородского посада клейм на основе концентрических окружностей (группа I, подгруппа Б) и внутри этой подгруппы – полное отсутствие типа 13 (две концентрические окружности с перемычками), в то время как на Затямачье эти клейма весьма популярны. Подавляющее большинство клейм типа 24 (группа V, подгруппа А) – «птичья лапка» – также найдено на Затямачье.

Исследованные донца с клеймами делятся на три большие группы по зафиксированным на них подсыпкам (рис. 21). Доминируют донца со следами зольных подсыпок – примерно 40%. Вторая по количеству группа – гладкие – примерно 30%. В нее вошли донца без каких-либо следов подсыпок, сюда же отнесены днища, утратившие эти следы в процессе использования. Третья группа – донца с подсыпками песка – примерно 26%. Внутри последней группы более половины составляют подсыпки мелкого песка и примерно треть – подсыпки с добавлением дресвы. Для 4% донцев подсыпка не определена.

В процессе работы удалось наметить хронологические изменения в применении тех или иных видов подсыпок при клеймении днищ. Так, донца

из домонгольских комплексов носят следы зольных подсыпок либо гладкие. Эта традиция сохраняется до XV в., хотя в комплексах XIV в., по нашим наблюдениям, донца с зольной подсыпкой преобладают.

Песчаные подсыпки появляются в комплексах XIV–XV вв. Но в целом они характерны для поздних клейм. Так, подсыпка мелкого песка (часто мелкого слюдянистого) получает распространение в XV–XVI вв. и применяется до XVIII–XIX вв.

Подсыпки с добавлением дресвы зафиксированы только на донцах XV–XVI вв., вероятнее даже конца XV – XVI в. Их появление, возможно, следует связывать с московским влиянием на тверское гончарство после 1485 г. Эту мысль подтверждают аналогии с дмитровской керамикой, где в XV–XVI вв. клейма ставились преимущественно на днища с подсыпкой дресвы (Панченко, 2007. С. 204). Примечательно, что при этом совпадают еще и основные типы клейм (окружность с вписанным четырехконечным крестом, окружность с восемью радиусами).

Хочется остановиться еще на одном технологическом моменте. Интересное наблюдение сделал исследователь тобольских клейм XVII в. И. В. Балюнов: «В большинстве случаев рисунки клейм выражены не очень четко, контуры частично смазаны или плохо отпечатаны» (Балюнов, 2010. С. 75). Для тверских клейм это тоже характерно: отдельные линии или даже все изображение целиком как бы двоится, нарушена симметрия, рисунок

клейма нечеткий, сбит. «Сбойные» оттиски характерны для типов 4, 6 (варианты 1 и 3), 7 (вариант 2), 24 (вариант 2) (рис. 5, 10; рис. 6, 5, 10; рис. 7, 7; рис. 8, 3; рис. 10, 1; рис. 14, 7, 14). По-видимому, это явление связано с определенными изменениями технологического процесса в XV–XVII вв.

Итак, в результате проведенного исследования:

- установлено, что клеймение гончарной посуды в Твери доживает до XVIII–XIX вв., даже несмотря на существование двух гончарных заводов и отсутствие гончаров-кустарей в перечне ремесленников города на 1784 г. («Генеральное соображение...», 1991. С. 60). В этой ситуации в Твери аналогична ситуация в Дмитрове, где архаичные технологии и традиции сохранялись вплоть до XX в.;

- намечены хронологические различия в распространении типов и вариантов тверских клейм;

- выявлены основные направления изменений технологических традиций при клеймении днищ, в частности зафиксированы хронологические изменения подсыпок;

- проведен сравнительный анализ коллекций гончарных клейм Затымацкого раскопа № 85 и Загородских раскопов № 146 и № 154.

Привлеченный материал, несмотря на то что он достаточно представительен, охватывает не все многообразие типов тверских клейм – их список должен расширяться с публикациями материалов других раскопов. Работа по систематизации и хронологии тверских клейм, безусловно, требует продолжения.

Литература

Балюнов И. В., 2010. Тобольские гончарные клейма XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (13).

Белецкий С. В., 2001. Предметы с изображениями тамгообразных знаков из раскопок в Тверском Кремле // Тверской Кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.

Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.

Болдин И. В., 2012. Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н. э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга.

Васильева Н. Б., 2007. Средневековые гончарные клейма (по материалам раскопок на ул. Бурмагиных, 20) // Археология Вологды: история и современность. Вологда.

Генеральное соображение по Тверской губернии... 1783–1784 гг. // Тверская старина. Вып. 1. Тверь, 1991.

Гоняный М. И., Кокорина Н. А., Свирина А. Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Тр. ГИМ. Вып. 82. М.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Жилина Н. В., 1996. Тверской клад 1903–1906 гг. (украшения со сканью и зернью) // ТТЗ. Вып. 1. Тверь.

Кадиева Е. К., 1996. Клейма на круговых сосудах из Ростова Великого как источник развития города (XI – начало XIV в.) // ТТЗ. Вып. 1. Тверь.

Кадиева Е. К., 2007а. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // КСИА. Вып. 221.

- Кадиева Е. К., 2007б. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.
- Каменецкая Е. В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. V. М.
- Князева Н. А., 2007. Гончарные клейма средневекового Владимира (из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // АВСЗ. Вып. 1. М.
- Кобозев Ю. А., 2008. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Затымацкого посада г. Твери в 2007 г. / Архив ИА РАН.
- Кобозев Ю. А., 2009. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Затымацкого посада г. Твери в 2008 г. / Архив ИА РАН.
- Кобозев Ю. А., 2010. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Затымацкого посада г. Твери в 2009 г. / Архив ИА РАН.
- Кобозева Е. В., 1997. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском Кремле // ТТЗ. Вып. 2. Тверь.
- Кобозева Е. В., 2011. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Загородского посада г. Твери в 2010 году (ул. Рыбачья). Раскоп 146 / Архив ИА РАН.
- Кобозева Е. В., 2012. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории бывшего Загородского посада г. Твери в 2011 году (ул. Советская, 51). Раскоп 154 / Архив ИА РАН.
- Кобозева Е. В., Сафарова (Дашкова) И. А., 1996. Керамическая коллекция из комплекса второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв. на территории Затымацкого посада г. Твери // ТТЗ. Вып. 1. Тверь.
- Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., 2003. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Макарова Т. И., 1967. Поливная посуда: из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М. (САИ. Вып. Е 1–38).
- Маракулин В. А., 2009. Знаки на предметах сетевого лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород.
- Мартынов А. И., Шер Я. А., 2002. Методы археологического исследования. М.
- Никольская Т. Н., 1987. Городище Слободка. М.
- Ошмарин П. Г., Пикунев Д. Г., 1990. Следы в природе. М.
- Панченко К. И., 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М.
- Попова Л. А., Синева Т. В., 1993. Керамический комплекс из постройки Затымацкого посада древней Твери // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.
- Рождественская Т. В., 2001. Надписи на предметах // Тверской Кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Сыроватко А. С., Черкасов В. В., 2010. Керамические комплексы XVI в. из Коломны и селища Романовское (о позднесредневековой коломенской традиции гончарного производства) // ТТЗ. Вып. 6. Тверь.
- Тропин Н. А., 1996. Древнерусская керамика XII–XIV вв. южных районов Рязанщины (по материалам селищ Казинка и Каменное) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань.
- Хижняков О. И., 2002. Новгородские гончарные клейма // ТТЗ. Вып. 4. Тверь.
- Черепнин Л. В., 1956. Русская палеография. М.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии Московской керамики XIII – середины XV вв. // МК. М.
- Чернов С. З., 2004. Селища на ручье Оржавец у деревни Лешково и особенности материальной культуры Радонежской волости в последней четверти XIII – первой половине XIV века // Археология Подмосковья. М.
- Энговатова А. В., Коваль В. Ю., 2007. Мякининский комплекс памятников археологии // АП. Вып. 3. М.
- Янин В. Л., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. М.

Ye. V. Kobozeva

**Tver potter's stamps from the excavations of 2007–2011
(on the materials from Zat'matsky Posad and Zagorodsky Posad)**

Summary

The article considers potter's stamps placed on the bottoms of the vessels, dating from the second half of the 12th – the first half of 19th centuries. The author publishes new finds from the excavations in the town of Tver. 176 of them are included into the classification. The samples were divided into 38 types. The greatest variety of the types is observed in the 13th – 14th centuries. Later the tradition to put the stamps on the bottoms of the vessels is gradually dying. Only 4 types of the stamps are saved to the 18th – 19th centuries. Tver

stamps have a wide range of the analogies. The collections of potter's stamps from Zat'matsky Posad and Zagorodsky Posad have much in common. But the collection from Zagorodsky Posad has a large number of the stamps of the 18th – first half of 19th centuries. The tradition of stamping the vessels was closely connected with the changes of the town's population in relation with certain historical events. This makes bottom stamps one of the interesting sources on the history of the medieval town.

П. Е. Русаков

Селище Жокино 1. Статистика керамики и хронология комплексов

При работе с археологическими материалами в малоизученных регионах неизбежно приходится сталкиваться с проблемой датирования памятников и отдельных комплексов. Для культурных слоев, изобилующих хорошо датированными индивидуальными находками, эта проблема стоит не настолько остро. Но в Рязанской области в большинстве случаев средневековые селища такой насыщенностью похвастаться не могут. Датированные находки встречаются редко, а массовый материал, прежде всего керамический, в каждом конкретном регионе требует тщательного самостоятельного исследования. Регион Михайловского поля, расположенный в западной части Рязанской области, раскопками исследовался очень мало (*Горбунов*, 1995. С. 626; *Журкин, Зарубин, Катогоцин*, 1961. С. 9; *Русаков*, 2005. С. 397–412). В 1953 и 1959 гг. здесь работала экспедиция под руководством А. Л. Монгайта (1961. С. 219–226). До наших дней сохранилась лишь керамическая коллекция из раскопок городища Жокино, проходивших в 1959 г. (более 1000 обломков), однако нет никаких сведений о принципах отбора материала в эту коллекцию. Нет и уверенности, что в нее попали все полученные в ходе раскопок материалы, что делает статистическую обработку керамики из этой коллекции малоперспективной с точки зрения выделения четких датированных признаков.

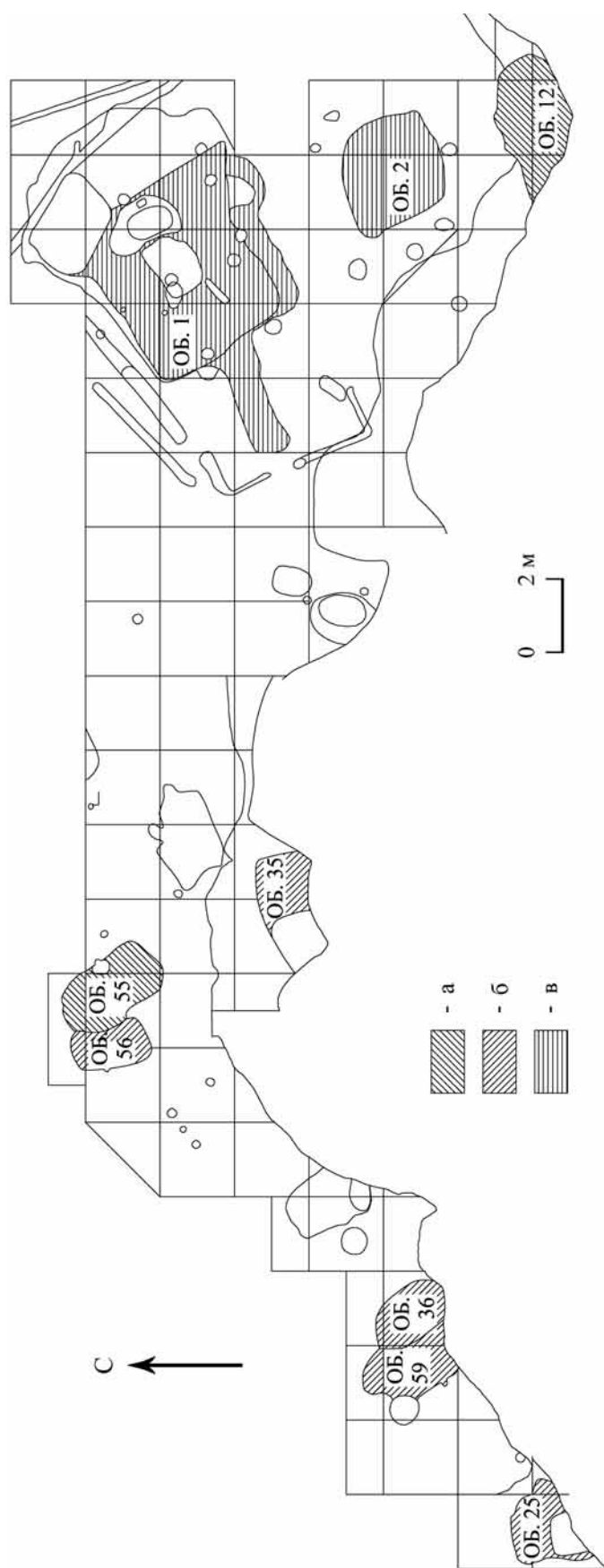
Гораздо больше возможностей открывают результаты раскопок последних лет (2006–2011 гг.), проводившихся на одном из прилегающих к городищу средневековых селищ – Жокино 1 (селище открыто в 1985 г. И. Л. Чернаем). Селище непосредственно примыкало к городищу и составляло

часть его посада. Культурный слой памятника подвергался распашке (*Русаков*, 2011). В толще этого слоя содержится преимущественно средневековый материал, но иногда встречается поливная керамика Нового времени. Ряд врезанных в материк ям содержал керамику, укладываемую в период с конца XII по XIV в. (рис. 1). Более точное определение таких комплексов затруднено, поскольку вещевых находок в них встречено немного и они не обладают узкой датировкой. Поэтому хронологизация комплексов осуществлялась по керамическим аналогиям из тех памятников, для которых разработана собственная хронологическая шкала. В большинстве случаев это аналогии из Ростиславля Рязанского, расположенного в 74 километрах к северо-северо-западу (*Коваль*, 1996; 2000).

Массовый керамический материал из раскопок селища Жокино 1 проходил статистическую обработку по системе В. Ю. Коваля (2004). Часть результатов уже опубликована (*Русаков*, 2012. С. 321–333), тогда же были сделаны общие наблюдения за особенностями использования этой системы применительно к материалам Михайловского поля. Приведем краткое описание системы обработки массового материала.

Весь материал распределяется на несколько условных групп керамики на основании серии признаков, которые можно зафиксировать визуально, т. е. без применения специальных приборов: наличие (или отсутствие) дополнительной обработки поверхности (лощение, ангоб); состав примесей в керамическом тесте; тип обжига; цвет, приобретенный глиной после обжига¹. К набору признаков,

¹ Типы обжига, цвет, приобретенный глиной после обжига, и их условные обозначения: восстановительный – КВО; восстановительно-окислительный или неполный окислительный – КВОО; полный окислительный – КОО; сильноожегленная/красноглинная – КГК; слабоожегленная/керамика переходной группы – КПП; неожегленная/белоглинная – БГК.

Рис. 1. Схема раскопа с хронологическим распределением комплексов

а – объекты с условно ранними комплексами; б – объекты с условно поздними комплексами;
в – многослойные объекты с несколькими комплексами, в которых условная хронология совпадает со стратиграфической

определяющих условную группу керамики, добавляется еще один – наличие включений слюды в тесте. Этот признак указывает на выбор источника сырья и, следовательно, на центр производства. В статистических таблицах наличие примеси слюды обозначалось литерой «а» при номере группы (табл. 1, 3–5).

После этого высчитывался коэффициент измельченности материала, соответствующий среднему весу одного обломка. Для этого взвешивалась вся керамика каждой из групп, полученные данные делились на количество фрагментов в группе. Чем выше значение коэффициента измельченности, тем в среднем крупнее керамические фрагменты в группе. Этот параметр был введен в надежде получить дополнительную информацию о хронологии групп. Логика расчетов состоит в том, что керамика, попадая в культурный слой, подвергается турбации, следовательно, постепенно измельчается, как в процессе формирования комплексов. Материалы, попавшие в культурный слой раньше, должны иметь меньший средний вес по сравнению с выпавшими в него позже. Поэтому коэффициент измельченности призван выявлять закономерности, связанные с хронологией материала. При статистической обработке керамики весовые характеристики больше нигде не использовались.

На следующем этапе для каждой из групп поштучно учитываются присутствующие в ней обломки различных типов донцев, венчиков (табл. 2; рис. 2) и орнаментированных стенок. Каждый обломок венчика (или донца) рассматривается как самостоятельная единица учета. Необходимо оговорить, что дальнейшие определения признаков по указанной программе проводились нами только для тех обломков керамики, площадь которых была не менее 4 кв. см. Для всех меньших по размеру фрагментов подсчитывалось только их общее количество. Сравнение количества «мелких» фрагментов в хронологически разных комплексах призвано дополнить данные коэффициента измельченности. Попытки выявить количество сосудов не делались, поскольку на данном этапе исследований эта информация, скорее всего, не найдет полезного применения.

В предыдущей работе были подведены итоги количественной обработки признаков керамики наиболее крупного комплекса – объекта 1 (Русаков, 2012). Для него характерна развитая стратиграфия, что сохраняет перспективу для выделения различных датирующих признаков в статистике массового материала. Было дано общее описание комплекса и суть изменений керамического мате-

риала в последовательно залегающих слоях объекта 1.

Была также сделана попытка упростить ход дальнейшей статистической обработки комплексов, объединив сходные керамические группы в несколько категорий. В одной категории должны были оказаться те группы, которые обладают сходными признаками и для которых в разных слоях объекта 1 характерны сходные показатели. Однако более тщательные наблюдения показали, что различные группы, включенные в одну категорию, имеют иногда разную динамику изменений в слоях объекта 1. Особенно хорошо это заметно на фоне дальнейших исследований, которые проводились уже относительно других объектов раскопа. Поэтому проведенное объединение групп в категории сейчас представляется преждевременным. Однако опыт выделения укрупненных категорий позволил выявить некий минимум различных технологий производства посуды, существовавших практически единовременно.

Все комплексы раскопа можно условно подразделить на малочисленные (менее 90 обломков керамики), средние (от 90 до 500 обломков) и крупные (от 500 и более). Малочисленные комплексы бесперспективны для получения статистически значимых результатов. Крупных комплексов всего три – это слои 1 и 2 в заполнении объекта 1 и материалы, происходящие из распаханного слоя памятника (табл. 3). Еще 11 комплексов можно отнести к категории средних. Это слои 3 и 4 объекта 1, слои 1 и 3 объекта 2 и по одному слою из других объектов, расположенных в разных частях раскопа.

Из названных комплексов лишь два можно воспринимать как условно закрытые – это наиболее ранние слои в объектах 1 и 2 (рис. 1). Обе эти материковые ямы связываются с бытовавшими над ними древнерусскими постройками. В обоих случаях стратиграфия позволяет считать часть заполнения ям единовременной засыпкой. В объекте 1 самый ранний слой (слой 4) сформировался либо еще во время существования древнерусской постройки, либо сразу после ее разрушения. Впоследствии он был перекрыт слоями 2 и 3, связанными с засыпкой этой материковой ямы (Русаков, 2011). В объекте 2 самый ранний слой (слой 3) был перекрыт почти стерильным слоем 2 – засыпкой, содержавшей лишь четыре обломка керамики.

Все остальные комплексы также не были затронуты распашкой, но и не перекрывались сверху консервирующими слоями. Явных признаков целенаправленной засыпки, в отличие от объектов

Таблица 1. Сводная статистическая таблица всей керамики раскопа.

№	Группы	Всего облом.		Донца					Венчики																				
		шт.	%	1	2/3	4/5	6/7	8/9	Всего	поздние (в Ростиславле)					ранние (в Ростиславле)								прочие						
										13/1	18/1	23/1	28/1	8/1	8/2	8/3	13/2	13/3	13/5	18/2	18/3	23/2	28/2	3/2	3/1	3/4	3/5	4/1	6/1
Без Д.О.П.																													
1	1.КОО.БГК	1846	27	-	4	35	104	-	231	7	33	66	29	3	9	7	4	7	1	12	3	25	3	-	2	4	-	1	-
2	1.КВОО.БГК	633	9,2	-	1	15	26	1	66	5	6	30	5	-	2	1	-	4	-	-	-	2	6	-	-	-	-	-	-
3	1а.КОО.БГК	712	10,4	-	1	20	40	-	58	3	6	25	4	-	-	4	-	5	-	5	1	8	1	1	-	2	-	-	-
4	1а.КВОО.БГК	36	0,5	-	-	-	3	-	4	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
5	1.КОО.КПГ	203	3,0	-	-	3	17	-	21	3	3	3	3	-	-	1	-	-	-	2	-	5	1	-	-	-	-	-	-
6	1.КВОО.КПГ	290	4,2	2	-	14	12	-	30	3	9	5	1	1	-	5	-	1	-	3	-	-	1	-	-	1	-	-	-
7	1а.КОО.КПГ	101	1,5	-	1	2	5	-	11	-	1	4	2	-	-	-	-	-	-	1	-	3	-	-	-	-	-	-	-
8	1а.КВОО.КПГ	235	3,4	-	-	6	8	-	26	1	4	10	1	-	-	4	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
9	1.КОО.КГК	24	0,4	-	-	-	-	-	4	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
10	1.КВОО.КГК	34	0,5	-	-	-	5	-	2	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	1а.КОО.КГК	45	0,7	-	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	1а.КВОО.КГК	89	1,3	-	-	4	4	-	6	-	3	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
13	1.КВОО.БГК	18	0,3	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
14	2,1.КОО.БГК	230	3,4	-	1	16	4	-	17	1	3	4	3	2	-	-	-	-	2	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
15	2,1.КВОО.БГК	184	2,7	-	-	16	4	-	20	-	3	13	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
16	2,1а.КОО.БГК	19	0,3	-	-	2	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	2,1а.КВОО.БГК	22	0,3	-	-	2	-	-	6	-	2	1	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-
18	2,1.КОО.КПГ	46	0,7	-	-	2	1	-	8	-	2	1	-	1	-	-	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	2,1.КВОО.КПГ	219	3,2	-	-	26	5	-	19	3	3	6	-	-	-	-	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
20	2,1а.КОО.КПГ	27	0,4	-	-	-	3	-	6	-	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
21	2,1а.КВОО.КПГ	69	1	-	-	9	3	-	10	-	1	3	2	-	1	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
22	2,1.КОО.КГК	77	1,1	-	-	6	2	-	10	1	2	2	-	-	3	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	2,1.КВОО.КГК	200	2,9	-	-	13	7	-	17	-	4	-	4	1	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	2
24	2,1а.КОО.КГК	86	1,3	-	-	5	5	-	8	-	5	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25	2,1а.КВОО.КГК	635	9,3	-	-	16	39	-	76	-	27	8	8	-	6	-	-	-	3	1	4	-	2	1	-	-	-	-	3
26	2,2.КОО.БГК	22	0,3	-	-	-	-	-	4	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
27	2,2.КВОО.БГК	67	1	-	-	4	1	-	11	-	-	3	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	-	-	-
28	2,2а.КОО.БГК	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
29	2,2а.КВОО.БГК	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
30	2,2.КОО.КПГ	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
31	2,2.КВОО.КПГ	73	1,1	-	-	5	3	-	10	2	3	1	1	-	1	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
32	2,2а.КОО.КПГ	7	0,1	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
33	2,2а.КВОО.КПГ	21	0,3	-	-	5	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
34	2,2.КОО.КГК	10	0,1	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
35	2,2.КВОО.КГК	67	1	-	-	4	1	-	12	-	4	5	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
36	2,2а.КОО.КГК	13	0,2	-	-	-	-	-	3	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
37	2,2а.КВОО.КГК	120	1,8	-	-	11	1	-	17	-	1	6	-	-	2	-	3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
38	2,7.КОО.БГК	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
39	2,8.КВОО.БГК	3	-	-	-	1	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
40	2,8.КОО.КГК	3	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	2,8.КВОО.КГК	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
42	2,3.КОО.БГК	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С Д.О.П. Белый ангоб																													
43	1а.КОО.КПГ	4	0,1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	1а.КОО.КГК	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
45	1а.КВОО.КГК	27	0,4	-	-	-	-	-	6	-	1	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
46	2,1.КВОО.КГК	8	0,1	-	-	1	-	-	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
47	2,1а.КОО.КГК	7	0,1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
48	2,1а.КВОО.КГК	43	0,6	-	-	6	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-
49	2,2.КВОО.КПГ	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
50	2,2.КВОО.КГК	8	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
С Д.О.П. Зеленая полива																													
51	1.КОО.БГК	21	0,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-
52	1а.КОО.БГК	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
53	Неопр. тип	224	3,3	-	1	2	5	-	20	-	7	5	2	-	-	-	-	1	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего		6845	100	2	10	255	311	2	763	29	141	208	74	9	35	24	4	28	4	43	11	52	19	5	7	7	1	1	9

Венчики										Миски		Кувшины		Орнаментированные фрагменты																		
прочие														Всего	лин.		волн.			смеш.			прочие типы									
12	17	12/1	12/2	18/4	23/3	2/1	••	44	другие						1, 2	3-5	6-11	12, 13	14, 15	4/7	4/13	4/15	4/?	4/14	4/26	27	58	29	4/8	60	другие	
Без Д.О.П.																																
-	-	-	1	1	2	-	-	2	1	(28/4)-1	2	1	945	63	831	1	12	15	-	10	5	-	1	-	2	2	1	-	-	(2/15/56)-2		
-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	269	18	234	-	3	7	-	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	(11/2)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	295	6	276	-	1	4	-	6	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	24	6	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(11/2)-2		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	92	5	68	-	2	7	-	1	-	6	-	-	2	-	-	-	-	(15/45)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	106	11	87	-	1	5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	(20)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	47	-	39	-	1	3	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	(33/3)-2	1	-	129	10	110	1	4	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	(20)-1, (4/27)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(38/1)-1	-	-	16	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	17	-	16	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27	4	22	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	34	2	30	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(28/5)-1	-	-	10	2	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(4/11)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	110	13	95	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	76	8	65	-	-	-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	(26)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(28/5)-1	-	-	23	4	16	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(26)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(16/2)-3	-	-	81	11	60	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	-	6	-	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27	6	17	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	41	2	37	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	(27/1)-2	-	-	92	1	87	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(34)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	48	-	47	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		
1	1	-	-	-	-	-	-	8	-	(33/3)-1	-	-	246	11	213	-	2	1	-	4	-	1	-	10	-	-	1	1	(29/4)-1, (4/24)-1			
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(31/1)-1	-	-	10	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	(28/5)-1	-	-	37	4	32	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	12	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(29/4)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(28/5)-1	-	-	24	2	22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	1	-	2	-	-	-	(28/5)-1	-	-	48	1	40	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(8/2)-1, (8/4)-3		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
С Д.О.П. Белый ангоб																																
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21	-	21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	-	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	(8)-1		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
С Д.О.П. Зеленая полива																																
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	87	7	73	-	1	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	(26)-2, (6/12)-1		
1	2	2	2	4	5	2	10	1	-	16	3	1	3064	204	2653	2	36	59	2	33	15	9	3	11	6	2	4	1	1	24		

Таблица 2. Типы венчиков и орнаментов в средних и крупных комплексах.

Комплексы		Всего фр-тов	Венчики																							
			всего	13/1	18/1	23/1	28/1	8/1	8/2	8/3	13/2	13/3	13/5	18/2	18/3	23/2	28/2	3/1	2/1	3/2	3/4	6/1	12	12/1	12/2	16/2
Объект 1	слой 1	1457	162	4	31	35	16	5	5	8	1	3	-	18	5	12	4	-	-	-	-	5	-	-	1	-
	слой 2	754	96	5	14	28	9	-	12	10	-	2	-	1	-	2	5	2	-	-	1	3	1	-	-	-
	слой 3	321	33	3	8	8	1	-	1	-	-	-	-	5	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	слой 4	176	19	-	-	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Объект 2	слой 1, 2	96	13	-	2	3	-	-	-	1	3	1	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	слой 3	93	4	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Объект 12		195	7	-	-	2	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
Объект 25		217	9	1	-	4	2	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Объект 35		204	12	2	2	3	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Объект 36		387	33	1	4	12	6	-	1	2	-	1	-	2	-	-	1	1	-	-	2	-	-	-	-	-
Объект 55		454	67	1	20	13	14	-	1	-	-	4	-	1	5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Объект 56		99	5	-	-	1	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Объект 59		208	21	-	5	3	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	3	2	-	-	-	-	1	-	-
Пашня		1331	148	7	33	43	7	3	5	2	-	7	3	5	1	11	3	-	-	2	-	1	-	1	1	4

1 и 2, тоже нет. Их заполнение могло формироваться не одномоментно, но, вероятнее всего, тоже в хронологически узкий период.

Статистика выявила, что во всех остальных крупных и средних комплексах ситуация с распределением материала по различным группам такая же, как в комплексах объекта 1. Выделяется значительное количество групп (55), но большинство из них не содержали и процента от общего количества материала. Была сделана общая статистическая таблица для всех крупных и средних комплексов. Из 51 группы однопроцентный рубеж превышали лишь 18 (в объекте 1 их было всего 15).

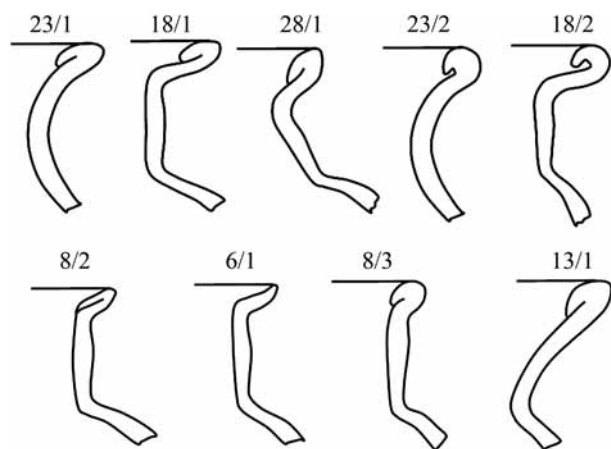

Рис. 2. Наиболее распространенные типы венчиков горшков

Как в объекте 1, так и в других крупных и средних комплексах, в этих 15–18 группах сконцентрировано 87% всего материала (минимальный показатель в одном из комплексов – 70%). Возможно, такая ситуация объясняется наличием разнообразной привозной посуды, изготовленной по другим технологиям из других формовочных масс. Например, следы ангоба на керамике с селища Жокино 1 встречены в единичных случаях, тогда как единственный (синхронный) комплекс из городища Ижеславль, обрабатывавшийся по той же методике, содержал значительное количество обломков ангобированной посуды. Эти два памятника находятся на расстоянии около 10 км друг от друга, поэтому можно предположить торговлю между соседними центрами производства посуды.

На активность местного товарообмена косвенно указывают следы международной торговли – на городище Жокино и окрестных селищах были обнаружены обломки средневековых амфор. Коллекция из раскопок А. Л. Монгайта содержит обломки амфор триллийской группы (по Волкову И. В.), а раскоп на селище Жокино 1 – преимущественно обломки амфор трапезундской группы. Такое различие может быть и случайным, поскольку количество этих материалов пока невелико. Для памятника, расположенного вдали от крупных речных магистралей, изобилие импорта говорит об общей активности торговых связей.

Венчики										Орнаментированные фрагменты																		
18/4	23/3	27/1	28/4	28/5	29	17	31/1	33/3	всего	лин.			волн.		лин. + волн.			прочие типы										
										1, 2	3-5	12, 13	14, 15	4/13	4/24	4/15	4/?	4/11	8/2	20	26	27	34	29	58	29/4	другие	
2	1	-	-	1	-	-	-	1	684	43	592	8	12	11	-	2	6	-	-	-	-	2	-	-	-	-	(60)-1, (8)-1	
-	-	-	-	1	-	-	-	-	381	19	329	8	11	6	-	1	2	-	-	1	1	-	-	-	1	-	(2/15/56)-2	
-	-	-	-	1	-	-	-	1	168	16	141	-	9	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	2	-	-	-	-	-	-	-	78	9	67	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(11/2)-2	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	39	1	35	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	27	-	27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	20	2	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	98	2	93	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	68	4	59	1	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
-	-	-	-	-	-	1	-	-	161	9	141	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	(4/8)-1	
-	-	-	-	-	8	-	-	-	220	17	184	2	1	6	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(4/26)-9	
-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	4	8	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	(11/2)-1	
-	-	2	-	1	-	-	1	-	103	7	82	-	3	1	-	-	-	-	1	-	3	-	-	2	-	1	(15/45)-1	
2	1	-	1	-	-	-	-	1	550	27	482	6	17	1	-	6	-	1	-	-	-	-	1	1	-	1	(4/26)-2	

Из упомянутых выше 18 групп керамики, в которых концентрируется материал, четыре содержали чуть более процента всех фрагментов (группы 5, 7, 31, 37), еще четыре – более 5% (группы 8, 21, 23, 24). Шесть групп достигали в некоторых комплексах 10% (группы 6, 12, 14, 15, 19, 22). И только четыре группы в некоторых комплексах составляли более 30% (группы 1, 2, 3, 25). Группы, содержавшие менее одного процента материала, в дальнейшей работе не привлекались.

Ключевую роль в этом исследовании сыграли наблюдения за поведением этих 18 основных групп в разных слоях объекта 1. Наиболее ранний слой (слой 4) представлен 176 обломками, но значительная часть из них относится к развалу крупного сосуда. Таким образом, выборка недостаточно репрезентативна для полноценных выводов о хронологии комплекса. После того, как древнерусская постройка в этом месте перестала существовать, ее углубленная в землю часть была засыпана. При этом частично использовались расположенные в непосредственной близости от нее массивы грунта, включая верхнюю часть материковых стенок ямы. С этой засыпкой связываются слои 2 и 3 в заполнении объекта 1. Они отличались разным количеством материала и различными цветовыми характеристиками, но при этом оба слоя продемонстрировали сходный состав массового материала. Различные группы керамики в этих двух комплексах представлены в сходных про-

порциях. Коэффициент измельченности у одних и тех же групп керамики в этих слоях сходный (табл. 5). Наборы венчиков, доминирующие типы донцев и орнаментов в обоих слоях также различаются несущественно. Видимо, слои 2 и 3 содержали хронологически единый материал. Они насчитывают 754 и 321 обломок соответственно.

Последним в заполнении объекта 1 сформировался слой 1, из которого происходит численно крупный комплекс (1457 фрагментов). Вероятнее всего, этот слой представляет собой грунт, постепенно накапливавшийся в образовавшейся на месте постройки западине. Параметры, сходные для материалов слоев 2 и 3, заметно отличаются в слое 1. Это касается и доли присутствия различных групп, и коэффициентов измельченности, и соотношения веса керамических и железных шлаков. Также немного различаются наборы доминирующих типов венчиков. Параметры донцев и орнаментов сходны с параметрами комплексов нижележащих слоев.

По сути, можно надежно сформулировать характерные признаки лишь для двух хронологических этапов формирования заполнения объекта: этапа единовременной засыпки материковой ямы и последующего постепенного заполнения западины, образовавшейся на месте постройки. Эти два этапа в массовом материале представлены 1075 и 1457 фрагментами соответственно. Такая численность массового материала минимизирует

Таблица 3. Процентное соотношение количественных показателей наиболее многочисленных групп. (Общий средний процент равен 7.)

№	Группы	Объект 1				Объект 2		Объект 12	Объект 25, сл. 1	Объект 35	Объект 36	Объект 55	Объект 56, сл. 1 и 2	Объект 59	Пашня
		сл. 1	сл. 2	сл. 3	сл. 4	сл. 1, 2	сл. 3								
1	1. КОО. БГК	38	25	30	26	27	9	18	21	40	26	14	20	21	23
2	1. КВОО. БГК	11	7	6	7	-	-	2	28	13	8	-	11	6	11
3	1а. КОО. БГК	5	13	20	52	20	27	13	7	1	8	16	3	1	12
5	1. КОО. КППГ	2	2	1	-	-	-	4	2	2	4	2	4	4	4
6	1. КВОО. КППГ	4	8	7	3	-	-	12	-	-	-	3	-	4	3
7	1а. КОО. КППГ	4	1	1	1	4	-	1	-	-	-	4	-	-	-
8	1а. КВОО. КППГ	7	6	4	-	6	9	2	-	2	2	-	-	1	5
12	1а. КВОО. КГК	1	1	1	-	-	13	1	1	5	-	-	-	1	2
14	2, 1. КОО. БГК	3	2	-	1	1	5	-	10	8	2	4	1	3	4
15	2, 1. КВОО. БГК	1	2	3	-	-	1	2	14	9	3	-	1	3	2
19	2, 1. КВОО. КППГ	2	3	4	-	-	-	-	4	-	6	5	11	8	3
21	2, 1а. КВОО. КППГ	1	3	-	-	7	9	2	-	-	1	-	-	1	-
22	2, 1. КОО. КГК	-	-	-	-	-	-	-	1	-	14	-	-	-	1
23	2, 1. КВОО. КГК	5	1	-	1	15	-	-	6	1	-	-	-	8	2
24	2, 1а. КОО. КГК	-	2	1	-	4	-	2	-	-	-	8	5	-	1
25	2, 1а. КВОО. КГК	3	9	5	-	-	3	30	-	3	9	32	25	1	9
31	2, 2. КВОО. КППГ	-	1	3	3	-	-	-	1	3	-	2	7	3	2
37	2, 2а. КВОО. КГК	2	2	3	-	3	-	4	-	2	3	4	-	6	1
Всего		89	88	88	94	88	76	91	95	88	86	92	88	70	85

влияние случайных факторов на его анализ. Преимущество четырехслойного объекта 1 заключается еще и в том, что он дает нам возможность наблюдать хронологические изменения в динамике, и эта динамика подтверждает, что различия в комплексах двух хронологических этапов не случайны.

Наиболее заманчиво в таких условиях выглядит перспектива выявления в комплексе позднего этапа четких маркеров, не существующих на раннем этапе заполнения объекта 1. Однако все рассматриваемые 18 групп керамики присутствуют как в отложениях раннего, так и позднего этапов. Также сходны наборы характерных типов венчиков, донцов и орнаментов – все существующие различия здесь связаны с единичными обломками. Так, среди донцов позднего этапа есть образцы типов 1, 8 и 9, а в более ранних слоях они отсутствуют; среди венчиков раннего этапа встречены типы 8/1, 13/2, 12/2 и 18/4, отсутствующие на позднем этапе. У орнаментированных фрагментов вообще нет существенных отличий. Доля волнистого орнамента везде очень невысока. Видимо, все заполнение объекта 1 формировалось в относительно короткий промежуток времени, укладывающийся в XIII в. И в течение всего этого периода все

18 наиболее многочисленных керамических групп археологизировались одновременно.

Из общей массы выделяются лишь две группы, доля которых увеличивается в наиболее позднем комплексе при одновременном увеличении коэффициента измельченности – это группы 5 и 23. Однако обе эти группы малочисленны, и в общей статистике их доля не превышает 5%. Само по себе их наличие в комплексе поздним признаком не является, а в средних по численности комплексах они могут быть недостаточно представлены для корректных хронологических выводов.

Похожую ситуацию демонстрирует группа 15, коэффициент измельченности которой от ранних слоев к поздним постепенно растет. Впрочем, доля этой группы в более поздних комплексах слегка уменьшается.

Для групп 2 и 8 характерно уменьшение коэффициента измельченности при одновременном увеличении доли их присутствия в более позднем комплексе. Аналогичны, но гораздо слабее выражены показатели группы 1. Прочие группы демонстрируют в большинстве своем иную динамику. В более ранних слоях их доля выше, чем в поздних, так же как и коэффициент измельченности.

Таблица 4. Процентное соотношение весовых показателей наиболее многочисленных групп. (Среднее значение равно 9; с учетом пашни – 8.)

№	Группы	Объект 1				Объект 25, сл. 1	Объект 36	Объект 55	Объект 56, сл. 1 и 2	Пашня (часть)
		сл. 1	сл. 2	сл. 3	сл. 4					
1	1. КОО. БГК	38	22	30	10	13	24	14	21	33
2	1. КВОО. БГК	12	6	6	6	23	6	-	12	9
3	1а. КОО. БГК	8	11	20	76	21	7	13	4	6
5	1. КОО. КПГ	4	1	-	-	1	7	2	5	6
6	1. КВОО. КПГ	6	9	7	1	-	-	3	-	6
7	1а. КОО. КПГ	3	-	1	2	-	-	3	-	-
8	1а. КВОО. КПГ	3	8	5	-	-	2	-	-	3
12	1а. КВОО. КГК	1	2	1	-	1	-	-	-	-
14	2, 1. КОО. БГК	2	1	-	1	10	3	5	1	3
15	2, 1. КВОО. БГК	2	1	2	-	14	4	-	1	2
19	2, 1. КВОО. КПГ	4	4	8	-	8	6	5	9	2
21	2, 1а. КВОО. КПГ	-	9	-	-	-	1	-	-	-
22	2, 1. КОО. КГК	-	-	-	-	1	-	-	-	1
23	2, 1. КВОО. КГК	8	-	-	-	5	-	1	-	2
24	2, 1а. КОО. КГК	-	2	-	-	-	-	8	3	-
25	2, 1а. КВОО. КГК	1	9	4	-	-	9	35	23	9
31	2, 2. КВОО. КПГ	-	-	3	2	1	-	1	13	1
37	2, 2а. КВОО. КГК	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего		91	85	87	98	98	69	90	92	83

Ярче всего это выражено у групп 3 и 25. Именно эти группы – одни из наиболее широко представленных в материалах раскопа.

Полученные разрозненные данные были сведены в таблицу процентного соотношения групп в разных комплексах (табл. 4), в результате чего стали заметны некоторые закономерности. Почти все крупные и средние комплексы раскопа имеют сходство либо с наиболее поздним слоем объекта 1, либо с его более ранними слоями 2 и 3. Предположим, что таким способом они делятся на условно ранние и условно поздние.

Для условно ранних комплексов характерно преобладание керамики группы 3 над группами 2 и 8, а также преобладание группы 25 над группами 23 и 15. Для условно поздних комплексов характерна обратная ситуация – доля групп 2, 8, 15 и 23 преобладает над группами 3 и 25. Опишем каждый из этих комплексов в соответствии с предложенным делением (табл. 3–5; рис. 1).

Объект 12. В массовом материале отчетливо выделяются группы 3 и 25, которые значительно доминируют над группами 2, 5, 15 и 23 (в соотношении 55/8). При этом заметную долю составляет группа 6. А везде многочисленная группа 1 представлена менее чем 20% материала. По своей структуре керамика объекта 12 близка раннему этапу формирования объекта 1.

Объект 25. В массовом материале четко выделяются группы 2, 5, 15 и 23, которые значительно доминируют над группами 3 и 25 (в соотношении 50/7). Группа 6 статистически минимальна. По своим пропорциям материал объекта 25 близок позднему этапу формирования объекта 1.

Объект 35. В массовом материале отчетливо выделяются группы 2, 5, 15 и 23, которые значительно доминируют над группами 3 и 25 (в соотношении 25/4). Группа 6 статистически минимальна. Группа 1 в этом комплексе достигает наивысшего показателя (40%). Соответственно, керамика

Таблица 5. Коэффициенты измельченности. (Среднее значение равно 12; с учетом пашни – 11.)

№	Группы	Объект 1				Объект 25, сл. 1	Объект 36	Объект 55	Объект 56, сл. 1 и 2	Пашня (часть)
		сл. 1	сл. 2	сл. 3	сл. 4					
1	1. КОО. БГК	7	10	11	7	9	10	13	10	9
2	1. КВОО. БГК	7	9	11	17	11	9	7	10	10
3	1а. КОО. БГК	10	9	11	28	40	10	11	12	10
5	1. КОО. КПГ	11	9	7	-	9	16	21	11	12
6	1. КВОО. КПГ	9	13	12	4	-	-	17	-	12
7	1а. КОО. КПГ	5	6	9	32	-	-	11	-	9
8	1а. КВОО. КПГ	3	14	13	-	-	9	-	-	13
12	1а. КВОО. КГК	3	15	8	-	10	-	-	-	-
14	2, 1. КОО. БГК	5	9	-	17	14	16	21	8	8
15	2, 1. КВОО. БГК	8	7	7	-	13	12	-	10	10
19	2, 1. КВОО. КПГ	13	14	21	-	26	12	13	8	9
21	2, 1а. КВОО. КПГ	1	31	-	-	-	20	-	-	-
22	2, 1. КОО. КГК	-	14	-	-	8	11	-	-	9
23	2, 1. КВОО. КГК	10	4	-	7	11	-	35	-	8
24	2, 1а. КОО. КГК	3	11	5	-	-	-	13	6	9
25	2, 1а. КВОО. КГК	1	11	9	-	-	10	15	8	10
31	2, 2. КВОО. КПГ	5	8	10	12	13	-	12	18	8
37	2, 2а. КВОО. КГК	2	14	10	-	-	12	14	-	10

объекта 35 близка материалу позднего этапа формирования объекта 1.

Объект 55. В массовом материале заметно выделяются группы 3 и 25, которые значительно доминируют над группами 2, 5, 15 и 23 (в соотношении 48/2). Повсеместно многочисленная группа 1 представлена в этом комплексе меньше, чем во всех остальных (14%). По своим пропорциям материал объекта 55 близок раннему этапу формирования объекта 1.

Объект 59. Отчетливо выделяются группы 2, 5, 15 и 23, которые доминируют над группами 3 и 25 (в соотношении 21/2). Группа 6 невелика. По своей структуре керамический комплекс объекта 59 близок позднему этапу формирования объекта 1.

Другие комплексы обладали менее выраженным сходством с «эталонными» пропорциями комплексов объекта 1. Но сходство тем не менее очевидно.

Слой 3 в объекте 2. Заметно выделяются группы 3, 8, 12, 21. О группах 8 и 12 сказать что-либо определенное трудно, поскольку они только в этом комплексе достигли таких высоких показателей. Чем выше процент материала в группе 3, тем ближе комплекс к раннему этапу формирования объекта 1. Группа 21 по составу определяющих ее признаков очень близка группе 25, доля которой тоже выше в условно ранних комплексах. А группы, доля которых увеличена в условно поздних

комплексах, напротив, в слое 3 объекта 2 присутствуют минимально. Поэтому этот комплекс имеет структурное сходство с ранним этапом формирования заполнения объекта 1.

Слой 1 в объекте 2. Имеется некоторое сходство с ранним этапом объекта 1 – это высокая доля керамики группы 3 при отсутствии групп 2 и 5. Но также есть и признаки позднего этапа объекта 1 – заметное присутствие группы 23 при отсутствии группы 25. В отличие от комплекса нижележащего слоя 3, этот комплекс ближе позднему этапу формирования заполнения объекта 1.

Объект 36. Аналогично верхнему слою объекта 2 этот комплекс обладает признаками, сходными как с ранним этапом объекта 1, так и с поздним. Группы 2, 5, 15 и 23 соотносятся с группами 3 и 25 как 15/17. Вероятно, этот комплекс синхронен верхнему слою объекта 2 и хронологически близок верхнему слою объекта 1.

Объект 56. Обладает ровно такими же признаками, как и объект 36, с незначительной разницей в процентах. Видимо, он также хронологически близок наиболее позднему слою объекта 1.

Комплекс распаханного культурного слоя, перебивавшего материковые ямы. Поскольку этот слой частично перемешан, весь материал из него рассматривался как один комплекс. Общее количество образцов керамики в нем 1331 шт., т.е. он относится

к крупным комплексам, хотя его информативная ценность стремится к нулю. В нем заметно выделяются группы 3 и 25, а группы 2, 5, 15 и 23 представлены несколько меньшим процентом материала. Соотношение между ними 21/19. По наличию определенных групп керамики и по их соотношению комплекс пахоты ближе всего к комплексу объекта 36. Это значит, что комплекс распаханного слоя сохраняет в себе черты как более ранних, так и более поздних комплексов. Для перемешанного культурного слоя эта ситуация является ожидаемой.

Полученные результаты нуждаются в самой тщательной проверке. Материалы объекта 1 указывают на то, что почти все 18 керамических групп существовали синхронно, и колебания их долей могут быть вызваны разновременным выпадением в культурный слой отдельных сосудов. Однако колебания показателей при таком разнообразии керамических групп не привели к бесконечно множественным вариантам соотношения групп в рамках каждого комплекса. Вариантов, напротив, оказалось мало. Протяженность раскопа при этом достигла 43 м, а сходные по пропорциям комплексы расположены в том числе на максимальном удалении друг от друга. Стратиграфические данные, увы, не везде дополняют наблюдения за структурой керамических комплексов. Так объекты 55 и 56 лишь соприкасаются друг с другом, и это не может помочь в выявлении их относительной хронологии. Аналогична ситуация с объектами 59 и 36. Надежной стратиграфией обладают только объекты 1 и 2.

Чтобы проверить достоверность статистики, составленной на основании поштучного подсчета обломков керамики, для некоторых комплексов был использован весовой параметр. Статистика групп, учтенных на вес, незначительно отличалась от данных поштучной статистики (табл. 4). Соотношение весовых показателей показало аналогичные

закономерности у тех же самых групп керамики, но таблица коэффициентов измельченности выглядит совершенно иначе (табл. 5).

Керамика групп 5 и 23 в наиболее ранних слоях объекта 1 более всего измельчена, а в более позднем слое 1 ее обломки становятся в среднем крупнее. У остальных групп коэффициент измельченности, напротив, уменьшается от ранних слоев к позднему. Это нормально для групп 3 и 25, которые можно предположительно воспринимать как ранние. Но в случае с группами 2 или 15 очевидно, что их высокий процент в наиболее позднем слое объекта 1 вызван причинами, пока не нашедшими объяснения.

Все наблюдения за коэффициентом измельченности показывают, что пока относительная хронология для средних и крупных комплексов существует лишь гипотетически. Она нуждается в дальнейшей разработке и перепроверке на других комплексах памятника. Характер материала позволяет думать, что средние и крупные комплексы формировались в относительно узкий, возможно, столетний период времени. Судя по датирующим индивидуальным находкам и керамическим аналогиям Ростиславля Рязанского, они укладываются в XIII в. Однако в настоящее время нет оснований как-либо соотносить условно ранние комплексы непременно с первой половиной XIII в., а условно поздние – со второй. Привязывать относительную хронологию комплексов, существующую сегодня гипотетически, к конкретным историческим периодам пока невозможно (рис. 1).

Важным представляется вывод о том, что изученный материал не содержит каких-либо признаков резкой смены производственных технологий в этот период. Нет оснований предполагать и значительную смену населения в это беспокойное время на территории памятника.

Литература

- Горбунов Б. В., 1995. Михайловское поле // Рязанская энциклопедия. Т. 1. Рязань.
- Журкин И., Зарубин В., Катогощин Б., 1961. Михайлов. Рязань.
- Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского // Тр. МИГМ. Вып. 9. М.
- Коваль В. Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Русаков П. Е., 2005. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля // Великое княжество Рязанское. М.
- Русаков П. Е., 2011. Исследования селища Жокино 1. Стратиграфия // АП. Вып. 7. М.
- Русаков П. Е., 2012. Исследования керамики селища Жокино 1 // АП. Вып. 8. М.

P. E. Rusakov

Pottery from excavations on settlement Zhokino 1 in the Ryazan region

Summary

The article continues a series of publications about research on settlement Zhokino 1. By ceramic analogies of Ryazan Rostislavl excavation materials mainly fit

into the narrow chronological period of the 13th century. Based on the statistics of mass material settles relative chronology for the largest complexes of this excavation.

В. С. Курмановский

Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): проблемы хронологии и классификации

Проблема хронологии и классификации керамики смоленского региона второй половины XIII–XVII в., а равным образом и более позднего времени в современной отечественной археологии стоит достаточно остро. В настоящее время можно констатировать существование фактически взаимоисключающих концепций систематизации и хронологии смоленской керамики эпохи развитого и позднего Средневековья. Первая из них была заложена исследованием Т.В. Сергиной, базирующимся на материалах строительных ярусов раскопа на ул. Соболева (в первую очередь УС–XI), имеющих достаточно надежную привязку к дендрохронологии. Суть ее вкратце можно сформулировать следующим образом. В середине XIII в. в Смоленске появляется новая форма сосудов, выделенная исследовательницей в качестве типа 5 и характеризующаяся венчиком на короткой шейке, с завернутым наружу краем, образующим на внешней стороне сосуда валик. Эта форма сосудов получает все большее распространение и к XV в. становится численно преобладающей. Этим же столетием датируется исчезновение сосудов со сложнопрофилированной формой венчика (типы 3 и 4 по типологии автора), а также ряд изменений, связанных с освоением тонких формовочных масс и гончарного круга быстрого вращения (Сергина, 2004. С. 61, 62).

Иная концепция керамики Смоленска рассматриваемого периода выработана исследователями, ведущими в последние годы охранные раскопки в городе (М.Г. Гусаков, Г.Н. Пронин, В.Е. Соболев). В монографии, посвященной раскопкам Пятницкого конца древнего Смоленска, авторы характеризуют горшки второй половины XIII – XV вв. серым цветом теста, высокой шейкой и преимущественно эсвидной формой венчика (Пронин, Соболев, Гуса-

ков, 2011. С. 97, 102). При этом следует отметить, что большинство форм сосудов, представленных на иллюстрациях и относимых авторами ко второй половине XIII – XV в., находят близкие аналогии в работе Е.В. Каменецкой, посвященной керамике Смоленска XII–XIII вв. (Каменецкая, 1976. С. 40–55. Рис. 1–3). Все горшки, изготовленные из теста красных оттенков, с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком (в частности, сходные с типом 5 по типологии Т.В. Сергиной) датируются XVI–XVII вв. (Пронин, Соболев, Гусаков, 2011. С. 102, илл. 86–88). При этом из текста работы и приведенной таблицы можно сделать вывод о значительной нарушенности культурных слоев в раскопе, поэтому датировку керамики авторы основывают не на ее стратиграфическом положении и вещевом контексте. Более того, именно керамика оказывается в ряде случаев основой для датирования слоев и сооружений (Пронин, Соболев, Гусаков, 2011. С. 23. Табл. 1. С. 30–33). Дальнейшее развитие данная концепция получила в статье М.Г. Гусакова «К вопросу о классификации смоленской керамики (по материалам раскопок 2008–2010 гг.)», (2012). В статье впервые рассмотрены массовые формы неполивной керамики XVII–XVIII вв. Выделены 10 типов горшков XI–XVIII вв., показано их распределение по пластам раскопа на ул. Студенческая, причем последние сопоставляются с хронологией строительных ярусов раскопа на ул. Соболева. Основания для данного сопоставления остаются неясными, а заявленная автором датировка пластов по керамике существенно расходится с датировкой сопоставимых ярусов (Гусаков, 2012. Табл. 1). Очевидные расхождения в определении хронологии бытования различных форм смоленской керамики с концепциями Т.В. Сергиной и Е.В. Каменецкой автором никак не комментируются.

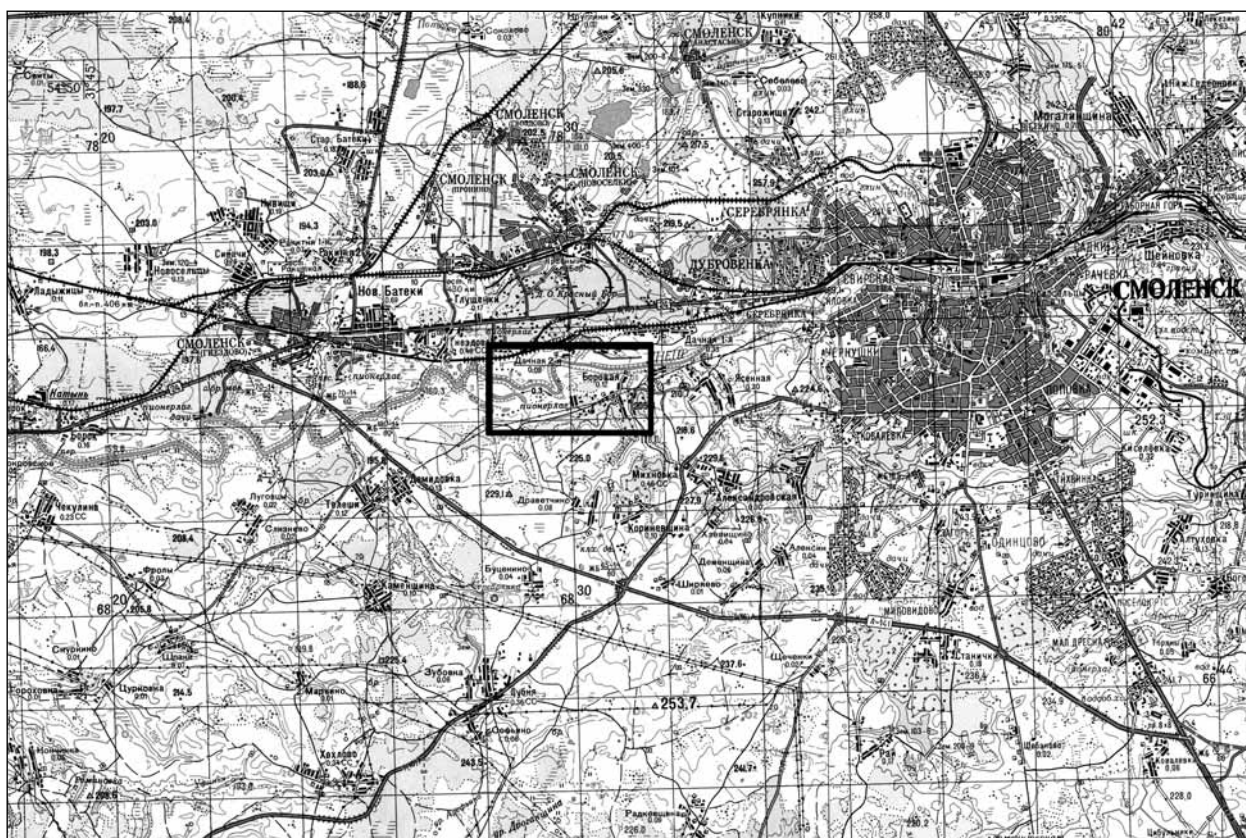

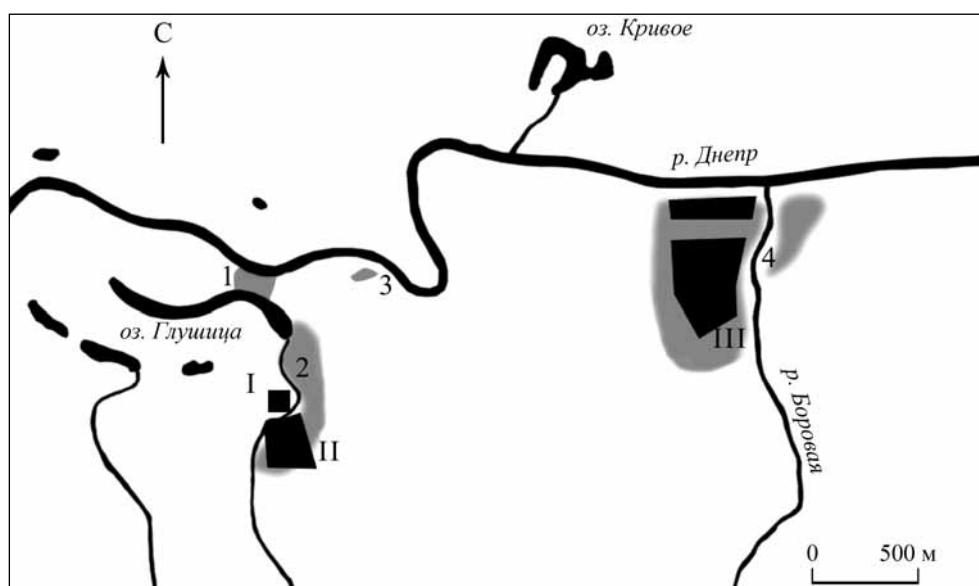
Рис. 1. Местонахождение Глушицкого археологического комплекса (выделено прямоугольной рамкой)

В связи с этим исследования керамики смоленского региона XIII–XVII вв. приобретают особую актуальность. Задачей настоящей работы является ввод в научный оборот, а также опыт первоначальной классификации и построения хронологии керамики поселений Глушицкого комплекса – археологических памятников XII–XVIII вв. в окрестностях Смоленска (рис. 1). Этот комплекс расположен на левом берегу Днепра, в 7–12 км к западу от г. Смоленска, близ д. Боровая Смоленского района, в непосредственном соседстве с Левобережной курганной группой Гнёздовского археологического комплекса и включает в себя четыре селища (Глушица 1–3 и Боровая), а также земляные фортификационные сооружения периода Смоленской войны 1632–1634 гг. На всех поселенческих объектах комплекса преобладающими являются материалы эпохи развитого и позднего Средневековья (рис. 2). Поселения комплекса на данный момент изучены неравномерно: на поселении Глушица 1 вскрыто более 100 кв. м, собран подъемный материал, осуществлена зачистка обнажения культурного слоя. На селище Глушица 2 вскрыто 16 кв. м, собран подъемный материал. Селища Боровая и Глушица 3 (последнее пред-

ставляет собой небольшое, очевидно однодворное, поселение) изучены на уровне сбора подъемного материала. Тем не менее представляется возможным на основе анализа накопленного материала сформулировать определенные выводы.

Культурный слой всех поселений слабо стратифицирован, поэтому для датирования археологического материала использовался анализ планиграфии и топографии поселений, датирующий вещевой материал, данные радиоуглеродного анализа и письменных источников, аналогичная керамика из датированных строительных ярусов раскопа УС–XI, опубликованная Т. В. Сергиной. Кроме того, в качестве аналогий рассматривалась керамика из городских раскопок в Смоленске: из раскопа на ул. Соболева (из фондов Смоленского музея), а также из раскопа у Нижне-Никольской церкви (из фондов ГИМ), позднесредневековая керамика из раскопок Гнёздова.

Отдельно следует остановиться на анализе данных письменных и картографических источников. Используя эти данные (в частности, из переписных материалов XVII–XVIII вв., а также планы Генерального межевания), удалось выявить периоды непрерывного существования поселенческих

Рис. 2. Ситуационный план поселений Глушицкого комплекса. Заливкой серым и арабскими цифрами показаны поселения, выявленные археологически; черными многоугольниками и римскими цифрами – селения на планах Генерального межевания 1781 г.

- 1 – Глушица 1 (до 1650-х); 2 – Глушица 2 (до 1763 г., возможно, до 1650-х); 3 – Глушица 3 (до 1650-х); 4 – Боровая;
 I – постройки загородного двора Авраамиева монастыря (ок. 1660 г.); II – деревня Глушица (после 1764 г.);
 III – д. Боровая (ок. 1631 г. – слободка Глушица, к 1665 г. – д. Боровая). В скобках указаны даты существования поселений, известные по данным письменных источников

объектов рассматриваемого микрорегиона. Наиболее ранним объектом, известным здесь по письменным источникам, является господарский (великокняжеский) двор Глушица, упоминаемый в ряде актов Литовской Метрики конца XV – начала XVI в. («Литовская Метрика», 1910. С. 713; «Lietuvos metrika», 1993. Р. 273; 1995. Р. 310). Предположительно, как будет показано ниже, он может быть отождествлен с поселением Глушица 1. Более подробные данные относятся к XVII в. Так, к 1625 г. на поселении Глушица 1 («на Днепре при озерах») было начато строительство фольварка Глушица (РГАДА. Ф. 389. Кн. 101. Л. 198 об. – 199 об.). В интормиссии (вводной грамоте на владение именьями) 1632 г. смоленскому воеводе Александру Корвин-Гонсевскому в составе «глушицкого имения» помимо фольварка Глушицы отмечена как принадлежащая «слободка Глушица», которую «пан воевода» к тому моменту начал «осаживать» на речке Боровой (РГАДА. Ф. 389. Кн. 103. Л. 169–175 об.), отождествляемая с селищем Боровая. В переписной книге пятеругубого подымного сбора Смоленского воеводства 1650 г. фигурирует местечко Глушица, в котором имелись 27 «оседлых дымов», а также два двора «слободчиков» (недавних поселенцев, не проживших здесь трех лет и имевших податные льготы), два овчинника, два пекаря и мельница (РГАДА. Ф. 145.

Оп. 1. Кн. 1. Л. 3, 49–50). Возникновение местечка, очевидно, относится ко времени после окончания Смоленской войны 1632–1634 гг., во время которой, в августе-сентябре 1633 г., здесь находилась временная стоянка польско-литовской армии короля Владислава IV («Dyaryusz wojny moskiewskiej», 1895. С. 27–30, 44). Поселение такого довольно значительного размера не могло уместиться на небольшой площадке поселения Глушица 1, поэтому представляется вероятным, что основная его часть приходилась на селище Глушица 2, в то время как отдельные обособленные «кварталы» занимали территорию поселений Глушица 1 и Глушица 3. К концу 1650-х годов, в ходе событий русско-польской войны 1654–1667 гг., местечко прекращает свое существование. С 1659 г. «на пустоши Глушице» начинается строительство двора Смоленского Авраамиева монастыря (РГАДА. Ф. 281. № 10892. Л. 33). Двор показан на планах Генерального межевания. Его постройки располагались к западу от селища Глушица 2, на противоположном левом берегу безымянного ручья. На месте селища Боровая, начиная с переписных книг Кирилла Яковлева 1665 г., фиксируется деревня Боровая, вероятно, пережившая войну и имевшая преемственность со слободкой Глушихой (РГАДА. Ф. 281. № 10892. Л. 22.). На планах Генерального межевания деревня показана на

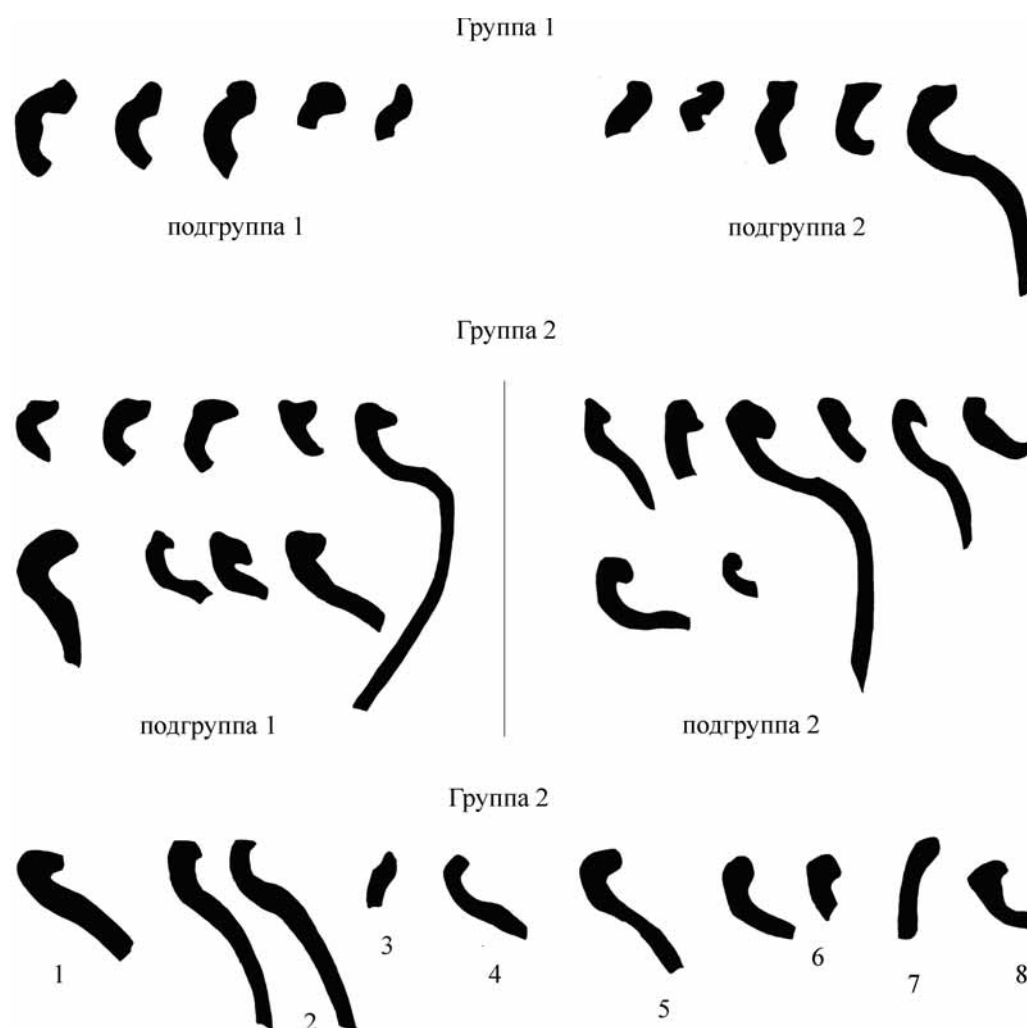

Рис. 3. Керамика поселений Глушицкого комплекса. Классификационная схема

левом берегу р. Боровой (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 5399; № 5458. Л. 19). В переписных книгах Даниила Чернцова 1668 г. фиксируется «сельцо Глушица на речке Глушице», в котором находились «двор монастырский и двор скотей» и три бобыльских двора, один из которых был пустым (РГАДА, Ф. 1209. Оп. 1. № 15154. Л. 853, 854). Последние, возможно, могли находиться на противоположном берегу ручья, на селище Глушица 2. Последующие переписи, до третьей ревизии 1764 г. включительно, фиксируют здесь только монастырский двор, населенный двумя-тремя работниками (РГАДА, Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. № 89; Ф. 350. Оп. 2. № 3240. Л. 6; № 3255. Л. 227, 228; Ф. 280. Оп. 4. № 2629. Л. б/н). Позднее, очевидно, после секуляризации монастырских земель, возникает деревня Глушица, показанная на планах Генерального межевания. Деревня XVIII–XIX вв. располагалась на левом

берегу ручья, южнее монастырского двора, занимая юго-западную часть селища Глушица 2.

Таким образом, верхняя хронологическая граница существования поселений Глушица 1 и Глушица 3 определяется 50-ми годами XVII в. Вероятно, этим же временем может быть определена верхняя дата заселенности основной (северной и центральной) части селища Глушица 2, однако не исключено существование здесь во второй половине XVII в. бобыльских дворов сельца Глушицы, а также дворов монастырских работников (если таковые не проживали в самом монастырском дворе). Последние теоретически могли существовать здесь до 60-х гг. XVIII в. Наличие материалов XVIII–XIX вв. несомненно в юго-западной части селища Глушица 2 и в левобережной части селища Боровая. Непрерывное существование последней, по-видимому, можно проследить с 30-х годов XVII в.

Приступая к рассмотрению археологического материала, представляется весьма существенным обратить внимание на одно важное обстоятельство. Анализ данных ряда письменных источников позволяет проследить значительное разорение территорий Смоленщины (в частности, ее юго-западных районов) в период Смутного времени, в первую очередь в связи с событиями русско-польской войны 1609–1611 гг. В частности, в Молоховском и Дубровенском станах Смоленского уезда (территории Красненского, юго-западной части Смоленского и северо-западной части Монастырщинского районов Смоленской обл.), по данным польской ревизии 1619 г., абсолютное большинство деревень было пустыми (РГАДА. Ф. 1603. Оп. 8. № 19. Л. 5–35). Документ содержит помимо сведений о числе крестьян, проживавших на момент переписи, указание на число жителей, обитавших здесь «перед тем» (очевидно, до 1609–1611 гг.). Для Молоховского стана соотношение сохранившегося населения к проживавшему «перед тем» составляло 21%, для Дубровенского – 8,4%. Соответственно, после Смуты население этих территорий в значительной мере сменилось за счет колонизации из внутренних районов Речи Посполитой. При этом ряд документальных данных указывает на то, что новыми жителями этих земель стали выходцы преимущественно из соседних районов Белоруссии (Думин, 1980. С. 100; Курмановский, 2012. С. 323–327). На примере микрорегиона Глушицы также видно, что вторичное заселение здесь началось в 20–30-х годах XVII в. Соответственно, весьма вероятным представляется отсутствие непосредственной преемственности в материальной культуре населения Смоленщины XVI – начала XVII в. (до событий Смутного времени) и последующего периода.

В ходе работ по изучению Глушицкого археологического комплекса в 2004–2009 гг. было получено порядка 6000 обломков керамики, большинство из которых относятся к круговой посуде эпохи развитого и позднего Средневековья и Нового времени. В настоящей работе объектом исследования являются формы неполивной посуды (горшков) из красножгущейся глины. Не рассматриваются особые керамические группы, такие как поливная, чернолощенная, мореная и белоглиняная керамика. Работа с керамическими коллекциями на данный момент полностью не завершена и все классификационные построения, изложенные в настоящей работе, носят предварительный характер.

Наблюдения над керамикой Глушицкого комплекса позволили выделить три сравнительно однородные керамические группы, объединяемые

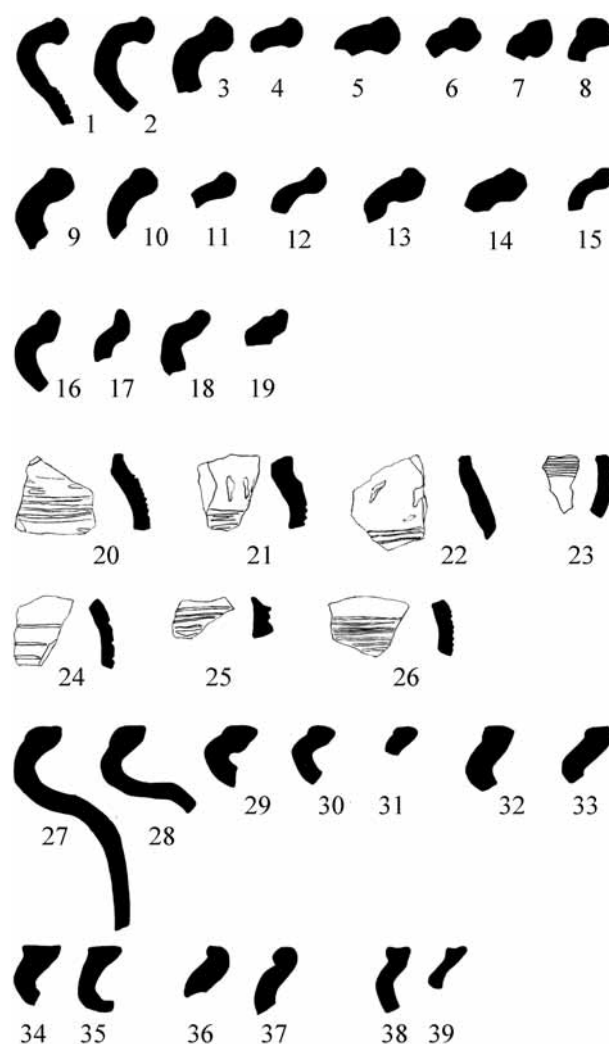

Рис. 4. Керамика группы 1

1–26 – подгруппа 1; 27–39 – подгруппа 2.
1–30, 32–36 – Глушица 1; 31, 37–39 – Глушица 2

по таким признакам, как профиль, цвет и состав теста, толщина стенок и некоторым другим (рис. 3). Серьезным препятствием для выделения в составе круговой керамики Глушицкого комплекса каких-либо отдельных групп является ее общее внешнее сходство. Особенно это касается стенок сосудов. Поэтому в состав статистических таблиц для круговой керамики из красножгущихся глин была введена категория «неопределенная», которая в некоторых случаях составляла до 50% обломков.

Группа 1 (рис. 4) характеризуется в основном так называемыми общерусскими формами. Сосуды имеют довольно высокую эсвидно изогнутую шейку. Венчик завершается сравнительно небольшим и простым по конфигурации утолщением с выраженным упором под крышку на внутренней стороне. Окраска обеих сторон черепка, как

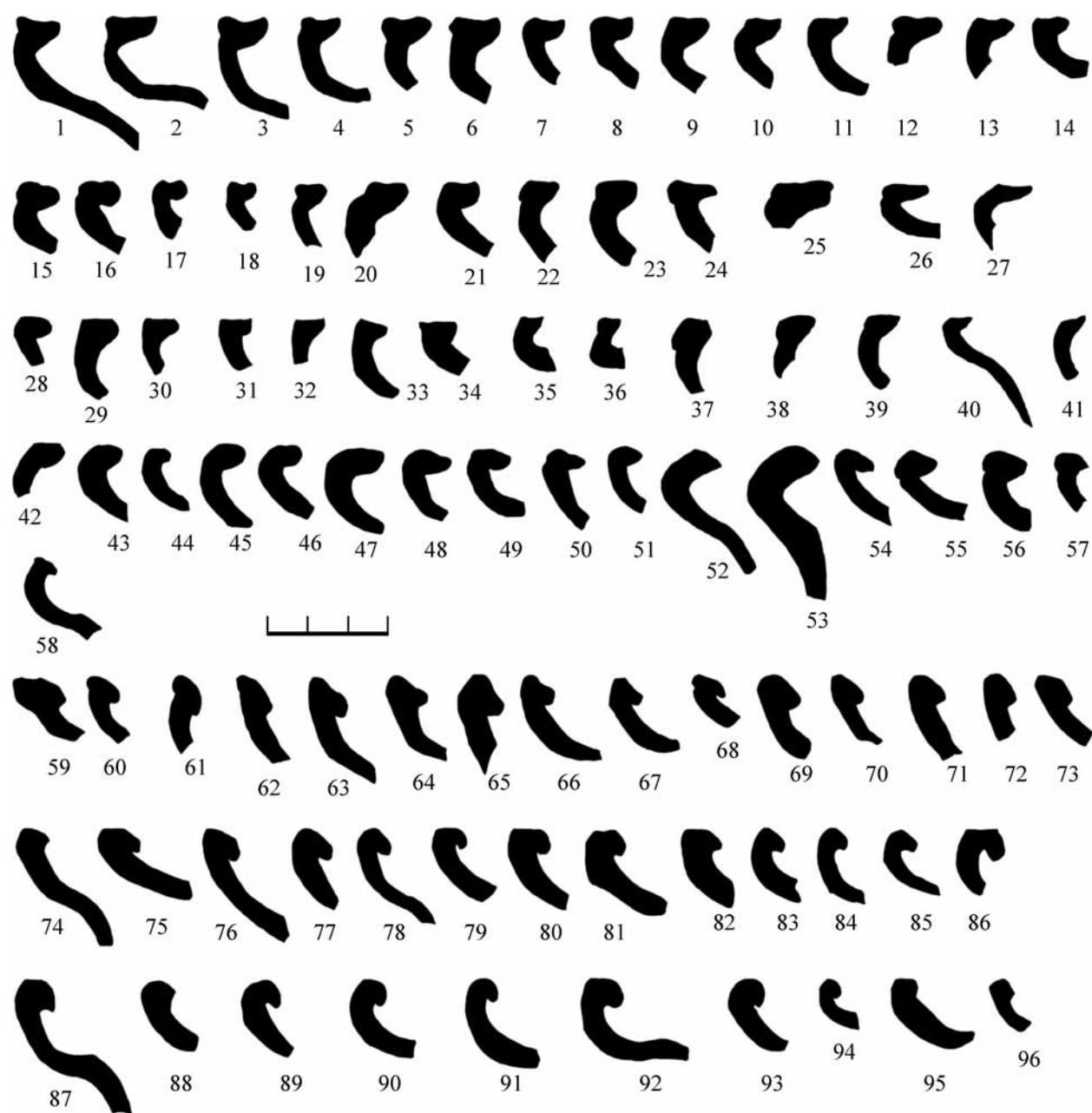

Рис. 5. Керамика группы 2

1–58 – подгруппа 1; 59–96 подгруппа 2. 53, 83–84, 94 – Глушица 2; прочие – Глушица 1

правило, серая, бежевая, белесая или светло-бурая, иногда черная, излом серый. Тесто может не иметь заметных примесей или же содержать более или менее значительную примесь крупного песка. Сосуды данной группы находят аналогии среди керамики XII–XIII вв. из раскопов в Смоленске на ул. Соболева, введенной в научный оборот Е. В. Каменецкой. Для их анализа применима классификация, предложенная исследовательницей. Внутри группы выделяются две подгруппы.

Подгруппа 1 характеризуется светлой окраской, плавными контурами профиля и чаще всего округлым завершением венчика. Наиболее распространенная форма венчика – тип 1 по Е. В. Каменецкой, датируемый XII – началом XIII в. (Каменецкая, 1976. С. 41–42. Рис. 1). Фактически обязательно наличие многорядного линейного орнамента, часто дополняющегося ногтевыми вдавлениями на плечиках. Единичные аналогии сосудов первой подгруппы встречены в керамических материалах

середины XIII – начала XIV в. раскопа УС–XI, опубликованных Т.В. Сергиной (2004. Илл. 4, 3; 16, 1–2). Формы сосудов находят также многочисленные аналогии в домонгольских слоях других русских городов. Предположительно сосуды данной подгруппы можно датировать XII – первой половиной XIII в.

Подгруппа 2 отличается более темной, бурой или темно-серой окраской черепка, как правило, приостренным завершением венчика, более короткой и резко изогнутой шейкой (наиболее характерная форма – тип 4 по Т.В. Сергиной), часто – выраженным уступом на плечике. Стенки сосудов могут быть не орнаментированы, встречается также волнистый орнамент. Согласно Е.В. Каменецкой, сосуды данной подгруппы в основном относятся к типу 2, кроме того, встречен тип 3. В раскопе на ул. Соболева в Смоленске такая керамика преобладает в слоях XIII – первой половины XIV в. (Сергина, 2004. Илл. 5, 3, 5, 8, 9; 9; 16, 1–5, 7–8; 30, 2; 33, 1–2; 38, 4; 49, 1–2 и др.). Наиболее позднее бытование сосудов группы 1, по данным Т.В. Сергиной, отмечено в слоях начала XV в. (Сергина, 2004. Илл. 48, 1; 49, 1, 2).

Сосуды группы 2 (рис. 5) характеризуется более короткой и менее изогнутой шейкой, эсовидный характер профиля в значительной мере утрачивается, венчик отогнут наружу, завернутый край венчика в сравнении с сосудами первой группы имеет более крупные размеры и сложную конфигурацию (за счет наличия различных желобков и граней). Сосуды данной группы характеризуются также преимущественно кирпично-оранжевым оттенком теста, читающимся в первую очередь на внутренней поверхности черепка (внешняя сторона, как правило, бурая или черная из-за копоти), однородным кирпично-оранжевым или же двух- и трехцветным изломом, более или менее значительными примесями песка и дресвы. Встречаются также сосуды, по цвету теста близкие к сосудам группы 1. Сосуды в большинстве своем не орнаментированы, в единичных случаях встречен волнистый орнамент. По профилировке они в основном принадлежат к типам 4 и 5 по Т.В. Сергиной и в большинстве своем находят аналогии в опубликованных материалах из слоев второй половины XIII–XVI вв. раскопа на ул. Соболева в Смоленске. Внутри группы выделяются две подгруппы.

Подгруппу 1 составляют сосуды, имеющие венчик с завернутым наружу краем, завершающимся крупным горизонтально ориентированным утолщением, форма которого разнообразна: оно может быть срезано горизонтально или же скошено

наружу, часто на его внешней стороне желобок, придающий краю венчика раздвоенные («манжетовидные») очертания. Уступ на внутренней стороне венчика может быть выражен в различной степени или же отсутствовать. Шейка варьирует от эсовидно изогнутой до прямой. В формах венчиков прослеживается определенная преемственность с сосудами подгруппы 2 группы 1, возможны переходные формы. При отмеченном внешнем разнообразии сосудов какие-либо устойчивые варианты среди них выделить довольно сложно, поскольку одни характерные формы плавно перетекают в другие через массу промежуточных. В основном подгруппа 1 соответствует типу 4 по Т.В. Сергиной. В работе Е.В. Каменецкой подобные сосуды выделены в качестве типа 5 и датированы концом XIII в. (Каменецкая, 1976. С. 43, 44. Рис. 2). Многочисленные аналогии можно видеть в керамике из слоев XIII–XV вв. раскопа УС–XI в Смоленске (Сергина, 2004. Илл. 5, 7; 6, 2–3, 6; 8, 3; 13, 4; 16, 6; 19, 3; 20, 1–5; 28, 1; 31; 32, 2–3; 35, 1–2, 4–5; 36, 4, 7; 46, 3; 56, 1 и др.). Наиболее позднее бытование данной формы отмечено в VI ярусе раскопа УС–XI, датирующемся 70–80-ми годами XV в. (Сергина, 2004. Илл. 57, 4; 60, 2).

Подгруппу 2 составляют сосуды с преимущественно прямой отогнутой наружу шейкой и завернутым наружу и вниз краем венчика, образующим валик на внешней стороне (соответствующие типу 5 по Т.В. Сергиной). Среди керамики XII–XIII вв., описанной Е.В. Каменецкой, данная форма, по видимому, отсутствует. По тесту горшки данной подгруппы в основном сходны с горшками подгруппы 1, но чаще встречается тесто красных оттенков. В перспективе внутри данной подгруппы возможно выделение вариантов. На данный момент можно выделить наиболее специфичные условно «типологически ранние» формы, наиболее близкие к сосудам подгруппы 1, с граненым валиком, иногда с желобком, и в ряде случаев с сохраняющимся уступом на внутренней стороне, и «поздние» с резко выступающим плечиком, короткой изогнутой шейкой и небольшим, как правило, округлым или «крючковидным» в сечении валиком. Последние, по данным Т.В. Сергиной, начинают встречаться в слоях конца XIV в. и наиболее характерны для XVI в. (Сергина, 2004. Илл. 46, 1; 51, 2; 52, 3; 53, 2; 58, 3; 59, 2; 62, 1, 3; 64–66; 68; 70, 1–3). М. Г. Гусаков относит подобные «округлобокие» сосуды к типу 4 и датирует их XVII–XVIII вв. (Гусаков, 2012. С. 161. Рис. 1).

В целом развитие форм сосудов группы 2 может быть описано следующими тенденциями:

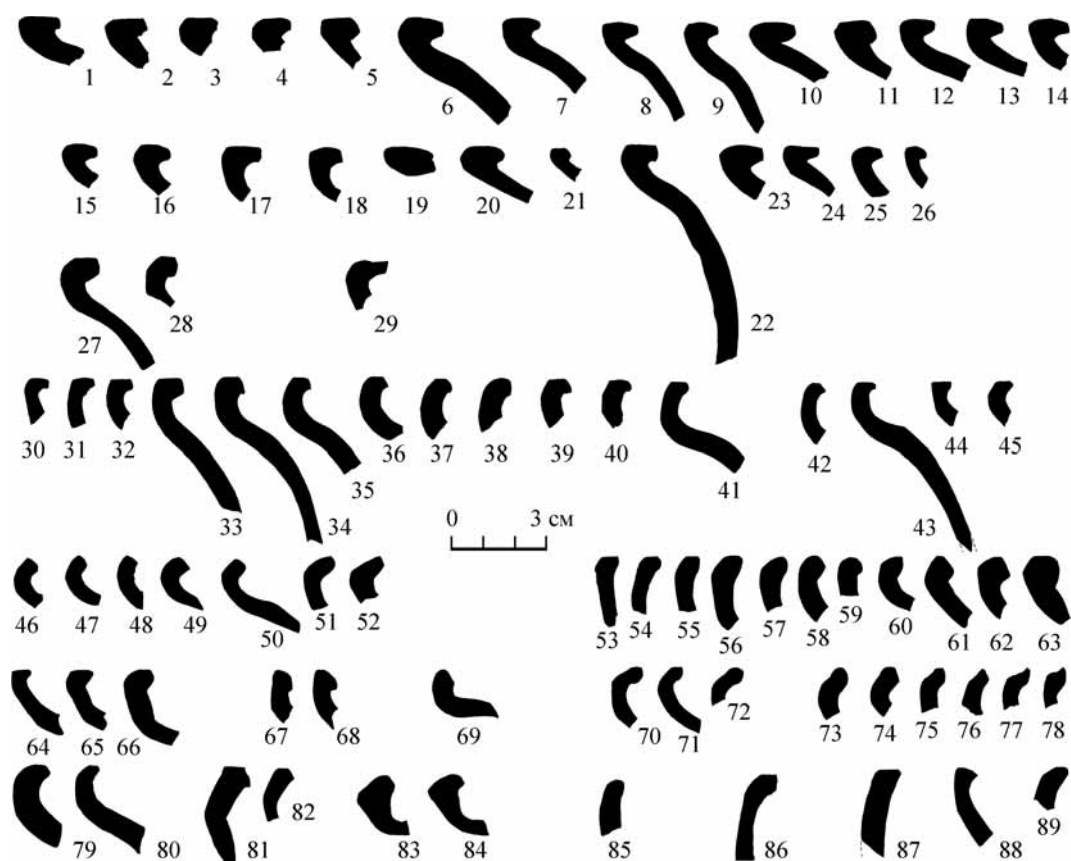

Рис. 6. Керамика группы 3

24, 42, 81 – Глушица 1; 56–57, 66 – Боровая; прочие – Глушица 2

- переход от эсвидно изогнутой к прямой отогнутой шейке;
- исчезновение уступа на внутренней стороне венчика;
- увеличение изгиба отогнутой наружу части венчика вплоть до превращения ее в опущенный вниз валик;
- постепенное исчезновение желобка на поверхности отогнутого края венчика, равно как и граненых форм.

Группа 3 (рис. 6; 7) объединяет сосуды с преимущественно серым или бурым, реже красным цветом. Красноглиняные сосуды, принадлежащие к данной группе, в отличие от группы 2, как правило, имеют более темный, часто серый или бурый, цвет внутренней поверхности при красной окраске наружной стороны. Тесто может быть как чистым от примесей, так и весьма грубым, в том числе может иметь значительную примесь крупной дресвы. В сравнении с первыми двумя группами сосуды в среднем имеют несколько большую толщину стенок. Характерной особенностью данной группы керамики является наличие на внутренней

поверхности выраженных ротационных бороздок. Кроме того, на многих сосудах отмечены следы заглаживания поверхности (куском ткани?).

Формы венчиков у сосудов данной группы довольно разнообразны и построение подробной классификации на данный момент кажется преждевременным. Можно выделить лишь несколько наиболее распространенных и устойчивых вариантов их оформления. По конструкции они сходны с венчиками группы 2, однако их профилировка упрощена. Наиболее распространенный вариант составляют сосуды с венчиком, завершающимся массивным широким горизонтальным выступом наружу, со срезом по краю (выделены как вариант 1) (рис. 6, 1–24; 7, 1–5). Шейка чаще всего фактически отсутствует, у некоторых форм верхняя часть тулова сливается с бортиком. Подобные сосуды находят довольно близкие аналогии в керамике Витебска XVII–XVIII вв. (Левко, 2010. Рис. 43, 3, 5; 63, 4; 68, 7).

Вторую по степени распространенности форму составляют венчики с прямо срезанным или закругленным верхним краем и небольшим клювовид-

ным выступом с внешней стороны на четко выделенной прямой отогнутой наружу шейке (вариант 2) (рис. 6, 30–44; 7, 6–9). Данная форма находит довольно близкие аналогии в выделенном М. Г. Гусаковым типе 3, датированном им XVII–XVIII вв. (Гусаков, 2012. С. 161. Рис. 1).

Другими распространенными формами оказываются венчики вариантов 3–8:

– вариант 3: незначительно отогнутые наружу, с закругленным, приостренным или прямо срезанным концом и рудиментарным уступом с внутренней стороны, на невысокой вертикальной шейке (рис. 6, 73–78; 7, 10–11);

– вариант 4: отогнутые под острым углом наружу и вверх, со срезанным либо закругленным краем (рис. 6, 46–52; 7, 12–14);

– вариант 5: отогнутые наружу под прямым углом с более закругленными (в сравнении с вариантом 1) очертаниями (рис. 6, 25–28; 7, 15–16);

– вариант 6: завершающиеся более или менее четко выраженным наружным валиком различной конфигурации, в отличие от сосудов группы 2, как правило, обращенным вверх (рис. 6, 60–63, 7, 17–18);

– вариант 7: завершающиеся слабо выраженным валикообразным утолщением на внешней стороне в сочетании с высокой прямой шейкой (рис. 6, 53–59; рис. 7, 19);

– вариант 8: «заваленные» наружу венчики с горизонтально срезанным верхним краем на короткой отогнутой шейке с выраженным раздутием (рис. 6, 83–84; 7, 20–21).

В отличие от сосудов группы 2, валикообразные и клювовидные завершения венчиков у сосудов данной группы, похоже, образованы не заворотом края венчика наружу, а обточкой края венчика. В некоторых случаях у его основания имеется желобок, что также не характерно для сосудов группы 2.

В материалах раскопа УС–XI присутствуют отдельные формы, близкие сосудам третьей группы (Сергина, 2004. Илл. 22, 1; 29, 8; 48, 2; 53, 1; 58, 6), однако значительные и хорошо узнаваемые серии сосудов данной группы отсутствуют. Выше уже отмечалось общее сходство форм венчиков второй и третьей групп. В то же время налицо отсутствие преемственности форм между керамикой этих групп.

Обработка полученных коллекций на данный момент полностью не завершена, поэтому даются

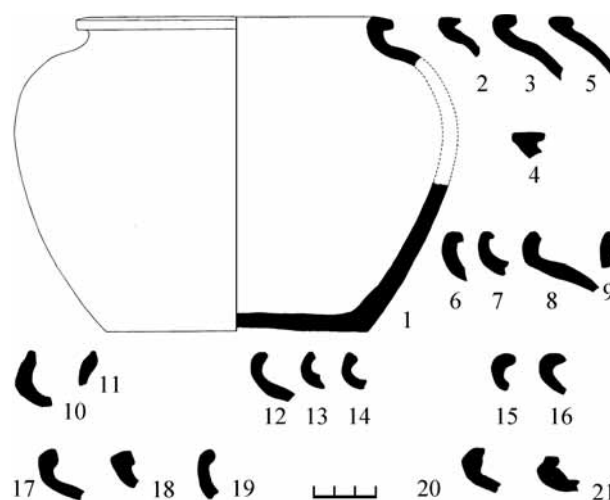

Рис. 7. Керамика группы 3

1–5 – Вариант 1; 6–9 – вариант 2; 10–11 – вариант 3; 12–14 – вариант 4; 15–16 – вариант 5; 17–18 – вариант 6; 19 – вариант 7; 20–21 – вариант 8. 1, 3–4, 7–8, 11–18, 20–21 – Глушица 2; 2, 6, 9 – Глушица 1; 10, 19 – Боровая; 5 – Витебск (по: Левко, 2010)

лишь некоторые статистические выкладки, показывающие распределение сосудов трех выделенных групп на археологических объектах Глушицкого комплекса (табл. 1–6). В целом для поселения Глушица 1 (рис. 8) можно констатировать преобладание керамики группы 2. Группа 1 также стабильно присутствует, ее соотношение к посуде группы 2 составляет примерно 1: 4–1: 5. Имеется и группа 3, но она сравнительно невелика. Наличие всех трех групп при преобладании группы 2 прослеживается и на немногочисленном материале с селища Глушица 3. На селище Глушица 2 резко преобладает керамика группы 3, единичными фрагментами представлены группы 1 и 2 (почти все обнаруженные фрагменты керамики группы 1 связаны с заполнением одной из материковых ям). Селище Боровая также демонстрирует резкое преобладание третьей группы, группа 2 представлена единичными фрагментами, группы 1 не встречено.

О хронологии памятников позволяют судить также датирующие вещевые находки. На поселении Глушица 1 имеются датирующие предметы XI–XIII вв. (розовые шиферные пряслица, фрагменты стеклянных браслетов); XIV–XV вв. (поясная накладка золотоордынского облика¹; литовский грош начала XV в.²); относящиеся в целом к XVI–XVII вв. (обувные подковки, свинцовые

¹ Выражаю благодарность О. Н. Заидову за помощь в атрибуции.

² Определение П. Г. Гайдукова.

**Таблица 1. Глушица 1. Раскоп 2006 г. (50 кв. м).
Сводная статистика керамики по раскопу.**

Керамика	Количество фрагментов	%
Группа 1	412	13,6
Группа 2	1324	43,7
Группа 3	195	6,4
Прочая и неопределенная	1098	36,3
Всего	3025	100

**Таблица 2. Глушица 1. Яма 1-2004. (Интервал
калиброванного возраста на 1σ: [1429 AD:
1485 AD] (образец из средней части ямы);
[1219 AD: 1268 AD] ; [1208 AD: 1267 AD]
(образцы со дна ямы))³.**

Венчики сосудов	Количество фрагментов	%
Группа 1	9	11,25
Группа 2	62	77,50
В том числе подгруппа 1	19	23,75
В том числе подгруппа 2	42	53,75
Группа 3	9	11,25
Всего	80	100

**Таблица 3. Глушица 1. Яма 3 (1-2006).
Калиброванные даты [1492 AD : 1602 AD]
(верхняя часть); [1443 AD : 1521 AD]
(нижняя часть).**

Наименование	Количество фрагментов	%
Керамика круговая группы 1	17/18	12,4/13,1
Группа 2	67	48,9
Группа 3	5	3,6
Неопределенная	33/34	24,1/24,8
Поливная	1	0,7
Белоглиняная	3	2,2
Ангобированная	2(?)	1,5
Лепная	8	5,8
Всего	137	100

**Таблица 4. Сводная статистика керамики по
раскопу. Глушица 2. Работы 2009 г.**

Наименование	Количество фрагментов	%
Группа 1	11	2,2
Группа 2	15	3,0
Группа 3	402	79,1
Прочая и неопределенная	80	15,7
Всего	508	100

Таблица 5. Подъемный материал. Глушица 3.

Наименование	Количество фрагментов
Лепная	1
Группа 1	2
Группа 2	7
Группа 3	1
Белоглиняная	2
Мореная	1
Неопределенная	4
Всего	18

**Таблица 6. Боровая. Левый берег р. Боровая.
Южная часть селища. Подъемный материал**

Наименование	Количество фрагментов
Группа 2	1
Группа 3	12
Мореная	2
Прочая и неопределенная	4
Всего	19

³ Анализы, приведенные в таблицах 2 и 3, выполнены в лаборатории Института географии РАН.

пули) и узко датируемые XVII в. (монеты Густава II Адольфа и Сигизмунда III 1620-х годов). На селище Глушица 2 (в раскопе в северной части селища) обнаружены серебряная копейка Алексея Михайловича, бронзовый нателный крест XVII в. и наконечник стрелы типа бд по О. В. Двуреченскому, характерный для XV–XVII вв. (*Двуреченский*, 2007. С. 285). К датирующим находкам можно отнести также фрагменты муравленых изразцов, обнаруженные на памятниках Глушица 1 (шурф в восточной части поселения), Глушица 2 и Боровая. На селище Глушица 2 (в северной части) обнаружены, кроме того, фрагменты красноглиняных неполивных и беленых изразцов.

Комплексный анализ накопленных данных позволяет сформулировать выводы о датировке выделенных групп керамики. Так, основной период бытования керамики группы 1 может быть определен XII – первой половиной XIV в. В рамках данного периода подгруппа 1 может быть датирована XII – первой половиной XIII в.; подгруппа 2 – преимущественно XIII – первой половиной XIV в. (судя по аналогиям, опубликованным Т. В. Сергиной, такие сосуды доживают до начала XV в.). Помимо многочисленных аналогий, датированных методами дендрохронологии и опубликованных в работах Т. В. Сергиной и Е. В. Каменецкой, а также лично наблюдаемых автором в материалах раскопов у Нижне-Никольской церкви (ГИМ) и на улице Соболева (СГМЗ), в пользу подобных датировок косвенно свидетельствует наличие на поселении Глушица 1 (где керамика группы 1 представлена наиболее широко) датирующих находок XII–XIII вв., а также радиоуглеродные даты фрагментов дерева со дна ямы 1 (2004 г.) на том же поселении. В заполнении последней присутствует керамика группы 1, однако преобладает керамика группы 2, что, очевидно, связано с более поздним формированием основного заполнения ямы (рис. 9) (см. ниже).

Керамика группы 2 может быть в целом датирована серединой XIII – началом XVII в. При этом бытование подгруппы 1 может быть определено серединой XIII – последней четвертью XV в.; подгруппы 2 – всем очерченным выше периодом (преобладать сосуды данной подгруппы начинают в XV в.). В целом начало преобладания сосудов группы 2, судя по всему, следует датировать второй половиной XIV в. Помимо аналогий из городских раскопов Смоленска, в частности УС–XI, в пользу такой датировки говорят радиоуглеродные даты из ям на поселении Глушица 1 и датирующие находки с этого же поселения, в том

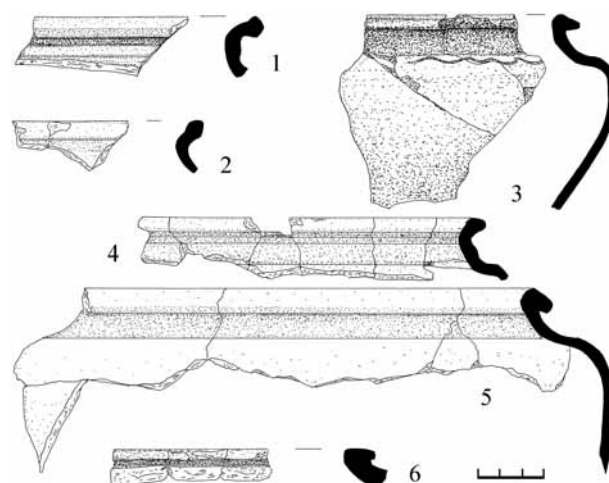

Рис. 8. Поселение Глушица 1. Сосуды
1–2 – группа 1; 3–5 – группа 2; 6 – группа 3

числе литовский грош начала XV в. Эти же данные позволяют с большой долей уверенности отождествить именно это поселение с известным по письменным источникам господарским двором Глушицей. Применительно к яме 1, имеющей две радиоуглеродные даты, соответствующие XIII и XV вв., можно предполагать, что основная часть ее заполнения сформировалась в период, относящийся к верхней радиоуглеродной дате. Состав форм венчиков сосудов второй группы из ямы, и, в частности, доля в них сосудов подгруппы 2 (соответствующих типу 5 по Т. В. Сергиной) фактически полностью аналогична статистической выкладке, сделанной исследовательницей по слоям XV в. раскопа УС–XI. Можно предположить, что в данном случае конструкция ямы-погребца была возобновлена в XV в. Следует также отметить, что представленные в работе Т. В. Сергиной специфически поздние формы сосудов подгруппы 2 (округлобокие горшки с сильно выступающим плечиком и «заваленным» внутрь венчиком), наиболее характерные для слоев XVI в., на памятниках Глушицкого комплекса немногочисленны, причем их находки в основном встречены на селище Глушица 2. Очевидно, период максимальной хозяйственной активности на поселении Глушица 1 приходился на XIV–XV вв.

Керамика группы 3, очевидно, датируется XVII в. и более поздним временем. В отличие от двух предыдущих групп, она в значительно меньшей степени введена в научный оборот (исключение составляют недавние работы М. Г. Гусакова, Г. Н. Пронина и В. Е. Соболя). В пользу предложенной датировки говорит преобладание ее на поселениях,

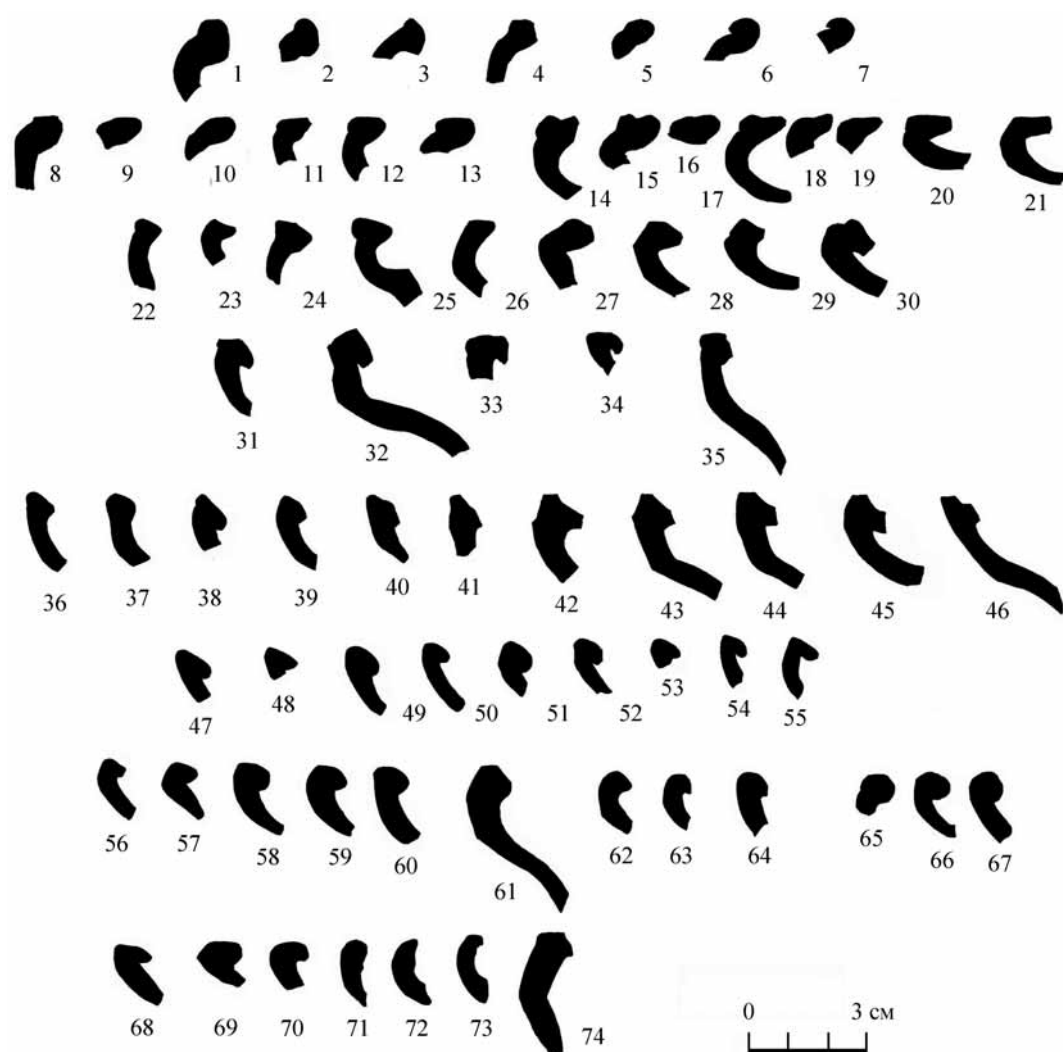

Рис. 9. Поселение Глушица 1. Керамика из заполнения ямы 1. 2004 г.
Группа 1 (1–7); группа 2: подгруппа 1 (8–30), подгруппа 2 (31–67); группа 3 (68–74)

достоверно существовавших в XVII в. или в более позднее время (Глушица 2 и Боровая). О распространении керамики группы 3 до середины XVII в. говорит ее присутствие на поселениях Глушица 1 и Глушица 3. В то же время эта керамика фактически отсутствует в опубликованных материалах слоев раскопа на ул. Соболева, дендрохронологические даты которых доходят до 1605 г. и, как уже отмечалось выше, не имеет прямой преемственности с керамикой группы 2. Очевидно, это керамика нового населения, заселившего Смоленщину после событий начала XVII в. В пользу этого утверждения говорит сходство варианта 1 сосудов группы 3 с посудой из Витебска. Видимо, параллельно с керамикой третьей группы на Смоленщине массово появляется поливная керамика и коробчатые (в первую очередь муравленные) изразцы. Т.В. Сергина

датирует начало широкого распространения этих изделий концом XVI в., однако в опубликованных автором материалах из датированных слоев этого периода их количество невелико, и большинство из них происходит из четко не датированного верхнего слоя. Керамика, по цвету и составу теста и ряду особенностей оформления сходная с описанной группой, но с несколько иными формами венчика, происходит из верхних слоев раскопа у Нижне-Никольской церкви, а также из позднесредневековых материалов центрального Гнёздовского поселения, предположительно связываемых с именем католического епископа Петра Парчевского второй четверти XVII в.

Анализ керамики памятников Глушицкого комплекса на базе доступных археологических, исторических и других данных позволил выявить

в массовом керамическом материале Средневековья – Нового времени определенные группы, различающиеся по времени бытования и сравнительно легко определяемые визуально. Хронология первых двух групп, установленная на основе доступного археологического контекста и данных радиоуглеродных анализов, коррелируется с датировками сходной керамики в работах Е. В. Каменецкой и Т. В. Сергиной. Третья группа выявлена и датирована методами комплексного историко-археологического исследования. Выявленные группы прослеживаются в материале городских раскопок

Смоленска и могут быть использованы при обработке массового материала памятников смоленского региона. В дальнейшем видится перспективной разработка более детальной классификации сосудов в рамках отдельных групп с использованием в качестве основы уже существующих классификаций. Кроме того, опыт проведенного исследования поселений Глушицкого микрорегиона на основе комплексного анализа исторических и археологических данных может быть использован при исследовании других позднесредневековых сельских памятников со слабо стратифицированным культурным слоем.

Литература и источники

Гусаков М. Г., 2012. К вопросу о классификации смоленской керамики (по материалам раскопок 2008–2010 гг.) // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань.

Двуреченский О. В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Думин С. В., 1980. Социально-политическое развитие городов Смоленского воеводства в составе Речи Посполитой (1618–1654 гг.) // Проблемы истории античности и средних веков. М.

Каменецкая Е. В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. 5. М.

Курмановский В. С., 2012. К истории формирования населения Смоленского уезда в первой половине XVII в. // Мининские чтения. Нижний Новгород.

Левко О. Н., 2010. Витебск. Минск.

Литовская метрика. Книга пятая записей № 184 // Русская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб., 1910.

Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г., 2011. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск.

РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. 1650 г. Записная книга подымного пятерогубного сбора по Смоленскому воеводству.

РГАДА. Ф. 237. Монастырский приказ. Оп. 1, ч. 1. Е. х. 89. 1710 г. Переписная книга Смоленского уезда монастырских крестьян и священно-и церковнослужителей.

РГАДА. Ф. 280. Коллегия экономии. Оп. 4. Е. х. 2629. 1764 г. Сказки монастырских крестьян Дорогобужского и Смоленского уездов.

РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 10892. Списки 1686 г. с жалованной и 3 указных

грамот архимандриту с братией Смоленского Авраамиева монастыря.

РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Е. х. 3240. 1722–1727 гг. Книга переписная помещичьих, дворцовых, монастырских крестьян, отставных солдат, драгун, отставных офицеров, служилых шляхтичей Дубровинского, Молоховского, Максимовского станов Смоленского уезда.

РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Е. х. 3255. 1748 г. Книга переписная разночинцев, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян Дубровинского стана Смоленского уезда.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Кн. 101. 1625.25.03. Консенс Войцеху Джевецкому на продажу своего имения Глушицы в Дубровенском стане Смоленского уезда.

РГАДА. Ф. 389. Литовская Метрика. Кн. 103. 1632.29.03. Интромиссия смоленскому воеводе Александру Корвин-Гонсевскому на владение имениями в Смоленском воеводстве.

РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Е. х. 15154. 1668 г. Переписная книга дворцовым волостям и архиерейским и монастырским вотчинам Смоленского уезда переписи Данилы Чернова.

РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Смоленская губерния. Смоленский уезд. Е. х. 5399. 1780 г. Генеральный уездный план 500 саж. в 1 дюйме.

РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Е. х. 5458. 1781 г. Атласы Смоленской губернии, содержащие в себе уездные карты (5 верст в дюйме). Ч. 1.

РГАДА. Ф. 1603. Комиссия эдукационного фунда. Оп. 8. Е. х. 19. 1619 г. Ревизия Молоховского и Дубровенского станов Смоленского уезда. Список 1647 г.

Сергина Т.В., 2004. Керамика Смоленска середины XIII–XVII вв. Смоленск. (Смоленские древности. Вып. 3).

Dyaryusz wojny moskiewskiej 1633 roku. Biblioteka ordynacyi Krasieńskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T. XIII. Warszawa, 1895.

Lietuvos metrika (1427–1506), 1993. Knyga Nr. 5. Vilnius.

Lietuvos metrika (1499–1514), 1995. Knyga Nr. 8. Vilnius.

V.S. Kurmanovsky

**Ceramics of the settlements of Glushytskiy complex (Smolensk region):
problems of chronology and classification**

Summary

Research is devoted to the systematization of ceramics from excavations in micro-region, located near Smolensk – a major center of the Russian lands. Also

considered archival written sources concerning settlements of this microregion.

Т. Н. Новосёлова

Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря

При археологических раскопках в Троице-Сергиевой лавре в 2000 г. были обнаружены обломки трех керамических кумганов XVI в.: чернолощеного, красноглиняного и ангобированного расписного (Вишневский, 2001. С. 84. Рис. 376, 377, 378, 387–389) (рис. 2, 1, 2, 3, 3, 4, 5). Все фрагменты сосудов происходят из одного шурфа № 27 (рис. 1), расположенного у южной ограды сада Московской духовной академии, напротив Царских чертогов, из пласта 9, состоявшего из углистого слоя с битым кирпичом (Вишневский, 2001. С. 83, 84. Рис. 2, 373, 374).

Кумган (в керамическом производстве средневековой Москвы) – это сосуд для жидкостей, с узким горлом, длинным носиком, соединенным с горлом перемычкой, ручкой и крышкой. Кумган, как форма сосудов, характерен для восточной культуры. На Руси привозная восточная керамика появляется уже в IX в. (Коваль, 2010), с XIV–XVII вв. при раскопках фиксируется продукция китайских мастеров (Кренке, 2004. С. 30, 67, 68; Панова, 1986. С. 229, 230; 1996. С. 67; Розенфельдт, 1968. С. 71). Об устойчивых связях Москвы со странами Востока говорит появление в слоях XIV в. посуды из гончарных мастерских Крыма (Панова, 1986. С. 222, 231).

Кумганы русского производства, изготовленные из глины, бытовали в XVI–XVIII вв., однако встречаются и в XV в. Так, в Твери, в слоях XV в. обнаружены кумганы, украшенные отштампованными рельефными сюжетными медальонами¹. Обломки двух поливных расписных кумганов XVI в. были найдены в московском Зарядье (Розенфельдт,

1968. С. 70). Здесь же обнаружено значительное количество фрагментов ангобированных и чернолощенных кумганов (Рабинович, 1951; Дубынин, 1953; 1957а; 1957б). Обломки подобных кумганов также обнаружены при раскопках в других районах Москвы (Кренке, 2004. С. 143. Рис. 8; 2009. С. 62; Глазунова, 2009. С. 133. Рис. 217, 1, 2; 220, 1, 2) (рис. 2, 5), в Истринском районе Московской области на поселении Котово I (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 203), Алексине (Зацаринный, 2003. С. 96–112) (рис. 2, 4) и Радонеже (Вишневский, 1990. С. 10) (рис. 2, 7, 8). В Смоленске, в слоях XVI–XVII вв., наряду с чернолощеной посудой встречаются красноглиняные поливные кумганы с граненым носиком и орнаментированные рядами волнистых линий (Сергина, 1981. С. 243. Рис. 3, 12). Кем были изготовлены эти сосуды – местными или приезжими мастерами – вопрос остается открытым.

Изображения кумганов можно встретить на иконах и миниатюрах XVI–XVII вв. Например, на створках иконы «Житие Николая Чудотворца» второй половины XVI в. из Сольвычегодского Благовещенского собора, в клейме «Возвращение Агрикова сына из сарацинского плена» (клеймо создано около 1607 г.), и на иконе «Тайная вечеря» XVII в. (Вологодский областной краеведческий музей).

На территории Сергиево-Посадского района эти сосуды редки, но все же встречаются. К более ранним находкам относятся обломки горла и соединительной перемычки с отверстиями, принадлежащие красноглиняным ангобированным

¹ По сообщению А. Н. Хохлова, в Твери обнаружены фрагменты и целые белолощенные и красноглиняные керамические кумганы.

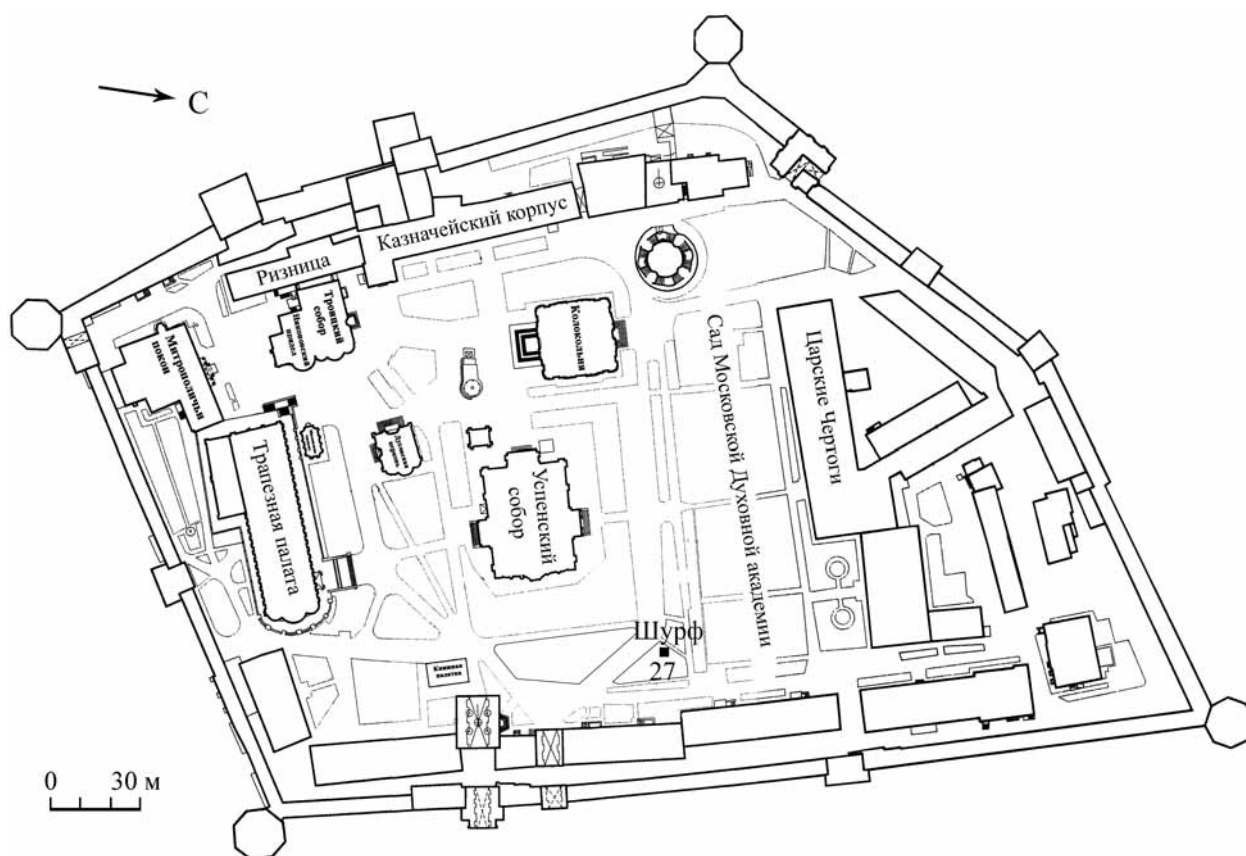

Рис. 1. Ситуационный план Шурфа № 27 на ситуационном плане Троице-Сергиевой лавры. 2000 г.

кумганам, обнаруженные в 1989 г. при раскопках Радонежа в комплексе XIV – начала XVI в. (Вишневский, 1990. С. 10, 70. Табл. 67) (рис. 2, 7, 8). Один из сосудов имеет более грубое тесто. На внешней стороне – следы поливы и характерный для поливных кумганов рельефный уплощенный валик (рис. 2, 7).

Красноглиняный кумган из Троице-Сергиева монастыря (сохранилась верхняя его часть)² (рис. 2, 3; 3) изготовлен из плотного теста бурого цвета с включениями мелкого песка. У сосуда вытянутое горло, край венчика (диаметр 9,5 см) завернут наружу и оформлен виде уплощенного валика, ручка овального сечения. Вертикальный носик изогнут лишь в верхней части и соединен с горлом перемычкой, имеющей дугообразный верхний край и одно сквозное отверстие. По горлу и тулову нанесен линейный орнамент из горизонтальных широких (2–3 мм) линий, прочерченных палочкой с полукруглым рабочим концом. Под ручкой – два симметрично располо-

женные завитка. На внутренней и внешней поверхностях пятна коричневого цвета, возможно, следы оvara.

Обломок чернолощеного кумгана представлен трубчатым носиком-сливом с перемычкой и двумя круглыми отверстиями (Вишневский, 2001. С. 84. Рис. 386, 1) (рис. 2, 1; 4). Изготовлен он из красной глины с большой примесью мелкого и среднего песка, поверхность черного цвета, на изломе – светло-бурого. Сосуд небольшого размера, возможно, его высота не превышала 20–25 см, а рассчитан он был на 1,5–2 литра. Сосуд отличался изяществом, так как длина слива – всего 11,5 см, диаметр отверстия в широкой его части – не более 1,5 см, и он не имеет сильных изгибов. Лощение лишь на вертикальной части трубки, в виде продольных узких полосок.

Обломков красноглиняных кумганов в московском Зарядье найдено существенно меньше, чем чернолощенных и ангобированных (Дубынин, 1957а. С. 111; 1957б. С. 138, 318). Черно-

² СПГИХМЗ. Инв. № 2375 н-всп.

Рис. 2. Кумганы из Троице-Сергиевой лавры (1–3), Алексина (4), Романова двора (5), Зарядья (7), Радонежа (8, 9) (см. цв. вкл.)

1 – чернolощенный кумган; 2 – ангобированный расписной; 3 – красноглиняный; 4, 5, 7–9 – ангобированные расписные; 6 – ангобированные расписные свистульки-лошадки из раскопок в Зарядье

лощенные кумганы в Москве обнаружены в слоях XV–XVI вв. Зарядья (Дубынин, 1957б, С. 92, 93, 108, 109, 187, 215, 241, 246, 262, 304), Яузской гончарной слободы (в том числе фрагменты бракованных сосудов и кумгана-игрушки) (Розенфельдт, 1968. С. 33), при раскопках Романова двора (Глазунова, 2009. С. 133, 466. Рис. 220, 1), Зачатьевского монастыря (Кренке, 2004. С. 143), а также в средневековом комплексе последней трети XV – середины XVI вв. поселения Котово 1 Истринского района Московской области (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 203. Рис. 12, 206, 207. Рис 15, 7) и в слоях XVI–XVII вв. в Смоленске (Сергина, 1981. С. 243).

Во второй половине XV – первой половине XVI вв. в Москве начинает использоваться посуда из белых глин. Красноглиняные сосуды, в подражание белоглиняным, окрашивались белым ангобом, в том числе с красной кистевой росписью. Ангобированная посуда из Троице-Сергиева монастыря, скорее всего, была привозная. Возможно, она привозилась из Яузской гончарной

слободы, продукция которых была широко известна на московских землях, хотя и изготавливалась небольшими партиями.

Наиболее интересным экземпляром ангобированной посуды из Троице-Сергиевой лавры является часть кумгана с красной росписью³ (Вишневский, 2001. С. 84. Рис. 378, 387) (рис. 2, 2; 5). Сохранились фрагменты горла, ручки, тулова и трубчатый слив. Сосуд из красной глины с примесью мелкого песка с редкими вкраплениями дресвы, диаметр венчика – около 9 см. Поверхность сосуда покрыта белым ангобом, сверху нанесена красным ангобом кистевая роспись в виде геометрического и цветочно-растительного орнамента. Аналогией расписному кумгану из Троице-Сергиевой лавры является кумган XV века, обнаруженный при раскопках Романова двора в яме № 5 раскопа VII (Кренке, 2009. С. 62; Глазунова, 2009. С. 133, 463. Рис. 217, 1) (рис. 2, 5). Подобные сосуды с геометрическим орнаментом найдены в археологических комплексах конца XV – первой половины XVI в. на территории Сорокина городища

³ СПГИХМЗ. № 4804 н-всп.

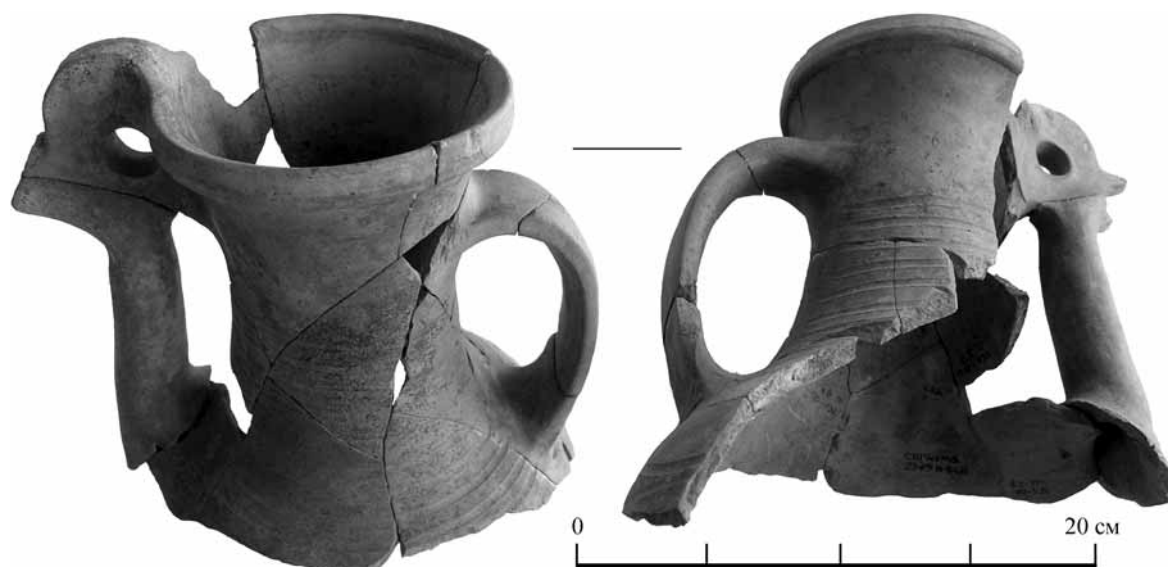

Рис. 3. Обломок красноглиняного кумгана XVI в. из раскопок в Троице-Сергиевой лавре (см. цв. вкл.)

в г. Алексине (*Зацаринный*, 2003. С. 105, 109. Рис. 3, 31) (рис. 2, 4), в Можайском кремле и в Зачатьевском монастыре в Москве (*Глазунова*, 2009. С. 133). Полной аналогией кумгану из Троице-Сергиева монастыря является кумган, обнаруженный в 1954 г. в Зарядье в слоях XVI в. (*Розенфельд*, 1968. С. 25, 91. Табл. 7, 1) (рис. 2, 6). Он имеет близкие пропорции и полностью идентичный орнамент охристой краской по белому ангобу.

Особого внимания заслуживает роспись на кумгане. Это две симметрично расположенные орнаментальные композиции по бокам сосуда. Каждая из них заключена в прямоугольную рамку: в центре ее – перевернутый стилизованный цветок лилии с двумя листьями, ниже – пояс геометрического орнамента из вертикальных и горизонтальных полос. Цветок лилии можно воспринимать как аналогию крина – элемента византийского орнамента, распространенного на Руси с XII в. Подобные цветы встречаются в орнаментах других культур, например, в Египте и Персии. В России крин как элемент орнамента можно встретить в архитектурном декоре⁴, на произведениях прикладного искусства⁵, мебели и в орнаментации одежды, очень часто – в орнаментах рукописных

книг. В XVI в. крин дополняется пышными цветочными мотивами, чаша в основании расширяется, приобретая более натуральный вид цветка, похожего на тюльпан.

Вероятно, расположенные ниже геометрические ряды орнамента – символы плодородия земли – следует рассматривать в композиционной связи с цветком лилии. Орнаментальный мотив заключен в единую прямоугольную рамку, которую связывают с символом земли (с четырьмя сторонами света), а также круговорота и цикличности в природе. Позднее подобное прочтение ряда геометрических орнаментов по вертикали как единого сюжета, можно встретить на вышивках русских полотенец (*Русакова*, 1987. С. 106).

Символика перевернутого цветка не имеет конкретного объяснения. Большинство ранних цветочных орнаментов имеют цветы, обращенные вверх. Перевернутые цветы встречались в древних египетских и персидских орнаментах. В России перевернутые лилии как элемент орнамента широко распространены в XVI в., о чем может свидетельствовать и наш кумган. Возможно, что мотив и цветовая палитра воспринимаются здесь в значимом отношении к форме и материалу со-

⁴ В декоре Георгиевского собора XII в. в Юрьеве-Польском (*Седова*, 2009. С. 7, 8; *Вагнер*, 1980. С. 37. Илл. 10), на капителях колонн Рождественско-Богородицкого собора 1222–1225 гг. в Суздале (*Тимофеева*, 2008. С. 7; *Вагнер*, 1980. С. 59. Илл. 26), на московских красных изразцах XV–XVI вв. (*Маслих*, 1976. С. 45. Илл. 26).

⁵ В шитье «Троицы» из мастерских Московского Кремля – Сударь 1598 г. (СПГИХМЗ. Инв. № 392) (*Манушина*, 1983. С. 98; *Николаева*, 1969. С. 154, 155. Илл. 78) и на резном окладе иконы Сергия Радонежского мастера Евстафия Головкина 1591 г. (СПГИХМЗ. Инв. № 279) (*Николаева*, 1966. С. 177, 178, 179. Илл. 12).

суда, а мастер, декорируя сосуд, старался вложить определенную идею, преувеличивая значимость предмета.

Можно было бы предположить, что кумган с цветочным мотивом был действительно связан с каким-то особым ритуалом в монастыре, однако в Зарядье были обнаружены игрушки-лошадки с идентичным орнаментом в слоях XIV–XV вв. (Розенфельдт, 1968. С. 86. Табл. 6, 20) (рис. 2, б). Возможно, перевернутый цветок – это всего лишь результат декоративного развития исходного мотива (Бутовский, 1997. С. 67) который был традиционен в гончарной мастерской Зарядья, где, скорее всего, был изготовлен ангобированный расписной кумган, обнаруженный в Троице-Сергиевом монастыре.

Редкость формы и высокое качество красноглиняного и чернолощеного кумганов также ставит под сомнение их производство в обители в XVI–XVII вв. Описание Троице-Сергиева монастыря 1641 г. говорит об одном старце-гончаре (Николаева, 1998. С. 41) и указывает на горн для обжига

Рис. 4. Обломок чернолощеного кумгана XVI в. из раскопок в Троице-Сергиевой лавре

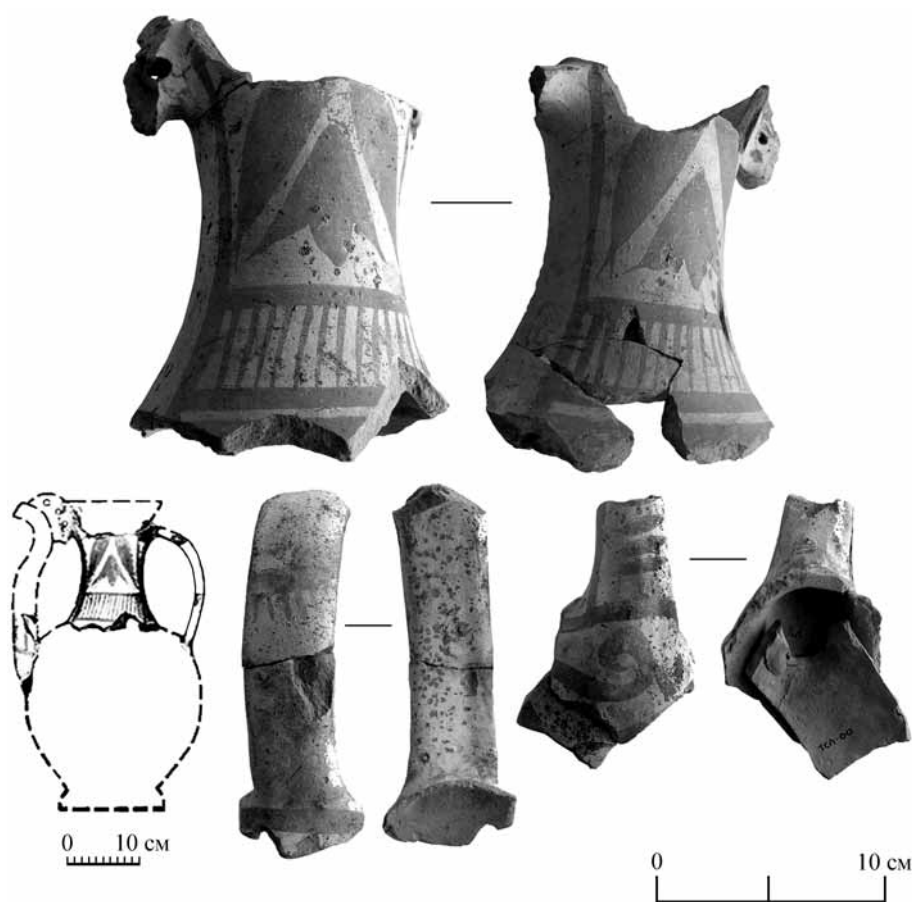

Рис. 5. Обломки красноглиняного ангобированного расписного кумгана XVI в. из раскопок в Троице-Сергиевой лавре

кирпичей⁶, а опись 1701 г. не упоминает гончаров вовсе, но отмечает в «изразешном» дворе наличие горна для обжига горшков⁷. Можно предположить, что гончарами по совместительству могли быть изразечники или местные наемные мастера. Скорее всего, гончарное производство в монастыре существовало время от времени, лишь для изготовления повседневной кухонной и иной посуды низкого качества, например, такой, как слезницы, которые обнаружены в большом количестве в погребениях монастыря (Вишневский, 2001. С. 110. Рис. 451, 3; 499; 500); Чернов, Янишевский, 2008. С. 158, 159).

Исследования показали, что все керамические кумганы, обнаруженные в различных городах Руси, относятся к XV–XVI вв., а это позволяет подтвердить предполагаемую датировку рассматриваемых сосудов из монастыря. Возможно,

предматериковый углистый слой, в котором обнаружены кумганы, связан с пожаром 1564 года, когда выгорела северо-восточная часть монастыря (где и размещался шурф № 27).

Редкость находок кумганов позволяет предположить, что такой посудой пользовалось лишь знатное население, в том числе и в Троице-Сергиевом монастыре, среди братии которого в XVI в. было много представителей боярских и княжеских фамилий (Николаева, 2009. С. 98). Возможно, дорогие высококачественные кумганы использовались при приемах знатных богомольцев (в том числе государей московских) часто посещавших монастырь. В пользу такого предположения говорит сам факт находки из шурфа № 27, расположенного вблизи царского дворца, который находился на территории обители с XVI в.

Литература

Бутковский В., 1997. История русского орнамента X–XVI века по древним рукописям. Альбом. М.

Вишневский В. И., 1990. Отчет о раскопках экспедиции Загорского музея-заповедника в Загорском районе в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1396; Научный архив СПГИХМЗ. Инв. № 1105.

Вишневский В. И., 2001. Отчет об археологических охранных работах на территории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (г. Сергиев Посад Московской области) в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24533–24535; Научный архив СПГИХМЗ. Инв. № 1519/1–3.

Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII веков // Археология Романова двора / Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12. М.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2005. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском районе Московской области // Археология Подмоскovie. Вып. 2. М.

Дубынин А. Ф., 1953. Отчет об археологических исследованиях в Зарядье // Архив ИА РАН. Р-1. № 925.

Дубынин А. Ф., 1957а. Отчет Московской археологической экспедиции 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1631.

Дубынин А. Ф., 1957б. Отчет Московской археологической экспедиции 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1736.

Зацаринный С. В., 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (К вопросу о локализации летописного Алексина) // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 2. Тула.

Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.

Кренке Н. А., 2004. Отчет об археологических раскопках на территории Зачатьевского монастыря в Москве в 2003 г. // Архив ИА РАН. № Р-1. № 28770. Т. 4.

Кренке Н. А., 2009. Комплексы второй половины XVI века: Опричный двор // Археология Романова двора / Материалы охранных археологических исследований ИА РАН. Т. 12. М.

Манушина Т. Н., 1983. Шитье Древнерусской Руси в собрании Загорского музея. М.

Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.

Николаева С. В., 1998. Состав монашеской братии Троице-Сергиева монастыря (по Описи 1641 г. и Описи 1701 г.) // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад.

⁶ «Да на том же дворе горн, жгут кирпич синей, а сидитца в нево по триста по петидесят кирпичей, да за двором два сарая, один длина 53 сажень, а другой 20 сажень, покрыт драницами» (Опись 1641 г. Л. 615 об).

⁷ «...Изба с прислоненными бревчатыми сенями, в избе образ Видения... изба и сени крыты драньем. Против избы два анбарца, в одном анбарце горн, что горшки обжигают» (Опись 1701 г. Л. 440 об).

Николаева С. В., 2009. Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад.

Николаева Т. В., 1966. Троицкий Живописец Евстафий Головкин. // культура Древней Руси. М.

Николаева Т. В., 1969. Собрание Древнерусского искусства в Загорском музее. Л.

Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Научный архив СПГИХМЗ. Инв. № 289.

Опись Троице-Сергиева монастыря 1701 г. // РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. № 27.

Панова Т. Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопов в Московском Кремле // СА. № 1.

Панова Т. Д., 1996. Клады Кремля. М.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1–39. М.

Рабинович М. Г., 1951. Отчет о раскопках в Москве на территории Зарядья, на строительстве административного здания в 1950 г. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 526.

Русакова Л. М., 1987. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск.

Седова Н. Б., 2009. Юрьев-Польский. М.

Сергина Т. В., 1981. Поливная посуда из Смоленска // СА. № 2.

Тимофеева Т. П., 2008. Суздаль. Владимир.

Чернов С. З., Янишевский Б. Е. 2008. Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 года. // РА. № 2.

T. N. Novoselova

Ceramic kumgans of the 16th century at the Trinity-Sergius Monastery

Summary

During the archaeological excavations at the Trinity-Sergius Lavra in 2000 fragments of three ceramic kumgans of 16th century were found: black-polished,

red ware and engobe painted. Vessels are rare species of dinner ware that existed in Russia in the 15th – 18th centuries.

А. Г. Векслер, М. Г. Гусаков, Г. К. Патрик

Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе

Так уж сложилось в археологии, что серьезные аналитические работы по изучению керамики появляются после крупных археологических раскопок. Так было после работ по строительству московского метро в 1930-е годы (речь идет о статьях М. В. Воеводского). Сразу после войны, в конце 1940-х – начале 1950-х, большие археологические работы в Заяузье в Москве вел М. Г. Рабинович. После раскопок в Зарядье в 1950-х – начале 1960-х годов вышла из печати работа Р. Л. Розенфельдта (1968). В начале 1990-х, после раскопок в Историческом проезде, увидел свет сборник «Московская керамика» (1991), созданный коллективом авторов. В 1993–1999 гг. развернулись масштабные работы под руководством А. Г. Векслера на Манежной площади, ул. Ильинке и Старом Гостином дворе, где была собрана огромная керамическая коллекция, насчитывающая более 250 000 фрагментов. Настало время вернуться к результатам этих работ и оценить их. Мы подготовили серию статей и надеемся их последовательно представить в этом сборнике. Первая статья – вступление в тему, экспозиция будущих статей, посвященных московской керамике от древности и до XVIII в. Однако мы непременно должны вспомнить, как все начиналось.

Как отмечено выше, начало научному изучению московской керамики было положено М. В. Воеводским (1930; 1936). Это были первые шаги в попытке осмыслить этнографические наблюдения и сопоставить их с археологическим материалом (Зеленин, 1991; Куфтин, Россова, 1928; Воеводский, 1936). Несмотря на многолетнее археологическое изучение московской керамики, из множества статей и книг, на наш взгляд, можно выделить публикации, получившие значительный резонанс в археологическом сообществе. Это

работы М. Г. Рабиновича, одна из которых посвящена археологическим раскопкам в Заяузье, другая посвящена анализу культурного слоя Московского Кремля (Рабинович, 1949; 1971). Именно эти книги заложили теоретический и практический фундамент в работе с московской керамикой, именно в них были выработаны и проверены на практике основные критерии и дефиниции, разработаны принципы классификации. Главная цель автора этих работ – через керамику определить хронологию культурных напластований Москвы. В его концепции формы и типы глиняной посуды выступают как индикаторы времени изготовления, и, соответственно, через них осуществляется переход к хронологии культурного слоя. Надо сказать, что автор сделал две классификации: первая – по материалам Гончарной слободы – состояла из 11 типов. Спустя двадцать с лишним лет он создает новую классификацию из 16 типов, более развернутую и достаточно точную для своего времени по уровню знаний о русском гончарстве (табл. 1; Рабинович, 1949; 1971). Впоследствии наработки М. Г. Рабиновича развивали многие исследователи. В частности, они ощутимо повлияли на работы Р. Л. Розенфельдта и Г. П. Смирновой (Розенфельдт, 1968; Смирнова, 1974). Монография Р. Л. Розенфельдта, посвященная московской керамике XII–XVIII вв., быстро стала настольной книгой не только московских археологов: она была востребована всеми, кто проводил раскопки в древнерусских городах. Это издание мгновенно разошлось на цитаты и повлияло на работы многих археологов. Именно классификационная работа Розенфельдта стала «эталонной моделью» для составления рабочих схем при работе с керамикой. Розенфельдт создал достаточно полную картотеку наиболее популярных типов

Таблица 1. Распределение керамики из раскопок Кремля. Начало 1960-х годов (по: Рабинович, 1971).

Керамика	Примечание	Века												Всего
		XVII	XVI		XV		XIV		XIII		XII		XI	
			2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.	2-я пол.	1-я пол.		
Тип 1	поливная, глазурь	9	7		4									20
Тип 2	ангобированная	13	10	21	35	23	7			4				113
Тип 3	чернолощенная	572	150	143	110	41	1			30				1047
Тип 4	мореная	1121	918	1358	1676	323	4	1		13		4		5418
Тип 5	белая грубая	857	556	456	1670	449	56	20	6	82	24	31		4207
Тип 6	красная грубая	448	789	1150	6834	2891	1138	244	572	556	112	39		14773
Тип 7	красная лощеная	13	34	35	991	303	34	74	7	155	78	31		1755
Тип 6/8	смешанная форма				525		335	180	930	180	1			2151
Тип 8	серая				1657	1080	1407	464	1652	4787	1010	320	90	12467
Тип 9	поливная (Ср. Азия)					6	4	1	2					13
Тип 10	курганная	1	23	1	13	14	20	29		221	368	437	118	1245
Тип 11	городищенская		24				11							35
Тип 12	серая толстая	7	43		38	108	5	31		234	237	60	3	766
Тип 13	красная ранняя				14	19		37		147	118	33	3	371
Тип 14	глазурованная				3	1				2		1		7
Тип 15	раннекруговая											4	3	7
Тип 16	амфоры									3	1	1	1	6
н/я	н/я				13									13
Всего		3041	2554	3164	13583	5258	3022	1081	3169	6414	1949	961	218	44414

московской керамики, начиная с XIII и заканчивая XVIII в. Это был ряд интересных археологических описаний типов и форм бытовой посуды, основанных прежде всего на раскопках в Зарядье. Однако в этой работе, к сожалению, можно отметить неточности в описании изготовления посуды на ручных кругах и определений температуры обжига посуды. Не было в ней и наблюдений за статистическим распределением керамики в культурных слоях Зарядья. В его работе практически отсутствуют этнографические описания работы на гончарных кругах разного типа. Впрочем, этим изъяном страдали многие публикации того времени.

В 1991 г. вышел сборник, собравший под своей обложкой авторов, работавших не только в Москве, но и в Подмосковье. Сборник так и назывался: «Московская керамика. Новые данные по хронологии». В него вошла серия статей, посвященных результатам археологических работ 1970–1980-х годов. Авторы сборника решили, «что по объему и информативности этот материал сопоставим с тем, который был получен Московской экспедицией в 1946–1965 гг. и лег в основу классических работ по московской керамике Р.Л. Розенфельдта и М.Г. Рабиновича... Авторы сборника стремились показать, какие типы керамики сосуществовали

в тот или иной период, какие варианты данного типа присутствуют в том или ином комплексе...» (МК. С. 4, 5). По замыслу авторов, сборник должен был стать неким определителем московской керамики. Однако заявленный «путеводитель» по московской керамике своей задачи не выполнил. Это были наблюдения, весьма похожие на заключения Р.Л. Розенфельдта; отличие состояло только в том, что для исследований привлекались фрагменты из закрытых комплексов. Но здесь также не было знания подлинной технологии гончарства – это были схемы, оторванные от технологии изготовления посуды. Как писал один из критиков сборника: «Статистическая обработка керамики, проводящаяся, по существу, в Москве по «цветной» классификации археологической керамики целиком и полностью направлена на выполнение только одной задачи – датировки культурного слоя, но она не характеризует особенности самой керамики, а значит, не имеет перспективы дальнейшего уточнения хронологии культурного слоя» (Коваль, 1999).

В начале 1990-х годов крупномасштабные раскопки на Ильинке и в Старом Гостином дворе потребовали создания схемы отбора и регистрации многочисленных фрагментов керамики из раскопок, причем в огромных объемах. Эту схему

разработали молодые археологи под руководством А. Г. Векслера. Они опирались на классификацию и типологию, созданную М. Г. Рабиновичем, Р. Л. Розенфельдом, и археологические наблюдения авторов московского сборника. «Новая схема» – обобщение названных работ. К сожалению, помимо положительных достоинств в нее вошли и недостатки предшественников, что не могло не сказаться на конечных результатах. Разработанная схема свою задачу выполнила – разложила по полкам огромный материал, однако она не стала в прямом смысле классификацией керамики – это была база данных, на основе которой можно было анализировать и разрабатывать классификацию или типологию московской керамики.

В 1990-х появились еще две публикации, посвященные московской керамике. Ю. А. Лихтер и Д. О. Осипов посвятили свою статью классификации московской керамики, где попытались соединить все в один узел: способ подготовки теста, формовку, обработку поверхности, качество обжига и типы керамики (*Лихтер, Осипов*, 1995). Как ни странно, авторы пропустили работу А. А. Бобринского, где все это было изложено за 17 лет до них (*Бобринский*, 1978). Все данные они присоединили к схеме Ю. Л. Щаповой по изучению конструкции формы (*Щапова*, 1991). (Более простая и больше ориентированная на глиняную посуду схема была опубликована еще в 1978 г. – это схема Бобринского.) Авторы предложили 80 классов, дополнивших еще большим числом комбинаций. Подобная работа просто невыполнима в условиях экспедиций, где обычно обрабатывается основной массив материала, да и в кабинетной работе она неудобна. Как результат, этой схемой практически никто не пользуется.

Статья В. Ю. Коваля (1999) о статистической обработке московской керамики представляет собой в краткой форме аналитический итог масштабных работ по первичной обработке керамики из раскопок в Москве в 1990-х годах. Она была нацелена на дальнейшее усовершенствование работы с керамическим материалом. В статье кратко изложены рекомендации к построению новой схемы первичной обработки керамики.

В нашем коротком историографическом очерке о московской керамике мы не приводим публикаций А. А. Бобринского – он не писал о ней специальных работ. Работы А. А. Бобринского посвящены общим проблемам эволюции гончарства Восточной

Европы в различные исторические периоды. Главное достоинство его исследований – это опора на этнографические материалы отечественного гончарства. В них имеется тесная связь с технологией изготовления глиняной посуды, основанная на богатейшем этнографическом материале городов и деревень России, Литвы, Белоруссии, Украины, Молдавии, Кавказа, народов Поволжья и Русского Севера (*Бобринский*, 1962а; 1962б; 1978; 1991). К сожалению, многое из того, что было зафиксировано в экспедициях по изучению гончарства, не нашло отражения в его книгах и статьях.

В наши дни, глядя на проблему истории изготовления глиняной посуды в Москве, мы можем сказать, что спустя более полувека результаты послевоенных исследований по-прежнему актуальны и востребованы. Многое изменилось с тех пор, появились работы, описывающие керамику, отмечающие примеси, типы орнаментов, количество типов и вариантов. Но все же и сегодня нет исследований о состоянии гончарства в целом, как отрасли человеческой деятельности. На наш взгляд, нет комплексного или многофакторного анализа полученного материала, многие археологи по-прежнему находятся в плену представлений о том, что достаточно составить подробную (иногда излишне подробную) классификацию типов фрагментов венчиков, стенок и днищ. Увы, этого мало. Венчики, например, горшков представлены таким огромным количеством вариантов, подвариантов, видов и подвидов, что их невозможно втолкнуть, или втиснуть ни в одну схему. Причина этому – *в ручной индивидуальной работе гончара*. У каждого человека есть свои узоры на пальцах, так и у каждого гончара – своя посуда и свои признаки. Правда, мы можем часть из них свести в общие категории, типы, виды и классы, но для этого надо знать, как делают посуду. Признаки этого «делания» существуют, и их нужно фиксировать по фрагментам керамики, извлекаемым из земли.

В этой статье мы попробуем наметить план действий при изучении московской керамики, происходящей из археологических раскопок в историческом центре Москвы – на ул. Ильинка и в Старом Гостином дворе в 1995–1999 гг. В качестве примера работы с московской керамикой приведем ряд таблиц, составленных по результатам распределения керамики по культурным напластованиям в раскопах на ул. Ильинке (д. 3/8, стр. 5) и из раскопов 1, 5, 6 и секции 10 в Старом Гостином дворе (табл. 2–7)¹.

¹ См. отчеты об археологических исследованиях А. Г. Векслера за 1995–1999 гг.

Таблица 2. Ильинка, д. 3/8, стр. 5. Распределение керамики по слоям (КБ – тип Б; БА – тип А; ББ – Тип Б; БВ – Тип В; КВ – тип В; БКР – белая красная роспись; С – серая; М – мореная; ЧЛ – черн.-лощ.; КЛ – краснолощ.; ЧЛ – чернолощ.; БЛ – белолощ.; К/а – красная ангобиров.; Б/а – белая ангобиров.; н – наружу; и – изнутри).

Пласт	Глубина (см)	Керамика													Всего
		красная			белая			мореная		ангоб		лощенная			
		А	Б	В	А	Б	В	С	М	К/а	Б/а	КЛ	ЧЛ	БЛ	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
1	0-20	1	–	–	8	57	80	–	63	–	2	9	42	4	266
2	20-40	–	–	–	1	–	11	–	–	–	–	–	6	–	18
3	40-60	–	5	13	–	17	11	2	–	–	–	1	4	–	53
4	60-80	–	–	5	–	14	18	1	–	–	–	2	9	–	49
5	80-100	–	15	27	3	23	13	2	–	–	2	2	15	–	102
6	100-120	–	64	16	–	12	10	15	–	2	–	15	7	–	141
7	120-140	2	142	129	–	40	25	18	–	4	–	37	5	–	402
8	140-160	–	73	119	–	19	–	17	–	–	–	36	1	–	265
9	160-180	–	137	65	–	16	17	19	–	1	–	33	16	–	304
10	180-200	–	108	27	–	20	7	20	–	10	–	26	12	–	230
11	200-220	–	37	19	–	11	6	26	–	–	–	7	5	–	111
12	220-240	1	53	26	–	2	18	1	–	–	–	37	–	–	138
13	240-260	16	24	11	1	6	9	25	–	–	–	116	1	–	209
14	260-280	4	58	50	10	–	12	21	–	–	–	39	2	–	196
15	280-300	11	73	51	1	15	7	13	–	1	–	20	1	–	193
16	300-320	18	115	34	1	40	9	36	–	–	–	11	10	–	274
17	320-340	25	46	4	–	12	5	51	–	–	–	9	–	–	152
18	340-360	3	43	10	5	14	4	26	–	–	1	6	4	1	118
19	360-380	2	35	18	9	15	14	126	–	2	–	22	8	–	251
20	380-400	11	169	22	6	42	–	42	–	2	–	18	12	–	324
21	400-420	9	21	6	–	6	–	220	–	–	–	9	–	–	271
22	420-440	18	11	–	6	6	–	166	–	–	–	–	–	–	207
Всего		121	1229	652	51	387	276	847	63	22	5	455	160	5	4274

Таблица 2. Составлена по материалам раскопок на ул. Ильинке в раскопе у Теплых рядов, произведенных в 1995–1997 гг. В таблицу вошли 4274 фрагмента глиняной посуды, отобранные и представленные в отчете 1997 г. Все фрагменты были разбиты на пять групп:

– 1-я группа: красножгущаяся красная серии А – по нашей терминологии, красная грубая; красная серии Б – красная гладкая ранняя; красная серии В – красная гладкая;

– 2-я группа: белая серии А – белая грубая; белая серии Б – белая шероховатая; белая серии В – белая гладкая²;

– 3-я группа – серая и мореная;

– 4-я группа – расписная ангобом белым и красным;

– 5-я группа – лошенная красная, чернолощенная и белолощенная.

Первоначально существовала и 6-я группа – ее можно квалифицировать как поливную керамику (с глазурью, майолика, фарфорофаянсовая). (К сожалению, эта группа не всегда фиксировалась при камеральной обработке.) Всего было выделено 13 колонок.

Большим количеством фрагментов представлены колонки, где собраны черепки с красной, белой, серой и лошенной керамикой (красной и чернолощенной)³. Колонки 1, 4, 8, 9, 10, 13

² Мы намеренно оставили в таблице все выделенные типы, по которым раскладывалась керамика по пластам.

³ Здесь также намеренно оставлены привычные каждому археологу термины: «красная» вместо «красножгущаяся», «белая» вместо «беложгущаяся», «серая» и т. д.

содержат мало материала. Объясняется это двояко. Прежде всего, мало посуды, сделанной в этом ключе, но это объяснение маловероятно. Нам представляется, что само выделение этих типов посуды было излишним. Признаки, которыми были описаны эти типы посуды, не работают при визуальном распределении керамики. Следовательно, эти колонки можно соединить с соседними.

Например, выделение колонки «белолощенные черепки» (колонка 13) явно лишнее, так попавшие сюда экземпляры, вероятнее всего, брак в результате плохого или неудачного обжига в восстановительной среде (без доступа кислорода). Хорошо известно, что чернолощенная посуда чаще всего сделана из беложгущейся глины потому, что она позволяет выдерживать высокие температуры в горнах.

Колонки 9 и 10 представляют расписную керамику – белую керамику, расписанную красным ангобом. Такой посуды явно мало. Да и керамики с белым ангобом тоже не так много, учитывая мизерный процент от общего числа: 5 и 22 экземпляров из 4274. Значит, их можно аккумулировать в одной колонке – «ангобированная или расписная». Когда-то в русском и украинском гончарстве был термин «беленая», «малюванная» (т. е. с росписью).

Относительно колонок 1 и 4 также можно сказать, что они излишни. Археолог, раскладывающий керамику, наверное, не раз был в затруднении, как их квалифицировать. В них попадает керамики менее 3,0% в первом случае и во втором менее 1,1%. Наиболее вероятно, необходимо эти колонки также соединить с соседними.

Вызывает удивление, что мореной керамики всего 63 экз., причем найдена она в верхнем пласте. Это маловероятно, так как мореная керамика была весьма популярна во все эпохи, и поверить, что она обнаружена только в первом слое, невозможно. Скорее всего, перед нами опять ошибки при сортировке керамики.

Серая керамика явно растянута по слоям. Здесь также можно предположить ошибку при раскладывании керамики по типам. За серую керамику была принята мореная керамика, что весьма вероятно.

Из наиболее интересных фактов поведения керамики в данной таблице можно отметить присутствие белой керамики в нижних слоях, что свидетельствует об одновременном существовании красной и белой керамики. Пожалуй, это самое главное наблюдение. Надо сказать, что одновременное сосуществование посуды из белой и красной глины – факт очень важный, свидетельствующий об умении местных гончаров использовать различные глины.

Лощеная керамика появилась так же рано, как красная и белая. То есть она практически синхронна серой, красной, белой и мореной. Тоже очень важный факт.

Таблица 3 была составлена в наши дни М. Г. Гусаковым, просмотревшим около 2000 фрагментов из раскопок на Ильинке в 1998 г. (хранятся в архиве Выставочного комплекса Старого Гостиного двора)⁴. В данном случае мы решили проверить и сравнить сортировочную работу, сделанную в 1995–1998 гг., с мнением специалиста. Для работы отобраны только венчики – всего 372 экз. Фрагменты керамики разделялись по тем же признакам, как это было принято в 1995–1998 гг., но добавился новый признак – наличие валика по краю венчика, снаружи и внутри (*Векслер, Гусаков, Беркович, 2012. С. 421–430*).

В таблице 3 работают те же колонки: красная, белая, мореная и серая, остальные колонки представлены небольшим количеством образцов. Ясно, что часть колонок были выделены излишне. Например, красную или белую посуду можно просто разделить на грубую, приспособленную для кухни и хранения продуктов, и посуду столовую. То же можно сказать и о мореной посуде. Она присутствует во всех пластах вместе с красной и белой. Серая керамика в основном сосредоточена в нижней части таблицы, т. е. отражает время, когда ее изготавливали. Совсем мало образцов лощеной посуды.

Надо заметить, что в таблице 3 все формы, независимо от глины присутствуют одновременно. И еще одно наблюдение: венчиков с наружным валиком немного больше, чем с валиком внутри (табл. 3, А, Б). По-видимому, этот признак также малозначим при работе по систематизации посуды, как, например, наличие линейного орнамента.

⁴ М. Г. Гусаков в начале своей многолетней археологической деятельности 18 лет (1966–1984 гг.) работал в Лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР в кабинете истории керамики под руководством А. А. Бобринского и провел с ним восемь экспедиций в составе Комплексного отряда по изучения гончарства (КОИГ) на территории России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы.

Таблица 3А. Ильинка, д. 3/8, стр. 5. Распределение керамики по слоям. Венчик завернут внутрь. Раскладка М.Г. Гусакова (см. условные обозначения к табл. 2).

Плост	Глубина (см)	Керамика									Всего
		КА	КБ	БА	ББ	КМ	М	С	КЛ	Г	
3	40-60	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
4	60-80	3	–	1	–	–	1	–	–	–	5
5	80-100	3	1	–	–	–	4	–	–	–	8
6	100-120	4	3	–	–	–	4	–	–	1	12
7	120-140	5	2	1	–	–	4	1	–	–	13
8	140-160	4	3	2	2	1	3	–	–	–	15
9	160-180	6	3	–	1	–	7	–	–	–	17
10	180-200	4	–	1	–	–	6	–	–	–	11
11	200-220	4	–	–	–	–	2	–	–	–	6
12	220-240	1	1	1	–	–	2	–	–	–	5
13	240-260	3	–	–	–	–	1	–	–	–	4
14	260-280	2	–	1	–	–	2	–	–	–	5
15	280-300	3	1	–	–	–	2	1	–	–	7
16	300-320	4	2	1	2	–	5	1	–	–	15
17	320-340	3	3	1	1	–	4	–	–	–	12
18	340-360	3	1	1	1	–	–	2	1	–	9
19	360-380	3	1	3	1	–	4	–	–	–	12
20	380-400	2	1	1	2	–	4	–	–	–	10
21	400-420	–	1	–	–	–	2	–	–	–	3
22	420-440	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего		57	23	16	10	1	57	5	1	1	171

Таблица 3Б. Ильинка, д. 3/8, стр. 5. Распределение керамики по слоям. Венчик завернут наружу. Раскладка М.Г. Гусакова (см. условные обозначения к табл. 2).

Плост	Глубина (см)	Керамика											Всего
		КА	КБ	БА	ББ	КМ	М	С	ЧЛ	КЛ	БЛ	К/а	
4	60-80	1	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	3
5	80-100	–	–	1	1	–	1	–	–	–	–	–	3
6	100-120	4	–	1	–	1	1	–	–	–	–	–	7
7	120-140	6	–	1	–	–	4	–	–	–	–	1	12
8	140-160	4	–	4	1	2	4	–	1	–	2	–	18
9	160-180	2	–	2	1	2	5	–	–	–	–	–	12
10	180-200	3	1	1	3	1	5	–	–	–	–	–	14
11	200-220	–	–	1	1	–	4	–	–	–	–	–	6
12	220-240	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
13	240-260	1	–	–	–	–	2	1	–	–	–	–	4
14	260-280	1	–	–	–	1	3	–	1	–	–	–	6
15	280-300	3	–	1	1	–	3	–	–	–	–	–	8
16	300-320	4	1	3	4	–	2	2	–	–	–	–	16
17	320-340	2	1	2	3	–	4	1	1	–	–	–	14
18	340-360	3	1	4	4	–	2	2	2	–	–	1	19
19	360-380	4	1	2	9	–	4	1	3	1	–	–	25
20	380-400	2	2	2	3	–	4	–	–	–	–	–	13
21	400-420	–	1	1	5	–	1	1	–	–	–	–	9
22	420-440	1	–	1	2	–	1	1	–	–	–	–	6
23	440-460	–	–	1	–	–	2	1	–	–	–	–	4
Всего		41	8	30	38	7	53	10	8	1	2	2	200

Мы приводим здесь еще четыре таблицы с результатами раскладки керамики из раскопов Старого Гостиного двора в 1995–1998 гг. Всего в таблицах 4–7 представлено 95 113 фрагментов керамики.

Кратко остановимся на ряде замечаний общего характера.

Исходное сырье. Прежде всего, начнем с того, что действительно термины «красная», «белая», «серая» давно себя изжили (Коваль, 1999). На самом деле речь идет не о цвете глины, а об ее химических свойствах и пластичности. И здесь мы должны сказать, что посуду делают как из жирных, так и тощих глин, мягких или тугих. Однако все глины требуют предварительной обработки перед их использованием.

Примеси. Песок и дресва дают возможность выдержать достаточно высокую температуру обжига, но его чаще всего проводили в домашних печах, где температура не превышала 500–600 градусов. Песок и дресву вводили также для уменьшения усадки. Но главное, для чего вводили песок или дресву, – чтобы при работе на легких кругах (поворотном столике) удержать форму от завала. Форму делали спиральным или кольцевым налепом, навивом, навиванием. При жидкой глине или очень мягкой форма не выдерживает высоты и валится. Вот и нужны были песок и дресва, чтобы удержать форму. При работе на ножном круге нужды в таких добавках нет: за счет центробежной силы глина, пребывая в очень пластичном состоянии, держится и так. Поэтому, когда вы видите в изломе большое количество песка или дресвы (или другого минерала в качестве искусственной примеси), ясно, что сосуд сделан на ручном круге легкого типа. Правда, в Белоруссии одному из авторов этой статьи доводилось наблюдать, как глиняную посуду делали ручным способом на ножных кругах (Бобринский, 1978). Констатация факта, что горшок содержит в качестве примеси песок, практически ничего не дает с точки зрения характеристики местного гончарства, но тут же появляются другие вопросы: какова концентрация песка на один квадратный сантиметр, его размерность и т. д.

Во-первых, посуда, сформованная на ручном утяжеленном круге и особенно, на ножном круге, не нуждается в примесях. Напротив, эти примеси мешают и режут пальцы при быстром вращении круга. Многие гончары по старинке добавляют в тесто немного песка, но это скорее дань традиции, чем технологическая необходимость (Бобринский, 1978). Примером может служить белая, или беложгущаяся глина (тощая, или огнеупорная),

идущая также на изготовление посуды. Во-вторых, плотность белой глины достаточна, чтобы сделать сосуд водонепроницаемым. Для того чтобы глина стала пластичнее, ее долго отмучивают в «творильной яме», где она очищается от мелких фракций органики, что уменьшает пористость при обжиге (Бобринский, 1991). Дополнительным способом уплотнения белой глины служит обжиг в восстановительной среде в горнах.

Формовка. Археологу обязательно необходимо знать признаки, указывающие, как делали посуду: вручную на круге (ручном или ножном) или фабричным способом, литьем в форму. Надо знать свойства глины, ее поведение при простой лепке и как она ведет себя на круге. Археолога интересует венчик – наиболее изменчивая во времени часть посуды. В гончарстве существует большое количество вариантов изготовления венчиков – завершающей стадии изготовления формы. Мы до сих пор задаемся вопросом: почему заворачивают венчик внутрь или во внешнюю сторону? Впервые это особенность отметил Розенфельдт (1968). Ответ находим в технологии изготовления. При изготовлении ручной приемы налепной технологии (спиральный, кольцевой, лоскутный или комбинированный) дают чаще всего венчик короткий, без отворота внутрь или наружу. Обычно мастера делают обрезку края ножом или нитью, потом его заглаживают пальцем или тряпкой. Это хорошо видно на горшках баночного типа – дьяковских, штрихованных и т. д. Когда тесто изрядно насыщено песком или дресвой, край венчика часто трескается, его приходится часто заглаживать. Заворот венчика во внешнюю сторону затруднителен, обычно это ведет к многочисленным растрескиваниям края. На самом деле так называемый заворот венчика – результат обработки венчика ножом (Сарачев, 2000). Короткий венчик для дополнительного укрепления обрабатывается пальцевым налепом. Правда, есть еще вариант: когда кладется последний жгут или лента, ее специально разминают и выводят наружу в виде небольшого раструба.

При работе на ручном круге легкого типа край венчика выходит так же плохо, как и при работе без круга. Люфт поворотного столика и плохая центровка создают трудности для обточки ножом, что ведет к неравномерной обработке края. При обточке края венчика снаружи ножом часть глиняной массы затекает на внутреннюю поверхность края, образуя валик. Это и есть валик изнутри – его оставляют. Сейчас трудно сказать, кто первый написал, что он делался с целью удерживать крышку. Археологическая литература пестрит

Таблица 4. Старый Гостинный двор. Сбор керамики по пластам на раскопе 1. Участок 1 (см. условные обозначения к табл. 2).

Пласт	Глубина (см)	Керамика														Всего
		красножгуц.			беложгуц.			ангоб		мореная		лощенная			Глазурь	
		А	Б	В	А	Б	В	К/а	Б/а	С	М	КЛ	ЧЛ	БЛ	Полива	
14	260-280	46	—	—	51	2	—	—	—	—	—	2	8	—	—	109
15	280-300	5	11	—	6	—	334	1	—	—	—	31	52	—	1	441
16	300-320	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	40	—	—	90
17	320-340	—	—	149	—	—	88	13	—	—	—	19	20	—	3	292
18	340-360	—	—	45	15	—	126	1	—	—	—	5	21	—	2	215
19	360-380	—	—	47	10	—	217	2	—	—	—	14	35	—	—	325
20	380-400	7	—	60	12	—	239	1	—	—	2	2	42	—	—	365
21	400-420	11	—	74	81	—	211	9	—	—	—	19	19	—	—	424
22	420-440	2	—	6	14	—	71	—	—	—	—	—	2	—	—	95
23	440-460	—	—	37	—	—	102	—	—	—	—	7	5	—	—	151
24	460-480	—	—	22	—	—	66	—	—	—	—	1	—	—	—	89
25	480-500	18	—	68	70	—	189	—	—	—	—	42	36	—	2	425
26	500-520	47	—	401	36	—	824	17	—	2	—	55	45	—	—	1427
Всего		136	11	959	295	2	2467	44	—	2	2	197	325	—	8	4448

Таблица 5. Старый Гостинный двор. Сбор керамики по пластам на раскопе 5 (см. условные обозначения к табл. 2).

Пласт	Глубина (см)	Керамика																Всего
		красножгуц.			беложгуцаяся			мореная		ангоб		лощение			полива			
		А	Б	В	А	Б	В	С	М	К/а	Б/а	КЛ	ЧЛ	БЛ	глаз.	майол.	ф-ф	
29	560-580	3	–	126	–	–	558		34	8	–	34	148	–	–	8	5	924
30	580-600	14	–	42	591	–	1146	3	–	1	–	41	486	–	22	15	1	2362
31	600-620	8	–	79	–	–	1430	2	–	–	–	22	416	–	4	2		1963
32	620-640	43	–	161	–	–	3468	32	–	12	–	71	931	–	12	1	1	4732
33	640-660	20	–	62	–	–	1510		–	6	–	12	612	–	5	–	–	2227
34	660-680	21	–	160	–	–	3535	5	–	12	–	37	1083	–	18	1	1	4873
35	680-700	27	–	217	–	–	4756		–	15	–	81	976	–	19	–	–	6091
36	700-720	18	–	649	–	–	2305	2	–	29	–		708	–	22	–	–	3733
37	720-740	27	–	850	–	–	1990	3	–	48	–	139	581	–	5	–	–	3643
38	740-760	28	–	1530	40	–	2068	5	–	66	–	187	425	–	10	–	–	4359
39	760-780	18	–	1254	–	–	1186		–	34	–	135	52	–	3	–	–	2682
40	780-800	37	–	2268	–	–	1399	5	–	40	–	293	55	–	6	–	–	4103
41	800-820	37	–	442	–	–	291		–	8	–	173	4	–	2	–	–	957
42	820-840	20	–	401	–	–	96	4	–	4	–	117	–	–	2	–	–	644
43	840-860	78	–	886	–	–	99	5	–	4	–	177	–	–	1	–	–	1250
44	860-880	198	–	476	52	–	–	21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	747
45	880-900	47	–	119	–	–	5		–	–	–	29	–	–	–	–	–	200
46	900-920	69	–	24	–	–	–	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	106
47	920-940	55	–	7	–	–	–	40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	102
48	940-960	65	–	7	1	–	–	85	–	–	–	1	–	–	–	–	–	159
49	960-980	8	–	9	–	–	–	25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	42
50	980-1000	8	–	4	–	–	–	24	–	1	–	–	–	–	–	–	–	37
51	1000-1020	78	–	9	12	–	–	72	–	1	–	–	–	–	–	–	–	172
Всего		927	–	9782	696	–	25842	346	34	289		1549	6477	–	131	27	8	46108

Таблица 6. Старый Гостиный двор. Сбор керамики по пластам в раскопе 6 (см. условные обозначения к табл. 2).

Пласт	Глубина (см)	Керамика																	Всего
		красная			белая			ангоб		Кург.	С	М	лощенная			поливная			
		А	Б	В	А	Б	В	К/а	Б/а				КЛ	ЧЛ	БЛ	глаз.	майол.	ф-ф	
31	600-620	—	—	6	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17
32	620-640	—	—	49	25	—	3		—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	81
33	640-660	2	—	270	156	—	5	3	—	—	—	—	21	2	—	—	—	—	459
34	660-680	6	29	394	359	—	8	2	—	—	4	—	43	—	—	—	—	—	845
35	680-700	24	25	340	102	—	5	4	—	—	3	4	82	—	—	—	—	—	589
36	700-720	15	32	264	25	—	—	2	—	—	4	—	29	—	—	—	—	—	371
37	720-740	69	84	70	25	—	—	2	—	2	99	—	80	—	—	—	—	—	431
38	740-760	77	39	21	—	—	—	—	—	1	253	—	35	—	—	—	—	—	426
39	760-780	31	19	56	37	—	—	1	—	1	291	—	16	—	—	—	—	—	452
40	780-800	16	1	10	1	—	—	—	—	13	79	—	7	—	—	—	—	—	127
41	800-820	7	34	105	77	—	—	3	—	2	79	1	20	1	—	—	—	—	329
42	820-840	58	48	93	7	—	2	—	—	42	338*	—	43	—	—	—	—	—	631
43	840-860 (материк)	—	—	—	—	—	—	—	—	11	366	—	—	—	—	—	—	—	377
Всего		305	311	1678	825	—	23	17	—	72	1516	5	377	6	—	—	—	—	5135

Таблица 7. Старый Гостиный двор. Сбор керамики по пластам в подвале секции 10 (см. условные обозначения к табл. 2).

Пласт	Глубина (см)	Керамика																Всего
		красножгуц.			беложгуц.			росписная		мореная		лощенная			поливная			
		А	Б	В	А	Б	В	К/а	Б/а	С	М	КЛ	ЧЛ	БЛ	глаз.	майол.	ф-ф	
28	540-560	126	3	—	3	558	—	8	—	—	34	34	149	—	—	5	5	925
29	560-580	14		—	10	332	—	—	—	—	—	—	107	—	10	—	—	473
30	580-600	28	14	—	814	591	5	1	—	3	—	31	389	—	12	—	1	1889
31	600-620	79	8	—	—	1430	2	—	—	2	—	22	416	—	4	—	—	1963
32	620-640	161	43	—	—	3468	1	12	—	26	—	71	931	—	12	—	1	4726
33	640-660	62	20	—	—	1510	—	6	—		—	12	612	—	5	—	—	2227
34	660-680	160	21	—	—	3535	1	12	—	5	—	37	1083	—	18	—	1	4873
35	680-700	217	27	—	—	4756	—	15	—		—	81	976	—	19	—	—	6091
36	700-720	649	18	—	—	2305	—	29	—	2	—	—	708	—	22	—	—	3733
37	720-740	850	27	—	—	1990	—	48	—	3	—	139	581	—	5	—	—	3643
38	740-760	1536	28	—	—	2560	—	70	—	10	—	187	424	—	10	—	—	4825
39	760-780	1254	18	—	—	1186	—	34	—	—	—	398	52	—	3	—	—	2945
40	780-800	584	33	—	—	181	—	7	—	5	—	293	1	—	5	—	—	1109
Всего		5720	260	—	827	24402	9	242	—	56	34	1305	6429	—	125	5	8	39422

такими фразами. Однако это маловероятно: после обжига, как правило, крышки и венчики горшков, часто из-за разной усадки, не совпадают (Векслер, Гусаков, Беркович, 2012).

Обработка поверхности. В литературе по керамике часто пишут: «лощенная», «ангобированная», «задымленная», «мореная», «обварная», «томленная», «храповатая» керамика. Однако никто не отмечает,

что поверхность посуды специально обрабатывалась, чтобы не пропускать воду (жидкость) или, как говорят гончары, «не потеть». Перечисленные способы связаны прежде всего с неполивной керамикой – это приемы, заменяющие поливу. Керамика с обработанной поверхностью совершенно точно свидетельствует, что она предназначена для жидкостей в противовес неполивной, нелощенной, необварной. Посуда

Рис. 1. Ручные круги (по: Бобринский, 1991. С. 37. Рис. 11–12)

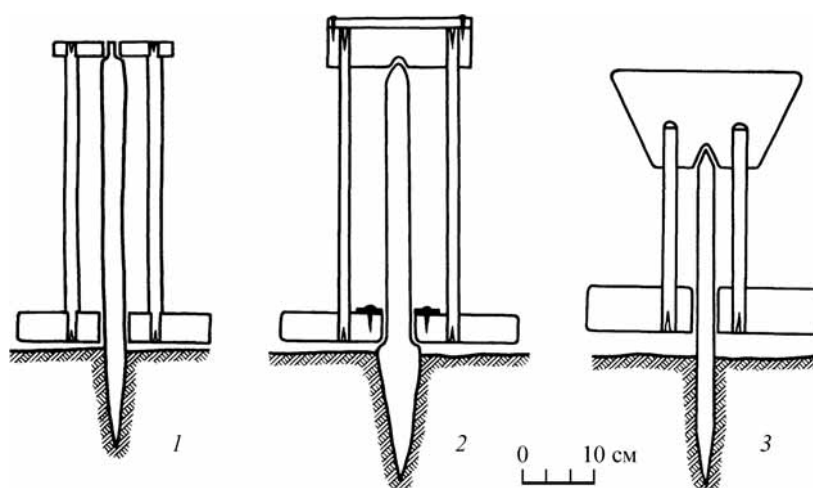

Рис. 2. Круги со спицами – переходные формы от ручных кругов к ножным (по: Бобринский, 1991. С. 41. Рис. 15)

1, 2 – Смоленская обл.; 3 – Полтавская обл.

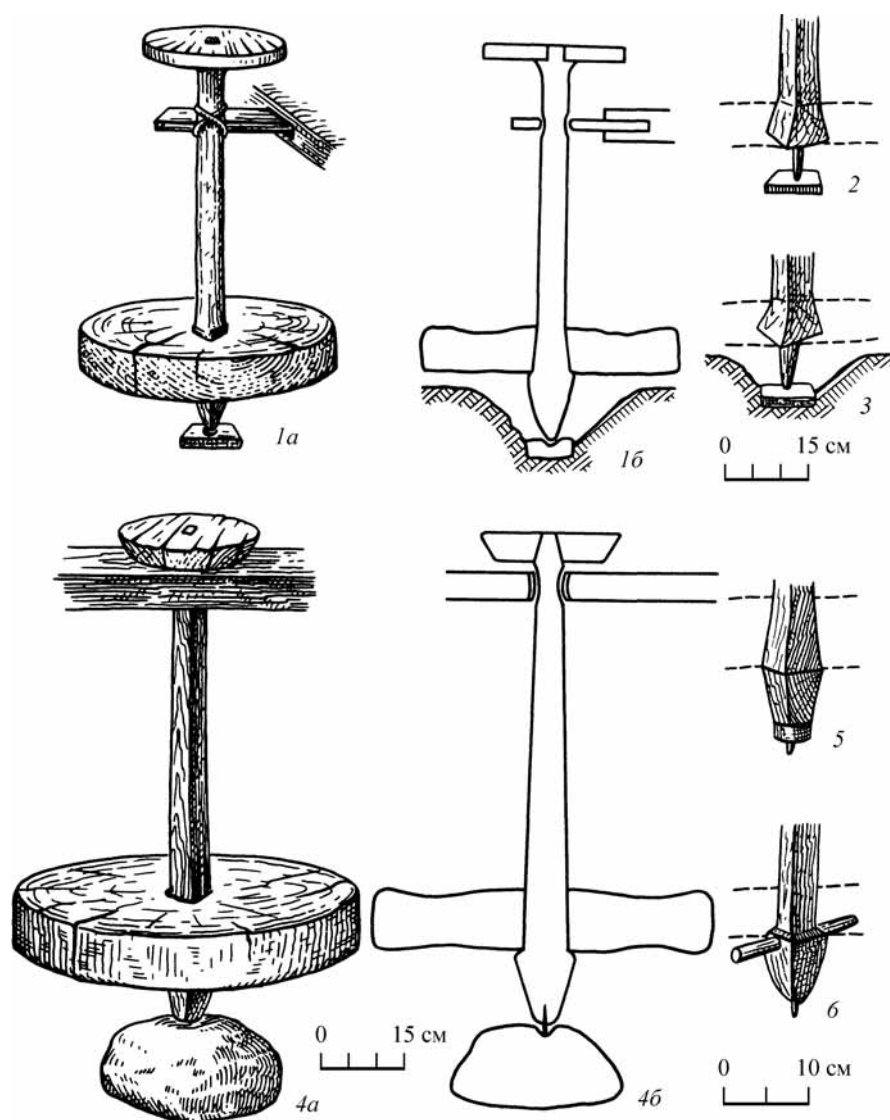

Рис. 3. Ножные круги (по: Бобринский, 1991. С. 43. Рис. 16)

для хранения сыпучих продуктов (зерна, соли и т. д.) может обойтись и без дополнительной обработки поверхности.

Наиболее употребительными способами обработки поверхности сосуда в древности были лощение и обваривание (Бобринский, 1968). Укрепление поверхности этими способами делалось независимо от того, как она была сделана – от руки, т. е. без помощи круга, или на ручном кругу. Обваривание – прием, обеспечивающий дополнительную прочность поверхности сосуда. Известно три варианта обваривания:

– томление, обваривание, морение. Сосуды, раскаленные докрасна, вынимают из печи и купают в корыте с отрубями, половой или в хлебном растворе. Вся партия опять ставится в печь и вы-

нимается из нее на следующее утро. Сосуды ставят томиться. Обваренные сосуды после купания размещают на полках и остужают на воздухе (Бобринский, 1978). Цвет поверхности сосуда после обвары становился от иссиня-черного до темно-серого или темно-коричневого;

– пятнистые – обрызгивают обварой и оставляют на воздухе (Бобринский, 1978). Такая керамика может быть обварена только с внешней стороны, с обеих сторон, а может быть обварена только изнутри;

– задымливание или синение при восстановительном обжиге. На самом деле это типичный недожог, или обжиг, не доведенный до конца. Сосуды получают серого цвета, в изломе цвет тоже серый или темно-серый. Довольно часто

Рис. 4. Ручной круг, гончар Адольф Койра (Литва, 1969 г. Материалы КОИГ. Архив М.Г. Гусакова)

серую керамику называют курганной: она происходит в основном из курганов, однако именно этот факт и подчеркивает, что *керамика со слабым обжигом не предназначалась для использования в ежедневном быту и полный обжиг ей был просто не нужен*. Курганную керамику кое-как обожгли, чтобы через три дня поставить к покойнику. Как правило, погребальная посуда плохо обожжена — этот факт отмечен многими археологами и во многих культурах: поморской, зарубинецкой, черняховской, мощинской и других ранних культурах. Такие же наблюдения делали археологи,

занимающиеся древнерусской керамикой, в частности, так называемой курганной или городищенской (Розенфельдт, 1968. С. 7–10).

И наконец, последнее соображение. Далеко не секрет, что значительная часть археологической битой посуды покрыта черного цвета нагаром или сильно закопчена. Нет сомнения, что это кухонная, изрядно закоптившаяся посуда стала такой в результате использования в открытых очагах или в черной печи. В сущности, эта копоть — вариант обвары, но эффект водонепроницаемости достигнут не однократным,

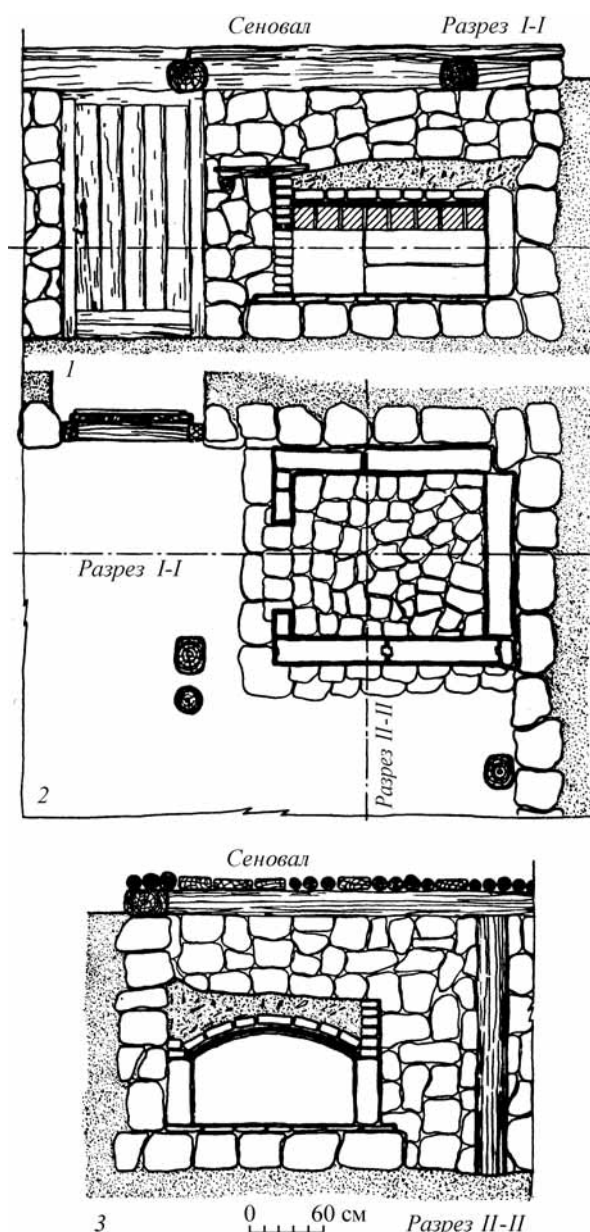

Рис. 5. Печь для обжига по-черному. Хутор Середа, Белоруссия. 1969 г. Материалы КОИГ
(по: Бобринский, 1991. С. 33. Рис. 10)

а долговременным воздействием. При определении керамики нужно устанавливать, имеем ли мы дело с обваренной посудой или закопченной – последняя легко смывается при камеральной обработке, потому что копать не проникает так глубоко, как обвара.

Об орнаментах на сосудах. Можно констатировать, что все археологические «упражнения» с орнаментами на ранней (древнерусской) и средневековой керамике ровным счетом пока ничего не дали. К сожалению, наблюдения за орнаментами в хронологическом аспекте не дают ни четкой

классификации, ни хронологических различий (Розенфельдт, 1968; Кучера, 1986; Петрашенко, 1986. С. 7–13). Отмечать наличие орнамента в ведомости, конечно, можно, но надо четко знать, что вы хотите получить. В ряде случаев орнамент предназначался для определения уровня наполнения сосуда, т.е. выполнял функции мерных знаков (по данным, полученным в Кабинете истории керамики ИА АН СССР в 60-х годах прошлого века).

Попробуем ответить на вопрос, что сегодня можно определенно сказать о московском гончарстве на примере многочисленных фрагментов

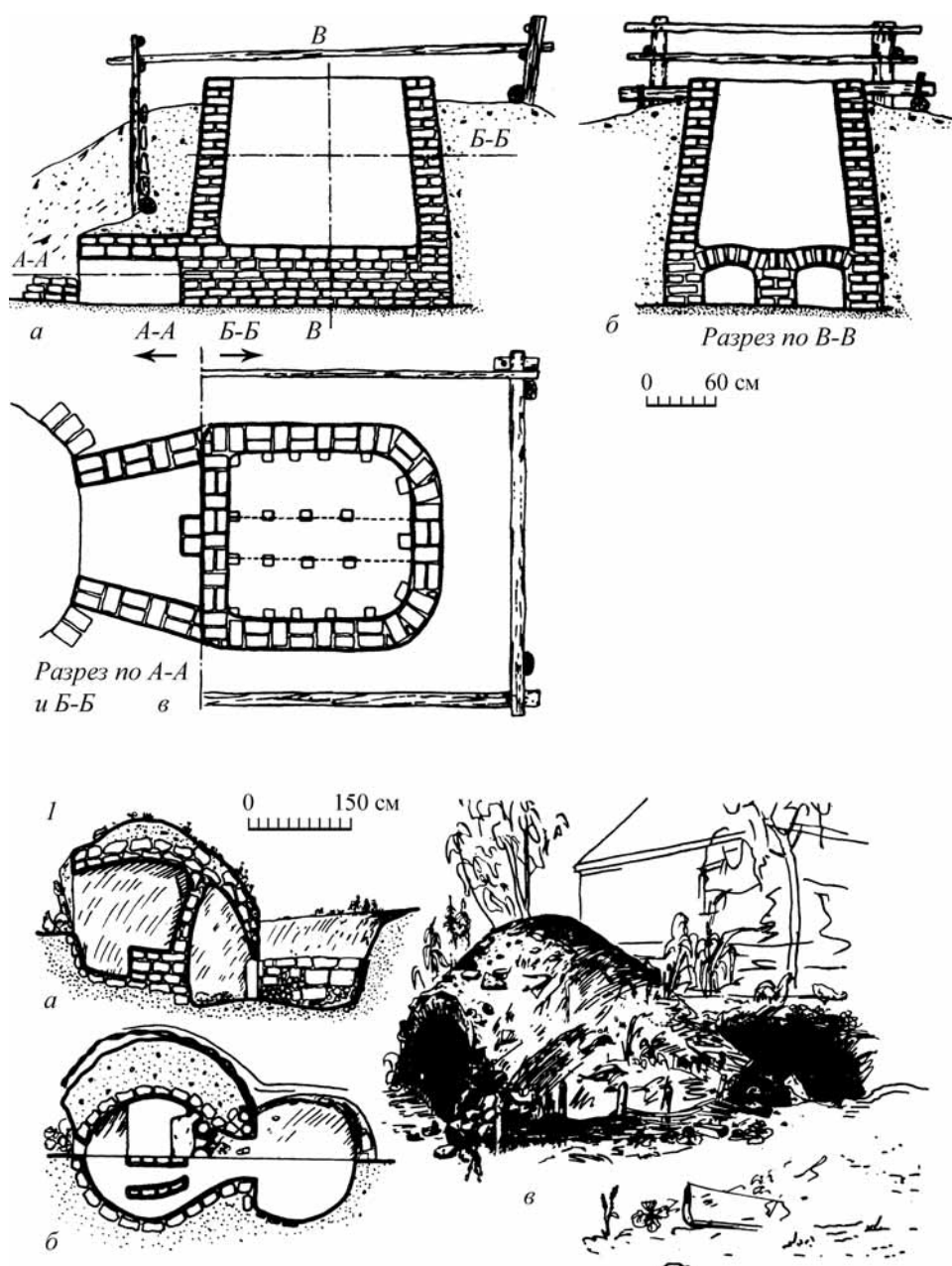

Рис. 6. Горн. Яцули, Украина (по: Бобринский, 1991. С. 76. Рис. 27).
Круглый горн. Украина (по: Бобринский, 1991. С. 73)

битой посуды? Ясно, что мы так и не представляем в полном объеме, как функционировали гончары в различные эпохи в разных местах Москвы. Нам известны горны на ул. Варварке (раскопки А. Г. Векслера 1983 г. – Векслер, 2006. С. 168–174), гончарные мастерские и горны в Гончарной слободе в устье Яузы (Рабинович, 1949; Векслер,

Костанян, 2001). Мы можем предполагать, что по мере роста Москвы в силу огнеопасности, которую представляло гончарное производство, оно выводилось из центра на периферию города. Сегодня известно еще несколько мест в Москве, где размещалось производство посуды, но об этом будет сказано в других статьях⁵.

⁵ В настоящее время нами готовится статья о горнах, раскопанных на Гончарной улице работами ЦАИ под руководством А. Г. Векслера.

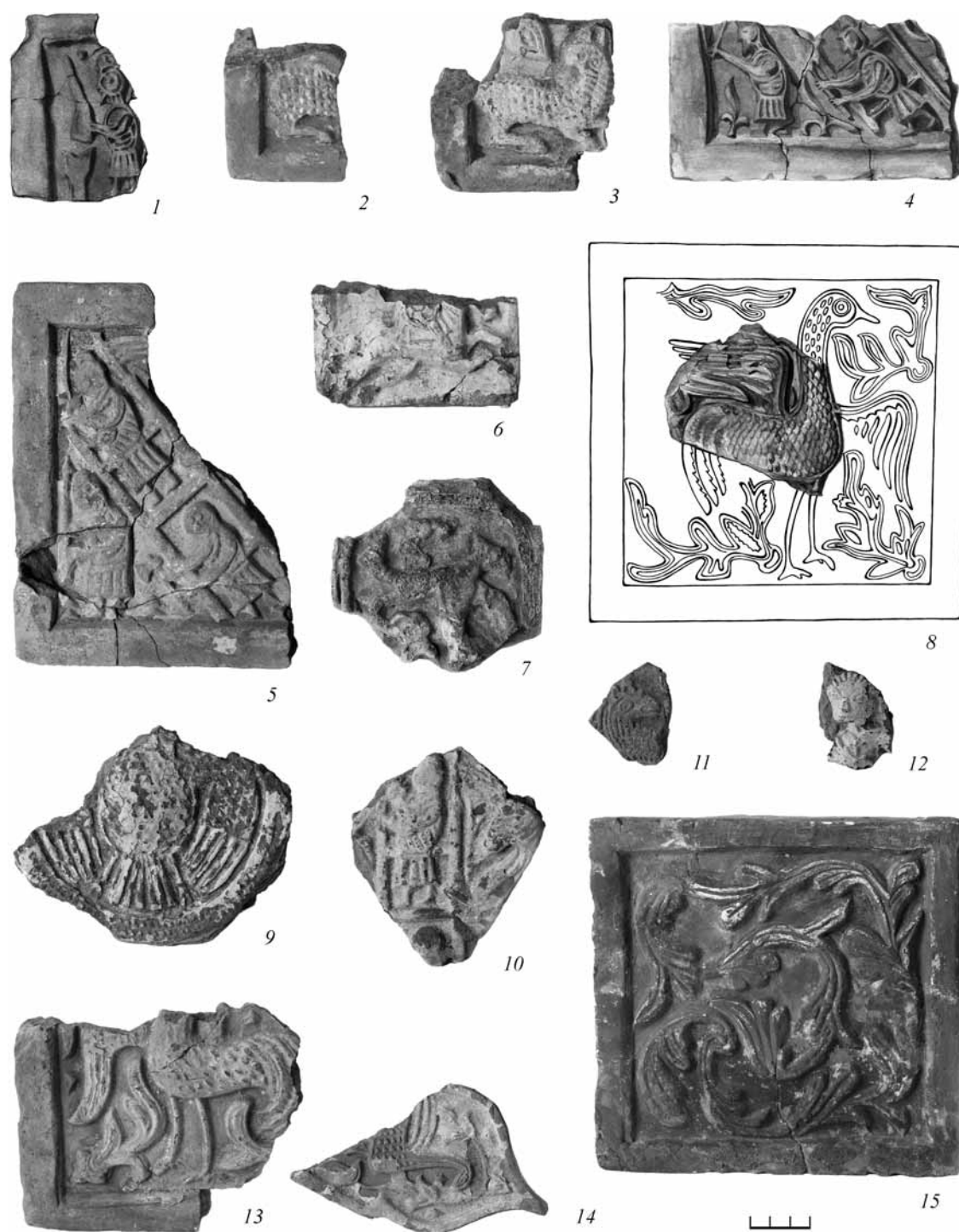

Рис. 7. Изразцы рельефные. Ул. Ильинка. Горизонт балласта XVI – первой половины XVII в.
Раскопки А.Г. Векслера

1, 4, 5, 15 – красные изразцы; 2, 3, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14 – изразцы, покрытые ангобом; 8 – реставрация лицевой части изразца

В России гончарное производство на протяжении длительного времени находилось в постоянном состоянии обновления. Из Белоруссии и Украины прибывали новые гончары старые, «московские», уходили в деревни или пригороды:

они не выдерживали конкуренции с более совершенным производством. Пожары и долгие войны позволяли деревенской продукции на короткое время овладевать городским рынком. В эти моменты в Москву шел поток деревенской посуды.

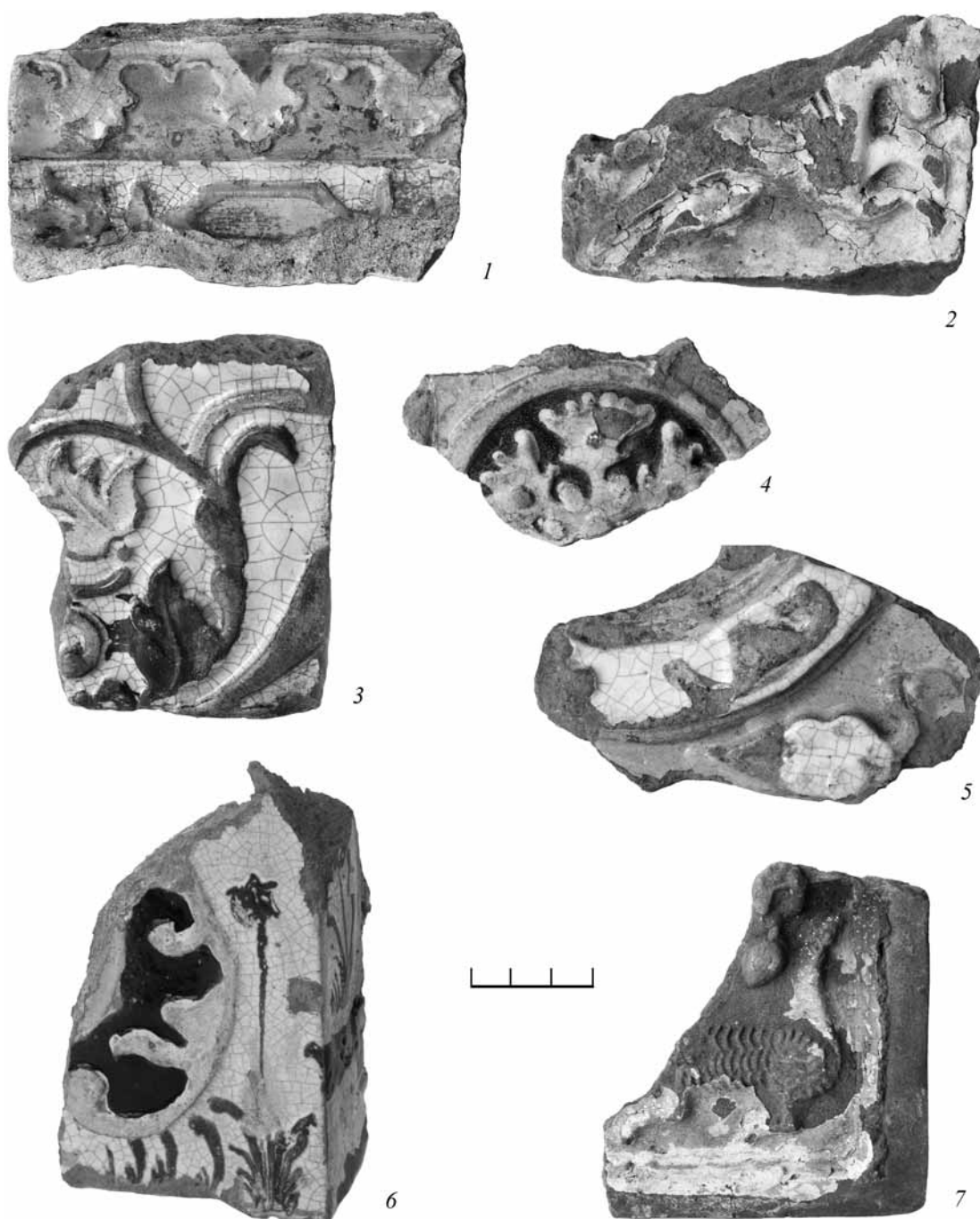

Рис. 8. Изразцы полихромные. Старый Гостиный двор.
Горизонт балласта второй половины XVII в. Раскопки А.Г. Векслера

Но с конца XVIII – начала XIX в. в наступление на гончарство пошло заводское фарфорово-фаянсовое производство. Деревенская посуда уступала дорогу более качественной и массовой продукции мануфактур и фабрик.

Гончарный круг (рис. 1–4). До 60-х годов XX в. в русских деревнях, особенно центральных областей и Севера, использовали архаичную форму

производства посуды на ручном (легком) круге. Ручной круг легкого типа – это грибовидной формы диск, сделанный из одного куска спиленного дерева. Диаметр диска был не более 25–30 см. Круг монтировался на шип, торчавший из лавки. Были круги с шипом в диске, крепившиеся в отверстие в лавке. Были круги со спицами. Но все они использовались как поворотные столики: инерции

Рис. 9. Керамика из красножгущейся глины. Ул. Ильинка. Раскопки А.Г. Векслера
 1 – крышка; 2 – мисковидный горшок; 3 – чашка; 4 – горшок; 5, 6 – реставрированные кувшины;
 7 – кубышка; 8 – кувшинчик. Горизонт III (XVI–XVII вв.)

почти не давали, и вытянуть сосуд из одного комка глины на них было нельзя. Посуда, сделанная на легких кругах, всегда содержала большой процент неорганических примесей (песок, дресва, редко шамот) при слабом печном обжиге.

В России одновременно использовались все известные виды гончарных кругов. С появлением

ножного круга возникает некое подобие «стандартной» посуды и сразу резко уменьшается многообразие форм венчиков. Ножные круги позволяли делать посуду любых форм вытягиванием глины из одного комка. Ножной круг в России появился поздно – только во второй половине XVII в. С его распространением в России стала шире

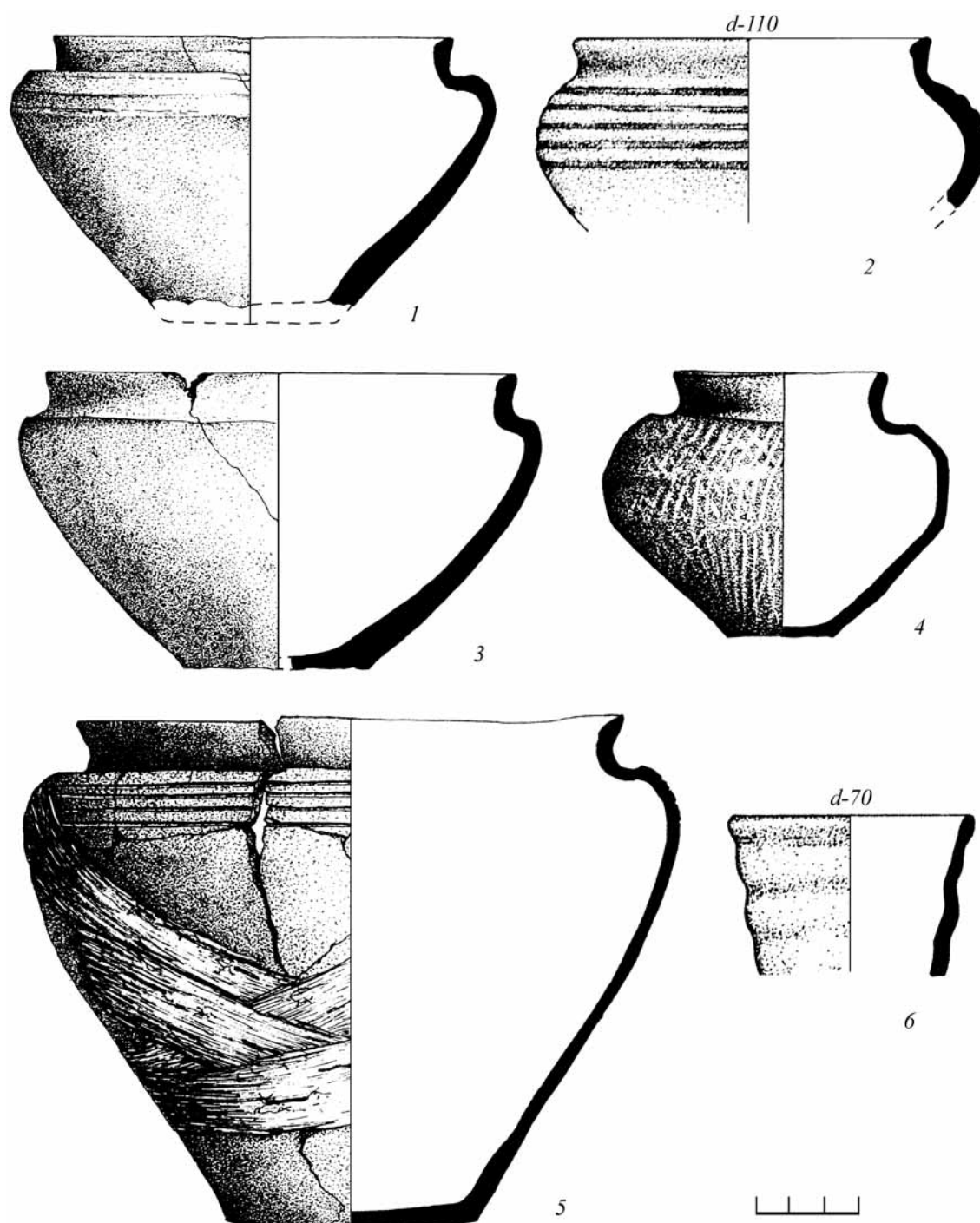

Рис. 10. Керамика из красножгущейся глины. Горшки и горло кувшина. Ул. Ильинка (1–5) и Старый Гостинный двор (6). Раскопки А.Г. Векслера

1–3 – сооружение 5, горизонт V (XIV–XV вв.); 4, 5 – сооружение 6, горизонт VI (XIV в.); 6 – горло кувшина (XV–XVI вв.)

использоваться белая глина. Она требовала повышенных температур обжига, и, следовательно, для этого нужны были горны.

Горны (рис. 5; рис. 6). Ранние горны X–XIII вв. делались из глины с деревянными каркасами. Они обнаружены в южнорусских городах. Отме-

тим их главную особенность: эти горны недолговечны и после нескольких обжигов приходят в негодность. Только с появлением конструкций из обожженного кирпича они становятся достаточно долговечными. Обжиг в горнах с деревянными каркасами мог проводиться при температуре

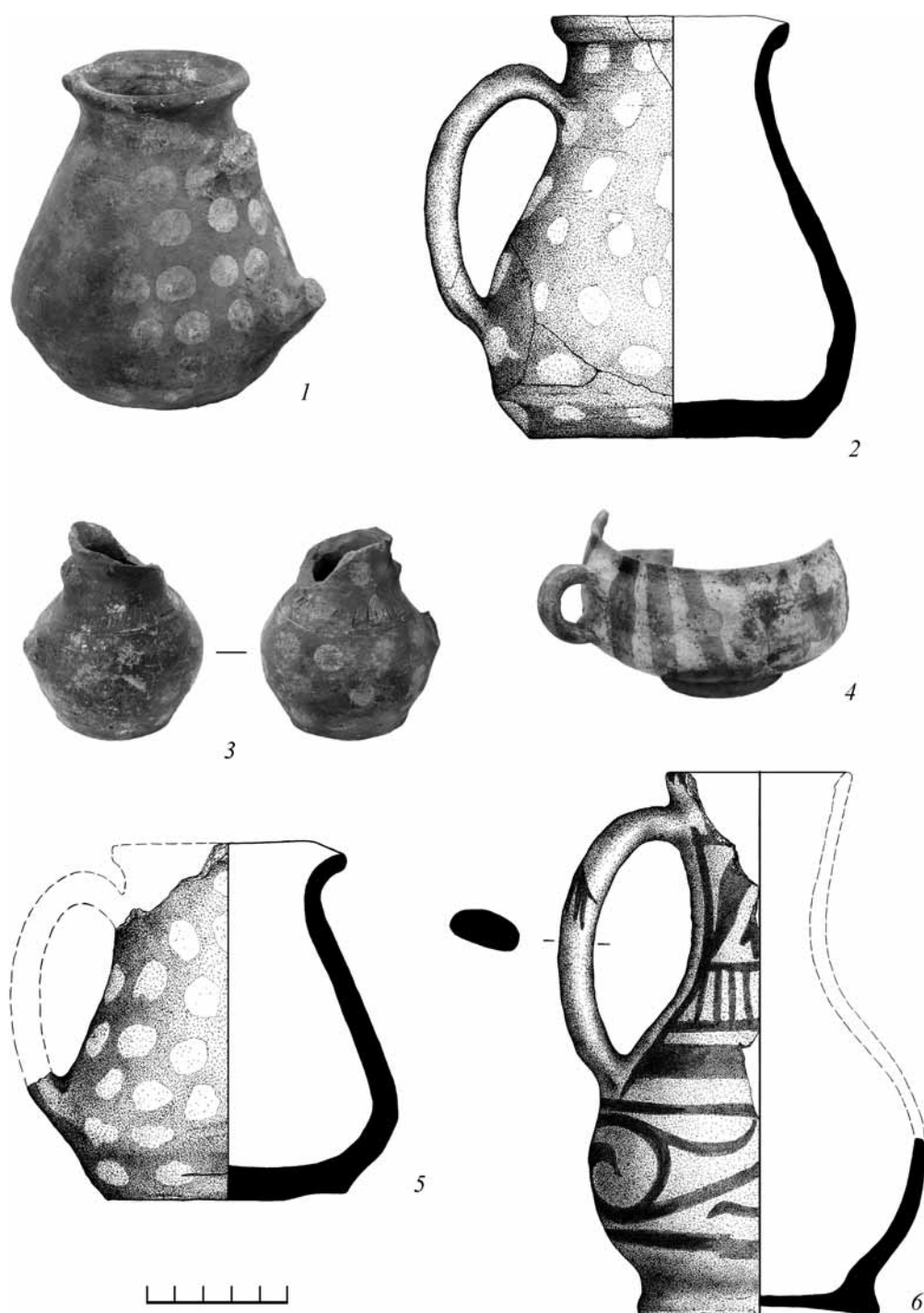

Рис. 11. Керамика ангобированная и пятнистая. Ул. Ильинка, горизонт IV (XV–XVI вв.). Раскопки А.Г. Векслера.

1–3 – кувшинчики; 4 – миска; 5 – кувшинчик; 6 – расписной кувшин

не выше 750–800 градусов, что явно недостаточно для полного прокала стенок, поэтому посуда получалась недожженная.

Появление больших горнов в Москве, вероятнее всего, можно связывать с грандиозным строительством кремлевской крепости и церквей

во второй половине – конце XV в., когда потребовалось большое число кирпичей. Эти горны поставили итальянские мастера. До XIII в. посуду на Руси обжигали в домашних печах, горны применялись только в южнорусских землях (*Кучера*, 1986). Печь топилась по-черному, у нее не было

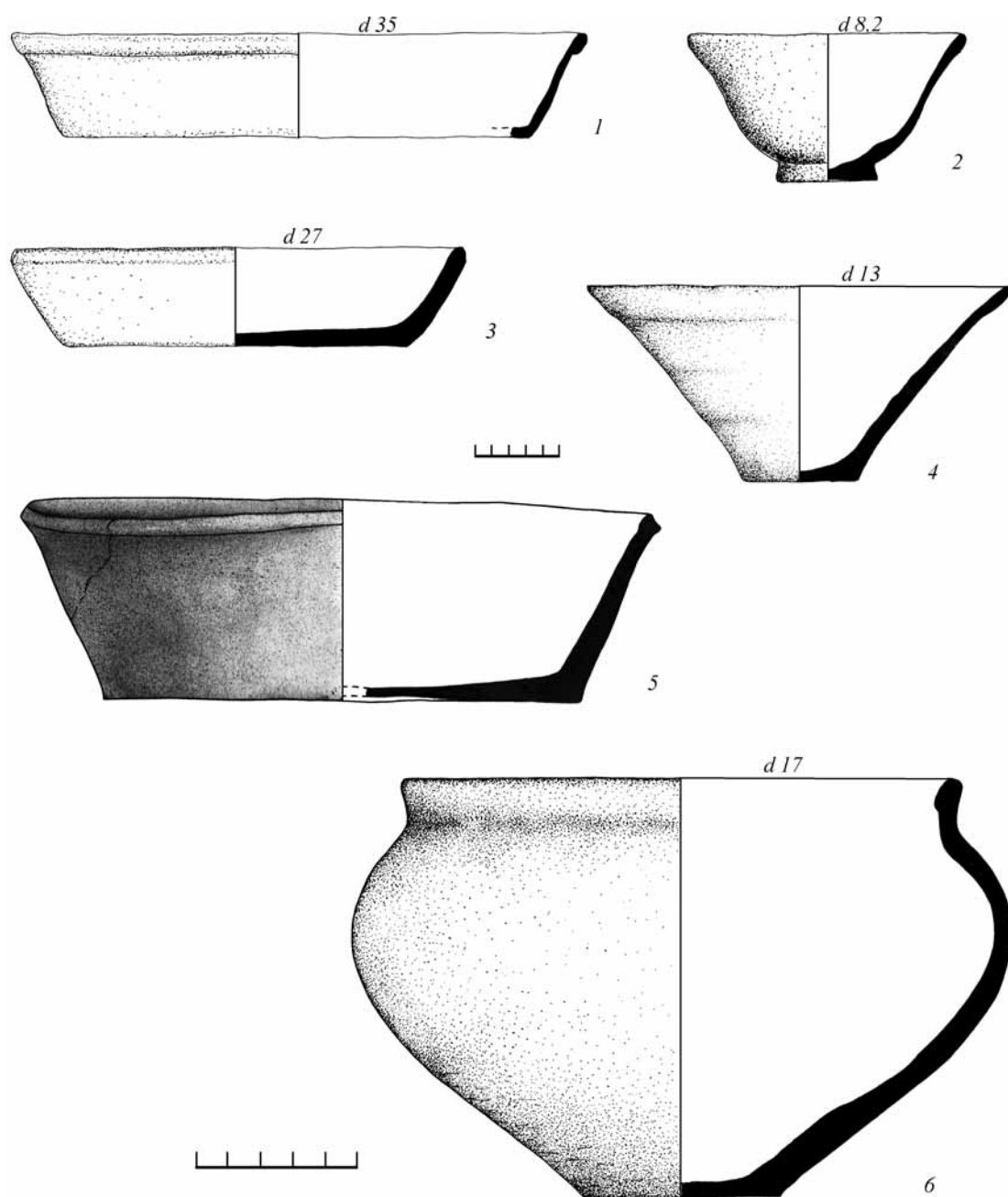

Рис. 12. Мореная посуда. Ул. Ильинка, горизонт III (XVII в.). Раскопки А.Г. Векслера
1, 3, 5 – латки; 2, 4 – чашки; 6 – горшок

дымохода и топочной камеры. Посуду также могли обжигать во дворе, обкладывая ее дровами и засыпая глиной. Горны, приспособленные для обжига обычной и глазурованной посуды, в России появились в XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968). В течение последних десятилетий ЦАИ ГУОП г. Москвы вел раскопки на ул. Гончарная, д. 5 и д. 35 и в 1-м Гончарном переулке, д. 8. Несомненный интерес представляют результаты работ на ул. Гончарной, д. 5, где удалось выявить 14

гончарных горнов, а также многочисленные ямы с гончарным браком. Среди других находок – большая коллекция глиняных игрушек, подборка красноглиняных рельефных изразцов и терракотовых плиток, комплекс полных форм сосудов, клейма на донцах, найденный в чернолощеной кубышке клад монет начала правления царя Михаила Федоровича.

Все горны, обнаруженные в ходе работ, двухъярусные (внизу располагалась топочная камера,

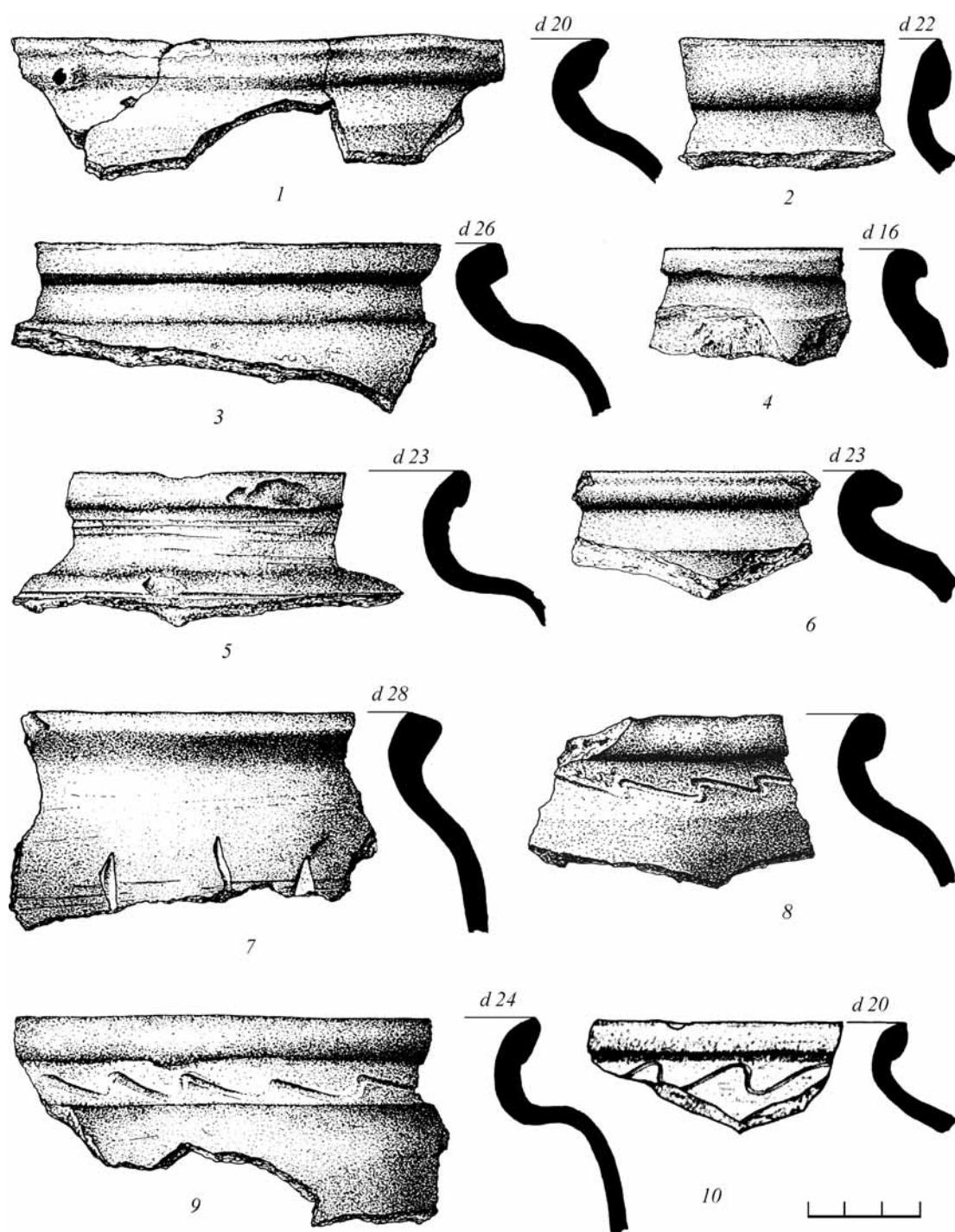

Рис. 13. Керамика из беложгущейся глины. Венчики горшков.
Старый Гостиный двор, горизонт IV (XV–XVI вв.). Раскопки А.Г. Векслера

сверху – камера обжига). По форме их можно разделить на два типа: круглые и прямоугольные. На основании археологического материала, встреченного в заполнении, можно с уверенностью говорить, что круглые горны относятся к более раннему времени.

Изразцы (рис. 7; рис. 8). По общему мнению, рельефные изразцы появились в России в конце XVI в. Вначале это были изразцы без глазури, грубо сделанные, с громоздкой румпой. Однако есть версия, что изразцы появились раньше, в начале XVI в. (Векслер, 2006. С. 168–174).

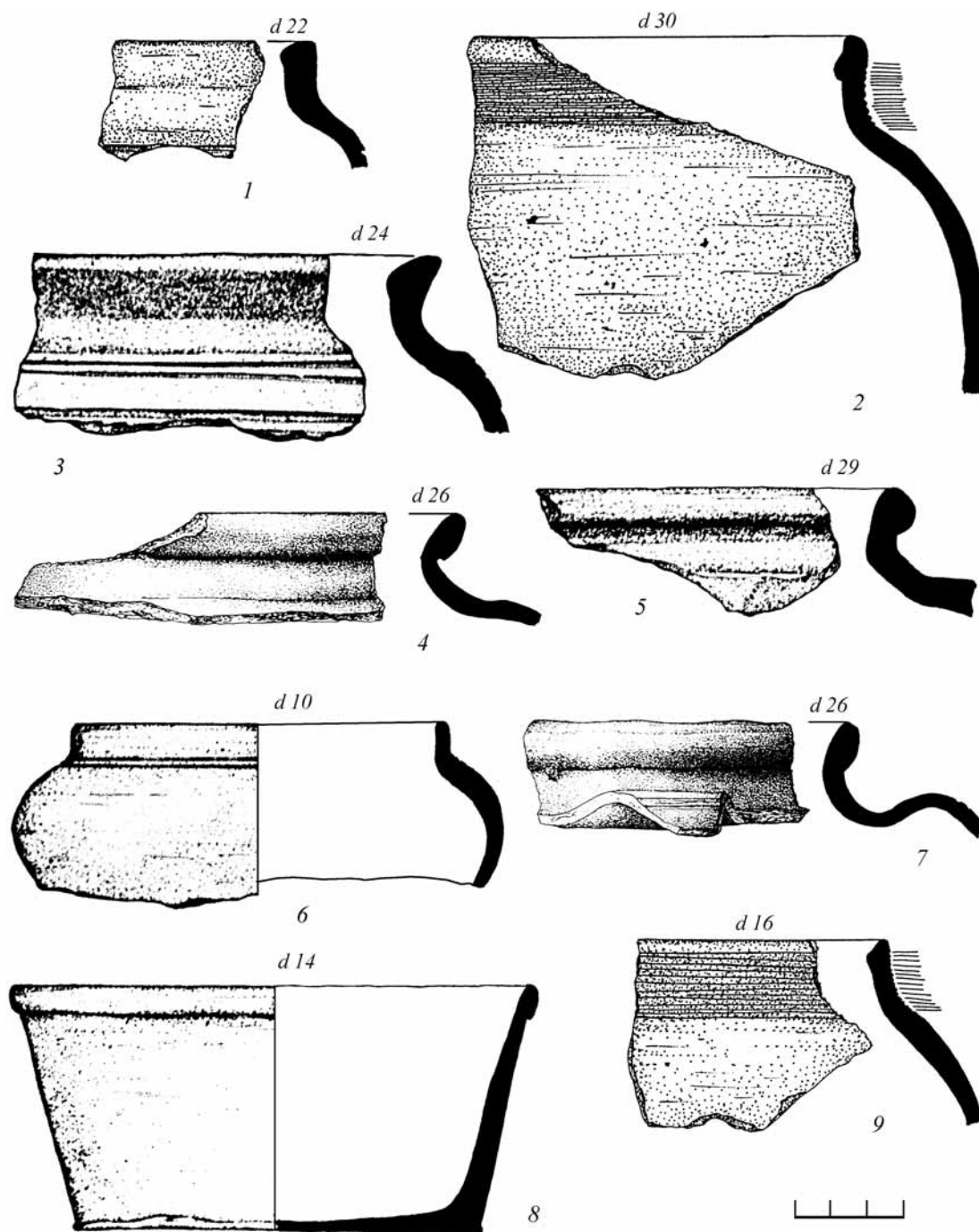

Рис. 14. Керамика из беложгущейся глины. Венчики горшков (1–7) и латка (8). Старый Гостинный двор, горизонт IV (XV–XVI вв.). Раскопки А.Г. Векслера

Глазурь появилась на московских изразцах в XVII в. Вторая половина этого столетия обозначилась поиском рецептов для полихромных изразцов, и здесь не обошлось без мастеров из Белоруссии и Украины (Фролов, 1991). Однако плохо составленная глазурь и неточное следование режиму обжига привело к отказу от полихромных

изразцов уже к концу XVII в. — они просуществовали не более трех десятков лет. Все ошибки хорошо читаются на полихромных изразцах: многочисленные трещины (цек), плохой обжиг, тусклый цвет глазури и т. д.

Кирпич. Кирпич в России стали производить только в конце XV в. при строительстве

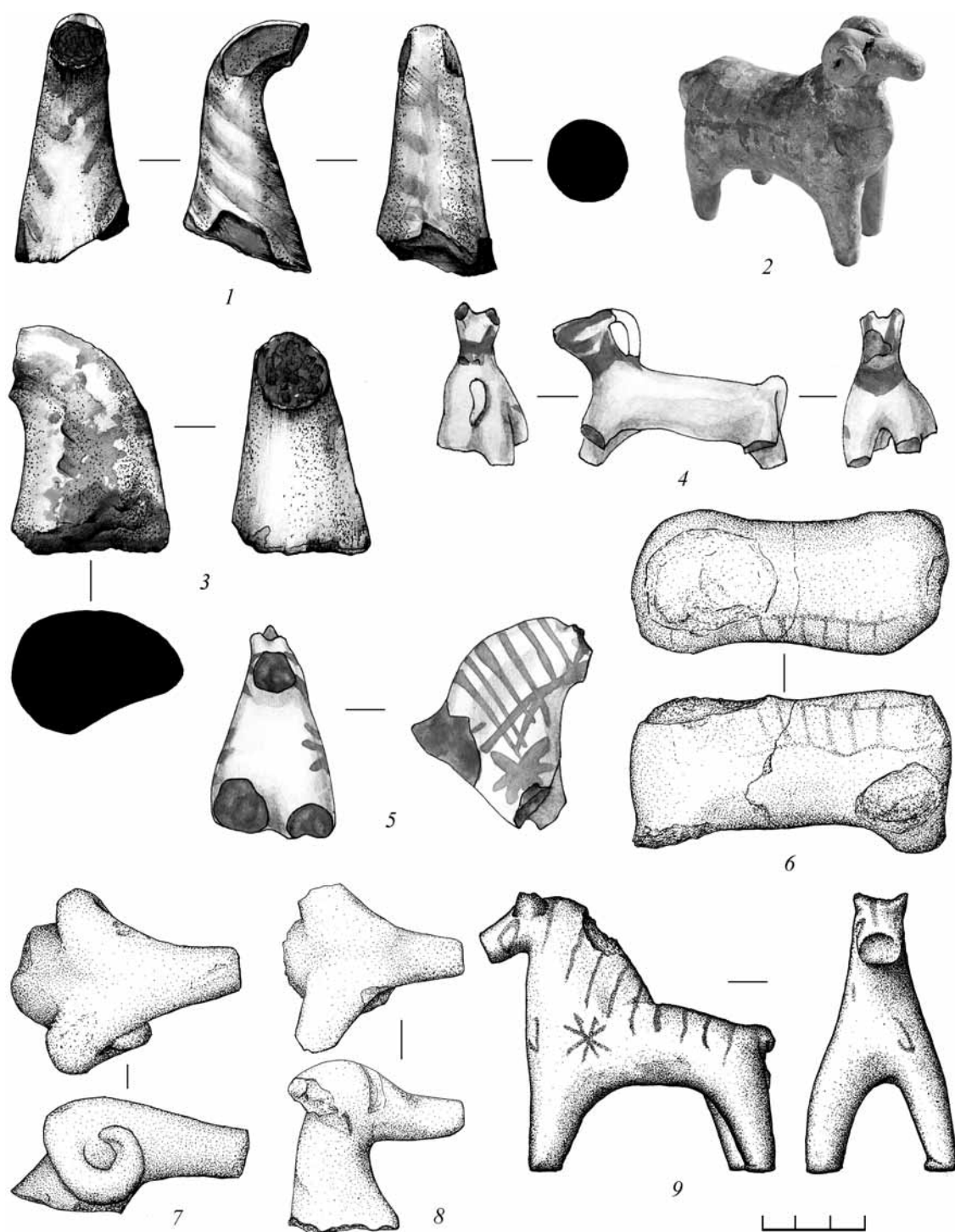

Рис. 15. Игрушки. Ул. Ильинка и Старый Гостиный двор, горизонт III (XVII в.). Раскопки А.Г. Векслера

1 – голова коня; 2 – баран; 3 – голова лошади; 4 – баран; 5 – лошадка; 6 – тело лошадки;
7 – голова барана; 8 – голова собаки; 9 – лошадка

кремлевской крепости, и это было связано с итальянской строительной технологией. Массово кирпич вошел в быт только в первой половине XVI в. Именно итальянцы установили горны

и специальные печи для обжига кирпича. Строители и архитекторы – Аристотель Фьораванти, Алевизы Старый и Новый, Руффо, Солари и другие итальянские мастера стояли у истоков русского

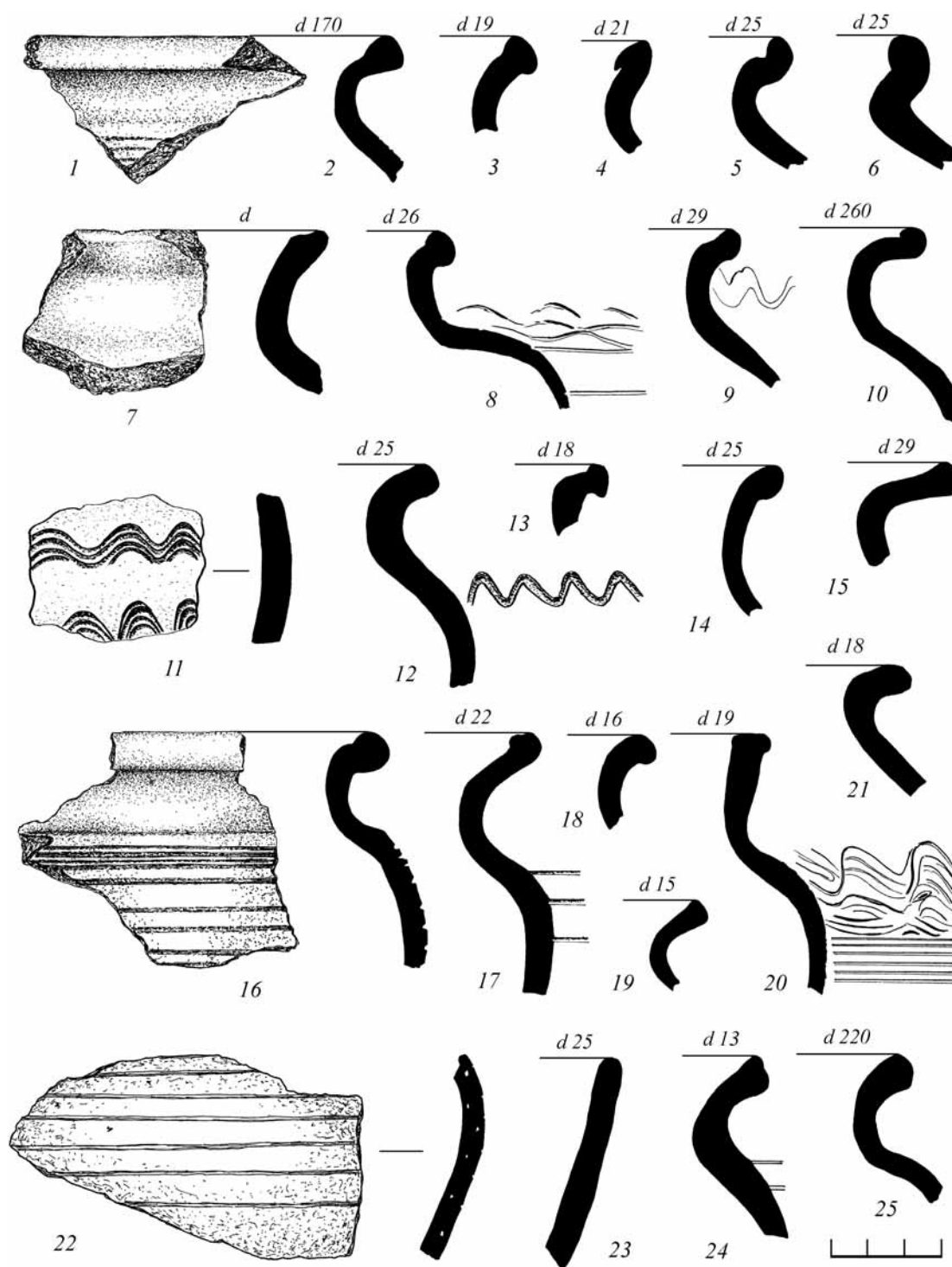

Рис. 16. Сероглиняная керамика. Старый Гостинный двор, горизонт VI (XII–XIII вв.).
Раскопки А. Г. Векслера

керамического производства. Мы им обязаны не только строительством соборов и крепостных стен, но и установкой горнов. Не исключено, что итальянцы научили делать неизвестные прежде на Руси изразцы для украшения церквей и печей.

Посуда (рис. 9–15). В России долго использовался ручной круг и посуду делали постаринке, налепной технологией, т. е. при помощи жгутов, лент или смешанной техникой налепа. Если анализировать весь массив фрагментированной посуды

в целом, поражает разнообразие форм и количество типов для одной формы (например, горшка, кружки). Кувшины и миски, напротив, менее разнотипны. Огромное разнообразие наблюдается и в качестве обжига: от едва обожженных до прокаленных при высоких температурах. Это наблюдение типично для многих периодов истории города. К сожалению, трудно обозначить различия между посудой городской и деревенской, известно только, что до XVIII в. городская посуда обжигалась лучше.

Наиболее популярной формой бытовой посуды был горшок, имевший несколько видов: с малым объемом от половины до литра, средних размеров от одного до двух литров и большие горшки от трех до 5–10 л. Были и горшки-гиганты объемом от 25 до 50 л, служившие для хранения зерна. Второе место по популярности занимали кувшины и кружки. Мисок было мало, их заменяли миски из дерева. Посуда обжигались не только в горнах, но и в домашних печах. На многих из сосудов видны следы дополнительной обработки поверхности: обваривания, морения, томления, задымливания и лощения.

В России долго не было природных ресурсов для производства глазурованной посуды – олова,

свинца, меди и т. д. Массовое изготовление глазурованной посуды началось только в петровскую эпоху, с появлением собственных ресурсов на Урале.

Мелкая пластика (рис. 16). Ассортимент игрушек весьма широк: известны зооморфные (медведи, лошади, собаки, кошки, петухи, бараны) и антропоморфные (всадники, бабы с детьми, петухами, котами, мужики, солдаты и т. д.). Многие игрушки были свистульками, предназначенными в праздничные дни «отгонять нечистую силу». Их производили в Москве в огромном количестве, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок и количество брака у горнов.

В заключение заметим, что изучение керамики невозможно без знания современной этнографии гончарного производства не только России, но и Украины, Белоруссии, Польши, Литвы, Румынии и Германии. Только так, при помощи прямых свидетельств, мы можем постепенно восстановить картину изготовления древней посуды, отдаленную от нас толщей веков. Но предварительный вывод все же можно сделать вполне на мажорной ноте. Гончарство Московского княжества, Руси и России представляет оригинальную линию развития гончарного производства.

Литература

Бобринский А. А., 1962а. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области // СЭ. № 2.

Бобринский А. А., 1962б. Древнерусский гончарный круг // СА. № 3.

Бобринский А. А. 1968. О древнерусской обварной керамике // Славяне и Русь. М.

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А. А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.

Векслер А. Г., 2006. О некоторых находках рельефных изразцов в Москве // Спасательная археология Москвы. М.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Беркович А. В., 2012. К вопросу о хронологии московской керамики (по материалам раскопок на Садовнической набережной в 1998 году) // АП. Вып. 8. М.

Векслер А. Г., Костянян Г. К., 2001. Новые археологические исследования Гончарной слободы XVI–XVII вв. в Москве // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. М.

Воеводский М. В., 1930. К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. № 3–4. М.

Воеводский М. В., 1936. Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.

Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.

Коваль В. Ю. 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // ТТЗ. Вып. 3. Тверь.

Кучера М. П., 1986. Керамика // Археология Украинской ССР. Т. 3. К.

Куфтин Б. А., Россова А. М., 1928. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии (Сравнительный очерк промыслов по наблюдениям в 1924 г.) // Московский краевед. Вып. 5. М.

Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1995. Московская керамика и московское керамическое ремесло // РА. № 4.

МК. М., 1991.

Петрашенко В.А., 1986. Керамика XI–XIII вв. Среднего Поднепровья//Древнерусская керамика. М.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика//Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М. (МИА. № 12).

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы//Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. Древности Московского Кремля. М. (МИА. № 167).

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е1–39).

Сарачев И.Г., 2000. Древнерусская круговая керамика в комплексах роменской культуры//Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале IX века по археологическим данным. Тула.

Смирнова Г.П., 1974. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в.//КСИА. Вып. 139.

Фролов М.В., 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII вв.//Методические рекомендации. Словарь мастеров гончарного, печного и ценинного дела. М.

Щапова Ю.Л., 1991. Археология и морфология//СА. № 2.

A. G. Veksler, M. G. Gusakov, G. K. Patrick

Moscow pottery on materials of archaeological excavations on Ilyinka and Old Gostiny Dvor

Summary

The article is a list of upcoming publications about ceramics from the excavations in the 1990s in Moscow. Historiographical review, brief information about the technology of Russian medieval pottery, based on

the concept of AA Bobrinsky (historical-cultural approach to the study of ceramics) and some observations on Moscow ceramic's features (the 13th – 18th centuries) are presented in this article.

Н. Г. Самойлович, А. Е. Леонтьев

Ростовские поливные сосуды XVI века

Сосуды, о которых пойдет речь (рис. 1), были найдены при раскопках 1988 г. в так называемом дворике у Часовона Ростовского кремля (Леонтьев, 1989) (рис. 2, 4). Исследованный участок примыкает к северной кремлевской стене и находится в 50 м юго-восточнее Успенского собора (рис. 2, 1). Датировка находок возможна исходя из общей стратиграфии исследованного участка и археологической характеристики отложений.

До раскопок на территории дворика в целях отнюдь не археологических грубой техникой была

снята верхняя часть грунта толщиной 0,4 м. От снятых отложений в площади раскопа сохранились нижние части двух ям XVIII в., прорезавших нижележащий культурный слой до глубины 0,6–0,7 м от поверхности. Одна из них была в деревянной опалубке (рис. 3, II, III). Уровень поверхности к началу раскопок приходился на основание цоколей стены и надвратной Воскресенской церкви, то есть соответствовал горизонту кремлевского строительства 60–80 гг. XVII в. В нарушенном техникой слое строительного мусора

Рис. 1. Ростовские поливные сосуды (см. цв. вкл.)

1 – чаша с мраморовидной росписью; 2 – кружка с зеленой поливой

(нулевой пласт раскопа) помимо разнородных предметов XVII–XVIII вв. было найдено подписное шиферное пряслице и несколько фрагментов керамики XIII в., которые могли попасть наверх при копке фундаментных рвов (Леонтьев, 1989. С. 18; Мединцева, Леонтьев, 1993. С. 157–160).

Нижележащие пласты 1 и 2 по своему стратиграфическому положению можно отнести к первой половине – середине XVII в. С этим слоем связаны находки фрагментов красных неполивных изразцов с растительным орнаментом, что вполне согласуется с указанной датировкой (Розенфельдт, 1968. С. 62, 63; Мирясова, 2009. С. 125–129. Рис. 169–171; Баранова, 2011. С. 68–85) (рис. 4).

Ниже, на уровне пласта 3, отмечена линза строительного мусора, включавшая обломки белого камня, кирпича, известковую крошку, куски белого камня (рис. 3, III). К этому пласту относится находка развала чернолощеного кувшина, позволившего реконструировать его форму (рис. 5, 4). По форме, орнаменту, характеру лощения (сплошное, качественное) кувшин относится к типу 3 по классификации Р. Л. Розенфельдта, характерному для XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 31. Табл. 9, 2–4). Отметим, что в общей статистике керамики доля фрагментов чернолощеной посуды в пласте 3 меньше, чем в вышележащих отложениях.

Еще ниже, в уровне пласта 4 в северо-западной части шурфа (кв. 4), зафиксирована обширная прослойка известковой крошки и линза извести. К этому горизонту относится небольшая подчетырехугольной формы выемка размерами 1,05×1,10 м и глубиной 0,15 м с пологими стенками, в отчете обозначенная как яма 1. По своим размерам и положению яма полностью соотносится с толщиной четвертого пласта. Ее заполнение характеризуется присутствием осязательной примеси кирпичной и известковой крошки (рис. 3, IV). Именно здесь были найдены развалы двух поливных сосудов. Совокупность крупных фрагментов на малой площади в одном горизонте позволяет полагать одновременное попадание в яму обоих сосудов, т.е. рассматривать их как единый комплекс. Вместе с ними в заполнении встречены фрагменты чернолощеного кувшина, аналогичного найденному в пласте 4, и венчик сосуда с поясом линейного орнамента и однорядной волной (рис. 5, 1). Реконструирована также форма двух сосудов из окружающего культурного слоя – это обычные для XV–XVI вв. небольшие крутоплечие горшки с короткой шейкой (рис. 5, 5, 6).

Четвертый пласт захватил основание верхнего горизонта культурного слоя, который в общей

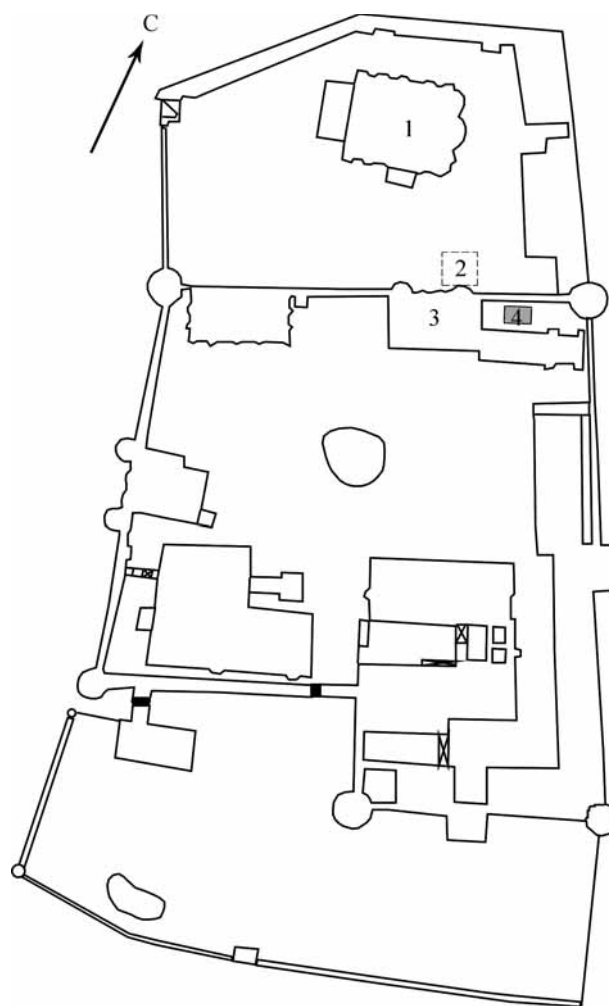

Рис. 2. План Ростовского кремля

1 – Успенский собор; 2 – место бывшей ц. Иоанна Предтечи; 3 – северные ворота и ц. Воскресения; 4 – место раскопа 1988 г.

стратиграфии участка маркируется строительными остатками: обломками кирпича, реже белого камня, известковой крошкой. В нижележащих отложениях такая примесь отсутствует. С этим же горизонтом связаны самые ранние находки чернолощеной керамики на исследованном участке.

В историческом центре Ростова отмеченный горизонт начал формироваться с началом строительства Успенского собора в 1510–1512 гг. (Рузаева, 2007. С. 184–186). Учитывая стратиграфическое положение рассматриваемых находок, можно предположить их принадлежность к началу XVI в. (Леонтьев, 1989. С. 47). Однако горизонт строительных остатков, с которым они связаны, может быть соотнесен и с более поздней постройкой церкви Иоанна Предтечи. Этот храм находился всего в 25 м северо-западнее места раскопок с наружной стороны

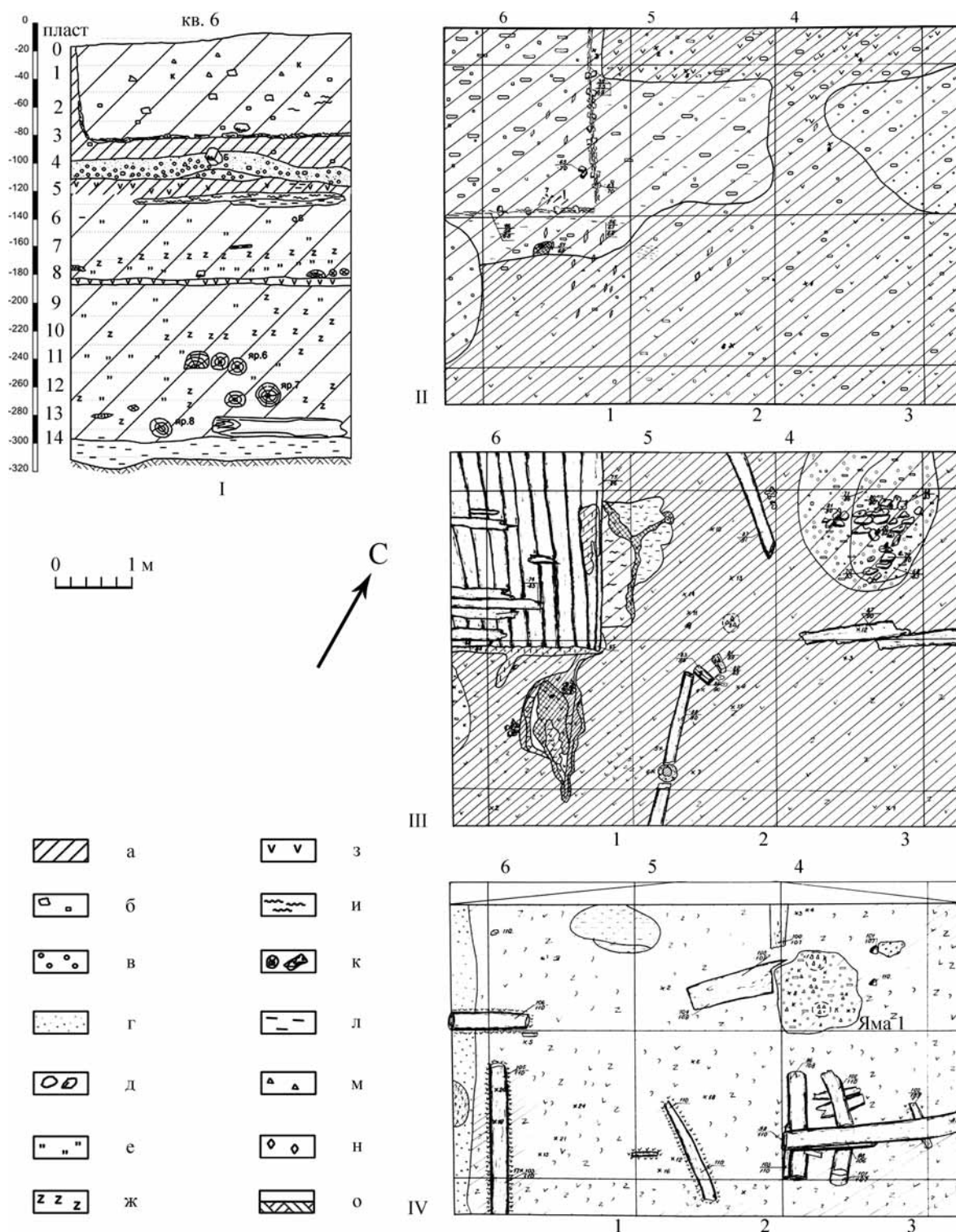

Рис. 3. Стратиграфия раскопа

I – фрагмент чертежа западной стенки; II – уровень 2-го пласта; III – уровень 3-го пласта; IV – уровень 4-го пласта; а – темно-серый суглинок; б – кирпич, битый кирпич; в – известковая крошка; г – песок; д – камни; е – навоз; ж – щепа; з – угли; и – древесный тлен; к – бревна, доски; л – глина; м – керамика; н – изразцы; о – материк; Б – белый камень

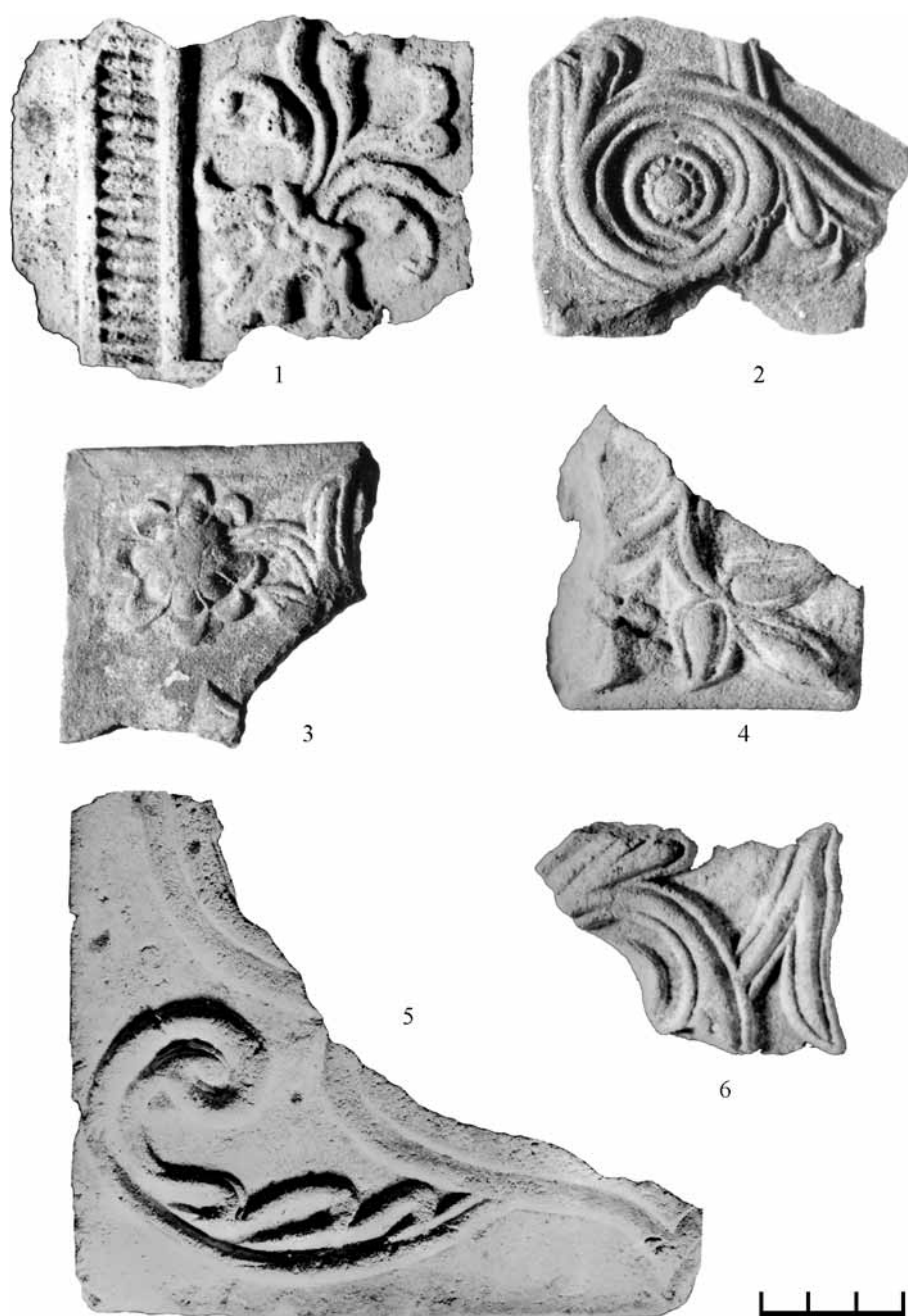

Рис. 4. Красноглиняные изразцы (1–6) из культурного слоя уровня пласта 2

существующей надвратной Воскресенской церкви. Время его возведения не отражено в письменных источниках, но определяется дендродатами пяти фундаментных свай – 1563 г. (Леонтьев, Самойлович, Черных, 1996. С. 5). Разрушение церкви, очевидно, произошло в ходе строительства северных ворот Митрополичьего двора в 1670 г. (Леонтьев, Иоаннисян, 2008. С. 47. Рис. 3, 1).

Первый из реставрированных сосудов – характерной формы кружка с отогнутым краем, рас-

ширенным в средней части туловом и большой ручкой. Изнутри и по краю снаружи она покрыта зеленой непрозрачной поливой (рис. 1, 2). Высота кружки составляет 11,5 см и одинакова с шириной устья, максимальный диаметр в средней части – 14,8 см, диаметр дна – 8,5 см. Емкость приблизительно равна 1,1 л.

Кружки – редкая категория русской средневековой посуды. Точную аналогию ростовской находке найти не удалось, хотя близкий по форме

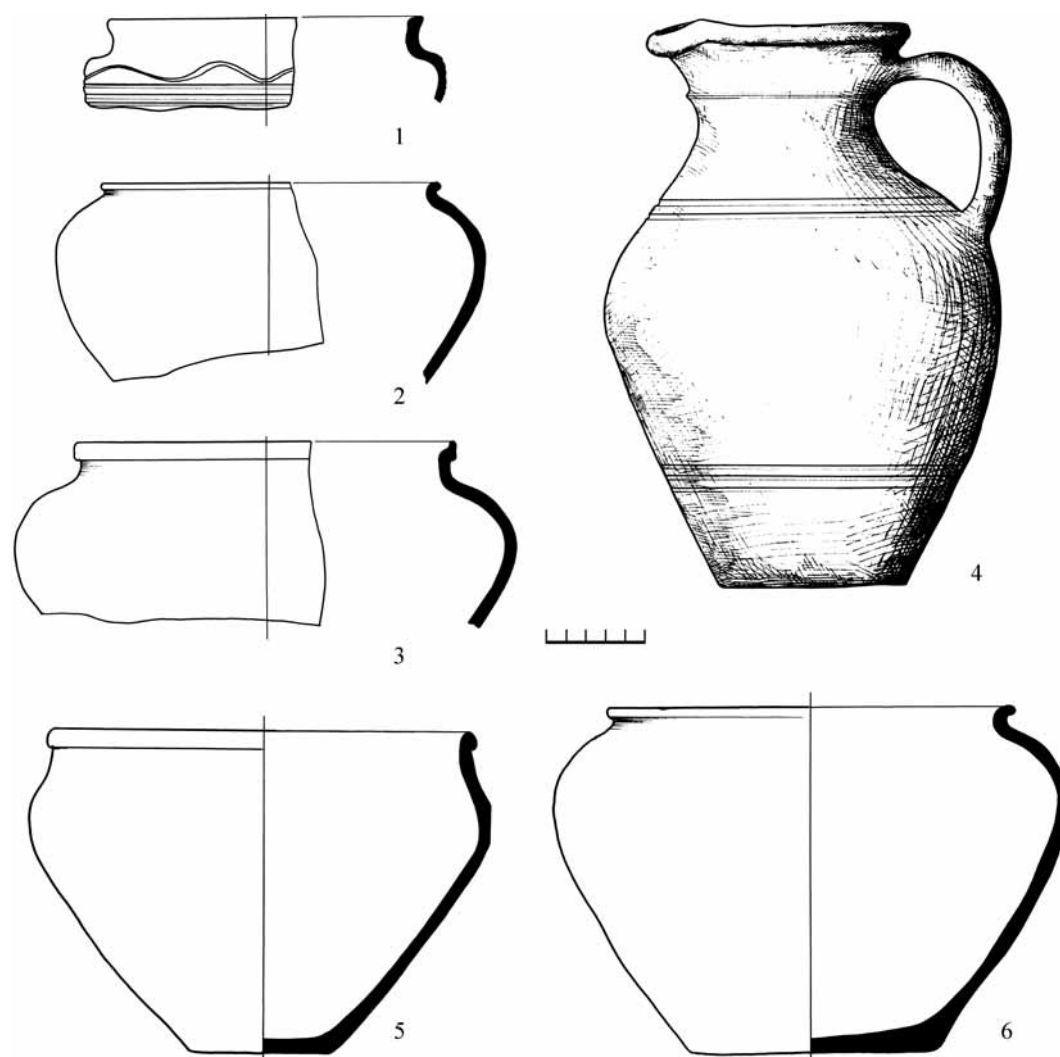

Рис. 5. Керамика из раскопа

1–3 – из заполнения ямы 1; 4 – чернолощеный кувшин (пласт 3); 5, 6 – горшки (пласт 4)

образец с поливой известен среди далекой по времени керамики XI–XIII вв. из раскопок в Любече (Макарова, 1972. Табл. VIII, 4). Неполивные кружки с расширенным туловом, но иной формы и иной технологии изготовления, более напоминающие кувшинчики, известны в московских коллекциях керамики XV–XVI в. (Розенфельдт, 1968. Табл. 3, 18; 4, 3; 8, 23; Беляев, 1991. С. 44. Табл. 110, 16–18; Глазунова, 2009. С. 130–135. Рис. 211, 1; 220, 6). Более близкие по форме образцы происходят из слоя второй половины XVI в. Смоленска (рис. 6, 1–3), в том числе с зеленой поливой изнутри и по кромке венчика (рис. 6, 2). В исторически близкой Смоленску Белоруссии поливные сосуды похожей формы известны среди посуды XVI–XVII вв. (Зданович, Трусаў, 1993. Мал. 32; 75, 9).

В России кружки («горшочки с ручкой»), похожие на ростовскую, в том числе поливные, обнаружены в коллекции керамики 30–40-х гг. XVIII в. Ново-Иерусалимского монастыря. О. Н. Глазунова рассматривает их как изготовленные либо приглашенными мастерами, либо по импортным образцам в традициях, сложившихся еще в XIV в. в городах Ганзейского союза (Глазунова, 2012. С. 397, 398. Рис. 5). Учитывая вышеприведенные аналогии из Смоленска и Белоруссии, можно полагать, что бытование таких кружек не ограничивалось Балтийским побережьем, но западные истоки традиции их изготовления несомненны.

Второй ростовский сосуд – белоглиняный, декорированный полихромной росписью в три цвета (черный, зеленый, бордовый), покрытый глазурью желтоватого цвета, – учитывая плавный переход

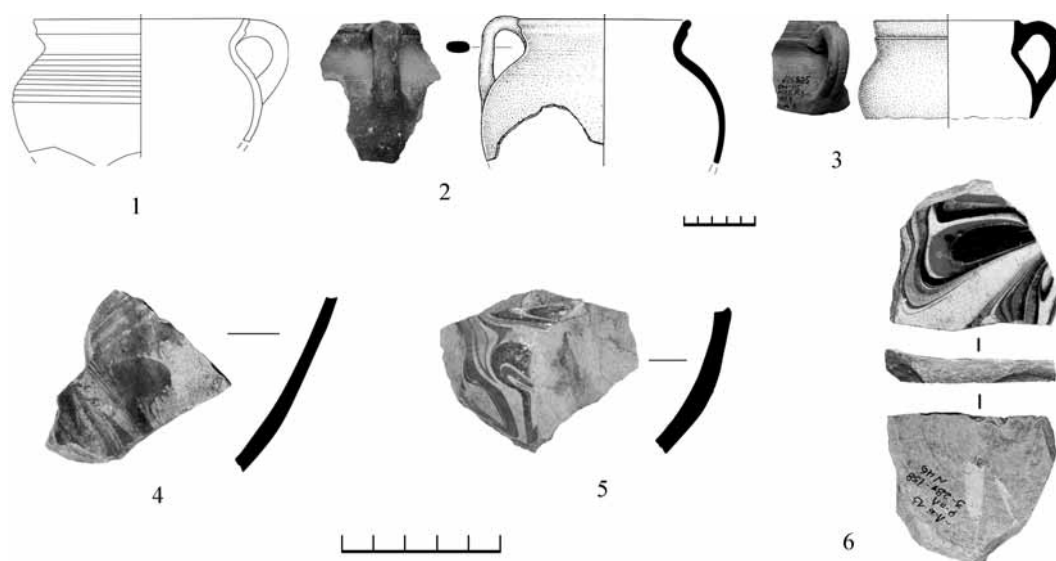

Рис. 6. Аналогии ростовским поливным сосудам (см. цв. вкл.)

1–3 – кружки и «горшочек с ручкой»; 4–6 – белоглиняная КМР. 1–5 – Смоленск; 6 – Лебедянь

стенки в дно, по форме можно определить как чашу или миску с двумя ручками. Высота сосуда составляет 9 см, максимальная ширина в устье – 19 см, емкость – 1 л. Таким выглядит реставрированный сосуд (рис. 1, 1), но не исключено, что у него мог существовать небольшой поддон, среди обломков не сохранившийся.

Чаша представляет интерес как образец так называемой керамики с мраморовидной росписью (КМР). Современное исследование позволило прийти к выводу, что КМР с белоглиняной основой получает распространение в России в XVIII в. благодаря появлению в начале столетия в Москве итальянского мастера. Немногочисленные более ранние известные образцы представляют собой импорт и отличаются применением в изготовлении красножгущей глины (Коваль, 1999. С. 222–229).

Известные материалы последних лет пополнили карту находок и уточнили эту концепцию. Фрагменты КМР с белоглиняной основой обнаружены в комплексах построек и ям XVIII в. в Туле и Владимире (Зацаринный, Екимов, Наумова, 2011. С. 134, 201. Рис. 8, 1, 2, 5, 7; 29, 10; 35, 2–5; Майорова, 2012а. Рис. 1, 1; 7, 3). Интереснейшие материалы получены при раскопках Ново-Иерусалимского монастыря, где мраморовидная роспись

обнаружилась на красноглиняных сосудах XVIII в. (Майорова, 2012б, С. 411, 412. Рис. 6, 1–5; Глазунова, 2012. С. 396–400). Есть основания предполагать местное производство этой посуды (Глазунова, 2012. С. 398. Рис. 10).

Ростовская чаша выпадает из предложенного хронологического ряда, поскольку изготовлена из светлой глины, но, как было показано, отнести ее к изделиям XVIII в. невозможно.

Стали известны и другие примеры бытования белоглиняной КМР ранее XVIII в. Сведения об одной находке в Ярославле опубликованы, но доверия не внушают. Автор раскопок с оговорками датировал обнаруженный фрагмент XIV в., определив его как принадлежащий византийскому сосуду (Праздников, 1996. С. 118; 1998. С. 22, 23). В.Ю. Коваль справедливо усомнился в византийском происхождении сосуда и предложенной датировке. Однако определять находку как принадлежащую к изделиям XVIII в., объясняя ее попадание в нижний горизонт отложений тотальным нарушением культурного слоя (Коваль, 1999. С. 223–225), затруднительно. Обстоятельства находки не позволяют отнести обломок белоглиняной миски с мраморовидной росписью к периоду позже XVI в. при всех возможных нарушениях слоя¹.

¹ Верхняя часть трехметрового культурного слоя была выбрана техникой. При этом, судя по описанию стратиграфии, оказались снятыми отложения XVII–XX вв., а может быть, и XVI в. В сохранившемся культурном слое выше уровня находки сохранились остатки застройки нескольких горизонтов XIV–XV вв. (по дендродатам). К XVIII в. относилось только заполнение бревенчатого подпола, прорезавшего ранние слои в границах хорошо сохранившегося сруба (Праздников, 1998. С. 22).

К периоду не позднее первой половины XVII в. относятся находки двух фрагментов КМР из Смоленска (рис. 6, 4, 5)². Отложения датированы серией монет указанного времени. Еще один фрагмент, по цветовой гамме росписи полностью аналогичный ростовской чаше, происходит из г. Лебедяни в бассейне Дона (совр. Липецкая обл.) и также связан с отложениями XVII в. (рис. 6, 6)³.

Таким образом, находка в Ростове и другие приведенные аналогии показывают, что история появления белоглиняной КМР не ограничивается рамками XVIII столетия. Выявленные примеры бытования такой керамики на протяжении XVI–XVII вв. не опровергают вероятность ее изготовления в Москве в последующее время, но показывают, что ранее был возможен ее импорт.

Литература

- Баранова С. И., 2011. Русский изразец. М.
- Беляев Л. А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // МК. М.
- Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII вв. // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы. М.
- Глазунова О. Н., 2012. Особенности керамического производства Ново-Иерусалимского монастыря в XVII–XVIII веках // АП. Вып. 8. М.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Т. В., 2011. Керамические комплексы XVI – начала XIX века из раскопа по улице Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула.
- Здановіч Н. І., Трусаў А. А., 1993. Беларуская паліванная кераміка XI–XVIII стст. Мінск.
- Коваль В. Ю., 1999. Позднесредневековая глазурованная керамика с мраморовидной росписью // ТТЗ. Вып. 3. Тверь.
- Леонтьев А. Е., 1989. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12858.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Е. Н., 1996. Частные аспекты хронологии Ростова (по материалам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // История и культура Ростовской земли. 1995. Ростов.
- Леонтьев А. Е., Иоаннисян О. М., 2008. Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Мо-сковская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М.
- Майорова Е. В., 2012а. Поливная керамика XVII – нач. XX вв. Методы обработки и возможности материала // Исторический квартал. Альманах историко-культурного наследия Липецкого края. Вып. 2. Липецк.
- Майорова Е. В., 2012б. Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I) // АП. Вып. 8. М.
- Макарова Т. И., 1972. Поливная керамика в Древней Руси. М.
- Медынцева А. А., Леонтьев А. Е., 1993. Подписные пряслица из Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Вып. V. Ростов.
- Мирасова А. А., 2009. Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы. М.
- Праздников В. В., 1996. Охранные раскопки на территории «Стрелки» – древнейшей части г. Ярославля // ТТЗ. Вып. 1. Тверь.
- Праздников В. В., 1998. Археологическое изучение г. Ярославля в 1992–94 гг. // Археология Ярославского края. Вып. 1. Рыбинск.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVII вв. М. (САИ. Вып. Е 1–39).
- Рузаева Е. И., 2007. К вопросу о датировке Успенского собора в Ростове // Археология: история и перспектива. Третья межрегиональная конференция. Ярославль.

³ Раскопки 2012 г. Раскоп 3. Опись керамики. № 19572 (пласт 6), № 22499 (пласт 7).

⁴ Доклад Н. Е. Чалых «Лебедянь XVII–XVIII вв.: от крепости до уездного центра, археологический комментарий» на конференции «От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.». 22.11.2013 г. Авторы признательны Н. Е. Чалых за любезное разрешение публикации находки из раскопок 2013 г.

N. G. Samoylovich, A. E. Leontiev

Rostov irrigation vessels of the 16th century

Summary

The article is about two found together irrigated vessels from excavations on the territory of Metropolitan Court (Kremlin) in Rostov Veliky. Stratigraphic

position of the finding allows to date vessels within the 16th century and some analogy – consider them as European imports.

А. А. Полюлях

Тарелки завода Гребенщиковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское

Оживившиеся в начале XVIII в. контакты с Западной Европой способствовали проникновению в Россию западноевропейской фаянсовой и фарфоровой посуды, чайных, кофейных и столовых сервизов, спрос на которую в среде аристократии был большой. В России подобная посуда не производилась и являлась предметом импорта. Еще в XVII в. такая посуда, называвшаяся «кизилбашской» (иранская), «веницейской» (итальянская), «литовской», ввозилась из стран Западной Европы и Востока (*Шмидт*, 1914. С. 63–65). Этот ввоз продолжался и в первой половине XVIII в. Так, в пошлинных тарифах 1724 и 1757 гг. называлась «посуда китайская, японская и прочая всякая фарфоровая» и «посуда глиняная муравленая и ценнинная Дельфская и простая такая же» (*Чулков*, 1788а. С. 616, 617; 1788б. С. 306).

Ранее, во второй половине XVII в., московскими гончарами была освоена техника изготовления поливной посуды и других повседневных предметов, называвшихся тогда «ценнинными» или «муравчатými»: фляги с дисковидным туловом, бочонки, кумганы, кастрюльки с ручками, кувшины, горшки, чернильницы, игрушки (*Розенфельдт*, 1968. С. 50–53). Но такая посуда, изготовленная на гончарном круге, была в большей мере по качеству и видам форм кухонной, чем столовой, что существенно отличало ее от западноевропейской.

Петр Первый неоднократно выписывал из-за границы фарфор и фаянс для своих дворцов. А во время путешествия в 1716 г. по Германии, Франции и Голландии он, посетив фабрику фарфоровой посуды в Плауэ на Гавеле (в Бранденбурге), заказал там столовый сервиз (*Вольф*, 1906. С. 6). Видимо, посещение этой фабрики послужило поводом к попыткам завести такую же мануфактуру в России.

Первой в России мануфактурой, производившей майоликовую сервизную столовую посуду, до открытия в 1769 г. завода Ф. Я. Гарднера являлась «Ценнинная и табачных трубок фабрика»¹ Гребенщиковых. Она была основана в Москве в 1724 г. купцом гостинной сотни А. К. Гребенщиковым после издания Мануфактур-коллегией специального указа (*Салтыков*, 1952. С. 6). В период с 1724 по 1778 г. завод выпускал курительные трубки, изразцы, майоликовую посуду и фигурки. После смерти А. К. Гребенщикова в 1757 г. заводом владели до 1772 г. его сыновья Петр и Андрей. С 1772 г. в связи с ухудшением положения на заводе, видимо, по решению Сената он был передан коллежскому асессору Козьме Матвееву (*Салтыков*, 1952. С. 26, 27), а в 1774 г. – Савве Яковлеву, при котором и был закрыт в 1779 г., судя по наличию последних данных о нем за 1778 г. (*Лихачева*, 1972. С. 172, 173). На месте размещения завода А. К. Гребенщикова археологические исследования и наблюдения не производились².

¹ В дальнейшем к «фабрике» А. К. Гребенщикова будет применяться термин «завод» – общее понятие производства любой формы: мастерская, мануфактура или фабрика. Фабрикой является расширенное производство, оснащенное двигателем, со значительным, более 100, количеством рабочих. Следует отметить, что в XVIII–XIX вв. термины «завод» и «фабрика» применялись и к мануфактурам, и к мелкотоварным предприятиям (мастерским). Не только в источниках, но и научной литературе порой одно и то же производство называется то заводом, то фабрикой, что не совсем корректно, так как эти понятия относятся к определенным формам производства.

² Об истории трубочного производства на заводе Гребенщиковых см.: *Полюлях А. А.*, 2013.

В настоящее время в пяти музейных собраниях (Государственный исторический музей, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века», Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник) известно только 48 изделий завода Гребенщиковых (см. Приложение 1). Это преимущественно отдельные формы столовых сервизов: тарелки, овальные и круглые блюда, миски с крышками, соусник, судок круглый с крышкой, лоток с ручками. На девяти предметах имеются клейма «РМФАГ» или «МФАГ», написанные от руки синей краской (рис. 1, 5), или рельефные (рис. 1, 6), которые, по мнению А.Б. Салтыкова, читаются как «Русская мануфактура фабриканта Афанасия Гребенщикова» и «Московская фабрика Афанасия Гребенщикова» (Салтыков, 1952. С. 28–33). Более точным прочтением клейма «РМФАГ», по видимому, является «Работа Московской фабрики А. Гребенщикова».

В связи с этим следует отметить комплекс из десяти майоликовых тарелок и крышки суповой миски, находящийся в коллекциях отдела археологии Музейного объединения «Музей Москвы» (рис. 1, 1–3). Эта посуда была найдена при археологических раскопках, проводимых сотрудником отдела археологии МИРМ Г.П. Латышевой в 1957 г. на участке дома 10/23 в 1-м Песчаном переулке в поселке Сокол, на месте старинного села Всехсвятского (Латышева, 1957). До настоящего времени эти археологические находки опубликованы не были³.

Найденные посудные формы, хотя и не имеют клейм, но по ряду качественных признаков аналогичны изделиям завода Гребенщиковых. Все тарелки имеют диаметр $24,2 \pm 0,6$ см и относятся к группе мелких, с общей высотой $3 \pm 0,3$ см (см. Приложение 3). Профиль тарелок характеризует наклонный широкий (3,5 см) ровный борт и вогнутый боковой склон, переходящий к зеркалу. Край борта фестончатый с шестью углублениями по периметру. Дно тарелок плоское, без кольцевого поддона (рис. 1, 1).

Тарелки и крышка суповой миски изготовлены из массы желто-розового оттенка. Формовка тарелок производилась на деревянном шаблоне, на ручном круге. Материал, из которого был изготовлен формовочный шаблон, установлен благодаря боль-

шому отслоению эмали по борту одной из тарелок. Отслоение открыло зону концентрических окружностей – характерных следов резца на дереве при обработке его на токарном станке (рис. 1, 7). Таким образом, шаблон представлял собой деревянный цилиндр, верхней части которого на токарном станке была придана внутренняя форма тарелки. Формовка изделий осуществлялась на круге в перевернутом виде. На это указывает нижняя, почти коническая поверхность тарелок при профилированной внутренней. Крышка суповой миски также формовалась в деревянном шаблоне. Ручка-хваток изготавливалась отдельно и во влажном состоянии крепилась сверху. Внешняя поверхность крышки имеет расходящуюся вниз от ручки волнообразную изогнутость.

Сформованная посуда сушилась, обжигалась и затем с обеих сторон полностью покрывалась непрозрачной («глухой») белой глазурью. По сырой глазури на внутренней поверхности тарелок, по борту и зеркалу, наносился декор методом первоначальной перьевой прорисовки коричневым цветом общей композиции, с последующей раскраской синим ее отдельных частей. По борту тарелок, у его внешнего края, расположен узкий пояс в двух неровных линиях отводки, выполненных не на круге, а произвольно. Он состоит из шести последовательно чередующихся между фестонами рисунков двух видов. Первый, простой, – в виде косой сетки по всему полю с синими точками в ромбах (рис. 2, 1). Второй, более сложный, – в виде композиции из половины синей розетки в центре с завитками и крыльями на синем фоне по бокам, за которыми в вертикальных линиях расположены аналогичные синие половины розеток (рис. 2, 2). На двух тарелках отмечены иные варианты росписи этой части пояса (рис. 2, 3–4). Декорирование изделий узкими поясками – характерная особенность завода Гребенщиковых. Их отдельные элементы известны, например, на блюдах и миске с крышкой (рис. 2, 9–11).

На зеркале тарелок, в центре, не крупно (в условной окружности равной одной трети диаметра) нанесен герб князей Багратионов (рис. 1, 1), рисунок которого совпадает с описанием «Российской родословной книги» (рис. 1, 4): «щит разделен на четыре части: в первой части, в красном поле, золотая держава; во второй части, в голубом поле, арфа; в третьей части, в голубом же поле, золотой пращ;

³ Очерк М.Г. Рабиновича «Сервиз князей Грузинских» в книге «Судьбы вещей», вышедшей в 1963 г. в издательстве «Детская литература», не является научной публикацией.

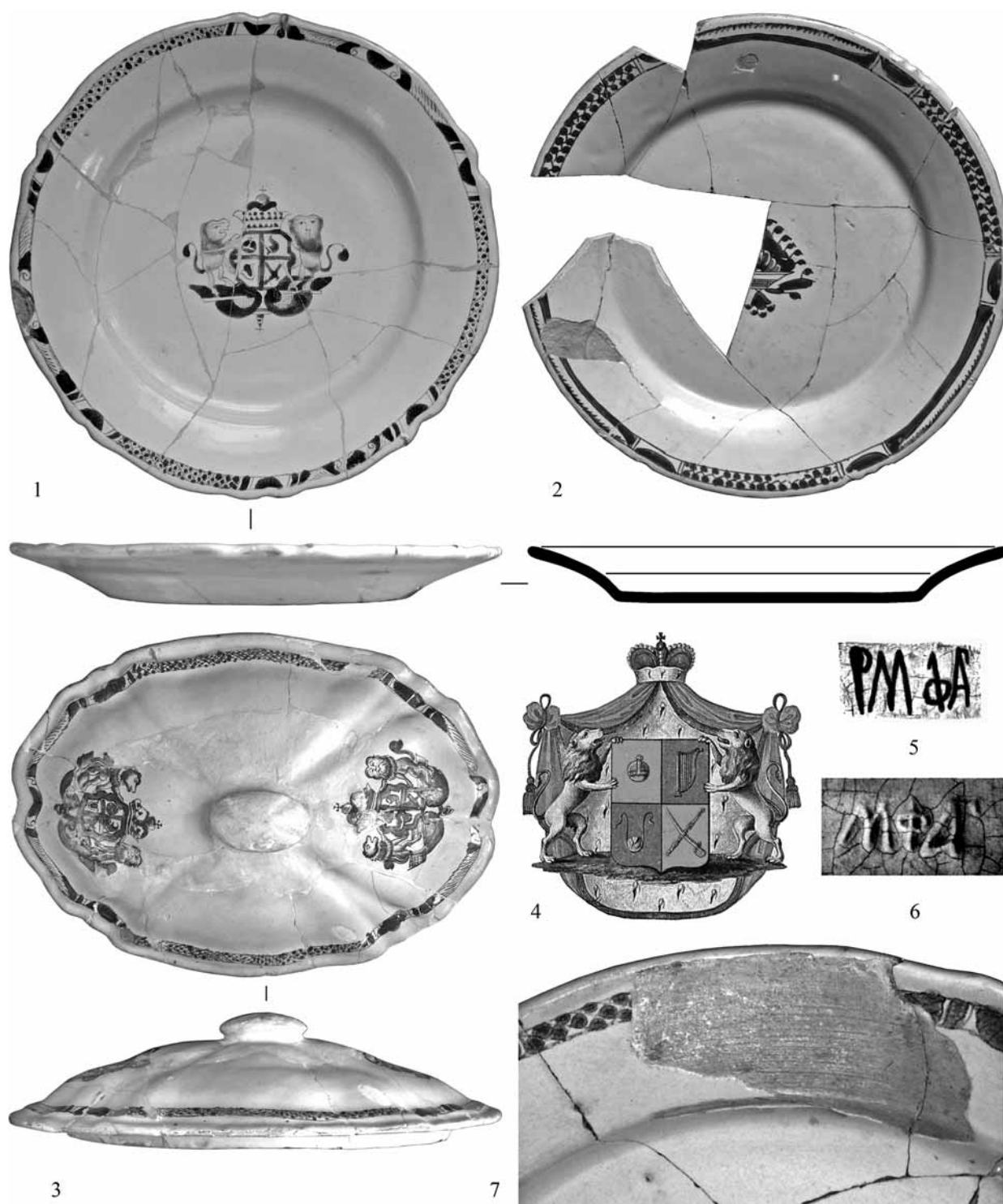

Рис. 1. Посуда завода Гребенчиковых (см. цв. вкл.)

1–2 – майоликовые тарелки; 3 – крышка суповой миски; 4 – герб Грузинских князей; 5–6 – клейма на изделиях завода Гребенчиковых; 7 – фрагмент борта тарелки со следами формовочного шаблона. 1–3 – из археологических раскопок в Москве в 1957 г. на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном пер.

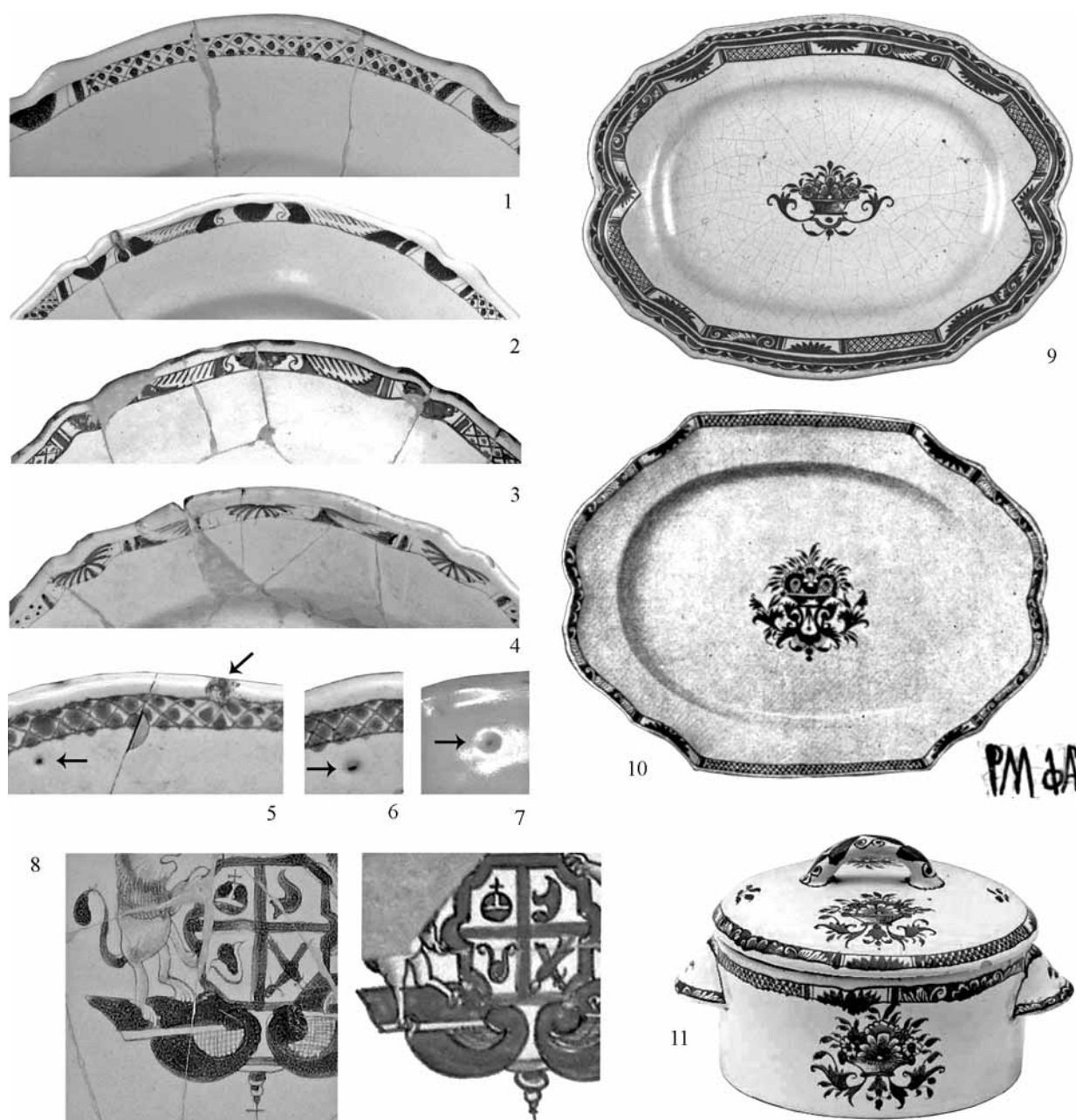

Рис. 2. Посуда завода Гребеничиковых (см. цв. вкл.)

1–4 – фр-ты росписи бортов майоликовых тарелок; 5–7 – дефекты на поверхностях тарелок;
8 – фрагменты изображения герба князей Грузинских на тарелках; 9–10 – блюда; 11 – миска с крышкой

в четвертой части, в красном поле, крестообразно положены золотой скипетр и сабля. Щит, который держат два льва, покрыт княжеской мантией и российско-княжеской шапкою» («Российская...», 1855. С. 14; «Общий гербовник...», 1803. С. 2). Князья Багратионы, или Грузинские, перешли в конце XVII в. в русское подданство и жили в XVIII–XIX вв. в селе Всехсвятском (Токмаков, 1898. С. 12).

Следует отметить, что изображение герба на посуде отличается от официального: голова льва,

стоящего у щита справа, на тарелке, в отличие от рисунка в гербовнике, повернута влево и представлена фронтально. Так же на некоторых тарелках искажено изображение пращи в третьей части щита, которая стала похожа на цветок – лилию, а также и арфы, во второй части (рис. 2, 8).

Аналогичный декор нанесен и на внешней поверхности крышки суповой миски (рис. 1, 3). По сторонам продольной оси выполнены два княжеских герба. У внешнего края крышки, как

и на тарелках, выполнен узкий пояс в двух неровных линиях отводки, состоящий из четырех неравных частей. Вдоль продольной оси крышки в удлиненных частях – первый, простой, вариант композиции декора пояса тарелок в виде косой сетки по всему полю с синими точками в ее ромбах, а со стороны гербов – второй вариант, но с наклонными штрихами между синими розетками.

Крышка суповой миски и девять из десяти тарелок и с княжеским гербом в центре зеркала относятся к одному столовому сервизу. В то же время одна из найденных тарелок отличается по декору от остальных и относится, по-видимому, ко второму сервизу (рис. 1, 2). Она также декорирована по внешнему краю борта узким поясом в двух неровных линиях отводки, включающим шесть последовательно чередующихся между фестонами частей. Части пояса состоят из композиций двух видов, не имеющих аналогов среди тарелок из первого сервиза. В одной из них прорисованы коричневые завитки с синими точками в виде плетения в два ряда, во второй – продольный дуговой сегмент, покрашенный синим цветом, над которым нанесены от линии отводки частые мелкие наклонные штрихи; у фестонов, между частями пояса, – вставки с синими полукружьями. На зеркале тарелки, в центре, некрупно (в условной окружности равной одной трети диаметра), нанесена стилизованная корзина с цветами.

Изделия завода Гребенщиковых девяти форм с клеймами, по оценке А. Б. Салтыкова, в целом характеризуют:

- 1) большие размеры;
- 2) желтовато-розовый цвет обожженной формовочной массы (черепка), отмечаемый в изломе и на сколах;
- 3) ровное покрытие белой эмали синеватого оттенка от слабого до среднего;
- 4) на некоторых изделиях эмаль имеет крупный цек в виде тонких трещинок (Салтыков, 1952. С. 29).

Рассматриваемые майоликовые тарелки и крышка суповой миски также имеют большие размеры без заметных искривлений формы; аналогичный цвет формовочной массы; покрытие белой эмалью светло-голубых оттенков, но без цека; и роспись синим цветом, с присущими изделиям завода Гребенщиковых характерными особенностями композиции и элементов.

Тарелки и крышка суповой миски, как отмечено выше, по визуальному определению относятся к одному из видов керамики – майолике. Майоликовые изделия изготавливаются из естественно окрашенных легкоплавких (огнеупорность ниже 1350°C) и тугоплавких (огнеупорность от 1350 до 1580°C) глин средней пластичности и в подражание фаянсу и фарфору покрываются непрозрачной («глухой») белой глазурью, скрывающей цвет глины, с целью получения светлого фона для росписи. Первый, утильный обжиг майолики проходит при температуре 1040–1050°C, второй, политой – при 880–900 °C (Августиник, 1975. С. 355).

Для оценки качества керамических изделий в настоящее время существует ряд национальных стандартов РФ (ГОСТ). Для майоликовой посуды таким стандартом является ГОСТ Р 53548–2009, описывающий технические и эстетические требования к этим изделиям. Он отражает опыт отечественной производственной практики по изготовлению майоликовой посуды, и многие термины и их определения, вошедшие в современный ГОСТ, сложились в предшествующих столетиях. Хотя в прошлом таких стандартов не существовало, и на рынке распродавались изделия в том числе с дефектами, но по разной цене, все же определенная оценка качества посуды была. Об этом свидетельствуют не только документы XVIII в., но и сама посуда, которая с момента производства не подверглась разрушению, находясь в почве на протяжении двух столетий⁴.

При рассмотрении найденного посудного комплекса по эстетическим требованиям следует отметить довольно чистую внутреннюю поверхность большей части тарелок. На некоторых отмечают одно-два поверхностных углубления (выгорка), образовавшихся после выгорания попавшего в глазурь инородного тела (рис. 2, 5–7). Также отмечены три точки-углубления, схожие с выгоркой, расположенные на равных расстояниях по краям зеркала и являющиеся, по-видимому, точками касания подставок между тарелками при установке их в капсуля перед вторым, политым, обжигом.

Внешняя поверхность почти всех тарелок имеет больше дефектов: по несколько углублений от выгорки и точек касания подставок между тарелками, отдельные места, не покрытые глазурью (плешины), шероховатые возвышения посторонних

⁴ За помощь и консультацию по вопросам технологии производства майолики выражаю искреннюю признательность Л. Х. Русович-Югай, кандидату технических наук, профессору кафедры декоративно-прикладного искусства Гжельского государственного художественно-промышленного института.

включений, приставших к поверхности глазури (засорка).

Обе поверхности отличает характерное для изделий завода Гребенщиковых ровное покрытие белой эмали синеватого оттенка от слабого до среднего, но в то же время на глазури отсутствует сетка мелких трещин, или так называемый цек, причиной появления которого является склонность черепка к обратимому поглощению влаги и набуханию, вследствие чего его объем увеличивается в пределах 0,016–0,086%.

Одним из значимых контрольных параметров готовых майоликовых изделий, характеризующих свойства сырья – глины и качество его обжига, является водопоглощение по черепку ($W, \%$) – свойство пористого черепка поглощать и удерживать воду при непосредственном соприкосновении с ней, которое и является мерой полноты спекания материала изделия. Этот показатель для изделий из масс на основе беложгущихся глин не должен превышать 12%, а для изделий из масс на основе цветных глин – 16% (ГОСТ Р 53548–2009. Пункт 4.16).

С целью получения индивидуальных данных по водопоглощению черепка ($W, \%$) изделий завода Гребенщиковых в процессе повторной реставрации⁵ были проведены лабораторные испытания 10 фрагментов от пяти тарелок. Средняя величина водопоглощения образцов тарелок составила 21% в интервале от 11,3 до 27,0% (Приложение 2). При этом только один фрагмент из десяти имел значение водопоглощения в пределах нормы для изделий из масс на основе беложгущихся глин в 12%, два с превышением в 6%, остальные семь – более 6%.

Эти данные показывают низкую степень спекания готовых изделий завода Гребенщиковых, что могло быть связано как с использованием в качестве сырья тугоплавких гжельских глин, так и с неправильной технологией обжига или несовершенством конструкции обжигательной печи. В дальнейшем они позволят провести их сопоставление с аналогичными находками с других памятников.

Производство майоликовой посуды на заводе А.К. Гребенщикова рассмотрено А.Б. Салтыковым в работе «Первый русский керамический завод» (1952. С. 10–28). Завод А.К. Гребенщикова, как указывалось выше, был открыт после выхода

указа Мануфактур-коллегии от 25 мая 1724 г., в котором говорилось «о цениной всякой посуде, которая делается из белой глины и вывозится в Россию из других государств, а в России такая белая глина находится...», из которой «... как видно, что во многих местах крестьяне от неискусства делают из той глины простую белую посуду...» (Салтыков, 1952. С. 6). Мануфактур-коллегия, видимо, имела в виду глины Гжельской волости Московской губернии, использовавшиеся местными крестьянами для производства гончарной посуды. В своей челобитной об открытии фабрики, поданной в Мануфактур-коллегию, А.К. Гребенщиков заявлял о намерении «...*делать из российской глины ценинную всякую посуду* (курсив мой. – А.П.) и табашные трубки и ценинные изразцы и плитки применяясь противу заморской».

Завод А.К. Гребенщикова располагался на восточной окраине Москвы в Алексеевской слободе «за Яузскими воротами, за Земляным городом», в приходе церкви Мартына исповедника на Алексеевской улице. Через два месяца после открытия завода А.К. Гребенщиков покупает у иноземца – Павла Вестова за 250 руб. черепичный завод, который находился при Калитниковском, или «Калитине», болоте⁶, за Таганскими воротами по Гжельской дороге неподалеку от Алексеевской слободы. Здесь, у «Калитина болота», еще при Иване III добывалась красная глина для изготовления кирпича. По сведениям Софийской летописи, руководивший возведением Кремля и реорганизовавший существовавшее в Москве кирпичное производство Аристотель Фиоравенти, построил в конце XV в. у Калитниковского болота новые сараи для изготовления кирпича (Сытин, 1950. С. 116).

В начале XVIII в. при Калитниковском болоте был открыт иноземцем Андреем Минтером черепичный завод, перешедший в 1713 г. к другому иноземцу Павлу Вестову. Купив у Павла Вестова черепичный завод, А.К. Гребенщиков, судя по отчетам в Мануфактур-коллегию, не занимался производством черепицы и, по-видимому, брал здесь красную глину для изготовления изразцов и плиток, выпуск которых он начал в первый же год.

Поначалу, до 1727 г., завод А.К. Гребенщикова производил только курительные трубки, расписные плитки и изразцы. В период между 1727 и 1731 гг. было освоено изготовление майоликовой посуды, но ассортимент ее неизвестен (Салтыков, 1952.

⁵ Реставрация тарелок производилась в 2010 г. реставратором отдела археологии Музея Д.Л. Толстовым.

⁶ На месте Калитниковского болота в настоящее время находятся Калитниковские улицы.

С. 10). По-видимому, это были отдельные разнородные формы, не относящиеся к чайно-кофейной или столовой сервизной посуде «противу заморской», т. е. западноевропейской.

Не изменилось положение с выпуском посуды и с приходом в 1732 г. на завод опытного изразцового мастера Яна Флегнера из Воскресенского монастыря (Нового Иерусалима) на Истре (Салтыков, 1952. С. 12). Какая именно посуда производилась на заводе, сообщается в рапорте А. К. Гребенщикова в Мануфактур-коллегию 1741 г., где указаны всего три изделия: тарелка по 20 коп., блюдо по 25 коп. и чашка по 30 коп. за штуку. При этом доля посуды в общей годовой выработке завода составляла почти 60% (Салтыков, 1952. С. 13). В декабре 1743 г. на заседании Мануфактур-коллегии рассматривались и оценивались изделия завода А. К. Гребенщикова. По мнению коллегии, представленная «ценная посуда против вывозной... в сходстве быть не может, а перед российскими, которые в разных местах делаются, имеет превосходение». Гребенщикову было указано, чтобы он «имел добрых и искусных мастеров, у которых бы русские обучились совершенно, дабы деланные на той его фабрике вещи пред нынешними лучшим мастерством были и с вывозными сходство имели», для чего следует выписать мастеров из-за границы «в немедленном времени» (Салтыков, 1952. С. 15). Но и в следующем 1744 г. качество и ассортимент посуды не изменились и продолжался выпуск тех же изделий по 7 коп. за штуку. Посуды было произведено 2233 штук, и почти вся она была продана, что составило 48,6% от общей прибыли.

Определенные улучшения в производстве майоликовой посуды произошли, по-видимому, в 1745 г., так как уже в 1746 г. ее выпуск увеличился почти в 3,5 раза и составил 7500 единиц, но продано было 5600 единиц, или 75%, что в общем объеме прибыли завода составило уже 67,4% (Салтыков, 1952. С. 16–17). По-видимому, некоторые рекомендации по отбору сырья и совершенствованию технологии производства мог дать А. К. Гребенщикову Д. И. Виноградов, приезжавший в Москву в октябре-декабре 1744 г. и осматривавший вместе с ним места добычи глины в Гжельской волости (Безбородов, 1950. С. 139–142).

В 1748 г. на заводе произошел пожар: «дом его и с ценной фабрикою в Москве выгорел весь без остатку и кровли на каменных палатах и у нижних кладовых анбаров двери железные от великого жару стали ветхи». Гребенщиков просил помощи у правительства. В следующем, 1749 г., завод уже был восстановлен, но производилась только

посуда. Полностью завод был восстановлен, судя по ведомости о производстве товара, в 1751 г.

Следует отметить, что с восстановлением завода было улучшено качество и расширен ассортимент майоликовой посуды. В 1749 г. стало выпускаться 18 видов сервизной посуды: суповые миски (терины) большие и средние, тарелки мелкие и глубокие, большие, средние и малые блюда, лотки, чаши и «чаши рассольные с крышками», солонки с крышками, укусуницы и перечницы по цене от 10 коп. до рубля. Вся изготовленная в этом году в значительном количестве посуда, 14 320 штук на 2487 рублей, была продана. Такой большой прибыли, судя по рапортам А. К. Гребенщикова в Мануфактур-коллегию, завод никогда ранее не получал: в 1741 г. она составляла 203 руб. 53 коп., в 1744 г. – 303 руб. 78,5 коп., в 1746 г. – 734 руб.

По мнению А. Б. Салтыкова, это улучшение произошло благодаря творческой деятельности второго сына А. К. Гребенщикова – Ивана (1725–1754). В то же время следует отметить, что в конце апреля 1749 г. в Москву второй раз приезжал из Петербурга Д. И. Виноградов для полного осмотра, организации добычи и доставки гжельских глины в Петербург (Безбородов, 1950. С. 198–201). Пробыв здесь до конца ноября, он в течение семи месяцев, видимо, неоднократно встречался с А. К. Гребенщиковым, посещал его завод и мог оказать ему практическую помощь в улучшении качества и расширении ассортимента майоликовой посуды.

К 1751 г. объем производства посуды на заводе А. К. Гребенщикова возрос в 2,3 раза и составил 32 825 штук, а прибыль составила 10 899 руб. Важным фактом следует считать выпуск сервизов. В 1751 г., по данным Мануфактур-коллегии, было изготовлено 65 «настошных сервизов по 25 руб. 25 коп. серебром» по 126 предметов в каждом.

Качество изделий завода А. К. Гребенщикова, судя по вышеописанным тарелкам князей Грузинских, было невысоким. Тем не менее в 1753 г. А. К. Гребенщикову для путевых дворцов «по Троицкой дороги в Алексеевском, Братовщине и Воздвиженском селах... от придворной канторы сделать заказать шесть сервизов з гербом с надписью придворную разным цветкам, которые имеют употребляться в великий пост и в пост Успения пречистый Богородицы, а в мясоедные дни только в одни пятницы, а в те села в каждый». Два соусника, по-видимому, из этого заказа хранятся в Государственном Эрмитаже. На них синим цветом с одной стороны нанесены двуглавый орел и роза,

с другой – монограмма императрицы Елизаветы Петровны и роза.

Помимо столовой сервизной посуды на заводе А. К. Гребенщикова в 1750-х годах было освоено и изготовление чайной посуды («чашек с блюдцами») и статуэток, которые упоминаются в описи вещей Покровского дворца в Москве 1760 г. с указанием «Гребенщикова».

Майоликовая посуда завода Гребенщиковых продавалась не только в Москве, но и, по-видимому, в Петербурге, на что косвенно указывает объявление в одной из петербургских газет 1760 г.: «Привезенная из Москвы столовая ценная посуда продается на Адмиралтейской стороне, на Морском рынке, в новопостроенных лавках, в лавке с.-петербургского купца Ивана Дьякова, № 1». Сам А. К. Гребенщиков вместе с сыном Андреем бывал в Петербурге, там он скончался 10 августа 1757 г.

После смерти А. К. Гребенщикова завод перешел к его старшему сыну Петру, который владел им до 1761 г. В 1761 г., после раздела имущества, владельцем завода становится младший сын А. К. Гребенщикова – Андрей. При нем в начале 1760-х годов завод продолжал выпуск большого ассортимента изделий. Наряду с сервизами изготавливались «терины, блюда, чаши пуншковые, огурешные, масленые, чашки чайные, уксусники, солонки, посуда в виде дынь, яблок, груш, кочней капусты», а также «куклы, утки, кони, кошки, щеглята, зайцы, собаки, обезьяны, кисти винограда, петухи, черепахи, рябчики, кулики и гренадеры с венерами» (Лихачева, 1972. С. 172). Но в то же время объемы производства значительно снизились. Так, в 1768 г. заводом было выпущено изделий лишь на 3563 руб. 25 коп., т. е. почти в три раза меньше, чем в 1751 г., что, видимо, происходило из-за расширения производства такой же посуды крестьянами-гончарами в Гжели.

В период управления заводом Андреем Гребенщиковым, в 1767 г. был изготовлен сервиз по заказу известного писателя и театрального деятеля А. П. Сумарокова. Миска из этого сервиза, расписанная синей краской, с изображением на одной из сторон родового герба дворян Сумароковых, хранится в ГИМ (Салтыков, 1956. С. 44. Табл. 1, 5).

С 1772 г., видимо, по решению Сената из-за ухудшения работы завод А. Гребенщикова был передан коллежскому асессору Козьме Матвееву. Причиной этого могли послужить события, связанные с эпидемией моровой язвы (чумы) в Москве в 1770–1771 гг., унесшей жизни около двухсот тысяч человек. С началом эпидемии в Москве закрылись заводы и мануфактуры, сократились

подвоз и продажа продуктов и других товаров, что вызвало безработицу, рост цен и голод. Выработка завода в 1773 г. состояла из «сервизов, фигур, статуи и проч. (на) 906 рублей 55 коп.» (Чулков, 1788в. С. 641). В 1774 г. завод от коллежского асессора Козьмы Матвеева перешел к Савве Яковлеву, при котором и был закрыт, по-видимому, в 1779 г., так как последние данные о нем относятся к 1778 г. (Лихачева, 1972. С. 172, 173).

Таким образом, майоликовая посуда завода А. К. Гребенщикова, производившаяся в значительном количестве, по-видимому, уже в середине XVIII в. в среде московского дворянства являлась повседневной, вытеснив благодаря своим эстетическим и гигиеническим качествам из обихода медную и оловянную посуду. Об этом косвенно свидетельствуют, например, отчетные данные А. К. Гребенщикова за 1749 г.: вся произведенная посуда – 14 320 предметов, из которых 10 000 тарелки, была продана (Салтыков, 1952. С. 17–18). Являясь повседневной, майоликовая посуда постепенно утрачивалась, попадая в культурный слой города, что было отмечено, в частности, при исследовании усадьбы Кантемиров в Царицыно (Полулях, 2010. С. 341–344). Этим и объясняется незначительное количество сохранившихся до настоящего времени подобных предметов. В начале XIX в. в среде дворянства повседневной становится уже фарфоровая посуда, в частности, завода Гарднера, парадной и престижной являлась серебряная посуда ([Благово], 1989. С. 99).

По-видимому, уже в начале 1740-х годов технология производства майоликовой посуды была перенесена с завода А. К. Гребенщикова в Гжельскую волость. Это было связано с тем, что до 1742 г. он не имел права покупать крестьян и должен был нанимать рабочих, среди которых могли быть и крестьяне-гончары из деревень Гжели. Так, по данным первой ревизии 1725 г., в Алексеевской слободе, где находился завод А. К. Гребенщикова, жили крестьяне дворцовой Гжельской волости: Семен Иванов сын Шелковников из самого села Гжели; Филипп Гаврилов сын (без фамилии) из деревни Речицы; Василий Васильев сын Овсянников из деревни Жирово; Роман Прокофьев из деревни Речицы; Семен Еремеев сын Горшок (без указания деревни); Лазарь Дмитриев из деревни Фенино (ошибочно названной Фетиньиной). По данным второй ревизии 1747 г. в соседней Таганской слободе жили: Илья Родионов сын Федоров и Аврам Афанасьев сын Федулов, оба из деревни Григорово (Салтыков, 1956. С. 15, 16).

Уже в 1742 г., ходатайствуя о разрешении купить крепостных, А. К. Гребенщиков писал в Мануфактур-коллегию: «...и которые у меня имелись для того обучения наемщики, в оные, выучась и отжив по договорам урочные годы, *от меня отошли и учинились сами мастерами и других изобучили* (курсив мой. – А. П.) ... и за отлучкою оных наемщиков та моя фабрика состоит ныне в малом действии для того, что других вольных наемщиков нанять не сыщу» (Салтыков, 1956. С. 16).

Появление первых майоликовых производств в Гжели, по-видимому, открытых крестьянами-работниками завода А. К. Гребенщикова, следует относить к концу 1730-х – началу 1740-х годов, на что указывает одна «скаска» Мануфактур-коллегии 1743 г. Согласно этому документу, Гжель производила в то время «глиняную посуду разных сортов: тарелки цветные, чайники, чайные чашки с блюдцами, уксусники, полоскательные чашки» (Салтыков, 1956. С. 12). Из мастеров назван Кирилл Ильин. Торговал ею в Яблочном ряду гжельский же крестьянин Калина Яковлев.

На появление в Гжели майоликовых производств примерно в середине XVIII в. указывают сведения А. Нентцеля, записанные в начале 1860-х годов со слов потомственного гжельского крестьянина-керамиста А. П. Казакова. А. П. Казаков, которому в то время «шел восьмой десяток», был еще настолько крепок, что работал на заводе рабочим. Его дед в 1750 г. «делал фаянсовую (Нентцель добавляет: полуфаянсовую) белую и цветную посуду и что такая же посуда продолжала выделяться на памяти Казакова при отце, то есть лет 60 тому назад», или на самом рубеже XVIII–XIX вв. Эта посуда называлась «красненькой», так как ее делали из красной глины, смешанной со светло-серой. В зависимости от цвета покрывавшей ее эмали она называлась также белой или цветной (Нентцель, 1864. С. 5–6, 8).

В 1750-е годы производство майоликовой посуды в Гжели расширилось, составив конкуренцию заводу А. К. Гребенщикова, о чем он сообщает в 1752 г. в Мануфактур-коллегию: «*во многих разных местах без указа всякую ценнинную пеструю посуду* (курсив мой. – А. П.) делают и продают врознь и называют якоб указной ценнинной моей фабрике и купецкие люди разных чинов обнадеясь на них продавцов покупают и продают дешевою ценою под видом доброй посуды во многих разных

местах и под горою⁷ в лавках держат» – и просит издать приказ, «чтоб впредь такую пеструю посуду по ценнинному манеру не делали, а делали б муравленую посуду» (Салтыков, 1956. С. 16). Под указанием «во многих разных местах», видимо, следует понимать села и деревни Гжельской волости, где крестьяне-гончары могли производить «всякую ценнинную пеструю посуду», т. е. расписную полихромную майоликовую посуду.

Гжель продолжала производить майоликовую посуду и в последующие два десятилетия, о чем теперь сообщается в приписке к отчету Андрея Гребенщикова о деятельности завода за первую половину 1765 г.: «Оной посуды против прежде поданных ведомостей показано в деле со уменошением за нерасходом и от помешательства безуказных фабрик», а в приписке к отчету за вторую половину того же года он сообщает: «А ныне против прежних ведомостей показано со уменошением товаров для того, что наделанной посуды остается за нерасходом немалое число, ибо на безуказных фабриках и во Гжеле делается наподобие такой же посуды множество и она продается в Москве близ Покровского собора под горой в лавках».

Значительное увеличение числа майоликовых производств в Гжели произошло к началу 1770-х годов. В приписке к отчету завода Андрея Гребенщикова за 1770 г. указывается, что новое сокращение его производства, и очень значительное, произошло «особливо потому, что делание оной посуды имеется разными людьми в Москве и оно-го уезде *в селе Агжеле и в прочих местах* (курсив мой. – А. П.) неуказными производствами» (Салтыков, 1956. С. 17).

О полном освоении крестьянскими заводами Гжели в начале 1770-х годов майоликового посудного ассортимента, видимо, аналогичного заводу Гребенщиковых, свидетельствует факт выполнения придворного заказа одним из гжельских заводчиков. Столовая посуда была сделана в 1775 г. «на фасон заморских самоилутчей доброты» в количестве 498 штук на 99 руб. и включала тарелки глубокие и плоские, блюда круглые, овальные малые и средние, чаши суповые двух размеров» (Салтыков, 1956. С. 18). В конце XVIII в. в селах и деревнях Гжели действовало 40 майоликовых производств: 10 – в Речицах и Володино Гжельской волости, 30 – в Кузьево, Фрязино, Коломино и Игнатьево соседней Карповской волости (РГА-ДА. Ф. 277. Оп. 16. Д. 1. Л. 3 об-24).

⁷ Территория между храмом Василия Блаженного и Москвой-рекой.

На рост числа майоликовых производств в Гжели косвенно указывает А. Т. Болотов в своих записках за 1796 г., сообщая о широком распространении гжельской посуды в быту русского провинциального дворянства в начале 1770-х годов: «О развозе посуды каменной. Как в сие время, так уже за несколько десятков лет, однако, не более как лет за 25 (т. е., с 1774 г. – А. П.), вошло и было у нас в употреблении, вместо прежней оловянной посуды, на столах, в дворянских домах, употреблять глиняную, деланную у нас на Акжельских заводах, по форме и под видом фаянсовой. В немногие годы была посуда сия везде и везде, где белая, где палевая, где гладкая, где с каемкой, и довольно дешево; но жаль, что делалась дурно, ненадежно; скоро лопалась и билась. Ее не столько продавали по городам, сколько развозили всюду и всюду по деревням крестьяне, торгующие ею из барышей и продававшие целыми сервизами» (Болотов, 1875. С. 60).

Если майоликовые производства Гжели и являлись для завода Гребенщиковых конкурентами, то открытая в 1769 г. фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера в «сельце Вербилки» Дмитровского уезда Московской губернии не могла отрицательно повлиять на их производство. Изделия фабрики Ф. Я. Гарднера были значительно дороже, в отличие от аналогичной продукции завода Гребенщиковых, и являлись предметами роскоши. Так, дюжина гарднеровских столовых тарелок стоила от 9 до 12 рублей, тогда как гребенщиковские – один рубль 44 копейки (Черный, 1970. С. 250. Прил. 3; Салтыков, 1952. С. 23).

Археологические раскопки на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном переулке проводились Г. П. Латышевой в 1957 г. в связи с находкой там при земляных работах владельцами участка около 20 расписных печных изразцов XVIII в. Некоторые из них имели следы копоты, проволоочное крепление, глиняную обмазку, что свидетельствовало о существовании здесь в XVIII в. жилой постройки. Г. П. Латышева на исследуемом участке заложила шурф (6,5×2,5 м) (рис. 3, 1). В процессе работ было найдено 100 целых изразцов и 199 обломков нескольких печных наборов, до настоящего времени, как и посудные формы, не опубликован⁸.

Найденные в шурфе посуда и изразцы связаны с находившимися в его заполнении кирпичными кладками на известковом и глиняном растворе, вскрытыми после снятия дерна (рис. 3, 2, 4).

Они сложены из пяти рядов кирпича на углубленной в материк забутовке мощностью 35 см, состоящей из обломков белого камня и кирпича, залитых известковым раствором (Латышева, 1957. С. 3). Как отмечает Г. П. Латышева, все кирпичи были размером 30×14×9 см и не имели клейм. Такие размеры кирпича характерны для второй половины XVII в. (Киселев, 1990. С. 14. Табл. 2). Кладка на известковом растворе выполнена верстовой системой перевязки кирпича, распространенной на Руси и в России с конца XV до конца XIX в., а в XVI–XVII вв. являющейся основной (Подъяпольский и др., 1988. С. 207). Кладку на глиняном растворе без системной перевязки кирпича, видимо, делали не каменщики-профессионалы, а печники при установке в доме изразцовых печей.

Таким образом, размер кирпича и его система перевязки допускает интерпретировать вскрытую в шурфе часть кладки на известковом растворе как фрагмент фундамента центральной части деревянного здания круглогодичного использования (судя наличию фундаментов изразцовых печей и изразцов). Его сооружение можно отнести ко второй половине XVII в. В то же время найденные в заполнении кирпичных кладок изразцы XVIII в., в том числе последней четверти века, свидетельствуют о продолжительном, как минимум до начала XIX в. существовании построенного на этом фундаменте здания.

Обломки посуды в шурфе были собраны «в нижней части культурного слоя» (Латышева, 1957. С. 4), т. е., видимо, в слое предматерикового гумусированного песка (рис. 3, 2). Количество обломков каждой отдельной тарелки варьируется от 11 до 37 единиц, и в результате реставрации их целостность составила от 70 до 99% (Приложение 3). Это свидетельствует о том, что в заполнение шурфа тарелки и крышка суповой миски попали одновременно, при сносе дома, а не были разбиты в период бытования в течение длительного времени.

С целью определения принадлежности остатков кирпичных фундаментов, найденных тарелок и изразцов необходимо уточнить местонахождение шурфа на карте Москвы 1950-х годов и на современной карте Москвы для последующего сопоставления его местонахождения с аналогичными планами и картами XVIII–XIX вв. Для локализации шурфа на современной карте Москвы были использованы наиболее подробные

⁸ Данная коллекция изразцов запланирована автором к последующей публикации.

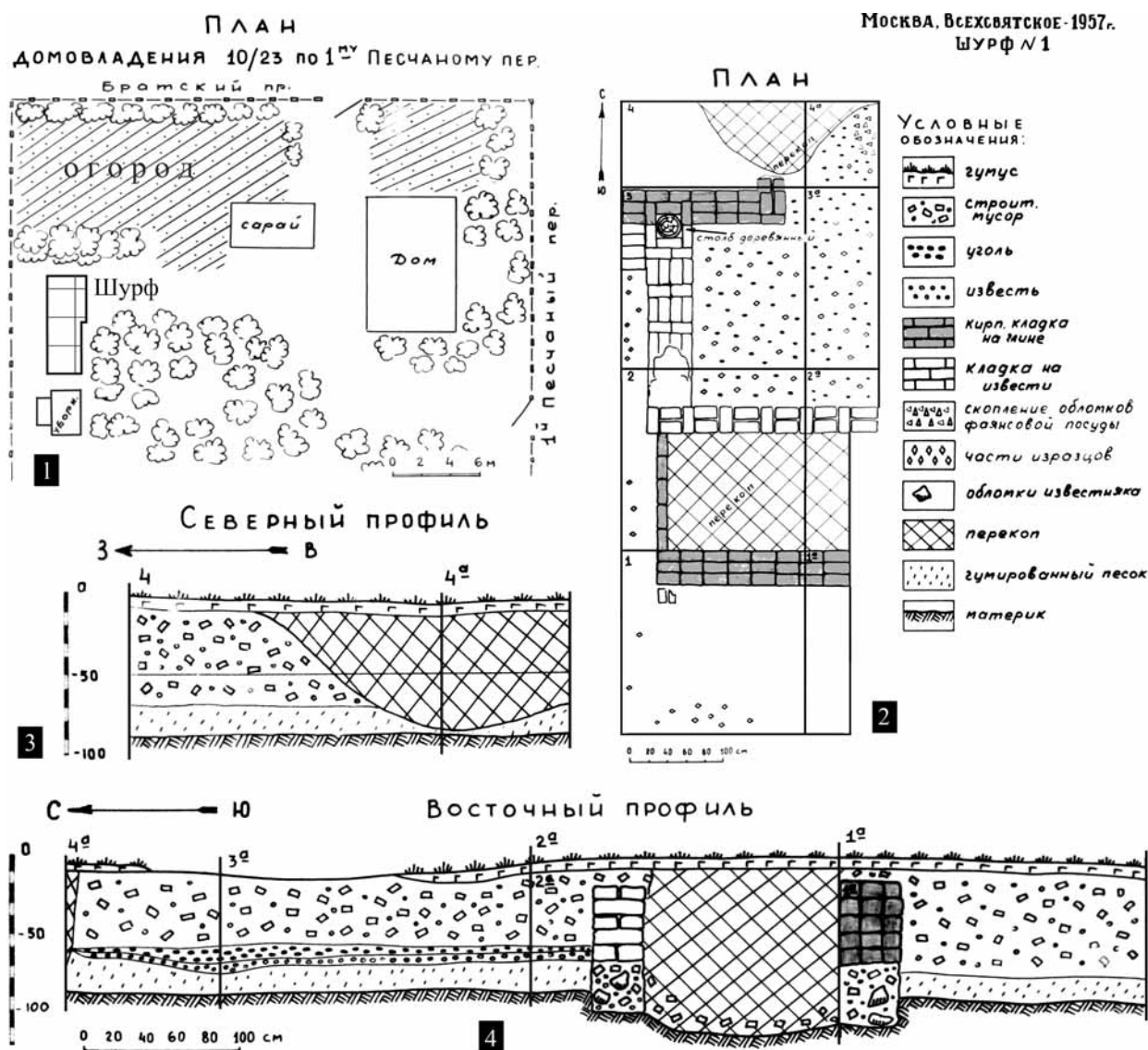

Рис. 3. Шурф на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном пер. в Москве.
Планы и профили из отчета Г.П. Латышевой (1957)

карты этого района 1952 и 1964 гг. На карте 1952 г. изображено русло р. Ходынки и впадающей в нее с левой стороны р. Тарахановки с существовавшим прудом, планировка парка между 1-м Песчаным переулком и руслом р. Ходынки, планировка улиц и застройки (рис. 4, 1). Карта 1964 г. отражает происшедшие за 12 лет изменения: частично заключены в трубу и засыпаны русла р. Ходынки и Тарахановки, иной стала планировка парка между 1-м Песчаным переулком и ул. Новопесчаная, появились новые переулки, здания (рис. 4, 2). Следует отметить, что представленный в отчете автора раскопок на рисунке 1 «План территории б. села Всехсвятского» имеет неточную планировку улиц и переулков

и не соответствует масштабу (Латышева, 1957. Рис. 1). Уточнить местонахождение исследованного участка позволяет отмеченный с его северной стороны переулок Братский на рисунке 2 отчета Г.П. Латышевой «План домовладения 10/23 по 1-му Песчаному пер.» (рис. 3, 1). Этот переулок отсутствует на карте 1952 г., но в 1957 г. он существовал и отражен на карте 1964 г. Его наличие подтверждает и первоначальный план 1923 г. поселка Сокол (рис. 4, 4). В настоящее время 1-й Песчаный переулок имеет название Песчаный переулок. С востока к нему примыкает Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны – бывшее Московское городское братское кладбище (рис. 4, 3).

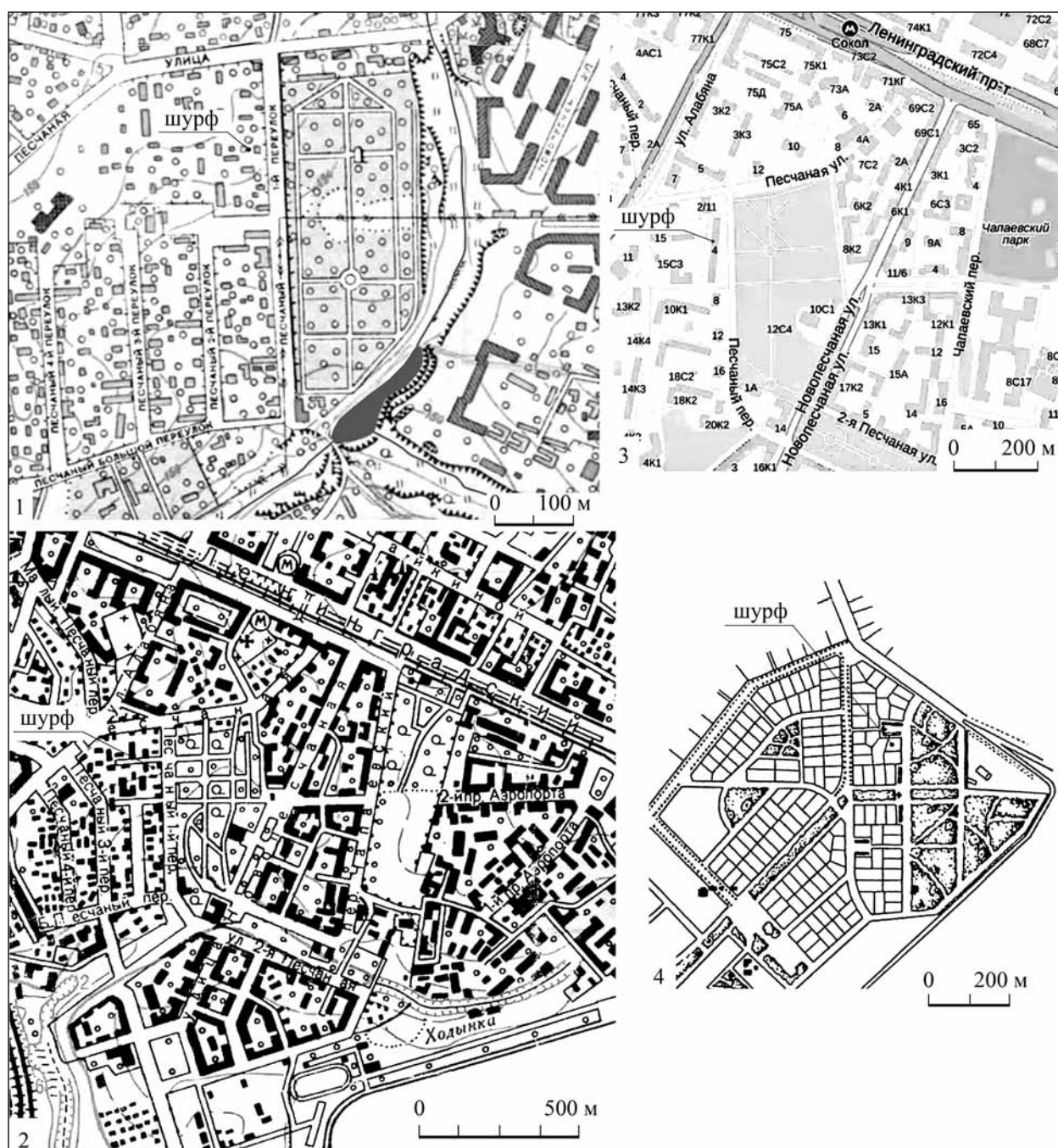

Рис. 4. Местонахождение шурфа Г.П. Латышевой на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном пер. на картах и планах Москвы

1 – 1952 г.; 2 – 1964 г.; 3 – 2013 г.; 4 – фр-нт первоначального плана 1923 г. поселка Сокол

Таким образом, исходя из масштабных соотношений планов отчета 1957 г. Г.П. Латышевой, карты 1964 г. и современной карты Москвы этого района, расположение шурфа на современной карте Москвы примерно локализуется в точке, расположенной в 112 м к югу от пересечения Песчаной ул. и Песчаного пер. и в 30 м к западу от Песчаного пер. В настоящее время здесь находится

д. № 4 в Песчаном переулке (рис. 4, 3). Эта локализация места археологических исследований 1957 г. позволит соотнести его с усадебной застройкой села Всехсвятского в XVIII–XIX вв.

При рассмотрении истории землевладения села Всехсвятского необходимо отметить, что имеющиеся публикации по этому вопросу носят противоречивый характер, слабо основаны на конкретных

источниках, а приводимые данные зачастую не имеют сноска на их источник⁹.

Село Всехсвятское располагалось в XVIII – начале XIX в. к северо-западу от Москвы, на Санкт-Петербургском тракте, в пяти верстах от Тверской заставы Камер-Коллежского вала, на правом берегу р. Ходынки, в которую в 850 м ниже по течению впадала р. Таракановка¹⁰ (рис. 5, 1).

Впервые Всехсвятское упоминается в 1398 г. под названием Святые Отцы в завещании князя И. Ю. Патрикеева (ДДГ, 1950. С. 149). После неоднократной смены владельцев, разорения в период Смутного времени, по решению Земского собора 1648–1649 гг. о передаче церковных земель государству оно как пустошь поступило в дворцовое ведомство (Павлова, 1999. С. 46). В конце 1670-х годов эти земли получил боярин И. М. Милославский (1629–1685), построивший здесь в 1683 г. небольшую каменную церковь во имя Всех Святых, после чего село стало официально именоваться Всехсвятским. По Приходным книгам Патриаршего казенного приказа в год постройки церкви в селе было шесть дворов крестьянских, четыре двора церковных служащих и двор боярский (Токмаков, 1898. С. 9, 10). В 1685 г., после смерти И. М. Милославского, село перешло по наследству его единственной дочери – Федосье Ивановне Милославской (1628–1695). По описанию 1685 г., во Всехсвятском стоял «двор боярской, а в нем живет прикащик, да двор конюшенный, и скотный со всяким дворовым строением, да к сему ж Всесвятскому на речке на Ходынке построена вновь мельница, мелет в 4 колеса, всего в селе и на мельнице дворовых и кабальных и задворных людей и поваров 44 человека» (Токмаков, 1898, С. 10–12). В 1688 г. Федосья Ивановна Милославская вышла замуж за имеретинского царевича Александра Арчиловича (1667–1711), который вместе с отцом, царем Арчилом II, и братьями переехал из Грузии в Россию в 1681 году.

После смерти Федосьи Ивановны в 1695 г. село Всехсвятское по именному указу Петра I перешло к ее мужу – царевичу Александру Арчиловичу, одному из ближайших сподвижников Петра I, побывавшему вместе с ним в заграничной поездке в 1697 г. В Гааге Александр Арчилович изучал «бомбардирское» искусство и по возвращении в Россию в 1700 г. был назначен первым

генерал-фельдцейхмейстером – начальником артиллерии. Ему было поручено руководство Пушкарским приказом в Москве. Но в 1700 г. во время Северной войны, в битве под Нарвой, где он командовал артиллерией, Александр Арчилович попал в шведский плен. Там он и умер в 1711 г. (Токмаков, 1898. С. 11–13).

После смерти царевича Александра Арчиловича село Всехсвятское, ставшее центром грузинской иммиграции, перешло к его сестре – Дарье Арчиловне (1665/70–1740), царевне Дареджан, которая была фактически «полномочным представителем» при русском дворе грузинского царя Вахтанга VI («Дворянские роды ...», 1996. С. 45, 46). В 1748 г., спустя 8 лет после смерти не имевшей наследников Дарьи Арчиловны, Всехсвятское по указу императрицы Елизаветы Петровны было разделено между двумя ее ближайшими родственниками, сыновьями грузинского царя Вахтанга VI: царевичами Георгием (1712–1786) и Бакаром (1700–1750) Вахтанговичами (Холмогоровы, 1886. С. 59). Вахтанг VI, освободившийся из персидского плена, переехал с сыновьями во Всехсвятское при содействии Петра I еще в 1724 г. (Токмаков, 1898. С. 19). В результате этого раздела Георгию Вахтанговичу перешло 85 дворовых и 187 крестьян, Бакару Вахтанговичу – 84 дворовых и 104 крестьянина.

В середине XVIII в. земельные владения грузинских князей вокруг села Всехсвятское были значительными (рис. 5, 1) и занимали 1421 га (Кусов, 2004. С. 92. № 44). На ретроспективной карте Московского уезда 1766–1770 гг., составленной В. С. Кусовым на основе данных межевания, юго-западная граница этих владений проходила по р. Ходынке и ее притоку р. Таракановке (Кусов, 2004. Карта № 11). В 1750 г., после смерти Бакара Вахтанговича, владелицей принадлежавшей ему части села стала его вдова Анна Егоровна с сыновьями Леоном (1728–1763) и Александром (1726–1791). По-видимому, кто-то этих совладельцев Всехсвятского заказал гербовый сервиз на заводе Гребенщиковых в 1749–1773 гг.

Чтобы установить заказчика сервиза, необходимо выяснить, кто владел в это время той частью села, где были найдены тарелки. В связи с этим следует обратить внимание на факт пребывания в течение нескольких дней во Всехсвятском Екатерины II в феврале 1775 г., которая «соизволила

⁹ Список публикаций и обобщающий очерк по истории села Всехсвятского опубликован в энциклопедии «История московских районов», вышедшей под ред. К. А. Аверьянова («История ...», 2005. С. 303–312).

¹⁰ На некоторых картах Москвы она ошибочно названа Ходынкой.

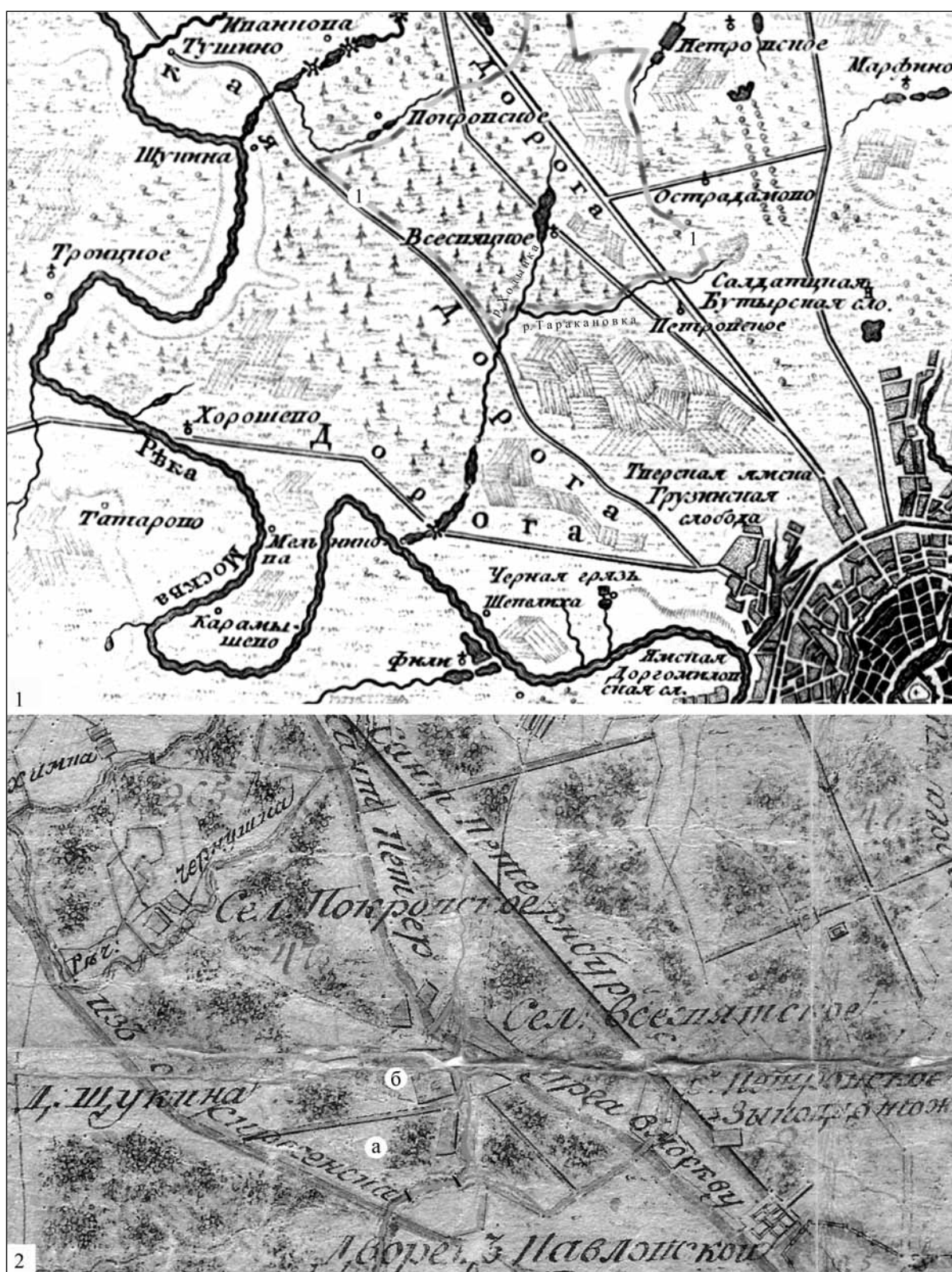

Рис. 5. Землевладение князей Грузинских на Плана Царствующего града Москвы 1766 г. (1) и Плана генерального межевания 1790-х гг. (2)

а – бывш. владение Георгия Вахтанговича; б – владение Георгия Александровича

предпринять шествие в Москву» из Петербурга и 22-го числа прибыла «в вожделенном здравии» сначала в «село Сесвятское», а потом «шествовать соизволила в дом» грузинского царевича, где и жила до переезда в Москву (Молева, 1982. С. 177). Для приема императрицы и ее двора во Всехсвятском должен был быть большой зимний дом-дворец с достаточным количеством комнат.

По версии И. Ф. Токмакова, владельцем такого дома-дворца во Всехсвятском был Александр Бакарович. Позднее, при его сыне Георгии Александровиче (1762–1852), в 1790-х годах был отремонтирован зимний дворец и выстроен новый летний на холме, вокруг которого был устроен большой сад с редкими деревьями и цветами. Сад, где находились две большие оранжереи, спускался к пруду на р. Ходынке с искусственным островом в центре. За садом располагался английский парк, а за ним – расчищенная роща (Токмаков, 1898. С. 21, 22). Эти преобразования, превратившие усадьбу в парадный дворцово-парковый ансамбль, отражают новомодные тенденции в среде образованной части состоятельного дворянства конца XVIII в., когда подобное усадебное строительство в России получило широкий размах. Но более вероятным представляется, что владельцем зимнего дворца во Всехсвятском являлся царевич Георгий Вахтангович¹¹, и именно он, как сын грузинского царя Вахтанга VI, т. е. более соответствующий по статусу, по-видимому, оказывал в феврале 1775 г. прием Екатерине II. И описанные И. Ф. Токмаковым преобразования во Всехсвятском провел он, а не Георгий Александрович.

Именно эта, расположенная вдоль правого берега р. Ходынки благоустроенная часть Всехсвятского с двумя дворцами, садом и парком, после смерти Георгия Вахтанговича в 1784 г., согласно его завещанию ввиду отсутствия наследников перешла в ведение Московской Кремлевской экспедиции Дворцового ведомства. А в 1816 г. «сад села Всехсвятского» был пожалован Александром I семье бывшего молдавского господаря К. Маврокордато. По завещанию княгини Маврокордато он перешел к ее племяннице графине Л. Г. де Санти (в замужестве Софиано), которая продала его в 1898 г. А. Н. Голубицкой. В это время усадьба, расположенная «по Песочному переулку», имела площадь 11 десятин 279 кв. сажен и представляла собой «вековой парк, преимущественно липовый,

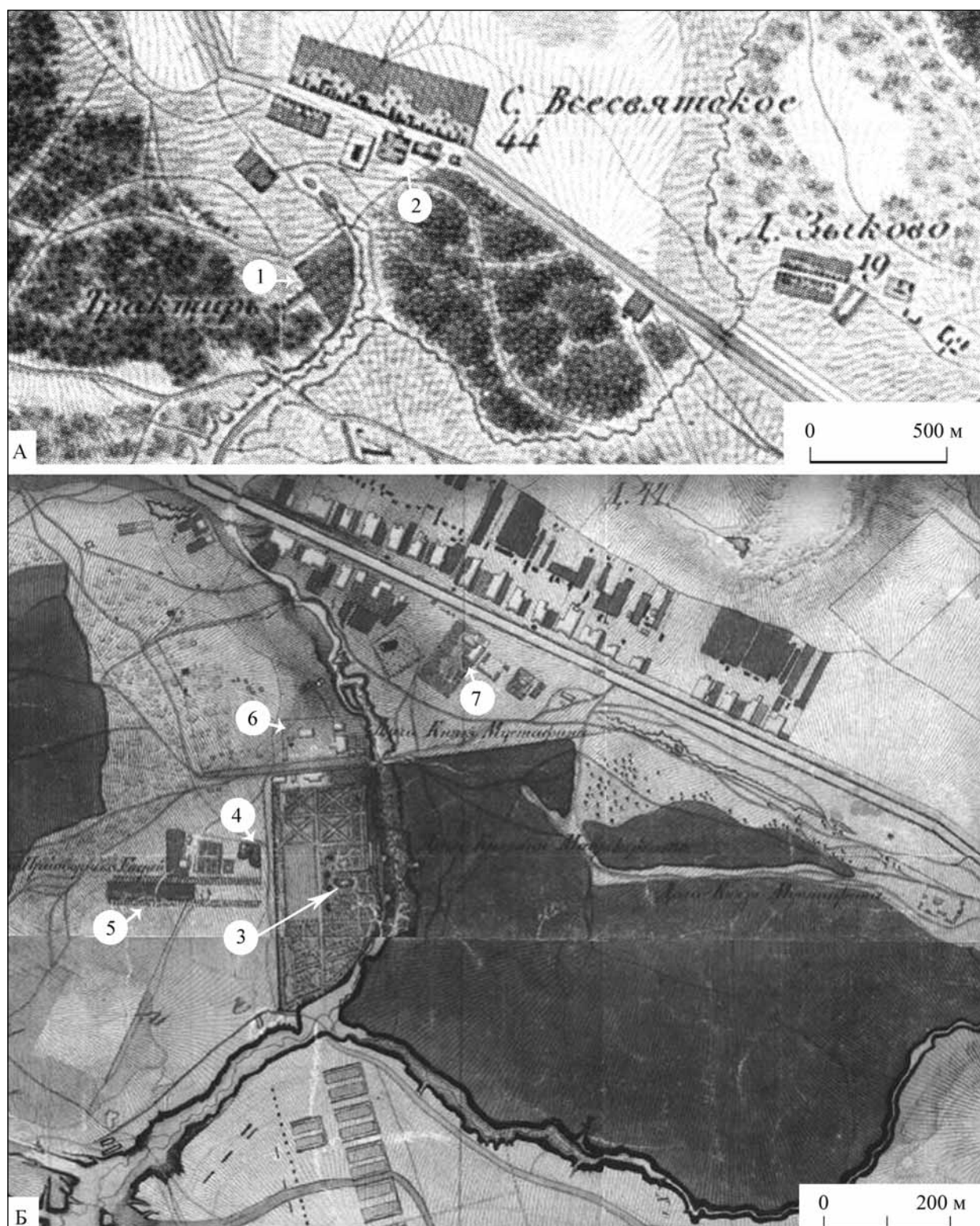
с примесью березняка и крупных пород ели и сосны» (Токмаков, 1898. С. 23; Арсеньев, Морозова, 2005. С. 39).

Расположение усадьбы Георгия Вахтанговича можно установить на некоторых планах и картах конца XVIII – первой половины XIX в., несмотря на то, что они отличаются небольшой точностью в деталях. На Плане генерального межевания 1790-х годов, наиболее раннем из имеющихся планов и карт Московского уезда, основная крестьянская застройка села Всехсвятского располагалась вдоль правой стороны тракта Москва – Санкт-Петербург, с левой стороны от него находятся две усадьбы с постройками, разделенные прямой дорогой, соединяющей тракты Москва – Санкт-Петербург и Москва – Воскресенск (рис. 5, 2). Большая из усадеб, протянувшаяся вдоль правого берега р. Ходынки (рис. 5, а) с прилегающим с запада лесом, принадлежала, по-видимому, царевичу Георгию Вахтанговичу. Усадьба же Георгия Александровича должна была располагаться к северу от усадьбы Георгия Вахтанговича (рис. 5, б).

На Топографической карте окружности Москвы 1818 г. отображен бывший сад Георгия Вахтанговича, но планировка его дана в произвольном виде и не нанесены какие-либо усадебные постройки (рис. 6, А). Более подробно планировку сада и расположение строений усадьбы Георгия Вахтанговича представляет Топографический план Москвы 1838 г. (рис. 6, Б). В сочетании с этим планом определить местонахождение зимнего и летнего дворцов, оранжерей и других построек позволяет План дворцов Императорских Величеств в селе Всехсвятском, Московской губернии, видимо, середины XIX в. («Памятники...», 2004. С. 115). Так, сад, протянувшийся на 405 м вдоль правого берега р. Ходынки, имел ширину 135 м. В центре его находился летний дворец (рис. 7, 1), а в 125 м к северо-западу – зимний дворец (рис. 7, 2). На северном краю сада располагались две оранжереи, теплица и другое строение (рис. 7, 3, 4).

Таким образом, сопоставление Топографического плана Москвы 1838 г. и Плана дворцов Императорских Величеств в селе Всехсвятском, Московской губернии с картой Москвы 1952 г. показало, что шурф 1957 г. Г. П. Латышевой совпадает с местом расположения зимнего дворца, который, как отмечалось выше, был деревянным и стоял на фундаменте, сложенном из кирпича второй

¹¹ Так полагают и авторы очерка о Всехсвятском, описывая, без ссылки на источник, владения Георгия Вахтанговича («Северный округ...», 2000. С. 109).

Рис. 6. Село Всехсвятское на Топографической карте окрестности Москвы 1818 г. (А) и Топографическом плане Москвы 1838 г. (Б) (см. цв. вкл.)

1 – сад бывш. владения Георгия Вахтанговича; 2 – предполагаемое местонахождение путевого дворца;
3 – сад и летний дворец бывш. владения Георгия Вахтанговича; 4 – зимний дворец; 5 – школа стрельбы придворных егерей; 6 – владение Георгия Александровича (?); 7 – предполагаемое местонахождение путевого дворца

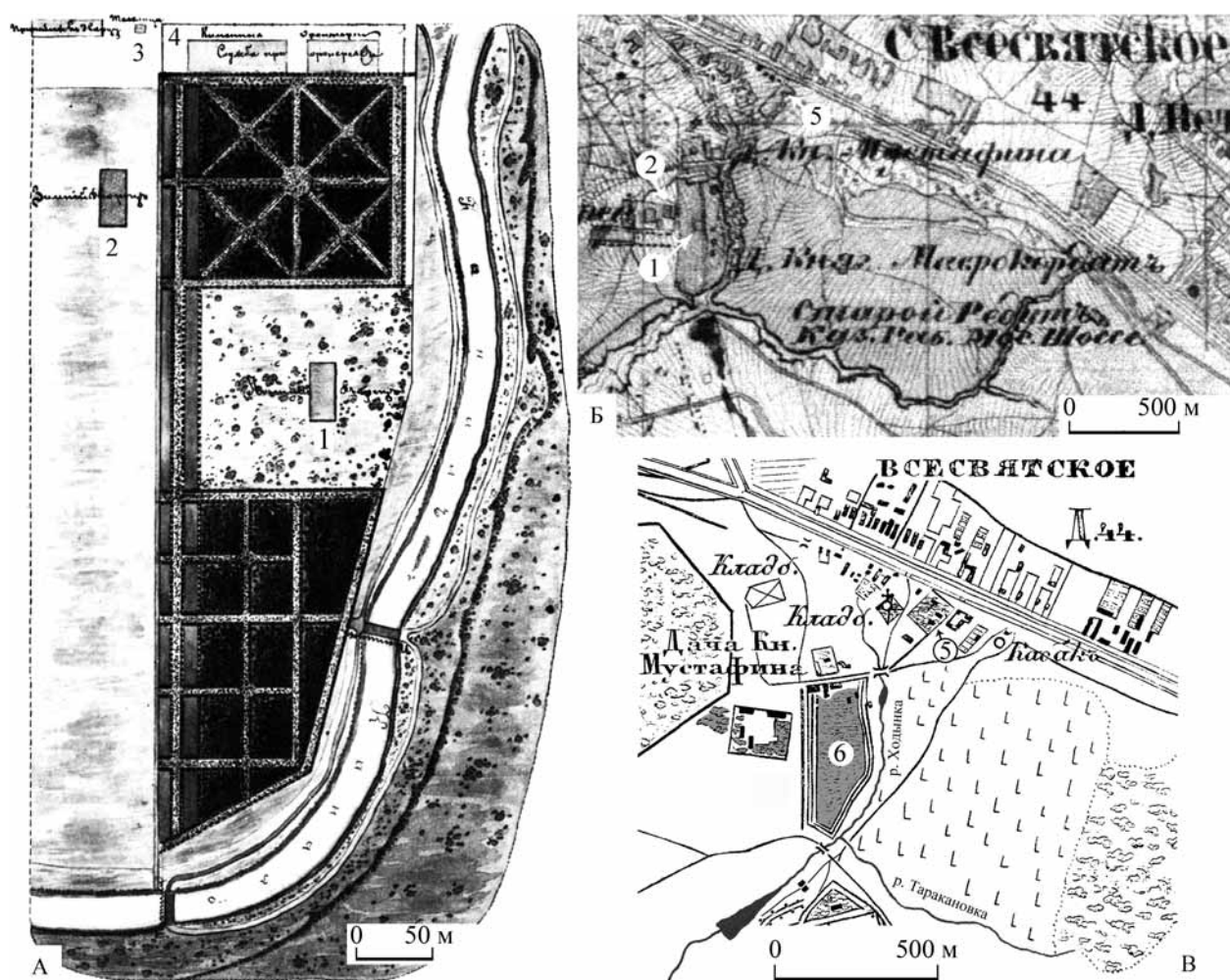

Рис. 7. Расположение и планировка бывшей усадьбы Георгия Вахтанговича на Плате дворцов Императорских Величеств в селе Всехсвятском, Московской губернии сер. XIX в. (А); на Топографической карте окрестностей Москвы 1852 г., съемка 1839 г. (Б); на Топографической карте окрестностей Москвы 1878 г., съемка 1852 г. (В)

1 – сад и летний дворец Георгия Вахтанговича; 2 – зимний дворец Георгия Вахтанговича; предполагаемое местонахождение путевого дворца; 3 – теплица; 4 – оранжереи; 5 – предполагаемое местонахождение путевого дворца; 6 – бывш. владение Георгия Вахтанговича

половины XVII в. По-видимому, этот фундамент относится еще к дому боярина И. М. Милославского конца 1670 – начала 1680-х годов.

Во время Отечественной войны 1812 г. Всехсвятское пострадало, как и другие селения вблизи Москвы. Но дворцы, судя по представленным выше планам, сохранились. Сад, видимо, после передачи его в 1816 г. бывшему молдавскому господарю К. Маврокордато был восстановлен. В нем установили скульптуры русских воинов, в пруду на острове поставили беседку, в которой по праздникам пели цыгане, а гости вокруг нее катались в гондолах (Токмаков, 1898. С. 22). Когда были снесены зимний и летний дворцы, точно неизвестно. По сведениям И. Ф. Токмакова, дворцы были отданы князьями Грузинскими своим крестьянам для строительства

изб. В то же время он сообщает, что во Всехсвятском несколько лет постоянно жила Александра Львовна Маврокордато (графиня Санти), дома которой, перешедшие ее наследникам, находились в хорошем состоянии вместе с большим столетним липовым садом и прудом (Токмаков, 1898. С. 31). Но если на картах 1838–1839 гг. зимний и летний дворцы еще обозначены (рис. 6, 3, 4; рис. 7, 1, 2), то на Топографической карте окрестностей Москвы 1878 г. (съемка 1852 г.) их уже нет (рис. 7, В).

Второй, меньшей частью Всехсвятского владел Георгий Александрович. Но после завершения в 1834 г. строительства Санкт-Петербургского шоссе, а затем и Волоколамского шоссе Всехсвятское превратилось из загородного аристократического имения в шумный московский пригород,

что стало причиной переезда Георгия Александровича в нижегородское село Лысково, где он и скончался в 1852 г. Его дочь Анна Георгиевна Толстая-Грузинская, известная покровительница Н.В. Гоголя, в 1862 г. продала свою часть Всехсвятского А.Н. Шиловской, а та, в свою очередь, ротмистру Рукину («История...», 2005. С. 308).

Во второй половине XIX в. на территории бывшей усадьбы Георгия Вахтанговича никакой застройки не производилось. Автор путеводителя «Московские окрестности» 1877 г. отмечает, что в связи с постройкой в 1851 г. железной дороги между Москвой и Санкт-Петербургом Всехсвятское «ныне дачниками почти забыто. Дорога чрез село ныне покинутая, пустынная» (Белицкий, 1996. С. 37). Эту же ситуацию с последующими изменениями в начале XX в. описывает «Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы» 1926 г.: «Лет сорок тому назад это было дачное место с прекрасным густым парком, в котором на расстоянии друг от друга были разбросаны дачи помещиков и московских торговых тузов. Постепенно парк исчезал, и в настоящее время Всехсвятское – скученный пригород с остатками леса» (Белицкий, 1996. С. 37).

В 1915 г. сад бывшей усадьбы Георгия Вахтанговича, где находился летний дворец, вдоль западной границы которого проходил Песочный переулок, был выкуплен Городской думой у А.Н. Голубицкой и вошел в состав территории Московского городского братского кладбища жертв Первой мировой войны («Северный округ...», 2000. С. 113). Здесь в 1915–1925 гг. производились захоронения. В 1917 г. село Всехсвятское вошло в новую городскую черту Москвы, которой была признана Окружная железная дорога. Территория, прилегающая к братскому кладбищу с запада, вошла в 1923 г. в кооперативное жилищно-строительное товарищество «Сокол» и была поделена на участки, где в последующие 1920-е годы строились коттеджи. На одном из таких участков № 10/23 в 1-м Песчаном переулке проводились археологические раскопки Г.П. Латышевой в 1957 г. (рис. 4, 4).

Анализ документов, связанных с остановками российских императоров во Всехсвятском по пути из Санкт-Петербурга в Москву, позволяет предположить наличие в селе в начале XVIII в. путевого дворца. По-видимому, с началом строительства Петром I Санкт-Петербурга и продлением от Москвы до новой столицы Тверской дороги, с 1713 г. называвшейся Санкт-Петербургским трактом, на всем его протяжении были построены деревянные путевые дворцы, один из которых находился

во Всехсвятском. Но пока прямых документальных подтверждений этому не найдено. В то же время в 1786 г. неподалеку от Всехсвятского был построен Петровский путевой дворец – по-видимому, вместо старого во Всехсвятском.

Перед въездом в Москву 30 января 1722 г. во Всехсвятском останавливался Петр I. Утром 31 января вместе с приближенными он посетил «Милетинскую царевну, владетельницу села» (Дарью Арчиловну), после чего отсюда в Кремль началось маскарадное шествие, посвященное Ништадтскому миру – победе в Северной войне (Токмаков, 1898. С. 15). Во Всехсвятском планировала остановиться в 1722 г. герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна, племянница Петра I, о чем она сообщала в письме князю Борису Туркестаншвили: «...ежели бог позволит, и я буду скоро в Москву и приеду в Сесвясское. Я стану у царевны...», т. е. у «царевны Дареджан», или Дарьи Арчиловны (Романюк, 1999. С. 176, 177).

В 1728 г. в доме Дарьи Арчиловны скончалась дочь царевича Алексея Наталья, ехавшая в Москву на коронацию своего брата Петра II (Молева, 1980. С. 184, 185).

10 февраля 1730 г. во Всехсвятском останавливалась императрица Анна Иоанновна, где ей представлялись члены Верховного тайного совета и генералитет, а 15 февраля, после погребения Петра II, она отсюда торжественно въезжала в Москву (Токмаков, 1898. С. 21; Романюк, 1999. С. 176, 177).

Неоднократно, в 1742, 1743, 1749 и др. годах, в Москву из Санкт-Петербурга приезжала императрица Елизавета Петровна и также, видимо, останавливалась в путевом дворце и могла посещать Всехсвятское.

Выше уже упоминался приезд из Петербурга в Москву Екатерины II в феврале 1775 г. Это была ее третья поездка. До этого она приезжала в Москву на коронацию в 1762 г. и в феврале 1767 г. Позднее Екатерина II была в Москве в 1775 г., в июне 1785 г. (четыре дня между 29 мая и 6 июня), в июне 1787 г. при возвращении из Крыма и в 1787 г., но останавливалась уже в новостроенном Петровском путевом дворце.

О существовании в Всехсвятском путевого дворца сообщает историк-москвовед С.М. Любецкий (1809–1881), основываясь, видимо, на неизвестном источнике: «Во Всесвятском, в *небольшом деревянном дворце его* (курсив мой. – А.П.), до построения Петровского, останавливались: императрицы Анна, Елизавета и Екатерина, приезжая в Москву для коронаций (разную провизию доставляли в этот дворец из Запасного дворца,

находящегося у Красных ворот, где изстари в погребках его хранился царский кусь» (*Любецкий*, 1877. С. 19).

Местонахождение путевого дворца в селе Всехсвятском можно условно локализовать в его восточной части, на левой стороне тракта Москва – Санкт-Петербург. Здесь, где нет крестьянской застройки села, у тракта, на Топографической карте окружности Москвы 1818 г. и Топографическом плане Москвы 1838 г. расположено большое владение с домом и садом, сопоставимое с императорским путевым дворцом (рис. 6, 2, 7). Но, по-видимому, несмотря на возможное наличие во Всехсвятском путевого дворца, дом князей Грузинских был более большим и благоустроенным, в котором императорским особам могли оказать не только торжественный прием, но и обеспечить многодневное пребывание. В том числе и с этой целью мог быть заказан грузинским царевичем Георгием Вахтанговичем майоликовый гербовый столовый сервиз на заводе Гребенщиковых.

Таким образом, комплекс из десяти майоликовых тарелок и крышки суповой миски, найденный в 1957 г. при археологических раскопках Г. П. Латышевой на участке д. 10/23 в 1-м Песчаном переулке в поселке Сокол, где ранее находилось село Всехсвятское, по ряду характерных технологических признаков изготовления и стилистических особенностей росписи следует атрибутировать как

изделия завода Гребенщиковых в Москве. Наличие в составе комплекса крышки суповой миски делает возможным предположение, что он является частью столового сервиза, какие завод Гребенщиковых производил в 1749–1773 гг. Именно в этот период был заказан там гербовый сервиз, по-видимому, сыном грузинского царя Вахтанга VI царевичем Георгием Вахтанговичем. Как удалось установить, именно ему принадлежала во второй половине XVIII в. часть села Всехсвятского, где находился зимний дворец князей Грузинских. На этом месте и проводила археологические раскопки Г. П. Латышева в 1957 г.

Майоликовая посуда с характерной синей росписью, производившаяся в России заводом Гребенщиковых и имеющая узкую, в четверть века, датировку, является маркером культурного слоя второй половины XVIII в. При этом следует учитывать, что она могла бытовать с момента изготовления довольно продолжительное время и попасть в культурный слой уже в XIX в.

Представленные 11 майоликовых предметов дополняют немногочисленный музейный комплекс, включающий всего 48 единиц ранее известных изделий завода Гребенщиковых.

В то же время следует также отметить, что история землевладения в селе Всехсвятском в XVIII–XIX вв. требует уточнения с привлечением дополнительных архивных документов.

Литература

- Августиник А. И.*, 1975. Керамика. Л.
- Арсеньев А. А., Морозова М. С.*, 2005. Московское городское братское кладбище // ВИА. № 10. М.
- Безбородов М. А.*, 1950. Д. И. Виноградов – создатель русского фарфора. М.–Л.
- Белицкий Я. М.*, 1996. Окрестности Москвы. М.
- [*Благово*], 1989. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.
- Болотов А. Т.*, 1875. Памятник претекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М.
- Вольф Н. В.*, 1906. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб.
- Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князья. М., 1996.
- ДДГ. М.–Л., 1950.
- История московских районов. Энциклопедия. М., 2005.
- Киселев И. А.*, 1990. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. Методические рекомендации. М.
- Кусов В. С.*, 2004. Земли Московской губернии в XVIII в. Т. II. М.
- Латышева Г. П.*, 1957. Отчет о раскопках, проведенных в Москве в 1957 г. на территории домовладения 10/23 по 1-му Песчаному пер. в поселке Сокол. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1492, 1492а.
- Лихачева Д. М.*, 1972. К истории зарождения частных фарфоровых фабрик в России. // Тр. НИИ художественной промышленности. Вып. 6. М.
- Лукин Е. С., Андрианов Н. Т.*, 1975. Технический анализ и контроль производства керамики. М.
- Любецкий С. М.*, 1877. Московские окрестности, ближние и дальние за всеми заставами в историческом отношении, и в современном их виде. М.
- Молева Н. М.*, 1980. Всехсвятское-Сокол // Вопросы истории. № 7.
- Молева Н. М.*, 1982. Древняя быль новых кварталов. М.

Нентцель А., 1864. Очерки Гжели//Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М.

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Т. VII. СПб., 1803.

Павлова Т. Г., 1999. Северный край Москвы (с древнейших времен до 1917 года). М.

Окрестности старой Москвы (северо-западная и северная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М., 2004. (Памятники архитектуры Москвы).

Подъяпольский С. С., Бессонов Г. Б., Беляев Л. А., Постникова Т. М., 1988. Реставрация памятников архитектуры. М.

Полюлях А. А., 2010. Предметы быта усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно)// АП. Вып. 6. М.

Полюлях А. А., 2013. К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова в Москве// АП. Вып. 9. М.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е 1–38).

Российская родословная книга. Ч. II. СПб., 1855.

Романюк С. К., 1999. По землям московских сёл и слобод. Ч. II. М.

Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.

Салтыков А. Б., 1956. Майолика Гжели. М.

Северный округ Москвы. Из глубины веков. М., 2000.

Сытин П. В., 1950. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Вып. 1. М.

Токмаков И. Ф., 1898. Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского Московской губернии и уезда с 1398 по 1898 г. М.

Холмогоровы В. И. и Г. И., 1886. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Загородная десятина. Вып. 3. М.

Черный Н. В., 1970. Фарфор Вербилок. М.

Чулков М. Д., 1788а. Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. I. СПб.

Чулков М. Д., 1788б. Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. IV. СПб.

Чулков М. Д., 1788в. Историческое описание российской коммерции. Т. VI. Кн. III. СПб.

Шмидт Е., 1914. Гончарное искусство Древней Руси// Баян. № 2.

A. A. Polyulyah

Plates of Grebenshikov factory from the service of Gruzinsky princes from archaeological excavations on a place of former village Vsekhsvyatskoe

Summary

In Moscow in 1957 on the 1st Peschaniy Lane (in the village Sokol) during archaeological excavations found a set of ten majolica plates and soup bowls cover with images of Prince Bagration Emblem, lived in the 18th – 19th centuries in village Vsekhsvyatskoe.

Found complex by a number of technological features of manufacturing and stylistic features of the painting should be attributed as manufactures of Grebenshikov Factory in Moscow (1749–1773).

Приложение 1

Изделия завода Гребенщиковых в музейных собраниях РФ

№ п/п	Наименование предмета	Клеймо
<i>Государственный исторический музей</i>		
1	Блюдо овальное	РМФАГ
2	Блюдо овальное	РМФАГ
3	Блюдо овальное	МФАГ
4	Блюдо	—
5	Блюдо овальное	—
6	Блюдо	—
7	Миска с крышкой	—
8	Судок круглый с крышкой	—
9	Лоток с ручками	—
10	Миска с крышкой	—
11	Миска	—
12	Разливальник аптекарский	—
13	Разливальник аптекарский	—
14	Блюдо среднее	—
15	Блюдо среднее	—
<i>Государственный Эрмитаж</i>		
16	Блюдо овальное	МФАГ
17	Блюдо овальное	МФАГ
18	Блюдо овальное	МФАГ
19	Блюдо	—
20	Соусник	—
21	Соусник	—
<i>Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века»</i>		
22–31	Тарелки (одна с клеймом)	РМФАГ
32	Блюдо	—
<i>Государственный Русский музей</i>		
33–39	Блюдо круглое	МФАГ, РМФАГ
40	Соусник?	—
41	Соусник?	—
<i>Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник</i>		
42	Блюдо круглое	РМФАГ
43	Миска	—
44	Крышка миски	—
<i>Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства</i>		
45	Миска суповая	—
46	Блюдо овальное	—
<i>Егорьевский историко-художественный музей</i>		
47	Блюдо овальное	—
48	Миска (?) с крышкой	—

Приложение 2

Данные по измерениям параметров (m_0 , m_1 , V) и результаты расчета водопоглощения (W) фрагментов тарелок завода Гребенщиковых из раскопок 1957 г. во Всехсвятском¹²

Фондовый номер	Образец №	Масса образца, г		Объем образца ¹³ , V , см ³	Водопоглощение, W , %
		сухого, m_0	насыщенного, m_1		
Оф 24658/319–322	1.1 (борт)	18,6	21,7	8,9	16,7
	1.2 (дно)	10,8	12,8	6,9	18,5
Оф 24658/299–303	2.1 (борт)	9,7	10,8	5,0	11,3
	2.2 (борт)	8,9	11,3	5,25	27,0
Оф 24658/290–294	3.1 (борт)	12,3	15,6	7,25	26,8
	3.2 (дно)	10,2	12,8	7,15	25,5
Оф 28767/2	4.1 (борт)	9,8	12,1	5,55	23,5
	4.2 (дно)	8,2	10,0	5,75	21,9
Оф 24658/309–313	5.1 (борт)	18,5	21,7	10,0	17,3
	5.2 (дно)	10,5	12,8	6,25	21,9

Приложение 3

Результаты обмера основных параметров и определения фрагментарности и целостности тарелок завода Гребенщиковых из раскопок 1957 г. во Всехсвятском

Тарелка	Д, см	В, см	Вес, г	Кол-во фр-тов	Целостность, %
Оф 28767/1	23,7	3,3	460	23	96%
Оф 28767/2	24,1	2,9	511	11	99%
Оф 24658/290–294	24,0	2,7	439	27	93%
Оф 24658/295–298	24,0	2,7	468	17	84%
Оф 24658/299–303	24,2	2,9	444	14	98%
Оф 24658/304–308	24,4	2,7	501	19	98%
Оф 24658/309–313	23,6	2,7	376	14	87%
Оф 24658/314–318	24,8	3,0	547	37	81%
Оф 24658/319–322	24,8	3,0	485	19	99%
Оф 24658/323–326	24,5	3,3	566	24	91%
Оф 24658/327 (крышка)	29×21	7,7	1290	12	79%

¹² Расчеты показателя водопоглощения производились по формуле: $W = [(m_1 - m_0)/m_0] \times 100$ (Лукин Е. С., Андрианов Н. Т., 1975. С. 133–139).

¹³ За среднюю толщину фрагмента было принято 5 мм (0,5 см).

Л. И. Фёдорова, В. А. Ткаченко, В. В. Фёдоров

Роль эксперимента в реконструкции калужского масляного светильника-плошки

Народное гончарство в Калуге является объектом нашего изучения в течение последних 20 лет (Ткаченко, Фёдорова, 2001. С. 66–69; Фёдоров, Фёдорова, 1999. С. 259). Мы выявляем технологические особенности местных изделий, изготовленных гончарами и мастерами изразцовых производств, развитие и становление их художественно-стилистических особенностей, время изготовления (Фёдорова, Ткаченко, 2006. С. 64–69).

Большое количество осветительных приборов найдено при сносе домов и земляных работах, связанных с новым строительством в городе по всей территории исторической части Калуги XIX в. Было осуществлено морфологическое изучение этой категории гончарных изделий, произведена классификация предметов (Ткаченко, Фёдорова, 2002. С. 222–234). Это факелы, подсвечники и плошки, простые и сложные. Глядя на карту Калуги (рис. 1), мы видим, что находки глиняных факелов, целых и в обломках, выявлены в местах выезда из старого города там, где стояли заставы (рис. 2.) Светильники на стойках, разной конфигурации и конструктивного устройства, находят по территории старого города равномерно (рис. 3).

Простейшие светильники-плошки найдены по всей территории старого города (рис. 4). Но в больших количествах они известны только в двух местах. Одно из них – в 85 м к юго-востоку от церкви Покрова на Рву, у остатков старого вала городского посада. Там найдена россыпь обломков и целых плошек-светильников, как не бывших в употреблении, так и со следами использования (с обожженными краями). Второе такое место – в 300 м к юго-западу от Троицкого собора. Можно сделать вывод, что в повседнев-

ной жизни калужан в XVII–XIX вв. широкое распространение наряду с лучиной и свечами имели масляные осветительные устройства. Эта категория гончарных изделий местных мастеров относительно легка в изготовлении и менее пожароопасна в эксплуатации, чем лучина в светце. Вызывает удивление поиск мастерами оптимального конструктивного устройства светильников для их безопасного использования в быту. Удалось зафиксировать восемь способов установки фитилей (рис. 3):

- по краю, без фиксации (рис. 3, 6);
- по краю с фиксацией в мелком сливе (рис. 3, 1, 5);
- по краю в сливе, с фитилем, зафиксированным специальной перемышкой (рис. 3, 3);
- с фитилем по краю, зафиксированным в центре шпилькой вокруг глиняного шпенька (рис. 3, 2);
- с фитилем по краю, зафиксированным в центре вокруг чашки подсвечника (рис. 3, 4);
- закрепление фитиля по центру светильника на изогнутой стойке с отверстием, с горением по типу лампадки;
- с фитилем по центру светильника в специальной втулке с боковым разрезом для поступления масла вовнутрь к фитилю;
- с фитилем по центру светильника в специальной втулке без бокового разреза.

Благодаря счастливым случайностям сохранились и не были уничтожены при строительных работах глиняные светильники с фитилями (рис. 5):

- светильник, в центральной втулке-фитильнике которого находится плотный комочек льняной или конопляной пакли, по типу факельного фитиля;

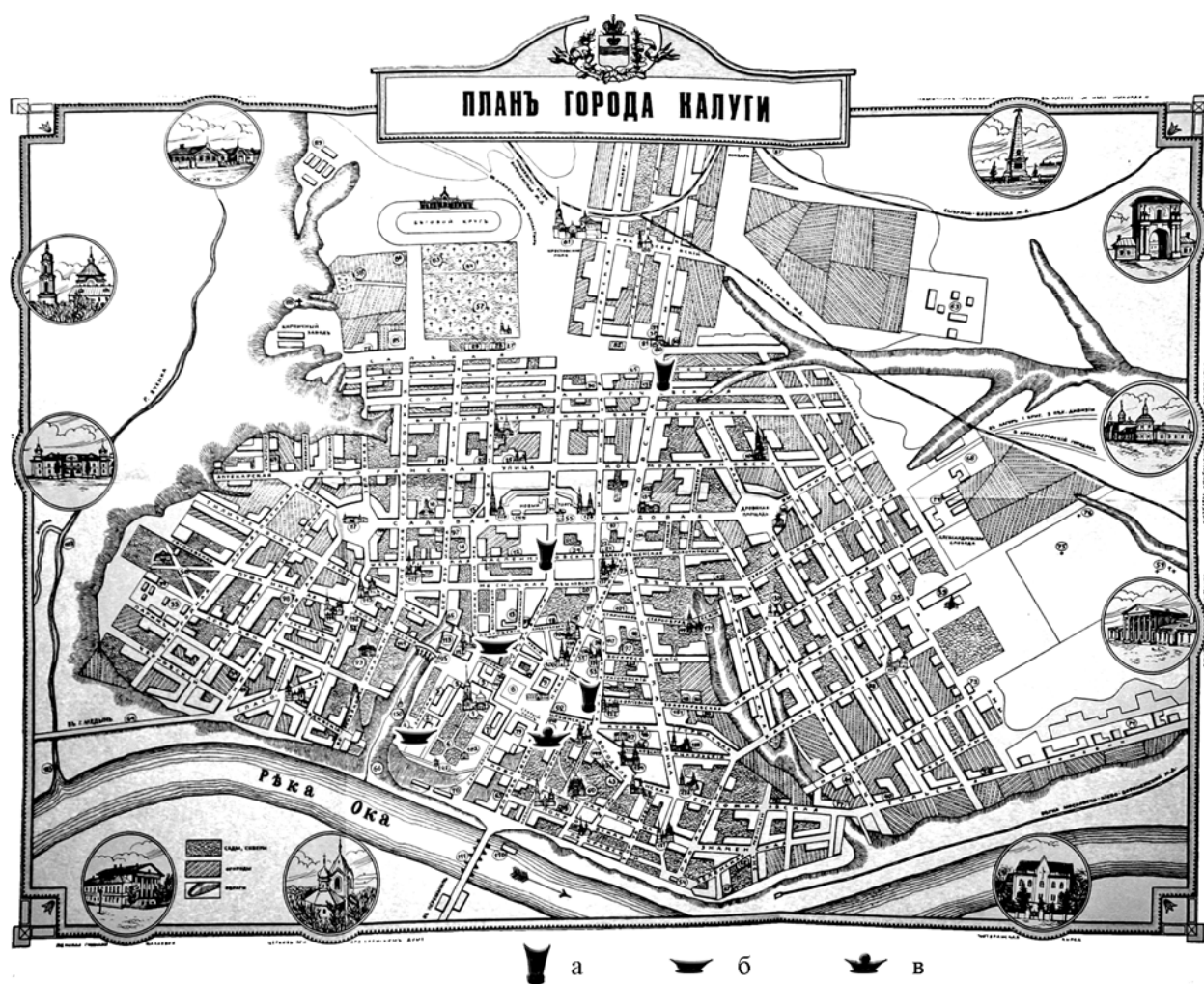

Рис. 1. Находки осветительных приборов на плане Калуги XIX в.

А – места массовых находок глиняных факелов; Б – места массовых находок глиняных светильников-плошек;
В – место находки полного комплекта осветительного прибора «плошки»

– светильники с удлиненной центральной втулкой-фитильником с разрезом, внутрь которого плотно вставлялся фитиль из завязанного в узел пучка волокон;

– обломок светильника, где фитиль закреплен в центральной фитильной втулке при помощи глины. В обмазке оставлено отверстие для подтока масла к фитилю по желобку (Ткаченко, Федорова, 2002. С. 224).

Однако удивительной оказалась находка простейшего осветительного прибора – глиняной плошки. Этот светильник обнаружили в августе 2002 г. в сносимом доме на территории Гончарной Слободы, по адресу ул. Воробьевская, 1. На чердаке дома в нише, образованной верхней ступенью лестницы на чердак, были найдены сверток и медные монеты, относящиеся к кон-

цу XVIII – началу XIX в. В бумагу голубоватого оттенка была завернута глиняная плошка (рис. 6). Из свертка выпало бронзовое колечко, на которое первоначально не обратили внимания. Уникальность данного светильника состоит в том, что вместо льняного или конопляного фитиля во втулку фитильника был установлен обожженный глиняный шарик диаметром 21,0–21,6 мм. Его выступающая над краем фитильника выпуклая поверхность обгорела (на поверхности шарика имеется закопченная площадка диаметром 17 мм). Сам шарик из своего гнезда вынимается с трудом (по этой причине светильник не был разукomплектован). Плошка изготовлена из светложгущейся глины на гончарном круге, относится к унифицированной разновидности конца XVIII в. На поддоне хорошо видна

Рис. 2 Калужские бокаловидные светильники-факелы

1 – без усиливающего венчик валика, стакан с прямым поддоном; 2 – с валиком, усиливающим венчик, стакан с прямым поддоном; 3 – с валиком, усиливающим венчик, стакан с поддоном «сапожок»; 4 – без валика, усиливающего венчик, стакан с поддоном «сапожок»

Рис. 3. Осветительные приборы – плошки на поддонах со стойками разных конструкций XVI–XVIII вв. (см. цв. вкл.)

Рис. 4. Плошки-мисочки с центральной фитильной втулкой

1 – втулка с желобком для подтока масла к фитилю; 2 – втулка с разрезом для подтока масла к фитилю; 3 – втулка без разреза (круговой валик)

Рис. 5. Способы установки фитиля в коптушках

1 – комочек конопляной пакли уложен во втулку фитильника; 2 – завязанный в узел пучок волокон вставляется в высокую втулку фитильника; 3 – фитиль из волокон конопли примазан глиной

подрезка тонкой нитью для снятия изделия с гончарного круга. Светильник прошел полный горновой обжиг, имеет поддон (диаметр 82 мм), высота края – 28 мм над поверхностью опорной плоскости. Блюдце изделия диаметром 131 мм, с толщиной стенки 7 мм по краю. В центре плошки втулка фитильника имеет конусовидный валик, край которого на 7 мм ниже краев блюдца. В стенке втулки сделан разрыв – желобок для поступления масла к фитилю, закреплявшемуся в фитильнике. Глубина фитильника – 13,1 мм.

Пересмотрев и изучив более 200 игровых глиняных шариков, изготовленных гончарами Калуги для игр девочек (Ткаченко, Фёдорова, 1995. С. 51; Фёдоров, 1995. С. 25–27; 2000. С. 114–120), мы выделили шарики с характерными особенностями керамического фитиля. Их диаметры от 14,0 до 23,8 мм (рис. 7). Такие несгораемые фитили получили распространение в Калуге на рубеже XVIII–XIX вв.

На первый взгляд достаточно налить масла, чтобы пропитать шарик-фитиль, и при поднесении

Рис. 6. Плошка-мисочка с центральной втулкой, шариком и бронзовым колечком

Рис. 7. Шарики с характерными особенностями керамического фитиля-коптушки (диаметры от 14,0 до 23,8 мм)

Рис. 8. Плошка-мисочка с центральной втулкой, шариком и бронзовым колечком на кусочке льняной ткани

к нему огня загорится пламя. Возникла идея экспериментально проверить работоспособность конструкции глиняного осветительного прибора и смоделировать использование таких светильников. Наша первая попытка зажечь светильник, заправленный льняным маслом, не дала положительного результата – светильник не загорался. Используем подсолнечное, оливковое, лампадное масла – светильник не горит. Следующий этап эксперимента состоял в попытке использовать дополнительно кусочек ветхой льняной ткани, положенной на глиняный шарик таким образом, чтобы она краем касалась масла. Эту конструкцию фитиля удалось зажечь, но длительность ровного горения была незначительна. Вскоре пламя стало мяться и загло все масло в плошке.

В результате ряда неудачных опытов по использованию плошки мы все-таки нашли оптимальное решение этой задачи. Оно состояло в следующем.

А. Наиболее эффективное современное горючее вещество для масляного светильника – лампадное масло.

Б. Зажечь огонь одной современной спичкой не удастся: времени ее горения недостаточно для разогрева масла до температуры возгорания. На рубеже XVIII–XIX вв. были другие зажигательные средства: кремень, кресало и трут, лучина. Поэтому мы применили лучину, длительность горения которой достаточна, чтобы зажечь светильник.

В. Для стабилизации пламени светильника необходимо ограничение площади горения масла на ткани, положенной на глиняный шарик. На этой стадии эксперимента обозначился вывод: нужно ограничить зону горения фитиля. Первоначально для этого использовали глиняное колечко – ограничитель пламени, светильник загорелся ровным ярким слабо коптящим пламенем. Пламя держалось около двух часов, пока не выгорело все масло. Тут мы вспомнили, что вместе с плошкой было найдено бронзовое колечко. Такие колечки относятся к местным

массовым находкам из культурных напластований XVIII–XIX вв. при сносе калужских домов и при строительных работах. Они неудобны для ношения в качестве украшений, так как некрасивы и массивны, непригодны для соединения кожаных ремешков портупеи или в упряжи из-за недостаточной прочности. Внутренние диаметры колечек колеблются от 14 до 18 мм при сечении обруча около 2 мм. Оказалось, что внутренние диаметры бронзовых колечек согласуются с закопченными площадками глиняных шариков – несгораемыми частями сложного фитиля. Правильность определения этих колец в качестве элементов, входящих в комплект светильника, показали натурные испытания освещения помещения плошкой-коптушкой. Было проведено четыре эксперимента. Из них три – в темное время суток для уточнения осветительных возможностей моделируемого светильника. Время полного выгорания масла длилось от двух до двух с половиной часов при глубине заправки 5 мм. Разница в сторону увеличения времени горения возникла при использовании подставки (металлической кружки). Замена керамической подставки на металлическую привела к снижению температуры светильника из-за более интенсивного теплоотвода.

Таким образом, калужский модернизированный светильник – масляная плошка – состоял из пяти элементов (рис. 8):

- 1) сама плошка с глиняной втулкой посередине;
- 2) керамическая вставка в фитильник – обожженный глиняный шарик;
- 3) бронзовое колечко – ограничитель пламени;
- 4) сменный кусочек ткани – собственно фитиль;
- 5) горючее вещество – неизвестный в настоящее время сорт масла (для эксперимента использовано лампадное масло).

Полученные экспериментальным путем данные являются одним из доказательств правильности реконструированного процесса.

Литература

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 1995. Калуга – один из центров традиционной игрушки края // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 2. Ч. 2. Киров.

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2001. К истории народного гончарства в Калуге. Вопросы хронологии // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Вып. VIII. Калуга.

Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2002. Керамические светильники XVI–XIX веков // ТТЗ. Вып. 4. Тверь.

Фёдоров В. В., 1995. Глиняные игровые шары XVII–XX вв. из Калуги // 1-я научно-практическая конференция по проблемам сохранения и развития фольклора Калужской области. Калуга.

Фёдоров В. В., 2000. Калужская поливная керамика XVIII–XIX веков // Калуга в шести веках. Вып. 3. Калуга.

Фёдоров В. В., Фёдорова Л. И., 1999. Бытовая глиняная посуда из Калуги. // Обнинский краеведческий сборник. Обнинск.

Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., 2006. Калужские глиняные рукомои // Проблемы сохранения и развития гончарства в России. Вологда.

Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., Фёдоров В. В., 2010. Керамические каравайницы из Калуги // ТТЗ. Вып. 6. Тверь.

L. I. Fedorova, V. A. Tkachenko, V. V. Fedorov

Role of the experiment in reconstruction Kaluga oil lamp - bowl

Summary

The article suggests experience of reconstruction ways of using oil ceramic lamps, manufactured in Kaluga

in the 17th – 19th centuries. Reconstruction was carried out on the basis of experiments with authentic products.

В. Ю. Коваль

**Первичная статистическая фиксация массового керамического
материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века)
и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы.
Методические рекомендации**

Введение	490
Раздел 1. Статистическая фиксация керамики эпохи русского Средневековья. Расширенная система	498
Раздел 2. Статистическая фиксация керамики эпохи русского Средневековья. Сокращенная («московская») система	530
Раздел 3. Статистическая фиксация лепной керамики раннего железного века лесной полосы Восточной Европы	534
<i>Пояснение 1.</i> О классификации венчиков горшков, разработанной для расширенной системы	540
<i>Пояснение 2.</i> О типологии декора, разработанной для расширенной системы	546
<i>Пояснение 3.</i> Характеристики типов венчиков по типологии, разработанной для сокращенной системы	552
Литература	554
Список сокращений, принятых при обработке керамики по расширенной системе (легенда к Формам 1–4)	557
Формы 1, 2, 3, 4	558
Примеры заполнения форм 1, 3, 4	562

Введение

Расширение масштабов археологических исследований в России привело к появлению огромных по объему коллекций обломочного керамического материала, обработка которого и введение в научный оборот стали серьезной проблемой, особенно остро ощущаемой исследователями памятников эпохи Средневековья, где керамика составляет не менее 95% всех артефактов, получаемых при раскопках. Но обработка и публикация керамических коллекций из раскопок упираются в еще более сложную проблему – статистической фиксации¹ керамического материала. Сегодня в подавляющем большинстве случаев уже нет возможности сохранить в полном объеме все керамические коллекции, полученные в ходе полевых исследований. Их размеры, достигающие порой нескольких кубических метров физического объема, превышают все имеющиеся резервы существующих музейных хранилищ². Музеи прилагают все усилия, чтобы не принимать керамику даже на временное хранение, а хранение коллекций вне музеев рано или поздно приводит к их депаспортизации и уничтожению. Следовательно, полученный при полевых исследованиях материал должен быть обработан до сдачи научного отчета, из него должен быть извлечен максимально возможный объем информации, которую необходимо сохранить для дальнейших исследований. Если этого не сделать, информация о подавляющей массе археологических находок окажется безвозвратно утраченной. Собственно, этот процесс и происходит сейчас во все расширяющихся масштабах.

Осознание ответственности за утрату информации, заключенной в основной массе археологических находок (т. е. керамике), приводит к поискам выхода из создавшегося кризисного положения, однако иногда такой поиск завершается псевдофиксацией. В частности, простой количественный подсчет (или взвешивание) керамических обломков, даже с подразделением их на венчики, днища и стенки, позволяет судить только о концентрации керамики в культурном слое. Сама керамика этими данными не характеризуется ни в малейшей степени. Фотографирование, зарисовка и помещение в отчете избранных образцов керамики (или даже всех их), безусловно, дает общее представление о коллекции, но без подробных описаний оно бессмысленно. Использование методов естественных наук и экспертных оценок специалистов в области керамологии³ позволяет получить важные характеристики для небольших выборок, но остается неясным, насколько полученные результаты применимы ко всей массе керамики, добытой при раскопках.

Итак, при проведении археологических исследований, прежде всего широкомасштабных или многолетних, первоочередной задачей становится фиксация информации, которую можно извлечь из керамического материала, без чего в дальнейшем уже невозможно получение каких бы то ни было выводов. Поэтому необходима разработка такой системы фиксации информации, которая позволила бы сохранить максимально возможную часть научного информационного потенциала, заключенного в массовом керамическом материале, который не удастся сохранить в музейных фондах. Но для этого необходима регистрация максимально широкого (по количеству и степени достоверности) круга признаков, не только по каждому обнаруженному сосуду, но и по всем обломкам керамики. Решение этой задачи возможно двумя путями.

Первый – полная фиксация той информации, которую на современном уровне развития науки можно извлечь из археологической керамики, с использованием компьютерных баз данных). При этом должен учитываться каждый отдельный обломок керамики со всеми его характеристиками, включая его изображение, и полученные данные естественно-научных исследований, разнообразных экспертных определений и т. п. К сожалению, обработка керамических коллекций при этом растягивается на годы либо требует очень крупных затрат на оплату труда целого штата специалистов. Как правило, в сегодняшней России у археологов и керамологов нет ни запаса времени, ни достаточных средств для реализации этого

---

¹ Под статистической фиксацией здесь и далее подразумевается подсчет значений тех признаков керамики, которые могут быть определены в полевых условиях или на камеральном этапе, непосредственно следующем за полевым.

² Даже в тех редких случаях, когда весь керамический материал удастся передать на хранение в музей, он поступает не в основной фонд, подлежащий вечному хранению, а в научно-вспомогательный, для которого подобное требование необязательно. Научно-вспомогательные материалы могут быть уничтожены со временем, например, в связи с наступившей нехваткой места для хранения коллекций. Поэтому не стоит обманывать себя тем, что «археологи будущего» сделают за нас нашу работу.

³ Термин «керамология», принятый в странах Европы и Америке, еще остается на территории России экзотом, хотя изучение археологической керамики уже давно выделилось в специальную вспомогательную дисциплину (Коваль, 2009а. С. 137–141).

пути. Некоторые попытки составления таких баз данных приводили к тому, что начатые работы оставались незаконченными, а собранная часть информация – невостребованной и практически бесполезной для научной работы. При всем этом не подлежит сомнению, что этот путь в конечном счете является наиболее соответствующим задачам археологической науки и при появлении благоприятных условий перспектива остается, безусловно, за ним.

Второй путь предполагает фиксацию не всех признаков керамики, а только тех из них, которые видны невооруженным глазом, т.е. могут быть зарегистрированы без применения специального оборудования и навыков, в том числе естественно-научных методов. Разумеется, при этом небольшая часть информации утрачивается, но достигается гарантированное сохранение основной ее части. В этой связи особую важность приобретает сам процесс регистрации признаков, их описание и правильное определение на конкретных обломках керамики. Такая регистрация может осуществляться как на персональном компьютере, так и на бумажных носителях (с конвертацией одних носителей в другие) по стандартному формуляру и четко установленному алгоритму. Для выполнения подобной работы могут привлекаться малоквалифицированные исполнители после определенного инструктажа, разумеется, при постоянном контроле со стороны специалистов. В результате достигается большая скорость проведения работ, в том числе уже на полевом этапе исследований.

В настоящих методических рекомендациях⁴ предлагаются подходы для реализации именно этого второго пути, как наиболее реального в современных условиях. Надо специально подчеркнуть, что на избранном пути могут использоваться любые научно обоснованные классификационные схемы или типологии, которые окажутся результативными в практической работе. Результатом фиксации керамики в соответствии с предлагаемым подходом является включение в отчет о раскопках (разведках) заполненных статистических таблиц керамики, в которых представлены все полученные данные. Только в этом случае возможно действительное сохранение всей собранной информации и ее дальнейшее использование в научных целях.

В основе предлагаемого подхода лежат наработки, сделанные при изучении и многолетней статистической фиксации керамики русского Средневековья и Нового времени (как раннегончарной, так и развитой, вплоть до изготовленной на ножном гончарном круге), полученной при раскопках памятников археологии в центральных районах Русской равнины, а также лепной керамики раннего железного века (дьяковской культуры и раннеславянской, I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), происходившей из тех же районов (Москва и Подмосковье, Среднее Поочье).

Следует также отметить, что вопросы терминологии не являются предметом настоящей работы, поскольку уводят от ее главной цели. Используемые термины, обозначающие различные группы объектов (в том числе и те, за которыми уже закрепились определенные значения в типологиях: тип, вариант и т.п.), отмечают здесь только разные условные уровни многоступенчатой системы фиксации материала и никакого иного специального смысла не содержат.

Принципы работы

Статистическую фиксацию информации, заключенной в археологической керамике, осуществляемую по основным визуально определяемым на фрагментарном материале признакам, можно проводить, как минимум, тремя способами:

– фиксацией каждого признака по отдельности с определением его значений, начиная с нулевого. Например, в формовочной массе керамического образца может отсутствовать примесь песка, но само это отсутствие (нулевое значение) в этом случае фиксируется точно так же, как и наличие других примесей. Такой способ разделяет работу на большое число операций регистрации отдельных частных признаков, которые формализуют получение результата, но превращают процесс фиксации в рутинное и крайне утомительное занятие (что и является его главным недостатком). Однако именно этот способ наиболее удобен при составлении баз данных, особенно компьютерных, поскольку позволяет проводить выборку по любому признаку или его значению;

---

⁴ При подготовке настоящих рекомендаций большая помощь была оказана автору д.и.н. С.Ю. Внуковым (ИА РАН), благодаря чему были внесены дополнения и пояснения как в области технологии изготовления керамики, так и в других областях методики, за что, пользуясь случаем, приношу ему свою глубокую благодарность.

– фиксацией данных о керамике в соответствии с заранее избранной классификацией или типологией, подразделяющей исследуемый массив на установленные предшествующими исследованиями группы, число которых, как правило, невелико. Каждая из этих групп характеризуется более или менее устойчивым набором различных признаков, что чрезвычайно усложняет идентификацию керамического образца. Однако именно этот способ пользуется наибольшей популярностью, поскольку позволяет быстро систематизировать материал и получать обобщенную характеристику массового материала. В противоположность первому он полностью лишен рутинного начала, но не предполагает получения какой-то новой информации и дает массовые ошибки, поскольку втискивает материал в прокрустово ложе ранее выделенных ячеек группировки;

– третий способ предполагает фиксацию не всех видимых признаков керамики, а только той их части, которая наиболее полно характеризует этот вид древностей, присутствует на большинстве образцов и фиксируется наиболее достоверно. Особенностью этого способа является допущение фиксации не только отдельных признаков, но и их сочетаний (сложных признаков). Речь идет об использовании при фиксации группировок, разработанных для характеристики отдельных сторон керамического материала, например, типологий формовочных масс, классификаций венчиков сосудов и т. п. В этом случае фиксируется количество образцов керамики, имеющих одинаковый набор примесей или одинаковую конструкцию венчика и т. д. Недостатками такого способа работы является усложнение самого процесса фиксации, отказ от единообразности ее процедуры (ведь приходится определять разные наборы признаков), необходимость предварительного освоения целого ряда частных типологий (формовочных масс, морфологических частей сосудов, декора). В то же время он избавлен от излишней рутинности фиксации и сразу же дает значительный объем информации, который уже на этапе первичной фиксации может быть осмыслен даже без применения компьютерной техники.

В настоящих рекомендациях принят именно этот, третий, способ фиксации информации, как наиболее соответствующий поставленным выше целям и задачам. При этом практический опыт работы позволяет предложить определенную последовательность проведения операций регистрации признаков. Эта последовательность продиктована возможностями распознавания разных признаков на обломочном керамическом материале и предполагает, что на первых этапах работы должна проводиться регистрация тех признаков, которые встречаются чаще всего и могут быть определены на всех или подавляющем большинстве обломков керамики. Очевидно, что в этом случае прежде всего фиксируются признаки технологии изготовления керамики, которые определяются на каждой ее обломке (разумеется, с разной степенью достоверности), тогда как признаки морфологии присутствуют лишь на отдельных (так называемых профильных) обломках, равно как и признаки декора.

Поскольку сам заявленный подход исключает возможность привлечения лабораторных данных (например, спектроскопии, петрографии и других видов анализа, которые невозможно организовать в поле или в короткий срок подготовки отчета), необходимо установить, каким образом можно распознать тот или иной признак и какие его значения следует учитывать. Это означает, что, фиксируя, например, формовочные массы с примесью песка, необходимо определить такую субстанцию, как «песок», и распознать его размерные градации – «крупный» или «мелкий». Поэтому следующим шагом работы в рамках рекомендуемого подхода является распознавание признаков керамики, опирающееся преимущественно на опыт, накопленный специалистами-керамологами (в области петрографии, историко-культурного подхода и т. п.). Из-за ограниченного объема данных методических рекомендаций в них невозможно дать определения всех возможных признаков, разнообразных терминов и дефиниций, описывающих керамику. Поэтому здесь преимущественно используются наработки по этой теме, полученные А. А. Бобринским и отраженные в его публикациях, прежде всего в монографии «Гончарство Восточной Европы» (Бобринский, 1978). В ней приведены достаточно подробные определения различных признаков керамики, которые могут быть зафиксированы при визуальном осмотре. Дальнейшее изложение будет вестись на основе этих определений. В случаях, когда использовались иные (или дополнительные) характеристики керамики, их определения оговариваются в тексте отдельно с соответствующими пояснениями.

Специально следует остановиться на тех видимых и легко распознаваемых признаках, которые в рамках предлагаемого подхода не предусмотрено учитывать. Прежде всего это вес и толщина обломков керамики, а также наличие пищевого нагара на их поверхности. Причины отказа от их фиксации таковы:

– весовые характеристики сложно учитывать, поскольку степень влагонасыщенности фрагментарного материала даже в пределах одного раскопа варьируется в зависимости от погодных условий, продолжительности высушивания керамики, способов ее очистки и других совершенно случайных причин;

– толщина черепков (даже в пределах одного обломка) неравномерна, а методика усреднения этих величин пока не разработана;

– наличие или отсутствие нагара не характеризует саму керамику, а указывает на характер ее использования. Это важно определять в отношении конкретных сосудов, а не всего массового материала, который на памятниках археологии лесной зоны Восточной Европы в подавляющем большинстве принадлежит остаткам кухонной посуды, которая почти всегда покрыта нагаром. Отсутствие нагара может быть связано также с попаданием обломков керамики (или даже целых сосудов) в открытый огонь (в том числе в огонь пожара), когда все наслоения органики на поверхностях и даже внутри черепков полностью выгорают, не оставляя ни малейших следов.

Иначе говоря, перечисленные выше признаки не регистрируются только потому, что это сопряжено с целым рядом методических и технических сложностей, преодолеть которые пока не удалось. Если же эти проблемы удастся разрешить, то исчезнут все препятствия для подобной фиксации. Информативность же перечисленных признаков достаточно высока. Например, по размерам (включая толщину) черепков иногда удастся определять форму и размеры сосудов. Кроме того, эти данные имеют значение для установления горизонтов обживания, когда происходило массовое выпадение керамики в культурный слой.

Организация работы

В соответствии с перечисленными выше подходами и полученным практическим опытом предлагается следующий порядок работы по первичной статистической фиксации керамики.

На первом этапе предпочтительно проводить фиксацию признаков, отражающих особенности *технологии изготовления* керамики (способа формовки, состава формовочной массы по набору примесей и т. д.) – именно эти признаки обнаруживаются практически на каждом обломке. Затем проводится фиксация признаков, которые могут быть определены лишь на части (от половины до 4/5) массового керамического материала – это признаки *морфологии и декора*. Так, профильные обломки сосудов (их края и днища) составляют около 20% керамических сборов, весьма заметную долю составляют также обломки со следами декора. Признаки *функции* сосудов можно установить, как правило, только по их морфологии, декору или следам использования, т. е. они имеют вторичный (выводной) характер.

Особую проблему составляет определение последовательности фиксации признаков технологии изготовления керамики. При ее решении представляется целесообразным исходить из двух критериев:

– учет частоты встречаемости признаков, в соответствии с которым вначале фиксируются признаки технологии, свойственные всем или подавляющему большинству образцов, и только затем – признаки, встречающиеся у отдельных керамических серий;

– учет изменчивости фиксируемых признаков, согласно которому прежде проводится фиксация признаков, обладающих дискретными значениями (например, устанавливаются наборы примесей в формовочной массе); а затем – вариативных признаков, значения которых определяются с большими погрешностями (например, цвет черепка, варьирующийся часто даже на одном и том же обломке).

Опыт работы с крупными массивами керамики позволил отработать следующую модель последовательности процедур фиксации, которая и предлагается по пяти ступеням.

Ступень 1. *По способу формовки* – разделение всей совокупности керамического материала в каждом комплексе на две категории – лепную керамику (сформованную без помощи гончарного круга) и круговую керамику (сформованную машинным способом на гончарном круге). Именно эти признаки определяются и подсчитываются в первую очередь, так как от них зависят многие другие характеристики. Ступени фиксации лепной керамики рассмотрены в Разделе 3. Ниже приведены ступени фиксации круговой керамики.

Ступень 2. *По признакам уровня развития функции гончарного круга* – деление круговой керамики на *три группы*, различающиеся стадийно и соответствующие двум-трем близким этапам РФК⁵. К группам 1 (раннекруговая керамика) и 2 (развитая круговая) относятся сосуды, сформованные

⁵ РФК – аббревиатура термина (развитие функции круга), введенного А. А. Бобринским, выделявшим семь этапов РФК (1978. С. 37–63).

с использованием скульптурной лепки, группа 3 включает керамику, целиком или частично сформованную вытягиванием. В полевых условиях по фрагментарному материалу точно определить конкретный этап РФК, как правило, затруднительно. Кроме того, в случае невозможности установить принадлежность керамики к одной из перечисленных групп образец следует относить к группе 4 («способ формовки не установлен»).

Ступень 3. По признакам наличия или отсутствия дополнительной обработки поверхности (ДОП). Поверхность всей круговой керамики обрабатывалась машинным или ручным заглаживанием, но в эпоху Средневековья лишь небольшая ее часть обрабатывалась еще и *дополнительно* специальными инструментами и/или материалами. Таким образом, выделяются две подгруппы – керамика без ДОП и керамика с ДОП (в последней предлагаются как минимум три серии – с лощением, ангобированием или глазурованием).

Ступень 4. По признакам состава примесей формовочной массы – деление на типы в зависимости от рецептуры массы, то есть набора примесей (см. Раздел 1).

Ступень 5. По признакам примененного исходного глиняного сырья и обжига разделение керамики проводится на основании такого важного признака, как цвет поверхности и изломов керамических обломков. При этом цвет черепка потенциально несет информацию о трех различных характеристиках технологии изготовления керамики.

А. О применявшихся режимах обжига. Здесь возможно определение керамики трех отделов:

- 1-й отдел – керамика, поверхности которой имеют цвет, определяемый в цветовой гамме от белого и желтого до красного и коричневого, может быть однозначно определена как *керамика окислительного обжига* (КОО);

- 2-й отдел – керамика, цвет поверхности и излома которой варьируется от светло-серого до темно-серого и черного (когда этот цвет не является следствием пропитывания черепка органикой от нагара), может быть определена как *керамика восстановительного обжига* (КВО);

- 3-й отдел – керамика с неустановленным режимом обжига (к этому отделу относятся черепки, приобретшие черный цвет из-за нагара, пережога в пожаре или по другим причинам).

Регистрация режима обжига – один из самых сложных этапов процесса первичной фиксации, поскольку тут кроются возможности для множества ошибок. Поэтому для правильной идентификации образцов весьма желательно предварительно осуществить технико-технологическое исследование контрольных образцов, обратившись к специалистам.

Б. О качестве обжига. В данном случае (применительно к керамике русского Средневековья) под качеством обжига предлагается понимать достижение такого технического уровня обжига, когда все (или почти все) естественные и искусственные органические примеси в составе формовочной массы выгорели. При этом следует абстрагироваться от оценки уровня спекаемости формовочной массы, поскольку по визуально фиксируемым признакам такая оценка не будет достоверной, тогда как практически вся керамика русского Средневековья (да и лепная посуда раннего железного века тоже) обожжена достаточно хорошо, с достижением достаточного уровня спекания, позволяющего керамической посуде сохранять прочность, влагостойкость и термостойкость настолько, что ее можно успешно использовать в быту. Поскольку заметить удаление органических примесей можно только на керамике окислительного обжига, то именно ее предлагается разделять на две *серии*:

- *керамику полного обжига*, характеризующуюся, как правило, однослойными на изломе черепками с выраженным (от белого до коричневого) цветом поверхности,

- *керамику неполного обжига*, отличающуюся трехслойным на изломе черепком, с темной срединной полосой.

Следует заметить, что хотя разделение на керамику «полного» и «неполного» обжига весьма условно, оно все же позволяет составить представление о соблюдении гончарами штатного режима обжига, а отчасти и о типе применявшегося обжигового устройства. Хотя прямой зависимости тут нельзя установить, все же полный обжиг – довольно надежный признак использования специализированных гончарных горнов, тогда как неполный обжиг мог получаться как в горнах, так и в бытовых печах, очагах и т. д.

В. О степени ожелезненности глины. В предлагаемом подходе учитываются *три разновидности* керамики:

- из красножгущихся (ожелезненных) глин,

- из беложгущихся (в основном нежелезненных) глин⁶,
- переходная разновидность, занимающая промежуточное положение между ними (керамика из слабожелезненных глин, осветленных глин и смесей беложгущихся и красножгущихся глин).

Разновидность керамики – низовая ячейка группировки в предлагаемых ниже системах. После ее достижения и подсчета всего количества образцов, относящихся к каждой отдельной разновидности, следует переходить к фиксации признаков морфологии и декора, которые регистрируются отдельно для каждой разновидности.

Порядок заполнения таблиц

Отдельные таблицы керамики составляются для каждого археологического комплекса (слоя, горизонта, постройки, иного объекта). Табличная форма имеет важный недостаток: чрезмерное увеличение размеров таблиц (при попытке фиксации в ней большого числа признаков) делает их неудобными в работе. Это приводит к многочисленным ошибкам при их заполнении. Небольшие по размерам таблицы проще воспринимаются, их данные могут легко сравниваться друг с другом, а каждая отдельная таблица позволяет составить целостное представление о конкретном комплексе и его отличиях от иных. Но оптимизация размеров таблиц требует отбора тех признаков, которые в ней фиксируются.

Главным приемом работы при использовании табличной формы фиксации является подсчет единиц (обломков) керамики, которые обладают конкретным признаком. Для этого обрабатываемая коллекция дробится в соответствии с представленным выше порядком на группы вплоть до достижения низового уровня (разновидностей). По каждой разновидности подсчитывается общее количество обломков керамики, фиксируемое в графах таблицы (см.: Форма 1). После этого в пределах каждой разновидности керамики отбираются отдельно:

- сначала днища сосудов, с разделением их по предлагаемым ниже группировкам, и с соответствующими подсчетами;
- затем венчики горшков, которые также разделяются по предлагаемой (или иной, избранной регистратором) классификации на соответствующие группы;
- обломки сосудов иных форм (крышек, кувшинов, корчаг, мисок и т. д.);
- на последнем этапе отбираются орнаментированные обломки, также подвергаемые процедурам фиксации. При этом надо иметь в виду, что в число орнаментированных обломков может попасть и часть обломков венчиков (или днищ с придонной частью стенок), если они включают орнаментированные зоны. Таким образом, один и тот же обломок керамики может несколько раз подвергаться операциям фиксации различных признаков.

В связи с этим очень важно определить, что именно принимается за единицу статистического учета. В общем случае это отдельный обломок керамики (черепок), обладающий различными признаками. Однако из этого правила в некоторых случаях нужно сделать исключения: так, при фиксации морфологических частей сосудов все обломки, принадлежавшие венчику (или днищу) одного и того же сосуда (если они склеиваются или их принадлежность таковому очевидна по другим основаниям, например, идентичности профилировки в сочетании с цветом и фактурой поверхности), желательно рассматривать как одну единицу учета⁷. В этом случае удастся максимально приблизиться к тождеству числа учтенных венчиков (днищ) с количеством разбитых сосудов, части которых попали в комплекс (то есть получить число условно целых сосудов). Сложность состоит в том, что обломки венчика одного и того же горшка могут несколько различаться из-за вполне естественных колебаний в профилировке, цвете и даже фактуре поверхности. В то же время профильные фрагменты разных сосудов, сделанных одним мастером, могут быть столь похожи, что их легко принять за принадлежащие одному и тому же сосуду. Поэтому при

⁶ При определении этой разновидности следует помнить, что на цвет поверхности и всей керамической массы могут оказывать воздействие не только наличие или отсутствие окислов железа, но также присутствие осветлителей, температурный режим обжига и случайные отклонения от штатного режима обжига. Так, например, белоглиняная керамика может оказаться изготовленной из железистой глины, если в составе формовочной массы оказалось достаточное количество осветлителей (например, карбонатов).

⁷ Однако при подсчете обломков керамики, относящихся к конкретной ее разновидности, следует подсчитывать все обломки, независимо от того, принадлежат ли они одному сосуду или разным.

обработке больших массивов керамики в сжатые сроки данным исключением можно пренебречь, дабы не провоцировать необоснованные допущения и не снижать общую достоверность результата. Единственным обязательным требованием является упоминание того, какой именно способ подсчета профильных частей был принят в конкретной работе.

Отдельный вопрос составляет определение минимального размера обломков сосудов, которые можно использовать для фиксации. Многолетняя практическая работа керамологов позволила установить, что на обломках, площадь поверхности которых составляет менее четырех-пяти квадратных сантиметров, не удастся достоверно фиксировать многие признаки технологии, морфологии и декора керамики (Цетлин, 1991. С. 29–32; Сидоров, 1998. С. 197). Поэтому керамическое крошево такого размера может быть исключено из *подробной* фиксации, хотя желательно все же подсчитывать общее число и мелких обломков⁸. Более того, в достаточно крупной выборке для статистической фиксации можно использовать обломки керамики с площадью не менее 10 кв. см.

Разумеется, в комментариях к таблице обязательно следует указывать, какой порог размерности обломков был избран при фиксации, дабы при дальнейшей работе исключить некорректные сопоставления комплексов.

Завершается процесс заполнения таблиц определением диаметров венчиков и днищ по имеющимся обломкам. Данные о диаметре этих профильных частей могут фиксироваться как по каждой разновидности отдельно, так и в разрезе более крупных групп (видов, отделов, типов и т. д.), а данные о числе образцов разного диаметра заносятся в соответствующие конкретным типам и видам венчиков (днищ) графы таблицы.

Статистическая фиксация признаков керамики по описываемой здесь методике сама по себе не является научным исследованием, она представляет собой *инструмент формализованной фиксации информации* для последующих исследований. Поэтому глубоко ошибочным было бы ее противопоставление таким направлениям научных керамологических исследований, как историко-культурный подход или естественно-научное изучение керамики. Напротив, статистическая фиксация керамики *возможна только при опоре* на достижения передовых методов исследования керамики. С другой стороны, такая фиксация позволяет установить, какие именно группы керамики требуют специальных керамологических штудий (технологических, морфологических и др.). По мере проведения этих исследований и получения дополнительных данных, позволяющих распознавать те или иные признаки керамики визуально, может совершенствоваться и данная методика.

Проблема репрезентативности выборки

Размеры изучаемых комплексов могут очень сильно различаться – от нескольких черепков (например, в заполнениях столбовых ям или в насыпях из материкового грунта) до десятков тысяч (в культурных слоях протяженного залегания при вскрытии широких площадей). При этом часто возникает во многом искусственный вопрос о репрезентативности выборок керамики. При статистической фиксации керамики этот вопрос имеет вторичный характер – она должна проводиться независимо от размеров комплексов. Последние приобретают значение, лишь когда проводится сравнение зафиксированных комплексов. Репрезентативность выборки будет зависеть, с одной стороны, от однородности исследованного комплекса, а с другой – от задаваемой надежности (вероятности) получаемых выводов. Чем больше разнородность комплекса и больше желаемая степень надежности выводов, тем больший объем выборки требуется.

Как правило, под репрезентативностью керамического комплекса понимают то, насколько точно он характеризует полный набор керамики, существовавшей в исследуемой культуре в период формирования этого комплекса. Но, не говоря уже о различиях в продолжительности периодов накопления комплексов, никогда не известно заранее, каков же был этот «полный набор керамики», то есть ее общий объем, произведенный на исследуемом поселении за тот или иной период (не говоря уже о более крупных социумах). Таким образом, точно установить размер репрезентативного комплекса заранее невозможно, однако необ-

---

⁸ Сравнивая это число с количеством обломков, для которых проведена полная фиксация, можно установить, насколько культурный слой насыщен измельченной (растоптанной, распаханной) керамикой. Кроме того, надо учитывать степень изученности керамических материалов с разных памятников. Например, при обработке результатов площадных сборов при проведении археологических разведок, в особенности на новооткрытых памятниках или при явном недостатке объемов сбора, целесообразно фиксировать весь материал, независимо от размерности образцов.

ходимы некоторые ориентиры, чтобы определять, комплексы какого размера имеет смысл использовать для сравнительных исследований.

Поэтому полагаем правильным ориентироваться на выводы, полученные предшественниками, в частности, В. Ф. Генингом, который на основании практического опыта обработки коллекций целых форм сосудов считал, что достаточно представительным является комплекс, состоящий из не менее чем 200 сосудов (Генинг, 1992. С. 95). Однако при статистической фиксации фрагментарного керамического материала этот предел иногда может оказаться слишком высоким, поскольку нередко изучаемые комплексы содержат меньшее число обломков керамики. В этом случае можно использовать нижний предел выборки в размере 100 единиц.

Практика показала, что фиксация нерепрезентативных комплексов объемом менее 50 обломков керамики возможна без применения таблиц – простым перечислением зафиксированных признаков (речь идет о комплексах с керамикой одной-двух разновидностей, обладающих ограниченным набором фиксируемых признаков), что избавляет от тиражирования «пустых» таблиц.

Варианты методических подходов

Представленные методические разработки были апробированы при фиксации керамических материалов из раскопок в Москве и Подмосковье (от Верхнего Поволжья до Среднего Поочья включительно) в 1990–2000-х годах на целом ряде памятников (Москва, Коломна, Рязань, Ростиславль, Дмитров, несколько десятков сельских поселений) как автором (Коваль, 1996; 1999, 2000; 2003; 2004а; 2004б; 2005; 2008; 2009б), так и другими археологами – В. В. Черкасовым, П. Е. Русаковым, К. И. Панченко, Е. В. Майоровой (Черкасов, 2004; 2005а; 2005б; Панченко, 2008; Майорова, 2011; Русаков, 2012). При этом одновременно проводилась разработка двух различных систем фиксации керамики эпохи русского Средневековья: *расширенной* и *сокращенной*. Первая (см. Раздел 1) разрабатывалась в основном на материалах Поочья, но при максимальном учете материала сопредельных территорий в Волго-Окском междуречье. Эта система была нацелена на более полный охват всех визуально фиксируемых признаков керамики. Она может применяться для обработки практически любой керамики Руси, разумеется, с коррективами в связи со спецификой местного материала.

Вторая (сокращенная) система (см. Раздел 2) разрабатывалась на материалах раскопок в Москве. Она максимально адаптировалась к старой системе фиксации керамики Москвы, созданной М. Г. Рабиновичем и Р. Л. Розенфельдом и усовершенствованной С. З. Черновым и Л. А. Беляевым (Розенфельдт, 1968; Рабинович, 1971; Чернов, 1991а; 1991б; Беляев, 1991).

Отдельная система фиксации разработана для лепной керамики раннего железного века лесной полосы Восточной Европы (см. Раздел 3).

Каждая из разработанных систем имеет свои достоинства и недостатки: расширенная фиксирует больший объем информации, но она трудоемка, и ее не всегда легко организовать в полевых условиях. Сокращенная система нацелена на фиксацию только самой общей информации, поэтому она может проводиться в полевой камеральной лаборатории. Однако она не позволяет извлечь из керамического материала весь доступный при визуальном обследовании объем данных, ограничиваясь лишь важнейшими. Информацию, полученную при использовании обеих систем, можно сопоставлять, поскольку они выстроены на базе одних и тех же принципов.

Раздел 1

Статистическая фиксация керамики эпохи русского Средневековья. Расширенная система

Эта система учета информации, фиксируемой на массовом керамическом материале, была разработана при обработке керамики из раскопок городища Ростиславль (1991–2013 гг.). Основные положения этой системы опубликованы (Коваль, 1996; 2000; 2004б).

Алгоритм работы в данной системе статистического учета керамики предполагает пять операций для правильного заполнения статистической таблицы (Форма 1).

Операция 1 – разделение массива керамики на лепную и круговую посуду.

Различия лепной (изготовленной скульптурной лепкой) и круговой (изготовленной машинным способом на гончарном круге) керамики описаны А. А. Бобринским (1978. С. 27–64, 115–127). В общем виде эти различия можно сформулировать следующим образом:

– лепная керамика лесной зоны характеризуется неравномерной толщиной стенок, бугристой поверхностью (за счет выступающих крупнозернистых примесей), следами хаотичного заглаживания поверхностей, неровным краем венчика, пятнистым цветом сосудов в результате их неравномерного обжига (рис. 1), своеобразными следами обработки поверхности некоторых разновидностей посуды – «сетчатой» фактурой у керамики раннего железного века, отсутствием машинного (линейного и волнистого) декора у керамики эпохи раннего Средневековья⁹;

– круговая керамика лесной зоны характеризуется, как правило, более равномерной толщиной стенок, относительно ровным краем сосуда, горизонтальными следами заглаживания (ротации) не менее 10–12 см в длину на верхней части стенок внешней и внутренней поверхностей сосуда (рис. 2), наличием следов специальных подсыпок на днищах либо следами среза с круга, линейным и волнистым орнаментом, нанесенными машинным способом на вращающемся гончарном круге.

К лепной керамике раннесредневековой эпохи применимо только членение по типам формовочных масс и способам обработки поверхности (см. Раздел 3). Среди круговой керамики выделяются три группы.

Группа 1 – раннекруговая (традиционный термин) керамика (рис. 3). Она изготавливалась на этапах 1, 2 или 3 развития функции круга (сокращенно – РФК-1, РФК-2, РФК-3) (Бобринский, 1978. С. 37–51), т. е. формовалась скульптурной лепкой. При этом внешняя поверхность сосудов (или только часть ее) заглаживалась на ручном гончарном круге (т. е. на ее поверхности оставались следы ротации). Общими признаками этой керамики являются повышенная (относительно другой круговой посуды) толщина стенок, двух- или трехслойный обжиг, особенно крупные примеси в формовочной массе, своеобразная профилировка сосудов, сложная орнаментация с широким использованием различных инструментов, оставлявших разного рода локальные отпечатки на поверхности сосудов. Для образцов этой группы характерны плохо заглаженные следы от соединения лент, асимметричность профиля сосуда, наличие следов крупнозернистых подсыпок на днище. В различных регионах эта керамика обладает рядом специфических особенностей, которые известны по соответствующим исследованиям предшественников.

Группа 2 – развитая круговая керамика (рис. 4), изготавливавшаяся на этапах РФК-3–5 (Бобринский, 1978. С. 49–55). Эта керамика формовалась скульптурной лепкой (как правило, спиральным ленточным или жгутовым налепом) с профилированием сосуда на круге, а на более высоких этапах РФК характеризовалась даже частичным вытягиванием верхней части сосуда. Для подавляющего большинства образцов этой группы характерны хорошо заглаженные следы от соединения лент, вертикальное или горизонтальное заглаживание нижней части внутренней поверхности, небольшая асимметричность профиля сосуда, ярко выраженные следы ротации (горизонтального заглаживания) внешней поверхности, доминирование линейной и волнистой орнаментации. Общими признаками этой керамики являются небольшая толщина стенок (0,2–0,5 см), трехслойный или однослойный (полный) обжиг, крупные или мелкие (иногда мало заметные на глаз) примеси в формовочной массе, мелкозернистые подсыпки на днищах, линейная, волнистая или иная (штамповая, ямчатая и т. п.) орнаментация.

---

⁹ Исключение составляет лощеная керамика эпохи раннего железного века, отличающаяся равномерной толщиной стенок и тщательно заглаженной поверхностью.

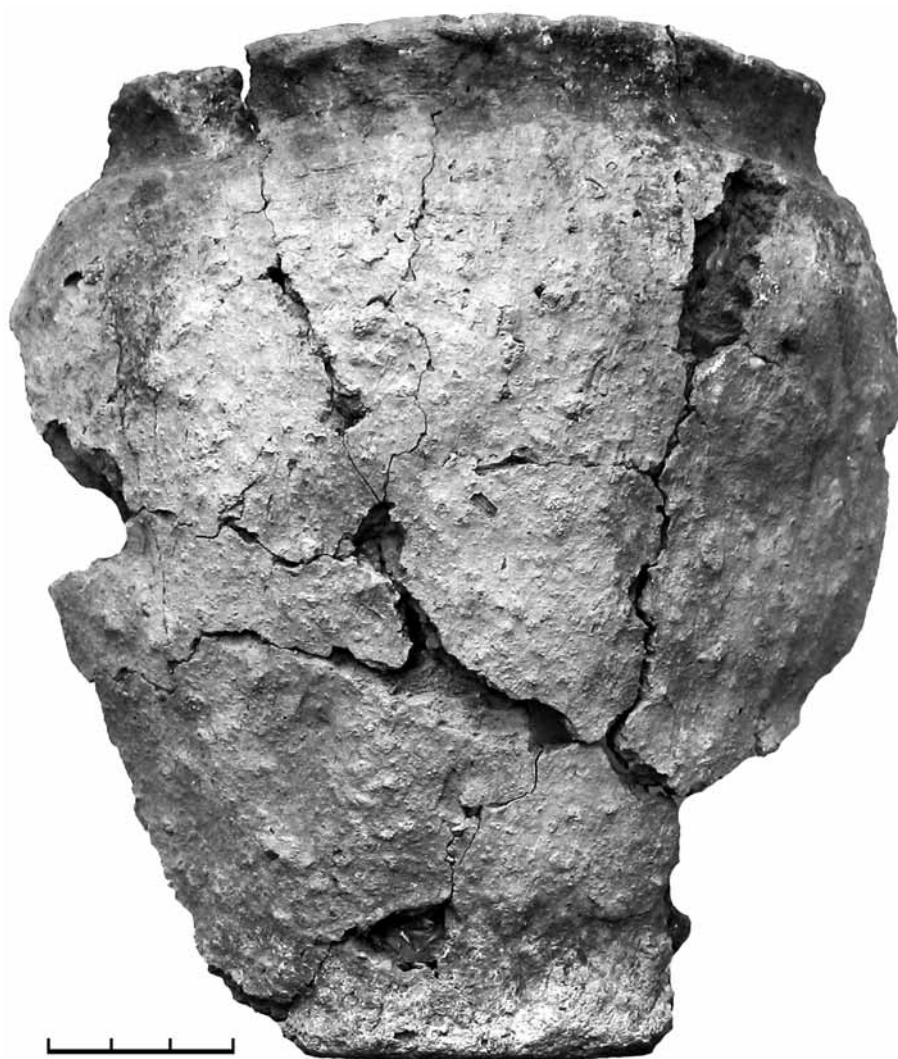

Рис. 1. Лепной горшок раннеславянского населения Поочья (X–XI вв.)
(селище Сосновка IV, Озерский р-н Московской обл.)

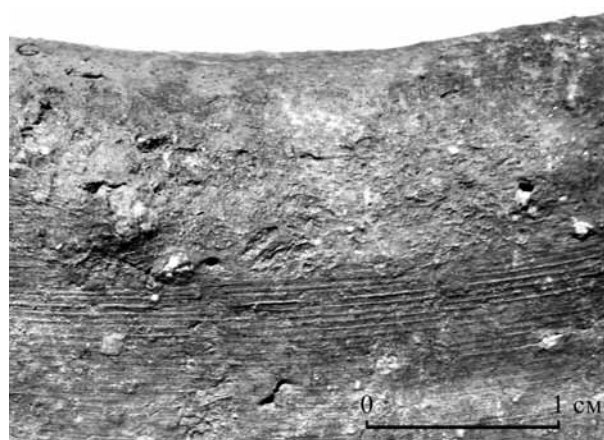

Рис. 2. Следы ротации на внутренней поверхности венчика кругового горшка XIV в.
(городище Ростиславль, Озерский р-н Московской обл.)

Рис. 3. Раннекруговой славянский горшок XI в.
(селище Сосновка IV, Озерский р-н Московской обл.)

Рис. 4. Белоглиняный круговой горшок группы II (XIII в.) с линейным орнаментом,
нанесенным палочкой (городище Ростиславль)

Рис. 5. Внутренняя поверхность стенки кувшина IX в., изготовленного вытягиванием (Коктебель, Крым)

Рис. 6. Днище тянутого сосуда XIII в. со срезом ниткой (Болгар). (См. цв. вкл.)

Группа 3 – тянутая керамика, полностью или в основном изготовленная методом вытягивания из куска глины на ножном гончарном круге, т. е. соответствующая этапам РФК-6–7 по А. А. Бобринскому (1978. С. 55–63). Наиболее характерными признаками этой керамики являются стенки с волнообразным рифлением вытягивания на внутренней (иногда и внешней) поверхности (рис. 5) или гладкие стенки равномерной толщины с горизонтальными следами ротации, следы среза с круга (ножом

или ниткой) на днище сосуда (рис. 6). Такая керамика в большинстве случаев имеет однослойный излом стенок как результат полного обжига. Орнаментация тянутой керамики, как правило, очень скупа и представлена в большинстве случаев несколькими витками линейного орнамента либо росписью ангобом.

Разделение всей круговой керамики на группы возможно не всегда (особенно в случае ее измельченности), однако при обработке больших массивов керамического материала такое деление бывает целесообразно и проводится вполне достоверно. В каждом регионе керамика обозначенных трех групп либо уже имеет ранее установленные диагностические признаки, либо такие признаки определяются путем привлечения специалистов-керамологов.

В тех случаях, когда часть фиксируемых образцов по тем или иным причинам не может быть достоверно диагностирована как принадлежащая лепной или круговой посуде (а внутри последней – одной из трех перечисленных групп), рекомендуется выделять ее в отдельную группу керамики с неустановленным способом формовки¹⁰, дальнейшая работа с которой проводится точно так же, как и с другими группами.

Операция 2 – группировка обрабатываемого массива по признакам обработки поверхности.

На второй ступени проводится разделение керамики внутри каждой из выделенных в ходе выполнения предыдущей операции групп на *подгруппы* по следам дополнительной обработки поверхности или без них (последняя подгруппа и является самой массовой). *Дополнительной обработкой поверхности* предлагается называть такую ее обработку, которая проводится гончаром с помощью специальных инструментов или материалов после завершения формовки сосуда до обжига – речь идет почти исключительно о *лощении* и *ангобировании*. Так называемое чернение, состоявшее в насыщении поверхности сосуда углеродом, часто совмещается с обжигом в восстановительном режиме (см. ниже), в других же случаях надежно диагностировать такую обработку поверхности по визуальным характеристикам затруднительно, поэтому отдельно этот способ ДОП нами не рассматривается¹¹.

Лощение – заглаживание поверхности сосуда до блеска твердым предметом (галькой, куском кости, керамики). Лощение могло наноситься как на внутреннюю, так и на внешнюю стороны стенок сосуда в зависимости от его функционального назначения и формы. Так, кувшины и корчаги ложились только по внешней поверхности, а миски, сковороды и другие разновидности открытых форм – изнутри (редко – с обеих сторон). Кроме того, лощение могло различаться по самой своей фактуре: а) сплошное качественное (без пропусков между полосками, оставленными инструментом, – рис. 7); б) разреженное полосчатое (рис. 8) или сетчатое; в) небрежное и орнаментальное (рис. 9). Орнаментальное лощение в виде завитков и спиралей фактически представляло собой в технологическом плане разновидность небрежного лощения, так как оно экономило силы и время мастера. Кроме того, на фрагментарном материале не всегда возможно достоверно разделить эти два типа лощения, поэтому в разработанной группировке их предлагается фиксировать совместно. Типы лощения определяются по двум признакам: месту его размещения на поверхностях сосуда (внутренней или внешней) и характеру нанесения лощения (сплошное, полосчатое/сетчатое, небрежное/орнаментальное) (табл. 1).

Типы лощения можно дополнительно разделять на варианты (например, отдельно – полосчатого и сетчатого лощения, небрежного и орнаментального лощения), а при сочетании на одном и том же обломке (целом сосуде) лощения как с внешней, так и внутренней стороны обозначать тип следует через дробь, например: тип 1/4 – сплошное лощение на обеих сторонах сосуда; 1/5 – сплошное лощение на внутренней поверхности и полосчатое на внешней и т. д.

¹⁰ Как правило, проблема разделения керамики на категории и группы решается по мере накопления личного опыта исследователя и его консультаций со специалистами-керамологами.

¹¹ Кроме ДОП, проводимой до обжига, известны способы ДОП, осуществляемые после проведения обжига – глазурирование и обваривание. Эти разновидности вторичной ДОП здесь не рассматриваются. Глазурированная керамика в большинстве случаев составляет единичные образцы, статистическая обработка не имеет смысла. Исключение составляет керамика Нового времени, где глазурированная посуда составляет заметную долю (см. Раздел 2). Обваривание (окунание только что обожженного сосуда в органический раствор – мучной, квасной, молочную сыворотку и т. п. – для уменьшения пористости стенок сосудов, закупориваемых частично обугленной органикой) фиксируется относительно редко, в индивидуальном порядке, что также избавляет от необходимости его статистического учета.

Таблица 1. Типы лощения на керамике.

Характер нанесения лощения	Размещение лощения	
	на внутренней поверхности	на внешней поверхности
Сплошное тщательное	1	4
Полосчатое (и сетчатое)	2	5
Небрежное (и орнаментальное)	3	6

Рис. 7. Обломок дна чернолощеного кувшина XVI в. со сплошным качественным лощением (Рязань, Кремль)

Рис. 8. Краснолощенный кувшин XVI в. московского производства (Ростиславль). (См. цв. вкл.)

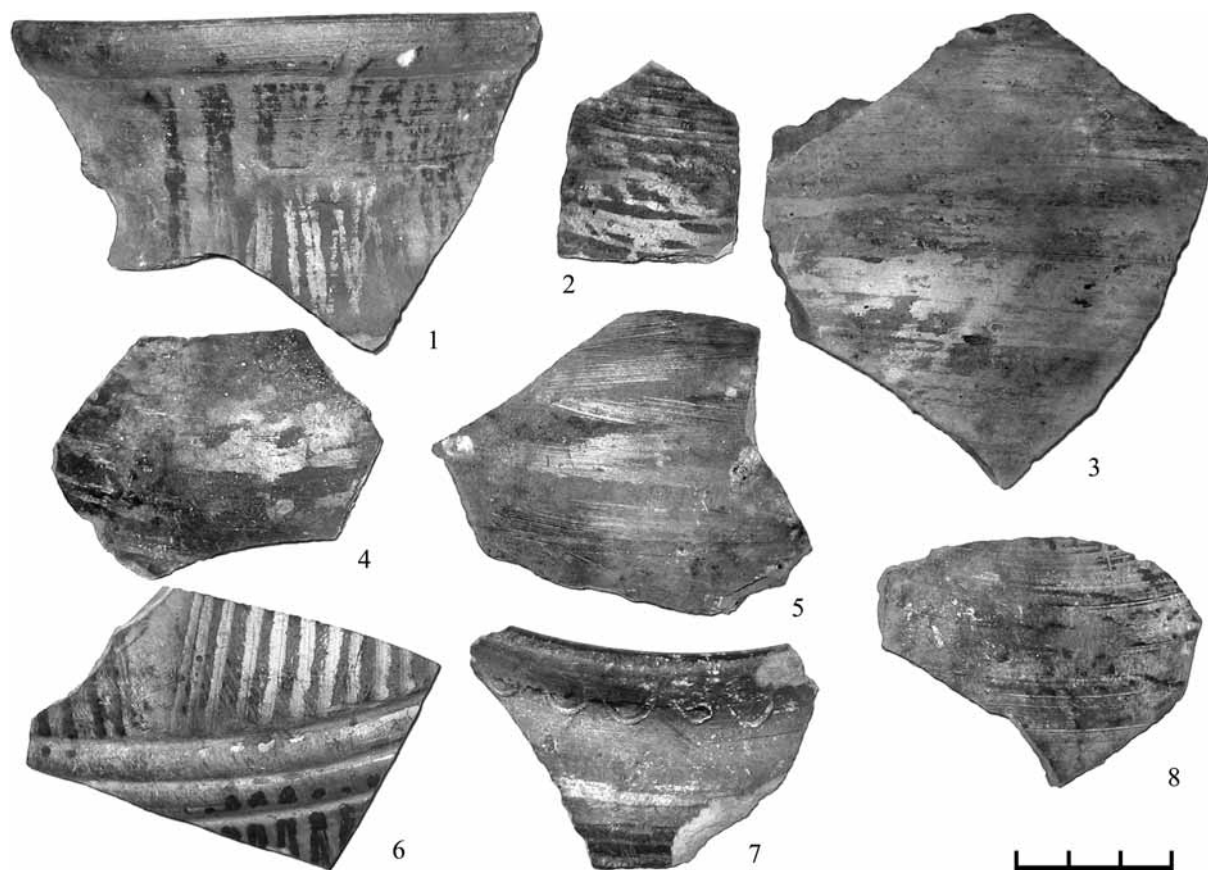

Рис. 9. Обломки сосудов XVII–XVIII вв. с небрежным (1–5, 7–8) и полосчатым (6) лощением (Рязань, Кремль)

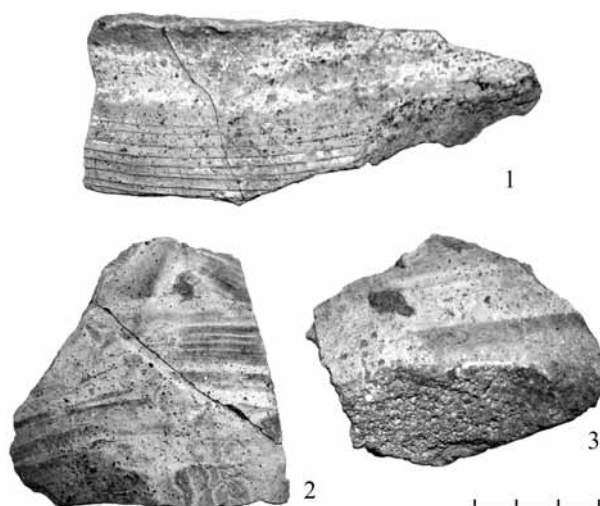

Рис. 10. Обломки целиком ангобированных горшков XII в. (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

Рис. 11. Обломок белоангобированного сосуда с красной росписью XVI в. (Москва, Кремль). (См. цв. вкл.)

Рис. 12. Красноглиняный кувшин-кружка XV в. с росписью пятнами белого ангоба (Москва, Кремль)

Таблица 2. Типы ангобирования керамики.

Способы ангобирования	Размещение ангобирования	
	на внутренней поверхности	на внешней поверхности
Сплошное	1	4
Сплошное с росписью краской по ангобу	2	5
Роспись ангобом	3	6

Похожая шкала предлагается и для второго распространенного способа дополнительной обработки поверхности – *ангобирования*, т.е. покрытия поверхности сосуда слоем жидко разведенной глины. Цвет ангоба здесь не рассматривается, так как в средневековой Руси при сплошной облицовке сосудов использовался ангоб только одного цвета – белого¹². Ангобом могла покрываться вся поверхность сосуда (внешняя, внутренняя или обе вместе) либо большая ее часть (рис. 10). Поверх ангоба в редких случаях могла производиться роспись минеральными красками: красной, очень редко – черной (рис. 11). Наконец, белый ангоб мог наноситься орнаментально, в виде полос, пятен (рис. 12) или иных фигур. Типология ангобирования аналогична группировке лощения (табл. 2). В случае сочетания разных способов и вариантов размещения ангобирования на одних и тех же образцах керамики обозначение этих разновидностей проводится аналогично лощеной керамике (через дробь).

Операция 3 – группировка по примесям к формовочным массам.

Определение невооруженным глазом не позволяет установить искусственный или естественный характер примесей в формовочной массе, однако сам состав основных примесей может быть установлен достаточно точно.

Формовочные массы легко разделяются на три типа:

1. Без видимых примесей;
2. С минеральными примесями;
3. «Пористые» массы – с пустотами от выгоревших при обжиге органических примесей.

В составе типа 1 можно выделить два вида масс:

- 1.1. – масса без всяких видимых примесей (рис. 5);
- 1.2. – масса из глины, насыщенной очень мелким песком (почти невидимым, с зернами менее 0,1 мм в поперечнике). Такие массы определяются по осязаемой, но почти незаметной глазу шероховатости поверхности черепка (рис. 13). Примесь очень мелкого песка может быть уверенно определена как естественная, так как столь мелкая песчаная фракция снижает пластичность глины, что является для гончарства вредным фактором.

Хотелось бы предостеречь от применения в отношении этого типа керамики (в особенности вида 1) определения «из хорошо отмученной глины». Если речь идет не о посуде фабричного производства Нового и Новейшего времени или импортной керамике, такое определение окажется, скорее всего, неверным. Нет никаких данных о применении высокотехнологичного процесса отмучивания глины (освобождения ее от примесей путем растворения в воде и многократного осаживания раствора) в эпоху Средневековья, по крайней мере на территории лесной зоны Восточной Европы. По всей видимости, гончарами в таких случаях использовались естественно чистые глины. Среднежирные глины были обязательным условием производства керамики методом вытягивания на гончарных кругах быстрого вращения (*Бобринский*, 1978. С. 76). Вместе с тем в ряде случаев гончарам удавалось использовать жирные глины и для формовки сосудов техникой налепа (керамика Верхнего Подонья XIII–XIV вв., Коломны и Среднего Поочья XIV–XVII вв.). *Очистка* же глины путем заливки отдельных ее порций водой и размешивания для отделения органических включений не может называться отмучиванием.

В составе формовочных масс типа 2 предлагается выделить не менее 14 видов (рецептов), список которых может быть при необходимости расширен:

¹² В других частях Восточной Европы использовали ангобы и иных цветов, прежде всего красный, близкий по цвету основе сосуда.

Рис. 13. Венчик горшка XIV в., изготовленного из формовочной массы типа 1.2. (городище Ростиславль)

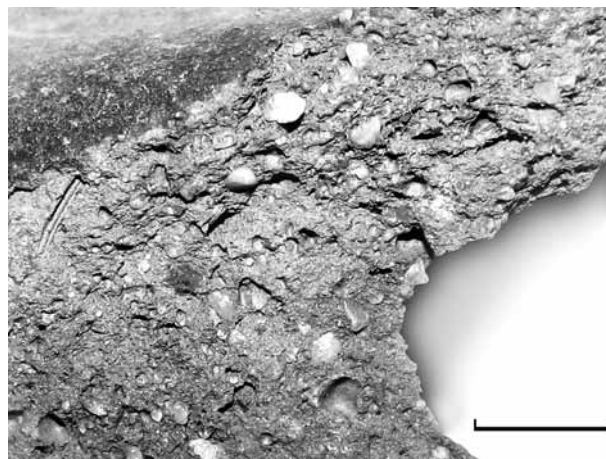

Рис. 14. Крупный песок на поверхности горшка XIII в. (городище Ростиславль)

Рис. 15. Крупный шамот на поверхности сосуда IX в. (Коктебель, Крым). (См. цв. вкл.)

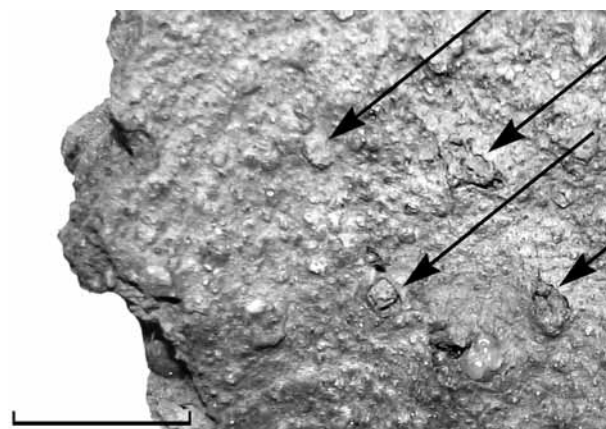

Рис. 16. Светлоглиняный шамот на поверхности лепного сосуда X в. (селище Сосновка IV). (См. цв. вкл.)

2.1. – формовочная масса, приготовленная по рецепту «глина + песок мелкий» (с зернами до 1 мм в поперечнике) (рис. 4). Определяющим признаком песка является его окатанность (округлость зерен)¹³;

2.2. – глина + песок крупный (с зернами 1 мм в поперечнике и более) (рис. 14);

2.3. – глина + шамот¹⁴ (независимо от размерности зерен, хотя допустимо вводить дополнительную градацию на варианты по этому показателю).

Шамотом называют специальную добавку к формовочной массе, снижающую ее пластичность и усадку при сушке, изготавливаемую из обожженной и раздробленной глины. Шамот обычно получали путем дробления керамических сосудов, пришедших в негодность. Особенную трудность составляет определение примеси к формовочной массе *дробленной сухой глины*, которая по визуальным признакам мало отличается от настоящего шамота, хотя таковым и не является. Такую примесь, как правило, можно определить только

¹³ У нас нет достоверных данных об использовании остроугольного неокатанного песка на Русской равнине в эпоху Средневековья и раннем железном веке.

¹⁴ Основой формовочных масс рецептов 3, 4, 5, 9, 10, 13 является глина без видимых примесей песка или с песком мельчайшей фракции, иначе говоря, формовочные массы видов 1.1. и 1.2.

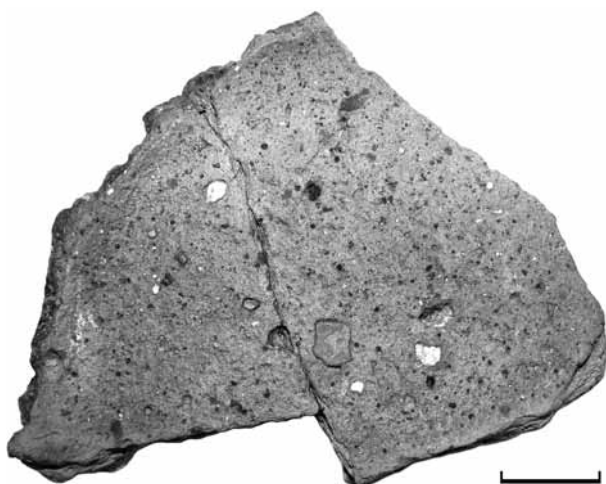

Рис. 17. Дно горшка XIV в. из глины с включениями естественных примесей, в т.ч. гематита (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

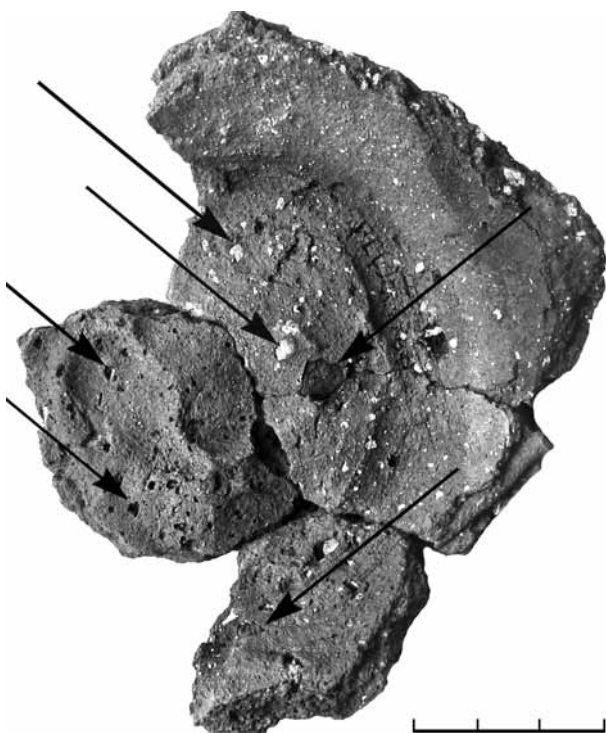

Рис. 18. Дно горшка X в. из глины с естественными примесями гематита (указаны черными стрелками), известняка (указаны желтыми стрелками) и порами от выгоревшего известняка (указаны красными стрелками). (Селище Сосновка IV). (См. цв. вкл.)

в лабораторных условиях. Поэтому при статистической фиксации керамики приходится относить к шмотным примесям все видимые включения, в основе которых лежит инородная глина. Такие включения диагностируются по матовым остроугольным или слабоокатанным включениям, цвет которых может отличаться от цвета основной массы и варьироваться от белого до коричневого (рис. 15).

Светлоглиняный шмот (рис. 16) следует отличать от карбонатных гранул (проверяется 10-процентным раствором соляной кислоты, способной растворять карбонаты и не действующей на шмот) и прочих рыхлых минеральных составляющих (естественных включений в глину). Примерами последних являются различные железосодержащие (рудные) минералы, цвет которых варьируется от ярко-красного до бурого-черного (рис. 17; 18). Отличить эти естественные примеси от шмота можно по их единичности или неравномерности концентрации в стенках сосудов, в ряде случаев – по рыхлости зерен, совершенно не характерной для шмотных включений.

2.4. – глина + дресва мелкая (с зернами до 1 мм в поперечнике)¹⁵.

Дресвой называется примесь, состоящая из раздробленных горных пород любого состава в виде зерен остроугольной формы. Состав и вид исходной породы не может быть установлен при визуальном осмотре образцов керамики, для этого требуются специальные анализы, прежде всего – петрографический. На поверхности и изломе черепков дресва проявляет себя в виде остроугольных включений, обладающих характерным отблеском. Исключение составляют *карбонатные породы* осадочного происхождения (известняк, мел, доломит, мергель и др.), которые, как правило (а в средневековой Руси – всегда), являлись естественной примесью к глине. Карбонатные включения рассматриваются отдельно ниже и в состав дресвы не включаются (тем более что их зерна редко бывают остроугольными), что опять же противоречит геологическим понятиям.

2.5. – глина + дресва крупная (с зернами более 1 мм в поперечнике);

2.6. – глина + песок + шмот (размерность песка в этом и последующих случаях играет второстепенную роль, поэтому ее можно не учитывать) (рис. 16);

2.7. – глина + песок + дресва мелкая (рис. 19);

2.8. – глина + песок + дресва крупная (рис. 20);

2.9. – глина + шмот + дресва мелкая (эта и следующие три разновидности формовочных масс

¹⁵ В геологии дресвой обычно называют обломочный материал размером более 2 мм, однако в средневековой керамике размерность дресвы, как правило, меньше, поскольку ее получали искусственным путем (дроблением камня). Поэтому следование геологическим нормам в керамологии не обязательно.

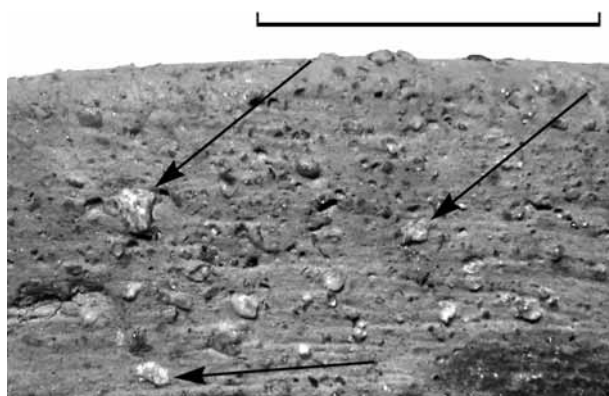

Рис. 19. Мелкая дресва на поверхности горшка XV в. (селище Старбеево, Химкинский р-н Московской обл.). (См. цв. вкл.)

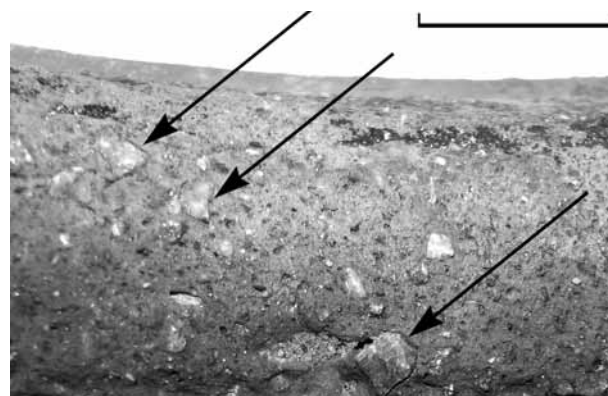

Рис. 20. Крупная дресва на поверхности горшка XII в. (селище Аэропорт-Шереметьево, Химкинский р-н Московской обл.). (См. цв. вкл.)

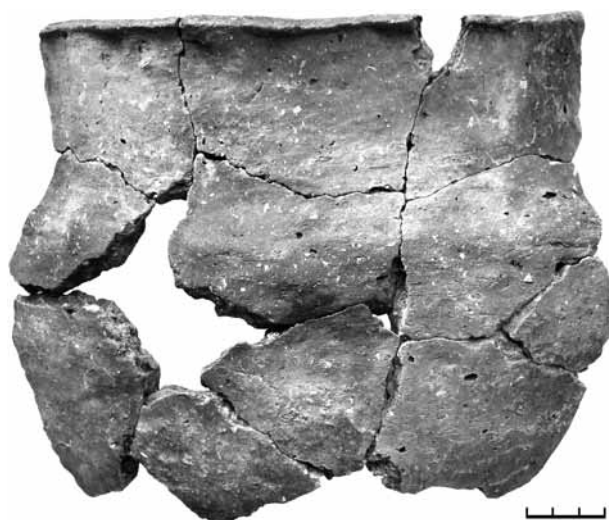

Рис. 21. Примесь обломочного известняка, выступающая на поверхности лепного горшка (селище Сосновка IV). (См. цв. вкл.)

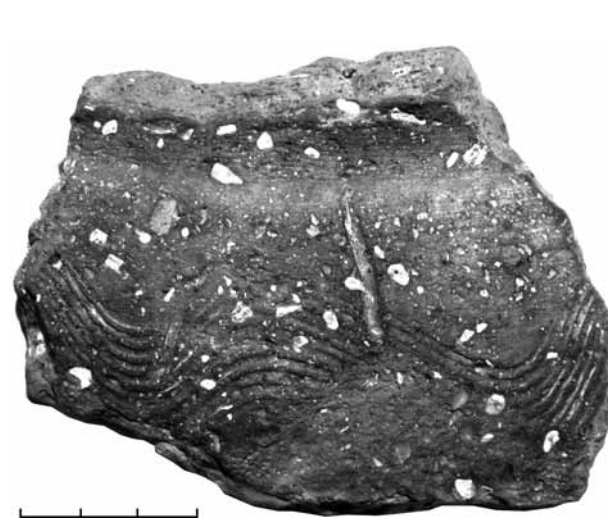

Рис. 22. Стенка кругового горшка IX в. с примесью обломков раковины в формовочную массу (Коктебель, Крым). (См. цв. вкл.)

представляют собой сложные комбинации примесей, которые встречаются довольно редко, притом преимущественно в лепной керамике);

- 2.10. – глина + шамот + дресва крупная;
- 2.11. – глина + песок + шамот + дресва мелкая;
- 2.12. – глина + песок + шамот + дресва крупная;
- 2.13. – глина + карбонаты (рис. 18; 21; 22).

Использование карбонатов в качестве примеси (естественной или искусственной) – важный признак, поскольку эта примесь часто оказывала негативное воздействие на ход обжига и прочность сосудов. При этом определить природу карбонатной примеси (обломочный известняк, оолитовый известняк, мел, доломит, мергель, раковины моллюсков и т.п.) без помощи микроскопа можно не всегда и требует подключения специалистов-керамологов, что далеко не всегда возможно в полевых условиях. Однако отличить некоторые разновидности карбонатов все же можно и по визуальным характеристикам. Они часто выгорают при обжиге и бытовом использовании (или растворяются в кислой почвенной среде) с поверхности сосудов (рис. 18) или даже во всем черепке. Обломки раковин моллюсков диагностируются по их пластинчатой структуре, часто с характерной фактурой поверхности раковин (рис. 22; 23). Однако по визуальным характеристикам нельзя установить, имела ли эта примесь искусственное происхождение или являлась естественной.

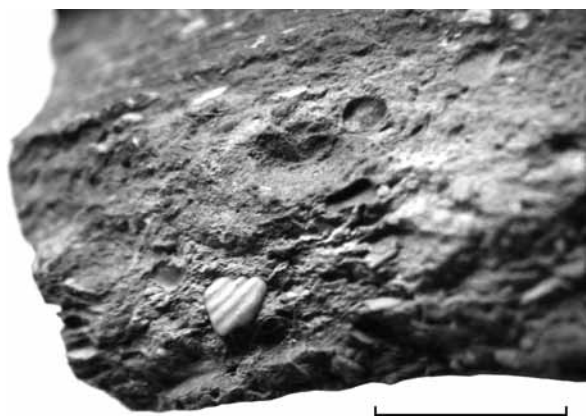

Рис. 23. Обломок раковины моллюска в стенке кругового горшка IX в. (Коктебель, Крым)

Рис. 24. Пустоты от растительной органики на поверхности кругового горшка XII в. (селище Мякинино I, Красногорский р-н Московской обл.)

В случае возможности достоверно определять раковины моллюсков в составе формовочной массы следует выделять в видах 2.13. и 2.14. соответствующие подвиды.

2.14. – глина + песок + карбонаты (рис. 18).

При наличии образцов с разнообразными примесями заведомо естественного происхождения (слюда, гематиты и т.п.) целесообразно не расширять список рецептур, а выделять среди уже имеющихся подвиды, различающиеся присутствием тех или иных естественных примесей к глине-сырью. Слюда диагностируется по мелким тонким пластинчатым включениям, обладающим характерным сильным блеском. При этом важно убедиться (прежде всего с помощью лабораторных методов) в том, что выявленные включения являются именно слюдой, и не путать их с очень мелкой дресвой или песком, которые тоже могут блестеть на поверхности сосудов.

В составе типа 3 формовочных масс (глина + органика) возможно выделение целого ряда разновидностей рецептур (видов), однако по визуальным фиксируемым признакам их правильное определение затруднительно. Имеются трудности даже с отделением масс типа 3 от масс видов 2.13. и 2.14., поскольку карбонаты могут частично или полностью разрушаться под действием естественных причин (особенно на поверхностях сосуда, черепок которого становится пористым) (рис. 18). Образовавшиеся при этом пустоты зачастую можно отличить от выгоревшей органики только в лабораторных условиях. Отличительными признаками присутствия в керамической массе именно органической примеси являются:

- щелевидная форма пустот;
- отсутствие на изломах черепков остатков карбонатов (часто карбонаты разрушаются у поверхности и сохраняются в сердцевине стенок);
- разноразмерные, в том числе крупные многочисленные пустоты характерной для растительных волокон формы (рис. 24).

Однако интерпретация растительной и животной органики по визуальным характеристикам возможна все же лишь в крайне ограниченном числе случаев. Поэтому массы типа 3 можно фиксировать суммарно вплоть до проведения специальных исследований и выявления надежных признаков разных видов органических примесей.

При определении вида формовочной массы следует стараться различать *случайные* примеси, под которыми понимаются включения в формовочную массу с исчезающе малой концентрацией – одно включение на не менее чем 5 кв. см площади черепка. Как правило, это мусор, оказавшийся в керамическом тесте действительно по случайным причинам (травинки, соломинки, камешки, комочки грязи органической природы). Такие единичные включения легко распознаются на целых сосудах и крупных обломках керамики, но на мелких обломках определить их происхождение бывает труднее, так как минеральные и органические включения могли добавляться в массу сознательно в низких пропорциях.

Операция 4 – группировка по признакам газовых режимов обжига.

Керамика, изготовленная из формовочной массы каждого конкретного типа/вида, может быть разделена на три отдела в зависимости от режима ее обжига.

Рис. 25. Излом стенки красноглиняного горшка неполного окислительного обжига IX в. с трехслойной структурой стенки (Коктебель, Крым). (См. цв. вкл.)

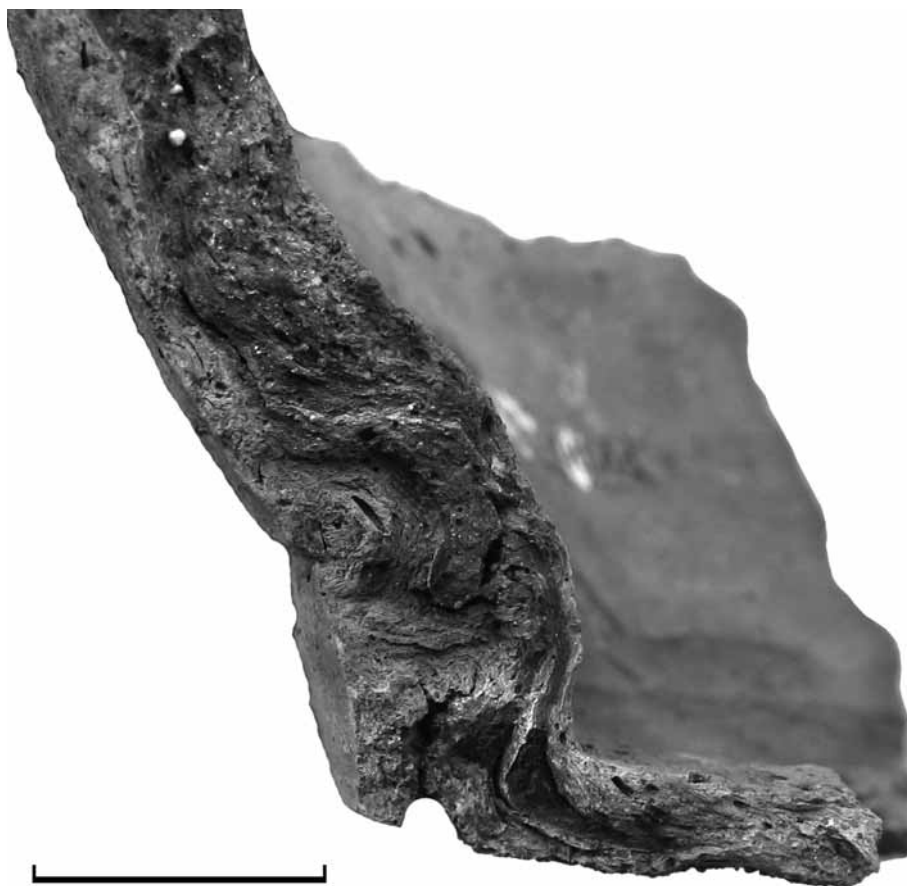

Рис. 26. Излом придонной части белоглиняного горшка неполного окислительного обжига XIII в. с двуслойной структурой стенки (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

1. *Керамика окислительного обжига (КОО)* обжигалась в горнах и бытовых печах со свободным доступом воздуха. Она отличается выраженным цветом (от коричневого до белого) поверхности и излома. Приток кислорода позволял полностью проходить процессам окисления железа, содержащегося в глине. В зависимости от длительности обжига она может быть разделена на виды *полного* и *неполного* обжига. Неполный обжиг диагностируется по трехслойности (реже – двуслойности) структуры стенок сосуда, т. е. появлению у черепка внутреннего непрокаленного слоя темной (черной или серой) окраски (рис. 25; 26), что, как правило, вызывается высокотемпературным, но недостаточно продолжительным (кратковременным) обжигом, при котором естественные органические примеси в глине не выгорают полностью в толще стенок сосудов.

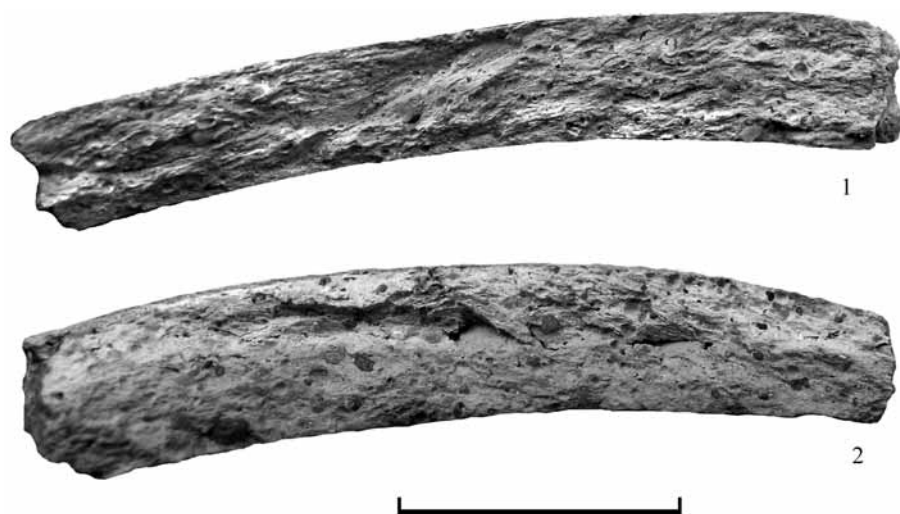

Рис. 27. Изломы горшков полного окислительного обжига XIII в., изготовленных из слабожелезненной глины (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

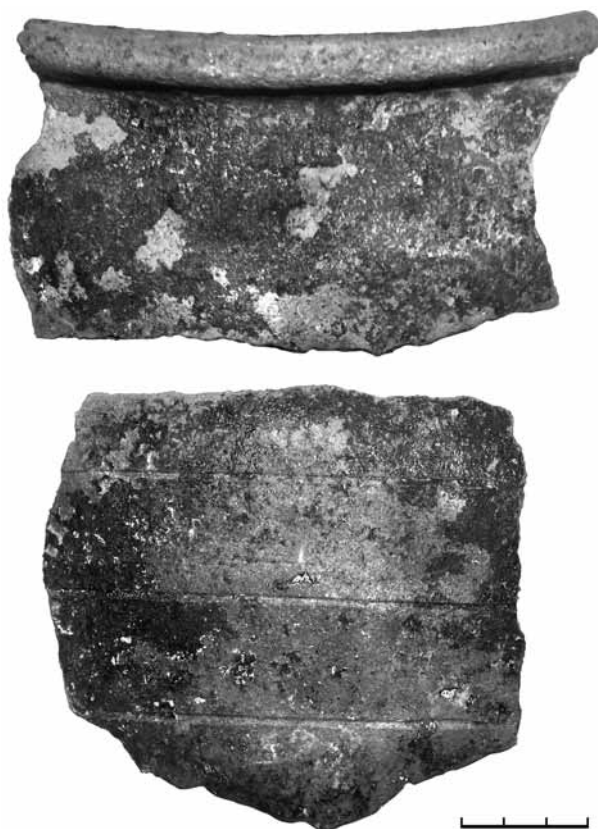

Рис. 28. Венчик и стенка красноглиняных горшков с бытовым нагаром на поверхности (селище Старбеево, Химкинский р-н Московской обл.). (См. цв. вкл.)

К керамике *полного окислительного обжига* следует относить обломки сосудов с одноцветным изломом (от белого до красного и коричневого цвета) либо с трехслойной в изломе структурой, если толщина срединного черного или серого слоя не превышает одной трети толщины черепка. Отнесение таких трехслойных образцов к числу изделий полного обжига объясняется тем, что даже при высококачественном обжиге достаточной продолжительности в отдельных частях сосуда (на особенно утолщенных участках или в зонах, куда горячие газы не получали свободного доступа) могли происходить неблагоприятные отклонения, вызывавшие недостаточную прокаленность этих участков. При этом большая часть тех же самых сосудов могла иметь однослойный излом. Поэтому, хотя подобные отклонения, конечно, являются свидетельствами снижения качества обжига (в том числе нарушения его равномерности), однако они не носят характер серьезных отступлений от штатного режима. Другие различия в цвете черепка (например, двух-, пяти-слойный излом без черных/серых полос – бело-красно-розовый и прочие подобные варианты – рис. 27) также фиксируются как варианты полного обжига.

При этом следует помнить, что бытовое морение (пропитывание стенок сосудов органическим углеродом из-за сгорания пищи, попадавшей на их поверхности) и технология овара, широко применявшаяся в гончарстве позднего Средневековья и Нового времени (см. выше), приводили к искажению цвета поверхностей и излома черепка – как правило, они приобретали черный или коричневатый оттенок. Бытовое морение диагностируется по слою нагара (обугленной пищи) и сажи на поверхностях сосуда (рис. 28), значительно труднее определить наличие сплошного слоя овара. Поэтому рассмотрение изломов стенок сосудов следует проводить всегда только по свежему сколу.

Последнее требование, однако, следует соблюдать только после того, как будет закончена подборка обломков сосудов, предназначенных для последующей склейки. Очевидно, если поступать иначе, реставрация сосудов окажется невозможной из-за грубого повреждения обломков регистратором. Предлагаемая корректировка не может негативно влиять на процесс фиксации, так как у реставрируемых сосудов всегда находятся несколько обломков, не подклеивающихся к другим, которые и можно использовать для получения свежих сколов.

2. *Керамика восстановительного обжига (КВО)*¹⁶, достигавшегося на заключительном этапе

Рис. 29. Горшок восстановительного обжига XIV в. с вдавленным волнистым орнаментом (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

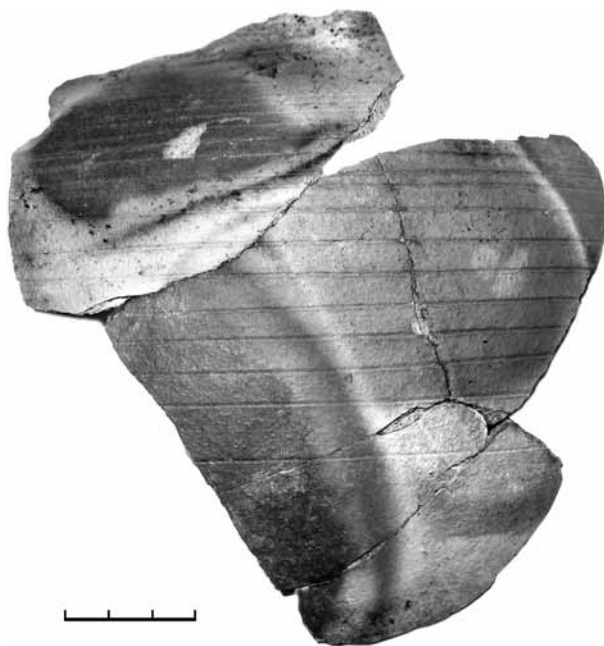

Рис. 30. Светлоглиняная керамика с науглероженной в пожаре поверхностью (городище Ростиславль)

¹⁶ Вариантом этой серии выступает нейтральный обжиг (с ограниченным доступом воздуха), происходивший при неплотно закрытом горне.

термического процесса обработки керамики ограничением свободного доступа воздуха (т. е. закупориванием отверстий горна или бытовой печи), отличается серым, темно-коричневым или черным изломом и черным/серым цветом поверхности (рис. 29). Темный цвет окраски черепка определялся химическим преобразованием железосодержащих примесей в глине. Поскольку восстановительный обжиг часто дополняется дымлением (чернением, т. е. загрузкой в горн смолистых дров), при котором поверхность обжигаемых сосудов пропитывается углеродом, русская средневековая керамика восстановительного обжига часто имеет черный цвет поверхности.

Фиксация керамики восстановительного обжига – ответственное определение, требующее достаточно глубокого знания материала. Например, очень похожий вид имеет керамика с неполностью выгоревшей органикой (неполного обжига, см. ниже). В случае возникновения сомнений в истинности такого определения желательно регистрировать темноокрашенную керамику в отделе неопределимой (черной) керамики (см. ниже).

3. *Неопределимая керамика.* Для тех случаев, когда из-за нагара и полной пропитанности черепка углеродом определить режим и качество обжига (и даже сам цвет глины) невозможно, рекомендуется выделять серию керамики черного цвета, т. е. со скрытым (непроявленным) цветом глины¹⁷. В этой же серии целесообразно учитывать керамику, ошлакованную в пожарах, приобретшую пемзообразную фактуру и серый (черный) цвет (т. е. ту, которую часто ошибочно атрибутируют в качестве керамического брака). Так же невозможно достоверно определить керамику, обгоревшую в пожаре (пропитавшуюся углеродом) до черного/серого цвета (рис. 30). Присоединение этих неопределимых (по объективным или субъективным причинам) обломков к какому-либо из иных отделов керамики может сильно исказить характеристику комплекса.

Операция 5 – группировка по цвету керамики.

В составе видов керамики полного и неполного обжига целесообразно выделять разновидности, различающиеся цветом глины, который указывает на ее химический и минеральный состав. В средневековой археологии лесной зоны Восточной Европы давно выделяются две разновидности керамики – из *красножгущихся* (или просто – *красных*) (рис. 15; 17–20; 22; 25; 28 и др.) и *беложгущихся* (или просто – *белых*)¹⁸ глин (рис. 4; 27; 31). Однако существует еще одна, третья, разновидность керамики, занимающая промежуточное положение между красноглиняной и белоглиняной керамикой, – изделия с розовыми, желто-розовыми, светло-коричневыми (бежевыми) оттенками поверхности и излома, составляющие переходную разновидность (рис. 16; 21; 27). Эта керамика, как правило, изготавливалась из слабоожегленной глины (с невысоким содержанием железа), однако подобный же результат может давать присутствие в глине различных осветлителей (например, карбонатов) или использование глиняного концентрата из смеси беложгущихся и красножгущихся глин (рис. 32, 1). Иногда такая смесь не становится однородной и приобретает мраморовидную пятнистость (рис. 32, 2).

В серии восстановительного обжига такое деление, как правило, малодостоверно, поэтому проводить его рекомендуется только в несомненных случаях (в частности, по изломам черепков бывает видно использование чисто белых или ярко-красных глин).

После завершения разделения керамики на перечисленные выше разновидности (общее их количество в комплексе может быть достаточно велико – от двух-трех до нескольких десятков) и подсчета всего количества обломков, относящихся к ним, необходимо приступить к фиксации и подсчету внутри каждой из них:

- днищ сосудов¹⁹;
- венчиков горшков,
- прочих профильных частей (ручки, горловины, сливы, края и т. п.) иных функциональных форм керамики;
- декорированных обломков.

¹⁷ В камеральных условиях первоначальный цвет керамики устанавливается прокаливанием черепков на открытом огне или в печи при невысокой температуре (не более 200–300 °С), когда органика выгорает, а физико-химических изменений в керамике еще не происходит.

¹⁸ Имеется в виду цвет не сырой, а обожженной глины, поскольку в сыром виде глины могут иметь иной цвет, нежели получаемый после обжига. Беложгущиеся глины относятся, как правило, к числу нежелезистых глин (с малым содержанием железистых соединений), но прямой зависимости между цветом глины и степенью ее ожелезненности нет, поскольку известны беложгущиеся сильноожегленные глины, цвет которых определяется большим количеством примеси карбонатов.

¹⁹ Хотя достоверно установить, какой именно форме посуды принадлежит обломок дна, в большинстве случаев невозможно, абсолютное доминирование горшков в средневековом керамическом производстве лесной зоны Восточной Европы позволяет считать, что почти все такие днища принадлежали именно горшкам.

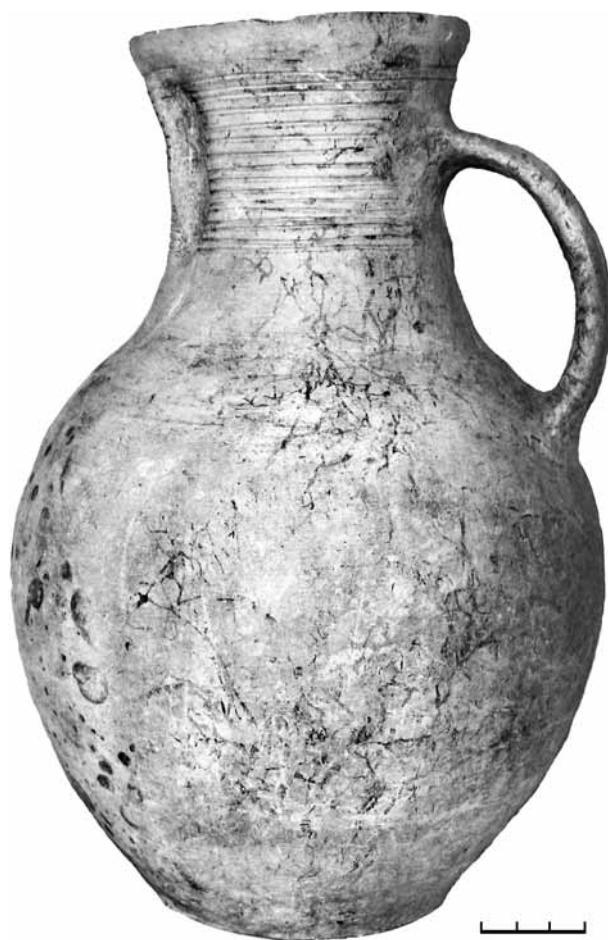

Рис. 31. Белоглиняный кувшин коломенского производства XV в. из формочной массы типа 1.1. (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

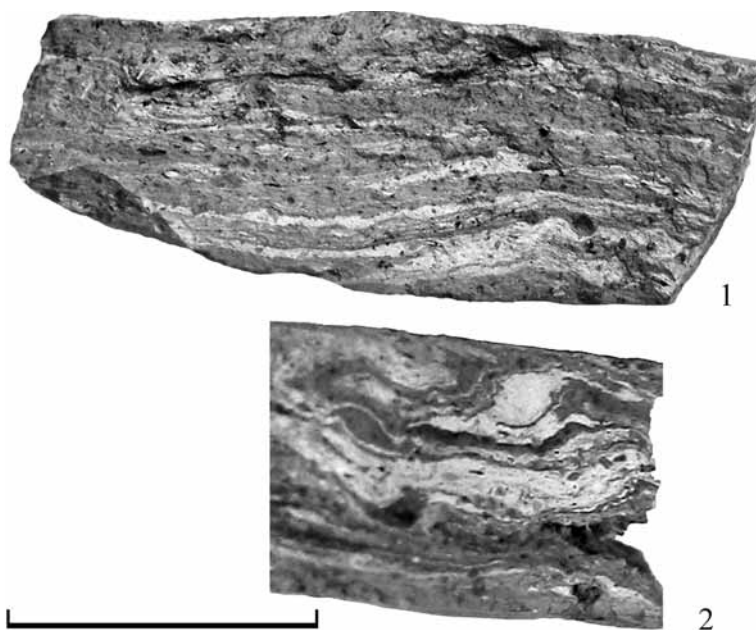

Рис. 32. Изломы стенок сосудов, изготовленных из смеси белой и красной глины (см. цв. вкл.)
1 – городище Ростиславль, XIII в.; 2 – Рязань, XVI в.

При этом не следует стремиться к суммированию этих данных с выходом на общее количество обломков одной технологической разновидности. Напротив, каждую из указанных четырех совокупностей целесообразно обрабатывать как отдельную замкнутую подсистему. Это значит, что один и тот же обломок керамики может учитываться в разных подсистемах: например, среди венчиков (или днищ) сосудов могут встречаться такие, на которых сохранился орнамент, поэтому такой образец фиксируется вначале как морфологическая часть сосуда, а затем – как носитель декора. Такой подход позволяет рассматривать декор независимо от того, на каких частях сосуда он размещается, т. е. обобщенно. Разумеется, это целесообразно в основном для керамики развитого Средневековья, когда орнаментация в 99% случаев размещалась в среднем поясе сосуда (на стенках между венчиком и дном)²⁰.

Типология венчиков горшков

В рамках расширенной системы можно применять практически любую типологию венчиков, имеющую цифровую или буквенную кодировку. Однако большинство существующих типологий такого рода не объясняют критерии разделения на типы, в них отсутствует жесткая и логически обоснованная последовательность группировки материала. Морфологию венчиков горшков в таких типологиях систематизируют на основе внешних контуров (абрисов), разнообразие которых бесконечно. Разумеется, любая группировка этих многообразий оказывается субъективной и не выдерживающей критики. Поскольку такой подход представляется неприемлемым в принципе, была разработана классификация, ориентированная не столько на детали, какими бы запоминающимися они ни были, сколько на определение тех схем, которые пытался воплотить в жизнь древний гончар, т. е. на те «идеальные венчики», которые он каждый раз воспроизводил с разной степенью успеха. Набор «идеальных схем» неизбежно должен был быть ограниченным. В основу этой классификации были положены два взаимодополняющих принципа:

– *морфологический*, направленный на преобразование вертикального разреза венчика в упрощенную конструктивную схему, состоящую из отрезков и «точек перегиба линии контура» (Бобринский, 1986. С. 137–157), с учетом степени отклонения венчика от вертикали;

– *технологический*, учитывающий направление, в котором производился заворот черного края²¹ или смещение глины при срезе, т. е. те операции, которыми, собственно, и достигался тот или иной внешний контур венчика со всеми его «валиками», «припухлостями», «ложбинками», «ребрами» и другими деталями внешнего вида, наблюдаемыми в разрезе.

А. Морфологическая группировка.

Венчиком здесь называется верхняя профилированная часть горшка, отделенная от тулова (плечика) в той точке, где уклон плечиков горшка внутрь заметным образом меняется на вертикальное или близкое к нему положение (т. е. в точке перегиба линии контура). Эту точку называем *точкой основания венчика*. Венчик состоит из двух конструктивных элементов: *шейки* (нижней части венчика, где чаще всего располагается место его минимального диаметра) и *устья* (верхней части венчика, в наибольшей степени подвергавшейся разнообразным деформациям)²². Венчик может состоять только из одного конструктивного элемента, который в этом случае лучше называть *устьем* (рис. 33). Если же верхняя часть горшка морфологически ничем не отделена от тулова, то такой горшок имеет не венчик, а просто *край*. Устье и шейка венчика могут сочетаться в шести вариантах:

- 1) шейка вертикальная/устье отогнуто наружу;
- 2) шейка изогнутая (дугообразная, вершиной дуги внутрь сосуда)/устье отсутствует или несколько отогнуто наружу;
- 3) шейка наклонена внутрь сосуда/устье отогнуто наружу;
- 4) шейка отогнута наружу/устье также (в еще большей степени) отогнуто наружу;
- 5) шейка отогнута наружу/устье отогнуто внутрь сосуда;
- 6) шейка изогнута/устье отогнуто внутрь сосуда.

²⁰ В других культурных ситуациях, когда орнамент помещался на края венчиков или внутреннюю поверхность сосудов, декор необходимо фиксировать отдельно по морфологическим частям сосудов, внося соответствующие изменения в фиксиционные статистические таблицы.

²¹ Дефиниция этого термина расширена ниже в тексте.

²² Применяемая нами терминология отличается от использовавшейся А. А. Бобринским и соответствует разработкам других исследователей, например, болгарского керамолога Б. Борисова (2002. С. 21. Обр. 3).

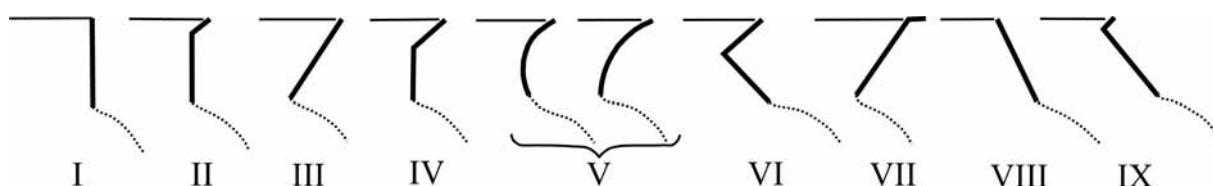

Рис. 33. Конструктивные схемы венчиков горшков

Таблица 3. Конструктивные схемы венчиков.

Конструктивные элементы	Венчики		
	вертикальные	отогнутые наружу и изогнутые	наклоненные внутрь сосуда
Устье	I	III	VIII
Устье наружу + шейка вертикальная	II	IV	–
Устье наружу + шейка изогнутая	–	V	–
Устье наружу + шейка, наклоненная внутрь сосуда	–	VI	IX
Устье наружу + шейка, отогнутая наружу	–	VII	–

Два последних теоретически возможных варианта неизвестны среди керамики средневековой Руси, таким образом, наиболее актуальны только первые четыре варианта сочетания основных конструктивных элементов венчика.

По степени и направлению отклонения венчиков от вертикали целесообразным представляется ограничиться тремя градациями:

– *вертикальные* венчики – у которых отклонение внешнего края устья (наружу или внутрь) от вертикали, проведенной через точку основания венчика (см. выше), не превышает четверти высоты венчика. Это отклонение можно выразить и иначе – не более 15 градусов от вертикали для линии, проведенной от точки основания венчика к внешнему (при отгибе наружу) или внутреннему (при наклоне внутрь) краю венчика;

– *отогнутые наружу* венчики имеют отклонение от вертикали, проведенной через точку основания венчика, превышающее одну четвертую его общей высоты (или более 15 градусов). Вариантом отогнутых венчиков можно считать *изогнутые* венчики. Их шейка выгнута внутрь сосуда. Отличие изогнутых венчиков от отогнутых состоит в дугообразной профилировке шейки и зачастую в невыраженности точки основания венчика;

– *наклоненные внутрь* горшка венчики отличаются тем, что их диаметр по краю оказывается меньше диаметра по основанию венчика (при наклоне, превышающем четверть высоты венчика, или более 15 градусов).

Формальное сочетание трех градаций отклонений венчиков и четырех вариантов сочетания конструктивных элементов, к которым добавляется пятый вариант (устье без шейки), дает 15 теоретически возможных конструктивных схем венчиков. Однако некоторые из них невозможны в принципе: вертикальные венчики не могли иметь изогнутые, отклоненные наружу и наклоненные внутрь шейки (как указано выше, незначительное – до 15 градусов – отклонение при подобном подходе игнорируется). Также маловероятно (до сих пор нигде не отмечено) реальное существование венчиков, наклоненных внутрь горшка с вертикальной или изогнутой шейкой. Таким образом, остаются всего девять возможных схем конструкций венчиков (рис. 33; табл. 3).

Конструктивные схемы венчиков наиболее наглядно можно изобразить в виде ломаных линий, состоящих из нескольких отрезков (для изогнутых венчиков – из дуги), которые представляют своего рода «скелет» венчика. Выделенные девять конструктивных схем (рис. 33) можно кратко описать следующим образом:

I. Вертикальные венчики, состоящие из одного цилиндрического устья.

II. Вертикальные венчики, состоящие из высокой шейки и небольшого отогнутого наружу устья.

III. Отогнутые венчики, состоящие из одного устья (в разрезе представляют собой перевернутый усеченный конус).

Таблица 4. Классификационная схема венчиков горшков.

Формы венчиков	Конструкции венчиков			Классы венчиков				
				Край без деформации	Срезанный край	Заворот внутрь	Заворот наружу	Заворот внутрь и наружу
Вертикальные венчики	I		устье	1	2	3	4	5
	II		устье + шейка вертикальная	6	7	8	9	10
Отогнутые наружу и изогнутые венчики	III		устье	11	12	13	14	15
	IV		устье + шейка вертикальная	16	17	18	19	20
	V		устье + шейка изогнутая	21	22	23	24	25
	VI		устье + шейка, наклоненная внутрь сосуда	26	27	28	29	30
	VII		устье + шейка, отогнутая наружу	31	32	33	34	35
Наклоненные внутрь сосуда венчики	VIII		устье	36	37	38	39	40
	IX		устье + шейка, наклоненная внутрь сосуда	41	42	43	44	45

IV. Отогнутые венчики, состоящие из вертикальной шейки и отогнутого устья (линейные размеры устья и шейки примерно одинаковые или с небольшим превышением размеров шейки).

V. Дугообразно изогнутые (т. е. изгибающиеся вначале внутрь сосуда, а затем наружу) венчики, у которых устье и венчик морфологически не разделены.

VI. Отогнутые (или изогнутые, но с явным переломом профиля) венчики, состоящие из наклоненной внутрь сосуда шейки и отогнутого наружу устья (линейные размеры устья и шейки примерно одинаковые или с небольшим превышением размеров шейки).

VII. Отогнутые венчики, состоящие из высокой отогнутой шейки и еще сильнее отогнутого небольшого устья.

VIII. Наклоненные (загнутые) внутрь сосуда венчики, состоящие из одного устья, имеющего вид усеченного конуса (с меньшим диаметром сверху).

IX. Загнутые внутрь сосуда венчики, состоящие из наклонной шейки и отогнутого наружу небольшого устья.

Более дробное членение венчиков по данным признакам (например, с учетом значений угла отклонения от вертикали) представляется нецелесообразным, поскольку при формовке на ручном гончарном круге угол отклонения венчика от вертикали на одном и том же сосуде мог очень сильно колебаться.

Б. Технологическая группировка.

На завершающем этапе отделки горшка гончар совершал различные операции по моделировке края, которые меняли его первоначальный внешний контур, придавали венчику конечную форму. Варианты контура венчика бесконечно разнообразны и зависят от вектора приложения силы пальцев. Однако сам набор операций гончара ограничен.

Класс	Тип	Варианты	Класс	Тип	Варианты
1		 	5		
			6	 	
2		 	7		
		     	8	 	
			9		
3		 	10		
		   	11	 	
4		 			

Рис. 34. Классификация венчиков горшков: классы 1–11

Класс	Тип	Варианты	Класс	Тип	Варианты
12		₁ _Б _В _Г _Д	18		_Б _В
					_Б _В _Г _Д
					_Б _В
13		_Б _В _Г _Д _Е			
		_Б _В			
		_Б			
		_Б	19		
			20		
			21		
					_Б _В _Г _Д
14					
			22		_Б _В
15					
16			23		_Б _В _Г _Д _Е
					_Б _В
17					_Б
					_Б

Рис. 35. Классификация венчиков горшков (продолжение): классы 12–23

Класс	Тип	Варианты	Класс	Тип	Варианты
24			32		
25	 	 	33	 	
26			34		
27	 		35		
28	 	 	36		
29			37		
30			38	 	
31	 		39		
			40		
			41	 	
			42		
			43	 	
			44		
			45		

Рис. 35. Классификация венчиков горшков (продолжение): классы 24–45

Черновым называем край конструктивно полностью сформованного венчика до окончательной его моделировки гончаром. Такая моделировка производилась четырьмя способами:

- 1) срез излишков глины на краю венчика при помощи инструмента с полным (или почти полным) удалением срезанной глины²³;
- 2) заворот (смещение) чернового края вовнутрь сосуда с образованием более или менее заметной складки и валика;
- 3) заворот (смещение) чернового края наружу, также с образованием складки и (или) валика;
- 4) смещение чернового края последовательно внутрь и наружу с образованием валиков по обеим сторонам устья (подобные венчики имеют секировидный или манжетовидный профиль)²⁴. Во внутреннюю сторону, как правило, осуществлялся заворот исходного чернового края, а остатки глины смещались наружу.

Чистовым краем называем верхнюю границу полностью законченного сосуда. Если «черновой край» оставался без существенных деформаций или следы этих деформаций полностью убирались гончаром, то у венчика можно видеть только один чистовой край. Подобные венчики в литературе обычно называют простыми.

Взаимосочетание девяти конструктивных схем венчиков с четырьмя описанными здесь способами моделировки чернового края (и пятым вариантом – край без моделировки) позволяют выделить 45 *классов* венчиков. Они охватывают практически все возможные разновидности профилировок венчиков горшков средневековой Восточной Европы (табл. 4; рис. 34–36).

Дальнейшая группировка (внутри классов – на *типы*) может проводиться по деталям оформления края венчика (профилировке остатков чернового края, направлениям среза, степени отгиба шейки или устья венчика и т. п.). Типы могут включать *варианты*, различающиеся уже мелкими деталями оформления контура (наличие валиков, канавок и т. п.). Именно варианты соответствуют известным по прежним классификациям типам венчиков, что позволяет устанавливать корреляцию старых типов с данной системой и сохранять некоторую преемственность с работами предшественников²⁵.

Номера типов указываются вместе с номером класса через дробь, например: 3/1 – тип 1 класса 3. Вариантам даются буквенные обозначения. Пояснения к этой типологии с описаниями признаков выделенных классов, типов и вариантов венчиков приведены в Пояснении 1.

Типология днищ сосудов

Обломки днищ представляют своеобразный материал, который лишь в незначительной своей части может быть использован для определения целых форм сосудов. Так, по углу отклонения прилегающей части стенки от плоскости дна можно отделить обычные горшки от горшков-мисок с разложистым туловом (рис. 37, 1, 2), а по размерным показателям можно диагностировать корчаги и миниатюрные сосуды. Однако почти все обломки днищ позволяют определить способ их прикрепления к гончарному кругу и степень тщательности обработки этой части сосудов после снятия с круга. Поэтому при статистической фиксации комплексов их проще рассматривать суммарно, без определения принадлежности конкретным функциональным формам.

По способу крепления к гончарному кругу днища делятся на *срезанные* и *устанавливавшиеся на подсыпку*.

Днища со следами среза ножом или нитью являются наиболее надежными указателями формовки сосуда методом вытягивания из куска глины. Следы срезания ножом фиксируются на поверхности дна

²³ Разными исследователями применяется различная терминология для описания подобных операций. В частности, смещение формовочной массы на краю сосуда при работе на ножном гончарном круге может сопровождаться срезанием части этой массы пальцами гончара. Однако при работе на ручных кругах такое практически невозможно, поэтому предлагаем *срезом* называть все же удаление глины прежде всего при помощи инструмента (ножа).

²⁴ На готовом изделии черновой край обычно легко фиксируется по валикообразным утолщениям. Он часто хорошо виден и на изломе венчика вместе со складкой, которая образовывалась в результате его заворота при формовке. Правда, не все валики на венчике являются остатками чернового края – они могут профилироваться со специальными декоративными целями или являться следами иных технологических операций.

²⁵ Сложность составляют только те случаи, когда известные прежде типы часто объединяли венчики разнообразной профилировки, а сам принцип выделения типов их автором не разъяснялся.

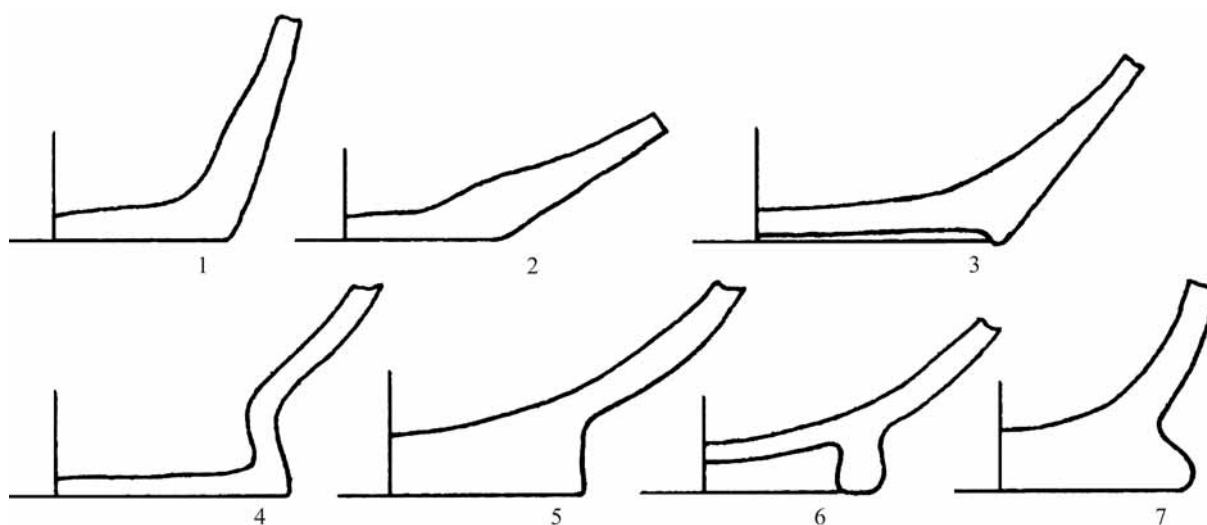

Рис. 37. Профилировка дний сосудов

1, 2 — простые днища горшка (1) и горшка-миски (2); 3 — дно с закраиной; 4 — дно с ложным поддоном; 5 — дно с монолитным поддоном; 6 — дно с кольцевым поддоном; 7 — дно с «сапожком»

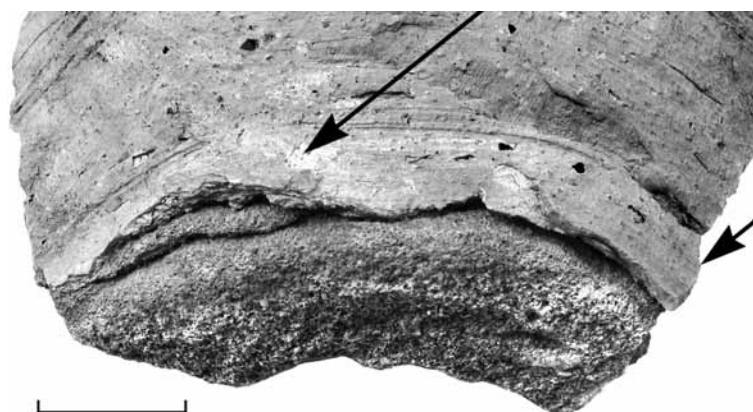

Рис. 38. Дно горшка XII в. (городище Ростиславль)

по параллельным бороздкам, оставленным песчинками или кусочками глины, прилипавшими к лезвию. Следы срезания нитью (проволокой) фиксируются по дугообразным бороздкам (рис. 6).

Наличие подсыпок под днища, позволявших снять сосуд с круга, для территории средневековой Руси в целом является одним из самых надежных признаков формовки сосудов на ручном гончарном круге. Кроме того, подсыпка в большинстве случаев указывает на формовку сосуда методом ленточного/жгутового налепа.

Для средневековой круговой керамики характерно использование трех главных разновидностей подсыпок: песка, золы и дресвы. Песок мог использоваться как мелкий, так и крупный, что может служить основанием для разделения дний в ряде случаев по этому признаку на варианты. Обычно песок прочно прилипал к поверхности днища, и спутать его с иными подсыпками трудно (рис. 38). Редкими исключениями являются случаи, когда песок осыпался с поверхности, оставляя на ней ячеистые отпечатки. Наличие прилипшей золы на таких днищах (а подобные случаи не единичны) вовсе не указывает на состав подсыпки, поскольку зола прилипала к днищам горшков и проникала в поры на их поверхности при использовании сосудов в печах. Несложно определить и подсыпку дресвы, отличающейся от окатанного песка остроугольной формой зерен (рис. 39).

Рис. 39. Дно горшка XII в. с подсыпкой дресвы (городище Ростиславль)

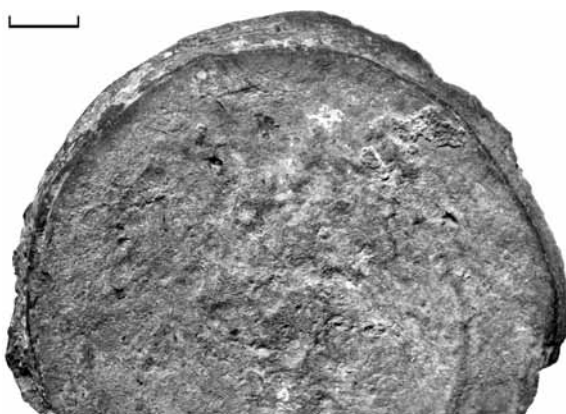

Рис. 40. Дно горшка IX в. с зольной подсыпкой (Коктебель, Крым)

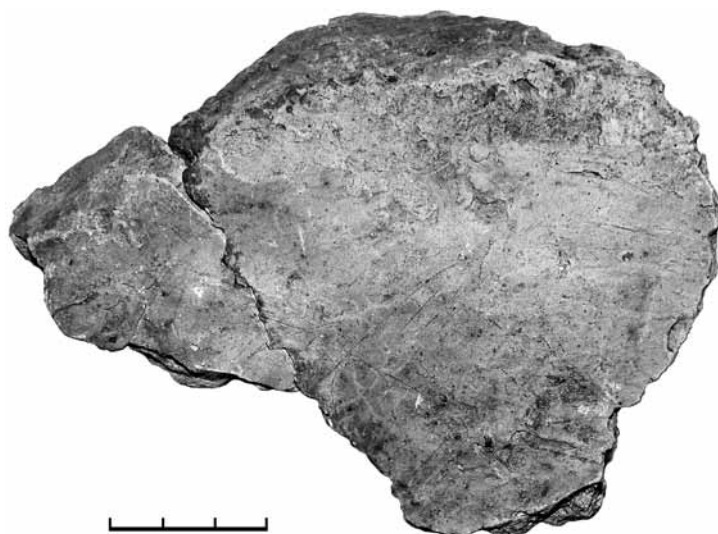

Рис. 41. Дно горшка XII в. с затертой поверхностью – следы подсыпки удалены (городище Ростиславль)

Наибольшие трудности обычно вызывает диагностирование подсыпки золы, которая быстро осыпалась с поверхности дна после обжига сосуда. Признаками днищ, формовавшихся на подсыпках золы, является гладкая мелкобугристая фактура их поверхности (рис. 40). Днища со следами зольной подсыпки не следует путать с теми, которые специально заглаживались после снятия горшка с круга, когда остатки подсыпки полностью (или почти полностью) удалялись, а само дно заглаживалось (рис. 41). Иногда на таких днищах можно видеть отпечатки пальцев гончара. Такие образцы приходится фиксировать как днища без следов подсыпки. Лишь в единичных случаях в углублениях на поверхности днищ можно заметить остатки подсыпки.

В средневековой русской керамике не использовались подсыпки из других материалов. Они известны в лепной посуде более раннего времени либо иных регионов Восточной Европы, поэтому в данную систему такие подсыпки не включены (шамот, мякина, зерно).

Вторым признаком, который можно учитывать при статистической фиксации днищ сосудов, является наличие или отсутствие закраины – кольцевого вертикального выступа (наплыва глины) по окружности днища (рис. 37, 3; 42). Закраина образовывалась при обработке бокового придонного участка сосуда, когда избыток глины перемещался вниз. Срезание остатков закраины и заглаживание окружности дна свидетельствует о более высоком качестве исполнения сосуда.

В общем виде систематизация днищ сосудов может быть представлена следующим образом (табл. 5).

Простыми называются плоские днища, не имеющие каких-то дополнительных выступов, кроме закраин (рис. 37, 1, 2). *Ложным поддоном* называется профилированное дно, имитирующее настоящий кольцевой или монолитный поддон (рис. 37, 4). У подобных сосудов стенка составляет с плоскостью дна прямой или даже острый угол. *Сапожком* называют массивный кольцевой выступ по окружности дна, находящийся не ниже уровня его плоскости (рис. 37, 7) и образующийся, когда придонная часть сосуда не обрабатывалась. Днища с сапожком характерны для лепной керамики, хотя встречаются и среди круговой посуды как редчайшее исключение (рис. 43). Днища с настоящими поддонами для русской средневековой керамики не характерны (кроме поливной), они свойственны керамике Византии, Востока и Южной Европы. Монолитный поддон представлял собой сплошной цилиндрический выступ на дне сосуда, иногда с незначительным

Рис. 42. Дно горшка XII в. с песчаной подсыпкой и закраиной по контуру (городище Ростиславль)

Рис. 43. Круговой горшок-миска XII в. с дном типа 16 – сапожком (городище Ростиславль)

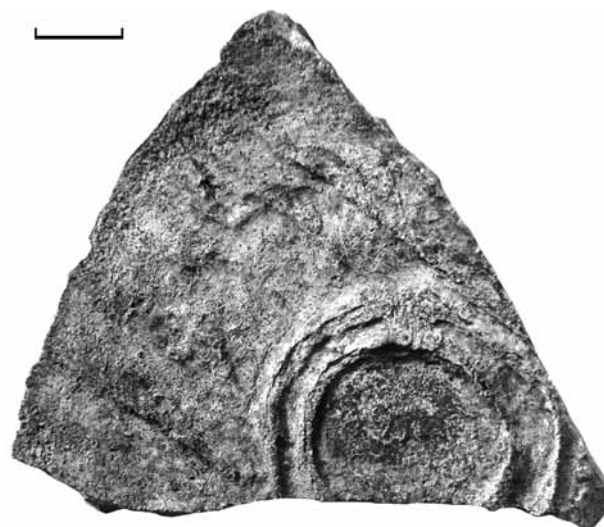

Рис. 44. Обломок дна горшка XII в. с клеймом, на песчаной подсыпке (городище Ростиславль)

Таблица 5. Типология днищ сосудов.

Особенности конструкции днища	Днища без подсыпки			Днища с подсыпкой					
	со следами среза	без следов среза (заглаженные)		песка		зола		дресвы	
		без закраины	с закраиной	без закраины	с закраиной	без закраины	с закраиной	без закраины	с закраиной
Простые	1	2	3	4	5	6	7	8	9
С ложным поддоном	10	11	–	12	–	13	–	14	–
С сапожком	–	15	–	16	–	17	–	18	–
С поддоном	Тип 19 – с кольцевым поддоном; Тип 20 – с монолитным поддоном								

углублением снизу (рис. 37, 5). Кольцевой поддон мог вырезаться из монолитного ножом или формироваться в виде кольца, налепленного на гладкое дно сосуда (рис. 37, 6).

Статистическая фиксация клейм на днищах сосудов (рис. 44) не всегда целесообразна (например, когда обломки днищ с клеймами отбираются в коллекцию индивидуальных находок), однако в некоторых случаях такая фиксация позволяет установить корреляцию рисунков клейм с типами днищ. Типология клейм представлена в специальной публикации (Коваль, 2002).

Типология декора

Декор керамики – один из наиболее емких источников информации, сохраняющейся на фрагментарном материале. В отношении декора круговой керамики средневековой Руси, отличающегося относительно небольшим разнообразием, целесообразно учитывать следующие четыре группы признаков (Коваль, 2000).

1. Элементы орнамента – динамические или статические следы на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт (Цетлин, 2008. С. 19). В керамике эпохи Средневековья элементы орнамента представляют собой простейшие графические схемы (линия, группа линий, ряд вдавлений различных форм и т. д.), различающиеся геометрическим построением и применявшимися инструментами (палочка, гребенка, штамп).

2. Технология нанесения орнамента:

- вдавление инструмента в глину;
- лощение;
- роспись ангобом или красками при помощи кисти или рожка (рис. 11; 12);
- налепы (рис. 45).

3. Способы размещения и нанесения элементов орнамента на теле сосуда:

- непрерывно-концентрический, когда орнамент наносится в виде горизонтальных спиральных поясов (реже – замкнутых кругов), а орнамент не отрывался от поверхности сосуда;
- локальный, когда орнаментирование производится в виде отдельных точечных операций (орудие постоянно отрывалось от поверхности сосуда). В результате получались отдельные декорированные зоны, отрезки, отпечатки штампов, размещавшиеся горизонтально, вертикально или наклонно, с разрывами между орнаментальными зонами.

4. Глубина и ширина линий (только для вдавленного орнамента), отражающие технологические особенности нанесения декора. Так, глубокие линии (более 1 мм) свидетельствуют об орнаментации сосуда при невысокой скорости вращения сосуда на круге, а слабо врезаемые линии говорят о высокой скорости вращения и хорошей центровке сосуда. Широкие линии (более 1 мм) наносились инструментом с тупым рабочим концом, им могла быть любая тонкая палочка («стиль») или обломок

Рис. 45. Обломок стенки корчаги XII в. с наклепными валиками (городище Ростиславль)

костяного/деревянного гребня. Тонкие линии (менее 1 мм) могли наноситься только специальными инструментами типа ножа, шила или частого гребня.

Сочетания перечисленных четырех групп признаков дают огромное количество теоретически возможных разновидностей декора (только в представленной типологической таблице их могло бы быть 551). Однако подавляющее большинство таких разновидностей на памятниках Восточной Европы в реальности неизвестны, поскольку в эпоху Средневековья применялся ограниченный набор типов декора.

В представленной таблице отражено 100 реально зафиксированных в археологическом материале типов декора (табл. 6). Но и среди них абсолютное большинство является чрезвычайно редкими, в то же время на одном сосуде или обломке сосуда можно встретить одновременно несколько разновидностей декора. Для регистрации таких сочетаний предлагается просто перечислять все замеченные на конкретном образце типы декора через дробь, например: 4/15 – сочетание линейного орнамента типа 4 с волнистым орнаментом типа 15 (рис. 3).

Предлагаемая типология декора включает те орнаментальные схемы, которые традиционно фиксировались на памятниках лесной полосы Восточной Европы: это линейный орнамент (горизонтальные параллельные линии – рис. 4), волнистый (волнообразные линии – рис. 3), штампованный (отпечатки зубчатого колесика, прокатывавшегося по поверхности сосуда – рис. 46). В то же время, некоторые разновидности декора, которые не встречаются на средневековой керамике, в предлагаемую систему не внесены, например, отпечатки ногтя (ногтевой орнамент) и разнообразные отпечатки фигурных штампов индивидуальных форм.

Особенности отдельных элементов орнамента описаны в Пояснении 2.

Типология других (помимо горшков) *функциональных форм сосудов* (кувшинов, корчаг, крышек от горшков, мисок, сковород, светильников и др.) не разрабатывалась в силу специфики керамического материала раннего и развитого Средневековья, где такие формы встречаются единично. Однако при работе с керамикой позднего Средневековья и Нового времени по данной системе такие разработки неизбежно

Рис. 46. Обломки белоглиняного горшка XII в. с штампованным орнаментом, нанесенным прокаткой зубчатого колесика (селище Мякинино I)

понадобятся. Адаптация статистических таблиц к этим задачам не может составлять трудности и по силам заинтересованным исследователям.

Кроме основной таблицы статистической фиксации керамики эпохи Средневековья в рамках расширенной системы подготовлена еще одна, дополнительная (см.: Форма 2). Она специально нацелена на исследование комплексов XVI–XVII вв., содержащих значительное количество белоглиняной керамики коломенского типа (Коваль, 2005). Такая керамика изготавливалась не только в Коломне и ее окрестностях, но также в регионах всего Поочья (от Тулы до Нижнего Новгорода), где распространение коломенской белоглиняной посуды вызвало появление местных подражаний. Керамика коломенского типа весьма разнообразна по деталям оформления венчиков горшков. Для учета этих тонких различий требуется определение не только типов, но и вариантов венчиков, а также фиксация местоположения орнамента на сосуде: на внешней стороне венчика; в зоне перехода от венчика к плечу; на стенках (плечиках); одновременно на венчике и стенках одного и того же горшка.

Все остальные признаки и принцип построения данной таблицы (Форма 2) не отличаются от «базовой» (Форма 1).

Таким образом, Форма 2 демонстрирует пример адаптации предложенного подхода к конкретному материалу, потребовавшему регистрации тех признаков, которые не предусмотрены общими положениями (см. выше).

Таблица 6. Типологическая таблица декора керамики в «расширенной» системе статистики керамики.

Элементы орна- мента	Вдавленный орнамент								Вытощенный орнамент			Расписной орнамент		Рельефный орнамент						
	Концентрический горизонтального размещения				Локальный				в том числе по видам размещения:			Роспись ангобом		Роспись краской		Налепы				
	глубоко врезанный		слабо врезанный широкой линией	горизонтального размещения	вертикального размещения		диагонального размещения					Концентрическая	Художественная	Концентрическая	Художественная	Валики			Шпечки	
	широкой линией	тонкой линией			широкой линией	тонкой линией	широкой линией	тонкой линией	горизонтальные	вертикальные	диагональные									
I		1	16	18		30	51	53	63				76		82		93			
II		2	17	19		31	52	54	64				77		83		94	95	96	
III		3		20		32		55												
IV		4				33		56			71	73								
V		5				34		57		65	72	74			84					
VI					22	35							78							
VII												75							97	
VIII		6		21		36									85					
IX		7				37				66					86					
X		8				38				67					87					
XI		9				39									88					
XII		10				40				68					89					
XIII		11				41				69					90					
XIV		12				42														
XV		13				43		101												
XVI		14				44														
XVII		15				45														
XVIII					23					70			79		91					
XIX					24	46														
XX					25	47							80						98	100
XXI					26	48														
XXII					27	49														
XXIII					28	50		58												
XXIV					29															
XXV								59												
XXVI								60												
XXVII								61												
XXVIII								62												
XXIX	Рисунок												81		92				99	

Раздел 2.

Статистическая фиксация керамики эпохи русского Средневековья. Сокращенная («московская») система

Необходимость разработки этой системы была продиктована двумя причинами.

Во-первых, прежние системы фиксации керамики средневековой Москвы, созданные во второй половине XX в. М. Г. Рабиновичем (1971) и Р. Л. Розенфельдом (1968), основывались на разработках 1930-х годов М. В. Воеводского (1936) и учитывали только один признак керамики – цвет ее поверхности. К настоящему времени они перестали доставлять новую информацию (Коваль, 1999).

Во-вторых, расширенная система статистической обработки керамики (см. Раздел 1) достаточно трудоемка, и обработка по ней значительных массивов материала требует подготовленных специалистов, которые не всегда есть в наличии. Поэтому понадобилась максимально упрощенная система фиксации керамики, доступная для понимания широкого круга сотрудников и в то же время позволяющая получить значительно больший объем информации. Кроме того, хотелось добиться максимально возможной совместимости новой системы статистической фиксации керамики с прежними, поскольку по ним обработан огромный массив материала, полученный при раскопках вплоть до начала XXI в.

Накопленный опыт позволил отнести к числу признаков, требующих обязательной регистрации:

- наличие/отсутствие глазурного покрытия;
- наличие в составе примесей в формовочной массе дресвы или песка;
- цвет поверхности и излома черепка;
- наиболее распространенные типа днищ, венчиков и орнамента.

Эти признаки позволяют выделить довольно большое число разновидностей, из числа которых, в свою очередь, выделены наиболее часто встречающиеся в Москве и Подмосковье, и для их фиксации разработана специальная таблица (Форма 3). Разумеется, в этом случае редкие разновидности керамики приходится учитывать индивидуально, без включения их в статистическую таблицу. Основные положения данной системы опубликованы (Коваль, 1999; 2004а; 2008; 2009б).

Алгоритм работы по сокращенной системе

Сокращенный алгоритм включает следующие операции.

Операция 1 – разделение массива керамики на поливную (глазурованную) и неполивную.

Поливная керамика позднего Средневековья и Нового времени чрезвычайно разнообразна, и потому для ее первичной статистической фиксации необходима специальная таблица¹. Поэтому для данной системы предлагается выделять четыре категории такой керамики:

а) фарфор – керамика высокой твердости из белой каолиновой глины, покрытая *прозрачной* глазурью, с разнообразным декором (подглазурным, надглазурным, резным и т. д.). Отличается тонким, просвечивающимся черепком, не впитывающим воду;

б) майолика – керамика из глин различных оттенков цвета, покрытая *непрозрачной* поливой. Такую керамику из светлых по окраске масс часто называют фаянсом – именно такой термин пришел в Россию из Европы в XVIII в.;

в) красноглиняная полумайолика – керамика из цветной (красный, коричневый или розовый) глины, покрытая прозрачной глазурью (бесцветной или окрашенной). Выделенные типы – с зеленой поливой (с XI в.) и желтой поливой (с XVIII в.) – имели наиболее широкое распространение;

г) белоглиняная полумайолика – керамика из белой глины, покрытая прозрачной глазурью (бесцветной или окрашенной). Среди первой особо выделяется тип с мраморовидной росписью, являющийся хроноиндикатором первой половины XVIII в.

Импортная керамика и поливная посуда домонгольской эпохи в систему статистической фиксации не включены, поскольку встречаются чрезвычайно редко и учитываются в составе индивидуальных находок.

---

¹ Таблица разработана и экспериментально проверяется сейчас Е. В. Майоровой (2012).

Операция 2 – разделение неполивной керамики на три *группы* по различиям в составе формовочных масс.

А. Керамика из формовочных масс с примесью *дресвы* – остроугольных включений толченых обломков твердых (как правило, кристаллических) горных пород². При этом все иные примеси в расчет не принимаются и не определяются, т. к. дресва признается доминирующей примесью в тесте.

Б. Керамика из формовочных масс с примесью *песка* (независимо от его размерности) без каких-либо иных (кроме случайных) примесей. Под песком понимаются любые окатанные включения горных пород.

В. Керамика без *видимых* примесей (кроме случайных).

Различия в концентрации и размерах зерен примесей не учитываются, поскольку установить эти признаки по визуальным характеристикам затруднительно. Единственным исключением является подразделение керамики из формовочной массы с примесью дресвы на три *типа*, различающиеся размером и концентрацией дресвы:

- керамика из формовочной массы с примесью крупной (более 1 мм) дресвы;
- керамика из формовочной массы с примесью мелкой (менее 1 мм) дресвы с высокой концентрацией этой примеси;
- керамика из формовочной массы с примесью мелкой дресвы в низкой концентрации, т. е. не более 1 зерна на 1 кв. см площади поверхности или излома черепка.

Эти различия объясняются хронологическими причинами: крупная дресва применялась в основном в ранние эпохи (X–XII вв.), мелкая в высокой концентрации – в XII–XIV вв., а мелкая дресва в низкой концентрации – почти исключительно в керамике XV в.

Операция 3 – деление керамики на два *отдела*³ (окислительного и восстановительного обжига) и *серии*, определяемые по *цвету поверхности и излома* черепка. Для керамики *окислительного обжига* определяются:

- обломки с красным цветом поверхности (или излома, если поверхность сосуда закопчена или покрыта нагаром);
- с белым цветом поверхности (или излома).

Керамика *восстановительного обжига* диагностируется по серому или черному цвету поверхности при том, что на изломе черепок может быть серым, черным или коричневым.

Нередки случаи, когда черепок имеет черный цвет и поверхности, и излома, причиной чему может быть не восстановительный обжиг, а пережог в пожаре, бытовое морение (загрязнение поверхности продуктами обугливания готовившейся в сосудах пищи, которые зачастую проникали внутрь черепка из-за его пористости), использование овра и т. п. В тех случаях, когда наличие восстановительного обжига не может быть диагностировано уверенно, керамику следует фиксировать именно как черную, т. е. керамику с достоверно неопределимыми технологией изготовления и первоначальным цветом поверхности.

Отделы и серии керамики подразделяются по признакам *дополнительной обработки поверхности* на *типы*: керамика без дополнительной обработки, ангобированная, расписная и лощеная:

а) ангобированная керамика определяется по белой поверхности при красном изломе черепка (рис. 10), ее разновидностью является керамика с росписью белым ангобом по красной поверхности (другие ангобы в производстве посудной керамики в Москве не использовались);

б) расписная керамика диагностируется по красной росписи на белой поверхности. Такая роспись выполнялась на белоглиняной керамике или по белоангобированной поверхности керамики любого цвета основы (рис. 11);

в) лощеная керамика фиксируется по следам лощения поверхности трех разновидностей:

- сплошного зеркального (рис. 7);
- полосчатого (рис. 8; 9, 6);
- небрежного (рис. 9, 1–5, 7, 8) или орнаментального.

² Более подробно описания разновидностей примесей в формовочной массе даны в разделе 1.

³ Выделение уровня групп (по уровню РФК) и подгрупп в этой системе не проводится, поскольку она предназначена в основном для фиксации керамики, которая в расширенной системе относится к группе 2 (т. е. соответствует этапам РФК 3–5).

В результате деления керамического материала по предложенному алгоритму получены 32 **условных типа керамики (УТК)**⁴ (см.: Форма 3), в целом совпадающие с известными типами московской археологической керамики. Так, белая грубая керамика старой группировки соответствует УТК-13, красная гладкая – УТК-11, краснолощенная – УТК-12, серая – УТК-1, курганная – УТК-2 и 3. Правда, в прежней московской шкале типы керамики определялись не технологическими характеристиками, а профилировкой венчиков и цветом поверхности, поэтому полная сопоставимость с ней все же не может быть достигнута.

Внутри каждого из условных типов (УТК) необходимо учитывать *днища, венчики и орнаментированные обломки* по соответствующим упрощенным типологиям, приводимым ниже.

Днища группируются по признакам подсыпки под дно (см. Раздел 1, где эти признаки описаны подробно):

- 1) со следами среза дна с круга (при помощи ножа, нитки, проволоки) (рис. 6);
- 2) без подсыпки под дно и следов среза с круга, т. е. с заглаженным дном (рис. 41),
- 3) с песчаной подсыпкой (рис. 38; 42);
- 4) с зольной подсыпкой (рис. 40);
- 5) с подсыпкой дресвы (рис. 39).

Группировка **венчиков горшков** проведена с учетом их конструктивных схем и способа формовки края, однако из всего многообразия классов и типов венчиков были избраны только 13 наиболее часто встречающихся в Москве и Подмоскowie конструкций (рис. 47), каждая из которых названа *условным типом венчиков (УТВ)*, причем любой из этих условных типов соответствовал одному или нескольким типам венчиков в рамках расширенной системы. Критерием для отбора и выделения УТВ являлась их роль в качестве *хроноиндикаторов*. Описание особенностей УТВ, их хронологии и соответствия типам венчиков расширенной системы (равно как старой московской шкалы и других известных систем) приведено в Пояснении 3.

Орнаментация сосудов фиксируется в рамках данной системы по укрупненным разновидностям: линейная, волнистая, в виде отпечатков различных штампов (нанесенных зубчатым колесиком, «вилочного» и т. д.), нарезов и ямок, независимо от их композиции. Внутри линейного и волнистого орнаментов выделяются варианты с разреженным расположением линий (нанесенных палочкой с интервалом от 3 до 30 мм)⁵ и плотным размещением линий, нанесенных гребенкой⁶.

Сокращенная система позволяет сохранить лишь самую общую информацию, которую можно извлечь из керамики. Она настолько проста, что овладеть ею может даже неспециалист. Благодаря этому можно быстро обрабатывать большие массивы керамики. Эффективность этой системы привела к появлению дочерних систем, примененных другими исследователями для фиксации керамики г. Владимира (Е. В. Майорова), г. Дмитрова (К. И. Панченко), подмосковных селищ (А. Е. Кравцов).

⁴ Типы керамики названы условными, поскольку их нумерация соответствует номерам колонок в статистической таблице. Поскольку в эту таблицу могут вноситься различные изменения, количество и нумерация типов меняется в зависимости от исследуемого памятника. Это еще одно основания для того, чтобы считать выделенные типы условными.

⁵ Соответствует типам 1, 2 линейного орнамента и 6–10 волнистого орнамента в расширенной системе.

⁶ Соответствует типам 3, 4 линейного орнамента и 12–15 волнистого орнамента в расширенной системе.

№ типа	Схема конструкции венчика	Варианты профилировки
1		
2		
3		
4		
5		
6		
7		
8		
9		
10		
11		
12		
13		

Рис. 47. Типологическая таблица венчиков горшков в сокращенной системе статистики керамики

Раздел 3

Статистическая фиксация лепной керамики раннего железного века лесной полосы Восточной Европы

Лепная керамика раннего железного века (дославянской эпохи) и более ранних периодов на памятниках лесной полосы Восточной Европы, как правило, не подвергается статистической обработке либо характеризуется обобщенно, как серии изделий, относящихся к различным археологическим культурам. Наиболее полную характеристику керамике дьяковской культуры раннего железного века для ряда памятников Подмосквья дала И. Г. Розенфельдт (1974), разделившая ее на гладкостенную, сетчатую, штрихованную и лощеную. Для каждой из этих групп указаны наиболее характерные формы целых сосудов и композиции орнамента. Именно эта классификация была принята в качестве базовой, с учетом разработок Б. А. Фоломеева (1998), И. Л. Черная (1993; 2002), Н. А. Кренке (2011) и О. А. Лопатиной (2005; *Кренке, Лопатина*, 2008), А. С. Сыроватко (2000; 2009) и других исследователей.

Предлагаемая система статистической фиксации лепной керамики построена на следующих принципах:

- достижение максимальной сопоставимости с существующими группировками лепной керамики раннего железного века лесной полосы Восточной Европы, прежде всего с типологией И. Г. Розенфельдт;
- использование той же последовательности фиксации признаков технологии, морфологии и декора, что и при работе с круговой посудой.

Статистические материалы, полученные в результате применения данной методики, уже использовались коллегами (*Сыроватко*, 2009. Табл. 5–9).

Алгоритм работы с массивами лепной керамики.

Операция 1. Разделение массива лепной керамики на *группы* по признаку дополнительной обработки поверхности сосудов до обжига.

Группа 1. Штрихованная керамика – условное наименование для посуды со следами бороздчатого заглаживания поверхности (рис. 48).

Группа 2. Рогожная керамика – устоявшееся название керамики Среднего Поочья (прежде всего распространенной в городецкой культуре), с «вафельной» поверхностью, достигавшейся оттисками соответствующих твердых штампов (рис. 49).

Группа 3. Сетчатая керамика – также ставшее общепринятым наименование керамики Волго-Окского междуречья и смежных регионов с текстильными и псевдотекстильными отпечатками на поверхности, которая подразделяется на четыре подгруппы:

а) мелкорябчатая – с небольшими и неглубокими регулярными вдавлениями овальной и сегментовидной (часто – щелевидной или дуговидной) формы (рис. 50);

б) «крупнорябчатая» – с крупными глубокими регулярными вдавлениями различных форм, наиболее отвечающие образу «сетчатости» (рис. 51);

в) нитчатая – с отпечатками нитей, состоящих из перекрученных волокон; толщина отпечатков каждой из нитей составляет 1–2 мм. Сами нити, как правило, размещались почти параллельно и вплотную друг к другу, хотя встречаются и иные варианты (разреженное, хаотичное размещение) (рис. 52; 53);

г) веревочная (или стежковая) – с отпечатками веревок (перекрученных из нескольких нитей) толщиной не менее 3 мм отпечатки имеют вид отрезков (стежков) длиной 1–3 см, расположенных параллельными рядами (рис. 54).

Группа 4. Гладкостенная – условное название керамики без дополнительной обработки неровной, бугристой поверхности со следами хаотичного заглаживания (рис. 1; 55).

Группа 5. Лощеная, поверхность которой покрыта сплошным тщательным (блестящим) лощением (рис. 56).

Группа 6. Подлощенная (с разреженными линиями лощения) и затертая (с тщательно затертой поверхностью, но без характерного для лощения блеска) – разновидности обработки поверхности, демонстрирующие вырождение традиции лощения (рис. 57).

Надо специально подчеркнуть, что дополнительная обработка поверхности не являлась орнаментом, но могла нести определенную декоративную нагрузку.

Рис. 48. Штрихованная керамика Поочья (городище Ростиславль)

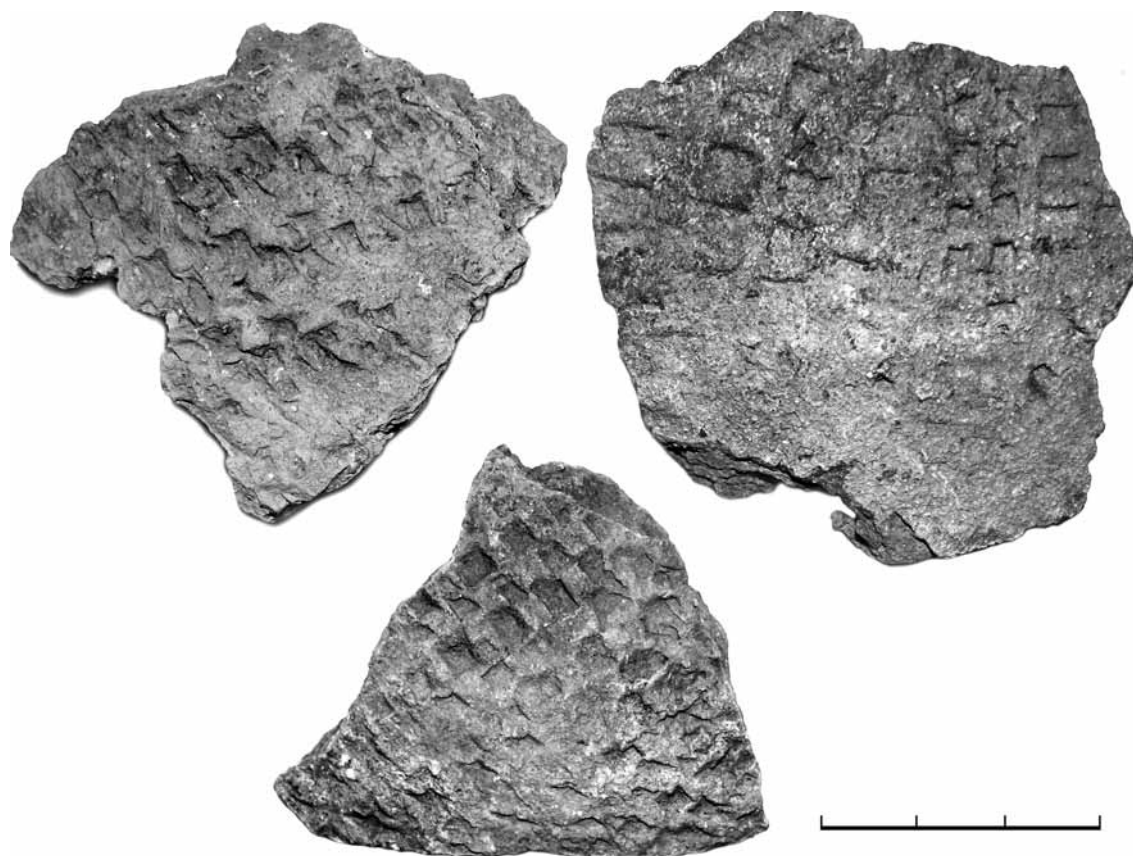

Рис. 49. Рогожная керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль)

Рис. 50. Сетчатая мелкоячеистая керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль)

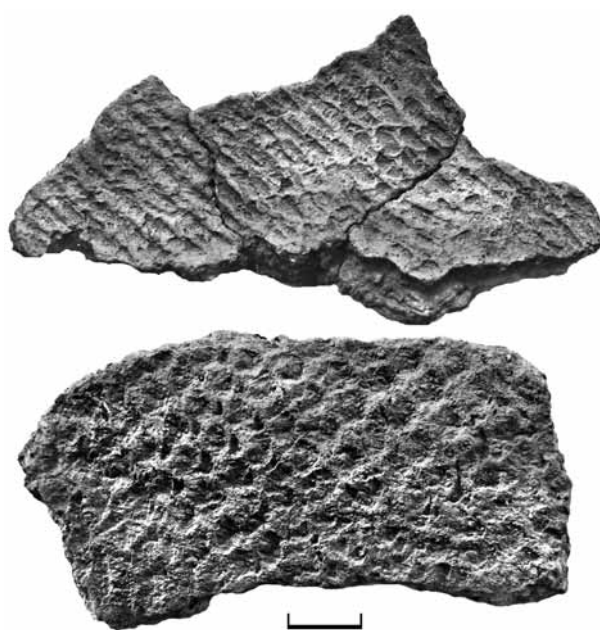

Рис. 51. Сетчатая крупноячеистая керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль, селище Сосновка IV, Озерский р-н Московской обл.)

Рис. 52. Сетчатая нитчатая керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль)

Рис. 53. Сетчатая нитчатая керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль)

Поскольку лепная керамика обжигалась в примитивных обжиговых устройствах (в том числе в кострах), ее разделение по признакам режимов или качества обжига, применяемым для круговой посуды, нецелесообразно: все отмечаемые различия носят случайный характер. В то же время вполне допустима фиксация различий в цвете черепка, указывающих на состав использованных глин.

Операция 2. Разделение групп и подгрупп керамики на типы по составу формовочных масс, определяемых по набору естественных и искусственных примесей. Используется та же типология формовочных

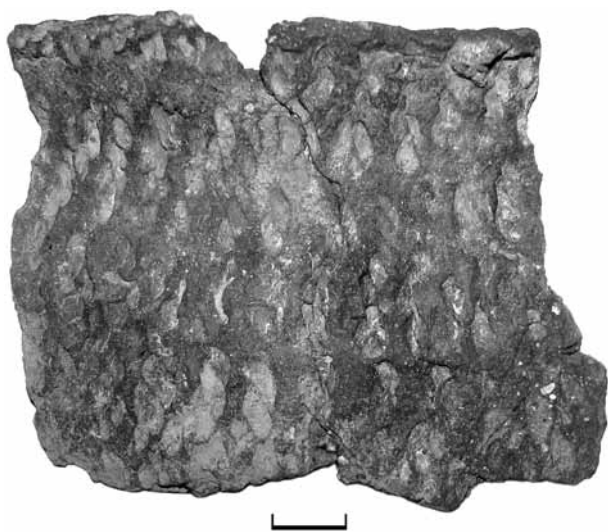

Рис. 54. Сетчатая веревочная (стежковая) керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль)

Рис. 55. Гладкостенный лепной горшок раннего железного века Среднего Поочья (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

Рис. 56. Верхняя часть обгоревшего в пожаре чернлощеного горшка позднелазковской эпохи (городище Ростиславль)

Рис. 57. Обломок подлещеного горшка позднелазковской эпохи (городище Ростиславль)

масс, что и для круговой посуды (см. Раздел 1), но с необходимыми уточнениями, диктуемыми конкретным материалом (например, можно учитывать размерность шамота, наличие специфических минеральных или органических примесей).

Операция 3. В составе каждого из выделенных типов керамики ведется раздельный учет венчиков, днищ и орнаментированных обломков сосудов. Типология днищ и венчиков идентична представленной в Разделе 1, с некоторыми уточнениями. В частности, для днищ выделяется разновидность с подсыпкой

Рис. 58. Дно лепного гладкостенного горшка раннего железного века без следов подсыпки (городище Ростиславль). (См. цв. вкл.)

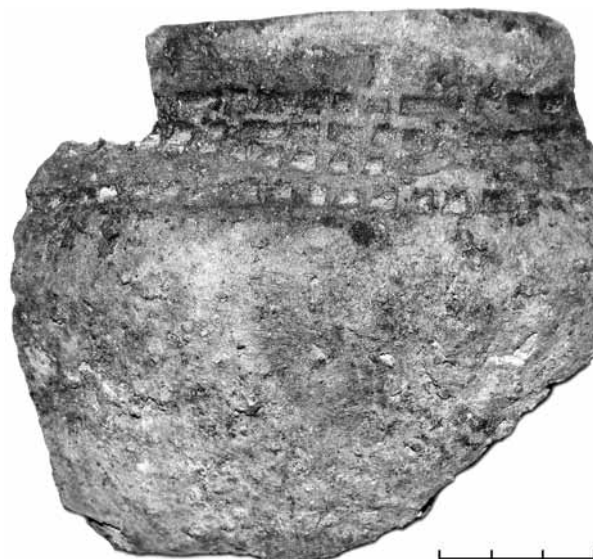

Рис. 59. Обломок гладкостенного горшка раннего железного века, украшенного отпечатками гребенчатого штампа (городище Ростиславль)

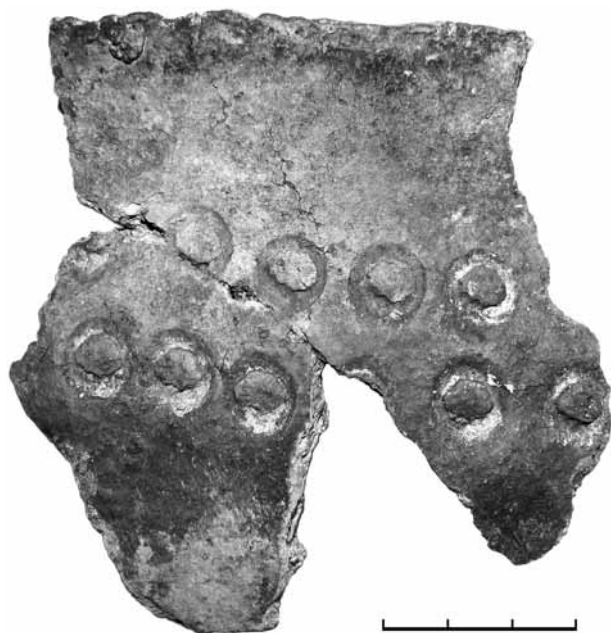

Рис. 60. Венчик гладкостенного горшка раннего железного века, украшенного отпечатками кольцевого штампа (городище Ростиславль)

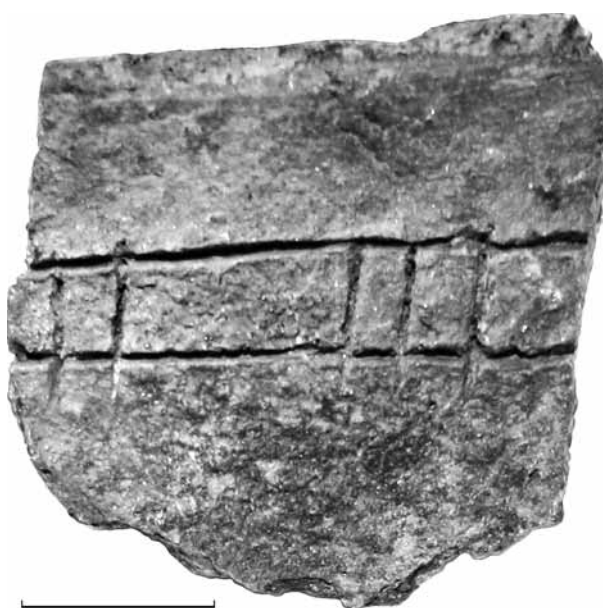
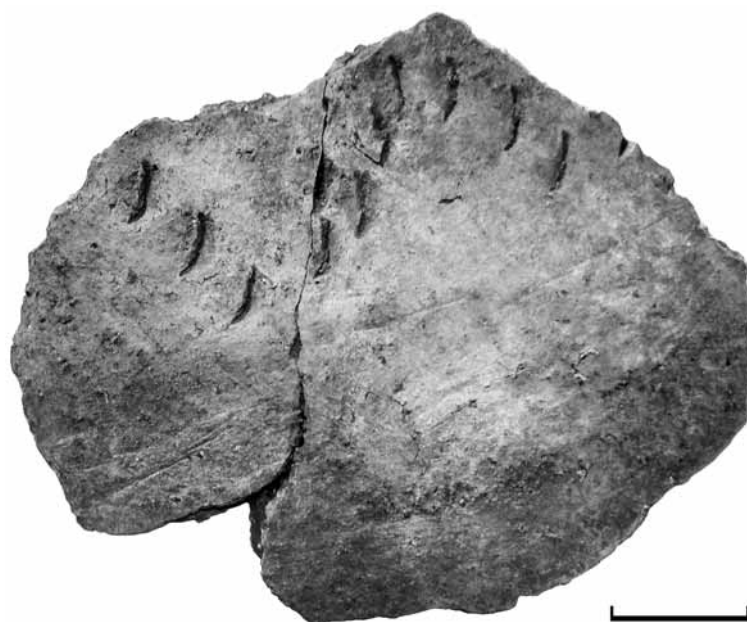

Рис. 61. Венчик гладкостенного горшка раннего железного века, украшенного нарезным орнаментом (городище Ростиславль)

шамота. Подавляющее число дниц лепной керамики раннего железного века не имели подсыпки под дно (рис. 58), поскольку формовались не на круге, а на подставке. Однако изредка встречаются днища с явными следами подсыпок (песка, дресвы, золы или шамота).

Наряду с профилированными венчиками среди лепной керамики следует фиксировать также прямые края горшков (рис. 55), которые часто встречаются у сосудов раннего железного века лесной зоны Восточной Европы.

Для фиксации орнаментированных обломков предлагается использовать разновидности декора, выделенные И. Г. Розенфельдт (1974). В качестве *условных типов орнамента* (УТО) можно брать мотивы,

Рис. 62. Стенка гладкостенного горшка раннего железного века, украшенного ногтевыми отпечатками (городище Ростиславль)

помещенные в таблицах данной публикации (например, тип 27/12 – мотив № 12 на таблице 27 и т. д.). При этом отдельно учитывается декор, помещенный на стенки и венчики (края) сосудов, а сами мотивы группируются по способам нанесения декора:

- гребенчатым штампом (рис. 59);
- вдавлениями палочки (ямки) и фигурных штампов (рис. 60);
- нарезной декор (рис. 61), в том числе на венчиках горшков (рис. 55),
- ногтевые и пальцевые вдавления (рис. 62).

Для фиксации всех перечисленных признаков разработана соответствующая таблица, заполняемая на каждый керамический комплекс в отдельности (Форма 4).

О классификации венчиков горшков, разработанной для расширенной системы

Алгоритм работы с массивом венчиков предполагает следующую логическую последовательность основных операций:

- разделение венчиков на классы, исходя из их конструкции и способа формовки края (при этом не следует стараться сразу же проводить дробление вплоть до варианта);
- разделение венчиков одного класса на типы и подсчет образцов (параллельно желательно проводить измерения диаметров венчиков);
- разделение венчиков одного типа на варианты (в случае массовости находок однотипных венчиков).

В таблице классификации венчиков (рис. 34–36) в качестве варианта А для каждого типа рассматривается тот контур, который показан в графе тип.

Класс 1 – вертикальные венчики без следов черного края.

Тип 1/1 – с заостренным чистовым краем.

Тип 1/2 – с округлым чистовым краем. Вариант Б – слегка отогнутые (угол отклонения не более 15 градусов). Вариант В – с валиком по внешней стороне устья.

Класс 2 – вертикальные венчики со срезанным краем.

Тип 2/1 – со срезом, выполненным с внутренней стороны края венчика. Варианты различаются размещением микроваликов (излишков глины, оставшихся необрушенными после выполнения среза) – на внутреннем краю среза (Б), внешнем краю (В), обоих краях (Г) или ложбинкой от фигурного среза (Д). Микровалики часто указывают на направление бокового скольжения инструмента при ротационном срезе – внутрь сосуда или наружу.

Тип 2/2 – со срезом, выполненным с внешней стороны края венчика. Варианты различаются размещением микроваликов на внутреннем краю среза (Б), внешнем краю (В), обоих краях (Г) или ложбинкой от фигурного среза (Д).

Тип 2/3 – со срезом, выполненным перпендикулярно пластине венчика. Варианты различаются размещением микроваликов на внутреннем краю среза (Б), внешнем краю (В), на обоих краях (Г) или ложбинкой от фигурного среза (Д).

Класс 3 – вертикальные венчики с заворотом черного края внутрь.

Тип 3/1 – венчики с вертикальной шейкой и устьем в виде крупного валика с внешней стороны чистового края, сформованного очень сложной операцией: черновой край сначала отгибался в наружную сторону, а затем заворачивался внутрь таким образом, что образовывалась полукруглая «складка» (внутри нее часто остается пустота). Варианты различаются формой валиков и сложностью складки черного края. Этот тип венчиков был особенно широко распространен в южнорусских землях и на Рязанщине в XIII–XIV вв. (*Пряхин и др.*, 1987. Рис. 10, 1, 2, 4, 5, 6, 8; 5, 2–4, 7–10; *Гончар*, 1993. Рис. 10, 5, 6, 8; 11, 5, 6; *Полубояринова*, 1992. Рис. 4; *Стрикалов*, 2003. С. 378. Рис. 5).

Тип 3/2 – венчики с округлым валиком, который образован заворотом черного края внутрь.

Тип 3/3 – венчики с приостренным или утоньшенным чистовым краем и плотно прижатым к внутренней стороне устья черновым краем, большая часть которого срезана и размазана пальцами гончара. Данный тип венчика получил распространение на Руси в XV–XVI вв., он являлся доминирующим в керамике Коломны и получил широкое распространение в Среднем Поочье этого времени (*Коваль*, 2001; 2005). Варианты отличаются округлой выемкой на внутренней стороне края (Б), глубокой канавкой на внешней стороне края (В), такой же канавкой на внутренней стороне края (Г), «единицеобразным» (или «подтреугольным») профилем края (Д), двумя профилирующими ложбинками, утоньшающими чистовой край (Е), глубоким срезом внешней части чистового края (Ж).

Тип 3/4 – близкие по профилировке венчики, отличавшиеся округлым чистовым краем и более массивными валиками черного края на внутренней поверхности. Венчики подобной профилировки были известны в разных регионах Руси. В Поочье, например, они были широко распространены в XVII–XIX вв. (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 15, 6, 8, 16; *Коваль*, 2001).

Варианты типа 3/4 отличались: округлым валиком чернового края (Б); небольшими размерами внутреннего валика и наплывом с внешней стороны чистового края (В); «единицеобразной» («подтреугольной») профилировкой края (Г); огранкой валика и чистового края (Д); смещенным книзу валиком чернового края и небольшим выступом с внешней стороны чистового края (Е); массивностью валика чернового края, высота которого составляла не менее 1/3 высоты всего венчика (Ж).

Среди этих вариантов последний является повсеместно самым поздним (XVIII–XIX вв.), а вариант Г соответствует формам венчиков московских красноглиняных горшков XVI в. (Бойцов, 1991. Рис. 1).

Класс 4 – вертикальные венчики с черновым краем, завернутым наружу.

Тип 4/1 – венчики с плотно прижатым к внешней стороны черновым краем, которому придавалась форма небольшого широкого валика. Варианты отличаются наличием ложбинки по валику (Б), заостренным чистовым краем (В), уплощенным чистовым краем (Г). Венчики типа 4/1 появились в южнорусских землях и на Рязанщине в XIV в. (Стрикалов, 2003. С. 376. Рис. 4). В XVI в. это едва ли не единственная форма венчиков горшков гжельского региона (Розенфельдт, 1968. Табл. 15, 5, 7; Коваль, 2001; Полюях, 2012. Рис. 6).

Тип 4/2 – венчики, черновой край которых отогнут наружу в виде козырька под прямым или острым углом к оси венчика. Варианты отличаются двойным заворотом чернового края (Б) и огранкой чистового края (В).

Тип 4/3 – венчики с массивными наружными валиками-«манжетами», как правило, с глубокой горизонтальной ложбинкой, как бы разделяющей их на двух параллельных горизонтальных валика. Вариант Б отличается горизонтально уплощенным чистовым краем, а вариант В – заостренным краем. Подобная форма характерна для венчиков гжельских корчаг XVII–XVIII вв. (Розенфельдт, 1968. Табл. 15, 15) и керамики Среднего Поочья XIX в. В более ранние эпохи подобные формы на Руси неизвестны.

Класс 5 – вертикальные венчики с секировидным профилем.

Класс 6 – вертикальные венчики с небольшим отогнутым наружу устьем, без деформаций края. Подобные венчики имели относительно большую высоту (до четверти высоты горшка, поскольку часто ими снабжались приземистые горшки-миски) и были распространены в домонгольскую эпоху (XI – первая половина XIII в.), часто их называют *цилиндрическими* (в дальнейшем изложении будем придерживаться этого определения). Кроме строго вертикальных профилировок нередки формы со слегка изогнутыми или слегка наклоненными внутрь горшка шейками (но в пределах значений, установленных для выделения вертикальных венчиков).

Тип 6/1 – с устьем, отогнутым примерно по 45 градусов к шейке венчика. Вариант Б отличается несколько приостренным краем.

Тип 6/2 – с устьем, отогнутым под прямым углом к шейке венчика.

Тип 6/3 – с таким же отгибом, но несколько утолщенным краем.

Класс 7 – цилиндрические венчики (аналогичные по абрису классу 6), край которых срезан инструментом. Пока выделяется один тип с несколько расширенным (в результате давления инструмента) краем. Вариант Б – с микроваликом на внешней стороне края венчика.

Класс 8 – цилиндрические венчики, сформованные заворотом чернового края внутрь сосуда.

Тип 8/1 – единственная разновидность цилиндрических венчиков, бытовавшая после Батыева нашествия (вторая половина XIII в.). Отличаются округлым валиком, сформованным на внешней стороне вертикальной шейки таким образом, что ее верхний край формировал небольшую площадку перед валиком. От морфологически и хронологически близких венчиков типа 3/1 данный тип отличается большей высотой и уступом-площадкой перед внешним валиком. Были распространены в Среднем Поочье. Варианты отличаются незамкнутым (С-видным) заворотом чернового края (Б), ограненным краем (В), козырьковым краем (Г).

Тип 8/2 – наиболее распространенная на всей территории Руси форма цилиндрических венчиков домонгольской эпохи. Отличаются устьем, отогнутым под углом до 45 градусов к шейке, заглаженной складкой и реберчатым валиком на черновом крае. Варианты различаются приостренным чистовым краем (А), округлым краем (Б), подпрямоугольной огранкой (В), глубокой ложбинкой по внутренней стороне устья (Г). Такие венчики были распространены в XI – начале XIII в. в Подмоскovie (Равдина, 1991. Табл. 7, 1, 2), Новгороде (Олейников,

Смирнова, 1992. Рис. 6–9), в Тверском Поволжье (Арсланова, Ковалец, 1991. Табл. 7, III–V), Торжке (Малыгин, 1991. Тип II), Ростове Великом (Леонтьев, Самойлович, 1991. Табл. 3, 5. Рис. 2, 9, 14; 3, 2, 5, 7) и других местах.

Тип 8/3 – цилиндрические венчики с округлым абрисом устья.

Тип 8/4 – цилиндрические венчики с «единицеобразной» («подтреугольной») профилировкой устья. Вариант Б отличается изогнутой шейкой.

Тип 8/5 – цилиндрические венчики, устье которых отогнуто под прямым углом к шейке. Вариант Б отличается профилировкой устья, близкой форме типа 3/1.

Класс 9 – цилиндрические венчики с черновым краем, завернутым наружу.

Класс 10 – цилиндрические венчики с секировидной профилировкой края (на практике не встречаются).

Класс 11 – отогнутые вовне прямые венчики, с четким переломом профиля, края которых не подвергались деформациям, а просто заглаживались.

Тип 11/1 – венчики с закругленным чистовым краем. Были чрезвычайно широко распространены в эпоху Средневековья. Вариант Б имел утолщение к краю. Внимания требует именно край венчика, поскольку многие экземпляры типа 13/1 (см. ниже) имели сильно уплощенные, сглаженные валики черногового края.

Тип 11/2 – венчики с заостренным краем (вариант Б отличался минимальной высотой).

Тип 11/3 – венчики со слегка изогнутой линией профиля, придающего венчику вид раздутой воронки. Такая профилировка характерна для венчиков горшков Северо-Западной Руси XII–XIV вв. (Кильдюшевский, 2002. Рис. 3, 4, 8–15).

Класс 12 – отогнутые наружу венчики, край которых срезан инструментом.

Тип 12/1 – венчики со срезом, перпендикулярным устью. Варианты отличаются наличием микроваликов на внутреннем краю среза (Б), внешнем краю (В) (рис. 3), на обоих краях (Г) или ложбинкой от фигурного выреза (Д). Детали соответствуют разъяснениям к типу 2/1.

Тип 12/2 – венчики со срезом края по горизонтальной плоскости.

Тип 12/3 – воронкообразные венчики Северо-Западной Руси (см. тип 11/3).

Класс 13 – отогнутые наружу прямые венчики, черновой край которых завернут внутрь. Один из распространенных классов венчиков, имевших широкие рамки бытования – с XI по XV в.

Тип 13/1 – венчики, черновой край которых плотно прижимался к внутренней стороне устья и оформлялся в виде небольшого валика. Варианты отличаются небольшим козырьковым выступом в наружную сторону (Б), почти полностью заглаженным валиком (В), очень маленьким, но четко выделенным валиком с ложбинкой от складки (Г), сильным отгибом венчика наружу, почти под 45 градусов (Д).

Тип 13/2 – очень низкие (короткие) венчики с массивными валиками. Варианты отличаются различными видами огранки валиков (Б), глубокими ложбинками по краю или внешней стороне (В), оформлением края в виде валика почти круглого сечения, часто с полым каналом внутри (Г). Такая форма венчиков характерна для Среднего Поочья конца XII – первой половины XIII в.

Тип 13/3 – венчики с «единицеобразной» («подтреугольной») профилировкой края. Варианты отличаются выступающим (не прижатым к устью) черновым краем (Б), или, наоборот, плотно прижатым к устью, слабовыраженным валиком такого края (В). Подобная профилировка была особенно распространена на красноглиняной посуде Москвы и Подмосковья XV в. (Бойцов, 1991. Рис. 1), хотя встречается она гораздо шире как по географии, так и по хронологии.

Тип 13/4 – отогнутые вовне горшка венчики, черновой край которых оформлен округлыми валиками той же конструкции, что и у типа 3/1 (см. выше). Вариант Б соответствует вариантам Г и Д типа 3/1. Составляет конструктивную разновидность указанных венчиков, распространенную в Среднем Поочье в XIV в.

Тип 13/5 – венчики с округлыми в сечении чистовыми краями, полученными заворотом черногового края в трубочку. Такие венчики были распространены повсеместно на Руси в домонгольскую эпоху, хотя нигде не были массовыми.

Тип 13/6 – венчики с огранным краем и ребром на краю черного края (иногда такое ребро называют шпорой или шпорцей). Профилировка их в целом родственна оформлению цилиндрических венчиков, однако от них данный тип отличается небольшой высотой и отсутствием двучленной конструктивной схемы (шейка + устье). Распространены такие венчики были в основном в домонгольскую эпоху.

Тип 13/7 – венчики со сложнопрофилированным устьем (с имитацией кольцевого валика), известные в древностях домонгольской эпохи.

Класс 14 – отогнутые наружу венчики, с черновым краем, также загнутым наружу. Известны два типа – с округлым (1) и заостренным (2) чистовым краем.

Класс 15 – венчики с секировидным краем, образованным смещением глиняной массы как внутрь сосуда, так и наружу.

Класс 16 – включает венчики конструктивной схемы IV с вертикальной шейкой и резким переломом профиля при переходе в отогнутое наружу устье. Включает два типа, различающиеся оформлением края – закругленным (1) и заостренным (2).

Класс 17 – венчики той же конструктивной схемы, но со срезанным краем.

Класс 18 – венчики той же конструктивной схемы, черновой край которых завернут внутрь.

Тип 18/1 – венчики с уплощенными валиками черного края. Варианты отличаются сильно заглаженными валиками (Б) и дополнительным срезом-огранкой чистового края (В). Венчики такой профилировки были распространены в XIII–XIV вв. на широких пространствах Руси.

Тип 18/2 – венчики с округлыми валиками черного края, распространенные в XII–XIII вв. Варианты отличались компактной профилировкой прижатого к устью валика (Б), небольшими размерами валика (В), незамкнутым С-видным валиком (Г), наличием у валика наплыва снаружи, явно имитировавшего манжетовидные венчики типа 25 (см. ниже). В процессе формовки валиков на краю венчика образовывался уступ, который часто называют уступом под крышку. Такая терминология неприемлема, поскольку древнерусские керамические крышки для горшков не требовали уступа на венчике (у них для фиксации на горшке были собственные приспособления).

Тип 18/3 – венчики с «единицеобразной» («подтреугольной») профилировкой края. Варианты отличались сглаженным выступом черного края (Б) и ложбинкой по внутренней стороне устья (В). В керамике Москвы этот тип соответствует второму варианту «серой» керамики по С. З. Чернову (1991а. С. 24. Табл. 25, 70, 84 и др.).

Тип 18/4 – венчики с огранным краем и выделенным ребром на конце черного края (иногда столь крупным, что его называют шпорой). Это оформление напоминает профилировку края цилиндрических венчиков, родство с которыми вполне вероятно.

Класс 19 – венчики конструктивной схемы IV с черновым краем, завернутым наружу.

Класс 20 – венчики той же конструктивной схемы с секировидным оформлением края (пока не встречены).

Класс 21 – плавно изогнутые в наружную сторону венчики конструктивной схемы V, без деформаций края.

Тип 21/1 – венчики с двойным изгибом профиля (воронкообразные).

Тип 21/2 – венчики с закругленным краем. Варианты отличаются несколько расширенным («припухлым») краем (Б), очень малой высотой, до 1 см (В), ложбинкой по краю (Г), резким переломом профиля в основании венчика (Д). Этот тип соответствует варианту 4 «серой» керамики Москвы по С. З. Чернову (1991а. С. 24. Табл. 33).

Тип 21/3 – с валиком по внешней стороне устья (ниже края).

Тип 21/4 – с заостренным краем.

Класс 22 – венчики схемы V со срезанным краем.

Тип 22/1 – со срезом, перпендикулярным устьем. Варианты отличаются микроваликом на внутреннем краю среза (Б), на внешнем краю (В) и ложбинкой от фигурного среза по краю (Г).

Тип 22/2 – со срезом в горизонтальной плоскости.

Класс 23 – изогнутые венчики схемы V с черновым краем, завернутым внутрь.

Тип 23/1 – венчики с уплощенными валиками черного края. Варианты отличаются ребром по наружной стороне (Б), ложбинкой по внешнему краю (В), выемкой по внутреннему краю

(Г), «заваленным» вниз внешним краем устья (Д), огранкой устья микросрезами (Е). Это один из самых распространенных типов венчиков XIII–XV вв. в разных районах Руси.

Тип 23/2 – венчики с округлыми в сечении валиками чернового края. Варианты отличаются небольшими размерами валика (Б), незамкнутым С-образным валиком (В), срезом или глубокой ложбинкой по внешней стороне чистового края (Г). Венчики этого типа датируются в основном XII (частично и XIII) в. и были широчайшим образом распространены на Руси.

Тип 23/3 – венчики с «единицеобразным» («подтреугольным») оформлением края. Включает вариант Б с сильно заглаженным ребром чернового края. Венчики этого типа получили наиболее широкое распространение в XIV–XVI вв., причем в Москве они доминировали в серой и красноглиняной грубой керамике (по С. З. Чернову) и послужили основой генезиса венчиков типа 3/3-Г красноглиняной гладкой керамики (Чернов, 1991а. С. 24. Табл. 34, 778, 832, 879, 880 и др.; Бойцов, 1991. Рис. 1).

Тип 23/4 – венчики с ребром на конце чернового края в форме шпоры. Варианты отличались ограненным (Б) и заостренным (В) «чистовым» краем. Венчики этого типа были распространены в Верхнем Поволжье во второй половине XII – XIV в. (Малыгин, 1991. Тип VIII, вид 1; Кобозева, 1997. Рис. 1, 26, 27, 31; 2, 33, 37, 50, 55; 4, 74, 75; 5, 92, 94, 98).

Тип 23/5 – изогнутые венчики, черновой край которых оформлен округлыми валиками той же конструкции, что и у типов 3/1 и 13/4 (см. выше).

Класс 24 – изогнутые венчики, черновой край которых завернут наружу и прижат к внешней стороне устья (тип 1). Вариант Б отличается менее сильным изгибом устья. Венчики такой профилировки бытовали в домонгольскую эпоху, наиболее распространены в московском бассейне в XIII–XIV вв. Они соответствуют варианту 3 серой керамики Москвы (по С. З. Чернову) (1991а. С. 24. Табл. 32, 942 и др.).

Класс 25 – изогнутые венчики, имевшие раздвоенный черновой край, один – завернутый внутрь, а другой наружу. Вероятно, первичным был заворот чернового края внутрь, после чего часть глины смещалась наружу, чем достигался выраженный валик-наплыв.

Тип 25/1 – венчики секировидной (грибовидной) профилировки, характерные для севернорусских территорий XII в. (Малыгин, 1991. Тип VI, виды Б-1, Б-2, В-2, В-3; Мокрушин, 2008. Рис. 236, 37–39, 41, 47–50). Варианты (Б, В, Г) отличаются массивностью разных валиков и степенью изгиба шейки.

Тип 25/2 – венчики с вытянутым по вертикали чистовым краем и более оттянутым вниз (чем у типа 25/1) профилированным нижним (внешним) валиком. Такие венчики горшков были распространены в Южной Руси в X–XII вв., и их традиционно называют манжетовидными. Варианты (Б, В, Г) отличаются профилировкой (огранкой, наличием дополнительных ложбинок) валиков.

Класс 26 – венчики конструктивной схемы VI – с шейкой, наклоненной внутрь горшка, и устьем, отогнутым наружу (через резкий перелом профиля), т. е. относящиеся к изогнутым (через излом профиля) венчикам, без деформаций края (тип 1). Вариант Б отличается особенно сильным отгибом устья, принимающим горизонтальное положение.

Класс 27 – венчики той же конструктивной схемы со срезанным краем.

Тип 27/1 – со срезом, перпендикулярным устью. Вариант Б отличается особенно сильно отогнутым устьем, имеющим горизонтальное положение.

Тип 27/2 – со срезом в вертикальной плоскости.

Класс 28 – венчики конструктивной схемы VI с черновым краем, завернутым внутрь горшка.

Тип 28/1 – венчики с уплощенным валиком чернового края (рис. 4). Варианты отличаются срезом (огранкой) чистового края (Б), заглаженным, едва выступающим валиком (В), приостренным внешним краем (Г). В Поочье такие венчики бытовали в основном в XIII в. (особенно широко – в первой половине столетия).

Тип 28/2 – венчики с округлым валиком чернового края, завернутого в трубочку с полостью внутри. Варианты отличаются сплошным валиком (Б), несомкнутым С-образным валиком (В), глубокой ложбинкой по чистовому краю (Г). Венчики этого типа бытовали в XII–XIV вв. по всей Руси.

Тип 28/3 – венчики с «единицеобразным» («подтреугольным») краем, характерные для XIII–XIV вв.

Тип 28/4 – венчики, черновой край которых оформлен округлыми валиками той же конструкции, что и у типов 3/1, 13/4 и 23/5 (см. выше).

Тип 28/5 – венчики с устьем, отогнутым до горизонтального положения. Вариант Б отличается огранкой чистового края.

Класс 29 – венчики конструктивной схемы VI с черновым краем, завернутым наружу (тип 1). Редкая разновидность.

Класс 30 – венчики той же конструкции с секировидным оформлением края (черновой край завернут внутрь и наружу).

Класс 31 – венчики конструктивной схемы VII, с шейкой, отогнутой наружу, и устьем, также отогнутым наружу. В результате образовывалась форма, за которой в литературе закрепилось название «венчика в виде низкой конической воронки» (Равдина, 1991. С. 13. Табл. 9, 5; 11, 2, 3, 4, 6; 15, 4, 16, 3; Розенфельдт, 1968. С. 8). Такие формы бытовали в XII – начале XIII в., являясь разновидностью цилиндрических венчиков. Особенно они характерны для гончарства Северо-Восточной Руси, где составляли до 15% в сборах (Кадиева, 2003. Табл. 4. Рис. 4, 5, 9; 6, 2, 4; 9, 6, 9; 10, 6), причем иногда их высота достигала 1/3 общей высоты горшка (Кадиева, 2007. Рис. 1, 12).

Тип 31/1 – венчики с наклонным устьем. Вариант Б отличается вогнутой профилировкой устья.

Тип 31/2 – венчики, устье которых отогнуто до горизонтального положения.

Класс 32 – венчики той же конструкции со срезанным краем.

Класс 33 – венчики той же конструкции с черновым краем, завернутым внутрь горшка.

Тип 33/1 – венчики с уплощенным валиком чернового края.

Тип 33/2 – венчики с округлым валиком чернового края.

Тип 33/3 – венчики с реберчатым валиком на черновом крае и приостренным чистовым краем. Их профилировка наиболее близка венчикам типа 8/2, относящихся к конструктивной схеме II (см. выше).

Класс 34 – венчики конструктивной схемы VII с черновым краем, завернутым наружу.

Класс 35 – венчики той же конструкции с секировидным краем (не встречены)

Класс 36 – наклоненные внутрь сосуда венчики без деформации края. Характерны для некоторых разновидностей корчаг.

Класс 37 – наклоненные внутрь сосуда венчики с горизонтальным срезом края.

Класс 38 – наклоненные внутрь сосуда венчики с заворотом чернового края внутрь.

Тип 38/1 – венчики с уплощенным валиком чернового края, плотно прижатым к устью.

Тип 38/2 – венчики с выступом-валиком с наружной стороны верхнего края. Вариант Б отличается особенно массивным валиком, достигавшимся сложным изгибом чернового края, аналогичным операции оформления края у венчиков типов 3/1, 13/4 и др. (см. выше).

Класс 39 – наклоненные внутрь сосуда венчики, черновой край которых завернут наружу.

Класс 40 – наклоненные внутрь сосуда венчики с секировидным оформлением края (не встречены).

Класс 41 – наклоненные внутрь сосуда (более 15 градусов отклонения от вертикали) венчики конструктивной схемы IX – шейка наклонена внутрь, а устье отогнуто наружу, без деформаций края.

Тип 41/1 – венчики с наклонным положением устья (вариант Б – с закругленным краем). Этот тип венчиков появился впервые на северо-западе Руси в конце XIV в. (Малыгин, 1991. Тип XI), распространился там в XVI–XVII вв. (Кильдюшевский, 2002. Рис. 4, 7; 5, 4, 6; Рыбакова, 2010. Рис. 5–26), став одним из самых массовых типов оформления края севернорусского горшка.

Тип 41/2 – венчики с горизонтально отогнутым устьем. Варианты отличаются ребром на внешней стороне устья (Б), валикообразным чистовым краем (В), устьем, наклоненным вниз (Г).

Класс 42 – венчики конструктивной схемы IX со срезанным краем (пока не встречены)

Класс 43 – венчики аналогичной конструкции с заворотом чернового края внутрь сосуда

Тип 43/1 – венчики наклонно расположенным устьем.

Тип 43/2 – венчики с горизонтально отогнутым устьем.

Класс 44 – венчики конструктивной схемы IX с заворотом чернового края наружу.

Класс 45 – венчики той же конструкции с секировидным оформлением края (не встречены).

О типологии декора, разработанной для расширенной системы статистической обработки керамики

Описания элементов орнамента в левой колонке типологической таблицы (табл. 6):

- I. Одинарная горизонтальная линия на поверхности сосуда или обломка (на мелких обломках этот элемент не может определяться достоверно), нанесенная инструментом с одним рабочим концом (палочкой).
- II. Серия параллельных линий, каждая из которых нанесена инструментом с одним рабочим концом (рис. 4). В случае горизонтально-концентрического размещения на тулове сосуда эта линия наносилась по спирали, с неравномерными интервалами между витками (как правило, на плечике горшка линии расположены плотно, ниже по тулову они становятся более разреженными). Некоторые исследователи называют такой элемент многорядом. Однако многоряд может быть нанесен как палочкой, так и гребенкой, поэтому данный термин нельзя признать удачным.
- III. Одинарный пояс из параллельных горизонтальных линий, нанесенных гребенкой. Следы гребенки фиксируются по повторяющимся равным интервалам между соседними линиями и строгой параллельности линий в поясе. Пояс мог размещаться концентрически (горизонтально), а также вертикально или диагонально (в виде серии параллельных отрезков).
- IV. Серия поясов из параллельных горизонтальных линий, нанесенных гребенкой замкнутыми кругами или по спирали (рис. 63). В случае вертикального или диагонального размещения такого орнамента на теле сосуда он наносился в виде ряда отрезков, размещавшихся горизонтальными поясами (рис. 64).
- V. Так называемое рифление – сплошное покрытие поверхности стенок сосуда линейным орнаментом (линии расположены очень плотно), когда трудно достоверно установить, каким именно инструментом (палочкой, гребнем) такой орнамент был нанесен. Рифление могло достигаться обоими способами – палочкой или гребнем.
- VI. Пояса из косых крестиков, каждый из которых врезан в стенку сосуда двумя нарезками заостренным инструментом (независимо от плотности размещения этих элементов и количества поясов).
- VII. Сплошная сетка из перекрещивающихся диагональных линий. Особенно часто такой элемент встречается в лощеном декоре.
- VIII. Пологая волна, выполненная одинарной линией (1 пояс). Пологой здесь и далее предлагается называть волну с высотой меньше длины. Волна может размещаться как горизонтально, так и вертикально/диагонально (это замечание справедливо и для следующих элементов IX–XVII).
- IX. Крутая волна, выполненная одинарной линией (рис. 65). Крутой волной здесь и далее предлагается называть волну с высотой больше длины или равной ей.
- X. Крутая волна с заостренными вершинами, выполненная одинарной линией (т. е. палочкой).
- XI. Элемент VIII, размещенный в несколько поясов, независимо от их числа.
- XII. Элемент IX, размещенный в несколько поясов, независимо от их числа (рис. 66).
- XIII. Элемент X, размещенный в несколько поясов, независимо от их числа (рис. 67).
- XIV. Пологая волна, нанесенная гребенкой в один пояс (рис. 68).
- XV. Крутая волна, нанесенная гребенкой в один пояс (рис. 22).
- XVI. Элемент XIV, нанесенный в виде нескольких поясов, независимо от их числа (рис. 13).
- XVII. Элемент XV, нанесенный в виде нескольких (двух и более) поясов (рис. 3; 29).
- XVIII. Незамкнутые окружности и спирали либо пояс из округлых петель (завитков), нанесенных одной линией.
- XIX. Дуговидные фигуры, выполнявшиеся вдавливанием. Другие способы нанесения такого декора не зафиксированы.
- XX. Круги. Наносились в виде ямок штампом или палочкой; ангобом в виде пятен (рис. 12), налепами в виде «таблеток» или «шишечек».
- XXI. Треугольные фигуры. Единственным известным способом их нанесения является штамп в виде зубчатого колесика, оставлявшего на поверхности сосуда вдавленные отпечатки таких фигур.

Рис. 63. Горшок XIV в., украшенный линейным спирально нанесенным орнаментом, выполненным гребенкой – тип 4 (городище Ростиславль)

Рис. 64. Корчага XIV в., украшенная линейным орнаментом, выполненным гребенкой, – горизонтально-концентрическим (по спирали) (тип 4) и поясами из диагонально расположенных отрезков, нанесенных тем же штампом (тип 56) (городище Ростиславль)

Рис. 65. Венчик горшка XIV в., украшенный волнистым орнаментом, выполненным палочкой – тип 7 (городище Ростиславль)

Рис. 66. Горшок второй половины XIII в., украшенный волнистым орнаментом, нанесенным палочкой по спирали – тип 10 (городище Ростиславль)

Рис. 67. Венчик горшка XI в., украшенный волнистым орнаментом, нанесенным палочкой по спирали – тип 11 (селище Сосновка IV)

Рис. 68. Стенка горшка XIV в., украшенная волнистым орнаментом, нанесенным гребенкой – тип 12 (городище Ростиславль)

Рис. 69. Край миски XIV в. и венчик горшка XI в. с отпечатками гребенки – тип 28 (городище Ростиславль, селище Сосновка IV)

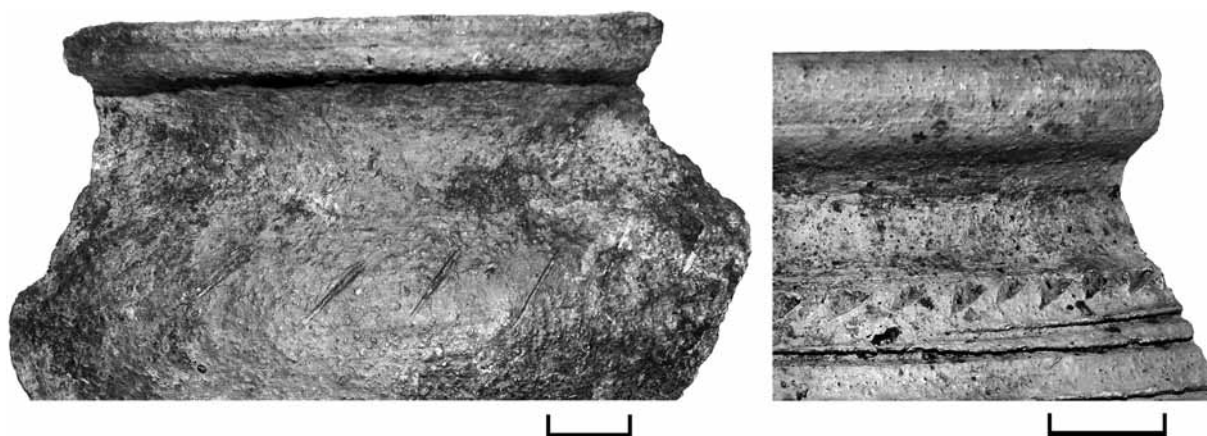

Рис. 70. Венчики горшков XII–XIII вв. с нарезками (орнамент типа 29) на плечике (селище Сосновка IV, городище Ростиславль)

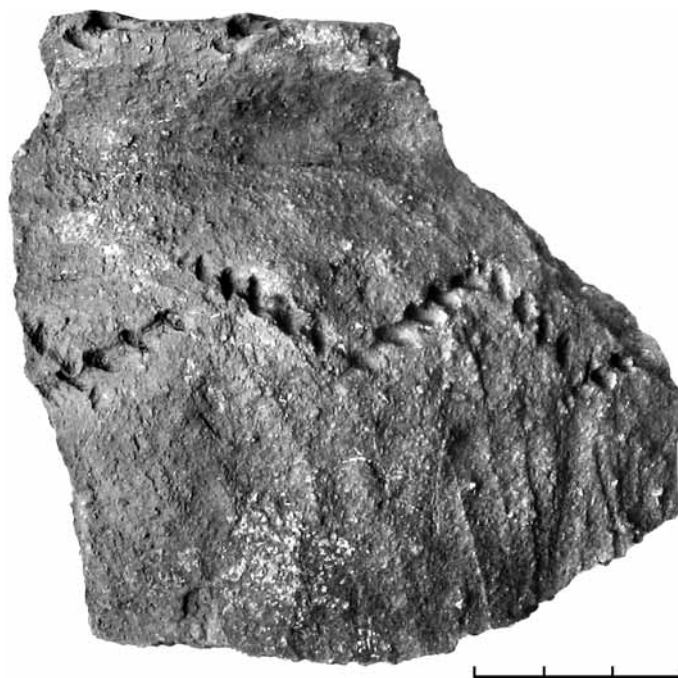

Рис. 71. Обломок лепного горшка с отпечатками гребенчатого штампа «веревочка на палочке» – тип 59 (селище Сосновка IV)

- XXII. Квадратные или прямоугольные фигуры. Единственным известным способом их нанесения является штамп (в том числе в виде зубчатого колесика), оставляющий на поверхности сосуда вдавленные отпечатки (рис. 46; 59).
- XXIII. Параллельные отрезки из мелких точечных вдавлений различной формы. Сами отрезки могут быть вертикальными, диагональными, горизонтальными, но при этом всегда составляют пояса (рис. 69). Такой декор иногда называют «отпечатками многозубой вилки», в действительности это отпечатки гребенки (часто той самой, которой наносился линейный и волнистый орнамент).
- XXIV. Нарезы-насечки в виде поясов из коротких отрезков, выполненных движением заостренного инструмента (ножа или иглы). Нарезы обычно располагаются диагонально (рис. 70), хотя встречаются вертикальные и горизонтальные.

XXV. Зигзаг (ломаная линия) из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 71). Самый распространенный вариант отпечатка оставлял своеобразный инструмент, для которого применяется традиционное наименование «веревочка, намотанная на палочку». Не исключено, что именно так этот штамп и изготавливался.

Этот и последующие элементы XXVI, XXVII, XXVIII применялись преимущественно в декоре лепной раннеславянской посуды, но известны и на раннекруговой (группа I) керамике.

XXVI. Пояс из параллельных наклонных отпечатков штампов, применявшихся для создания элемента XXV (независимо от направления наклона отпечатков).

XXVII. Пояс из косых крестов (или просто диагонально перекрещивающихся отпечатков), выполненных штампами, описанными в элементах XXV и XXVI.

XXVIII. Пояс из «уголков», выполненных двумя отпечатками штампов, описанных в элементах XXV–XXVII.

XXIX. Рисунки самых разных схем (рис. 11). В этом элементе суммированы все возможные рисунки, не разделенные на композиции, поскольку индивидуальные изображения не имеет смысла подвергать статистической процедуре.

Характеристики типов венчиков по типологии, разработанной для сокращенной системы

Условный тип венчиков 1 (**УТВ-1**) – венчики вертикальной постановки (или прямые отогнутые наружу) без заворота чернового края или с заворотом чернового края внутрь сосуда (так называемые цилиндрические и венчики в виде высокой конической воронки)⁷, которые хорошо известны в керамике подмосковных курганов, датируемой XII – началом XIII в. (*Равдина*, 1991. С. 13, Табл. 9, 5; 11, 2, 3, 4, 6 и др.), а также в Москве (*Беляев*, 1991. Табл. 22, 2, 90, 122, 280, 322, 8991; *Чернов*, 1991а. Табл. 27, 2573, 2577; 32, 841), Старой Рязани (*Стрикалов*, 1996. С. 151. Рис. 3, 3, 4), Ростове (*Леонтьев*, *Самойлович*, 1991. Табл. 3, тип 5; *Кадиева*, 1995. Табл. 5, вариант 10 В), Суздале (*Латишин*, 1992. Рис. 1, 2 – тип V), Владимире (*Кадиева*, 2003. Рис. 1, 5, 7, 4, 5, 11), Великом Новгороде (*Олейников*, *Смирнова*, 1992. Рис. 5–7, типы 23–32). Во всех перечисленных местностях горшки с венчиками этого типа являются хроноиндикаторами XI – начала XIII в., а в комплексах, отложившихся позже середины XIII в., такие венчики встречаются уже только в переотложенном состоянии.

УТВ-2 – венчики вертикальной постановки, черновой край которых заворачивался внутрь и уплощался до небольшого валика, находившегося на внутренней стороне венчика вдоль его чистового края⁸. В Москве ранние варианты этих венчиков известны среди красноглиняной керамики XV–XVII вв. (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 2, 1г; *Бойцов*, 1991. Рис. 1, г; *Чернов*, 1991 а. Табл. 49, 2322, 2331, 2482; 1991 б. Табл. 71, 150, 151) и белоглиняной керамики коломенского типа XVI в., характеризующиеся заостренным краем (*Розенфельдт*, 1968. С. 45. Табл. 15, 6 а–б, 8; *Коваль*, 2001. Рис. 3). Поздние (XVII–XVIII вв.) варианты этих венчиков, распространенных в бассейне Оки и Средней Волги, имели округлый край и линейный орнамент на внешней стороне венчика (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 15, 6 в, 16; *Чернов*, 1991 а. Табл. 80, 2540; *Коваль*, 2001. Рис. 3). Изредка неорнаментированные венчики этого типа встречаются среди керамики XIII–XV вв. на обширных пространствах средневековой Руси (*Чернов*, 1991 а. Табл. 43, 2150; 46, 2425; *Виноградская*, 1988. Мал. 3; *Петрашенко*, 1992. Рис. 5, 19, 20).

УТВ-3 – венчики вертикальной постановки, черновой край которых завернут внутрь сосуда, а чистовому краю придана «единицеобразная» форма⁹, которую исследователи московской керамики предпочитают называть «подтреугольной» (*Бойцов*, 1991. С. 39. Рис. 1, г–е). При этом встречаются венчики, у которых валик выражен слабо или полностью заглажен. Характерной особенностью УТВ-3 является некоторая (часто очень заметная) вдавленность устья венчика внутрь сосуда, когда его нижний край оказывается ниже уровня плечиков (*Розенфельдт*, 1968. С. 15, Табл. 2, 1, д–е, 2, нижний ряд). УТВ-3 является хроноиндикатором конца XV – XVI в. и характерен практически только для московских горшков, изготовленных из красножгущихся глин (*Бойцов*, 1991. С. 38).

УТВ-4 – венчики вертикальной постановки, черновой край которых заворачивался наружу. Чистовой край заостренный, округлый или огранный¹⁰. Характерны для белоглиняной керамики гжельского региона XVI в., которую в московском регионе называют белой грубой (*Розенфельдт*, 1968. Табл. 15, 5, 7; *Чернов*, 1991б. С. 52. Рис. 2. Табл. 100, А; 101, Б; 102, Б; 122–126; 127, Б; *Коваль*, 2001. С. 98. Рис. 1, 20). Свое происхождение такие венчики ведут от керамики черниговской земли (*Коваль*, 2001. С. 99, 100). К северу и востоку от Москвы (в том числе в Твери, Владимире, Ростове и др. городах) они практически неизвестны.

УТВ-5 – изогнутые и отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут внутрь сосуда, а чистовому краю придана «единицеобразная» («подтреугольная») форма¹¹. Подобные венчики были присущи ранним (XIV–XV вв.) разновидностям московской красноглиняной керамики, прямым предшественникам УТВ-3 (*Бойцов*, 1991. С. 35, 36. Рис. 1, б–в; *Розенфельдт*, 1968. С. 14), но встречаются как среди более ранней, курганной (*Равдина*, 1991. Табл. 15, 3; 16, 1, 3; *Беляев*, 1991. Табл. 25, 70, 84, 599) и так называемой серой (*Чернов*, 1991а. Табл. 30, 884, 885, 783; 31, 999, 1047, 1048), так и более поздней (XVI–XVII вв.) керамики. Венчики аналогичной профилировки были распространены и за пределами московского бассейна с XII по XV в. (*Малыгин*, 1991. Рис. 5, 6, 10а – типы 7, 8; *Кадиева*, 1995. Табл. 5, варианты 9 А–Ж; *Кобозева*, *Дашкова*, 1996. Табл. 6, 15; 10, 1).

⁷ Соответствуют типам 6/17, 8/2, 8/3, 33/1, 33/2 расширенной системы.

⁸ Соответствует типам 3/3 и 3/4 расширенной системы.

⁹ Соответствуют типам 2/1, 3/3 (вариант Г), 3/4 (вариант Г) расширенной системы.

¹⁰ Соответствует типам 4/1 и 39/1 расширенной системы.

¹¹ Соответствует типам 13/3, 23/3 и 28/3 расширенной системы.

Особым вариантом (УТВ-5а) этой профилировки являлись венчики, у которых черновой край оформлялся в виде резко профилированного ребра (иногда называемого шпорой)¹². Подобные венчики были распространены в Верхнем Поволжье во второй половине XII – XIV в. и в Москворечье попадали в качестве импорта.

УТВ-6 – изогнутые и отогнутые наружу венчики без следов заворота чернового края, т. е. со скругленным, заостренным или срезанным чистовым краем¹³, существовавшие во все хронологические периоды, но особенно широкое распространение получившие в XV–XVII вв.

УТВ-7 – изогнутые в наружную сторону (сильно профилированные) венчики, черновой край которых заворачивался внутрь сосуда и деформировался в уплощенный валик. В результате чистовой край имел обычно подовальное сечение, иногда он подвергался огранке срезами¹⁴. Венчики этого типа характерны для керамики Москвы XIII–XIV вв. – красноглиняной грубой и серой керамики варианта I (по С. З. Чернову) (1991а. С. 24. Табл. 32, 734, 737, 779, 881, 941, 944, 946), серой грубой группы II (по Л. А. Беляеву) (1991. С. 17. Табл. 25, 413, 520, 519, 525, 600), равно как и Старой Рязани (Стрикалов, 2003. Рис. 1, 3), Среднего Поднепровья (Блажевич, 1992. Рис. 9, 4), хотя существовали они и в более ранний период (Равдина, 1991. Табл. 7, 6, 14, 2, 16, 4; Блажевич, 1992. Рис. 5, 3–7; Кадиева, 2003. Рис. 4, 1, 3, 7, 1, 4, 7, 9). В предмонгольскую и золотоордынскую эпохи такие венчики бытовали во всех русских землях.

УТВ-8 – изогнутые в наружную сторону (сильно профилированные) венчики, с черновым краем, завернутым внутрь и оформленным в виде ярко выраженного валика округлого сечения¹⁵. Венчики такой профилировки характерны для керамики подмосковных курганов (Равдина, 1991. Табл. 6; 8, 2–5), составляя общерусский тип домонгольской эпохи (XII – первой трети XIII в.) (Беляев, 1991. Табл. 21, 71, 93, 229/510; 23, 63, 225, 128; Чернов, 1991а. Табл. 27, 2570, 2587; Кадиева, 2003. Рис. 4, 2, 4; 5, 3, 7, 8; 11, 2, 3, 5, 6; 12, 1, 2, 6, 9).

К особому варианту (УТВ-8а) данного типа отнесены венчики так называемого секировидного сечения¹⁶, широко распространенные на северо-востоке Руси в XII – начале XIII в. (Равдина, 1991. Табл. 9, 4; 10, 2, 3; Беляев, 1991. Табл. 21, 50, 124, 338, 601; 23, 129, 339; Чернов, 1991а. Табл. 27, 2571, 2572, 2574; 30, 981, 982; 32, 584, 705; Кадиева, 1995. Табл. 5, вариант 8; 2003. Рис. 1, 6; 5, 2; 10, 5; 12, 5).

УТВ-9 – венчики, изогнутые в наружную сторону, черновой край которых также завернут наружу, а чистовой край имеет обычно овальное сечение¹⁷. Венчики этого типа характерны для «серой» керамики Москвы и Подмосковья XIII–XIV вв. (Чернов, 1991а. С. 24. Табл. 30, 638; 52, 1004; 55, 1920, 1928, 2021, 2022, 2027, 2105; Коваль, 2004а. Рис. 49). В других регионах средневековой Руси подобный тип венчиков также известен, но встречается редко.

УТВ-10 – венчики горшков подшарообразной профилировки, наклоненные внутрь сосуда. Устье этих венчиков оформлено в виде валика и в ряде случаев слегка отогнуто наружу¹⁸. Подобная профилировка венчиков появляется в Москве и Подмосковье в XVI в. (Чернов, 1991б. С. 53. Табл. 128, 546, 547, 563, 564, 602, 624; 129, 421, 427, 428, 430, 453, 456, 494) и встречается в комплексах XVII–XIX вв. Происходит же она, несомненно, из керамической традиции Северо-Западной Руси (Бойцов, 1999. С. 160–162. Рис. 5, 6), находя аналогии в материалах Великого Новгорода, Пскова, Торжка, Твери (Малыгин, 1991. Тип XI; Кильдюшевский, 2002. Рис. 4, 7; 5, 4, 6; Рыбакова, 2010. Рис. 5–26).

УТВ-11 – венчики вертикальной постановки с валиками на внешней стороне чистового края, образованными сложным заворотом чернового края внутрь. Соответствуют типу 3/1 расширенной системы. Были распространены в Поочье в XIII–XIV вв., но встречаются и в других районах Руси.

УТВ-12 – срезанные изогнутые венчики¹⁹, свойственные раннекруговой керамике X–XI вв.

УТВ-13 – так называемые манжетовидные венчики²⁰, характерные для керамики Южной Руси X–XII вв.

¹² Соответствует типам 13/6, 18/3 и 23/4 расширенной системы.

¹³ Соответствуют классам 11, 12, 21, 22, 26, 27 расширенной системы.

¹⁴ Соответствует типам 18/1, 23/1, 28,1 расширенной системы.

¹⁵ Соответствует типам 18/2, 23/2, 28/2 расширенной системы.

¹⁶ Соответствует классам 15, 25, 30 расширенной системы.

¹⁷ Соответствует классам 14, 19, 24, 29 расширенной системы.

¹⁸ Соответствует классам 38, 41, 43 расширенной системы.

¹⁹ Соответствует классам 12 и 22 расширенной системы.

²⁰ Соответствует типу 25/2 расширенной системы.

Литература

- Арсланова Ф. Х., Ковалец Ю. А., 1991. Посуда кривичей Избрижя // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.
- Беляев Л. А., 1991. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // МК. М.
- Блажевич Н. В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.
- Бобринский А. А., 1987. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.
- Бойцов И. А., 1999. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнезниковского переулкa (Москва) // РА. № 1.
- Борисов Б., 2002. Керамика и керамично производство през XI–XII век (от територията на днешна югоизточна България) // Марица изток археологически проучвания. Т. 6. Раднево.
- Виноградська Л. І., 1988. До питання про хронологію середньовічної кераміки з Новгород-Сіверського // Археологія. № 61. Київ.
- Воеводский М. В., 1936. Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // По трассе I очереди Московского метрополитена. М. (Изв. ГАИМК. Вып. 132).
- Генинг В. Ф., 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев.
- Гончар В. М., 1993. Археологічні дослідження колишнього митрополичого саду Києво-Печерської Лаври у 1987–1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. К.
- Кадиева Е. К., 1995. Круговая посуда Ростова конца X–XIII веков: классификация, орнаментация, хронология // Сообщения Ростовского музея. Ростов. Вып. VIII.
- Кадиева Е. К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22 // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Кадиева Е. К., 2007. Древнерусская круговая керамика Ярославля XII – середины XIII века: морфология и орнаментация (по материалам Успенского раскопа) // Археология: история и перспективы. Ярославль.
- Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Кобозева Е. В., 1997. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле // ТТЗ. Вып. 2. Тверь.
- Кобозева Е. В., Дашкова И. А., 1996. Керамическая коллекция из комплекса второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв. на территории Затьмацкого посада г. Твери // ТТЗ. Вып. 1. Тверь.
- Коваль В. Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Тр. МИГМ. Вып. 9.
- Коваль В. Ю., 1997. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // ТТЗ. Вып. 2. Тверь.
- Коваль В. Ю., 1999. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // ТТЗ. Вып. 3. Тверь.
- Коваль В. Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь.
- Коваль В. Ю., 2003. Новые данные о древнерусской керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.
- Коваль В. Ю., 2004а. Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. М. (Тр. ПЭ. Т. 2).
- Коваль В. Ю., 2004б. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.
- Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула.

Коваль В.Ю., 2008. Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмоскowie) // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М.

Коваль В.Ю., 2009а. Археологическая керамология в России (эпоха средневековья) // АП. Вып. 5. М.

Коваль В.Ю., 2009б. Хронологическая стратификация памятника методами керамологии (на примере селища Мякинино-1) // АП. Вып. 5. М.

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.

Кренке Н.А., Лопатина О.А., 2008. Городище Боровский курган // АП. Вып. 4. М.

Латишин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., 1991. Керамика Ростова X–XIII веков // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь.

Лопатина О.А., 2005. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // РА. № 3.

Майорова Е.В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3. М.

Майорова Е.В., 2012. Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I) // АП. Вып. 8. М.

Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Мокрушин М.Л., 2008. Керамика Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.

Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Олейников О.М., Смирнова Г.П., 1992. Хронология некоторых типов новгородской керамики X–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.

Панченко К.И., 2008. Археологические исследования в подмонастырской слободке города Дмитрова и керамические комплексы XVI–XVII веков // АП. Вып. 4. М.

Петрашенко В.А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.

Поздняков В.С., 1992. Развитие керамики древнерусского Клецка // Древнерусская керамика. М.

Полубояринова М.Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.

Полюлях А.А. Комплекс позднесредневековой керамики XV–XVI вв. городища Боровский курган: опыт формализованно-статистической обработки // АП. Вып. 8. М.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. Древности Московского Кремля. М. (МИА. № 167).

Равдина Т.В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмоскowie // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е1–39).

Русаков П.Е., 2012. Исследования керамики селища Жокино 1 // АП. Вып. 8. М.

Рыбакова О.Е., 2010. Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери // ТТЗ. Вып. 6. Тверь.

Сидоров В.В., 1998. Рецензия на книгу Ю.Б. Цетлина «Периодизация неолита Верхнего Поволжья» // РА. № 1.

Стрикалов И.Ю., 1993. Метрика древнерусских горшков Рязанской земли // Древние памятники Окского бассейна. Рязань.

Стрикалов И.Ю., 1996. Хронология керамики и культурный слой Южного городища Старой Рязани // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань.

Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее окружи // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Сыроватко А. С., 2000. К вопросу о хронологии текстильной керамики памятников устья Москвы-реки//РА. № 4.

Сыроватко А. С., 2009. Юго-Восточное Подмоскowie в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.

Фоломеев Б. А., 1998. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки//Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань.

Хлебникова Т. А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. М.

Цетлин Ю. Б., 1991. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.

Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит центра русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. М.

Черкасов В. В., 2004. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Черкасов В. В., 2005а. Домонгольские традиции гончарного производства Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII вв.)//Великое княжество Рязанское. М.

Черкасов В. В., 2005б. Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху)//АП. Вып. 2. М.

Чернай И. Л., 1993. Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики//Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола.

Чернай И. Л., 2002. Текстиль и керамика как совокупность древних технологий//Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Т. 1. Тула.

Чернов С. З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв.//МК. М.

Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв.//МК. М.

Чернов С. З., 2003. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса//Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.

Список сокращений, принятых при обработке керамики по расширенной системе (легенда к Формам 1–4)

БГК – белоглиняная керамика

ГР – группы I, II, III (по уровню РФК)

ДОП – дополнительная обработка поверхности

КВО – керамика восстановительного обжига

КВОО – керамика восстановительно-окислительного обжига

КГК – красноглиняная керамика

КОО – керамика окислительного обжига

КПГ – керамика переходной группы (светлоглиняная)

НПО – неполный обжиг

НПЦГ – не проявленный цвет глины

ПО – полный обжиг

ПЦГ – проявленный цвет глины

ФМ – формовочная масса.

Форма 1. Таблица статистики керамического материала по расширенной системе.

[illegible]

Форма 2. Дополнительная таблица статистики керамического материала Среднего и Нижнего Поочья XVI–XVII вв. (по расширенной системе).

[illegible]

[illegible][illegible]

[illegible][illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Пример заполнения формы 3.

ОБРАЗЕЦ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ КЕРАМИКА ИЗ ЯМЫ 7	КЕРАМИКА БЕЗ ПОЛИВЫ													
	Тесто с примесью дресвы					Тесто с примесью только песка								
	серого цвета на поверхности или изломе	красного, розового, коричневого, бурого цвета на поверхности		белого цвета на поверхности	черного цвета на поверхности и изломе	серого или коричневого цвета в изломе, серого или черного цвета на поверхности		красного (коричневого, бурого) цвета на изломе				белого или желтого цвета на поверхности и изломе		
		с крупной дресвой	с мелкой дресвой			без лощения	с лощением	с белой поверхностью (ангобированная)			с красной поверхностью		без росписи	с росписью
								белые пятна ангоба	без красной росписи	с красной росписью	без лощения	с лощением		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Всего керамики: (штук)				25	1						20	62	14	
в % к общему итогу				7,7	0,3						6,1	19	4,3	
Днища всего:				1							5		2	
в том числе: тип 1														
тип 2														
тип 3										2		2		
тип 4										3				
тип 5				1										
Венчики всего:				4	1						5			
в том числе: тип 1														
тип 2														
тип 3														
тип 4														
тип 5										1				
тип 6				3							1			
тип 7										2				
тип 8				1						1				
тип 9				1										
тип 10														
Корчаги														
Крышки от горшков														
Миски														
Кастрюльки														
Кувшины											4			
Кубышки														
Плошки, светильники														
Сковороды														
Кружки														
Обломки с орнаментацией всего:				8							2	12		
линейная орнаментация										1	7			
а) разреженный										1	7			
б) плотный														
волнистый орнамент				8							1			
отпечатки штампа											3			
нарезы											1			
ямочный орнамент											1			

КОМПЛЕКСЫ	ВСЕГО ОБ-ЛОМКОВ		ДНИЩА ГОРШКОВ																КРАЯ и ВЕНЧИКИ ГОРШКОВ												
																			в т.ч. ТИПЫ ВЕНЧИКОВ								ВСЕГО				
	шт.	%	ВСЕГО	в том числе типы																вертикальный край	1/2	2/3	11/1	12/1	21/1	22/1	36/1	37/1	из них с сетчатыми отпечатками по краю / по внутренн. стороне венчика		
				2	4	5	6	8	11	12	13	14	15	16	17	18															
ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА																															
Штрихованная керамика	6	0,8																													
Тип ФМ 2.7.	3		1										1																		
Тип ФМ 2.8.	2																														
Тип ФМ 2.13.	1		1										1																		
Рогожная кер. (тип ФМ 2.7.)	1																														
Сетчатая кера- мика	179	23,6																													
1) Нитчатая	67	8,8																													
Тип ФМ 2.7.	49		2										2				7	4	2							1			4/-	2	
Тип ФМ 2.8.	17																														
Тип ФМ 2.13.	1																														
2) Крупноряб- чатая	16	2,1																													
Тип ФМ 2.8.	15		1	1													2	1			1								1/1		
Тип ФМ 2.9.	1																1								1				1/1		
3) Мелкоряб- чатая	96	12,7																													
Тип ФМ 2.5.	1																														
Тип ФМ 2.6.	2																														
Тип ФМ 2.7.	25																4		3						1				4/1		
Тип ФМ 2.8.	68																9	2			4				3				6/6	2	
Гладкостенная керамика</																															

[illegible]

Пример заполнения формы 4. (Окончание.)

КОМПЛЕКСЫ	ВСЕГО ОБ-ЛОМКОВ		ДНИЩА ГОРШКОВ																КРАЯ И ВЕНЧИКИ ГОРШКОВ																
																			в т.ч. ТИПЫ ВЕНЧИКОВ																
	шт.	%	ВСЕГО	в том числе типы																ВСЕГО	вертикальный край	1/2	2/3	11/1	12/1	21/1	22/1	36/1		37/1	из них с сетчатыми отпечатками по краю / по внутренн. стороне венчика	ВСЕГО			
				2	4	5	6	8	11	12	13	14	15	16	17	18																			
Тип 1 (тип ФМ 2.3)	13			1	1																														
Тип 2 (тип ФМ 2.3)	20		1															1	3					2	1										
Тип 4	91																																		
Тип ФМ 2.1.	45		1	1															11				7	2		2									
Тип ФМ 2.7.	46		3	3															4					1		2	1							5	
Ошлакованная	60		1	1															5				2	1		2								1	
Неопределимая	17																																		
Тип ФМ 2.8.	14																																		
Тип ФМ 2.14.	3																																		
ИТОГО	758	100																																	
в т.ч. диаметры (в см):																																			
10				2				1							2																				
12				1				1						1								1													
18																							3												

[illegible]

Список сокращений

АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АКР – Археологическая карта России
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмоскovie: материалы научного семинара
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСК – Археологическая служба г. Коломны
БГОКМ – Брянский Государственный объединенный краеведческий музей
БСВ – Балтийская система высот
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВДИ – Вестник древней истории
ВИА – Военно-исторический архив
ВХНРЦ – Всероссийский Художественный Научно-Реставрационный Центр имени академика И. Э. Грабаря
ГАЗ – Гистарычна-археалагічны зборнік
ГИМ – Государственный исторический музей
ГНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Москва)
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук
ИГЕМ РАН – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии
ИЗ – Исторические записки
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
КГПИ – Коломенский государственный педагогический институт
КОКМ – Калужский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ – Московская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
МИРМ – Музей истории и реконструкции города Москвы
МК – Московская керамика: новые данные по хронологии
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований ИА РАН
ПАЭ – Подмосковная археологическая экспедиция ИА РАН
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПЭ – Подмосковная экспедиция ИА РАН
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИБ – Русская историческая библиотека
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел
СПБII РАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ТЯГУАК – Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии
ЦАИ – Центр археологических исследований
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦГАМО – Центральный государственный архив Московской области
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости
ЕАА – European Association of Archaeologists

Сведения об авторах

- Авдеев Александр Григорьевич* – Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва
Александровский Александр Леонтьевич – Институт географии РАН, г. Москва
Алексеев Алексей Викторович – Институт археологии РАН, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, г. Звенигород (Московская обл.)
Андрянов Иван Михайлович – Институт археологии РАН, г. Москва
Баранов Николай Анатольевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Борисов Александр Владимирович – Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения, г. Пущино (Московская обл.)
Васильева Елена Евгеньевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Векслер Александр Григорьевич – Комитет по культурному наследию г. Москвы
Вишневский Владимир Игоревич – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад Московской обл.
Воронцов Алексей Михайлович – Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», г. Тула
Глазунова Ольга Николаевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Гольева Александра Амуриевна – Институт географии РАН, г. Москва
Гусаков Михаил Георгиевич – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
Добровольская Мария Всеволодовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Дубровин Геннадий Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Ершов Иван Николаевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Ершова Екатерина Георгиевна – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Зейфер Владимир Александрович – Институт археологии РАН, г. Москва
Кабатов Сергей Александрович – Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
Кобозева Елена Викторовна – Тверской государственный объединенный музей-заповедник, г. Тверь
Коваль Владимир Юрьевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Кренке Николай Александрович – Институт археологии РАН, г. Москва
Курмановский Владимир Сергеевич – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
Леонтьев Андрей Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Лихтер Юлия Абрамовна – Комитет по культурному наследию г. Москвы
Мазурок Оксана Ивановна – Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Переславль-Залесский (Ярославская обл.)
Медведь Александр Николаевич – Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
Медникова Мария Борисовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Миненко Владимир Владимирович – Институт археологии РАН, г. Москва
Модин Роман Николаевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Новоселова Татьяна Николаевна – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, г. Сергиев Посад (Московская обл.)
Олейников Олег Михайлович – Институт археологии РАН, г. Москва
Осипов Дмитрий Олегович – Государственный исторический музей, г. Москва
Орфинская Ольга Вячеславовна – Институт культурного и природного наследия, г. Москва
Панин Андрей Валерьевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва
Панченко Константин Иванович – Институт археологии РАН, г. Москва
Патрик Галина Константиновна – ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва
Полюях Анатолий Александрович – Музей истории Москвы, г. Москва
Потемкина Ольга Юрьевна – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)
Прошкин Олег Леонидович – Калужский областной краеведческий музей, г. Калуга
Пуцко Василий Григорьевич – Калужский областной художественный музей, г. Калуга
Рассказова Анна Владимировна – Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
Решетова Ирина Константиновна – Институт археологии РАН, г. Москва
Русаков Павел Евгеньевич – Институт археологии РАН, г. Москва

Самойлович Наталья Георгиевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Свиркина Наталья Геннадьевна – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр»,
г. Коломна (Московская обл.)
Сидоров Владимир Владимирович – Институт археологии РАН, г. Москва
Соболь Валентин Енисеевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Столяров Евгений Васильевич – Калужский государственный педагогический университет
им. К. Э. Циолковского, г. Калуга
Столярова Екатерина Карленовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Супренков Александр Анатольевич – Институт археологии РАН, г. Москва
Сыроватко Александр Сергеевич – Муниципальное учреждение «Коломенский археологический центр»,
г. Коломна (Московская обл.)
Ткаченко Владимир Алексеевич – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Трошина Алла Андреевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Фатьков Алексей Михайлович – Институт археологии РАН, г. Москва
Федоров Владимир Владимирович – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Федорова Людмила Ивановна – Музей ремесла, архитектуры и быта, г. Калуга
Шведчикова Татьяна Юрьевна – Институт археологии РАН, г. Москва
Шишков Василий Александрович – Институт географии РАН, г. Москва
Энговатова Ася Викторовна – Институт археологии РАН, г. Москва
Яганов Андрей Викторович – Институт археологии РАН, г. Москва

Научное издание

Археология Подмосквья. Выпуск 10
Материалы научного семинара

Верстка: В. Б. Степанов
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова

Подписано в печать 17.02.2014
Формат 60х84/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 67,0. Уч.-изд. л. 72,9.
Тираж 300 экз. Заказ № 28.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-161-5

